

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

БЫЛИНЫ М.С. КРЮКОВОЙ

ТОМ ВТОРОЙ

ЗАПИСАЛИ И КОММЕНТИРОВАЛИ
Э. БОРОДИНА и Р. ЛИПЕЦ

СТАТЬЯ Р. ЛИПЕЦ

РЕДАКЦИЯ

АКАД. Ю. СОКОЛОВА

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

366968.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

ЛЕТОПИСИ

КНИГА ВОСЬМАЯ

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ
ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧА

М О С К В А

★

1 9 4 1

М. С. КРЮКОВА; 1940 г.

№ 62. ПРО БОРИСА ИВАНОВИЧА (ДАНИЛО ЛОВЧАНИН)

- А и как же было же у нас же вот на светой Руси,
А как ведь и жил князь Борис Иванович,
А и верьной друг-товаришш был князю Владимиру;
А и гоңи вместилах-то с ним в ученьици училисе,
5. А гоңи вместилах-то с ним на поезьдках-то были славных
богатырьских-то.
А и как ведь и много-то он сделал-та дельшка хорошего,
А и много раз избавил Киев он от погибели,
А и гон избил-то, прирубил силы неверною.
А и за его ли всё за служебку за верную,
10. А и за подвѣги-ти за славы богатырьские,
А и как давал-то князь ведь и Владимир клятву великую
А и до могилушки прожить в дружбы согласную;
А и по старинному-ту было, скажом, присказаньицу,
А и шшо кладут многи такú клятву великую,
15. А и не каждой-то ету клятву выстаивают.
А и во ту пору, во сáмо вот во времечко,
А и когда ездил князь Борисушко в темных лесах,
А и во темных лесах ведь и ездил он во Дбньских-то,
А и как во гавань-ту пришли же чбрны кáрабли,
20. А и чбрны кáрабли пришли йиз-за морюшка Арабского,
А и заходили ети кáрабли во Киев-град,
А и как ко пристани они к славной кнеженескою.
А на караблях-то шол-пришол да всё за старшого
А ишше тот ли всё Васька Торокашков сын,
25. А и Торокашков-то Васька сын Володьевич.
А и во ту пору, во то же, скажом, времечко
Собирал-то князь Владимир он почесён пир,
А и вот почесён он же пир да, князь, весёлой стол.
Э и зазывал на пир ведь и всех же князей-ббьяров,
30. А и созывал на пир ведь и русьских-то богатырей,
А и приглашал на пир премладых-тых чудных рыцарей,
А и приглашал на пир купцей, гостей торговых он,
Собирал на пир хресиян же всех прожитосних,
А и собирал на пир ведь и чорных всех же пахарей,
35. А и собирал на пир рыболовов-тих из разных рек,
А и как из разных йих же рек да йиз морей же йих,
А и созывал на пир премладых карабельшичков,
Созывал на пир со старого всех до малого.

- Не ясьны́-ти птици-соколы слетались,
 40. Дóбры мóлодци богáтыри съезжались;
 Скоро-скоро кнеженеськи свѣтлы гривины
 Они народом-то, людьми да принаполнились.
 Их стречал-то князь да низко кланелса,
 Проводил-то гостей во гривины столовыя,
 45. Садил-то йих за столички окольныя,
 На скамеечки-та рыта бархата,
 За скатерти за бранныя,
 За кушанья за разныя,
 За водочки за медовыя.
 50. Тут ведь и стали-то гости кушати,
 Бѣлу-ту лебѣдушку стали рушати.
 Тут чого было не наношено,
 Тут чого было не накладено, —
 Нельзя думушку бы́ла подумати.
 55. Заиграли тут арфы всё ипромыя,
 Забречели тут струночки золочѣныя,
 Заиграли тут гусли весѣлыя.
 Весѣлой-от пир шол очунь навѣсели,
 Светлой день-от шол на ясени;
 60. Красно солнушко пошло у нас ко западу,
 На пиру у князя все развеселилися,
 Росшутились, разговорились, —
 Богáтыри захвастали своей силой богатырьскою,
 А рыцари славныма подвѣгами молодецькими,
 65. Князь-бóяра наукама премудрыма,
 Купци-ти захвастали золотой казной,
 Как хрестьяна-ти прожитосьны светой верою,
 Светою верою православною,
 А чóрны пахари-ти захвастали трудом своим,
 70. Рыболовы-ти захвастали разной ловлей своей рыбною,
 Млáды-ти корабельшички со матросами,
 Они захвастали дальним плаваньем всё приморским же.
 Князь Владимир на йих ходил да всё поглядывал,
 Он поглядывал да всех высматривал;
 75. Когда гости вси перешутилисе,
 Перешутилисе, переговорилисе,
 Они все да призамолкнули,
 Призамолкнули, призагунули,
 Говорил-то князь Владимир таковы речи
 80. Со весѣлой йим да со улыбкою:
 «Уж вы ой еси, да гости званые,
 Гости званые да усажóные,
 Усажóные да угошóные!
 Вы теперица посидите-тко,
 85. Вы послушайте меня, князя Владимира,
 Все со старого да вплоть до малого.
 Вот поетому-то я пир сбирал,
 Во пиру-то я во весѣлом же,
 В пированьицы да очень в чудном же, —
 90. Вся дружиночка да слáвна киевська,
 Они хотят меня, князя, поженить скорó.
 У меня невеста-та ни присмотрена,
 Не присмотрена да не пригляжена,

- Выбирайте мне да всё обручницу,
 95. Чтобы была она да ума полного,
 А рассудку-ту была она не слабого,
 Чтобы было мне кому да покориться,
 Покориться да поклонитисе,
 Чтобы было кого да йимемъ же звать.
100. А звеличать-то надоть по отечесъву,
 Чтобы могла да жить кнегиною,
 Всёму миру кнегиной-матушкой».
 Скоро гости-ти да призагунули,
 Призагунули-призамолкнули,
105. Скоро все да утулилисe.
 Говорил-то князь Владимир да во первьой же раз,
 Возговóрил да князь Владимир во другой же раз,
 Говорил да князь Владимир в третей же раз.
 Из-за того ли из-за столИчка середнего
110. Тут ставал-та дородний доброй мóлодецъ,
 Как карабельшшик Васька Торокашков сын,
 Торокашков сын Васька всё Володьевич,
 Ставал он да на резъвы ногй,
 Со весёлою улыбкой рець говóрил же:
115. «Уж ты, ласковой Владимёр князь стольнокиёвской,
 Уж я знаю тебе всё ведь сужену,
 Всё ведь сужену тебе да ряжену,
 Не девицю-ту тебе да не вдовицю же:
 Она есь жона да мужняя
120. У того ли у князя у Бориса у Иваныча,
 У Бориса у Иваныча во городи в Чернигори.
 У ей личико порошка снёжку белого,
 Егодиночки в лици да занимаются,
 А румянецъ в лици да родовой всегда,
125. У ей очи-ти ясны очень весёлые,
 Будто у сокола перелётного,
 У перелётного заморьского,
 У ей брови-ти чёрна соболя,
 Чёрна соболя со Буяна, слáвна острова,
130. У ей походочка-та павиная,
 Тйха речь-та лебединая».
 Возговóрил тогда Владимир князь,
 Владимир князь да славнокиевской:
 «Уж ты ой еси, Васька Торокашков сын,
135. Торокашков сын да всё Володьевич,
 Ты откуда такй законы взял,
 С кем ты, Васька, да думу думал же?
 С кем ты речи такй говóрил же?
 У нас нет таких законов в славном Кийиви,
140. Не прописано было в Чернигори,
 Что у жива мужа жона отнять некак нельзя».
 «Это чудо-то не дивноё да и не чудноё,
 Во странах-то всё заморьских же
 У йих давно законы такй сделаны:
145. На трёх жонах жениться обязатёльнё;
 И там не запрещшается,
 У живого мужа жона да отбираетса».
 Возговóрил тогда Владимир князь:

- «Пускай бѹдетъ, Васька, только по твоѹму,
 150. Ты устрой да закон новой же!
 Уж ты где знашь такую красавицу, жону мужнюю?»
 «Как красотка-та, жона мужняя,
 Она во городи во Чернигори
 У князя-то у чернигорьского,
 155. Как его да молода жона,
 Ишшо та ли Василиса дочь Микулисня».
 «Уж ты ой еси, да Васька Торокашков сын,
 На Борисушка-та мне посягнуть некак нельзя,
 Мы дружья-то были верны, вси товаришии,
 160. Клали заповедь-ту великую богатырьскую,
 Чтобы друг друга не обидити,
 Жить ведь верныма до гробу же».
 «Не бойса ты, Владимир князь, да не страшись того,
 Эта не ты да виноват бѹдѣшь,
 165. Это я да всё во всѣм же ведь виноват буду.
 А с меня-то ведь, с Васьки, взять бѹдетъ нечего,
 Я ведь скроюсь, уйду на чернѣных больших кáраблях за морюшко».
 Говорил ёму Владимир князь да стольнѣкиевской:
 «Уж ты ой еси, Васька Торокашков сын,
 170. Не отобратъ тебе бѹдетъ у Борисушка молодой жоны, —
 Борисюшко Иваныч силушкой очень сйльнѣй же».
 Возговóрит Васька Торокашков сын:
 «Уж ты ой еси, Владимир князь да стольнѣкиевской,
 Мы подыдемся на мудрость на великую:
 175. Ты пошли-ко своих да скоро верных слуг,
 А с йимá-то напиши да скору грамоту,
 Скору грамоту да скорописчату,
 Не на прóстенкой пиши-ка на бумажечке.
 Не простым-ко пиши чернилом же,
 180. Ты пиши-ко-се по рыту всё по бархату,
 Как ведь чистым-то пиши-ка красным золотом,
 Ты зови-ко князя к себе на пированьицо,
 На весѣло зови на столованьицо».
 Тут ведь слушал князь Владимир васькиного повеленьица,
 185. Он садился скоро на свой княженеской стул,
 От писал он скору грамотку
 От по рыту-ту он по бархату,
 Писал чистым-то красным золотом:
 «Добро жаловать, князь чернигорьский,
 190. Как Борис-от свет Иванович,
 Приезжай-ко-се в славной Киев-град,
 Я хочу с тобой повидатисе,
 Повидатьсе, поговорить с тобой.
 Много-много везде ты еживал,
 195. Ты везде да много видывал,
 Собираю-ту я пир на радости
 Для твоѣго-то всё приезду богатырьского,
 Я хочу посидеть с тобой да в заседаньицы,
 В заседаньици, при рассужжаньици».
 200. Написал-то князь да скору грамоту,
 Написал да запечатал же,
 Отсылал-то скорым йрлычком;
 Отослал-то он двух своих богатырей:

- Отсылал-то он Ваську сына боярского,
 205. Отсылал-то он Ваню-то Залёшанина, —
 Уезжали тут скоро русьския богатыри.
 Когда богатыри-ти уехали,
 А Васька-то князю-то Владимиру говорить же стал:
 «Уж ты, ласковой Владимёр стольнекиевской,
 210. Ты накинь-ко на князя на Бориса службу-ту великую:
 Пускай съездит он на славной остров на Буян же,
 Он пушшай упромышлят на острове на Буяни-то
 Страшного зверя-то аканишца, —
 «Этот мех-то пойдёт мне на шубочку на тёплую,
 215. А ягб серцо-почки-ти на пиру да будём кушати».
 Многи ездили дородни добры мблодцы,
 Русьские могучие богатыри,
 Ездили и млды чудны рыцари,
 А простого-то народу числа-сметы нет, сколько переездило,
 220. Но нехтб же не мог достать его;
 Так и думаю, што не достать будёт
 Князю-ту Борисушку Йиванычу,
 Его съест, сглонёт зверь да страшной-от».
 Тут ведь князю Владимиру речи приглянулисье,
 225. Наливал он чарочку золочёную зеленá вина,
 Подносил-то Ваське, низко кланелсе,
 Втору чарочку да пива пьяного,
 Третью чарочку напитоцьку медового.
 Он дарил ёго да красным золотом,
 230. Он дарил ёго да чистым сёребром,
 Он дарил ёго камением самоцветным же:
 «Уж ты ой еси, Васька Торокашков сын,
 Торокашков сын Володьевич,
 Ты торгуй-ко у меня во городи во Киеви безданно и беспошлинно!»
 235. Тут ведь кланялся, благодарил князя Васька Торокашков сын.
 Когда приехали-то русьские богатыри в Чернигор-град,
 А Борисушко только приехал из лесов Брыньских же,
 Он навёз да всё куницъ-лисиць,
 Он навёз гусей-лэбедей,
 240. Как пернастых-то серых уточек.
 Как стречала ёго молода жона,
 Молода жона Микулисня,
 Со весёлою улыбочкой
 Она такую рець говорила:
 245. «Укатилось было моё сонцё красное
 Не за круты горы Сорочиньския,
 Не за темны леса за Брыньския,
 Я не видела красно солнышка неделёчку,
 А теперь красно солнышко осветило, —
 250. Князь Борис-от вернулся из дорожочки!
 Тебя ждут да дожидаютца
 Славны русьския богатыри
 Из города из Киева
 От князя от Владимира».
 255. Княгинушка пошла во свои высóки горницы,
 Он ведь отдал-то добра коня
 Как своим-то слугам верным же,
 Сдал всю свою добычу да доставшую

- Своим-то слугам верным же,
 260. Он пошел да раздеватисе;
 Скинывал он своё платье-то богатырьскоё,
 Снимал латы-те богатырьския,
 Умывал он своё да лицо белоё,
 Одевал он да платье цвётноё,
 265. Росчёсал свои да кудри русыя.
 Как пошел во свои да высоки горницы,
 Он пришел, тут увидел:
 Сидят два русьских богатыря,
 Подавали они скору грамоту,
 270. Ешшо ярлычек скорописчатый;
 Принимал-то он да распечатывал,
 распечатывал да прочитывал.
 «Как спасибо князю Владимиру,
 Князю Владимиру да стольнокиевскому,
 275. За его за приглашеньицо,
 За скороё за свиданьицо!»
 Сбирал тогда князь Борысюшко почесен пир
 Для тех для гостей приезжих он,
 Для русьских для могучих для богатырей.
 280. Пированьицо пошло в них весёлоё,
 Пировали-столовали трѳи сутоцьки;
 Тут богатыри призаснули же,
 Призаснули же, отдохнули же,
 Стали в путь-дорожочку собиратисе,
 285. Собиратисе да отправлятисе.
 Спровожал-то их князь Борис да свет Ииванович
 С молодой жоной с Василисой со Микулиснѳей;
 Проводили их, назадъ в Чернигов воротилися,
 Стали жить да по хорошему.
 290. Скоро приехали богатыри в славной Киев-град
 Ко ласкову ко князю ко Владимиру;
 А стречал-то их Владимир князь,
 Стречал-та, всё выпрашивал,
 Как стречали их да во Чернигори?
 295. Отвечали тогда да богатыри:
 «Нас стречали-то по хорошему,
 Принимали-то по приятному,
 Для нашего-то приезду богатырьского
 Сбирал-то пир да князь Борисушко Ииванович,
 300. Пи-ли-ели-то мы у него, да всёго кушали.
 Он тебе, князь, да низка кланелса,
 Он просил тебя к себе пожаловать
 В славной город во Чернигор же,
 Хлеба-соли-то тебя покушати,
 305. Белой лебѳдушки тебе порушати,
 Разных водочек-то попить тебя,
 Во весёлой во бесѳдушке поразговаривать».
 «Мне-ка ехать туда, князю, некогда,
 Я жду ёго сам да дожидаюся,
 310. Он должѳон да не замедлить же, —
 Э и я его ведь и жду-то ёго да очунь скоро тут,
 А и через трѳи (сутки)-ти поры-ти, скажом, времени».
 А и не есѳн сокол вылетывал йиз Чернигора,

- А и князь Борисушко выезжал жо он из города;
315. А и провожала-то ёго вот молода жона,
Молода жона Василиса да дочь Микулисына,
Горючмй слезами заливаласе,
Во слезах да рець говóрила:
«Не велела бы я тебе, да князь Борысюшко,
320. Во Киев-град да в гости ехати, —
Ни на добро зовут тебя да чостуют,
На гибель, на смерть на скорую!»
Отвечал-то князь Борыс да свет Ииванович
Он своей да молодой жене:
325. «А и готчого-то, кнегина, взяла же всё?
С кем ты думала да думу ету же,
Что во Киеве бóдёт гублёно?
У нас с князем-то ведь заповедь положена,
Велика клятва накладена,
330. Что до гробá друг друга слушати».
«Мне ночесь мало всё спáлося,
В сновиденьици много видела:
Будто прилетел из Киева сизбóй орёл,
Сизбóй орёл да очунь быстрой-от;
335. Будто ты, князь, ехал на добрóm конí,
Он свалил тибя будто со добрá коня,
Будто нáчел он кусать же, рвать,
Наконець да умертвил тебя».
«Я не верю снам да всё ведь бабьим-то,
340. Ешино ночь пройдёт да весь ведь сон пройдёт».
Роспрошшался скоро со кнегиной, с молодой жоной,
Кнегина, она пошла во высокой во терем свой,
А князь Борысюшко поехал во славной Киев-град.
Пёрвы сутоцьки ездил он во чистóm полí,
345. Втóры сутоцьки ездил у Пучай-реки,
А в третьи сутоцьки приехал в славной Киев-град.
Вот стречали русьские могучие богáтыри.
Как стречали русьские могучие богáтыри.
Проводил-то князь Володимер в свои гривены во столовые,
350. За столички за окольные,
За кушанья за разные,
За напитки за заморьския,
На скамеецьки рыта бархата.
Тут пошол-то пир на радости,
355. На великом удовольствии,
Заиграли-то во арфы игромья,
Во гусли-ти во весёлые,
Во струноцьки золочёныя.
Пировали-то, столовали трби суточки,
360. Допьяна-га пьяна вси же напивалися,
Досыта-га сыта наедалися.
Гости разны речи говорили же,
Многие-многие они же хвастали:
Многи хвастали своима окнями статныма
365. Очень быстрыма богатырьскимма,
Многи хвастали домами своими высокима,
Оповáльшами широкима.
Только сидел-то у нас не хвастал

- Как дородний-от доброй мѡлодець,
 370. Князь Борысюшка свет Йиванович;
 Подходил-то князь Владимир, нїзка кланелса,
 Говорил он да таковы слова,
 Таковы речї да таковы слова:
 «Уж ты ой еси, Борысюшка свет Йиванович,
 375. Тебе ли, мѡлодцу, да не похвастати?
 Много-много было у тебя везде езжено,
 Много неверной-то силушки повырублено,
 Никакой не мог с тобой сравняться казак дѡньские,
 Не богатырь-от славнорусьские,
 380. Не моськовской, не новгородской же,
 Не новгородьской, не славнокиевьской!»
 Говорил-то князь Владимир таковы речї:
 «Дорогой-то гось да мой любимой друг,
 Были в молодости знакомые,
 385. Мы теперице ешшо больше же,
 Мы побольше познакомимсе;
 Если любишь-то друга прежнего,
 Как меня, князя Владимира,
 Сослужи-ко службу верную,
 390. Службу верную, неизменную:
 Уж ты съезди-ко на славной остров на Буян-от,
 Ты достань-ко да зверя страшного,
 Зверя страшного, очунь свирепого,
 Как самѡго-то страшного ваканишша.
 395. Его мех мне пойдѣт на шубочку на тѣплюю,
 А ѣго серцо-то всё со печенью
 На пиру да будем кушати,
 Ты же сам да будешь кушати.
 Много-много туда да ездило
 400. Русьских славных-то богатырей,
 Они ездили-то, богатыри моськоськие,
 Они ездили, новгородьские, славнокиевьски,
 Они ездили-та, рыцари премлადыя,
 Но некто не мог достать да зверя страшного, —
 405. А и как ведь и я думаю, да князь, на тебя же вся,
 М-м да ты дастанешь мне-ка зверя страшного.
 А и за такї-ти я подвїги богатырьския
 Буду миловать тибя да буду жаловать
 Городами-та тебя да всё ведь разныма
 410. Со садами-ти тебя да со зелѣныма
 Со фруктама со разныма;
 Чесь да славушка тебе да будет всё великая,
 По городам пойдѣт да по дерѣвенкам».
 Возговѡрил тут князь Борисушко свет Йиванович:
 415. «Мне богасьвицо не к надобью,
 Мне не к надобью, не надобно,
 У мя есь своѣго, да всё останется,
 Мне довольнѣ своего города Чернигора.
 Для своѣго-то друга верного,
 420. Для товаришша любимого,
 Сослужу тибѣ службу верную,
 Службу верную, неизменную,
 Уж я съезжу на славной остров на Буян же,

- Достану-то страшного зверя чудного вокáнишша,
 425. Привязу́ я тот мех тебе на шубочку на тёплую,
 Серцо с печенью тебе кушати в пированьици».
 Тут ставал жо князь Борыс да свет Йиванович
 (Из-за того ли всё столичка переднёго,
 Со скамеечки рыта бархата,
430. Благодарил-та князя Владимира, нízка кланелса:
 «Тебе спасибо, князь Владимир, за угошшеньицо!»
 Распрошшалсе скоро со князем славным киевским,
 Со русьскимима могучима богáтырьми;
 Провожал-та князь ёго да нízка кланелса.
435. Брал Борысюшка тогда да всё добрá коня,
 Вот добрá коня богатырьского,
 Он садилса скоро на добрá коня,
 Поехал тут добрый мóлодець
 Он йиз Киева йиз города, —
440. Мать сырá земля да колыбалася,
 Тёмны лесики да пошаталисе,
 Пучай-река да разливалася,
 Море Чорное да сколыбалосе.
 Как приехал наш Борысюшко
445. Князь да всё Йиванович
 В славный город-от да во Чернигор свой;
 Как стречала ёго да молода жона,
 Молода жона ёго да всё кнегинушка,
 Василиса дочь Микулисьна,
450. (О)на стречала-то, зрадовáлася,
 Брала ёго за белы́ руки,
 Человала ёго в уста сахáрныя,
 Вела его во высóки свои горницы,
 Она садила его на стул ёго на бархат же,
455. Скиньвала с ёго да плáтьё дорожное,
 Дорожное да богатырьское.
 Тут умылса князь с пути, с дорожочки,
 Одевал-то плáтьё цвётное,
 Он поел-покушал со дорожочки,
460. Скоро спать-то он лег да он заснул же всё;
 Не поговорил ничего со своей кнегинушкой,
 Со кнегинушкой, с молодой жоной.
 Ягó не смела она треложити,
 Она сидела-то у кроваточки,
465. У кроваточки у кисóвою,
 У периночки у пухóвою,
 Она смотряла-то, слезно плакала,
 Она плакала, будто река бежит,
 Река бежит да всё чернигорьска,
470. Возрыдала-то сýльнэ, будто гром гремит,
 Во слезах-то призаснула же.
 Она скоро-то пробудиласе,
 А князь-от Борыс Йиванович, —
 Богатырьской-от сон нескорой был, —
475. Он ведь спал, проспал да трóи сутоцьки,
 На четвёрты-ти да пробуждалса он,
 Говорил-то он да таковы речи,
 Таковы речí да таковы слова:

- «Уж ты ой еси, да молода жона,
480. Молода жона, моя кнегинушка,
Мне приводится с тобой да разлучатисе,
Не знай, надолго ли я, намало ли».
Тут кнегинушка ответила:
«Ты куда у мня уезжаёшь, князь?»
485. На кого меня оставляишь?»
«Не кручиньсе-ко, моя кнегинушка, не печалься,
Если жив буду — домой буду;
Жив не буду, так ждать тебе некого,
Тебе, кнегинушка, воля вольная:
490. Хошь вдовой живи да хошь замуж пойди;
Не пойдёшь когда в замужесьво,
Тебе хватит-то на пропитаньицо
Как моей казны, останется».
Тут недолго-то разговаривал
495. Князь у нас-то уж Борисушко,
Он ведь начел собиратисе,
Собиратисе да одеватисе,
В путь-дорожечку отправлятисе.
Он говорил тогда молодой жонь,
500. Молодой жонь, кнегинушке:
«Уж ты ой еси, кнегина,
Ты, кнегина Василиса дочь Микулишна,
Ты послушай-ко мужа милого,
Мужа милого, любимого,
505. Как Бориса всё Ивановича:
Помоги-ко-се в дорожочку собратисе,
Ты в суночку клади в котомочку мне подорожничков,
А в втору суночку сложь-ко ты, клади да калены стрелы,
Клади стрелочек-то три-то тысячи».
510. Яго кнегина-то, молода жона,
Она клала стрелочки во дорожочку,
Она не три-то тысячи полóжила,
Она полóжила шесть тысяч же
Князю-то Борисушку Ивановичу.
515. Он задумал испытать жону,
Как проверить-то ее верность-ту —
Оказалась три-то тысячи ведь лишних же.
Тут не люто-то ведь зелье разгорелосе,
Богатырьско серцо растреложилосе,
520. Лепетá в лици ёго перемениласе,
Могучи плечи шевелилисе:
«Уж ты, господи, да царь небесной свет,
Ты не стал, верно, миня миловать,
А жена-та не стала миня слушати,
525. Нажила, наверно, любого полюбовничка,
Позабыла миня, князя Борисушка Ивановича!»
Он ударил ей да в шшóку правую:
«Вот и знай, да зла изменищица!»
Тут кнегинушка ни пообидилася,
530. Не огрубил-то князя во дорожочку, не заплакала,
Со весёлою улыбочкой смотряла же,
Она сибе да дивовалася:
«Ето хто мог намутить да на меня сказать?»

- Тут пошол-то князь Борисушко
 535. Нѣ свой он на конюшный двор,
 Брал он коничка богатырьского,
 Убирал ёго в золотой убор,
 Вот накладывал двенадцать тугих подпругов,
 А тринадцато-то йишше налаживал
540. Не ради силы, ради крепости,
 Ради виду-то богатырьского,
 Он накладывал седёлышко черкальское,
 А на седёлышко да скорой ярл...войлочёк ¹,
 Мягкой пуховой же;
545. Брал с собой да саблю востру богатырьскую,
 Брал с собой да копёе богатырьское,
 Брал да он паличу чежолую богатырьскую,
 Брал с собой булатной нож.
 Он прошшалса тогда с кнегиною,
550. Са кнегиною-то да с Василисой-то са Никулишной,
 Он скакал скоро да на добра коня,
 Уезжал скоро скорым гонцом.
 Он доехал до Баяна, славна острова,
 Привезал коня да к дубу ко стоячему:
555. «Ты постой, постой, да мой ведь доброй конь,
 Ты поешь здесь да муравы-травы,
 Попей здесь да свежой воды!»
 Он нашол тут днишшо корабельнёе,
 Он поехал на днишше корабельнём
560. На Боян тот, на славной остров.
 По его-то было по учести,
 По талани-то по счесливоу,
 Простояло-то море в тихости,
 Переехал тут доброй мблodeць,
565. Чернигорьский славный богатырь-от,
 Князь Борис-от да свет Йиванович,
 На Буян-от, славный остров же.
 Он ходил-та да трои сутоцьки
 У Буяна-то, да славна острова.
570. Как пришли были корабельшшички
 Промушлять-то зверей разных же,
 Как разговорилса он с корабельшшиками, со млáдыма с матросами,
 Стал спрашивать про зверя про страшного, про чудного;
 Корабельшшички с матросами говорили:
575. «Етот зверь да очень страшной есь,
 Доставать-то ёго нужно мúдренно,
 В неводочка-та нужно в шелковыё;
 Когда зверь-то в неводах он запутаетса,
 Его нужно задернуть во органы во железныя».
580. Говорил-то князь Борис да свет Йиванович:
 «У вас нет ли шолковых неводочиков?
 Так мне продайте же.
 Нет железных ли у вас органов?
 Так наделите жо».
585. Корабельшшички не отказалисе,
 Они давали да шолковы неводочки же,
 Они давали-то железные органы же,

¹ Обмолвка, замеченная сказительницей.

- Как млады́я-ти матросики помогали же,
Затенули-то шолковы неводбичики же,
590. Направили-то органы всё железные,
Клалы они бочку мёда сладкого;
Три денёчка-та помагали же, —
Не прибежал-то зверь лютой ваканишшо.
(Не прибегал никак! Слышал, что ходили люди мно́ги веды!)
А на четвёртый-от денёчек-от
595. Корабельшшичкам-от потянули же
Скóры ветерочки им попутные,
Попутные им, поносные.
Тут корабельшшички спрошшались,
Тут матросики расстовались,
600. Оставалсе князь Борисушко одиноконькой.
По зори́-то было по утренной,
По восходу-то сонця красного,
Князь Борисушко-то в шалашку́ же спал, —
Разбежалсе-то зверь же страшный-эт,
605. Он собой-то чудо чудноё.
Увидал-то бочку мёду сладкого,
Ему охота было покушати;
Он ведь стал же жрать да кушати,
А опутался в шолков неводочик же,
610. Задержали ёго органы-ти железные,
Закричал-то он по страшному, —
Мать сыра́ земля да сколыбаласе,
Лёса тёмные да зашаталисе,
С древов листьё всё да посыпалось.
615. Тут немного князь Борис да разговаривал,
Атрубил у зверя буйну голову,
Он и вынял у него сердце всё со почками,
Вымыл взял в воды да всё во мёрскою,
Завертел да в бёло полотенцо-то,
620. В подареницо князю Владимиру,
А мех-то брал он в подареницо князю Владимиру
На тёплую на шубочку сошить ёму.
Всё собрал с собой-то он, да как ведь следуёт,
А мясо-то оставил йись зверям
625. Да всё ведь птицам же.
Сам садилсе опеть на днишшо корабельнёё;
По ёго-то было по учести,
По талани-тq по счесливою,
Переехал благополучно же,
630. Он приехал опять да ко добру коню.
Яго конь да богатырьской-от,
Он ведь ржал да дожидал ёго скоро, хозяина любимого;
Он погладил своёго коня да богатырьского,
Он насыпал ему пшеницы белояровой.
635. Докуль кушал-ел пшеницу конь да белоярову,
Призаснул немножко поры-времени да со дорожочки;
Как проснулса-то доброй млодець да пробудилсе он,
Он скакал скоро на резвы́ ноги,
Собиралса тогда в путь-дорожочку,
640. Он садилса на добра коня.
Он хотел в первых приехать во Чернигор-град,

- А тогда ехать в славной Киев-град.
 Как во ту пору, во то время
 Подошла-то силушка очунь многая,
 645. Эта силушка шла да всё из Киева,
 Шло силушки три-то тысячи.
 А тут не лютоё-то зельё разгорелосе,
 Богатырьскоё-то серцо разгрубилося,
 Он хватал да саблю вострую,
 650. Он ведь зачел тут поезживать-помахивать.
 Вправо-то махал, — валилась улица,
 А налево-то отмахнёт, — валились переулучки.
 Он прибил-то, примахал всю-ту силушку три-то тысячи кнеженескою.
 Он хотел только приотдохнуть да всё немножочко,
 655. Как опеть-то силушка появилась,
 Шло ведь силушки три-то тысячи;
 Его сабля-то вострая утупилася,
 Яго мець-от богатырьской изрубилса весь,
 Он ведь йих начел тогда стрелять на стрелочки,
 660. Всё на стрелочки да на калёные, —
 Их ведь было-то три ведь тысеци,
 Не одна впустё не пропала же,
 Пристрелял он все стрелочки калёные,
 Прибил-ту у князя силушку,
 665. Ни оставил ни единого.
 Он хотел только огленутися,
 Идёт силушки три-то тысеци;
 Тут Борисушко князь да приросплакалса,
 Приросплакалсе да приростужилса:
 670. «Теперь приходит мне смерть-та скорая,
 Виноват-то я сам себе,
 Не послушал я своей кнегины, молодой жоны,
 Она знала-то всё, ведь чувствовала,
 Чудной сон-от мне-ка предсказывала!»
 675. Тут приехали-то киеськи богатыри,
 И приехал-то Васька Торокашков сын.
 Силушка обошла кругом князя всё Бориса Йивановича,
 А Васька-то Торокашков сын,
 Он ведь брал скоро-то тугой же лук,
 680. Он ведь клал в ёго стрелочку калёную,
 Спускал-то он во князя в Борисушка Йивановича;
 Разлетелась ета стрелочка
 Высоко она по поднёбесью,
 А падала ета стрелочка
 685. Не на воду, не на гору,
 Розлетелась-та ета стрелочка
 Прямо в серцо-то князю Борису Йивановичу.
 Тут Борисушку-то смерть пришла,
 Тут Йивановичу славу поют;
 690. Очи ясные призакрылисе,
 Уста сахарные призамолкнули.
 Тут оставили не захоронёного,
 Онй поехали в славный Киев-град
 Со весёлою со вестью же;
 695. Князь на радости собирал пир.
 Как кнегина-то всё чернигорьска,

- Каждый день-то посылала она
 Во чисто поле проведати,
 Как не едет ли там князь Борисушко Иванович
 700. Со славного со острова с Бояна-то?
 Когда приехали слуги верные,
 Они приехали во чисто поле,
 Увидали-то чудо чудное,
 Чудо чудное да очунь дивноё:
 705. Как застрелен же князь Борисушко Ииванович,
 Как рана очунь глубокая,
 Обошол, облился кровью горячею.
 Они поехали с весточкой не с радостною.
 Тут кнегина-то собиралася,
 710. Она скоро-то одевалася
 В платьё чёрной печальнойё,
 Она села-то поехала,
 Скоро-наскоро приехала,
 Она у мертвого у князя долго плакала,
 715. В уста сахарны мёртва человала же,
 Таки речи-то говорила:
 «Дорогой же князь Борис же мой,
 Борис же свет Ииванович,
 Ты не слушал моёго наказаньяца, —
 720. Кабы были стрелки лишняя,
 Не повалился бы ты во чистом полё,
 Во чистом поли да молодёхоньким,
 Не оставил бы меня вдовой победною,
 Вот победною, всё несчастною!
 725. Я теперя не молодица и не вдовица же,
 Горька, бедна-та сиротинка же,
 У мяя нет теперь оборонушки,
 Нету крепкой стены городовой,
 От ветров-то нет затулушки,
 730. От дожжов нет оборонушки,
 От лихих людей зашшитушки!»
 Хоронила-то мужа милого,
 Мужа милого, князя любимого,
 Борыса-то князя Иивановича,
 735. На могилушку-то становила
 Она паметки золочёные
 С етирами-ти золочёныма,
 Росписала-то на могилушки
 Отчего была кончинушка,
 740. Его кончинушка по напрасному, —
 Погубил ёго Владимир князь,
 Владимир князь да стольнокиеской.
 Когда вернулась же во Чернигор-град,
 (О)на служила тут обедни с панахидами,
 745. Давала много-то в поминаньяцо
 Много счотной-то золотой казны.
 Как узнал про то Владимир князь, —
 Нет Борисушка во живности, —
 Он писал да скору грамоту,
 750. Скору грамоту скорописцету,
 Он ведь сватался на ей да всё высватывал

- За себя, за князя, во замужесьво.
 А кнегина-то отвецяла,
 Отвецяла всё, описывала:
755. «Я хочу-то егот год да провдоветь сидеть».
 Князь Владимир-от хотел стрóку дать,
 А Васька-то Торокашка на своём стоит:
 «Не давай-то, князь, стрóку, —
 Отойдёт-то она своей хитросью,
 760. Своей хитросью она, мудросью».
 Тогда князь да ведь всё Владимир,
 Он немного стал разговаривать,
 Он средилса в путь-дорожочку, отправилса,
 Он садилса во кареточку золочёную,
 765. Он поехал во Чернигор-град.
 При печалюшки будто приутешити,
 В огрубленьицы развеселить же ей.
 А кнегина-то Микулисня
 Не показала виду всё печальнёго,
 770. (О)на встречала князя с цести, с радости,
 Проводила ёго во палаты-ти во широкие,
 Во столовы-ти свётлы горницы,
 Она садила ёго за столички точёныя,
 За салфеточки за шелко́выя,
 775. Подавала ёму кушанья сахарныя,
 Разны водочки медовыя;
 Князь немного ел да очунь рад же был,
 Что из прекрасных рук да подают ему.
 Когда князь да развеселилсе же,
 780. Развеселилсе да росхутилсе он,
 Говорил речи такй же ей:
 «Уж ты ой еси, кнегина
 Василиса ты дочь Микулисня,
 Уж ты князя-то Борисушка была да молода жона!»
 785. Князь ведь помер, так не вернёшь ёго, не оживишь никак, —
 Тебе ведь скучно одинакой жить,
 Век свой младой корóтать.
 Без зашшиты, без обороны плохо жить,
 Я советовал бы взамуж итти
 790. Как за ласкового князя за Владимира,
 За Владимира за сла́вна киеського управителя».
 Тут кнегина-то говóрила:
 «Тебе спасибо, князь, за предложеньицо,
 Тебе есь невест девиць да без вдовиць же всё».
 795. Отвечал князь Владимир на те речи на кнегинины:
 «У кажного свой же вкус:
 Кто любит мёд, а хто и патоку,
 Мне на што-то всё девица, как есь вдовиця-то хорошая!
 Твой-от мне как был ведь верной друг,
 800. Я хочу за то жону прибрать.
 Если по жаланьицу не пойдёшь жо ты,
 Могу взять тебя да силою!»
 Тут ведь видит кнегина, шшо дело са́мо гíбшоё,
 Она князю-ту возговóрила:
 805. «Не постоянно женихи да всё находятся!
 Делать нечего, не привелось мне году провдоветь-то всё вдовиного,

- Заменить-то этот год да нужно свадебным».
- Князь Владимир-от зрадовáлсе же,
Он ведь дал да знать скоро в Киеви,
810. Шшоб стречали жениха всё с невестою.
Ускакали гоньцы да с скорой грамотой,
По городам-то рассылал скóры ярлычки скорописчаты,
Чтобы приезжали короли да королевичи,
Князи да княжевичи,
815. Все русьские могучие богáтыри,
Ишше рыцари всё премлáдые,
Чтобы приезжали-та, скоплялисе
На его свадьбу весéлую.
Приказал он кнегины одеватисе,
820. Одеватисе да обувитисе;
Тут кнегина-то собиралася,
Одевалась-то в платью в брачную,
В то во самоё во платьича,
В котором со Борисом-то венчалася,
825. Во божьей церкви стояла же.
Когда совсем она оделася,
Когда вышла к князю Владимиру,
Тут обрадовалсе Владимир князь:
«Много-много-то везде езживал,
830. Много-много-то везде гуливал,
Много красавиць девиць видывал,
Но такой красавицы не видывал!»
Он хотел почеловать же ей,
Тут кнегина-то говóрила:
835. «Уж ты, ласковый Владимир князь,
Я сейчас с тобой не повенчалася,
Я считаюсь сейчас вдовичею,
Ета нежность сейчас не надобна;
Когда придёт-то времечка, подойдёт же нам,
840. Когда с тобой приму по злату веньцу,
Тогда придёт-то воля вольня, тогда твоя будú».
Зрадовáлсе князь Владимир-от,
Ети реци ему понравились,
Ети приятные приглянулисe.
845. Когда подведёна была колясочка золоцёная,
А кнегина-то сказала всё Микулисня:
«Я забыла-то золотой перстёнъ
Со трема ставками самочетныма драгоценныма, —
Когда буду я стоять во божьей церкви, венчатися,
850. Перснём буду обручатися».
Она пошла да в тёплу спаленку,
Не золотой-от перстёнъ брала она,
А брала-то три-то ножичка,
Три-то вострых три оклáдных же,
855. А под соболину шубочку да скрыла же.
Она садилась тогда во кареточку,
Быстры конички помчалися,
А кареточка покатилася.
Когда приехали они во чистó полё,
860. Увидала она приметочку,
Как приметочку на могилочке,

Москвы-то реки на цесь, на славушку на великую,
 Всему совецькому-то народу на прописаньице,
 А от них-то пойдёт на пропеваньице.
 (На Ваську-то не худо бы разгрубился бы, а он уж ушол,
 удрал на чернёных больших кáраблях!)

№ 63. А КАК ПРО ДОЧЬ-ТО КОРОЛЕВЫ ВСЁ ЛАТЫНГОРКИ

- А и все богáтыри из Киева уехали,
 А и как князь осталсе только со своима-ти со младшима
 богáтыреми,
- А и Илья Мурамецъ уехал ко заставы-то,
 А и ко заставы-то уехал к богатырьскою,
5. А и как Михайлушко Егнатъевич — к заставушки к богатырьскою,
 Поток Михайло-то Иванович тоже он с имá;
 А и Добрынюшка Никитич со Алёшой со Поповицом,
 А и как со Ваней-то они же все с Залёшенином,
 Они уехали, уехали на горы-то Аравийские.
10. Они хотели оттуль проехать ко Чернѹ морю;
 А Иванушко Егнатъевичъ со Петровицеми-Сбродовицеми,
 Как со Росшой-то, со Росшой Росшиби Колпак,
 Они уехали, уехали на тихой Дон;
 Достальни же все богáтыри уехали,
15. Кто во Брыньские леса, да кто ко реченьки Смородинки.
 Долго ездили богáтыри, розгуливали,
 Они забавами, играми богатырьскима забавлялися,
 Они ведь рыцарьскима потехами утешалисе.
 Ише нѣкоторы богáтыри вернулись в славной Киев-град,
20. Навезли князю Владимиру серых гусей,
 Серых гусей они же, белых лёбедей,
 Как пернастых-то они же серых уточек,
 А которые привезли князю-ту кунить-лесиць;
 Только не было богáтыря Ильи Мурамця,
25. Ише не было Добрынюшки Никитина,
 Да ведь не было и Вани-то Залёшанина.
 А у заставы-то ведь были-жили богáтыри:
 Да как жил-то там Хотеюшко сын же Блудович,
 Жил-то там на заставы Пересчот жил со племянничком,
30. Еремяка-то ведь жил же со племянником,
 Перемьяка-то ведь жил же со племянником.
 А Микула-то Селенинович проехал-от,
 Мимо заставу-то проехал богатырьскою,
 Он объехал все же горы-ти Сарачинские,
35. Он осмотрял-ту всю ведь матушку славному Непр-рекѹ,
 • Что: «ведь нет ли где-ка, нет ли где неприятелей?
 Как морями-ти не пришли, горами не приехали?»
 Приворотил обратно Микула в славной Киев-град
 Повидатьсе-то со князем со Владимиром,

40. Со его ли со кнегиной с Апраксеньей-то королевисьной,
Узнать-уведать про князево здоровьицо,
Хто ведь есь во Киеви из богатырей?
Только приехал-то Микула в славной Киев-град,
И тогда наехал Дюк же, Дюк Степановиць,
45. Из своей ли он Корелы знаменитою,
Из своей ли он из Индии прелесною.
Князь стречал-то всё гостей, он низко кланелсе,
Проводил-то в свои гривины кнеженеськие,
Как садил-то их за столички окольние,
50. Как за те ли всё за скатерти за бранья,
Как на скамеечки садил он на дубовые,
Они потянуты-обиты были дорогим у его рытом бархатом,
Как за кушанья садил же за сахарныя,
Подавал гостям князь же чарочку редову же он.
55. Пёрвув чарочку подавал он зеленá вина, —
Его чарочки не большій были, не малыя,
Чарки были у его же в полтора ведра, —
И принимали-то богатыри право́й рукой,
Выпивали-то богатыри на единой дух.
60. А второ́я чарочка у князя была пива пьяного;
Принимали-то богатыри право́й рукой,
Выпивали-то богатыри на единой дух.
Третью чарочку подавал князь ведь мёду сладкого;
Принимали-то богатыри право́й рукой,
65. Выпивали-то богатыри киевски на единой дух.
Пировал Микула в Киеви ровно три же дня,
Тут ведь стал Микула через трѳи-ти суточки собиратисе,
А со князём, со кнегиною прошшатисе,
А со богатыреми распростилсе тут,
70. А и он поехал скоро во своё же во селеньицо,
Во селеньицо поехал, в свою в родну́ деревенку;
Провожал-то князь Владимир, низко кланелсе,
На прошшаньици говорил он таковы слова,
Таковы же он слова же, таковы речи:
75. «Ты возьми, возьми, Микула-то, себе же всё
За службу да твою же всё за верную,
Как за удаль-ту твою же богатырьскую,
Бери, бери-ко да красна золота,
Ты бери-ко-се себе же чїста сѳребра,
80. Ты бери-ко -се себе же дра́га жемцюга,
Ты бери себе каменя самоцветного драгоценного,
Бери шубы-ти, выбирай себе соболиные,
Бери шляпочки себе, шляпы пуховые,
Бери сапожочки себе, бери сафьяные,
85. Бери перчаточки шёлковы из разных шолко́в,
Бери чулочки шелко́вы на ноги себе,
Бери перчаточки себе, бери пуховые».
Поклснїлсе-то Микула Селенинович:
«Тебе спасибо, князь Владимир, на великой твоей милости».
90. Не на малой-то твоей-то, сказать, жалости, —
Теперь не надобно ничего: могу так прожить,
Когда понадобится, я могу же, князь, сказать о том».
Распростилсе тут Микула-то, уехал же.
А богатыри вернулись от Черна́ моря,

95. От Черна моря вернулись к камению ко Латырю,
 Ко тому ли ко кружалу-ту богатырьскому:
 Вот приехали Добрынюшка Никитич млад,
 Как наехали Алёшенька, попоськой сын,
 Как наехал тут ведь Ванюшка Залёшан;
100. Они с усталости устали, отдохнуть хотят, —
 Становили-то они шатры белополотнены
 И хорошо-то шатры полотнены укрыли-то,
 Изукрасили они бархатом голубым-то,
 И росшит-то етот бархат красным золотом,
105. Прострочены-ти всё же чистым серебром.
 Они попили-поели, скоро спать легли;
 А добры ихны кони были к берёзеньки привязаны.
 Им насыпали ведь кушать-исть пшеницы-то белояровой.
 Сами богатыри покушали-поели, скоро гонй спать легли.
110. А Илья Мурамец во ту порушку наехал силу-ту во темных лесах;
 Во темных лесах наехал во Чернигорских:
 Эта силушка в лесах же как скрываласе,
 Хотели взять и розорить во первых Чернигор-град,
 А тогда хотела пройти на славной Киев-град,
115. А взять Киев-от, Киев-град, да во погубленьице,
 Божьи церкви хотели они на дым спустить,
 А золоты кресты с церковей хотели снять они,
 А светы-ти образа, иконы на мосты смостить.
 Как доехал-то лесами он, Илья Мурамец, Чернигорскима,
120. А его конь-то богатырьской вдруг, Белеюшко,
 Он ведь зачал-то, Белеюшко, поскакивать,
 Вот поскакивать Белеюшко, помахивать,
 Он заржал, заржал, Белеюшко, коньским, ржанённицей, —
 Тут заржали кони всё же неприятельски;
125. Тут набросилась и накинудась силушка неверная,
 Как на Илью-ту она бросилась на Мурамца,
 Они хотели победить же Илью Муромца,
 Они хотели лишить его же веку долгого,
 Веку долгого его же, свету вольнёго.
130. Тут не лютое-то зельё розгорелосе,
 Богатырьско-то ведь серьцо ростреложилось,
 Лепетá его в лица вот переменяласе,
 Могучи плечи его вот шевелилисе;
 Он сказал, сказал своёму коню Белеюшку:
135. «Ах, Белеюшко, ты, друг мой сердешный верной, товарищ мой,
 Помоги-ко мне побить силу неверную,
 Мне избавить град Чернигов от погибели,
 Мне заштитить нужно всё же славной Киев-град!»
 А Белеюшко ответил, вместо розговору-ту
140. Он проржал-то тихо по лошадиному,
 Будто сказал, шшо: «я товарищ верной есь тебе,
 Я ведь верной-от товарищ, друг неизменной твой!»
 А и как тогда зацёл Илья Мурамец поезживать,
 А и он же начал тут помахивать:
145. На праву-ту руку махнёт, — валилась улица,
 А на леву руку отмахнёт, — валились переулочки.
 А и много билсе поры-времени,
 А и победил силу, избил же всю.
 А из Чернигора-города-ти князь повыехал,

150. Он ведь звал Илью да всё же честовал
 А к себе он на жированьицо,
 Хотел ударить его за работушку трудовую-ту.
 А и не поехал Илья Мурамец,
 Сказал: «Надоть мне-ка ехать-то»
155. А и как во славной город в Киев-от, —
 Тогда нужно князя Владимира попрсведати,
 Како есь его здоровьицо?
 А тогда нужно мне-ка ехать
 Как ведь ко каменю ко Латырю,
 Ко ербу славному богатырьскому, —
160. Где-ка там же у нас ездят-то богатыри?
 Где Добрынюшка Никитич-млад?
 Где Алёша-то, попольской сын?
 Где-ка Ванюша Залёшанин?»
165. Он сказал князю чернигорску:
 «А есь ведь старá, дрéвня пословица,
 Она всё же везде водитсе:
 «Был бы друг, а время бóдет-то».
 И роспростилсе Илья Мурамец
170. Со чернигорским со князем-то,
 Он поехал в славной Киев-град.
 Приехал ко князю ко Владимиру,
 Заехал он же на широкой двор,
 А становил коня он на конюшну на стоялюю,
175. Насыпáл пшеници белояровой,
 Наливал воды медовою;
 Сам пошел во свётлы гривины,
 Во столовы нóвы горници,
 Вот во свётлы он во свётлицы.
- 180 А и как князь Владимир-от сидел толькó обедал же,
 Он скакал тогда на резвы ноги:
 «Кóго долго ждал, да тот и сам на двор,
 Кóго в окошечко посматривал,
 Как есён сокóл залетел же к нам!»
185. А и как поели сели они, покушали,
 С Ильёй Мурамыцом розговаривали:
 «Где-ка, где-ка был, Илья?
 Где ты, Ивановиць, поездил все?
 Уж ты что видел, расскажи уж всё, скажи!»
190. А росказал про всё да Илья Мурамец,
 М-м Йилья Муромец да сын Иванович.
 А и князь Владимир низко кланелсе,
 А и давал спасибо Ильи же Муромцю
 За его же дела чудныя,
195. А и за велики совершеньица.
 Илья сутки толькó да жил во Киеви,
 На другй поехал он во чистó полё:
 «Где мой брателко крестовой-от,
 Где Добрынюшка Никитич-от?»
200. Где Олещенька, попольской сын?
 Где-ка Ванюша Залёшанин?»
 Во ту пору дóбры мóлодцы
 Они бой держали кроволитной-от, —
 Пришла силушка из королевсва-то да от задоньского,

205. Тут богатыри ко Киеву силы не пропустили.
Они билисе-боролись семеро-ти сутоки
Не пиваючись, не едаючись;
Добры кони утомилисе,
Очи ясны не засмóтрили,
210. Руки бѣлы не заслúжили, —
А и всю прибили силу приходящую.
А и они тогда становили-то белы шатры,
В шáтры белые спать легли.
Илья Мурамец-от ездил тут,
215. Был у реченьки Муравленки,
Ездил на реченьку Смородинку,
Ездил на реченьку Сохмат-реку,
Тогда проехал-то к Офрак-реки,
Кругом Офрак-реку ездил он трóи сутоки —
220. А и настрелял много птиц-то разною,
Настрелял много кунец-лесицъ,
В подареньице-то вѣз же он,
В подареньице-то всё же князю Владимиру.
Не доехал Илья Мурамец он до того ли камня Латыря,
225. До герба же богатырьского,
Он ведь здумал начевать тогда,
Начевать-то он здумал во темном лесу,
Во темных лесах вздумал он во Сарачинских-то:
Он ведь тут становил белой шатёр,
230. Коня Белеюшка спустил есть траву да по долинушки,
Сам присаснул же во белом шатру.
А Добрынюшка с Алёшенькой, со Ваней со Залёшаниным,
Истомились они от силы от приходящей, —
Ета силушка пришла да всё от брата-то,
235. Вот от брата от королевы-то Латынгорки.
А как они-то пёрву силушку избили всю,
Другу силушку побили всю,
Третья сила подошла тогда;
Ихны кони добры утомилисе,
240. Кровь в плечах остановиласе,
Бѣлы ручки не завладели-то.
Во ту пору-ту, во то время
Не есён сокол прилётывал,
Илья Мурамец приехал-то;
245. Он смотрел, смотрял-просматривал,
Как глядел же всё, выглядывал
В свою трубочку в подзорную, —
А и как во трубочку в подзорную
А и увидал, што богатыри бьются с силой с приходящей.
250. А и тут немного Илья же розговаривал,
Он садилсе, Илья, да на добра коня,
А и поворачивал в силу приходящую,
Начал поезживать Илеюшка, помахивать:
А и воправо махнёт, — валиласе сила улицой,
255. А и волево махнёт, — валиласе сила переулками.
А избили-то скоро силу приходящую.
Тут богатыри же съехались,
Они съехались да поздоровались,
Поздоровались они, съехались,

260. А и тогда стали отдыхать йоні,
Становили-то белы́ шатры.
Илья Мурамиць-от ездил всё,
Ездил, ездил на своём он на добром коні,
Пересчитывал силу-ту избитую;
265. Он ведь силушки в кучьё-то наклал же всё,
Навалил горы высокие,
Он копал могилы-то глубокие,
Засыпал силу песками-то,
Он заваливал землёю-то.
270. Трѳи суточки силу хоронил же он,
А богатыри, во ту пору́
Они спали во белых шатрах;
А и на четвёрты Илья Мурамец
Приутомилсе, на отдох пришол, —
275. Становил он скоро шатёр белополѳтнеюй,
Не попил он, не поел же, не покушал-то,
Он ведь лег же отдыхать тогда,
А и отдыхать-то лег в шатёр во свой,
А во шатёр он лег да белополѳтнеюй,
280. А и так призаснул же Илья Мурамец.
Когда богатыри проснулись,
А когда же киевски розбудилисе,
А и приумылисе богатыри,
Приумылисе, оделисе,
285. Выходили из белых шатров,
На лужициках лошадок-то
На зелёных поглядели-то;
А и как ставал тогда Добрынька на резвы́ ноги,
А и выходил-то он на заставу, на саму на стену городѳвую,
290. Как на башню на высокую,
А и он смотрял-гледел во трубоцьку в подзорную,
А и он глядел, гледел-просматривал
М-м во все четыре во стороночки:
А и как смотрял в первьу в восточную,
295. А и во другу́ смотрял во западную,
Во третьих же он — во южную,
Во четвѳртую — во северну.
А и как смотрел когда в стороночку во западну,
Из тех гор славных Сорочиньских-то,
300. Увидал Добрынька: едет богатырь-от, —
Не знат, богатырь ли он, рыцарь ли?
Конь под им же очунь быстрой есть,
А переди́ его два да соколá летит,
Позади его две куны бежит.
305. Тут ведь зорко начел Добрынюшка посматривать,
Зорко начел Никитич-от поглядывать,
По приметочкам оглядывать;
Усмотрял же тут Добрынюшка,
Прогледел хорошо Никитич млад,
310. А и что не богатырь был, не рыцарь-от,
А тут ведь ехала и гулела
Поленица-то очунь млáдая, —
Не знат, девица ли она ведь, женщина?
Она поленицеськими играми забавляйтсе,

315. Богатырьскима утехами наслаждайтса.
 А и конь у ей убран во сбрую в золочёную,
 Стремена в ногах с драгими со каменьями,
 Узда всё со каменьями со драгоценныма;
 Сама всё сидит да в красном золоти.
320. А и тут задумалсе Добрынюшка:
 «Это кто така удала поленица есь,
 Не боитсе, не страшитсе-то?
 Сама млáдая очунь есь она ведь, премлáдая, —
 Не боитце смерти скорою,
325. Что побьют, побьют ей богáтыри,
 Что побьют, побьют ей всё могучие».
 А она мéчот-то в руках, бросает палицу тяжелую,
 Высоко выбрасыват она же по поднебесью,
 А правóй рукой она палицу выбрасыват,
330. А левóй рукой она же палицу подхватывает,
 А и клонит палицу на Киев-град,
 А сама же что-то выпеват же всё,
 А и выпеват она да выговариват.
 А и недосуг Добрыньки много розговариват,
335. А и недосуг Никитицу просматриват,
 А он бежал, бежал скорó со стéны богатырьскою,
 Он кричал, звал добра коня да с зеленá луга;
 Услыхал тогда его доброй конь,
 А и услышал же Воронеюшко,
340. Он подбежал к ему, его доброй конь.
 А Добрынюшка поймал его,
 Как Микитич-от хватал его,
 А скоро-наскоро он садилсе на добра коня,
 Не успел одеть латов богатырьских-то.
345. А и поскакал скорó Добрынюшка,
 Он подъехал всё, Микитич-от,
 Ко поленицы ко премлáдою,
 А закричал Добрынька звонким нежным голосочиком:
 «А уж ты ой еси, поленица преудáлая,
350. А и как ты смела проехать-то нашу заставу молодецькую,
 А и молодецьку богатырьскую?
 А и как ведь нашему-то старшому,
 А ишше старшому-ту, большему ,
 Не воздáла чести, Ильи Муромцу,
355. Ильи Мурамцу сыну-ту Ивановичу?
 А мне-ка, Добрынюшки Никитицу?
 Асаулу-ту Алёшеньки Поповицу?»
 Поленица не оглянетсе,
 Ездит, играт-то, не овёрнетсе.
360. А крычал Добрынюшка другой-от раз,
 Вот крычал Никитинец в третей-от раз;
 Тогда поленица огленуласе,
 Огленулась, россмехнулася:
 «Ну, вам что нужно, богáтыри,
365. Что ведь надоть от меня же всё же, киевски?
 А и как кинаю в руках лекко-то свою палицу тяжелую,
 Так я буду вас побрасывать,
 Как побрасывать, покиныватъ.
 Во перьвých хочу увидети старого седатого,

370. Ише старого седатого,
Илью, Илью Муромца Ивановича,
А в других-то хочу видеть я
Как Добрынюшку Микитича,
Хочу видеть я Алёшу-ту Поповица,
375. Хочу видеть я Микулу Селениновича,
Хочу видеть Иванушка Гонёновича,
Хочу видеть я Михайлушка Егнатъевича,
Хочу видеть Росшу-Росшу Росшиби Колпак,
Росшиби Колпак с племянником,
380. Пересчота видеть со племянником,
Еремяку со племянником —
Хочу видеть тридцать три богатыря».
Тут Добрынюшка россмехнулсе-то,
А Микитич улыбнулсе-то:
385. «А и как млада ездит поленица-то,
А сама, сама же хвастает!
Ето совсем же дѣтя младаѡ, —
Мне-ка не охвота с ей боротисе.
Я пошлю туда Олѣшеньку,
390. Пошлю боротисе Поповица,
Пошлю Ваню-ту Залѣшанина:
Алѣша-те Поповиц-от,
Он хоть силою не сильней есь,
А смелосью-ту смелой есь;
395. А Ванюша Залѣшанин
• Не боитсе и не трусит-то,
Он ведь в воду едет и в огонь идѣт».
Приехал тут Добрынюшка
Ко заставы к богатырьскою,
400. Посылает он богатырей;
Тут богатыри-то не ослышались,
Они скакали и сѣдѣли на добрых коней,
Вот поехали они да всё поскакали-то,
(О)ни крычали громким голосом:
405. «Ай ты, ай, поленица преудалая,
Тебе полно ездить всё, розгуливать,
А пора тѣбе с нами-ти ведь бой держать,
С нами бой держать, да драку кроволитную!»
Говорили-то богатыри в первьѡй же раз,
410. Возговѡрили второй же раз,
А и как говорили ей в третей же раз;
Поленица овернулсе,
Увернулсе, им говорѣла:
«Ай вы, киевски богатыри,
415. Ай дородни вы добры мѡлодцы,
Вам не охвота развѣ, богатыри,
Пѡжить в жизни-то во младаѡ?
Захотели скорой смерти-то?
А как бросаю я ведь палицю лекко же ей,
420. Так я буду побрасывать, покинывать
Буду киевских богатырей!»
А и тут богатырям за беду сталѡ,
А за велѣку обиду показалсе;
Тут поскакал Олѣшенька, попоськой сын:

425. «А и нахвальщина поленица-та,
Молода паскунья, хвастаешь?
На пиру не насиделася,
На весёлом не наеласе,
А ж с пиру пошла — росхвасталась!
430. Ну же, станём со мной да скорой бой держать,
Скорой бой держать, псединочэк!»
Поленица тогда поворачивала добра коня,
Золотá узда же сбрякала,
Драги камешки побрякали,
435. Она подъехала к Олëshеньки,
Она скакала ко Поповицю:
Скоро начели съезжатисе
Кони быстры богатырьские,
Они скоки делали высокие,
440. Они выскочили на нóги-ти на задние
А передни воверх у них, —
Поленица не трехнуласе.
Первьый раз друг друга до болькá не ранили.
На другой же раз они же съехались, —
445. Приломалась у Олëши сабля вострая,
Привелось же им рукопашной бой держать;
И как рукопашной бой стали держать тогда,
Поленица как хватала-то
Олëшу, бросила, будто сноп будтó,
450. Бúдто сноп-от околоченной.
Прискакал тогда и Ваня-то,
Ише Ваня-та Залëshанин,
Он ведь бросилсе, накинулсе
На поленицу преудáлую, —
455. Тáку чесь получил и Вáнюша Залëshанин,
Его бросила в стороночку,
Будто кучу-то ведь сэнную.
Увидал про то Добрынюшка, —
А богáтыри-ти справились,
460. Ко заставушки приехали,
Закрывали стену нáкрепко,
Укрепляли ей ведь крепко-то, —
А Добрынюшка, скоро скакал он на добра коня,
И он поехал-то к поленици скоро-нáскоро.
465. А поленица-то гуляла всё, розгуливала;
И вдруг крычал, крычал Добрынюшка Никитич млад:
«Ай, поленица, ты — нахвальщина,
Ты — нахвальщина, нахвальщина, злодейка всё проклятая,
Ты приехала ведь к нам ко заставы богатырьскою,
470. Как невежа неучбна, необучона,
Ты над нами-то, над богáтырями, насмехаишьсе!
Не бывать тебе, нахвальщина, в славном Киеви,
Не видать-то бúдэт нахвальщины слáвна Киева,
Не просмотреть бúдэт, нахвальщина, Чернигора.
475. Давай ведь только, поленица, ездить, розгуливать,
Станём, станем-ко со мной да скорей бой дёржать!»
Говорил-то ей Добрынюшка первóй же раз,
Да крычал, крычал Добрынюшка третей же раз;
Да крычал-то ей Никитич ей другой же раз,

480. Услыхала поленица тут премладая,
Услыхала она же, усмехнуласе:
«Это киевски богатыри поезживают,
Как во шахматы в игры будто поигрывают.
Вам не охвата-то, богатыри, во свети жить,
485. Захотели вы, богатыри, смерти скорою!»
Тут ведь зацелá-то поленица с Добрынюшкой бой держать,
С Добрынюшкой бой она держать да всё боротисе.
Пэборолисе они да тут побилисе,
Добрынька видит, шшо поленица очунь сильная,
490. Очунь сильня, очунь храбрая, —
Он соскóчил скоро, сошел Добрынюшка со добра коня,
Тут ведь начал-то Добрынька рукопашной бой,
Рукопашной бой держать да начал битисе.
Долго билсе-то Добрынюшка Никитич млад,
495. Билсе-боролсе с ней Добрынька трóи суточки,
По колен в землю они ведь всё да сбилисе-то.
А во ту пору-то, во то времечко
Утомилсе у богатырици да доброй конь,
Утомилсе тожé у Добрынюшки Никитиця;
500. Тогда поленица-то возговóрила таковы слова:
«Уж ты ой еси, богатырь всё же киевский,
Нам пора, пора сечас коням оддох же дать,
А самим-ка можно всё же отдохнуть же нам».
Тут Добрынюшка с поленицей прирозъехались,
505. А поленица становила на долинушку, на лужочки белой шатёр,
А обтягивала шатёр она рытом бархатом,
Она покушала-поела, скоро спать легла, —
А насыпала коню, дала пшеницы-то белояровой,
Сама скоро-то призаснула сном ведь крепким тут.
510. А Добрынюшка приехал ко заставушки,
Росказал про всё богатырям:
Полениця очунь сильня,
Им, наверно, ведь её не победить будёт,
Не победить будет поленицы преудáлою.
515. Как во ту пору, во то во сáмо времечко
Ехал старой-от седой он от Чернá моря;
Вот приехал он ко каменю ко Латырю,
Ко гербу-ту он приехал богатырьскому, —
Вот увидел он тут йскопоть лошадиную,
520. Ише стúльем-то земля мать всё испорывана,
Испорывана она же вся же, вырыта.
А и как Илья Мурамец сидел да огледелсе тут,
А и как Иванович усмотрял же всё:
«Это кто тут ездил всё, розъезживал?»
525. Он поехал по йскопоти лошадиную;
А ета йскопоть повела его
Спёрва ко реченьки к Муравленой,
Со Муравленой к Муравенки,
Из Муравенки повела гонá на Сохмат-реку,
530. А как от Сохмат-реки повела она,
А и повела же к заставы богатырьскою.
А и поехал Илья Мурамец,
Он погнал коня своего всё Белеюшка:
«А и ты беги; беги-ко, доброй конь,

535. Ты скачи, скачи, Белеюшко, ты, друг же мой!»
Эта йскопоть повела его,
Довела его до заставы богатырьскою,
А и тут повела во стороночку.
Поехал Илья Мурамец,
540. Видит: на зелёном на лужочки,
У лесов же всё да у Муравенских стоит белой шатёр,
Как белой шатёр белополотненой;
А и видит: знамя у шатра да всё повалено,
А по знаменью узнал же он, —
545. Это знаменьё-то королевское,
А королевско-то, королевы-то,
А и королевы-то Латынгорки, —
А и он признал, што эт королевы от Латынгорки.
Не будил тогда ведь он же ей,
550. А и он поехал ко заставы-то.
Когда приехал Илья Мурамец,
На заставы его стретили,
Его стретили да с цести, с радости,
А и со великого удовольствия,
555. Рассказали, что они видели,
С поленицою боролисе.
Илья Мурамец ответил-то:
«Его дитя же очунь млáдое,
Оно млáдоё-премлáдоё:
560. Если дочь родна королевы-то Латынгорки,
Ей ведь отроду петнадцать лет.
Почему, дивуюсь я сечас,
Отпустила королева-то Латынгорка
Как свою же дочь любимую?
565. Она уехала, наверно, всё омманом-то,
Омманула свою матушку,
Омманула она родимую,
Будто, ей сказала, что: „поеду-то”, —
А и наверно, ей сказала дочь,
570. Что, — „поеду во луга гулять”, —
Сама уехала ко Киеву». —
А и тут Илья-то возговóрил же,
Возговóрил сын Иванович:
«Вы держали ль бой с поленицею?
575. Вы ведь билисе со млáдою?»
Тут богáтыри говóрили:
«Бились, бились с поленицою,
Бились, бились со млáдою, —
Не могли мы ей победить некак,
580. А за то будём ишше боротисе». —
Возговóрил тут да Илья Мурамец:
«А и уж вы ой еси, богáтыри,
Завтра будет к вам на смену-ту, богáтыри!
Поезжайте вы во Киев-то,
585. А я ведь сам буду с ней ведь бой дёржать,
Сам я буду с ей боротисе». —
А и не ясны соколы налётели,
А и дóбры мóлодцы богáтыри наехали,
А и óни тут же всё наехали к заставушки,

590. Наехали тут двенадцать-то богатырей;
 А Добрыня-то поехали
 Со Алёшой, со Вáньюшей Залéшанином,
 Они поехали во Киев-град, —
 Как заехали в лёса-ти Муравенски,
595. Настреляли птици разною,
 Настреляли всё лисиць-куницъ,
 Как лесиць-куницъ да чёрных собслей,
 Увезли они во Киев-град,
 А и увезли они во Киев-град.
600. А как Ильи Мурамцу не спитсе тут,
 А и (в) сголовьях подушечка вертитсе-то,
 Она вёртитсе и кружитсе;
 Он ставал, ставал по утру ранному,
 А и по восходу сонця красного,
605. А и приумыл-то он своё да лицо белое,
 Обтирал он тонким белым полотенчиком,
 На восток-то крестил своё да лицо белое,
 Он молилсе самому спасу пречистому,
 Как пречудною владычицы, божьей матери же, богородицы,
610. Тогда поел же он, покушал и позавтракал;
 Он накормил взял своёго всё добра коня,
 Как добра коня богатырьского,
 Насыпáл ему пшеници белояровой,
 Накормил досыта его пшеницей белояровой,
615. А и напоил его водой, дак свежой водой да из источника,
 Тогда сказал коню Белеюшку:
 «Уж ты, конь мой все Белеюшко,
 Давай сечас разве поработаем,
 Съездим-ко мы с тобой да познакомимся,
620. Познакомимся с поленицей, поздороваемся?»
 А и как тогда скакал да Илья Мурамец,
 Он скакал скоро на добра коня,
 Он ведь поскакал очунь скоро, быстро-то, —
 А и уезжает Илья Муромец на ту долинушку,
625. А на долинушку на зелёную,
 А где-ка стоял шатёр полóтненой,
 А кричал, кричал Илья Мурамец своим же нежным громким
 голосом:
- «А уж ты ой еси, поленица приудáлая,
 А и тебе полно, поленица, проклаждатисе,
630. А и тебе нужно пробужатисе!
 Ты подумай, поленица приудáлая,
 А и приехала в чужй края,
 А и вот в чужй края, в чужй страны,
 А не боишьсе, проклаждаишьсе,
635. А и могут все на тебя наехати,
 А и вот наехати, наброситьсе!»
 А и как кричал Илья Мурамец громким голосом,
 Громким голосом богатырьским-от;
 Услыхала поленица приудáлая,
640. Выходила скоро из шатра же вон,
 Убирала шатёр белополóтненой,
 Умывала поленица лицо белое,
 Одевала поленица латы-ти булатные,

- А и одевала поленица платъё цветноё,
 645. А и платъё цветно богатырьское,
 Отвязывала поленица-та добра коня,
 Как добра коня да богатырьского,
 Брала с собой поленица-та,
 Она брала с собой да саблю вострую,
 650. Она брала с собой да копъё востро богатырьскоё,
 Она брала с собой палицу буёвую,
 Вот буёву богатырьскую.
 Кóгда села поленица на добра коня,
 Поворотила-то его да на Илью Мурамца,
 655. На Илью Муромца сына на Ивановича,
 А она тогда же приезжала близко к самому ему,
 Говорила таковы слова,
 Таковы слова да таковы речи:
 «Уж ты, стар да седат, старик старой-от,
 660. Не во свои сани садишься-то,
 Будто нёким старому заменитисе:
 Твоё дело старикоськоё как в своём домú сидеть,
 В своём домú сидеть на печки на муравленки,
 А не в богатырьски дела же всё соватисе!
 665. У тебя же, у старого седатого,
 Было, наверно, на белóm свету уж поезжено,
 Вволю, вволюшку погулено.
 Не худы же киевски богатыри:
 Стариком седым заменяютсе,
 670. Заменяютсе да закрываютьсе!
 А не для етого я путь держала всё, дорожечку!
 Я держала кóгда, ехала,
 Хотела видеть киевских богатырей, —
 А богатыри, увидели
 675. Они, всё будто огня-то, пламени, меня же убоялисe;
 От меня же не огонь светит,
 А не огонь свётет, искры-от не сыплотсе,
 Пламень-от не пышот-то,
 А не огонь горит, искры не сыплотса!»
 680. А и говорил тогда Илья Мурамец:
 «А и молода же поленица-то,
 А и молода да необычная!
 В Киев ехать — нужно да всё обычей знать.
 А и давай со мной, стариком же, всё поборимсе, —
 685. Старой да малой — два другá.
 Будто я же всё во старости,
 Старой стал, дак я и слабой стал,
 А ты молода, да твоя сила ише младáя-та, —
 Старой, малой — вот ешше да два другá».
 690. А тогда поленица россмехнуласе;
 А они съехались тогда да приударились:
 Илья Мурамец поноровил же ей,
 Не во весь же мах ударил-то,
 А и поленица-то да приудáлая
 695. Со всего розмаху рэзъехалась,
 Она стегнула Илью Муромца
 Своёй палицей тежолою:
 Не долетела ета палица, —

- Ухватил у ей да Илья Муромец;
 700. Она хватала тогда да саблю вострую,
 Подъехала да к Илью Муромцу,
 Хотела махнуть его да саблей вострою, —
 Саблю востру вырвал Илья Мурамец;
 Она хотела его копьем сколоть, —
705. Не допустил тут Илья Мурамец,
 Говорил-то он да таковы слова,
 Таковы слова да таковы речи:
 «Уж ты ой еси, нахвальщина,
 Ты, нахвальщина, нахвальница,
710. Приехала ты, невежа неучоная,
 Ты какой земли, скажи, какой укрáины?
 Какого города, деревенки?»
 Ничего не отвечала поленица-то,
 Она соскочила же скоро со добра коня,
715. А и она кричала Ильи Мурамцу:
 «Стáрик старой, станём бой дёржать,
 Станём бой дёржать мы всё рукопашной-от!»
 А тогда видит Илья Мурамец,
 Что поленица не утратилася,
720. Стал же с ней-от скорой бой держать,
 Скорой бой же рукопашной-от.
 А и вот как видит: дело трудноё, —
 Поленица очунь сильняя;
 Тут Ылья Мурамец-от думает:
725. «Хорошо, шшо ведь богáтыри не стали с ей же они дратисе,
 Не победить было богáтырем
 Поленицы-то премлáдою».
 А Илья-то Мурамец догадлив был,
 Во всех обычьях знал порядочки:
730. А подкорючил у поленицы ногу правую,
 Опрокинул у поленицы ногу левую,
 Тогда падала поленица на сыру землю;
 Тут сядилсе Илья Мурамецъ,
 Илья Мурамецъ да сын Иванович,
735. А и он сядилсе на белы груди,
 А хотел он спороть у поленицы груди белыя,
 Вынеть ее же ретивó серьцо,
 А и ретивó серьцо со печенью,
 Взял ведь в руки он булатный нож;
740. Поленица-то махнулась рукой правою,
 Рукой правою она да всё же белою, —
 А тут сосветил золотой перстень
 Со двенадцетью со ставками с драгима-ти,
 А ведь во ставочках были драги камешки.
745. Тут признал Илья Мурамец своим перстнем,
 А и соходил тогда с белых грудей,
 Стал поленицю тут выпрашивать:
 «А и ты скажи-ко, поленица да всё премлáдая,
 Ты какой страны, какого города?
750. Какого отца, скажи, чьей ты матери?»
 Тогда поленица-та говорила:
 «Кабы сидела я, старик, да я у тебя на грудях;
 На твоих-то я сидела всё на старых белых-то,

- Не спросила бы я роду твоего да всё же племени,
 755. Я спорола бы твои да груди белые,
 Вынула твоё серъцо-то со печенью».
 Ей ведь спрашивал Илья Мурамец в другой же раз,
 Ей ведь спрашивал Илья Мурамец в третей же раз,
 А поленица всё одно говорила:
760. «Кабы сидела я, старик, на твоих грудях,
 Не спросила бы я не роду и не племени,
 Я спорола бы твои груди белые,
 Вынула твоё серъцо со печенью.
 Если хочитце тебе же знать,
765. Я скажу тебе, старик, да правду верную:
 Ото ли я от камня-та от Латыря,
 Как того ли города Латынгора,
 Как королевы дочь любимая,
 Королевы-то Латынгорки,
770. А и как я на имя Марина дочь Ильисня-то.
 Когда я из города Латынгора выезжала-то,
 Со своей я матушкой прошшала-се,
 Мне-ка матушка говорила,
 Что родимая наказывала:
775. «Ты не езд, моё дитятко любимое,
 Ты любимое у мня, милоё,
 Ты не езд на светую Русь,
 Ты не езд ко Непр-реки,
 Не проезжай порогов-то непрёських-то,
780. Не проезжай жо во чисто полё,
 Не бейсе-ко со киевским со сильным, с могучим с богатырьми;
 А если не послушаешь ты, дочь, своей да родной матушки,
 Ты проедешь-то на горы Сарачинские,
 С Сарачинских ты проедешь тут
785. Как ко заставы к богатырьскою, —
 У заставы ты, дитя, не проезжай же ей:
 Тут богатыри где караулят-то,
 День и ночь стоят в охраны-то.
 Когда завидишь ты старого седатого,
790. Не дошод-то, соходи-ко-се с добра коня,
 Уж ты кланейсе ему же до сырой земли, —
 Старой-от седатой есь ведь твой родитель-батюшко».
 А и как Илья Мурамец подходил тогда,
 А и подходил он к поленици приудалою,
795. Брал он поленицу за белы руки,
 Целовал он поленицу в уста сахарныя,
 А и прижимал же поленицу он
 Ко своему ко желанному сердечушку,
 Называл-то ей любимую-ту дочерью:
800. «Уж ты, милая, любимая,
 А и ты поедем-ко со мной сечас
 Как во славной-от во Киев-град:
 Покажу тебе града славна Киева,
 Покажу прекрасного Чернигора,
805. Покажу князя Владимира,
 Князя-та Владимира с кнегиною,
 Со любимую с племянницей,
 Как со той ли всё Марфой-то со Митревной,

- Познакомлю тебя со киевскими красавицами».
810. Он сажал тогда поленицю на добра коня,
Сам ведь сел он на своего да на добра коня,
Поехали в славной Киев-град, —
Тут ведь мать сыра земля да колыбаласе,
Из морей, из рек вода да разливаласе,
815. На мори Хвалынском-то волнами море зволновалосе,
Птици перелётны высоко улетели по поднёбесью,
Звери лесны розбегалисе,
Рыба речна в глубину ушла,
В глубину ушла в морьску она,
820. Ише пеньицо-кореньицо ломалосе,
А мурава трава вся пометаласе,
Все в лесах древа да колыбаласе.
Приехал Илья Мурамец во Киев-град,
Привёз поленицу тут премладую, —
825. Поленици было отроду петнадцать лет.
А и как заехали они на кнеженеской двор,
И соходили-то они да со добрых коней,
Илья Мурамец убрал коней в конюшни во стоялые,
Как своего поставил он Белюшка,
830. Полиничинога убрал он,
Насыпал им пшеницы белоярской,
Наливал воды медовой;
А повёл полиницу премладую
В те во гривины в столовые,
835. Где сидела-то князева племянница,
Ише та ли Марфа, Марфа Митревна,
Он привёл-то, говорил тогда:
«Уж ты здрастуй-ко-се, крестова моя сестрица,
А и как крестова и названая,
840. Ише та ли Марфа, Марфа Митревна,
А и я тебе же говорю сейчас,
Вот я ведь госью-ту привёз тебе!
Принимай-ко госью всё со пути да из дорожечки,
Ей ведь дайте приумьтисе,
845. Приумьтисе ключевой воды,
Приучешите-тко у ей да светлорусы-ти ведь волосы,
Ей ведь нужно приодетисе,
Скинуть нужно всё латы-ти булатные,
Одеть нужно платье цветное,
850. Со дорожки отдохнуть нужно».
Марфа Митревна да не ослышаласе,
А и она же тут приказала нянкам-мамушкам,
Приказала принести же им
Как воды-то тут ключовую,
855. Приумьт девицу из дорожечки.
Набежали нянки-мамушки,
От как вымыли девицу ключевой водой,
Уплели ей трубету косу,
Подавали платья лучшия,
860. Дзрогй же жемчуги на грудь ее.
Тут покушала девица с Марфой Митревной,
Тут пришла жо к ним кнегина Апраксея королевисня,
Пришла, с поленицей поздоровалась,

- Поздоровалась, познакомилась.
865. А и посидели, поговóрили,
А и как приготовили для гостыи для приезжоу
Ей кроваточку точёную,
Вот точёну золочёную,
Ей перинушку пухóвую,
870. Как сголовицо шелкóвое,
Одеяло соболиное.
В одну спальню с Марфой Митревной
Тут повалилась поленица со дорожочки,
А и она тут же скоро призаснула-то;
875. Когда ото сна она проснуласе,
А пришол тогда Владимир князь,
Как Владимир князь да стольнекиевской,
Посидел, поговорил же с ней.
Как для госьи для приезжоу,
880. Для поленици-то премлáдоу,
Собирал Владимир князь же пир,
Зазывал на пир всех деушок,
Всех ведь деушок из Киевз,
Приглашал девиць же из Чернигора,
885. Всех богáтырей зазвал на пир.
Скоро, скоро тут ведь гризины наполнилсе
Как гостéми-ти полнёхоньки, —
Тут пошло же пированьицо,
Как весёло столованьицо.
890. В пиру был же сидел всё же тут
Сам Илья сидел же Мурамец,
Илья Мурамец сидел же сын Ъвановиц.
А и тут играли-то арфы игромые,
Тут играли струны золочёные,
895. Тут играли в гусли во весёлые;
А и много кушанья было у князя тут покушано,
Много зеленá вина с пивом попито,
Много медовых разных напитков.
Так премлáда королевисня
900. Гостила в Киеви-то мeсeць-от.
Как прошол же тогда мeсeц же,
Илья Мурамец говóрил-то,
А и он возговóрил-то, сказал тогда:
«Уж ты ой еси, премлáда поленица-то,
905. А тебе надоть собиратисе,
В путь-дорожку отправлятисе:
По тебе скупае рóдна матушка,
Теперь, наверно, розыскивают рóдны братьица».
Поленица-то премлáдая тут ведь стала собиратисе,
910. Сзбиратисе, отправлятисе,
А со князем стала рoспрошшатисе,
Как со князем, со кнегиною,
Со любимой с его племянницой,
Как со всимá со киевскимá с девицами,
915. Как со киевскимá, с чернигорскимá.
А и провожать поехал ей же ведь,
Провожатым поехал Илья Мурамец,

- Илья Мурамец сын Иванович;
 Когда ехал с поленицей в путь, в дорожечку,
 920. Он ведь ей же все рассказывал,
 Где-ка он бывал, чего он видал,
 Ише всё принаказывал поленици-то:
 «Уж не ездико, премлада поленица-то,
 Ты не ездико во славной Киев-град:
 925. Тебя побьют-то киевски богатыри,
 Тебя лишат-то жизни младаю».
 Поленица тогда говбрила:
 «Уж я была во городи во Киеви,
 Я хоть гостила месьць поры-времени,
 930. Мне-ка в Киеви пондравилось;
 Только одно было у мене горе на сердечушки:
 Я хотела поборотисе как со киевскими со богатыреми,
 Я хотела их побросать да за желты кудри, —
 Не дозволил ты мене-ка поборотисе!
 935. Уж ты ой еси, Илья Мурамец,
 Илья Мурамец сын да всё Иванович!»
 «А й кабы не я же, поленица приудалая,
 Тибя побороли бы киевски богатыри».
 Ишшо говорил Илья Мурамец таковы речи,
 940. Потому же говорил, шшо поленица не догадаласе,
 А сам ведь знал, шшо не победить ее.
 Когда приехали во город во Латынгор-от,
 Подъехали к дворцу да королевскому,
 Ко дворцу же королевскому,
 945. Тут встречали слуги верные,
 Тут выбежала встречать сама да королева-та,
 Королева-та латынгорска;
 Она ведь с радости хватала-то
 Свою доченьку любимую,
 950. Человала ее в уста в сахарные,
 Прижимала к ретиву сердцю,
 Называла ей премладой королевной-то:
 «Уж ты, душочка, моя дочь любимая,
 Как премлада ты Марина Ильисня-то,
 955. Тебе отроду петнадцать лет,
 Ты, поленица преудалая,
 Преудала, очунь сильняя!
 Добро жаловать, да дорогой же гось,
 Дорогой гось Илья Мурамец,
 960. Илья Мурамец сын Иванович!»
 От убежала поленица в пслаты в королезские,
 Слуги убрали добра коня;
 Когда стал Илья же Мурамец здраватьце
 С королевой-то Латынгоркой,
 965. Он ведь ей стал тут говорить-то всё,
 Што: «не пускай-то боле своей дочери любимую:
 Ей побьют же киевски богатыри».
 Королева отвечала-то:
 «Я не могу никак задержать её;
 970. А тепере разузнала-то,
 Не спушшу боле, задержу ее».
 А жил Илья-то во городе во Латынгоре,

- Жил ведь он же челой мѣсець-от,
 Через мѣсець-от он поехал всё,
 975. Он поехал в славной Киев-град.
 А королева провожала-то
 А и далеко же Илью Муромца,
 Надавала, надарила-то
 Много злата, много сѣребра,
 980. Дорогого скатна жемчуга.
 Поцему роспростиласе ведь с ним она,
 Во слезах же прироссталасе?
 Поцему Марина королевисня
 Ненавидела отца же своего да Илью Муромца,
 985. Илью Муромца Ивановича?
 Когда с ребятами играла-то,
 С имá шуточки шутила-то,
 Балабúтки говорила-то —
 Кого хватит она за́ голову,
 990. Бросит, — у того парня голо́ва болит;
 Кого возьмёт она ведь за́ руки, —
 У тех ребят болят да руки белые;
 Кого хватит-то она за́ ноги, —
 У того не владеют ноги резвые.
 995. Тут ведь дети-то озлобятся,
 Как ребята от досады-то
 Закричат они Марины королевисни:
 «Уж ты, Марина королевисня,
 Как над нами изгиляишьсе,
 1000. Нас уродами ты делаешь,
 Как или кем уродуешь?
 Твой ведь род да не знаменитой есь,
 Ты наживы заугóльнёю,
 Ты ведь всё не королевьска дочь,
 1005. Ты ведь са́мого роду прóстого,
 Роду прóстого хресьянского!»
 А и за то королева-то разгневалась,
 Она всех князей своих, бояр, дворян повыселила.
 А свою дочь-ту не спускала всё
 1010. Боле ехать на светую Русь,
 Молодú взамúж повыдала
 За королевица задонского, —
 Побояласе, шшобы не погинула где в бою.
 Илья Мурамец приехал в славной Киев-град,
 1015. Все богáтыри-ти стали спрашивать:
 «Куда увѣз такú красавицу?»
 Рассказал тогда Илья Мурамецъ:
 «Всё равно на красоту ее же все-то вы прельщалисе,
 А всё равно вы же с ней не можете в мужьях же быть;
 1020. А и как она с вами будет бой держать,
 Некому́ ей не одолить же ей,
 У вас силы с ей неравные,
 У вас силы-ти малы же всё, —
 А Марина-та Ильисня же,
 1025. Она млáдая ведь есь же всё!
 (За)чем в Киев ведь как взять же вам?
 Она роду королевьского,

- У ей мать-то королева же;
Сколько птица-то летит, птица-та перелётная,
1030. А немного птица-то в отдóхи-то сидит она,
(С)только короли-то-ти все в правды живут.
У ей мать-те королева есь, —
Они сегодня-то друзья, считай,
А завтра они вороги,
1035. А не скажутце, не доложатсе,
А нечаянно набросятсе,
Вот набросятсе, накинутсе».
А как через три года пóры-времени
Королева-то Латынгорка
1040. Отдала она в замужество
Как свою-то дочь любимую,
Дочь любимую единую
За того ли она ли да королевица,
За королевица задоньского.
1045. Илья Мурамец на свадьбы был;
Он со свадьбы отправлял же всё,
Отправлял ей во королевьсво-то задоньское.
Если не Илья-то бы Мурамец,
Победила всех богатырей,
1050. Погубила, отрубилa бы,
Отрубилa буйны головы,
Избила всю же силу руськую.
(Вот какá была!)
Той старинушки конец пришол.
Илья Мурамец, поехал-то
1055. Во свой город-от во Муром он,
А из Мурома в Качарово.
А когда пришла королева же задоньская
Она в годы-ти во взрослые,
Понесла она же огрубленьицо,
1060. Што отец не король же был, —
Ей отец родной был Илья Муромец,
Илья Муромец Ивановиць.
Она на это огрубиласе,
Своему мужу, королю, да возговóрила:
1065. «Отмесси-ко-се насмешочку Ильи Муромцю за ето-то,
Пошлём силы очунь много-то,
Пушшай побьетсе Илья Мурамец:
Он не млáдой, — сила-то не сильняя».
Король послушал королеву-ту,
1070. Посылал силú двенадцать раз, —
Не могли-то взять слáвна Киева,
Илья Мурамец победил же всех.
Тогда королева-та роздумалась,
Королю-ту возговóрила:
1075. «Ты, король, король, супруг же мой,
Ты, супруг же мой любимой-от,
Нам ведь полно понапрасну погублять людей,
Города-ти разорять да все дерёвенки:
Дóкуль отец живой, да Илья Мурамец,
1080. Всё равно не победить его!»
Она писала Ильи да много грамоток,

- Посылала рукописаньицо,
Звала, чёстовала в гости-ти,
Хотела с им же помиритисе.
1085. Илья Мурамец догадлив был,
Не поехал он к ней в гости-то, —
Потому он не поехал-то,
Думал, шшо же ведь погубят-то.
(Он хитрой был, знал, что всё она несёт насёрдку. Вот королева Латынгорка какá была! Столько детей наносила после короля. А, может, не все Ильи Муромца были? Нет, он знат уж, его не омманешь.)
-

№ 64. СТАРИНА ПРО ВАНЮ ЗАЛЕЩАНИНА

- А и как во гради-то ведь и было вот во Киеви,
А у ласкового князя всё у Владимира,
При его-то ведь как было всё как вот княженьици,
При его было премудром управленьици,
5. Как ведь был-то, шол у князя тут весёлой пир,
Вот весёлой пир ведь шол у князя-та, весёлой стол,
Где-ка съехались, скопилисe богáтыри,
Где-ка съехались, приехали млáды рыцари,
Где скопилисe народ, да люди разные,
10. Люди разные-ти все из разных племени,
Из городов-то ведь народ они, из деревенок,
Все со старого до малого ведь и зáзваны были народ йиз Киева;
Вот весёлой-от пир у князя шол навёсели,
Красно солнышко пекло у нас, нагорело оно,
15. От жары-то народ-люди очунь чуть могли перенести ето
времечко,
Уходили все народ да в зеленý сады,
Как скрывалисe народ во разных-то,
Под древами-ти народ же под растушшими,
А и вот скрывалисe всё народ под кустами разными,
20. Но у князя-та во гривинах в столовых-то
Шло пированьицо у князя тут весёлоё.
Красно солнышко пекло уже на йсени,
Как ведь много было кушанья тут покушано,
Разных водочек заморьских тут же попито,
25. Вот играли тут, играли арфы́ игромые,
Ише рáзны тут струночки золочёные,
Вот играли-то тут гусли вот весёлые,
Распевали тут богáтыри про старинушку,
Про старинушку распевали про старинную,
30. Про старинно-то, про прежно всё про времечка,
Как ведь жили люди прежны в старó времечко.
На пиру-ту все же гости призаслушались,
Призаслушались сидели все, огледелисе.
Во ту пору-ту, во сáмо во то времечка
35. Ни есён сокбл во Киев вот залётывал,

- Как приехал-то богатырь йиз чиста поля,
 Из того ли всё раздольица широкого,
 От заставы-то от славной богатырьскою,
 А и приехал-то ведь и Ванюша скорым гонцом,
 40. А и вот приехал-то ведь и Ваня на широкой двор,
 А и на широкой двор приехал на кнеженейской он;
 А и привезал же Ваня взял коня ко столбу же ко стоячему,
 Ко стоячему к столбу он ко дубовому,
 Ко колечушку вязал Ваня к золочёному,
 45. Вот насыпал он пшеницы-то белояровой;
 Вот пошел, пошел ведь Ваня в светлы гривины,
 В светлы гривины пошел Ваня во столовые,
 Как во светлы-ти, сказать же, светлы светлицы,
 Отворял-то двери Ваня потихошеньку,
 50. Закрывал-то Ваня двери очунь накрепко,
 Вот молился Ваня спасу всё пречистому,
(Отец ведь слышал наш от мезенцев; отец у нас был памятной, как слышал, так и пропевал—я не хочу ни одного слова выронить.)
 Он крест-от клал ведь, Ваня, по писанному,
 Вот поклон-то он ведь вёл же по учёному,
 Он ведь князю-ту Владимиру низко кланелсе,
 55. Всем богатырям-то, рыцарям честь воздал,
 Со всем народом на пиру да поздоровалса.
 Говорил ему тогда да вот Владимир князь,
 Что Владимир князь говорил он славнокиевской:
 «Добро жаловать, дородней ты доброй молодец,
 60. Уж ты, киевской ведь всё же млад богатырь есть,
 Ише на имя Иванушко Залёшанин,
(Я не знаю, как оно по отечесву, не запомнила. Может быть, он (отец) и знал.)
 Очунь рад-то я тому, шшо ты прехал к нам!
 Ты садись, садись, Иванушко Залёшанин,
 Как садись-ко-се, зайди же на почесен пир,
 65. Заходи-ко-се и садись-ко-се за столички окольные,
 На скамеечки садись же на дубовые,
 Они покрыты-ти, скамейки, рытом бархатом,
 На ковры-ти ты садись на пересийские,
 За скатерти садись же ты за браные,
 70. А за кушанья садись-ко-се за разные,
 За напитокочки садись же за заморские!
 А уж я давно тибя хотел да повидать, Иван,
 А и как Иван да всё Залёшанин,
 А и три-то место я тебе, да князь, даю сейчас:
 75. А и перьво место-то тебе — возлэ миня садись,
 А и друго место-то тебе — место почётное,
 А и вот почётное-то место, во большо́й уго́л,
 А и третьё место, скажу, — да куда сам жалашь,
 А и кúда сам-то ты, сам желашь, куда тебе хочитса!»
 80. А и не садилсе тут ведь Ваня во большо́й уго́л,
 А и во большо́й уго́л не садылсе, в место в перьвоё,
 А и не садилсе Ваня возле князя он Владимира,
 А и сел ведь, сел-то тут ведь Ваня в стол середней-от,
 А и во середнем-то столу сидели всё, сказать, ведь млáдые
 бога́тыри

85. Ише млáдыя богáтыри, млáды рыцари.
 Подносили скоро Вани чарочку зеленá вина,
 Зеленá вина ведь цýра не большá была,
 Не большá-то чарочка всё, чара не малая,
 Эта чарочка была же полтора ведра;
90. Принимал-то Ваня чарочку правóй рукой,
 Проздравлял князý Владимира с богáтырьми
 Со его ли всё со жизней со спокойною,
 Со его ли всё со жízнэй вот со тихою,
 Выпивал-то Ваня чарочку на яди́ной дух.
95. Подносил другú чарочку пива пьяного,
 Эта чарочка была такая, как и перьвая;
 Принимал-то Ваня чарочку одной рукой,
 Выпивал-то он же чарочку на единой дух.
 Подносили ёму третью вскори чарочку;
100. Принимал-то чарку Ваня всё правóй рукой,
 Выпивал-то он же чарочку на единой дух,
 Тут ведь нáчел Ваня скоро поговаривать.
 Говорил ему Владимир князь стольнекиевской:
 «Вот покушай-ко, поешь, Иванушко, с дорожечки,
105. После кушанья тебе нужно соснуть же всё,
 Вот соснуть тебе ведь нужно, отдохнуть, смотри,
 Утомилсе ты у заставы богатырьскою.
 За твою ли за услугу очунь верную —
 Не получал, наверно, ты же жалованья годового-то, —
110. Я хочу, хочу тебя, Иванушко, пожаловать:
 Ты бери, бери красна золота, сколько надобна,
 Ты бери чýста сéребра, сколько нужно вам,
 Ты бери, бери каменьяца самоцветного,
 Самоцветного каменья бери же драгоценного,
115. Ты бери, бери драгóго гу мян жемчуга,
 Бери, бери (и)з одежды-платья, из обуви.
 Может быть, надоть ведь как платьице твоей семьи?
 Вот твоей-то всё семьи, да отцу-матушки?
 А и отцу-матушки не надоть, то молодой жонь?
120. Как твоим-то, может быть, нужно малых детоцькам?»
 «Издалёка, красно солнышко Владимир князь,
 Как Владимир ты же князь да славной киевской,
 Я давно, давно уехал со своей с родной сторонушки,
 Я нахожусь у тя во Киеви двенадцать лет.
125. У мян осталсе во деревни-то отець-батюшко,
 У мян осталаса родима-то рóдна матушка,
 А как остались были братья-то, рóдны сéстрици.
 Когда-то мне, как жил здесь (у) вас во Киеви пять годочиков,
 Вот пришла-то ко мне маленька очунь грамотка, —
130. Вот с нашими-то с богáтырьми из одной же он дерéвенки, —
 Вот писал-то мне отець да рóдна матушка,
 Они писали, что болесь в деревни была страшная,
 Что ведь померли у мян да братья, сéстры-ти,
 Отець с матушкой живут же от трудов своих;
135. Они писали, штобы я же, сын, вернулсе к ним.
 С того времени не бывало некакой же мне-ка весточки,
 Может быть, радители не знают, куда послать скору грамотку,
 Скору грамотку послать да скоры(й) ярлычек?

- А может быть, в живых же нет да отца-матушки.
140. Я ведь ... отец у мя да был у мя ведь пахорь-от,
Он пахал, пахал ведь пашню в дерэвенки,
Прозывался он у мя да чэрным пахорём,
Мать была же всё протá такá деревеньска прбста женшшина». «Ежели хочёшь, Ёиванушко, повидатисе,
145. Поезжай-ко, я тибя же отпускаю всё, —
Говорил ему ведь всё же вот Владимир князь, —
Ты бери, бери с собой да золотой казны,
Ты бери, бери с собой да ч́ста с́ребра». Отвечал тóгда Иванушко Залéшанин:
150. «Красно золото-то, мне же не к чему вонб,
Не к чему оно ведь, золото, не к надобью,
Деревеншшина-та золотом не повадилса,
Не повадилса я жить, да всё не знаю как.
А чисто с́ребро ведь мне не откупатисе,
155. Деревеншшины-то, нам же нету чести-славушки,
Чести-славушки нам нет, никакого названия, —
Та и честь-та нам ведь только есть и славушка,
Называют што: «простой мужик, деревеншшина,
А прота же деревеньска идёт женшшина,
160. Без деревеншшин, без мужика да жись плоха была,
А без женшин без деревеньской вот куды тогда?
А хто ведь пашни-ти ведь пашут? деревеншшина?
А кто стада-та рáзны скота дёржит,
Што не женшшина-деревеньшшина?
165. Как не наши-ти ведь были те работушки,
Не деревеньски-ти ведь были все заботушки,
Чего неженки-белорученьки стали кушати?»
Почему-то так ведь Ваня-то Залéшанин наговаривал,
Наговаривал-то Ваня всё, напенивал?
170. Потому Ваня наговаривал, напенивал,
Что боярски-ти ведь дети все, дворяньския,
Они постоянно-то над Ванёй насмехалисе.
А и подошол-то князь Владимир, низко кланелсе:
«А и уж ты ой еси, Ваня ты Залéшенин,
175. Не клади-ко с́дьбы-жалобы
А и на меня, княз́я Владимира,
А и не гляди на разговоры неприятныя,
А и ты скажи, скажи да правду сушшую,
Каќи дети над тобой да насмехалисе?
180. А и я могу, могу ведь, князь, йих наказаньё дать,
А и наказаньё дать, запретить в речах.
А и не думай на меня же зла,
А и я за тибя да вот всё стою же, князь,
А стою да дорожу тобой».
185. А и говорил тогда Ванюшка Залéшенин:
«А и кособрюхи дети-ти боярския,
А и вот боярския, дворянския,
А и вот бояра кособрюхие,
А и ко заставушки (б) приехали,
190. А и они знают всё свою невзгодушку,
А и россчитаюсь с нимá я тогда». А тогда дети-ти дворянския
А и ужахнулись, испугалисе,

- Ишше старшой-от хорóнилсе за среднёго,
 195. А как среднёй-от хорóнилсе за младшего,
 А и вот младшего, от малого гответу нет.
 А и говорил тогда Владимир князь,
 А и вот Владимир князь да стольнёкиевской:
 «А и уж ты ой еси, Йиванушко Залéшенин,
 200. Расскажи-ко мне, князю, поведай-ко,
 Ишше всё ли идёт на заставы по порядочку?
 По порядочку йидёт да как ведь следуёт?»
 А и отвечал Йиванушко Залéшенин:
 «А и ву нас всё идёт на заставушки по старому,
 205. А и вот по старому порядочки же все, по прежнему,
 Только вот, скажу тебе, Владимир князь,
 Я скажу тебе да диво дивноё,
 Диво дивноё да очунь чудноё:
 А й как я вот ведь ездил-то, Ваня, я во чисто полё,
 210. А и во раздольице ездил во широкое,
 А и видел йископоть я всё же лошадиную,
 А будто стульём вся земля сворочена;
 А и как я поехал я от камня от Латыря,
 От того ли от кружала богатырьского,
 215. А и всё ведь ета ископоть вела миня;
 А и я проехал до гор до Сорочиньских-то,
 А на горы заехал — всё вела миня;
 А и проехал ко реченьки к Муравленки,
 А и всё йскопоть-то шла же тут;
 220. Я заехал в леса Брыньские, —
 В лесах Брыньских силушка скрываласе,
 Ета силушка ведь вся да печенегосьска,
 А и как того ли царя да печенегорского,
 Много силушки да залегло же тут.
 225. А и как мои плечи могучи шевелилисе,
 Лепетá в лици перемениласе,
 А и на коне сидел задумалсе,
 Вот задумалсе, замыслилсе:
 А и не знай, мне ли зачинать ли бой?
 230. Ли вот назадъ же прочь отъехать?
 А и как не чесь — подумал — молодецкая,
 А и вот не выхвала славна богатырьская:
 Видел силы приходяшшую,
 А и от силушки, трус, да прочь отъехал-то,
 235. А и тогда все люди будут надо мной смеятисе,
 Хуже бабы назовут миня, —
 А я подумал бы, решилсе, князь,
 Держать бой-драку великую.
 Ето было по восходу сонца красного,
 240. Как по ранному по утру-ту,
 А и паворачивал я скоро всё добра коня,
 А и коню сказал такй слова,
 А и вот такй слова да таковы рецй:
 «А уж ты, конь мой, конь богатырьской-от,
 245. Богатырьской конь Буреюшко,
 Послужи мне, конь, да правдой сушшою,
 Помоги мне в битвы вот в кровавою!»
 А и тогдá стегал коня плётчкóй шелкóвою,

- Сказал: «Нужно зачинать, пора!»
250. Полетел же конь птицей перелётною,
Начел (в) силушки поежживать,
А и вот поскакивать, помахивать.
А и я вправó махал, — валилась улица,
Налевó отмахнул, — дак переулучки;
255. А и билсе, билсе, всё боролсе я,
А и как прошло времечко, скажу же вам,
Билсе-боролсе три неделёчки пóры-времени:
Силу перьвую повыбил всю,
Другá сила подошла ко мне;
260. Другú силушку повыбил я,
Третья сила подошла ко мне.
Из-за тех ли из-за кусточков малиновых
Они стрéлили в меня же стрелочкой калёною,
Розлетелась ета стрелочка калёная,
265. Она падала не нá гору, не нá землю,
Розлетелась прямо в меня она,
Вот хватила меня стрела во правой бок,
Полилась тогда да кровь горячая.
Тут немного злодеи думали,
270. Меня запутали в пúтани шелкóвые,
Вот задёрнули в оргáны во железные.
Не знай, много ли, мало ли лежал же я, —
Слышу, ржёт ли мой конь богатырьской-от,
Верно, тужит конь да о хозяйини;
275. А и тут собралсе я ведь с силами последними,
Рóзорвал же я оргáны-ти железные,
Пéрервал я пúтани шелкóвые,
Тóгда скакал же, Ваня, на резвы́ ноги,
Увидал, што во плену у них.
280. А не вёшна-то вода да розливаласе,
А сила гопять да находила-то;
Надошло же силы много-то,
А и я́сну соколу-птици не облететь бúдёт,
Дóбру мóлодцу богатырю не объехать на добрóm конí,
285. Пересчёту не сосчитать будет, —
А й йизрубил-избил я силушку приходяшшую,
Не оставил йим силушки на сéмена».
А и тут ведь кнезьям-бб́ярам за беду пришло,
За великую обиду показалосе,
290. Возговóрили князю-ту Владимиру,
А и вот Владимиру князю славному киевскому:
«Уж ты ой еси, Владимир князь,
Вот Владимир князь ты стольнёкиевской,
А ты не слушай Вани-то Залéшенина, —
295. Он тебе неправду всё говóрит-то.
Мы не верим и не слушаем,
Далёко Вани бы побить силу́;
Ваня врёт да всё вракóй живёт».
Тут Иванушку Залéшенину за беду пришло,
300. За великую гобиду показалосе,
Он ведь начел по столам кулаком своим да поколачивать,
Правой ножечкой во пол да поколачивать,
Забречала вся посуда кнеженеская,

- Розливались все напитокчи-ти разные;
305. Князь Владимир испугалсе тут,
Он не знал же, чем ударивать, —
Некто, некто не мог розговорить его,
Некто его приутешити.
А и выходил тогда из-за столичка переднего
310. А и как богатырь Илья Мурамец,
Илья Мурамец сын Иванович:
«А и ты послушай миня, Иванушко Залешенин:
А и как богатыри, всегда да они крепки есть,
Они силушкой-то сильния,
315. Умом-разумом разумныя.
Не снимайсе-ко с детьми с боярскими, —
Боярски дети ведь, дворянские,
Они — трусы-ти ведь перьвыя,
Во словах-то есь хвасливые,
320. В разговорах всё противные».
А и тут послушался Иванушка Залешанин,
Скоро сделалсе же смирным тут;
А и как тогда Илья Мурамец гово́рил-то:
«Ваня всё же вот Залешанин,
325. Знаю его ведь службу верную,
Что говорит ведь Ваня — правда сушшая.
А уж ты съезди-ко, дородный доброй млодец,
А и съезди, богатырь киевской,
А и съезди, Алешенька Поповиць млад,
330. Осмотри силу́, проверь же всю!»
Говорил же князь Владимир тут:
«Уж ты ой еси, Илья, да Илья Мурамец,
Илья Мурамец сын Иванович,
А и поезжай-ко-се, Добрынюшка, другим же там,
335. Поезжай-ко, Пересчотов-от родной племянничок,
Пересчитайте силу всю убитую!»
«Наверно, Иванушко Залешанин,
Иступилась у тебя, наверно, сабля вострая,
А и затупилось твоё копьё богатырьское,
340. Твои же ручки бёлы опрутели-то,
А могучи́ плечи́ остоялисе».
«Ето правда всё, да Илья Мурамец,
Ето былъ твоя есь ведь сушшая,
Не замог держать в руках я сабли вострою,
345. Не замог держать ко́пья богатырьского.
Как последни свои силушки забрал же я,
Я ведь выхватил стоячей дуб,
Вот стоячей дуб с корнём, с вершинами,
А йиз етого из дубу я стоячего
350. Сделал вот сибѣ дубиночку,
Вот я етой дубиночкой приколотил же всех,
Не оставил йих не единого в живых, сказать».
А и тут богатырям за беду пришло,
Тут ведь рыцарям за насмешку показалосе,
355. А то́гда князю возговори́ли:
«Нужно съездить посмотреть же всё!»
А и посылал же князь ведь трёх богатырей:
А и как ведь перьвой-от богатырь-от поехал всё Добрынюшка,

- Вот Добрынюшка поехал сын Микитич млад,
 360. А другой богатырь-от поехал ведь Алёшенька Попович-от,
 А третей богатырь — Пересчота родной его племянничок.
 Скоро, скоро тут богатыри, средилисе,
 Вот средилисе богатыри, поехали,
 А й они поехали, проехали заставу богатырьскую.
365. Осмотряли тут во трубочки в подзорные,
 А и что везде, везде стоит да по приятному,
 Некого́ негде́ нет да неприятеля,
 Неприятеля нет, врага поганого.
 Вот поехали богатыри да в лёса Брынские,
370. Кóгда приехали в леса они во Брынские,
 Увидали: силы тут накладено,
 Силы горами тут навалено,
 А и как ведь не могли силы счотом сосчитать некак.
 Кóгда дубиночку-обломоцок они свесили,
375. Потенула ета дубинушка да девеносто пуд,
 А и много было ише дубинушки отломано.
 Тут богатыри ужახнулисе,
 Ужახнулисе да ростреложилисе:
 «Сколько силушки набито тут!»
380. Вот поехали богатыри во Киев-град,
 Рассказали всё князю Владимиру,
 Они дубиночку ведь отдали князю всё, обломочёк.
 За такую за службу верную князь Владимир низко кланелсе,
 А благодарил Иванушка Залешанина,
385. Приносил в подарок шубу соболиную, —
 Мех дорогой всё бобровой был,
 А и навёрху-ту драп заморской был,
 Со тимá ли он со пуговками да с золочёными:
 Пёрва пуговка была да во петьсот рублей,
390. Другá пуговка была она во тысячю,
 Третьей пуговки чены́ да вот не дашь некак,
 Не обченить б́удёт ведь киевским обченшшичкам, —
 Дарил ему сапожечки сафьяные,
 Того ли всё сафьяну-то зелёного,
395. Вот зелёного сафьяну пересийского,
 Дарил чулочки разны заморские шелкóвые,
 Дарил ему перьчаточки да йиз семи шолкóв,
 Дарил ему же сеточку шелкóвую,
 Из двенадцети шелков да пересийских-то,
400. Дарил шляпочку ему пухóвую,
 Ета шляпочка была да йиз Царя-градá,
 Дарил перстень ему да на правú руку, —
 Со работою с моськосью,
 С позолотою черкосью,
405. В етом персни было три-то ставочки:
 Пёрва ставочка была да самоцветная,
 Дрúга ставочка была да драгоценная,
 Третья ставочка была да драга камешка, —
 А и принёс, много он дарил да золотой казны,
410. Дарил много он да чисто сéребро.
 А и как во ту порú, во то время
 Приехали богатыри с заставушки,
 Вот рассказывают да всё говорят вонí:

- «Каждой день к заставы приезжает к нам
 415. Как богатырь-от неведомой,
 Конь у его же, будто лютой зверь,
 Поперёдъ его да два же сокола летит,
 Позади его да две куны бежит,
 Он ведь силой вочунь сильнейъ есть, —
420. Мать сыра земля колыблетса,
 Из морей, из рек вода да разливаетса, —
 Мёцёт палицю тежолую,
 Мёцёт палицю правой рукой,
 Он подхватывает левой рукой,
425. Клонит палицу на Киев-град,
 Просит, просит поединшичка».
 А и тут не лютое зельё розгорелосе,
 Богатырьско серьцо ростреложилосе,
 Лепетá в личи ведь скоро перемениласе,
430. Могучи плечи у Вани шевелилисe,
 Выходил-то скоро Ваня йиз-за столичков,
 Он крестил своё да лице белоё,
 Помолилсе спасу пречистому,
 Пресвятой он божьей богородицы,
435. Благодарил князя Владимира,
 Вот Владимира князя со кнегиною,
 Всех богатырей славных киевских,
 Всем народу он простому поклонилсе он,
 Только не кланелсе детям боярским-то,
440. Вот боярским-то, дворянским-то.
 А тогда пошел ведь Ваня йиз полат-то вон,
 А и он пошел, Ваня, скоро на широкой двор,
 Отвязывал он скоро тут добра коня,
 Он садилсе скоро на добра коня,
445. Вот поехал Ваня во чисто поле,
 Во роздольцо же Ваня во широкоё;
 А й ко заставушки приехал к богатырьской он,
 Осмотрял же, проверил всю заставушку.
 Он ведь скинул своё же платье цветное,
450. Одевал он латы булатные,
 Одевал он ведь платье богатырьскойё,
 Брал с собой же Ваня палицю тежолую,
 Вот тежолу брал Ваня богатырьскую,
 Брал ведь саблю востру богатырьскую,
455. Брал тежолу вон палицу богатырьскую,
 Скакал скоро, проворно на добра коня,
 Распростилсе Ваня со всима тогда;
 Вот поехал он во полюшко,
 Вот во полюшко во чистоё,
460. Во роздольцо в широкоё,
 Он проехал-то ко реченьки к Муравленки,
 Осмотрял у реченьки, — всё же тихо есть;
 А и как поехал он скоро ко речки-то ко быстрою,
 А и вот ко быстрей реки к Оффрак, сказать, —
465. Ничего у речки нет негде;
 А поехал он к Пучай-реки, —
 У Пучай-реки всё тихо есть;
 Вот Ванюшка Залешанин — ко той рецьки ко Дунай, сказать, —

- У Дуная, у реченьки у быстрою,
 470. У того ли всё у камешка у серого,
 Сидит богатырь вон на камешки,
 Конь его же всё пшеницю ест,
 Все пшеницю ест, ведь кушает,
 Ему налита вода да всё со Дунай-реки.
475. Подъехал тут Иванушко Залэшанин,
 Не доехал до его же он немного-то,
 А и кричал, кричал своим громким голосом:
 «Уж ты ой еси, богатырь, гось приезжой есть,
 Не по богатырских ты условиях дѣла делаешь,
480. К нам к заставы не евяешься!
 А и ты не вор же едзишь, не разбойничок,
 Не лихой ты все злодейничок,
 Ты должон, по правды ежели ты едзишь-то,
 Должен к нам, богатырям, подъехати,
485. Познакомиться с нами, поздороватьце!»
 Тут богатырю за беду пришло,
 За великую насмешку показалосе:
 «А и уж ты, едакой болван приехал неучоной-от,
 Ишше хочошь со мной да скорой бой держать!
490. Ежли хочошь, дак давай скорей!»
 Тогда садилсе богатырь на добра коня,
 Они начели скоро бой дёржать.
 А богатырь-от приезжой очунь страшной был,
 Очунь страшной был, как великан большой,—
495. Когда подъехал он к Иванушку Залэшанину,
 Мать сыра земля да потресаласе,
 Морѣ Чёрноѣ с Хвалынским сколыбалисе,
 Они морской волной да розливалисе,
 Тёмны лесики, леса все пошаталисе,
500. Все же птици перелётны испугалисе,
 Испугались птицы, розлетелисе,
 Звери лѣсны розбегалисе,
 А и вся же рыба-та в реках да во станы ушла.
 А и закрычал-то богатырь страшно-то по звериному,
505. Зашипел-то гон, злодей, тут по змейиному:
 «Уж ты, молод же поркун, да не пужаишьсе,
 Не боишьсе ты ведь страху, такой ужасти,
 Хочёшь ты со мной, с богатырём задонским с таким, боротисе!
 Миня некто, некто не можот-то победить некак,
510. Я побил, побил короля-то всё у той ли у королевы-то у
 Латынгорки,
 Погубил у ей короля — мужа у ей же всё — латынгорского,
 Победил-то я двинадцеть ихных рыцарей!
 Все богатыри от миня да уезжают прочь,
 Все ведь рыцари от миня же вот скрываютсе;
515. А тебе-то не уйти от меня, не уехати,
 Посажу тибя на долонь свою на правую,
 А прижму-то я долонью вот ведь левою,
 Между мойма-ти долонями мокро будёт тут!»
 Возговорил тут Иванушко Залэшанин:
520. «Не хвались-ко ты, богатырь, впереди же ты поры-времени:
 Большой же великаны есь богатыри,
 Они ведь многи же, богатыри, есь убиты;

- Не великй всё ведь киевски богатыри,
Они силою сильны, подвигами очунь крепкие.
525. Если писано на роду да мне уписано,
Во планеты-то мне же все назначено,
Во планеты-то мне все ограничено,
Делать нечего, — тогда богатыри не боятце-то,
Не боятце, не страшатце смерти скорою,
530. Они йдут, йдут на поединочки, на смертной бой».
Тут богатырю-ту всё же за беду пришло,
За великую насмешку-ту показалосе,
Закрычал-то громко, звонко, очунь страшно он,
Зашипел-то он ведь страшно по змеиному,
535. Поворачивал он скоро тут добра коня,
Вот подъезжает он к Иванушку Залешанину;
Ужахнулсе тогда у Иванушка богатырьской конь,
Он ведь падал на колени о сыру землю.
Как стегал-то его Иванушка плёточкой шелковою:
540. «Что ты, доброй конь, да сказать, Буреюшко,
Разве мало ты у мя в поездках езживал?
Разве мало великанов у мя видывал?
Не бойсе, не страшись же великанов ты!»
Как ведь съехались они же тут, ударились,
545. По иванушковой было тут по учести,
Приломалась у великана у богатыря,
Приломалась у его же сабля вострая.
Тут ведь с горячности богатырь устал тогда,
Он отвязывал ведь палицу тяжелую;
550. Когда отвязывал он палицу тяжелую,
Во ту пору, во самое во времечко
Вот подъехал-то ведь Ванюша Залешанин,
Он махнул, махнул своей взял саблей вострою,
Дал он рану-ту глубоко богатырю в его же буйну голову, —
555. Тогда зревел, зревел богатырь, пал на сыру землю.
Как немного тут Иванушка разговаривал,
Он скакал, скакал ведь скоро со коня сдолой,
Он хватал, хватал ведь скоро он булатной нож,
Он садилсе к великану на его груди,
560. Хотот спороть ему ведь груди его же великаньские;
Шевелилсе великан да тогда сбросил всё,
Когда сбросил он Иванушка Залешанина,
Повелась-то между им драка-та кроволитная,
Великан-от всё богатырь стал боротисе.
565. Увидал тогда ведь конь да богатырьской он,
Подбежал тогда конь близко к богатырю, —
Он ведь хочет-то пороть груди у Иванушка, —
Подбежал тогда Иванушки-то доброй конь,
Он хватил, хватил богатыря передними ногами-ти,
570. Он ведь задел у его рану-ту кровавую,
Побежала тут из раны кровь горячая,
Тогда падал-то богатырь на сыру землю,
Конь ведь начел тогда мять его, притаптывать.
Во ту пору-то Иванушка скбцил на резвы ноги,
575. Отрубил-то он богатырю буйну голову,
Его тело-то предал земли, закопал же взял,
А голову воткнул на копье-то богатырьской,

- Штобы видели богатыри у заставушки.
 Сам сел он ведь как, погладил как своёго коня доброго,
 580. Коня доброго-то, друга верного, товаришша,
 Поклонилсе ему в ноженьку во правую,
 Вот поклонилсе ему во ноженьку во левую,
 Он садилсе-то тогда, Ваня, на добра коня,
 Вот поехал-то он ведь скоро ко заставушки.
585. А увидели, что едёт вот богатырь-от,
 По-за ём-то голова да всё привязана,
 Они думают, — богатырь побил Иванушка Залэшанина;
 Они скоро тут, богатыри, испугалисе,
 Заходили на заставу, крепко-то запиралисе.
590. Вот подъехал тут Иванушка, застучал тогда:
 «Вы откройте-тко, богатыри, дружиночка славна киевська,
 Вы чего меня, ведь Вани-то Залэшанина, испугалисе?»
 Тут услышали богатыри речи, слова его знакомыи,
 Открывали они на заставушки ворота-ти,
595. Увидели они голову богатыря,
 Головы-то той да все же ужахнулисе:
 «Не вози ты в Киёв челога чудовишна-то,
 Пускай же все же здесь всё из Киева посмотрят, сюда приедут-то!»
 Скоро, скоро было в Киев данесёно тут,
600. Все приехали богатыри йиз Киёва,
 Как приезжал-то тут из Киева Владимир князь,
 Вот Владимир князь из Киева с богатырьми;
 Илья Мурамец когда посмотрил, дак он сказал тогда:
 «Я, конечно, таких великанов много видывал,
605. Их ведь многих я побил да умертвил же всех,
 Но тепере не знай, какá сила у мня, —
 Как ведь, может быть, тепере сила у мня не млáдая,
 А смелось-то моя теперь не млáдая!»
 «Ну, спасибо тебе, Иванушко, за службу верную,
610. Охранил ты всю земелюшку светлоруськую,
 Ты избавил-то, повыручил из гибели;
 Добро жаловать, поедем-ко в славной Киев-град,
 Для тибя-то, Иванушко, буду пир собирать!»
 Тут поехал князь с богатыреми во Киев-град.
615. На охране богатырьскою оставили,
 Оставили богатырей-то сйльних тут.
 Вот ведь сйльних тут оставили, могучих всех,
 Тех богатырей ведь млáдых-то сменили же.
 Вот приехали в город, в славной Киев-град,
620. Пированьицо пошло тогда весёлоё,
 Столованьицо пошло очунь ведь дивноё.
 Князь Владимир-от давно да розыскал же всё,
 Розыскал его отца да рóдной матушки;
 Привезёны были его родители, отец с матушкой,
625. Кақ во славной были в город в Киев-от,
 Подарен-то был йим терем-от высокой-от
 Со садами был со прекрасныма.
 Вот со фруктами, со растеньицом со разныма, —
 За его ли все за службу такú за верную
630. Вот дарил его ведь князь, очунь ударивал.
 Так осталсе жить Иванушко во Киеви,
 Поженил его ведь князь да всё Владимир свет,

- Вот Владимир Светослаевич ведь всё же свет,
 У Самсона-то у Колыбаева на родной сестры.
635. Тут ведь стал-то жить Иванушко во Киеви,
 Охранять-то стал ведь он же славной Киев-град,
 Не пропускать штобы неприятелей во славную каменну Москву,
 Не в Казань штобы, не в Рязань, сказать,
 Не во славной город всё же вот во Новгород;
640. Много, много сделал поездочок богатырьских он,
 Всех подвигов-то его не сосчитать будёт.
 Той старинушки теперице конец пришол.
 Чёрну морюшку с Халыньским-то на тишину,
 А Москвы-реки на чесь, на славушку великую,
645. А всему нашему народу славному совецькому,
 Йим ведь всё же вот как будет на пропеваньицо,
 А от них вперед пойдёт на рассказаньицо.
-

№ 65. ПРО ЕРЕМЯКИНА РОДНА ПЛЕМЯННИКА

- А во славном во городе во Киеви,
 А что у ласкового князя Владимира,
 А и при его же было же всё кнеженъици,
 А и как Владимир-от князь да стольнёкиевской,
5. А и собирал Владимир князь почесен пир,
 Он почесен-то пир, да князь, весёлой стол.
 И на пиру у князя гостей много-то было зазвано,
 У его зазвано гостей всё, приглашён-то:
 Тут не ясны-ти соколы стали слетатисе,
10. А добры молодцы богатыри съезжатисе,
 Вот съезжалисе богатыри, скоплялисе;
 Скоро, скоро-то гривины столовые
 Как народом-то, людьми были наполнены.
 Тут встречал йих, гостей, Владимир князь же сам,
15. Проводил-то гостей во свои столовые во гривины,
 Как в свои-ти он во светлыя во свётлицы.
 А садил гостей во столички окольния,
 А за те ли за скатерти за шелковыя,
 На скамеечки садил-от рыта бархата.
20. Тут ведь начели его да слуги княжеськи,
 Они ведь скоро-то наскоро забегали
 На те ли они на погреба глубокие,
 Заносили-то тут же водочки-ти разныя,
 Заносили они тут же пиво крепкое,
25. Заносили оци да зеленó вино,
 А и наливали чарочки золочёные,
 Наливали-то чарочки деревянные, —
 Деревянны были чарочки не больши они, не малые,
 Не больши они, не малы — полтора ведра.
30. Подносил Владимир сам же князь, низко кланелсе.
 А которы гости мало гонй пить могли,
 Тем гостям-то подносил он чарочки золочёные,

(Как по этим напевали, так он, верно, уж жил с той княгиной с Анной, у ее большò уж было приданно. А тут княгина не пропеваётся, какá она была, ни к чему.)

- А и как богатырям подносили-то чарочки полтора ведра;
Принимали-то богатыри правóй рукой,
35. Выпивали-то богатыри на единой дух.
А как ведь гости у князя все сидели веселы,
А весёлой-от пир у князя шол навесели,
Красно солнышко пекло, сказать, на ясени,
Много, много было кушанья покушано,
40. Было водочек-то разных у князя тут же попито.
Князь Владимир ходил по гривинам, погуливал,
И он манежно с ноги же на ногу переступывал,
Его сапожечки сафьяные-ти скрыпали,
Золоты перстни на руках да в его светили, —
45. У его же вставочки из драгога каменьяца;
Сам ходил, ходил он да подхаживал ко своим столам окольным-то,
Он весёлым своим взориком посматривал,
Вот посматривал на гостей-тко, он усматривал,
Подходил-то он к столам же, низко кланелсе,
50. А сам к своим гостям он же всё говóрил, князь:
«Уж вы ешьте-то, мойи да дорогí гости,
Дорогí же мойи гóсти долгожданные!»
А как красно солнышко пошло ко вечеру,
Вот ко вечеру пошло оно, к закату тут,
55. А как ведь все-то гости у князя росшутилисе,
Росшутилисе все гости, розговорилисе:
Ишше умной-от захвастал рóдным батюшком,
Вот разумной-от захвастал рóдной матушкой,
Как ведь глупой-от захвастал своей же он молодой женой,
60. Неразумной-от захвастал он родной сестрой,
Как богатыри захвастали своей силушкой,
Своей силушкой захвастали богатырскою,
Поленицы-ти своей удалью поленическойкой,
А рыцари подвигами-ти рыцарскими, —
65. А ето хто да хто же ведь мог да говорить тогда!
А един сидел-то доброй мóлодец,
Вот сидел-то доброй мóлодец, не хвастал он,
Вот не хвастал-то, ничего не говóрил-то.
Увидал его тогда да всё Владимир князь,
70. Вот Владимир его князь да стольнёкиевской,
И он тогда-то подошол, ему низко кланелса:
«Уж ты ой еси, дороднёй доброй мóлодец,
Доброй мóлодец, богатырь славной киевской,
Ты Еремякин-от ведь есть родной племянничёк,
75. Тебя хочу же я сегодня всё ударивать,
Я хочу сегодня тибя да ударить же, князь,
За твою ли всё за службу-ту за верную,
За твою ли всё за удаль богатырскую,
Я хочу тибя ударить, да чем ты сам желашь.
80. Ведь и много ты ведь сделал услуги богатырскою,
Ты очистил много раз Киев-град от гбелы,
Ты побил, побил ведь много раз ведь силушку!»
А возговóрил тогда да доброй мóлодец,
Доброй мóлодец, богатырь славной киевской:

85. «А спасибо, князь, на твоей на милости,
А я, молодой богатырь, в силах есть,
Мне не к чему сейчас да золота казна,
Мне не к чему теперь да чисто серебро?
Молодой богатырь, — я ведь в силах есть,
90. Я ведь сыт у тя, одёной всё живу.
Будет времечко тогда, сказать,
Когда я же стану старой-от,
Не заслужат у миня да ножки резвья,
Не завладеют у миня да руки белья,
95. Тогда миня же не оставите,
Не оставите да пропитаите».
Возговорил тогда ему Владимир князь:
«Когда старой ты же будёшь-то,
Тогда миня в живых, князя, не будёт-то,
100. Не хочу я, князь, в долгу же жить,
Вот в долгу же жить, да должником же быть;
А как ише скажу тебе, дородней доброй молодец,
А Еремякин-от родной племянничок,
Уж ты в битвах-то богатырь есть,
105. Э ты в поездках чудной рыцарь есть:
А и все во Киеви во городи
Добры молодецы богатыри поженилисе,
Поженилисе вони да обсемьилисе,
Только ты годин холбст живёшь,
110. Ты холбст живёшь да неженат бываешь, —
Ты женись, женись, да покуль я живой,
А и ты женись-ко, где же сам желашь,
Где-ка сам желашь да где-ка хочошь-то,
Ты женись, женись хошь во городи во Киеви,
115. Хошь во Киеви женись же ты же, во Чернигори,
Та женись, женись хошь, скажем, в каменной Москвы,
В каменной Москвы, во Нове-градё,
Во Казани-то женись хошь, во Рязанюшки,
Между прочим, где-же сам желашь,
120. Где-ка сам желашь, желанье твоё, да где сам желаешь взять, —
Через силу не будёт мило же».
Говорил князь ему да во перьвой же раз,
Говорил князь во другой же раз,
Говорил князь во третей же раз;
125. А и тогда ставал да на резвы ноги,
Как ставал дородней доброй молодец,
Ставал Еремякин-от родной племянничок,
Он ведь стал да поклонилсе тут,
Говорил он таковы слова,
130. Таковы слова говорил, говорил таковы речи:
«А и у мя ведь, право, невеста не пригляжона,
Не пригляжена невеста, не присмотрена.
Потому не присмотрял же я, —
Мне не хочитце женитисе,
135. Мне-ка хочитце холбстым веселитисе!»
А и когда сказал-то ети речи,
Сел опять за стол же он,
(Ето Еремякин-то племянник.)
А й как садилсе же он за кнеженеской стол;

- А когда ставал же его дядюшка родимой-от¹,
 140. Говорил же он да таковы слова,
 Таковы слова да таковы речи:
 «А ешше тут ли Еремяка сын Васильевич?»
 Он же стал тогда да на резвы ноги,
 Возговóрил он таково словó:
 145. «Уж ты гой еси, Владимир князь,
 А и ты, Владимир князь да стольнёкиевской,
 А уж ты, ласковой Владимир князь да стольнёкиевской,
 Уж я давно же рад женить его,
 Он некак меня не слушаёт;
 150. Я малёшенького взял его от батюшка,
 Я глупёшенького взял от рóдной матушки,
 А его невеста всё любимая
 А и померла она тому пять годочков пóры-времени.
 Потому же он не женитце,
 155. Говорит, — не любит, всё по етому.
 А уж я знал бы ему да всё обрусницу,
 Вот обрусницу я знал, девицу душу красную,
 Только (о)на же есть не на светой Рूसи,
 Не на светой Русí, есть же во неверии,
 160. У того ли короля же есть задоньского,
 У его же дочь любимая,
 Дочь любимая-та есть единая,
 Ишше та ли всё Настасья королевисня;
 Красоты она пречудною:
 165. Лице белоё, как порóшки снёжку белого,
 У ей походочка павиная,
 А и тíха речь-то есть да лебединая,
 Она рассудку-ту, ума полного,
 Она могла бы быть кнегиною,
 170. А не то что моёму-ту племяннику молодой женой!»
 Говорил тогда Владимир князь:
 «Когда знаешь ты, Еремяка сын Иванович,
 Ты про ей, скажи, да от кого слыхал?»
 «Я не от людей же, князь, слыхал, да как я сам бывал,
 175. Я же сам бывал да ей в лице видал».
 «А кóгда так ты ведь сам знаешь да ей ведь ведаёшь,
 А по мбему же повеленьицу
 Поезжай-ко ты же, съезди сватом-то, посватайсе!»
 А и тут не лютоё зэльё роскипелосе,
 180. Богатырьско-то серыцо ростреложилось,
 Лепетá его в лица перемениласе,
 Могучí плечí его же шевелилисе,
 Он скакал, скакал да на резвы ноги,
 Возговóрил же он да таково слово,
 185. Таково слово вымолвил, такí речи:
 «Уж ты ой еси, Владимир князь,
 А как Владимир князь да славнокиевской,
 А ты позволё же, князь, мне-ка слово вымолвить,
 Слово вымолвить мне же, речь возговóрить!»
 190. «А и говори-ко-се, богáтырь, что те надобно,
 Вот во всём, во всём тебе бóдёт простительнё».
 «А и как не чесь мне бóдёт богатырьская,

¹ Обмолвка; следует: «князь Владимир».

- Не похвальба славна, славна рыцарьска,
 Что пошлю я дядюшку родимого;
195. Тёперь дядюшки родимому ему пора-пора отдóх давать,
 Вот отдóх давать, да отдохнуть ему.
 А я йсполню ваши приказаньица, —
 Когда хочите вы да поженить миня,
 А и я ведь сам поеду туда, доеду же.
200. А если пондравитсе мне девица, я взамуж возьму,
 Не пондравитце — не женюсь на ней».
 Пир-от у князя шол не час, не два,
 А и вот не час, нё два, шол ровно три же дня,
 На четвёртой день гости расходилисе,
205. А другие разъезжалисе.
 Тут не красное-то золото рассыпáлосе,
 А доброй мóлодец богатырь собираетсе,
 В путь, в дорожечку он да снарежается,
 Он берёт, берёт с собой да плáтьё цветноё,
210. А и плáтьё цветноё берёт да всё же свадебно,
 Одевает он ведь латы-ти булатные,
 Вот булатныя латы богатырьские,
 Одевал он платье богатырьское,
 Он убирал-то своёго же всё добра коня.
215. Вот добра коня да богатырьского,
 Убирал-то его да в дорогой убор,
 Роспрошталсе тогда с князём с Владимиром,
 Со своим же он с рóдным дяденькой.
 Он тогда же садилсе на добра коня,
220. Вот поехал он далече-далече да во чисто полё,
 Переехал он ведь славному матушку же Неп(р)-реку,
 А и он ведь... пыль во полюшке да занимаетсе,
 А и куревá во полюшки куревит стоит,
 Ишше пеньицо-кореньицо ломаитсе,
225. А сыра земля да потресантсе,
 Из морей, из рек вода да розливаются, —
 А едёт, едёт руськой богатырь киеской.
 Ехал немало гон да пóры-времени,
 Много постречалось йим да силы разною,
230. Силы разною — шли всё ко городу ко Киеву,
 Вот ко ласкову ко князю ко Владимиру;
 Не пропустил же силы к Киеву,
 Прирубил же силушку, не воставил некогó в живых.
 Он поехал ко городу к Задоньскому,
235. К королю ли он к задоньскому;
 Вот приехал он во город-от среди же дня,
 Среди-то дня, денёцька белого.
 Во ту пору (у) короля-то пир же шол;
 На пиру-то гости съехались,
240. Гости съехались, скопилисе.
 Он приехал ко дворцу же королеському,
 А и он долбжилсе, что он приехал-то,
 Хочот видеть короля же самогó задоньского.
 Побежали тут да слуги верные,
245. Донесли они да князю скоро-то,
 Королю да донесли йонй.
 Король тут же возговóрил-то:

- «Пушшай заезжат дороднёй доброй мблodeц,
Он ведь пусть заезжат на мой на королевской двор;
250. Уберите у его да всё добра коня,
Надавайте вы ему да корму разного;
Вы-тко самого же проведите-тко
Во мойи ли всё в полаты в королевские».
А и слуги королевски приказаньицо его вони йсполнили,
255. А йсполнили они, да как ведь велено,
Проводили его во королевския во полаты белокаменны;
Вот зашол, зашол дородней доброй мблodeц,
Йшше киевской богатырь-от,
Еремякин-от родной племянницок,
260. Он зашол во королевски во палатушки,
Королю-ту задоньскому низко кланелсе,
Низко кланелсе он же, поздоровалсе,
Королю-ту чесь воздал с его же королевою,
А и его гостям да поклонилсе он.
265. Как король ставал да на резвы ноги,
Подавал ему он дорогой-от стул,
Дорогой-от стул да рыта бархата:
«А и как садись, садись, дородней доброй мблodeц,
А и с нами посидеть, попировать же всё
270. На наши пиры да королевские
Со мойма со гостями с дорогима-ти;
Вот роздели-ко мойю радость-ту великую:
Приехали гости-ти ведь дальния,
Гости дальния наехали от царя же Вахрамея-та,
275. Сватовья они приехали-то, сватают
На моей ли всё на дочери любимую,
На той ли всё Настасьи королевисни.
А моя любима дочь Настасья королевисня,
Она слезами уливайтса
280. И нейдёт за царевица в замужество.
А сватовья ко мне приехали,
Они подали же скóры грамотки,
Скóры грамоты да скорописцеты, —
Царь-от всё же Вахрамейишшо.
285. Он ведь сам писал своей да рúкой правою,
Он ведь сватаёт за сына за любимого,
А и вон ведь пóслал такó мне-ка да прописание написано:
«Если не отдашь, кóроль, дочери любимую,
Не отдашь ведь ей да с цести, с радости,
290. А тогда же ей боём возьму,
Твою силушку повыбью-ту,
Розорю да твой ведь город весь,
Самогó же посажу я в тёмну тёмницу,
Не одного же посажу я, с королевою,
295. Я твою дочь увезу я во свою землю,
Во свой ведь град да во свой столицной-от,
Она будет у миня тогда царицою.
А я ведь сам же царь — вдовець, да всё вдовею-ту,
Как хороша еслí, так и сам могу женитнсе,
300. Я за сына-те найду другú невесту же».
Как ведь тут поетому ведь дочь у мне да ростреложилась,
А и ростреложилась, слегла она в постелёчку».

- А как сидели гости (у) короля же тут, ведь кушали
 Рáзны кушанья сахарные,
305. А и рáзны водочки пили тут заморские,
 А и тут ведь гости-ти досыта сыто наедались,
 Вот допьяна-ти пьяно напивались,
 А й вот тогда же гости росшутились,
 Сватовья сидят да огледелись.
310. А и кóгда пир-то стал да под конец йитти,
 Под конец йитти да скоро кончилось,
 Гости все у короля да расходились,
 Расходились гости, разъезжались,
 Как тогда же сватовьей повёл король гостей,
315. Повёл йих в други полаты-ти,
 В други полаты-ти, да там одóх же йим.
 А сам вернулся король ко Еремякину родному ко племянницку:
 «Уж ты ой еси, дородней доброй мóлодец,
 Уж как киевской богáтырь-от,
320. По каким делам приехал ты?
 По каким делам да по заслугам-то?
 Собирать ли ты приехал дани-пошлины?
 По проездам ли своим ездите-гуляйте да по богатырьским-то?
 По етим ли прогулам славным рыцарским?»
325. Возговóрил тогда да доброй мóлодец,
 Доброй мóлодец да всё богáтырь-от,
 Он ставал, ставал тогда да на резвы ноги,
 Говорил он всё тогда да таковы слова,
 Таковы слова говорил да таковы речи:
330. «Уж ты ой еси, король, король задонской ты,
 А я приехал к тебе да не по гуляньицу,
 Не по гуляньицу приехал, не по гуляночкам,
 Не собирать я с тибя да дани-пошлины,
 А и не служить к тебе приехал все да верой-правдою,
335. Верой-правдою да к тебе во клюшнички,
 А я приехал-то к тебе да сватом свататься,
 Не за людей-то я приехал не за других же я,
 А я приехал за самогó за сибя же я.
 Если хочёшь ты отдать свойю любиму дочь,
340. Отдавай-ко ты её да с чести, с радости,
 С чести, с радости, с великого удовольствия!»
 «Уж ты ой еси, дородней доброй мóлодец,
 Уж ты, киевской могучой оильней-от богáтырь есть,
 Я хотел бы отдать за тибя же дочь в замужество,
345. Но боюсь же я царишша Вахрамеишша,
 Что он ведь злобной есть да очунь сильней-от;
 На тебе он обиды не положит-то,
 А на миня обидушку положит-то,
 Он всё моё королевсьво-то повыгубит,
350. Миня с королевой-то женой засадит же в тёмны тёмницы,
 Заморит он нас да смертью всё голодною!»
 А й говорил тогда богáтырь во другой же раз,
 Говорил тогда богáтырь во третей же раз;
 А и тóгда король сказал ему:
355. «А и мне... я ведь как отвечать да сватовьям же буду всё?»
 «А й ты пиши-ко, пиши ярлыки скóры скорописцеты:
 «А очунь рад, что жених такой сватайтсе,

- Отдаваю дочь я с цести, с радости,
Со великого я удовольствия!»
360. Э как вот король да не ослышился,
Он писал, писал да скору грамоту,
Написал, что: «очунь рад же я
Со таким царём да познакомитьце,
Познакомитьце да породнитесе.
365. А и приходи-ко сам да приезжай скорё,
Повидать-то мы хотим да повидать тибя».
Когда писал король, дак слезно плакал он;
Написал, дак запечатал он.
Ставали сватовья, гости приезжия,
370. Они поели тут всё, покушали,
В путь-дорожку стали отправлятесе.
А й как спровожал гостей ведь сам король,
Вот ведь сам король да с корслевою.
Проводили вони, назад же воротилисе,
375. А й тогда стали они же думу думати,
Думу думать стали, рець говёрити,
А й порешили (о)ни такимá делами скóрыма,
Что засватали своєю они любиму дочь,
Вот любиму дочь единую как за русского могучого богáтыря,
380. За того ли Еремяки-то за родного за племянника.
А й повелась у йих свадьба-то весёлая,
А повелась свадьба весёлая.
А ёго дяденька родимой-от
А й вот соскучилсе о любимом о племянницки,
385. Приходил он ко князю ко Владимиру,
Ко Владимиру ко князю слáвну киеську,
Э и говорил же он ведь князю таковы речи,
Таковы речй сказал да таковы слова:
«Уж ты, ласковой Владимир князь же славнокиевской,
390. Дай мне-ка съездить всё богáтырей,
Дай богáтырей трёх да славных киевских,
Во задоньско съездить государство-то,
Э и там ведь-то узнать доехати,
Что живой ли мой племянничок любимой-от?»
395. А возговёрил тогда Владимир князь:
«Ты бери, бери хошь силы-армии,
Ты бери, бери хошь коньской гвардии,
Дам тебе богáтырей, бери же йих!»
Отвечал тогда Еремяка сын Иванович:
400. «А и мне не надоть, князь, да силы-армии,
Силы-армии не надоть, князь, силы-коньской гвардии,
Только дай-ко мне трёх богáтырей,
Трёх богáтырей дай-ко славных киевских:
В пёрвву голову дай мне-ка Добрынюшку Никитиця,
405. А в других же дай мне Михайлушка Егнатъевича,
Дай Иванушка сына всё Гоненовича,
А у нас во Киеви останитца Илья Муромец сын же всё Иванович,
Много в Киеве останетца молодых же всё богáтырей».
А и говорил тогда Владимир князь:
410. «Уж вы ой еси, дородни дóбры мóлодцы,
Вы же, киевски сильния могучие богáтыри,
А й помогите-тко Еремяки-то съездить-то

- Попроведать, где его родной племянничок.
 Уж вы съездите до Задоньского до города,
 415. Побывайте у короля, братцы, задоньского;
 А если живой есть Еремякин-от племянничек,
 Вы поворучите его да йиз неволюшки:
 Не засажон ли доброй мóлодец
 Он во тёмную во тёмницу?
 420. Не заключон ли он в злодейку в заключбную?
 Или в силе где в неверной он запуталсе,
 Дёржит бой и драки кроволитные?»
 Тут ведь скоро дóбры мóлодцы сбиралисe,
 Поскорей же в плáтьё богатырьско одевалисe,
 425. Они со князём тут да рoспрошшaлисe,
 Пóшли скоро они на кнеженеськой двор,
 Они брали скоро всё дoбрých коней,
 Они садились на дoбрých коней,
 На дoбрých коней садились на богатырьских тут,
 430. Вот поехали они да во чистó полё,
 Они поехали не городом,
 Вот не городом поехали не Киевом,
 Они поехали цeрeз ту башню высокую,
 Цeрeз ту ли вот вeдь стeну горoдóвую,
 435. А и цeрeз ту ли всё же башню горoдóвую,
 А и они переехали славную матушку Неп(р)-рeкú,
 А й поехали вонí чистým полём, —
 А и вот пeньцo-кoрeньцo лoмaйтсe,
 Мaть сырá зeмля дa кoлыбaйтсa,
 440. А и мoрy-ти южны разливалисe,
 Рeки быстрыe дa вoлнoвaлисe.
 А вонí приехали к королю да всё к задоньскому;
 А и вот заехали вонí на королевский двор,
 Из двoрa кoрoлeвскoгo пoшли дa нa нoвы́ сeни,
 445. А из нoвы́х сeнeй пoшли дa вo пoлaтyшки,
 А и вo пoлaты-ти пoшли дa кoрoлeвскийя,
 А зa стoлoм они увидели бoгáтыря,
 А и кaк бoгáтыря они дa слáвнa киевскoгo,
 А и зaшли они в пoлaты, пoздoрoвaлисe,
 450. А и пoздoрoвaлисe с кoрoлём дa низкo клaнeлисe,
 Кoрoлeвы они же пoклoнялисe.
 Тут скaкaл-стaвaл кoрoль дa нa рeзвý нoги,
 Он сaдил гoстeй зa стoлички oкoльния,
 Вот oкoльния зa стoлички дa зa тoчёнe.
 455. Вот тoчёнe зa стoлички дa зoлoчёнe,
 А и кaк зa скaтeрти сaдил дa зa шeлкóвья,
 Зa ёствы сaдил же он зa рaзнe,
 Вот зa рaзнe сaдил дa зa сaхáрныя,
 Зa нaпитoчки сaдил зa зaмoрскийя.
 460. Тут сaдились дoбры мóлодцы бoгáтыри,
 А и пирoвaли-стoлoвaли трóи сyтoцьки,
 А мнoгo-мнoгo (y) кoрoлy былo кyшaнья пoкyшaнo,
 Рáзны вoдoчёк-тo былo тут же пoпитo.
 Нa чeтвёрты-ти вонí дa тут же сyтoчки
 465. Стaли сoбирaтьцe, дoбры мóлодцы,
 Сoбирaтьцe в славной Киев-гpaд,
 А кoрoль унял вeдь йих ишшe нa трóи сyтoчки, —

- Пировали в пёрвы дни за гостинно-то,
А трои суточки-ти будут же они тепере вот сидеть за свадебно;
470. А и пировали-столовали трои сутоцьки.
Тогда стали тут король да с королевою
Собирать свою да дочь любимую,
Собирать стали да нарезать её,
Нарезать стали в путь, в дорожечку;
475. Снаредили тут, одели же.
Распрошшалась тут премлада королевисня
Со своим она со родителём, со батюшком,
С тем ли королём задоньским-то,
Со своей она с родимой матушкой,
480. Со своим она со нянюшками, с мамушками,
Со веёмá со своимá она со девушками;
А и повезли же ей да на светую Русь,
На светую Русь, да в славной Киев-град.
Повёз ей же всё ведь сам же Еремяка-та,
485. Еремяка сын Ииванович,
А те богатыри осталисе;
А увёз-то ей счесливо Еремяка-та,
А ей счесливо, благополучно всё
Как во славной ей во Киев-град.
490. А как во ту пору, во то время
Что не тёмная туча накаталасе,
А подымалсе-то ведь царь арабской-от,
Ишсе сам-от Вахрамей со сыном со своим же он с любимым-то,
Шол со зятём со любимым-то,
495. Шли они же на чернёных больших кáраблях.
Подошли они да под задоньско королевьсво-то,
Они зáchели палить огнём:
«Почему сватовьей же плохо принели?
Плохо принели, не отписали настоящего такого приказаньица?»
500. Тут ведь просит он да поединшшичка:
«Если нету у тя, король, поединшшичка,
У тя же есть да поединшшиця, —
Она пусть же вот со мной на поединочэк выходит-то!»
Тут садилсе король на дорогой же стул,
505. Он писал, писал да скору грамотку:
«Не клади на миня, король, ведь гневу-ту, злобушки великою,
Ты не мучь миня муками разныма,
Я нечём, король, да не прогневалсе,
Я отдал бы за вас да дочь любимую,
510. Дочь любимую свою единую,
Ище ту ли душечку Настасью королевисню, —
Но приехал из Киева доброй мблodeц,
Доброй мблodeц, руськой-от богатырь-от,
Он увёз у меня любиму дочь,
515. Вот любиму дочь Настасью королевисню».
Закрывал король да по звериному,
Зашипел злодей да по змейиному, —
Все в задоньском городи народ да испугалисе,
Хто куда они да розбегалисе.
520. Возговóрил-то король тогда:
«А й ты не огрубляйсе, царь да Вахрамеишше,
Ты держи, держи да скорой бой со мной,

- У меня найдутся, царь с тобой да поединшшички!»
 А тут закрычал царь да громко-то,
 525. А и приказал он мосты-ти выбрасывать,
 Сукна заморьски-ти выстеливать,
 А и он приказал богатырям да выходить тогда;
 Его богатыри да не ослышались,
 Тридцать богатырей зараз пошло,
 530. Они начели вот битисе-боротисе.
 Трудно было киевским богатырям, —
 Делать нечего, как надобно!
 Они билисе-боролисе,
 Много прошло же поры-времени, —
 535. Победили киевски богатыри.
 Когда услышал царь да Вахрамеишшо,
 Тут не люто зелье разгорелосе,
 Царьско серьцо россвирипелосе,
 Как зашипел-то, будто змей лихой,
 540. Закрычал-то, будто зверь лесной,
 Он выскакивал со чернёного больша карабля,
 Он бежал, бежал по городу,
 Он по городу да всё Задоньскому:
 «Подавай, король, ведь мне же поединшшичка!»
 545. Тут Еремякин-от племенничок любимой-от,
 Он немного разговаривал,
 Он садилсе на добра коня,
 С йим поехал он на скорой бой.
 Тут ведь билисе-боролисе трѣи сутки-ти,
 550. Приломалась у царя да сабля вострая,
 Затупилосе у его же копье богатырьскоё,
 Принуждено же йим держать да скорой бой, да тут боротисе,
 Вот боротисе да на рукопашной бой.
 Они боролисе трѣи суточки,
 555. На четвёрты-ти было суточки
 Подкорючил царишшо у богатыря,
 У богатыря у славного у киевского,
 Подкорючил у его да праву ножечку,
 Опрокинул у его да ногу левую,
 560. Тогда падал богатырь на сыру землю.
 В ту во пору, во то времечко
 Хотел спороть у Еремякина племянничка,
 Он хотел спороть да груди белые.
 Как во ту пору, во то время
 565. Подоспели киевски богатыри:
 Подбежал тут Добрынюшка Микитиць млад,
 Он стянул-то тут царишша саблей вострою,
 Он срубил ему да буйну голову,
 Розрубил его на части мелкие;
 570. Тогда скакал же Еремякин родной его племянничок,
 Обнимал он Добрынюшку Никитича,
 Целовал его в уста сахарныя,
 Называл его брателком названым-то.
 Э и как немного тут богатыри розговаривали,
 575. Они бросилисе на чернёныя на карабли,
 Прирубили силу всю царя да Вахрамеишша;
 А (о)ни чернёны больши карабли

- Всё оставили королю да в подареньицо.
Тут пошла у йих свадьба весёлая,
580. Тут же было у них водочёк попито,
А и водочёк попито, кушаньей разных покушано,
Пировали-столовали месяц чельней-от,
Тогда зачели богатыри собиратисе,
С королём же, с королевою прошшатисе,
585. Короля оставили да без опасности;
Король их-то собирать же стал,
Собирать стал, отправлять же всё, —
Отправил йих он на чернёных бóльших кáраблях,
Во приданно давал да много красна золота,
590. Давал много чиста сéребра,
Давал много йим он да дрáга жемчугу.
А и тут пошли-пошли задоньския караблики,
Они пошли же йиз гавани;
А й пали ветры йим да всё попутныя,
595. Вот попутны падали, поносныя,
Принесло чернёны кáрабли,
И пришли скоро йони да всё во Черно морё,
Во Черно морё, во славное Хвалыньское.
М-м тогда поехали они во славной Киев-град,
600. Как ко ласкову ко князю ко Владимиру,
Ко Владимиру ко князю слáвну киевскому.
А и как стречал, стречал да йих Владимир князь,
Со всей с радости встречал да с удовольствия.
А богатырь славной киевской,
605. Еремякин-от родной племянничок,
Он со той ли с королевной со Настасией,
Он ведь съездил с ей в божью церькóвь,
Одержали же с ей да по злату венцу;
Князь Владимир был же тысецьким,
610. А его была княгиня свахою.
(А какá была княгиня свахою: Опраксенья или Анна?)
Тут пошло у них да пированьицо,
А как весёлоё пошло да столованьицо.
А и той старинушки тепереце конец пришол.
А морю Чёрному с Хвалыньским-то на тишину,
615. А Непрю-реки на чесь, на славушку великую,
А всему народу-ту нашему советьскому,
Йим ведь будет на послушаньицо,
А от них вперёд пойдёт на пропеваньицо.

№ 66. ПРО РОСШИ-РОСШИ РОСШИБИ КОЛПАК, ЕГО ПЛЕМЯННИКА

А во славном во городи во Киеви
А и как сбирал, сбирал Владимир князь почесен пир,
А и почесен пир сбирал да князь, весёлой стол,
А и как на тех ли на могучих, сильных богатырей.

5. А и как на ту ли поленицю преудалую,
 А и как на тех ли он на князьей-боеров,
 Он на тех ли на купцей-гостей торговых,
 На хресьян же всех прожиточных,
 Как на чёрных-то на пахорей,
10. На рыболовов-то всё из разных рек;
 Собирал-то князь Владимир карабельшшиков,
 Карабельшшиков всех из разных морей
 Со младыма со матросиками,
 Собирал-то всех людей-народ во Киеви.
15. А и скоро-скоро кнеженеськи светлы гривины.
 Как столовы-ти его да светлы горницы
 Вот народом-то, людьми да принаполнились.
 Как встречал Владимир князь, сам низко кланелсе,
 Он садил гостей, проводил в гривины столовые,
20. А садил гостей за столички окольняя,
 А за те ли он садил за скатерти шелкбвые,
 Как за ёствы он садил за разныя,
 Вот за разные за ёствы за сахарьныя,
 За напитокки заморские,
25. На скамеечки садил да рыта бархата,
 На ковры садил да на заморские.
 А и стали гости-ти у князя тут же кушати,
 Стали кушати, белую лебёдушку стали рушати.
 А и красно солнышко пекло у нас на ясени,
30. Вот на ясени пекло, навесели,
 А и распевали птицы перелётныя,
 Перелетны птицы на разны голосочки;
 Тут играли во гусли во весёлые,
 Играли в струночки в золочёные,
35. А и тут весёлой пир у князя шол на радости,
 Долго шол же пир, да продолжалсе стол:
 Гости все же досыта сыто наедалисe,
 А допьяна да пьяно напивалисе,
 Во пиру у князя приросхвасталисе,
40. Приросхвасталисе да росшутилисе,
 Росшутилисе, розговорилисе.
 А и что умной-от захвастал рóдным батюшком,
 Разумной-от захвастал рóдной матушкой,
 А что ведь богатыри захвастали они да своей силою,
45. Своей силою захвастали богатырьскою,
 Поленици — своей удалю да поленической,
 Рыцари захвастали своима утехами славныма-ти рыцарьскими,
 Князь-бояра — науками премудрыма,
 А хресьяне-ти захвастали своей верою,
50. А и своей верой светой да християньскою,
 Чёрны пахари захвастали трудом своим:
 «Обрабатывам матушку сырú землю,
 Мы ведь хлебушку снимаю с земли,
 Эти хлебушки-то отработаем,
55. Отработаем, повымолотим,
 Повымолотим, повывеем,
 А и мы повывеем, смелём всё мукой,
 Смелём всё мукой, повезём тогда,
 Повезём тогда на губерни-ти,

60. А йиз губерней повезут да по деревням-то». Рыболовы-ти захвастали своей ловлёю, Своей ловлёю да всё ведь рыбною: «Промушляем мы стерлюжину, белужину, Рыбу разную, из разных мы названий ей».
65. А купцы-ти всё захвастали золотой казной, А корабельщики захвастали своим они дальним плаваньем, Дальним плаваньем морским они: «Ходим, ходим, корабельщики с матросами, Во разны́ земли неверные,
70. Оттуль привозим товары разные, Товары разные да йиностранные, Мы привозим всё да в славной Киев-град». А й как тогда же вот богатыри говорили: «Уж ты, ласковой Владимир князь,
75. Владимир князь да стольнёкиевской, Как вчера́се были на заставы, на охраны богатырьскою, На охранушки караульщики говорили, Будто видели во полюшки во чистом-то, Во широком-то во роздольици,
80. Будто видели йископоть лошадиную, Она стульём, земля мать же, всё изорвана, Она частями вся изорвана». «А ето хто такой да проезжат туда? А и йеще хто из вас ведь съездит попроведает? —
85. Говорил же тут Владимир князь, — А поезжайте-тко, дородни дбры мблодцы, Ишше сильния, могучия богатыри!» А и возговорил тогда Алёша-та Поповиць млад: «А как тепере нужно съездить попроведати,
90. А тепере как нужно съездить Росши-Росши Росшиби Колпак, его племяннику, —
Росшин-от племянник богатырь сильней есть, А гон ведь в поездках-то уда́лой есть, Он в стрельбы-то всё стрелять очунь искусной есть, (У) его перестрелочка не бывает да некогда́ она, —
95. Он уж стрéлит, не перестрéлит-то, — А и как ведь силою-ту сильней есть, А как везде же он бывал же, князь, В разных землях-то йиностранных-то, Знает, знает он ведь все же повадочки из стран из разных-то,
100. Знает всех же он богатырей». А и возговорил Владимир князь тогда: «Знает всех же он богатырей Изо всех-то стран, изо всех чужих земелюшок». А достальни́ же тут богатыри
105. Таки́ речи возговóрили: «А уж ты говоришь на Росшиного всё же на племянника, А племянник-от Росшин недавно же приехал из чиста́ поля, Он ведь много-то ездил по лесам по Брыньским-то, Он ведь много настрелял гусей, ведь лебедей,
110. Он ведь много настрелял куниц-лесиць, Он очистил дорожки прямоезжие, Много он очистил там силы разною, Силы разною да подходяшшою,

- Приходящую-ту силу-то черносильскую,
 115. А и черносильскую силушку неверную, —
 Эта сила-то собой да была сильняя,
 А ету всё прибил ведь Росшин-от племянничок;
 Надоть ведь всё ему отдох же дать,
 Как отдох же дать, да отдохнуть ему.
120. А тебе кто же сказывал да про богатырей?»
 Тут ведь зачели Алёшенку выспрашивать.
 «А я ведь сам-то не видал, да от людей слыхал,
 От людей слыхал, да я вчерасе сам слыхал,
 А мне-ка сказывали да на заставы, на охраны богатырьскою;
125. А мне самому хотелосе проехать, —
 Я уехал, Алёша, на Пучай-реку,
 На Пучай, Алёша, реку да за свежой водой,
 За свежой водой да за пучайскою.
 Я привёз воды с Пучай-реки
130. Самому князю Владимиру помытисе,
 Вот помытисе ему да в жаркой банёчки, —
 Я поетому да поспешилсе всё.
 Ежели же велика же вам обидушка,
 Вам обидушка, богатыри славны киевски,
135. Я тогда могу и сам проехать,
 Сам проехать, всё узнать же там».
 Тут заграели, засмеялисe,
 Засмеялисe дети боярские,
 Вот боярские дети-ти, дворянския:
140. «Уж ты, ласковой Владимир князь,
 А й Владимир князь да стольнёкиевской,
 Ты позволь-ко, князь, да слово вымолвить.
 Слово вымолвить да рець говорить
 Нам без той ли всё без ссылочки без дальнёю,
145. Э нам без той ли всё без насмешечки великою,
 Нам без скорою без казени!»
 «Говорите, вам во всём простительнё,
 А как у мя же на пиру да нет негдэ вреду,
 Нет негдэ вреду да неприятности, —
150. Все у мя да будьте веселы,
 Все же веселы у мя да будьте радостны!
 А говорите-тко, дети дворянские,
 Расскажите-тко, боярские!»
 «Мы ведь хочом, князь, сказать тибe:
155. Не посылай же ты Алёшеньки,
 Вот Олёшеньки Поповича.
 Олёша уедет — всё дело запутает:
 У его же, у Алёшеньки Попоського,
 А глаза у его да завидушские,
160. А руки бёлы да заграбушские,
 Прельстисе он на богатырьску сброду лошадиную,
 Потерят понапрасну буйну голову;
 Пусть Олёша оставайтсе
 В славном городи во Киеви
165. Пушшай Олёша асаулом-то.
 Хсшь он пишот скёры ярлычки,
 Скёры ярлычки да скорописцеты,
 Олёша всё же смелосью смелой же есть,

- Не боитсе, хошь куда зайдёт,
170. Не боитсе што сказать же он». Возговорил! тогда Алёшенька, попоськой сын:
«Вы сидите-тко, бояре кособрюхне,
Ваши роды-ти лукавыя,
Вот лукавыя змеинныя!
175. Только здесь вы, кособрюхи, зашибаетесь —
Во чистом полі йиспугайтесь,
Испугаетесь, на сырú землю попадаите,
Как ведь мёртвы будите лежать тогда!»
А й возговорил тогда богатырь-от,
180. Вот богатырь-от сидел да во большом месті,
Во большом месті, да в углу в переднем-то,
За тем ли столичком передним-то
Сидел Илья Мурамец да сын Иванович,
Возговóрил он да таковы слова,
185. Таковы слова же он да таковы речи:
«Уж ты ой еси, Владимир князь,
Владимир князь да славнокиевской,
А как пушшай же съездят богатыри, разведают!»
А тогда скакал же на резвы ногі да доброй мóлодец,
190. Доброй мóлодец, богатырь славнокиевской,
Ише Росши-то ведь, Росши Росшиби Колпак,
Как его же тут родной племянничок:
«Уж ты, ласковой Владимир князь,
Уж Владимир князь да стольнёкиевской,
195. А и как не чесь будёт да молодецкая,
Не похвальба мне будет богатырьская,
Что людьми же мне-ка заменятисе!
Э пóзволь, дай же мне-ка позволеньицо,
Я ведь съезжу во чистó полё,
200. Во широкоё чистое раздольице,
Розузнаю, хто ведь приехал во чистó полé?
Какой приехал тут богатырь-от,
Он ведь руськой ли, не руськой ли?»
Говорил тогда Владимир князь,
205. Вот Владимир да стольнёкиевской:
«Уж ты ой еси, богатырь мой же киевской,
Росши-Росши Росшиби Колпак, любой его племянничок,
А и как сегодне ты, да доброй мóлодец,
Доброй мóлодец, не езд-ко,
210. В пированьици сиди же ты,
В столованьици пируй у мя,
А й кóгда кончитце же мой весёлой пир,
Вот весёлой пир, да мой весёлой стол,
Кóгда гости-ти все розбйдутсе по домам они,
215. Все богатыри да отдохнуть хотят,
А и ты тогда же, доброй мóлодец, да отдохни с нимá,
Отдохни с нимá да поспи же всё.
Кóгда приотдохнёшь, (уснёшь) же ты,
Тогда послушай-ко миня, князй Владимира,
220. Князя Владимира да славнокиеського,
Сослужи-ко мне да службу вёрну,
Службу вёрну, да неизменную:
Съезди, съезди-ко да во чистó полё,

- А просмотри-ко, прогледи-ко всю заставу богатырьскую,
 225. А и поезжай тогда в чисто поле,
 А съезди ко камению ко Латырю,
 Ко тому ли ко столбу да ко стоячему,
 Ко тому ли ко кольцу да к золочёному,
 Ко тому ли ко ерьбу да к богатырьскому,
230. Просмотри-ко там, да прогледи же всё,
 Нет ли там на нас какого неприятеля?»
 Красно солнышко пошло ко западу,
 Вот ко западу шло же, ко закату тут,
 А й как весёлой пир у князя под конец пошел;
235. На пиру-то все же напивались,
 А досыта сыто наедались,
 Они ведь все же всё тут да расходились,
 Со князём со Владимиром рспрошшались,
 Рспрошшались они да низко кланелись,
240. А й вот благодарили князя за весёлой стол,
 За весёлой стол, за пир его.
 Провожал-то князь гостей да низко кланелсе,
 А й рспрошшалсе князь да провсжал гостей.
 Когда гости все да разошлись, розъехались,
245. А и как свои богатыри на отдох пошли,
 На отдох пошли, да отдохнуть они,
 Призаснули все богатыри могучие,
 Вот могучие богатыри славы киевски,
 Тут ведь уснул Росшин-от племянничок,
250. Призаснул тут он же, крепко спал.
 По утру тут же было ранному,
 По восходу сонця красного,
 А и как приходил тут Росша-Росша Росшиби Колпак,
 Он будил, будил своего-то племянничка любимого:
255. «А и ты ставай-ко-се да пробужайсе,
 Ты ставай, ставай, племянничок любимой мой,
 Тёперь надобно тебе поторопитисе,
 Одевай-ко ты же латы богатырьские,
 Одевай-ко платье богатырьское!»
260. А и тут немного его племянничок замешкалсе,
 Он ставал, ставал с перинушки со мяккою,
 Ставал с пухового с сголовица,
 Из-за соболиного он из-за одеялышка,
 Умывал же он ведь скоро тут белó лицо,
265. Вот белó лицо он всё же богатырьское,
 Э и он ведь брал с собой ведь саблю острую,
 Брал с собой он копье богатырьское,
 Брал с собой он палицу тяжелую,
 Со князём Владимиром да рспрошшалсе он,
270. Как со князём, со кнегиною,
 Со всима ли с ихныма с девицами,
 Как со киеськима красотками,
 Э и он пошел, пошел да на конюшной двор,
 На конюшной двор на кнеженеськой он,
275. И он ведь брал же из конюшной коня лучшего,
 Коня лучшего да богатырьского,
 Он ведь убирал коня да в дорогой убор,
 Он садилсе скоро на добра коня,

- Поскакал же скоро он йиз Киева,
280. Вот йиз Киева же он йиз города,
Э й он поехал скоро жа скорым гонцом,
Переехал славно Неп(р)-реку,
Он очудилсе в чистом поли;
Его коничок бойко перескакивал,
285. И он ведь начел тут поскакивать,
Вот поскакивать начел тут, помахивать.
Скоро-наскоро уехал он,
Осмотрял всю заставу, охрану богатырскую,
На охране, на заставы-то
290. Тут ведь всё с богатыреми он же свиделсе.
Он ведь свиделсе опять да поздоровалсе,
Стал он ведь всё у богатырей выпрашивать,
Стал выпрашивать, выведывать:
«Не видали ли вы всё богатырей?»
295. Не приехал ли какой же к вам богатырь-эт?»
Тут богатыри говорили:
«У нас на заставы никого же мы не видели,
Ясной сокол мимо нас да не пролетывал,
Как богатыри мимо нас да не проезживали.
300. Э й как ведь начуй, начуй у нас же, брат,
Как у нас же, брателко крестовой-та!»
А и отдохнул да тут богатырь-эт,
Стал ведь он у йих выпрашивать,
Стал ведь он у йих выведывать:
305. «Не заезжал ли к вам богатырь-эт?»
А и как ведь богатыри говорили:
«Приезжал суда к заставушки
Богатырь чудной собой, сильней есть».
А и так богатыри сказали-то:
310. «Уж ты ой еси, богатырь наш,
Ты не езд-ко годин сечас,
Погубит богатырь по пустому же,
Но останитце у тя да всё любá сёмья,
Вот любá сёмья, да молода жена».
315. А и тут богатырь-от ответил йим:
«Богатыри на бой ведь едут-то,
Смерти-ужасти не страшатсе-то,
Скорой смерти не боятсе-то!»
А и как по утру было ранному,
320. По восходу красна солнышка,
А и как тогда же всё богатырь-от
Одевал он латы богатырския,
Одевал он платье богатырскоё,
А и он садилсе на добра коня,
325. На добра коня да Воронеюшка;
Он поехал-то скорым гонцом,
А и он ведь брал с собой копье богатырскоё,
Брал же палицу тежблу богатырскую,
И он поехал во чисто поле,
330. Брал с собой он трубочку подзорную.
Он тогда поехал-то скорым гонцом,
Он поехал во чисто поле,
По чисту полю начел он поезживать,

- Вот поезживать, погуливать,
 335. А богатырь-то тут поглядывал,
 А и он в подзорную во трубочку посматривал, —
 Как не серы-ти там гуси слеталисе,
 Не облака ходечия сходилисе,
 А и тут увидел Росшин-от племянницёк:
 340. А и сила всё же с гор Сорочиньских-то спускается,
 Сила многая да очунь дивная.
 Тут сидит-то он да призадумалсе,
 Призадумалсе сидел да призамешкалсе,
 Тут таково слово промолвил он:
 345. «А ето какá же сила чюдная?
 А и как поеду, доброй мóлодец, настрету к йим».
 А и тут немного богатырь дожидалсе-то,
 Он поворотил тогда добра кóня,
 Он поехал-то настрету силушки,
 350. Тут он нáчел силу пересчитывать.
 Он считал же силу-армею, —
 Не мог пересчитать же всей же силушки,
 Сила в кучу-ту скопляитсе.
 А и как узнал же тут богатырь-эт,
 355. Как богатырь славна Киева,
 По знаменáм узнал он силушку:
 Сила ета-та пришла сюда из города Задонского,
 Короля йидёт задоньского.
 Тут не есён сокол полетывал,
 360. Доброй мóлодец богатырь-от поезживал,
 Он ведь нáчел тут да скóрой бой дёржать,
 Скóрой бой дёржать да рукопашной он.
 Тут ведь билсе-боролсе доброй мóлодец,
 Ише Росшин-от племянничок,
 365. Он ведь билсе-то всё же три неделёчки,
 Три неделёчки со тремá с минуточками,
 Поборол он силу чужу приходящую
 Как того ли короля, скажем, задоньского,
 Не оставил он ведь силушки на сéмена.
 370. А и как хотел богатырь ехать-то,
 Он хотел ехать, да всё хотел ехать в славной Киев-град,
 А и вдруг заржал, заржал его да богатырьской конь.
 Он кричал, кричал да громким голосом:
 «Уж вы ой еси, мои дружинушки хоробрыя,
 375. Уж вы, киевски богатыри,
 Поезжайте-тко да помогите мне!»
 Ише слышали богатыри,
 Они слышали с заставы богатырьскою,
 А и так тогда же всё его да все же стретили,
 380. Пировали на заставы трóи сутоцьки;
 А недолго Росшинóму тут племянницюку
 Удалось да отдохнуть ему:
 Как увидел, — со гор славных да Сорочиньских-то,
 Из-под той ли реченьки Муравеньки,
 385. Из-под тех ли лесов Брыньских тут, —
 Увидали: едёт богатырь-от,
 Под йим-от конь-от, будто лютóй зверь.
 А и тут богатыри все да ужахнулисе,

- Они все же розъезжались,
390. Они все же испугались.
А и как тогда богатырь призадумалсе:
«Мне-ка ехать ли сражатисе?
Вот сражаться-биться со богатырем?
А и как на етого богатыря
395. Надоть много всё же золотой казны!»
А и как тогда же ведь богатыри не ужахнулись,
Не ужахнулись они, не убоилисе.
А и тут поехал Росшин-от племянникок,
Он поехал-то скорым гонцом,
400. Вот скорым гонцом да йиз чиста поля
Он ко тем ли горам да Сарачиньским-то,
Погналсе (в)след же он да за богатырем;
Богатырь уехал в леса Брыньские,
В леса в Брыньские во темныя,
405. Росшин-от племянницёк погналсе тут,
Он наехал в леса Брыньские, —
Не нашол же там богатыря.
Тут пришла-то сила, залегла, лежит,
Залегла-то силушка да всё латынгорьска.
410. Тут не лютоё зельё розгорелосе,
Богатырьско-то серцо ростреложилось,
Лепетá в лица его перемениласе,
Могучи плечи да шевелилисe,
Он кричал, кричал своим да громким голосом:
415. «Ай вы же, сила да приходяшшая,
Я ведь знаю, что из стран пришла латынгорских,
А и вы давайте-тко со мной да скорой бой держать,
Скорой бой держать да всё боротисе!»
Тут ведь сила зволноваласе,
420. Она скоро к бою сообщаласе;
Он ведь билсе-то, боролсе тут
Ише семь суточок поры-времени.
Тут во Киеви да затреложились,
Где-ка нет долго богатырей?
425. Тут немного розговаривал
Его всё же родной дяденька,
Его дяденька любимой-от,
Ише тот ли богатырь киевской,
Богатырь киеськой Росша-Росша Росшиби Колпак,
430. Он пошол, пошол да он во свой же терем во высокой-от,
Он на свой пошол широкой двор,
Он ведь брал же всё добра коня,
Он добра коня богатырьского,
Он (ведь брал) коня да убирал его,
435. Он накладывал двенадцать тугих подругов,
Он тринадцато клал, клал не для красоты же он,
Не для красоты же клал да молодецькою,
Брал для той ли утехи богатырьскою,
А во вторых же брал да ради крепости,
440 Ради крепости да богатырьскою,
А и тут брал с собой он палицю тяжелую,
Брал с собой он саблю вострую,
Брал с собой он копыё богатырьскоё,

- Он годёл же плáтьё богатырьскоё,
 445. Надел латы богатырьские.
 Он поехал, поскакал да во чисто полё
 Через ту ли он ведь стену городóвую,
 Через ту ли ведь он ведь башенку высокую,
 Поскакал он скоро всё скорым гонцом,
 450. Вот скорым гонцом в чисто полё,
 А й он подъехал ко заставушки да богатырьскою,
 Он у заставушки спросил тогдá,
 Что: «не видали ли вы, куда уехал всё,
 Куда уехал мой любой племянницёк?»
 455. На заставушки ответили:
 «Он поехал на горы Сарачинския,
 С Сарачинских гор уехал он во те ли лёса Брыньские».
 Тут поехал же Росша-Росша Росшиби Колпак,
 На своём поехал он добром кони,
 460. Конь скакал же очунь наскоро,
 А и тут ведь сырá земля да колыбаласе,
 Как кореньицо скоро да всё ломалосе,
 Из морей вода да розливаласе,
 Лёса тёмные да пошаталасе;
 465. Проезжает он да в лёса Брыньские,
 Во Брыньских лесах стоит-то силушка мнóгая,
 Сила мнóгая да очунь гúстая,
 А его племянничок во силушки поезживают:
 Он вправó махал, — валилась улица,
 470. Вовёбó отмахнёт — да переулочки.
 Тут подъехал к ему же дядюшка родимой-от,
 Его розмахнулосе плецё да богатырьскоё,
 Росходиласе да рúка правая,
 Начел он же тут поезживать,
 475. Силу начел побивать же тут;
 Ездил он с руки со левою,
 А племянничек его да в руку правую.
 Они бились-то долго тут, боролисе,
 Ихны кони истопталасе-то,
 480. Они сами утомилисе,
 Они начели на рукопашной бой;
 Тут ведь бились (о)ни, боролисе,
 Побили силушку неверную,
 Вот неверну силушку латынгорску.
 485. Он, Росша-Росша Росшиби Колпак,
 Зáчел силу хоронить тогда,
 А его любимой-от племянничок,
 Он поехал попроведати
 По рекáм, речки вси объехати.
 490. Как приехал он да ко Дунай-реки,
 Дунай-река текёт да не очунь широкая,
 Не ширóка очунь, (о)на глубокая;
 У Дунай-реки богáтырь-от погуливат,
 Он ведь богатырьскими утехами да забавляйтса,
 495. Он ведь рыцарьскими играма забавляйтсе, —
 Кáнат палицю высоко по поднёбесью,
 Он правóй рукой выбрасыват,
 Он левóй рукой подхватыват,

- Клонит палицю тежолую,
500. Клонит палицю на Киев-град,
Просит, просит поединшичка.
Тут немного ведь Росшин-от племянничёк
Он немного тут розговаривал,
Он крычал своим богатырьским нежным голосом:
505. «Ай богатырь ты приезжой-от,
Йиз какого едешь города?
Ты какой земли, украины?
Ты король ли, королевиць есть?
Уж ты князь ли есть, княжевиць есть?»
510. Ты какой богатырь или рыцерь млáдой есть?»
А богатырь-от сидит да не оглянитсе,
Не за что же богатырь не овернитсе;
Он крычал, кричал да он в другой же раз,
Вот крычал, крычал в третей же раз, —
515. Тогда богатырь овернулсе-то,
Овернулсе, россмехнулсе он:
«Я ведь думал, какй игроки ездят поигрывают,
Ажно киевски богатыри погуливают!
А посажу я богатыря на долонь свою,
520. На свою долонь на правую,
А левой прижму его, —
Меж моима-ти долонями мо́кра б́удёт тут!»
Возговóрил ведь Росшин-от племянничёк:
«Ты не смейсе-ко, дородней доброй мо́лодец, —
525. Не успел ты ведь ягоды-малинушки накушаться,
Зáчел впереди всёго хвастати!»
А й как богатырь-от приезжой очунь сильней был,
А как ведь сам-от он, как великан лютей,
А ведь как конь под йим был, как лютый-от же зверь.
530. В перьвой раз, когда да они съехались,
Кóгда съехались, ударились,
Все же птици испугалисе,
По поднёбесью да розметалисе.
Лёсны звери да розбежалися,
535. Рыба разная в станы ушла,
Во станы ушла в речны она, —
А и друг ведь друга до болькá не ранили.
А в другой раз-то они съехались,
Приломалось кóпьё у богатыря,
540. У богатыря приезжого, —
Услыхал тогда Росша-Росша Росшиби Колпак,
Что так ведь што созвенело-то,
Созвенело, соблестело-то.
А й как привелось же йим держать да рукопашной бой,
545. Они начели тут всё боротисе;
Бились-боролись-то они ровно три дня, три-го ночецки,
По колен в землю вборолисе.
А кóгда-то от богатырь-от приезжой-от,
Великан же, чудови́шно сушоё,
550. Подкорючил он у Росшина племянничка,
Подкорючил ножку правую,
Опрокинул у его да ножку левую,
Тогда падал-то богатырь на сыру́ землю;

- Как садилсе великан к ему да на белы груди,
 555. Он выхватывал булатной нож, —
 Только хочот пороть да груди белые,
 Наехал тут да сам же Росша-Росша Росшиби Колпак.
 Он немного думал, розговаривал,
 Он натёгивал свой тугой-от лук,
 560. Он накладывал стрелочку калёную,
 Он ко стрелочки приговариват,
 Ко калёною насказыват:
 «Ты лети, лети, моя стрела калёная,
 Высоко лети да по поднёбесью,
 565. Ты не падай, моя стрелочка калёная,
 Вот не на землю, не на морё,
 Ты пади-ко, моя стрела калёная,
 Разлетись-ко великану в ретивó серьцó!»
 Зашумела, загремела стрела калёная,
 570. Она пала не на гору, не на морюшко,
 Она падала да розлетеласе
 Прямо великану в ретивó серьцó,
 Она убила, застрелила великана тут;
 Тут как падал великан со богатыря,
 575. Он свалилсе, будто тут да подкошённой столб,
 Он ведь падал всё на сыру землю,
 Закрычал он страшно по звериному,
 Зашипел ведь страшно по змеиному,
 А и закрычал же он да громким голосом.
 580. А и тут немного Росша-Росша Росшиби Колпак да розговаривал,
 Он хватал скорó саблю вострую,
 Саблю вострую да богатырьскую,
 Он срубил у его да буйну голову,
 Он срубил у его с могучих плеч.
 585. Они только что битву покозчили,
 Услыхали: едет опять — видят — богатырь,
 Он такой же великан сильней,
 Он крычал да по звериному,
 Он шипел да по змеиному:
 590. «Ай злодеи немилóсливы,
 Вы зачем убили брата рóдного?
 А теперече давайте со мной бой держать!»
 Спёрьва билсе с ним да Росша-Росша Росшиби Колпак,
 С йим ведь билсе трóи суточки,
 595. Как меж тем же его племянничок любимой-от...
 А не мог же он да победить его;
 Тóгда зáchал помогать ему племянничек, —
 Тóгда начели да рукопашной бой,
 А и рукопашной бсй же, йим да тут боротисе.
 600. Кóгда Росша-Росша Росшиби Колпак
 Со богатырем боролсе он,
 Во ту пору его племянничек любимой-от
 Спúстил стрелочку калёную.
 Его стрелка перестрёлушки не сделала,
 605. Прямо падала ему да в ретивó серьцó,
 Тут взревел, вскрычал богатырь и упал же он;
 Тогда садилсе Росшин-от племянничек,
 Он садилсе на груди его,

Вот спорол ему груди его же великаньские.

610. Вдруг опеть чудо тут случилось,
Едёт, едёт тут богатырь на добром кони,
Он кричит, кричит своим да громким голосом:
«Ах злоден вы, богатыри,
Зачем погубили двух моих ведь братьницей?»
615. Давайте-тко тепере скорой бой держать,
Бой держать да кроволитной тут!»
А тут ведь зачели богатыри боротисе;
Трой сutchки боролсе племянничок-от Росши-Росши Росшиби
Колпак,
- Не мог богатырей победить некак.
620. Тут ведь Росша-Росша Росшиби Колпак
Стрелял стрелками калёными,
Его стрелочки долётывали,
А богатыря не ранили,
Потому што заколбной был,
625. Его латы-ти спасали тут.
Когда Росшин-от племянничок
С ним ведь зачел на рукопашной бой,
Тройи сutchки-ти с йим да он боролсе тут.
Сильней, страшной был богатырь тут,
630. Поборол его чудовишшо-то,
Он ведь падал, богатырь, на сыру землю;
Тогда хотел сесть же великан на его да на белы груди.
Во ту порочку, во времечка
Разбежалсе Росша-Росша Росшиби Колпак,
635. Его дяденька родимой тут,
Он ведь хлопнул богатыря палицей тежолою, —
Тогда падал великан да на сыру землю,
Мать сыра земля да сколыбаласе,
Непр-река тогда да зволноваласе,
640. Моря южные да зволновалисе,
Они волнами-ти морьским да разливалисе.
А и тут садилсе Росша-Росша Росшиби Колпак
На его на груди чёрные,
Он спорол его да груди чёрные,
645. Вынел серьцо-то его же он со печеню.
Тогда повыгубили богатырей, чудовишней сушших-то,
Йих ведь сушших-то да очунь страшных-то,
Рассекли йих на мелки части-ти.
Сами сели, богатыри, на добрых коней,
650. Они поехали к заставы богатырьскою,
А рассказали тут ведь всё богатырям;
Тут богатыри ужახнулисe,
В делах в чудных тут дивовалисе.
А они поехали в славной Киев-град,
655. Йих стречал, стречал Владимир князь,
Как Владимир князь да стольнёкиеськой,
Со своей ли он дружиночкой с хороброю.
Тут пошло для них да пированьицо,
Как весёлоё пошло да столованьицо.
660. Э тут ведь все богатыри скопилисe,
Все же рыцари-ти съехалисe,
Таким чудовишшам-то дивилисe.

- Э и тут в пиру Владимир князь йих ударивал:
 Подарил йим ведь шубы соболиные,
 665. Подарил-то йим ведь шляпочки пуховые,
 Подарил йим сапожечки сафьяные,
 Подарил-то йим кушаки да пересийские,
 Подарил-то йим перчаточки шелковыя,
 Подарил-то йим чулочки шелковые,
 670. Вот дарил йих да красным золотом,
 Красным золотом йих, цистым серебром.
 Про йхну силу богатырьскую
 Пропевать будёт, рассказывать,
 Все народ-люди дивоватисе.
 675. Той старинушки теперече конець пришол,
 Как конець пришол, славу поют,
 Как славу поют отныне до веку.
 Славну морюшку Хвалыньскому на тишину,
 А Непрю-реки на славушку да честь великую,
 680. А всему нашему народу славному советьскому,
 Йим ведь всем на послушаньице,
 А от них вперёд пойдёт всё же пропеваньице.

№ 67. ПЕРЕСЧОТОВ ПЛЕМЯННИК ЕЗДИЛ НА ОФРАК-РЕКУ ОТ КНЯЗЯ ОТ ВЛАДИМЕРА

- А как во славном во городи во Киеве
 А и вот при ласковом князи при Владимире,
 А и при его было при славном всё кнеженьици,
 А и при его было премудром всё заседаньици,
 5. А и все богатыри йиз Киева розъехались,
 А и хто куда же богатыри уехали,
 А и только осталсе тут Владимир князь,
 А и вот Владимир князь осталсе стольнѣкиевской,
 С йим осталсе только Ваня-та Залѣшанин,
 10. А и с йим осталсе Васька-та, боярьской сын,
 А и как осталсе же Гришка-то, хресьяньской сын,
 Да осталсе тут же, скажом, ведь Гаврило Долгополой-от,
 Осталсе Алѣша-та, попоськой сын.
 М-м как ведь жили-пожили Владимир князь,
 15. А и как во ту пору, во само во то времечка
 А и как приехали богатыри да йиз чиста поля,
 А и как богатыри наехали,
 Они князю возговѣрили,
 Наехали Михайлушко Егнатѣвич,
 20. (В)от наехал-то Иванушко Гоненович,
 Они навезли князю тут гусей серых,
 Вот серых гусей да белых лебедей,
 А и тут пернастых серых уточѣк,
 Они князю привезли на кушанье.
 25. А и как ведь князю-ту Владимиру пондравилосе,

- А и говорил им князь да таковы слова:
 «Вам спасибо, добры молодцы,
 Как ведь руськия могучия богатыри,
 А и как теперече, богатыри славны киевски,
 30. Я ведь буду всё пиры собирать,
 Вот пиры собирать для вас же всё!»
 А и как собирал тогда пиры Владимир князь,
 Собирал же всех народ йиз Киева,
 Приезжали туда йиз Чернигора,
 35. Приезжали йиз матушки каменной Москвы,
 Приезжали йиз Новá-градá;
 Тут ведь много гостей съехалось,
 Гости съехалось, скопилосе,
 Скоро-скоро кнеженеськи светлы гривины
 40. Как народом-то, людьми да принаполнились.
 А и стречал, стречал гостей Владимир князь,
 Вот Владимир князь да стольнёкиевской,
 Он стречал же йих, примал гостей,
 А и проводил-то йих во светлы гривины,
 45. Во столовы-ти он светлы горницы,
 Садил йих за столички окольные,
 За те ли на скамеёчки дубовые,
 Они покрыты были рытом бархатом,
 За те ли всё за скатерти за браные,
 50. За кушанья за разные,
 За напитки заморьские.
 А и как ведь тут же гости стали кушати,
 Ишше белую лебёдушку стали рушати.
 Заиграли тут во арфы во игромые,
 55. Как во те ли во струны в золочёные,
 А и как во те ли во гусли во весёлые,
 А и как ведь красно солнышко пекло на ясени,
 А светел день ведь шол навесели;
 А и красно солнышко пошло ко западу,
 60. Вот ко западу пошло, к закату-ту,
 А и тут ведь на пиру все гости досыта сыто наедалисе,
 А допьяна пьяно напивалисе,
 Тут ведь гости все да росшутилисе,
 Повели разговоры дружелюбные:
 65. Кто ведь, кто ведь, кто же где бывал?
 Кто же где бывал, чего же где видал?
 А сидели гости веселёхоньки,
 Росшутились, россмеялись гости,
 Сделались очунь веселы,
 70. А богатыри-ти все, говорили же
 А они про свои славны поездочки,
 Про поездки славны богатырьские:
 «А как ведь кто, кто из вас бывал да у Офрак-реки?
 Кто бывал в лесах Офрацьких-то?»
 75. А и там ведь очунь лёсы-ти чудные,
 А и леса чудные, самы густые,
 А во етих лесах да звери разные,
 Звери разныя, птицы йиностранные,
 Прилетают все же птицы тут, скопляютсе
 80. Ко Офрак-реки да все купаються».

- Тут богатыри не говорили,
 А которы бывали-ти, говорили,
 Што: «мы знам, мы знам да про Офрак-реку́,
 Знам ведь местности да все лесочки-ти.
85. Знам ведь все зелёные лужочки-ти».
 А и тут ходил, ходил-гулял Владимир князь,
 Он ходил, ходил по гривинам столовым-то,
 По высоким своим ходил по светлым светлицям,
 По столовым своим же светлым горницам,
90. На гостей своих ходил поглядывал,
 Вот поглядывал ходил, посматривал,
 Подошел к столам да низко кланелсе:
 «Уж вы ешьте-тко, мои дороги гости,
 Уж вы ешьте-тко, да гости, кушайте,
95. Ишше белую лебедушку порушайте,
 Кому надобно цёго, да всё говорите,
 Говорите-тко вы да не стыдитесь-ко:
 А и кому надобно йиз вас да красно золото,
 Оно вам же будёт выдано;
100. Кому надо чисто сёребро,
 Оно вам же будёт выдано;
 Кому надоть вам платьё цветнёе,
 Вам же всё будёт повыдано;
 Кому надоть из вас да всё хлебы многия,
105. Хлебы многия ведь вам будёт повыданы;
 А если из мук нужно будёт, — будет выдано».
 Тут ведь все гости поклонилисе:
 «Спасибо, князь наш славнокиевской,
 Ишше ласковой Владимир князь!»
110. А и говорил Владимир таковы слова:
 «А уж вы ой еси, дородни дёбры мёлодци,
 Скажом, руския могучия богатыри,
 Хто ведь, хто бы йиз вас да вот исполнил моё же приказаньицо,
 Хто бы съездил из вас да на Офрак-реку́?
115. А и хто бы, хто бы привёз мне, князю Владимиру,
 А й привёз с Офрак-реки да мне свежой воды?
 Вот свежой воды мне, князю, всё помытисе,
 А и приумыть князю белó лицо,
 А и белó лице умыть да всё во банёцьки,
120. Вот во банёцьки же да вот помытисе, —
 А й давно-давно, князь, не умывал лица.
 Хто, хто всё ведь съездил тут?
 Хто бы съездил тут да потреложилсе?
 Хто йиз вас же тут пожелает да туда съездити?»
125. Возговóрил тут Алёшенька Поповиць млад:
 «Ой ты гой еси, Владимир князь,
 Вот Владимир князь да стольнёкиевской,
 Уж и я скажу тебе, поведаю:
 «Я не бывал на реки всё, да на Афрак-реки;
130. Туда ездят, проезжают-то:
 Ездит туда всё Добрынюшка Никитиць млад,
 Ездит туда всегда Иванушка Гонёнович,
 Проезжат туда Михайлушка Егнатёвич,
 Чаше всех туда ведь ездит Пересчотов-от родной племянничок».
135. А и подходил тогда Владимир князь,

- Подходил он ко дородну дóбру мóлодцу,
 Подходил он, низко кланелсе,
 А говорил он таковы слова,
 Таковы слова говорил да таковы речи:
140. «Уж ты гой еси, богáтырь славнокиевской,
 Пересчотов ты родной племянничок,
 А й как всегда про тибя да я всё говорю-ту,
 Вот говорю всё же, спрашиваю:
 «Где-ка нет Пересчотова племянничка?»
145. А мне богáтыри всегда говорят-то,
 Отвечают слáвны киевски,
 Что: «уехал Пересчота-от племянничок
 Во любóу свою дороженьку,
 Во любóу свою, да ко Офрак-реки́,
150. Он всегда же к ней да часто ездит к ней,
 Он всегда, всегда привозит оттуль свежóй воды,
 Вот свежóй воды с Офрак-реки».
 А и подходил к нему Владимир князь:
 «Уж ты ой еси, дородней доброй мóлодец,
155. А и Пересчота ты родной племянничок,
 Сослужи-ко мне да верой-правдою,
 Верой-правдою да на Офрак-реки́,
 Сослужи мне службу неизменную:
 Э уж ты съезди-ко да на Офрак-реку́,
160. Привези мне-ка оттуль воды,
 Мне белó лицо своё да приумыть тогда,
 А приумытите же мне-ка хочитце, напитисе».
 Говорил тогда Пересчота родной племянничок,
 Он ставал, ставал да на резвы ногí,
165. Кланелсе князю Владимиру,
 Говорил он да таковы слова,
 Таковы слова да таковы речи:
 «Уж ты ой еси, Владимир князь,
 Владимир князь да стольнёкиевской,
170. Я ведь съезжу со желаньицом,
 Привезу воды да со Офрак-реки́!
 А й кóгда ехать, князь, да вы прикажете?»
 «А уж ты съезди-ко, мóлодец богáтырь мой,
 Кóгда кончитсе весёлой пир,
175. Послé пиру-ту отдохни же сам,
 Кóгда ты же отдохнёшь-то всё,
 Тóгда поезжай-ко-се на Офрак-реку́».
 А й красно солнышко во Киеви на закат пошло,
 На закат оно да закатилосе,
180. А и весёлой пир, да всё весёлой стол,
 Под конець-то он кончалсе тут,
 Не заиграли тут во арфы-ти в игромые,
 Не заиграли тут во струны в золочёные,
 Не запели по гусли́м весёлым-то;
185. Тут ведь стали гости выходить да из-за столичков,
 Из-за столичков из-за окольных-то,
 Из-за скáтертей да из-за браных-то,
 Из-за ёстнов разных сахарных-то,
 Из-за напитков заморских-то,
190. А и тут молились они да богу-господу,

- Поклонялись царицы божьей богородицы,
 Они благодарили князя-та Владимира;
 Тогда гости-ти ропрошшались,
 Ропрошшались да одевались,
 195. А которы гости-ти пошли пешим-то.
 А и опустели столовы новы горници,
 Как ведь те светлы светлицы,
 Ише гривины да кнеженеские.
 А пошел доброй молодець богатырь-от,
 200. Пересчотов-от родной племянничок,
 Пошел спать да отдохнуть лежать;
 Приуснул же он ведь, скоро скочил-то,
 Скоро скочил, возговорил-то:
 «А и вот как много спал да всё же я, проспал,
 205. А и мне не чесь-та будет богатырьская,
 Мне не выслуга да славна рыцарьска,
 Не утеха молодецькая, —
 А и что нужно ехать в путь-дорожочку,
 А и привезти князю Владимиру свежой воды,
 210. Вот свежой воды да со Офрак-реки».
 Он ставал, ставал скоро на резвы ноги,
 А он ведь умывал своё да лицо белоё,
 Утирал лице да полотенцем-то,
 Он молился спасу пречистому,
 215. А и собиралсе он да в путь-дорожечку,
 Он пошел скоро на конюшной двор,
 Он ведь брал коня своего богатырьсково,
 Он накладывал, набрасывал
 Как двенадцать-то стальных подругов,
 220. А тринадцето-то клал да ради крепости,
 Он накладывал стремена да золочёные,
 Он наваливал седельшко церкальской;
 Одевал-то он ведь латы булатные,
 Надевал-то он ведь как платье богатырьскоё,
 225. Брал с собою саблю вострую,
 Саблю востру, саблю богатырьскую,
 Он брал с собой-то копье востроё,
 Копье востро брал да богатырьскоё,
 Брал с собой он палицу тяжелую,
 230. Вот тяжело брал да богатырьскую,
 Брал он с собой коробочку серебряную,
 Он увязывал да крепко-накрепко;
 Сам садилсе тогда да на добра коня,
 Он поехал скоро-наскоро,
 235. Махал плеточкой шелковой,
 Чтоб скорё бежал его да богатырьской конь.
 Конь скакал, бежал да очунь быстро он,
 Перескочил очунь скоро он же Неп(р)-реку;
 Уехал он да во чисто поле,
 240. Поехал полюшком-то чистым он,
 Поехал горами Сарачиньскима,
 Ехал лесами он же темными,
 Ехал тихима-ти заводями.
 А и ехал долго же, немало вон,
 245. А и приехал он ко славной ко Офрак-реки,

- Почерпнул, начёрпал он свежой воды,
 Свежой воды он из Офрак-реки,
 Он ведь тут всё да осмотрилсе, огляделсе-то,
 Он ведь здумал во реки да окупатисе,
 250. А свежой воды офрацькою напитисе.
 Покупалсе он в свежой воды,
 Поныргал, походил да во Офрак-реки, —
 Он ходил, ходил да по звериному,
 Он ведь плавал-то по рыбьему;
255. Накупалсе он в Офрак-реки,
 Он напилсе тут свежой воды,
 Одеваться скоро стал же он,
 Приоделсе всё, оделсе он;
 Хотел сесть только на добра коня,
260. Вдруг нашла-то туча тёмная,
 Туча тёмная нашла же, туча грозная,
 А со дождями она, с пригрозами.
 А и становил же скоро богатырь-от белой шатёр,
 А и обтонул его да рытом бархатом,
265. Становил его ко берёзеньки ко густою,
 Коня привезал ко той ли ко беленькой берёзеньки;
 Он насыпал дак пшеници белояровой,
 Сам покушал-то, поел подорожничков из суночки-котомки
 подорожною,
 Он ведь запил водою из Офрак-реки;
270. А как ведь он зашел ведь отдыхать да тут в белой шатёр,
 Он ведь как спать-то не спал, да, скажем, так лёжал,
 Он ведь так лежал да, скажем, всё вотдыхал;
 Он лёжал, лёжал выслушивал,
 Вот выслушивал всё, да он послушивал.
275. Как было во пору, в само времечко,
 Он ведь так определял, што всё в часу двенадцатом,
 Тут ведь делалсе шум-то страшной-от,
 Заревели бёлы лебеди,
 Бёлы лебеди да на Офрак-реки.
280. Э и как выходил тут доброй молодець из белá шатра.
 А почему смотрял, — што лунно было-то,
 Лунно было-то, да месяц светел-то.
 Видел он, шшо на Афрак-реки
 Э и прилетел-то тут да змей Горлынишшо,
285. О двенадцати же змей о хоботах,
 О двадцети о сильных дóротах;
*(Какие это дóроты? Я не знаю. Наши родители говорили, што
 это тоже хоботы, што это ошиблись.)*
 А как тут редела белая лебедушка,
 Он держал ей во хоботах змеиных тут,
 Он крычал, крычал, злодей, да по звериному,
290. Он шипел, злодей, да по змеинному.
 Увидал когда его богатырь-от,
 Он немного розговаривал,
 Он ведь скоро натягивал тугой-от лук,
 Он накладывал в его да калену стрелу,
295. Спустил стрелоцьку во змея во Горлынишша;
 Когда ведь стрелочку накладывал,
 Вот накладывал он же, приговаривал:

- «Ты лети, лети, моя стрела калёная,
Высоко лети да по поднёбесью,
300. Выше облака лети же ты ходячего,
Выше лесу ты лети да всё дремучого,
А и ты не падай, мѡя стрелочка, не на морѣ,
Ты не на морѣ, не на гору,
Ты не падай-ко да вот во Офрак-рѣку,
305. Пади, стрелочка, змею да во ретивѡ сердцѣ!»
Пала стрелочка-та змею во ретивѡ сердцѣ,
Заревел-от змей-от страшной-от Горлынишко,
И полетел он на сырѡ землю,
Пал в кусты же он в рокитовы.
310. Тут немного розговаривал
Пересчота родной племянничѣк,
Хватил кѡпѣ он богатырьскоѣ булатноѣ,
Брал он своѡ саблю вострую,
Побежал в кусты в ракитовы:
315. «Змей Горлынишко что стонѣт тут?»
Он ведь выпустил лебѣдушку из хоботов;
Он немного тут да розговаривал,
Отбил тогда двенадцать хоботов,
Он ведь как тогда срубил буйну голову змеиную.
320. А кѡгда отшибал он хоботы змеиные,
Как двенадцатой отшиб кѡгда,
Тогда змей Горлынишко взмолился тут:
«А не убивай миня, богатырь-та!
Оставишь миня во живности,
325. Поназванимсе, будь ты брат и мне названым тут,
Ты же будешь мне названой брат,
Как большой же брателко будѣшь, старшой всё,
Я тебе же буду старшой¹ брат!
А и ты поедѣм в мойи в пешщеры во глубокие,
330. Во глубокия в змеиныя,
Надаваю я тебе много золотой казны,
Я каменя драгоценного,
Драгоценного каменя самоцветного,
Вот бери же ты, да сколько надобно!»
335. А и тут возговѡрил Пересчотов-от племянничок:
«Мне не надобно змеиногo богасъвица,
Не оставлю змея в живых тибя.
Вашо серъцо-то змеиноѣ,
Вот змеино серъцо-то есть лукавое:
340. А не хою с вами, с лукавьцеми, дружбы иметь, —
Не дружбу же вы имеете.
Злобу вечную всегда да вы же дѣржите». —
Как тогда же змей возговѡрил-то:
«Хитроѡ-мудроѡ богатырь есть ведь руськой-от,
345. Велика мудрось в богатырях,
Они знают совисть всю змеиную!
За мойи дела великия за многия,
Мне за то такая смерть пришла!»
Тут срубил богатырь ѣго буйну голову,
350. Пролил тут же кровь злу змеиную.
Он тогда подошѡл к белою лебѣдушки,

¹ Обмолвка; следует: «младший».

- Пошевелил ей всё за крылышка,
 Вот за крылышка за лебединые;
 Тут лебедушка крыльём-перьяцом взмахнула-то,
 355. Она взмахнула-то да воздохнула-то, —
 Как камыш-трава да с ней свалилase,
 (В)место лебедушки да тут очудилась
 Чудна дэвица красавица.
 Она стояла, низко кланелась,
 360. Низко кланелась, улыбаласе,
 Она давала тут спасибо ему немалоё,
 Вот немалоё, да привеликоё:
 «Уж ты будь-то мой спаситель тут ведь вечной-от,
 За тибя буду покорнось воздавать всегда!
 365. А и йишше егот черодей же, змей,
 Черодей, змей да всё страшной, страшной был.
 А й Горлынишшо противной жил,
 А он летел, летел на страны на наши-ти,
 На страны на наши на пересийские;
 370. Я гуляла в зеленóm саду,
 Я ведь — дочь князя пересийского.
 Унёс злодей йиз зеленá садá,
 А когда принёс в свои в пешшеры во глубокия,
 Он ведь отдал меня на съеденьё-то своим дитя́м,
 375. Как своим дитя́м, змеёнышам,
 А ёго жона, злодейка-та,
 Она, змея же всё поганая,
 Срэди ноченьки овернула-то,
 Овернула миня же белой лебедью,—
 380. Я вострехнулась перьяцом лебединым-то,
 Улетела вот да я в Офрак-рэку́,
 Отдыхала до его в ракитовых кусточиках,
 Поклевала я да муравой травы,
 Вот прилетела я да на Офрак-рэку́,
 385. Хотела я напиться да свежой воды,
 Тогда хотела лететь я во свою страну,
 Во свою страну да сла́вну пересийскую.
 А там же всё он увидел миня на Офрак-рэки́,
 Прилетел, хотел сглонуть миня;
 390. Вот сглонуть-то не успел миня,
 Схвátил в хóботы в змеиные,
 Он ведь зáchел-то ведь грызть-кусать,
 Я тогда же заревела-то.
 А за етимá лесоцьками за тёмныма
 395. Подошла же сила многая,
 Сила многа подошла чуди белоглазою,
 Ясну соколу не облететь будет,
 Дóбру мóлодцу не объехать на добрóm кóни».
 Возговóрил тут Пересчотов-от племянничок:
 400. «Ну поди же ты, девица, во белой шатёр,
 Я укрою шатёр листоцьками,
 Вот листоцьками зелёныма, —
 Не узнают, что белой шатёр.
 Во шатри-то у мя там суночка дорожная,
 405. Она, котомочка, из рыта бархата, —
 Ты покушай там, поешь у мя;

- Есть водица там почёрпнута,
Она почёрпнута да из Офрак-рёки,
Ты напейсе-то тогда у мяя да со такой с трелогушки.
410. А и я поеду-то на смёртной бой.
Живой буду, то заеду я за тобой, девица, всё;
Мёртвой буду-ту, не жди миня,
Ты не жди миня, беги тогда,
Не попадайся в руки ты же ворога!»
415. А й тут садилсе-то богатырь на добра коня,
Он поехал за лесоцики, —
Вправду было ему сказано!
Он ведь бил, лупил силушку неверную,
Ишше той ли чуди двоеглазою,
420. Он ведь билсе-то долго-то, боролсе всё,
Приустали его да руцьки белые,
Не заслужили у его да ножки резвья,
Утомилсе у его да богатырьской конь.
А й как тогда, хошь он много билсе-боролсе тут,
425. Он избил, избил ведь силушку великую,
Вот не оставил-то чуди двоеглазою на сёмьяна.
Он забрал-забрал всё красно золото,
Он забрал-забрал оттуда чисто сребро,
Он ведь выбрал коня самого лучшего,
430. Всё ведь склал-то, склал, привезал на коничка,
Тогда поехал он ведь скоро ко белу шатру, —
Во шатри-то тут девица слезно плакала,
Протекли со слёз да у ей ручеёчки.
«Ты не плачь, не плачь, девица, по напрасному,
435. Ты не лей, не лей ведь слёз да из ясных очей,
Ты не порти-тко своих да ясных очей,
Не слези ты своёго да лица белого,
Ты не расстраивай да не треложь да ретива сердца,
Приумой-ко лице бело вот свежой водой!»
440. Он пошел, пошел ведь скоро на Офрак-реку,
Он принёс, принёс ведь скоро ей свежой воды,
Приумыл-то он у ей водицей он бело лице,
Приотёр-то у ей слёзы полотеньцем-то,
Он ведь давал-то, снял своё же платье нижней,
445. Придел-то всё девицю-ту на дорожечку,
Убирал тогда он скоро всё белой шатёр,
И тогда же он садил девицю-ту на добра коня,
Крепко-накрепко ведь он же всё укреплявал,
Вот укреплявал же он да всё увязывал,
450. Вот увязал же он да ей прикреплявал,
И он привязывал, садил на своёго он добра коня.
Сам садилсе на коню же на чуди двоеглазою.
И он забрал, забрал ведь много тут свежой воды,
Настрелял-то много уточек с Офрак-рёки,
455. Поймал-то разной рыбы из Офрак-рёки.
Вот поехали тогда они в дорожечку,
Вот в дорожечку поехали ко Киеву,
Вот ко Киеву, ко городу ко славному,
Как ко ласкову ко князю ко Владимиру;
460. Они доехали счесливо тут до Киева,
Он ведь воду-то отдал князю Владимиру,

- Росказал свою поездку богатырьскую,
 Как убил, убил ведь змея-то страшного Горлынишша,
 Как прибил-то много силы-то чўдською,
 465. Силы чўдською прибил да двоєглазную,
 Как повыручил ведь дочь князя-те пересийского.
 Тут пришол князь, девици-то низко кланелсе:
 «Добро жаловать, проходи-ко всё в мойи гривины,
 Как в мойи-то свѣтлы свѣтлицы!»
470. Проводили-то девицу в свѣтлы гривины,
 Ей ведь вымыли-то девушки, учесали-то,
 Одевали на ей платьцо шелкóвое, —
 Тут ведь она же тут зрадовáлесе,
 Будто снова от матушки родной родиласе.
475. Князь ведь стал тогда ей да всё выпрашивать,
 Куда, куда-то ей тепереце отослать нужнó?
 «Во свою ли все во землю пересийскую?
 Ко своѣму ли вас родителю, отцю-батюшку?
 Или ты останешьсе во Киеви во городи?»
480. Тут девица-та ведь князю вот ответила:
 «Хто повыручил миня, князь, хто от смерти-то избавил-то,
 Тот надо мною пушшай распоряжайтсе».
 А тут девица пошла, она покушала,
 Што ведь белою лебѣдушки порушала,
485. А и как тóгда скорó отдыхать пошла,
 Отдыхать пошла, уснуть она.
 Как во ту пору, во времецька,
 А по ўтру, ўтру ранному,
 По восходу сонця красного,
490. Собирал Владимир князь почесен пир
 Для своѣго он богáтыря,
 Для Пересчотова родного-то племянничка.
 А и собирал же тут ведь всех богáтырей славных русьских он,
 Собирал он всех рыцарей премлáдых всё,
495. Для всего народа, людей добрых, он,
 А и всех со старого до малого.
 А как пошол пир-то на радости,
 Пошол на радости да на великою,
 А и тут гостей много отовсюль скопилосе;
500. Стали гости тут да бни кушати,
 Белою лебѣдушку порушати;
 Заиграли во гуслицы весѣлые,
 Как во те ли в струны в золочѣные.
 Князь Владимир благодарил да низко кланелсе
505. Э он Пересчотову племянничку.
 А Пересчот-от, его да рóдной дядюшка,
 Долго ждал да он соскучилсе,
 Он уехал искать племянничка,
 Он уехал через горы-ти да Сарачиньския,
510. Он всего с йим да всё объехалсе, —
 Племянник ехал лесами Брыньскими.
 Он приехал ко Офрак-рэки,
 Увидел же силу многую,
 Мѣртву силу всю переполаскивал,
515. Он ведь думал: «Нет ли тут племянницька?
 Верно, взят племянницок во плен тогда,

- Вот во плен тогда, заполонён же он».
 Он поехал со горесью да в славной Киев-град;
 Когда приехал он во славной Киев-град,
 520. А у племянницка пир йидёт,
 На пиру сидит племянницёк с невестою.
 Тут у его же радость-та случиласе,
 Вот весельицо открылосе, —
 А й тут ведь скоро Пересчотов-от родной племянничок,
 525. Он ведь съездил во божью церковь,
 Он ведь принел с девицею по золоту венцу.
 А тут пошел пир навесели, на радости.
 Долго, долго шло да пированьице,
 Много пили тут, ели богатыри,
 530. Много было кушаньей покушано,
 Разных напитков тут ведь попито;
 Не рассказать про этот пир да в рассказаньице,
 Не пропеть да в пропеваньице!
 Велась свадьба-то да год да поры-времени.
 535. Когда узнал про то князь да пересийский-от,
 Он ведь сам пришел на чернёных большых караблях,
 Он ведь всё привёз в приданно родной дочери.
 Потом богатыри все ездили
 С молодыма в славу Персию,
 540. Пировали все во Персии;
 Тогда приехали во славной Киев-град,
 Тогда стали все жить богатыри во Киеви,
 Вот во Киеви при князи при Владимире.
 А и той старинушки конец пришел,
 545. Вот конец пришел, славы поют,
 Как славы поют отныне до веку.
 Чёрну морюшку с Хвалыньским всё на тишину,
 А реки Непрю на чесь, на славушку великую,
 А всему нашему народу советскому на рассказаньице,
 550. А от них вперед пойдёт на пропеваньице.

№ 68. ПРО САМСОНА КОЛЫБАЕВА ПРО ПЛЕМЯННИКА

- (А почему они не назначены именами? Были же имена у них, а они все назначены племянниками.)*
 А во славном было в городе во Киеви,
 А и при ласковом при князи при Владимире,
 А и при Владимире при князи всё при киеском,
 А и при его же было всё кнеженьице,
 5. А и при его же было мудром управленьице,
 А сидел-то князь Владимир сам,
 Он сидел, сидел-то у окошечка,
 У окошечка сидел у косицетого,
 У стекольшка сидел он у цистого стеклянного,
 10. А и вот стеклянного стекла ли где заморьского,
 Гледел, гледел же князь, смотрел да он за Неп(р)-реку,

- Он за Неп(р)-реку да во чисто полё,
 А и во чистоё во полюшко,
 А и во широкоё раздольицё;
15. А посмотрял-то князь да взял же трубоцьку,
 Взял же трубоцьку подзорную,
 Он подзорную-ту взял да всё заморскую,
 Он открыл, открыл окошечко косисцето,
 Посмотрял, погледел во трубоцьку,
20. А и вздохнул-то князь Владимир свет,
 Говорил князь Владимир стольнёкиевской,
 Говорил он таковы речи, таковы слова:
 «А и было времечко прекрасное,
 А и вот прекрасное-то времечка, приятноё,
25. Когда ездил я, князь, да во чисто полё,
 Вот во чистоё во полюшко,
 Во широкоё-то я ездил я раздольицо,
 А и я ведь ездил-гулял да во чисто полё,
 А и я смотрял, смотрял-просматривал
30. Всю ведь ту ли я заставу, охрану богатырьскую,
 Ездил я ли всё ко каменю ко Латырю,
 А и ко тому ли всё к столбу к стоячему,
 Ко тому ли все колечушку к золочёному,
 Ко тому ли ко знаю богатырьскому,
35. Оттуль проезжал я ко Пучай-реки;
 Охоч съездить, князь, был да в лёса Брыньские.
 За лисицами я же, за куницами,
 А и я за разныма лесныма всё за птицами.
 А теперь давно не бывал же, князь,
40. Не бывал же я, не гуливал, —
 А и как тепере ведь стал же я не млáдой, князь,
 А и как не млáдой — в пожилых годах.
 Мне хотелось бы посмотретья же там,
 А нельзя из Киева уехати:
45. У мя все богатыри разъехались,
 А и будто ясны соколочки розлетелись,
 Киев-град оставили, покинули,
 А мне-ка, князю, все дела вести,
 Все дела вести да княженеськие».
50. А и как тогда Владимир князь да стольнёкиевской,
 Отходил он от окошечка косисцета,
 Он пошел же в свою тёплу спаленку,
 Сел за столицок точёной он,
 Сел на стул-от рыта бархата,
55. На ковёр ведь сел на золочёной он.
 Он писал сидел да скóры грамотки,
 Скоро грамотки писал он правой рученькой,
 Правой рученькой писал не по прóстой по бумажочки,
 Не по прóстой писал, не по ёрбовой, —
60. Он писал, писал да ети ярлычки,
 Эти ярлычки писал да скорописцеты,
 Он писал, писал вон по рыту бархату,
 Вот писал, писал он да красным золотом,
 Писал он перышком всё да лебидиным-то,
65. А писал ярлычки он всем богатырям,
 Всем богатырям своим да славным киевских,

- Он ведь писал-то йим, уписывал,
 А и што соскучилсе князь без них же жить,
 Без них жить-то всё скучно же есть:
70. «Не с кем думушки подумать мне,
 Не с кем мыслицей помыслить мне».
 А и как написал он эти грамотки,
 Написал он, запечатывал,
 Отсылал он эти грамотки в те городочки,
75. Где-ка были всё богатыри,
 Отсылал он эти грамотки
 Во селá же, во деревенки,
 Где-ка были-жили же богатыри,
 Вот богатыри славны киевски.
80. А и отсылал кульеров-слуг же скорых-то;
 Его слуги верны не ослышались,
 Отвозили эти скóры грамотки,
 Князём Владимиром опечатаны,
 Опечатаны, да все же списаны.
85. А и скоро-скоро слуги-ти ведь ездили,
 Скоро-скоро все города, деревенки проехали;
 А и принел тогда Самсон сын Колыбаев-от,
 А и розвозил по всем его родной племянницёк.
 Скоро-скоро слуги князеськи наехали,
90. Стречал слуг Владимир князь,
 А и он стречал-то всё же слуг, выпрашивал,
 А и как ведь видели ли они русских могучих, сильных
 богатырей?»
- А тут ведь слуги кнеженеськи говóрили,
 Что же: «видел(и) всех да до единого.
95. Через три денёцка всё приедут тут,
 А и все приедут тут, да все же съедутсе».
 А и приказал тогда Владимир князь
 Как ведь наполнить бочки-ти да браги крепкою,
 А и браги крепкою да пива пьяного,
100. Приготовить велел вина зелёного,
 Разных водочек медовых-то,
 А разных напитков заморьских-то,
 Разоставить столички окольные,
 Вот окольные столички да в светлы-ти во гривины,
105. Во столовы-ти же светлы горницы,
 А и приготовить-то, напекчи да наварить велел,
 Как печенья-то разного напекчи велел,
 А варенье разного да наварить велел,
 А нажарить птиц да разных перелётных он,
110. Напекчи же всё стерлюжины, белужины —
 А и как ведь стал же князь готовитьсися.
 А и скоро-скоро три денёчика
 Вот прошли, они же прокатилисе,
 Час за часом миновалисе,
115. Наступил же третей день тогда.
 А у князя у Владимира
 А и стали все же слуги готовитьсися:
 Приготовили тут столички окольные,
 Приготовили яства разные сахарные.
120. Чего, чего тут на столичках было не накладено,

- Не накладено да не наложено!
А слуги все были у его же придетья,
А й прибежали тогда же слуги верныя,
Слуги вёрны прибежали кнеженеськие,
125. Они кланелись князю-ту Владимиру,
Вот Владимиру князю стольнёкиевскому:
«Уж ты, ласковой Владимир князь,
Вот Владимир князь да стольнёкиевской,
Как ведь едут, едут-то богатыри,
130. Они остановились на заставы богатырьскою!»
Не через многоё ведь было пору-времечка
Приехали киевски богатыри,
Они подъехали на кнеженеськой двор;
Тут стречал, стречал Владимир князь,
135. Вот Владимир князь да стольнёкиевской,
Проводил гостей Владимир князь,
Проводил — стречал — во светлыя во гривины,
Во столовы-ти садил да светлы горници,
Вот за столички садил же йих окольные,
140. На скамеечки садил да рыта бархата,
На ковры он садил на пересийские,
Подносили-то йим же кушанья-ти разныя,
Йим ведь разныя кушанья всё сахарные,
Йим напитки разныя разноличные,
145. Разноличныя да всё заморские.
Тут ведь стали гости кушати,
А белую лебёдушку-ту рушати,
А й заиграли тут во струночки да в золочёные,
А и как во те ли во арфы во игромые,
150. Как во те ли всё во струны в золочёные.
А и тут весёлой пир у князя шол навёсели,
Красно солнышко шло на ясени,
А и все же гости-ти богатыри,
Весь народ же славной киевской
155. Во пиру же вси сидели-то,
Сидели млáды чудны рыцери;
А и как Владимир князь да сам же стольнокиевской
Подносил йим ведь чарочки золочёные
Вот с напитками с медовыма,
160. Он с медовыма напиточками со разныма,
Угошшал гостей да низко кланелсе,
Таковы речи возговóрил он:
«Уж вы ой еси, дородни дóбры мóлодцы,
Как мойи слáвны богатыри киевски,
165. А и как ведь кушайте-тко кушанья, сколько надобно,
Уж вы пейте-тко водочки разныя!
А и только я у вас просить хочу,
Я просить хочу, — мне же, князю, расскажите-тко:
У нас нет же двух богатырей,
170. Двух богатырей славных киевских,
Как нет Самсона сына Колыбаева
Со своим с родным его племянником?»
Возговóрили тогда богатыри:
«Уж ты ой еси, Владимир князь,
175. Как Владимир князь да стольнёкиевской,

- Когда приехали твои люди йиз Киева,
Привезли они да скóры грамотки.
Скóры грамотки привезли они, для нас которы писаны,
Они отдали Самсону Колыбаеву,
180. Он ведь отдал своёму-ту любимому племяннику,
Вот любимому племяннику родимому;
Он ведь всё передал нам, ведь как ведь следуёт,
Получили мы да скóры ярлычки,
Получили мы да прочитали тут,
185. Прочитавши, не замешкались,
Мы поехали к тебе да в славной Киев-град,
А мы ведь ехали дорожечкой да не окольнію,
Не окольной ехали мы дорожкой, прямоезжою,
Прямоезжой дорожкой, самой скорою.
190. Они с нами вмéстях ехали;
От Пучай-реки разъехались:
Мы поехали к тебе в Киев-град,
Они поехали в лёса Брыньские,
В лёса Брыньския поехали да попроведать-то,
195. Что там в лесах-то всё же водитсе,
А что же водитсе в лесах да что же кажется.
Если, князь, не приедут через трóи сутоцьки,
Тогда надоть-то нам, всем богáтырям, туда же съездити».
Тогда сказал, сказал Владимир князь:
200. «А и я прошу же вас, богáтыри, низко кланеюсь,
Уж вы съездите тогда да попроведайте!»
Трóи сутоцьки прошло тогда,
Вот прошло тогда да прокатилосе;
Как ко вечеру ко поздому,
205. Кóгда сонцо красное шло оно ко западу,
Вот ко западу шло же, ко закатушку,
Приезжают тут же руския сильния, могучия богáтыри:
Приезжает Самсон же Колыбаев-от,
Как его, его родной племянницёк,
210. Вот родной его племянницёк родимой-эт,
Вот родимой-от племянницёк любимой-от.
Приехали богáтыри ко князю на широкой двор,
На широкой двор на княженеськой-от,
Они соходили со добрых коней,
215. Их да встретили да слуги кнежеськи,
Вот стречали йих да убирали тут,
Убিরали тут же коницьков богатырьских-то;
А как стречал, стречал да тут Владимир князь,
А и Владимир князь да стольнёкиевской,
220. Проводил гостей во гривины столовые,
Он садил йих за столички окольные,
Он садил-то йих да угоштать же стал:
«Уж вы кушайте, мои да дорогй гостй,
Уж как ты, Самсон да Колыбаев-от,
225. Со своим кушайте с племянничком с любимым-от,
Уж вы кушайте да кушанья сахарные,
Уж вы пейте-тко да водочки-ти сладкие!
Уж я хочу же тут спросить вас, князь:
А и уж вы где у мя же, дóбры мóлодцы,
230. Дóбры мóлодцы богáтыри, поездили,

- Вы поездили у мя, где погуляли?
Ище што вы у мя да всё повидели?
А и што повидели у мя же все, слышали?»
Тут ведь стали богатыри да на резвы ноги,
235. Они кланелись князю-ту Владимиру,
Князю Владимиру да всё возговорили,
Возговорили они да таковы речи,
Таковы речи да таковы слова:
«Уж ты ой еси, Владимир князь,
240. Владимир князь да стольнёкиевской,
Мы ведь ездили, поездили,
Вот мы ездили да в лёса Брыньские,
Йиз лесов-то мы из Брыньских-то
Вот уехали на горы Сарачиньские,
245. А и там наехали на силушку на многую.
Сила многая пришла тогда,
Пришла силушка, подошла же всё,
Подошла сила из разных городов,
Видно всё, што силушка была собой да очунь сильняя, —
250. Пришлось нам да долго битисе.
Но скажём тебе да правду сушшую:
Это нам да плохо веритсе,
Плохо веритсе да плохо думатсе,
Не подошла штобы силушка еше туда.
255. Э мы приехали посмотреть тибя,
А завро хочом-то туда всё же съездить-то,
Туда съездить хочитсе, всё проверити.
У нас устали-то ручки белые,
Не служили у нас да ножки резвые».
260. А и говорил тогда Владимир князь,
Вот Владимир князь да стольнёкиевской:
«А и послужите-тко, дородни добры млодцы,
А послужите-тко вы мне верой-правдою,
А вы ведь съездите попроведайте.
265. Как за вашу я за службу всё за верную,
За услугу всё же богатырьскую,
Я ведь... берите-тко у мя же красна золота,
Красна золота, да сколько надобно,
Вы берите-тко чиста сребра,
270. Чиста сребра, да сколько надобно,
Вы берите-тко каменя самоцветного,
Самоцветного да драгоценного,
Драгоценного каменя, сколько надобно,
Вы берите-тко йиз сбудочки, из одеждочки,
275. Из одежды, из обутки, сколько надобно!»
Тут богатыри поклонилисе,
Такі речи возговорили:
«Нам не надобно ведь красно золсто,
Нам не надоть, князь, да чисто сребро,
280. Нам ведь есть на что, князь, поодетисе,
Ро поры же наживём себе да пропитаньца,
Пропитаньца сибе, да всё прокормимсе.
У тебя-то жить, так сыты всегда сидим,
Мы же сыты-ти сидим, дак всем довольны, князь».
285. А как по ўтру тут, да ўтру ранному,

- А все богатыри были да прирозъехались,
 А Самсон-от Колыбаев-от,
 Колыбаев Самсон да со племянником,
 А они ставали по ўтру ранному,
 290. По восходу-ту ставали сонця красного,
 Собирались, умывалисе,
 Умывались, одевалися,
 Одевались во платьё богатырьскоё,
 Они одели тут же латы булатныя богатырьские,
 295. Одели платьё богатырьскоё;
 Вот вони коней своих же богатырьских-то, —
 Накладывали на йих двенадцать тугих подпругов,
 Как тринацето клали они для крепости,
 Для крепости клали богатырьскою,
 300. Клали седёлышко церкальскоё,
 А они накладывали стрёмена булатные;
 Брала с собой йони да саблю вострую,
 Брала с собой они же копьё богатырьскоё,
 Брала с собой йони же палици тяжелые,
 305. Вот тежолы палици да богатырьские.
 Вот поехали богатыри,
 Родной дяденька поехал со племянничком,
 Самсон-от Юрьёв да Колыбаев сын;
 А и как поехали скорешенько,
 310. Переехали они да слáвну Неп(р)-реку,
 А й они поехали тогда к заставушки.
 У заставушки стоят да все богатыри,
 Они съехали с богатыреми да поздоровались;
 Тут ведь богатыри стали выпрашивать,
 315. Вот выпрашивать стали тут, выведывать;
 Отвечал то́гда Самсон да Колыбаев-от,
 А и рассказал как было йихноё происхожденъице, —
 Тут богатыри дивовалисе,
 Дивовалисе, всё дивилисе:
 320. «А теперь куда же вы поехали?»
 «Мы же едем теперь опять туда,
 Мы ведь хочом посмотреть в делах;
 А если трудно нам бѹдѣт боротисе,
 То́гда ведь я вернусь, скажу же вам».
 325. Тут богатыри рассталисе.
 Самсон Колыбаев-от поехал же,
 Со племянником поехал он
 Вот на те горы Сарачиньские.
 Тут не птицы прилетели разныя,
 330. Подошла сила многая, —
 Птицы перелѣтной не облететь бѹдѣт,
 Дѹбру мѹлодцу богатырю не ѹбѣхать на добром конѹ,
 Пересчоту не сосчитать силы с племянником,
 Еремяки не гѹбѣхать со племянником,
 335. А не побить силы Росши-Росши Росшиби Колпак,
 Росшиби Колпак да со племянником.
 Тут ведь зацели богатыри битиса,
 Они битьсе тут, боротисе;
 Они бились-боролись семеры-ти сутоцьки,
 340. Не пиваючись, богатыри, не едаючись;

- Ёихны кони богатырьски утомилесе,
 Заходили они тихо-то,
 А богатыри киевски утомилесе,
 Чуть могли ведь ездить на добрых конях,
 345. Чуть могли дёржать сабли во своих руках.
 Тут возговёрил-то богатырь-от,
 Тут богатырь Илья Мурамецъ,
 Илья Мурамец да сын Иванович,
 Возговёрил тут Хотеюшко сын-то Блудович,
 350. Возговёрил тут Пётрок-от Михайло сын Иванович:
 «Вам ведь полно да продолжатисе,
 Продолжатисе да проклождатисе,
 А й нам пора же, богатыри, сбиратисе,
 Одевать нам ведь латы богатырьские,
 355. А надоть одеть же плáтьё богатырьскоё,
 Нам ведь ехать разузнать дела,
 А Самсону Колыбаеву с племянником,
 Пособить-то йим ведь в драки кроволитною!»
 Тут богатыри собиравилесе,
 360. Скоро-наскоро одевалисе,
 Они садились на добрых коней,
 На добрых коней на богатырьских-то,
 Они ведь брали с собой да сабли вострые,
 Они ведь брали с собой же кóпье богатырьскоё,
 365. Они брали с собой же палицы тяжелые,
 Они садились на добрых коней,
 Поехали они скорыма-ти гонцями же,
 Переехали скоро слáвну Неп(р)-реку́,
 Тогда поехали во чистó полё,
 370. Они смотряли тут во трубочки в заморские,
 А негдé не видят — нет богатырей;
 Они поехали да на Пучай-реку́,
 На Пучае не нашли же йих;
 Они поехали к Дунай-реки́,
 375. У Дуная не нашли же йих;
 Они поехали на Офрак-реку́,
 На Афрак-реки́ да не нашли же йих;
 Они поехали ко морюшка ко синему,
 Не нашли йих у морюшка у синего;
 380. Вот поехали они да всё ко тому столбу да ко стоячему,
 Ко тому кольцю-то к золочёному,
 Ко тому ко знаменью богатырьскому,
 А и ко тому ли ко кружалу да слáвну рыцарьскому, —
 Не нашли йих ведь тут, да не случилось,
 385. Йих ведь нет же тут, не пригодилося;
 Они поехали на горы Сарачиньские,
 Не нашли же тут богатырей;
 Они поехали ко реченьки к Муравленки,
 На луга ли тут да на зелёные,
 390. На прекрасны тут да на долинушки,
 Увидали они тут чудо чудноё,
 Увидали тут да диво дивноё:
 Нашло силушки весьма много́,
 Много́ силы тут все убитой-то всё положено,
 395. Как горами-ти силушка накладка.

- Тут ведь ездят, бьют силушку богатыри:
 Во праву́ руку бьёт силушку богатырь-от
 Как Самсон-от сын да Колыбаев был;
 По леву́ руку поезживают,
400. Бил, бил-колол силушку его родной племянни́цк.
 Он вопра́во-то махнёт, — валилась улица,
 Волевó-то отмахнёт, — валились переулочки.
 Тут приехали богатыри,
 Они ведь начели помогать же йим;
405. Вот билисе-боролисе много по́ры-времени,
 Йхны кони богатырьски утомилисе,
 А йихны плечи богатырьски-от затекли же всё,
 Бёлы ручки цють владели же,
 Богатырьски кони утомилисе, —
410. Всё-таки избили силушку неверную,
 Вот неверну силушку турецкую,
 Вот турецкую силушку всё же и арабскую.
 Когда прибили всю же силушку приходящую,
 Што арабску силушку, турецкую,
415. Тут становили богатыри белы́ шатры,
 Они немного кое-как покушали,
 Скоро, скоро они ведь спать легли.
 Спали, спали тут они да трóи сутоцьки,
 На четвёртые пробужалисе,
420. Собиралисе да снарежалисе,
 Убирали они белы́ шатры,
 Вот белы́ шатры белополóтнены,
 Они садились скоро на добрых коней,
 А сами они раздумались:
425. «Нам не честь будет богатырьская,
 Вот не выслуга да молодецькая,
 Не вели́ка славушка же рыцарьска, —
 Не захоронили силы мёртвою».
 Тут ведь за́чели они хоронить силу́,
430. Хоронили они неделёчку да по́ры-времени.
 А как Самсона Колыбаева,
 Его любимой-от родной племянни́цк,
 Он ведь ездил-то за птицами, за дичью во темны́ леса,
 Настрелял-то он ведь много птиц да дичи во темных лесах,
435. Он привёз, отдал богатырям:
 «Увезите вы во славной Киев-град
 А и вы ведь кушать всё Владими́ру князю-ту,
 Вот Владими́ру князю да сла́вну киевскому.
 А вы доку́ль ище да снарежаетесь,
440. Сострелю я ему да серых гусей,
 Вот серых гусей да белых лебедей».
 Настрелял он тут да серых гусей,
 Вот серых гусей да белых лебедей.
 А как тогда богатыри поехали,
445. Поехали богатыри в славной Киев-град,
 А Самсона Колыбаева,
 Как его, его родной племянни́цк,
 Он ведь йим же возговóрил тут,
 Возговóрил, говорыл же йим:
450. «Поезжайте, до́бры мо́лодцы, во Киев-град,

- А я поеду ишше да во те леса,
 Я во те леса во Мурамски,
 Там я видел ведь ископоть лошадиную,
 Она стўльём, вся земля, сворочена,
 455. Вот сворочена да вся же прірвана».
 Тут ведь сели добры мблодцы,
 Добры мблодцы сажилесе, богатыри,
 Вот поехали богатыри да в славной Киев-град.
 А как ведь Самсона Гурьева племянницёк
 (Гурьева, а не Юрьева.)
460. Во те поехал лёса тёмные,
 В лёса тёмные поехал он во Мурамски.
 Тут увидел он ведь ископоть да лошадиную;
 Вот поехал он на ту на ископоть,
 Увидал: ездит богатырь-от, —
465. Конь под ним, дак будто лютой зверь,
 А богатырь на конь, да он ведь чўдной есть,
 Очунь чўдной есть да сам вот дивной он,
 А как ведь он чуть не упираетсе за облака ходячие.
 А и тут сыра земля да потресаласе,
470. А йиз рек вода да проливаласе,
 Моря-ти всё глубоки волновалисе,
 Лёса тёмныя да приклонялися.
 А и тут поехал славной богатырь киевской,
 А Самсона Колыбаева его родной племянницёк,
475. А и он крычал, крычал своим да громким голосом,
 Богатырьским своим прокрыком:
 «Ай ты еси, богатырь приезшой-от,
 Ты давай со мной да вот повидаимсе,
 Повидаимсе, поздороваимсе,
480. Поздороваимсе, познакомимсе!»
 Тут крычал, крычал во перьвой же раз,
 Он крычал, крычал в другой же раз,
 Крычал, крычал в третей же након —
 Тогда богатырь обернулсе тут,
485. Подъезжал к ему близешенько:
 «Уж я думал, што птици какй покликивают,
 Ажно руськия богатыри покликивают!
 Тебе што охвота знать про миня тебе?
 Ише хочитсе тебе со мной боротисе,
490. А мне с тобой боротисе не хочитсе, —
 Ты со мной, богатырь, мне не под силушку!
 На леву ладонь да посажу тибя,
 А правой ладонью поприжму тибя, —
 Меж моима-ти долонями мокро только будёт-то».
495. «Не хвались, богатырь, (в)переди же поры-времени!
 Не посидел в пиру, не покушал-то,
 Не попил ведь водочки, а пьяной стал, сказать.
 Вот поборемси, тогда узнаём всё».
 А и тут ведь перьвой раз да они съехались,
500. Ужахнулсе тогда конь у богатыря у киевского;
 Он стегал коня плёткой шелковой,
 Говорил коню да таковы речи,
 Таковы речи да таковы слова:
 «Уж ты што, мой конь да Воронешко,

505. Почему же, Воронеюшко, боишься же?
Отчего ты, мой дорогой, страшишься-то?
Много, много ты бывал да на подвигах-то!
Не бойся, конь же Воронеюшко,
Помоги мне победить богатыря;
510. Тогда станёшь кушать пшеницю белоярову,
Тогда будешь пить воду медовую».
Тут скакал конь да на резвыи ноги.
Тут ведь бились долго они, боролисе, —
Сабля вострая да поломаласе
515. У Самсона Гурьева да у племянника,
У племянника да Колыбаева,
Принужден-то йим да соходить с коней,
Йим ведь битисе на рукопашной бой.
Они билисе-боролисе,
520. Они боролисе трои суточки,
Трои суточки да со минутоцьками.
А Самсона Колыбаева,
Как его, его родной племенницёк,
Он умел, умел да подкорючивать, —
525. Подкорючил у богатыря да ногу правую,
Опрокинул у богатыря как его ли тут да ногу левую;
Тут ведь пал, пал богатырь на сыру землю,
Как садилсе тут богатырь к ему да на его груди,
Он хватал, хватал тогда с собой булатный нож,
530. Он срубил тогда да буйну голову.
А кабы он его не победил бы всё,
Как заехал он во славной Киев-град,
Тут на заставе зла натворил бы он,
Изрубил, избил заставу славному богатырьскую.
535. А и тут ведь Самсона Колыбаева племянницёк
Его же всё же призарыл да во сыру землю,
А коня его же богатырьского
Он спустил, спустил: «Живой бежи,
Ты живой бежи в свою страну, —
540. Если мать родна, так бежи к матери;
Если отец, отец живой, так к нему бежи;
Если есть же родны братица, так к им бежи;
Если есть же молода жена, так к ней бежи;
Если есть же малы деточки, беги к ним же ты!
545. Что же есть как в сумочки, в котомочки,
Как в котомочки, во суночки в подорожную,
То беги неси домой!»
Тут взглянул же доброй молодец,
Увидал он же всё белой шатёр,
550. Вот белой шатёр белополотненной,
Он обтянут рытом бархатом;
Он зашел, зашел в белой шатёр, —
Во шатри-то тут девица спит,
Вот девица спит да всё ведь крепким сном.
555. Он ведь стал же, стал да всё будить же ей;
Когда девица-та да пробудиласе,
Когда скоро она же тут проснуласе,
Стал девицю тут ведь спрашивать:
«Ты скажи мне-ка, девица, ты какá же есть?»

560. Тут девица слезно-то заплакала,
Во слезах она да слово молвила,
Слово молвила, речь же возговорила:
«Уж ты ой еси, дородней доброй мблodeц,
По всему же видно, што богатырь есть,
565. Ты богатырь есть да всё же руськой-от,
А и как ведь тебе ежели нужно знать,
Я ведь была же всё похичона
У камышничков, да у розбойничьков.
Я ведь — дочь же королевская,
570. Короля ли всё итаьского,
Я гуляла, ходила в зеленóm саду,
Загулялась до поздого до вецера,
А ко вечеру камышнички наехали,
И они забрали миня с собой.
575. Долго ехали, я видела;
Наконець, они увезли далёко-то.
А в ету пору да во то времецька
На йих наехал неверной-от богатырь-от,
Йих побил, побил, да всех камышничьков,
580. Он ведь взял у них да красно золото,
И забрал миня с собой же он.
Только приехал он суда, сказать,
Постановил только белый шатёр,
Вот белый шатёр белополотненной,
585. Обтонул он шатёр да рытом бархатом,
А как приказал же мне зайти в белый шатёр.
А я зашла же тут да испугаласе,
Испугаласе, ужахаласе,
Вот слезами горячеми уливаласе,
590. А во ужаси таком я да засыпала-се,
А и дожидала себе да смерти скорою;
А я во слезах-то вот скорб пробудиласе,
Я вот услышала топот очунь громкой да лошадиной-от,
А я хотела выйти из белá шатра,
595. А и выйти из белá шатра посмотреть, тут ведь што такó?
А белый шатёр, был он закладен да всё опутан-то
А он арганами-ти железными;
А когда бы ты не рзорвал арганы-ти железные,
Я должна же тут погинути.
600. А й как ведь теперече тебя спрошу,
А как дородней доброй мблodeц,
Вижу, вижу, знаю, что богатырь есть, —
Видно ясного-то сокола-птицу по полёту же,
Добра мблodeца видно по осанки-то,
605. Как богатыря видно по обычью-ту, —
А и ты откуда приехал, ты куда едешь?
Ты откуль дёржишь же путь-дорожечку?
Ты ведь видел ли, не видел-то
А как богатыря-то ведь да очунь чудного,
610. Великана такого очунь страшного?»
«А и как не видел, — я ёго же видел-то,
А ёго видел я да с ним же бой дёржал.
А вот не бойсе, не страшись теперь,
Его вовсе же в живых же нет:

615. А и он со мной-то билсе-боролсе-то,
 А и приломались у нас же сабли острые,
 А и йиступились у нас мечи булатные,
 Ише те ли копыя богатырьские;
 А как ведь я начели бой дёржать да рукопашной тут,
620. А и рукопашной бой тут, боротисе,
 А как ведь я дёржал ведь, держал с ним ведь скорой бой,
 Я ведь скорой бой-та, поединочѣк,
 А и мы ведь бились-боролись три денѣцька-та,
 А и три денѣцька мы боролись, три часоцька-та;
625. А кабы я не умел подкорючить нѳги правую,
 Не опрокинул я бы нѳги левою, —
 Тогда падал богатырь на сырѹ землю,
 Я ведь скоро-то скѳцил, сел на его груди,
 А и с собою забрал я булатной нож,
630. А и вотрубил, сосѣк у его же буйну голову,
 А и самого предал его сырой земли.
 А теперече поедем-ко, девица же,
 А и повезу тибя да в славной Киев-град,
 В славной Киев-град да всё ко князю ко Владимиру,
635. А и ко Владимиру ко князю к славнокиевьскому,
 Как ко всем ко руським сильным ко могучим ко богатырем».
 А и возговѳрила же тут да девица-та же всё ведь красная:
 «Уж ты ой еси, дородней доброй мѳлодец,
 Повезѣшь меня да в славной Киев-град,
640. Я ведь буду у вас да будто пленница,
 Будто пленница буду заплонѣнная,
 Мне-ка надоть у вас же жить во Киеве,
 Вот во Киеви жить рабынею,
 Мне работать работушки разные,
645. Ишше разныя, какѳ прикажете». —
 «Не страшись, девица, тут скажу тебе же я,
 Не ужахайсе ты же всё, премладая,
 Вот премладая, собой прекрасная:
 А и не будешь жить во Киеви рабынею.
650. А если хочешь да жить во Киеви,
 А не будѣшь работать некакой тяжелой ты работушки;
 А ежели захочѣшь на свою на родину,
 Тѳгда можом тибя да возвратить туда». —
 А и тѳгда девица согласиласе,
655. А и собиратсе стали в путь-дорожечку,
 Убирал он скоро всё белѳй шатѳр,
 А и собирал он тут, сдирал же рыт-от бархат-от,
 Он укладывал всё, увязывал,
 А и привезал же скоро ко добру коню,
660. Он садил, садил девицу на добра коня,
 На добра коня да впереди себя,
 Крепко-накрепко девицу всё увязывал,
 Сам садилсе позади еѳ,
 Позади еѳ садилсе на добра коня.
665. Вот поехал он да в славной Киев-град,
 А и как поехали ѳни, ехали;
 Вот приехали они едь во чисто полѣ,
 Во чисто полѣ, ко реченьки Муравленки.
 Возговѳрила девица таковы слова,

670. Таковы слова да таковы речи:
«Уж ты ой еси, дороднёй доброй мблodeц,
Вижу, русьской ты могучой всё богатырь есть,
А ведь всё тебе хочу сказать,
Я хочу сказать тебе, поведати:
675. А я хочу, хочу да отдохнуть сейчас,
Не могу боле да на коне сидеть,
На коне сидеть да боле ехати».
Тут послушал ей да доброй мблodeц;
Он ведь скоро становил белой шатёр полóтненой,
680. Остановил же он добра коня,
Он снимал девицу со добра коня,
Говорил он ей да таковы слова,
Таковы слова да таковы речи:
«А уж ты ой еси, девица дúша красная,
685. От во первьых же мы покушаем,
А и мы тогдá, тогдá будем отдыхать лёжать,
Отдыхать лёжать да призаснуть же нам.
А уж-ка спи, отдыхай, девица, как ведь хочитце,
А мне-ка всё же спать нельзя никак,
690. Мне нельзя никак, нужно караул держать,
Караул держать да караулить-то».
Увалил девицу отдыхать же ей,
Сам же выходил да йиз белá шатра,
Он коня своёго богатырьского
695. Он насыпал ему пшеници белояровой,
Наливал воды из реченьки Муравленки:
«Пей ты, кушай, мой конь да Воронюшко!
Завтра будем, Воронюшко,
Мы же будем в славном Киеви,
700. В славном Киеви, у князя у Владимирa, —
Ты же будешь, Воронюшко, отдыхать тогда».
А тогда же доброй мблodeц
Заходил же он в белой шатёр,
Он спать не спал, да всё же так лёжал,
705. Всё же так лёжал, выслушивал.
А й как прошла же ночка ведь тёмная,
Ночка тёмная прошла да всё осённая,
Наступило тут же утро ранное,
А и тут будил, будил богатырь красну девицу:
- 710 «Ты ставай, ставай, девица раскрасоточка,
Мне-ка жаль будить, да всё же надобно,
Ехать надоть нам в славной Киев-град.
А и ты (уснёшь, уснёшь), девица, в славном Киеви,
В славном Киеви уснёшь без трелоги-то,
715. Тибя нектó, нектó не разбудит-то,
Тибя нектó, нектó не ростреложит-то».
Тут пробужаласе девица скоро же,
Пробужаласе, снаряжаласе,
(О)на свежо́й водо́й да умываласе,
720. Росчесала она свои же волосы да светлорусые,
Приделасе она да в плáтье во дорожное,
Которо было ей богатырям-то было выдано,
Своё нежноё-то под низóм былó, —
Своё нежно плáтье все же было у ей шелкóвое,

725. Она в саду гуляла, была всё по лёгкому.
А и как сажались они да на доброго коня на богатырского,
Вот поехали вони скоро во Киев-град,
Они ехали с утра до вечера,
А не приворачивали на заставу богатырскую,
730. На охрану молодецкую,
Они проехали прямо в славной Киев-град,
Переехали Неп(р)-реку,
А и они приехали на двор же кнеженейской тут.
Увидали тут богатыри
735. Из косисцетых окошочёк,
Увидали вот, говóрили
Они князю-ту Владимиру,
Побежали всё встречать его.
Когда заехал доброй мóлодец на кнеженеской-от широкой двор,
740. Он ведь снимал скорó девицу со добра коня,
Коня заводил в конюшну во стоялую,
Он снимал да всю же сброду лошадиную,
Он снимал тринадцать тугих подпругов,
Он снимал йи всё тринадцето,
745. Он ведь тут же от дал, насыпал он пшеницы белояровой,
Наливал ему воды же всё медовою.
Э и он... тогда богатыри их же встретили,
Их ведь встретили, здоровались;
Они пошли же ведь скоро на новы сени,
750. С новых сёней-то пошли во гривины столовые,
А и как во светлы они в светлы светлицы,
В кнеженейския-ти в горницы.
Их встречал, встречал Владимир князь,
Их Владимир князь да стольнёкненьской,
755. Он встречал же йих да низко кланелсе:
«А и добро жаловать, да дорогй гостй,
Дорогой же гость с дорогой же гóсьёю!»
Тут они же с князем поздоровались,
Тогда же князь Владимир-от
760. Узнал, узнал, какá девица-та;
А и уводили скоро девицу-ту приезжую,
Ани умыли там, девици-ти,
Со дорожечки же ей же всё,
Вот умыли и учесали-то,
765. Ее косеньки заплели же тут,
Заплели же, пересыпали,
Пересыпали да драгим жемчугом,
Одевали ей да платя цветные,
Они убрали, наредили-то.
770. Тут пришла тóгда девица-та во гривины,
Она пришла тогда, всем да поклониласе, —
Во первых князю Владимиру,
Князю Владимиру с его кнегиною,
А во вторых же она кланелась
775. Как дородню дóбру мóлодцу,
А Самсона Колыбаева племяннику,
Всем же кланелась руським могучим, сильнйм богатырям.
А и тут сажил Владимир князь девицу-ту
Во большó местó в почётноё,

780. Ей во столичок в передней-от,
С ней садил девиць же, княженей.
Тут пошло у йих да пированьидё,
Вот весёло столованьицо,
А и заиграли тут во арфы-ти в игромые,
785. Как во те ли всё во струны золочёные,
Как во те ли в гусли в весёлыя.
А и как возговóрил тут Владимир князь,
Как Владимир князь да стольнёкиевской:
«А и вот как мойи богáтыри да слáвны киевски,
790. А и вы ведь кушайте у мня да мойи кушанья,
Уж как пейте мойи да рáзны водочки!»
Тут чего было у князя на столички не накладено,
Пред девицей чего да не наложено;
Он ходил, ходил к ней сам,
795. Подходил да низко кланелсе:
«Уж ты кушай-ко-се, да дорогá госья,
Дорогá госья да долгожданная,
Долгожданная да небывалая!»
А и тут ведь кланелась девиця-та,
800. Благодарила князя Владимира
На его гонá на милости,
На приёми на его же, угошшеньици.
А и говорил же князь Владимир-от:
«А и ты ой еси, Добрынюшка Никитиць млад,
805. А и ты возьми, возьми-ко золоты гусли,
Поиграй-ко в золоты гусли,
В золоты гусли да в очунь звонкие,
Приутешь-ко-се госью приезжую,
Вот приезжую-ту госью небывалую,
810. Небывалую госью, долгожданную!»
Тут Добрынюшка не ослышилса,
Тут немного Никитиць розговаривал,
Он ведь брал, брал да золоты гусли,
Зáчел по гуслиам же он поигрывать,
815. По струнам начёл похаживать,
Э й зáчел петь своим он нежным голосом;
Все ведь тут да призаслушались,
Призаслушались все да огледелисе —
Хорошо йнграл Добрынюшка,
820. Хорошо выигрывал Никитиць млад!
А как запели-то ведь да все богáтыри
На свои на нежны голосочика,
Пропевали они да вот рассказывали,
А и пропевали они да про старинушку,
825. Про старинушку про прежнюю,
Ат про прежнюю да про досельнюю;
Они перьвой-от напев брали да про старинушку,
Про старинушку про древнюю,
А другой напев пропевали-то
830. Как про свой, про свой про Киев-град,
Как про ласкова про князя про Владимира,
Про его ли всё про мудроё кнеженьицо,
Как про всех про самих руських богáтырей.
Тут девица призаслушалась,

835. Тут премлада́я да огледеласе.
 Э и пировали-столовали трѳи сутоки.
 Э и ко́гда через трѳи сутки по́ры-времени
 Захотели бога́тыри да отдохнуть они,
 Тут ведь все гости расходилисе,
 840. Весь народ же славной киевской
 А и приуснули все же они да отдохнули-то;
 Приотдохнула тут девица же,
 Ей нехто́ же не треложил-то,
 Ей нехто́ же не беспокоил-то.
 845. Ко́гда девица обжилась она во Киеви,
 Познакомилась со кня́зем, со кнегиною,
 Тут ведь стал же князь ей да всё выспрашивать:
 «Тебе ндравится ли в Киеви?»
 Тебе ндравится ли да не скучаешь ли?
 850. Ежели в Киеви не ндравитце,
 Спровожу тибя да к о́тцу, к матери,
 К о́тцу, к матери да с цести, с радости». —
 А и возговори́ла тогда ему девица-то:
 «К о́тцу, к матушки ехать мне охвота же,
 855. Вот охвота всё, да не ма́лы дела;
 Только я же, князь, скажу тебе,
 Ото всего сердца́ поведаю:
 Отець с матерью́ считат меня погибшою,
 А вот прошу тибя, Владимир князь,
 860. Владимир князь да славнокиевской,
 Отблагодари да за меня же всё
 Как дородна до́бра мо́лодца,
 Которой избавил меня да смерти скорою, —
 А за его россчитаетсе тебе же мой родной отецъ, родитель-
 батюшко».
865. Призывал Владимир скоро тут бога́тыря,
 А Самсона Ко́лыбаева, его родного всё племянницка.
 Он пришол же со весёлою улыбною,
 Он зашол же, низко кланелсе,
 А й как воздал чесь Владимиру-ту князю он,
 870. Как Владимиру князю со кнегиною,
 Как с его же он да со кнегиною,
 Поклонилсе, подошол к девицы он;
 Она (в)стала, поклониласе:
 «Ты садись, садись, дороднёй доброй мо́лодец,
 875. Доброй мо́лодец, бога́тырь-от,
 Вот бога́тырь славной киевской,
 Ты же мой да есть изба́витель!
 А и что ты желаёшь за моё ослобожденьицо?
 Сколько желаёшь, получи же ты,
 880. Получи за награжденьице, —
 Э и бери, бери ты красно золсто,
 Вот бери, бери да чисто се́ребро,
 Ты бери, бери да дра́гой жемчуг-от,
 Бери, бери каменяицо драгоценное!»
 885. Отвечал тут да доброй мо́лодец:
 «Мне не надоть красно золото,
 Не к чему́ мне чисто се́ребро,
 А только ежели пожалуёшь

- Как единым меня подарочком,
 890. Я хотел бы взять тебя же всё
 Во супружесьво, в замужесьво.
 Разве мы же друг с другом не сойдёмся же?
 Ты — высокого трону королевского,
 Я же всё есть трону богатырского.
395. Если желашь, дак всё станем заводить дела хорошия;
 Не жалашь, дак так скажи же всё,
 А насильнёго-то счастья на свети нет».
 А й говорил же тут Владимир князь,
 Как Владимир князь да стольнёкиевской:
900. «А и ежели тебе, девица, думайтсе,
 Тогда напишем скору грамоту
 Твоему да отцу с матушкой».
 Тут девица возговорила:
 «Ежели напишом-то скору грамоту,
905. Отец, батюшко-король, да с королевою,
 Они, знаю, што не согласятся-то,
 Потому шшо я была засватана
 За царевича да пересийского.
 Но не тот жених, которого же нету-то,
910. А тот жених, которой-от при мне сидит!»
 Э и тут девица согласиласе,
 Она задумала взамуж йитти
 Не за царя же, за царица,
 Не за короля же, королевица, —
915. Она пошла же во замужесьво
 За богатыря за киевсково,
 За Самсона Колыбаева за племянника,
 За племянника любимого.
 А и тут была скоро свадьба-та весёлая,
920. Они съездили в божью церковь,
 А и вони принели по злату венцу.
 Тут пошло у них да пированьицо,
 А и пировали-столовали все во Киеви.
 А всё же были королю посланы да скоры грамотки,
925. Скоры грамоты да скорописцеты;
 Король не мог скоро прийти туда,
 Он ведь звал, звал туда самих же йих.
 Когда уехали туда да все йиз Киева,
 Туда ездил и Владимир князь,
930. Владимир князь же со кнегиною,
 Все же руськия могучия богатыри,
 А й пировали долго (у) короля они.
 У короля-то всё было же ведь два сына,
 Два-то сына, они погинули,
935. Они погинули во битвах на войнах же всё;
 А как ведь как Самсона Колыбаева племянницка, --
 Король стал ведь князя-та просить тогда,
 Штобы отпустил да он богатыря,
 Что спустил его да в короли сидеть,
940. В королях сидеть, дела вести.
 На то князь-от согласилсе же,
 Все богатыри сказали-то,

- Што: «живи, живи счесливо-то,
Королём-то жить да тебе долго быть!»
945. Тут отдал король подарками,
Как ударивал ведь йих да красным золотом,
Красным золотом да чистым серебром.
Тут Владимир князь с богатырьми,
Они вернулись скоро в славной Киев-град;
950. Его дядюшка родимой-от,
Как Самсон же Колыбаев-от,
Переехал всё к племянничку к любимому.
А и той старинушке теперече славу поют,
Как славу поют отныне до веку.
955. А и Чёрну морюшку с Хвалыньским-то на тишину,
А Непрю-рекы на чесь, на славушку великую,
А всему нашему народу-ту совецькому,
Йим ведь всем на послушаньице,
А от них вперед пойдёт на пропеваньице.

№ 69. ЖЕНИТЬБА КНЯЗЯ ВЛАДИМЕРА НА ГРЕЧЕСКОЙ НА АННЫ

- А как когда во славном городе во Киеви
При владеньицы при князи-то,
А и вот при князи было при Владимире,
При его-то все же было при управушке,
5. А и как тогда богатыри киевски-то, тогда они
А ише кто куда стали разъезжатисе:
Как одны, одны уехали,
Оны уехали во свои да во селеньица,
Во селеньица в свои они, в деревенки,
10. Другы богатыри уехали,
Ани уехали, розъехались
А и как во те ли всё в манастыри спасёные,
А как во те ли во пешшеры во глубокия.
Когда с князем-то богатыри прошшались,
15. А и вот прошшались со князем, расставалисe,
Как тогда же всё на прошшаньици говóрил князь,
Он говóрил, князь, да во пиру своём,
Во пиру своём да в кнеженеськом он:
«Уж вы што, дородни дóбры мóлодцы,
20. Вы же, руськия могучие богатыри,
А и вы берите-тко у мя да красна золота,
Красна золота берите, чиста серебра,
Чиста серебра, каменья самоцветного,
Самоцветного каменьица ведь драгоценного.
25. Как за вашу за службу всё за верую,
За выслугу богатырьскую,
Не хочу же, князь, я всё в долгу-ту жить,
В долгу жить, чтобы должной я был,

- Получайте-тко своё да заработшоё,
30. Заработшоё своё, которо заработано!»
Тут возговóрили богáтыри:
«Нам не надобно, князь, да красно золото,
Нам не надо, князь, да чисто сéребро,
Нам не надобно каменя самоцветноё,
35. Самоцветное каменяцо да со драгим камнём, —
Нам ведь красным золотом чесь толькó великая,
Чистым сéребром нам всё не откупатисе».
«Уж вы ой еси, дородни дóбры мóлодцы,
Как богáтыри мои могучие,
40. Вся дружинушка моя верная хоробрая,
А как ведь вы да почему да уезжаете?
Меня, князя Владимира, оставляите?»
Возговóрили тут богáтыри:
«Уж ты, ласковой Владимир князь да стольнёкиевской, —
45. За твою мудрость великую,
За твою же всё за милость не за малую
Ты ведь прозван был да красным солнышком, —
Красно солнышко да всё Владимир князь,
Всё Владимир князь да стольнекиевской,
50. Мы ведь рады бы радёшеньки
Ото всего-то желания,
Ото всего-то чýсва полного,
Не побросить-то ведь мы да славной Киёв-град,
Не побросить-то князя всё Владимира,
55. Князя Владимира да и со всем народом,
Со народом славным-то со киевским!
Как пришло, пришло же всё же времечко,
Пришло времечко да подкатилосе,
Что пора-пора, Владимир князь же, нам.
60. Вот пора-пора душа спасать:
А и много-много было у нас да на белóm свети,
Много-много былó у нас да попогрешено,
Много-много былó у нас да всё поезжено,
Силы разною побито всё,
65. Силы разною да подходящюю,
Много-много мы ведь силушки побили-то,
Много-много отцов-матерей слезили-то,
Много вдовами приводилось всё жонám-тó жить,
Сиротами-ти жить да малых детоцькам.
70. А теперече времечко пришло же к нам,
Пришло времечка, приблизилось,
Лёта-годички стали-то немлáдые,
А и как ведь сила-могутá — да отходить от нас;
А теперь же, князь, да оставляем вас,
75. Оставляем тéперь вам да всё дружиночку,
Всю дружинушку, силу млáдую,
Силу млáдую, скажом, вам.
Теперь, князь, собирай да силу всё к себе,
Установляй силу полками всё!
80. Будет силушка у тибя да силой-армеею,
Силой-армеею будет, коньской гвардией».
А и как почесен пир да скоро кончилса,
Тут богáтыри ставали-то

- Из-за столичков окольных-то,
 85. Из-за ёствов тут сахарных-то,
 Из-за водочок медовых-то,
 А как тогда богатыри да помолилися
 А и самому-то спасу пречистому,
 Присвятой они божьей царицы богородици,
 90. А и как князю Владимиру низко кланелись:
 «Типе спасибо-то всё же, Владимир князь,
 Как Владимир князь да стольнёкиевской,
 На твоём ли всё да пированыицы,
 А и как ведь жить тебе же, князь, да многи годы-ти,
 95. Многи годы-ти жить да много лётов-то,
 Долголетному быть да тебе все счесливу жить!»
 Тут богатыри рспрошшались,
 Как со князём они да расставались.
 А и провожал-то князь Владимир он своих сильных,
 могучих-то богатырей,
 100. Они ведь сели-то всё же на добрых коней,
 Они сели-то, поехали.
 А и как ведь скоро прирозъехались,
 Кто поехал во пещеры во спасения,
 Кто поехал ко манастырю Боголюбленскому,
 105. Ко тому ли ко кресту ко чудну Леванидову.
 Прошло времени, скажом, три-то месяца,
 Прошла весточка по всем землям,
 По всем зёмлям прошла, по городам йонá,
 Што во Киеви богатыри розъехались,
 110. Не осталось йих у князя не единого.
 А й тут не лютоё зельё розгорелосе,
 А не Непр-река да разливаласе,
 Пришла силушка всё из Саря-града,
 Просят-просят поединшичка,
 115. Поединшичка-зашшитничка,
 Вот зашшитничка слáвна Киева-то города.
 Тогда князь Владимир призадумалсе,
 Призадумалсе князь же, запечалилсе,
 Он повесил со плеч да буйну голову,
 120. Он потупил очи ясны о печеньку же он да о муравую,
 Он ведь писал-писал да скóры грамотки,
 Скóры грамотки да скорописцеты,
 Написал же, запечатал он,
 Клал во суночку он, да во котомочку,
 125. А и он отсылал да скóры грамотки,
 Отсылал же все по богатырем;
 Тут богатырем-то повезли же ети грамотки,
 Повезли же его-то слуги кнеженейские,
 Уезжали скоро-наскоро,
 130. Ускакали тут слуги кнеженейские,
 А й роздавали скóры грамотки.
 Прочитали тут богатыри,
 Прочитали, не замешкались,
 Они начели собиратисе,
 135. Скинывали они схимы-ти спасёныи,
 А верлыги-ти же железные,
 Одевали вонй платьицо да богатырьскоё;
 Тут не шум шумел да тут не гам гамел,

- Тут ведь ехали богатыри, —
140. Как земля-то вся колыбаласе,
Из морей изо всех вода да розливаласе;
Они приехали ко Непру-реки,
Через Неп(р)-реку да переехали,
Переехали вони да перескóчили.
145. Приезжали ко князю ко Владимиру,
Приезжали они да на широкой двор,
На широкой двор да кнеженейской всё,
А й они ведь коней своих статных богатырьских-то
Они везали йих к столбам да ко дубовым-то,
150. Ко колечушкам да к золочёным-то,
Они насыпали пшеници белояровой,
А й они налили ведь пить воды медовою;
Сами пошли во гривины столовыя,
Открывали двери на пету,
155. Запирали двери накрепко,
Они крест же клали по писаному,
Они поклон вели да по учоному.
Тут скакал, скакал Владимир князь,
Вот Владимир князь да Светослаевич:
160. «Добро жаловать, дородни добры молодцы,
Ише руськие могучие богатыри,
Ко мне попить-то вы, покушати,
Как ведь белою лебёдушки порушати!»
Отвечали-то богатыри:
165. «Мы приехали, князь, не кушати,
Мы не белою лебёдушки рушати,
А мы приехали помогчи же вам,
Постоять-то всё, побитисе
За славной Киев-от за град же всё,
170. За тибя, князя Владимира,
За весь народ-людей да славна Киева».
А как Владимир князь да возговóрил тут:
«Как напёрво, гости, вы садитесь-ко,
Вот покушайте вы, поешьте-тко с дорожочки!»
175. «Мы не хочим, князь, да как ведь кушати,
Мы ведь хочим всё да всё дела вести,
Мы ведь хочим всё да ехать всё на скорой бой,
На скорой бой да на поединочок!»
Тут поехали богатыри воеватисе,
180. Вот они же долго билисе-боролисe,
Борóтиса да воевать стали,
Бялись, билисе-боролись много времени,
Побили-то богатыри силу многую,
Как враги тогда да побежали же,
185. А богатыри-ти наши за има погналисe.
Как (поехали) тут богатыри,
Со весёлою со весью они вернулисе,
Во Киев город-от вернулисе.
Стречал-то, встречал да йих Владимир князь,
190. Стречал-то он йих да низко кланелсе,
Собирал пиры да князь навёсели.
Пированьицо-то было тут весёлоё,
Столованьицо-то было всё приятноё;

- Тут богатыри да розъезжались,
 195. Со князем-то со Владимиром рспрошшались.
 Напали на князя печенеги-то,
 Печенеги-ти напали со римнянами,
 Как ведь бой пошла, драка великая;
 Богатыри боле не приехали.
200. Как ведь тут же князь да призадумалсе,
 Как римнянам пособляли кнезя гречески,
 Кнезя гречески, — во-первых Василей царь
 Да Костенкин же царь.
 Услыхал про ето всё Владимир князь,
205. Владимир князь да стольнёкиевской,
 Не ужახнулсе, не убоялсе он,
 Собирает он силу-армию,
 Силу-армию да конску гвардию,
 Он пошел, пошел да всё войной туда;
210. Долго бились киевляна-ти,
 Сам Владимир князь, да он героем был,
 Он героем был да сам богатырём,
 На кони ездил Владимир, всё поезживал,
 Он рубил-рубил силу приходящую.
215. А как гречески цари да были сильния,
 Силой сильния были да у них силушка очень крупная,
 Много в силушки у них было богатырей, —
 По с греческой силы не могли устоять они,
 Устоять они, с силой боротисе,
220. А как силу-ту у Владимира, стали бить же ей,
 А греческой силы всё же прибавляйтсе,
 Обошли кругом да силу князеву,
 Обошли её да в кольце взяли-то.
 Тут увидел же Владимир князь,
225. Что его же жизнь да всё кончаитсе,
 Со белым ли он ли светом всё прошшаитсе.
 Как сошлись они да всё ведь съехались,
 Как Владимир с цареми греческими,
 Он ведь съехалсе с имá да поздоровалсе,
230. Поздоровалсе с имá да познакомилсе,
 А и вот как тут пошли у них да разговоры,
 А и разговоры у них да тут ведь разныя.
 Князь Владимир-то греческим пондравилсе, —
 На делах-то он удалой есть,
235. А удалой есть да всё догадливой,
 А по княжесву он да очунь мудрой есть!
 А и тут ведь не три-то ручьи вместиах сходилосе,
 Не три ведь ветра да в полюшки слеталосе,
 Не три горы золотых да тут россыпалосе, —
240. Э и князь Владимир с цареми со греческими познакомилсе,
 Познакомилсе, сделалсе йим да другом верным-то.
 Тут пошло у них да пированьицо,
 Во шатрах у них да пировали-то,
 Во бархатных тут да всё сидели-то,
245. Э и тут ведь гречески цари да возговбрили:
 «Уж ты, ласковой Владимир князь,
 Как Владимир князь да стольнёкиевской!»
 А во ту пору, во то время

- Подошла-то сила печенежеська;
 250. А как ведь тут-то кнѣзья гречески,
 Они стали да князю помогать же всё,
 Как они же помогали князю сами же,
 Как богатыри розъезживались,
 Иихна дружина-та славна гречеська,
255. Она биласе-бороласе.
 Хошь и много привелось кнезьям греческим да боротисе,
 Много силушки своей они поклали-то,
 Но побили печенегов-то,
 Отбили все же, все земли да печенежески,
260. Они отбили всех под Киев-град,
 А всё во владеньице князю Владимиру.
 Пировали цари гречески,
 Цари гречески во Киеви,
 Они сидели все во гривенах да во кнеженеских-то,
265. Как за тимá ли всё за столичками окольними,
 За тимá ли всё за скатертями за браными,
 За тимá ли всё за ёствами за разныма,
 За напитокками да за заморскими;
 Тут играли во арфы во ыгромоя,
270. Тут ыграли во гусли во весёлые,
 Тут ыграли-то в струны в золочёные.
 А и хорошо-то царям греческим пондравилось,
 Лучше всего же йим да полюбилосе;
 А й пировали-столовали трóи суточки,
275. Трóи суточки вонí да в пированьици.
 Хотели ехать цари да гречески,
 А и цари гречески в силу, в армию,
 А и свою в армию, в коньску гвардию,
 А и не спустил же йих Владимир князь,
280. А и как Владимир князь да славнокиевьской:
 «А и поживите-тко, цари да всё же гречески,
 А и у миня ли всё во славном Киеви!
 А и как тепере вы же мне знакомые,
 Как дружья мои верные,
285. Мои тайныя любимые советники,
 Вы послушайте меня же всё,
 Вы меня же всё, цёго я хочу, —
 Э я тепере, князь, холостой живу,
 А й холостой живу да неженат слыву,
290. Э и тут не знаите ли, цари, мне да всё обрусници,
 А и вст обрусници мне ли, подвенесници?
 У нас во Киеви невесты нет».
 Возговóрили кнезья гречески:
 «А и мы ведь, право, князь Владимир, не знаем, как тебе да где
 невесту взять,
295. А и есть девушки, — да ты же сам, князь, да бывал везде,
 Сам бывал же, князь, да ты ведь всё везде видал девиц.
 Мы ведь знаем невесту, только не знаем, пойдёт ли всё
 да за тибя она, князь!»
- А и возговóрил тут Владимир князь,
 Всё Владимир князь стольнёкиеской:
300. «А не утайте-тко, скажите мне!
 Уж вы ой еси, ведь князья да всё же гречески,

- Молчитѣ же, не говорите, —
 Я ведь слышу, слухом-то всё ведь носится,
 Слухом-то носится, до миня, до князя, всё доноситца,
305. Будто, слышал, князья, ведь правду всю скажу же вам,
 У вас есть невеста всё во Греции,
 А й ваша сѣстрица есть да всё любимая,
 Как любимая сестрица есть единая!»
 Возговорили тогда да князья гречески:
310. «Есть сестра, правду-ту, есть она,
 А не в лѣжи говорят же все.
 А наша сѣстрица родимая, —
 Ее лицѣ не запекло-то соньцо красное,
 Ветры буйные лица да не завеели,
315. Люди добрые всё да не засмѣтрили.
 Мы не знаѣм отвечать да всё за ей же вам, —
 Если хочитца, князь, женитисе,
 То поедем сам же к нам да в слѣвну Грецию:
 Во первых да посмотри еѣ,
320. А в других-то, как пондравитца,
 Во третьих-то, как она пойдет,
 Вот насильнѣ-то ей нельзя отдать».
 Тут ведь князь Владимир взрадовалсе-то,
 Он на йхно приказаньицо решилсе тут;
325. А и тут ведь цѣри гречески да спрошшались,
 А Владимиру князю низко кланелись:
 «А и как прошшай напѣрьво всё, Владимир князь,
 Тебе спасибо, князь, да на принятии,
 На принятии, князь, да на угошнении!
330. Добро жаловать, поедем к нам во Грецию!»
 Тут ведь князь Владимир возговорил тут:
 «Не должѣн я, князь, да отказатисе,
 Я должѣн же, князь, да одеватисе».
 Сбиралсе князь да в путь, в дорожечку,
335. В путь, в дорожечку со своей ли он со силой-армией,
 Вот со славной со коньской со гвардией.
 А й они поехали тут да отправились,
 Вот отправились во землю-ту во слѣвну греческу,
 А они поехали-пошли туда,
340. А й они ехали-поехали,
 Вот доехали до славной земли греческой.
 А и тут встречали все же в зѣмли греческой,
 Вышла встречать-то йхна роднѣ сѣстрица,
 Вышла та ли Анна-то царевна же,
345. Вонѣ красой своей прекрасною
 Она свела с ума же всю же силу-армею,
 Силу-армею-ту, коньску гвардию,
 Как ведь князя-то самѣго-то Владимира.
 Когда стретила сестра да рѣдных братицей,
350. Она стретила да поздоровалась,
 Уходила скоро всё вонѣ да во дворець во свой,
 А князьи гречески пошли за ней,
 Повели гостѣ, князя-то Владимира;
 А как сила-та же киевска.
355. Была хорошо же она принѣта.
 Коньска гвардия да угошонная.

- Когда зашел во царские полаты-ти,
Как во царския да во столовые,
А и чудно-чудно было, дивно тут:
360. Какі полаты белокаменны,
Какі строеньица пречудныя,
А и восточны свѣтлы зѣркалы,
Все ведь столички точёные,
Вот точёны золочёные,
365. Тут ведь стульѣ-то да рыта бархата
На коврах-то да на заморских-то.
Не описать-то да такú чуднось тут,
Не рассказать да такú прелесть тут!
Тут пошло у царей у греческих пированьицо,
370. А и пировали-столовали месяце чельнѣй тут.
Чего-чего у царей было не покушано,
Чего у греческих было не поедѣно,
Много разных-то напитокков у ѳих же попито!
А и как князь Владимир возговѣрил им:
375. «Уж вы ой еси, цѣри гречески,
Цѣри гречески премлѣдыя,
А и вы, премлѣдыя кнезья очунь прекрасныя,
Уж ты, Костенкин да царь же греческой,
Уж ты, да всё Василей царь,
380. Хорошо у вас да угошшеньицо,
Хороши пиры да приниманьица,
А теперь нужнó решать дела.
Нагостилсе я у вас да в зѣмли греческой,
А во вашем дворци царском-то,
385. А теперече позвольте-тко, цари же всё,
Вы позвольте, дайте мне да позволеньице,
Речь повиговорить, словó промолвить вам!»
«Говори-ко, князь Владимир, что же вам ведь надобно,
Всѣ ведь бѣдѣт вам ѳисполнено».
390. «А я скажу же вам такó словó,
Вот повиполню такую речь:
А и я ведь всё желаю свататьсе,
Я же свататьце, поженитисе
Как на вашей на родной-то всё на сѣстрици,
395. На той ли Анны всё царевны же».
Тут ведь братьица говѣрили,
Цѣри гречески ответили:
«Как со нашего желаньица,
Мы желали ей отдать её,
400. Вот отдать её, князь, породнитисе.
Мы же скажем ей об етом-то,
Скажем об етом, поведаём».
Тут пошел, пошел да Костенкин же царь,
Костенкин-же царь да пошел греческой,
405. Тут пошел, пошел Василей царь.
ѳхны сапожечки сафьянны-ти скрѣпали,
ѳхны шпоры золочёны брякали;
Ани зашли-взошли к родимой своей сѣстрици.
ѳхна сѣстрица родимая,
410. Она сидела на стули рыта бархата,
На коври она сидела на персиском тут,

- А вышивала она ширинку шелками разныма,
Шелками разныма да всё пересийскимя;
Зашли брателка — да огледеласе,
415. Огледеласе, поклониласе,
Поклониласе да улыбнуласе:
«Уж вы здраствуйте, да млáдые цари же вси,
Млáдые цари да зéмли греческой,
Здраствуйте, братыца родимыя,
420. А и вы садитесь-ко, родимы мйлы мойи братыца,
А и вы садитесь-ко да посидите-тко!»
Тут ведь братыца садились-то,
А они садились тут на стул да рыта бархата,
А и возговóрили тогда цари премлáдые,
425. А цари премлáдые тогды да слáвны гречески:
«Я и мы пришли к тебе, сестрица наша рóдная,
Наша роднáя сестрица всё родимая,
А мы пришли к тебе сказать, сестра,
Вот сказать, сестра, поведати:
430. На тебе, сестрица, жених сватаицца,
Жених оватаитца — только пойдёшь ли ты сама же всё,
А и пойдёшь ли, пожелаешь ли ты?»
А тут сестрица братыцам говóрила:
«Хто же, хто же вот жених-то есть?
435. Он из какой земли королевской сын?»
«Не королевский сын, сам же князь-от он,
Сам же князь-от он да земли киеской,
Славной киевской Владимир князь,
Владимер князь да стольнёкиевской».
440. Тут ведь сéстрица восплакала,
Тут ведь рóдная закикала,
Она закикала, заплакала,
Полились слéзы да йиз прелестных глаз,
Как жемчуг драгой засыпались:
445. «Цем я, братыца, прогневала вас?
Цем прогневала я вас да цем озлобила?
Лучше живу́ меня заройте во сыру́ зéмлю,
Во сыру́ зéмлю во матушку,
Мне отрубите-тко вы, братья, буйну голову,
450. Буйну голову мою да всё девицыю!
А неужели мне-ка вы говóрите?
Не за что нейду за князя я в замужесво:
Князь-от есть да всё езычник он,
Он — не веры християньскою».
455. Тут сестрица слезно-то заплакала,
Братьям рóдным во резвы́ ногй поклониласе,
Возговóрила сестра тогда:
«Не за что нейду за князя я,
Не за что же за Владимира!»
460 А и пошли цари тогда ко Владимиру,
Росказали, что не йидёт-то сéстрица в замужество;
Он сказал, штобы же цари... ййна сéстрица родимая
Не ужаласе, не бояласе,
Только штобы шла в замужесво,
465. Во замужесво шла, в супружесво:
«Я ведь приму тогда же веру християньскую,
Християньскую веру православную!»

- А долго братьица сестру да уговаривали,
Уговаривали, упрасивали,
470. Наконецъ, царевици уговорили же,
Как вѣдь гречески да упрасили же, —
Ихна сѣстрица да согласиласе.
За князя взамуж да собирать стали,
Собирать стали именицо-богасьвицо.
475. Кóгда князь-от на ей да тут сосваталсе,
Во слови же он не выстоял:
Он не пошел во веру-ту во греческу,
Не хотел он оставить веры-то езычеськой,
Он боялсе всей своей дружиночки хороброу:
480. «Возмутитсе-то дружиночка, розгневаитсе,
Розойдутсе все, разъедутсе, —
С кем же князь вѣдь я да приостанусь-то,
Приостанусь жить во Киеви?
А во Киеви без охраны жить-то плохо мне».
485. А когда же князь вѣдь сваталсе,
Он давал царевны клятву-ту великую:
«Если я да не выстою в своих словах,
Накажи меня тогда осподь,
Как осподь-от наш, да всё християньской бог,
490. Отбери у мя да руки, ноги-ти,
Речист езык да не говóрил-то!»
Вот так у князя-то случилосе:
(В)стал по ўтру он по раннюму,
По восходу сонця красного,
495. Не увидел глазами-здрением,
Как стояла будто темень тёмная;
Он слепым сидел да трѳи суточки,
А и тогда князь-от ужახнулсе же,
Он задумал принять веру християньскую,
500. Он принял скоро веру християньскую.
Когда вышел из крестинушек,
Князь увидел тогда белой свет,
Увидел небо и он землю же,
Возблагодарил тогда да бога-оспода.
505. Тогда узнала же вонá, та царевна,
Она, сестра же брáтьей греческих,
Брáтьей греческих царевицей.
Тут пошла свадьбá весёлая,
А тут пировали-столовали-то,
510. А и вотовсюль везде народ, да люди съехались,
Вси цари-ти все, царевици,
Короли-ти все, королевичи,
Все же князи-ти, кнежевици,
Вся дружиночка да кнеженеськая.
515. После свадьбы-то йихной всё весёлой
Тут вѣдь-ти цари гречески,
Цари гречески премлáдыя,
Собирали чернёны большй кáрабли,
Становили йих во гавань-ту,
520. Нагружали чернёны кáрабли разныма товарами,
Как товарами заморскима:
Клали товары они гречески,

- Клали товары пересийские,
 Клали товары-ти Царя-градá,
 525. Клали товары Александрии, сла́вна города,
 Клали товары они да всё египетски,
 Нагрузили много чернёных больших кáраблей,
 Клали красного-то много крása золота,
 Клали чистого-то много чиста сéребра,
 530. Клали каменя самоцветного,
 Самоцветного да драгоценного.
 Проводили свою рóдну сéстрию,
 Спровожали ей в славной Киев-град.
 А и тут пошел, пошел Владимир князь,
 535. Тут Владимир князь да стольнекиевской,
 Со своей пошел с кнегиною,
 Со кнегиною со Анною.
 Тут ведь братьица спровóдили,
 Далеко же их спровóдили,
 540. Далеко-то их спровóдили,
 Спровóдили йих во славной Киев-град.
 Пришла кнегина Анна-то во Киев-град.
 Когда братьица уехали,
 Долго плакала кнегина-та,
 545. Ей не так-то всё, невесело казалось,
 Не такí дома были, строеньица;
 Тут ведь стала кнегина жить во Киеви,
 Обжилась она, дак стало хорошо же жить.
 Князь Владимир стольнёкиевской,
 550. Стал ведь, стал да не такой же он,
 Не такой, как ведь он же раньше князём был,
 Не стал так же он собирать пиров,
 А и всех статúей-то, болванов да каменных-то,
 Которы сделаны были как человеки-ти, —
 555. Это боги были печенежески, —
 Приказал же всех рассыпати,
 Чтобы не славились богами-ти;
 А и стал сидеть болé за книгами,
 Вот за книгами, за читкою:
 560. Он читал, читал да книги свýтые,
 Книги свýтые да очунь чудные,
 А и вон читал, читал да книги библию,
 Он читал библию, евангельё,
 Читал книгу-ту да Голубиную.
 565. А и как с кнегиной с Анной он счеслívо жил.
 Подойдут какí враги к нему, да неприятели, —
 Помогали цари гречески,
 Цари гречески, Костенкин-от всё, Василей-от.
 Так состарилса Владимир князь,
 570. Вот состарилсе да кончатсье стал долгой век.
 На прошшаньици говóрил князь,
 Вот говóрил князь, призвал к себе,
 Призвал всё к себе кнезье́й своих,
 Кнезье́й всё своих, сынов всё своих любимых он,
 575. Он ведь стал с йимá прошшатисе,
 Вот прошшатисе да благословлять дитей;
 Кóгда с ними роспростилсе он,

- Стал городами йих наделять же, князь:
 Светополка наделил городом Чернигором,
 580. Вот Чернигором, разными городами печенежескими,
 А младых кнезьею своих да благоверных-то,
 Благоверных кнезьею да млáдых-то,
 Как Глеба-то, Бориса-то,
 Наделил-то йих да славным Киевом.
585. А й почему же Светополка наделил городами-ти разныма?
 Светополк-от князь ведь в годах-то был во полных-то,
 Силой-то был ведь сйльнѣй-то,
 По его силы дал много разных гóродов,
 Городóв дал со посадами,
590. Со садами, с виноградами.
 А кнезья Глеб, Борис да были млáдые,
 Были млáдия собой да очунь мудрыя,
 А народ-от киеськой любил же йих, —
 На прошшаньицы-то князю все говóрили:
595. «Светополка князя нам не надобно,
 Нам ведь надобна ведь Глеба-то,
 Нам ведь Глеба-то да Бориса-то;
 Они будут наши оберегатели,
 Еще Киева-града сохранятели».
600. Тут скончалсе всё Владимир князь,
 Вот Владимир князь да стольнекиевской,
 Его княжесьву славы поют,
 Славы поют со чесью, славушкой;
 Вѣчна славушка князю не минуетса,
605. Не минуетсе всегда да воспомянитса.
 Славному морюшку Хвалыньскому со Черным-то,
 Как морям-то ведь всё на тйшину,
 А рекй Непрю на чесь, на славушку великую,
 А всему нашому советьскому народу же на послушаньицо,
610. А от них вперѣд пойдѣт на пропеваньицо.

№ 70. ПРО МАРИНКУ КРАСАВИЦУ

- (Я не знаю настояще, как она начиналась, — я маленька была, когда деда Ганя ее пропевал.)*
- М-м как приехали богáтыри-ти киевские,
 И (о)ни приехали, богáтыри, из чистá поля,
 Они приехали, богáтыри, с гор Сарачинских-то,
 А ины богáтыри приехали от заставы-то богатырьскою,
 5. Все ведь съехались-скопились ко князю-ту к Владимиру,
 Ко Владимиру ко князю слáвну киевскому;
 А Владимир князь стречал их, всех богáтырей,
 Как стречал-то князь Владимир с цести, с радости,
 Со великого стречал он удовольствия,
10. Проводил же он богáтырей во свои же свѣтлы свѣтлици,
 Во столовы-ти свои же он во горници,
 Вот садил, садил богáтырей за столы свои белодубовы,

- Он за те ли всё за скатерти за браные,
 Он сажил же всё богатырей на скамеечки на белодубовые,
 15. Они покрыты-ти у его были рытом бархатом.
 И стали, стали тут богатыри-ти кушати,
 Как ведь белую лебедушку стали рушати.
 А как ведь подносил Владимир князь же им чарочки зеленá
 вина,
- Зеленá вина подносил он полтора ведра,
 20. Эти чарочки, были не большй они все, не малые.
 А как руськия богатыри все же киевски,
 Как ведь киевски богатыри сидели и чернигорски, —
 Была думушка у богатырей-то киевска,
 А были мыслици у богатырей чернигорски.
(Вот, вишь! Они киевски и чернигорски были вместях.)
25. Принимали всё чарочки богатыри еднóй рукой,
 Как единой рукой принимали, ручкой правою,
 И они кланелись Владимиру князю славну киевскому,
 Пожелали-то ведь князю долго жить ему,
 Долго жить ему, всегда же всё здорову быть.
30. Наливал-то князь Владимир по другой же им по чарочки,
 А друга чарочка-то шла как со столечка переднего так
 до заднего,
 Другу чарочку наливали они пива пьяного;
 Принимали богатыри чарочку правóй рукой,
 Выпивали они чарочку на единой дух.
35. Третью чарочку наливал же князь Владимир сам,
 Наливал-то он ведь чарочку меду сладкого,
(А новы пели.)
 Наливал-то он ведь водочку медовую,
 Подносил-то эти чарочки богатырем;
 Принимали-то богатыри чарочку правóй рукой,
40. Выпивали вони чарочку на единой дух.
 Тут заиграли у князя арфы-ти игромые,
 Ише те ли всё же струны-ти золочёные,
 Заиграли-то во гусли вот весёлые,
 Запоевали-то ведь тут же пропеватели,
45. Говорить-то ведь начели рассказатели, —
 Все богатыри, тогда они приаслушались,
 Приаслушались богатыри все, огледелисе;
 Долго слушали богатыри пропеваньице,
 Пропевеньице богатыри, рассказаньице.
50. И вот напелись, нарассказались рассказатели;
 Тогда Владимир-от ведь князь им низко кланелсе,
 И тогда князь-от всё Владимир насыпáл же им,
 Насыпáл-то им ведь он да злата, сёребра,
 Подносил-то к им ведь он же, низко кланелсе:
55. «И вам спасибо-то, мои же люди мудрые,
 Как ведь те ли ведь, ведь все мои пропеватели,
 Что пропели, приутешили моих гостей!
 Вам спасибо, рассказатели, за рассказаньицо,
 Что рассказали про старинно, про прежно времечко!»
60. Тогда богатыри-ти все же возговóрили:
 «Уж вы ой еси, рассказатели, пропеватели,
 Чого желайте, получайте-тко, мы ведь вас дарим.
 Вы пропели, рассказали, как будто по книги прочитали нам,

- Будто по грамоты скорописцетой по написанной»,
65. А как тогда же пропеватели, рассказатели
Они кланелись богатырям, говорили:
«И вам спасибо-то, богатыри, за ваши мудры речи к нам же всё
И за ваше вот за добро отношеньице!
Нам не надоть-то от вас разных подарочек:
70. Вы из-за нас стоите же всё на охранушке,
Охраняете, оберегаете славной Киев наш,
Славной Киев наш и всё прекрасной Цернигор-град!»
М-м а и как богатыри рассказателям возговорили:
«Если надоть вам, рассказатели, пропеватели,
75. Где-ка хотите, вам построим-то полаты белокаменны,
Как ведь выски-ти вам теремочкики.
Как пропеватели, рассказатели говорили:
«Нам ведь честь-та, славушка теперь же всё не надобно,
Нам именицо, богасьвицо не ко времечку,
80. Наши годы-ти не млады, дак нам не к чему они.
А мы пропевали-то ведь, рассказывали на память вам:
Когда нас в живых не будёт, вы спомёните;
Некогда не будет в свети, не забудетсе,
Штобы рассказателям, пропевателям пришло такó,
85. Такó времечко пришло, шшобы их забыли кто,
Некогда-то про них да не забудитсе».
Тут богатыри возговорили тогда же всё:
«Если нас-то позабудёт какой богатырь-от,
Тогда вы же, рассказатели, забудетесь;
90. Может быть, придет то же времечка, докатитсе,
Годы многие пройдут да многи сотни лет,
А иной-от мир ведь будет, да свет другой пойдёт,
Нáрод всё иной ведь будут, может быть, в ученьици,
Как в ученьици народ будет, в образованьици, —
95. Тóгда старóе, быват, и прежнóе, та жись же вся,
Старопрежняя-то жись же вся забудитса.
Хошь она несколько забудитса, закинетсе,
Она снова-то, она опять знаменуется,
А до скончания же жизни не забудитсе».
100. Пировали-столовали всё богатыри
Трби суточки у князя-та у Владимира,
На четвёрты-ти богатыри отдохнуть пошли.
Вот пошли, пошли богатыри, хто розъехались:
Некоторые уехали богатыри по домам своим,
105. А как другие богатыри у князя-то в его остались в теремочкики,
И Добрынюшка пошел к своей рóдной матушки.
Когда богатыри со дорожочки призаснули-то,
Как призаснули, отдохнули от подвигов-то богатырьских-то, —
Которы богатыри уехали на заставушку,
110. А другí уехали богатыри в чистó полё,
Да уехали богатыри в леса Брыньские,
Как уехали богатыри ко реченьки к Пучаю-ту.
А и уехали богатыри ко реченьки к Смородинки,
А некоторые богатыри остались во Киеви;
- 115 А во Киеви богатыри остались только младые,
А как остались вот, остались, сказать могу:
Да осталсе Пересмякин-от племянничок,
Да осталсе Еремякин-от племянничок,

- Да осталсе Пересчотов-от племянничок,
 120. Да осталсе Перемякин-от племянничок,
 Да осталсе-то ведь Дюк да сын Степанович,
 И осталсе был Добрынюшка Никитич млад .
 А вот богатыри-ти млáды были, умом слабы,
 Как охвочи были богатыри гулять ходить,
 125. Как гулять-то всё ходить, да всё розгуливать, —
 Они ходили-то гуляли по улицы по славную по главную,
 Вот по главную по улицы Владимирской;
 Как любимо было у богатырей гуляньицо:
 Как по улице ходили гуляли по Владимирской,
 130. А боле, боле-то проходили-то богатыри,
 Проходили-то богатыри на улицу,
 Вот на улицу уходили всё Егнатъевску,
 В переулки-ти уходили всё Маринкины.
 Почему же ета улица знаменовалась и называлась она
 Егнатъевска,
 135. А переулки-ти назывались всё Маринкины?
 Как на той ли всё на улице Егнатъевской
 Как Егнатей сын Данилович,
 Он побил, побил чудовище-то очунь страшного;
 Тогда жители-ти всё же Нйжна Києва,
 140. Они назвали ету улицу Егнатъевской.
 А переулки почему были Маринкины?
 Ишше Маринка-та была собой красавица,
 Из-за ее красы называли-то богатыри переулками Маринкиныма.
 А как по той ли всё по улице Егнатъевской
 145. Как жила, жила вдова же всё, жона жила богатырская,
 Ише та ли всё Софья-то дочь Ивановна.
 У ей было-то, у ей было же чадо милоё,
 Чадо милоё у ей было единоё,
 Ише та была девица-то, лебедь белая,
 150. Ише та ли всё же Домна дочь Фалилеевна;
 Она красотой была ведь очунь-то красивая,
 Она подруга-то была да всё же княжины,
 Вот ведь княжины вонá, князевой-то молодой племянницы,
 Ише той ли она Марфы-то Митревны, —
 155. Часто ездила, ходила сама княжина,
 Сама княжина-то к ней же Марфа Митревна.
 Как из-за той ли (из-)за девицы (из-)за красавици
 Много было тут ведь драки-то кроволитною
 Как у руських у могучих у богатырей;
 160. А изо всех-то большё за Домной-то ухаживал,
 Вот ухаживал-то Митрей князь же сын ведь Митревич,
 Ише князя вот ухаживал любой племянничок,
 Туда часто же ведь ездил Пересмякин-от племянничек,
 Туда ходил-то Еремякин-от племянничок,
 165. Туда ходил-то Пересчотов-от племянничок.
 А как по вечеру ли всё по поздому,
 По восходу-ту¹ ведь всё же соньца красного,
 Как Добрынюшка Никитиць стал же собиратисе,
 Не сказал про то своей он родимой-то рóдной матушки,
 170. Причесной вдовы Амельфы-то Тимофеевны,
 Приумыл-то водой своё лицё белое,

¹ Обмолвка; следует: «заходу».

- Лицо белоё-то приумыл же молодецькоё,
Он обтёр-то лицо бело полотеньцом-то,
Одевал-то он ведь скоро платьё цветное,
175. И вот пошел, пошел Добрынюшка Никитич млад,
*(Должно быть, Добрынюшка Никитич жил на холмах наверху
Они туды спускались. Чорт знает, из-за девок-то куда убегут)*
А и приоделсе-то Добрынюшка и вышел из своего теремочика;
А сперва хотел зайти ко князю-ту ко Владимиру
И хотел позвать ведь Дюка-то Степановича,
Да прирздумалсе Добрынюшка Никитич млад:
180. «А может быть-то, Дюк Степанович сидит сейчас,
Он сидит-то, Дюк Степанович, при занятии,
Он ведь пишот-то сидит же всё, уписыват,
Он ведёт-то ведь дела у князя-то у Владимира,
Он ведь пишот-то, ведёт дела, годовы счёты, —
185. А от занятия его нельзя отдергивать;
А если кончил он дела-то, на отдохи есь,
То он, наверно-от, сидит, сидит на занятии,
На занятии сидит в гостях у своей любой зазнобушки,
Он сидит, наверно, у Марфы-то у Митревны, —
190. Не отдёрнуть Дюка от прелесного занятия.
Давай пройдуся, пройдуся, — Добрынюшка так думал всё, —
Я пройдуся, пройдуся, давай схожу на Нижной-от на Киев-град,
Посмотрю тогда, шшо в Нижном Киеви-ти делается,
Обойду-то я ведь терем Домны-то Фалилеевны:
195. Если нет-то некого да всё у них в гостях,
Я найду, найду к домниной родной матушки,
И я ведь с матушкой с её же повидаюсе,
Посижу же с самой с Домной-то Фалилеевной;
Если есть же кто в гостях у ей из богатырей,
200. Я тогда-то не пойду-то всё, и скоро же назад буду». *Тогда, тогда пошел Добрынюшка Никитич млад:*
Как идёт, идёт по улицам по киевским,
По холмам идёт ведь он же по высоким-то,
Он спустился же, спустился на низ, на Киев-от на Нижной-от,
205. Как ко той ли он ко гавани карабельнёю,
Где приходили-то вот младые карабельшищички,
Привозили в Киев товары из дальних городочиков,
Как тогда-то всё пошел же наш Добрынюшка,
Пёшел наш Добрынюшка Никитич-то по улочки, —
210. Не пошел-то Никитич по Егнатъевской,
Хотел перейти-то переулками Маринкиныма,
А тогда пройти же улицу Егнатъевску.
Он ведь думал-то своим же умом-разумом,
Что ведь стретитсе с какима ли богатырьми,
215. Хоть он с киевскима стретитсе, нет — с черниговскима;
А не с какима с богатыреми не постречалсе он.
А как тогда приходит-то наш Добрынюшка Никитич млад,
Приходит-то на переулочки Маринкины,
А и как пошел, пошел переулочками Маринкиныма,
220. А и подошел-то он к высокому к ее терему.
А у Маринки-то во высоком-то во тереме
А и тут играли-то ведь струночки золочёныя,

- А и как играли у ей гусли тут игромые, —
 А и призаслушалсе Добрынюшка Никитич-от,
 225. А и долго слушал стоял Добрынюшка, выслушивал,
 А и вот пондравились Добрынюшке ведь гуслицы весёлые,
 А и пригленулись-то ведь струны-ти золочёные,
 А и возговорил тогда Добрынюшка сам себе же он:
 «А и верно, идёт сечас у Маринки-то гуляньицо?»
230. А и много есь каких девишь, много богатырей?
 А и много есь, может быть, и младых-то рыцарей?»
 А и подходил тогда Добрынюшка Никитич млад,
 А и он ведь колотилсе, стучал же у крылечушка,
 И долго стучал, стучал Добрынюшка Никитич млад, —
235. Как некто не отворял да тут Добрынюшки,
 Как некто не открывал же тут Никитицю,
 Начал громко-то стучать да тут Добрынюшка,
 Застучал-то сильнѣ страшно же Никитич-от, —
 Вдруг ведь слышит-то: идут да отворять ему,
240. Отворять-то всё да запускать его;
 Приоткрыли-то маринкины слуги верные,
 Запустили они Добрынюшку Микитиця.
 Вот пошол, пошол Добрынюшка по лисницам,
 Вот по лисницам пошол он по высоким-то,
245. По коврам-то он пошол по шолкóвым-то по заморьским-то,
 Зашол в маринкины Добрынюшка во свѣтлици,
 Во столовые в ее зашол во горницы;
 А сидят-то у ей гости всё, богатыри приезжие,
 Как сидят-то все же гости, рыцари приезжие.
250. Как зашол-то тут Добрынюшка Никитич млад,
 И он здоровалсе с Маринкой-то с красавицей,
 Потом здоровалсе с богатыреми, со рыцарями;
 Повелася тогда у Добрынюшки с нимá, пушóл розговор же, рець,
 Познакомилсе Добрынюшка с имá, как следуёт.
255. Все богатыри-ти, рыцари пили-ели-то,
 А Добрынюшка слыхал про ее же всё,
 Про ее слыхал лукасьво и прельшшение, —
 Он (не) пил-то у ней, (не) ел сидел, не кушал-то;
 Угошшала его Маринка-то, низко кланелась:
260. «Шшо не кушашь-то сидишь у мя, дорогой же гось,
 Али кушанья мои сахárны тибѣ не ндравятса?
 Али напитокки заморски мой тебе кажутсе нехорошима,
 застолялисе?»
- Возговорил тогда Добрынюшка Никитич млад:
 «Уж ты ой еси, Марина ты дочь прекрасная,
 265. Я не приезжой гось, да сам ведь ближной к тебе, из Киева, —
 Я пошол, толькó поел-покушал-то».
- Просидели тут богатыри всю же ноченьку,
 Ко ўтрею богатыри распростилисе,
 Кто куда тогда богатыри розъехалисе;
270. И пошол, пошол Добрынюшка домой тогда.
 А не сказал про то Добрынюшка никому из богатырей, —
 Его спрашивали, когда пришол ко князю-ту ко Владимиру.
 А Илья Мурамец-от толькó приехал из чистá поля,
 Прирозделся, зашол Илья во кнеженеськие-ти свѣтлы гривины,
275. А и как всё ли, всё зашол во свѣтлы свѣтлици,
 А и зашол Илья да со дорожочки;

- А и прирозделсе только он же всё,
 А Владимир князь стал его всё выпрашивать
 А и про свою чудну поездочку,
 280. А шшо везде просмотрел же всё.
 «На заставы-то хорошо у нас устроено,
 А по прелести всё, по хорошему,
 А во полі чистом нет да некого врагов,
 А как нет у речки у Муравленки,
 285. Не у Маравленки, не у Пучай-реки —
 Всё везде же всё же по хорошему». —
 Стал Илья Мурамец говорить тогда:
 «Ишше вы, киевски богатыри,
 Где-ка хто гулял, да где и хто бывал?»
 290. Все богатыри ответили:
 «Мы негдѣ же не бывали-то,
 Кроме Владимирской улицы мы не гуливали». —
 А Добрынюшка не промолвил-то,
 Не сказал не единого словечушка.
 295. Когда Илья Муромец отъехал из чистого полюшка,
 Тогда стретилсе со рыцереми,
 Он со рыцереми, со чернигорскими богатырьми.
 «А и я спрашивал же у богатырей:
 «Где-ка были вы, богатыри,
 300. Где-ка были вы во Киеви,
 И как во Киеви, во славном городи?»
 А и тут богатыри ответили:
 «Были, были мы во Киеви,
 Не были в самом во славном Киеви,
 305. Только были в Нижном Киеви
 У прекрасной у Марины в тереме,
 Пили-ели мы у ней-то всё;
 С нами был же ваш богатырь-от,
 Как Добрынюшка Никитич-от».
 310. Тут Добрынюшки Никитичу
 Как при князи при Владимире,
 А при всех при киевских богатырях
 За беду пришло же, за досадушку,
 За великую обидушку показалосе, —
 315. Начал Добрынюшка не признаватисе,
 А Никитиць отпиратисе;
 Тогда сказал ему Илья же Мурамец,
 Илья Мурамец сын Иванович:
 «А ну, когда так тебе, Добрынюшка, не ндравитсе,
 320. Такá большá тебе обидушка,
 Когда прельстилсе на Маринку-ту,
 А ты обзарилсе на красоту ее, —
 Умей, молодѣць, гулять же с ней,
 Умей гулять же с ней,
 325. Умей держать же дружбу-ту.
 А хорошо же ты с ней сходишьсе,
 А по хорошему ли разойдешьсе?
 Не пеняй тогда, да доброй молодец,
 Не на род же свой, на племя-то,
 330. Не на свою же родну матушку,
 А пеняй-ко-се тогда да на самого себя!»

- А и замолчал тогда да Илья Муромец,
И загунул Добрынюшка Никитич млад.
А и тут ведь попили у князя-то богатыри,
335. Они пошли же пообедали,
По делам своим позанимались,
Тогда кто куда гулять пошли;
Илья Мурамец отдохнуть пошел,
Князь Владимир-от — ведь тоже он,
340. Все богатыри отдохнуть пошли,
А Добрынюшка пошел да к родной матушки,
Как Микитич ко родимую.
Когда пришел домой Добрынюшка
К своей матушки к родимую,
345. Он пришел, пришел, призадумалсе,
А и призадумалсе он, запечалилсе;
Тут заметила его да родна матушка.
А он не зашел, Добрынюшка, к родной матушки
Во ее же он во гривину столовую,
350. А зашел, зашел Добрынюшка,
Он пошел в свою же он во спаленку,
Повалилсе на кроваточку.
А и во ту ночку-ту зашла к нему,
Зашла к нему его родима матушка,
355. Ише та ли причесна вдова Омельфа Тимофеевна;
А и она зашла к ему потихошеньку,
Подошла же к нему по тихому,
Она садилась ко зголовицу,
Говорила своему дитю она,
360. Своему дитю, да чаду милому:
«А уж ты ой еси, моё да чадо милоё,
Чадо милоё единое,
Ишше што с тобой так да приключилосе?
А и у тя болит, наверно, твоя буйна головушка?»
365. Али невежа над тобой же насмеялсе?
Аль злодей какой обидел-то?»
А возговóрил тут Добрынюшка,
А и возговóрил сын Никитич млад:
«А уж ты ой еси, моя же родна матушка,
370. А и я скажу тебе правду сушшую:
А и не болит у мя буйна головушка,
А не обидели меня невежи-ти,
Не надсмеялись надо мной же недруги, —
Изобидел-то меня же брателко двоюродной,
375. Насмеялсе надо мной же Илья Мурамец,
Илья Мурамец да сын Иванович,
А как обесшестил-то мяня, прибесшестил-то
При самóм князи Владимери,
А при всех мяня при киевских, чернигорских богатырях,
380. Что хожу я будто на Нижней Киев-от,
Будто сижу я у Маринки у красавицы.
Ето в правду скажу в сушшую:
У Маринки был я, матушка, только один разочек-от,
Просидел только один часочик-от».
- (Как же, чесочик! Вот, вишь, как матери сказыват!)*

385. Возговорила Добрынюшки его же родна матушка:
 «Уж как вправду говорит Илья,
 Он тебя же всё жалёт, смотри,
 Во своих людях, так берегёт тебя.
 Немалу, сынок, ты шуточку-ту шутишь-то,
390. А как эту шуточку росшутить-то!
 Не велела бы я тебе, да чадо милоё,
 Чадо милоё, любимое,
 Я ходить бы всё к Маринки-то!
 Не ходи-ко на Нижной Киев ты,
395. А не ходи в Егнатъевску во улицу,
 Как в Маринкины в переулочки,
 А не ходи в маринкин в терем-от,
 Не прельщайсе на красоту ее.
 У ей бабушка была волшебница,
400. У ей мать была же черодейка-та,
 А Маринка-то сама же, есь
 Она сама же ведьма страшная».
 А тут Добрынюшки-то эти речи за беду пришли,
 У родной матушки за обиду показались.
405. Возговорил тогда Добрынюшка,
 Возговорил-то тогда да сын Никитич-от:
 «Когда по роду же ты да мне-ка мать была,
 Мне-ка мать была да всё родимая —
 По речам твоим да люта мачеха!
410. Говори, не говори же мне-ка, матушка,
 Не росстраивай моего ты сердечушка,
 Вот сердечка моего да молодецкого,
 Молодецкого сердечушка богатырского!
 Всё ровно, моя же ты мать родимая,
415. Когда в серци ты была у мя любимая,
 А тепере, матушка, у мя постылая.
 Не верю-то я твоим речам же, мать родна,
 Што Маринка-та есь волшебница,
 Есь волшебница она, киевска же ведьма-та, —
420. Видно все же по всему, шшо она девица есь красавица,
 Нету чар же в ней да никаких же в ней.
 Ненавидствуют-то ей же всё, —
 Черодеи есь да они страшные!»
 От в обиду палось добрынюшкиной матушки,
425. Во досадушку его родимую;
 Ушла матушка да от него, сказать,
 Ушла матушка да приросплакалась.
 Во ту пору-ту да во то времечко
 (В)стал Добрынюшка да со постелечки,
430. Одедсе тут Никитич млад.
 Пошел тогда Добрынюшка не на кнеженеской двор да не ко
 князю он,
 Пошел Добрынюшка в Нижной Киев-град;
 Не пошел же он по Егнатъевской по улице,
 А пошел Добрынюшка Никитиць-от
435. Переулками пошел Маринкиныма:
 Думал, думал да тут Добрынюшка,
 Что ведь стретит-то его Маринка с цести, с радости,
 Со веселого да удовольствия:

- «Я возьму тогда да ей за праву руку,
 440. Почелую я Маринку во уста-ти всё,
 Буду у ей сидеть весь вечерочик-от,
 А ночую-то у ей да ночку тёмную,
 С ей вмествах ночую в ее спаленки,
 На кроваточки её да на пуховую,
 445. На периночки её да на пуховую.
 А потом же я возьму ей во замужесьво,
 Во замужесьво да во супружесьво».
 Пошел Добрынюшка к окошочку,
 Слышит: играют опять струночки золочёные,
 450. Играют гусли-ти весёлые;
 Стал стучать же тут Добрынюшка,
 Долго стучал-то-от Никитич млад, —
 Некто, некто да не открыл ему,
 Не открыл ему да не запустил в гости.
 455. Тут не люто зельё розгорелосе,
 Богатырьско серьцо ростреложилось,
 Лепетá в лица переменяласе,
 Могучи плечи да шевелилисе,
 Возговорил-то сам себе Добрынюшка,
 460. Возговорил-то да сын Никитич млад:
 «Уж ты ой еси, удаль ты моя да молодецкая,
 Уж ты, доброть добра богатырьская,
 Неужели уступлю такоё поруганьицо?
 Неужели уступлю такоё изгиляньицо,
 465. Шшо не запустила меня Маринка в свой во терем-от?
 Почему така красавица не отворила?»
 Побежал скоро Добрынюшка Никитич млад,
 Прибежал во свой да теремочик-от,
 Брал он скоро свой тугой-от лук,
 470. Брал он суночку со стрелочками,
 Вот со стрелочками брал он со калёныма,
 Побежал опять на Нижной Киев-от.
 Побежал скоро улицу Егнатъевску,
 На Егнатъевской на улици
 475. Стретил он же тут да трёх богатырей:
 Как ведь первой богатырь гулял-ходил —
 Как ведь Митрей князь да свет ведь Митревич,
 А другой богатырь — Пересмякин-от,
 Пересмякин-от родной племянничек,
 480. А третей богатырь — Дюк, да Дюк Степановиць;
 Они с Добрынюшкой да поздоровались,
 Со Никитицом да рець говбрили:
 «Ты куда, куда бегёшь, Добрынюшка?
 Ты куда, куда идёшь, Никитич млад?»
 485. Отвечал же им да всё Добрынюшка,
 Отвечал же всё да им Никитич млад:
 «Я бегу, бегу да в ету улицу,
 В ету улицу да во Маринкину,
 Во Маринкины да в переулочки».
 490. Тут Добрынюшка с им(а) росставалсе-то;
 Побежал тогда да всё Добрынюшка,
 Побежал тогда да сын Никитич млад,
 Как на улицу да перебежал ту улицу Егнатъевску,

- Зашол в переулочки Маринкины,
 495. Подошол он к еѣ к высокому да к теремочику,
 Он ведь немного тут да розговаривал,
 От досадушки, от неприятности
 Он натягивал же скоро свой тугой-от лук,
 А накладывал туда стрелочку калѣную,
 500. Он стрелял, стрелял да ету стрелоцьку
 Во теремоцик-от да во маринкин-от.
 Разлетелась ета стрелоцька,
 Не на гору-ту пала, не на леса она, —
 Пала стрелочка, разлетелась всё в теремочик-от,
 505. Переломала у еѣ двенадцать-то околенок,
 Розлетелись-то у еѣ все стеклышка
 Как на мелкия на жеребеѣчика.
 Тогда увидела-то Маринка тут,
 Увидела-то да своимá глазами-ти,
 510. Немного-то она тут розговаривала, —
 А Добрынюшка Никитиць собирал стрелы
 Круг теремоцика маринкина,
 Думал всё же он да умом-разумом,
 Шшо созовѣт всё да в теремочик-от,
 515. А околени Добрынька сделаѣт,
 Еѣ ведь сделаѣт да всё сработаѣт;
 А Маринка-то Добрынюшку не почествовала,
 А Никитича не позвала она, —
 Она брала воды да не кипечоною,
 520. Брала воды холодною,
 Брала в чашочку да в деревянную,
 Колдоськѣ слова да возговорила,
 Она выливала ету чашку из окошочка,
 Из окошечка да из косицета,
 525. На Добрынюшку вылила да на Никитича.
 Вдруг не стало под окошечком Добрынюшки,
 Вот не стало под косицетым Никитича —
 Вместо молодá Добрынюшка Никитича
 Под окошочком стоял олень,
 530. Стоял олень, да золоты рога,
 Золоты рога, копыта у его да всё серебрянны.
 Приказала-то Маринка слугам-то своим
 Да отогнать же прочь от терема оленя-то;
 Приказаньицо слуги еѣ исполнили,
 535. Угоняли они оленя во чисто полѣ.
 Три денѣцька бегал-то Добрынюшка да по темным лесам,
 По темным лесам да по сырým борам.
 Как понадобилсе Добрынюшка богатырь-эт,
 Нужно было ишше его ко князю ко Владимиру, —
 540. У Добрынюшки да у Никитича,
 У его была рука лекка,
 Как рука лекка, перо востро, —
 Побежали слуги кнеженеськие,
 Не нашли негдѣ Добрынюшки,
 545. Нет его же всё у родной матушки.
 Тут искали-то Добрыньку трѣи сутоки;
 Тогда думали они, шшо куда же он девалсе-то,
 Будто в воду-ту он пал да утонул совсем,

- Скрозь землю он будто провалилсе-то.
550. Тут ведь князь Владимир запечалилсе,
Родна матушка его да слезно плакала,
А богатыри все ужахалисе,
А Илья-то Мурамец говорил всё:
«Ето чудо всё не чудное,
555. Ето диво-то совсем даже не дивное:
Ето чары где ли заворожены
У Маринки всё у красавицы, —
На Маринку-ту когда Добрынюшка прельшшалсе-то,
На красу ее он задорилсе,
560. Теперь ли где ли он овернут-от».
Трой сutchки-ти ездил-то Илья Мурамец,
Он искал, искал Добрынюшку,
Он разыскивал да всё Никитича;
А не мог Илья да разыскать его,
565. Приехал, рассказал про то ведь князю он.
Через трой сутки поры-времени
Выбегает-то Добрынюшка оленем-то,
Выбегает он, да золоты рога,
Золоты рога, серебрянны копыта-ти;
570. В Киев-град-то он не забежал никак,
Не забежал же он да устыдилсе всё,
Забегае в Нижний Киев он,
Побежал же он улицой Егнатъеской,
Переулками да он Маринкиныма,
575. Остоялсе гон на той на улице,
Где овернула-то его Маринка-то,
Маринка-та, да сама ведьма страшная,
Черодейница она, волшебница.
Тут Добрынюшка да остоялсе,
580. Тут Никитич-от стоит задумалсе;
Во ту пору-ту да во то времечка
Вышли малые ребята из домику,
Увидали-от оленя на улочки,
На улочки оленя, золоты рога,
585. Золоты рога, серебрянны копытушка,
И выкликнули они от радости,
Подбежали-то к оленю близко-то,
Они начали к нему ласкатисе,
Они начали с им разговаривать,
590. Разговаривать начали, поглаживать,
За собой-то они начали манить же всё, —
Олень пошел за детьми, пошел да за ребятами.
Привели ребята к дому Добрынюшку,
Привели к дому они Никитича;
595. Как ведь сами побежали во свой домицок,
Они сказывать-то начали бабушки,
Своей бабушки они возговорили:
«Ах, ты, бабушка, наша бабушка,
Наша бабушка, наша любимая,
600. Мы ведь скажем-то тебе да чудо чудное,
Мы поведаем тебе да диво дивное:
Уж мы видали сегодня оленя-то,
Привели его да к твоему дому,

- Ко домику к твоему, подворьницу, —
605. Олень, бабушка, да золоты рога,
Золоты рога, серебрянны копыточка».
Говорили-то ребята во перьвой раз,
Говорили-то ребята во другой же раз,
А говорили-то ребята во третей же раз;
610. Тогда бабушка им возговорила
«Вы, робята, вы, ребята, дети малые,
Это шутка вам ведь кажется не шутосня,
Это диво-то не удивительнѣ,—
Етот олень чудной — Добрынюшка,
615. Вот Добрынюшка да сам Никитич есть.
Трой суточки не пил, не ел, не кушал-то!
Кабы за добрынино добро, да я и сама знаю,
Когда он же всё во славном Киеви,
А когда при князи при Владимире,
620. Я когда-то днём нарежусь старухой старою,
Во одежде-то хожу во дряхлой старою,
Прошу милостыню спасеную, —
Подавал же мне Владимир князь,
Подавал же хорошо же мне Добрынюшка...»
625. «Уж ты, бабушка да наша милая,
Когда Добрынюшка-то ездит гулять ётта по улицам,
Когда ходит-то он ведь всё на нашу-то,
Подават-то он всё ведь нам,
Дават, дават да красно золото,
630. Подават всегда да чисто сѣребро».
«Да, теперь надоть Добрынюшку отворотить же мне,
Нужно здоровья своего приубавити,
Веку своего несколько ведь надоть мне ведь сбросити.
За добро добром платить нужно!»
635. Она тогда немного розговаривала,
Брала воды во чашку-ту,
Три шшепóты-то брала из пецьки она,
Три шшепóты-то брала золы тут она,
Три шшепóты-то брала земли она
640. Из-под своего улична порога-ту,
Возговорила слóва она страшные,
Вот и страшные да очунь вредные,
Полила ету воду на оленя-то.
А олень-от стоял, слѣзы горячї из глаз катилисе;
645. Полила когда водой она, сбрызнула-то,
А чихнул-то олень да ровно три разá,
А вочудилсе он опять Добрынюшкой,
Как Добрынюшкой да тут Никитичом.
Поблагодарил же он да тут ведь бабушку,
650. Благодарил же он ей, низко кланелса,
Он возговорил тогда ведь бабушке:
«Уж ты, бабушка, голубушка,
Нет ли у тя тугого луку-ту?
Не ймеешь ли ты да стрел калёных-то?»
655. Подавала тогда бабушка тугой-от лук,
Она сказала, шшо: «он у мя да он ведь мужней был, —
У мя муж же был да он богатырь-эт».
*(Вот, вишь, богатырь и ведьма, а поженились. А может, не
ведьма, а знала отворачивать!)*

- Подавала-то тогда ему тугой же лук,
 Подавала-то ему стрелы калёные,
 660. Подавала-то тогда ему да саблю вострую,
 Выводила-то ему добра коня;
 Сел Добрынюшка да на добра коня,
 Как Добрынюшка да сел Никитиць тут,
 Он поехал-то да не в славной Киев-град,
 665. Он поехал не к заставы богатырьскою,
 Он поехал всё не во чисто поле, —
 Он поехал всё ко терему к маринкину.
 Тут не лютоё зельё розгорелосе,
 Богатырьско серьцо ростреложилось,
 670. Лепетá в лица перемениласе,
 Могучи плечи да шевелилисе,
 Он направлявал-налаживал тугой же лук,
 Накладывал тогда он калену стрелу,
 Он спустил, спустил в маринкин-от высокой теремочик-от.
 675. Росстрелял же все высóки горници,
 Росстрелял же все её же свётлы свётлицы;
 А хватал тогда Маринку-ту,
 Он хватал её да за желту косу,
 Отрубил у ей да буйну голову,
 680. Россек её на мёлки части-ти.
 Тогда увидел-то Добрынюшка,
 Што ведь ведьма была да она страшная,
 Наводила красоту себе прекрасную.
 Всех-то слуг же он да на волю спустил.
 685. А под домом-то ведь был глубок погрёб, —
 Тут ведь много-то сидело разных приезжих-то,
 Тут ведь много было разных рыцарей,
 А простого-то народу числа-счёту нет;
 Тут сказал тогда Добрынюшка Никитич-от:
 690. «Уж вы ой еси, дородни добры мблодцы,
 Берите на дорогу золотой казны,
 У ей много есь, много есь у ней награблено!»
 Открывал тогда да золоты ларци,
 Давал на дорогу-то да золотой казны,
 695. Достальнё наклад да он всё в суночку,
 Ету суночку отдал да он ведь бабушке,
 Ей ведь отдал он да всё добра коня,
 Ей ведь отдал он да саблю вострую,
 Ей ведь отдал он тугой же лук,
 700. Ей ведь отдал он калену стрелу;
 Роспростилсе с бабушкой, пошел же он,
 Пошел же он во славной Киев-град.
 А сперва-то пришел к родимой матушки,
 А поздоровалсе-то с ней,
 705. Падал-то тогда да рбдной матушки да во резвы ноги,
 Он просил у ей, у ей прошшеньница, —
 Огрубил-то ей да из-за ведьмы-то;
 А тогда пошел ко князю ко Владимиру,
 Он просил прошшеньнице у Ильи жо Муромца,
 710. Рассказал про всё да он богатырям,
 Стал просить, шшо(б) кто ли туда съездили.
 Тут ведь ездили киевски богатыри,

- Привезли-то много тут от Маринки злата, сѣребра,
Привезли-то много драга жемчуга,
715. Привезли же много ту(т) драгого тут каменя самоцветного.
А Добрынюшка сказал тогда Никитич-от:
«Оно мне, ее богасьвице, не надобно;
Чьё оно было-то, пушшай за того пойдѣт».
Тут ведь сделал князь Владимир-от божьи церквы,
720. От украсил-то иконы златом, сѣребром,
Златом, сѣребром, дорогим же жемчугом.
А Добрынюшки Никитичу благодареньице
За его ли всё поездку богатырьскую,
За его сраженьице со ведьмою,
725. Все во Киеви со старого до малого воздалъ ему благодареньице,—
Чого надобно, будет ему ведь выдано,
Всё ведь выдано да всё поручено;
Нецегб не брал Добрынюшка да с киевлян тогда,
Нецегб не брал Никитич за совершенъице.
730. А князь Владимир-от за то да собирал же пир,
Собирал же пир да для Добрынюшки,
Собирал весѣлой стол для Никитици.
На том пиру все богатыри
Со Добрынюшкой сидели-то,
735. Со Никитицом вели беседушку.
После пированьица Добрынюшка пошел же всё
Отдохнуть во свой да теремочик-от
Ко своей же он к родимой матушки.
Отдохнул Добрынька трѳи суточки,
740. А потом он уехал-то со Дюком-то,
Вот со Дюком-то уехал со Степановичем,
Ко заставушки уехали богатырьские.
Той старинушки теперече конецъ пришол.
А Добрынюшке Никитичу тут славу поют,
745. Вот славу поют отныне дѳо века,
Все со старого до малого споминают-то,
Про него-то старину да пропевают-то.
А как ведь всё же Белому-ту морюшку же моему на тишину,
А Москвы-то, прекрасному граду, на чесь, на славушку великую,
750. А мудрым-то молодым людям советским на пропеваньице,
А от них вперед пойдѣт на рассказаньице.

№ 71. ДОМНА ФАЛИЛЕЕВНА

- А и как во славном было в городи во Киеве,
А и как ведь был у князя всё же у Владимира,
А и у его-то был племянницѣк любимой-от,
А и как любимый его племянницѣк родимой-от,
5. А ишше на имя-то Димитрий-от
А и по отчесьву был да сын же Дмитриевич.
А и вот задумал его дяденька родимой-от,
А и он задумал поженить племянницѣка любимого,

- А и вот любимого племянницка, богатыря.
10. А и много-много ягó дяденька родимой-от
 А и много-много для его же он сбирал пиров,
 А и много-много для его созывал гостей,
 А и много было для его-то сватовъей да было свах же всё,
 А и как некто не мог ведь и Митрицю князю vybrати невесты же,
15. А и по ёго-то по обычью не могли найти.
 А уж как нашол-то он невесту-от всё по своему уму,
 А и по своёму-то он уму да уму-разуму,
 А и по своей нашол премудрою премудрости,
 А и он нашол-то невесту во городи во Киеве,
20. А и он нашол в невесты себе же Домну Фалилеевну.
 А он ведь сваталсе на Домны ровно три же годицька,
 А в три-то годицька же сваталсе, в три-то осени,
 А он ведь сваталсе ведь на Домнушке весной, да в время вёшноё,
 А вон ведь сваталса на Домнышке красным летиком.
25. Пёрвыы свахи-ти ко Домнушки на двор же шли,
 Другы свахи Фалилеевны показывались,
 А и только, только чтобы Домнушке, братцы, свадьбе быть,
 А и только-то свадьбе-то ей же быть, братцы, к венцю ийти.
 А и не видала жениха всё-то Домна-то Фалилеевна,
30. А и вот хотелось ишше Домны-то Фалилеевны
 А и увидеть же жениха же Митрия князя Митрёвича.
 А и как в одну-то было в пору, в одно времечка,
 А и в воскресеньице же было во христовоё,
 А и как о той ли воскресеньской долгёй обеденки,
35. А и не три ясных-то соколочка пролетело-то,
 А и три дородних-то добрых мблнца богатыря,
 А и вонй шли к ней со дворяца да княженеськово, —
 А и как пёрвой-от богатырь шол Добрынюшка Никитиць млад,
 Второй-от шол богатырь Олёшенька Поповиць млад,
40. Во третьих-то шол и Митрей князь,
 Митрей князь же шол да свет Васильевич, —
*(Нет, не Васильевич, а Митревич; другие пели «Васильевич»,
 а деда Ганя — «Митревич», так он по настоящему и был
 Митрёвич.)*
 Они шли мимо подворьяца Домны-то Фалилеевны.
 Домна-та Фалилеевна была в ту пору в окошечки;
 Подошли кгда богатыри к окошечку,
45. Увидали-то в окошечки в косисчетом
 Увидали они Домну-ту Фалилеевну,
 Они снимали свойи шляпочки пуховые,
 Они кланелись-то Домны Фалилеевны:
 «Уж ты здрастуй, здрастуй. Домна Фалилеевна!»
50. Она в окошечко до пояса бросалася,
 Она кланелась богатырям-то киевским:
 «Уж вы здрастуйте, дородни вы дбры мблдцы,
 Ишше киевьски могучия богатыри!
 Вот сказали мне про князя Митрея-те Митреевича,
55. Что князя-та ведь Митрея-та Митреевича
 В свети-то прекрасней его-то нету никого негдё, —
 Омманули меня ведь сваты злы же, свахи-ти,
 Они змеи, змеи ведь, свахи, семиглавые,
 Они сказали, што ведь Митрей князь прекрасной-от красавець-от,
60. Как не в сказке рассказать, ни в книге описать красу,

- Омманули, омманули свахи лукавые!
 Чуть не пошла скоро у меня же всё свадьба весёлая!
 Ой нехорош-то, нехорош-то князь Митрей Митревич,
 Он урод-от, он чучело поганое,
65. Он горбат, горбат, горбат да наперёд покляп,
 Он ведь расту-ту огромного, большущого,
 В его лицё-то, будто снегу, снегу белого,
 Волоса его, ведь кудри-ти — соломенны,
 А й как ведь очи-ти его, будто чарочки-ти винныя,
70. Ишше нос-от у его, будто палочка громокольяня,
 Ноги-ти кривы́ да глаза косы́!
 Не пойду-то не за что за етого уродика,
 Лучше призарой-ко меня, матушка, в могилушку глубокую,
 Соглашусь жива в могилушку повалитесе,
75. Чем уроду-чудови́шшу такому-то достануся!
 Пройдёт-то мой ведь век да не за денёжку,
 Не за денежку пройдёт, не за копеечку!»
 Вот прошол, прошол ведь князь Митрей Митрёвич,
 Он услышал все слова ее ругательски,
80. Перенёс-то доброй мо́лодиць насмешочку;
 Вот пришли-то ведь богатыри йиз божьей церквы́,
 Отстояли они обедню до́лгу херувимскую.
 Вот прошли-то ведь богатыри йиз божьей церквы́,
 Не пошли мимо подворьяца-та Домны Фалилеёвны,
85. Вот ушли другой же всё дорожочкой.
 Как пришли когда богатыри из божьей церквы́,
 Князь Владимир со княгиною приехали,
 И приехали ведь тоже йиз божьей церквы́.
 Когда сели ведь князь ведь йисть и кушати,
90. Рассказал ему племянни́цк любимой-от,
 Как обругала-то его же Домна-то Фалилеёвна,
 Обругала она его в глаза, насмеялесе;
 Говорил тогда Владимир князь стольнёкиевской:
 «Уж ты ой еси, племянни́цк любимый мой,
95. Вот любимый мой племянни́цк Митрей Митриёвич,
 Ты, премла́дой князь да славной киевской,
 Богатырь-от у меня да ты же сильней́ есть!
 А скажу тебе, племянни́цк, поговорочку,
 Поговорочку скажу тебе старинную:
100. «Где ругают-то, ведь там же будут жаловать».
 Как ведь есть же у нас на свети много красных девушек,
 Красных девушек-то есть же вочунь умных-то, —
 Побрось-ко-се невесту-ту Домну Фалилеёвну,
 Она дочь-то ведь вдовина, невеликая-то знаменитость есть,
105. Вдовина дочь, смотри же, необучёная,
 Не обучена вона́ же, не на́учёна!
 Не бери ее без братьецей, ясных соколов».
 Отвечал-то он ведь князю-то, Митрей свет ведь Митрёвич:
 «Не росстраивай ты, дяденька любимой мой,
110. От моёго-то сердецька молодецького,
 Оно так у мя, сердечушко, в печалюшки,
 Во большой-то у мя оно досадушки,
 Скоро-скоро моё сердецько молодецькоё
 На две половиноцьки оно у мне расколится!
115. Некака́ же мне невеста боле не надобно,

- Мне не надобно невеста всё моськосьская,
 Мне не надобно невеста новгородьская,
 Мне не надобно невеста не цернигорьска,
 Мне не надобно невеста не королевишня,
 120. Не королевишня не надоть, княженеськая;
 Если не достаните мне Домна Фалилеёвна,
 Тогда негдѣ-то не женюсь да я же, Митрей князь,
 Я же, Митрей князь, не женюсь же, свет ведь Митревич!
 Ты послушай, родной дяденька, моёго же приказаньице, —
125. Дай же, дяденька, мне только позволеньица,
 Розреши-ко мне ведь омманом дело сделати,
 Будто пир да ведь собратъ моей сѣстрици родимою,
 А твоей-то дай племяннички любимую,
 Ишше той-ко дай Марфы-то, Марфы Митриевны.
130. Она пусь-ко собират завтра почесен пир
 Для своих же пусь подружочок любимых-то;
 В ей подружечка ведь сама есь любимая.
 Ешшо та ли всё ведь Домна Фалилеёвна.
 Про миня надоть сказать же, так умудритьца,
135. Што: «уехал князь ведь Митрей во цистѣ полѣ,
 Ешшо Митрея во тереми не случилось,
 Не случилось его, нет, не пригодилосе,
 Вот уехал Митрей князь да за куницеми,
 За куницеми уехал, за лисицами».
140. Как сказал-то ведь он, дак дело сделали.
 Как по ўтру-то ведь было, ўтру ранному,
 По восходу-ту ведь было соньца красного,
 Тут ведь приготавлиются на пир, на пир, девичой стол.
 Как цягѣ же тут ведь было не приготовлено,
145. Тут цѣго было ведь, скажом, не настряпано!
 А и как послы ведь были скѣры тут отправлены,
 Вот отправлены послы были ко Домнушки к Фалилеёвны.
 Как пришли топерь ведь послы же к Домны, кланелись:
 «Уж ты здраствуй-ко, ведь Домна Фалилеёвна,
150. Тебе кланелась подружечка любимая,
 Ишше душечка-та Марфа, Марфа Митрёвна,
 Она звала, звала тибя же на почесѣн пир,
 На почесен вонá пир, да на стол девичой-от.
 У нас Митрея-то князя в доми не случилось,
155. Вот как Митревиця ведь нет, не пригодилосе,
 Он уехал-то у нас же во цистѣ поле,
 Во широкоѣ уехал он роздольицо,
 Во темнѣ леса проедет слáвны Брыньские,
 На тихие на заводи за белыма лебѣдушками,
160. Как за серыма проедет всё за гүсеми».
 Как от первых вот послов же вотказаласе,
 Ото вторых послов ведь Домнушка отказаласе;
 Как ведь пѣрвы-ти послы скоро с двора ушли,
 А вторѣ-ти ведь послы да приходили-то,
165. А вторѣ-ти сходили, пришли третѣ к ей.
 У женщин-то, у баб, да волосы же длинные,
 Умы-разумы бывають же не крепкие, —
 Их куда, куда ведут, да они туда йдут.
 От третѣх-то ведь послов Домнушка да ведь не отказаласе,
170. Фалилеевна же согласиласе:

- «Вы скажите-тко, послы, слуги-ти княженеськие,
 Вы скажите-тко подружечки любимое,
 А й как ведь Марфы-то скажите-тко вы Митревны,
 Что я приду-то к ней же на почёсен пир,
 175. На почесен к нею пир, да на девичой стол».
 Тут послы-ти роспростились, уходили всё;
 Тут ведь Домна-та Фалилеевна собираваласе,
 Умывала-то своё же лице белоё,
 Учесала она свою же буйну голову,
 180. Пересыпала русы свои же волосы
 Дорогим-то она ведь всё же она жемцюгом,
 Заплела-то, убрала свою трубцету косу,
 Уплела-то ей во лентоцьку во шолкову,
 Надевала она платьцо шолковоё,
 185. Надела она на руки да драги камешки
 Как со каменьями-от она же с драгоценными,
 Одевала она же перси-то золочёные
 С дорогима же она же всё со вставками,
 Она надевала-то дороги серьги с каменьями,
 190. На белу шею надевала перла-ти жемчужные,
 Хорошо-то были перлица сбротаны, —
 А и хорошо-то тут ведь и Домнушка урядиласе,
 По хорошему Фалилеевна воделасе.
 Пришла матушка родимая поглядеть на ей,
 195. Прическа вдова ведь Софья дочь Ивановна,
 Почеловала она свою же дочь любимую,
 Прижимала она ей же к ретиву сердю,
 Сама она ведь слезно-то заплакала,
 Во слезах она ведь речь да всё говорила:
 200. «Не велела бы итти, дочь, на почесён пир,
 На почесён пир, дочь, итти, на девичий стол,
 Не омман ли, смотри ведь, дочка, тут заводитса?
 Не насильнё ли хотят тебя повенчати всё?»
 Говорила ей же матушка во второй након,
 205. Говорила ей ведь матушка в третей након:
 «Ты послушай, дочь родима, наказаньяца,
 Ты возьми хошь от миня благословленьца, —
 Мне ночесь мало-малешенько спалось ночьюю,
 Во снях, доченька, ведь я же сон страшной видела:
 210. Со моей будто головушки волоса-ти все у мя будто свалилисе,
 Животворящей чудной крест у мя с белой шей ведь рассыпалса,
 С правой ручушки ведь перстень обручальней-от
 Приломалсе будто на две половиночки,
 Драги вставочки из перся всё попадали,
 215. Они попадали-то, стёкла все, разбились».
 Отвечала ей да ведь дочь ея любимая,
 Молода-та всё ведь Домна Фалилеевна:
 «Не верь-ко, моя матушка родимая,
 Как ведь ночь-то вся пройдёт, так ведь сон-то кончитса;
 220. Потому же сон, что белой день пойдёт,
 Белой день у нас пойдёт на прибыль-ту,
 Все ведь снам-то, все ведь сны же всё ведь кончатсе».
 Роспростилася тут ведь Домна Фалилеевна
 Со своей-то со родимой со матушкой,
 225. Не пошла же ведь йона, как полётела,

- Полетѣла вонá птицой перелѣтною;
 Приходила она ко терему кнеженескому,
 Ко крылечушку-ту всё да княженескому.
 У крылечушка сречались слуги князѣвы,
 230. На новых сениях стречали ей богатыри,
 В перьвой горницы сречали ей Владимир князь,
 Вот Владимир князь сречал же всё с кнегиною;
 В другой горницы сречала ей подружочка любимая,
 И любимая подружка, душечка Марфа Митревна,
 235. В третьей горнице стречал да ей же Митрей князь:
 «Добро жаловать, ведь Домна Фалилеевна,
 К чудовишшу-то пришла же к чүдному,
 К великану-ту пришла да к очунь страшному,
 Ко сутулому пришла да ко горбатуму,
 240. Ко ногам пришла к кривым да ко глазам косым,
 Ко кудрям пришла же ты да ко соломенным,
 А и как ведь к носу-то большому, к палке громокольнію!
 Добро жаловать, садись же на почесен пир!»
 Тут ведь Домнушка-та всё же испугаласе,
 245. Фалилеевна, скажу же, испугаласе,
 Чуть держала она на плéчах буйну голову,
 Помутились у ей же очи ясныя,
 Тут ведь Домнушка Фалилеевна чуть не заплакала.
 Увидала ее подружечка любимая,
 250. Как ведь душечка-та Марфа, Марфа Митревна,
 Она брала-то ей за беленьку руку, руку правую,
 За те ли все за пёрстни золочёные,
 Человала-то в уста её в сахарные,
 Проводила ей за столички передние,
 255. Вот садила ей во место в сáмо перьвоё,
 Она сама-то всё возле ней же всё садилася.
 Много-много было девиць отовсюль ведь нáзвано,
 Отовсюль много ведь было всё навбжено,
 Тут ведь разно-то ведь кушаньё наставлено,
 260. Тут ведь разные же были вот напитки —
 Как чего же вот на столиках ведь не было!
 Подносили всё жо кушанья сахарные,
 Подносили йим напитки заморские;
 Как ведь Домны-то Фалилеевны подносил же всё,
 265. Подносил-то ей ведь Митрей князь ведь Митриёвич,
 Подносил-то он ведь к ней же, низко кланелса:
 «Уж ты кушай, ешь ты, Домнушка Фалилеевна,
 Я прислугой-то, слугой, да всё лакеём-то,
 Я ведь сам-то, князь ведь Митрей-от ведь Митриёвич,
 270. Со всем трепетом-то ведь я к' вашим-то услугам-то,
 Хошь в огонь меня пошли, дак я туда йиду!»
 Заиграли тут во арфы все играмыя,
 Забречели тут ведь струночки золочёные,
 Заиграли-то во гуслицы весёлые,
 275. Скоморохи-ти тогда начали наигрывать,
 Роспелись же тогда же все пропеватели,
 От запели они тогда на рáзны-ти гóлоса, —
 Все палаточки княженески пошаталисе,
 Во окошечке стеколышка побрякали.
 280. Как весёлой пир у князя шол у любимую племяннице.

- Как ведь красно стало солнышко на западе,
 Ясной день-от всё прошол же, всё прокатилсе тут,
 Вот весёлой-то ведь пир да под конец же шол;
 Такй речи-ти говóрил тогда Митрей князь,
 285. Ишше Митрей-от ведь князь да свет ведь Митревич,
 Подошол-то он ко Домнушке, низко кланелса,
 Сам садилса же за стол да против Домны-то,
 Против Домны-то садилса Фалилеевны,
 Говорил-то тогда Домнушке таковы слова,
 290. Таковы же он слова, вот таковы речи:
 «После пированьица-та, Домнушка, помиримсе-ко,
 Я забуду всё же, Домнушка, огрубленьицо,
 Как со мной-то заведём дело немалое,
 Вот немало мы же дело, превеликоё,
 295. Уж мы поедем-ко со мной да во божью церковь,
 Как ведь примем-ко со мной да по злату венцу,
 Уж как дядя-то, князь Владимир, будёт тысецьким,
 У мян тэта Апраксинья королевисня,
 Она будет тебе же всё же свахою».
 300. Тут ведь Домна-то ведь Фалилеевна ужახнуласе,
 Ужახнуласе она, вот убояласе,
 Видит: шуточка теперь идёт немалая,
 Тут ведь Домнушка-та князю Митрею говóрила:
 «Уж ты ой еси, ведь славной князь ведь Митрей свет,
 305. Уж ты ой еси, ведь душечка ведь Митревич,
 Ты спусти, спусти, ведь князь, меня домой сходить,
 С рóдной матушкой спусти мян да роспроститесе,
 Я возьму у ей родительско благословеньицо,
 Которо будёт мне служить да во всю жисть мою,
 310. В синем морюшки тогда не потону же я,
 Сине морюшко тогда мян повыздынет,
 В жизни-то получу велико счастьеце, —
 Тогда ведь я сама приду к тебе, как следует,
 Тогда съездим мы, я ведь съезжу тогда с тобой вот во божью
 церковь,
 315. Я приму с тобой тогда по золоту венцу».
 Обрадовалсе тогда ведь Митрей князь свет Митревич,
 Отпускал тогда ведь Домну Фалилеевну.
 От пошла тогда ведь Домнушка Фалилеевна,
 Полетела она птицей перелётною;
 320. Не пошла-то ведь как Домна к рóдной матушке,
 Не пошла-то она с ней же всё проститесе,
 Побежала тут ведь Домна Фалилеевна
 Как во ту ли всё во кузницу в железную,
 Она купила там три ножицька булатные,
 325. Вот булатные купила она, укладные;
 Побежала тогда Домнушка в цисто полюшко,
 Как во то ли во широкоё раздольице,
 Вот воткнула эти ножицьки булатные,
 Она в землю-ту воткнула черешки ножев.
 330. Она сама ешше, ведь Домнушка, говóрила:
 «Эта будёт-то лежать да тело белоё,
 Тело белоё лежать же Домны-то Фалилеевны;
 Чóрны вóроны-ти с сороками будут-ти слетатесе,
 Сёры волки-ти с медведями сбегатесе, —

335. Пусть едят моё ведь тело звери лѣсные,
 Пусть едят моё тело птицы перелѣтныя!
 Никому же моё тело бѣло не досталосе,
 Кому надобно-то, тому тело не досталосе,
 А уж уроду-то ведь князю не досталосе!»
340. Тут бросалась она на ножечки булатныя,
 Заколосась тут ведь Домна Фалилеевна,
 Тут ведь смерть пришла у ей же от себя самой.
 Долго ждал-то князь ведь Митрей-от ведь Митревич,
 Не пришла-то к ему Домна Фалилеевна,
345. Он послал, послал ведь скоро слуг своих за ней;
 Вот пришли, пришли ведь к ней же слуги кнеженескыя,
 От пришли-то к ее к матушки к родимою.
 Ее матушка родимая-то ахнула,
 Вот ведь слезно-то слезми вонá заплакала,
350. Вот заплакала вонá, да как река бежит,
 Розрыдаласе тогда, ревѣт, будто гром гремит,
 Со удару-ту с великого сорывала со своей головушки волосы,
 Золой-пепелом-то ѳих же пересыпала,
 Во постелечку она же тут свалиласе.
355. Как пошли же слуги к князю, рассказали всё,
 Побежал тогда ведь скоро, скоро Митрей князь,
 Скоро Митрей-от ведь князь да свет ведь Митревич,
 Он на ту ли всё на стеночку городобую,
 Он на ту ли всё на башню на высокую,
360. Во руках-то нѣс он трубочку подзорную;
 Он смотрял, смотрял в цотыре во стороночки:
 Во первы́х-то он смотрял в стороночку в восточную,
 Во втору́-то он смотрял же всё во западную,
 Во третьи́х-то он смотрял же всё во лѣтнюю,
365. Во четвёрту-ту смотрял же он во северную,
 Посмотрял-то он ведь скоро во чисто поле,
 Во морское посмотрял же он в роздолыцо, —
 Увидал-то, там черны́-ти вóроны слетаются,
 Рáзны звери-ти лесны́ же там скопляются.
370. Он немного тоже, князь же, разговаривал,
 Побежал-то он же скоро во чисто поле,
 Во ширóко-то побежал же он в роздолыцо,
 Добежал до тела Домнушки Фалилеевны,
 Увидал-то он ведь Домну-ту умёршую,
375. Очи ясныя у ей же призакрытыя,
 А уста у ей сахарны запеклись кровью горячою.
 Человал-то князь ведь в уста мертвыя,
 Он немного стая ведь тут же розговаривать,
 Побежал скоро во кузницу железную,
380. Он купил-то три же ножичка булатных-то,
 Прибежал-то он ко Домны Фалилеевны,
 Ко ее жо прибежал ко телу белому,
 Он воткнул-то скоро ножечки булатныя,
 Он воткнул-то ѳих всё же во сыру́ землю,
385. Сам такъ же он ведь реци-ти говóрил-то,
 Написал-то он ведь скоро на записоцьки:
 «Где лёжит-то тело бѣло Домны Фалилеевны,
 Тут пушшай моё же тело лёжит молодецькоё,
 Молодецько тут ведь тело богатырьскоё,

390. Пушшай лежит-то тут ведь князь Митрей Митреевич!
 Вы, пожалуйста, мой дядюшка, исполните,
 Моё желаньице же вы же у мяя выполните,
 Похороните вы меня в одну могилушку,
 Вот в одну меня могилушку с Домной Фалилеевной!»
395. Долго искал-то князь Владимир, долго разыскивал, —
 Вот нашол-то он ведь любимого племянницька.
 Привозили йих во славной, славной Киев-град,
 Снарядили йих в убор да во хорошей всё,
 Жениха будто с невестою к венчаньицу,
400. В один-от гроб ведь йих же всё полóжили,
 Шьтобы не были же мертвые в разлуки-то,
 Во одну могилочку в глубокую зарыли-то;
 Чудной памятник становил же йим Владимир князь,
 Вот на памятники поставил золоты же етира́ же йим,
405. Расписал же, почему же млáды померли:
 «Они друг-то друга мало, верно, пónели,
 Поженились, — он сказал, — тогда (б) слюбилисе».
 Той старинушки теперице конец пришол.
 Слáвну морюшку Хвальньскому на тишину,
410. Москвы-реки на чесь, славу великую,
 Всёму народу-то советскому на пропеваньице,
 А от них пойдёт вперёд вот на рассказаньице.

№ 72. ВИДЕНЬЕ РЫБОЛОВОВ

- А как рассказывали ведь нам же всё про старое,
 Вот про старое рассказывали, про прежное,
 Будто видели рыболовы-ти непрёськиа
 Как у той ли всё у матушки у Непря́-реки,
5. Как по ранному-ту видели по ўтру-ту,
 По восходу-ту они же сонця красного, —
 Вдруг сыра́ земля вся же потресаласе,
 Из морей, из рек вода же розливаласе,
 Ише Непр-река волной зволноваласе,
10. Во непрёськи-ти бережка она розливаласе, —
 Увидали-то рыболовы чудо чудное,
 Чудо чудное увидели, диво дивное:
 Во(т) как выехало двоё на добрых конях,
 На добрых конях они на богатырских-то.
15. Как один-от был богатырь вот ведь мушшина же,
 Он ведь силою-ту, видно, што очунь сильней был,
 А со другого-то коня же богатырского
 Тут сошла, сошла же женьщина, полениця-та,
 Полениця она была да вот пресильняя.
20. Они взяли-то, взяли-то ведь те ли сосуды они деревянные,
 Деревянные сосуды очунь бо́льшие,
 Как длины они ведь были очунь высокие,
 Ширины они ведь были очунь широкие;
 Подошли они ведь скоро ко Непрю́-реки,
25. Долго черпали они ведь воду со Непря́-реки.

- Когда начерпали ведь воду со Непря-реки,
 Когда умыли они ведь свои лица белые,
 Тогда утёрли они ведь своима белыма полотеньцами,
 Погледели же они да за Неп(р)-реку.
30. Рыболовы-ти тогда же сдивовались,
 Таки речи-ти они же возговóрили:
 «Уж вы ой еси, богáтыри пресильные,
 Во перьвых, богáтырь есть дородней ты доброй мóлодец,
 Во вторых-то, полениця есть удалая,
35. Вы какой земли, скажите, какой украины?
 Вы какого-то, скажите-тко, какого города?
 Вы какого-то царя, скажите-тко, царицы?
 Вы какого-то короля, скажите-тко, королевиця?
 А вы какого-то князя, скажите, княжевиця?
40. А и вы какой же город всё оберегаите?»
 Отвечал тогда богáтырь с поленицёю:
 «А мы оберегам, оберегам да славной Киев-град,
 А славной Киев-град, князя Владимира,
 А и вот Владимира-та князя Светославича,
45. А Светославича-та князя слáвна киевского,
 А и как всех-то мы во Киеве народ же, людей добрых-то,
 А и охраням-то всю земелюшку славнорусьскую».
 А и тут они сели-то, сели на добрых коней,
 Эти ушаты-ти большй же деревянные,
50. Они брали, брали-то йих ведь всё же вот одной рукой,
 А и привезали-то йих ко стрéменам булатным-то,
 Э и они скрычали голосами-ти богáтырьскими,
 Э и побежали йхны кони-ти богáтырьские,
 Ни конями побежали — птицами полетели перелётныма, —
55. А и скоро-скоро они из глаз же скрылисе,
 Э и они скрылисе, у йих вот удалилисе.
 Э и дóлго-дóлго тут рыбаки же россужали-то,
 А и меж собой дóлго они же тут дивилисе:
 «А во каких лесах богáтыри скрываютца?
60. А и почему же они ведь всё же вот не кажутся,
 Ани не кажутся, во город во Киев не приезжают-то?
 Они чим живут толькó, питаютсе?
 Э из других ли земель привозят-та?
 Или птицою питаютсе из лесов разных?»
65. Дóлго-дóлго об етом дивовались,
 А мнóги ездили везде, розыскивали, —
 Не могли же йих найти негдé,
 А и не знали, кто какй были.
 Э и оно, верно же, были какй ли руськие,
70. А и были руськия богáтыри,
 Они жили где ли во горах, сказать,
 Во горах ли где они, во пещерах-то,
 Что нектó не мог найти же йих.
 А так и кончили, что дело забросили,
75. Они не знали, хто же были-то.
 Как узнали кóгда в Киеви,
 Тóгда ездили везде, розыскивали,
 Проехали все же лёса Брыньские,
 Вот проехали лесá Муромские,
80. Вот проехали все горы Сарачиньские,

- Ездили до гор до Аравийских-то,
 Но негдѣ-негдѣ да не могли найти,
 Но негдѣ-негдѣ сыскать да никак не могли вонї,
 Боле они же, богатырь с поленицей, не бывали-то,
 85. А можот, хошь бывали они же ночью тѣмною,
 В ночь в тѣмную или в лунную, —
 Велик Днеп(р), весь не преездишь-то,
 Кто ведь знает, с какой приедут они стороночки!
 Тут во всю жись свою рыбаки да дивовалисе:
 90. «Кабы знали ето, ведали,
 Это бы кто из нас да переехали,
 Пошли за ними бы, поехали».

№ 73. (ПРО ДВУХ БОГАТЫРЕЙ)

- А не два кречета во Киев вот залѣтело,
 А и два богатыря во Киеви свидалисе,
 А и они свиделись во Киеви, познакомились.
 Один богатырь-от ведь и был приехал йиз матушки каменной
 Москвы,
5. А другой богатырь-от был да славной киеской;
 А и назвались они ведь и братьема крестовыма,
 А и поменялись крестами золоченыма,
 Поменялись перснями золоченыма,
 Много-много добры молдцы поездили,
10. А и на белом свету они погулели,
 А и богатырьскима йиграми забавлялися,
 А и еше рыцарьскима утехами забавлялися.
 А и с Йильей Муромцем с богатырем повидалисе,
 Повидалисе и с ним да поздоровались,
15. Поздоровались с ним да познакомились;
 Обучил йих Йилья Мурамец
 И всем премудрым-то поезьдкам богатырьским-то,
 Э и еше обычаю-то славну рыцарьску.
 Много-много братица названья поездили
20. На славны горы-ти йонї да Сарачинские,
 Доезжали до гор славных Арабских-то,
 Много-много побили неверной силы-армии,
 А и как побили силы неверной, скажом, армии,
 А и не пропустили и гонї силушку во Кийив-град.
25. А и гонї ездили (не) неделю, сказать, времени,
 А и йонї ездили три годочка поры-времени,
 А и много-много обчистили дорожок прямоезжих-то
 Они от той ли от чуди двеглазою,
 Они от той ли сорочины долгополою,
30. Проверили заставу богатырьскую,
 Укрепили гонї же стеночку да городбою,
 Не пройти шшобы никому туда да не проехати;
 На заставы жировали трби сутоцьки,
 На четвѣрты-ти да расставалисе,

35. Вот поехали богатыри во Киев-град,
 А и как во Киев-град ко князю ко Владимиру.
 А и как к ему приехали да на широкой двор,
 А и привезали они коней к дубову столбу,
 К дубову к столбу да к золотым кольцам,
40. А и насыпали пшоницы белояровой;
 Как пошли тогда во гривины столовые.
 Как стречал, стречал Владимир князь,
 Как стречал да низко кланелсе,
 Проводил их за столички окольные за передние,
45. Садил-то их за столички дубовые,
 На скамеечки рыта бархата,
 За ёсвы за сахарные,
 За напитокы за медовыя.
 Наливал-то им цяроцку зеленá вина,
50. Зеленá вина да полтора ведра;
 Принимали богатыри право́й рукой,
 Выпивали йони́ чарочку на единой дух.
 Наливал-то князь Владимир по второй цяроцьке да пива пьяного,
 Подносил-то им да низко кланелсе;
55. Принимали-то богатыри право́й рукой,
 Выпивали-то богатыри на единой дух.
 По третьей чарочке наливал же им мёду сладкого,
 Подносил-то им да низко кланелсе;
 Принимали богатыри право́й рукой,
60. Выпивали богатыри на единой дух.
 Заиграли тогда арфы всё игромые,
 Заиграли тут гусли всё весёлые,
 Во те ли всё струночки золоцёныя.
 Весёлой-ст день шол на ясени,
65. Владимир-от князь да низко кланелсе:
 «Вам спасибо-то, дородни дóбры мблодьцы!
 За службу-ту за верную,
 За битву-ту богатырьскую,
 За подвиги-ти слáвны рыцарьски
70. Я хочу сегодня миловать,
 Хочу миловать вас ведь, жаловать, —
 Вы берите-тко красна золота,
 Вы берите-тко чиста сёребра,
 Вы берите-ко драга жемчуга,
75. Вы берите-тко каменя самоцветного!»
 Тут вставали-то богатыри на резвы́ ногы,
 Они стали-то, поклонилисе:
 «Уж ты, ласковой Владимир стольнокиеской,
 Нам не надоть-то красна золота,
80. Нам не нужно-то чиста сёребра,
 Мы молоды, богатыри, наживём себе
 На пропитаньицо золотой казны».
 Тогда Владимир князь да стольнекиеской
 Дарил шубоцьки соболиные,
85. Дарил сапожочки им сафьянныя,
 Дарил шляпочки им пуховыя,
 Дарил цюлоцьки да всё семи гарусов да всё заморьских же,
 Дарил перцятюцьки да из семи шолков всё йиностранных же.
 Тут боярам-то за беду пришло,

90. А дворянам-то за белику обидушку показалосе;
 Ёихны дети-ти насмеялисе,
 Насмеялисе, наизгилялисе:
 «Уж ты, ласковой Владимир князь,
 Уж ты мудросью же мудрой у нас же есь,
95. Во делах во всех догадливой,
 Во обычях обходительней, —
 Ни за што бродяг этих ударивашь!»
 Тут не люто-то зельё разгорелосе,
 Богатырьско-то серьцо растреложилосе,
100. Лепетá в лица перемениласе,
 Могучí плечí шшевелилисе.
 Выходили скоро (и)з-за стола же вон,
 Благодарили князя со кнегиною,
 Онý кланелись русьским-то могучим всем богатырям,
105. Они не взяли с собой дорогих-то его подарочков.
 Князь Владимир зачел упрашивать, уговаривать:
 «Не глядите-тко, дородни добры молодци,
 Ешшо русьские сильние богатыри,
 Ёони дети-ти да очунь млáдые,
110. Уж как умом-то они есь да слабые».
 Тут богатыри они вскóчили, удярживали,
 Не могли-то удержать же йих.
 Тут уехали-то добры молодцы
 Не гулять они во чистó полё,
115. Не за матушку за Непрь-реку, —
 Как уехали добры молодци
 Как ко киеському человальницьку
 В князев-от большой кабак.
 Они нацели пить да зеленó вино,
120. Они нацели пить да пиво пьяноё,
 Они нацели пить да разны водочки.
 Тут пошло меж йима дéла нехорошоё,
 Они пропили всю свою да золотú казну,
 Они пропили коней богатырьских-то
125. Со всей сбрудой золочёною,
 Они пропили сабли вострые,
 Они пропили копя богатырьския,
 Они пропили пáличи тежолыя,
 Они пропили востры́ ножи булатныя,
130. Они пропили плáтьё богатырьскоё,
 Они пропили латы богатырьския, —
 Они остались тут голью кабацькою,
 Самсй худшою уж, посадьскою.
 Они ходили урсдовали по городу по Киеву,
135. Они сборванцами ходили всё рваныма,
 Молодёжь-то киеська насмехаласа,
 Ребята киеськи взади за нýма гнáлисе,
 Каменьями в йих паргáли же.
 Как ходили-ти добры молодци
140. Три годочика-ти поры-времени
 Они голью-то всё кабацькою.
 Через три годоцька-то поры-времени
 Как не вёшна-то вода да разливаласе,
 А невёрна-та сила придвигаласе;

145. Пришло много-то силы-армии,
 Много было-то силы-гвардии,
 Птицы-соколу не облететь будёт,
 Богатырю не объехать на добром кони.
 Тут богатырей во Киеви не случилось,
150. Ни единого не пригодилось,
 Кто куды да прирозъехались;
 Тут услышал скоро Владимир князь,
 Запечалилсе, закручинилсе,
 Посылал-то слуг верных
155. Обойти-то город весь, объехать же —
 Иише нет ли где богатырей?
 Тут яго слуги-ти не ослышились,
 Яго верныя отправлялесе.
 Они поехали, проехали,
160. Некогó они не нашли до во городи во Киеви,
 Они приехали с весьточкой не с радостью,
 Говорили князю Владимиру:
 «Славный град Киев весь мы объехали,
 Не нашли богатыря ни единого,
165. Только видели двух оборванцей рваных же,
 У кабака сидят на крылечушки».
 Говорил тогда Владимир князь:
 «Вы пойдите-тко, слуги верныя,
 Шьто за люди есь посадьския?
170. Они пусь идут на пир ко мне,
 Приодену йих, напою да накормлю же я».
 Послал слуг-то звать же йих,
 Звать йих да всё же чествовать;
 Тут пошли-то слуги кнеженеськия,
175. Подходили они да низко кланелись,
 Они звали йих да на почесен пир;
 Отвещали тут братьица названые:
 «У нас болят да буйны головы с похмеленьица».
 Тут ведь звали-то слуги, низко кланелись;
180. Тут пошли-то добры млодъцы на пированьицо.
 Стречал-то йих Владимир князь да низко кланелсе,
 Выдавал-то йим платьё цветноё,
 Платьё двьётноё богатырьскоё,
 Выдавал-то йим платьё цветноё,
185. Выдавал-то йим сабли вострыя,
 Выдавал йим копя богатырьские,
 Выдавал йим палици тежолыя,
 Выдавал-то йим востры ножички,
 Востры ножички укладные.
190. Они сели тут да в пированьицо,
 Пировали-то, столовали трои сутоцьки.
 Князь-эт Владимир ходит всё невесёл,
 Буйну голову повесил всё с могуцих плещь.
 А сила-та неверьяная ко Киеву приближается, —
195. Не запекло во Киеви красно солнышко,
 Не продували во Киеви буйны ветерочки же,
 Заболели, захворали люди добрые.
 Говорил тогда Владимир князь:
 «Вам ведь полно, добры млодци, проклаждатисе,

200. Вам ведь надо ехать на битву на кровалую». Возговóрили тут брателка названые: «Пирсвали мы у князя ровно три ведь дня, Пропируем-то ешшо да три часа». Как оказали, так и сделали.
205. Через три цесá да поры-времени Тут не брали они кóней богатырьских-то, Они брали только сабли вострыя, Они брали копыя богатырьския, Они брали скоро стáльни ножички,
210. Они пошли скоро из Киева; Перешли скоро за Непрь-реку́, Они нáчели тут похаживать, Они нáчели тут помахивать: Вправó-то они махали, — валилась уличя,
215. А волевó-то они махали, — валились переулоцки, Они прибили-ту всю силушку, силу-армию, Изърубили-то они да коньску гвардию. Пересчёт-от богáтырь, не мог пересчитать он, Сколько было силы набитою,
220. Горами силушки принакладено; Они копали тут могилушки глубокия, Хоронили силы чéлой месеч же. Они зашли тогда к заставы богатырьской, Отдохну́ли они от битвы от кровавой,
225. Как сами себе да гонí говóрили: «Нам ведь полно боле шататисе, бродяжничать, Мы ведь вволюшку, вволю нагулялисe, Много-много напроклаждалисe, Теперя нужно настать на жись да на хорошую,
230. Ня дела на очень чудныя». Не заходили они ко князю ко Владимиру на широкой двор, Не заходили в столовы его гривены; Князь Владимир-от ожидал же йих, Ожидал да хотел жаловать,
235. Хотел жаловать йих же, миловать. Они поехали к младóму человальничку, Отобрали у его да добрых коней, Отобрали всю ведь сброду лошадиною золочёною, Отобрали они латы богатырьския,
240. Отобрали все платья богатырьския. Они скоро-то одевалисе, Они сделались опеть богáтырьми, Они сядились на добрых коней, — Они из Киева уехали,
245. Вот уехали, не приехали. Долго йискал-то князь, разыскивал, Но не мог найти богáтырей. Той старинушки конец пришол. Чóрну морюшку на тишину,
250. Москвы-то реки на чесь, на славушку великую, Всему народу совецькому на послушаньицо, От них бóдёт-то пропеваньицо.

№ 74. ТУРЫ, МАЛЫ ДЕТОЦЬКИ

- А и как ведь и было-то у того же всё же у Чёрна моря,
 А и выбегала-то турйца одношорстная,
 А и одношорстная турица она была, однопарная,
 А и как рога были у турйцы-то золочёные.
5. А и как во ту пору, во то во само времецко
 А и выплывал-то тур, да золоты рога,
 А и выплывал-то тур, ведь и плыл он из Окиян же, славна
 острова,
- А и переплыл же он морюшко-то Чёрноё;
 А и как на этом-то на морюшке на Чёрном-то
10. А и была тихость-та стояла очунь тихая;
 А и переплыл же тут ведь и тур же, золоты рога,
 А и поздоровался с турйцей-от одношорстной:
 «А и здрастуй, здрастуй, моя матушка родимая!»
 А и как говорила-то турйца одношорстная,
15. А и одношорстная турйца, однопарная:
 «А и где-ка был же ты, тур, и где-ка, мой любимый сын?
 А и не пекло ведь три-та годичка красно солнышко,
 А и опекло меня тепере на четвёртой год, —
 А и прибежало как моё же чадо милое!
20. А и где-ка был ты, тур, да где ходил-гулял?»
 «А и я везде-ка, мать, ходил-гулял да я везде бывал:
 «А я прошол сперва как ведь, матушка, светую Русь,
 А и был-та, матушка, во славной-то каменной Москвы,
 А и был-та, матушка, ведь и я да в неверной земли,
25. А и был во земле-то я ведь и всё же во неверною;
 А Кудреянко-то царь, скажу-ка я, немилосливой,
 А и собирает-то гон ведь и силушку-ту многию,
 А и как ведь и хочот царь-то Кудреянко-то войной йитти,
 А и войной-то итти-пойти на славную Россиюшку,
30. А и на Россиюшку-ту хочет, на каменну Москву,
 А ишше хочет обратно зайти в славной Киев-град.
 А и не бывать только Кудреянку в славном Киеве,
 А и не сидеть-то царём ведь и ему да на Россиюшке!»
 «А уж ты ой еси, моё же чадо милое,
35. А и я с тобой, дитя, ведь и долго заговориласе,
 А и позабыла-то двух-то я малых-то турёнышей,
 А их побросила, оставила у Непр-реки.
 А и после тибя-то, ведь моё же чадо милое,
 А да спородила двух премладых я турёнышей:
40. А и как один-то есь тур да всё ведь брат же твой,
 А и другой-от тур ведь есь тебе родна сестрица,
 А гони маленьки у меня ешше, не на возрости.
 А и где-ка маленьки турёныши находятсе?
 А и где проводят-то сегодняшну ночку тёмную?
45. А и где ведь и туры-ти ведь и малыя ночуют-ту?»
 А и начевал-то тур с турйцею у Пучай-реки,
 А и у Пучай-реки ночевали под дубочиком,
 А и спали, спали тур с турйцею по приятному.
 А и по зорь-то как по утренней разбудилисе,
50. А и говорила тут турйца туру-ту:

- «Ай ты, тур, ты, тур да ведь и мой да золоты рога,
 А и нам пора искать ведь и малых-то ведь тóров-то!
 А и как куды-то малы тóры убежали же?
 А йих не съели ли ведь и волки, волки серые?»
55. А и как не съели ли медведи очунь страшные?»
 А переискали везде ведь и тóров, малых деточёк, —
 Не могли найти нигде ведь и тóров во темных лесах.
 А и вот побежали они ведь и скоро ко Непрю-реки,
 Э и переплыли скоро матушку-ту Непр-реку́,
60. А и подбежали они скоро ко матушки ко Непрю-реки́,
 А и вот в луга-та побежали всё зелёные,
 А и как во те ли всё во цветы, цветы прекрасная;
 А и закрычала тут турица-та одношорстная,
 А и одношорстная турица, однопарная:
65. «А и где вы, тóры, вы, тóры, малы деточки?»
 А и услышали тут-то ведь и малы, малы тóры-ти,
 Э и прибежали тут и малы, ведь и малые турёныши,
 А и возрадэли они тут об своей да родной матушке,
 А и возрадэли, что пришла же йхна матушка родимая,
70. А и убоялися они тура, золоты рога:
 «А и вы не бойтесе-ко, тóры, малы детоцьки,
 А етот тур-от всё ведь ваш брателко родимой есть».
 Не убоялись тут ведь и туры-ти, поздоровались.
 А и говорила тут ведь тóрам родна матушка:
75. «А и где-ка были вы, мои малы турёныши?
 А где начевали вы сегодняшну ночьку тёмную?»
 «А и уж мы были, родна матушка, в городе во Киеви,
 А и начавали мы у той стяны у славно у Киевской».
 «А и чого видели вы, малы мои ведь тóрочки,
80. А и во сегодняшнюю-ту видели-ту ночьку тёмную?»
 «А и мы ведь и видели, ведь матушка, светлость чудную,
 А и светлость чудную-ту видели, прекрасную;
 А и как во етой-то во светлости во чудно
 А и тут стояла-та ведь как башня-та высокая,
85. А и вот высокая-та башня городóвая;
 А и как на ету-ту на башню на высокую,
 А и как на ту ли всё на стену-ту городóвую
 А и выходила тут девица вот красавица,
 А и красота-то у ей в лица же очунь чудная,
90. А и как коса-то у ей, матушка, ведь большá же есть,
 А и прираспóшшона коса, не заплетёная,
 А и по плечам-то у ей волосы рассыпались.
 А и мы не знам-то, ведь и как матушка, какá вона,
 А не знам-то, какá она́ есть, скажем, царевна-та,
95. А мы не знаем, мати, какá она́ королевна-та,
 А не знам, она ли есь на свете, матушка, княжевна-то,
 А и во руках держит светú книгу евангельё,
 А и сама к книги-то ведь и слезно уливается,
 А и ко чудной ведь и низко поклоняется:
100. «Ах ты, чудная моя книга, светó евангельё,
 А и не видать-то будет тебе, книга, тебе свету белого,
 А и не видать тебе-то, книга, сонця красного,
 А и не видать-то тебе, книга, свётла месяца,
 А и не слышать-то тебе, книга, будет звону-ту черковного,

105. А не питья-четья тебе будёт черковного!»
 А и разрывала-то, мати, вона да тут сыру зёмлю,
 А и закапывала свету книгу евангельё;
 А и когда стала она её зарывать тогда,
 А и говорила-то вона же таковы слова:
110. «А и как не будут-то читать книга евангелья,
 А и вот не будут-то в тебя же, книга, веровать!
 А и как во ту пору, во то само во времецька
 А и будёт Киев-от ведь город во погибели,
 А и захотят-то завладеть-то йим неверныя.
115. А и не бывать-ту славному Киеву в неволюшки,
 А и сохранит его господь-то, помилуёт,
 А и как не будёт наша русьска земелюшка в погибели,
 Э и не погубить будёт царю Кудрянюку немилосливу;
 А и победят его самого, Кудрянюка-ге,
120. А и не оставят ему силушки на семена».
 А и говорила тут туряца-та одношорстная,
 А й одношорстная-то туряца, однопарная:
 «А уж вы, глупы вы мои туры, мои вы малы детоцьки,
 А и не в свиденьици ли, туры, дети, видели?»
125. «Нет, не спали мы, ведь и матушка родимая!
 А и почему же мы не спали, — было холодно,
 А и как роса была, ведь и матушка, холодная».
 «А и расскажу-то я ведь и вам же, туры малые:
 А и не стена была, скажу я, городова, —
130. А это киевской собор же, черков божая;
 А не королевисня была же, не царевисня,
 А и не прекрасная была же тут ведь княжина, —
 А и выходила из собора же вот сама вона,
 А и сама-то она, цариця-та всё небесная
135. А и она предсказывала ведь и вам же в пресказаньице,
 А и чтобы знали ведь и туры, малы детоцьки,
 А и слезно плакала-то о книги-то о евангели, —
 А и придёт времечко, пройдут же многи годицьки,
 А и позабудут-то ведь и книгу-ту евангельё,
140. А и вот не будут-то читать-то да ей побросят тут,
 А и она поетому-то закопала же во сыру землю.
 А и она поетому-то вам, туры, показаласе,
 А и сохранила-то вас от ноцьки-то, ноцьки тёмною,
 А и во светлости ее же, туры, спали тут».
145. А и побежала тогда туряца-та одношорстная
 А и со своим она со младыма со турама.
 А и вышло, вышло всё же вот виденьице, —
 А и подошел же хошь под Киев Кудрянюку царь,
 Он не мог, не мог и взеть же славно Киева,
150. Он не мог пройти во матушку каменну Москву;
 Не пропустили, победили Кудрянюка-та немилослива,
 А и не оставили-то силушки на семена.
 Славной Киев-град да сохранён же был,
 Славно матушка каменна Москва, была она во спасеньици.
155. Убежали тут туры-ти во темны леса.
 А как и Киев-град не впал в гибель он,
 Остался Киев-град да всё по старому,
 Вот по старому остался гон, по прежнему,
 Ешшо всё же он осталсе по досельному.

160. Как ведь той-то всё старинушки конець пришол.
 Как ведь славному-ту морюшку Хвалыньскому,
 Как ему-то всё на тишину великую,
 Славну Киёву-ту городу на покой ему,
 Нашу матушку каменну́ Москву на чесь-то всё, на славушку
 великую,
165. Вам, премудрым-ти людям-ти, на росписаньце,
 Как от вас-то пойдёт млáдым на рассказаньице,
 А и от йих-то ведь пойдёт на пропеваньице, —
 Про турицу-ту ведь тут же вот одношорстную,
 Одношорстную турицу, однопарную;
170. Только было у турицы, у ей, золоты рога,
 У ту́ра-то ведь, у малых — золоты рога.
 Это всё-то ведь пришло теперь конець в делах,
 Вся старинушка теперь же вся прикончена.

№ 75. КУДРЕЯНКО, ВЕДЬ ОН ЖЕ ЦАРЬ НЕМИЛОСЛИВОЙ

- А и как у того ли у морюшка у Чорного,
 А и как у камешка была всё у Латыря,
 А и у столба же было всё жа у стоячего,
 А и выбегал тут алень, да золоты рога,
5. А и ведь он ведь выбежал по ўтру, ўтру ранному,
 А и по восходу же он ведь соньца красного.
 А и увидали его да чудны рыцери,
 А и чудны рыцери увидели премлáдыя,
 А и рассказали чудны рыцери богáтырям,
10. А и все богáтыри съехались,
 А и таковому чуду чудному да дивовалисе,
 Дивовалисе, ужахалисе.
 А и как етот олень-от чудной, дивной-от,
 А и он ведь и бегал во полюшки да трóи суточки,
15. А на четвёрты стал невидимой.
 А и все богáтыри да сдивовалисе,
 Чудны рыцари млáды ужахалисе:
 «Ето к чему такó диво дивноё?
 А ето к чему такó же ведь чудо чудноё?»
20. А и знаменá какí пречусвуёт?
 А виды́ какí показыват?»
 А и много-много тут собралось людей,
 Много съехалось богáтырей
 Шьто ко славному князю ко Владимиру,
25. Ани приехали, съехались во Киев-град.
 Дивовалисе всё такову́ же чуду чудному,
 Ужахалисе они да диву дивному;
 А и посудили-поговóрили,
 Все богáтыри разъехались,
30. Млáды рыцери уехали,

- Они уехали в свои же кажной гóроды.
 Прошла времечка не три часа,
 Шьто не три часа, не три минуточки,
 Прошло времени три годичка.
35. А и к чему же видели да чудо чудноё?
 А и вот к чему же видели да диво дивноё?
 А и потому же гоні видели,
 Э и что неверной царь да Кудреянко-то,
 А и собиралсе он войной йитти,
40. Вот войной йитти на славной Киев-град.
 Собрал, собрал собака силы множесьво,
 Силы множесьво, всё шла сила-армия,
 А и сила-гармия шла да коньска гвардия.
 А и как собирал силы со многих зёмлэй,
45. А и приневолил всех королей войной йитти,
 А и как за зятём силы шло да очунь много же,
 А и как за сыном силы шло да много-то,
 За самим злодеём чїсла-счёту не было.
 А и не послал да нé дал весточки,
50. Нé дал весточки про ето князю-ту Владимиру.
 А когда пришол же царь да Кудреянко-то,
 А и он ко городу пришол ко славному ко Киеву,
 А и как ко ласкову ко кнезю ко Владимиру,
 А и князь не чал, не чал, не думывал,
55. Шьто придёт-то сила страшная,
 Сила страшна подойдёт к нему неверная.
 Подошла силá ко Киеву,
 А и перешла сила славну матушку нашу Непр-рекú, —
 А и етой силушки не сосчитать будёт,
60. Не сосчитать будёт да Пересчоту-то,
 Пересцёту-ту, дородню добру мóлодцу,
 Шьто 'ведь руському могучому богáтырю,
 А и ясну соколу-птици не облететь будёт.
 А и красно солнышко не замогло же опекасть да в славном
 Киеве,
65. Ветры буйные тут не веели,
 Э и захворали народ-люди во Киеви,
 А и князь Владимир ходил от запечалилсе,
 А и запечалилсе ходил он да весь треложный был,
 Буйну голову повесил он с могучих плеч,
70. Очи ясные его да помутилисе,
 Слёзы его горючие-ти полились из его же глаз.
 А и почему ходил князь Владимир-от у нас невесел-от?
 Буйну голову с плеч повесил-то?
 Потому ходил же князь невесел он,
75. У его же во славном Киеви,
 Э и во славном Киеви во городи,
 Вот и богáтырей некогó же не случилось,
 Э йих ведь нет, не пригодилосе.
 Э и все богáтыри розьехалисе,
80. А они розьехалисе хто куда, сказать,
 Хто уехали да на свиданьицо,
 А и на свиданьицо да в свои гóроды,
 А и повидать своих же йим родителей,
 А йиных видеть захотелось молодых же жон,

85. А новым видеть захотелось малых деточск —
 А и как тепереце во Киеви нет да не случилось,
 А и некого нет да не пригодилосе.
 А и приходил-то князь Владимир сам,
 Он и к тому ли всё ко шкапику заморьскому,
90. А и брал ведь, брал же князь туриньй рог,
 А и во туриной рог он начел тут выигрывать,
 А и вот выигрывать да вызывать же стал:
 «Йишше хто же есь у мне во Киеви богатыри,
 А и приходите-тко ко мне сечас, ко князю-ту,
95. А и вот ко князю ко Владимиру,
 А и ко Владимиру князю славному киевскому,
 А на пированьице ко мне да на весёлоё,
 А на столованьице ко мне на очень чудноё!»
 А и говорил же вот во рог же князь в перьвой же раз,
100. А и говорил князь во рог во второй након,
 А и говорил-то князь во рог да во третей након;
 А и готвечели тогда князю Владимиру:
 «Э и некого негде-то нет богатырей во Киеви,
 А и только есь один ведь Васька, горька пьяница,
105. А и горька пьяница Васька в кабаку лёжит,
 А в кабаку лёжит Васька вот на пецьки-то,
 А вот на пецьке лёжит на муравленой,
 А и с ним товаришш же есь-то вот,
 А и тот лёжит же за стойкой за кабацькою,
110. А его товаришш-от Костя Новотбрженин.
 А и предлогали йим да звали их на почесен пир,
 А отвечал за его всё млáдой человальничок:
 «А не йдут, не йдут Васька с Костей на почесен пир!
 Потому не йдут да на почесен пир,
115. А и что болят у йих да буйны головушки с похмельица,
 Опохмелитьце да йим ведь не на што».
 А и посылал же князь Владимир свет
 Он и свойих-то звать да слуг-то верных-то,
 Шьтобы шли они скорей да на почесен пир.
120. А и приходили слуги верныя,
 Они кланелись Ваське с Костёю,
 А не йдёт, не идёт же Васька на почесен пир,
 А и не пошел ко князю Костя-та;
 А и посылал же князь второй након,
125. А и не пошли-то Васька с Костёю;
 А и на третей-от раз да не послал же слуг,
 А и вот пошел, пошел ведь звать да сам Владимир князь,
 А и сам Владимир князь да стольнёкиевьской.
 А и не соболина шубочка просвётела,
130. А не красно солнышко гопекло же тут,
 Сам пришел же князь Владимир-от,
 Князь и Владимир-от да славнокиевьской.
 Он и пришел да поскорёхоньку,
 А и говорил он потихошеньку,
135. Он и ведь чесь воздал премладому да человальничку,
 А и во вторых же Васьки кланелсе,
 А и Ваське кланелсе со Костёю.
 А как ведь Васька на печи лёжал,
 На печи лёжал да он стонал же тут:

140. «А и болит, болит у Васьки-то,
А и у миня же, болит буйна́ головушка,
А и буйная головушка с похмельица!
Мне-ка не́ на что, Васьки, вот оправиться,
Не дают в долг мне же водочки».
145. А и князь-от звал-от Ваську, низко кланелсе;
Васька, всё равно он ведь тоже говорит же всё:
«Нет, болит у мя, у Васьки, буйна́ головушка,
Не владеют у миня да ножки резвые,
А и вот не служат у миня да руки белые».
150. А и тогда князь Владимир стольньекиевской,
Он и ведь брал же чарочку да он немалую,
А и вот не́малу брал он чарочку, полтора ведра,
Э и наливал он ету чарочку зелены́м вином,
Подносил он эту чарочку
155. Ишше Ваське, горькой пьяницы,
Горькой пьяницы, голи-то кабацькою.
А и почему же Васька пьяница называласе,
А и называлась она голью кабацькою?
На право́й но́ги был один опорочок,
160. А на лево́й но́ги одна-то рваная подвёрточка.
А и подносил же Васьки князь да низко кланелсе:
«А уж ты ведь выпей-ко, дородне́й добро́й мо́лодец,
А и ешше на́ имя Василей свет Ъванович!»
Пренимал-то Васька чарочку вот еднóй рукой,
165. Он еднóй рукой да своей правую,
Выпивал он ету чарочку,
А и выпивал он ведь чарочку на единой дух.
Наливал-то князь да вто́ру чарочку,
Вто́ру чарочку пива пьяного,
170. Пива пьяного ему да полтора ведра,
Подносил он Васьки, горькой пьяницы;
А и принимал-то Васька чарочку право́й рукой,
Выпивал-то он чарочку на единой дух.
Э и наливал-то третью чарочку,
175. Третью чарочку ему напиточку-ту крепького заморьского;
Э и принимал-то чарочку Васька ведь право́й рукой,
Выпивал Васька́ на единой дух.
Тогда соскóбил Васька с пещьки со муравленки,
Э и сел ведь Васька на задне́ю на лавочку,
180. Стал тут Васька поговаривать,
Зачел Васька тут пошучивать:
«А я весёлой-от сижу же, Васька ведь, вёсёл-от,
Тслько у Кости голова болит,
Голова болит, самóму нездоровитце».
185. Тут ведь и по́нел всё Владимир князь,
Догадалсе славной киевской,
Наливал он ведь и скоро зеленá вина,
Зеленá вина да полтора ведра,
Подносил-то ету чароцьку,
190. Подавал-то ей ведь Кости-то,
Как ведь Кости Новотóрженину,
Подавал ему да низко кланелса;
Принимал Костя чарочку право́й рукой,
Выпивал Костя да на единой дух.

195. Наливал-от князь-от втору же чарочку,
Вторá чарочка была да пива пьяного;
Принимал Костя чарочку правóй рукой,
Выпивал же он как чарочку на единой дух.
А и наливал-то князь да третью чарочку,
200. Третью чароцьку напитку-ту крепкого заморьского,
Подносил он тут ведь Кости Новотбрженину;
А и принимал Костя правóй рукой,
Выпил Костя да на единой дух.
Тут ведь начел Костя поговаривать,
205. Тут ведь начел разны шуточки пошучивать.
А и говорили тогда богáтыри:
«Уж ты, ласковой Владимир князь,
А и как Владимир князь да сто́льнёкиевской,
У нас нету-то платья цвётного,
210. Всё ведь пропито оно, всё у нас всё проедено,
Нет у нас же, у богáтырей,
Нету платьяца богатырьского,
Нету латов богатырьских-то,
Нету ко́ней богатырьских-то,
215. Нету сабель богатырьских-то,
Нету ко́пей богатырьских-то,
Нету палицей тяжолых-то,
Вот тяжолых нет же богатырьских-то,
Нет тугих луко́в богатырьских-то,
220. Нету стрелочок калёных-то —
Всё ведь пропито, проедено
Всё ведь мла́дому твоёму человальничку».
Тут ведь и кланелсе Владимир князь:
«Добро жаловать, богáтыри,
225. Как ко мне пойдёмте в кнеженеской двор,
С широка́ двора пойдёмте вы
Во высокие мои да свётлы гривины,
Во столовы мои горницы,
Добро жаловать вас да на почесен пир,
230. На почесен пир да во весёлой стол!»
А говорил же Васька-пьяница,
Васька-пьяница, голь кабацкая:
«А и ты поди, поди, Владимир князь,
А и ты поди, поди, славной киеской,
235. Приготовляй, собирай пиры весёлыя,
Мы ведь придем же, не замешкаемсе».
Э и вот ушол, ушол Владимир князь,
А и вот Владимир князь ушол да славнокиевской.
Э он наладил, приготовил тут
240. Все же столички окольния,
Всё ведь скатерти настлали они браные,
А и наклали кушеньей сахарных-то,
А и наклали водочок заморьских-то.
А и как идут, идут Васька, горька пьяница,
245. И йидёт Костя, ёго товаришш, тоже рваной-от,
А ребята-ти бежат да йим ведь вслед крычат:
«Вот идёт, идёт Васька, горька пьяница,
Горька пьяница, наго́ тело белоё!
Костя Новотбрженин, ведь тоже он трепóк идёт!

250. Кто бы, кто бы йим рубашку дал,
 Кто бы, кто бы йим подштаннички,
 Кто бы, кто бы йим сапожки дал!»
 А и тут не лютоё зэльё розгорелосе,
 Богатырьски-то сердца да не стерпели-то,
255. Как и хотел тут Костя Новотóрженин
 Он и ведь взеть в руки тугой же лук,
 В лук полбжить скоро каленú стрелу,
 А спустить в детей в безумных-то.
 Тут ведь не дал ему да Васька, горька пьяница:
260. «Э и нам не чесь будёт молодецькая,
 А и вот не выслуга будет богатырьская,
 Шшо богáтыри-ти слáвны руськие
 А шьто ведь дерутса с малыма ребятами!»
 Э и так пришли же дóбры мóлодцы
265. Как ко князю ко Владимиру,
 На его пришли широкой двор.
 А и тут стречал, стречал Владимир князь,
 Э и вст Владимир князь стречал да со кнегиною,
 А и со кнегиной стречал с Опраксеньёй королевисьной,
270. Они стречали, йим же низко кланелись,
 Проводили его да в свётлы гривины,
 Во столовы йих же в свётлы горницы.
 Как кнегина-та Апраксения скоро вон ушла,
 А Владимир-от князь да стольнёкиевской
275. И приказал принести йим латы богатырьския,
 Э и приказал йим ведь выдать плáтьё богатырьскоё.
 А и приоделись тут дородни дóбры мóлодцы,
 Э и приумыли свойи же лица белые,
 Приучесали кудри русыя,
280. Они пошли тогда в столовыя во гривины,
 А и во высóки кнеженески свётлы горницы.
 А и сречал Владимир, проводил же йих,
 Он и садил йих за столички окольные,
 А и на скамейки-ти садил да рыта бархата,
285. А и за кушанья садил да за сахáрные,
 А и за скатерти садил да он за браные,
 За напитокки садил да всё заморьские.
 А и стали гости тут его же всё же кушати,
 Э и как ведь белую лебёдушку стали рушати.
290. А и пировали-столовали трóи суточки,
 А и на четвёрты-ти сутки пóры-времени
 А и вынимал Васька скоро книжечку он паметну,
 А и посмотрел же он во книжочку,
 Э и говорил своёму он товаришшу,
295. Вот товаришшу, Косте Новотóрженину:
 «А и уж ты, друг, ты, друг мой, товаришш-от,
 Уж ты, Костя Новотóрженин,
 Мы сидим пируём лишно времечка,
 Пропировали мы ведь лишного три часа».
300. Э и тут вставали дóбры мóлодцы из-за столицьков,
 Благодарили они князя с кнегиною,
 А и как тогда они говóрили:
 «У нас нет свóйих кóней богатырьских-то».
 А и посылал же князь да скору грамоту

305. А и как ко млáдому человальничку,
Он и велел же скоро выдать йим добрых коней,
Как добрых коней йихных богатырьских-то;
А и уходили скоро слуги с приказаньиём,
Подавали скóры ярлычки.
310. Прочитал когда млáдой человальничок,
Отдавал йим ведь и коней богатырьских-то,
Отдавал йим ведь и сабли богатырьския,
Отдавал йим ведь и копыа богатырьския,
Отдавал йим ведь и палици тяжелые,
315. Отдавал йим и лúки скорые,
Отдавал стрелы калёныя.
Тут ведь и дóбры мóлодцы богáтыри
Э и рoспрошшались со князем, со кнегиною,
Со кнегиною Опраксеньей королевисьной,
320. А и говорили гонй да такovy слова,
Такovy слова да такovy речи:
«Благослови-ко, князь Владимир, дай благословеньица,
Нам ведь съездить на смёртной поединочок,
Нам побитьсе нужно, поборотисе
325. Ишше с тем ли царём с Кудриянком немилóсливым!»
Отвечал тогда Владимир князь:
«Тибя бог благословит, Васька, горька пьяница,
А и тебе дай бог победить врага!»
Э й тогда ведь Васька рoспростилисе;
330. А и как ведь Костя ведь пошел да на широкой двор,
А и как ведь Васька, горька пьяница,
Он и пошел на стеночку городóвую,
Вышел на ту же башню на высокую.
Э и как накладывал-та Васька, ведь направлявал
335. Он и свой же ведь-от тугой же лук,
Свою стрелочку калёную налаживал,
Он ко стрелоцьки да выговаривал,
А и сам к калёною Васька приказывал:
«А и ты лети, лети, моя же стрелочка калёная,
340. Выше лесику лети, да лесу тёмного,
А и ты лети выsóко по поднёбесью,
А и не стрели, моя стрелочка калёная,
А и не гусей не стреляй да белых лёбедей, —
Ты пади, пади, моя стрелочка калёная,
345. Э и во шатёр пади-ко во неверной-от,
Во неверной-от шатёр пади в орабской-от,
Застрели самóго-то царя Кудреянка немилóслива!»
А и вот спускал же Васька скоро стрелоцьку,
А и загремела-то стрелка, зашумела-то,
350. Высоко она летела, стрелоцька, во необышко,
Э и вот из необышка попадала стрелоцька,
Она не падала, стрелочка, в Черно морё,
Не падала стрелка во Пучай-реку́,
А и не в Пучай-реку́ она, не Непр-реку́,
355. А и как не падала стрелочка на тихия на заводи, —
От ведь пала стрелоцька калёная,
Розлетелась она в шатёр да всё в тотарьской-от,
А и вот в татарьской шатёр, в орабской-от,
Она падала царишшу-ту Кудреянку ведь во серьцо,

360. Тут царишшу Кудреянку скоро смерть пришла.
А и тут сбегает Васька с башни со высокою,
А и вот со той ли стеночки крепкой да городовой,
Они садились, богатыри, на добрых коней,
Вот поехали в чисто поле.
365. Тут не лютоё зельё разгорелосе,
Богатырьски-ти сердца да ростреложились,
Могучй йихны плечи шевелились,
Лепетá в лица у них перемениласа,
Они начели тут, богатыри, поежживать,
370. А невёрну силушку побивать начели:
А они вправо-то махали, — валилась улица,
А и во леву-ту руку отмахивали, — чёлы переулочки.
Они бились, воевали же
Три-то месяца прошло да поры-времецка,
375. Добры кони богатырьски утомились,
Добры мóлодцы из силушки повыбились, —
Йихна силушка подходит всё да приближается.
Как убили-то Кудреянка царя немилóслива,
Вот убили и его зятя любимого,
380. Вот убили и его сына любимого.
А и тут не óблачка ясны показались,
А и все богатыри приехали,
Все же киеськи нагрянули;
Тут ведь вот не буйны ветры тут ведь дунули,
385. Они начели ведь битсе всё, боротисе,
Вот побили силу страшную царя же Кудреянка-та,
Кудреянка царя да немилóслива.
А и как потом же йим взмолились
Короли же все же, королевичи,
390. Иише князи все, кнежевици:
«Уж вы ой еси, русьски сильния богатыри,
Кудреянкoва ведь силушка да вся лёжит побитая,
Ета силушка восталась наша-та.
Не губите силы по пустому-ту,
395. Вы оставьте силы нам хошь вот и на сéмена!
Мы ведь и платим вам ведь дань же, пошлину,
Дань-ту, пошлину, да сколько надобно».
А и подписали все короли же, королевичи,
Подписали все же князи-ти, кнежевици, —
400. Тут ведь скоро и война закончона,
Шшобы не ездить боле королям да на светую Русь,
Не нападывать на славной Киев-град;
Тут короли же все да ужжали-то,
Ужжали, заклинались:
405. «Нам не дай бог болече бывать на светой Русй,
Нам не дай бог боле видать киеських богатырей,
А и как богатырей-то сильних же!»
А и тогда все же киеськи богатыри
Хоронили силу три-то годицька;
410. Когда силушку да захорóнили,
Как тогда поехали во славной Киев-град, —
Осмотряли всю заставу богатырьскую,
А и вся заставушка у йих была да по приятному,
А и богатырьска по хорошему, —

415. Тогда поехали во славной Киев-град.
 Как стречал, стречал Владимир князь,
 Он и стречал тогда да низко кланелсе,
 Собирал-то пир весёлой-от;
 Пированьицо пошло тогда,
420. Пировали-столовали три годоцика,
 На четвёртой разъезжались.
 Он дарил, дарил да Ваську, горьку пьяницу,
 Он и ведь с Костёй Новоторженин,
 Он и поднёс йим ведь и по миске красна золота,
425. По другой же миске чиста серебра,
 По третьей же миске драга жемчуга,
 Приносил йим камня самоцветного, —
 Тут ведь не взяли дородни добры молодцы:
 «Нам не надоть, князь, да красна золота,
430. Нам не надоть, князь, да чисто серебра,
 Нам не надоть-то, князь, да драги камешки,
 Нам не надоть-то драгой жемцуг-от, —
 У мя есь, ведь у Васьки, всё оставлено
 У моёго у отца же всё, у батюшка,
435. У моей родимой матушки».
 А и Костя тоже сказал князю-ту:
 «У мене есь же всё йименьица,
 Как довольнё у родимой есь у матушки;
 Как приедём мы во Киев-град,
440. Ты позволъ только безденёжно пить да зеленó вино».
 Тут со князем со Владимиром богатыри прошшались,
 Со кнегиною богатыри низко кланелись,
 Как поехали богатыри;
 Васька-пьяница уехал он,
445. А и он уехал в Острахань, да в славной город свой,
 А как Костя, он уехал всё же во Нов же град,
 Он во Нов же град да к родной матушке —
 К родным матушкам уехали повидатисе.
 А и той старинушке конец пришол.
450. А и Чорному-ту морюшку на тишину,
 А и Москвы-реки на чесь, на славушку великую,
 А и как всёму нашему народу-ту советьскому,
 А и йим ведь всем идёт на пропеваньицо,
 А от них вперед пойдёт на росказаньицо.

№ 76. КОСТЯ НОВОТОРЖЕНИН

- Э и как во славном было во Киеве,
 А и собирал-то Владимир он почесен пир,
 А и он почесен пир сбирал да и вот на весь на мир.
 А и как ведь ко князю-ту на пир ведь же все съезжалисье,
 5. А и вот съезжалисье ко князю все, скоплялисье,
 А и пированьицо-то было очунь весёлоё,
 А и пировали-столовали трби суточки;

- А и на четвёртой-от день, ведь и день да поры-времени
 А и все богатыри во Киеве разъехались,
 10. А и вот разъехались вот гони по разным сторонам,
 А и только в Киеве всталисе одны премладые богатыри.
 А и как во ту пору-то, во то времечко
 А и што не тёмна-та ведь туча накаталася,
 А и как гроза, гроза пресильня подымалася,
 15. А и подошел войной ведь царь, братцы, арапской-от.
 А и много-много пришло силы, скажом, армии,
 А и от того ли вот всё от пару лошадиного
 А не запродували-то во Киеве ветры буйные,
 Не запекло-то всё во Киеве красно, красно солнышко,
 20. А и все народ-то, люди разболелисе,
 А и разболелисе народ-люди, расхворалисе.
 А и што не вёшна-та вода вот разливалася,
 А и еще сила-та вся арабска подходила-то;
 А и подошла ета силушка она очунь близко-то ко Киеву,
 25. А и вот ко ласкову ко князю она Владимиру,
 А и запырал-то князь он ворота городовые,
 А и укрепил-то гон ведь и крепко гочунь накрепко.
 А и сам-от ведь князь ето у нас Владимир призадумался,
 А и призадумался-то князь-то, приростужился:
 30. «А и у мя в Киеве-то богатырей не случилось,
 А и млáдых рыцарей у мя не пригодилосе.
 А и хоть есть у мя во Киёве богатыри,
 А и не надеюсь я на них, князь, вот не думаю:
 А и хоть есь у мя Гаврилушка Долгополой-от,
 35. А и во полах долгих Гаврилушка запутается,
 А и потерят-то по напрасному буйну голову;
 А у мя ведь и есть-то всё Гришка, сын боярьской-от,
 А и он ведь роду-то боярьского, хвасливого,
 А и потерят-то понапрасно буйну голову;
 40. А и гу мя есть ведь и Вáнюша Залёшенин,
 А и Ваня роду-ту есь, роду-ту всё есь королевского,
 А и потеряет у мя Ваня же голову понапрасно он;
 А и как есь у мя ведь и Васька-то, дворяньской сын,
 А при битвах вот, во подвигах-то не бывал никак.
 45. А и вы уж ой еси, мои же слуги верные,
 А и обходите-тко, объездите славной Киёв-град,
 А и кажду улицу во Киёве просмотрите всё,
 А и ешше нет ли всё во Киеве богатырей,
 А и ведь и их нет ли всё во Киеве-те, понаехали?
 50. А и не сидят ли всё в моих же бóльших кабаках?
 А и вот не пьют ли гонí всё зеленá вина,
 А и зеленá ли всё они вина да пива пьяного,
 А и пива пьяного а гонí жо, мёду сладкого?»
 А и посылал-то князь да Владимир слуг ведь верных-то
 55. А и вот объехать-то да осмотря́ть же славной Киёв-град.
 А и его-то слуги жо тогда же не ослышались,
 А и они брали-то скоро вот добрых коней,
 А йонí поехали по городу по Киеву.
 А и вот объехали ведь и весь же славной, славной Киёв-град,
 60. Э и не нашли-то никого гонí из богатырей.
 А и вот пошли в княженецьки слáвны кабаки,
 А и в кабаках-то всё нашли, много всё сидит,

- А и много всё сидит ведь и голи-то кабацкойё,
 А и гонй пьют сидят ведь и всё же зеленó вино.
65. А и говорили тогда жо слуги княженеськия:
 «А и уж вы ой еси, ведь и голь, да голь кабацкая!
 А вы ни жалáиги ли вот на скорой бой,
 А и вот на скорой бой ведь и ехать, на поединочек?»
 А и говорили-то вот ведь слуги во перьвой же раз,
70. А и говорили-то вот слуги во второй же раз,
 А и говорили тут ведь слуги-то во третей же раз, —
 А и из-за той ли вот из-за стоечки кабацкойё
 Восскакал-то на резвы ногй доброй мблodeц,
 А и доброй мблodeц, тая жо голь, да голь кабацкая,
75. А и ишшо нá имя был жо Костя был Новотóрженин
 А и со своей ли со дружиночкой любимой,
 А и как с тымá ли со своей ли со голью со кабацкойё.
 А и тут ставал, ставал Костя на резвы ногй:
 «А и вы уж ой еси вы, слуги княженейския,
80. Вы ведь йшшите вы ведь и ездиге богáтыри, —
 А я ведь рад-то, ведь рад сослужить ведь службу верную,
 А и службу верну сослужить ведь вот неизменную,
 А и постоять ведь и за славной, да славной Киев-град,
 А и как за ту ли всё за веру, веру-ту христианскую,
85. А и за соборы-ти, за храмы, церьквы божия,
 А и как за всё за те ли монастыри спасёные,
 А и за самогó-то всё ведь за князя вот Владимира.
 А и у меня-то, у Кости, нет да не случилось,
 А и у мян нету-то, у Кости, латов богатырьских-то,
90. А и у мян нету вот платья, ведь и платья богатырьского,
 А и у мян нету коня жо богатырьского,
 А и у мян нету-то и копя гострого богатырьского,
 А и у мян нету сабли-то вострой богатырьской, —
 Э и я ведь пропил, промотал да всё добрá коня,
95. А и проиграл-то всё ведь и платьицо богатырьскойё
 А и как во ту ли я игру, в игру во шахматы;
 А не один-то же, Костя, был же я богáтырь я,
 А и у меня-то было да дружиночки хоробрую,
 А и у мян-то пятнадцеть-то ведь было всё богáтырей, —
100. А теперь-то не знаю-то, все куда у мян разъехались,
 А и теперь надоть-тко Кости одному итти.
 А и набрать-то я могу дружиночку хоробрую,
 А и двенадцать-то цоловёк голи кабацкойё,
 А и вот кабацкойё-ту голи, всё посадьскойё».
105. А и тут видь слуги-ти княженецкие призадумались,
 А и вот задумались гонй же, запечалились,
 А и они повесили буйны головы с могучих плеч,
 А и выходили с кабака вон княженеського;
 А и приходили, приезжали они ко князю всё,
110. Э и вот ко князю-то приходили всё к Владимиру,
 А и говорили-то они всё ведь и про Костю Новотóрженина.
 А и говорил-то вот Благодимёр князь стольнокиевской:
 «А и пойдиге-тко вы, удалы дóбры мблodцы,
 А и вы зовиге, вы зовиге Костю да низко кланяигеся,
115. А и как того зовиге Костю Новотóрженина
 А со его ли всё со дружиночкой хороброю».
 А и вот пошли-то, поехали слуги верные,

- Они ведь звали-то ведь Костю Новотóрженина
 А со его ли со дружиночкой хороброу
120. А они звали ёго жо, низко кланялись.
 А и скоро-скоро тут же Костя соби́ралсе он,
 А и со своей ли шол со дружиночкой хороброй,
 А и он шол, да и вот шол жа да ко князю-то,
 А и ко его ли ко палатам княженеским-то.
125. Вот встречели-та, стречели голь кабацькую,
 А гоні стречели-то ведь и йих же, низко кланялись.
 А и когда-то в палаты зашли ко князю Костя-то,
 А и вот встречал, стречал Владимир князь, низко кланялсе.
 А и видит князь-то всё Влагодимер, он увидел всё, —
130. А и вот Костя ешо-то, скажом, Новотóрженин
 А и со своей всё со дружиночкой хороброу
 А и пришли вот всё, надо сказать же, полуна́гима;
 А и приказал-то князь Владимир скоро выдать им,
 А и скоро выдать-то йим-то пла́тьё богатырьскоё,
135. А белёл-то выдать-то ведь и латы богатырьские.
 А и скоро-скоро-то Костя Новотóрженин
 А и приделисе во платьице богатырьскоё,
 А и вот пошли, пошли-то в палаты княженеские.
 А и йих стречал-то князь Владимир, низко кланялсе,
140. А и проводил-то йих в палаты в княженеские,
 А и вот садил-то йих за столички окольные,
 А и как за те ли всё салфеточки заморские,
 А и на скамеечки-то садил же рыта бархата,
 А и вот за кушанье садил он за сахарные,
145. А и вот за напитки садил ведь йих за разные.
 А и подносил-то князь-то йим Влагодимер йим ведь різны-ти
 слáдки водочки,
 А и подносил-то ведь им же, низко кланялсе.
 А и пировали-столовали чёлы суточки.
 А и как по ўтру-ту ведь и было, ўтру ранному,
150. А и по восходу-ту ведь и всё же сонця красного,
 А и тут ставал, ставал ведь Костя-то Новотóрженин,
 А и он смотрел, смотрял во книжечку свою же он,
 А и во свою-то книгу смотрел же он во па́метну,
 Говорил тогда же Костя таковы слова:
155. «А и уж ты ой еси, моя жа всё дружиночка хоробрая,
 А и вот хоробрая дружиночка, голь кабацькая,
 Э и голь кабацькая, да всё же вот посадьская!
 А и чельый час-то ведь мы лишна проклаждаемсе,
 А и как пора, пора ведь и нам жа собиратисе,
160. А и как со царишном-то ведь и скорой бой дёржать.
 Уж ты, ласковой Владимёр стольнокиевской,
 Нам ведь надо всё добры коні,
 Добры коні богатырьские, —
 У нас свои-те все да добры коні,
165. Они проиграны да всё пропиты
 Вашему млáдому человальничку».
 Приказал-то князь Влагодимер свет
 Отдать, выдать-то человальничку
 Йихних всё да добрых коней,
170. Дóбрых кóней-то всё статных богатырьских жо,
 Велел выдать-то всю сброду золочёную,

- Велел выдать-то сабли вострые,
 Велел выдать-то копя востры, богатырьские,
 Велел выдать-то палицы тяжолые.
175. Скоро, скоро было выдано;
 Они взяли своих коней богатырьских-то,
 Они взяли всё оружие богатырьское,
 Они садились на добрых коней,
 Они с князем-то распрощались,
180. Скоро-скоро они поехали,
 Как поехали дорожкой-то не городовой,
 Они скакали через стены городской,
 Переезжали славному Непр-реку,
 Они очудились скоро во чистом поле,
185. Во чистом поле, да всё у той ли силушки у неверной.
 Осмотрели, оглядели всю ту силушку неверную, —
 Тут ведь много было силы богатырьской,
 Богатырьской царя да всё арабского,
 Много было тут да силы-армии,
190. Силы-армии да коньской гвардии.
 Костя-то поехал в руку правую,
 Яго дружиночка-то поехала в руку левую.
 Долго билисе они да всё боролисе,
 Утомилисе ихны кони богатырьские,
195. Приустали ихны ручки белые, —
 Они билисе-боролисе три-то месяца поры-времени.
 Много силушки приходило же,
 Приходило, помогало же
 Из других да всё земелюшек, —
200. Как прибил-то, прибил всю силушку неверную
 Ещё всё славной богатырь Костя Новоторженин,
 Яго дружиночка-та, голь кабацкая.
 Царь арабской ужаснулся же,
 Побежал да на убег же он,
205. Он бежит да заклинается:
 «Мне не дай да боле бог бывать да на святой Руси,
 На святой Руси да в славном Киеве!
 Мне не дай бог боле видети
 Русьских сильных-то богатырей!»
210. Побежал же да на убег же он;
 Догонил-то Костя Новоторженин,
 Отрубил ему да буйну голову.
 Вырывали они могилоцки глубокие,
 Хоронили ли всё силу арабскую;
215. Сила всё была арабская,
 Она горами была наложена,
 Серьма камешкама завалена.
 Как во ту пору, во то время
 Как поехали дородни добры молодцы,
220. Ешшо русьские могучие богатыри,
 Они увидели да чудо чудное,
 Чудо чудное да очунь дивное;
 Говорил да Иилья Муромець,
 Иилья Муромець сын Иванович:
225. «Много-много ездил я по чисту полю,
 Такова-то чуда дивного не видывал!

- Много-много было той силушки
 У царя-то всё арабского,
 Он ведь много-то заgrabил
230. Как тогда да всё разных земель».
 Покрестовался с Костей крестами да Илья Муромец,
 С Костей крестами однозолотными,
 Как тимá ли перстнями золочёныма.
 Отдохнули тут богатыри
235. Со подвйгов тут, со битвы-то,
 Тут поехали богатыри
 Во славной город-от во Киев,
 Как ко ласкову-то ко князю ко Владимиру;
 Как стречал-то князь да низко кланялсе,
240. На такой-то большой радости
 Сбирал-то князь почестен пир
 Как для Кости Новотóрженина,
 Для его храбрóй дружиночки.
 Пировали-столовали трóи сутокки,
245. Говорил тогда Владимир князь:
 «Тебе спасибо вот, дородни дбры мблодцы,
 А и как ведь и русьские могучие богатыри!
 А и как за вашу-ту за службу-ту за верную,
 А и как за вашу-ту за услугу молодецкую»
250. А и я сегодня, князь, хочу, да хочу жаловать,
 А и хочу жаловать вас, князь, да вас и миловать, —
 А и вы берите-тко у меня вот золотой казны,
 А и вот берите у меня же да чиста сéребра,
 А и вы берите да-тко у меня же драга жемчуга,
255. А и вы берите из обудочки, одежды-то!»
 А и говорил тогда ведь и Костя-то Новотóрженин
 А и со своей же гон дружиночкой хороброу:
 «А и как спасибо, князь Благодарим, на великой милости,
 А и на большой жа на твоей жа, князь ведь, жалости!
260. А и мне не надоть нам, ведь и князь, золотой казны,
 А и мне не надоть, князь, ведь и чистого-то сéребра,
 А и мне не надобно драга жа, драга жемчуга, —
 А и красно золото сейчас же нам не к надобью,
 А и чисто сéребро вот не откупатисе,
265. А и только дай-ко, князь, ведь и нам же позволеньице
 А и ешше пить жо безденежно да зеленá вина,
 А и зеленá-та вина пить жа, пива хмёлньёго.
 Не для меня-то, князь, вонó — для дружиночки:
 А и не хочу я больше, Костя, пить зеленá вина,
270. А и не хоцю-то пить, ведь и Костя, пива пьяного.
 А и уж ты мне дай-ко, мне-ка, князь, всё позволеньица,
 А и позволеньица да дай же-ко, разрешеньица,
 А и мне съездить, Косте, вот на родину,
 А и вот на родину-ту съездить к рóдной матушке,
275. А и к рóдной матушке мне съездить повидатисе!»
 «А и ты откуль, да откуль, Костя, да родом-племенем?»
 «А и если хочется-то, князь-то, знать про родину,
 А и про моёго-то отца жо, скажем, матушку, —
 А и я ведь родом-то, скажу же, из Новá-градá,
280. А и у меня был родитель, вотець-батюшка,
 А и он богатырь-от ведь и был да очунь сйлньей-от,

- А и вот нехто́, нехто́ да вот не мог да победить его;
 А и вот нечаянно в осе́нне время напали-то
 А и как та ли всё дружиночка вот и князя, скажу, Чернигорского,
 285. А и погубили-то моёго-то отця-батюшка.
 А и я от батюшка встался вот малёшенёк;
 А и вот возростила меня же родна матушка,
 А и обучила меня она поездкам всё богатырьским-то,
 А вот подвигам-то она же сильным рыцарским.
 290. А и я живу, Костя, во Киеве не день, не два,
 А и я живу, Костя, во Киеве двенадцать лет;
 А и вот очистил да все же дорожечки проезжие,
 А и я очистил красной Киёв от погибели,
 А и не пропускал-то всё неверной силы в каменну́ Москву,
 295. А и каменну́-ту вот Москву да к самому́ Кремлю́.
 А и подавал тогда Владимир князь подарочки:
 А и подавал-то ему шубу-то соболиною,
 А как на етой-то было шубы-то соболиноё
 А и как три-то пуговики-то было всё заморьские, —
 300. А и пёрва-та пуговка бывала во пятьсот рублей,
 А и втора́ пуговка, бывала она во тысячу,
 А и третьей пуговики у шубочки чены не было;
 А и он дарил, дарил вот и шляпочку пуховую,
 Вот и пуховою-ту шляпочкой заморьскою;
 305. А и вот дарил и вот дарил ёму кушак персийской,
 А и кушак персийской да из семи шолков;
 А и тут дарил, дарил ёго жо золотым перстнём,
 А и золотым перстнём со ставочками да дорогого всё ведь
 камешка;,
 А и на дорогу он давал ему золотой казны.
 310. А и вон дарил, дарил ёго да всё дружиночку.
 А и вот тут стал Костя прошшатисе,
 А вот со князём всё со Владимиром расставатисе.
 А и тут поехал у нас Костя-то Новоторженин,
 А и со своей он поехал со хороброю дружиночкой.
 315. А и мать сыра́ земля тогда да вот колыбаласе,
 А и из морей, из рек вода вот разливаласе,
 А и ишше пеньицо-кореньицо ломаетсе,
 Как леса-ти тёмны все да шатаютсе.
 А и вот ехали дородни-ти добры мблодцы,
 320. А и ешше русьские могучие богатыри,
 А и вот приехали они скоро ко Дунай-реки́.
 А и тут стоит, стоит ведь и силы много всё неверною,
 А и ета шла, ведь и шла силушка на светую Русь,
 А и на светую она Русь, да в каменну́ Москву.
 325. А и долго-долго-то богатыри боролисе,
 А и долго-долго-то богатыри тут ведь билисе,
 А и вот побили гони силушку неверною,
 А и вот очистили матушку всё же каменну́ Москву,
 Они же очистили её ведь и всё же от погибели.
 330. А и как поехал тут ведь и Костя Новоторженин,
 Как во славной-то поехал он во Нов же град.
 А и приезжал скоро́ с дружиночкой хороброю,
 А и он заехал к своей жо матушке к родимой он,
 А и его матушка родима зрадоваласе,
 335. А и зрадовалася-то мать, вроде как будто помолодиласе.

- А и тут пошли, пошли пиры у них весёлые,
 А и тут много-то гостей же было съехалось,
 А ещё и тут ведь и русьских могучих, сильных богатырей,
 А ище тех ли всё ведь и рыцарей премладых-то,
 340. А и много-много было голи-то кабацькой,
 А вот кабацькой-то ведь и голи, всё посадьскою.
 А ище той же вот-то старинушке конец пришол.
 А и еше морю-ту славному Хвалынскому на тишину,
 А и Вóлху-реки-ту всё на вспоминаянцо,
 345. А и как матушки жо у нас же каменнóй Москвы
 А и будет тут ведь честь-слава великая.
 А и вам ведь и всё, учоны люди, на прописаньицо,
 А и как от вас пойдёт премладым на пропеваньицо, —
 А и как ведь млáды-ти будут люди пропевать её,
 350. А и пропевать-то будут все ету старинушку,
 А и вот старинушку-ту будут про стáро времечко,
 А и как про тво ли всё про Костю Новотóрженина,
 А и про его-то всё ведь, скажем, про дружиночку,
 А и как про тех ли всё про голь, про голь кабацькую.
 355. А и говорил-то всё же Костя Новотóрженин:
 «А не целовека-то почитáют, не его же все,
 А почитáют-то ведь и все же красно золото,
 А и красно золото почитáют, чисто сéребро, —
 А и захотелось мне-ко, Косте, вот пожить, пожить же голью
 кабацькою.
360. А тепере ведь как и Костя вот не хочет-то,
 Вот не хочет больше жить голью кабацькою,
 Костя хочет сейцяс жить да всё богатырем;
 Очищать-то буду всё же я каменнóу Москву,
 Каменнóу Москву я буду же, Нов же град же свой,
 365. Очишшать буду Казань-город, Резань,
 Ешшо славной-от я город, славной Киев-град же я».

№ 77. ПРО ВАСИЛЬЯ БОГУСЛАЕЧА

- А и как ведь и было вот всё в Новóградѣ,
 А и как ведь и жил-то князь Богуслай девяносто лет,
 Да ведь-та жил-то Богуслай князь, не славился,
 Вот не славился же князь да он преставился.
 5 Да оставалась у него же вот любá семья,
 А вот любá его семья, да пожила вдова,
 Э и ешшо та ли кнегина-то дочь эта дочь Васильевна,
 Оставалось у его же чадо милоё,
 Чадо милоё его же, всё любимоё,
 10. Ишшѣ нá имя Василей Богуслаевич.
 Он ведь осталсе от батюшка молодёшенек,
 Он ходил, ходил гулял да всё на улоцку,
 Как на улоцку гулял ходил с ребятами;
 Он немáлы-та же шуточки нашучивал,

15. Как заводил с детьми ведь и всё же он бѣи-ти,
Он и ведь и их-то становил да всё рядами-ти,
Как рядами-ти становил их да всё полками-ти,
Сам ведь и с йма-ти держал да бой великой он.
Как ребята-ти, как и дети-ти ведь малыя,
20. Не могли-то стоять с Васильём Богуслаевичом:
Кого за голову ухватит, — бѣлит головушка,
Кого за руку-ту хватит, того рука болит,
Кого за ногу-ту хватит, того нога болит.
Тут прибежали-то дети малыя, расплакались,
25. Как своим-то готцам-матушкам розжалились.
Отцы-матери-та йхни растреложились,
Вот пошли, пошли они тогда да с жалобой
Ко тому ли-то всё ко князю новгородскому;
Подавали они скоро ему жалобу,
30. Они жалились на Василя-та Богуслаевича:
«Ййсли не уймѣшь его да не скротѣшь же, князь,
У нас дети будут всё да нездоровья,
Нездоровые да всё уродами».
Говорил князь йим да такѣ слова:
35. «Вы сходите-тко к его же рѣдной матушке,
Она, может быть, уймѣт его, не выпустит».
Как пошли тогда мужики-ти новгородские,
Приходили-то к васильѣвой к рѣдной матушке,
Росказали, что ведь князь да не велел спускать.
40. Отвечала тогда васильѣва рѣдна матушка,
Прическа вдова Авдотья-та дочь Васильѣвна:
«Уж вы ой еси, мужики же новгородские,
Не огрубляйтесь на моѣго-тѣ чада милого,
Как на молода-то Василья Богуслаевича!
45. Не спущу же я своѣго-то чада милого,
Чада милого своѣго-то я, любимого».
Ана садила тут мужиков да за столы свои,
Угошшала их ѣствами-ти разныма,
Вѣт поила йих ведь и разныма напиткама;
50. Спровожала она тут гостей с чести, с радости, —
Пошли гости-ти мужики ведь и все весѣлые.
Не спускала своего она да чада милого,
Чада милого, Василья-то Богуслаевича,
Не выпускала его на улочку погулять сходить, —
55. Засадила-то чада милого во горницу,
Замыкала его на замочки-ти заморьские.
Тут сидел-то всё Васильюшко Богослаевич,
Он гледел, гледел в окошечко косището,
Как ведь и шли народ по городу, где ехали, —
60. Увидал-то гон, пошли же голь кабацкая,
Голь кабѣцкая пошли они, посадьские,
Отворят-то тут Васильюшко окшочко,
Говорит-то тут Васильюшко гѣли кабацкою:
«Уж вы ой еси, голь моя да всё кабацкая,
65. Раньше были вы, ребята, мне дружьями-ти!
Я ходил же с вами, ребятушки, разгуливал,
Я ведь и с вами-ти разны шуточки пошучивал,
И новых-то я, ребятушка, вас досаживал,
А вы не ходили-то под суд вот под княжеской,

70. Вы не жаловались моей же родимой матушке,
Проводили всё, ребятушка, за шуточку!»
Тут кинал-то йим Василей Богуслаевич,
Он кинал ребятам много чыста сѣребра,
Он кинал робятам тут да красна золота;
75. Тут ведь и забрали деньги скоро голь же вот кабацкая,
Вот кабацкая-та голь же, всё посадьская,
Они кланелись Василию-то Богуслаевичу,
Они с Васильюшком тут жо роспрошшались.
Закрывал скоро окошочко Васильюшко,
80. Он ведь с горя-та, с печали скоро спать же лег,
Скоро спать-то лег на кроваточку, заснул же тут.
Тут немного голь кабацка-та долго думала,
Заходила голь кабацка во кабаки,
Вот во кабаки заходила в кнеженеския,
85. Они напились-то много тут же зеленá вина,
Напились они тогда да приросспорились.
Приросспорились они да придрались же все —
Скоро выгнали из кабаков голь кабацкою.
Уж пьяна-та голь же вот кабацкая,
90. Завели-то шум великой они в городи;
Как во тó пору, во то же сáмо времечко
Пробудилсе-то Василей Богуслаевич,
Услыхал-то стон да ведь и гам во городи.
Он немного тут, Василей, разговаривал,
95. Он сорвал, сорвал замочки-ти иностранныя,
Выбегал же вон из горницы высокия,
Не могла-то задержать его рóдна матушка,
Не могла-то ведь и его же всё прислужница.
Тут хватал у нас Васильюшко-то вяз-то он,
100. Брал ведь вяз же во своём двори,
Побежал же он на улицу да новгородския,
Увидал же, что идёт драка превеликая,
Как ведь и бьют-то, бьют ведь всё же голь кабацкою.
Вот не люто тут зѣльѣ разгорелосе,
105. Богатырьско-то серьцо растреложилось,
Лепетá его в лица перемениласе,
Могучí плечí вот шевелилисе:
Он ведь и начел тут везóm же всё помахивать,
Вот помахивать-то начел он, похаживать:
110. Как вправó-то он махнёт, — валилась улица,
Волевó-то отмахнёт, — так переулочки,
Розметал-то всего народу-то в Новѣградѣ,
Освободил-то он всё же голь вот кабацкою.
Он сказал, сказал ведь и голи-то кабацкою:
115. «Вы пойдите-ко, ребята, отдыхать сейчас,
Вы ведь больше-тó, смотрите, не треложтесь-ко!
Если не я бы вас спас, так все бы погинули».
Тут послушалась-то голь же всё кабацкая,
Розошлись-то все они да отдыхать тогда.
120. Тут боярам-то, дворянам за беду пришло,
За великую насмешечку показалосе,
Как ведь и зáchели говорить князю забрать его,
Как забрать его, Васильюшка Богуслаевича:
«Засадить-то ведь и его надоть в тёмну тёмницу!

125. Не засади́шь же, князь, его же в тёмну тёмницу,
Он наделает тебе же большой гибели».
Приказал-то князь тогда новгородской-от
Забрать-то ведь и Василья Богуслаевича,
Засадить-то ведь его же в тёмну тёмницу.
130. Скоро, скоро-то поимали дѳбра мѳлодца,
Как того ли всё Василья Богуслаевича,
Засадили-то его вот в тёмну тёмницу,
Его опутали во пѳтани шелкѳвые,
Вот задѳрнули в арганы-ти во железныя,
135. Как сидел-то доброй мѳлодецъ ровно три же дня.
Его матушка родимая слезно плакала,
Она мочила-то своё же лицо белоѳ,
Она портила свои же очи ясныя,
Она скорбила-то, печалила ретивѳ серыцѳ;
140. Как ведь и клала-ту она миску красна золота,
Как вторѳ-тс клала миску чѳста сѳребра,
Как третьѳ-та клала миску драга жемчугу,
Она оделасе, пошла ко князю-ту с подарками.
Заходила гонá скоро на кнеженескѳй двор,
145. С широка́ двора она пошла по новым сеням,
Со новѳх сенѳй пошла во горницы кнеженескѳкия,
Заходила-то в столовыя во горницы,
Она крестила-то своё же лицо белоѳ,
Как ведь и кланелась-то князю новгородскому,
150. Подносила-то ему подарочки дорогѳ, подарила она:
«Премѳ, премѳ подарочки от меня же, князь,
Вот позволь-то мне тогда слѳва сказать.
Вот слѳва тогда сказать да речь повиговорить,
Мне без той ли всё без казни скорыя,
155. Мне без той ли всё насмешочки великою,
Мне без той ли всё насмешочки немалою!»
«Говори-ко-се, кнегина, чего надобно,
Тебе всё-то вот во всѳм будѳт простительнѳ».
«И вот ты выпусти моѳго-то чада милого,
160. Чада милого моѳго, всё любимого,
Как того ли всё Василья-то Богуслаевича!»
Говорил тогда ведь и князь новгородской ей:
«Уж я рад бы отпустить, да всё смотри в делах, —
Всѳ же жалобы на него да каждой день идут.
165. Я ведь и выпущу, ослобѳжу твоѳго чада милого,
Как того ли всё Василья Богуслаевича».
Вот не взял, не взял же князь же с ней подарочков:
«Мне не надобно, кнегина, твои подарочки,
Тебе самой оно же всё, смотри, пригѳдится».
170. Выпускал-то князь ведь и скоро ее же чадо милого,
Молодого-то Василья Богуслаевича,
Как садил его ведь и князь его за столички
Да хотел, хотел собирать да он весѳлой пир;
Не осталсе тут Василей Богуслаевич,
175. Роспрошталсе он со князем со новгородским-то,
Он пошел домой, со своей пошел с родимѳю со матушкой,
Как ведь дома-то поел, попил, покушал-то,
Как ведь лег тогда Васильѳшко отдыхать-то, спать.
Через сutchки-то было поры-времени

180. Собирает-то князь ведь пир да он весёлый стол,
Э и да во перьвѣх-то он звал Василья-то Богуслаевича:
А и во перьвѣй-от раз звал, да не пошел же он;
А и на второй-от раз ведь и звал, дак не пошел же он;
А и на третѣй-то раз ведь и звал, да говорил же он:
185. «Если приду я, Васильюшко, на почесен пир,
На пиру-ту ведь у князя будут все сидеть,
В пированьице-то гости прирасхвастанутсе, —
Мне-ко тоже, Васильюшку, не всё сидеть,
Как не всё же мне сидеть, чтобы чего не молвить-то».
190. Как сказал тогда Василей Богуслаевич:
«Ну ведь и ладно-то, приду я на пир ко князю ко
новгородскому».
- Они ушли же скоро, слуги князевы,
Говорила-то Васильюшку рѣдна матушка,
Прическа вдова Овдотья-то дочь Васильевна:
195. «Не велела бы тебе я, чадо милое,
Вот ходить, ходить на пир да всё ко князю-то,
Во хмелюшечки ты, чадо, беспокойноѣ,
Потеряешь по напрасному буйну голову,
Буйну голову понапрасно в молодости».
200. Отвечал-то тут Василей Богуслаевич:
«Не тужи-ко, моя матушка родимая,
Хоть на пир-то я пойду, да не напыюсь вина,
Не напыюсь-то я вина да пива пьяного».
Тут Василей-от Богослаевич вставал же он,
205. От ставал-то он со стула рыта бархата,
Умывал-то он ведь скоро вот белѣ лицѣ,
Он учасывал свои же кудри русыя,
Завивал кудри в колечушка во разные,
Одевал-то гон ведь и платьице балѣвное,
210. Ведь и то ли всё платьице столовоѣ.
Приделесе тут Василей Богуслаевич,
Одевал-то гон ведь и шляпочку пухѣвую,
Вот прощалсе с своей матушкой родимой,
Как пошел, пошел Васильюшко на пир тогда.
215. Приходил скоро Васильюшко ко терему кнеженецкому,
Ко тому ли всё крылечушку высокому,
Ко тим ли ко перилушкам к золочѣным-то.
Увидал его-то князь, да посылал он слуг,
Вот встречали-то его же все слуги-ти,
220. Проводили его в горницы кнеженеския;
Как зашел-то он во горницы высокия,
Когда зашел то он туда, поклонилсе-то
Самому-то он ведь и спасу пречистому,
Он ведь и кланелсе-то князю новгородскому,
225. Всем-то князям ведь, боярам он же честь воздал.
От стречал, стречал его же тут ведь и сам же князь,
Он садил же, проводил его за столички окольния,
Проводил-то он Васильюшка во столички передния,
Как садил его на скамеѣчку рыта бархата,
230. Против чистого-то зеркала восточного,
На ковѣр-то его садил да на заморьской-от.
Тут ведь и стали всё разныя кушанья-ти кушати,
Белую лебѣдушку стали рушати;

- Заиграли тут во гусли-то во весёлые,
 235. А и как во те всё во струночки золочёные.
 А и красно солнышко пекло же всё шло навёсели,¹
 А и как хорош-то княжеский пир шол навёсели,
 А и на пиру вот у князя все досыта-то сыто наедалисе,
 А и вот допьяна-та пьяно напивалисе,
 240. А и на пиру у князя гости-ти прирасхвастались:
 А и как бояре-ти, дворяне — своей нежностью,
 А как князья-ти новгородски — своим ученьцом,
 А и как богатыри захвастали своей силушкой,
 А и как ти ли борьцы-удальцы — своей удалью,
 245. А и как купци-гости торговые, они — своей же золотой казной,
 А и как премлады-ти карабельшшички с матросами —
 Как своими-то они же дальным, дальным плаваньём,
 А и как хресьянушка захвастали православные
 А они своей же всё верой христианскою,
 250. А и чёрны пахари захвастали трудом своим,
 А и рыболовы-ти захвастали своей ловлею,
 Своей ловлём гоні да разной рыбною.
 А и только сидел-то вот единой доброй мблodeц,
 А как Василей-от сидел же Богуслаевич,
 255. А и как нечём-то сидел молодёць да он не хвастает;
 А и подошел же князь, ему да низко кланелся:
 «А и почему же ты, Василей сын Богуслаевич,
 А и на пиру у меня сидишь невеселой,
 А и молоду свою головушку повесил ты?»
 260. А и разве место-то всё не ндравитсе?
 А разве невежа над тобой какá насмеялсе?
 А и редовá-та чарка винная к тебе не подошла она?»
 А и отвечал тогда Василей-от Богослаевич:
 «А и уж ты, ласковой князь новгородской-от,
 265. Мне-ка место-то дано по моёму по трону-то,
 Как невежа надо мной не насмеялсе,
 Цароцька-та разная ко мне пришла,
 Подносили-то ко мне же зеленó вино,
 Подносили-то ко мне же пиво пьяноё,
 270. Подносили-то ко мне же мёды сладкие,
 Но как я же сам, Васильюшко, не пил сидел, —
 Когда на пир-от отходил же я-то, князь,
 Провожала меня матушка родимая,
 Причесна вдова Овдотья-то дочь Васильевна,
 275. На прощаньиши гонá, когда на пир пошол,
 Она плакала, просила во слезах меня,
 Чтобы нé пил я, Василей Богуслаевич.
 Невеселой я сижу, что жисть невёсела,
 Не в чём времечко идёт да молодось,
 280. Вот не в съездах-то идёт у мне в богатырьских-то,
 Не в подвѣгах-то она же славных рыцарьских.
 Ты позвол-ко, позвол, князь, вот слово сказать,
 Мне-ка слово-то сказать да речь повиполнить,
 Не полбжьете-ко во гнев да во великой-от:
 285. Мне-ка хочется, Василью-то Богуслаевичу,
 Вот побитисе-поборотисе со тимá ли всё борцами-ти».
 Говорил-то князь Василью Богуслаевичу:

¹ Обмолвка; следует: «на ясени».

- «Ишше с борцями-ти боротисе ты же молод есь,
Ты понапрасну, Васильюшко, вредишь себя;
290. Придѣт времечко, в богатырех навоюесье,
Придѣт времечко, Василей, нагуляисье,
Богатырьскима утехами назабавляешьсе,
Как вѣдъ рыцарьскима-ти играми наиграисье».
Говорил тогда Василей Богуслаевич:
295. «Мне не чесь будѣт сидѣть здѣсь молодецкая,
Мне не славушка-та велика богатырская».
Говорил тогда вѣдъ и князь новгородской-от:
«Ты поди, поди, Васильюшка, поборись тогда
Со борцями-ти пойди же со сильными;
300. Тебе одѣть-то надѣть латы-те булатны».
«На первой раз побѣрюсь я вѣдъ и без лат же всё».
Благодарил-то тут Васильюшко князя за пированьицо,
За хорѣшо-то его за приниманьицо,
Одевал-то он своѣ же платьѣ цвѣтнѣ,
305. Вот пошел же он скоро на широкой двор,
С широка двора вышел он на улицу.
Князь-от, брал же скоро рог он туриной-от,
Вострубил он, возыграл тут в туриной рог, —
Прибежали тут, пришли борцы удалыя,
310. Что удалыя борцы же новгородския,
Говорил вѣдъ князь вѣдъ и йим же таковы слова:
«Вы побейтесь-ко, поборитесь-ко
Со Васильем-то вѣдъ и всё же Богуслаевичом,
Вы, смотрите, вѣдъ Васильюшка не убейте же,
315. Вот оставьте мне Васильюшка в живых его».
Вот вѣдъ вышли-то борцы же всё новгородския,
Они стали тут, борцы, да всё боротисе,
Не один-от всё борець не мог побороть его,
Поборол-то всех Василей Богослаевич;
320. Тут борци-ти все, удалыцы испугалисе,
По Нову-граду они все разбежалисе.
Как стоял-то князь смотрял же со крыльца-то он,
Подошел тогда Василей Богуслаевич,
Подошел-то он ко князю-ту, низко кланелсе,
325. Говорил-то он же князю таковы слова:
«Не худы твои борыны, как разбежалисе!
Они раньше, борцы, будго храбры былы,
Не знай, нынче почему они растерялисе».
Тут пошел же всё Василей к рѣдной матушке,
330. К пречесной вдовы Овдотѣе всё Васильевны;
Только успел зайти во гривену, во горницу,
Рассказал-то своей матушке родимую, —
Как борцы-ти всё, борцы новгородския,
Подынулы вѣдъ и весь город Новгород,
335. Что пошли б они на Василья Богослаевича,
Подпоили-та народа зеленым вином,
Напоили-то народа пивом пьяным-то.
Как пошли народ-от вси же, вот скопилисе,
На Волх-от реку да подошли они,
340. Как послали-то к Васильюшку людей тогда,
Чтобы шол-то, шол Василей на поединочек.
Не спускала его на поединок-от рѣдна матушка,

- А прислуга-та ходила за водой тогда,
Она прибила тут народу сто человек же сто,
345. Она прибила-то народ коромыслом-то,
Она пришла-то, рассказала тут Васильюшку,
Рассказала про всё-то Светослаевичу¹, —
Не могла унять его же рódна матушка.
Одевал тогда Василей латы-ти булатныя,
350. Одевал тогда Богуслаевич плáтьё цветнóе бугатырскоё,
Он ведь и брал с собой подорожной-от посох-от,
Она весом-то была девеносто пуд,
Побежал тогда Василей Богуслаевич.
Он ведь и нáчел тут, Васильюшко, похаживать,
355. Тут ведь и нáчел Богуслаевич погуливать:
Ишшо вправо-то махал, — валилась улочка,
Волево́-то махал, — валились переулочки,
Он прибил, прибил ведь и всю же тут силушку.
Побежал тогда по Волхову по мóсту-ту,
360. Как навстречу-то ему идёт Костя Новотóрженин,
На голове-то у Кости шляпа, будто колокол:
«Здраствой, здраствой-ко, Василей Богослаевич!»
«Здраствой, здраствой-ко, ведь и Костя всё Новотóрженин!»
Он ведь и ударил Костю своим посохом,
365. Тут ведь и нáчел Богуслаевич погуливать,
Как колпак-то на головушке не треложитке.
«Ты пойди ко мне, Костя, во дружиночку,
Ты ведь и можошь у меня же быть дружиночкой!»
Как пошел же Костя тогда на его же широкий двор,
370. Ко его же пошел к матушке родимой.
Тут идёт, идёт мужик, да Пиригрим зовут,
На головушке колпак, да будто колокол:
«Здраствуй, здраствуй-ко, Василей Богуслаевич!»
«Здраствуй, здраствуй, Пулегрим же сын Иванович!»
375. Он ударил своей же скоро посохом,
От ударил по его же по головушки,
Тут стоит-то ведь мужик, не шелóхнется,
А колпак на его головушке не сдвинулсе.
«Ты ведь можешь у меня же быть в дружиночке!»
380. Поди к матушке ко родимую».
Он пошел тогда ко матушке к родимую.
Тут ведь и всех-то он собрал своей дружиночки,
Тридцать-то годín да был же гон же сам.
Как хотел только Васильюшко домой итти,
385. Как идёт, идёт по мóсту отец хрёсной-от,
Ишше тот ли всё Потанюшка богáтырь-от,
От богáтырь-от Патанюшка москоськой-от.
«Кабы не отец-от был ведь и мне же всё ведь хрёсной-от,
Не пропустил бы я тебя, што не поборотисе».
390. Россмехнулсе тут Потанюшка богáтырь-от:
«Уж мы станём-ко с тобой, хрестник, боротисе!»
Они билисе-боролисе ровно три часа,
Некотóрой некотóрого не побороли же;
Говорил тогда Василей Богослаевич:
395. «Я кончаю ту ведь и бой-драку великою,
Знаю, есь-то у меня силы с тебя, хрёсной же!»

¹ Обмолвка; следует: «Богуслаевичу».

- Научил тогда Потанюшка Васильюшка
 Как ведь и битисе-боротисе рукопашной бой,
 Как ведь и надобно жо битьсе на добрых конях:
400. «Поезжай же ты, моё дитя кресътовое,
 Со своей с дружиночкой хороброю,
 Съезди, съезди, поезжай же в славной Киев-град,
 Поживи-ко-се у князя-та у Владимира.
 Так ведь и киевски богатыри хорошие,
405. Они хорошия ведь и очунь есь приятныя,
 Как обучат тебе всем поездкам-то премудрым богатырьским то»:
 А и как пошел тогда Василей Богуслаевич
 А и со своим-то он отцом пошел со хрѣсным-то,
 А со Патанюшкой пошел же он с богатырѣм,
410. А и вот пошли, пошли к Васильюшку на широкой двор,
 Где ожидала его дружиночка хоробрая, —
 Увидали-то, возрадавались, закланелись,
 От закланелись богатыри Васильюшку,
 Вот Васильюшку гоні всё Богуслаевичу.
415. А и как потом же встречала йих рѣдна матушка,
 Авдогья-та дочь Васильевна;
 Тут пошли, пошли пиры же всё весѣлыя,
 Тут ведь и много-то было в пирах попито,
 Была кушанья-то разного покушано,
420. Пировали-столовали челой год жо тут.
 Как тогда жо стал Васильюшко с дружиночкой собиратисе,
 Собиратъсе ведь и начел в славной Киев-град.
 Не могла унять его же рѣдна матушка,
 Не давала ему родительского благословленьица;
425. Как сказал, сказал Василей Богослаевич:
 «Уж ты дашь мне благословленьице — поеду я,
 Вот не дашь благословленьица — поеду я».
 Вот заплакала его же рѣдна матушка,
 Во слезах она давала благословленьицо,
430. Собирала-то его она в путь-дорожочку, —
 Выдавала ему платьѣ-то богатырьскоѣ,
 Как ему, такъ же дружиночке хороброю,
 Выдавала ему, дружиночке коней статных-то,
 Коней статных выдавала, выдавала коня она своѣму чаду милому,
435. Кони были-то убраны в золотой убор,
 Напекла-то рѣдна матушка подорожничков,
 Вот ведь и клала им во суночки во дорожныя.
 Тут поели-то, покушали богатыри,
 Одевались они всё в платыица дорожныя,
440. Роспрошшались тогда же со васильѣвой рѣдной матушкой,
 Роспрошшалсе тут Василей Богуслаевич
 Со своею он с родимою со матушкой;
 Во слезах-то его матушка росставаласе,
 Вот в горячих-то гонá тут роспрошшаласе,
445. Тут (вы)водили-то богатыри добрых коней,
 Вот сажались да богатыри на добрых коней,
 Вот поехали богатыри из Новгородса, —
 Мать сырá земля ведь вся же колыбаласе,
 Тѣмны лѣса, лѣса же вси шаталисе,
450. Как река же славный Волхов разливаласе,
 Она морьской-то всё волной прокаталасе,

- Вот ведь пеньицо-кореньицо всё ломалосе.
 Вот приехали богатыри в славной Киев-град,
 В славной Киев-град богатыри на кнеженеской двор.
455. Их встречал, встречал Владимир князь стольнокиеской,
 Он стречал, стречал с чести, с радости,
 Со великого стречал же с удовольствия,
 Вот стречал гостей же, проводил же их
 Как во те ли всё во гривены столовые,
460. Как во те ли всё в полаточки кнеженеския,
 Он садил-то йих за столички окольния,
 Как за те ли всё за кушанья за разныя,
 За напитокочки садил разны заморския.
 Тут цего было у князя-то не покушано,
465. У Владимира у князя не поедено!
 Пировали-столовали да трѳи суточки,
 Тут играли всё во арфы-ти в игромые,
 Как во те ли в разны струночки золочѳныя.
 Как ведь и зѳчели богатыри поезживать,
470. Во чисто полѳ они нѳчели погуливать,
 Обучились всем поездкам богатырьским-то,
 Обучились всем-то съездам славнорыцарским,
 Они остались-то ведь и жить-то всё во Киеви,
 Жили, жили они во Киеви двенадцет лет.
475. Вот в двенадцет лет бывал Василей Богуслаевич
 Только два разѳ у рѳдной матушки;
 Когда прожил-то Васильюшко двенадцат лет,
 Тогда нѳчел собираться с своей дружиночкой
 Как к своей-то он родимой рѳдной матушке.
480. Жалко было тут ведь и князю росставатисе,
 Во вторых-то князь поверил, что есь у его же рѳдна матушка,
 Ей ведь и нужно-то сейчас да всё спокой давать,
 Вот спокой-от ей давать, да отдохнуть от труда же всё.
 А и собирал-то князь Владодимер йих в дорожочку,
485. А и он давал-то йим ведь и много золотой казны
 М-м да как за йихну всё за службу за верную,
 А и как за выслугу-ту всё же богатырьскую.
 А и как Васильюшко Богуслаевич,
 А и гон не брал, не брал со князя-то золотой казны:
490. «А мне не надобно, ведь есь же всё у матушки,
 Есь у матушки, госталось ешшо от батюшка».
 А и как дружиночка его же всё хоробрая,
 А и вот взяла, взяла она же золоту казну.
 А и распростилсе тут Василей-от Богуслаевич,
495. А и вот поехали они во славной Нов же град.
 А и далеко же князь провожал же он с кнегиною,
 А и провожали же все киевски богатыри,
 А и проводили-то они, назадъ воротилисе;
 А и новгородския богатыри поехали,
500. А и вот поехали богатыри во Нов же град,
 А и приезжали-то ко васильѳвой рѳдной матушки,
 Э и пречесной вдовы к Овдотьи-то ко Васильѳвны.
 А и тут ведь и матушка как развесилиласе,
 А розвеселиласе гонѳ, вот помолодиласе,
505. А и как на радости она великою
 А и собирала-то пир, столы весѳлые,

- А и на пирах-то был и князь же со кнегиною,
 А и пировали-столовали много времечко,
 А и пиры-ти шли у Васильюшка Богуслаевича
 510. А и чельной годик шли же поры-времени, —
 А и пированьицо-то шло очунь весёлое,
 А и столованьицо-то было очунь чудное,
 А и много, много было у васильюшковой рódной матушки
 А и как покушано кушанья сахáрного,
 515. А и как ведь и попито тут да зеленá вина,
 А и зеленá вина, а и пива же тут пьяного,
 А и попировали все новгородские богáтыри.
 А и как прошло-то тому времени челой год,
 А и как задумала ведь и васильёва рódна матушка,
 520. А она хотела поженить вот чадо милого,
 А и чада милого своёго, вот любимого,
 А ишло того ли всё Васильюшка Богуслаевича;
 А не удалось-то рódной матушке поженить его.
 А и как его-то всё ли дружиночка хоробрая,
 525. А и как задумали йитти они по восточным всё странám,
 Э и зайти в Йерусалим-от, славный город, помолитисе,
 А и ко господнему тут гробу преклонитисе,
 А и йискупатьсе-то захотели йонí в Йордан-рекí,
 А и вот нетленной-то ризой обтёрть глаза,
 530. А и посмотреть-то как и каменя-та Латыря.
 А и не спускала тут Василья-та рódна матушка:
 «А и ты успешь сходить, моё же чадо милое,
 А и чадо милоё, Василей ты Богуслаевич!»
 А и не хотелосе Васильюшку остатисе,
 535. Он задумал-то вместиах итти с дружиночкой,
 Со дружиночкой своей славной хороброю.
 Когда стали тут богáтыри сбиратисе,
 Говорила-то Василью родима матушка,
 Причесна вдова Овдотья-то дочь Васильёвна:
 540. «Уж ты ой еси, моё же чадо милоё,
 Моё милоё-то чадышко, любимое,
 Ишшэ нá имя Василей ты Богуслаевич,
 Если бог-от тебе судíт бывать в Йерусалиме-то, славном городе,
 Ты ведь б́удёшь стоять да во божьей церкви,
 545. Во соборе-то б́удёшь во господнём-то,
 Когда господнёму-ту гробу ты помолишься,
 Как нетленной-то ризы утрите́ лицо,
 Во Йердан-рекí, Васильюшко, укупае́тсe, —
 Не купа́йсе-ко, Васильюшко, нагим телом:
 550. Нагим телом купался ведь только сам господь;
 Не перескакивай, не переезжай же камень Латырь-от:
 Как на камени на Латыри сидел господь,
 Установил ту свёту веру християньскою».
 Провожала-то Васильюшка рódна матушка,
 555. Далечё-то чада милого спровóдила,
 Как за те ли всё за морюшка глубокия,
 Как за те ли всё за реченьки за быстрыё,
 Как за те ли за поля, поля чистые,
 За те ли за гóрушки высокоя,
 560. Вот за те ли за леса, леса дремучия.
 Со великою досадушкой расставаласе,

- Со великим-то со горюшком, с несчастием,
 Во слёзах-то она сама себе слово промолвила:
 «Уж ведь, верно, мне на свете так пресказано,
 565. На роду ведь так же мне написано, —
 Я вдовой-то всё от мужа-та осталасе,
 Много горюшка вдовиного потёрпила,
 А и не в радости я сына-то возростила!
 Уж я думала, под старось будёт заменушка, —
570. Не живать мне, верно, со своим же с чадом милым-то,
 Со Васильюшком-то мне же с Богуслаевичом,
 Приведётся ведь и мне век же доживать же свой,
 Со чужима людьми, не со своимá детьми».
 Как сказала же васильёва рódна матушка,
575. Не ошиблась она в розговориках,
 У ей чувствовало, знало ретивó серцо.
 Как уехали Василей свет Богуслаевич
 Со своей они с дружиночкой хороброю,
 Вот проехали, проехали в всточны-те слáвны гóроды,
580. Вот приехали они скоро в Иерусалим, славной город-от,
 Осмотрили они сходили в собор, в церькву божию,
 Ко господнему-то гробу помолилися,
 Вот нетленной-то ризой оботёрли свои очи ясные;
 Как тогда же пошли дородни-ти дóбры мблодци,
585. Как дружиночка его пошла хоробрая,
 Они сзвали Василья-та Богуслаевича,
 Вот купатьсе-то сзвали во Ердан-рекú.
 Вся дружиночка купалась она в платьици,
 Не давали-то роздеваться они Васильюшку, —
590. Не послушал йих Василей вот Богослаевич,
 Он разделсе-то ведь и нáчел купатисе нагим телóm;
 Окупалисе дружиночка в Ердан в рекí,
 Окупался у нас Василей Богуслаевич,
 Он купался-то в Ердан-рекí нагим телóm.
595. Искупался у нас Васильюшко, оделся тут,
 Они садилсь-то скоро на добрých коней,
 Вот поехали ко каменю ко Латырю,
 Ко тому ли всё ко собору ко осподнёму.
 Все дружиночка хоробра остояласе,
600. Как нектó не смел-то переехати
 Ишше тот ли всё ведь и чудной камень Латырь-от;
 Они с виду-ту смотряли всё, дивилисе,
 Во грехах своих ведь и осподу прошшалисе.
 А Василей-от Богослаевич, не послушал он,
605. Не послушал своей дружиночки хороброю,
 Зáчел, зáчел переезжать да камень Латырь-от,
 Перескóчить хотел да тогда чудной он,
 Тогда чудной он да камень Латырь-от;
 Как не мог тут перескóчить его доброй конь,
610. Как сломил-то себе конь себе ножки передняя,
 Вот росшиб-то себе конь да ноги задняя,
 Тут ведь падал-то Василюшка доброй конь,
 Ешшо доброй конь-от богатырьской был, —
 Тут упал, упал Василей Богуслаевич,
615. Он ушиб себе-то буйну голову,
 Тут пришла-то смерть Василию Богослаевичу.

- Как тепериче Васильюшку славу поют,
 Как отныне-то ему поют до́ веку.
 Тут поплакала дружиночка хоробрая,
 620. Потужили ведь и много гоні плакали,
 Хоронили гоні Василья Богослаевича,
 На могилочки они да росписали всё:
 «Вот остался-то гу нас Василей Богуслаевич
 Он навечно в Иерусалиме, славном городе,
 625. Не поедет боле он да от во Нов же град,
 Вот не съездит боле Васильюшко в каменну́ Моськву,
 Не бывать боле Васильюшку во Киеве,
 Вся ведь чесь-слава богатырьская осталасе».
 Тут поехала дружиночка хоробрая;
 630. Хоть они долго-то ехали, приехали,
 Вот приехали гоні во славной Нов же град,
 Как заехали к васильёвой рódной матушке,
 Рассказали про васильёву кончинушку.
 Услыхала-то его же рódна матушка,
 635. Жалоблишенько она же слезно плакала,
 Ей ведь и жалко же было чадышка любимого,
 Вот любимого же чадышка единого:
 «Прошла жись у мя у чадышка у милого
 Не в весёлости прошла она, не в радости,
 640. Не в весёлом-то прошла же пированьици,
 Прошла жись у мя у чада милого
 Во богатырьских-то прошла она в подвигах-то,
 Он ведь жил-то всё во городи во Киеви,
 А служил-то всё ведь и князю-то Владимиру».
 645. Услыхал про то Влагодимёр князь столкниеськой,
 Долго, долго жалел он, долго печаловался,
 Что ведь молодой погинул Василей Богуслаевич;
 Он ведь и часто писал да скóры грамотки,
 Посылал-то всё к его он рódной матушки,
 650. Всё ведь спрашивал про ее же князь здоровьице.
 Доживала его матушка родимая
 Вот свою жись-ту свою старую,
 А и утешали-то, приезжали ей дружиночка хоробрая,
 А ешшо Костя-то Новотóрженин он при ней же жил.
 655. А и когда стала тут его-та матушка-та старая,
 А и поженила гонá Костю-то Новотóрженина,
 А и как жила с нимá-то она, как со сыном-то,
 Как со сыном-то будто, с дочерью,
 А и подписала всё именьицо йим, богасьвицо.
 660. А и скончеваласе она очунь приятною кончиною,
 А и как теперь всё васильюшковой рódной матушке
 И вся ведь славушка сосветная осталасе.
 Как на ихном вот на дворцы на высокоом,
 На двори ихном на широко-то,
 665. Замен Васильюшко Богуслаевича,
 Управлял-то друг любимой, самой лучшей-от,
 Как ведь тот ли всё Костя Новотóрженин,
 Как Костя тот богатырь был сільней-от,
 Как некто́, некто́ ведь и Кости победить нигде.
 670. Ишшо той нашей старинушке конец пришол.
 Как Волхвú-реки на тишину на превеликую,

- Нашой матушке каменнóй Москвы на честь и на славушку великую,
 Вам, премлáдым-то учоным людя́м, на прописаньицо,
 Как от вас будёт премлáдым-то рассказаньицо,
 675. А млáды-ти пропевать будут, рассказывать,
 Вот рассказывать старинушку про старопрежнёе-то стáро
 времечко,
 Споминать будут ведь и эту-то старинушку,
 Пропевать будут про могучих-то богáтырей,
 Про Василья-то Богослаевича,
 680. Про его-то всё про друга-то про Костю Новотóрженина.

№ 78. САДКО НОВГОРОДСКОЙ

- Был у нас на святой Руси,
 В Нове́-градé, да в славном городе,
 Жил Садко да с рóдным батюшком,
 С рóдным батюшком да с рóдной матушкой.
 5. Не возрóстил Садко да рóдный батюшко,
 Росхворался его рóдный батюшко,
 Расхворался он да розболелся,
 Он хворал-болел гáдочек пóру-времени,
 Через год-от пóру-времени преставился,
 10. Не оставил Садку богаствица-именьиця;
 Воспитала его да рóдна матушка
 От своих трудов, да трудов праведных.
 Стал Садко у нас по улице погуливать,
 Погуливать по улице, поигрывать;
 15. Он с одним другом с посады́цким познакомился,
 Посады́цкой-от друг, он горазд был играть в звончатý гусли во
 весёлые,
 Обучил играть да всё Садка же он.
 Как Садко-то сын Вдовинович,
 Вдовинович сын он был непочётный жа,
 20. Как пришол в одно времечко да к рóдной матушке,
 Говорил ей да таковы слова:
 «Уж ты ой еси, да рóдна матушка,
 Я хочу в такй дела да попуститися,
 Я хочу купить гусли весёлые,
 25. И заказать, матушка, сделать новые». Говорила ему да рóдна матушка:
 «Уж ты ой еси, да моё чадо милое,
 Тебе к чему гусли весёлые?
 Ведь ты роду-то не кнеженецкого,
 30. Не боярьского роду, не дворяньского,
 Тебе надоть приниматься за работушку,
 За работушку да за тежолою,
 Нужно кормить да рóдну матушку». Говорил Садко да рóдной матушке:

35. «Я исполню твоё да приказаньицо,
Я пойду да на работушку тяжолую.
Вот пошел Садко да на работушку,
Он весь день работал да он другой жа;
Тут ведь много работало людей посадьских-то,
40. Пообидели Садка да по напрасному.
Тут Садку да не понравилось,
Он пришел да к родной матушке, расплакался,
Прирасплакался да прирастужился,
Говорил опеть да родной матушке:
45. «Закажу я, чтобы сработали мне гусли весёлые!»
Не отговорила тогда да родна матушка;
Как сделали Садку гусли весёлые,
Стал ходить играть Садко в гусли весёлые,
В весёлые гусли звончатые,
50. Он ходил играл да всё по улицам.
Все в Новё-городе приаслушались народ, да люди добрые,
Все со старого да все до малого, —
Они стали просить да по домам его,
Стал Садко заходить да по домам играть.
55. За его игру да за весёлую
Стали народ да все платить ему,
Тогда сыта стала его да родна матушка.
Услыхал про то да князь новгородской-от,
Он позвал его да всё на пир к себе.
60. Вот пошел Садко да всё на пир к князю,
Князь встретил его да с цестью, с радостью,
Посадил его да в место большое.
У князя на пиру гостей много усажно было жо,
Попросил да князь всё взыграть его,
65. Возыграть ёго в гусли весёлые.
Как начал Садко тут поигрывать,
По золотым струночкам похаживать,
Как игра-та всим да прилюбиласе,
Прилюбиласе да всем понравиласе,
70. Все со старого до малого да приаслушались,
Тут наклали много ёму да золотой казны.
С той поры да с того времени
Никакой пир у князя не проходил жо так, —
Всегда играл Садко в гусли звончатые, гусли весёлые,
75. Он и год играл, да он и два играл,
Садко-то играл да три годочка поры-времени.
Как в одну пору-то, в одно времецко
На пированьици у князя у новгородьского
Досыта-досыта все да наедалисе,
80. А допьяна-допьяна все да напивалисе,
Обидели Садка дети-то боярьские,
Как боярьские дети-то, все дворяньские,
Обругали они Садко да руганью разною.
Тут Садку тогда да за беду пришло,
85. За велику насмешечку показалосе,
Он ведь скоро жо да одевался же,
Распроштался с князем с новгородским же,
Уходил да со пирá домой.
Он пришел к своей да родной матушке,

90. Он пришол да приростужилсе,
Приростужилсе, приресплакалсе;
Говорила ему да рѡдна матушка:
«Не тужи, моѡ да чадо милое,
Потому над тобой да насмехаютсе
95. Как да боярские дети да всё дворянские,—
Они учёны люди грамотны,
Ты у меня малоучёноѡ». —
Прошло немного-то поры-времени, трое сутокки,
Собирал да князь весёлый пир;
100. Вот пришли-то слуги верные,
Слуги верны кнеженецькие,
Оны пришли да низко кланялись,
Его звали на почесен пир, —
Не пошел Садко да на почесен пир.
105. Они пришли да на другой зовут, —
Не пошел Садко да на другой жо день.
Оны пришли да на третей же день, —
Говорил Садко да таковы речи:
«У вас есть дети да всё боярские,
110. У вас есь жа дворянские,
Они могут всё играть в гусли».
Так ушли слуги-те без внимания;
Говорил Садко да рѡдной матушке:
«Уж ты дай-ка да мне, рѡдна матушка, покушати,
115. Я пойду, рѡдна матушка, к Имельну, славну озеру,
Да я возьму удоцку поуживать,
Я поужу рыбу разную,
Я возьму с собой гусли весёлые,
Поиграю я в гусли весёлые,
120. Приутешу Имельн, да славно озеро».
Тут не отговорила ёго да рѡдна матушка,
Собрала ёго да в путь-дорожечку.
Пошел Садко да скоро к озеру,
Он пришол скоро ко Имельну, славну озеру,
125. Илемно, да славно озеро, оно стоит да очень тихое.
Тут поудил Садко да рыбы разную,
Он наклат себе суночку-котомочку,
Он сел тогда да на горюч камень,
Заиграл тогда в гусли весёлые, —
130. Славно озеро Илемн да всколыбалосе,
Морьской волной да разливалосе.
Он весь день играл, да он другой играл;
На третей-от день да поры-времени
Подплыла к ёму царица Белорыбица,
135. Подплыла быдто русалочка,
Подошла к ёму да низко кланялась:
«Уж ты здравствуй, Садко-от Новгородской!»
Отвечал ей Садко Новгородской-от:
«Я не знаю, кто ты есь какá?»
140. Говорила тут царица Белорыбица:
«Я — царица Белорыбица озера Илемна-та.
Тебе спасибо, Садко Новгородской-от,
За твою ли за игру всё за весёлую,
За ту ли за потеху молодецькую:

145. У мяя гости вси в пиру да призаслушались,
Мои дeтoчки призаслушались;
У мяя в гoстях-тo был да рoднoй брателкo,
Рoднoй брателкo, да царь мoрьскoй жo всe,
Он вeдь хoчeт тeбя да пoвидатъ же сам,
150. Он вeдь в лицнoсть хoчeт да всe увидeти,
Из рeцeй, из слoв тeбя пoслушатъ.
Уж ты oй eси, Садкo Нoвгoрoдскoй-oт,
За твoю-тo за удаль мoлoдeцкoю,
За всю прeмудрoсть бoгатырьскyю
155. Я хoчу да тeбя жалoватъ, —
Ты бeри у мяя, да чeгo сам желашь,
Чeгo сам желашь, да чeгo сам хoчeшь.
Как с сeгo цeсa да будeшь сцясливoй,
Будeшь сцясливoй да всe тaланливoй,
160. Как твoeгo-тo именьицa-бoгaсвицa
Нe oбчeнитъ будeт чeнилъщичкaм
Нe мoськoським, нe нoвгoрoдським жe,
Нe славным-тo славнoкиeськoм:
Во пeрвeхъ тeбe даваo крaснa зoлoтa,
165. Я даваo тeбe да цястa сeрeбрa,
Я даваo тeбe да дрaгa жeмчугa!»
Oна ушла да всe на дoнышкo,
Как на дoнышкo ушла камeшкoм;
Как сидит-тo Садкo да всe пoсматриватъ,
170. Вот пoсматриватъ, всe пoглядыватъ:
«Насмeялaсь надo мнoй царицa Бeлoрыбицa!»
Вдруг Елимiн-oзeрo сoлбыбалoсe,
Oна сдeлалaсь пoгoдушкa вeликaя,
Вдруг вeдь лoдoцкa пoказалaсь,
175. Тут сама царицa Бeлoрыбицa пoдъeхалa;
Oна давалa eму да мнoгo зoлoтa,
Oна давалa eму да цястa сeрeбрa,
Да давалa дрaгa жeмчугa,
Гoворилa eму да тaкoвы слoвa:
180. «Привeдйтeся тeбe, Садкo, сxoдитъ в мoрyшкo,
На дoнушкo-тo сxoдитъ камeшкoм,
Пoвидатъ царя мoрьскoгo сo царицeю,
Пoигратъ тeбe в гусли вeсeлыe,
Приутeшитъ царя да сo царицeю:
185. Он в дoлгy у тeбя да нe oстанeтся,
Расцитаeтся, да как и слeдуeтъ». —
Как тoгда царицa-тo Бeлoрыбицa,
Oна с ним-тo рaспрoшшалaсe,
Снималa с рyки пoвoй да зoлoтoй пeрстeнь
190. Сo двeнадцатyю да сo ставкaми:
«С eтим пeрснeм нe пoгинeшь
Нe на мoрyшкe да нe на гoрaх жo ты,
Нe на гoрaх да нe на зeмeлюшкaх,
Ты нигдe да нe пoгинeшь.
195. Кoгда oбeрeшь этo бaгaсьвицo-именьицo,
Пeрeвoзишь жo в славный в Нoв жo в грaдъ,
Прихoди кo мнe к Илeмiнy, славнy oзeрy,
Ты купи жo шoлкoвый нeвoдoчeк-oтъ,
Закинь-зaбрось eгo в Елeмiнъ, да в славнo oзeрo жe, —

200. Я ведь дам тебе да три-то рыбины,
Три-то рыбины да златопёрыйце.
Эти рыбы-ти продавай купцам,
Продавай купцам да новгородским же, —
Не бѹдет тебя в Россиюшке счасливее-богáтея,
205. Тебя, Садка да Новгородского,
Прославлять-то, пропевать все будут со старого до малого,
Спомянуть-то будут дѹ века.
А этим трѹм всё ведь да рыбамам
Не обчепить бѹдет да всем обчепшищичкам,
210. За твои да за эти рыбины
Отдай купцы все свои торгoвы лавoчки со товарами.
Ты купи тогда чернѹны бѹльши кáрабли,
Нагрузишь тогда ,товарами,
Ты пойдѹешь в морюшко с товарами
215. Ты во те ли во земелюшки восточные,
Ты продашь да все славные товары новгородские,
Дорогѹ товары всё моськосьские,
Чѹдны-те товары славнокиевьски,
(Бабка-то в воду живѹет, да всё знала, Киев.)
Наберѹешь товаров иностранных же,
220. Ты пойдѹешь обратно в путь-дорожечку.
Призадѹржит твои да чѹрны кáрабли,
Тогда сходи-ка ты во морюшко,
Повидай царя морьского всё с царицею,
Поиграй во гусли во весѹлые,
225. Приутешь царя всё со царицею.
А приди ко мне к Ильмѹн, слáвну озеру,
Принеси-ко невод шолковой,
Ты забрось-закинь во Ильмѹн, слáвно озеро,
Я ведь дам тогда три-то рыбины;
230. Пѹрьву рыбину обчепят они,
Обчепят они в пятьсот рублей,
Вторѹ рыбину во тысячу,
А третьей рыбины чепы же нет.
Я тебе ешшо три дам,
235. Не обчепить будет обчепшищичкам
Не моськосьским, не новгородским же,
Не славным киевским.
А теперь, — говорит, — не зовись Садком Новгородским же,
А зовись гостем торговым же;
240. Тебе все-то будут низко кланяться,
На путях, на дорожечках будут низко кланяться».
Перевѹз Садко все именицо-богасьвицо,
Привѹз рыбы-ти, золоты перья;
Не могли обчепить да все обчепшищички,
245. Первѹ рыбину-ту отдал за пятьсот рублей,
А другѹ рыбину за тысячу,
А третьей рыбине чепы не было.
Как пошел Садко Новгородской-от,
По торговым пошел лавочкам,
250. Он купил-то да шѹлков невод,
Он пошел ко Елемѹну, слáвну озеру,
Вот закинул в Елемѹн, да слáвно озеро,
Елемѹн-озеро сколыбалосе,

- Разыгралась рыба да на солнышке,
 255. Тут Садко да любовалсе всё;
 Напопало в нёвод, да чуть мог он вытащить.
 Он увёз эту рыбу во Новград;
 Тут купцы-ти, купци богатые,
 Как богатые новгородские,
 260. За такі за рыбины очень чўдныя
 Они пробили-проиграли торговли свои лавочки
 Со товарам со разныма.
 Как Садко-то Новгородские,
 Он купил чернёны больши кáрабли,
 265. Нанимал-то млáдых матросиков,
 Становил млáдых-то корабельшщичков,
 Нагрузил три-то чернёных больших кáрабля, —
 Пёрвы-то товары клал новгородские,
 А вторы-те клал он слáвны моськосские,
 270. А трети-то товары клал слáвны киевски.
 Собираться-то стал он в путь-дорожечку,
 Спровожала его да рóдна матушка,
 Потянули ветры буйные,
 Ветры буйные попутные.
 275. Провожал его да сам ведь всё жо князь,
 Князь ёго да со кнегиною,
 Тут Садко-то распрошшало же
 Со старого со всимá да и со малыма,
 Как пошел тогда на свои чернёны кáрабли,
 280. Он пошел тогда да во синй моря,
 Во синй моря да во глубокие,
 В города пошел да во восточные.
 Он ходил во путях-то да во дорожечках три-то годичка,
 Произвёл все товары-то славнорусские,
 285. Накопил да иностранных же;
 Он пошел да на святую Русь,
 Он во славный пошел же во Нов же град.
 Не дошел жо не до Новá-градá,
 Палась очунь тихая погодушка,
 290. Приутихло, приуныло море синее,
 Остоялись чернёны да большй кáрабли.
 Они стояли тут да трое сутокки.
 Через трóи-ти сутокки поры-времени
 Подули да тут ветры буйные,
 295. Ветры буйные да все попутные,
 Вот попутные да все поносные,
 Пошли у Садка чернёны больши кáрабли;
 А у Садка-то у Новгородского
 Будто он на якорю стоит,
 300. На якорю стоит да никуды нейдёт.
 Ушли из виду чернёны большй кáрабли;
 Он гулял-гулял, ходил-погуливал,
 Во синё море поглядывал:
 «Это что да чудо чудноё,
 305. Это что да диво дивноё, —
 Три годочка ходил да по синим морям,
 Такó чудо не случалося,
 Такого дива-то не видывал,

- Что на попутном жо на ветре корабличек стоял же ведь!
310. Наверно, просит царь морьской с меня дани-пошлины.
Уж вы ой еси, мои молоды матросики,
Уж вы ой еси, премлады мои корабельшшички,
Вы спускайте-ко во морюшко боцьку-то чиста сѣребра».
А его матросики-та млáды не ослышались,
315. Вот спускали в морѣ бочку-то чиста сѣребра, —
А и всё стоит, стоит кораблицок, не двигается.
А говорил Садко тогда-то да таковы слова:
«А и вы спускайте-тко ведь в море-то да бочку красна золота».
А и вот спустили в море-то бочку красна золота, —
320. А еще а корабличок стоит, будто прикован он.
А и вот спускали во морюшко да бочку драгá жемчуга, —
А и как корабличок по морюшку нейдѣт некак.
А и как Садко тут задумался, доброй мóлодец:
«Уж вы гой еси, млáдыя матросики,
325. Вы мои млáдые ведь и всё жа корабельшшички,
Ета шуточка идѣт теперь немалая:
Не нуждается царь, вѣрна, тимá подаркама,
Он ведь просит-то, зовѣт головушки человеческой,
Он зовѣт-то нас к себе на пированьице,
330. На весѣлоѣ зовѣт заседаньицо.
Теперь надобно жо нам, да добрым мóлодцам,
Делать, делать нам же жѣребы с номерами вся».
Приказал Садко работать скоро жо жѣребы,
Приказал работати жѣребы волóвые.
335. Его млáдыя матросики не ослышались,
Скоро сделали они жеребья-те жи,
Они сделали на каждом вот приметочку,
Они кинали-то, бросали скоро жо жѣребы;
Высоко-то полетели по поднѣбесью,
340. Будто все жо оны летели бѣлы лебеди, —
Жеребьячки-то все же пали вот на палубу,
А Садка-то вот жеребѣй ко дну пошел
Ведь и он да всё же камешком.
Тут Садко жо всё стоял призадумался,
345. Призадумалсе стоял он, запечалилсе,
Приказал-то он ведь делать да жѣребы,
Делать жеребья он приказал из липы-дерева.
Его матросики его не ослышались,
Они делали-то жѣребы из липы, слáвна дерева,
350. Когда сделали, бросили высоко они по поднѣбесью, —
Вот как падали йихны жѣребы на палубу,
А Садка-то всё ведь жеребѣй пал всё на морюшко,
Вот на морюшко жо пошел же серым камешком.
Тут стоит у нас Садко да невесѣлой он,
355. Невесѣлой-то стоял, призадумался,
Приказал-то в трѣтей раз да делать жѣребы,
Делать жѣребы из красного из дубового из дерева,
Йих покрыть жо, всё покрыть красным золотом.
Вот кинали ети жѣребы, выбрасывали,
360. Высоко-то йих выбрасывали по поднѣбесью, —
Они падали же, жѣребы, на палубу,
У Садка-то пошел жеребѣй ведь камешком,

- Вот ведь камешком пошел же он во морюшко.
 Говорил тогда Садко он таковы слова,
 365. Таковы-ти он слова, таковы речи:
 «Верно, просит царь морской самого меня данью-пошлиной». Тогда сказал жо он своим молодым матросикам,
 Он своим сказал премладым корабельшшицкам:
 «Уж вы гой еси, млады мои матросики,
 370. Вы, премлады мои да корабельшшицки,
 Вы послушайте моего-то вот наказаньица,
 Вы ведь ждите-ко меня, дожидайтесь-ко,
 Дождитесь меня вы жо в трои суточки,
 Не уходите ведь всё и здесь находитесь же».
375. Тут давали ему они клятву великую,
 Что должны, должны дожидаться ёго, как и следует.
 И тут и ведь стал у нас Садко водеватисе,
 А и в сinya морюшко у то начел отправлетисе.
 А и приодел на себе он платьё цветное,
 380. А и платьё цветное одел очунь хорошее,
 А и он ведь и взял с собой шляпу пуховую,
 А и он взял с собой гуслицы игромые,
 А и распрошталсе он со младама с матросами,
 А и распроштался он со младама с корабельшшичками,
 385 А и вот соходил скоро во шлюпочку во лёгоньку.
 А и вдруг ведь морюшко, море зволновалосе,
 А и великой большой волной да разбегалосе;
 А и ужахнулсе тут Садко Новгородский-то,
 А и призакрыл-то он свои жо гочи ясные.
390. А и вдруг ведь он жо он увидал, — йидёт лодочка,
 А и едет лодочка, едет вот украшоная,
 А как весёлышка у ней все были золочёные,
 А и как сидит млодець да очунь млодой он,
 А и он видно ведь, что он роду есь не прóстого,
 395. А и вот ведь не прóстого, видно, царского.
 А и он подъехал-то к нёму, низко кланялся:
 «А уж ты здравтуй, здравтуй, Садко, да гость богатый-от!
 А и я хоцу, Садко, с тобой да познакомитисе,
 А и познакомитисе с тобой хоцу, поздороватисе,
 400. А и я сам про себя расскажу тебе:
 А уж я млодой-от царевиць, сын царя морьского-то,
 А меня послал царь морьской, отец, да стречать тебя.
 А и заходи-ко-се да в мою лодочку!»
 А и тут Садко вот ведь и всё ж не ослушалсе,
405. Заходил, переходил он в его лодочку,
 Его шлюпочку-ту взяли привезали-то,
 Привезали же к своей-то оны лодочке.
 Вот приехали они к царю морьскому-ту,
 Как в его же всё заехали в его гавань-ту,
 410. Они подъехали ко пристани ко царской-то,
 Вот встречали йих всё же слуги царские.
 Как пошел, пошел царевиць-от, морского сын царя же он,
 Вот повёл, повёл и гостя Садко к себе,
 Заводил ёго в полаты свои в царские.
415. Во ту пору, во то времецко царь морьской же всё
 Он сидел, сидел на троне-то на царском-то,
 Приказал-то привести Садка да всё к себе.

- Вот Садка-то, проводили к царю его,
Вот пришел Садко к царю же всё, поклонилсе:
420. «Уж ты здравствуй, царь морьской да со царицею!»
«Добро пожаловать ко мне да погостить, к царю!
Долго-то ждал я тебя, да дождалсе-то,
Я не думал, что приедешь ты ко мне в гости.
Про тебя слухи несутся, ведь давно идут;
425. Я не знал-то про тибя-то, всё не ведывал,
Кабы не сказала про тебя моя сестрица-то всё любимая,
Как ведь эта ли царица Белорыбица.
А я пошел, поехал с ей жо на свиданыицо,
Потому что у мя сестра-то всё вдовёт живёт,
430. Она вдовет живёт, да всё же вот вдова она,
Овдовела жо она да с двенадцать лет,
У ей семеро осталосе детей, детей малых-то;
Я гостил-то, жил у ней трѳи сутокки,
Ты во тѳу пору, во тѳо време, Садко, играл в гусли весѳлые, —
435. Приослушались ее же дети милыя,
Приослушалсе же я сам, царь морьской».
Как тогда-то царь морьской он вставал с трону,
Повѳл Садка-то во залѳ-то свои царьские,
Он садил, садил за столички золочѳные,
440. Как за те ли всё салфеточки шолковѳые,
Как на всё ли то на стѳльѳ рыта бархата,
Как за разные за кушанья заморьские,
Как за разныя напитокочки иностранные.
Собирал-то царь морьской тогда весѳлый пир,
445. Пировали-столовали трое сутокки,
Развеселилсе царь морьской вот со царицею,
Тут ведь сам ведь царь морьской да расплясалсе он,
Все русалоцки его да развеселилсе,
Скоморохи-то его все расплесалисе,
450. А Садко-то, гость торговой он,
Играл в гусли он во те ж все во гусли всё во весѳлые,
Он во те ли всё во струночки золочѳные.
Когда-то играл-то во гусли Садко весѳлые,
Когда же плесал-то царь ведь всё да со царицею,
455. Тогда на морюшке погодушка случиласе,
Беломорская погодушка разыграласе,
Много-много погинуло тут чернѳных бѳльших кѳраблей,
А его-то всё корабличок стоял-то ведь,
Как прикован он будто бы всё жалѳзами.
460. Как по правому плѳцю Садка ударило;
Оглянулсе тут Садко Новгородской-от,
Увидал-то старика очунь старого,
Борода-то у него была белая,
Он шоптал, шоптал ѳму жо в ухо правѳѳ:
465. «Уж ты ой еси, Садко Новгородьской-от,
Ты послушай-ко моѳго-то приказаньица,
Не играй боле во гусли во весѳлые,
Как во те ли всё во струноцки золоцѳные, —
Много, много ты наделал дельшка-та гибельнѳго,
470. Много-много погибло чернѳных бѳльших кѳраблей,
Утонуло млѳдых-то матросиков,
Вот погибло много млѳдых-то корабельшищиков.

- Возьми-ко разбери свои ведь гуслицы весёлые,
Ты повыбери-ко струночки золочёные,
475. Ты скажи, скажи ведь всё морьскому жо,
Что: «у меня гусли весёлые поломалисе,
Золоты-ти мои струночки издёржалисе».
Он ведь будёт тебе давать свои гусли,
Не принимай-ко, не играй-ко ты в веселы гусли:
480. «Я по твоим гуслиам не могу никак».
Как пойдут ведь вечера-то всё весёлые,
Соберёт-то он девиц-то всех из города,
Посадит-то всё с нимá да дочерей своих,
Он захочет-то тебе да поженити, Садко,
485. Поженить да тебя, да отдать дочь свою в замужество;
У ёго всех-то дочерей да всё петнадцать есь, —
Потому-то их петнадцать всё, что от трёх-то жон, —
Иза всех-то есь у него жо дочь любимая,
Вот любима дочь, Настасья-то царевна,
490. Она от матери, скажу, от русьскою,
Она собою-то, ведь Настасья, ведь смуглая,
Ешшо смуглая Настасья чернобровая.
Ты попомни-ко моёго наказаньица,
Не ошибись, смотри, ты, Садко, немножечко!
495. Как во перьвой раз да гон оденёт-то
На дочерей-то всё да плáтьё белое,
Во второй-от раз наденет плáтьё красные,
На трéтей раз наденет платьица голубые.
А у Настасьи, скажу, у царевны-то,
500. Пёрьвой раз сядет муха на лоб-от к ей,
На второй раз ведь сядет к ей нá нос-от,
На трéтей раз сядет на праву шшоку.
Хошь поженисье на Настасьи на царевны-то, —
Когда пройдут у вас пиры же все весёлые,
505. Поведёт жо царь вас во спальню-ту тёплую,
Эта спальня будет ўбрана вся на золоте,
Кровать будет всё жа золочёная,
А периночка будёт всё пухóвая,
Одеяла-та будут вси соболиные,
510. Золотыми-ти парчами оны прикрытые,
Как зголовица будут-ти очунь мягкие, —
Не прельшайсе же ты на красоту на царевнину,
Ты не падай-ко в любовь-ту вот в любовную,
Не обнимай-ка ей за шею всё за белую,
515. Не челуй-ка ей в уста ей в сахárные,
Не набрасывай же на ей ножки правую,
Не давай-ко ведь ей клятвы великою;
Если дашь ты ей ту клятву великою,
Вот останисье навечно во синём море,
520. Тебя не спустит царь морьскою, не выйдёшь жо.
Настасья царевна, вот просватана
За другого-то за царя она за мёрьского,
Но во морюшке тоже жить ей не хочется,
Города жо свои ей всё не нравятся,
525. Ведь хочет жить же у вас в ваших странах,
А ей хочется жить да у земных царей, —
У ей мать-то была ведь всё же дочь шаха, шаха-то персидского,

- А у тебе-то, Садко, да судьбу знаю я,
Как твоя-то судьба да всё в каменной Москвы».
530. Говорил тогда Садко Новгородской-от:
«Ты скажи, скажи, старик, брада же белая,
Почему жо ты здесь в морюшке находишьсе?»
«Если охота тебе знать, да кто жо я-то есть,
Я скажу-то про себя тебе, поведаю, —
535. Я пришол к тебе из Новá славна города,
Мня просила о тебе твоя жо рѣдна матушка,
Как ведь та же всё вдова благочесливая.
Когда будешь ты, Садко, да во Новѣ-градѣ,
На своих-то ты придѣшь чернёных кáраблях,
540. Когда снимешь все товары иностранные,
Когда повыкатишь всё же красно золото,
Когда повыгрузишь драги, драги камни-те,
Ты сострой-ка, сделай всё да божью церковь, —
Как божью церковь, Николин храм,
545. Как тому ли всё Николы Можайскому, —
Я ведь сам-от есь Никола Можайской-от.
Ты прошшай, прошшай, Садко Новгородской-от,
Я пойду, пойду спасать чѣрны кáрабли,
Которые гибнут они сейцяс в погодушке,
550. Во погодушке они жо всё, в дорожечке». —
И как тогда-то, тогда царь морьской жо он
Собирал жо он вечера себе весѣлые,
Для девиц-то он делал тут гуляньцо,
Собирал-то всех девиц да во своём городе,
555. Приказал своим дочерям да он одетисе
Как в одно плáтьѣ всё во бархатно;
Тут ведь дочери его, они да не ослышались,
Приделисе да всё же, скоро снарядилисе.
Вот пошло тут же у царя гуляньцо,
560. Скоморохи ведь все развеселилисе,
Вот русалочки да все да расплесалисе;
Как тогда-то говорил жо всё да царь морьской:
«Уж ты гой еси, Садко, да гость приезжой-от,
Вот приезжой гость Садко Новгородской-от,
565. Поиграй-ко ты во гусли во весѣлые,
Как во те ли все во струночки в золочёные,
Приутешь жо меня, царя со царицою,
Моѣго жо всё сына любимого,
Моѣх млáдых ведь всё да всё дочерей же всех».
570. Тридцать-то девиц да россадил рядѣм.
Как Садко-то говорил Новгородской-от:
«Уж ты гой еси, царь морьской жо ты,
Не могу жо играть во гусли во весѣлые,
Как во те ли всё во струночки золотые,
575. Потому что у мня гусли приломалисе,
Золоты-ти мои струночки издѣржалисе».
Говорил тогда же всё да вот царь морьской:
«Неужели не найдѣт царь морьской же струн!»
Наносили тут гуслей, — не сосчитать жо их,
580. А Садко-то, ведь он да не посмел играть,
Он сказал, сказал царю да всё морьскому-ту:
«Я не умею играть да по твоим гуслиам,

- Потому да не умею, — не привык никак,
 Как привыкнуть-то ко гусям-то хоть немного хоть,
 585. Как немного пройдёт да поры-времени».
 «Ты скажи, скажи да правду, правду сушшую,
 Не жалашь же ты да и боле всё играть-то нам».
 Тут ведь начал-то играть да сын любимый-от:
 «Призагунь-ко, да не играй, да млад царевич!
590. Как Садку-то стало немного в море да жить у нас,
 Ожидают его млады матросики,
 Дожидают его млады корабельшшички.
 Во долгу я у тебя, царь, не останусе,
 Расчитаюсь за игру твою за весёлую,
595. За потеху славно бо-гатырьскою.
 А и не жалашь жа ты, Садко, вот поженитисе?
 Выбирай-ко-се невесту, какú надобно,
 Напервьó-то выбирай из тридцати девиц».
 Говорил ему Садко, новгородьской гость:
600. «Тебе спасибо, царь морьской, на такой милости,
 На великой, на большой же тебе жалости!»
 Тогда стал-то царь морьской водить его,
 Вот водить его за рученьку за правую.
 Пёрвой раз-то обошли девиць, смотрял Садко,
605. Дрúгой раз обглядел жо он,
 На третей-то раз увидел жо он
 А мушку на лбу у девицы жо,
 Он сказал: «Ета девица мне-ка нравится».
 Отвещал ему тогда-то да всё царь морьской:
610. «Не своим-то ты умом жо, всё разумом, —
 Ты чужим-то всё умом, чужим разумом».
 Тот ведь вечер-от у царя прошол, скажом.
 На другой-от вецор тоже собрал он девиць,
 Собрал тех-то всех он девиць, одел жа платья красные,
615. Он повёл, повёл Садка да выбирать невест.
 Обошол Садко, ведь скажом, он жо пёрвой раз,
 Обошол Садко, ведь скажом, во второй жо раз,
 От пошол, пошол Садко вот во третей раз;
 Заприметил он мушку-то на носу да ведь у девицы-то,
620. Указал на ей: «Вот та же нравится».
 Усмехнулся царь морьской, да он сказал же ей:
 «Та девица тебе, наверна, нравится,
 Поцему ты всё одну да выбирашь жа так?»
 «Потому я-та выбираю, что она нравится, —
625. Те девицы вси у тебя да все же белые,
 Белое-то у нас бывает на святой Руси только белой снег,
 И на белый снег только у нас собаки ссють,
 А чёрный мак у нас бояре в Москвы кушают, —
 Чернобровых-то смуглых мне-ка нравятся».
630. Тут царю-то ведь морьскому за беду пришло,
 За великую обиду показалосе,
 Ну смолчал-то, не сказал он Садку не единого словечушка.
 На третей-то день да поры-времени
 Он повёл Садка да всё казать девиць,
635. Они все были у него да рассажонные
 Как по стулю-то были рыта бархата,
 Приодеты в платьица голубые.

- Просмотрел да проглядел Садко, —
 У Настасьи же да у царевны же
 640. На правой шшоки сидела мушка жо,
 Подошел Садко да указал тогда;
 Говорил да всё ведь царь морьской:
 «На роду было написано, в жеребью, верно повыпало
 Тебе пожениться на Настасье на царевны же!»
 645. Мне-ка жаль было отдать её,
 Отдать её да на святую Русь».
- Как ведь царь да ведь всё морьской тогда
 Заводил-то свадьбу веселую,
 Зазывал-то всех гостей себе
 650. Со всего-то со своего водяного царствия,
 Он засватал тут да дочь любимую.
 Им ведь некогда было много пировать сидеть,
 Они начали снаряжать тогда
 Настасью же царевну же;
655. Царь морьской-от собирал Настасью с цестью, с радостью,
 А царица-то не с радости,
 Не с великого удовольствия,
 Ведь ей и жалко было, что много-много царь да всё дават
 приданого, —
- Потому-то она гневалась,
 660. Что ей не дочь да была родная,
 Она была ей да ведь мачехой.
 Тут пошла-то свадьба веселая,
 Пировали-столовали трое суток,
 На четвёрты-та нужно отдох даватъ.
 665. Повёл отдыхать-то царь с царицею
 Их во тёплу-ту во спальню же;
 Распростились царь с царицею,
 Пришли нянюшки к ней да мамушки,
 Они скиновали у ней одежду брацкую,
 670. Одевали платьё нощное.
 Когда ушли няньки-мамушки,
 Повалился Садко да с молодой жоной,
 Повалились спать да нощку темную;
 Говорила тут Настасья все царевна тут:
 675. «Уж ты ой еси, супруг, да дорогой же муж,
 Ты клади-ко заповедь великую,
 Как велику заповедь до гроба же,
 Оставаться-ко жить да всё во морюшке,
 Во наших славных городах да всё во морьских же,
 680. Во странах да во прекрасных же.
 Отец даст-то во придано мне
 Город самой-от даст да лучшей-от
 Со дворцами золочёными,
 Со мостами со хрустальными,
 685. Со чернёными с кораблями жа».
- Говорил тогда Садко да таковы речи:
 «Ой ты, душечка Настасья свет царевна же,
 Не даваю я клятвы-ту великую,
 Тяжело-то мне жить во морюшке.
 690. Не хою жо я всё царём жо жить,
 Я хою Садком быть Новгородским же,

- Тем ли всё гостем торговым же».
 «Ето что за чудо чудное,
 Ето что такó диво дивное,
 695. Ето какá-то жисть пойдёт у нас?
 Ты ко мне, Садко, не ближишься,
 Верно, я тебе не ндравлюсь уж!
 Ты накинь-то руку правую
 На мою на шею смуглую».
700. Она раз да говорила же
 И другой да всё сказала же,
 Вздохнула, отвернуласе,
 Ницего боле не говóрила,
 Она слезно тут заплакала,
705. Она сама себе винила жа,
 Почему пошла в замужесьво.
 Как по úтру было ранному,
 По восходу соньца красного,
 Давно (в)стал да царь с царицею,
710. Ожидали ведь их завтрокать.
 Тут соскущился царь да ждать же их,
 Вот пошел их попроведать же;
 Когда пришел он во спальню же во тёплую,
 Садко ходил да всё погуливал,
715. Как по полу-то всё ходил по спальне жо,
 А Настасья-то царевна, она лежала, прирасплакалась:
 «Уж ты ой еси, рóдной батюшка,
 Уж ты, царь морьской, отець жо мой,
 Моё замужество не посчастливило!
720. Садко не хочет жить во морюшке,
 Он жалат итти да в славный Новгород,
 У его есть, наверно, всё зазнобушка,
 Вот зазнобушка, красна дéвица, —
 Нас, морских царевн, опасаются,
725. Нас считают всё русалками,
 Теперь сама да я сочувствую,
 Мне ведь плохо будет на землй же жить,
 Я немного поживу да помру же всё.
 Отпуская-ка Садка да с чести, с радости;
730. Будто он мой да жених жа был,
 От невесты же да и на память же
 Как двенадцать же чернёных больших кáраблей
 Нагрузи-ка товарами мóрьскими:
 В первый клади-ка ты красна золота,
735. Во второй грузи да чисто сéребро,
 А в третей грузи да камень самоцветное,
 Самоцветное драгоценное.
 Поскорей-то вот отправляй Садка во синё море!»
 Тут Настасья-та царевна спрошшаласе,
740. Уходила она от Садка Новгородьского.
 Как ведь царь-то ведь морьской приказал всё
 Выводить из гавани чернёны кáрабли,
 Нагрузить-то всё товарами морьскими же;
 Как грузили же все слуги верные,
745. Нагрузили двенадцать больших кáраблей.
 Как тогда-то все Садко Новгородьской-от

- Распрошшался он с царём-то, со царицею,
Провожали-то его же царь с царицею;
Как ведь млáдой-от ведь и вот их млад наследничок,
750. Он садилса-то ведь скоро в лёгку лодочку,
Посадил туда Садка Новогорэдского.
Вот поехали они скоро из гавани,
Они очудились тогда жо всё на морюшки;
Говорил ему ведь и млáдой-от царевич-от:
755. «Уж ты ой еси, Садко, новгородской гость,
Призакрой жо всё свои да гочи ясные!»
Вот закрыл, закрыл Садко свои очи ясные;
Открыл когда Садко жа вочи ясные,
Он очудился у своего у чернёного у кáрабля.
760. Распрошшалсе он с царевичом морьским-то,
Вот встречали-то его млáды матросики,
Как его жо все млáды корабельшшички.
Тут хотел, хотел Садко и всё итти,
Как во свой хотел итти во славный Новгород, —
765. Вдруг откуда ни взялись чернёны бóльши кáраблн.
Он ведь вспомнил, что подареньице царя мórьского.
Подошли ети кораблики близёшенько,
Подошли эти кораблики, остановилисе;
Тут Садко ведь Новгородской-от
770. Приказал-то спехáть шлюпку корабельную,
Сам сошел-то тоже в шлюпочку в корабельную.
Они подъехали к чернёным бóльшим кáраблям,
Осмотряли все товары в кáраблях гонн,
Удивились такой чудности причудною:
775. Всё ведь были-то товары драгн каменница,
Драгие каменница-ти были самоцветные.
Становился тут Садко на кáрабль же он,
На кáрабль же он на самой, скажем, лучшей он;
Тут ведь падала поветерь способная,
780. Как пошел тут Садко Новгородской-от,
Через трóи-то ведь суточки поры-времени
Как пришли-зашли во гавань корабельную,
Как на славную на матушку на Волх-реку.
Тут узнала всё да садкова рóдна матушка,
785. Она приехала стречать да чада милого,
Чада милого она, своего любимого.
Выгружал-то тут Садко товары разные.
Тут узнал про то ведь князь новгородской-от,
Он ведь сам к нему приехал повидатьсе.
790. Тут пошли, пошли жо всё пиры весёлые.
Тут ведь всё гостей к Садку-то все съехались,
Все ведь съехались к Садку, все скопилисе, —
Ешшо съехались все гости-то моськоськие,
Ешшо съехались-то все гости казаньские,
- 795 Вот приехали гости слáвна Кíева, —
Пировали-столовали год да поры-времени.
Через год-от всё, сказать, поры-времени
Вспомнил, вспомнил он слова Николы-от Можайского,
Он ведь сделал-то, соорóил храм Николин-от,
800. Храм-от Николин соорóил, Миколы всё Можайскому,

- Как положил денег сто-то тысячей.
(Это клад!)
 Себе выстроил терем высокий он.
 Тут задумалсе Садко вот поженитисе,
 Он задумалсе-то жениться не у себе в славном Новгороде,
 805. Он задумал-то жениться в каменной Москвы
 У того ли всё у князя у Глеба Володьевича,
 На его-то поженитисе-то всё родной сестры.
 Как поехал-то за свата всё князь новгородской-от,
 Он поехал всё во славну матушку каменну Москву;
 810. Вот заехал он к князю ко Глебу-то на широкой двор,
 Со широка двора пошел во светлы горницы;
 Вот встречал, встречал его сам же Глеб же князь,
 Ишшо Глеб князь встречал да сын Володьевич.
 Подавал-то тогда князь да скору грамоту,
 815. Скору грамоту подавал да от Садка же он;
 Как садил-то Глеб князя за свои столы окольные,
 Как на те ли-то он на стулья рыта бархата,
 За кушанья разны за сахарные,
 За напитокки за разны за заморьские,
 820. Вот пошла у них разговор-беседушка веселая.
 Прочитал-то Глеб Володьевич скору грамоту,
 Он пошел-то ко своей да родной сестрице;
 Прочитала-то его скоро сестрица,
 Говорила она тогда брату любимому:
 825. «Уж ты сам знашь про ето, знашь да ведуешь,
 Как отдать меня в замужество, не отдать ли всё».
 Говорил ведь тогда Глеб жо сын Володьевич:
 «Боле нечего, сестрица, разговаривать,
 Про Садко того богасьвицо говорить нельзя,
 830. Как жо то всё именице не обченить некак».
 Тут засватал Глеб Володьевич родну сестрицу,
 Тут пошли тут у них пированьица великие.
 Как про садьковську-ту про свадьбу рассказать нельзя, —
 Все цари тому да ужахалисе,
 835. Короли-то все да дивовалисе!
 Пировали-столовали-то три-то годичка,
 И вси со старого до малого дивовалисе,
 Скоморохи-то тут же тonyцовали-то,
 А во гусли-то веселые-то играли-то,
 840. Как во те ли, во те струночки золочёные.
 Как ведь етой-то старинушке конец пришол.
 Как ведь нашему-то Белому морюшку на тишину,
 А Москвы-ту, славну городу, на честь-славу великую,
 А вам, премудрые люди-то, на прописаньицо,
 845. А как от вас пойдёт премладым на росказаньицо,
 А от йих-то пойдёт на пропеваньицо,
 Вси со старого до малого будут слушати,
 Как ведь ету старинушку запомнят все, —
 Какой был у нас Садко Новгородской жил,
 850. Он ходил, ходил во морюшко-то камешком.
 Он ведь был на пированьици морьского царя,
 Он играл ему во гуслицы во веселые,
 Во те ли во струночки в золочёные,
 Получил много богасьвица-именица.

№ 79. ГЛЕБ ВОЛОДЬЕВИЧ

- А и еше было у нас во матушки каменнóй Москвы,
 А еше жил-то, жил князь Глеб Володьевич.
 А и как было тут у Глеба у Володьевича
 А и была дружиночка его хоробрая,
5. А и были слáвны моськоськия богáтыри,
 А и как ведь и были у Глеба у Володьевича,
 А и он йимел много чернёных ббльших кáраблей.
 Охвоч был Глеб же сын Володьёвич
 А и как ходить он на чернёных больших кáраблях;
10. А и он ходил, ходил, Глеб, в другí земли,
 А и в другí земли ходил он йиностранныя,
 А и ходил он, и ходил он во Ишпанию,
 А и он ходил, ходил да во Германию,
 А и он ходил, ходил во Данию,
15. А и он ходил, ходил в задоньско королевьствицо,
 А и он ходил, ходил в земелюшку в швецкуюю.
 А и как возил-то Глеб же сын Володьевич
 Он и товары слáвны россияския,
 Он и возил товары-ти моськоськия,
20. А и он возил товары-ти новгородския,
 А и он возил товары всё как киевские,
 А и он возил товары-ти казанския,
 А и вон возил товары-ти резанския;
 А и хорошо-то Глеб Володьевич да продавал товарики,
25. А и скоро, скоро товарики скиналисе,
 А и нагружал-то товарами да йиностранныма разныма.
 Два годочика ходил же Глеб-от сам гулял,
 На третей-от год хотелось Глебу-ту сходить с имá,
 А и привезти товары-ти восточные, —
30. А и не пришлось же Глебу-ту сходить тогда,
 А и как его же, Глеба, не спустили же,
 А и задержали дела же кнеженеские,
 А и не пошел тогда Глеб князь да за синí моря,
 За синí моря же он да за товарами.
35. Отправлял-то Глеб три чернёных своих кáрабля,
 А и нагружал товарами-ти русьскими,
 А и нагружал-то йих он всё товарами-ти разныма,
 А и ишшо разныма всё же да многоценныма.
 А становил он на чернёны свои кáрабли
40. Э и ишше млáдых карабельшшичков,
 А и становил-то он премлáдых-то матросиков,
 А и готправлял тогда же йих князь их за синí моря,
 А и провожал же их Глеб же князь, ведь Глеб же сын
 Володьевич,
- А и со весёлою он же со улыбною.
45. А и выводил тут из гавани князь же чёрны кáрабли,
 А и спровожал же йих да с чести, с радости,
 А и на отъезди, на прошшаньици наказывал:
 «А уж вы ой еси, мои млáды ксрзбелшшички,
 А и если падёт-то вам ведь пóветерь попутная,
50. А и попутна-то пóветерь, проносная,

- А и уйдитё же скоро йиз Россиюшки,
 А и йиз Россиюшки в чужи земелюшки,
 Э и когда продаитё слáвны русьские товары-ти,
 Набирайте-тко товаров йиностранных вы,
55. А и йиностранных товариков осточных-то,
 А и вы берите мехов, да мехов мягких-то,
 А и мехов мягких берите всё заморьских-то,
 А и привезите мне-ка, Глебу-ту, на шубочки,
 А и привезите вы сафьяну-ту зелёного,
60. А етот сафьян мне-ка на сапожечки,
 А и привезите мне чулочки шелковые,
 А и как шелковы-ти чулки да из семи шелков,
 А и привезите мне да мно́ги дюжины,
 А и привезите-тко перчаточки шелковые,
65. А и привезите мне-ка шляпочки пухóвые,
 А и привезите-ка всё разного-та красна золота,
 А и привезите мне-ка ч́иста сéребра,
 А и привезите мне-ка драгá жемчуга,
 А и привезите мне камня самоцветного,
70. А из самоцветного камня мне из драгоценного,
 А и привезите и разных товаров, разных восточных-тс».
 А и распростился Глеб князь да сын Володьевич,
 Распростился с йимá, поехал он,
 Поехал в слáвну матушку да в каменну́ Москву.
75. А и как чернёны его же всё кораблики,
 А гонí пошли же всё во морюшко,
 А и вот во морюшко, в страны восточныя,
 Потянуло скоро ветерочки,
 А и ветерочки-ти попутные,
80. Уносило тут во гавань корабельную,
 А и заходили тут во гавань корабельную,
 А и как завивали тóнки бёлы пáруса,
 А и как спускали якоря булатные,
 А и от выбрасывали да флáки шóлковы,
85. Флáки шóлковы российскийскя
 И ишше той ли матушки славной каменнóй Москвы.
 А и выгружали-то скоро товары-ти слáвны русьские,
 А и со великими со пр́иданьми торговали тут.
 А и как снимали все товары-ти ведь русьские,
90. А и вот повыгрузили чернёны кáрабли,
 А и тут грузили йих товарами да йностранныма,
 А и йиностранныма товарами-ти разными.
 Э и тут цего, цего во кáрабли было не накладено,
 Тут и цего, цего были чернёны не нагрúжоны!
95. Э и когда грузили чóрны кáрабли,
 А и как тогда брали́ млáдыя да карабельшички,
 Они брали со матросами,
 Брали шубочку бобровую, —
 А и ета шубочка не дешевá была, —
100. А и в подареньцо же князю всё
 Ишше князю Глебу-ту Володьевичу;
 А брали сапожочки сафьянныя,
 А и вот сафьянныя восточныя,
 В подареньцо ведь и князю-то;
105. И брали шляпочки пухóвые,

- А и как того пуху восточного,
А и (в) подареньицо же князю-то,
Вот как князю Глебу-ту Володьевичу;
А и три-то дюжины же брали-то
110. А и вот чулочков-то шелкóвых же
А и в подареньицо-то князю Глебу-ту Володьевичу;
А и брали перчаточки-ти многие
А и в подареньицо-то Глебу всё,
А ешшо Глебу князю моськоському;
115. А и брали, брали золоты перстнй
А и со драгима же со вставками
А и в подареньицо же князю-ту,
А и как князю Глебу-ту Володьевичу;
А брали, брали они чесы же всё заморьские,
120. А и вот заморьския да золочёныя,
А и (с) золотой они со чепью-ту,
А и со драгими со каменьеми —
Ето было всё в подароцьки
Ишше князю Глебу сыну Володьевичу.
125. А и погрузили чóрны кáрабли,
Э и боле некуда-то класть же им
А и как товарику-ту разного,
А йишшо разного да иностранного.
А и стали дóбры мóлэдцы роспрóшшатисе
130. А и как со йихныма с конторами;
А и вот ведь и всё же распрошшались,
Не спускали йиностранные:
«А и постойте-тко, дородни дóбры мóлэдцы,
А и мы повыгрузим новы товарики
135. Со своих же со карабличков,
Мы дайм-то вам корабличок,
Подарим вам в подареньицо
Ето князю-ту моськоському,
Ето Глебу-ту Володьевичу,
140. За его же за приемство-то, —
Когда мы же вот приходили-то
А и со товарами со разныма
В его гавани да карабельния,
Князь встречат-то нас да с чести, с радости,
145. А и он снимат товары иностранные,
Нагружат чернёны кáрабли
Он своима же товарами,
Он своима всё россияськими».
А не остались млáды карабельшпички,
150. Не согласились млáдыя матросики,
Э и вот пошли, пошли из гавани,
Э и роспрошшались со матросами,
А и как со млáдыма же карабельшпичками;
А и роспростились йиностраницы-ти,
155. Проводили млáдых карабельшпичков,
Карабельшпичков с матросами,
Э и далеко же йих спровóдили,
Назадь скоро воротилисе.
А и как пошли, пошли чернёны кáрабли,
160. Как пошли же по хорошему,

- А и вот отправились да по счастливому,
 А и как по глебовой же было учести,
 А и по его было таланюшки,
 А и вот погода подымаласе
165. Со всех с четырёх со стороночек:
 А и со перву́ было́ стороночку,
 А и вот стороночку восточную,
 А и во втору́ же всё во западну,
 А и во третью-то всё во южную,
170. Во четвёрту всё во северну;
 А и тут ведь и падала погодушка
 А и со великима грозáми-ти,
 А и со большима со волна́ми-ти.
 А и закачались чёрны кáрабли,
175. А и как прирвáло белые-ти пáруса,
 Изорвáло флáки шóлковы,
 А и понесло же вот, погна́ло-то
 А и как у Глеба-та у князя чёрны кáрабли.
 Их несло неделёчка поры-времени,
180. А и заносило йих в стороночку,
 А и во стороночку во западну,
 А и как во те ли все во óстрова.
 А и как стояли в гострова́х гонí
 Три недели поры-времени,
185. А и подыну́ласе погодушка,
 Выносило чёрны кáрабли,
 А и выносило, понесло же йих
 Э и не по известным-то странáм же йих.
 А и принесло чернёны кáрабли
190. А и как в страну, страну восточную,
 А и где не царь царит, не король королит же тут,
 А и не король же королит, а тут не князь кнезил,
 А и приносило всё ко городу,
 А и вот ко городу ко Кóншырю,
195. А и где царила, королила-то
 А и ешше та ли королевна-та,
 А и королевна еретиця-та,
 А и еретица всё, безбожница,
 Ишше та ли Маринка дочь Кандаловна.
200. Когда принесло чернёны кáрабли,
 А и подходили гонí к гавани,
 Выздымали флáки шóлковы,
 Оны́ к гавани да подошли когда,
 Ана брала же дань-ту, пошлину;
205. И ишше подходили они ко пристаням,
 Вот и брала да дань же пошлину;
 Паруса-ти завивали тут,
 А она брала же дань-ту, пошлину;
 А и якоря в воду спускали — брала пошлину;
210. А и как мосты они мостили на пристани,
 А и она брала же дань-ту, пошлину;
 А и во тамбжню шли они тогда,
 Она брала же дань-ту, пошлину,
 Она брала же дани-пошлину;
215. Они по городу шли — да городовб брала.

- А и как подводила-то чернёны глебовы кораблики
Ко своим она ко пристаням,
Выгружала все товары-ти,
Она все взяла повыгрузила.
220. А тут ведь и млáдых-то матросиков ¹,
Засадила йих же в тёмну тёмницу,
Она хотела заморить же йих,
Заморить смертью голодною;
Млáдых-то матросиков
225. Вот спустила живых-от в город-от,
А они по городу по Кóнцырю погуливают
А и не с весёлою улыбочкой,
Вот повесили свои головушки,
Э и как не знают, цем спастись же йим.
230. Как по глебовой по учести,
А и вот Володьевиця по судьбины-то,
А и заходили млáдыя матросики
Э и как во ту ли во кантору карабельною,
А они сядилисе на стúльё на заморьскоё,
235. Говорили тут канторным-то:
«Уж вы гой еси, дородни дóбры мóлодцы,
Асаулы вси да королевнины,
Королевны-то Маринки дочери Кандаловны,
А и вы поверите-ко, да асаулики,
240. Как ведь нашому-ту горюшку,
А и вот великóму несчесьицу!
А и уж вы дайте дозволеньице
Написати нам скóры грамотки,
А ети грамотки-ти скорые;
245. А и не по рыту писать нам не по бархату,
А и как не чистым красным золотом,
А и нам по простенькой по беленькой бумажочки
Написать-то нам ведь грамотки
Своему князю моськоському,
250. Как моськоському-ту Глебу сыну Володьевичу».
А и тут поверили асаулики,
Они давали рыта бархата,
Как ведь чíста крáсна золота.
Вот писали скóры ярлыки,
255. Скóры ярлыки скорописчеты,
Написали, запечатали.
А они писали, возговóрили:
«А уж ты ой еси, моськоськой князь,
А и как моськоськой князь ведь Глеб же сын Володьевиц,
260. Не положь на нас ведь гневности!
Вот закинуло караблики
Во страну-то вот во страшную,
Где не царь царил да короллил, скажу,
А и не король-то короллил, да там не князь кнезил,
265. А и королила королева же,
А и королева-та безбожниця,
Как Маринка дочь Кандаловна.
А когда закинуло чернёны напи кáрабли,
Принесло у нас да без внимания,

¹ Обмолвка; следует: «корабельщиков».

270. Она стретила у гавани,
 Она стретила, брала же дани-пошлины;
 А и как подводили йих к пристаням,
 Она брала же дани-пошлины;
 А и паруса-ти завивали же,
275. Она брала же дани-пошлины;
 А и екоря в воду спускали-то,
 Она брала же дани-пошлины;
 А и как мосты-ти вот мостили мы,
 Она тогда же мостовó брала;
280. А и в карабельную кантору заходили мы,
 Она брала тут корабельнѐё;
 Как ведь и по городу пошли же мы по Кóнцырю,
 Она брала городовó же с нас.
 Она ограбила товарики,
285. Она ведь и все у нас повыгрузила,
 А и как премлáдых наших карабельшщичков
 Засадила в тѐмну тѐмницу,
 Их морйт смертью голодною.
 А и мы ведь и голоднѐхоньки, —
290. Кто ведь и кто же где покормит нас?
 Кто же оприютит от ноченьки от тѐмною?»
 Написали дбры мóлодцы,
 Клали в суночки в дорожные,
 Вот и в дорожны рыта бархатны,
295. Отправляли во дорожечку
 К своему князю моськоському,
 А как ведь и к Глебу-ту Володьевичу.
 Как к чему-то ведь Маринка-та Кандаловна,
 Как к чему она да много грабила?
300. Для кого ето готовила?
 А и для своѐго друга милого,
 Друга милого, любимого,
 А и для Йильи-то всё для Муромця.
 А и как ведь был же сын любимой-от,
305. А и как Борис же королевич-от
 А и по отечесьву Йиванович.
 А и как скоро ушли же ети грамотки,
 Ети грамотки ко князю-ту,
 А и как ко князю ко Глебу ко Володьевичу;
310. А и пришли ярлычки ко князю-ту,
 Князю Глебу-ту Володьевичу,
 Ему пóдали во матушку каменнó Москву.
 Во ту пору, во то времечка
 Князь-от Глеб да сын Володьевич
315. Сел-то он да вот покушать-то,
 А и как покушать, пообедать-то.
 Принимал-те скóры ярлычки,
 А и принимал он, все просматривал,
 От просматривал, прочитывал.
320. А и не удалось ему да дообедати,
 А и выходил тогда да и князь из-за столов же он,
 А и заходил-то в свою палаточку княженеську,
 А и он ведь и брал-то, брал скоро золочѐной рог,
 А и золочѐной рог да всё туриной он,

325. А и он начел тут во рог-от всё поигрывать,
 А и зачел в струночку тогда он выговаривать:
 «А и йишше хто же есь во матушке в каменной Москвы
 А и как борцы, борцы, кто есь же из богатырей,
 И хто ведь и есь же у меня же хто из рыцарей?»
330. А и неког-то в ту пору, во времечко в Москвы в матушке не
 случилось,
 Все богатыри из Москвы они приразъехались.
 А и как тогда же Глеб-от князь же сын Володьевич,
 Он ведь и начел-то приготовить тогда силу-армию,
 И он направил-то силушки и приготовил тут;
335. Как отправил свою силушку в поход же он,
 А и не велел той силы скоро-то йитти туда,
 А и как итти всё же во землю-ту во неверную,
 А и как к тому ли всё ко городу ко Кёнсырю.
 А и тут ведь и сам же Глеб-от князь же сын Володьевич,
340. А он выбирал же он себе скоро он добра коня,
 А и вот добра своёго коницька богатырьского,
 А и вот накладывал двенадцать-то светлых подругов,
 А и как тринадцато же клал-то он для крепости,
 А и он накладывал сидельшко золочёное,
345. А и он накладывал, привязывал-то стрёмена,
 А и стремена-ти как были золочёныя
 А и со драгима-ти ведь и были со камнями.
 А и одевал тогда ведь и князь латы богатырьские,
 А и одевал тогда ведь и платьицо богатырьское,
350. А и он ведь и брал с собой ведь и саблю-ту, саблю вострую,
 А и саблю брал он вострую вон же богатырьскую,
 А и он брал-то всё ведь и копьё-то барсамёнское,
 А и он ведь и брал-то тут палицу тяжелую,
 А и выводил скоро своёго вон добра коня,
355. А и вот добра коня да с широка двора,
 А и он скакал-то скоро-быстро на добра коня,
 А и он ведь и снял-то тут ведь и шляпочку пуховую,
 А и всем своим-то вон ведь и слугам поклонилсе-то.
 А и вот поехал-то ведь и Глеб-от князь Володьевич,
360. А и он поехал-то ведь и очунь быстро-то,
 А и зачал, зачал он помахивать-поскакивать,
 А и он поехал далече же всё во чужий страны,
 А и во страны-то он поехал всё
 А и дальние неведомы во дальния,
365. А к городам-то он поехал ко неверным-то,
 А и как к тому ли всё ко городу ко Кёнсырю.
 А и как услыхала про то королева-та премладая,
 А и ишшо Маринка-та да ведь дочь же всё Кандаловна,
 А и шшо моськоська-та сила взволноваласе,
370. А и шшо не вёшна-та вода же разливаласе, —
 А и приказала тут Маринка-та дочь Кандаловна
 А и запёреть-то всё ворота-ти городовые
 А и на запоры-ти ведь и йих же всё на железные,
 А и на замочки-ти на заморьские.
375. А и вот подъехал-то ко стеночке-то моськоськой князь,
 А и вот моськоськой князь ведь и Глеб же сын Володьевич,
 А и как подъехал Глеб, стучать же стал:
 «А уж ты ой еси, королева-та всё премладая,

- А йишшо та ли всё Марина-та дочь Кандаловна,
 380. А и ты открой-ко-се ворота свои городóвые,
 А и запусти меня, ведь и князя-те моськоського,
 А и моськоського-то князя Глеба Володьевича!
 А я приехал-то сейчас только с дорожочки».

А и говорила тут Марина дочь Кандаловна,
 385. А и выходила она на стену на высокую,
 А и как на ту ли всё на башню-ту на городóвую,
 А и она кланелась-то Глебу князю моськоському:
 «А уж ты здрастуй, здрастуй, князь-то Глеб Володьёвич,
 А и как твои-то всё чёрнены больші карабли?»

390. А и занесло-то йих ко мне же всё погодою,
 А и вот погодушкой занесло страшной великою;
 А и я ведь и прибрала-то всё караблики, спасла твои,
 А и вот повыгрузила товарушки с карабликов,
 Чтобы не пала опять погодушка со морюшка,
 395. Не унесло же бы всё чёрнёных-то ведь караблей,
 И теперече товары у мне не треложены,
 Тóлько полóжоны за замочки они заморьския,
 Как в онбарики во крепкие замкнуты,
 Все товары-ти твои у мня не дёржаны».

400. Тут подумал князь ведь и Глеб же сын Володьёвич:
 «Как, наверно, не за правду говорит она,
 Как по правде отнела товары разные,
 Ишше разные товары-ти йиностранныя».

«Бúдет времечка, готдам йих с чести, с радости;
 405. Я сама же, красна дёвица королевна-та,
 Как иду, иду за тебя же я в замужесьво,
 Напрокúчило одной да королить сидеть».

Говорил же Глеб-от князь да всё моськоськой-от:
 «Когда меня, гостя, жалашь да всё принять же всё,
 410. Меня принять жалашь да угостить же хошь,
 Отворяй-ко ты ворота-ти городóвые,
 Ты стречай, стречай ведь и Глеба князя моськоського!»

«Уж ты ой еси, ведь и Глеб же князь моськоськой млад,
 Я успею-то ворóтика поотвóрить-то;
 415. Разгадай-ка, князь ведь и Глеб сын Володьёвич,
 Как и ведь шесть-то моих загадок хитромудрых-то!
 Как и перьвая моя загадочка-та премудрая:
 Ишше что такó у вас же в каменной Москвы
 Вот без лыж-то ведь бежит да само катитсе?»

420. «Нехитра-мудра загадочка, — отгадаю я:
 Вот без лыж-то ведь бежит да само катитсе,
 Это свётет-то у нас есь красно солнышко».

«Это что у вас же есь на светой Руси:
 Ишше летом-то белó, а зимой зéлено?»

425. «Отгадаю ету загадочку мудрую:
 Ишшо летом-то белó, а зимой зéлено, —
 Ишшо летом-то белó у нас хлеб растёт,
 Ишше зимой-то зеленó у нас да тогда ель цветёт».

«Ишше такú загадочку отгадай же, князь:
 430. Ишше что такó у вас же в каменной Москвы
 Без замочков-то всегда воно живёт же нет?»

«Нехитра ета загадочка, — отгадаю я:
 Без замощков-то, некогда не замыкайтсе,

- Это как бежат-бежат всегда да речки быстрыя».
435. «Это что тако́ у вас на светой Руси
Без коренья-та растут, да вот как надобно?»
«Без коренья-та выпадывают снёжки белыя».
«Уж ты ой еси, да князь же Глеб Володьевич,
Загадаю я загадочку хитромудрую:
440. Ешшо есь у вас, скажу я, на светой Руси,
На светой у вас Руси да в каменной Москвы,
Как крута гора у вас есть очунь окатиста,
Вот окатиста гора, она месна́, скажу;
Как на етой-то горы месной окатистой,
445. Тут и выросло-то древо кипарисноё;
Как на етом-то на древы кипарисном-то,
Тут сидит-то всё есён сокол, поглядыват
На четыре-то на все же он стороноцьки?»
«Нехитра ета загадка-та хитромудрая:
450. Как во матушке есть у нас в каменной Москвы
Как крута гора ведь и славная окатиста,
Вот окатиста гора да всё месна́ она;
Как на етой-то крутой горы окатистой
Выросло тут прекрасно-то, сказать, древо-то;
455. Как на етом-то на древи на прекрасном-то
Как сидит, сидит ведь и да тут всё есён сокол,
Он ведь и в руках-то всё ведь дёржит да всё ведь плёточку
шелковую.
- Не хитра-мудра загадочка, — разгадаю я:
Как крута месна́ гора да есь окатиста,
460. Как крепка́ то наша есь стеночка городобая,
Городобая-та стена да всё кремлёвская;
Как на той-то всё горе да розрасталсе всё
Как прекрасное-то древо кипарисноё,
Как на етом-то на древе кипарисном-то
465. Вот сидит, сидит сокол да ведь весёлой же он,
Во все стороны чотыре он посматривал,
В руках дёржит он ведь и трубоцьку золочёную...
Нехитра-мудра загадочка хитромудрая, —
Отгадаю ету загадочку, как ведь знаю я,
470. Что крута гора, крута вона́ окатиста,
Это есь-то наша-та стена славна́ кремлёвская;
Ето древо-то прекрасное — да мой же всё же доброй конь;
Как на древе-то всё же драго́й камешок,
Етот драго́й камешок — моё седельшко церкальской;
475. Как ведь есён-то сокол — да Глеб я сам же князь,
Глеб-от сам я князь сын же всё Володьевич».
Говорила тут Маринка-та дочь Кандаловна:
«Отгадай-ко, князь ведь и Глеб да сын Володьевич,
Ты последнюю загадочку хитромудрую:
480. Как у нас же, у нас, во славном городи во Консыри,
Как в моём-то всё в прекрасном зеленóm саду,
На прекрасном-то на древе вот на орешнике,
Тут сидит, сидит-то птица-та иностранная,
Иностранная-та ведь и птица прилетевшая,
485. На руках-то дёржит чарочку золочёную».
«Нехитра-мудра загадочка, — отгадаю я:
Как ведь сад твой прекрасной-то — стена же городобая,

- Слávна города гонá же всё же Кóнцыря;
 Как ведь и всё же вот на етой-то стеночке городóвою
490. Вот стоит, стоит-то ведь и птица-та иностранная,
 Иностранная ета птица-та прилетевшая,
 Во руках дёржит ведь и чарочку золочёную, —
 Ето не птица-та, скажу же, прилетевшая,
 Ты сама же всё премлáда стоишь королевисня,
495. Ишшо та же ли всё Маринка дочь Кандаловна,
 Во руках-то дёржишь чарочку золочёную,
 Ета чарочка налита всё с напиточком,
 Хочешь чарочку подать мне, дóбру мблодцу,
 Дóбру мблодцу-ту, Глебу князю Володьевичу,
500. Вот Володьевичу князю всё моськоському».
 Тут ведь и кланелась премлáдая королевисня,
 Как ведь та ли всё Маринка-та дочь Кандаловна,
 Подносила скоро чарочку золочёную,
 Со напиточком поднесла она с заморьским-то:
505. «Ты прими, прими по приезде, князь моськоськой-от,
 Ты ведь и выпей-ко из рук же млáдой королевисни,
 Заведём-ко с тобой дельшко немалоё,
 Я открою тогда ворота-ти городóвые.
 Добро жаловать, заезжай ко мне на королевской двор,
510. Как с королевского двора заходи во палатушки королевския,
 Как во те ли всё в палаточки высокия,
 Во павáлыши мои же всё да во широкие,
 Как пойись, пойись заходи ко мне, покушати,
 Зайди белонькой лебёдушки псрушати!
515. Я готдам тогда, готдам твои чернёны большй кáрабли
 Со разныма товарами иностранныма». —
 Она тут-то подавала скоро чарочку,
 Вот как чарочку-то подавала-то золочёную;
 Князь-от хочот взять, принять же, Глеб Володьевич,
520. Как тогда-то всё его же всё же доброй конь
 Он ведь и с нóги на ножку ведь и переступывал,
 С ноги нá ногу ведь и коничек перестúпил-то.
 Он сплескал, сплескал-то ведь и чарочку золочёную.
 Он хотел ударить-то и плёточкой шелкóвою, —
525. Как во ту пору, во то же сáмо времечько
 Загорела тут же ведь грива лошадиная,
 И ведь затушил ведь и князь же Глеб же сын Володьевич.
 Тут не лютое-то зéльё разгорелосе,
 Богатырьско-то сердечушко тут ростреложилось,
530. Лепетá его в лица переменяласе, —
 Он немного-то тогда стал розговаривать,
 Он хватал, хватал-то ведь скоро-то саблю вострую,
 Отрубил-то у Маринки-то у Кандаловны
 Он отрубил-то ведь и отсек же буйну голову;
535. Перескóчил скоро-то стену-ту городóвую,
 Нáчел бить-то, рубить силушку во городи во Кóнсыри.
 Выходили тут ведь ему да низко кланелись:
 «Уж ты ой еси, Глеб да сам князь и моськоськие,
 Не губи-ко нашей буйной головы-то по напрасному,
540. Ничего-то мы виновного не делали,
 Ты оставь-ко нам ведь и силушки на сéмена».
 Вот раздумалсе ведь и Глеб же сын Володьевич:

- «Не виноваты ведь и как же жители во Кёнсыри».
 Как во ту пору, во то же са́мо времечка
545. Как наехал-то Илья же, Йиля же Мурамецъ,
 Он узнал, узнал, что́ идёт же, вот случилось;
 Тут ведь и с Глебом-то со князем поздоровались,
 Отдавал-то Глебу чернёны карабли,
 Нагрузил-то всё товарами его же всё,
550. Выпускал-то млáдых всё же карабельшщичков.
 Как ведь и сам же вот-то Йиля Мурамецъ садил на трон,
 Как садил своёго же-то сына любимого,
 Как премлáдого-то садил же королём-то вот Бориса королевиця,
 Своего-то садил он сына любимого.
555. Вот Маринку-то Кандаловну схоронили тут.
 Илья Муромецъ со князем пировали тут,
 Пировали-столовали трóи сутоки;
 На четвёрты-ты Глеб собиралсе в путь,
 Роспрошшалсе вон с богáтырем Ильёй Мурамцём.
560. Как пошли его чернёны-ти большй карабли,
 Вот со млáдыми пошли они с матросами,
 Вот со млáдыма пошли они корабельшщичками;
 Глеб Володьевич поехал на добрóm конй,
 Воротил-то он свою же силу-армию,
565. Силу-армию воротил же, коньску гвардию.
 Вот приехал-то ведь и Глеб же сын Володьевич
 Как во славную во хвáльную же ту матушку каменну́ Москву;
 За ним скоро же пришли чернёны карабли,
 Привезли они товары-ти йностранные.
570. Тут пошла-та ведь и у Глеба князя моськосьского...
 Как на такой-то Глеб на радости на великою
 Сбирал-то князь ведь и Глеб же сын Володьевич
 Как пиры-ти он, столы да вот навёсели,
 Пировали-столовали три-то месеця.
575. А и пожанилсе Глеб-от и сын же сын Володьевич,
 А и у того ли всё у князя новгородьского
 А и брал его-то всё ведь и дочь же всё.
 Илья Муромецъ женил же чадо милого,
 А и чадо милого, Бориса-то королевиця,
580. А у того ли короля же всё ишпаньского;
 А и тут оставил-то ведь и сына королить же он,
 А и королём-то стал млáдой королевиць-от,
 А ишше тут же всё Борис-от сын Иванович.
 А и как Илья-то, Илья ведь как Муромецъ, распростилсе тут,
585. А и тут уехал он, уехал в славной Киев-град.
 А и Глеб ведь-от князь-от всё у нас, скажом, моськоськой-от
 А и стал кнезйть-то жить во матушке в каменной Москвы,
 А и хорошо-то Глеб жил да всё счастливой был.
 А и ишше етой-то старинушке конецъ йи пришол.
590. А и нашей матушке-то славной Каменной режй,
 А и ей на тишину-ту всё же превеликую,
 А и славной матушки-то, скажом, каменной Москвы
 А и на великую-ту славушку, на чесь йидёт,
 А и вам, премлáдые учёны всё же людюшки,
595. А и вам-то будёт-то ведь и всё на прописаныио,
 А и вот от вас млáдым-то пойдёт на россказаныио,
 А и от млáдых-то пойдёт на пропеваныио.

№ 80. КНЯЗЬ РОМАН ИВАНОВИЧ

- А и вот как было-то во Чернигоре, славном городе,
 А и как ведь и был-то, жил князь Роман Иванович,
 А и гон ведь и силой-то ведь и был богатырь сильней он,
 А и вон гимел-то у себя много богатырей,
5. Э и приезжали-то к нему чудны-те млады рыцари.
 А и много-много князь Роман везде ведь езживал, —
 А и по городам-то князь ведь он и езживал,
 А и по морям-то он ходил на чернёных караблях.
 А и гон имел себе жану да Марью Юрьевну.
10. А и в одну порочку, в едино-то, скажом, времечко
 А и нужно было князю съездить в други́ города,
 А и получить-то ведь и ему же дани-пошлины.
 А и тут ведь и начал князь Романушко сбиратисе;
 А и не спускала его ехать-то молода жена,
15. А и молода его жена же Марья Юрьевна:
 «А и не уезжай же ты, Рогоман же свет Ииванович,
 А и не к чему-то ведь и тебе самому йехати,
 Отослать можошь кого-нибудь из богатырей,
 Они получают, как ведь и следуёт, дань ведь и пошлину».
20. Отвечал ведь и тут же князь Роман Иванович:
 «Мне не чесь-та ведь как и бўдет княженеськая,
 Как ведь и не выслуга ведь и бўдет богатырьская:
 Короли-то ведь и есь всё же, скажом, разные,
 Они можут-то йизменить ведь все рукописаньица,
25. Не заплатят ведь и мне же тогда дани-пошлины».
 Говорила-то йему тогда молода жона,
 Молода ёго жона же Марья Юрьевна:
 «Уж ты, душочка князь Роман же свет Ииванович,
 Вот послушай-ко моёго хочь же наказаньица:
30. Ты когда-то как уедёшь из своёго-то города Чернигора,
 Ты уёзжай-ко, смотри, ненадёлго-то,
 В королевсьвах-то ведь и много не загуливайсе,
 Во йигры-ти-то во шахматы не заигрывайсе,
 Во вторых же не йиграй же в йигру денежну, —
35. Денежна-та йигра да гочунь му́дрена,
 Проиграшь напрасно много залатой казны,
 Не получить тогда тебе же дани-пошлины».
 Говорил-то князь Роман да свет Ииванович:
 «Ето что такó за чудо стало чудноё?
40. Эта что такó за дива очунь дивноё?
 Как ведь у мян ли ведь и не стало своей мудрости,
 Как молода жона-то ведь и стала учить меня?
 Уж не бойсе-ко нечегó же, Марья Юрьевна,
 Как моя жо всё княгинушка любимая,
45. Твой-от ведь и князь Роман да свет Ииванович,
 Не напьется-то он ведь и много-то зеленá вина,
 Не потерят-то он рассудочку, ума-разума,
 Скоро-скоро ворочусь к тебе гобратно-то,
 Привезу тебе подарочки очень ченные».
50. А и соби́ралсе князь Романушка в дорожочку,
 Он ведь и складывалсе во суночку, в котомочку,

- И его суночка была же рыта бархата,
 А и провожала же его его кнегинушка;
 И вот спрошшалсе он с кнегиной Марьей Юрьевной,
 55. На прощаньици, на отходе речь говорил ей:
 «Ты послушай-ко меня, моя кнегинушка,
 Вот кнегинушка моя же Марья Юрьевна,
 Когда придут-то чернёны караблики из-за морюшка,
 Привезут они тебе за дань, за пошлину, —
60. Не ходи йих принимать да без меня тогда».
 Как пошел-то князь Роман же на широкой двор,
 Он на ту ли всё конюшенку стоялую,
 А и он ведь и брал-то, брал себе добра коня,
 Брал добра коня богатырского,
65. Убирал коня же он ведь и в золотой убор,
 Вот накладывал седёлышко черкальское,
 Вот накладывал ведь и мяккой он ведь и вóйлочёк,
 Как ведь и брал с собой жо он ведь и саблю вострую,
 Брал с собой видь кóпье богатырское,
70. Брал с собою он ведь и палицю тежолую,
 Брал с собой-то нож булатной на случай-от тот.
 Не есён сокбл из Чернiгоря вылетывал,
 Узжал-то князь Роман же свет Ииванович.
 Вот прошло-то ведь и немного-то поры, скажем, времени,
75. Из-за того ли из-за моря из-за синёго,
 Из-за синёго Арабского,
 Приходили тут чóрны кáрабли,
 Чóрны кáрабли со товарами,
 Были товары разные йиностранные;
80. На них шол-то Васька Торокашков сын.
 Почему же шол Васька Торокашков сын?
 Не со товарами да торговать же он,
 Как с оммана, с лукавства шол Васька Торокашков сын.
 Когда было-то собраньицо (у) царя-то всё арабского,
85. Вот собраньицо да заседаньицо,
 Тогда шол у ёго почесён пир.
 Почесен пир, да всё весёлой стол,
 Все сóбраны были корабельшшички,
 Всё ведь созваны были млáдые матросики;
90. Много было тут кушанья (у) царя арабского покушано,
 Разных водочок тут было попито.
 Ягó гости вси расшутилисе,
 Расшутились всё, разговорились.
 Царь арабской-от всё похаживал,
95. На вид чудовiшшо-то было страшное;
 С ноги нá ногу манежно перяступывал, —
 Все палаты у ягó да колыбалися,
 Во óкнагах стéколышки все шаталися.
 Тут ведь гости все расшутилисе, разговорилисе,
100. Ихны богáтыри все арабские расхвасталися своей силою
 богатырскою,
 Ихны рыцари подвiгами славными рыцарскимма.
 Долго слушал ето царь арабскией;
 Когда гости все да речи кончили,
 Подходил-то царь арабскией,
105. Подходил к передним-то ко столикам,

- Говорил-то рець с улыбкою:
«Теперь, гости, все усадите-ко,
Усадите-ко да замолците-тко,
Типерь миня-то, царя, реци послушайте:
110. В моём городи в арабском
Добры мблodyцы все поженилисе,
Все девушки взамуж повыданы,
Только я один, царь, да холостой живу,
Мне-ка не с кем думушки подумать,
115. Тайных рецей да возговóрить же.
Выбирайте мне обруцьницу,
Вот обрушницу да супротивницу,
Штобы ростом была она да немалая,
Ума-разума да была полного,
120. Как лицико у ней порошка снóжку белого,
А румянец в лице да родовой да свой,
Ягодиноцьки в лице да занималисе,
Оци-то бýли ясного сокола перелётного,
Перелётного да пересийського,
125. Брови-ти да чóрна соболя сибирьского,
Чтоб походочка была у ей павиная,
Тиха рець-та была да лебединая, —
Чтобы было мне, царю, кому да поклонитисе,
Вам да было бы кому да низко кланеться,
130. Вам назвать своей царицею арабскою».
Скоро, скоро гости призагнули,
Призагнули, призамолкнули,
Старшой-от хоронитсе за среднего,
А средний-от хорóнился за младшего,
135. А от младшего, от малого ответа не было.
Говорил-то царь да во первóй же раз,
Говорил же царь да во второй же раз,
Говорил же царь да во третей же раз, —
Из-за того ли из-за столуку переднёго
140. Ставал нá ноги Васька Торокашков сын,
Торокашков сын да Васька Володьевич:
«Уж ты ой еси, да царь арабские,
Ты позволь мне да слово вымолвить,
Слово вымолвить да рець говóрити
145. Мне без той ли ведь без ссылочки без дальние,
Мне без той ли насмешечки великою,
Меня без той ли без казни без скорые!»
Отвещал да царь арабские:
«Тебе во всём, Васька, бóдет простительнё!»
150. «Уж я знаю тебе да всё обручницу,
Она заможет жить да всё парипею,
Только она у вас да не в Арапии,
Она есь да на светой Руси,
На светой Руси да во городи в Чернигори. —
155. Не девица есь, да жена мужняя,
Как ведь та ли Марья, да Марья Юрьевна,
Она жена князя Романа свет Ивановича.
Князя-то Романа дома не слуцилося,
Ягó нет да не пригодилося,
160. Он уехал в дальни гóроды

- Получать да дани-пошлины».
 Отвечал ему да царь арабской-от:
 «Уж ты ой еси, Васька Торокашков сын,
 У нас законов таких нет никак,
165. Что у жива́ мужа́ жона нельзя никак отнять.
 Старой муж придёт, да он жону возьмёт».
 «Не ужайся, да царь арабские,
 Небольша да нужна мудрость же:
 Отпускай-ко в морюшко три чернёных-то больших кáрабля, —
170. Перьвый карабль-от грузи да красным золотом,
 Второй карабль-от грузи да чистым сéребром,
 Трётей карабль-от грузи сукнами заморьскима, шолками разныма.
 На два кáрабля-то станови млáдых корабельшшичков
 Со млáдыма со матросами;
175. На трётей кáрабль станови млáдых матросиков,
 Корабельшшичком пойду же я сам,
 Васька Тарокашков сын Володьёвич.
 Я не в перьвой раз хочу так же взять, —
 Многих-многих-то жон уваживал,
180. Назад к мужьям они не возвращались».
 Тут говорил-то царь арабские:
 «Принесите мне золотой поднос,
 Наливайте-тко напитокку цару золочёную!»
 Его слуги-то да не ослышались,
185. Приказаньицо да исполняли же;
 Подносил-то царь Ваське Торокашкову,
 Тут и начал он с Васькой разговаривать:
 «Ёсли сходишь ты, Васька, сцеслívо во ето плаваньё,
 Привезёшь мне Марью Юрьевну в замужесьво, —
190. Наделю тебя йменьицом,
 Подарю в подарок ети три да чернёных больших кáрабля».
 Приказал да царь арабские
 Подвести из гавани чернёны больш́и кáрабли
 Ко самой-то ко пристани к арабскою;
195. Они грузили карабь красным золотом,
 Ани грузили карабь да чистым сéребром,
 Ани грузили карабь сукна́ми-ти разныма заморьскима,
 Они клали шолков тут да разных же, —
 Скоро караблички да снарядили же.
200. Пошел Васька да Торокашков сын,
 Торокашков сын Володьёвич,
 Провожал ёго сам да царь арабские,
 Выводил же да сам из гавани;
 Он их вывел во морюшко в арабскоё,
205. Распростилса с ним и вернулса.
 По васькиной было по учести,
 Подули тут да ветры буйные,
 Ветры буйные да попутные,
 Тут пошли-то быстро кáрабли,
210. Будто птицами да полетели же.
 Через трóи-ти сутоцьки поры-времени
 Приносило йих ко городу к Чернигору,
 Заходили они в гавань в корабельнюю,
 Бёлы пáрусy завивали же;
215. На своём-то на кораблики Васька Торокашков сын

- Не приказал же да завивать же их,
 Белых-то парусов полóтняных,
 Не спускал в воду якорёчков-то булатных же,
 Тольки выкинул же фла́ки шóлковы,
220. Фла́ки шолковые да всё арабские.
 Одевался Васька в пла́тьё цветно́е,
 Выходил скоро на пристань он,
 Он пошел тогда по городу,
 Шол да дворца до княженецкого.
225. А и увидали его да слуги кнеженейския,
 Они узнали Ваську Торокашкова,
 Не пропускали ёго, да добра мо́лодца:
 «Ты зачем идёшь, Васька да Торокашков сын?
 У нас князя-то в доме да не случилося,
230. Яго́ нет, не пригодилося, —
 Князя нету-то, в отлуцьке он,
 Получать уехал дани-пошлины,
 Без его да делать нечего.
 Почему к ему заходишь, идёшь-жалуёшь?»
235. Отвечал Васька Торокашков сын:
 «Уж вы ой еси, дородни до́бры мо́лодцы,
 Я скажу-то вам да правду сушшую,
 Я пришел жо со товарами,
 Со товарами с йиностранныма,
240. Привёз да платить-то дани-пошлины
 Вашому хозяину Роману-то Йивановичу.
 «Когда привёз-то ты ведь дань-то, пошлину,
 Подождёшь, как он приедёт же».
 «Мне стоять-то долго не велено.
245. Самого́ нет князя — есь кнегина же,
 За яго́ она примет же;
 Оporóзнит пусь мои чернёны кара́бли,
 Ухожу тогда из Чернигора».
 Тут поверили слуги княженейския,
250. Пропускали-то Ваську Торокашкова.
 Он пошел да по лисницам высокоим,
 По коврам-то пошел по заморским-то,
 Заходил-то в палату, где сидела Марья Юрьевна,
 Она сидела-то, обедала,
255. Заходил-то Васька, низко кланелся:
 «Уж ты здраствуй-ко, кнегина Марья Юрьевна!»
 «Уж ты здраствуй-ко, Васька Торокашков сын,
 Торокашков сын Замо́ренин!
 Ты откуль, Васька, явился же,
260. По каким делам приехал же?»
 «Я пришел-приехал со товарами,
 Со товарами из Александрии, сла́вна города,
 Они посланы-то Роману всё князю Йивановичу,
 Они посланы данью-пошлиной.
265. Принимай-ко, Марья Юрьевна!»
 «Уж ты ой еси, Васька Торокашков сын,
 Дождидайся-ко князя из дорожочки».
 «С кем ты думала, Марья Юрьевна,
 Что дожидать князя з дорожочки?»
270. Князь-от с месяц да не приедет же,

- А два да не пожалуёт!
 Мне стоять долго не велено,
 А не снимешь, да я уйду же так,
 Увезу товары же обратно все назад».
275. Недосуг кнегины дообедывать,
 Выходила из-за стола же вон,
 Говорила таковы речи:
 «Ты не врѣшь ли, Васька Торокашков сын,
 Ты не врѣшь ли, не обманывашь?»
280. На тебя ли обнадеяться никак нельзя, —
 Сколько птиця на отдѣхе сидит,
 Только, Васька, в тебе и правды есь».
 «Уж ты ой еси, кнегина Марья Юрьевна,
 Ты пойдѣм да всё уверься!»
285. Тут ведь скоро Марья Юрьевна собиралася,
 Собиралася да одевалася:
 Одевала она шубку соболиную,
 Одевала на ноги сапожочки сафьянные,
 Одевала она шаль пуховую,
290. Одевала она на руки перцятюцьки семи шолков.
 Говорил-то Васька Торокашков сын:
 «Не бери-ко ты и нянюшек, вот мамушек, —
 Они лишно ведь будут калякати» .
 Тут Марья Юрьевна не послушала,
295. Троих брала да всё из слуг своих,
 Они пошли скоро ко пристани корабельною,
 Где стояли да чёрны карабли.
 Увидала-то да Марья Юрьевна.
 Как чернены-ти больші карабли,
300. Она Васьки-то говорила:
 «Уж ты ой еси, Васька сын Замбренин,
 Сын Замбренин Володѣвич,
 Почому у тебя не завѣты тонки парусы полѣтняны?»
 Отвечал Васька Торокашков сын:
305. «Потому что пришли они с морюшка,
 Кажутся мне-ка мокрые».
 Он ведь брал-то Марью Юрьевну за праву руку,
 За праву руку, за золоты перснѣи,
 Заводил в каюту корабельною,
310. Садил ее на стѣльѣ да рыта бархата,
 На тот ли на ковѣр на мяккой на арабской-от,
 Он ведь начел-то товарики выкладывать, показывать.
 Тут Марья Юрьевна рассмотрелася,
 Рассмотрялась, залюбовалася.
315. Она началá да отбирать же их,
 Отбирать же их да всё прикладывать.
 А Васька-то да Торокашков сын,
 Он выскакивал скоро на палубу,
 Он мигнул-то лукавым глазиком,
320. Приказал-то скоро матросикам
 Выходить скорѣ из гавани.
 Его матросики не ослышались,
 Убирали-то флаки шѣлковы,
 Они пошли скѣро из гавани.
325. Караблички с боку на бок покачнулисе,

- Покачнулисе, пошатнулисе;
 Возговорила Марья Юрьевна:
 «Уж ты ой еси, Васька Торокашков сын,
 Отчего у вас чёрны кáрабли зашаталисе,
 330. Зашаталисе, заколебалисе?
 Немалú ты, верно, хошь шуточку, Васька, нашúтити,
 Не увезти ли хошь кнегину Марью Юрьевну?»
 Возговóрил Васька Торокашков сын:
 «Уж ты ой еси, Марья, Марья Юрьевна,
 335. Князя-то Романа молода жона,
 Васька Торокашков справедливой есь!
 Расскажу тебе, почему кáрабли качаются:
 Не остоялись, пришли с морюшка,
 Погодушка с морюшка разбежалася,
 340. Волны сделались-то мóрские».
 Тут кнегина Марья Юрьевна не поверяла.
 Выходила скоро на палубу корабельную, —
 А как земля-то слáвна русьская,
 Будто летят-то птицы-бéлы лебеди, показалася.
 345. Тут слезнёхонько-то заплакала,
 Воздыханьицо было чежелёхонько,
 Во слезах-то рець говóрила:
 «Ох-тех-тешенько тошнёхонько!
 Омманул меня Васька Торокашков сын!
 350. Завивала-то свои косеньки в славном городи в Чернигóроди.
 А разовьют-то мои косеньки во неверии!»
 Тут хотела в воду броситься:
 «Так доставайся, моё тело белоё,
 Морюшку ты чёрному Арабскому,
 355. Не доставайсе-тко, тело белоё,
 На изгиленьицо царю арабскому,
 Чудови́шшу-ту, чуду страшному!»
 Не успела в воду броситься, —
 Задержали ей млáды матросики,
 360. Уводили ей в каюту карабельную.
 Тут брал-то за бéлы руки Васька сын Володьёвич,
 Увалил ей на кроваточку,
 Призаснула тут Марья Юрьевна.
 Когда она да пробудилася,
 365. Заходили они в гавань карабельную,
 В карабельную да во арабскую,
 Они спускали в воду якоря булатные,
 Завивали-то бéлы полóтняны парусóчка-то.
 Подымали-то флáки шóлковы,
 370. Они палили тут из орудия.
 Во ту пору, во то время-то
 Царь арабской Вахромеишшо
 Он сидел кушал, обедал жо;
 Недосуг было царишшу дообедывать,
 375. Он скакал скоро на резвы́ ногй,
 Приказал играть во арфы во игромые,
 Во те ли во гусли во весéлые,
 Во все струночки золочёныя.
 Одевался царь в платье в цвётное,
 380. Он садилса-то во колясочку золочёную,

- Приезжал-то он на пристань корабельною.
 Подведён тут был чёрнёной его карабель,
 Заходил он скоро на палубу корабельною,
 Потом шол-то в каюту корабельною;
385. Его стречал, стречал Васька-то Торокашков сын,
 Торокашков сын Володьёвич,
 Он стречал ёго, низко кланялся:
 «Уж как здрастуй, царь арабские!»
 «Здрастуй, здрастуй, дородний доброй мблодець,
390. Здрастуй, Васька да сын Володьёвич!»
 Увидал-то он Марью Юрьёвну, —
 Она сидела на стуле рыта бархата,
 На ковре сидела на мякком на арабском же,
 Против чистого же зерькала заморьского.
395. Зрадовáлся же царь арабские,
 Подходил он к кнегины, низко кланелса,
 Он ведь брал ей за праву руку,
 За праву руку, за золоты персий,
 Крепко жал да ручку правую,
400. Человал-то во уста сахарные.
 Марья Юрьёвна призадумалась,
 Улились-то горючий слезы из ее же глаз;
 Возговóрил же царь арабский:
 «Не тужи, не плачь же, Марья Юрьёвна,
405. Не жалей своего Чернигора, славна города,
 Не жалей своего мужа прежнего!
 У его-то ты жила же всё кнегиною,
 А у меня-то будешь жить да всё царицею,
 Много будет около тебя да ходить мамушек,
410. Всё будут ходить коло тебя нянюшки,
 Раздевать будут да одевать тебя,
 Ешшо будут все тебе да поклонятисе».
 Одевал-то он на Марью Юрьёвну,
 Одевал-то ей шубу соболиною,
415. Одевал-то на ей да шаль пухóвую,
 Подавал-то ей перчаточки гарусóв разных же,
 Он повёл тут да Марью Юрьёвну из каюты вон.
 Подарил-то эти карабли в подареньицо Ваське Торокашкову;
 Тут немного-то Васька разговаривал,
420. Выбирал-то скоро якори булатныи,
 Развивал-то бёлы парусы полóтняны,
 Выходил-то скорé из гавани —
 Только видели-то Ваську в гавани.
 Когда привёз-то Марью Юрьёвну
425. Во свои-то царские полатушки,
 Проводил-то в свои полаты во царские,
 На дорогой-от на стул да рыта бархата,
 На ковёр-то на заморьские,
 Против чистого-то зерькала заморьского.
430. Тут пошли-то пиры весёлые,
 Пировали-то, столовали трóи суточки,
 Напивалисе-то все во городи в арабском-то,
 Все со старого до малого свалилисе, —
 Караулы-ти были очень плóхие,
435. Как никто почти не караулил тут,

- Все слегли да были пьяные.
 Царь арабской со кнегиной с Марьёй Юрьёвной разговаривал,
 Он сидел-то с ней в тёплой спаленки,
 Он ведь всем ей да развеселивал —
440. Некак не мог да развеселить жо ей.
 (О)на сидела всё ведь невесёлая,
 С плеч головушку повесила,
 Ни словечка-то не говорила.
 Тут царишшу-то за беду пришло,
445. За велику насмешечку показалось,
 Тут не люто зельё разгорелось,
 Тут царско-то серцо растреложилось,
 Лепетá в лица перемениласе,
 Могучи́ плечи́ шевелилисе, —
450. Он не звал тогда да нянюшек,
 Он не нянюшек, не мамушек,
 Он ведь сам да раздевать же стал,
 Золоты персни́ с рук поскинывал,
 Дороги́ да жемчуга он снимал же с ней,
455. Он бросал ей на кроваточку точёную,
 На точёную да золочёную,
 На ту ли на периночку пуховую,
 Окутывал ей одеялышком соболиным,
 Сам ведь начал закрывать окошечко у тёплой спаленки,
460. Он задерживал окошечко решотками железными;
 Он ведь пьяной был, так недогадливой,
 Не задёрнул-то он окошечко у кровагочки,
 Скорé лег-то он да на кроваточку,
 Золотá кровать да заколыбаласе,
465. Тут Марья Юрьевна да приросплакалась.
 Он хотел положить на ней да ножку правую,
 Он хотел обнять за шею ручкой правою —
 Марья Юрьевна не дозволила:
 «У нас нет таких законов на светой Руси, —
470. Как покуда не поженимса,
 До тогда не дозволяется».
 Зашипел-то собака по змеиному,
 Закричал-то собака по звериному:
 «Я давно бы да немного разговаривал,
475. Кабы не поразила красота твоя да чудная,
 Приказал бы отрубить твою да буйну голову, —
 За красоту только оставайсье,
 Уж ты етим-то обороняйсье».
 С огрубленьица, со досады-то
480. Зашипел-то, заспал скоро он,
 Захрапел-то крепко он, —
 Во окошечках стеколышка колыбалисе.
 Как во ту пору, во то время
 По Марьи Юрьевне было по учести,
485. По великой было милости,
 Марья Юрьевна потихохоньку поднималасе,
 Не брала, не удевала своёго платья цветного,
 Не брала своёго красна золота,
 Не брала она драга жемчуга,
490. Только взяла она сукна да всё заморьского,

- Она спускала ёго да за окошочко,
Она привязывала ёго да всё к окошочку;
Она тогда стала спускаться,
Потихошеньку тут спустилася,
495. Она спустилася, не досадилась,
Побежала, будто стрела летит.
Долго, мало ли бежала,
Как через трѳи-то сутоки поры-времени
Пробудилса-то царишшо да всё арабьской-от,
500. Царишшо-то всё Вахромейшшо.
Он закричал-то по звериному,
А зашипел-то вот по змеиному, —
Леса тёмные все пошаталисе,
Арабьско морюшко сколыбалосе,
505. Из реки вода да разливалася:
«Ай вы, ай мои да слуги верныя,
Асаулы всё мои учоныя,
Вы бегите все да все скопляйтесь!»
Докуль он сидел да розговаривал в заседаньици,
510. Той порой-то Марья Юрьевна,
Она пришла да ко Пучай-реки,
Приросплакалась да приростужилася:
«Ты, талань моя несчастная,
Пала, учесь, ты, горе-горькая,
515. На делу-ка мне да досталася,
На родинах была писана!»
Как во ту пору, во то время
Увидала ана днишша карабельная,
А у днишша-та была лёгка лодачка.
520. Она немного тут да разговаривала,
Она спехнула тут лёгку лодочку,
Ана села да паехала,
Переехала скоро Пучай-реку,
Отпехнула скоро лодочку.
525. Когда царишшо обсудил дела да всё ведь кончил,
Говорил йим да таковы речи:
«Вы, богатыри мои да всё арабьские,
Поезжайте-тко, сышшите Марью Юрьевну, —
Я положу вам наградушку великую,
530. Наделю много-то золотой казны».
Вот поехали богатыри, не ослышались,
Много ездили, не нашли её;
Они приехали, рассказали всё.
Тут царю-то за беду пришло,
535. За велику обидушку показалося,
Он пошел тогда в тёплу спаленку,
Он садилса на дорѳ же стул,
Вынимал же книгу чудную,
Книгу чудную волшебную:
540. «Ай же что да она есь да у Пучай-реки,
Поезжайте-тко, догнайте!»
Тут ведь слуги не ослышились,
Тут богатыри не отказалисе,
Они поехали скорым гонцом,
545. Они приехали ко Пучай-реки,

- Увидали-то: носит лодочку во Пучай-реки,
Осмотрели, что нет во ей Марьи Юрьёвны;
Они скоро ко царю да воротилисе.
Открывал-то царь да книгу-ту волшебную,
550. Тогда он говóрил всё таковы речí:
«Потонула моя невеста во Пучай-реки!
Не хочу я боле, царь, на свети жить!»
Насыпáл-то да зелья лютого,
Прикончил скоро тут свою жись же он.
555. Шла у нас да Марья Юрьёвна
Три годочка-то поры-времени
До Чернигора, слáвна города.
На ей рубашечка-то да избиласе,
Избиласе да износиласе,
560. Она сделала свою одежьницу из листьца из липового.
Она села-то отдохнуть тогда
Ко той ли ко реченьки к Муравлинки,
Как пойись-то ягодок ей лésных-то;
Она поела да всё покушала,
565. Она сидит-то призадумалась,
Призадумалась да распечалилась:
«Мне-ка всё равно, хошь жива же есь,
Не бывать мне ни в городú, ни в дерéвенке, —
Помру скоро с голоду».
570. Она села к реченьке к Муравленке.
На другой-то на стороночке,
Там стрелят ходит иолésничок;
Увидала ягó да Марья Юрьёвна,
Она стала ямú говóрити:
575. «Уж ты гой еси, младенькой полésничок,
Если есь у тебя жалось человеческа,
Перевязи меня на ту стороночку!»
Говорила она да второй же раз,
Говорила она да в третей же раз,
580. А полésничок да думает:
«Это есь да привидение!»
Дóстали-то он раздумалса:
«Делать нечего, што привидение,
Я ведь всё да перееду же».
585. Он ведь сел да в скору лодочку,
Перевёз да Марью Юрьёвну,
Он ведь стал да всё ведь спрашивать:
«Ты скажи-ко, привиденьё,
Ты откуда тут явилосе,
590. У миня да появилосе?»
Отвечала ему княгинушка:
«Уж ты дай-ко платья верхнего,
Платья верхнего приодетисе,
Приодеть да тело белоё».
595. Скинывал-то плáтьё полésничок ,
Отдавал-то он Марье Юрьёвны,
Он кнегины-то всё романовой.
Когда в платьицо приоделасе,
Речной водой умыласе,
600. Она пришла тогда, поздоровалась:

- «Ты скажи, скажи, полёсничок,
Из какого, скажи, города?
Ты какого, скажи, короля, королевича?
Ты какого, скажи, царя, да всё царевича?»
605. Ты какого князя, ты кнежевича?»
«Я — полёсничок-от ежду князя вот,
От Романа свет Ивановича,
Я стреляю-то гусей-лэбедей,
Как пернастых-то серых уток»
610. На его-то свадьбу весёлюю.
Здумал князь у нас пожениться, —
У его утерялася молода жена
Три годочка-то поры-времени.
Было много-то ей поискано,
615. Как морями много хожено,
Городами всё проехано —
Не нашли-то кнегины Марья Юрьевны,
Так решили, что погинула,
Теперь бёз вести пропала же».
620. Отвечала тогда да Марья Юрьевна:
«Уж ты ой еси, младенькой полёсничок,
Ты поверь-ко-ся всё моим словам:
Уж как я-то, бédна странница,
Я ведь — та ли романова молода жона,
625. Молода жона да Марья Юрьевна.»
Тут полёсничок да ужахнулсе же,
Наварил ей дици разною,
Накормил да напоил Марью Юрьевну,
Они скоро тут да призаснули же;
630. Когды по ўтру-то да пробудилисе
От полёсничок да с Марьёй Юрьёвной,
Они садилиса да в лёжку лодоцьку;
Повёз ей да во Чернигов-град
Ко терему кнеженейскому.
635. А у князя-то у Романа у Ивановичя
Гостей много-то было приехало,
Отовсюль-то съехались, скопилисе.
Шла тогда ёго свадьба-то развесёлая,
За столом-то князь сидел да со невестою.
640. Полёсничок-то зашел в палату,
За собой-то привёл Марью Юрьевну;
Полёсничок-от пошел ко столицькам ко передним-то,
А кнегинушка Марья Юрьевна,
Она стала в уголоцёк ко пеценьке к муравленки.
645. Наливал-то князь цароцьку золоцёную,
Подносил-то цароцьку полёсничьку,
А полёсничок-от не принимат её,
Не принимат да от ней отказываётса:
«Эта чарочка мне-ка пить да всё нё следует,
650. А подай-ко ету чарочку
Моёму другу-товаришшу!»
Подавал-то скоро чарочку
Князь Роман да свет Иванович
Он своей-то жоны прежнюю,
655. Той ли всё Марья Юрьевны.

- Принимала-то Марья Юрьевна,
 А с дорожочки она выпила,
 Она спустила перстень обрученный-от:
 «Уж ты, душечка, ой еси князь Роман свет Иванович,
 660. Поздравляю тебя с невестою!
 Подарить-то на свадьбу тебе нечего,
 У меня только есь всего богасьвица,
 Всё богасьвицо — один перстень золочёный-от
 Со драгима с трема ставками, —
 665. Я дарю тебе в подареньицо».
 Принимал-то князь Роман Иванович подарочок,
 Посмотрял же, он заплакал же:
 «Ты откуль взяла, странница, етот перстень-от?
 Етот перстень был кнегинушкин!»
 670. Тут кнегина-та заплакала,
 Во слезах она говорила:
 «Я не в силах боле боротисе,
 Тебе расскажот всё полесничок».
 Тут полесничок рассказал же всё.
 675. Тут выходил Роман да свет Иванович из-за столика
 От своей да он невесёты-то,
 Брал он странницу за праву руку,
 Целовал-то во уста сахарные,
 Прижимал-то к своему к сердечушку к жоланному,
 680. Называл-то своей кнегинушкой,
 Как кнегиной-то Марьей Юрьёвной.
 Скоро нянюшки-мамушки умывали же,
 Умывали же, наряжали же;
 Тут ведь странница не оказалась,
 685. А перед ййма стала кнегинушка,
 Как кнегина-та Марья Юрьевна.
 Как повёл-то князь кнегинушку,
 Как привёл-то ей да ко своим гостям,
 Как сказал он да таковы речи:
 690. «Уж ты, полесничок-от любимой-от,
 За твою за службу за верную
 Я хочу сёгodne жаловать,
 Я хочу всё да миловать;
 Ты бери-ко у мене невесёту заручённую,
 695. Ты бери ее во замужесьво,
 Я даваю тебе терем высокой-от
 Со садами-ти со зелёныма
 Вот со фруктами-ти со разными!»
 Как сказал же князь, да так же сделал он,
 700. Он женил скоро полесничка,
 Сам-от стал счесливо жить да с Марьей Юрьёвной.
 Той старинушке славу поют.
 Славну морюшку Хвалынскому на тишину,
 А Москвы-то реки на чесь, на славушку на великую,
 705. А советьскому-то народу на пропеваньицо,
 А от них-то пойдёт на рассказаньицо.
-

№ 81. ПРО ПРЕКРАСНОГО ЦАРЯ ПРО ИВАНА ПРО МИКУЛЬЕВИЧА

М-м как во славном гу нас было в Царі-граді,

А и во дворци, скажом, всё во царьском-та

А и собирал-то пир ведь и всё прекрасной царь Иван
Микульёвич,

А и собирал-то он вот и пир да для своих дружбей,

5. А и собирал-то своих всех в Царі-граді богатырей,

А и созывал на пир ведь и всех же млáдых рыцарей,

А и зазывал на пир ведь всех же он в Царі-граді со старого
до малого,

А и собирал на пир приходших всех корабельшничков,

А и собирал на пир премлáдых всех матросиков.

10. А и скоро, скоро йего палаты-ти слáвны царьские

А и вот народом-то, гостями принаполнились,

А и вот срещал гостей прекрасной царь Иван Микульёвич,

А и проводил гостей в палаты, скажом, царьские,

А и он садил, садил гостей своих, усаживал

15. А и вот за те ли всё за столички точёные,

А и вот точёные столички все были слоновых костей,

Э и они покрыты-те ведь и были красным золотом,

А и как за салфеточки садил их за золочёные,

А и как на стульицо садил их рыта бархата,

20. А и прям зерькалов-то он чистых восьтоцных-то,

А и на ковры-ти йих садил заморьские,

А и как за есвы-ти йих садил-то йих за разные,

А и за напитокки садил йих за розноличные,

А и заиграли тут ведь и арфы-ти игромые,

25. А и зазваніли тут ведь и струночки золоцёные,

А и заиграли всё во гуслици весёлые.

А и вот пошел тогда пир у царя навёсели,

А и опекало слáвно солнышко на ясени,

А и много-много было тут кушанья покушано,

30. А и разных водочок заморьских было попито;

А и как весёлой день пошел, пошел ко вечеру,

А и красно солнышко-та и шло жо всё ко западу,

А йего гости все его розвеселилисе,

А и розвеселилисе его гости, расшутилисе,

35. А и меж собой-то йего гости вот прирехвастались, —

А и как йиной у ёго гось хвастал силой богатырьскою,

А и как ведь и рыцари-ти хвастали поездьками славныма
молодецькима.

Прикрасной царь Иван же свет Микульёвиц

По палатам своим царьским ходил-погуливал,

40. С ноги на ногу манежно он переступывал,

А сафьянные сапожки у его ведь скрѣпали,

Золоты-ти его шпѣрики побрякивали,

Светлорусыма кудрями он приростряживал,

Белыма руками прирозмахивал,

45. Золотыма-ти перснями принабрякивал,

Со улыбочкой с весёлой рець говѣрил он;

- Подошол-то он к столам да низко кланелсе,
 Со весёлою улыбкою рець говóрил йим:
 «Уж вы ой еси, мои же дороги гости,
 50. Дорогí же мои гóсти у мня званья,
 Ишше званы у меня гости, рассажóные,
 Россажóны у мня гости, угошшоные!
 Я хочу-то всех вас, царь же, жаловать,
 Уж я жаловать хочу, награждать же всех:
 55. Вы берите у миня же красна золота,
 Вот берите-то у меня же чиста сéребра,
 Вы берити у миня каменьяца самоцьветного,
 Вот берите у миня да скатна земчуга,
 Вы берите у мня платья-одежды всё, обуточки,
 60. Кому надобно, бóдёт выдано».
 Тогда народ-гости низко кланелись:
 «Тебе спасибо, прекрасной царь Йиван Никульёвич,
 На великой большой милости!
 Нам тепере ничего не надобно».
 65. Говорил тогда прекрасной царь,
 Прекрасной царь Йиван Микульёвич:
 «Вы послушайте меня, прекрасного царя Йивана Микульевича:
 (У) нас в Царь-градí все дородни-ти дóбры мóлодцы поженилисе,
 Все девушки взамуж повыданы,
 70. Только я един, царь, да холостой хожу,
 Холостой хожу да всё неженат слыву.
 Пришло времечко, пора да мне женитисе,
 Выбирайте-тко мне всё да подвенецьницу,
 Девицю мне-то всё да красную,
 75. Чтобы расту-ту была она немалого,
 А умом-то, разумом ума полного,
 Как лицико у ней было порóшка снэжку белого,
 А румянецъ у ней в лици родовой всегда,
 Егодиноцьки в личи да занималисе,
 80. Ешшо очи-ти у ней были да ясна сокола,
 Ясна сокола Александрии, слáвна города,
 Брови-ти у ей да чóрна соболя,
 Чóрна соболя Царя-градá,
 Как паходочка у ей была павиная,
 85. Тíха рець-та была да лебединая,
 Штобы было кому мне да поклонитисе,
 Поклонитисе да покоритисе,
 Мне бы было да с кем думá думати,
 Речи мудрыя говóрити,
 90. Вам ведь было бы кого называть своей царицей-матушкой,
 Звелицять государыней Царя-градá».
 Скоро-скоро гости призагнули,
 Призагнули-призамолкнули,
 Стали скоро укрыватисе, —
 95. Старшой-от хорóнилса за среднего,
 А средний-от хорóнилса за младшего,
 А от младшего, от малого ответу нé было.
 Говорил-то царь да во перьвóй же раз,
 Говорил-то царь да во второй-то раз,
 100. Говорил же царь да во третей же раз, —
 Из-за того ли из-за столика кожéвного

- Тут ставал дородний доброй мóлодец,
Доброй мóлодеч корабельшшичок,
Ишшо Васька-то Торокашков сын, сын Володьёвич,
105. Говорил-то Васька таковы речи,
Таковы речи, таковы слова:
«Уж ты ой еси, прекрасной царь,
Прекрасной царь Ииван Микульёвиц,
Ты дозволю да слово вымолвить,
110. Слово вымолвить да рець говорити
Мня без той ли без смерти скорою,
Мня без той ли без ссылоцьки без дальною,
Мня без той ли насмешечки великою!»
«Говори-ко ты, Васька, чего надобно,
115. Во всём, во всём тебе будёт простительнё».
«Уж я знаю тибѣ да всё обруцьницу,
Вот обруцьницу да подвенецьницу, —
Кака красота надать, така есь она,
Ешшо будёт тебе с кем дума думати,
120. Заумёт с тобой да рец говóрити,
Она заможот быть у тбя царицою,
Тебе есь кому да поклонитисѣ,
А народу есь кого назвать да своей матушкой,
Ешшо той ли царицой благоверною.
125. Но она только есь не красна же девиця,
Не девиця же она, не вдовиця,
Она только — жона мужняя
У того ли у царя у Солóмана премудрага,
Как его ли цариця Саламáниха,
130. В Йерусалиме-то, славном городе.
Теперь царя да при дворци же нет,
Уехал царь в дальни-то в городочика,
В дальние города получать да дани-пошлины,
Не должён скоро приехати.
135. Я могу во ту пору, во то времѣцка
Увезти царицю Саламáниху
За тебя, царь, во замужесьво».
Говорил тогда прекрасной царь,
А прекрасной царь Йиван Микульёвиц:
140. «Что ты глупо говоришь, да Васька Торокашков сын,
Каки новья законы сваи устраивашь?
Не в каких-то нет законов государьсвах-та,
Що у живá мужá нельзя жона отнять».
А говорил тогда же Васька Торокашков сын:
145. «Не хитры-мудры свои же я здесь законы сделаю!
А и уж ты дай-ко мне, прекрасной царь Йиван Микульёвиц,
Дай-ко три-то мне чернёных больших кáраблей,
Нагрузи-ко-се товарами Царя-градá;
На два кáрабля станови же карабельшшичков,
150. Корабельшшичков-то всё же са матросами,
А на трѣтѣй-от карабь станови-ка ты матросиков,
За карабельшшичка пойду же сам тогда.
Не бойсе ты, прекрасной царь Йиван Микульёвиц,
Что дельшко не очень, скажом, мудроё,
155. Не первьú-то омманул жо, скажом, женшшину,
Мужовья-то были все да приоставлены, —

- Увезу-то я царицу-ту прекрасну Соломáниху,
 Много, много я, ведь и Васька, везде плаывал,
 По городам по разным, Васька, везде гуливал,
 160. Но такой я красавици не видывал».
 Тогда садил ёго прекрасной царь Еван Микульёвиц,
 Вот садил ёго за столичок переднёй-от,
 Подносил ему ведь и сам царицку зеленá вина,
 Зеленá-та вина ему ведь чарочку золочёною,
 165. Втору царицку наливал ёму браги крепкою,
 Третью царицку наливал напиткику заморьского;
 Выпивал-то тут Васька Торокашков сын,
 Стал ведь и Васька тут у царя же веселёхонёк,
 Правой-то рукой начал Васька тут помахивать,
 170. Правой-то ногой начел Васька тут поплясывать.
 Пированьицо-то шло Васьки веселёе,
 Пировал-то, столовал Васька трóи сутоцьки,
 Полуцил-то он подарки очунь ченныя,
 Очунь ченныя подарочки-то, говорить нельзя.
 175. Через трóи-ти сутоцьки поры-времени
 Приготовлены для Васьки были ти чóрны кáрабли,
 Нагружóны-то были таварами-ти разныма,
 Разныма таварами Царя-градá, —
 Чого в эти караблички былó не накладено!
 180. Провожал эти караблички прекрасной царь Еван же свет
 Никульёвиц,
 Сам отводил же от той всё от гавани карабельною,
 От той ли всё от пристани от царьскою,
 Спровожал-то он, выводил да во синё морё.
 Роспростилсе царь прекрасной свет Йёван же свет Микульёвиц,
 185. Он уехал всё во славной Царь же град,
 А Васька-то Торокашков сын Володьёвич,
 Вот пошел, пошел он всё жо во синё морё,
 Во синё пошел во морюшко, во Ерусалим во славн же град же он.
 Потенули ему ведь и ветры-ти попутные,
 190. Вот попутныи йимú ветры-ти, поносные,
 Приходил-то Васька скоро, очунь скорёхонько,
 Подошел-то к Еросалиму-то, слáвну городу,
 Он пришол-то, Васька, среди денёчика-то, дня же белого,
 Заходил-то скоро в гавань в карабельною,
 195. Подходил-то он ко пристани ко царьскою,
 Он выкинывал-выбрасывал мóсты-ти дубовые,
 Тогда выкинывал-выбрашивал сукнá-ти все заморьские,
 Тогда брал-то Васька скóры ярлыцьки скорописцята,
 Были написаны прекрасным-то царём Йёваном Микульёвичом,
 200. Они писаны были по рыту, рыту бархату,
 Как ведь и писаны же были красным золотом,
 Было уписано, ишо: «полуцай, царица, дани-пошлины».
 Тут пошел-то Васька по городу тихошенько,
 Он ведь и думал, ишшобы не поймали дóбра мóлодца
 205. Из таможни-то всё ведь и всё из царьскою;
 Он в таможни-ту не смел, Васька, зйти же сам,
 Он послал, послал других младых карабельщицкав.
 Когда подошел-то ко дворьцу-то всё ко чарьскому,
 Ко высокому крылечушку государьскому,
 210. Не пропускали тут ёго жо слуги царьские,

- На ёго они крычали немилóсливо,
 От крычали: «Йиди проць же, Васька Торокашков сын,
 Почому жо подошел ко дворцу ко царьскому,
 Ко крылечушку ко нашому государьскому?»
215. Про тебя-та, Васька, да́но, всё объявлено:
 Много делаешь ты, ведь и Васька, оммáну разного,
 Украл, увёз много ведь и молодых же жон,
 Мужовья мно́ги не знают, где-ка йих же взять».
 «А уж вы ой еси, царевы слуги верныя,
220. А и слуги верныя царя Салóмана ведь всё царя,
 А и я не вор, не вор пришол, Васька, не разбойничек,
 А я пришол же, Васька, послан с данью-пошлиной,
 А и с данью-пошлиной пришол я из Царя-градá,
 А и от прикрасного царя Йивана я от Микульевича».
225. А и говорéли тогда же слуги царьские:
 «А и у нас примудрого царя славного Солóмана,
 А и его, света, у нас при дворьци своём не случилосе,
 А и его сейцяс нету у нас, не пригодилосе,
 Э и по делам уехал он по своим па царьским-то».
230. «А его нет в домй — цариця всё находится,
 А и без него получит без нёго товары разные,
 А и товары разныя-ти всё же йони Царя-градá.
 А и не пропустите меня, — будете виновные».
 А и ведь и слуги-ти Салóмана премудрого
235. А и забоялисе йего они наказаньяца,
 А и пропускали ёго в палаты ёго славны царьские
 А и до самóй-то всё царици Соломáнихи.
 А и тут царица-та Саламáниха
 Сидела она обедала,
240. А и вот обедала сидела она, кушала,
 А и что ведь и белую лебёдушку сама рушала.
 А и вот зашол, зашол он в палатушку, немилый гось,
 А и вот немилый гось, Васька Торокашков вор;
 А и зашол-то Васька в палату ёго царьскою,
245. А и подходил-то он к царици, низко кланелсе,
 А и со весёлою гулыбоцькой рець говорил-то:
 «А и уж ты здрастуй, здрастуй, прекрасная царица жа Соло-
 мáниха!»
- «А и уж ты здрастуй-ко, здрастуй, доброй мóлодець,
 А и как нá имя Васька Торокашков сын!
250. А и дли чего же ты приехал в Ерусалим наш град?
 А и по каким жо ты делам необходимым-то?»
 А и отвечал-то ей тогда Васька Торокашков сын:
 «А и вот дела-ти у миня же очунь чўдныя».
 А и подавал-то ей ведь и ярлыцьки скорописцеты,
255. А и чўдно-мўдро были ярлыцьки уписаны,
 А и вот уписаны те ярлыцьки, запецятаны.
 А и сóрвала скоро цариця пецяти-ти золоцёные,
 А и цитала скоро ярлыцьки скорописцеты,
 А прочитала скоро, она говорила:
260. «А как у мине-то царя в домицьки не случилосе,
 А и без Солóмана-та без царя я не знаю всё,
 А я не знаю, сколько нужно полуцить же дани-пошлины.
 А и ты постой, постой, ведь и Васька, у в гавани в корабельнёю,
 А и у той ли славной пристани у царьскою,

265. Вы дожидетесь царя Солóмана из дорожочки, —
Он приедет да всё скорёхонько,
Через три денёчка-то поры-времени
Должён вернуться Соломóн в Ерусалим да свой горóд». Говорил тогда Васька Торокашков сын,
270. Торокашков сын да всё Заморенин:
«Мне нельзя стоять долгó, замешкаться,
Мне не велено долгó стоять-прокладатисе,
Мне-ка велено сдавать скорó товары, не замешкавшись.
Снимай товары, царица Соломáниха,
275. Я плачú да за дань-пошлину». Тут царица-та гавóрила,
(О)на говóрила такí речи:
«Мне-ка, право, Васька, худо véрица,
Не с омманом ли пришол да не с лукавьством ли?
280. Не увезти ли хошь царицю Соломáниху?» Тут ведь Васька клялсе и божилсе:
«Мне куда с тобой, царица Соломáниха,
Во первýх не по плечю да по моёму же,
Не по плечю да не по личу да по моёму же,
285. Ты мне жена не подходящая! Я пришол да с правдой сушшою.
Если не нать тебе товары Царя-градá,
Я уйду, Васька, обратна жа;
Только жаль тебе, царица Соломáниха, —
290. Заругат тибя царь Солóман, Шшо не приняла ты дани-пошлины». Тут поверила царица ляси васькиной;
Недосуг былó царицы дообедывать,
Она скоро выходила из-за столичку,
295. Одевали на ей шубочку соболиную,
Одевали на ей шаль пухóвою,
Нá ноги сапожочки сафьянныя,
Сафьянныя сапожки у ей тёплыя,
Надевали ей перцятоцьки шолкóвыя
300. Из семи шолков да всё Царя-градá. Она брала с собой да мамушок,
Она брала с собой да нянюшок,
А слуг-то верных — цисла-сметы нет.
Вот пошол тогда Васька Торокашков,
305. Он пошол с йими с улыбоцькой весёлою. Когда пришла она ко пристани ко царьскою,
Ко тем ли всё ко мостикам дубовым,
Ко сукнám-то ко заморьским-тó,
Он ведь брал царицу за правú руку,
310. Заводил ей на палубу карабельною,
Заводил ей в каюту корабельною,
Садил на стул да рыта бархата.
А нянькам-мамкам-то сказал: «Подождите-ко да не заходите-ко!»
А мог Васька мигнуть матросикам правым глазикам,
315. Чтобы развивали-подымали тóнки пáрусы полóтнены;
Его матросики не ослышались,
Пошли Вася вон из гавани.
Тут ить слуги-ти ужехнулисье,
Побежали, раскричалисье.

320. Посылали тут погонушку
 За ним кораблички-ти скорыя,
 Не могли-то всё догнать ёго,
 Спу́ста-напусто воротилисе.
 А по васькиной-то было всё по учести,
325. Ему везде-то, плуту, счесливило,
 Потенули-то ветры буйные,
 Ветры буйные-те попутные,
 Не бежали его чёрны кáрабли —
 Летели птицей перелётною;
330. Через трѳи-ти сутоцьки поры-времени
 Заходили они во Царь во град.
 А ко царьской-то славной пристани.
 Ваську стречали-то, добра мóлодьца,
 Тут ведь и выбросили сходенки-мосты золочёные,
335. Сукна золочёныя.
 Царь прекрасной Иван Микульёвиць
 Только сел поесь-покушать, пообедать, —
 Приходили-то слуги верныя,
 Приходили-то, ему кланелись,
340. Такú рець-то ёму говóрили:
 «Как пришли твои чёрны кáрабли,
 Пришли кáрабли из морюшка,
 Как пришол-то Васька Торокашков сын,
 Он привёз тебе невесту, царицу Соломáниху».
345. Недосуг прекрасному царю Ивану Никульёвицю дообедывать,
 Выходил он из-за стола же вон,
 Он ведь нáчел тут умыватисе,
 Умыватисе да урежатисе;
 Он удёлсе в плáтьё царьскоё,
350. Учесал-то кудри русыя,
 Завивал-то йих в колечушка.
 Тут садилсе прекрасный царь Иван Васильёвиць¹
 Во коретоцьку золочёную,
 Понеслась тут коретоцька очень быстро же,
355. Побежали тут кони очунь скоро же;
 Скоро-нáскоро приехали
 Как ко гавани корабельнёю,
 Ко пристани ко царьскою,
 Остановились кони быстрые,
360. Выходил из кореточки прекрасной царь,
 От прекрасной царь Ииван Никульёвиць.
 Его стречал тогда Васька Торокашков сын,
 От стречал, ему низко кланелсе,
 Проводил его в каюты корабельнёю.
365. Заходил-то в каюту прекрасной царь Ииван Никульёвиць, —
 Во каюты сидела на стули рыта бархата
 Вот сидела цариця Соломáниха.
 Она скакала скоро на резвьí ногй.
 Подходил-то к ей прекрасной царь,
370. Прекрасной царь Еван Некульёвиць,
 Познакомилсе с ей да поздоровалсе,
 Подавал свою да руку белую,

¹ Обмолвка; следует: «Микульевиць».

- Целовал ее в уста да во сахарныя,
Тут пошла у них бесѣдушка весѣлая,
375. Разговоры всё пошли весѣлые,
Пировали-столовали три цеса да поры-времени;
Как тогда брал он ей да за праву руку,
Повѣл скоро да йиз каюты вон,
Он сажил ей в кореточку золочѣною,
380. Поехали-покатились по Царю да слáвну городу;
Онѣ приехали ко дворцю да всё ко царьскому,
Ко крылеющку да государьскому.
Как пошли тогда пиры весѣлые,
Много-много было гостей съехалось,
385. Все съезжалисе-скоплялися, —
Все цари да всё царици,
Короли все да королевичи,
Ещё князи-ти да князевици,
Все богатыри сильние Царя-градá,
390. Все рыцари премлáдья,
Пировали все со старого до малого в Цари-градѣ.
Пированьицѣ было чудноѣ,
Тут играли арфы игромья,
Бречѣли струноцьки золоцѣныя,
395. Играли гусли-те весѣлые.
Прошло немало-то поры-времени;
Как прекрасной-от Йеван Микульѣвиць,
Он не торопитсе повенцятисе,
Ему хочется холостой жизнью повеселитисе,
400. Яму хоцца с гостями всё поездити
По лесам-то по разным всё в Цари-градѣ,
Показать-то йим зверей же лѣсных же.
Зверей лѣсных да чорных сѣболей,
Чорных сѣболей да ясных сѣколов,
405. Орлов-то да златокрылых же;
А царици-ти Соломáнихи за беду пришло, —
Долго свадьбу-ту он откладыват,
Откладыват да всё отсрочиват, —
Она всё царю говѣрила:
410. «Уж ты ой еси, прекрасной царь,
Уж прекрасной царь Йиван да свет Микульѣвиць,
Не велела бы тебе долго проклажатисе,
Поскоряй бы я желала повенцятисе:
Не нашути-ко ты шутоцьки немалою,
415. Чтобы ета шутоцька не прошла тебе
Чудом чудным да дивом дивным-то,
Не наехал чтобы, не нагрѣнил Солѣман чарь,
Не отнял бы цярщицы Соломáнихи!»
Отвецял-то ей прекрасной царь,
420. Прекрасной царь Иван да свет Микульѣвиць:
«Не ужайхисе, прекрасная царица, душочка царица Соломáниха,
Неоткуль приехать царю да всё Солѣману,
Он цем знат, куды увезѣна царица Соломáниха!»
Говѣрила тут царица Соломáниха:
425. «Чуѣт, цюѣт моѣ серцо шшо-то недоброѣ,
Некакѣ струноцьки золоцѣныя меня да не утешивают!»
«Ни к цему, цярщица, ужайхисе, —

- Женщины, вобщше, да все ведь слабые,
Как мухи на меду да всё пугливыя».
430. Замолцзяла тут царица Соломáниха.
Скоро приехал тут Сбóломан
Во славной город Ерусалим же свой;
А и не дошод-то двора, да скоро весть пришла,
Скоро весть пришла, шшо нет царицы, да вот не случилосе,
435. А шшо: «увёз, увёз царицю вор Васька Торокашков сын,
А и Торокашков Васька сын да вон Замóренин,
А и он пришол-та на чернёных трёх карабличках,
А и как по фла́кам были зна́менья Царя-градá,
А ишше привёз будто тебе жо дани-пошлины».
440. А и догадалсе-то тогда же всё премудрой царь,
А и вот премудрой-от царь Салóман-от,
Э и теперь пóнел царь всё, в цём идут дела, —
А и вот не с дань-ту приходили чóрны кáрабли,
А и со омманом-то приходили, со лукавьсвом-то, *
445. А и увезли царицю Соломáниху:
«А и как во Цари-градí прекрасной царь Йиван Васильёвиц¹,
А я знаю, шшо он нежонат живёт,
А и по красы своей он очунь прекрасной-от,
А и по красы своей прекрасной не можот он найти невесты-то,
450. Кроме моей-то всё царицы Соломáнихи.
Вот не чесь-то мне б́удёт, сказать, царьская,
А не выслуга ведь и ч́удна богатырьска, —
Какí законы прекрасной царь устроил сам,
Б́удёт у каждого у мужа жона отнята-то!
455. Задаю ему за ето шуточку немалую,
Разруш́у ёго законы всё же новыя,
Возврашшу же всё законы старопрежние!»
Всё с дорожочки же царь поел-покушал из дорожочки,
Ешшо белой-то лебёдушки покушал он,
460. Со дорожочки, со удрожочки призаснул же он;
Он немного-то ведь и спал да скоро-скоро встал,
Он ведь и взял-то в руки, скажом, рог туриной-от,
Вот туриной-от рог да золочёной-от,
Вострубил-сыграл-то он да во туриной рог.
465. Услыхала ёго дружиноцька хоробрая,
В перьвой раз-то он сыграл, — она скопляласе;
Во второй-от раз сыграл, — да одеваласе;
На третей-от раз сыграл, — она садиласе,
Вот садиласе гонá да на добрых коней,
470. Вот подъехала к дворьцу тогда ко царьскому,
Вот ко крылецюшку ко славному государьскому.
Одевалса-то скоро царь Солóман в плáтьё богатырьскоё,
Под плáтьё-то одеты были латы богатырьския,
Брал с собой царь да саблю вострую.
475. Саблю вострую да богатырьскою.
Брал с собой копьё богатырьскоё,
Брал с собой палицю тежолую богатырьскою,
Он брал себе коня статного богатырьского,
Он садилсе скоро на добрá коня.

¹ Обмолвка; следует: «Микульёвиц».

480. Не орлы-ти полетели, золоты перья,
 Поехал царь Саломон со своей дружиноцкой хороброю,
 А позади-то шла да сила-армия,
 Сила-гармия да коньска гвардия.
 Немало ехали поры-времени,
485. Они ехали скоро-наскоро,
 Нигде да не отдыхаючись;
 Оставлял силушку во чистом поли,
 Всю дружиноцку храбрую во чистом поли,
 Он дружинишке своей храброй наговаривал,
490. Силы-армии принаказывал:
 «Теперь, робяты, отдыхайти жи,
 Караулы-ти да содержитё-тко,
 Содержите-тко да всё ведь слушайте,
 Когда буду в туриной рог играть да всё выигрывать:
495. Когда возыграю я во первой же раз, —
 Вы, смотрите, одевайтесь;
 Во второй-от раз взыграю, —
 Вы садитесь-ко на добрых коней;
 Когда взыграю-то я во третей же раз, —
500. Вы скачите-поезжайте в славной Царь же град,
 Рубите силушку у прекрасного царя Ивана-то Микульёвица,
 Вы рубите-ко со старого до малого,
 Не оставляйте силушки на семена».
 Скинывал-то своё платье богатырьское,
505. Надевал-то платье странника,
 В руки взял-то прбсту тростоцку деревянную,
 Взял ведь сумоцку-котомочку,
 В ей полбжил несколько кусоцков-то.
 Он пришол скоро ко городу к Царю-граду.
510. Он зашол скоро во Царь во град,
 Подошол он ко дворьцу всё ко царьскому,
 Ко крылецюшку государьскому,
 Подошол ко передним к царским ко окошочкам,
 Закрыццал он да громким голосом:
515. «Уж ты ой еси, царица Соломаниха,
 Ты подай-ко свету милостиню богомольною,
 А для самог-то спаса пречистого,
 Для самог-то царя Соломана!»
 Услыхала тут царица Соломаниха,
520. Она сразу тут дугадаласе,
 Догадаласе да дозналасе, —
 Не калика перехожая,
 Сам царь Саломан же есь.
 Выбегала, его стретила,
525. Проводила ёго в палаты царския,
 Садила ёго за столицьки точёныя,
 За салфетоцки за шелковья,
 За кушанья за сахарные,
 За напитки за заморские.
530. Он покушал-поел да говорит царице Соломанихе:
 «Отдохнуть хоцца с дорожочки».
 «Во полатах-то отдыхать никак нельзя,
 Потому шшо наедут гости разные,
 Гости разные из темных лесов,

535. Наедет прекрасный царь Иван Микульёвиць,
Между вами-то вражда пойдёт тогда,
Будет сильня драка кроволитная.
Я могу жо только скрыть тебя, —
Вот стоит-то которой сундук да золочёной-от,
540. Золочёной-от сундук да в моей спаленки
У кроватоцьки да у золоцёною,
У перинушки да у пуховые,
У подушочок да у пуховых-то,
У одеяла-то у соболиного,
545. В зголовьях у мня куны стоят,
Во ногах да соколы глядят». —
На шшо же царь хитрой-мудрой же был
И очошь во всём догадливой,
А от радости позабыл жо царь,
550. Попуталса мудрого ума-разума,
Согласилсе на ляси женины,
Он зашел да в золотой сундук;
Она замкнула да золотым ключём,
Она села на золотой сундук.
555. Во ту пору-то, во то времечко
Прекрасной царь Иван Микульёвиць
Он приехал из темных лесов да в славной Царь же град,
Он навёз да черных соболей,
Чорных соболей да он кунить-лисиць,
560. Он навёз да гусей-лёбедей,
Гусей-лёбедей, пернастых серых уток.
Перделсе он с пути, с дорожочки,
Одевал да платье цветное,
Платье цветное да он ведь чарьскоё,
565. Умывал да лице белое,
Лице белое, да лице нежноё,
Он пошел с чаричею здороватьсе;
Он пришел да поздоровалсе,
Они пошли видь йись, пить, кушати,
570. Белай-то лебедушки пошел рушати.
Они садилесь за столицьки золоцёныя,
За салфетоцьки шолковья,
За кушанья за разныя,
За разныя за сахарныя,
575. За напитки разнотычныя.
Они сидели видь тут кушали,
Играли тут арфы все игромья,
Бречали-то струны золоцёныя,
Ииграли-то в гусли весёлыя,
580. Веселы реци вели, разговор-от шол у йих весёлой жо.
Гворила тут царица Соломаниха:
«Уж ты ой еси, прекрасной царь,
Прекрасной царь Иван Микульёвиць,
Сказали про царя да про Соломана,
585. Что царь-от Соломан хитрой-мудрой,
А мудреть его на свете нет, —
Кзбы хитрой бы был, мудрой же он,
Дак не сидел у бабы под гузном».
«Ето что говоришь такы слова да непонятные?»

590. Говорил ей прекрасной царь Иван Микульёвиць.
 «Ты пойдём со мной, прекрасной царь,
 Прякрасной царь Йиван Микульёвеч,
 Где сидит да всё премудрой царь Солóман же».
 Повела ёго да в тёплу спаленку,
595. Отомкнула ёму скоро-скоро золотым ключом да золотой сундук, —
 Ужахнулсе тогда прекрасной царь,
 Прекрасной царь Йиван Никульёвиць.
 Тут говорит ёму царица Соломáниха:
 «Ты шшо, прекрасной царь Йиван Микульёвиць,
600. На ёго гледишь да всё посматривашь?
 Не смотришь бы на него да не гледеть тебе,
 На твоём бы местé была бы я,
 Я немного бы стала розговаривать,
 Отрубила бы ёму да буйну голову».
605. Говорил тогда прекрасной царь Иван Микульёвиць:
 «Он тепере у меня да некуда уйдёт».
 Прекрасной царь Еван Микульёвиць,
 Он брал со спицьки соблю вострою,
 Он хотел сказнить у царя Солóмана буйну голову;
610. Возговорил тогда Солóман царь:
 «Уж ты ой еси, прекрасной царь,
 Прекрасной царь Йиван Микульёвиць,
 У царей законы парные, —
 Наши рóды всё ведь царьския,
615. Не казнят и не губят же нас,
 А на волюшку отпускают же».
 У прекрасного у царя у Йивана у Микульивиця
 Права рудюшка опустиласе,
 Сабля вострая повыпала.
620. Говорит тут царица Соломáниха:
 «Уж ты ой еси, прекрасной царь,
 Не срубил у царя у Солóмана буйну голову,
 Тебе тепереце его да не погубить никак».
 «Уж ты ой еси, прекрасная царица Солсмáниха,
625. Цем он можот погубить меня?
 Ведь он у меня в руках, а не я у его в руках».
 «Спомнишь меня, царицу Соломáниху,
 Когда не послушал моёго приказаньица».
 Тут выпускал ёго прекрасной царь Йиван Микульёвиць
- 630 Из сундука ёго да золоцёного,
 Напоил да накормил ёго,
 Засадил-то во комнату в отдельную,
 Окошочка затенул он решоткыма железныма,
 У дверей-то поставил караульщицков.
635. Тут прекрасной царь Еван Некульевёц выговариваг:
 «Ты цого боялась, прекрасная царица Соломáниха?
 Он не зверь страшной, не кусаетсе».
 Говорила тут царица Соломáниха:
 «Теперь отойдёт-то царь Солóман своей мудросью».
- 640 Под караулом-то сидел царь Солóман ноцьку тёмною,
 Ночевал да под караулом же;
 По утру-то, да ўтру ранному,
 По восходу-то соньца красного,
 Сзават рано прекрасной царь Йиван Никульёвиць,

645. Приказать хотел срубить у Соломана буйну голову;
А Соломан-от царь всё говóрит же:
«Уж вы ой еси, да слуги царьския,
Слуги царьския да государьския,
Прекрасного царя Евана да всё Микульица,
650. Вы скажитё-тко да донеситё-тко
Прекрасному царю Евану свет Никульевицю:
Я хоцю да с ним проститисе
Перед своей конциной смертною».
Приходили тут слуги царские,
655. Передали рець царём да говорёною.
Тут не спускала царица ёго да Соломáниха:
«Не ходи, царь, с йим да рoспрошшатисе!»
Тут не послушал прекрасной царь Йеван Микульёвиць,
Он пошел жо с йим прошшатисе.
660. Когда пришел прекрасной царь Еван Микульёвиць прошшатисе,
Говóрил-то ёму всё Соломан царь:
«Уж ты ой еси, прекрасной царь,
Ты, прекрасной царь Еван Микульёвиць,
Ты позвол-кò перед конциной смёртнóй слово молвити,
665. Слово молвити да рець говóрити,
Мне без той ли всё казни скорою,
Без ссылоцьки без дальния,
Без насмешочки великою!»
«Гсвори-ко, царь Соломон, чего надобно,
670. Тебе во всём бўдёт простительнё».
«Не руби, прекрасной царь Еван Микульёвиць,
Мою буйну голову саблей острою,
Той смертью нехто народ-люди не увидят же,
А уж жалаю смерть такую я, —
675. Что сделать-то всё высучей рей,
Шьтобы видяѣ был да всему городу,
Шьтобы видели страшнóу смерть немилóсливу царя Соломана;
Молоды-ти люди будут смеятисе,
А стары-те будут ужахатисе,
680. А млáды-те будут дивоватисе.
Когда прикажешь сделать рей высокой-от,
Ко тому рею высокому
Прикажи-ко повесить три-то пётелки:
Пёрвóу петелку-то сделать всё варóвую,
685. А вторóу петелку-то всё липóвою,
А третью петелку шолкóвою;
К етому к рею да высучему
Сделать лóсинку со ступенками,
Со ступенькама со частыма,
690. Со ступенями, со перилами.
А проводи меня, да сам прекрасной царь,
Прекрасной царь Еван Микульёвиць
Со своей царицей Соломáнихай,
Проводи-ко-се, Васька Торокашков сын Замóренин.
695. Вы запомните-ко страшнóу смерть немилóсливу царя Соломана!»
Прекрасной царь Йиван Микульевиць одевайтсe,
А царица-та Соломáниха ругаетсe,
Горючими слезьми да уливайтсe:
«Немалу-ту шутоцьку нашóтил, царь,

700. Прекрасной царь Иван Микульёвиць,
 Отойдёт теперь Солóман своей мудросью!
 Ты не мог да погубить ёго,
 Когда был он во твоих руках да у тебя в дворци!»
 «Шьто ты глупости говóришь, царица Солóманиха, —
705. Он убегать будёт, некуда не убежать будёт, —
 Под карауликама под строгима,
 Под ружьями-та под крепкими».
 Вот пошли все да провожать ёго;
 Повели царя Солóмана,
710. Как преступника престащного;
 Возговóрил царь Солóман да таковы речй,
 Таковы слова да таковы речй:
 «Уж вы ой, народ, да люди добрыя,
 Мне-ка жаль вас, идите вы по напрасному
715. Смотрить смерти царя да всё Солóмана, —
 Страшна смерть будёт царя Солóмана, немилóслива,
 Вам сматрять будёт да очень страшно же,
 Я советую вам, люди добрыя,
 Как назад вам да воротитисе!»
720. Умно́й-от народ-люди пóнели,
 Люди пóнели, назадь ворóчелись,
 А глúпы-те бежали да впереди его,
 Они кричели да говóрили:
 «Вот посмотрим, какая смерть будёт преступнику несчасного!»
725. А прекрасной царь да со царицей Саламáнихой,
 Они шли да позади ёго,
 С ними был ведь Васька Торокашков сын да всё Володьёвич.
 Подошли когда к рею да ко высокому,
 Тогда пошел царь да всё Солóман-от
730. На лесницу да ны высокою,
 А с той-та лесенки на мálеньку,
 А на маленькой было лисници три ступенечки.
 Когда ступил он на пёрьву на ступенечку.
 Поклонилсе он прекрасному царю Евану Никульёвицю:
735. «Уж ты ой еси, прекрасной царь,
 Уж ты, прекрасной царь Еван Никульёвиць,
 Перед моей да конциной скорою
 Позволь мне зыграть-струбить да всё в туриной рог,
 Тебя, царя, с царицей приутешити».
740. А царица-та Соламáниха выгавариват:
 «Не давай-ка ты играть, да ета нé к цему!»
 Не послушал царь да всё царицы же:
 «Ешио не вышла за меня, да распоряжа́исьсе!»
 Замалцяла тут царица Саламáниха.
745. Когда розрешил-то прекрасной царь Еван Некульёвиць,
 Возыграл-то он во туриной рог да во пёрвóй же раз,
 Его дружиноцька хоробра пробужаласе;
 Когда зыграл да во второй же раз, —
 Его дружиноцька одеваласе,
750. Одеваласе да собираласе;
 Когда зыграл он да во третей же раз,
 Тогда ёго дружиноцька хоробрая,
 Оны садились да на добрых коней,
 Оны скакали-то да ко Царю-градú,

755. Позади-то шла да сила-армия,
Сила-армия да коньска гвардия.
Он ведь начел в рог да всё наигрывать,
По золотым струноцькам начел выговаривать,
Зачинал напев он Ерусалимом, славным городом,
760. Концял напев да Царём-градом;
Царице-то Саламáнихе выгавариват,
А царю прекрасному Ивану Микульёвицю напéниват,
Что: «нехорóши законы улóжил же,
У живых мужьей жон отнимать начáл».
765. Напоследоцьки говóрил же:
«Уж ты ой еси, прекрасной царь,
Прекрасной царь да свет Микульиц,
Тебе спасибо, царь, на мýлосси на великою,
А теперь, царь, я не у тебя в руках,
770. Теперь вы, царь, да у миня в руках.
Налетели гуси со светой Рýси,
Клýют твою пшеницу белоярову!».
А наехала ёго дружиноцька хоробрая,
Подошла тогда да скоро армия,
775. Скоро армия да коньска гвардия,
Они стали бить народ в Цари-градí,
Много набили тут народа же,
Силы горами наклали же.
Жáлка стáла царю Салóману,
780. Шшо напрасна бьют народ невиновен же,
Возговóрил таковы реци:
«Уж вы ой еси, моя дружиноцька хоробрая,
Моя верная да сила-армия,
Ешшо славная да коньска гвардия,
785. Глупой-от народ да вы прибили же,
А умного народу не губите-тко,
Ево оставьте-ко для семени в Цари-градí».
Тут дружиноцька ослушалась,
Сила-армия остановиласе,
790. Коньска гвардия огледеласе.
Солóман царь приказал своей дружиноцьке хороброю
Взять Ваську-то Торокашка-го,
Затенуть ёго в петелку варóвуя,
А царицу-то Соламáниху в петлю липову,
795. А прекрасного царя Евана всё Микульёвиця,
Его полóжить-то в петелку шолкбóвую.
Не ослышалась ёго дружиноцька хоробрая,
Как приказывал, так и сделали.
Ивану Микульёвицю пришла смерть тихая,
800. Царица-то Соломáниха простонала же,
А Васька-то Торокашков сын,
Долго крычал, долго стонал же он.
Тут ведь и царь Салáман говóрил же:
«Уж вы ой еси, народ, да люди добрыя!
805. Ваську казнил да потому же я, —
Много сделал дел нехороших же;
А прекрасного царя Йивана Микульёвиця за то, —
Не прельшшайсе на чужу жону,
Не отбирай от живá мужа жа;

810. А царицу-та Саламáнику — за изменушку».
 Как пошла у ёго да сила-армия,
 Как поехала да коньска гвардия,
 Позади пошла дружиноцька хоробрая.
 Онъ приехали скоро же в Иерусалим-град.
815. Тут немного царь Солóман разговаривал,
 Он нашол невесту скóра же,
 Он нашол да поженилсе же;
 Тогда пошло у его да пированьицо,
 Как весёло-то столованьицо.
820. Той старинушки конец пришол.
 Слáвну морюшку Хвальнскому на тiшину,
 А Москвы-реки на чесь, на славушку на великую,
 А всему народу советцькому на послушаньицо,
 А от них млáдым-то пойдёт на пропеваньицо.

№ 82. ИВАН МИНИДОРОВИЧ И СОФЬЯ ЦАРЕВНА

- А и как ведь жил-то, был Иван же Минидóрович,
 А и вот богáтырь-от ведь и был да вочунь сiльнёй же,
 А и вон ведь рыцарь-от ведь и был да всё премлáдой-от.
 А и много, много Иван Минодорович бывал везде,
5. А и много, много Йиван же Илиндорович
 А и он видал, видал всего, да много видывал,
 А и он всего-то ведь как много всё же слышивал,
 А и много бывал-то он в боях да в богатырьских-то,
 А и много в съездах-то бывал да в славных рыцарьских,
10. А и много-то бывало у него дружбёй-товарищей,
 А и много разных сильных-то богáтырей,
 А и много разных млáдых-то ведь рыцарей.
 А и как была-жила же тут да красна дéвица,
 А и как двоюрóдна его же была сéстрица,
15. А и как ведь без отця-то (о)на была же всё, без матушки, —
 Ей ведь взял за то двоюрóдной-от брателко;
 Как девица-та была Софья царевна-та.
 (О)ни сидели-то вместях же, вобучалисе,
 Обучал-то Йиван, Йиван же Минидорович,
20. Он ведь Софью-то обучал да всё царевну-ту,
 Обучал-то всем наукам он премудрым-то,
 Как премудрости-то всей же ей восьточною.
 Они просиживали, проучивали тёмны ноченьки,
 Напролёт-то тёмны ноченьки просиживали,
25. А люди добрыи задумали дело нехорошоё,
 Нехорошоё-то дело, сáмо гибшоё, —
 Шьто межжу нiма-ти идёт ведь дело самоё-то вредноё,
 Самое вредноё-то дело, беззаконноё,
 На дому дёржит ведь он сiбе полюбовницу,
30. Полюбовницу-ту дёржит сiбе, любушку,
 Прелюбодейну жись ведут да беззаконную:
 «Эта какá же жись пойдёт у нас на царьсви-то!

- Прелюбодейницы же будем же кланеться,
Прелюбодейницы будем мы же кланеться,
35. Вот ведь кланеться-то будем, поклоняйтесь!»
И вот задумали ведь все же князья-бояра,
Князья-бояра задумали, купечесво,
Как купечесво задумали, простой народ
А и разлучать-та тут Ивана-та Минидоровича,
40. А и что ведь выселеть ведь Софью-ту царевну же,
Не была шьтобы у йих же в ихном городе.
А и собирали-то гоня же перьво-то заседаньице,
А и заседаньице собирали на рассужданьице;
А и во перьвых-то зазывали тут Ивана Минидоровича,
45. А и от ведь и звали они его же во перьвой-то раз,
А и как ведь звали они его тут на другой же раз,
А и вот ведь звали-то его они на третей же раз.
А и говорила ему двоюродна-та люба сестрица,
А и еше та ли всё ведь и Софья дочь царевна жа:
50. «А уж ты ой еси, двоюродной милой брателко,
А и как Иван-от свет, Иван же Минидорович,
А и прикрывай-ко свои премудрыя занятия,
А и все премудры-ти ведь и книги всё учоные,
А и ты поди, поди, Иван же Минидорович,
55. А и ты поди, иди скорее на заседаньице,
А и где-ка скопились народ все, куда съехались!»
А и тут пошел, пошел Иван же Минидорович,
А и одевал-то он тогда же платье цветное,
А и учесал свои-ти кудри светлорусыя, —
60. А и тогда пошел, пошел Иван же Минидорович.
А и он пришел же скоро всё же на заседаньице,
А и всёго народу-ту на рассужденьице,
А и гон пришел-то, поклонялся во перьвых-то всем со старшого,
А и как со старшого поклонялся всем до младшого,
65. А и подавали скоро ему-то стул царской тут:
«А и ты садись ,садись, Иван же свет Минидорович,
А и мы ведь все, народ ведь, люди-от твои подначальные,
А и мы ведь и хочом-то тебе да таку рець сказать,
А и таку рець тебе сказать, да какá нам нужно.
70. А и как одно у нас красно солнышко на небушке,
А и как одна у нас луна есь по(д)небесная,
А и как одна у нас звезда же есь небесная, —
А у нас одна только надежда есь великая
А и на тебе ли всё, Иван же Минидорович!
75. А и ты ведь и можошь нашої страны же всё царём сидеть,
А и вот царём можошь сидеть да королём, королём королить.
А и вот королём-то королить и всё князём кнезить.
А и только просим мы тибя в том, Иван свет Минидорович,
А и тибе одному-ту, царю, на царьсви скучно жить,
80. А и тибе скучно жить на царьсви всё, невесело,
А и тибе не с кем-то ведь думушку подумати,
Э и слова тайного-то ведь всё тибе промолвити, —
А и как пора тибе же, Иван Минидорович, женитесе.
А и ты женись, женись, Иван, да где-ка сам желашь,
85. А и где-ка сам же ты желашь, кого же ты схочёшь,
Из какого ты из роду вот, из племени!»
А и отвечал-то йим Иван тут Минидорович:

- «А я сейчас-то, все народ же, люди добрые,
А и я сейчас, жениться мне не хочится,
90. А и как невеста-та выбирать же мне-ка не к надобью». :
А почему Иван Минидорович не женился же?
А и потому он не женился, да доброй мóлодец, —
А и за науками сидел он за премудрыма,
А и он хотел-то все науки обучитесе,
95. А и обучить свою двоюрбдну сестрицю-ту,
А как ведь ту же все ведь Софию царевну-ту.
А и тут народу-то показалась большá обидушка,
А и вот досада-то показалась тут великая, —
А и закрычали-то народ не по хорошему,
100. А и будто львы-ти они же, львы да всё голодные,
А й будто медведи-ти и волки, звери лésные,
А и как собаки-ти ведь будто всё чепны вонй:
«А ето что такó гу нас будёт беззаконноё,
Шьто на царьсве беззаконна жисть пойдёт тогда,
105. Прелюбодейнице беззаконной приведетса кланяться!
Мы в сечас приказом по твою жо прелюбодейницу,
Отрубить-то ей приказом буйну голову!
Если голову не отрубим, вон повыселим,
Шьтобы не было у нас во городи беззакония,
110. А как на царьсви-то была бы жись хорошая!»
Возговóрил тогда Иван жо Минодорович:
«Уж вы ой еси, народ, да люди добрыя,
Не огрубляйтесь по напрасному, не расстраивайтесь!
Вы снимайте миня сейчас же вот со царсва-та,
115. Выбирайте-тко сибе же управителя,
Осlobодите-тко миня же, дóбра мóлодца, —
Я ведь вам за то низкó же поклонюсе-то,
Поблагодарю-то я за ваши все деяния;
Как уеду я из вашего из городу,
120. Тогда выедет и Софья-та царевна-та,
Тогда не будёт у вас в городи не беспорядочку.
Как новóго-то управителя повыберите,
Как повыберите егó, скорó пожените,
Тогда пойдёт-то у вас жись сáма спокойная,
125. Вот спокойна жись пойдёт, очунь счестливая».
Закричали тогда народ да все со старшого,
Закричали все вот и со старшого все и до младшого:
«Мы не снимем тибя с царьсва, Иван же Минидорович,
А прелюбодейницу твою же мы повыгубим!»
130. Нечегó боле не сказал Иван Минидорович, —
Он ведь видит, шьто тут идут порядочки нехорошия,
Нехорошия порядочки, без россужденьица,
Он ведь брал тогда ведь шляпочку пухóвую,
Он ведь брал тогда перчаточки заморьские,
135. Вот заморьския перчаточки пухóвыя,
Поклонилсе от (в)сему народу-ту низкím же он поклоном-то,
Вот ведь вышел вон Иван же Минидорович.
Как пришол-то он во свой высокой терем-от,
Как ведь сел-то он в свою полаточку грановитую;
140. Как зашла, зашла к нему же сéстрица двоюродна,
Она пришла-то к нему, низкó поклониласе:
«Уж ты что у мя, брателко двоюродной,

- (С) заседаньца пришол да всё невесёл-от?
Тибе хто такой в заседаньци огрубил о чём?»
145. Рассказал тогда сестрици всё, поведаль-то.
«Не ужахайсе етого же, брателко, положеньца,
Вот не бойсе ты же смерти-то, смерти скорою,
Смерти скорою ведь всё же, неожиданной.
Если жисть-то твоя есь, дак и врагам не взеть;
150. А если нет твоей жизни, так взеть ведь негде всё».
Тут ведь начели они же обучатисе,
Сели за премудрые науки тут восточные.
А после его-то всё же было вот уходику,
Как не вехорь-от, погодушка подымаласе,
155. Все народ-от, люди дббры, зволновалисе,
Зволновалиси они все, раскрычались:
«Ето что такб ведь будёт беззаконие?
Что ведь та ли всё девчонка-то бессовесна
К нам приехала во город-от, явиласе,
160. Красотой своей прекрасной преманила-то,
Соблазнила гонá млáдого царя у нас,
Вот царя-та как премлáдого Йивана свет Минидоровича,
Он ведь далсе-то лукавки-то в прельщение,
Она завела-то тут любовь, дело прелюбодейное, —
165. Вот не можот оттого-то он да отойти от ней,
Вот не можот он без ней да всё на свети жить.
Нам ведь надобно по скорости решить дела,
Шьтобы злодейку поскорé же погубить тогда!
Вот ведь надобно сходить да всё забрать её».
170. Как другая ведь час(т)ь народику говбрила:
«Нет, сечас, ребятушка, нельзя же взять!
Вот ведь сделам-то как завтро заседаньцо,
На другом-то на заседаньци шьто же скажот нам,
Шьто ведь скажот Иван свет Минидорович?»
175. На другой-от день заседаньцо вот было же,
На заседаньци ведь был Иван Минидорович,
Он ведь то же вот ответил, как и раньше-то;
Вот и сделали-то заседаньцо-то трётёё,
Как ведь был всё Иван свет Минидорович,
180. Он ответил-то ведь ти же речи перьвые.
Тут народу-то ведь всё же не злюбилося, —
Как не лютоё-то зэльё розгорелосе,
Ихна серчá-ти всё противны ростреложились,
И закрычали-то злодеи по звериному,
185. Зашипели-то злодеи по змеиному,
Вот задумали закончить йих, погубить жо всё,
Как в обеденку задумали в воськресеньскую.
Прошли дни-то ведь и в неделечки, прокатилисе,
Как пришло-то тут ведь и свётло воскресеньце,
190. Как зачелась-то тут заутрена очунь ранняя.
Как Иван-от Минидорович, он ведь спит-лежит,
А как Софья-та царевна, ана не спит же всё,
Она стаёла тут она богú молиласе
Перед образом самóго спасá пречистого,
195. Перед владычицей, царицей богородицей.
Как зазвонили тут к обедни херуимскою,
Не (в)ставал-то тут Йиван всё Минодорович, —

- Вот пошла она в его же спальню тёплую,
Она застучалась в его двери заморьския;
200. Отворял тогда Иван жо Минидорович,
Как ведь Софья-та царевна ёму говорила:
«По наукам-то ведь, брателко двоюродной,
Очунь мудрой-от ведь был да очунь хитрой-от,
Обошел ты все науки разныя премудрыя.
205. А сечас же надоть, брателко, вставать пора,
Тебе полно на пёриночки почевать-лѣжать,
Как пора жо умывать-то лицо белое,
Одевать-то тебе платье са́мо лучшоё,
Платье лучшее тебе, гоно́ шьтобы не но́шоно, —
210. А тебе итти-то-от сегодня на почесен пир
А к самому-то всё к царю итти к премудрому:
А и над всима́-ти он, царь, над царями царь,
А и над всима́-ти мудрецами он мудрецъ у йих,
А и как тогда-то все цари-короли призадумаются,
215. А как простой-от народ ведь ответу никак не дать.
А и я сама же от оденусь в пла́тьё новое,
А и в платье новое я воденусь, вот недѣржано».
А и удивилсе-то ее жо разговор-то:
«А ты с ума ли говоришь, Софья́ царевна же,
220. А и ты во всѣм ли уми же в своём, в разуми?»
«А и не сумлевайсе-ко, ведь и брателко двоюродной,
А й мне в сегодняшну-ту нощку, нощку тёмную, —
А и не спала-то я сегодня вот, не валиласе,
А я ведь всё же господу-ту богу промолиласе,
225. В грехах своих во разных вот прошшаласе,
И немного-то здремала, — во снях видела,
Будто взяли нас с тобой же на мученьица,
Среди города нас будтѣ казнить хотят,
Вот казнить хотят, рубить же буйны головы;
230. Прилители будто птици видь незнакомые,
Нас прикрыли ведь и крьльема золочёными,
Мы очудились с тобой жо в чудном горди,
Увидали мы ведь тут да незнаком народ,
Молчалив народ, не разговариват,
235. Незнаком народ, молчит, не разговариват».
Усмѣхнулсе тут Иван же Минодорович:
«Уж ты ой еси, двоюрѣдна моя сѣстрица,
Как ты ведь сама-то молода, дак и твой ум младѣй,
Как и всёго-то ты, будто птичка-та, боишьсе-то:
240. Птичка боитсе, чтобы в клеточки засадили-то —
Ты боишься, штобы тибя не погубили-то».
Тут ушла, ушла ведь Софья-та царевна же;
Вот оделсе тут Иван же Минодорович,
Он пошол, пошол тогда вот во божью́ церков,
245. Как ко позденькой пошол же ко обедѣнки.
А и невдѣлги-то за ним пошла ведь Софья-та всё царевна-та.
Как Иван когда зашол же Минидорович,
Ничего не говорили народ же, люди добрыя;
Он прошол-то всё на крылос на правой-от.
250. Запел-то, зачитал службу черьковную.
Когда зашла-то в чѣрков, во храм-то, Софья царевна-та,
Вот пришла она в храм же, помолиласе,

- Как народу-ту всем, всему она поклониласе,
Она (в)стала-то, стоит же тут помаливайтса.
255. Долго шла-то всё обедня християнская;
Когда кончилась обедня всё христоськая,
Закрычали тогды народ, да люди добрыя:
«Как забрать сечас ведь Софью-ту царевну-ту,
Как срубить у ей тут же буйну голову!
260. Прилюбодейница не была (б) у нас во городи,
Не прельщала шьтобы Ивана Минидоровича!»
Тут выходил-то как Иван жи Минидоровиць
Со того ли всё со крылосу со правого,
Говорил тогда Иван же Минидорович:
265. «Уж вы ой еси, народ, да люди добрые,
Не росстраивайтсь по напрасному, не крычите-тко,
Не губите понапрасну Софьи-то царевны-то !
Я не дам, не дам никак да погубить её, —
По напрасному же вы же так задумали.
270. Как во храми-то скажу же вам, поведаю:
У нас ведь нет некаких дел с Софьёй любовных-то,
Не имеем любви вот любовною,
Обучаю я ведь ей же мудрой грамоты,
Мудрой грамоты обучаю, шьтобы всю. пройти».
275. Закрычали-то тогда народ, со старого
Все со старого закрычали вплоть до малого:
«Шьтобы взять, взять такую прилюбодейницу,
Шьтобы взять-то, взять такую вот волшебницу!»
Тут схватили они Софью-ту царевну-ту,
280. Вот схватили они ведь ей да за русу косу,
Вот розбили они у ей же трубцету косу,
Они вырвали из косы да ленту шёлкову,
Вот рассыпалсе у ей тогды дорогой земчуг.
Повели-ко ей на место, где сказнить ей же;
285. Как позади-то шол Иван же Минодорович,
Как народ-от, как люди которы глупыи,
Они кричали вслух в глаза Йивану-ту Минодоровичу:
«Жалко, жалко своей тибе прелюбодейницы,
Вот любовницы своей, ведьмы престрашною!»
290. А умной-от народ, дак ужахалисе,
Ужахалисе они, только престанывали,
Ничего не могли народу глупому говёрити.
Привели ведь тут же Софию царевну-ту,
Отрубили у ей же буйну голову.
295. Как говёрил тогда Иван же Минодорович:
«Вы сказнили всё Софью-ту царевну же,
И во младости сказнили по напрасному —
Не хочу на свети жить да всё и я тогда,
Предавайте мне сечас же смерть-ту скорою!
300. Когда не умели вы, злодеи, со мной же жить,
Вот со мной-то всё же жить, чтобы я царил,
Выбирайте-тко теперь, кого надобно!»
Как злодеи-ти тогда да закрычали-то:
«Ну, ведь шьто ёго гоставлять, когда хочит он,
305. Когда хочот-то, желат да смерти скорою!»
Вотрубили у Евана Минодоровича
Как его-то тут ведь буйну головушку;

- Как ведь умной-то народ — дак убежали прочь,
А как глупой-от народ, дак насмехались,
310. Насмехались вонí тут, изгилялись:
«Пусть-ко, пусть теперь лёжат да тёла белые
Полюбовника вместиах же с полюбовницей!»
Как ведь ночкой-то ведь всё жэ, ночкой тёмною,
По закату-ту ведь тут же красна солнышка,
315. Как пришли же всё народ, да люди умныа,
Похоронили-то Йивана Минодоровича,
Как со Софьей-то хоронили со царевной-то;
Хоронили-то ведь йих да у белых берёз,
У белых они берёз да у кудрявых-то,
320. На берёзочках ведь взели написали тут:
«Как лёжат, лёжат премладыа, прекрасныа:
Во первых лёжит Иван же Минодорович,
Во вторых же тут ведь Софья-та царевна-та.
У лиходеев (о)ни напрасно погублены-ти,
325. Прежде времени он же тут умершие». —
Как прошло-то тому времени трои суточки,
Как пришли-то посмотреть да лиходеюшки,
Они подумали о том да таки мыслици:
«Их ведь съели-ти лесныи же звери разныа,
330. Они склёваны-ти птицами перелётныма». —
Когда пришли они ведь к йим жо на могилочки, —
Как на ихной-то на могилочки глубокоо
Росцвели две вербыи очуни прекрасныа:
Как-от ведь перьва-та верба была золочёная,
335. Как друга-та ведь верба была серёбрена;
Как тогда-то на йихной на могилочки
Роствели-то всё цветы разныи разурева,
На древах-то на садах лисье попададо.
340. Тогда беззаконники окаянные раздумались:
«Потому-то во садах с древов лисье попададо, —
Беззаконным-то судом да дело кончилось!»
Долго плакали злодеи о делах же тих,
Воротить боле Ивана Минидоровича некак нельзя.
Они плакали долго да на могилочки.
345. Как ведь тут же вот Ивану Минидоровичу смерть пришла,
Как тепериче ему же вот славу поют.
Славному морюшку Хвалыньскому на тишину,
А рекам-то ведь и разным быстрым всё на славушку,
Всеми народу нашему советьскому на послушаньицо,
350. А от них пойдёт когда-нибудь на пропеваньицо.

№ 83. (МАТЬ КНЯЗЯ МИХАИЛА ГУБИТ ЕГО ЖЕНУ)

Поезжает князь Михайло
Он гулять во чисто полё,
Во широкой раздольё;
Наказует князь Михайло

5. Своей маменьки родной же,
 Восудáрыны большой же:
 «Ах ты, ма́менка радная,
 Вот радная дорогая,
 Ты послушай, мать радная,
10. Как моёго наказанья:
 Ты корми мою кнегину,
 Молоду жену Марфиду,
(Это я люблю, когда моё имя-то!)
 Белым хлебом перьвосортным,
 Как ведь пой маю кнегину
15. Ей ведь сладкими медами!»
 Его маменька радная,
 Восудáрына большая,
 Уверяла, што верно б́удёт:
 «Всё исполню твоё приказанье,
20. Сам узнаёшь, что б́удёт верно,
 Твая кнегина ведь б́удёт ведь здрава,
 Ана не в болезни б́удёт, весёла».
 Тагда поверил князь Михайло,
 Оставлял свою княгиню
- 25 Он, ведь душочку Марфиду;
 Скинывал же князь Михайло
 Он своё же цвьётно плáтьё,
 Одевал же князь Михайло
 Он ведь латы-ти болатны,
- 30 Одевал же князь Михайло
 Он ведь плáтьё богатырьско.
 Как пошел жо князь Михайло
 Вот во конюшенку стоялу,
 Брал ведь и всё сибе коня же,
35. Вот ведь и коницька вороного,
 Он обрал коня в убор-от,
 Вот в убор жо в богатырьской;
 Он тогда на коня садилсе,
 Вот ведь и коничок богатырьской
40. Как под ним он веселилсе.
 Взял он саблю с собой вóстру,
 Взял он кóпье багатырьско,
 Как ведь поехал князь Михайло
 С широка́ двора счестл́иво.
45. Подъезжал же князь Михайло
 Ко палатам белокаменным,
 Ко окошочкам косисцетым;
 Как в окошочко смотрали, —
 Во перьвých же тут смотраля
50. Его маменька радная,
 Восударына большая,
 Во вторых жо всё смотраля
 Как любá его кнегина,
 Вот ведь душочка Марфиды;
55. Мать радная, во окошечко
 Она смотраля улыбалась,
 Как его-то вся кнегина,

- Его душочка Марфида,
Она стояла тут смотряла,
60. Белым платийком махала.
Ешше князь тогда Михайло
Снял ведь шляпочку пухову,
Низко-низко поклонилсе
Молодой своей кнегины,
65. Что ведь душочки Марфиды,
Как ведь и поехал князь и вот скоро,
Побежал конь богатырьской
Скоро, скоро, очунь бойко.
Не успел же князь Михайло
70. От дворца своёго отъехать,
До чиста поля доехать, —
У йих же вдруг же тут случилось
Неприятно в делах, несчсливо:
Его конь же богатырьской
75. С нбги на ногу спотокнулсе,
Пухову шляпу сносило,
Остра сабелька переламалась.
Как сидит же князь Михайло,
Он сидит же призадумалсе:
80. «Ето шшо такó несчасно
Вот дорожочка случилось?
Шьто в дворци у мня неспокойно,
Вёрна, маменька неможот,
Молода жона хвораёт».
85. Соходил жо князь Михайло
Со своёго коня богатырьского,
Подымал шляпу пухову,
Вот в одну перекрестилсе:
«Сохрани, боже, здоровьё
90. У моей только кнегины,
У дорогой моей Марфиды!»
Когда ведь и князь Михайло уехал
Йиз дворца своёго кнеженеського,
Его маменька родная,
95. Всударыня дому большая,
Заимела грех творити,
Не убоялась, что ведь грёшно,
(О)на задумала, злодейка,
Погубить жо всё кнегину,
100. Как кнегину всё Марфиду.
Послё князёва отъезда
По три банёчки на день топила,
По три камешка серых же,
Вот серых же нажигала;
105. Заводила она Марфиду
Вот во жаркую во баню,
Три-то веничка хвостала,
Три-то бруса мыла примывала,
Три-то камёшка горячих
110. Вот на бёлы груди клала,
Бёлы груди прожигала,
Тут Марфиду погубляла.

- Выживала (о)на младёня,
Вот младёня-то младого
115. Из ее прекрасной утробы.
Погубила жо злодейка,
Умерьтвила окаянна,
Прежде времени умершу!
Вынимала ана младёня
120. Из утробы у кнегины, —
А как младень-от был прекрасной,
Красота была пречудна.
Увидала ана младёня,
Увидала, человала
125. Как его она в уста-ти,
Как (к) себе же прижимала,
Ко своёму-ту сердечку:
«Ай младень жо ты прекрасной,
Уж как мёртвой, будто смеёшься,
130. Твоя прекрасная улыбка!
Ты, премилой внук, ведь был жо
Князю милой сын, наследник,
Погубила тибя, внук же,
Дорогой мой, милой внучок,
135. Из-за матери твоей же:
Не хотелось мне-ка брати, —
Не погледел жо князь Михайло».
Она плакала, рыдала,
Внука мертвого носила,
140. На руках своих качала,
Ана вадой ёво брызгала,
Во сознаныё приводила, —
Не могла ёго розбудити;
Как паложила младёня
145. Она на утробу вот к родной матушке.
Побежала тогда кнегина
Как ко синёму ко морю,
(О)на бежит, слезно рыдаёт,
Сёбе волосы сдираёт,
150. Как крычит жо очунь страшно.
Прибежала тут кнегина
Вот ко синёму ко морю,
Увидала она у моря
Два-то брателка рыболовов.
155. «Уж вы ой еси, рыболовы,
Два ведь брателка радны же!»
(У мамы нет по фамилии, а у деда Гани есть.)
Они ей жо отвечали:
«Здрастай, здрастай, наша кнегина,
Здрастуй, матушка ты наша!»
160. Возговорила кнегина:
«Уж вы ой еси, рыболовы,
Два же брателка родных же,
Помогите моёму горю,
Пособите мне в несчасьи!
165. Уж вы сделайте калоду,
Белодубову прастую,

- Вы набейте на колоду
 Трѣи обручи железны,
 Как положъте во колоду
 170. Молоду мою кнегину,
 Как вѣдь душачку Марфиду,
 Не одну же, с ее сыном:
 Захарала у мя кнегина,
 Как некто не мог излечити. —
 175. Ей вѣдь нужно схоронити».
- Рыболовы огленились,
 На кнегину ужахнулись,
 Мез собой-то говорили:
 «Нам нельзя, нельзя, кнегина,
 180. Как вѣдь думошкой подумать
 На тако на страшно дело, —
 Как тебе князь не овинит же,
 Нас вѣдь можот взять и судить же
 Он вѣдь разныма мученьями,
 185. Можот род весь погубити».
- Тут кнегина огневилась.
 Йих вѣдь всяко обругала:
 «Если не будѣте исполняти
 Вот моѣго приказанья,
 190. Я возьму вас на мученья,
 На велики страшны муки».
- Рыболовы были млáды,
 Скорой смерти убоялись,
 На дела ани попустились,
 195. Согласилис са кнегиной.
- Они делали калоду,
 Они кóлоду белодубóву,
 Очень крепкую калóду,
 Набивали на калóду
 200. Трѣи обручи железны,
 Как полóжили в кóлоду
 Как прекрасну нашу Марфиду,
 Как князю Михайлу всё супругу,
 Со ее жо с милым сыном.
205. Как съпустили ту колоду
 Как во синѣе во морѣ;
 На колоды были набиты
 Трѣи обручи железны.
 Как кнегина возрадела,
 210. Пренесла казны вѣдь много,
 Красна золота, рыболовам:
 «Вы берите, рыболовы,
 Золотой казны бесчотно, —
 Вам спасибо, молодцы же,
 215. За такú верnú услугу!»
- Рыболовы не преняли,
 Золотой казны не брали:
 «Нам не надобно, кнегина,
 Мы за што жо будѣм бпати, —
 220. Мы не богáтыри же сýльни,
 Как не рыцари премлáды,

- Мы в подвигах не бывали,
 Как в героях не живали».
 Не приняли золотой казны.
225. Как кнегина огрубилась,
 Она пошла от них невесёла.
 Кагда пришла кнегина всё же
 В книженецькой во дворець-от,
 Одевалась в платье в но́во,
230. Вот во но́во во шелкóво,
 Преказала одевацьце
 Всем ведь нянюшкам и мамушкам, —
 Но некто́ же не оделсы,
 Все ходили невесёлы,
235. Как заплаканы глаза-ти.
 Тут кнегина разгневилась,
 Их ведь всех жо розогна́ла,
 Как сама же вот кнегина
 По палатоцкам гуляла;
240. Со веселья со великого
 У ей йиграли арфы игро́мы,
 Как ведь гусли-ти весёлые.
 Как прошло жо то́му времени
 Как ведь трóи-ти вот сутоцьки,
245. Как княгину уходила,
 Как Марфиду поумертвила.
 На четвёрты сутки по́ры-времени
 Приежжает князь Михайло
 Вот йиз чистого йиз поля,
250. Йиз широкого раздолья;
 Как навёз жо князь Михайло
 Он лесиць-от да вот куниць-то,
 Он ведь серых-то гусей-то,
 Вот ведь белых лебедёй-то.
255. Вот стречат его же мати,
 Его маменька радная,
 Восударына большая:
 «Здрастуй, здрастуй, князь Михайло,
 Ты любой мой сын, любимой!
260. Проздравляю, князь Михайло,
 Вот с счестливом тибя приездом!»
 Тогда кланялсе князь Михайло,
 Благодарил жо свою мати;
 Когда сдал ей же все птици,
265. Как куниць жо он, лесиць-то,
 Как пошел же князь Михайло
 Вот во горницы высóки,
 Во повáлыши в ширóки.
 Когда зашел-то во полаты,
270. Огледел свои полаты, —
 Он не видит своей кнегины.
 Как не видит всё Марфиды:
 Он тогда жо говорил-то
 «Уж ты ой еси, моя мати,
275. Мóя ма́менка родная,
 Восударына большая,

- Ишше где моя кнегина?
Где ведь душочка Марфида?
Миня, мужа, князя всё же,
280. Из дарожочки не встречает,
(О)на в окошочко не сьмотрит?
Каково ее здоровьё?»
Атвечала тогда кнегина,
Его маменька родная,
285. Восударыня большая,
Говорила та́ки речи:
«Как твоя-то всё кнегина,
Она, душочка Марфида,
Как горда стала, спесива,
290. Тибя, мужа, позабыла!
Она по горницам гуляёт,
Она по свѣтлицям росхаживат,
Пропеваит рáзны песни,
Стáры древныя гистории, —
295. Потому тибя позабыла». .
Побежал же князь Михайло
Вот во горници высóки,
Во повáльщи ширóки;
Тут ведь и нет ёго кнегины,
300. Тут ведь нет ей, не случилось,
Нет кнегины, не пригодилось.
Побежал же князь Михайло
К свбей к матери к радною,
К восударыны большою:
305. «Ты скажи-ко, мать родная,
Ишше где моя кнегина?»
Гсворила ёму матери:
«Как твоя-то всё кнегина,
Очень сделалась ёна же
310. Богомольня-та к молитвам, —
От ушла твоя кнегина
Во собор, во церьков божию,
За тибя бога, князя, молити,
Чтоб поскорé ты воротилсе
315. Из дорожки благополучно!»
Побежал же князь Михайло
Во соборну-ту бóльшу церков;
Когда зашел же в церьков божею,
Все народ-люди огледелись,
320. Огледелись, воздохнули:
«Шьто такó у ёго случилось?
Во дорожном он ведь платьи
Как зашел он во собор он?»
Подходил же князь Михайло
325. Ко попам, отьцам духовным,
Он к причетничкам черковным,
Поклонилсе, у йих спросил же:
«Не приходила ль к вам кнегина,
Моя душочка Марфида?»
330. Отвечéли ему попы же:
«Не видали ее светлости,

- Не приходила, не бывала».

Весь народ-от ведь тогда же

Головами покачали, —
335. Мнóги, мнóги люди знали,

Говорить князю не смели.

Побежал жо князь Михайло

К своей ма́менки родной же он,

К государыны большой же он:
340. «Ты скажи мне-ка, мати,

Как ведь где моя кнегина?

Где любá моя Марфида?

Уж ты по́ роду — мать мне родная,

Восударына большая,
345. Как по злости-то — змея же,

Вот змея жо очунь люта!

Погубила, наверна, мати,

Мою душочку Марфиду,

Как любó мою кнегину!»
850. Ему мати говорила:

«Как твоя-то всё кнегина,

Как ведь душочка Марфида,

У суседа во беседы.

Всё сидят там ети прóстыя,
855. Вот прóстыя поселянки,

Молодёжь всё рыболовы;

В прóсты пляски там ведь пляшут,

Деревеньски по́ют песни, —

Очунь любит то кнегина,
- 360 Она ушла же, там сидит там,

С нима всё ж (о)на гуляёт,

Позабыла тибя, князя.

Не беспокойсе, князь Михайло,

Ты роздень-ко. скинь, ведь князь-от,
365. Ты дорожно свóе плáтьё,

Ты надень-ко кнеженейско,

Как попе́й, поешь с дорожки,

Отдохни-ко, полёжи жо!

Тогда вернётся твоя кнегина,
370. Она без ысканья придёт-то».

Не поверил князь Михайло,

Говорит жо князь Михайло:

«Как скажи мне-ко, мати,

Как ведь где моя кнегина?»
375. Где-ка душочка Марфида?»

Говорила ёму то́гда мати,

Яго маменька радная:

«Как твая-то всё кнегина

С рыболовам дочерями
380. Во темны леса ушла же

За калиной, за малиной».

Побежал же князь Михайло

Во темны же он лесоцька,

В зелены пошол лужоцька;
385. По́ют песни тут же птицы

Они разныма голосоцьками,

- Невесёлы поют песни,
 Будто птицы все же плачут.
 Нашол много поселянок,
 390. Он ведь девошок и женщин-то,
 Но ведь нет его кнегины.
 Он спросил, шшо: «вот была ли
 Как то всё моя кнегина,
 Как любá моя Марфида?»
 395. Тут девици отвечали:
 «Не бывала, князь Михайло!
 Много времени прошло же,
 Не видались мы с кнегиной».
 Они все же воздохнули,
 400. Не сказали нехтó же князю.
 Побежал же князь Михайло
 Вó свой всё же во дворець-от,
 К своей маминке к радной же,
 К восударыны большой же.
 405. Ницогó ей не сказал же,
 Ничого бóле не говóрил,
 Только сел на стул на драгой же,
 Он ведь сел, слезно поплакал,
 Как сибя он сам винил же:
 410. «Почему же я гуёхал?
 Как оставил я кнегину
 На гибель на велику!»
 Он ведь плакал слезно, страшно,
 Как река будтó бежала,
 415. Возрыдал-то очунь громко,
 Как ведь гром будто гремел-то.
 Утешала ёго мати,
 Его маменка радная, —
 Нечегó вон не сказал-от,
 420. Не единого ей словецька.
 Побежал же князь Михайло
 Как на нóвы свои сёнёцьки,
 На каледоры кнеженеськи, —
 Там скопились нянки-мамки.
 425. Приходил к йим князь Михайло,
 Он ведь кланелса нянкам-мамкам:
 «Уж вы ой еси, мои нянюшки,
 Всё кнегины были мамушки,
 Ишше где да вашá кнегина,
 430. Мóя душочка Марфида?»
 Воздохнули нянки-мамки,
 Со слезами говорили,
 Они низко поклонились:
 «Извини-ко, князь Михайло,
 435. Извини нас, не губи-ко!
 Почему ты много ходишь,
 У нас сразу не спросил же?
 Как скажóm же правду суцу:
 Кóгда ты же, князь, уехал
 440. Вот во чистоё во полё,
 Гулять в широкоё в роздольё,

- После твоёго, князь, отъезду
 Твоя маминка радная,
 Восударына большая,
 445. Она задумала кнегину,
 Вот кнегину погубити,
 Как не годнѹ она, со младёнем.
 По три банёчки на день топила,
 По три венёчка хвостала,
 450. По три мыла измывала,
 Три-то камня нажигала.
 Эти камни вонá клала
 Как Марфиды на бѣлы груди,
 Бѣлы груди прожигала,
 455. Вот младёня выживала
 Из марфидиной утробы, —
 Умертвила она кнегину,
 Погубила (о)на младёня,
 Вот прекрасного твоёго сына.
 460. Убежала она к рыболовам,
 Увезла она кнегину
 Вот среди же ночки тёмной.
 Ты сходи-ко, князь Михайло,
 К двум ведь братьям к рыболовам,
 465. Они лучше всё же знают, —
 Когда делали они колоду,
 Вот колоду белодубову,
 На калоду набивали
 Три обруци железны,
 470. Тогда отпушшона колода
 У йих во синёе во морё». —
 Роспрошталсе князь Михайло
 Он со няньками, со мамками,
 Записал жо про них в книжку:
 475. «Когда будет князь ведь здеси
 После меня же князь кнежити,
 Не оставь жо нянёк, мамок,
 Надели жо йих денгами,
 Возьми к себе же йих во служеньё».
 480. Побежал же князь Михайло
 Вот ко синёму ко морю,
 Ко вѣликому к раздолью,
 Увидал тут рыболовов,
 Двух ведь братёлков родных же,
 485. Подходил же, низко кланелсе,
 Им ведь речи говорил же:
 «Уж вы здравствуйте, рыболовы,
 Два ведь брателка радных же!»
 Они кланелись же князю.
 490. «Я пришол вас повидати,
 Во вторых хочу спросити:
 Вы не знайте ль, рыболовы,
 Где-ка, гдѣ мая кнегина,
 Мая душочка Марфида?»
 495. Тут рыболовы говорили,
 Говорили, как ведь следуёт:

- «Извини-ко, князь Михайло,
 На нас обиды не клади-ко,
 Скорой смерти не придавай же!»
500. «Говорите, рыболовы,
 Дороги мои дружжъя же,
 Как товаришшы мои верны,
 Только правду расскажите!»
 Говорили рыболовы,
505. Как ведь были у йих дела-ти:
 «Прибежала наша кнегина,
 Твоя матушка родная,
 Она по поздому вецерацьку,
 По закат же сонця красного,
510. Вот ведь начелá нам говорити:
 «Рыболовы вы премлáды,
 Два ведь брателка радных же,
 Помогите моёму же горю,
 Вот вёликому несщасью:
515. Уж вы сделайте калоду,
 Как колоду дубовую,
 На колоду вы набейте
 Трби обруци железны,
 Как ведь в колоду положити
520. Вот кнегину со младёнём!»
 Ни хотели приниматьсе
 За такй дела за страшны,
 За велики беззаконны, —
 Закрычала кнегина громко,
525. Она затопала ногами,
 Как хотела же кнегина
 Взять ведь, взять нас на мученьё».
 Говорил же князь Михайло:
 «Уж вы ой еси, рыболовы,
530. Два ведь брателка радных же,
 Вы ни в цём же не виновны,
 Я вины же в вас не вижу.
 Вам спасибо, рыболовы, —
 Добро же мне-ка сделали великоё,
535. Уж как в колоду вы полóжили
 Как мою жё вы кнегину,
 Ишше душочку Марфиду,
 Со моим со милым сыном,
 Со прекрасным млáдом князём.
540. Уж вы ой еси, рыболовы,
 Два ведь брателка радные,
 Побегáйте-тко, сходите
 Во торговые во лавочки,
 Вы купите шóлков нёвод, —
545. У мя ноги болé не носят,
 Не могу бóле ходити!»
 Рыболовы не ослушались,
 Побежали скоро в лавки,
 Как купили шóлков нёвод,
550. Шóлков нёвод шелковóй-от,
 Забрасали в синё морё,

- Как бросали они, попали,
 Они вытащили колоду
 На крутой на бережочик,
 555. На рассыпцетой жолтѣй песоцек.
 Приказал же князь Михайло
 Вот разбрѣсити, разбить жа
 Белодубову колоду,
 Сбить железны обручоцки.
 560. Рыболовы осполняли,
 Они обруци сбивали,
 Россекали тут колоду
 Белодубову новую,
 Вынимали йиз колоды
 565. Молоду же всё Марфиду,
 Как ведь князеву кнегину,
 Как с ее с любимым сыном,
 Как полѣжили кнегину
 На пуховую перину,
 570. Как на мякки на подушки.
 Подошел жо князь Михайло,
 Поглядел же на княгину,
 Посмотрел же на младеня;
 Долго-долго он смотрял же,
 575. Долго-долго он гледел же:
 Как жива его кнегина, —
 Со веселою улыбкой,
 Как заснула, будто спит же;
 Дорогой же сын его милой —
 580. Очень прекрасной вот младенець.
 На коленках князь стоял-то,
 На йих долго он смотрял-то,
 Наконец жо, княз заплакал, —
 Дѣла в том, шшо кнегина мѣртва,
 585. Умертвѣн жо сын любимой.
 Он слѣзами, князь, уливалсе,
 Человал же князь Михайло
 Как свою же он кнегину,
 Как ведь душочку Марфиду,
 590. Во ея уста во мѣртвы,
 Как ведь сына человал же
 Во его в уста во детьски.
 Как заплакал князь Михайло,
 Долго плакал он, рыдал же,
 595. С сибя волосы с головы сдирал же,
 Как в конец, в конец скозал же:
 «Не хоцю во свети жити,
 Вот нечтѣ теперь не мило,
 Мне не хоцце боле жити
 600. Без любой семьи своей же,
 Как безь своей же жить кнегины,
 Мне без душочки Марфиды,
 Без любимого без сына,
 Вот без млáдого без князя.
 605. Как тепере пусь спесливо,
 Хорошо-то вот живѣт-то,

- Которой князь после меня же кнѣжить бѣдет,
Жить ведь бѣдет он с кнегиной.
Ты живи же, князь, сцесливо,
610. Как сцесливой будь, долголетней,
Как сцесливой будь, таланливой!»
Написал же князь записку
Он свойма всё руками:
«Вы йсполните приказанье,
615. Схоронити князя Михайла
Как в один гроб со кнегиной,
Со кнегиной со Марфидой,
Как йишше же в гроб полѣжьте
Дорогого мила сына,
620. Как премладого же князя».
Побежал же князь Михайло
Он во кѣжницу железну,
Там купил же князь Михайло
Три-то ножичка укладных,
625. Вот укладных си, булатных.
Прибежал же князь Михайло,
(Г)де лёжала ёго кнегина,
Вот кнегина ёго Марфида,
Со любимым ёго сыном;
630. Вот воткнул же князь Михайло
Он ведь ножички во землю,
Такй речи возговѣрил:
«Где лёжит телѣ кнегины,
Вот кнегины моей Марфиды,
635. Со любимым моим сыном,
Вот с прекрасным младым князём
Тут лёжи тело ведь князёво,
Ешшо князёво Михайла!»
Тут бросалсе Михайло,
640. Заколосе князь Михайло
Он на ножицках булатных.
Тѣгда маменка родная,
Восударына большая,
По бережочику-ту бежала,
645. Зычным голосом крычала,
Она крычала и махала
Своим беленьким платоцьком:
«Ох-ге-тѣшенько, тошнѣшенько,
Немалѣ шуткѣ нашѣтила,
650. Ета шѣтка не простая!
Будут, будут миня судити,
Предают миня ко мучениям, —
Три души жо погубила:
Пѣрву душу понапрасну,
655. Дрѣгу душу-ту неповинну,
Третью душу безымянну».
(И всё. По маминому.)
-

№ 84. КНЯЗЬ МИХАЙЛО

- Э и поезжал-то князь Михайло гулять да во чисто поле,
 А и он хотел же, князь Михайло, погулять, поездить по
 темным лесам,
 А и настрелять хотел он гусей-лебедей,
 А и гусей-лебедей, пернастых серых уток,
5. А и гон хотел же настрелять же куньць-лесиць.
 А и он зашол-то в палату к родной матушки,
 Э и хотел с матушкой распроститисе.
 А и как во ту пору, во то время
 А и приезжает богатырь от заставушки,
10. А и гот заставушки богатырьскою,
 А и Пересмякин-от родной племянничок;
 А и гон приехал ко князю на широкой двор,
 А и привезал коня к столбу да ко стоячему,
 А и ко тому ли ко колечушку золочёному,
15. А и привезал коня, насыпал-то пшеници белояровой,
 Э и сам пошол богатырь в светлы гривины,
 А и в светлы гривены богатырь он кнеженеские,
 А и во высокие его да в светлы горницы.
 Э и гон пришол же, кланелсе князю-ту Михайлу-ту,
20. А и подавал ему ярлык скорописцетой;
 А и принимал-то князь ведь ярлычок, прочитывал,
 А и вот прочитывал его он, просматривал,
 А и как богатыря просил же князь садитьсе-то,
 А и вот садицьце ему на стул на кнеженеской-от,
25. А и за его за столички точёные,
 А и вот точёны за столички золочёные,
 А и за салфеточки шолкбвыя,
 А и вот за кушанья сахарныя.
 А и за напитки разны заморьские.
30. А и не госталсе тут дородней доброй мблodeц,
 А и доброй мблodeц, богатырь славной киевской,
 А и Перемьякин-от родной его племянничок:
 «А и как нельзя же, князь Михайло, мне же много
 проклаждатисе,
 А и вожидай миня опять по скорости.
35. Э и жду-то, жду, хочу знать да про тибя же, князь!»
 А и распростилсе Пересмякин-от родной племянничок,
 Он пошол да всё йиз полат же вон,
 А и спроводил его Михайло князь.
 А и сел богатырь на добра коня,
40. Он уехал во чисто полё,
 А и шшо во полюшко уехал он в чистоё,
 А и во широкоё уехал он в раздольцо.
 А и когда богатырь-от отъехал же
 А и он от дворца славна кнеженеского,
45. А и князь Михайло пошол опять к родной матушки,
 А и гон пришол-то к ней да подошол же всё,
 А и подошол-то ко своей же к родной матушки,
 К своей матушки к родимую,
 А и подошол-то, он же ей да низко кланелсе,

50. Э и говорил же князь да таковы слова,
 А и таковы слова князь да таковы речи:
 «А и уж ты ой еси, мѡя матушка родимая,
 А и восударыня дому больша́ же есть,
 А э ты послушай, мать, моѡго приказаньица,
55. А и ты исполни моѡ повеленьицо:
 А и сохрани-ко, сбереги мою любѡ семью,
 А и шшо любѡ мою семью, да молоду жену,
 А и молоду жону Марфиду-ту,
 А и сохрани же ей вот к ее здоровьицу;
60. А и уж корми мою кнегинушку,
 А и вот кнегинушку, душочку Марфидушку,
 А и белым хлебом первосортным-то,
 А и первосортным, переменным-то;
 А йишше корми мою кнегинушку
65. Ей ведь кушеньими разныма,
 А и вот как разныма сахарныма,
 А и вот сахарныма да переменныма;
 А ешше пой мою кнегинушку
 А и ее ведь разныма-ти ведь сладкима медами-ти;
70. А и как сама же с ней и кушай-ко
 Со ѡдиною тарелочки,
(Вот как уж велел! Чтобы никак ничего не сделала!)
 А и спи-ко, спи-ко со моей кнегинушкой
 На единой с ей кроваточки,
 На единой с ей постелѡчки —
75. Э сбереги только здоровьицо!
 А и за твою за службу верною,
 А и за велики ухощдения,
 Ударю тибя же, мать родимая,
 А и ударю тибя я разныма подарками,
80. Э что я разныма йиностранными». —
 А и тут ведь мать его родимая,
 А и как родимая, кнегина-та,
 А она клелась, клелась-божиласе,
 Рокову́ клятву́ давала же:
85. «Сохраню же, как ведь и следуѡт,
 Сберегу же я кнегинушку,
 Сохраню же я Марфидушку!»
 Э и как поверил князь Михайло-то, —
 Князь-от млადой был, дак ум его слабѡй, —
90. Как поверил он лукасьву-ту,
 Вот лукасьву-ту лукавому,
 Э и доверил князь кнегинушку,
 Вот кнегинушку Марфидушку.
 Роспростилсе князь со своей же с рѡдной матушкой;
95. Как пошел же князь Михайло свет,
 Он и к своей пошел ко кнегинушки,
 А и ко кнегины-то к Марфидушки,
 А и заходил в ее же в спальню тѡплюю.
 А и как его, его кнегинушка,
100. А и шшо кнегинушка Марфидушка,

- Ана сидела тут на стуле рыга бархата,
 А и на ковре сидела на заморском-то,
 А и против чистого-то свѣтла зерькала,
 А и вышивала (о)на шириночку,
 105. Вот шириночку да красным золотом, .
 А и от строчила (о)на шириночку
 А и как ведь чистым светлым золотом;
 А и как ведь ета-та шириноцька
 Ешше бѹдет в подареньице
110. Своему супругу милому,
 Супругу милому, любимому,
 Как ведь тому князю Михайлу-ту, —
 А и Михаил-от князь ведь будет утирать лицо,
 А и утирать лицо по ўтру-ту,
115. А по ўтру-ту по ранному,
 По восходу сонця красного.
 А и как тогда увидала его же всё кнегинушка,
 А и вот кнегинушка его же всё Марфидушка,
 А и увидала его да зрадовáлесе,
120. Зрадовáлесе, звеселилесе,
 Она ставала на резвы́ ноги,
 А и вона́ кланелась, здоровалась:
 «Здрастуй, здрастуй, князь Михайло свет!»
 А и подавала-то ему вона́,
125. А и подавала дорогой же стул;
 А и не садилса князь Михайло тут,
 Говорил же князь да таковы слова,
 А и таковы слова, такі реци:
 «Э и уж ты ой еси, кнегинушка,
130. А и ты, кнегинушка моя Марфидушка,
 А и мне некогда, душочка, садитесе.
 Э и я пришел с тобой, кнегинушка, проститесе.
 Э и я хотел же съездить всё да во чистó полѣ,
 А и во темны́ леса съездить за лисицами,
135. За лесицами съездить, за куницеми,
 Э и за белыма съездить за лебѣдушками,
 Э и чьто за серыма за гўсеми,
 За пернастыма за серыма за утицами, —
 Но не так же мне случилосе,
140. Оно иначе же приключилосе:
 Э и как приехал же богáтырь-от,
 От богáтырь из чистá поля,
 А и из чистá поля, заставы-то,
 А и из заставы славной богáтырьскою,
145. А и привѣз скорой мне ярлык скорописцетой.
 Они пишут-то миня туда, —
 Хотят со мной же повидатисе, —
 Э и как на заседанье слáвно богáтырьское,
 Э и как на съезд-от славной рыцáрской.
150. Туда съехались-скопилисe
 Все цари туда, царици,
 Короли-ти все же, королевичи,
 Э и все же князи-ти, кнежевичи,
 Э и йих ведут-то, годовы́ да всё учоты-то:

155. «А и у тибя, князь Михайло-то,
Вышли дела-ти всех же лучче-то,
Вот хотят отблагодарить тибя,
Отблагодарить тибя да ударить же всё».
Э и как наехали мои вси дружья, мои товариши,
160. Они хочут со мной же всё свиданьице».
Как кнегина ему тогда говорила:
«Уж ты ой еси, князь Михайло-то,
А и ты, любимой-от супруг же мой,
Э и ты возьми, возьми миня с собой,
165. Покажи мне-ка русьских сильних-то богатырей,
Покажи-ко чудных младых рыцарей!»
«Э и хорошо, кнегина, взял бы я, —
А и там ведь будут заседаньица,
У их пойдут тогда да пированьица,
170. Когда богатыри розвеселятсе-то,
А и розвеселятца (о)ни, росшутятся,
Пропевать-то будут да про старинушку,
Про старинушку стару, прежнюю,
Хорошо же было (б) тебе слушати;
175. Но сейчас, кнегина, вправду я скажу;
Нельзя ехать тебе в полюшко, —
У мя конь-от богатырьской есть,
Богатырьской конь да Воронеюшко,
Он ведь и можот досадить тебе.
180. Побереги-ко-се, кнегина, вот здоровьицо
А и для сибя, для миня же, князя всё Михайла-та!
А и как съезжу ко заставы-то,
Позову гостей суда к себе;
Тогда съедутсе-то ведь все же гости, скопятса,
185. Э и как приедут все цари суда, царици,
А и короли же все суда да королевици,
А и йишше князи вси суда, кнежевици,
А и все богатыри славы сильниа-то руськие,
А и все же рыцари пречудныа премладые».
190. А и тут кнегина призамолкнула,
Тут Марфида призагнула,
Ана опять же рець говорила:
«Э и ты уж еси, князь Михайло свет,
Не велела бы тебе же я ехати,
195. Ты должон же обождать дела,
Обождать дела да какй будут времена у мя.
А и ты подумай-ко, князь Михайло свет,
Не через долго-то пору-времени, —
Как и должон, должон же знать про то, —
200. Скоро, скоро-то, коль жива буду,
Тебя будут звеличать да родным батюшком,
А миня-то родной матушкой.
Э и вот зачем миня да оставляшь одну,
На кого миня побрасывашь?»
205. Отвечал же всё ведь князь Михайло тут:
«Я гоставлю тибя же всё, кнегинушка,
Моя душочка Марфидушка,
На свою-ту мать родимую;
Она — мать мне-ка родимая,

210. На тебя-та зла да не подумает».
 Нечего́ ему кнегина боле не говорила,
 Замолчала, приуныла тут.
 Тут ведь начел князь Михайло свет,
 Он и ведь начел с ней прошшатисе:
- 215 «А и ты прошшай, прошшай, кнегинушка,
 Прошшай, душочка Марфидушка!»
 А и гобнимал ей за шею белую,
 Человал же ей в уста сахарные,
 А и прижимал же ей да к ретиву́ серьцу.
220. Э и вот заплакал князь Михайло свет,
 Полились слёзы у его из глаз,
 Будто скатны́ у ёго жемчуженки;
 Вот расплакалась кнегинушка,
 Вот кнегинушка Марфидушка.
225. А и ешше не́ взел Михайло ведь
 Провожать, чтобы не зябла-то
 Ана, не выходила вон из горници.
 Э и пошел князь же во полаточку,
 Во полаточку в приёмную,
230. Где и роздевали плáтьё цветно́е;
 А и гон роздел жо плáтьё цветно́е,
 Одевал он богатырьско́е,
 Одел латы богатырьския,
 Одел плáтьё богатырьское.
235. Брал с собой он саблю вострую,
 Брал с собой ко́пьё же богагырьско́е,
 Брал с собой он палицу тяжолую,
 Брал коня он богатырьского,
 А и богатырьского коня Воронеюшка.
240. И он садилсе на добра́ коня,
 Э и он поехал во чисто́ полё,
 Подъехал ко окошочку ко светлой своей горници,
 Ко столовой к своей свѣтлицы,
 Где кнегинушка стояла там,
245. Как до поеса в о́кни кланелась,
 Нежным голосоциком говорила,
 Белой ручушкой махала же:
 «Прошшай, прошшай, князь Михайло-та,
 Я жалаю тибѣ да пути скорою,
250. Пути скорою, счесливою,
 (С) скорым успехом-то вернутисе!»
 Вот поехал князь Михайло-то,
 Будто ясной сокол полетел же, князь;
 Как стрела будто летела о́гнена,
255. Яго́ быстро-то бежал конь богатырьской тут.
 Только успел князь Михайло-то
 От своёго широка́ двора,
 От широка́ двора да кнеженеского,
 Только успел же прочь отъехать,
260. До чиста́ поля да не доехал он, —
 Его конь-то богатырьской-от,
 Он со́ржал, со́ржал весьма нехорошо, сказать,
 Как зревел он по звериному,
 Прошипел он по змеиному,

265. А и пуховá шляпа вся рассыпалась,
С правой ручушки золочён перстёнъ,
Золотой перстёнъ приломалсе-то,
Драги камешки повыпали,
А как сабля вострая у его переломиласе;
270. Э и тут сидел князь призадумалсе,
Призадумалсе, проговóрил он, —
Он ведь и брал-ту шляпочку другу сибе,
Надевал он на головушку, —
Сидит князь же призадумалсе:
275. «Ето что такó случилось?
Ето что такое да приключилосе?
Верно, в доми у мня же есь несчасьицо,
Во дворци есь разореньицо.
Верно, маменька родна́ да росхвараласе,
280. Молода жона да розболеласе.
Мне как ехать ли вперёд ли всё, не ехать?
Как не лучше ли назадъ мне же воротитисе?»
На коне сидел же князь да призадумалсе:
«А и мне не чесь б́удёт молодецкая,
285. А и как не выслуга б́удёт богатырьская,
А и как не чесь ведь, слава слáвна рыцарьская,
Что поехал, ни доехал-то.
Я поеду до заставушки,
Там в заставушки дают же мне,
290. Вот дают мне саблю вострую».
Как поехал князь Михайло ко заставушки;
Когда приехал князь к заставушки,
Все же выскóчили стречать его,
Все же выскóчили да зрадовáлисе,
295. Зрадовáлисе все, звеселилисе:
«Кóго, кóго видим мы?
Кóго много времени ожидали-то,
Теперь сам же к нам приехал-то!»
Все кнезья тут зрадовáлисе,
300. Все богáтыри зрадовáлисе,
Короли все, королевици,
Вот цари-ти все, царевици.
Как и пошло у йих да пированьицо,
Тут весёло столованьицо;
305. А и как ведь тут досыта сыто наедалисе,
А и как допьяна же все-то пьяно напивалисе,
Э и росштутились все, розговорилисе-то.
А только князь-от всё Михайло свет
Он и сидел, сидел невесел-от,
310. Бóйну голову спустил он всё с могучих плеч,
Очи ясныя потупил о кирпичной мост,
Он сидел, сидел да призадумалса.
Как во ту пору, во то время
Как запели-то богáтыри,
315. Как запели млáды рыцари
Как про старое про времечка,
Как ведь и жили люди во старинушку, —
Князь Михайло-то сидел тогда,
Он и писал, писал тетрадочки

320. Не на прѳстой на бумажочки,
Писал тетрабочки по рыту он по бархату,
Писал крупным красным золотом,
А и он уписывал да всё, да всё уделывал
В подареньице кнегинушки,
325. Вот кнегинушки своей Марфидушки.
Э и как прошло тѳму времени-то трѳи сутоки,
Э и как ведь князю Михайлу-ту
А и пропевали ему старинушку,
Звеличали ёго всё с кнегинушкой,
330. Вот с кнегинушкой Марфидушкой.
Много-много на его было полѳжоно наградушки,
Много ёму досталось золотой казны,
Много досталоёь цѳста сѳребра,
Много досталось каменя драгоценного,
335. А и много досталось драга жемчугу.
А и всё же князь-от невесѳлой был,
Невесѳлой был, нерадоснѳй;
Не могли некто розговорить его:
«Отчего же князь печальнѳй есь?»
340. Возговѳрил князь Михайло йим:
«Уж вы ой еси, цари же все, царици,
Короли же всё вы, королевѳци,
А и все же кнѳзи вы же, все кнежевици,
Э и все же руськия могучи, сильнѳй богѳтыри,
345. Э и все же рыцари премлѳдыя пречуднѳя!
А и как ведь весело мне с вами, драгѳ товаришиши.
А и как дружѳя-ти все мои же, дружѳя милѳя, —
А и ведь я с вами в одном ученици училсе, князь,
Я ведь и с вами одногѳ образованѳица,
350. А и с вами-то одногѳ-то богѳтырьского состоянѳица,
А и как рыцарьского премлѳдого обхожданѳица, —
А и хорошо-то с вами, весело в заседанѳици —
Отцѳго-то у миня да всё болит серцѳ?
Вот болит моё сердечушко, оно ноёт,
355. Оно ноёт у миня же всё, треложитса?
Не могу-то, князь, я да всё не пить, не йись,
Всѳ тоска у миня, горюшко сокрушило.
Я не знай, что счас со мной такѳ случитце-то?
Я заболею ли, князь Михайло, какой болезнѳю?
360. Или моя молода кнегинушка заболела-та?
Рѳдна матушка моя ли захворала тут?»
Как возговѳрили ему дружина храбрая,
Вот ведь храбрая дружиночка, хоробрая:
«Уж вы ой еси, ведь князь да всё Михайло свет,
365. Не тужи-ко ты, Михайло, не печальсе-ко!
Ты ведь думаёшь таку думу:
Думашь — не пришла ли как всё война какѳ неверная?
Не прошли ли всё чернѳныма-ти кѳраблями?
Не прошли ли они войной да силой-армиѳй,
370. Силой-армией не прошли, конскою гвардиѳй?
Как морями-ти пойдут, дак мы схватим их,
Там стоят-то на охраны чѳрны кѳрабли;
Как горою-то пойдѳт да сила-армия,
Сила-армия да коньска гвардия,

375. Мы перехватим здесь ведь силу, не пропустим-то.
Мы ведь слышали, князь, про тебя же всё,
Как неверной царь анкинської собирается,
Собирает-то силу мно́гу со мно́гих землёй,
Как он готовит-то ведь флоты чёрных караблей, —
380. Если морями-то пойдёт, да всё ведь схватим-то,
Как горами-то пойдёт, да розобьём его.
Не тужи-ко, князь Михайло, не печальсе-ко,
Лучше выпей-ко-се с нами зеленá вина,
Вот попей-ко с нами всё же пива пьяного!»
385. Тут отказался князь от зеленá вина,
Отказался князь от пива пьяного,
Он не выпил тут ведь разных водочок заморьских-то;
Как хотел-то ведь князь обратно-то въехать,
Не спустили-то его дружиночка хоробрая,
390. Задержали князя тут жа на неделёчку.
(Значит, трое сутоцьки он прожил и ешшо на три задержали, — вот и неделечка, должно быть.)
Как во то же всё во самоё во времешка .
Его маменька-та всё же вот родная-та,
Восударыня, его да мать, большая-та,
Она задумала, злодейка, дельшко нехорошоё,
395. Чародейка, — погубить младú кнегинушку,
Вот кнегинушку погубить, младú Марфидушку.
По три банечки, окаяница, топила-то,
По три мыла-та гонá же измывала-то,
По три веничка она же вот хвостала-то,
400. Заводила она туда же всё кнегинушку,
Вот кнегину-ту заводила, славнú Марфидушку.
Она-то ей ведь жарко тут ведь парила,
Три горячих камешочика нажигала-та,
Нажигала-то горячи, она клала-то,
405. Она клала камешочки да на белы́ груды́,
На белы́ груды́-то клала на марфидины, —
Погубила, умерьтвила она кнегину-ту,
Вот кнегину умерьтвила тут Марфиду-ту.
Вынимала из утробы младёня-та,
410. Вот младёня вынимала она премлáдного,
Вот премлáдного она младá кнежевиця;
Когда вынела младёня из утробы-то,
На красоту его на чудну засмотреласе, —
По колен-то он ведь был да в чистом серебри,
415. По локбт-то он ведь был же да в красном золоти,
Как во лбу-ту у его было красно солнышко,
Как в затылки у его светел месяц-от,
По косицем у ёго зори занималисе,
За ушами чáсты свётлы звездоцьки-ти свéтили.
420. Красоты-то был кнежевиць очунь чудною!
Тут заплакала злодейка вот проклятая.
Она брала, брала ведь внука-та любимого,
Она брала его же на свои же руки белые,
Человала-то его да всё со слезами тут:
425. «Уж ты ой еси, прекрасно дитя чудноё,
Дитя чудноё, весьма очунь прекрасноё,
Кабы знала я про ето, знала-ведала,

- Не за что бы я не делала дела етого,
 Не погубила бы тибя, млáдый кнежевич-от!
430. Я погубила тибя да не из-за батюшка,
 Не из-за батюшка тибя, отца родимого,
 Погубила я тибя всё из-за матери, —
 Ишшо мать твоя мне всё да нелюба́ была,
 Нелюба она была, да мне постылая;
435. Потому была постыла, что она роду не княженеського,
 Не кнеженеського-то роду, не королевського,
 Из простых-то родов была да самых прóстых-то, —
 Мне-ка было не охвота поклонятисе,
 Не охвота-та ведь видеть своей невесткою».
440. А и побежала тут кнегина, его же рóдна матушка,
 А и она со горести побежала-то к морю синему,
 А и прибежала она к морюшка, расплакалась,
 А и вот расплакалась ву морюшка, расту́жилась:
 «А и ох-те-тошненько теперече, тошнёшенько,
445. А и немалу́-ту я шуточку нашúтила,
 А и ета шуточка-та спроста не сойдёт же мне!»
 А и увидала она у морюшка у синёго
 А и двух-то братьицей увидела рыболовов-то;
 А и рыболовы были братьица родимые,
450. А и вот родимые-ти братьица Васильевы.
 А и (о)на пришла-то к рыболовам, поклоняласе:
 «А и вы уж ой еси, два брателка родимые,
 А и вот родимы два же брателка любимыя,
 А и два дородних-то ведь вас же два мблодца,
455. А и сослужите мне-ка, мне ведь службу-ту, службу верную, !
 А и службу верную-ту мне, да неизменную:
 А и вы сделайте мне колоду-ту белодубову,
 А наколотите на колоду-то трóйи обручи,
 Трóйи обручи на колоду всё железные.
460. А и в ту колоду-ту мне-ка нужно всё полóжить,
 Э и вот полóжить в ту колоду мне кнегинушку,
 А и вот кнегинушку полóжить, младú жену Марфидушку,
 А и как с ее-то всё со сыном со любимым-то,
 Как со младеньким-то млáдым со кнежевицом».
465. А и рыболовы-ти ведь и тут нашй премлáдые,
 Они друг на дружку, братья, огленулисe,
 Огленулисe рóдны братья, ужахнулисe,
 Вот они же всё кнегины-то всё говóрили:
 «Уж ты ой еси, кнегина нашá любимая,
470. Мы ведь всё-то можом все дела твойи разны работати,
 А как за ети-ти дела не принимаимся,
 Мы не делаём колоды белодубовой,
 Не кладём-то мы кнегинушки в колодушку
 Со ее-то всё со любимым со сыночком,
475. Не набивам-то трóйих обручей железных-то,
 Не отводим мы колодушки во морюшко.
 Нельзя думошкой подумать на таки дела,
 Нельзя мыслицеми помыслить на беззаконные!
 Как узнат-то князь Михайло про таки дела,
480. Вот погубит ведь нас же он по напрасному.
 Весь ведь род-от наш напрасно он повыведёт»
 Закрычала тут кнегина по звериному,

- Зашипела тут кнегина по змеиному,
 Затоптала она на них свойима ножками,
 485. Закрычала на йих ведь всё же она по страшному:
 «Ето что такó пошло же беззаконное,
 Как не стали мне, кнегины, покорятисе,
 Покорятисе не стали, поклонятисе?
 Я возьму, возьму вас, вы, братьица Васильёвы,
 490. Вот возьму я вас ведь, братьица, на мученьица,
 Руки-ноги-ти о вас да отпилить велю,
 Буйну голову у вас ведь да всё сказнить велю!»
 Испугались млáды братьица Васильёвы,
 Вот Васильёвы, рыбаки же тут премлáдыя,
 495. Такй речи-ти кнегины возговóрили:
 «Уж ты ой еси, кнегина наша матушка,
 Не вели-ко нас, кнегинушка, нас казнить скорó,
 Прикажи-ко нам ведь и шшо сейчас работати!»
 Тут кнегина-та ведь скоро звеселиласе,
 500. Она братьицам-рыболовам поклониласе:
 «Уж вы ой еси, рыболовы вы, рóдны братьица,
 Если сделайте по моёму, как службу-ту всё сослúжите,
 Вы берите-тко тогда да много золотой казны,
 Вот берите-тко вы много чýста сéребра!»
 505. Тогда делали рыболовы-ти колоду-ту.
 Вот колоду-ту ведь сделали белодúбову,
 Наколачивали на колодú трóи обручи,
 Трóи обруци набивали они железныя;
 Вот полóжили в колоду они кнегину-ту,
 510. Вот кнегину-ту полóжили Марфиду-ту
 Со ее ли всё с любимым со сыноцьком-то,
 Набивали на колоду трóи обручи,
 Трóи обруци-ти крепкия железныя;
 На колоды-то написали золоты етирá,
 515. Золоты-ти етирá — да отцего помёрла кнегинушка;
 Отводили они колоду в синё морюшко,
 В синя морюшко они недалекошенько,
 Они становили-то колодушку близёшенько
 Как на железны-ти, на булатны екорёчики,
 520. Как колоду белодúбову закрéпили,
 Занесли-то ведь в море по-за ей чепи железные,
 Закрепили-то гонй, завезли на бережочки-то, —
 Как колода-та стояла белодúбова,
 Не шатали ей волны да влны мóрьские.
 525. Как во ту порú, во самое во времецко
 Прибежала-то кнегина к рыболовам-тó,
 Она йим-то тут ведь низко кланелась,
 Вот давала йим она же золотой казны,
 Вот давала йим она же чýста сéребра;
 530. Рыболовы-ти премлáды не согласилисе,
 Не брали у ей не золота, ни сéребра.
 (Не взяли! Где уж тут возьмут, как братья ей были.)
 Как побежала тут кнегина, огрубиласе,
 Огрубиласе на них она, рассердиласе,
 Прибежала она во комнаты княженесские,
 535. Одевалась она в платьицо в хорошоё,
 Во хорошоё-то в платьицо в шелкóвоё.

- Она в золоти убралась же вся, во сѣребри,
 Во каменъици она же драгоченном-то,
 Во драгом же вонá же всё же в зѣмцюги.
540. А и приказала всем девицам уредитисе,
 Уредитѣсь всем девицем, наредитисе:
 «А и одевайтесь-ко вы, няньки-мамушки,
 Э и йишше все же млáды девушки,
 Э и когда вы были у кнегинушки Марфидушки,
545. Э и были няньками вы же, были мамками,
 Э и вот тепереце, девушки, оденьтѣсь-ко.
 А и одевайте плáтьѣ цвѣтноѣ,
 Плáтьѣ цвѣтныя шелкóвыя, —
 Э и вот стречать нужно князя Михайла йиз дорожочки.
550. А и тогда будѣт у нас да пированьицо,
 Вот весѣло столованьицо;
 А и как на пиру-ту будѣт у нас же всё веселия,
 А и заиграют-то арфы все игромые,
 А и во все струны-ти в золочѣныя,
555. А и во все гусли-ты весѣлыя.
 А и выбирать-то тóгда будут же
 Князю млáдому Михайлу-ту
 Как ему будѣт кнегинушку;
 А и не йиз прóстого же роду-ту,
560. А не йиз прóстого, не йиз деревеньского, —
 А и прóстой род-от непочотной есть,
 А и он считаице же деревеньшшиной,
 Неучоной, неграмотной,
 Он учѣльной он народ, просто чудь совсем!
565. А и как тепере йизберѣм князю невесту-ту
 А и не прóстого роду хрестьяньского,
 Изберѣм невесту рóдов королевских-то,
 Королевских родóв, кнеженевских-то, —
 Вам ведь было бы кому да поклонитисе,
570. Поклонитѣсь, покоритѣсь.
 А и вот возговóрили тогда да ей же нянюшки,
 Отвечали и же ей да все же мамушки:
 «А и мы к чѣму будѣм одеватисе?
 Для чего же станѣм радовáтисе?»
575. Наша кнегинушка во морюшки,
 Э и вот во морюшки во колодушки,
 Во колоды белодúбовой,
 Со своим с млáдым наследничком,
 Вот с наследничком, с кнежевицом.
580. А и мы не хóчом одеватисе,
 Мы жалаем в таком платьици,
 В платьици в печальнѣм князя стретити,
 Князя стретить, с ним же поздороватьсѣ,
 Россказать князю да про несчасьицо,
585. А и про его же всё любó семью,
 Про любó семью, да про кнегинушку,
 Про кнегинушку Марфидушку,
 Про его сынá любимого».
590. Тут на лютоѣ зѣльѣ розгорелосе,
 Ат кнегино сердцько ростреложилосе, —
 Ана думала такú думушку,

- Она мыслила такй мыслици,
 Что: «я сделаю дело гибшоё,
 Дело гибшо, само вредноё,
 595. Погублю возьму кнегину-ту, —
 Как некто мене не выдает,
 Все ведь скроют все проказины».
 Но не так-то у ей вышло-то,
 А и все ее беззаконьца открылисе;
600. Тут кнегина возгневиласе,
 На них сильнѣ зарозгневиласе,
 Закрычала по звериному,
 Зашипела по змейиному,
 А и таки речи-то йим же возговорила:
605. «Ай вы, ай вы, мои девки сенныя,
 Девки сенныя противныя,
 А и все кнегинины да были мамушки,
 Все марфидины все же были все же нянюшки!
 Как и сама была да деревенщина,
610. Деревенщина да неучоная,
 Так (о)на же всех вас испотѣшила;
 А если вы миня, кнегину-ту, не слушаете,
 Прикажу взять вас всех на мученьца,
 Ноги-руки отпилити-то,
615. А и буйны головы сказнити-то!»
 Тут все няньки-мамки поклонилисе,
 В одно слово все же молвили,
 В одну рець же все говорили:
 «Всѣ равно, кнегина, наша матушка,
620. Очунь рады смерти скорою,
 Туа вся же наша жись идѣт же всѣ,
 Жись-та наша всѣ, не кнегинина.
 А ана кнегиной-то была у нас,
 А давно лѣжит умѣршею,
625. Ей ведь жить нужно да всѣ же жись вести,
 Всѣ же жисть вести, долголетно здрасовать;
 А теперице она давно лѣжит да во колодушки,
 Знабиты трѣи обруци железныя.
 Она до нас-то была мать родимая, —
630. Мы не хочом боле без кнегины жить,
 Предавай же смерть нам скорю!»
 Тут кнегина ужахнуласе,
 Ведь их речах же убоиласе,
 Им не назначила да смерти скорою,
635. Смерти скорой, скорой казени,
 А только такую рець говорила:
 «А и противны вы да няньки-мамушки,
 Ой вы же вытешены да все кнегинушкой!
 И не дам я вам ведь йись и пить, и кушати,
640. Не дам кушаней вам разных-то,
 Вот ведь разных-то сахарных же,
 Не дам рушати-то беленькой лебѣдушки, —
 Дам вам еды-то вам хлеба только дам овсяного,
 А испить-то дам вам воды болотною».
645. Как сказала же кнегина, так же дело делала, —
 Их ведь голодом, хлебом овсяным-то,

- Вот пошла йих водой болотною;
 Перенесли же всё да няньки-мамушки,
 А и на кнегину не сдавалисе,
 650. Ее смерти не страшилисе.
 Она сама ходила-гулела
 По полатам своим да княженеським-то,
 Веселым она ходила веселёхонька,
 А и гонá хóдила, сама с собой говóрила:
 655. «А и скоро, скоро жду и князя я Михайла йиз дорожочки,
 А и когда стрещю я своёго чада милого,
 А и чада милого, любимого,
 А и как премлáдного князя я Михайла-та,
 А и расскажу, что помёрла ёго любá семья,
 660. А и вот любá семья, его кнегинушка Марфидушка,
 А и не могла родить да чада милого,
 Чада милого, премлáдного кнежевица.
 А и тогда поверит мне всё же Михайло князь,
 Позабыдёт кнегину-деревеньшину,
 665. А и как найдём, найдём тогда ему кнегинушку,
 А и вот кнегинушку найдём, да молоду жену,
 А и не простого роду, — королевьского;
 А и королевьской род-от да очунь мудрой есть,
 А и тогда всё бóдет мне да всё знакомоё,
 670. А и мы однёго с нею роду бóдём королевьского».
 Э и как подумала кнегина-та
 Своим умом же она, разумом,
 Но не так толькó случилосе,
 А и не по ее всё уму-разуму, —
 675. Вот йиначе всё случилосе,
 Э и не по ее желаньцу да приключилосе.
 А и приезжаит князь Михайло свет,
 А и приезжает вон скорым, скорым гонцом,
 А и приехал на широкой двор,
 680. На широкой двор на кнеженеськой-от,
 А и сходил с коня да он да всё скорёшенько,
 Отдавал коня слугам своим,
 Сам пошел он во высóки свои гривины,
 А и во столовы в свётлы горници,
 685. Э и он не роздел платья, не скинул же богатырьского,
 Богатырьского не скинул всё дорожного,
 А и побежал же в свётлы гривены,
 Он и зашел же в пёрву горницу,
 А и во высóку свою свётлицу,
 690. А и как сречает ёго матушка,
 Его матушка родимая,
 Она стречает, низко кланяетса
 А й со весёлою гулыбочкой:
 «Здрастуй, здрастуй, чадо милоё,
 695. Чадо милоё моё было, любимое,
 Йишше на имя Михайло князь!
 Проздравляю тибя с счесливым я с приездиком!»
 А и тут ведь кланелсе Михайло князь,
 Благодарил же свою матушку родимую
 700. А и со весёлою улыбоцкой,
 Обнимал ей за шею белую,

- Человал в уста же в материнския,
 А и сам ведь ей же князь говóрил-то:
 «А йишше где же, мать, моя кнегина-та,
 705. Вот кнегина, молода жена Марфида-та?
 А и шшо такó ведь с ней случилосе?
 А, скажи что же приключилосе?
 А и захворала ли моя кнегина-та?
 Заболела ли Марфида-та?
710. Ты скажи, скажи-ка, рóдна матушка,
 Не скрывай толькó, поведай мне!»
 Отвечала ему тогда же рóдна матушка:
 «А уж ты ой еси, князь Михайло млад,
 А и много, много я тебе хорошего говаривала,
715. А ты не слушал всё же матушки родимую!
 А и не успел же ты, князь, и от дворьца своёго толькó же
 отъехати,
 До чистá полá доехати,
 А и во ту пору, во то времецька
 Пришли с моря чóрны кáрабли
720. Со товарами со разныма,
 Вот со разныма да йиностранныма.
 А и захотела твоя кнегинушка
 Она ко пристани гулять йитти;
 Она миня же не послушала,
725. Вот и ушла, ушла гулять йонá.
 Трóй суточки в дворець да не евялase,
 На четвёрты-ти пришла да показаласе,
 Привела себе да дрúжка милого,
 А и друкá милого, гостя-та приезжого,
730. Я не знай толькó, из кáких стран да королевиць был.
 Она хотела-то с ним уехати,
 Я, кнегина-мать, да не усмотрила-то,
 С королевицём да не спустила-то.
 Она тогда же запечалилась,
735. Запечалилась да розболелase,
 Во постелёчку свалилase;
 Не могла перенести такой печалюшки,
 Она взяла же зелья лютого,
 А и зелья лютого да отравилase.
740. Вот и такá вот от ней была заразушка,
 Не хотели ей люди пустить на кладбишша,
 Приневолили спустить её,
 А и вот съпустить же ей во морюшко
 В белодúбову колодушку.
745. Она сама себя да погубила же,
 Как твоёго-то любимого премлáдого кнежовича,
 Твоёго сынá любимого,
 Она всё его да умертвила-то».
- А и как тогда же князь говóрил-то:
 750. «А и уж ты пó роду мне-ка матушка родимая,
 А не по правды-то и делá, так и назову тибя,
 Назову тибя злодейкой, змейй поганую!
 Э и как твоё мне же, мать, да рассказаньицо,
 Что-то всё же мне не веритса,

755. А и вот не веритсе, не ндравитсе.
 Это всё ведь вижу, матушка, неправда-та,
 Некогда я не поверю-то, —
 Что в таких родах, во простых родах да во хресьяньских-то,
 Некогда так не случайтсе,
760. Некогда не приключайтсе.
 Это всё идут изменушки
 В ваших в родах в королевских-то,
 А и в королевских всё, во кнеженеских-то».
 А и побегал же князь Михайло-то
765. А и в свои горници высокия,
 А и как в свои же в светлы в светлицы.
 А и как зашел же в свою горницу,
 Увидал же он на столочки,
 А видь на столочки лежат пяла-ти,
770. Йишше пяла-ти лежат да золочёные,
 А и во пялах-та ширинка вышывана,
 Ана вышывана шелками разныма,
 Она разныма да иностранныма,
 Тут в шириночки написано:
775. «Вся шириночка, работушка прикончена,
 Всё же кончить-то я ширинушку успела же,
 Вся работушка сработана.
 А и счесливо, князь Михайло, ты бери мою ширинушку,
 Утирай-ко-се своё да лицо белоё,
780. Лицо белоё по ўтру всё по ранному,
 По восходу сонця красного!»
 А как ешше гленул на столочок,
 Увидал же: книжочка лежит же тут;
 Он открыл же скоро книжецьку,
785. Тут у кнегинушки записано:
 «Я шириночку окончила,
 Теперь надоть всё кнегинушки,
 Мне, кнегинушки, йитти туда,
 Вот йтти надоть да на мученьца,
790. Э и вот пойду, пойду да на мученьца».
 (В) втору горницу зашел же князь,
 Тут весят да всят пяла-ти
 Как на спичочки да золочёною;
 Тут росшиты были мудрыя узорики,
795. Они росшиты шёлками разныма,
 В подареньцо князю Михайлу-ту:
 «Этой ширинкой обтирай лице,
 Обтирай лице да своё белоё!
 А и как ведь я, кнегина-та, ширинку шила, всё доканчивала,
800. Не спала жо ночьки тёмною,
 Но успела ей докончити.
 Э и ты утирай, князь, лицо, счастливой будь!
 Теперь йиду, йиду я на мученьца».
 А в третью горницу зашел же князь,
805. Он зашел же, тут увидел он:
 Вот весят, весят же пяла золочёныя;
 Вот шериночка была же вся росшитая,
 А и она росшита была вся красным золотом,
 А и прострочена чистым серебром,

- Человал в уста же в материнския,
 А и сам ведь ей же князь говóрил-то:
 «А йишше где же, мать, моя кнегина-та,
 705. Вот кнегина, молода жена Марфида-та?
 А и шшо такó ведь с ней случилосе?
 А, скажи что же приключилосе?
 А и захворала ли моя кнегина-та?
 Заболела ли Марфида-та?
710. Ты скажи, скажи-ка, рóдна матушка,
 Не скрывай толькó, поведай мне!»
 Отвечала ему тогда же рóдна матушка:
 «А уж ты ой еси, князь Михайло млад,
 А и много, много я тебе хорошего говаривала,
715. А ты не слушал всё же матушки родимою!
 А и не успел же ты, князь, и от дворьца своёго толькó же
 отъехати,
 До чистá полá доехати,
 А и во ту пору, во то времeцька
 Пришли с моря чбрны кáрабли
720. Со товарами со разныма,
 Вот со разныма да йиностранныма.
 А и захотела твоя кнегинушка
 Она ко пристани гулять йитти;
 Она миня же не послушала,
725. Вот и ушла, ушла гулять йонá.
 Трóи суточки в дворець да не евялясе,
 На четвёрты-ти пришла да показаласе,
 Привела себе да дрúжка милого,
 А и дружкá милого, гостя-та приезжого,
730. Я не знай толькó, из какых стран да королевиць был.
 Она хотела-то с ним уехати,
 Я, кнегина-мать, да не усмотрила-то,
 С королевицём да не спустила-то.
 Она тогда же запечалилась,
735. Запечалилась да розболеласе,
 Во постелёчку свалиласе;
 Не могла перенести такой печалюшки,
 Она взяла же зелья лютого,
 А и зелья лютого да отравиласе.
740. Вот и такá вот от ней была заразушка,
 Не хотели ей люди пустить на кладбишша,
 Приневолили спустить её,
 А и вот съпустить же ей во морюшко
 В белодúбову колодушку.
745. Она сама себя да погубила же,
 Как твоёго-то любимого премлáдого кнежовича,
 Твоёго сынá любимого,
 Она всё его да умертвила-то».
- А и как тогда же князь говóрил-то:
 750. «А и уж ты пó роду мне-ка матушка родимая,
 А не по правды-то и делá, так и назову тибя,
 Назову тибя злодейкой, змеёй поганою!
 Э я как твоё мне же, мать, да рассказаньицо,
 Что-то всё же мне не веритса,

755. А и вот не веритсе, не ндравитсе.
Ето всё ведь вижу, матушка, неправда-та,
Некогда́ я не поверю-то, —
Что в таких рода́х, во простых рода́х да во хресьяньских-то,
Некогда́ так не случантсе,
760. Некогда́ не приключайтце.
Ето всё идут изменушки
В ваших в рода́х в королевских-то,
А и в королевских всё, во кнеженеських-то).
А и побежал же князь Михайло-то
765. А и в свои горници высокия,
А и как в свои же в свѣтлы в свѣтлицы.
А и как зашол же в свою горницу,
Увидал же он на столички,
А видь на столички лёжат пѣла-ти,
770. Йишше пѣла-ти лёжат да золочѣныя,
А и во пѣлах-та ширинка вышѣвана,
Ана вышѣвана шелками разныма,
Она разныма да иностранныма,
Тут в шириночки написано:
775. «Вся шириночка, работушка прикончена,
Всѣ же кончить-то я ширинушку успела же,
Вся работушка сработана.
А и счесливо, князь Михайло, ты бери мою ширинушку,
Утирай-ко-се своё да лицо белоё,
780. Лицо белоё по ўтру всё по ранному,
По восходу сонця красного!»
А как ешше гленул на столичок,
Увидал же: книжочка лёжит же тут;
Он открыл же скоро книжецьку,
785. Тут у кнегинушки записано:
«Я шириночку окончила,
Теперь надоть всё кнегинушки,
Мне, кнегинушки, йитти туда,
Вот итти надоть да на мученьица.
790. Э и вот пойду, пойду да на мученьица». (В) втору́ горницу зашол же князь,
Тут весят да вѣсят пѣла-ти
Как на спичочки да золочѣною;
Тут росшиты были мудрыя узорики,
795. Они росшиты шёлками разныма,
В подареньицо князю Михайлу-ту:
«Этой ширинкой обтирай лицѣ,
Обтирай лицѣ да своё белоё!
А и как ведь я, кнегина-та, ширинку шила, всё докандивала,
800. Не спала жо ноцьки тѣмною,
Но успела ей докончити.
Э и ты утирай, князь, лицо, счесливой будь!
Теперь йиду, йиду я на мученьица».
А в третью горницу зашол же князь,
805. Он зашол же, тут увидел он:
Вот весят, весят же пѣла золочѣныя;
Вот шериночка была же вся росшитая,
А и она росшита была вся красным золотом,
А и прострочёна чистым серебром,

810. Во серёдочки зашитыя
 А и драгоценны мёлки камешки,
 Э и на шириночки расписано:
 «А етá последняя шириночка
 В подареньё князю-ту Михайлу же,
815. Моему супругу-ту любимому.
 Утирайсе, будь счесливой, князь,
 Будь счесливой, долголетней же,
 Много лет да жить тебе да всё кнежить же-то,
 А и как кнежить-то, жить жизнёй счесливою!»
820. Подошел когда ко столичку,
 Увидал же там он книжочку, —
 Ета книжочка была чудная,
 Она писана на рыти-ти на бархати
 Как крупным же красным золотом:
825. «А и вот прошшай, прошшай, Михайло-то, прошшай, князь же мой,
 А и ты прошшай, прошшай, супруг да мой,
 А и большё с тобой, князь, мне б́удёт не видатисе!
 А и позволяя, князь, тебе же я женитисе,
 А и не жалея миня же, князь, да поженисе же ты.
830. А и не бери-ко только из роду ты йиз пр́остого, —
 А и как пр́остой-от род тепереце непочётной есь,
 А и как все над нами-ти насмехаютсе,
 А и в трони княжесьском ведь-то быть же мы не можом-то;
 А и ты женись, женись типере (не) на пр́остых люд́ях,
835. А и не бери боле ты из роду йиз пр́остого,
 А и теперь бери, бери из роду королевьского,
 А и королевьского из роду бери, кнеженеського, —
 А и гонй ученьицём-то все же есь учоныхя,
 А и б́удёт маменьки твоей же всё любёшенько,
840. Как одно́го с ей ведь будут всё ученьиця,
 Как одно́го ведь и будут с ей образованыця.
 А и позабудь-ко, князь Михайло, не тужи о том;
 А и как другá твоя жена будёт, кнегинушка,
 А и пожелаю ей и я ведь ей да всё же долго жить,
845. А и как долго ей ведь жить да всё счесливой быть.
 А и позволяю-то тебе же поженитисе».
 А и прочитал-то князь Михайло, тут расплакалсе,
 А и слезно плакал князь Михайло, он рыдал же всё,
 Красота его ведь чудна вся повянула,
850. А и его очи-ти прекрасны всё весёлыя
 А и как в печаль, во горюшко все же превратилисе.
 А и побежал-то князь Михайло в свои кладовы же он,
 В кладовы-ти побежал, во свои во клетки-ти,
 Отмыкал же он свои да золоты ларцы́,
855. Брал он, брал тут, много брал и да красна золота,
 Брал и много гон оттуль же ч́иста сёребра,
 Побежал-то во соборы, церьквы божьяе,
 Он давал-то тут ведь много в поминаньицо,
 Поминал-то он своюю же он кнегинушку,
860. Поминал-то молоду жону Марфидушку,
 Со своим уж поминал да со младёнём-то.
 Тут попы-отцы духовныя ужахалисе,
 Все народ-от ведь, народ же дивовалисе,
 Но некто́ не мог же князя-та унять никак,

865. Как некто не мог же князю рассказать про то.
Побежал тогда князь Михайло в свой высокой в кнеженеской
гон во терем-от,
Он побежал-то, прибежал да слезно плакал-то,
Слезно плакал-то он, — пробежали-то речки быстрыя,
Возрыдал-то сильнѣ, громко, будто гром гремел.
870. Он побежал-то по своим новым-то красным каледорикам, —
Вот встречались с ним тогда да няньки-мамушки,
Все его-то повстречались сѣнны девушки,
Повстречались они, князю поклонилисе,
Проздравляли князя с счастливим-то приездиком;
875. Тут ведь кланелсе князь Михайло, благодарил же их,
Тут садилсе князь Михайло на скамеечку,
На скамеечку садилсе рыта бархата.
Как ведь нянюшки-ти, мамушки говорили:
«Что ты, что ты, князь Михайло, распечалилсе,
880. распечалилсе ведь, слезно приросплакалсе?
Ты не знаѣшь всё, не ведуѣшь, что случилось с твоей с
кнегинушкой,
Что со душочкой твоей любой Марфидушкой?
Уж ты ходишь-то везде, ходишь просматриваешь везде,
Ты гледишь везде вот, ходишь всё проглядываешь,
885. А у нас-то всё не спросишь про кнегинушку,
Про любу свою про милу про Марфидушку».
Тогда князь же во слезах зачел спрашивать;
Поклонились-то тогда ему же няньки-мамушки,
Как ведь начели ему тогда рассказывать:
890. «Как не успел же, князь Михайло, ты от дворца своѣго чуть
отѣхал-то,
До чисто-го-то поля, наверно, не доехал-то,
Как задумала твоя же рѣдна матушка
Велико-то дело страшное творити-то,
Извести она задумала нашу кнегинушку,
895. Всѣму миру-ту ведь матушку ведь нашу-ту,
Как ведь ту ли всё кнегину благоверную,
Благоверну нашу кнегину-ту Марфиду-ту.
По трѣи банѣчки гонá да нá день топила-то,
Нажигала бани очуень она ведь жаркия,
900. И она в баню в ету жарку заводила нашу кнегинушку,
Как твою ли всё любу жену Марфидушку.
Три-то она мыла гонá бруса премывала-то,
Три-то веничка она об ей хвостала-то,
Три горячих она камня нажигала-та,
905. Эти камни-ти горячи гонá клала-та,
Она клала эти камни к Марфиды кнегины на белы груди,
Бѣлы груди-то у ней она прожигала-то,
Так Марфиду, кнегину нашу, погубила-то,
Молоду твою кнегину умертвила-то.
910. Когда умертвила княгину нашу Марфиду-ту,
Как сама она побежала
Вот ко синѣму ко морю,
А к двум же братьям-рыболовам же.
А и прибежала кнегина, приросплакалась,
915. А и приросплакалась кнегина, прирастужилась,
А и слезами смочила всю же матушку сыру землю,

- А и во слезах она рыболовам-то говорила,
 Чтобы сделали рыболовы-ти колодушку,
 Вот колодушку сделали белодубовую,
920. А и на колодушку-то набили, наколотили
 Трои обручи железные.
 Рыболовы не соглашались,
 Э и за такі страшны дела да не принимались;
 Ана тогда на йих же закрычала громко, страшно-то,
925. А и закрычала на них она да по звериному,
 А и зашипела страшно так да по змеиному,
 А хотела предать ведь йих она к мучеицию,
 Руки-ноги вопилить у них,
 Буйну голову казнить же йим.
930. А рыболовы очунь млáдые
 Такой смерти скорой убоялись,
 Они сделали колодушку да белодубову,
 Набивали на калодушку
 Трои обручи железные,
935. Атвозили воні колодушку
 Вот во синёе во морюшко.
 Мы не знаем, что в колодушки,
 Как жива ли, нет Марфидушка,
 Вот Марфидушка да со младёнём-то,
940. Со своим князём премлáдым-то».
(Уж не с князем, а с кнежевицом.)
 А тут ведь (в)стал-то князь Михайло свет,
 Он и ведь (в)стал, йим низко три-то разика да поклонилсе им.
 Побежал же князь Михайло-то
 Во свои высбки горници,
945. Ко своим ларцам вон да к золочёным-то,
 Вынимал он много красна золота,
 А и вынимал же много чиста серебра,
 Вынимал много гон да драга жемцюга,
 Всё ведь клал он в суночки, в котомочки славна бархата;
950. Подошел же он в перьвых же, князь,
 Вот ко нянюшкам, ко мамушкам,
 Йим давал же много золота,
 Йим давал же много чиста серебра,
 А йим давал каменья да самоцветного,
955. А и как ведь йим давал разной одежды-то кнегининой,
 Вот кнегининой-то, марфидиной.
 А во горницах в своих высоких-то,
 А и вот во павáлышах широких-то
 А и записал же вон во книжочку,
960. А и вот во книжечку во пáметну:
 «После мне да какой князь будёт,
 Какой князь же будёт сидеть-то на княжесьве, вести дела,
 На моём жо всё на кнежесьви,
 Не забудь же моих нянюшок,
965. Не забудь же моих мамушок, —
 Сделай такú должность, дай же йим,
 Как ведь жили они у мяя, у князя у Михайла-та,
 Со моей жили с кнегинушкой,
 С дорогой, милóй Марфидушкой.

970. Живи, живи, князь, счesлiво-то,
Как счesлiво, князь, да долголетней будь,
Долголетней будь с кнегиною!
Я жалаю тебе долго жить,
Тебе долго жить да век, да век счesливым быть».
975. А и как пошел же князь Михайло свет,
А и он пошел, пошел ко морюшку ко синему,
А и гувидал: ездят два рыбацка ездят премладых-то;
Замахал им он своей да рукой правою,
А и замахал шляпой пуховой.
980. Увидали родны братьица,
Родны братьица приехали,
А и скоро братьица приехали,
А й они приехали да поклонялисе,
Поклонялись, низко кланелись,
985. Тут с князем поздоровались;
Э и князь-от всё же йим говорил-то
Со весёлой йим улыбочкой:
«Уж вы здрастуйте-ко, здрастуйте, два же брателка,
Э и два же брателка родимые,
990. Два ведь брателка Васильевых,
А и вы кнегинушки родны братьица,
А и вы мойи же шурьекá любимые!»
А и человал он йих в уста сахарные,
Обнимал же йих за шеи белые,
995. А и как ведь сам же йим такую рець говорил-то:
«А и уж вы ой еси, да брателки да дорогí наши,
А и дорогí же наши, милые,
Э и сослужите мне-ка службу верную,
(Он уж братьями называет их, по жёнѣ.)
Службу верну очунь скорую,
1000. А и вы достаньте мне колоду-ту,
А и вот колоду белодубову!
У вас где ета колодушка,
Где у вас же белодубова?»
«У нас колода, князь Михайло-то,
1005. Недалёко от бережочика,
Она спушшона у нас на екорёчиках,
На екорях у нас булатных-то,
Обнесёна кругом чепёми всё железными;
Ети чёпики закрёплёны
1010. За больший же сёры камешки,
Сёры камешки на бережки, —
Не сорвать будёт погодушкой,
Вот погодой беломорскою,
Как погодушкой тут, волна́ми всё, поморскою,
1015. Не снять, не снять будёт колодушки,
Не розбить будёт да белодубовой».
А и говорил тогда Михайло князь:
«А и уж вы ой еси, братьица радимые,
А и мойи вы всё да дорогí весьма,
1020. Вот достаньте мне колодушку,
А и вот пригна́йте белодубову.
Мне-ка хоцце, князю, видети.

- Князю видеть, посмотреть туда,
Посмотрять, шшо с ней случилосе,
1025. Шшо случилосе, приключилосе».
А и рыболовы тогда млáдые,
Они скоро порешили-то:
«И пригоним скоро мы колодушку,
А и вот пригоним белодубову».
1030. Уезжали рыболовики,
А и не могли достать колодушки,
А и не могли достать йиз морюшко.
А когда приехали да рыболовушки,
Росказали всё же князю-ту;
1035. Говорил тогда Михайло князь:
«Уж вы ой еси, да два-то брателка,
Два родных же вы кнегининых,
Вот вы сходите, скоро сбегайте
Во мойи в торговли лавочки,
1040. Принесите-тко суда скорé
От шóлковы да неводочика!»
Побежали рыболовики,
Принёсйли неводочика,
Приносили скоро шóлковы,
1045. Они закинули все-то в морюшко.
Перьвой раз они забросили, —
Не могли достать колодушку;
Во второй-от раз забросили, —
Э и не могли достать да белодубовой;
1050. Во третей-от раз забросили, —
Ани достали тут колодушку,
А и вот достали белодубову,
Ани выкатывали на крутой бережочик-от,
На рассыпцетой жолтой на песоцик-от.
1055. А и приказал же скоро князь Михайло свет
Он разбить, россéкци колоду белодубову,
Сбить ведь трóи обруцй железные;
А и рыболовы млáды, дóбры млóдцы,
Они сделали, как следуёт,
1060. Они сбивали оруцй железныя,
А и они разбили всю колоду белодубову.
А и как во тó пору, во то время
А и князь Михайло он свойима руками кнеженеськими
Приготовил для кнегинушки
1065. Вроди кроваточки-то, сделал он.
А и тут вынимали (о)ни кнегину-ту,
А и вынимали свою сéстрицю любимую,
А и вот любимую единую,
Со ее сынóм с любимым-то,
1070. С йихным милым со племянником.
Увидал же князь Михайло тут,
Что его любá кнегинушка
Умертвилась, его Марфидушка, —
Заревел-то князь по страшному,
1075. С головы своей да кнеженеською
Сорывáл он волосочки,
Как ко мёртвою кнегинушки да низко кланелса,

- Человал ей в уста во мёртвы,
Он и будил же ей, разбуживал:
1080. «Ай восстань, восстань, моя да всё кнегинушка,
Ай восстань, восстань, моя супруга верная,
От промолви хошь единое словечушко,
Роскажи про своё страшноё мученьицо!»
Э и человал сына любимого,
1085. Он премладово кнежовича,
Э и сам сибя он оввинял же, князь:
«Почему же, князь, уехал я?
Не спускала мя кнегинушка,
Не спускала душа моя Марфидушка,
1090. Она знала всё намереньё жо родной матушки,
А и утаила, не сказала мне!»
Тут и плакали жи рыболовы-ти,
Рыболовы, два же брателка премладые.
А и как тогда же князь Михайло-то.
1095. Много, много выдавал он рыболовикам, —
Он бессчотно дал же много золотой казны,
Дал и подарил йим по драгоценноу коробочки,
Во коробочкам была тут полбжона
Вот драги-ти вешши, некак было обченить не можно,
1100. А и вот не можно некаким было обченьшищикам;
Вот дарил йим по персню золочёному
Со драгима йим со ставками,
В ети ставочки не простыя,
В них ведь были-то драги каменяица;
1105. А и подарил-то он йим по золотым часам,
По золотым часам, как ведь чёпы были золочёныя,
Самочветныя, со драгима со каменяи.
- А тогда человал йих да во уста йихны во млáдыя,
Обнимал йих за шеи за белыя,
1110. А и гон сказал же тут ведь братьицам:
«Вы прошшайте, братьица Васильевы,
А и вы сходите-тко во город мой,
Принесите мне суда цего-небудь покушати!»
Э и убежали млáды братьица Васильёвы.
1115. Князь, во ту пору, во то время
Он ведь сбежал в ближну кузницу,
В ближну кузницу железную,
Он купил три же ножицька,
Три же ножицька йих очунь длинные,
1120. Очунь длинные, очунь вострыя.
Ети ножички воткнул же он,
Вот воткнул во сыру землю,
А на записочки да написал же он:
«Уж вы ой ёси, братьица Васильёвы,
1125. А и прочитайте-тко записочку,
Во записочки узнатьи».
Тогда князь же всё Михайло свет,
Он бросалсе на нбжощки,
Вот на ножички булатныя,
1130. Заколосе-то, скончалсе он,
А и вот со белым светом россталсе князь.
Э и когда пришли же братьица Васильёвы,

- Ужахнулись чуду чудному,
А и удивились диву дивному;
1135. А и сами себя же оввинули-то:
«Почому оба ушли тогда?»
На записочки да прочитали-то:
«А некто мне не виновен-от,
Я ведь сам с собой, князь, да поступил же всё.
1140. Не могу болé на свети жить
Без своей болé кнегины-то,
Как без душочки-то Марфиды-то,
Без своёго сына любимого
Как пречудной был красавець-от,
1145. По колен ног в чистом сéребри,
По рукам был в красном золоти,
Во лбу было у ёго соньцо красное,
А во затылки свéтел месець-от,
А и за косицами зори занималсе,
1150. За ушами чáсты звездочки каталисе;
Богатырь-от ведь был сýльней он,
Ешше рыцарь-от премлáдой был».
Э и скоро, скоро объевляли-то,
Что в записочки увидели:
1155. «Где лёжит-то тело белоё,
Тело белоё марфидино,
Тут лёжи-ко тело князево
Со моим сынóм с любимым-то!»
Вы, пожалуста, народ-люди, не судите-тко,
1160. Не судите, не говорите-ко,
Во один гроб с Марфидой положите-тко,
Положите-ко миня же с ней,
Со моим сынóм с любимым-то!»
Как говорил, так тák и сделали,
1165. Во единой гроб полóжили:
«Пусть-ко живыма жили дружно-то,
Э и как ведь мёртвыма не розлучаютце».
Но на йихном хороненьици
Все ведь съехались цари да все царици,
1170. Короли-ти все же да королевици,
Все же князи-ти, княжевичи,
Все ведь руськия могучие богáтыри,
Все же рыцари премлáдые;
Хоронили князя, слезно плакали:
1175. «Зачем друга одного отпустили-то,
Некто с ним же не поехали?»
Захоронили князя всё по чýдному,
Со петьём-четьём черковным-то,
Его (с) звоном колокольным-то;
1180. На могилочки станóвили
Чудной паметник вот золочёной-от,
Вот на паметники было всё расписано:
«А и как князь-от, вдруг ведь помер-то
Он ведь прежде времени
1185. Со своей он со любой семьёй,
Со своей с дорогой кнегинушкой,
Как кнегинушкой с Марфидушкой,

- Со его сынóм с любимым-то.
 Все ведь вечно будём споминать его,
 1190. Споминать-то будём всё князя млáдого,
 Чúдна славного-то рыцаря,
 Как богáтыря могучого.
 Погубила его злодейка злая-та,
 Злодейка зла, ехидная,
 1195. Его матушка радимая».
 А и не могла снести же горести,
 Как обидушки великою,
 Его маменька родная-та;
 Она во всём типерь да догадаласе,
 1200. Что ведь бúдёт ведь над ей же суд,
 Вот над ей же суд, судить будút, —
 Она сибe же смерть скорú всё придумала.
 Передь смертью скоро сбегала,
 С рыболовами простиласе,
 1205. А гот них она бежала-то,
 Зычным голосом крычала-то,
 С сибя волосы сдирала-то:
 «Ох-тих-тёшеньки, тошнёхонько!
 Немалú шуткú нашúтила,
 1210. Три души я погубила-то:
 Пёрвú душу неповинную,
 Дрúгу душу я безымянную,
 Третью душу я да неповинну-ту, —
 Погубила сына милого,
 1215. Сына милого, любимого,
 Я премлáдого князя-та Михайла же,
 Я его же всё кнегину-ту,
 Молоду жону Марфиду-ту,
 Как и своёго (в)нука я прекрасного,
 1220. Вот прёкрасного кнежевица.
 Теперь не хочу большё на свети жить!»
 Ана пришла в свóйи в полаты княженеськия,
 Вот насыпала зелья сибe лютого,
 Ана насыпала в стакан его,
 1225. А и принелá же скоро, выпила,
 Закрычала очунь страшно-то,
 Заревела очунь громко-то,
 Ай но нектó с ей не отваживалсе,
 А и вскóри, вскóри старá кнегина-та преставилась.
 1230. Хоронили ей уж не по хорошему,
 Не было звону колокольнёго,
 Не петья-четья черковного, —
 Везли ей на дровнях-санях на прóстых-то,
 А нектó почти ей провожать не шол нектó,
 1235. Как не старой не шол, не малой-от;
 А ей увезли же всё, схорóнили
 В могилушку далёко всё вот города,
 На могилушки станóвили,
 Станóвили ей же паметник,
 1240. Как на паметники расписано:
 «Здесь лёжит, лёжит кнегинушка,
 Погубила сына всё любимого,

- Сына милого, любимого,
Еще князя-та Михайла же,
1245. Со его гонá кнегиною,
Вот с кнегиною Марфидою,
А и как с йхном сыном со любимым-то.
А сама, злодейка лютая,
Прилюбодейница сосветная,
1250. Со стыду, с горя великого
Она ведь выпила много зелья лютого, —
Оттого злодейки скоро смерть пришла,
Скоро смерть пришла, скончаласе».
Как пойдут народ-люди гулять, да проходили,
1255. Все богатыри съезжались,
Все же рыцери приезжали же,
Все ко князю-ту ходили на могилушку,
Вот ко князю со кнегиною,
Со кнегиною с Марфидою,
1260. Шшо со йхным млáдым со сыночком, —
Все читали, слезно плакали,
Все жалели князя млáдого.
На ее же хто могилушки,
Случайно приведётсе кому зайти туда, —
1265. Прочитают на могилушке,
Ужахались все, ведь прочь да разбегались.
А и скоро, скоро тут ведь было заседаньицо,
Они все ведь в зоседаньици повыбрали,
А и как повыбрали, нашли да князя млáдого,
1270. А и князя млáдого, очунь смирного,
Нашли брателка родимого,
Брата милого ведь князева,
Он ведь и был же, ездил рыцарём;
Становили скоро князём-то
1275. И нашли ему кнегинушку,
Вот кнегинушку опеть, сказать,
Из того ли роду кнегинина марфидина.
Скоро князь молодой да поженилсе тут,
Он ведь и взял себе же нянюшок,
1280. Взял себе ведь жо всех ведь мамушок,
Как ведь вёлена у князя-та,
У его же брателка родймого.
Хорошо же стал князь жить вот со своей же он с кнегиною.
Э и той старинушки конець пришол.
1285. А и Чорному-ту морюшку на тишину,
А Москвы-реки на чесь, на славушку великую,
А и как всему нашему народу-то совецькому на
пропеваньице,
А от них пойдёт по всем на росказаньицо,
На разны плéмени народику на росказаньице.

**№ 85. ПРО ВДОВУШКУ И ПРО СЫНОВЬЕЙ ЕЕ,
КОРАБЕЛЬЩИКОВ**

- А и как во славном городе во Киеве,
Там ведь ¹был богатырь сильней-от,
Он ведь сильней был богатырь, только не киевской;
Жил богатырь в Киеви двенадцать лет
5. Он у ласкового у князя у Владимира
Со его же всё с русьскими с богатырема.
Он через двенадцать лет поры же, времени, —
Вот не славилсе богатырь, он преставилсе;
Как жалел, жалел Владимир князь,
10. Все же киеськи богатыри проплакали.
Оставалась у его любá семья,
Любá семья, да молода жона,
Оставалось у его два сына-то,
Два сыночка у его, ясных соколочка,
15. Оставалась у его да дось единая,
Вот единая его дочь всё любимая.
Чезело было вдовы́ же жить, —
(В)скормить-(в)споить ведь нужно троё деточок!
Кабы знал про его всё Владимир князь,
20. Воспоил-вскормил бы малых деточек,
Прокормил саму́ да молоду вдову;
Не пошла вдова да потому гонá
Просить у князя на пропитаньицо, —
Князь возьмёт воспитовать ее деточок,
25. Он к себе же всё возьмёт на кнеженеской двор,
А при них же он возьмёт жить да рóдну матушку.
«Не страшусь я работушки,
Работушка мне не бóдет очунь тежолая,
Но как там у него жить неприятно жо:
- 30 Много есь у него русьских богатырей,
Есть приезжих много разных рыцарей, —
Лучче я, вдова, не покажусе йим,
Не покажуся я, уйду из Кийева».
Как сказала жо вдова, так же дело сделала,
35. Приоставила вдова да свой ведь домичок,
Покинула вдова да свой зелёной сад;
(О)на ушла, ушла да ночью тёмною,
Своих сыночков же, вела же йих,
Дочь любимую да на руках несла.
40. (О)на оделасе она же бедной странницей,
Бедной странницей да очунь старюю.
Шла-то, пошла да долгим временем,
Шла долго лёсами дремучими,
Думала она да такову думу:
45. «Уж ты, осподи, уж ты, осподи,
Ты пошли ко мне зверей лёсных-то,
Ты пошли на меня да волков серых-то,
Волков серых да медвёдей чёрных-то!
Пушшай съедят мойих да двух сыночков-то,
50. Не оставят пушть меня же с дочкою!»
Привелось вдовушке ночевать-то ей да во темном лесу,

- Во темнѣм лесу да во сыром бору,
 Под берёзонькой да под кудрявою;
 Ее деточки да скоро заспали,
 55. Вдовушка не спит да она так сидит,
 Слезами-ти горячими обливается.
 Говорила (о)на-та таковы речі:
 «Несчастных-то людей звери боятса-то,
 Вот лёсны-ти нас страшатса-то!»
60. Тут прошла скоро ночка тёмная,
 Она палась-то для них да очунь тёплуя.
 Деточки поуטרѣ заспали все,
 С улыбкой с весёлой улыбаются,
 Будто спят они да на кроваточках,
 65. На кроваточках да на кисѣвых-то,
 На периночках на мѣкких на пухѣвых-то,
 На подушочках да на пухѣвых-то,
 Под одеялыма под тёплыми.
 Ихна матушка родимая,
 70. (О)на ходила в лесах же всё,
 Насбирала ягод лёсных-то,
 Принесла же детѣм на пропитаньицо.
 Когда детсчки ее да пробудилисе,
 Красно солнышко пякло весело на небішке, —
75. Ее деточки развеселилисе,
 Ее деточки разыгралисе,
 Тогда матушка-та говѣрила:
 «Пора, деточки, во дорожочку!»
 Тут ведь деточки не ослышались,
 80. Свои малые не отказалисе,
 Они пошли да в путь-дорожочку.
 Во дорожочки-то утомилисе,
 Утомилисе, заплакали,
 Не змогли более итти они;
 85. А дочку-ту несла да на руках она.
 Тогда вдовушка приросплакалась,
 Тогда бедная растужилась:
 «Ах ты, горяшко, моё горяшко,
 Великѣ горе несчастноѣ!
90. Я от батюшки осталася малѣшенька,
 Я от матушки невозрѣшнона осталасе,
 Я от мужа вдовой млѣдой приосталасе.
 Ох-тих-тешенько, тошнѣхонько!»
 Повалила дочь любимую
 95. Ана на трѣвенку, на муравленку,
 Сыновей-то понесла она;
 Одного-то несла в охапочке,
 А другого-то на спиы-то.
 Тут ведь вдовушка утомиласе,
 100. Их на трѣвенку повалила же,
 Сама пошла за дочкой за любимую.
 Тут шалаш-от она сделала,
 Шалаш сделала из дерева из лип(о)вого,
 Сыновей-то позалила спать,
 105. А с дочкой-то пошла гулять.
 Она пришла-то к морю синѣму,

- У морюшка приросплакалась,
У синёго растужилась:
«Уж ты ,море, море синее,
110. Кому море есь да рódной матушкой,
Кому море есь да лихой мачехой!
По морьскому-то бережочку она хóдила,
Она нашла-то два ведь яшшичка,
Вот два яшшичка деревянные;
115. Нашла яшшички, зрадовáлесе,
Таки речи-то говóрила:
«Уж ты ой еси, дочь любимая,
Дочь любимая моя единая,
Ети яшшички деревянные —
120. Они домики твоим братьицам,
Твоим братьицам родимым же!
Я спушшу их во синё морё!»
Как говорила вдова, так (и) сделала.
По úтру-ту, úтру ранному,
125. По восходу-ту соньца красного,
Скоро вдова-то пробужалесе,
Ее деточки пробудилисе,
Они просили у матушки пить, йись-кушати;
Тогда (в)довушка говóрила:
130. «Вот поешьте-ко у меня ягодок,
А попейте-ко воды студёною».
Как покушали ее деточки ее ягодок,
Запíли-то водой студёною.
«Ну, пойдёмте теперь, деточки,
135. Ко морюшку ко синему,
Ко синему к глубокому».
Говорила йим да рódна матушка:
«Теперь станём распрошшатисе».
Человала рódна матушка,
140. Йих садила она в яшшички,
Она деточкам говóрила:
«Уж вы, дети мои милые,
Уж вы, милые, любимые,
Спустит матушка вас родимая
145. Во синё морё погúляти.
Погуляйти-ка, мои деточки,
Вас бúдет-то синё морюшко укачивать,
Укачивать бúдет вас, убайкивать, —
Будет спать, будто в колыбелёчке,
150. В колыбелёчке да во постелёчке».
Тогда деточки да зрадовáлисе,
Тогда малые звеселилисе.
Йихна матушка родимая
Во сине морюшка спустила же,
155. Синю морюшку говóрила:
«Уж ты, морюшко, море синёе,
Ты прими-ко в подарочок моих деточок,
Ты не будь-ко йим лихой мачохой,
Ты воспой-вскорми да моих деточек,
160. Обучи-ко йих премудрости великою,

- Дай-ко счастье им, талани жа,
Ты возрости-ко, воспой-(в)скорми!»
Тогда (в)довошка возговорила:
«Хорошо-то теперь вдовошка!»
165. С одной дочкой полгорюшка». Долго глядела вдовушка во морюшко, —
Понесло-то эти яшшички по теченьицу,
Долго слышно было крики детские;
Скоро-скоро-то их отдернуло,
170. Только казалась, да птицы перелётныя лётят же,
Только видела вдовушка своих деточок,
Наконец, из глаз скрылися.
Тогда (в)довушка пошла она:
«Куда выйду я с тобой, да дочка милая?
175. Я во город ли, во деревню ли?»
Шла долго (в)довушка путём-дорожкой,
Пришла в город да в очунь в чудной же.
По ее-то по судьбины,
Повстречался стар человек седой,
180. Голова бела, борода седа,
Он из лесу нёс липы-дерева плести корзиночки.
Тут со (в)довушкой разговорилсе же,
Рассказала (в)довушка своё горюшко;
Старижок-от рассказал своё:
185. Когда был-то он ведь молодым,
Бугатырь-от ведь был сильней,
Была у его любá семья, молода жона,
Два было у его сына любимы,
Они рыцари были премладые, —
190. Уехали битьсе-боротисе с силой, с армией приходящею,
В битве пали, домой не вернулисье.
«С горя померла моя жона,
Я ведь боле не женилсе же,
Не женилсе же, один живу».
195. Пригласил вдову жить во домичок со дочкою,
Воспоил-вскормил да дочь, возростил же.
Она была чудная-та красавица.
А временём-то (в)довка плакала,
Она жалела-то своих сыночков-то,
200. Жалела ясных соколочков-то.
Но не погинули-то ее деточки, не потонули:
Когда несло их по теченьицу,
Как во ту пору, во то время
И шли (и)з-за морюшка чёрны карабли
205. Со товарами со разныма.
Как молодой-то корабельшичок,
Он ходил, гулял на палуба,
Во руках-то носил трубочку,
Носил трубочку подзорную;
210. Он увидел скору приметочку,
Будто две птицы тут слетаетсе,
К ним ведь ближе подвигаетсе.
Он говорил своим матросикам,
Своим младым-то матросикам,
215. Велел-то постановить да чёрной карабель;

- Его млáдые матросики не ослышались,
 Скоро в реф постановилисе.
 Они смотряли да погляд(ы)вали:
 «Что такó за чудо чудноё?»
220. Что такó за диво дивноё?»
 Увидали-то два яшшичка,
 Что во яшшичках находится, неизвесно же.
 Приказал-то млад корабельшшичок
 Спехнúть шлюпочку корабельною,
 225. Осмотрить, да шшо такó несёт.
 Тут матросики да не ослышились,
 Тут и млáдые не отказалисе,
 Онё поехали на скору шлюпочку,
 Они скоро-то ведь перенели, —
230. А в яшшичках-то было два-то мальчика,
 Онí спали-то крепким сном.
 Подавали-то йих на палубу корабельною,
 Дивовалсе-то млад корабельшшичек:
 «Ети деточки будут царя мórского,
 235. Царя мórского в подарочок!
 Воспою-вскормлю же их, возрóшшу же,
 Они будут взамен своих сыночков-то, —
 У меня нет своих, дак бог пожаловал».
 Он привёз во свой город же,
240. Рассказал про то своей да молодой жонý,
 Воспоил-воскормил да йих возрóстил жи,
 Обучил йих грамоты премудрою.
 Он купил йих¹ по чорному по кáраблю,
 Йих и сделал млáдыма корабельшшикама,
 245. Они ходили в страны-то всё дальняя
 Со товарыма со разныма,
 А оттуль привозили всё заморьския.
 Онí ходили-то два годичка поры-времени,
 Уж ходили-то и третей пошол.
250. Хорошо с прибылью торговали же,
 Набрано было товарах разных-то заморьских,
 Набрано было сукна заморьского, шóлки разные, гарусá у йих,
 Было разно-то у йих красно золото,
 Красно золото, чíсто сéребро,
 255. Был у них да дорогой жемчúг,
 Было каменьицо самоцветноё,
 Самоцветноё да драгоценноё.
 Из-за морей шли, была поветерь йим попутная,
 Попутная, очень поносная;
260. Не дошли они до страны своей,
 Падала погодушка великая,
 Подули-то ветры непопутныя,
 Привелось стоять-то двум корабличкам,
 Зайти в город-эт эт погодушки.
265. Зашли в гавань-ту корабельною,
 Подошли к пристани-то корабельнею,
 Йихны млáды матросики
 Завивали тóнки пáрусы,

¹ В смысле «йим».

- Тонки парусы всё полóтнены,
 270. Опускали в воду булатные якорёчки-та,
 Подымали флаки шёлковы.
 Как во ту пору, во то время
 Пришла вдовушка за водой она,
 На чернёны-ти на кáрабли загляделасе,
 275. На чúдны кáрабли засмотреласе,
 На мláдых на корабельшшичков прельстиласе,
 На красоту на йихну обзарилась,
 Она сама себе говóрила:
 «Я за старшого корабельшшичка
 280. Пойду сама да всё в замужество,
 За второго-то дочку вьдаю».
 Как мláды-ти корабельшшички,
 Когда ко пристани подошли они,
 Йим ведь нужно было съехати,
 285. Во контору-ту корабельною зайти же йим,
 Прописатьсе же, откуль идут,
 Откуль идут они, куда да путешест(в)уют.
 Тут садилисе корабельшшички в лёгки шлюпочки корабельнии,
 Выходили скоро на пристань же,
 290. Увидали скóра вдовушку,
 На красоту ее прельстилисe,
 (*Мама-то была молода ешше!*)
 Подошли ко вдовушке, поклонилисе:
 «Как далёко ли ваш-от домичок?
 Ешшо можно ли нам зайти же к вам?»
 295. Тут ведь вдовушка говорила же:
 «Мой ведь домичок не постоялой же,
 Квартира да не отводная —
 Для таких-то дорогих гостей
 Оно бúдёт не отказано.
 (*Ишь, вдова-то!*)
 300. Добро жаловать, дородни-ти дóбры мóлодьцы,
 Как премлáды-ти корабельшшички!»
 Указала тут вдовушка свой-от домичок.
 Млáды корабельшшички ушли в контору же,
 А вдовушка пришла по скорости в свой домичок,
 305. Рассказала про своё да всё хожденьицо,
 Про приятноё свиданьицо:
 «Уж ты гой еси, доць любимая,
 Наше спясье в город прикатилосе, —
 Пришли чернёны-те два кáрабля
 310. Со товарами со разныма,
 На них мláды корабельшшички
 Красотой бчен прекрасныи,
 Она ученьицом образованы.
 (*Бабка всё узнала! Вот мама-то!*)
 За старшóго корабельшшичка пойду сама в замужесьво,
 315. А за младшего тебя, дочка, вьдаю».
 Не через долго-то поры-времени
 Пришли мláдые корабельшшички;
 Стречала вдовушка да низко кланелась,
 Усадила за столичок за дубовые,
 320. Угошшала разныма угошшеньями.

- (Женихи считала, так не худо угошала.)*
 Подносила-то кушанья дочь любимая,
 Сама вдовушка стояла всё у печки,
(Невеста, так уж не сидела!)
 Она стояла, призадумалась,
 Призадумалась, призапечалилась,
 325. Спомнила своих сыночков-то любимых-то:
 «Они теперь у мяя тоже были (б) эдаки премладые!»
 Ее сердечушко растреложилось,
 Ее нервы разболелись,
 Не могла-то (в)двошка задержатисе,
 330. У ей побежали йиз глаз да горючі слёзы.
 Корабельшички заприметили,
 Тут премладые-то увидили,
 Они зáchели тогда спрашивать:
 «Что с вами такó случилось?»
 335. Чтó по нашому-то свиданьицу
 Пало-вышло тебе огрубленьицо?
 Расскажи-ко нам ведь, вдовушка!»
(Сама в платьи-то в черном, они понели!)
 Подошла тут вдовушка, низко кланелась,
 Их ведь стала она выспрашивать:
 340. «Вы какой земли да какво города?
 Ешшо хто у вас отець да рódна матушка?»
 Тут корабельшички говóрили:
 «Мы, право, не знаем, хто отець у нас, хто матушка,
 Только сказывают, шшо мы брошены были в ящичках на
 морюшко.»
 345. Цем наскúчили мы да рódну батюшку?
 Цем озлобили мы да рódну матушку?
 Нас спустила рódна матушка на погуб(л)еньицо.
 Не суждено, верно, в морюшке потонуть же нам, —
 Нашли на нас чернёны большій карабли,
 350. Пёренели нас млáдые матросики,
 А воспитал-то, вскормил нас млáдый корабельшичик-от.
 Он замесьто у нас теперь рódна батюшка,
 А жена его за рódну матушку».
 Тут ведь вдвошка йонá ахнула,
 355. Подбегала она скоро, вдовушка,
 Во перьвých-то обнимала корабельшичка-то старшего за его
 за шею белою,
 Человала его в уста сахарные,
 Прижимала к ретивú сердú,
 А тогда к другому-ту корабельшичку;
 360. Она йим-то тут говóрила:
 «Здрастуйте, детоцьки мои серденьныя.
 Как серденьныя рожонья!
 Я из сил-то всё ведь выбилась,
 Так спустила вас на морюшко,
 365. Чтобы воспоило морюшко, возрóстило,
 Было морюшко вам рódной матушкой.
 Ето шшо за чúдошко за дивноё, —
 За сына за старшого чуть взамúж не вышла же,
 А за младшего сына рódного
 370. Чуть я дочки-то не повыдала!»

- Тут ведь детоцьки бросалисе,
 К рѣдной матушки падали во резвы ногѣ.
 У них пошло тут радованьицо,
 А весѣло-то пираваньицо.
375. Были срѣты ѣих-та чѣдныя,
 Пиравали-то, столовали целой месеч же.
 (*Было, было у корабельшищичков столовать-пиравать!*)
 Они много дали золотой казны
 За содержаньицо рѣдной матушки,
 За содержаньицо рѣдной сѣстрицы.
380. Как подули-то ветры буйныя,
 Ветры буйныя попутныя,
 Отходили-то чѣрны кáрабли
 Они от гавани корабельнѣй всё,
 Увозили с собой рѣдну матушку,
385. Рѣдну матушку да рѣдну сѣстрицу.
 Той ведь повести конецъ пришол.
 Хвалыньскому-ту морюшку на тишину,
 Москвы-то рекѣ на чесь, на славушку на великую,
 Всему совецькому народу на послушаньицо,
390. А от них-то пойдѣт на пропеваньицо.

№ 86. МОРЯНОЧКА

- А и как во славном было в городи во Киеви,
 А и как при ласковом при князи было Владимере,
 А и вот-то как была-то, была же вот молода вдова,
 А и молода была вдова да сорока годов,
5. А и как ведь и было-то у той вдовы девять сынов,
 А ише девять было руських-то богатырей,
 А и как десята-то дочь была у ей любимая.
 Ише братьица сестру очунь любили-то,
 Как один-то, вон ведь и на рѣки брал,
10. Другой с рук просил.
 Не возрѣстили братья сѣстрицы родимую,
 Вот побросили-то братьица, оставили,
 Вот ушли-то ее братья в дело не в хорошее,
 Они покинули, побросили славной Киев-град,
15. Приоставили свою родиму матушку,
 Всѣ родимую свою же мѣлу сѣстрицу,
 Будто в воду-ту вонѣ да тут ведь канули,
 Утонули будто, братьицей не стало же.
 Долго, долго рѣдна матушка разыскивала,
20. Нигде же не могла найти рѣдна матушка,
 Потужила-то вонѣ, слезно поплакала, —
 Ницего же не посѣбишь, когда погинули!
 После ихного уходу-га, отъезду же,
 Рѣдна маменька-га доченьку возрѣстила,
25. Вот возрѣстила, она взамуж повѣдала
 За того ли всё за гостя-то да приезжого,
 За приезжого за гостя-те за морянина.

- Вот повёз-то всё морянин жену моряночку,
Он в своё-то ведь повёз в местó, в селение,
30. Вот увёз-то ей, увёз в своё жилище-то,
А и как к тому ли он ко морюшку ко синему.
А и как ведь год-от они живут да вот другой живут,
А вот как прижили себе они мала детишша,
А себе детишша вони же себе малого,
35. А и как того ли всё ведь и сына-то любимого.
А и хорошо жилось моряночки, счастливо всё,
А и хороша-та жисть была у ей за морянином.
А и прожила-то тут моряночка три годочика,
А и захотелосе моряночки повидатисе
40. А и со своей ли ей с любимую со маменькой,
А и от с моряниновой с любезенькой со тёшшенькой,
Показать тогда захотелось бабушке-то внука всё либимого.
А и говорить стала моряночка морянину,
Своему стала супругу она любимому.
45. Вот морянин-от моряночку во всём слушал он,
Он ведь начал тут, морянин, собирагисе,
В путь-дорожочку же начал приготавлигисе.
Как пошел у нас морянин на скотной двор,
Он ведь брал-то, брал коня самолучшого,
50. Запирегал коня в корету в золочёную.
Как цего жа тут морянин не наклал с собой!
Много-много клал морянин с собой подарочков,
Вот в подарочки-ти брал он, в подареньица,
В подареньице своёй тещиньки любимую,
55. Как своёй-то он же тещиньке премилою,
Он ведь брал и брал ведь и много водок разных-то,
Вот поклат, поклат морянин на дорожочку.
Запирегал скоро морянин-от добра коня,
Убирал же он коня да в золотой убор,
60. Как тогда же вон садил свою молодую жону,
Молоду свою жону да он, моряночку,
Мала детишша садил-то во серёдыши.
Вот поехали они же в славной Киев-град,
Ко моряночкиной поехали к рóдной матушки,
65. Ко моряниновой тещеньки любимую,
Показать-то повезли внука любимого.
Они день-от едут, вот же ведь другой ехали,
Тут соскучилось моряночки-то ехати,
Мало детишшо-то ихноё расплакалось,
70. Вот расплакалось и оно же ростреложилось.
А и говорила-то тогда родна́ его моряночка:
«А уж ты ой еси, ведь и мой супруг, любимой муж,
А как пора, пора теперици отдóх коню,
А во вторых-то ведь как надоть как отдохнуть-то сыну милому,
75. А сыну милому-ту нашему, любимому».
А и как морянин-от, моряночку во всём слушал он,
А и он сходил скорó с коня долой,
А и становил скóро морянин тут белóй шатёр,
А и убирал шатёр ведь и рытом его бархатом,
80. А он ведь делал тут кроваточки висучие.
А и покормила тут моряночка сына любимого,

- А и призаснул тогда ведь и скоро сын с дорожочки,
 А и на кроваточки заснул он на висучею.
 А и как морянин со моряночкой покушал тут,
85. А и вот они скоро тут ведь спать легли, заснули-то.
 Как ведь скоро тут моряночка проснуласе,
 Она проснуласе, моряночка же, так лежит,
 Она так-то всё лёжит, она послушивает:
 Что такое-то вонó во полюшке делатса?
90. Всё стояло-то во полюшки очунь тихо-то,
 Только слышивала вонá, как конь ведь ел же всё,
 Конь-то кушал-ел пшеницю-ту белоярову.
 Вдруг услышила моряночка-те страх такой,
 Что не стон-от там стонал да всё не гром гремел,
95. Вот услышила гонá да гам же ближе стал.
 Она будила своёго мужа морянина,
 Не могла-то разбудить, — морянин крепко спал.
 Тут наехали-то всё ночны камышницкы,
 Вот камышнички наехали, вору-разбойницкы,
100. Вот ночные-ти наехали подорожницкы.
 Они немного тут, камышнички-ти, думали,
 Увидали вонí тут же всё белбй шатёр,
 Увидали у шатра они добра коня, —
 Как белбй-от всё шатёр они разбрóсали,
105. Как морянина-те взяли они зарезали,
 Как ведь млáдого млáдэня взяли рóзорвали,
 Как моряночку-ту взяли ей во плен ей же,
 Вот во плен вот ей же взяли, сделали-то пленницей,
 Они прельстились на кореточку золочёную.
110. Становили тут разбойнички белы шатры,
 Как покушали-поели, спать легли,
 Как ведь все восёмь разбойничков заснули тут,
 А девятой-от разбойничок не спал же он.
 Вот не спал-то он, ведь только так лёжал.
115. А моряночка в плену же прирасплакалась,
 Прирасплакалась она же, приростужилась,
 Во слезах же вонá слезно-то ведь вонá плакала,
 Во слезах она ведь всё же выговаривала:
 «Как во славном было в городи во Киеви,
120. Как при ласковом при князи при Владимири
 Вот была, была-жила да молода вдова,
 Молода вдова — моя же мать родимая.
 Как ведь было у моей матушки деветь сынов,
 Ишше девять-то сынов, девять богáтырей,
125. Как десята у ей была же дочь любимая.
 Ишше братьица сестру очунь любили-то,
 Ишше как один ведь брал на руки,
 Другой с рук просил;
 Не возрóстили сестрици, они побросили,
130. Они ушли куда-то, не знам, куда скрылисе.
 После ихного-то всё тут ухожденьица,
 Ихна матушка родима доченьку возрóстила,
 А и вот возрóстила вонá, взамуж повыдала
 А и за того ли за морянина приезжого.
135. А и вот повёз-то как морянин свою моряночку
 А и во своё-то он село да во своё житьё.

- А и я ведь год-то с ним жила да вот другою жила,
 А и вот родилось у миня чадо любимое,
 А ишше тот же сын ведь и был у мне любимой он.
140. А я задумала-то в гости всё же ехати
 А и ко своей ли всё ко маменьки к родимою,
 А ко моряниновой тѣшшиньки любимую,
 А и вот морянин-от моряночку любил весьма,
 А и чего я ему скажу, дак он ведь слушал всё.
145. А и захотела я тогда же в гости ехати
 А и ко своей ли ко родимою ко матушке,
 А и ко моряниновой тѣшшиньке к любимую,
 А и я сказала ему, морянину, такі слова,
 А и шшо хочу, хочу я ехать к рѣдной матушки на свиданьицо,
150. А и показать-то всё ведь и ей внука любимого.
 А и как-от он ведь ишше не отказалсе тут,
 А и он пошел-то тут с весѣлою улыбкою,
 А и он собрал-то, брал корету-ту на дорожочку,
 А выводил тогда коня да всё же он доброго,
155. Запрегал тогда коня да в золотой убор,
 А и как ишше садил жону с сыном с любимым-то,
 А и нас закутывал в одеялышка соболиные.
 А и тут чего у нас в кореты было не накладено, —
 А и к рѣдной матушке везли мы в подареньицо.
160. А не привелось-то нам до Киева доехати,
 А и на нас напали тут разбойнички, убили-то
 А и моего-то всё мужа же всё морянина,
 А моего-то всё же сына вот любимого.
 А ети разбойницьки-ти — братьица родимые;
165. А они любимого-то зѣтелка зарезали,
 А как любимого племянницька взяли рѣзорвали,
 А и как любимую сестру они в полон забрали». —
 А и как скакал тогда разбойничок на резвы ногі,
 А и он будил, будил розбойничков, розбуживал:
170. «Уж вы ставайте-ко, ведь и братьица, пробуждайтесь-ко!
 А вы меня-то всё же, братьица, не слушали, —
 А и не давал-то убивать вам до белá свету,
 А вы миня-то самого убить хотели тут».
- А и как етот-то разбойничок был младшой всё,
175. А и на разбой-от разбойничек не шол же он,
 А и в стороны всегда стоял же он, постаивал.
 «А немалу теперь ведь и шуточку нашутили,
 А ешше как ведь ета шуточка вам ведь с рук сойдѣт:
 А и как любимого-то зѣтя вы зарезали,
180. А и как любимого племянничка вы же рѣзорвали,
 А и как родимую сестру да во полон взяли!»
 А и тут скакали-то розбойницьки на резвы ногі,
 А и они кланелись, прошшались-то рѣдной сѣстрици:
 «А и ты прости, прости, да сѣстрица родимая,
185. А кабы знали мы, ведь и этого не сделали!»
 А и тут ведь делали-то гроб из красна дерева,
 А и тут полѣжили-то зятя они любимого
 А и со любимым-то, с любимым всё с племянником,
 Закопали-то, зарыли во сыру землю,
190. Вот ведь сделали-то тут же ему памятник,
 Росписали-то ему золоты етирá,

- Как золоты-ти етира, да кем погублен был.
Тут накладывали розбойнички много-то золотой казны,
Шшобы ету казну увезли да в славной Киев-град,
195. В славной Киев-град ко матушки к родимою.
Сами поехали-то братьица по монастырям спасённым-то,
Вот прощатсье-то поехали в своих грехах.
Как ведь младшой-от разбойничок повёз сестру,
Как сестру повёз свою же он, моряночку,
200. Он во Киев-град-от отвёз к своей родимой матушки.
Тут стречала, выходила ее рódна матушка,
Она увидала своёго сына любимого;
Тут ведь матушка-та доченьки говóрила:
«Где-ка, где-ка мой ведь зятелко любимой-от,
205. Где-ка, где-ка внук-от мой да драгой же он?»
«Я жила же, рódна матушка, три-то годицька,
Три-то годицька жила я во замужесьви,
Будто золотó было колечушко каталосе,
Предо мной-то так ведь счастье стояло-то.
210. Оно, можот быть, до гробушку простояло мне,
Кабы не поехала к тебе во славной Киев-град.
Ты зачем-то, мать роднá, к нам не приехала?
Я поехала к тебе же, рódна матушка,
Вот дорожочка-та пала несчастливая,
215. Погубили у мя морянина в дорожочки,
Погубили у мя сына любимого.
Теперь приехала к тебе же, мать, вдовицею,
Я бессчастною приехала вдовицею».
Тут ведь слезно очунь матушка заплакала,
220. Во слёзах пошли в палаты-ти в белокаменны.
Росказала тут моряночка, как ведь смерть пришла,
Кто погубил ее мужа да всё со сыном-то:
«Погубили их видь и братьица родимые».
Она простила своего же сына милого,
225. Потому што они омманом увели его.
Тут стала жить моряночка во Киеви;
Много сваталось на ей же всё богáтырей,
Вот ведь сватались на ей же чудны рыцари,
Ишшо сватались на ей же князья-бóяра, —
230 Не пошла боле моряночка в замужесьво,
Не могла забыть своёго она морянина,
Своего она же сына-та любимого.
С младшим брателком она да прожила же тут,
Прожила же всё моряночка, век прошол у ней,
235. Как прошла-то мláда жисть вся моряночкина,
Прошла жисть-та ведь у ей же всё печальняя,
Вот печальняя-та жисть прошла, прискорбная.
Как ведь той нашой старинушке конець пришол.
Слáвну морю-ту Хвальньскому на тiшину,
240. А Непрi-рекi на славушку великую,
Вам, премудрым-то людям, на прописаньице,
От вас мláдым-то пойдёт на росказаньице,
А от них пойдёт потом на пропеваньице.
-

№ 87. МОРЯНКА

- А и во славном во городе было во Киеви,
 А когда жил-то, был Владимир князь,
 А и как Владимир князь когда же он кнежил,
 А и при его было же кнежесьви,
5. Э вот жила-была да молода вдова,
 А и молода вдова была же Марерьянова,
 Молода вдова да Маревьянова,
 А и отроду-ту была сорока годов,
 А и' молодым гонá была да молодёхонька,
10. А и как на личность-ту была да хорошохонька.
 А и шьто у той было молодой вдовы,
 А и деветь было у ей сыновьей, да ясных соколов,
 Деветь было у ей дородних добрых мблодцов,
 Деветь млáдых да было-то всё богáтырей;
15. Они ростом-то были един в единого,
 Они волосом-то были пáрныя,
 У йих один же голос к голосу,
 А и красотой были прекрасныя,
 Они мудросью-ту были всё премудрыя.
20. А и как была у той вдовы да Маревьяновой,
 Как была у ей да дочь единая,
 Дочь едина у ей же всё любимая;
 Она осталасе от батюшка малёшенька,
 А и шьто малёшенька, чуть только-только родиласе,
25. Э и не запомнила гонá да гóтца-батюшка,
 А и гóтца-батюшка, своёго гонá радителя,
 Э и не запомнила ласки ёго родительской.
 А и вот тужила вдова же, много плакала,
 А и не вернёшь того, что невозможно-то!
30. А и она ведь волосы сдирала со головушки,
 Она золой сама сибя да пересыпывала,
 С того горюшка хотела подавитисе,
 Хотела в Непр соскóчити,
 Вот соскóчити да утопитисе,
35. И хотела она наложить на сибя руки,
 На себя руки, заколотисе,
 Она хотела в огонь же броситьце,
 В огонь броситьсе, сожгатисе,
 Она хотела убежать в темны леса,
40. Во темны леса, на съеденё зверям лёсным-то,
 Звёрям лёсным-то, медвёдям чорным-то,
 А медвёдям чорным, вóлкам серым-то —
 А и наконец, вдова одумалась,
 Она одумалась, опомнилась:
45. «Э и прости, осподи, да пригрешеньицо,
 Как моё грешно думленьицо!»
 А и наконец, пришла вдова в сознаныицо,
 Во сознаныицо, роздумалась,
 А и вот раздумалась вдова же, приросплакалась:
50. «Прости, господи, мойи все пригрешеньица,
 Только дай, осподь, здоровьяица,

- А и воспитать-(в)скормить мне же малых деточок!»
 Вот возростила она ясных соколочиков,
 Соколочиков, своих сыночков,
55. А и их, дородних добрых молодцов,
 Ишше руських-то могучих тих богатырей, —
 Обучила их премудрой грамоты,
 Обучила их богатырских всех наук-то тут,
 Обучила рыцарским поездкам-то,
60. А и богатырским всем ведь съездам-то.
 А когда жили её деточки во Киеви,
 Э и вот во Киеви жили при родимой своей матушки,
 Ишше братица сестру очунь любили,
 Э и вот любили её, лялели-то, —
65. Каждому из них хотелось,
 Вот хотелось со сестрицей поиграть же им,
 Каждой брал да себе на руки,
 С ей ходили и гуляли в зеленые сады,
 С ней ведь ездили по городу по Киеву,
70. С ней очунь жалосливо-то братица ведь с ней были,
 Ей жалели, свою же родную сестрицу.
 А пришлось же братицам разъехаться,
 Вот и разъехахца братицам, уехати.
 Они поехали, её да родны братица,
75. Как поехали в число богатырей,
 Как и богатырей да в славных киевских;
 Не поступили братица в число богатырей,
 Не ушли же жить-служить князю Владимиру,
 А и как Владимиру князю стольническому.
80. Как захотели тут ведь и братица,
 А и вот ведь и братица вступить во рыцари,
 Вот во рыцарей вступить же тут во молодых-то;
 А и они с матушкой прощалисься,
 У родимой взяли благословленица,
85. Распростились с ней, они поехали,
 Э и они поехали да все из Киева.
 Провожала родна матушка
 А и далече же их в чисто поле,
 Во широкое же их широкое раздольице;
90. А и проводила их ведь и матушка родимая,
 Матушка с ним же распростиласе,
 Назад скоро во Киев воротиласе.
 Вот уехали братица родимыя,
 Уехали молодые-ты славны рыцари,
95. А и как богатыри уехали премладые.
 Они ездили-поездили да два же годицка,
 Повидали молодых славных рыцарей,
 Повидались, познакомились,
 Познакомились они же, поздоровались;
100. А и как тогда же вот рыцари премладые
 Вобучились всей поездки богатырскою,
 Э и научили их подвигов славных рыцарских.
 Много-много городов проехали,
 Много-много и морями шли,
105. Они всего везде да навидались,
 Они всего, всего да насмотрялись,

- Э и вот назадъ они во Киев вот евилисе,
 (С) рѣдной матушкой да повидалисе,
 (С) рѣдной сѣстрицей они да поздоровались.
110. А и какъ ведъ рѣдну матушку ударивали
 Дорогима оны подарками заморьскима,
 Рѣдну сѣстрицу шолками разныма,
 Шолками разныма они ей же всё заморьскима,
 И ударивали рытом бархатом,
115. Ешшо разнымъ краснымъ золотом.
 А и вотъ тогда они пѣжили у матушки,
 Они пѣжили у рѣдною,
 Они пѣжили у ей гѣдицѣк да пѣры-времени.
 Тутъ ведъ начели богатыри,
120. Слѣвны млѣдые-ти рыцари,
 Уезжать йиз домику по ўтру-ту,
 Вотъ и по ўтру они по ранному,
 По восходу вѣни же соньца красного,
 А приезжали среди же ночки тѣмною,
125. Ночки тѣмною долгѣй осѣнною.
 Тутъ ведъ матушка замечать сталѣ,
 А и родимая подумывать,
 Она, наконецъ, словѣ промолвила,
 Словѣ промолвила же, рець говѣрила:
130. «Ужъ вы ой еси, мойи да дети милья,
 Дети милья, мойи очўнь любимыя,
 Вы куда же, деточки, у мя, сердечны, уезжайте?
 Вы куда у мя по ўтру-ту, ўтру ранному?
 Вы куда у мя по заходу-ту соньца красного?»
135. Тагда деточки матушки говѣрили,
 Тогда дети-ти родимою говаривали:
 «Мы ведъ, матушка, уезжаемъ всё во чисто полѣ,
 Во чисто полѣ уезжаемъ ко богатырямъ,
 Ко богатырямъ уезжаемъ славнымъ киеськимъ.
140. Мы ведъ там-то всё утехами забавляймсе,
 Забавляймсе утехами богатырьскима,
 Утешаймсе забавами славныма рыцарьскима.
 Тамъ ведъ есь на што ведъ, матушка, посмотрять же там,
 Тамъ ведъ есь на што, любима, подивоватисе».
145. Такъ ведъ всё они ведъ рѣдной матушки говѣрили,
 Но они же всё ведъ рѣдну матушку омманивали,
 Вотъ омманивали, ей неправду сказывали.
 Вотъ какъ прошло-то етѣму времечки немного-то,
 Вотъ немного прошло времени, прокатилосе,
150. Какъ задумали ее детоцьки, сыночки всё,
 Вотъ сыночки-ти задумали дельшко нехорошоѣ,
 Нехорошо вѣни дельшко, неприятноѣ, —
 Они познакомились с дружьями-ти не с хорошима,
 Не с хорошима с дружьями, не (с) богатырьми,
155. Не с богатырьми они, скажомъ, со киевьскима,
 Не со рыцереми, скажомъ, со приежжима,
 Познакомились они с ворами, со разбойницьками,
 А с носими-ти поздоровались с подорожницьками.
 Утаили-то, рѣдной матушки не сказали-то;
160. Когда стали с рѣдной матушкой прошшатисе,
 На прошшаньци рѣдной матушки говѣрили:

- «Вот прошшай-ко, прошшай, матушка родимая!
 Как прошшай, прошшай, ведь сестриця любимая!»
 Распростились-то богатыри, уехали.
165. Тут бѣдь стала жить-та дочь, да дочь со матушкой.
 Вот со матушкой-то стала жить с родимою;
 Вот возростила тагда же рѣдна матушка,
 Воспоила-то, воскормила, как вѣдь следуѣт.
 Потужили же о братьицах, (п)опечаловались,
170. Везде, везде-то рѣдна матушка розыскивала,
 Везде, везде-то рѣдна матушка розузнаивала,
 Но негдѣ, негдѣ не могла она найти же их,
 Но негдѣ, негдѣ не могла да розыскать же их, —
 Потужила и поплакала, делать нечего,
175. Зацелá-то жить со дочкой со любимою.
 И в одно времечко же всё да в одну порушку
 Как пришли-то на Неп(р) матушку-реку чѣрны кáрaбли,
 Чѣрны кáрaбли пришли они с товарами,
 Вот с товарами пришли они со разныма,
180. Вот со разныма пришли они с йностранныма,
 И как навезли товаров тут же разных-то.
 Как пошла же покупать вдова со дочкою,
 Как со дочкой-то своей пошла с родимою,
 Подошла-то они ко пристани кнеженейскою;
185. Тут выкатывали товары йностранныя,
 Йностранныя товары тут заморьскыя,
 Как вѣдь тут (о)ни товаров разных насмотрялись,
 Насмотрялись они товаров разных, накупили-то.
 Как вѣдь тут-то дочка-та вдовиная,
190. Вот вдовина-та вѣдь дочка тут пондравилась,
 Вот пондравилась она же, пригленулaсь,
 Молодому-ту пондравилась корабельшшичку,
 Корабельшшичку, младóму она морянину,
 Тут корабельшшичок-от млáдой в ней влюбилсе-то,
195. До того же он влюбилсе, шьто не замог боле на свети жить.
 Как млáдые матросики затúжили,
 Вот затúжили и они дела решили тут, —
 Поженить-то на девици-то киевской.
 Вот пошло такó вѣдь дело-то, дело чудной,
200. Вот засвaтaлись у вдовы на ёе доченьки.
 Как вдовы́ отдать же не хотелосе:
 «Если дочку-ту повыдаю далёко всё,
 Да вѣдь дети-ти не вернутце, с кем я буду жить?»
 Тут вѣдь начели суседи подговаривать,
205. Как суседки-ти вѣдь начели розвесѣливать:
 «Как сама же знат вѣдь дочка, всё же сáма понимает-то!
 Ты зачем, зачем же доченьку задярживашь,
 Когда доченька твоя она желат итти,
 Она жалат итти за гостя-та за приезжого,
210. За приезжого-то гостя за торгового?»
 Тогда вдовушка дела свои прикончила,
 Дочь любимую свою заму́ж повыдала.
 Хѣрошо-то вот жили дети вдовиная,
 Ей вѣдь ласковой-от зять да показалсе тут.
215. Он добрѣй, добрѣй был да гочунь ласковой,
 Очунь ласковой он был да всё приятной-от, —

- И он готов носить ведь тѣшшу на руках же всё,
 Молоду свою жену да на руках носил.
 Но недолго было матушки пожить с нимá,
220. Как недолго родимой любоватисе:
 Как ведь жили они во Киеви, как поженилисе,
 Поженились они, в Киеви жили-то три-то месеця, —
 Как пора, пора ведь зѣтю-ту, младóму корабельшшичку,
 Карабельшшичку-ту всё ему заморскому,
225. Как ведь итти ведь нужно во свойи края,
 Во свойи итти края да во свойи места.
 Стал собиратьсе-то тогда дороднѣй доброй мблodeц,
 Стал готовить-то свойи чернѣныя караблики;
 Вот наклал, наклал на кáрабли таварику,
230. Вот таварику наклал да гон ведь разного,
 Как ведь клал-то он товары и моськоськия,
 Вот ведь клал он товары новгородския,
 Клал товары-ти казаньския, резаньския,
 Клал товары-ти ведь он же слáвны киевьски.
235. Роспрóшталась-то тогда же да дочка с матушкой,
 Дочка с матушкой своей тогда (с) своей с родимую,
 Оставил зеть ведь много ей золотой казны,
 Только жила-жила она штобы не плакала,
 Вот жила-жила она штобы не кручинилась.
240. Спрóводила тут вдова она своѣго-то зятя милого,
 Зятя милого вонá же, всё любимого,
 Спровожала вонá тут же дочь любимую,
 Спроводела их, она с йимá же роспрóстиласе,
 На прошаньици-то слезно она проплакала;
245. Как назад скоро ведь матушка вернуласе,
 Потужила-то вонá, слезно проплакала,
 Шьто последню дочь йиз глаз она потѣрела.
 Потенули йим ветры-ти попутныя,
 Как попутныя вот йим же, всё поносныя;
250. Как приходили они в свойи страны, во свой город-от,
 Во свой город приходили к отцу, к матери.
 Тут пречудна у йих радость вот случиласе,
 Возрадѣли-то тогда да вотець с матушкой,
 Вот стречали они своѣго сына милого,
255. Сына милого стречали, всё любимого, —
 Местó однóго-то ведь встретили двоих они.
 Вот стречали они своѣго сына милого,
 Как великó у йих весельѣ-то случилосе,
 Как пошли тогда пиры-столы весѣлыя,
260. Вот весѣлыя столы, балы свадебны,
 Собирали тут на свадьбу (о)нѣ всех людей,
 Вот как всех людей со старого до малого.
 Пированьица пошли у йих весѣлыя,
 Столованьица пошли у йих приятныя,
265. Тут чего-цего у йих же было не покушано,
 Тут чего-цего у йих же былó не поедено, —
 Много кушаньей сахáрных былó покушано,
 Много водочок заморьских тут ведь попито.
 А и хорошо-то жилось киеськой да тут красавици,
270. Э и вот красавици, да дочери вдовиной-то;
 А и она год жила, другой жила, —

- А и на второй-от год ходил же муж,
 А и вот ходил муж с товарами в другй края,
 Произвёл все товары руськия,
 275. А и вот привёз товаров разных-то,
 А и товаров разных всё да йиностранных-то.
 А и вот ко третьёму ко годику
 У йих радость тут случиласе,
 Э и как ёго-то всё же вот любá семья,
 280. А и вот любá семья, да молода жена
 А и шшо премлáдово, сказать же, карабельшшичка,
 А и спородила она да чада милого,
 Чада милого вонá же тут, любимого;
 Спородила ему сына́ любимого.
 285. Э и велика радóсь была у млáдого же карабельшшичка!
 А и на вёликой ёго да большой милости,
 А и на такой его на жалости,
 Он на радости на великою
 Сбирал пиры-столаы весёлыя,
 290. Пировали-столовали тут.
 Тут ведь съехались со всех же стран
 На пированьицо великоё,
 На угошшаньицо пречудноё.
 Много-много тут всего же было кушеньей покушано,
 295. Белою лебёдушки порушано,
 Разных водочок тут попито!
 Возрадели отец, да готець с матушкой,
 Возрадели они, розвеселилисе,
 Они не знали, как со чадом тут водитисе:
 300. Тут была у йих золочёна колыбелёчка,
 Золочёна колыбелёчка повешона,
 А и как золочёная кроваточка поставлена
 А и со шолкóвыма с пологами-ти,
 От тут ведь были нянюшки и мамушки, —
 305. Тут ведь было кому водитисе,
 Ишше было чем поить-кормить дитя,
 Ишше было чем возрóстити.
 А и как задумала тогда да всё моряночка,
 А и вот моряночка, вот жена да всё морека была,
 310. А и морекá жена, млáдого да карабельшшичка,
 Она задумала дело нехорошоё:
 Она задумала съездить в гости-ти,
 Съездити в гости-ти во славной Киев-град,
 Ко своей съездить ко матушки ко родимую,
 315. А и с ней ведь съездить-то всё же повидатисе,
 А и показать-то ей внука любимого.
 Как любимого внука перьвого.
 А и прошло времени тому, да годовой же стал,
 Годовой же, стал говорить дитя,
 320. А и захотела тогда ёго рóдна матушка,
 А и захотела да (в) гости ехати,
 В гости ехати она да к рóдной матушки,
 К рóдной матушки во Киев-град,
 С рóдной матушкой захотела повидатисе,
 325. А и посмотряти слáвна города-та Киева,
 Ешше князя-та Владимира,

- Еише князя со кнегиною,
 Всех веь русьских сильных-то богатырей,
 А и своих братьицей родимых-то,
 330. А и как родимых ее любимых-то.
 Она начелá тогда мужу говорить,
 Тёмной ноченькой просить вона.
 А и по старинному тут сказано:
 А и шьто ночня, ночня ту, денну-то, перекокуёт-то,
 335. Ночной сдастса всё она веь тогда, денна, —
 А и как зáchела она мужу наговаривать,
 И наговаривать начелá, будто соловей да распевать ему:
 «Я соскучилась по городу по Киеву,
 А и вот по ласковому-ту князю по Владимиру,
 340. По своей по родимой рóдной матушки.
 Мне-ка хочице с ней повидатисе,
 Повидать-то мне-ка матушку родимою,
 Захотелось повидать-то братьицей родимых-то.
 А и как тебе не показать сына любимого?
 345. А и бабушки посмотреть внука любимого?
 А тебе увидеть тэшшеньку родимою?»
 А и как веь муж жену веь слушал-то,
 А и он веь слушал вот всегда в делах,
 Чого когда ёму вона же не говóрила,
 350. У ёго было для ей в исправности.
 А и заговорила ему день она,
 Затвердила и другой она,
 Ат сказать, и третей она.
 Как веь и он хотел йитти туда
 355. На чернёном йитти кáрабли,
 А как жонь ёго не хотелосе:
 «Не хочу йитти я морюшком,
 Боюсь погодушки морьской же я,
 Страшусь взводней всё морьских же я.
 360. Вот поедем в гости в Киев-от,
 Ты вези, вези нас на добром кони,
 На добром кони-то вези-ко Воронежюшки!»
 Не отказал же ей, жену же, муж,
 По жаланью ее сделал он,
 365. Еишо сделал он, исполнил всё.
 А готець с матушкой у него слезно расплакались,
 Вот расплакались они, очунь растужились,
 Во слезах сыну говóрили:
 «Уж ты ой еси, чадо нашó родимое,
 370. А не слушай ты же молодой жены:
 А у баб всёгда же волос долгой-от,
 Волос долгой, а ум корóток-то;
 Их куда, куда везут,
 Они тут вот, как и тут йидут.
 375. Не ези, сын, горным путём,
 Как горным путём, лесами тёмными,
 А и как дорожки там опасные,
 Как проёздны не проверены, —
 Можно, дитетко, погинути,
 380. А и вот погинути (ни) за денежку.
 Лучче пойди-ко, чадо милоё,

- Чадо милоё моё, поди, любимое,
 На чёрнёном по́ди ка́рабли!»
 Отвечал же сын да отцу-матери:
385. «На чёрнёном-то на ка́рабли
 Киевлянка боитца ехати, —
 Она страшитце и погоды морьскою-то,
 Она боитсе во́лны мо́рьскою».
- А и тут пошел же скоро муж да на широкой двор,
 390. Он и пошел со двора да во конюшну-ту,
 Во конюшну пошел он да во стоялюю;
 Он ведь брал, брал коня да Воронеюшка,
 А и запрегал его в коретоцьку,
 А и во корету, в экипаж дорожной он,
395. Убирал коня же в золотой убор.
 Как и чего же тут не брал с собой, —
 Набрал много он да красна золота,
 Набрал много гон да чиста серебра,
 Брал ведь много разной разности,
400. Брал ведь много разных водочек,
 Разных водоцёк брал заморьских он,
 Брал ведь и всё же разных сладостей, —
 Наклали всего тут во кореточку.
 Ма́ла детишиша убирали же,
405. Убিরали, одевали же,
 Ему сошита была щубочка соболиная,
 Была шапочка соболиная,
 Как и в пуху дитя всё убрано,
 А и он в теплоты́ же тёплой был.
410. Тут ведь и начели прошшатисе, —
 А и как прошшалсе отец с матушкой,
 Как прошшались все прислужници,
 Вот и прошшались в городу́ да народ многой тут.
 Вот селя́ тут киевляночка
415. Во корету с чадом милым-то,
 А морянин-от и всё садилсе тут,
 Он садилсе на́верьх правити.
 Покатиласе кореточка,
 Побежал его же доброй конь.
420. Они ехали-поехали,
 Всё ведь ехали они да по хорошему,
 По хурошему ехали, по приятному,
 А и тут ведь ехали не день, не два,
 Тут ведь ехали недельку по́ры-времени.
425. Э и приросплакалось ведь тут да дитё милоё,
 Розревелосе йихно́ любимое,
 Никак не замогла ма́ти утешити,
 Говорила тогда гона́ да мужу милому,
 Мужу милому вона́, любимому,
430. А как тому гона́ приятелю сердечному:
 «Ах ты, муж, ты, муж, дорогой супруг,
 Вот послушай-ко мене же ты:
 Как пора, пора покой давать,
 Как покой давать, отдыхать, тебе, —
435. Ма́ло детишишо у нас очу́нь расплакалось,
 Приросплакалось оно, приростужило́се,

- Приростужило се оно, весьма расплакалось,
Я нехак его не могу утешити».
- Э и тогда скоро водержал у ей добра коня,
440. А и он ведь соходил да со коня сдой,
Он ведь и тут же становил скоро белой шатёр,
Как белой шатёр он белополотненой,
Э и обтегивал его он рытом бархатом,
Рытом бархатом обтегивал заморьским тут,
445. А и гон тогда же становил в шатре убор такой:
Укрепил же всё ведь бархатом,
Становил столик с набором-то,
Как с убором тут, со ёствами,
Как кровать-ту сделал для детёныша,
450. Для дитёныша висучую,
Сибс сготовил ведь перинушку,
Отдохнуть шшобы со своей да со любой семьёй,
Со любой семьёй, да с молодой женой.
Вот и покушали, поели-то,
455. Мало детишшо заснуло-то,
Вот и заснуло на руках вонб,
На руках оно у родной матушки.
Э и ёго полбжили в колыбелёчку,
Хорошо его завесили,
460. Колыбелька-та была немалая,
Дитю было где полёжать же тут.
Э и как вот самй когда легли,
Со дорожочки супруг заснул ее,
А сама гонá, жона, ёго любá семья,
465. Вот не спит, не спит, да гона так лёжит,
Она так лёжит, задумалась,
Вот и задумалась, замыслилась:
«Здесь и ночёвать привёлось во темном лесу,
Во темном лесу вопасно есь».
470. Тут она же призадумалась:
«Я не буду сегодне спать никак,
Буду всю ночку дежурити,
Вот дежурити, послушивать».
Она скоро выходила йиз шатра же тут,
475. Она насыпала коню пшеницы белояровой,
Налила воды свежой ему,
Вот свежой воды напитисе,
А и как везде же огледеласе,
Она всё везде осмотрила-то, —
480. Всэ ведь тихо и ведь кротко-то,
Ничего негде не видитца,
А и вот нечтó негде не слышитца.
А когда гонá вот зашла в шатёр,
А и вот зашла в шатёр, легла же спать,
485. Она спать не спит, да всё же так лёжит,
Всё же так лёжит да всё послушиват,
Вот и послушиват вонá же да всё выслушиват, —
Было тихо всё да было кротко-то,
Ничего негде не слышно-то.
490. А и (о)на долгонько полёжала тут,
Она долгонько тут послушала, —

- Нецегб же вот ведь не слышно тут,
 Всё ведь есь да по хорошему:
 «Можот быть, пройдёт благополучно ночь,
 495. День придёт, господь путь даёт,
 Осподь путь даёт, да царь пожалуёт».
- Только успела ети слова вымолвить,
 Слова вымолвить она, речи говорити,
 А и вдруг услышила вона-та чудо чудноё,
 500. Чудо чудноё да очунь дивноё. —
 Она подумала тут да ужახнуласе, —
 Мать сыра земля да шевелиласе,
 Сшевелилася вся, содрогнула,
 А и леса тёмны пошаталисе,
 505. Из мрэй, из рек вода да разливаласе.
 А и как тогда же молода вот киевлянка испугаласе.
 Э и там не стон стонал, не гам гамел, —
 Кабы стон стонал да хто больней был,
 Кабы гам гамел, дак-то и драка была скорая, —
 510. И вдруг услышала да киевляночка
 Лай собак-от, собак-то был ведь страшной-от,
 А у коней копыта брякали,
 Всё же ближе етот гул же был,
 Всё же ближе доеждал же он.
 515. Она тогда же ужახнуласе,
 В колыбелёчку бросаласе,
 Сына малого же вынела,
 К себе в серёдошки полóжила,
 Тогда начела говорити,
 520. Своёго супруга милого будити-то:
 «Ты вставай, вставай же, мой любой супруг,
 Ты, любой супруг да мой сердечной друг,
 Ты, сердечной друг, ты, милой мой!
 Пробудисе-ко скорё же, свет, —
 525. У нас несчасьяцо случилосе,
 Вот велико приключилосе,
 У нас всё же жись тёперь в гибели!
 А и немалу же мы ведь шуточку нашугили,
 Эта шуточка тепере не сойдёт же с рук!
 530. Э и я сама себя типерь виню же всё,
 Вот и до гроба буду и винить сибя,
 Почому я, дура, сдумала
 В гости ехать к родной матушки,
 Ко мряниной прелюбимой тещиньки?
 535. Хотела показать-то бабушки внука-та любимого,
 Своим братьицам племенницька?
 Не по нашому хотеньицу случилосе,
 Верно, по божьёму повеленьицу,
 По грехам нашим случилосе,
 540. По великим приключилосе!»
 Она всё же будила мужа милого,
 Человала его в уста в сахарные
 И обнимала за белу шею,
 Как слезами всего его окапала,
 545. Только взять она же всё
 Как водой, водой облить его, —

- Не успела водой облить его,
 А и как заходили-то разбойницьки,
 Заходили они в шатёр ихной да рыта бархата.
550. Как и немного разбойники разговаривали,
 Они взѣли тут да добра мѳлодца,
 Дѳбра мѳлодца морянина,
 Они взѣли да срубили у его, у сонного, буйну голову,
 Как ведь любимого мѳлодого дитя у них
555. Они взѣли тут ѳго ведь рѳзорвали,
 А и молоду они да киевленку-ту
 Они взѣли вот к себе в полон,
 Они к себе в полон ведь взяли ей, поляночку,
 Всѳ имушшество йихно, богасьвицо,
560. Они зѳбрали к себе же всѳ.
 На таком же на веселии
 Они начели-то пить вина,
 Они пить вина да рѳзны водоцьки,
 Рѳзны водочки, которы были везѳные
565. На свиданье на подарочки
 Как ведь тѳшши тут-то любимѳю.
 Они все тут допьяна пьяно напивалисе,
 Как ведь восемь-то разбойничок напились весьма пьяны,
 без сознания,
- Как девятой-от разбойничок никак не пил,
 570. Как никак не пил, — он ведь йим да говорил сперва:
 «Не губите-тко, розбойницьки,
 Не убивайте мужика да ночью тѳмною!
 Вы ведь мѳжете убить по ўтру ранному,
 Когда встанѳт он, пробўдитце.
575. Вам не чесь бўдѳт молодецькая,
 Как не выслуга бўдѳт камышницька,
 Што вы ведь сонного губите, да всѳ равно как мѳртового».
 Тут разбойнички закрычали-то,
 Чуть самѳго не убили-то.
580. А и когда напились йонѳ пьянѳхоньки,
 Пошумели ды заснули-то;
 Как девятой-от розбойничѳк
 Как ведь спать не спит, да всѳ же так лѳжит,
 Всѳ же так лѳжит, послушиват.
585. А как сестриця йихна всѳ родимая,
 Она сидит же, вся да приросплакалась,
 Приросплакалась она же, прирѳстўжилась,
 Она плакала, как река текла,
 Как река текла, когда река розблѳетса,
590. Когда река только (в)скрывается,
 Возрыдала так, как ведь гром гремит,
 (*Што, Москва вышла уж? Река?*)
 А и в возрыданьици да слово молвила:
 «А и уж во славном было в городи во Киеви,
 Э и как при славном при князи Владимирѳ,
 Э и при его былѳ кнежевьѳци,
595. Когда русьские ведь были сильнѳ богѳтыри,
 Как жила же моя матушка родимая,
 Как родима матушка любимая,
 Я госталесе от батюшка малѳхонька,

600. Не помню батюшка-отця же я, родителя.
 У мне были братьица родимыя,
 Деветь ясных было соколов,
 Деветь и дородних было молодцов,
 Деветь русьских-то сильних было богатырей,
605. Деветь чудных было славных рыцарей.
 От мои братьица родимыя
 Обучились мудрой грамоты,
 Обучились богатырским всем подвигам-то,
 Обучились рыцарским съезжаньицам;
610. Но задумали мои братья пойти в дело не в хоршоё,
 Мне оставили с родимой родной матушкой, —
 До миня же братья были ласковы,
 На руках же всё носили-то,
 Один на руки брал, другой же с рук просил;
615. Другой возмёт, трётей подходил, просил, —
 Так ведь добрыя братьица,
 Были добрыя, родимыя,
 Нехоршо дельшко задумали,
 Познакомились с камышницьками,
620. Вот ведь сбили их да с ума, с разума,
 С ума, с разума, с россудоцьку премудрого.
 Не ушли же мойи братьица
 Жить ко князю-ту в богатыри,
 Как ушли же мойи братьица
625. В носни ушли в камышницьки,
 Как по русьскому в воры, в разбойницьки,
 Как в носни ушли да в подорожницьки.
 Немалу они же шуточку нашутили:
 Как любимого зятя убили-то,
630. А и как любимого племянницька взяли розорвали,
 А родну сестру в полон взяли,
 Как в полон взяли полянкою,
 А как в делу-ту дел делить,
 В жеребью-ту жеребей повыбрасывать,
635. Кому я, моряночка, достанусе?
 Кому я прина(д)лежать буду?»
 А и тут скакал разбойничок на резвы ноги,
 Он будил, будил да своих братьицей:
 «Вы ставайте-ко, дородни добры молодцы,
640. Добры молодцы же, братьица родимыя!
 Вы не слушали мне, да родны братьица,
 Как хотели мене да самого убить,
 А тепере вы наделали дельшко немалоё,
 Дело страшно, беззаконное:
645. Как любимого зетя вы зарезали,
 А и как любимого племянника розорвали,
 А и как родну нашу сестру в полон взяли».
 Недосуг тут разбойникам-то спать-проклаждатисе,
 Они скакали тогда да на резвы ноги,
650. Они кланелись тогда да родной сестрици:
 «Ты прости, прости нас, родна сестрица,
 Кабы знали, дак не сделали,
 Спроводили бы вас с цести, с радости
 Как до славного до города до Киева,

655. До своей бы мы рѳдной матушки,
Тут сестрица братьицей простила-то.
Они копали могилочку глубокую,
Они делали гроб да чудной-от,
Хоронили зятя любимого
660. Со своим же вот племянничком с любимым-то,
На берёзы росписали-то,
Што: «лѳжит, лѳжит здесь да гость приежжой-от;
Как приежжой гость ведь ехал-от,
Ехал гость же в славной Киев-град,
665. Не один ехал, с молодой жоной,
С молодой жоной, с радной сестрой,
Со своим сыном с любимым-то, —
Ето погублены были камышницками».
Тогда садились на добрых коней,
670. Они поехали во славной Киев-град
Как ко своей ко родимой к рѳдной матушки,
Э и рассказали гонї всё рѳдной матушки.
Тогда она стречала всё любиму дочь,
Вот встречала, слезно плакала,
675. В възрыданьци говѳрила,
Обнимала дочь любимую,
Человала в уста в сахѳрныя.
Как девятого разбойницка,
Она простила ёго всё тогда.
680. Потому шшо не губил же он,
Не губил зетя любимого,
Не губил племянника любимого:
«Меня омманом, матушка, увезли они,
Много-много я терпел всегда.
685. Почему терпел же, мать?
Не губил я некогда людей,
Миня страшило рукаhalbжити».
Тут ведь матушка да оввинила-то,
Сказала она же дочери любимую:
690. «Уж ты ой еси, доць любимая,
Если хѳчошь ты судить же йих,
Объевї князю Владимеру,
Засадїт тогда он йих же в тѳмну тѳмницу,
Заклучит в злодейку заключбную».
695. Сестра братьицей помиловала,
Не пошла она под кнеженеской суд,
Сама же обсудила йих:
«Пушшай побросят дело скверноѳ,
Дело скверноѳ да нехоршоѳ,
700. Пушшай выйдут из камышницков.
Вы подите-ко да вот каликами,
Вот каликами подите перехожима,
А и перехожима каликами, переброжима!»
На то братьица да согласилесе,
705. Они брали себе суночки-котомочки,
Они брали себе йиз рыта бархата,
А и они оделисе каликами,
А и пошли ходить да они странствовать,
В своих грехах они прошшатисе.

710. Младшой брат осталсе в Киеви,
 Он и во Киеви при матушки,
 При своей же он при сестрици родимую,
 Поступил в число богатырей,
 Стал ведь и жить при двори князя Владимира,
715. Как и Владимира князя славна киевского.
 А и как той старинушки конец пришол.
 А и славному морю-ту Чорному на тишину,
 Как Москвы-реки на чесь, на славушку великую,
 А и как всёму нашому народику советскому,
720. Иим ведь всё на пропеваньице,
 От них вперед пойдёт на росказаньице.

№ 88. ПРО ТЕМНОГО РАЗБОЙНИКА ИЛЮ КЛИМАНТОВА И ПРО ДУШЕЧКУ КНЯЗЯ СЕМЕНА МИХАЙЛОВИЧА

- А и как ведь было у нас вот на святой Руси,
 А и во Чернигори-то было, в славном городе,
 А и как ведь жил да был ведь князь Семён Михайлович.
 А и вот как жил так князь а ведь всё да он счастливо-то:
5. А и он ведь рыцарь-от да ведь и был да знаменитой всё,
 А у его-то было да и много славной дружиночки,
 А и как дружиночки-то было и всё богатою,
 А и часто, часто князь ведь и ездил во чисто поле
 А и как на те ли все на съезды-те богатырские,
10. А и как на потехи-те а и он славно рыпарские.
 А и много, много-то князь ведь и делал он ведь милости,
 А и не допускал-то он до Киева силушки неверною,
 А и прибывал-то всю же он силушку неверною.
 А и часто, часто приезжал же в славной Киев-град,
15. А и приезжал-то князь и Семён же свет Михайлович,
 А и проезжал-то во матушку в каменну Москву,
 А и как оттуда проезжал же в славной Нов же град,
 А и проезжал-то князь Семён да и во Казань же он,
 А и из Казани проезжал да всё в Рязань же он,
20. А и много обчищивал да и дорожечек прямоезжих он.
 А и он очищивал леса-ти, леса Мурамски,
 Э и он очищивал леса, леса Чернигорски.
 А и вот задумал князь Семён же свет Михайлович,
 А и он задумал-то, ведь и князь же, вот женитисе,
25. А и присмотрел-то всё девиць же всё Семён же князь.
 А и собирал-то пир себе же князь чернигорской,
 А и зазывал на пир ведь и всех же князей-бояров,
 А и еще русских-то еще славных могучих богатырей,
 А еще и всех премладых чудных рыцарей, —
30. А и тут пошла-то свадьба вот весёлая,
 А и вот весёлая свадьба княженеская,
 А и вот весёлое-то было тут собраньице,
 А и вот приятное-то было заседаньице.
 А и тут играли-то во струночки в золочёные,

35. А и как во те ли всё во Гусельки весёлыя,
А и пропевали они старинушку старопрежнюю,
А и как ведь жили-то были людишки в старинушку.
А и долго велась-то у князя свадьба, продолжаласе,
А и вот велась-то у его свадьба, скажом, чёлой год,
40. А и через год-от всё поры же было, времени,
А и приразъехались ведь и гости его званые.
А тут осталсе-то князь ведь и жить со своей кнегиною,
А и со кнегиною ведь жить-ту с Катериною;
А и они жили-то, ведь и пожили двенадцать лет,
45. А и вот счестлива-то жизнь ведь и шла у Семёна свет Михайловича,
У его-то всё же было у молодой жоны,
У молодой было жоны его кнегинушки,
А и вот кнегинушки-то было Катеринушки,
А и хорошо-то жилось ведь и князю со кнегиною,
50. А и по хорошему тут шло оно, по счесливому.
А и на тринадцатой годичек поры-времени
А и как у душечки у князя у Семёна всё,
А и у Семёна-те у князя свет Михайловича,
А и вдруг ведь радость-то у их да всё случилася,
55. А и велико-от йим ведь и счастье прикатилосе:
А и его-то всё кнегина, молода жена,
А и вот любимого-то сына ему спорбдила.
А и вот ведь князь Семён же свет Михайлович,
А и тут ведь радости ведь и с имá он наполнился,
60. А и он писал, писал ведь и ярлычки скорописчаты,
А и он звал-то гостей же всё ведь, чествовал,
А и чтобы съехались-то гости вот, скопилисе,
А и ягó радостью ведь и вси же поделилисе.
А и скоро, скоро к ему те же гости все же съехались,
65. А и все-то съехались они же вот, скопилисе.
А и как стречал-то князь Семён же свет Михайлович,
А и он стречал-то гостей да всё примал же их,
А и он садил, садил во гривины столовые,
А и во высóки-ти садил же свётлы горницы,
70. А и шшо за те ли всё за столички окольния,
А и шшо за те ли все за скатерти пересийськия,
А и шшо за те ли на скамеечки рыта бархата,
А и на ковры-ти он садил их на заморьски всё.
А и как пошли тогда пиры-стола весёлые,
75. А и заносили тут ведь и слуги-те княженеськия
А иише те же всё ведь и кушанья сахарные,
А и заподавали тут ведь и водочки заморьские;
А и заиграли тут во струны-ти золочёные,
А и как во те ли всё во гусли-ти во весёлые,
80. А и скоморохи-те ведь и тут жа расплясалисе,
А и пропеватели-ти все же все распелисе,
А и гости все-то ведь сидели прислушались.
А и пировали-столовали они неделёчку.
А и как задумал князь Семён, Семён Михайлович,
85. А и при гостях своих ведь и сделать вот крестинушки,
А и окрестить хотел наследничка кнежевича,
А и он созвал, созвал попов, отцов духовных-то,
А и он созвал, созвал ведь и всех святых ерархов-то,
А иишо-то тут они были скопилисе.

90. А и как пошел, пошел ведь и он же ко кнегинушке,
 А и как (во) эту пошел во тёплую во спаленку,
 А и где лёжало на кроваточке чадо милое,
 А и чадо милое его вот одинакое,
 А и одинакое его оно, перьвожданное,
95. А и оно лежало-то во пухе всё, во бархате.
 А и говорил-то князь Семён же свет Михайлович:
 «А и уж ты, душечка кнегина Катерина-та,
 А и ты кого, кого желашь себе да кумом взять?
 А и как кого, кого желашь поставить-то кумой себе?»
100. А и отвечала ему кнегина-та Катерина-та:
 «А и уж ты, душечка-те князь Семён Михайлович,
 А и через двенадцать-то лет родилосе цядо милсё,
 А и нам ведь надоть-то ведь и кума ставить стретного,
 А которой стретитса тибе же на дорожочке,
105. А и на дорожочке тибе же на прохожую;
 А и ты кумой-то поставь и князеву племянницу,
 А и шшо ту ли всё ведь душечку Марфу Митревну.
 А и тут пошел-то ведь Семён же князь,
 А и со весёлою пошел же он с улыбкою
110. А и во свою-ту он палату в грановитую,
 А и годевал-то он же платьё княженескью,
 А и помолился гон да самому христу,
 А и самому христу, царю небесному,
 А что послал бы ему кума стретного.
115. А и кума стретного ему да всё теперь перьвого.
 А и вот пошел да из дворца же вон,
 А и вон спускалсе всё по лесницям 'высоким-то,
 А и по коврам он персийским-то,
 А вот пошел на торну улицу,
120. А и на передню, сáму лучшую.
 А и то не тёмна туча накаталасе,
 А и велика гроза да ограничилася, —
 А и вот идёт, идёт незваной кум,
 А и он незваной-от, непрошенной,
125. А и тёмной-от разбойник Илья Климантов.
 А и не хотел-то князь позвать его,
 А и тут ведь кланелся тёмной-от разбойник Илья Климентов.
 «А и здравствуй, здравствуй, Илья Климантов!»
 От ведь кланелсе разбойничек,
130. А и вот разбойничек да Илья Климентов:
 «А и уж ты здравствуй, душечка Семён же князь,
 А и как Семён же князь да свет Михайлович!»
 А и он послушал наказаньице,
 А и наказаньице кнегинино, —
135. Она велела кума звать же всё,
 Она звать-то кума перьвого,
 А и кума перьвого да всё ведь стретного.
 А и тот ведь кланелсе Семён же князь,
 А и как-от тот же Семён же князь Михайлович:
140. «А и уж ты ой еси, да Илья Климентов,
 А и во перьвých пойдём ко мне да на почестен пир,
 А и во вторых-то раздели со мной.
 А и роздели со мною мою радость великою,
 А и одержи-ко моего сына любимого,

145. А и ты ведь будь-ко ему же да восприемником,
 А и ты ведь будь-ко-се ему да отцом крёсным-то,
 А и не погнушайсе-то мной, ведь и князем-то Семёном-то,
 А и ведь Семёном-то, да и сказать же, свет Михайловичем!»
 А и вотвечал-то тёмной разбойник Илья Климантов:
150. «А и очунь рад вашей ведь радости великою,
 А и поделиться-то вашим счастьцом немалым-то,
 А и вот пойду, (о)держу премлáдого кнежевича.
 А и только теперь ведь это дело у меня ведь нужно́е,
 Переговоры-ти ведь и идут у меня ведь тайные,
155. А и я ведь приду к тебе ведь ровно в три часа,
 А и три часа-то я ведь и приду, среди денёчка белого.
 А только попрошу-то, князь, тебя, да в чём же я хочу, —
 А и мне не надоть никакой кумы крестовою,
 А и я хочу, хочу да всё же я держать его один».
160. А и распростилсе князь с Ильёй же, скажом, Климантовым;
 А Илья Климантов пошел же он вс улицю,
 А и в ту во улицю пошел же он в Никольскую,
 А и князь Семён ведь пошел же свет Михайлович,
 А и он во свой пошел во терем-от высоко́й-от,
165. А и во высокие пошел в свои во гривны-то,
 А и во столовые во свои он сла́вны горницы,
 А и рассказал-то всё попам, отцам духовным-то,
 А и рассказал-то Иринарха святого житие же им.
 А и тут гости вси-ти сидели призадумались,
170. А и призадумались сидели, запечалились.
 А и как ведь стал-то князь Семён, Семён Михайлович,
 А и вон ведь стал-то ко крестины приготавлитисе,
 А и он пошел сказать и во спальну своей кнегинушки,
 А и вот к кнегинушки пошел-от к Катеринушки.
175. А и услыхала его кнегина, любá семья,
 А и говорила ему кнегина таковы слова,
 А и таковы она слова, вот таковы речи:
 «А и уж ты, душечка мой князь Семён Михайлович,
 А и немалу́-ту, князь, ты шуточку да и нашúтил тут!
180. А и ты зачем созва́л ведь и кума-то ведь стретного,
 А и вот разбойника созвал да всё великого,
 А и почему ты вот созвал к себе разбойника,
 А и ишше тёмного да всё же Илью Климантова?
 А и почему же ты его да и не пропустил же всё?
185. А и пропустил же всё, да и прошол же скоро он тебя,
 А после его-то бы тогда да кума звал, скажу,
 А и кума звал, скажу, хоть и кто тебе постречался, свет,
 А и он ведь старой да постречалси тебе, млáдой-от.
 А и как теперича да и как, князь, да и всё пришла беда, —
190. А и не пройдёт эта ошибочка путём у ты,
 Э и наведёт-то шуму много, неприятностей,
 А и он погубит у нас много народу во Цернигови,
 А и он ведь (с)делат славной Цернигор-град в погибель весь!»
 «А и уж ты ой еси, кнегина ты Катеринушка,
195. А и я ударю́-то своего кума крестового,
 А и на миня-то кума крестовой (не) пообидитса».
 А и говорила-то кнегина Катерина-та:
 «А и не ударить тебе ведь будет кума крестового, —
 А его бояться-то все же русьские богáтыри,

200. А ягбъ страшатся-то ведь и рыцари пречудные,
 А и птицы все-то ведь на воздух разлетаются,
 А и лѣсны звери-ти ведь и все же разбегаются.
 А и сам созвал-то жо ведь и кума себе вредного,
 А не захотел ты, князь Семѣн, боле на свете жить,
205. А и изведѣт-то, князь, он тебя понапрасну-то,
 А и во вторых-то изведѣт куму крестовую,
 А и он меня-то всё, кнегиню Катерину-то,
 А и изведѣт-то он ведь и нашего чада' милого».
 «А не страшись-ко-се, кнегина Катерина-та!
210. А ишшо где ему ведь и будет извести же нас?
 А и там ведь есь у нас ведь и всё же вот охранушка,
 А и наша крепкая стена слáвна цернигорьска,
 А и во вторых оставлю слуг же всё я верных-то,
 А кругом дворца я кнеженеского сделаю охранушку,
215. А и призамкнусь-то я на замоцьки заморьския,
 А и ко дверям-то я приставлю верных стóрожов,
 А и верных стóрожов поставлю, своих богáтырей».
 А и спрошшался тут с кнегиной тут Семѣн же князь,
 А и он пошол, пошол во гривины к своим гостям,
220. А и вон зашол-то ведь, садился да за дубовы́ столы;
 А и посидели за столами они, покушали,
 А и ишшо белою лебѣдушки порушали, —
 А и много-много было у князя тут покушано,
 А и разных водочек заморских тут попито всё!
225. А и скоро, скоро князь Семѣн же свет Михайлович
 А и на крестины-те стал ведь князь приготавлиатисе;
 А и все-то гости вот хотели разъезжатисе,
 А и все-то рыцари хотели скоро скрытисе,
 А и упросил-то их ведь и князь Семѣн Михайлович
230. А ведь и как и взять пиры, пиры весѣлые,
 А и вот весѣлые пиры же взять крестинные.
 А и скоро, скоро увидал гостя: он идѣт,
 А и как идѣт-то гось, ведь и тѣмной-от разбойничек,
 А и как ведь тѣмной-то разбойник Илья Климентов.
235. А и вот пошол-то князь Семѣн да всё стречать его,
 А и вот и стретил его да ишшо у крылечушка,
 А и у крылечушка-то встретил у высокого,
 А и у периликов-то встретил у точѣных-то,
 А и как тех ли у колечушек золочѣных-то.
240. А и проводил-то князь ведь и гостя дорогого-то
 А и во свои-ти гривины высокие,
 А и во столовы-ти в свои же он во горницы,
 А и как садил-то его ведь и он же вот за столички,
 А и вот за столички садил его за передния,
245. А и как во сáмо-то во место-то во перьвоѣ,
 А и подносил-то ему чарочку золочѣную,
 А и золочѣну ему чарочку полтора ведра;
 А и принимал-то тут Илья же вот правóй рукой,
 А и выпивал-то ету чарочку Илья да на ядиной дух.
250. А и наливал-то князь вторú да он же чарочку,
 А и вторá чарочка была же пиво пьяноѣ;
 А и принимал-то ету чарочку Илья Климентов,
 А и принимал-то ету чарочку правóй рукой,
 А и выпивал-то ету чарочку на единой дух.

255. А и наливал-то ему чарочку напитокочку,
А и вот напитокочек да и был-то всё Царя-градá —
А и то ведь чарочки ведь были ему разные,
А и вот с напитокочками же были со заморьскими.
А и тут ведь стал-то гось сидеть да он ведь кушати,
260. А и стал он кушати тут ведь и кушанья сахарныя,
А и зачал пить-то он напитокочки заморьские;
А и просидел-то тут Илья же, да Илья Клементов,
А и вот до позднего ведь он же всё до вечера,
А и как ведь поздним-то ведь и вечером крестили всё,
265. А и вот крестили-то премлáдного кнежевича, —
А и одержал его ведь тёмной-от разбойничек,
А и он, разбойничек да всё Илья Климантов.
А и вот понёс, понес премлáдного наследничка,
А и вот наследничка кнежевича,
270. А и ко своей кумы крестовою,
А и подавал-то своего же хресника любимого,
А вон ведь кланелсе кумы своей крестовою,
Он ведь дал же хрестьнику ведь много всё, —
А и красна золота дал же он цервоньцами,
275. А и вон давал ему каменя самоцветного.
А и сам пошел скоро ведь он из спальни-то
А и пировать пошел во гривины,
А и во высокие он всё во горницы;
А и вот садил его Семён же князь.
280. А э его садил же на дорогой-от стул,
А на дорогой-от стул садил он рыта бархата,
А и как за яствы-ти садил его за разные,
А и вот за кушанья садил заморьские,
А за напитокочки садил да разноличные.
285. А во первы́х да стал кумá ударивать,
А и подарил ему же шубу соболиную,
А и своему он куму-ту крестовому,
А и как ведь тёмному разбойнику,
А и вот разбойнику да Ильи Клименту,
290. А и подарил ему вон шубу соболиную,
А и соболину шубу привезённую, —
А и привезёна была шубоцька
А и из пересийського из славного из города;
А и во вторых-то князь дарил ему
295. А и дорогú-ту шапочку бобровую, —
А и привезёна была из Царя-градá:
А и подарил ему ишшо сапожечки сафьяные,
А и привезённые с Англии, слáвна города, —
А и то дарили ему млáды корабельщички
300. А и вот со млáдыма с матросами;
А и подарил куму крестовому
А и золотой перстень со вставками, —
А и привезён он из славною из Персии;
А и подарил ёму он много золота,
305. А и подарил же много чýста сéребра,
А и подарил ему да дрáга жемчуга,
А и подарил ему каменяца да самоцветного.
А не сбченить б́удёт подарочков

- А и вот моськовским-то общенщикам,
 310. А и вот ни киевским общенщикам,
 А и не чернигорским общенщикам!
 А и принимал подарочки крестовой кум,
 А и принимал подарочки, челом не бил,
 А и он челом не бил, не кланелсе.
315. А и пировали-столовали трое стутоцьки;
 А и как спировали-столовали трое сутоцьки,
 А и тут ведь все гости у князя досьита сыто наедалисе,
 А и вот допьяна пьяно напивалисе,
 А и всё ведь гости росшутилисе,
320. А и как ведь все же гости расшутилисе,
 А и меж собой они расхвастались.
 А и ешшо умной-от захвастал всё,
 А и от захвастал умной рódным батюшком,
 А и как разумной захвастал рódной матушкой,
325. А и ешшо глупой-от захвастал молодой женой,
 А и как безумной-от захвастал он родной сестрой,
 А и как князи-бóяра захвастали,
 Они науками захвастали премудрыма,
 А и как богатыри захвастали
330. А и своей силушкой они же богатырьской всё,
 А и как ведь рыцари захвастали
 А они подвигами да славными-ти рыцарскима.
 А и как Семён-от князь же свет Михайлович,
 А и он сидел, сидел поглядывал
335. А и со весёлою улыбочкой,
 А и он ходил-расхаживал:
 «А чего надобно кому же всё,
 А и гонí пусть же всё ведь скажут всё, —
 А и на той же я ведь радости великою
340. А и дам всего же, чего нужно вам».
 А и тут ведь гости все же поклонилисе:
 «А и как спасибо, князь, на милости,
 А и нечего-то нам не надобно,
 А и мы пируём у тибя же всё
345. А и две неделечки же поры-времени,
 А и много кушанья у тя же, князь, покушали,
 А и много водочёк мы попили, —
 А и как желам, желам же, князь, тибе,
 А и как твоёму чаду милому,
350. А и мы желам ему да веку долгого,
 А и веку долгого да жить да всё счастливу быть».
 А и тут ведь кланелсе Семён же князь,
 А и вот Семён-от князь чернигорьской,
 А и говорил же он да и всё гостям:
355. «А и уж погостите, дорогí гости,
 А и поживите у меня в дворци!»
 А и тут начали же гости-те
 А и собираться в путь-дорожечку.
 А и при отъезди-то собирал же пир,
360. А и вот собирал-то пир ведь Семён же князь.
 А и все ведь гости на пиру сидели весело,
 А и как единой-то гось, да он сидел невесел-от,
 А и буйну голову повесил он с могучих плеч,

- А очи ясные потупил о печку муравленку, —
365. А ведь этот гось ведь был и тёмной-от разбойничек,
А и как разбойничек да ведь Илья Климантов,
А ешше вот ведь был-то кум крестовой-от,
А и как крестовой кум, ведь и тёмной-от разбойничек.
А ишшо тот ли Илья Климентов.
370. А и подошел же князь к нему близкó,
А ему кланелсе низёшенько,
А и со весёлой говорил же он с улыбочкой:
«А и уж ой еси, крестовой кум,
А и вот крестовой кум, да дорогой мой гость,
375. А и вотчего сидишь невёсёлый?
А и буйну голову повесил всё с могучих плеч?
А и вот потупил очи ясные
А и как во ту печку муравленку?
А и разве место-то тебе не ндравится?
380. А и разве чарочка да не редовá же шла?
А и разве невежа над тобой какá да насмеялсе?
А и разве тó тебе гобидушка великая, —
А и трóи суточки сидишь ты в пированьици,
А и во весёлом сидишь да в столованьици,
385. А и много-много прошло времени,
А и ты живёшь, живёшь да без наживушки?
А во вторых же прошло времечко,
А и нет пречудной у тебя работушки, —
А и пропустил много проезжих ты,
390. А и как прошло много народушку, проехало,
А и вот народушку обозами
Со товарами моськоськими,
А и со моськоськими, казаньскими,
А и вот казаньскими, с резаньскими?
395. А и не кровавил, кум, своих же рук?
А и вот не próлил крови-то напрасно?
А не погубил души да по напрасному?»
А и тут ведь куму-то да за беду пришло,
А и за великую насмешечку показалосе.
400. А и вот ставал же кум крестовой-от
Из-за столичка переднёго,
А и он со стула рыта бархата,
А и со ковра-то он да и пересийського,
А и он не взял, не взял его подарочков,
405. А и вот пошел ведь скоро из палат же вон;
Не прошшалсе всё со князем он,
А и со своим кумом крестовым-то,
А и на отходи-то сказал ему:
«А и уж ты ой еси, князь, да князь чернигорской,
410. А и уж Семён же князь Михайлович,
А и уж ты, кум-от мой крестовой всё,
А и дожидай в гости ведь ты меня
Как во завтрашной да вецерочек-от,
А и во часу меня в двенадцатом.
415. А и приеду в гости-то да ведь как завтра к вам
А и как среди-то ночки тёмною,
А и во часу приду в двенадцатом».
А и тут ведь скрылсе-то, ушол же гось;

- А и как на улици не видели,
 420. Куда скрылся Илья Климантов,
 Ишше тёмной-от разбойничек.
 А и говорил тогда Семён тогда же князь,
 А и вот Семён-от князь цернигорьской:
 «А и не страшай меня, разбойничек,
 425. А Илья Климантов, крестовой кум,
 А и запру, запру на запоры-ти железные».
 А и тут по ўтру было ранному,
 А и ведь все видь гости-ти покушали,
 А и вот покушали, позавтракали,
 430. Стали с князем распрошшатисе,
 А и воні скоро все разъехались.
 А и провожал-то князь же всех гостей;
 А и гон остался со своей же всё,
 А со своей-то он дружиночкой,
 435. А и он со силой своей армией,
 Ишшо той ли коньской гвардией.
 А прошол день у князя по хорошему,
 А ешше отошол да по приятному,
 Пировала вся дружиноцька,
 440. А и пировали все со старогó,
 А и все со старогó до малогó.
 А красно солнышко пошло тогда,
 А и вот пошло вонó ко западу,
 А и вот со западу в закат ушло;
 445. А и как пришол-то поздой вецерочик-от, —
 Приказал же князь закрыть ворота-ти,
 А и вот ворота-ти закрыть да городóвые
 А и на запоры на железные.
 А и как замкнулся князь Семён же всё,
 450. А и на замоцьки замкнулся на заморьски он,
 А и вот поставил верных караульшщичков,
 Свою верную дружиночку;
 А и шло же всё же по хорошему,
 А и по хорошему да по приятному.
 455. А когда пришла же ночка темная,
 А и наступил, пошол же час двенадцатой, —
 У разбойников называется несчастной час, —
 А когда заснули князь с кнегиною,
 А и призаснули приятным сном,
 460. А и вот приятным сном носнім воні,
 Малó дитя у их да распалóсь вонó, —
 А и как во ту порú, во то время
 А заходил жо к йим гостить да кум крестовой-от,
 А и как ведь и тёмной-от разбойничек,
 465. А и как разбойничек да Илья Климентов.
 А и он зашол, зашол, никто вот не видел-то:
 Он ведь шол ведь в шубочки невидимки,
 А и сапоги были невидимы,
 А и как ведь шапка-та была невидимка, —
 470. А и он прошол да через дружиночку,
 Отомкнул замки заморьские,
 А и он зашол да в тёплу спаленку,
 Подошол он ко кроваточки,

- А и ко кроваточки кисѡвую,
475. А и ко периночкам пухѡвым,
А и как ко мягким к изголовьям,
К одеялышкам да соболиным-то.
Он немного розговаривал,
Совершил-то он убийсво-то, —
480. Он зарезал кума-та крестового,
Он зарезал-то куму крестовую,
Вот крестѡву, Катерину он,
А он ведь кресника да разорвал его.
А и как брызнула кровь младенческа,
485. А и вот младенческа же кровь премлада,
А и как ему-то во есны глаза, —
А и тут ослеп тот тѡмной-от разбойничѡк,
А и как разбойник Илья Климентов,
А и закричал он по звериному,
490. А и зашипел страшно да по змеиному.
А и прибежала скоро всё дружиночка,
А его дружиночка-та хоробрая,
А князя душечки Семѡна Михайловича, —
А и на полу тут от катается,
495. А и как кричит, кричит разбойничек,
А и как разбойничек да Илья Климентов:
«А и уж вы ой еси, дружиночка,
А кнеженеска хоробрая,
А и вы сказните мне-ка буйну голову,
500. А и не хочу-то больше в свети жить,
А и мне кривому-то, слепому жить не хочется!»
А и тут хватали его князева дружиночка,
А и заковали в цепи всё в железные,
А и расстреляли его всё за городом.
505. А и тут народ же всё да зрадовалися,
Что не стало всё разбойничка,
Вот разбойничка да Ильи Климентова.
А и призарыли его в могилочку,
А и во могилушку глубокую,
510. А и призарыли во могилочки,
На могилочки приметочку да постанѡвили,
А и на берѡзочки да росписали тут,
А и шшо: «лѡжит, лѡжит разбойничек,
А и как разбойничек лежит тѡмной-от,
515. А ишшо тот ли Илья Климентов.
А и погубил князя с кнегиною,
А и как со млáдым со кнежевичом».
А и как ведь скоро, скоро скоплялисе,
А и все скоплялисе, съезжалисе, —
520. А и все цари-ти, все царевии,
А и короли-ти все же, королевии,
А все ведь князи-ти, кнежевици,
Все ведь русьския могучия богáтыри,
А и все же рыцари пречудные.
525. А и они приехали ведь все, заплакали, —
Жалко было князя-та церниговьского,
А и во вторых его кнегины-то,
А вот кнегины Катерины-то.

- А и хоронили князя всё с кнегиною,
 530. А и положили их в единой гроб,
 С йимá положили премлáдного кнежевича;
 А и как за гробом шол народ же весь,
 А и вот весь народ, ведь все же плакали,
 Когда с князем распростилисе,
535. А и вот со князем, со кнегиною,
 А и вот с йихним сыном-то любимым жа
 А и на последнеё прошшаньицо,
 А с йим на вечно расставаньицо.
 А на могилушки поставили
540. А дорогой-от ему паметник
 А и с золотыма етирами-ти,
 А расписали всё про князя-то,
 Отчего-то князь преставилсе,
 Князь преставилсе с кнегиною,
545. Со кнегиною с Катериною,
 А и со своим сыном любимым он, —
 А и погубил-то йих разбойничек,
 А и как ведь тёмной-от разбойник Илья Климантов.
 А и выбирали князя-то чернигорьского,
550. Они выбирали всё ведь князя-та Бориса-то,
 А и как Бориса сына-те Ивановича.
 А и как ведь князю-ту Семёну же,
 А и вот Семёну князю-ту чернигорьску,
 А и со его же кнегинушкой,
555. А и вот со кнегиной Катеринушкой,
 А и как со ихним сыном со любимым-то,
 А йим поют-то чесь, славу великую
 А все со старого до малого.
 А и Чёрну морюшку на тишину,
560. А и как Чернигору-ту городу
 А и вечно всё идёт да споминаньицо
 А и как про князя со кнегиною,
 А и как со ихним сыном со любимым-то.
 А и славной матушке-то каменнóй Москвы
565. Эта старинушка пойдёт на пропеваньицо,
 А и вам, премудры люди, всё на прописаньицо,
 А и от вас младым на росказаньицо.
 Млáды будут да пропевать её,
 А и пропевать её, рассказывать,
570. А и про такй страхи великие,
 А и шшо про темного разбойничка,
 А и про того ли Илью Климентова:
 Он убил, убил князя с кнегиною,
 Разорвал-то кресника крестового,
575. Сам ослеп же за грехи свои,
 Как немного привелось ему на свети жить;
 Не захотела-то убивца на свети жить,
 Запросила себе смерти скорою, —
 Его исполнили же приказаньицо,
580. Предавали смерти ведь скорою,
 А вот скоро, скоро погубили-то,
 А и погубили, расстреляли-то,
 А чтобы на свете ж не жил боле он же всё.

- Все ведь люди взрадовались,
 585. Все со старого до малого,
 Что не стало злого разбойничка, —
 Каждной день ведь убивал людей,
 Убивал людей да по напрасному,
 Он прельщшался всё да на богасвицо.
590. Осталось много да у его же всё именица,
 Осталось много золотой казны,
 Осталось много чиста сѣребра,
 А и все каменяца да самоцветного;
 А и скоро, скоро всё его именицо
595. Было разобрано да по городам его,
 А и были всё тогда сстроены
 А и как соборы ведь, храмы божия, —
 А и говорили-то тогда богатыри:
 «А и цѣё ведь было ето именицо,
 600. Оно всё же за того пойдѣт».

№ 89. КНЯЗЬ, КНЯГИНЯ И СТАРИЦЫ

- Уж как и ведь и был-то, жил ведь и князь вот девяноста лет,
 Ишло был тут, жил князь тут девяноста лет,
 Э и князь тут брал себе кнегину-ту двадцати годов.
 А и хорошо-то жил-то ведь и князь с своей кнегинушкой,
5. А и с кнегинушкой своей же он, с молодой женой,
 А и вот хороша-та жись ведь и шла у них счсливая,
 Э и не мог-то ведь и кнезь с кнегиной нашутитисе,
 А и нашутитисе ведь и князь, наговоритисе,
 А и они жили-то, вот пожили три годочика.
10. А и как вот ведь и зачѣли-то князя звать Андреюшка,
 А и ишше начѣли-то звать да вызывать его.
 А и как поехал-то князь, поехал князь Ондреюшко,
 А и паежжать князь стал ведь князь во славной Киев-град,
 А и он ведь и начѣл молодой своей кнегинушки,
15. А и ишше начѣл тут кнегинушки наказывать,
 А и вот наказывать кнегинушки, наговаривать.
 А и во первьѣх-то князь Ондреюшко наказывал:
 «А и не ходи, моя кнегина, без миня, скажу,
 А и не ходи, моя кнегинушка, в кабинет же мой,
20. А и в кабинетики сидят у мня млáды асаулики,
 А ани с премудростями сидят очунь с премудрыма,
 А и вот в тибя-то, ведь и моя кнегинушка Катеринушка,
 Они можут-то в тибя же всё влюбитисе,
 А и ты побросишь-то тогда князя Ондреюшка,
25. Э и сделашь, сделашь-то ведь и мне тогда йизменушку.
 А и не ходи, моя кнегинушка, к суседу ты в беседушку,
 А и у суседа-то во беседы всё сидят холбстыя,
 У холбстых-то у людей глаза вострыя,
 А и холост ходит, ходит да гуляѣт-то,
30. Холост ходит всё гуляет, чорны брови же подымает он,
 Ума-разума у вас млáда пытаются-то, —

- У вас ум ведь, разум млáдой, всё не крепок есь.
А как ишше табе ведь и я же приказываю:
А и золотá моя казна была не йистрачона,
35. Анбары хлебные с хлебом принаполнены,
Как мой-ти кони слáвны богатырьские
Шшобы стояли постоянно по колен в шолкú,
Шшобы пшоница белоярова была всё же принасыпано,
А питья-то йим мёдового накладено!»
40. Наказал-то князь Ондреюшко Йиванович,
Тут ведь и начел князь ведь скоро вотправлятисе;
Он ведь и скоро же пошел да на конюшной двор,
Он ведь и брал себе коня самóго лучшого,
Сáмого луччого-то, самóго быстрого,
45. Он ведь садилсе скоро-то на добрá коня,
Ему подали ведь и саблю, саблю вострую,
Ямú подали-то кóпье богатырьскоё,
Подавали ему палицу богатырьскую.
Как ведь князь-от тут хотел Ондреюшка ехать в путь-дорожочку,
50. Вот пришла его кнегинушка прошшатисе:
«Ты прощай-ко, прощай ведь, князь Ондреюшко девяноста лет,
Как спроважат тибя Катеринушка двадцати годов!»
«Как прощай, прощай, кнегинушка, молода жена,
Молода моя жона да Катеринушка,
55. Ты живи, живи, Катеринушка, не скучай же всё,
Я ведь скоро, князь Ондреюшко, ворочусь к тебе,
Поскорее поспешусь к тебе приехати,
Привезу тебе подарочок йиз Киева».
Роспростилсе князь с кнегиною и поехал он,
60. Когда поехал-то, понёсса лекче птици перелётною.
У того ли всё монастыря Бо(го)любленского
Постречаласе-то стрета нехорóшая,
Нехорóша тут ведь и стрета, несчастливая:
Постречались три манáшины, три-то стáрици,
65. Три-то стáричи постречались со князём-то, поздоровались:
«Здрастуй, здрастуй, князь, здрастуй вот девяноста лет.
Ты ведь взял, знаём, кнегину двадцати же лет,
Ты ведь и жил со своей кнегиной ровно три годá».
Как просили онý у ёго тут милостыну спасёную:
70. «Ты подай, подай, князь, нам же милостыну спасёную!»
Отвещал-то йим князь же девяноста лет:
«Как подать-то вам ведь, стáрици ведь древняя,
Ишше странници-ти все идите издалёка же,
У миня с собой нет же много же золотой казны;
75. Вас прошу-то, вы зайдите в мой во город-от,
Где-ка я-то всё живу да где-ка я кнежу,
Там же осталась у миня моя кнегинушка.
Молода жена моя, жона моя же Катеринушка».
Поклонились тут ведь стáрици, вперед пошли.
80. Как поехал князь Ондреюшко во Киев-град,
Скоро, скоро гон доехал всё до Киева.
Там ведь встретили ёго русьскí богáтыри,
Ишшо стретил-то ёго да сам Владимир князь,
Сам Владимёр-от ведь князь да славнокиевьской.
85. Тут пошло-то у них да пированьице,
Годовы-ти пошли счоты, переписи;

Хорошо-то князю Ондреюшку жилось во Кієви.
 Когда ушли-то всё ведь и старіци-монашины,
 Приворотили они в город-от в ондреюшков,

90. Ко кнегины-то к ёго жо, к молодой жоньі,
 Приходили они, странницы, под середнёе вокошочко,
 Онъ запели йи запели стих еленьской-от, —
 Как ведь и полаты-ти ее все пошаталесе,
 Как (в) окошочках стеколышка побрякали,
95. Тут кнегина йих жа стиха же призаслушалась;
 Когда ведь и спели стих-от страшной всё еленьской-от, —
 Отцого-то всё зачался вот и белой вольнёй свет,
 Ишше цем-то свет белой-от покончитса, —
 Отворяла тогда кнегинушка окошечко,
100. Вот окошочко отворила косисцето,
 Она звала-то тут странницей, низко кланелась:
 «Вы зайдите-тко, ведь и странници, зайдите ко мне, монашины,
 Во первьых-то вы покушайте с дорожочки,
 Во вторых-то отдохните-тко с устатоцька!»
105. Тут ведь и кланелись к ней да тут монашины:
 «Как спасибо тебе, кнегинушка, на милости,
 Долго бѹдѣт нам у тибя же оставатисе,
 Нам ведь надо-то йитти вперѣд дорожечку.
 Тут ведь йим-то всё кнегина низко кланелась,
110. Вот зошли тогда ведь странницы-монашины,
 В кнеженеськи-ти зашли они во гривины.
 Тут садила йих кнегина Катеринушка
 Вот за столички садила за вокольние,
 А за съкатерти садила она за браные,
115. Вот за кушанья садила она за разные,
 За напитокочки садила за медовые.
 Вот как попили-поели вот странници,
 Ишше странници поели, всё монашины,
 Со дорожочки лёгли жо отдохнули тут.
120. Как по ўтру-ту, ўтру по ранному,
 По восходу они сонця, сонця красного,
 Стали манашины-ти, странници собиратисе,
 В путь-дорожочку-ту начали снарежатисе.
 Провожала йих кнегина Катеринушка,
125. Напоила-то, накормила, спроводила йих,
 Она давала йим ведь и красного-то золота,
 Вот давала йим вот ведь цистого-то сѣребра,
 Она наклала на дорожоцьку подорожничьков;
 Когды странници-ти с ней же рспрошшались,
130. Тут ведь странници кнегинушки говѣрили:
 «За твоѣ добро, кнегина Катеринушка,
 Мы научим-то тибя да придаѣм мудресси, —
 Когда приедѣт князь и твой он Ондреюшко из дорожоцьки,
 Он приедѣт-то, наверно, среди ноценьки-то тѣмною,
135. Выходи, сречай ёго жо из дорожочки,
 Ты сречай, сречай в одной только в тонѣнкой беленькой
 рубашочки,
 Ты в рубашочке сречай же ты без пояса,
 Без башмачках сречѣй, в одных чулочиках!»
 Как тогда-то ведь пошли же вон,

140. А княгина-та Катеринушка пошла в свои во гривины.
 Как ходили тут ведь и странниди молилися,
 Они сходили всё к Онтонью-ту, к Феодосию,
 Они сходили-то ко манастыри же разные,
 Вот во свой же манастырь да й они пошли назадь.
145. А князь Ондреюшко-то ехал йиз града славного йиз Кьева,
 Постречалсе князь Ондреюшко у Пучай-реки:
 «Уж вы здрастуйте-ко, здрастуйте вы, старыци,
 Уж вы, старыци-ты, вы здрастуйте-ко, странници,
 Издалёка ли вы идете и путь свой трудной дёржите?»
150. «Мы везде, везде, ведь и князь, сходили попустилися,
 Попостилися, князь, сходили, во грехах своих во тяжких
 помолилися,
 А тепере, князь, йидём да мы домой назадь,
 Во манастырь-от мы идём типерь во свой, сказать».
 «Вы ведь и были ли-то во моём, да скажу, городи,
155. Уж вы видили ли мою кнегинушку Катеринушку?
 Катеринушка моя да какво живёт?»
 Они махнули-то ведь и князю правой ручушкой:
 «Ты не спрашивай-ко, князь, лучше же про Катеринушку!
 Твоя-то Катеринушка не со хорошей жизни она спуталась,
160. Она пошла, пошла за вольнёй за гуляночкой;
 Твои хлебы-ти с онбарами розрушоны,
 Они стоят, стоят, онбары-ти, пустёшеньки,
 Твои кони-ти богатырьски стоят по колен в назъмь,
 Во твоих-то во полатах кнеженеских-то
165. Всё идут, идут у ней же пированьица,
 Ишше с утра пированьице до самого до вечера, —
 Как играют тут во арфы-ти во огромые,
 Вот играют тут во струночки в золочёные,
 Как играют они во гусли-ти во весёлые.
170. Не за хорошим-то ведь и делом-то кнегинушка погналасе:
 В перьву горницу-то зайдёшь, — да колыбель висит,
 Колобель весит, а в колобелёшке младень лёжит;
 В другу горницу зайдёшь, — у ей другая висит,
 В колобелёчке у ей опять дитя лёжит;
175. А в третью горницу зайдёшь, так тут дружья сидят,
 Они дел делят да они всё же тут они пай пайт:
 А перьвой-от пай-от кладут твоё красно золото,
 На второй-от пай кладут твоё чисто сёребро,
 На третей-от пай кладут как твою кнегинушку Катеринушку».
180. «Как спасибо-то вам-ка, странници дорожные!»
 Тут ведь и князь тот Ондреёшко распостилсе-то,
 Вот поехал он ведь и скоро в славной город свой,
 Пригонил коня-то скоро вон ведь наскоро,
 Вот вспотел-то, спотел ёго богатырьской конь,
185. Иза рту-ту ведь как и пена у его валиласе.
 Он приехал, князь и Ондреёшко, ночью тёмною,
 Он в чесу-ту он приехал во двенадцатом,
 Когда росспалась ёго кнегина Катеринушка.
 Он приехал-то ведь и скоро на широкой двор,
190. Застучал тогда ведь да князь да во колечушко:
 «Выходи-ко-се сречать, да кнегина Катеринушка!»
 Услыхала тут кнегина Катеринушка,
 Тут кнегинушка Катеринушка йиспугаласе, —

- Вот не знат-то, кто стучит, да кто же ведь громко столь?
195. Прибежали тут ее же слуги верные,
Поклонились ей, Катеринушки, говорили:
«Как приехал князь и Ондрейшко из дорожочки,
Тибя зовёт-то, кнегинушка, здороваться!»
Катерина-та кнегина зрадовáлase,
200. Она хатела, Катеринушка, одетисе,
От оспомнила слова-ти тут ведь стариць-то, —
Она сделала по йихному приказаницю,
Побежала князя сречать в одной рубашечки,
Вот в рубашечки йонá сречать без пояса,
205. Без башмáчок-то пошла, в одних чулочиках.
Вот кагды пришла кнегина на широкой двор,
На широкой двор пришла она на кнеженеской тут,
Князь сошел уж он тогда до со добра коня;
Вот пришла да подошла она здороваться:
210. «Здрастуй, здрастуй, князь Ондрейшко, мой милой муж,
Проздравляю тя, Ондрейшко, с счастливою дорожочкой!»
Она хотела ёго обнять да за белу шею,
Она хотела почеловать князя Андреюшка, —
Тут не лютоё-то зельё розгорелосе,
215. Богатырьско-то ведь серьцо ростреложилосе,
Лепетá ягб в лица переменялase,
Могучй его ведь плечи шевелилисе,
Он хватал, хватал ведь и саблю свою вострую,
Вот срубил-то, он съказнил у кнегинушки буйну голову.
220. Сам пошел тогда князь, да ведь князь Ондрейшко,
Он пошел тогда во гривины в столовые,
Как во ти ли всё во горници высокие.
В пёрву горницу зашел жо вон, увидел тут:
Как горят, горят ведь свэшши воску ярого,
225. Вот горели-то лампы масла божьёго.
Как ведь и книжочка чúдна полóжона на столничок:
«Я не только-то свету книгу библию читаю-то,
Сколько роню слёз-от горячих со муки-то, —
Ожидаю князя из дорожоцьки».
230. Как ведь и пýла-ти висят у ей на спицоцьки:
«Я не (с)только вышиваю свою шириноцьку,
Я не столько-то строчу же красным золотом,
Сколько пла́цю со досадушки, с тоски же я, —
Дожидаю ведь и князя Ондрейшка со дорожоцьки».
235. В вто́ру горницу зашел, да тоже так же всё, —
На столнички-то книжечка полóжона,
Вот ведь в книжочки-то тут былó записано:
«Я не (с)только-то цитаю книгу библию,
Сколько пла́цю-то, реву я вот по князи-то,
а жду ёго да из дорожочки».
240. В третью горницу зашел, — да тут шириночка на столничке
полóжона,
Она росшита-то была красным золотом,
Она простроченá была да чистым сéребром:
«Всю работушку типере я окончила;
А ету-ту ширинушку доканчивала
245. Выгиратые князю-ту Ондрейшку с дорожочки». Как написала-то она жо всё во книжочки:

- «Розрешаю, князь Ондреюшко, женитисе».
 Прочитал-то князь Ондреюшко, заплакал он.
 Побежал-то он в онбарыки во хлебные, —
250. Тут дорожочки к онбарам не протоптаны,
 Хлебы-то в онбарах принаполнены;
 Ягó кони богатырьски-ти стоят по колен в шолкú,
 Им насыпано пшеницы белояровой,
 Им ведь на́лито воды, воды медовою.
255. Тут недолго князь Ондреюшко ведь думать стал,
 Он ведь скоро-то брал своёгó добра коня,
 Вот садилсе князь Ондреёшко на добра коня,
 И поехал князь Ондрей да во чисто полё,
 Вот догнал, догнал, настыка́л тут ведь стáрицей.
260. Как ведь пёрвú-ту старицу конём стоптал,
 А другú-ту ведь и стáрицу мечом сколол,
 А третья-та ведь как стáрица змолиласе:
 «Не губи-ко, князь Ондреёшко, по напрасному,
 Ведь я пра́ва была, не говорила-та!
265. Не губи миня ведь, князь же, по напрасному,
 Оживлю же я твою же всё кнегинушку,
 Как кнегинушку твою же Катеринушку».
 Она развязывала свою суночку-котомочку дорожною,
 Вынимала она йиз суночки три бутылочки, —
270. Во пёрвóй бы́ла бутылочки живы яблочки,
 А другá была бутылачка — вода мертвая,
 А в третья́ была бутылачка — жива́ вода.
 Подошла-то тогда стáрица к своим жа мёртвым стáрицам,
 Она приложила ихня головы ськазнёны, —
275. Во пёрвых-то она сбрызну́ла с живых яблочков,
 Тут срослись ведь странницы, в челости сделались;
 Когда сбрызну́ла же йих она водою мёртвою,
 У йих не стало тут ведь и ран кровавых-то;
 Когда сбрызну́ла йих она водою живой, тогда
280. Вот вздохнули-то тогда да скоро стáрици,
 Вот вздохнули-то они, сели, перекрестилисе:
 «Много-много, долго спали — скоро (в)стали же!»
 Перед князем-то ведь стáрици простилисе,
 Вот пошли они, стáрици, во своё житъё,
285. А третья-то пошла стáрица с Ондреёшком;
 Она приехала с Ондреёшком на кнеженейской двор,
 Она сбрызну́ла-то кнегину Катеринушку, —
 Катеринушка кнегина простонала-то,
 Простонала-то кнегинушка, сказала-то:
290. «Ох, как крепко я спала, да пробудиласе!»
 Тут здоровалсе-то с нею князь Ондреёшко,
 Обнимал-то он кнегинушку за белú шею,
 Целовал-то он свою же всё кнегинушку,
 Называл-то он своею дорогою кнегиною:
295. «Ты, любá моя семья, да молода жона,
 Ты прости, прости меня, кнегинушка, во глупости, —
 Не разóбрал дел твоих, да я судить же стал!»
 Тут кнегинушка с весёлою улыбочкой
 Она кланелась-то князю всё Ондреюшку:
300. «Стáра жись-то вся забытая,
 Теперь станём-то ведь жить мы, князь, по новому,

- Вот по новому, вот по счesливому!»
 Тут пошло у йих да пированьицё,
 Как весёлоё пошло тут столованьицё.
305. Все со старого до малого гости сѡзваны,
 Пировали-то, столовали все ведь, веселилисе,
 Долго шол ведь пир у Ондреюшка, продолжалсе стол;
 Все досѣта-та ведь сѣта наедалисе,
 Все допьяна, ти ведь пьяны напивалисе.
310. Как ведь старицю-монашицю спроводил же князь,
 Спроводил же всё же на добром кони,
 Дал с собой жо много золотой казны.
 Пированьица его же шла да каждой день,
 Пировали все ведь сильния богатыри,
315. Пировали все хресьяна, чорны пахори,
 Пировали рыболовы-ти йиз разных рек.
 При его-то всё пированьицо весёлоё
 Все желали-то ведь князю, ёму со кнегиной, ведь и долго жить.
 Йишше долго-то и йим же жить да им счesливым быть.
320. Той старинушки теперице конец пришол,
 Вся йистория про князя у нас пропета тут,
 Ёшше умны-те ведь люди подивуютце,
 Ёшше глупы-ти ведь люди тут посмеютце же.

№ 90. ГОРЕ

- А и как ведь жил-то, был единый, скажом, хресьянин-от,
 А и у того ли всё же было да у хресьянина,
 А и уродилса-та у ёго же чадо милоё,
 А и чадо милоё-то было, всё любимое.
5. А и на роду-ль яму же было, скажом, написано,
 А и как талань ли ведь, учесь его назначено,
 А и в жеребью ли добру мблодцу повыпало, —
 А и как со колыбелички несчасна жись-то сталасе.
 А и он от батюшка госталса все малёшенек,
10. А и вот от матушки госталси молодёхонькой,
 А и коё-где-ко он ходил, везде скиталсе-тс,
 А и не видел чesа счesливого на свети он,
 А и не одной-то он минуточки не видел вот отдóху-то;
 А когда не придет-то ведь он же во деревеньку,
15. А и как работушки себе не находил нигде,
 А и где работушку найдёт, да не получал никóгда жалованья.
 А и вот ходил-то доброй молодёць молоденькой, —
 А и буйна головушка его была не учосана,
 А и рёзвы ножечки ево были неодетые,
20. А и на сибe носил одежды он ведь рваную,
 А и как ведь волосы его были завились же всё, запылились,
 А и как на резвѣх ногах саложек негдѣ не было,
 А и как на резвѣх ногах... он же босой ходил,
 А и лыком-то он как и подпоясалса;
25. А и на праву-ту доброй мблodeц на ножечку прихрамывал,
 А и на лѣву-ту ведь ножечку припадывал,

- Как и шол, шол он по дорожечки,
 За спиной же за своей он нёс он ведь суночку,
 Его суночка проста́, была она ведь найдена,
 30. Она найдена, проста́, была же на дорожечке,
 А во суночки просты́ же сэры камешки.
 Тут ведь шол-то доброй мо́лодец, расплакался,
 Он расплакался ведь шол тут, ростужилсе-то:
 «Для чего ты, родна матушка, на белой свет меня спордила?»
 35. На родинушка меня же не погубила?
 Ах, зацем живого меня же всё, несчастного, оставила?
 Не видал-то я во свети дня весёлого,
 Не едал-то я на свети хлебця-то до́сыта,
 Не нашивал, доброй мо́лодец, платья цвётного,
 40. Не видал-то я ведь ласки от добрых людей».
 Как во ту пору́, во са́мо то во времецко
 Вот не конь-от вот бежит, не подковы брякают,
 А не красно-то цисто золото рассыпается, —
 Как бежит, бежит ведь Счасьицо к нему же всё.
 45. Тут ведь Счасье всё со Горем посречалосе,
 Посречалосе-то ведь Счасье, поздоровалосе,
 Поздоровалосе Счасье с Горём, поздоровалосе¹.
 На Счасьи-то одежда вся ведь свётела,
 Сапожечки у Счасья-та сафьяные,
 50. А подковоцки у его же золочёныя,
 На ём шубочка-та, скажом, соболияя,
 Шарф-от шолковой на ём же пересиськой-от,
 Как перчаточки на руках да из семи шолков,
 Персни на руках у его золочёные
 55. Со драгима у ёго же всё со ставками;
 Волоса́-ти у его же светлорусые
 Во колечушках в его же всё ведь завилисе-то.
 Как очи у его же ясна сокола,
 Ясна сокола у его всё Александрии-то, славна города,
 60. А брови у его же чорна соболя,
 Чорна соболя у его же всё Царя-градá,
 Как походочка у его очунь манежная,
 С ноги на ногу ведь весело переступиват,
 Не на ногах-то будто шол, да соколóm летел.
 65. Подошол-то он ко Горюшку, поклонилсе-то,
 Снял с головушки своей шляпу пуховую:
 «Здрасвуй, здрасвуй-се-ко, дорогой мой друг,
 Я хочу, хочу с тобой да поздороваться,
 Я хочу же вот с тобой да познакомиться!»
 70. Он выдергивал платочик носовой же свой,
 Обтирал-то слёзы у несчастного у парня-та,
 Человал его же он в уста сахарные,
 Росчесал-то взял его же рúсы волосы:
 «Мы теперече ведь будем дружьями верными
 75. Дружьями верными мы будем, неизменными,
 Как суседами-ти будем очунь ближними,
 Заодно теперь у нас бúдет дума думана,
 Заодно теперь ведь бúдет рець говóрити,
 Тепере друг-то другу бúдём помогать во всём.

¹ Обмолвка; следует: «познакомилось».

80. Я из книги-то счесливой всё повыкинул,
Из счесливого-то таланту отделил тебе.
Скоро, скоро ты ведь и будёшь хорошо же жить,
Скоро, скоро будёшь ведь же по счесливому,
Умою я тебе да очунь бёло-то,
85. Унарядят-то тебя да будёшь унарядной-от,
Оденешь скоро всё ведь шубоцьку соболиную,
Ты наденёшь на голову ведь шапочку пуховую,
На резвы́ ноги сапожочки сафьяны,
На бёлы руки́ ведь персни золочёные,
90. Как ведь все тебе же да будут кланеться;
Поженю-то я тебя у Таланюшки на до́цере,
У Талани-то, ведь есь шесть доцере́й у ней».
Подхватило-то ведь Счасье, ведь скажом, Горюшка
За его-то всё за рупеньку за правую;
95. Шли-то йоні́ жа, Счасье с Горюшком, ведь в ногу же,
Дорога-та была же каменистая, —
Очерапал-то ведь Горюшко ре́звы ножечки,
Потекла-то йиз ног у его же кров горячая;
Они пошли-то, шли лесами-ти ведь тёмныма, —
100. Леса тёмны очерапали его лице́,
Побежала-то из лича́-то из его же кровь горячая;
Они пошли скорó лугами-ти зелёныма,
(В)от пошли они садами-ти зелёныма,
Как во тех садах же было во зелёных-то,
105. Как ведь ра́зны были фрукты-ти со сладосью, —
Тут ведь Счасье-то ведь фрукты-ти срывало же,
Насывало фруктов разных-то со сладосью,
Он ведь дал-то всё кушать-йись же всё ведь Горюшку.
Тут покушал-то, поел же ведь Горюшко,
110. Отдохнули, полёжали они с дорожочки,
От пошли опять вперёд, да как ведь следуёт.
Горе думаёт, что тут же светит солнышко,
Светит солнышко тогда да очунь тихо-то, —
А не солнышко ведь тут же свётло свётило,
115. А как крыша-та ведь свётила золочёная,
У Талани-то ведь свётила, у Учести,
На ее-то до́мах крышечки-ти свётили.
Удвигилсе тут ведь Горе такой ченности,
Ужахнулсе-то ведь Горё йитти туда,
120. А Счасьицо зовёт его туда да низко кланетса,
Он ведь взял его тогда да за праву́ руку́,
Он ведёт, ведёт его к ограды к золочёною;
Как-то зашли они в ограду в золочёную,
Вот пошли они ко терему к высокому,
125. Ко крылечушкам пошли они к высоким-то,
Ко перилушкам пошли йоні́ к то́ченым-то,
Вот к то́ченым-то пошли йоні́ к золочёным-то,
По сукна́м пошли они по йиностранным-то по разным-то.
Увидали слуги верные Талани-то,
130. Набежали-то, пришли да воні́ к ним они,
Счасья, брали-то его же за бёлы руки́,
Повели его по лесницам высоким-то,
А Горюшка, прогнали его они, прогнали-то его же всё с крыками:
«Ты куда идёшь, чудови́шшо такó страшноё?»

135. Ты суды же, такó чучело негодноё?
У нас таких-то чудовишней-то не находится,
Оборвацам-то талань же не назначена.
Тут метлами-ти ведь взяли его прогнали-то:
«Не в свои сани, невежа, не садись же-то!»
140. Тут пошло, пошло ведь Горюшко, расплакалось,
Боле Счасья-та, друга, он не видывал,
Вот и скрылся, убежал да верный друг же всё.
Пошло Горюшко-то бедноё, заплакало,
Он гледел, гледел в цотыре во стороноцьки,
145. Вот негдé не нашол своёго друга верного.
Тогда мужик бедной ведь Горé приросплакалось,
Прирасплакалось-то Горé, приростужилось:
«Я куда пойду тепере с такой бедности?
Ничего во свети нет, теперь не получите!»
150. Я куда пойду сечас, куда поеду-то?
Во чисто полё итти — да нет добра коня,
За моря йитти за дáльни — дак нет чернёного мне кáрабля.
Ето всё мне-ка на роду было уписано,
На родинах было всё же мне пресказано,
155. (В) жеребью-то мне-ка всё было повыпало,
Ето Суд-от божой всё да не хотел писать,
Не хотел-то вон писать, в правой ручки-то ведь держать пера
золочёного,
Не хотел он написать да мне талани-то и счасья;
Когда родилса был на свет я, доброй мблodeц,
160. Он, гордец, да не хотел подойти к столу,
Не хотел он подержать ведь перышка в правой руки,
Записать-то в книгу всё же во счеливую,
Наделить-то ведь миня да счасьицом сосветным-то;
Он проспал ли, Суд, проспал ли, пролёжал ли всё,
165. Просидел ли всё, — да не хотел же заниматисе,
Не записал, не передал талани-учести.
Как счасливы-ти когда же люди рб́ятеся,
Тогда Суд-от, Суд немного тут спокою йимеёт он,
Он ведь пишот-то сидит же всё за столиком ,
170. У его да скоро-то летат да золотó перо,
Он записыват, дават талани-учести,
Передават-то он тогда скорó Талани-то;
А Талань-то передават же всё рожденному.
Я пойду развё к Суду, да вот схожу же сам,
175. Росспрошу-то, была ли у мяя учесь-та;
Ежли не была она, дак скажет, что не была она!»
Как увидел-то: йидут да люди добрыя,
Как с рукой-то ведь они друг с дружкой сцепилисе,
Один мушшина-та идёт, да друга женщина;
180. Поклонилосе-то Горюшко, говбрило:
«Вы ведь што это за люди? Идите куда?
Вы куда да идите да парою?»
«Мы йидём, йидём, жених же всё с невестою,
Как зовёт-то Суд ведь нас да по делам своим».
185. «Мне ведь можно ли йитти с вами вместях туда?»
Они ему-то всё тогда же возговбрили:
«Как поди, поди тогда ведь с нами, не мешашь же нам!»
Как пошло тогда, пошло тогда за ними Горюшко.

- У Суда-то всё ворота золочёные,
 190. На воротиках-то было всё написано.
 Золотыми-ты да всё ведь буквами:
 «Тут живёт ведь всё же Суд господней-от,
 Он ведь судит-то дела всё справедливые».
 Эта пара-та ушли же в ворота-ти золочёные,
 195. Перед нима-ти воротики, ворота открылисе,
 Вот открылисе, вонь опять закрылисе;
 (С)колько Горё-то не стучало — не отворили,
 Не отворили никто, не пустили Горюшка.
 Тут ведь Горюшко пошло, слезно заплакало,
 200. Горючима-ти слезами уливалосе,
 Он смочил-то всё, смочил же путь-дорожочку,
 Он ведь плакал-то ведь сильнѣ, как река бежит,
 Возрыдал-то сильнѣ, страшно, будто гром гремел,
 Сам в слезах-то тут ведь Горюшко говóрил тут:
 205. «Не хочу я боле, Горюшко, на свети жить,
 Белой свет-от не хочу же я и путати, —
 Я живу, живу, ведь только белой свет ведь путаю,
 Нечего-то я хорошего не видывал!
 (М)не куда теперь со горюшка деватисе?»
 210. В синем морюшки ли мне-ка утопитисе?
 Потонуть ли мне во реценьки во глубокою?
 Я пойду, пойду от горюшка в темны леса, —
 За мной летит-то ведь горюшко чёрным вороном;
 Я пойду, пойду от горюшка в жидкй-ти всё болотика, —
 215. Бежит горюшко за мной да волком серым-то;
 Я пойду же всё от горюшка в быстры реценьки, —
 За мной горюшко летит да серой утицой:
 Я от горюшка пойду в моря в глубокие, —
 За мной горюшко бегёт чёрным кáраблём;
 220. Я от горюшка побегу же в зелены сады, —
 За мной горюшко летит да сизым голубём;
 Я от горюшка побегу во города-ти во дальние, —
 За мной горюшко летит да ясным соколом;
 Я от горюшка — в пешшеры во глубокие,
 225. А за мной горюшко забежал же белым зайошком;
 Я от горюшка — в гору-ту, во ушшелие,
 За мной горюшко бежит да горносталюшком.
 Некому-то, моё горе, не доставайсе тут:
 Не дороднѣму-ту, не дородным добрым мóлодцам,
 230. Не девицам всё же, йим, лебѣдушкам,
 Как не старому же, горюшко, не малому, —
 Пусь со мной же вонó уйдѣт в могилушку,
 Вот в могилушку пойдѣт вонó в глубокую,
 В белодубову оно со мной в колоду-ту,
 235. В белодубову колодочку положат нас,
 Гробовой доской тогда да нас закроют тут,
 Во сырú землю тогда нас призароют-то.
 Некому-то всё же горѣ не достанитса,
 Ни к кому моё несчасно не подойдѣт боле,
 240. Тут со мной-то всё же горюшко заронитсе!»
 Тут несчасному-ту Горюшку конец пришол.
 «Хорошо теперь лежать мне во могилушки,
 Мне не надоть боле всё же позоритисе,

- Как ходить-то йиз деревенки в деревенку,
 245. Как из города ходить да мне же в город-от,
 Как несчастному-ту бедному хресьянину».
 Вот пришла смерть ему да вместиах с горюшком,
 Горе-то было его же друг да верной-от,
 Был товаришш-от его-от неразлучной-от,
 250. По белу свету вместиах они гуляли-то,
 В мать сыру землю вместиах же повалилисе,
 Тут к йим-то обеим всё же вот конец пришол.
 Кто ведь будёт эту всё йистиорию читати-то,
 Все со старого до малого (будут) удивлятисе.

№ 91. ЖЕНИТЬБА ИВАНА ЦАРЕВИЧА

- А и от собралсе-то в путь, в дорожечку,
 А и как собралса-то в путь, в дорожечку доброй мблodeц,
 А и доброй мблodeц собралса, младой царевиць-от,
 А и он собралсе-то ехать гулять он в чисто поле,
 5. Что в чистоё-то ехать ему-та полюшко,
 А во широкоё-то ехать ему раздольицо;
 А и как хотел же погулять он во чистом поли,
 А и он хотел тут встретить млáдых рыцарей,
 А и млáдых рыцарей-то встретить с пути, с дорожечки.
 10. А и как собралсе-то он же, снаредилсе тут,
 А снаредилсе-то он, поехал, доброй мблodeц;
 А и он поехал-то, спровожал-то его отець-батюшко,
 А и отець-батюшко спровожал-то со рбдной матушкой,
 А и на прошшаньици родители говбрили:
 15. «Уж ты ой еси, нашо чадышко любимое,
 Долго не ездн-ко у нас же во чистом поли,
 А и не слезн-ко своёго-то отца-батюшка,
 А и отца-батюшка не слезн, свою рбдну мздушку!»
 А и да сын да кланелсе отцу же с рбдной матушкой,
 20. А и на прошшаньици отцу с матушкой говбрил он:
 «А и ежели не наеду я в чистом поли рыцарей,
 А и чудных рыцарей не наеду я, богатырей,
 А и скоро-скоро-то я вернись-то всё обратно к вам».
 А и как поехал-то млáдой тут царевиць-от,
 25. А и он ведь ездил, доброй мблodeц, со утра до полудни-то,
 А и нечего негде же он тут не наехал всё,
 А и он не рыцарей не наехал, ни богатырей;
 А и он всё хотел обратно ехать во свой да славной город он,
 А и он посмотрял-то перед отъездом во чисто поле,
 30. А вон увидел: ездит богатырь-эт во чистом поли,—
 А не знат, богатырь ли ездит тут, млáдой рыцарь был?
 А и он ведь ездит, ездит-то, погуливат,
 А и его конь богатырьской так поскакиват,
 А и вот манежно конь йиграёт всё, выигриват,
 35. А и вот выигриват ведь конь да всё выскакиват;
 А молodeц-от на кони да всё посиживат,
 А и вот посиживат мблodeц да чудной дивной есть.

- А и удивилсе тут дородней-от доброй мѳлодець,
 А и удивилсе тут, его же как играет его доброй конь.
40. А и хорошо-то конь играет, он выигрывает,
 А и хорошо-то ведь он же всё выскакивает!
 А и давай ехать-то, — задумал доброй мѳлодец,
 А и доброй мѳлодец задумал, млад цѳревиць тут, —
 «А и давай я ведь поеду вслед за ним туда.»
45. А и вот погнал-погнал, застегал плеточкой добра коня,
 А и вот добра коня своѳго, Воронеюшка.
 Его конь-от стал манежно тут перескакивать,
 А и он скакать-то начал быстро всё, помахиывать;
 А и долго гнал-то коня младой-от цѳревиць тут,
50. А и конь летел-то, будто птицей перелѳтнюю,
 А и долго ехал-то премладой цѳревиць-от.
 А и увидал он, наконец же, тут добра мѳлодца,
 А и добра мѳлодца увидал, млада рыцаря,
 А и тут ведь был-то, сказать, да рыцарь младой-от,
55. А и как не рыцарь младой был, будто богатырь он,
 А и не на богатыря не похож, да нѳльзя всё сказать,
 А и нѳльзя всё сказать, да нѳльзя сказать.
 «А и как ведь, верно, его есть какой цѳревиць-от,
 А и не знай, король ли он какой есть, королевиць-от?»
60. А и он завидел-то, поехал к нему скорѳшенько,
 А и поскорѳхонько поехал он, крутѳшенько,
 А и не мог всё-таки настыгци королевиця.
 А и тут не лютое-то зѳльѳ-то розгорелосе,
 А и богатырьско тут ведь серьцо-то ростреложилосе,
65. А и лепетѳ в его лица вот перемениласе;
 Он крычал тогда же громким голосом:
 «А уж ты гой еси, дородней доброй мѳлодець,
 А уж ты царь ли едидишь всё, цѳревиць ли?
 А король ли ты ведь едидишь, королевиць-от?»
70. А и ты — богатырь ли могучой тут?
 А и ты премладой ли едидишь рыцарь-от?
 А и ты остойсе-ко, дородней доброй мѳлодец,
 Я с тобой, с тобой хочу да поздороватьсе,
 А и поздороватьсе с тобой хочу да познакомиться,
75. А и я хочу с тобой да поговорить же всё!
 А у мя же есть очунь хорош конь да очунь быстрой-от,
 А у тибя же конь да еще лучше,
 А и мой конь не мог твоѳго-то нагнать никак».
 А и как ведь едидил-то тут да всё доброй мѳлодец, гуляет он,
80. Вот к ему никак не приезжает он.
 А и вон крычал, крычал да во третѳй након, —
 Как тогда же приезжает доброй мѳлодец,
 Доброй мѳлодец приехал близко он к ему,
 Он воздал поклон да низко кланелсе:
85. «Уж ты здрастуй-ко, дородней доброй мѳлодец,
 Доброй мѳлодец, Иван цѳревиць млад,
 А и тебе што схвота было видать миня?
 Шшо видать миня да говорить со мной?
 Если хѳчошь ты миня же знать,
90. Я скажу тибе да всё поведаю:
 Я ведь не богатырь есть не сильней-от,
 Как не рыцарь я прѳчудной есть.

- Я скажу тебе да правду сушшую:
 Я ведь есть же всё да Суд-от божий сам,
 95. Я ведь сам Суд, сам определён христом,
 Определён христом, царём небесным всё.
 Я ведь, Суд, езжу, не гуляю тут,
 Я ведь, Суд, езжу, определяю тут,
 Определяю тут, выбираю я,
100. Кóму правда, кому́ на ком женитисе,
 А как которому как приведетсе.
 А как которой-от друг же родитце,
 Тут ведь скоро определитце.
 А если жених (в)переди рóдитца,
105. А невеста-та попóсле же;
 А бывает так, что невеста (в)переди его же рóдитса,
 А жених-от после много ей,
 А делать нечего, как она же йиз его ребра,
 Ему приводитце всё старше-то sibя же брать.
110. Когда она-то впереди-то рóдитце,
 Мы кладём ребро её,
 Ребро кладём да мы вель всё берём,
 Мы берём же всё из камешка;
 А когда же вон ведь рóдитце,
115. Мы тогда берём да от его ребро.
 А кому на ком женитисе,
 Как тому в того родитисе,
 А как ведь нету у кого судьбы,
 Вот нету, не написано.
120. Долго ездил Суд же, я разъезживаю,
 Я судьбу-ту всё разыскиваю:
 По горам езжу по красным-то,
 По лесам езжу дремучим-то,
 По мхам езжу по жидкím же я,
125. По тихим езжу по озёрышкам,
 Как по тихим езжу я по заводям, —
 Тежоло же мне за ето есть,
 Жалко, жалко мне же тех людей,
 Что без судьбины оставаютце.
130. Хóрош, хорóш да доброй мóлодец, —
 Если нет судьбы — да не поженитце;
 А хороша девица да дúша красная, —
 У ей нет судьбы — замúж не повыйдёт-то,
 Она девицей приостанетсе.
135. Долго ишшу-то судьбу я, езжу-то всё, —
 Я жалею девиць премлáдых-то, —
 Везде езжу-то, каменьицо высматриваю,
 Важной камешок со камешком прикладываю;
 Разобижусь-то, поеду я.
140. А мнóги, мнóги-то укоряют-то,
 Что вель нет судьбы да не назначено.
 Ето только сказками-ти сказывáетса,
 А побывальшшинами оно кончаитса!»
 А как тут премлáдому царевицю за смех пришло,
145. Оно за смех ему пришло, да засмеялсе он,
 Засмеялсе-то он тогда да над Судом божьím:
 «Уж ты полно-ко, премлáдой королевиць-от,

- Ведь я не маленькой-то мальчик, што не толкую-то, —
Ты ведь шутишь надо мною да насмеяишьсе!
150. Когда ты же правды мне да не сказывашь,
А если вправду ты же есть да Суд божий тут,
Так скажи-ко, мне да всё поведай-ко,
Если ты же Суд ведь божий, дак уж знашь же всё,
Ты ведь знашь-то всё, знашь и ведуёшь, —
155. Расскажи-ко, Суд ты божий, где моя судьба,
Где моя-то всё судьба, да молода жона?»
Возговóрил-то тогда да Суд ведь божий тут:
«Я ведь знаю, я ведь знаю, где твоя судьба,
А не смейсе, правду скажу я же сушшую:
160. А твоя-то есть судьба да в одном городи,
В одном городи у единого есть хресьянина,
У хресьянина во городи, — край ведь города, —
У его ли всё как дочь да есть любимая».
И тут улыбнулсе-то млад царевиць-от,
165. Улыбнулсе-то, россмехнулся, говорит ему:
«Что ты смеёшьсе надо мной, да Суд ты божий-от,
Суд ведь божий-от всё же ты, госпóден-от,
Развё не стало мне да королевных-то?
Развё не станю-то ведь да всё царевных-то?»
170. Развё не станю доцереь да мне кнеженейских-то?
Мне не станю доцереь да всё дворяньских-то, боярьских-то?
Мне не станю доцереь да всё купеческих?
Ето что такó случитсе, ето будет-то,
Как возьму-то я же дочь хресьянскую?»
175. Для мене-то всё равно будет молода жена,
А народ-от всё, люди дóбры, не будут ей поклонятисе,
Поклонятисе-то ей же, покорятисе!
Не можно ли переменить да все дела мойи?»
Возговóрил-то тогда да Суд ведь бóжей тут:
180. «Уж ты гой еси, Иван, млáдой царевиць ты,
Хоть ужахайсе, не ужахайсе,
Переменить же всё никак нельзя,
Переменить-то, я скажу же, вот никак нельзя».
А как ведь тут-то ведь много говорили-то,
185. Говорили они тут, всё россуждали-то,
И будто вечно они ведь были-то знакомыма,
Как знакомые ведь были, много виделись,
А будто виделись они, были дружьями все,
А и как дружьями-ти ведь и были они верныма,
190. Они верныма дружьями-ти, неизменныма.
Тут ведь зáchал Иван, Иван царевиць млад,
Он ведь зáchал звать его да низко кланелса,
Он ведь зáchал звать его к сибе заехати:
«Я хочу с тобой ведь, млáдой царевиць ли, королевиць ли,
195. Королевиць ли ты ли есть, да млад кнежевиць тут,
Я хочу, хочу с тобой поговорить еще,
Как хочу-то знать, какого же ты ведь города,
Хочитце-то мне-ка знать, какого же роду ты ведь племени?»
Не царевиць если, не королевиць-от,
200. Не королевиць ты же есть всё, не кнежевиць-от,
Тогда видно, что ты рыцарь что премлáдой-от».
Возговóрил ему тогда да на конй сидит,

- На конь сидел ведь всё да доброй молодець,
 Что: «шутят-то, ведь шутят, оманывают у вас-то всё,
 205. Вот у вас-то всё ведь на земелюшки, —
 А у нас-то, ведь шуточек нет негдѣ,
 У нас нету-то ведь шуточек, не бывають-то,
 У нас оманов нет, не увидишь-то,
 Все дела идут у нас справедливые.
210. И хоть ругают-то миня многии и гневаются,
 Называют, что Суд судит не по правды-то, —
 Я ведь всё же, Суд ведь, делаю по правды-то:
 Как ведь есть у кого счелливая судьба, так наделяю я,
 А нет ведь счастья, талани, не наделишь тогда.
215. Определѣно всё же счастье самим христом,
 Вот самим христом, царѣм же йим небесным-то.
 А ведь и мне передават Талань в делах,
 Как Талань в делах сидит определяет она;
 Кого она определит, кому ведь дать талань,
 220. Кому дать-то всё талань, кого пожаловать.
 По определению же я наделяю тех,
 А если велено-то мне да наделить бы всех,
 Наделить-то всех людей по всей земелюшки, —
 Не пожалел бы, наделил да всех со старого,
225. Всех со старого наделил да (в)плоть до малого.
 Дак ведь какй выдають-то мне рукописаница, —
 В рукописаницах ведь всё же тут росписано;
 А без миня-то, без Суда-то всё господнѣго,
 Не един-от волос на головѣ не повянет-то,
 230. Все дела йдут везде да всё от миня же есть».
 Тут и млáдому царевицу не пондравилось,
 Не пондравилось ему, не пригленулосе,
 И будто хотел он посмеятисе над Судом же он:
 «Уж ты ой еси, когда называшь сам сибя да Судом божьим-то,
235. Дак ты скажи, скажи же мне, где-ка моя судьба?
 Верно, не дано тебе ише, не выдано,
 В вашей книги, верно, нет, не отпечатано!»
 Тут ведь как возговóрил тогда да Суд-от бóжей тут:
 «А не смейсе ты, премлáдой млад царевиць-от,
240. Я не тобой же, Суд ведь бóжей-от, наўчон же,
 Не тибя годногó же в свети вижу я, —
 Вижу, вижу я ведь всех в шару в земелюшке,
 И весь народ-то надо мной, как на долонюшки.
 Ты ведь думаешь, не знаю я твоей судьбы?
245. Слушай, слушай-ко миня, да что ведь я скажу:
 Как твоя-то всё невеста сейчас бóльняня,
 Она бóльняня сейчас лёжит, во гноишиши;
 Она не день лёжит хворат да вот не два болет,
 И вот не два-то она болет да всё не три хворат, —
250. Она болит, болит, хворат да три годочика.
 А это все врачи лечить ей отказалисе,
 Отець с матушкой ведь к ней ходить перестали-то,
 Она лежит, лёжит у них одна, поброшона.
 Если хочитца тибѣ да повидать же ей,
255. И вот поди-ко-се на чернѣных своих кáраблях.
 Ты пойдѣшь когда на чернѣных кáраблях,
 Вперѣд пройдѣшь ты ведь счелливо во плаваньи,

- И походишь, погуляшь же в разных гóродах;
Тибя отправит-то отец, да рóдной батюшко.
260. А когда вернёсье ты оттуда, пойдёшь в свои же во земелюшки,
Тогда подуют-то ветры буйны непопутныя,
Ты зайдёшь-то тогда в город-от неприятной-то погодушкой;
Ты придёшь когда во гавань карабельную,
К тебе приедет-то встречать как королевиць-от,
265. Королевиць-от приедёт он со свитою.
А как тогда же с ним ты познакомишьсе,
А и познакомишьсе с йим же, поздоровайшьсе,
А и поспроси, спроси у королевица,
Ка́ки девици же есть во городи?
270. А и ка́ки есть же в край ведь городи?
А не смотри девицю да ты же в городи,
А смотри девицю край же города,
А которая хворат лёжит;
А ты тогда, тогда да посмотри сходи,
275. Посмотри сходи да полечи её.
А и ты вот ведь возьми мо́локá,
Ей ведь дай, да дай молока попить,
Молока попить из коровы, которая черна,
Чтобы не было ни одно́го у ей пятнышка,
280. Из той коровы только дай испить, —
Тут девица и (поправитца).
«А ну, спасибо тебе тут да всё смеятеся!
Только всё с тобой мне хочитце дружьями быть,
Я хочу, што ко мне бы ты заехал всё;
285. А ты когда ко мне приедёшь-то,
Когда ждать велишь, я буду ждать».
«Я бы рад к тебе заехати,
Да только мне-ка некогда.
Ежели тебе не веритце,
290. Вот на етой на берёзеньки
Вот напишу я буквы крупныя,
Ты ведь знай же, кто писал же тут».
Скоро рыцарь стал писать буквы крупныя,
Крупны буквы, будто золочёные.
295. Млад царевиць погулял бы йише бы с ним,
Погулял бы, поговóрил с ним,
А рыцарь сказал: «Мне не слободно-то,
Миня ждуд же, дожидаютце».
Тут они же роспростилисе,
300. Низко друг другу поклонилисе,
В уста сахарны друг друга почеловали же;
Поскакал же рыцарь скоро-то,
Он уехал, скрылсе скоро тут же все йиз глаз,
А как царевиць млад смотрел долго-то, гледел же он,
305. Гледел долго гон в трубоцьку в подзорную,
Вот не мог, не мог тогда усмотрить его.
Он роздумалсе тогда да ўмом-разумом:
«Это что такó за чудо чудноё?
Это что такó за диво дивноё?»
310. Он ведь поворачивал добра коня,
Он поехал скоро-на́скоро.

- Нáскоро поехал в город свой;
Он приехал скоро на царьской двор,
А и как тогда гон сдал ко́ня своего слугáм своим,
315. Сам пошел печальнѣй во полаты белокаменны
Ко своѣму он к отцу, к родителю.
Тут стречал его отець-батюшко,
Отець-батюшко с родимой матушкой;
Он стречал же йих да низко кланелесь,
320. Они встречали-то сына, низко кланелись:
«А ну, ты скажи-ко, скажи, нашо чадо милоѣ,
Нашо милоѣ, любимое,
Ишше младой-от Иван цареви́ч свет,
Где ты, где да погулял у нас?»
325. Где ты, где ты поездил, пополяковал?»
«Ездил, батюшко с матушкой, я далече-далече да во чисто́ полѣ,
А видел разной я же разности,
Постречалсе я со млáдым рыцарѣм, —
У его же конь весьма быстрѣй,
330. Будто скачет-то он, будто лев же зверь,
А молодѣць на коне красавецъ есть,
Я негдѣ такой красы-то ведь не видывал!
В розговорах очунь мудрой есть,
Он во шутках-то шутилой есть».
335. Говорил отецъ ему, да рѣдной батюшко:
«Почему ты, моѣ да чадо милоѣ,
Нѣ звал гостя ты к себе, не чѣствовал?
Уж ты ой еси, моѣ да чадо милоѣ,
Чадо милоѣ моѣ же всё, любимое,
340. Почему его, наверно, худо звал,
Уж ты худо звал да неприятно чѣствовал?»
«А я приглашал очунь желательнѣ,
Он сказал, что: «мне нельзя, нельзя заехати,
По делам-то нѣжон всем же я».
345. Он ведь завтро... я завтро-то хочу с ним повидагисе,
Называлсе он Судом божьим-то,
А я ему же всё не верил-то.
Ты слыхал, родитель мой, отець-батюшко,
Ты слыхал ли, что Суд-от ли где?»
350. Суд-от есть ли где, находится ли он в какой землѣ?»
«Я слыхал про Суд, да не на землях живѣт,
Не на землях живѣт — на небесах же он.
А ты такого же рыцаря премудрого
Почему не звал да ты не чѣствовал?»
355. «Не клади-ко-се, родитель-отець, да судьбы-жалобы,
Я же завтро поеду позову его.
Он сказал ведь мне-ка шуткою,
Што моя судьба, невеста-то, во гнѣбиши, —
А посмотрю, ли по его так же сбѣудитсе?»
360. А и говорил Йиван цареви́ц с отцом, с матушкой,
Они поели, покушали, поужнали;
А с ѳтцом, с матушкой сын да роспростилсе тут,
Он пошел отдыхать да спать в свою спаленку.
И лёг же спать, да вот не спал же он,
355. Не спалось ему да не лежалосе,
А и всё же думал что свою да он думу крепкую,

- А что как невеста ему да нехорошая.
 А он заснул немного да пробуждалсе всё,
 Все ведь думал, как скорее повидатисе,
 370. Упросить его, што(б) переменял судьбу.
 А й рано, рано стал да по утра ранёхонько,
 А вон умыл же своё-то лицё белоё,
 Оботёр его о шириночку шелковую,
 А и учесал свои он кудри русые,
 375. Одевал-то вон ведь как платьё дорожноё,
 Вот дорожноё платьицо вон же, рыцарско;
 А и вон пошел же скоро на широкой двор,
 Брал с собой же вон копыё богатырьскоё,
 Брал с собой же вон саблю вострую,
 380. А и он садилсе на добра коня,
 А и он поехал опять же во чисто полё;
 А и долго ездил-то вон, розъезживал,
 А и вон смотрял везде, просматривал,
 Ездил, ездил с утра-то вон до вечера, —
 385. Не наехал-то боле млада рыцаря.
 Он кричал, кричал нежным голосочиком,
 Звонил в струночки да в золочёные, —
 Вот некто к ему да приехал-то;
 Приехал к тем же камешочкам,
 390. Приехал к тем ли ко берёзенькам,
 Где подписано было же ведь буквами,
 Прочитал же буквы все же он,
 А и его не мог болё увидеть-то;
 А и тогда восплакал млад царице-от:
 395. «Верно, Суд же был осподен тут!»
 А и он поехал скоро в город свой,
 Рассказал отцу-родителю,
 Он своей родимой матери:
 «Не нашол я всё божья Суда!»
 400. Потужил же он, поплакал же, —
 Делать нечего же, нужно жить!
 А через три денёчика
 Заотправлял его отец, да родной батюшко,
 По делам сходить во государство-то всё в Задонскоё,
 405. Отвезти туда всё же скóры грамотки,
 Как штобы король задонской-от
 Отпустил товаров разных-то,
 Нагрузил чернёны-ти ихны кáрабли.
 Скоро кáрабли были нагруженные,
 410. А на них-то... кáрабли были со матросами,
 Со матросами да со солдатами;
 Их отправил на кáраблях, сына любимого,
 Как того ли всё Иивана-та царице.
 Проводил его да царь с царицею.
 415. А и пали ветры йим попутные,
 Они пришли скоро-наскоро в королевсво-то задонское,
 Ани спускали тут ведь якори булатные,
 Опускали бёлы парусы полóтнены,
 Они выкинывали да флаги шóлковы,
 420. Они выбрасывали да ишше те ли ведь сходни-ти дубовые,
 Настилали сукна заморские.

- А он пошел, пошел, Иван царевич, тут;
 А как стречал его да королевиць млад,
 Подошел к ему да поздоровалсе,
 425. Они друг со дружкой познакомились,
 Повёл королевиць гостя-та во свой дворець.
 Кóгда пришли они ко дворцю-ту всё к королевьскому,
 Шли по лесницам высоким-то,
 По коврам шли да по заморьским-то;
 430. Проводил его в полаты белокаменные,
 Тут царевиць королю же честь воздал,
 Королевы, жены его, да низко кланелсе.
 М-м стречали гостя да они усаживали
 За те ли столички точёные,
 435. За точёны золочёные,
 За скатерти шелковыя,
 За ёствы тут за разные,
 За напитокки заморьские.
 Тут покушали они, да всё поели-то,
 440. Запивали разныма напитокками;
 Стал король же тут у царевиця выпрашивать,
 Он куда йидёт да всё куда пошел?
 Погостить ли всё приехал в ихной город он?
 Погулять с ихным со сыном со любимым-то?
 445. Погулять-то везде, поездити?
 Тут царевиць возговóрил-то:
 «Я ведь послан своим да óтцом-батюшком,
 К вам ведь послан по делам, да вот смотрите вы».
 Подавал он да скóры грамотки,
 450. Царём самим же всё написаны.
 А и процитал король да скóры грамотки,
 Скóры грамотки написаны,
 Они написаны по рыту были всё по бархату,
 Вот написано сухим да чистым золотом,
 455. А и вотпустить просил товаров разных тут.
 Тут король задоньской отвечал тогда:
 «А и я двенадцеть кáраблѣв да нагржу же йих, да не
 замешкаюсь,
 А тринадцатой-то карабль, — да поживи у нас, —
 Как тринадцатой карабль, пушшай корабличок постоит у нас.
 460. А как же ты-то ведь, дорогой гость, да погости у нас,
 Погости-ко, гошь, у нас да поживи же всё, —
 А нагржу-то я караблички, не замешкаюсь, —
 А пушшай-ко-се погуляй-ко,
 Ты поезди по нашим гóродам,
 465. Посмотри по нашей местности, наших садов разных с
 виногородами,
 Вот со фруктами у нас ли всё со разныма,
 Посмотри-ко наших рыцарей премладых-то!»
 Как тогда же королевиць соглашалсе гут;
 (В)скори-(в)скори были кáрабли нагржоны,
 470. Вот нагржоны караблички, отправлены.
 А как осталсе тут премладой-от царевиць-от,
 Вот осталсе-то вон-то жить во йихном во Задоньском славном
 городе.
 А как ушли скоро чернёны кáрабли,

- Ушли караблички-ти скоро в земли ихные .
475. Ко отцу-то, ко царю, со товарами;
А младой-от-то сын любимой-от,
А и он осталсе-то во городи-то всё же жить,
И он гулял везде, розгуливал,
И он розгуливал-гулял, узнавал же всё.
480. Познакомилсе ведь он тут с королевицом,
Стали, стали они тут везде поезживать,
Стали, стали они ведь тут везде погуливать, —
А тогда-то по трактириках,
А как во те ли беседы разны́ весёлыя,
485. По гуляньям-то стали ездить по девицьим-то,
Во дворець-то стали девиць-то приглашать же, звать.
В одну пору сидел королевиць-от с Иваном-то с царевицом,
Они вели, вели беседушку весёлую,
Он ведь зачал-то казать патреты разныя,
490. Патреты разныя казать зачал девицьця;
Как он все-то он давал ему, показывал,
А один-от ведь да не показал ему,
Не показал ему, ведь проць его отбросил тут.
«А не отбрасывай патрета, покажи же мне!»
495. «Я ведь с радостью ведь, брателко названой мой,
Я с великим с удовольствием покажу тебе.
Уж как етот-то патрет смогреть нельзя,
Вот смотреть нельзя да не гледеть на ей:
Ета девица-то была — теперь и говорить нельзя!
500. Три-то года ведь тому да поры-времени, —
Как девица эта ведь край города ведь нашего, —
Она раньше-то была чудна́ красавиця,
Во гульбах́ везде была сама́ перьвая;
А тепере про девицю говорить нельзя,
505. Говорить про ей нельзя да слово вымолвить,
Слово вымолвить про ей же, рець говорити,
Она во гнбишиши лежит да вот уж трётей год,
Некто-некто, ей уж лечить все отказалисе,
Отец с матерью уж ей же всё побросили,
510. А может быть, тепереце живой же нет».
«А мне-ка хочитце девицу-ту посмотреть сходит .
Иише можно ли узнать, у ей какá болесь?
В нашем городи врачи же все скопляютсе,
Вот скопляютса врачи, сами говбрят-то,
515. Что нужно, нужно вся разна́ болесь узнать же всё,
Как узнать нужно болесь, да как к чему она, —
Так я хочу же йитти да к ней же дохтуром.
А ты, мой друг да дорогой же мой,
А ты поди, поди, да сказать, хоть ты фершалом,
520. А ты поди, поди да всё майориком».
А приоделись скоро тут да друга два-то милых же,
Иван царевиць взял с собой же он булатной нож,
Взял с собой он будго лекарства разного,
Пошли, пошли они по городу;
525. Среди серёточки шли денёчку белого,
Пришли к домику, (о)становилисе,
Постучалисе — можно ли всё же к ним зайти?
А и в домик тут же йим дозволили зайти же всё.

- Когда зашли в комнату, где сидят они обедают,
 530. Стали спрашивать у йих же всё:
 «Как у вас ли больня дочка есть?»
 А и тут ответили тихошенько:
 «А у меня же дочь больня есть,
 Про ней не стоит розговаривать,
 535. А не то, чтобы спрашивать», —
 А так отец её говóрил тут.
 А мать ее родна ответила:
 «Мы же сами в ту же комнату не ходим-то,
 Мы не ходим, не треложим ей,
 540. Что она чтоб не проснудасе, —
 Поскорé, может быть, помрёт тогда».
 «Мы как дохтуры пришли суда,
 Нам ведь сказали, что дочь больна да у тибя же есть».
 «Много времени хворат она».
 545. «Даκ нам ведь нужно всё болесь узнать у ней,
 Вот узнать болесь, какая в ней же есть, —
 Мы же можом ей повылечить.
 А ежели вылечить не можом мы,
 Тогда можем ведь всю... она в какой, скажите-тко, болезни всё
 находитце?»
 550. Ответила же тут да рóдна матушка:
 «Вся болесь у ней находитце во гнóишши;
 Заходить к ней никак не можом сами мы,
 Она лёжит у нас да три годочика,
 Все врачи от ней да отказалисе,
 555. Отказалисе, отступилисе».
 Тогда царевиць-от говóрил ей:
 «Дозволь нам же посмотреть же ей».
 «Ежели не брезгуетé вы, люди знаменитые,
 Вы подите-тко, смотрите ее;
 560. А я не могу вести туда,
 Не могу ее болезни видети».
 А й спроводили да их ведь к ей же всё,
 А сами не зашли с нимá вонй.
 Иван царевиць-от зашел же в комнату,
 565. Королевиць-от осталсе на новóих сенях.
 Когда зашел царевиць в комнату,
 Девиця спала тихим кротким сном;
 Подошел он ко кроваточки кисóвою, —
 Не перины девиця крепким сном же спит.
 570. А и подошел к ней, погледел же он,
 Сам подумал своим да умом-разумом:
 «А не ета ли девиця-та судьба была?»
 А й взял махнул своим да вострым ножиком,
 А он махнул, стегнул да саблей вострою,
 575. Саблей вострою-то прямо по животу же ей,
 А и он стегнул, махнул да рукой правою —
 Вот вздохнула тут девиця, возговóрила:
 «А ето кто такой у мня же был?»
 А глаза готкрыла, — некогó же нет, —
 580. А когда глаза открыла дуреть бросилася,
 Дуреть бросилася, побежала-то,
 Побежала, вся же выбежала.

- А девица возговорила:
 «Вы подите-тко кто-небудь ко мне суда!
 585. Вы цогó миня да убоялисе?
 Почему миня да ужახнулисе?»
 А й как ведь некто не пришол же к ней.
 Закрычала, зазвала гонá да свою родиму матушку;
 Скоро-скоро к ней пришла родима матушка,
 590. Она пришла же к ей да всё скорёшенько,
 Подошла же к ней близёшенько:
 «Что ты, доченька, на что зовёшь?»
 «А потому-то, мать, зову тибя,
 Что я ведь всё совсем да здоровёшенька.
 595. А я ведь скажу тебе, да рódна матушка:
 Как спала я крепким всё же сном,
 Ко мне два-то пришлю лекаря;
 Один лекарь не зашол ко мне,
 Не зашол ко мне, из-за дверей смотрел,
 600. А другой-от всё зашол ко мне,
 Он подошол ко мне, махнул миня,
 Он махнул миня чем-то, матушка, ударил-то
 Таким мякким, таким нежным-то, —
 У меня же побежала всё вода избó,
 605. Избó всех-то тут корост мойих;
 А етот лекарь-от ведь вон ушол.
 Дай-ко, матушка, водицы мне умытисе,
 А гребень да учешу же я,
 Учешу ли я свою да буйну голову,
 610. Уплету я себе да трубочету косу».
 А й тут ведь мать-та всё ее родимая
 Принесла воды да ей умытисе;
 Скоро,скоро тут девица умываласе,
 Умывалась, наряжаласе,
 615. Скоро, скоро пошла на своих же резвých ногах.
 А и тут ведь скоро девица оздорóвела,
 Сделалась чудною красавицей.
 А Йиван когда царевиць-от
 С королевицом да óни скрылисе,
 620. Они скрылисе да удалилисе,
 Убежали они же всё по скорости.
 Кóгда пришли они да в королевьской-от же всё дворець,
 А й йиз дворца пошли йоны в полаты белокаменны,
 А во полаты садилисе за столицьки,
 625 Вот за столичьки окольные,
 А и как за ёствы за сахáрные,
 А и за напитокочки заморьские;
 Она покушали, поели тут.
 А по úтру, úтру ранному,
 630. По восходу сонця красного,
 Тут падали ветры-ти попутные
 Как Ивану-ту царевицю;
 Он собралсе, снаредилсе-то,
 Ушол во свой во город он с королевицом,
 635. Королевица увёз да во свой город-от,
 Во свой город-от увёз да к óтцу, к матери.

- А девица стала тогда да здоровёшенька,
 Стала ходить везде по городу,
 А и заходила она везде в торговые всё во лавочки,
640. На разныя там на йгрышша, —
 А на ее красу прекрасную
 Все же стали любоватисе,
 Любоватьеце, дивоватьеце-то.
 А и прѡшло етому пѡры-времени,
645. Всего-навсего прошлѡ да три-то годицька,
 Привелось Йивану-ту царевицю
 Э как из гишпаньских стран домой йитти;
 А и вон ведь шол, шол да со товарами,
 Со товарами заморьскими.
650. Он задумал приворотить же тут
 А й ко своѣму он ко другу верному,
 А ко товарищѹ да нейизменному.
 Он зашол да посмотреть его,
 Посмотрить его да попроведати,
655. Он пришол, пришол во гавани;
 А и как узнал об том да брат назвѡной-от,
 А и брат назвѡной-от узнал, крестовой-от,
 А и вон встречал, стречал его да с цести, с радости,
 С цести, с радости, со всего со желанного да удовольствия.
660. А и тут пошло у йих да пированьицо,
 Вот пошло у йих весѣло столованьицо,
 А и пировали-столовали-то;
 А и как немало-то прошло да тут же времечка,
 А й как когда же пиры-столы покончились,
665. Пошли, пошли дородни дѡбры мѡлодцы,
 Они гулять пошли по городу,
 Вот по городу пошли да по Задоньскому.
 Они ушли же в край одноґо домику,
 А и увидали там да всё гуляньицо,
670. Вот гуляньицо да караводноѡ,
 А и во гуляньици девици тут гуляли-то,
 Они весѣлы песни девѣчьи распевали-то,
 Они гуляли тут близ да зеленѣх садов.
 А и пришли королевець со царевицом,
675. Они смотряли да на девиць же тут,
 Они смотряли-то, дивовалисе,
 Сколь не хорошо распевали девици красные
 Как свойи песни заунывные,
 Заунывные да голосистые.
680. А й как гледел, гледел царевиць тут.
 А и как девица ему одна пондравилась,
 Вот пондравилась ему гонѡ, пригленуласе:
 А и он ведь скоро-скоро тут патрет же снял,
 А патрет же снял, себе в карман же взял,
685. А и они скоро, скоро уходили прочь.
 А и как востались тут у каравода вси,
 А й как ведь шло дѡвьѣ-то гуляньицо,
 Шло гуляньицо трѡи сутоцьки.
 Тут задумал Йиван царевиць-от
690. Он на етой на девици поженитисе.
 А нектѡ-нектѡ не мог да всё унять его;

- Гсворил-то король да с королевою:
 «Ты спросись-ко-се, Йиван царевиць свет,
 «Ты спросись-ко-се у готца, у батюшки,
 695. А и спросись-ко у своей родимой матушки!»
 А и как писал скорó царевиць скору грамотку,
 Скору грамотку писал да скорописцету,
 Он по рыту-ту писал да всё по бархату,
 Он сухим писал да красным золотом,
 700. А и он просил у отца своего да с рóдной матушкой,
 Он просил же йих да разрешить о всём,
 Рóзрешить обо всём да поженитисе.
 Скоро, скоро было ето времечко,
 Что послал царевиць скóры ярлычки,
 705. Скóры ярлычки послал да королевские,
 А и вотправлял туда да чёрной кáрабель
 А и со млáдыма-туда да со матросами,
 Вот со млáдыма туда да карабельщиками.
 А и уходил оттуль скорёхонько чёрной кáрабель,
 710. А йим ведь пала-то пóветерь всем попутная,
 А и как попутна йим же пóветерь, поносная,
 Уносило скоро чёрны кáрабли;
 Когда зашли-то в гавань карабельную,
 А кóгда зашли, паруса бёлы опустили-то,
 715. Флáки вьздынули шелкóвые,
 А и они мосты-ти да намостили же,
 А и сами сукна-ти да росстилали-то.
 Во ту пору, во то времечко
 А и приходили корабельщики с матросами }
 720. Ко своёму королю да низко кланелись,
 Они подавали скóры ярлычки,
 Скóры ярлычки да всё скорописцеты.
 А и прочитал король, задумалсе,
 Вот задумалсе же он, замешкалсе,
 725. А и прочитал же, говорил же вот:
 «Это ладно, хорошо для нас, —
 Иван царевиць-от женитьце хочитсе».
 А и прочитал-то царь да не замешкалсе,
 Он писал скоро всё, описывал,
 730. Ст писал-то, дал-то позволеньицо,
 А и вон писал в ответ же тут:
 «Ты женись, женись, моё да дйтя милое,
 Дйтя милоё, женись да ты, любимоё!
 А мы с удовольствием вас ведь бóдём ждять,
 735. Мы ведь бóдём ждять да в свой ведь всё горóд,
 Мы во свой горóд, да всё в отечесьво!»
 А й как ведь скоро тут были ведь ярлычки написаны,
 Скорописцеты да запечатаны,
 Были в ящичок полбóжоны.
 740. Отходил-то тут караблицок
 А и в тот ведь город со товаром-то,
 А и потенули ему да ветры буйные,
 А и уносило те қараблицьки
 Ко королю в его во город-от,
 745. В ёго город всё, во гавань-ту.
 А и тут узнал, узнал Йиван да королевиц-от,

- Выбегает он всё к карабликам,
 А и как встречал-то гон да скоро спрашивал,
 А и эт встречал-то всё же он, выпрашивал,
 750. А и про своих родителей он да всё выводывал:
 «Каково у йих да есть здоровьицо?
 Каково йхно положеньицо?»
 Рассказали: «Как всё да по хорошему,
 Идут дела да по приятному.
755. От родителей получай-ко скору грамоту».
- Принимал-то он скорó, прочитывал;
 Прочитал, возговорил же он:
 «А óтець с матушкой исполняет всё моё желаньицо,
 А и дожидаютце вонй миня со радостью,
760. Дозволяют отец с матушкой женитисе,
 Вот женитисе, да как я сам хочу,
 По своёму я беру да по желаньицу.
 Много-много я на свете ежживал,
 Много-много я вёзде видывал
765. Как девиць вездé красавицей,
 А не одна девица мне-ка не пондравилась,
 Не одна красавица не пригленуласе;
 А как ведь ета мне девица пондравилась,
 Она со перьвого свиданьица пондравилась,
770. Она пондравилась-то мне да пригленуласе».
- А тут ведь как скорым-то всё скорешенько
 А и завелась свадьба́ у Йивана у царевица.
 А и как невеста его была как роза-та,
 А и будто розанька была садовая,
775. А и как красавица была всё пречудная, —
 А и про ее красу прекрасную
 Не во патретах, не в картинах не написать было́!
 А и шла же свадьба, много прошло да поры-времени,
 Отовсюль же гости были съехались,
780. Отовсюль были скопилисe
 Все цари-то, все царици,
 А и короли-то все же, королевици,
 Э и все же млáды были принци-ти,
 Все же князи-ти, кнежевици,
785. Э и все богáтыри, чудны рыцари,
 А простого-то народу ч́исла-сметы нет.
 А й ко́гда пиры да все прикончились,
 Ко́гда гости вси прирозъехались,
 Стал Ёван царициць собиратисе,
790. В ро́дной край ведь свой да отправляютисе,
 Стал с королём же он прошшатисе,
 Со своим с братом с названым-то.
 А и пошол, пошол на чернёны свой карабли,
 И не один-то пошол он, да с молодой женой.
795. А и как потенули ветры буйные,
 Ветры буйныя попутные,
 Уносило чёрны карабли
 Как йиз йихной-то из гавани,
 А шли караблички морями синими,
800. А шли они же разныма каналами:
 Шли они же тихим, кротким времечком,

- Пришли скоро во свой город-от.
 Тут стречал, встречал его да отець-батюшко,
 Отец-батюшко встречал с рѣдимою матушкой,
805. А ѡих стречал тут да с барабанами,
 А и как со разныма варганами.
 А и проводили ѡих в свои в полаты в царския,
 А и как во полаты проводили они в царские,
 А садили их за столички точѣные,
810. А и за салфеточки шелкѣвые,
 А за ѣствы тут за разные,
 А и как за кушанья за многие,
 За напитокки за рѣзны.
 Тут пошли пиры навѣсели,
815. А навѣсели, на радости,
 Собирали всех людей из города,
 Собирали всех богатырей,
 Собирали всех же рыцарей.
 А и тут ведь пиры пошли навѣсели:
820. Барабаны били бойко-то,
 Арфы ыграли тут ыгромые
 Во все в струночки в золочѣные,
 А и много-много тут же кушанья было у царя покушано.
 Было водочѣк разных-то попито,
825. Пированьицо было всё весѣлоѣ,
 Столованьицо было всё приятное.
 А пировали-то, столовали чѣльнѣй год, сказать;
 Через год-то свадебной пир кончалсе тут.
 А и как ведь царь, отець, да захворал же тут,
830. А и взамен сибя установил царѣм,
 Установил сына-то любимого,
 А царицой сделал свою¹ жону любимую;
 А когда же старой царь да оздорѣвел он,
 Он ведь сам же всё стал опять управлять в делах,
835. Млѣдой царь да стал гулять тогда.
 А во ту пору пришла да скоро грамотка
 От его-то брата от названого,
 От млѣда королевиця:
 Он зовѣт-то ѡих ведь, чѣствуѣт на свадьбу-ту.
840. А и прочитал он письмо да не замешкалсе,
 Он ведь стал просить да ѡтца-батюшка,
 Отца-батюшка да поцарить царѣм,
 А и вон отправилсе тогда да с молодой своей с царицою
 К своему к брату к названому,
845. С ним, холѣстым, ище да повидатисе;
 Молоду свою царицу повѣз да на свиданьицо,
 На свиданьицо да (к) ѡтцу-матушки.
 Пировали-столовали у королевиця,
 А и как весѣла шла же свадьба у королевиця,
850. Пированьицо шло же всё весѣлоѣ,
 Столованьицо шло приятноѣ.
 Тут ведь съехались были все богатыри,
 Тут скопились были млѣды рыцари;
 Тут были ихняя утехи-ти,

¹ «его»?

855. Были рыцарьски забавушки.
Тут и ѳездил же Иван-от царь,
Тут научили его всем съездам богатырьским-то,
Всем сраженьицам да славным рыцарьским.
А прошло у королевица да дело свадебно,
860. И стали гости тут да розъезжатисе,
Розъезжатисе гости, расходитисе;
Розошлись же все же гости, прирозъехались,
А и отправлятьсe стал его названнóй брат,
Он ведь стал-то звать, чёстовать братá названнóго
865. Со своей его да молодой женой.
А и королевиць, брат названóй, низко кланелсе:
«Если жив будú, к тебе будú,
А и к тебе бúду, не забуду я;
А теперече же нужно батюшку отдóх же дать,
870. Как во делах ему да пособить могу».
Тут ведь братьица да попрошшались,
Тут названýя рассталисе.
А и когда провожали далёко Ивана царевица,
Далекó его провожали во сини́ моря;
875. Тут ведь братьица роспростилисе,
И каждой во свой горóд да поспешилисе;
Пришел Иван-от царь да в свой гóрод он,
Во свой гóрод он да к óтцу, к матушки,
А королевиць-от вернулсе к своему отцу,
880. К своему отцу он, к рóдной матушки.
А жили-пожили Ыван царь со супругою
А ѳ они в супружеськой жизни три-то годицька.
В óдну пору, в одно времечка
Он гулял с женой да в зеленóм саду,
885. В зеленóм саду да в лётно времечко;
А его же всё супруга, молода жена,
Она была, была да в платьи в шолковом.
В платьи шолковом, да шолку чистого.
А ее же муж-от, царь, сидел да на сижалочки,
890. А молоду свою супругу он,
А и вон ведь брал ей да за правú руку.
А и посадил на бархатну скамеечку,
А посадил же ей, говóрил он:
«А и ето что у тебя, супруга моя милая,
895. А и моя милая супруга есть любимая,
Отчею у тя рубóчек на твоём на животе твоём?
Разве ты когда больнá была?»
Она стала тут да всё рассказывать,
Рассказала, как больна была,
900. Как больна была, лежала три годочика:
«Боль-те страшная, была же я во гнóбиши,
Некакí врачи не могли да излечить меня,
А вотець с матушкой от миня совсем да отказалисе,
Род-от, племень от миня все отступилисе;
905. А в одну пору, в одно времечка
Два молодых врача ко мне пришло;
Один врач зашел, ко моей стал ко кроваточки,
Другой врач стоял да на новы́х сенях;
Врач ведь млáдой-от взмахнул меня,

910. Взмахнул меня, не знай же чем,
Он ударил-то миня же взял по моёму животу же всё;
•Сами скоро-то ушли они.
Я с того да оздорбвела,
День от днй стало лучше всё,
915. Стало лучше всё и краше-то,
Некакой болезни не почувствовала, —
Некакой не ймею я теперь же, царь». —
Тут ставал-то царь да на резвы ноги,
А и человал же она царицу в уста в сахарные,
920. Обнимал он ей за шею-ту за белую,
А и становилсе пред ней на колени, низко кланелсе:
«А и ты прости, прости меня, моя любá семья,
А и ты, любá семья, моя супруга милая, —
Это врач-от сáмой я же был,
925. А другой-от — то ведь друг мой, королевиц он!
А я пришол не лечить тибя,
Я хотел же всё сказнить тибя;
Потому хотел сказнить тибя,
Што Суд ведь божий-от назначил мне,
930. Сказал: «Невеста твоя во гнбиши!»
Мне за обидушку пришло да за великую,
За насмешечку пришло да не за малую, —
Я хотел, хотел погубить тибя,
Саблей вострою урезйт тибя.
935. Теперь — верно, верить буду я,
Что ведь есть же всё, да есть ведь ббжей Суд,
Есть ведь Суд, принадлежит же он,
А без Суда без божьего на головы волос не повянет-то,
Что Судом написано, не объедёшь его да на добром конй,
940. Не проедёшь всё на чернёном большом кáрабли!»
Росписал тогда да он во книгах-то,
Што: «как умны люди, дак поверьте всё,
А глúпы люди не поймут к чему».
А и той старинушки тепереце конец пришол,
945. А вот конец пришол, да всё покончили.
А премудрым мудрецам на розмышленьице,
А учёным-то людям на прочитаньице,
А вперёд пойдёт на рассказаньице.

№ 92. ЖДАН ЦАРЕВИЧ

- А и как в одном-то ведь и было, скажом, городи,
А и у однбго-то у купця было богатого,
А вон ймел-то как свои торговы лавочки,
А гон имел как свои чернёны кáрабли,
5. А и он имел-то при сибе же любу семью.
А и вот любу свою семью, имел свою жону,
А и как была у его всё жо дочь любимая,
А и любима-та дочь была у его одинакая,
А и говоритса всё жа старая пословица,

10. А и шшо: «Одна рука была в меду, другая в патоки!»
 А и были нянюшки у ей, ходили мамушки,
 А и одевали всё ведь йихну-ту дочь любимую.
 А и в одну пору-ту, в одну же было времечка,
 А и собиравсе-то купец да за сини́ моря,
15. А и за сини́ моря-ти ведь он итти с товарами,
 А и вот продать, произвести товары разные,
 А и тогда набрать-то ведь товаров разных заморьских-то.
 А и вот собралсе-то купец да во дорожочку,
 А и снаредил-то он свои чернёны карабли,
20. А и когда стал-то он со доперью прощанисе,
 А и на прошшаньицы жены же слово молвил-то,
 А и слово молвил он, сказал да ей такую речь:
 «А когда уйду-то я за моря же за глубокия,
 А и во страны-ти я уйду же всё во дальние,
25. А и приказываю тебе такó приказаньицо:
 «А и береги-ко, береги, смотри, любиму дочь,
 А и некудá-то не спускай да ты же ей гулять, —
 Не по городу-ту ей да не спускай ходить,
 В зелёных-то садах не позволяй гулять,
30. А штоб некака́ про ней худа слава не прошла некак.
 А и если ты же моёго наказу не йисполнишь-то,
 А и я тогда с тобой, жона моя, россчитаюсе!»
 А и спроводила-то купца жона же в путь-дорожочку,
 А и спроводила, скоро в дом свой воротиласе,
35. А и гонá стала стерекци-берекци́ же дочь любимую,
 А и некудá не спускала ходить по городу,
 А и не позволяла ей гулять же в зелёных садах;
 А и когда ведь приходили к ей подружечки любимые,
 А все девици-ти ведь к ней, дочери купчески,
40. А и приходили к ней девици, дощери хресьяньские,
 А вот хотелось же девици погулять с нимá, —
 А и не спускала ей ведь и матушка родимая;
(У меня вышла-то вроде старшины.)
 Тогда плакала дощ да жалобиласе,
 Во слезах с подружками росставаласе.
45. В одну пору, в одно времечко
 Вот ходила ее матушка родимая
 К одному купцю богатому,
 Ко другу ея мужу.
 Посидела в гостях у купца она немного же,
50. Поспешилась скорé домой йитти:
 Роспростиласе и домой пошла.
 На дорожочке постречалсе же
 Старик седой да он старой же,
 Возговóрил ей да таковы речí:
55. «Уж ты ой еси, купчиха да всё богатая,
 У тибя муж ушел за моря с товарами.
 Я ведь слышу, у тибя есь да дочь любимая,
 Дочь любимая да всё единая,
 Берегите ей да всё караулите,
60. Не спускаете погулять с подругами, —
 Не уйдёшь от того, не уедёшь на добром кони́,
 Што Судом на свети прописано.
 Некудá твоя дощ не ходит и не ездит,

- Некогó не видит она дородних добрых мóлодцов,
 65. Не купецеских сыновей, не царьских, ни королевских сыновей,
 Не простых не видит простых хресьянушек,
 Но учесь у ей несчастливая,
 Талань никуда не годная.
 Лучче бы ходила-гуляла она с подружками,
 70. Лучче бы много видела молодых людей,
 Было бы тогда, можот, получше ей!
 Не ходит никуда и не гуляет —
 Позор бóдет отцю да очунь стыдливой же,
 Усмяхнутсе весь народ во городе
75. Про ее да поведеньицо».
 Хотела купчиха тут спросить у старика седатого,
 У седатого да бородатого, —
 Старика будто след простыл,
 Негдé не стало, будто под землю он скрылся.
80. И вот когда пришла домой же вот купчиха-та,
 А и ничего она не сказала своей дочери,
 А и вот свалилась, повалиласе с печалюшки,
 А и повалиласе гонá тогда в постелёчку,
 А и прохворала-то гонá же три неделёчки.
85. А и как во ту пору, в сáмо-то было времечка
 А и было просто-то во всём, было не караульнё.
 А и вот как вышла-то ведь дочь йхна любимая
 А и вот на высокоё на красноё крылечушко,
 А и овалиласа она о перилушка точёные.
90. А и вот точёны-ти же на перилушка золочёныя,
 А и она гледела-то, смотряла во все чотыри-то во стороночки:
 А и как ведь и шли-то всё народ, да люди ехали,
 А и как первьы-ти всё народ да пешоходом шли,
 А и во других-то всё народ на лошадях ехал.
95. А и она стояла-то, смотряла всё, гледела-то,
 Э и вдруг увидела вонá: да к ней идёт к крыльцу,
 А и вот идёт к крыльцу, подошел же вот,
 А и молодёць-от подошел, красавець чудной был.
 А и увидала его ведь и дочь-та тут купечеська,
100. А и она увидела его, вот ужახнуласе,
 А и как хотела убежать она да скрытисе,
 А и возговóрил молодец да рець такую он:
 «А и ты здрастуй, здрастуй, всё же дочь отеческа,
 А и дочь отеческа, здрастуй, всё красавица,
105. А и не беги-ко от миня ты, вот не скрывайсе-то!
 А и ни на долгоё пришол к тебе и на свиданьицо,
 А и как написано на роду, дак я пришол к тебе».
 А и как во ту-то вот во пору, во то времечька
 Прибежала полоса-та будто с ветром-то
110. И охватила-то купечеську-ту дочку-ту.
 И не успела-та спросить да тут красавица
 А и он какого роду, да чьего племени,
 А и какого сын отца да чьей же матери,
 А она подумала такую-то мысль такую тайную:
115. «А вот за этого молодца да я взамуж пойду!
 А не отдают меня ежели да вотець с матушкой,
 А я за ним же всё да всё вослед йиду!»
 А и огленуласе вонá, да уж и нет нигде,

- А и уж нет нигде молодца́, да будто скрылся он,
 120. А и негде́ не могла она да увидеть его.
 Э и когда пришла она в свои́ же в горницы в высокие,
 А и во столовья в свои́ же пришла в светлицы,
 А и вот почувствовала себя как нездоровою,
 А и нездоровою-то тут же, разболеласе,
 125. Разболеласе-то гона́ тут, расхвораласе;
 А и с той болезни-то ведь купеческа красавица
 А она почувствовала себя-то всё непразною.
 А и она не смела тут сказать родной матушки,
 А и она много тут же слезно да слезно плакала,
 130. А и она пошла-то всё на свой же двор на задней-от, —
 А и как была вот у йих, сказать, служаночка,
 А и та служаночка, обрежалась во хлевах она,
 А и во хлевах-то обрежалась со скотом она.
 А и когда ходила-то она же во темны́ леса,
 135. А и во темны́ она леса ходила всё за ягодами,
 А и приносила всё гона́ молодой купеческой-то доцьки-то.
 Вот пришла-то тут девица, приросплакалась,
 Рассказала про своё она несчастье;
 Отвечала ей служанка-та йхна верная:
 140. «Как не плачь-ко-се, девица вот красавица,
 Не мочи-ко ты своёго-то лица белого,
 Вот не порти-ко своих-то ты прелесных глаз!
 Расскажи-ко ты, поведай родной матушки;
 Как у нас-то всё ведь и было всё по старому,
 145. Как пословица была же у нас сказана:
 «Как ведь нет дружка ведь и лучше-то, лучше батюшка,
 Лучше батюшка-та нет, отца-родителя,
 А подружки нет милей же родной матушки;
 Как ведь есь у нас еше одна подружоцька,
 150. Среди темной ночи в мекких сголовьях пухова подушочка».
 А и ты откройсе-ко своей родной матушке,
 Она упросит-то, разговорит же отца-батюшка».
 Пришло времецко-то к ним, всё прикатилосе,
 Как пришол, пришол купец из-за синя моря,
 155. Как привёз, привёз товаров иностранных тут,
 Как ведь дочери любимой разных подароцьков.
 Чуть не засвтал он ведь дочери любимую
 За карабельшичка же он ей за молодого.
 Как встречала-то у его жана любимая,
 160. Не встречала только его же дочь любимая,
 Потому-то не встречала же, — выходить жо ей не приказано,
 Во вторых-то не встречала, как во несчастьи.
 Как товары-ти купчески были в скорости повыгружены,
 Когда купец ведь и в делах своих поправилсе,
 165. Вот зачелось у его в дому́ да гуляницею,
 Как весёлое пошло у его столованьицею.
 Много-много тут гостей да было съехалось, —
 Как купцей много ведь было тут торговых же,
 Много князьей-то было тут да много бояров,
 170. Много детей-то йихних, молодых молодых гостей,
 Много молодых-то ведь было карабельшичков,
 Карабельшичков-то было со матросами,
 Как кресьяна-ти прожитосни с детьми были́.

- Как тогда же всё купец, купец торговой-от,
 175. Он зазвал, зазвал ведь и много молодых ведь девушок,
 Приказал тогда ведь дочери одетисе:
 Подарил-то ведь платьё заморьскоё,
 Вот заморьско было платьице шелковоё,
 Как во платьици каменьице самоцветноё
180. С жемчугами-то дорогима всё со разныма,
 На белы руки подарил ей персни золочёныя
 Со драгима-та ведь ей же со камнями-ти,
 Как ведь в уши ей дарил серьги заморьские
 С драгима-ти со ей же со каменьями, —
185. Будто царевна-та ведь убрана, королевна-та!
 Все ведь гости красоты ее дивовалисе,
 Как одежды-то ведь чудной засмотрялисе.
 Сколько дней-то пиры шли же вот купечески.
 Много-много-то молодцов на ей прельстилосе,
190. На красоту-то на прекрасною прельстилисе.
 Когда кончились пиры у его весёлыя,
 Каждой день-то женихов да по десяточку;
 Из многих же купец да тут и выбрал он,
 Он задумал уж повыдать дочь любимую,
195. Но ведь дочь йихна любима слезно плакала:
 «Не хочу итти я, батюшка, в замужесьво,
 Не желаю ведь я, рódна матушка, в супружесьво,
 Мне-ка хочице пожить да всё девицею,
 Погулять-то мне-ка хочице с девицами,
200. А пожить-то с вами хочице, с родителеми!»
 Как поверил-то купец да думат, — правда тут.
 Как прошло-то ведь как немного поры-времени,
 Повинилась тут дочь да готцу-матушки.
 Во резвы-то ноги она да низко кланелась,
205. О своём-то о несчастном положеньици рассказала тут.
 Не огрубилсе-то на то ее же отец-батюшко,
 Не сканфузилась ее же рódна матушка,
 Они ведь ей-то всё такую речь говóрили:
 «Не виновата ни в цём наша дочь любимая,
210. Виноваты мы во всём, да гóтец с матушкой!»
 Тут ведь каждой день же на ней сватались,
 Как отец-от всё, ее же рódной батюшка,
 Рассказал-то женихам да всё поведаль-то.
 Молодѣжь-та вся тогда да ужახнуласе,
215. Как ведь жонки-ти, ведь бабы, ростреложились,
 Ростреложились и тогда они говóрили,
 А как глупые над ей же насмехалисе,
 Еше умные об этом дели дивовалисе.
 Как пришло же всё ведь время, приблизылосе,
220. Когда надобно родицыце дитю да на белóй же свет.
 Вот во самоё-то во утро было ранноё,
 По восходу-ту ведь сонця, сонця красного,
 Спородила доць купецеська чада милого,
 Чада милого она же, всё любимого.
225. Красата-та всё была у мальчика очунь чудная,
 По колени же был ведь он же в красном золоти,
 По локóт-то был ведь и он же в чистом сéребри.

- У его очи-ти были ясна сокола,
Ясна сокола-та были перелётного,
230. Перелётного-то были всё заморьского,
Ишше брови-ти у его да чёрна соболя,
Чёрна соболя у его же всё Царя-градá.
Не могли-то тут купецъ с купчихой налюбоватисе,
А народ-от, люди дóбры, насмехалисе:
235. «Не прямой это наживы, заугольнёй сын!»
Вот как ведь назвали тогда купецъ с купчихою,
Они назвали своего внука любимого:
«Как прекрасной ты царищи всё ведь Ждан у нас.»
Как ведь стал-то Ждан царичицъ подростать у них,
240. Не по годам-то был ребёнок очунь мудрой он,
Очунь мудрой был ребёнок, всё догадливой,
Он семи-то лет обучился мѹдру грамоту,
Произошел-то всю наскрозь — учиться нѣчего.
Как ведь стал когда ведь Ждан да лет двенадцати,
245. Стал ходить-то он гулять везде по городу,
Стал ходить-то всё к дворцу тут королевскому,
Вот играть-то стал с детьми-то всё со разныма,
Вот со разныма с детьми стал с боярскима,
Вот с боярскима же стал он, со енеральскими.
250. Вот, вот начел он детей-ребят росставлять же всё:
Как первых-то становил же он богатырьми,
А других ребят, становил же он йих рыцерьми,
А как сам-то ведь да Ждан — да королѣм сибя,
Приказывал йим стрóги приказаньица,
255. Как ведь многих он не за поступки не за справедливые
Многих, многих-то ведь он за то наказывал, —
Как ведь детем-то, ведь тут ребятам малых-то,
За обидушку-ту йим же показалосе,
Вот в обидушки ребята-ти с ним заспорили:
260. «Ай невежа, ты, невежа невчливая,
Твой-от род-от, племя, да непочѣтной есь,
Не премá твоя нажива есь, заугольная,
У те мать-та нажила с кем-то — неизвестно же».
Тут ведь Ждан ведь и царичицъ призадумалсе,
265. Он ушел-то от ребят да всё по скорости,
Он пришол, пришол домой же, приросплакалсе,
Своей матушки родимой росказал же тут:
«Уж ты ой еси, моя же матушка родимая,
Ты скажи-ко-се ведь мне да не утай про всё».
270. Ишше был ли на родѹ у мян отець-батюшко?
И от чего, ты скажи, от наживы ли заугольнёю?»
Тут ведь матушка его же приросплакалсе,
Тут родимая его же ростѹжилася,
Росказала, как были дела со мóлодцом:
275. Только пришол какой-то чудной-от красавецъ к ней.
Говорил тогда да Ждан, да Жлнн царичицъ тут:
«Разве жив же я не буду, не обучусь того!
Я не буду ведь купцѣм, дела вести купечески,
Хощь у мне ведь много есь у делвшка богасьвици».
280. Не хочю-то я на дедушковом жить богасьвици;
Не заспускат-то ведь хоть дедушка, зажелет меня, —
Я бедь хочю ведь, матушка, быть младым рыцарѣм,

- Я поеду же во ученьица,
 Обучусь-то всем ведь рыцарским ученьицам,
 285. Я узнаю, што за чудо, что молодёць же был,
 Он каким же черодейсьвом это сделал всё?»
 Тут ведь матушка его слезно заплакала,
 Тут родимая его жо запечалилась:
 «Я не дам тебе ведь, Ждан, благословленьица!»
(Мама пела, что не нашол отца, а дядя Филарет пел, что нашол; когда он учился в науках премудрых, то узнал такие знания, что был такой молодёц, что знал — как забрызнет, то налетала на девушку полоса, и она делалась непрадная, — так его мать и затежелела. А брызганье-то было любовное. Любовно думал.)
290. А и стал ведь и Ждан-от подрастать, жил у матушки,
 А и жил у матушки у своей же он родимою.
 А и в одно времечка, в одну же пору вечером
 А и захворал-то, заболел у Ждана дедушко,
 А через неделёчку-ту дедушко преставилсе,
 295. А и всё именьицо гоставил внуку милому.
 А и потужила егóва матушка родимая,
 А и потужила-то, ведь и слезно гонá плакала.
 А и ни через долго-то поры-времени опять у йих
 А и заболела-та у ей же рódна матушка,
 300. А и поболевши-то она, да не снесла же вот,
 А и не снесла болезни страшную треложную
 А и не через долго-то ведь и времечка преставилась.
 Э и всё осталось тут именьицо дочери любимую,
 А и всё оставалось-то вот и внуку-ту любимому.
 305. А и йихной внук-от, внук любимой, не пожалал же он,
 А и ни пожалал-то он по делам итти да рódна дедушка,
 А и он сказал тогда своей же сказал матушки:
 «А и мне не надобно того дедушково йименьицо,
 А гоставляю всё тебе жа, рódна матушка, —
 310. А гонó было, твоё именьицо, рódна батюшка
 А и со твоей было с родимою со матушкой.
 А и я хочу-то всё именьицо, мать, оставить-то,
 А и ты бери, бери себе, магы, на прожитаныицо,
 А и мя спусти-ко, рódна матушка, на поезданыицо,
 315. А и мне поездить, дóбру мóлодцу, погулять везде,
 А мне-ка дай только, ведь и матушка, вот дóбра коня,
 Вот дóбра только кóня дай же самовó-ко лучшего,
 А и уж ты дай мне-ка ведь и всю же дай орудию,
 А нет орудии-то нету — денег дай,
 320. А и мне-ко денёг дай купить сибe орудию,
 А и вот орудию купить, сказать, богатырьскую!»
 А и тут не беленька берёзка к землi поклоняласе,
 А не мурава-та вот так травинька клониласе,
 А и как не красно тут ведь и золото россыпáлосе,
 325. А и как не чисто тут ведь и сéребро сливалосе,
 А и как не мелкой драгóй жемчуг россыпáлсе-то, —
 А и ведь Ждан ведь кланелса перед своей родимой
 матушкой:
 «А и я прошу гу тибя, матушка родимая,
 А и я прошу у тибя матушка, ни золотой казны,
 330. А и я прошу гу тибя, матушка, не чистого ни сéребра,

- Не дорогого у тебя я платья цвѣтного,
 Вот прошу-то у тебя, мать, благословеньица
 На молоды ты мне летá на утешеньица,
 На пожилы летá мне, матушка, на споминаньице».
335. Тут заплакала его же рѣдна матушка,
 Поились слѣзы горячи из прелесныхъ глаз,
 Во слезах-то гонá благославляла-то чадо милого,
 Чадо милого, своѣго вот любимого,
 Снарезала она его же в путь-дорожочку,
340. Вот давала с собой ему много золотой казны,
 Вот давала с собой ведь много-то чиста сѣребра,
 Вот давала она ему да дрáга жемчугу.
 Как отправилсе премлáдой Ждан царевиць он,
 Вот отправилсе Ждан царевич-от,
345. Как поехал он, всё будто не на кони ехál,
 Полетел он ведь птицой перелѣтною.
 Много времени ведь ехал Ждан царевиць-от,
 Много, много во река́х воды повыбежало,
 Много урослѣ тут шолковѣй травы;
350. Вот приехал у нас Ждан да млад царевиць-от
 На Милитриския приехал слáвны ѳстрова,
 Во премудрыя, премудрыя в науки-ти,
 Как во рыцарьски приехал гон ученьица,
 (В) богатырьски-ти приехал образованьица.
355. Его, дѣбра мѣлодца, Ждана царевица,
 Не пренимали долго всё ёго в ученьица,
 Во премудрыя его образованьица,
 Потому што у ёго не знали про род-племя-та,
 Они не знали, хто у ёго да всё отецъ же есь,
360. Они не знали, хто на роду́ его рѣдна матушка, —
 Привелось Ждану царевицу много треложитьса.
 Но по ёго-то было счастьею великому,
 По талани-то его было счесливою,
 Познакомитьсе ему да привелось же тут
365. Как со сыном-то ведь главного учителя,
 Как ведь главного учителя, само́го старшого.
 Они сделались товаришшами верныма,
 Как дружъями-ти ведь сделались нерозлучныма;
 Как тогда же Ждан царевиць познакомилса
370. С учителямы-ти со всеми всё премудрыма,
 Тогда скоро Ждана царевица-та принели,
 Его принели в премудрыя ученьица,
 Как в восточныя в премудры в заседаньица.
 Как училсе Ждан царевич он не день, не два,
375. Вот не день, не два училсе, всё не три, сказать, —
 Как училсе Ждан царевиц тут двенадцать лет,
 Обучилса, произошол да все ученьица,
 Все ученьица обошол да вон вель рыцарски,
 Образованьица прошол все богатырьские.
380. Когда обучилса он же рыцарѣм премлáдым-то,
 Обучилса когда богатырем-то прехитрым быть,
 Он поѣхал-то тогда же на свиданьица,
 На свиданьица ко матушки к родимою.
 Когда ко матушки приехал ко родимою,
385. Вот не узнала-то его же рѣдна матушка,

- Она думала, что кто ли приехал к ней из рыцарей,
Она не приказала же слугам да всё пускать его.
Как тогда же Ждан царица сел да на добром кони,
Он стучал, стучал в колечушко в золочёное,
390. Ударял-то он в двери, в двери в дубовые:
«Уж вы ой еси, вы, слуги всё ведь верные,
Доложите-тко, скажите-тко оспожи своей.
Госпожи своей скажите-ко, хозяйущке:
Я приехал к ней ненадолго, на мало времечко,
395. Я хочу ведь с ей только повидатисе,
Я ведь хочу с ей хочю жо роспроститисе,
Росказать хочу про дельшко про чудное».
Тут приходили-то слуги ее верные, говорили,
Приходили они к ей да всё говорили;
400. Тут не через долго-то пору да поры-времени
Подходила его матушка родимая,
Не открыла-то дверей ему, говорила:
«Уж ты ой еси, дородней доброй молодец,
Ты премладенькой, скажу, да молодой рыцарь есть,
405. У мя домичок, скажу, не постоялой есть,
У мя квартирушка, скажу те, не отводная,
Не пускаю некогб йиз приезжих-то».
Отвечал тогда ей Ждан да всё царица млад:
«Хошь меня не пускашь, дак силой не могу же к тебе захвати,
410. Передем тебе привет от Ждана-та от царица, —
Ешио Ждан-от ведь царица-от — товариши верной мне,
Товариши верной-от, да он приятель чудной мне.
Мы в одной с йим ведь школочки обучалисе,
Мы в одних были в поез(д)ках в славных рыцарских,
415. Мы в одних были во битвах богатырских-то».
Боле не мог терпеть ведь Ждан да всё царица тут,
Возговбрил-то ведь Ждан да вот таковы речи:
«Уж ты ой еси, моя же матушка родимая,
Отворяй двери скорее на свиданьице!»
420. Тут открылисе ведь и двери-ти дубовыя,
Тут ведь вышла его матушка родимая,
Приузнала тогда Ждана-та царица,
Она ведь скоро подбежала ко добру коню,
Она Ждана-та царица взяла в объятия,
425. Человала-то его в уста в прекрасные во рыцарски,
Обнимала его за его за шею белую.
Как соходил тогда ведь Ждан да со добра коня,
Слуги, слуги же убрали его добра коня.
Ждан ушел тогда во высокия во горници,
430. Во столовыя ушел же он во светлицы,
Тут пошло у ей же здраваньице,
Тут пошло у ей тогда же пированьице.
Росказал-то своей матушки родимую
Про премудры-ти рассказал же все науки-ти,
435. Отнего же зародилсе Ждан царица-от.
Росказала ему матушка про себя тогда,
После его отъезду как вела дела:
«Много сватолось на мне жонихов-то, чадо милое, —
Не пошла же во замужесьво, не прельстиласе».
440. Как гостил-то, жил да млад царица-от

- Он ведь год-от поры-времени у матушки,
 Вот у матушки гостил он у родимою.
 Его матушка родима дело сделала,
 Она продала-та все чернёны свои карабли,
 445. Эти деньги-ти всё давала она ведь Ждану-ту царицу.
 Как во ту пору, во то времечка
 Вот пришла к ему да скоро грамота,
 Скоро грамота пришла же скорописцета,
 Со тех ли всё со славных островов Милотриських-то,
 450. Из военных из премудрых йиз ученицей:
 Как зовут, зовут-то Ждана-та царица,
 Вот на съезды-ти зовут на славны рыцарьски,
 На подвиги-ти зовут славны богатырьские.
 Не хотелось Ждану ехать от родной матушки,
 455. Ему жалко-то ведь было с ей росстатисе —
 Пришло времечко, ведь надоть розлучатисе!
 Как не две реки ведь всё же протекало тут,
 Как не два-то ручеёчка пробегало тут,
 Как не две-то тут зорь утренных тут росставалосе, —
 460. Мать ведь с сыном-то с любимым росставаласе,
 Росставаласе она с йим, ропрошталасе,
 Как в слёзах его всёго замочила,
 Во слезах, во печалюшки россталасе.
 Вот со досады-то, с болезни домой вернуласе,
 465. Во постелечку легла же, захворала-то,
 Пролёжала она ведь тут да чельнёй годичок;
 Через годичок она жо всё поправилась,
 Потужила и поплакала, — делать нечего,
 Повела ж она дом-хозяйство всё по старому,
 470. Как ведь жись пошла у ей всё по досельнёму.
 А Ждан царица-от много через год же он,
 Он везде держал подвиги-ти еройския,
 Вот еройския подвиги-ти славны рыцарьски,
 Те ведь чудныя сражаница богатырьския, —
 475. Как нехто-то ведь не мог же победить его,
 Побеждал-то всех ведь Ждан королевичь йих.
 Вот один-от царь как здумал тут потешитьса,
 Он ведь начел тут да клик-от кликати,
 Штобы съехались к нему все королевичи,
 480. Штобы съехались к нему да все млады рыцари.
 У его-то ведь и была да доць любимая,
 Дочь любимая была она единая,
 Как красавица была собой прекрасная,
 Из-за ей драка проходила везде немалая,
 485. Всё ведь билисе-боролисе да из-за красоты ее,
 Из-за красоты-то ее же из-за дивичею;
 Вот собрал, собрал ведь царь да всё весёлой пир,
 И вот зозвал-то он сибестей из всех же стран,
 При собраньици, при пире да царь говбрил тут:
 490. «Вот я скажу-то вам, дорогы гости мои званые,
 Скажу вам я, — говорит, — я такую речь,
 Что хочу так вот сделать,
 Что хочу дочь любимую замуж повыдать
 Без той ли без драки кроволитною.
 495. Пушшай выйдет моя да дочь любимая

- На то ли на крылечушко высокое,
Она будёт стоять на крылечушку высокоём;
А какой рыцерь иль богатырь-от
Доскóчит да ей на добром кони,
500. Пускай сымет перстень у ей со правóй руки,
За того отдам в замужесьво».
Как сказал царь, так и сделали.
Среди да денёчка белого
Все гости вышли смотреть млáдых рыцарей.
505. Много было тут и рыцарей,
Много было и королевицей,
Много было разных и кнежевицей,
Но некто не мог доскóчить на добром кони,
И некто не мог снять перстень со правóй руки.
610. Дошла линия до Ждана до царица,
Подъехал Ждан царица к тому крылечушку ко высокому,
Стегнул коня плёткой шелковую,
Конь скóчил во весь мах да богатырьской, —
Дóскочил до девицы
515. И схватил кольце он со правóй руки.
Тут все народ закрычали же:
«Вот хватать-имать да слáвна рыцаря!»
Остановилсе тут Ждан царица,
Остановилса, всему народу поклонилса;
520. Брал царь его за праву руку,
Человал его в уста рыцарски,
Повёл его да в светлы светлицы,
Во столовы в царски горницы,
Тут пошло у них да пированьицо,
525. Весёлое да столованьицо.
Шло пированьицо да целой месяц всё,
Через месяц поры-времени
Все дела они покончили,
Пожанил Ждана на своей на дочери любимой.
530. Не через много поры-времени
Узнал Ждан царя, тестя своего,
Что отец ёго, да родной батюшко.
(*Вот тебе и всё!*)
Конечно, и царь знал, но прошло всё в делах тайных-то,
В делах тайных и в неизвесных.
535. А через три года-то поры-времени
Отказалса царь от всего от своего царьсва же,
Хошь не старой был, да на отдох ушол,
Благословил всё царсво Ждана же царица,
Своему сыну любимому.
540. Ждан царица съездил со своей с молодой женой, с царицою,
Ко своей да к родной матушки;
Они ездили, повидалисe,
И гостили у ей да три-то месичя.
Во слéзах звали да родну матушку,
545. Они звали к себе да в ихной город жить, —
Не поехала тогда да родна матушка.
Прошло времени двенадцать лет;
Померли у Ждана тесь и с тешшою,
А детей было двоё у него же всё,

550. Два ведь сына все любимых же.
 Как тогда да Ждан царице
 Он ведь съездил за родной своей матушкой,
 Привёз он во своё да всё во царство же.
 Тогда жил-то да Ждан царице царь,
555. У его жись-то шла да всё счастливая,
 Счастлива да всё талантлива.
 Дети выросли, сделались чудные-ти рыцари,
 Сильны сделались-то богатыри,
 Некто, некто не мог да победить же их,
560. Они всех да побивали же;
 Один сын его да всё любимой-от,
 Старшой сын-от, осталсе при нём же жить,
 Младшой сын же переехал же,
 Переехал да всё во Персию,
565. Поженилсе он на дочери у царя да всё у персийского.
 И той старинушки конец пришол.
 У этого царя да всё у Ждана,
 У его было да на широком двори,
 У его был колодеч очунь глубокой-от,
570. А в том колодце был золотой елець,
 Золотой елець, золоты крылья.
 И той старинушки пришол конец.

№ 93. ДОЧЬ КРЕСТЬЯНСКАЯ

- А и как во единой-то как вот было во деревенки,
 А и у единого же было тут у хресьянина,
 А и у его-то была дочь же вот любимая,
 А она любима у их была же всё единая.
5. А и как хресьянин был не бедной он, прожитосьной:
 А и у его-то много было полей засеено,
 А и вот засеено-то житом всё, пшеницею,
 А и вон имел скота рогатого немало тут.
 А и вот в одну пору, в одно же гон во времечка, —
10. А и захотелсе хресьянину узнать про то,
 А как, каким идут ростеньцом его хлебушки?
 А и как прислуги-ти его да по делам ушли,
 А и он ведь здумал послать же да попроведать тут,
 А и попроведать-то послать да посмотреть поля:
15. «А и ты сходи, сходи, ведь моя же дочь любимая,
 А и любима моя дочь у нас единая,
 А и госмотри ты полюшко само дальнее.
 А и само дальнее-то полюшко во деревенки!»
 Э и не слышалась его дочь любимая,
20. А и она скоро-то, скоро урежаласе,
 Э и снаредиласе девица тут, уредиласе,
 А и как с собой брала она же серьп вострый,
 А и вот пошла, пошла девица поскорешеньку:
 А и как ведь полюшко-то было не по близости,

25. Э и во далёком-то гоно́ было́ росстоянницы.
 Э и как пришла, пришла девица на своё полюшко,
 А и удивлялась-то гона́ такому-ту чуду чудному,
 А и удивилась такому-ту диву дивному:
 А и шьто такó у йих в полюшки случилосе,
30. А и хорошо-то в полюшки урождай уродилосе,
 А и как ведь жито-то и очунь, очунь крупноё,
 А и жито крупное гоно́ же, всё доспелое.
 А и начела тогда девица скоро жать йона́,
 Э и вот нажала гона́ сноп да завезала тут;
35. А и вот хотела же девица тут другой везать,
 А и тут увидела девица виденьё дивноё, —
 Э и как приехал-то ведь и рыцарь на белом кони́,
 Э и на белом-то он кони́, убор золочёной был,
 А и поздоровалсе с девицей он, ей чесь воздал,
40. А и сам такая ей ведь и речи-ти возговори́л тут:
 «А и уж ты ой еси, девица ты душа красная,
 А и йиз лебёдушок-то белая лебёдушка,
 А и у тибя, наверно, от серьпа-то приустиали-то ручки белые.
 А и ты ведь дай-ко серьп же мне, дак я же пособлю тебе!»
45. А не соглашалась тут девица, всё отказывалась,
 А рыцарь всё стоял над ней да кланелсе.
 А и тогда давала ему девица ему же серп вострой вот,
 А и рыцарь начел жать да скоро-на́скоро,
 А и он на́жал ей на минуточки всё же два снопа;
50. А и как хотел, хотел ведь и жать да он третей же сноп,
 А и возговори́ла девица да таковы слова,
 А и таковы она слова да таковы речи:
 «А и тебе спасибо, как дородней-от доброй мблodeц,
 А и на великой-то твоей же помóги-то!
55. А и ты пойдём-ко-се к моёму-ту к рóдну батюшку,
 А и как поедём-ко к родимой-то к рóдной матушки, —
 Э и они росчитаютсе, готець с матушкой, за работушку».
 А и отвечал-то ей ведь и рыцарь таковы слова:
 «А и не пойду я в дерёвенку, делать не́чего,
60. А и делать не́чего в дерёвенки, смотря́ть не́ на что,
 А и твой отец мне со матушкой видать не́ к чему.
 А и ты со мной вот, со рыцарём, познакоимсе,
 Э и познакоимсе со мной, сечас поздороваемсе,
 А и мы ведь бўдём-то дружьями ведь верныма,
65. А и вот товаришшами бўдём вот нейизменныма,
 А и друг-от другу вот всегда да подсоблять бўдём».
 А и говори́ла-то девица таковы слова:
 «А и нечего во пúстом мести здороватьсе,
 А и здороватьсе вот всё-то здесь да всё знакомитьсе,
70. А и если надоть-то ведь правду-то познакоимьсе,
 А и вот по́бдим-ко во нашу-ту во дерёвенку,
 А и как во нашу-ту во селеньицо, где-ка я живу!»
 А и говори́л же тогда ведь и рыцарь таковы слова:
 «А и вот росчитывайсе тогда, ска́жу, за работу,
 (*Смеётся: «Таки́ сказки вам сегодня́ идут! Опять хулиган
 какой-то!»*)
75. А и ты расчитывайсе сечас же за работушку,
 А и за работушку мою такú усердуо:

- А и когда жал-то я тебе же ручкой правую,
 Повредил себе я ручку правую,
 Сделалась мозоль у мя кровавая, —
80. Как сноп-от жать жита, дак вот не перо держать!»
 Говорил-то он ей же да во перьвбй же раз,
 Говорил-то ей да во второй же раз,
 Говорил ей да во третей же раз;
 Тут девица ему говорила,
85. Тут ведь красна слезно заплакала:
 «Уж ты ой еси, дородний доброй мблodeць,
 Ты младой да сын отеческой,
 Ты поверь-ко всё словам моим:
 У мне с собой сѣребра да не случилось,
90. Красна золота не пригодилосе!»
 Тут ведь дородней-от доброй мблodeць,
 Как рыцарь-эт премладой-от,
 Немалу-ту шуточку нашутил он,
 Немалу шутку да очунь гибельню, —
95. Просмеял-то тут да красну девицу,
 (Обесшестил!)
 Насмеялсе да и уехал же.
 Во слезах-то красна девица
 Пути-то, дорожочки не видела;
 От ей слѣз от девичьих
100. Протекла-то рецька быстрая.
 Она пришла домой да приросплакалась,
 Приросплакалась да приростужилась,
 Рассказала про своё несчасьецо, великое огрубленьицо,
 Рассказала да отцу своему, матушке.
105. Тут вздохнули отец с матушкой
 Да проплакали, — да делать нечего;
 Не обвинили они да своей дочери,
 Таки речи они говорили:
 «Счастье твоё и несчастье твоё, да дочь любимая!»
110. Стали свататься на ей да парни разные,
 Парни разные: иише сватались купецески сыночки-ти,
 Иише сватались деревеньские хресьянские дети,
 Сватались дети и боярския,
 Тут и сватались млáды корабельшшички.
115. Отец с матушкой хотели ей взамуж повыдати —
 Ихна дочка-то всё любимая не пошла никак.
 Женихи-ти меж собой всё да розговаривали,
 Розговор вели да розговаривали:
 «Эта что такó да ето за какй дела?»
120. Неидет в замужесьво да така красоточка!
 Она кого-то да дожидаетса,
 Мы не знаем, ребята, кто у ей жених!»
 А как у етой у девицы у красоточки, —
 Не через долго-то ведь времени
125. Она признала сама себя да в положеньици.
 Долго, долго еише-то не знал никто,
 Еишо не знал нехтó, не доверялисе,
 Потому што девица была да очунь смирная,
 Очунь смирная да не гульливая.
130. Как прошло-то всё времечка, прокатилосе,

- Как в одну пору-ту, в одно времечко
 Как дочь-та всё хресьяньская
 Спородила-то она да чада милого,
 (Вот тебе! И другой Жоан.)
 Чада милого, любимого,
135. Своего сына любимого.
 Тут народ-люди сдивовалисе,
 Они руками-ти вси ведь схлопали;
 Долго, долго дивовалисе,
 Долго, долго дознавались,
140. Кто да кто у ей был полюбовничек?
 Ну, ведь сколько ей не спрашивали,
 Хоть сколько ей не выведывали,
 А от ей ответу йим ведь не было.
 Мнóги, мнóги женихи, да парни, сватались после етого,
145. Но она не соглашаласе,
 Не соглашалась, не пошла она в замужесьво.
 День-от за днём да скóрым-скоро шол,
 А час за часóm да всё быстро катилса же;
 Померли у ей да отець с матушкой,
150. Привелось да рóстити цýда милого самой же ей.
 Когда стал да он у ей двенадцать лет,
 Обучила она да мудрой грамоты,
 Отвезла она в город для ученьица,
 Для ученьица, для образованьица.
155. Жил он в городи двенадцать лет,
 Обучалса полного ученьица,
 Премудрого образованьица.
 Приехал сын тогда на свиданьицо,
 Он ведь жил у ей в дерёвенки ровно годицок пóры-времени
160. Хотела матушка споженить да чада милого,
 Чада милого, сына всё любимого,
 (О)на хотела оставить да всё близь себя его
 На стáры дни-ти на свои на пропитаньицо,
 По конець-то своей жизни на поминованьице.
165. Как ведь сын-от ей, матушки, говóрил тут:
 «Нет, не останусь, рóдна матушка, в деревни-то,
 Не хоцю жо, мать, я жить да всё же пахорём,
 Я не пристал-то всё к работушки к тежолую,
 Вот треложно мне-ка, матушка, работати.
170. Как к чаму тогда ведь мне-ка сидеть бýла за уценьицом,
 Как за премудрыма сидеть же мне науками?
 Не оставаюсь я ведь, матушка, в деревни-то,
 Через трóи сутки уежжаю йиз дерёвенки,
 Поступлю я случáём во прикатшечки,
175. Посмотрю, как живут люди в прикатшочках.
 Не пондравитсе в прикатшичках — в чины уйду военные».
 Тут ведь матушка родимая его приросплакалась,
 Как своей она галани-учести попеняла тут,
 Как губителя тогда проклинала же,
180. Она ругала-от ёго, на чом белой свет стойит.
 Ужахнулсе-то тогда ее чадо милоё,
 Он ведь нáчел свою матушку утешивати:
 «И вот не плачь, не плачь же, матушка родимая,
 Не мочи-ко своёго ты лица белого,

185. Ли́ца бело́го не мочи же ты ве́дь нежно́го,
Вот не порти ты от слёз да всё ясных очей!
Не о чём ве́дь, матушка, плакать тебе, не́ о чем,
Тебе есь на шьто ве́дь....есь пропитаньи́цо, —
Во перьвых-то есь на кого надеяться,
190. У тибя есь ве́дь сын же твой любимой-от,
Он накормит, пропойт, да как и следуёт,
Взвеселит-то твою старось вот великую,
Тебе бу́дет хорошо жо жить во ста́ры дни.
Тут собралсе ее сын да в путь-дорожочку,
195. Он спрошшалсе со своей с родимой матушкой.
Повезла же ёго матушка родимая,
В дальнёй город повёзла его в прикатшички;
Привёзла-то гона́ в город во прикашшечки.
Как ве́дь в том-то городу́ да тут ве́дь ца́рь же жил,
200. Вот ве́дь ца́рь-от жил да всё хорошо царал.
И от пошол-то ее сын же тут любимой-от,
Он по городу пошол да всё йискать же, где,
Где бы, где бы поступить ему на должность-ту?
Постречалсе он с купчём с самым богатым-то,
205. У которого ве́дь были торговли свои лавочки
Вот со разныма у его были с товарами,
Вот со разныма с товары с иностранными;
Поздоровались они да познакомились,
Вот наня́лся доброй мо́лодець к купцю же он в прикашшечки.
210. Как купецъ ему да (в)переди всего,
(В)переди всего ве́дь выдал золоту́ казну,
За три годика ве́дь он же ему выдал тут;
Он ве́дь взял-то эти деньги, отдал матушки,
Отдал матушки своей же всё родимую.
215. Его матушка-та всё же тут родимая,
Она скоро с йим ве́дь тут же распрости́ласе,
Распрости́ласе она, слезно́ проплакала,
И вот ве́дь тут же во слезах домо́й поехала.
А осталсе молодой же тут прикашшичек;
220. Во делах-то был ве́дь паре́нь он проворной всё,
Как на счотах-то ходил да скоро-бойко он,
Как купцю-то всё, хозяину, по́дравилсе.
Как други́-ти всё купци на ёго прельсти́лисе,
Они скопи́лись все к нему, да вот зашли же все,
225. Они на́чели его да отзывать к себе.
Говорил тогда пре́мла́дой-от прикатшичок:
«Как ве́дь я не о трёх-то головах живу,
Об одной-то я живу да всё головушки,
Как один солдат да трёх ка́пра́лам не работает —
230. Мне довольнё одно́го всё хозяина».
Тут купци-ти все торговли сдивовалисе,
Таких мудрых слов е́шшо не слыхивали,
Как торговал да жил прикашшичок год же по́ры-времени,
Торговал-то вот прикашшичок друго́й же год,
235. Торговал-то тут прикашшичок третей же год.
Как в одно-то всё ве́дь было утро ранноё,
По восходу-то ве́дь было сонця красного,
Привезли товары в лавочку в его же всё в торговую;

- Он товары-ти вси ведь дорогí да принимал тогда.
240. Как ведь много тут народу вот скопилось,
Как скопилось народ, да всё сошлись туда,
Все красавици-девици на его заглядывались,
Многи, многи они хотели за его во замужество.
(Вот тебе, за прикатшичка!)
Проезжают ведь-ту мимо вот карету-ту,
245. Как карета ехала золочёная,
Сидела дама-та в кореты очунь чўдная,
Очунь чўдная она сама, собой-то всё красивая;
Увидала она премлáдого прикатшечка,
Приказала она кореты остановитесе,
250. Выходила из коретушки золочёною,
Подошла-то она ко млáдому прикатшечку,
Подошла-то она к ему да низко кланелась:
«Я хочу спросить тибя, дороднѣй-от доброй мóлодец, —
Много раз тибя видала проходяшшого по городу, —
255. Ты скажи, скажи, какого роду-племени?
Кто же, кто же вот твои родны родители?»
Отвечал-то ей премлáдой-от прикатшичок:
«Уж ты ой еси, от дама, дама млáдая,
Я не знаю, ты девица или жона мужа ли,
260. Я скажу тибе же всю правду сушшую:
Я служу-живу у здешнего у купця живу,
У купця живу в прикатшичках.
А как матушка у мне же всё родимая
Во деревенке живѣт в моей в родной;
265. Мой отець-батюшка помер, — осталсе я маленьким,
Моя мать сечас родна́, она вдовой живѣт».
(Скрыл свою матушку!)
Говорила тогда ведь дама-та премлáдая,
У ей всё лицо ведь было вот под маскою:
«Хорошо тогда ведь, млáдой прикашшичок,
270. Я хочу сечас с тобой да познакомиться,
Познакомицьце с тобой хочу, поздороватьсе!»
Подавала она ему же ручку правую,
Ручку прáву подавала с золотыма ему перснями-ти,
Как сама она ему да тут говóрила:
275. «Уж ты ой еси, премлáдой-от прикашшичок,
Я беру, беру товару у тя разного;
Только с собой-то у мя денѣг не пригодилосе,
Не пригодилось с собой денег, не случилось.
Вот даваю я тибе на то расписочку,
280. Приежжай-ко-се ко мне ты за расчотиком».
Тут поверил-то в делах-то млáдой-от прикашшичок,
Он ведь выдал ей товару очунь много тут.
На прошшаныицы она ему говóрила:
«Через трѳи-ти ведь сутки привезу тибе,
285. Росчитаюсь я с тобой да по хорошему».
Вот простиласе она, в карету села тут,
Побежали кони вороны скорешенько,
Золотá корета только тут ведь сбрыкала, —
Вот уехала ведь дама, да прошшай, сказать!
290. Вот прошол-то день, прошол. — нехтѳ не приехал тут;

- Вот другой-от день прошол, — да не приехала;
 Вот прошол, прошол ведь трéтей день, —
 Как нехтó же ведь ко прикашшичку не показалсе-то.
 Запечалилсе премлáдой тут прикатшичок:
295. «Немалу-то сам себе я шугочку сошúтил-то,
 Отдал (в) долг товару-то я нá шесь тысецей.
 Теперь как буду я дело его поправливать?
 Засадят мене за то да в тёмную тёмницу,
 Заключат за то в злодейку заключебную!»
300. Потужил-то он, поплакал, — делать нечего!
 Вот прошло-то всё неделя пóры-времени, —
 Вот нектó, нектó к ему не приежжал же тут,
 Вот нехтó, нектó к ему не приходил же туг.
 По поздому-ту было тут по вечеру,
305. По закату-ту ведь было туг сонця красного,
 Приежжает-то ведь скоро, скажом, посол туда,
 Вот посол-от как приехал, скажом, не руськой был,
 Вот не руськой-от посол, да пересийской он;
 Подават-то он прикатшику скору грамоту,
310. Он ведь подал-то, поклонилсе сам и вон ушол.
 Прочитал-то тут премлáдой-от прикашшичок,
 Он потупил-то свои же очи ясные,
 Призадумавши, да он же тут проплакал всё:
 Как зовут, зовут ёго да всё во царьскóй дворець,
315. Как зовут-то, в какой номер вот притти велят,
 Приходить велят в чесу ему в двенадцетом,
 Росцитатьсе хочот дама, как ведь следует,
 Отдать она ему ведь хочот залотой казны;
 Потужил-то тут прикатшичок, поплакал всё,
320. Да ведь всё же ёму делать было нечего.
 Вот собралсе доброй мóлодец, пошол тогда,
 Он хозяйину-купцю да всё сказал об том,
 И вот пошол, пошол ведь он же поскорёшеньку.
 Как пришол-то он к дворьцу же тут ко царьскому, —
325. Не пропускают-то его да слуги верные;
 Он говóрит, что: «к царю же по делам йиду,
 Я несу же к ему скору очунь грамоту».
 Пропустила-то тогда да стража царская.
 Вот по письму-ту пошол да доброй мóлодец;
330. Только сошол он же со крылечушка,
 Со крылечушка пошол же он по лисницам,
 Вот встречали его да слуги верные,
 Повели его в высóки свётлы горници,
 Как во те ли всё во царьски свётлы свётлицы;
335. Дóлга шли они царьскима калидориками,
 Как потом же вот пошли светлыма-то горницеми,
 Долго шли-то они горницеми высокими,
 Наконец же, (о)ни пришли в такó о(т)деленьцо,
 Как кругом будто гонó стоит с светёлками,
340. Как с вырезами ведь была с золочёныма,
 Как ведь с стёклами-то было под восточными.
 Чудно-дивно тут, прекрасно тут смотрítь былó!
 Застучали тут во двери в золочёные,
 Золочёны тут же двери открывалисе,

345. Та ведь дама стретила, котора приезжала-то;
Она брала, брала его да за праву́ руку́,
Обнимала его за шею белую,
Человала его в уста его сахарные,
Проводила в свою спальню вонá в тёплую,
350. Вот садила ёго на мягкой на диван же всё,
Как на ковёр она садила на заморьской-от,
Против чистого-то зеркала восточного;
Как сама она ему да низко кланелась,
Низко кланелась, таки речí говорила:
355. «Ты садись-ко-се, дороднёй доброй мóлодец,
Ты садись-ко всё покушати
Моих кушаньей-то сахарных же,
Разных водочок-то заморьских же!»
Она чога тут не наносила,
360. Наносила разных кушаней-то са́харных,
Настановила разных водочек заморьских-то:
«Уж ты ешь-пей, да сколько хочешь,
Посиди да дождись же ты!»
Как сидел тут доброй мóлодец
365. Он немало-то пóры-времени,
Он сидел тут ужáхнулсе:
«Ета дама-та какá была?
Не сама ли была царица ешшо?
Не царю ли пошла докладывать?»
370. Сечас заберут миня, дóбра мóлодца,
Как под стражу тут под строгую,
Запутают дóбра мóлодца во пúтани во шелкóвыи,
Как задергают дóбра мóлодца во оргáны во железныя,
По напрасному погубят моё головушка молодецкая, —
375. Не узнат о том рóдна матушка!»
Как вдруг двери-ти сткрывалисе,
Вместо дамы-то зашла к ему
Вот девица-та всё красавиця,
От лица ея от девицьего
380. Вот пекло да сонцё красное,
От соньца лучи да нá землю падали.
Она пришла-та тут, поклониласе,
Поклониласе, поздороваласе,
Расказала тут, поведала:
385. «Сама та дама, котора у тибя была».
Повелось тут дельшко немалое,
Они тут да познакомились,
Тут они да поздоровались.
Много, много тут было покушано,
390. Разных водочок тут попито!
Как досы́та, досыта они наедалисе,
А допьяна, допьяна напивалисе;
Тогда брала его за праву́ руку́,
Увела его во спальню тёплую.
395. Повалила-то на кроватьку золочёную,
На перинушку на пухóвую,
(Хорошо парню!)
Под соболиныя одеялышка,
Под соболиныя пухóвые;

- Она сама да не стесняласе,
 400. Ана с ним да повалиласе.
 Они проспали да ўтра тут до ранного,
 До восхода соньца красного.
 Тут ведь в двери-та стучали же,
 Она услышала, тогда скóчила,
405. Открыла двери-ти, возговóрила:
 «Ешшо что вам ведь нужно, надобно?»
 «Зовёт вас отец на свиданьицо с рóдной матушкой,
 На свиданьицо, на утренно угошшеньицо!»
 Отвецяла тут дочка царьская:
410. «Я нейду сечас кушати,
 У мня болит да буйна гóлова,
 Я от цего-то, от какой болезни-то росхвараласе».
 Она тут да розбужала премлáдого прикашшечка:
 «Уж ты вставай-ко-се, дородний доброй мóлодец,
415. Молодой да от прикашшичок,
 Тибе пора типерь домой итти,
 Домой итти, да тебя ждут да всё».
 Тут прикатшичок росстроилсе,
 Он не знат, да как одеватисе;
420. Когда оделса он да приделсе же,
 Она ему тут да приговóрила,
 Вместо шесть тысяч дала двенадцеть же.
(Вот! Живи, прикашшик-то!)
 Обнимала его да за белú шею,
 Человала в уста сахарные,
425. Она отдёрнула диван же свой,
 А под диваном-то в потолоки-то¹ тут кольцо да золочёное, —
 Как дернула за колечушко золочёное,
 Этот люк да всё отдёрнулсе,
 А подземельнэй ход освéтилсе,
430. Там ведь лисници-ти высокия
 Со перилама золочёныма.
 «Ты спускайсе-ка, дороднэй доброй мóлодец,
 Поди ходом-то всё подземельним-то;
 Этот ход-от да доведёт тибя
435. До твоей до торговой славной лавочки;
 В твоей лавочки такой же люк,
 Ты открой его — будешь в лавочки».
 Тут спросил-то млáдой прикашшичок:
 «Ето хто да так устраивал?»
440. «Ето хто да так уделывал?»
 «Ета уделала всё я же так,
 Через неделёчку пóры-времени всё устроила.
 Хорошо-то бóдёт наше теперь свиданьице, —
 Кажну ночку будешь у мине же ночевать во спаленки
445. На моей же на кроватишки».
(Ховошо парню!)
 Так велись дела да год да пóры-времени;
(Вот тебе! Год пóры-времени!)
 Через год-от пóры-времени
 Дочка сделалася в положеньици.

¹ Обмолвка; следует: «в полу».

- На ей ведь сватались много королей да все королевицей,
 450. Много всё царей да всё царицей,
 А каждому жениху да всё отказ же был.
 А персийской-от королевиц с ней знаком же был, —
 В одном ученици сидели, в образованьичи, —
 У йих (заповедь) была така положона,
 455. Что ему нигде да не женитисе,
 А ей ни за кого да взамуж не выходить никак;
 Когда получил он да отказаньиче,
 Тут не лютое-то зелье розгорелосе,
 А молодецкое-то сердце ростреложилосе,
 460. Лепетá в лица его перемениласе,
 Могуцй плечи да расшевелились.
 Тут ведь зачел он ходить по городу, выведывать,
 Выведывать да всё выпрашивать:
 «Что такó с царской дочкой случилосе?»
 465. Ета вышла всё через голь да всё кабацкую,
 Потому что они сами ету путь-дорожочку подземельную роботали;
 (*Вот кто работал!*)
 Рассказали они персидскому королевицу,
 А королевиц-то приехал, ну и говорить да царю в глаза.
 Сперва царю речи не пондравились,
 470. Не пондравились, не пригленулисe,
 Он ведь начел с ним ведь спорить и говорить в спору,
 Что: «неправда ета, не верю я!»
 А королевиц: «От давай смотреть!»
 Когда сделали они проверку и промерку-ту,
 475. Оказалась тут да правда сушшая;
 Не оввинил тут царь да своей дочери,
 А оввинил-то он млáдого прикашшичка,
 Оввинил его да обсудил его,
 Засадил его да в тёмну тёмницу,
 480. Заключение его в злодейку заключебную,
 Он мори́л его смертью голодную,
 Голодной смёртью да всё напрасною.
 У которого хозяина он жил, сказать,
 У которого купца-то у богатого,
 485. Тот купец да каждой день ходил,
 Каждной день ходил да всё, всё смотреть его,
 Приносил каждой день пишша кушати;
 И он сказал ему, как его да обсудили же, —
 Обсудили его на казнь на скорою:
 490. Через трóи-ти сутоцьки поры-времени
 Бúдет скáзнена дóбра мóлдца буйна́ головушка,
 Казнь-та бúдет ёму при всём народи среди всёго города,
 При всём мирушке, при народушке, среди города.
 Во ту пору-то, во то время
 495. Как купець-эт, его да всё хозяин-от,
 Как писал он да скору грамоту,
 Скору грамоту да скорописцету,
 Как его-то да рóдной матушки:
 Описал-то всё, поведал ей,
 500. Что ее-то чадо милоё
 Сидит да во несчасьичи,
 Во несчасьичи да в тёмной тёмници,

- Во злодеюшки да заключебною;
Обсудил ёго да засадил его,
505. Засадил ёго сам да всё же царь.
Тут ведь матушка заплакала,
Ишше рóдная закикала.
Три-то нóченки не спала она,
Три денёчика работáла же,
510. Всё рубашочку вышивала же, —
Как рубашка-та была да шолку белого.
А отшивала-та она да шолкáми разныма,
Шолкáми разныма, красным золотом, —
На рубашочке всё росшила же,
515. Какú жись вела да всё она девíчею,
И росшила, как приехал-та всё тут рыцерь-от,
Как приехал, над ей насмеялсе же,
Насмеялсе-то, обесцестил-то,
Сам, злодей-от, скоро уехал же:
520. «Кажный день-то его ругаю,
Кажную минуту-ту проклиная!»
Ето росшито всё было в рубашочки,
Будто в книги-то отпечатано.
Когда кончила эту работушку,
525. Собралась она, поехала;
Она приехала к купцю, да к тому хозяину,
У которого ея сын служил, —
Купец стретил-то ей с цести, с радости,
Оприютил-то ей с дорожочки.
530. Ночевала-то она у его да ночку тёмную,
А по ўтру-ту, ўтру ранному,
По восходу-ту сонця красного,
Она пошла да со своей жалобой,
Она пошла да к самому царю.
(Она не знала сама, что это отец его.)
535. Она пришла-то, низко кланелась
Как слугáм-то, да слúгам царским же,
А слуги верные до царя пропустили же.
Пропустили да всё поверили.
(О)на пришла к царю да низко кланелась.
540. Пренимал царь у ей да скороу грамоту,
Прочитал да он сказал же ей:
«Уж ладно, так сказать, как его, дурака, да рóдна матушка!
Ты скажи-ка за правду сушшую,
Ты вдова ли, скажи, женшина?»
545. Она ему тогда говóрила:
«Я не об том пришла розговаривать,
Ето дело тебя совсем да не касается,
Не касается да не открывається!»
(Он, наверно, сразу признал!)
Подавал он ей да дорогой же стул,
(Вот тогда уж признал!)
550. Подавал да низко кланелсе,
Говорил да таксыя речи:
«Хорошо, бўдёт по вашему,
Приодéнитса ваша рубашечка;
Его казнь бўдёт завтра в три часа».

555. Тут хотел царь угостить её,
Угостить её да ударить её,
Пробежали у ёго из глаз да горючі слезы,
Но открытсе было никак нельзя.
(Тут сидел, можот, немалой народ!)
Тут уходила прикашшичкова рѡдна матушка,
560. Рассказала пришла купцю богатому.
Она пошла тогда да в тѣмну тѣмницу,
Во злодейку да в заключебную,
Подала она пишии покушати
Своему-то чаду любимому,
565. Посидела с ним, поговѡрила,
Она сыну тут напенивала,
Как родимому проговѡрила:
«Не спускала я тибя, чадо милоѡ,
Не спускала, не давала благословленьицо, —
570. У мяя слышало сердце материнское,
Что тебе, дитю несчастному, да жить во гибели!»
Не через долго-то поры да тут ведь времени
Розлучили сына с матерью,
Розвели рѡдного с родимою;
575. Тут ягѡ матушка родимая
Всю ноченьку проплакала,
Она проплакала, не уснула же,
Во слезах подушочку пухѡвую смочила же.
Как пришло тогда утро ранное,
580. Как взошло тут сонце красное,
Как взошло-то тут, восвѣтило,
Прошел день, скоро прокатилсе же,
Пошло времечко ко трѣм часам, —
Вот поехала его рѡдна матушка
585. Она на казнь тут да всё на скорую.
Только приехала, успела толькѡ доехати,
Как ведут ее чада милого
Все солдаты да новобраньи,
Под караулсм ведут под строгим же;
590. Привели его, постанѡвили.
Подошла его рѡдна матушка,
Она с сыном-то распростиласе,
Роспрошшаласе тут мать родимая,
На прошшаньици она расплакаласе,
595. Подавала она рубашку белую,
Она белую росшитую.
Он ведь скоро тут приделсе же;
Когда приделсе-то, сказал же он.
На все чотыри сторонушки поклонилсе же:
600. «Вы прошшайте-тко, народ, да люди добрые!
Если хочоте судить делá да знать преступника,
Так вы читайте-ко на рубашечки!»
А царю тут за беду пришло,
За великою насмешочку показалосе;
605. Закрычал он да громким голосом:
«Уж вы ой еси, народ, да люди добрые,
Ишше всем читать не позволяйтце,

- Только я буду́ читать один,
Как цитать буду́, дела́ кончать!»
610. Когда он читал да долго, долго же,
Он читал, будто задумалсе;
А почитавши-то, заплакал же:
«Уж вы ой еси, народ, да люди добрые,
Палачи мои немилосливы,
615. Погодите-тко, не губите-ко, —
Ета каз(н)ь сейчас отставлена.
Ето не он виноват, да доброй мблodeц,
Доброй мблodeц, мблodeй жо всё приказшичок, —
А в етом я да виноват во всём,
620. Я ведь сам да нарушил закон,
Обещестил я его да рóдну матушку,
Вот насильём обнасильничел.
(Вот сказал!)
Это сын да всё родимой есь,
Как премлáдой есь царици.
625. Они не знали друг друга́,
Что брат с сестрой родной,
Они без звания познакомились.
А теперь дела́ кончаю же,
Его с дочерью венчаю же,
630. А за его за всё страданіе
Его царём да нарекаю же!»
Тут запиrowали-то свадьбу веселую.
*(Вот как он сыну-то! Скорé чтобы царьство всё сдать!
Чтобы трон уж не снизить.)*
Через трóи сутоцьки пóры-времени повенчали жо.
Тут пошло у йих пиrowаньице,
635. Как весёло-то столованьице:
Отговсюль-то гости съехались,
Они съехались, скопилисе,
Они все да дивовалисе,
Дивовалисе да ужахалисе,
640. Что брат сестру же взял.
Царь сошел да со своёго трону царьского,
А посадил своёго сына же.
Хорошо да стал ведь царь царить,
Хорошо-то стал жить да со царицою.
(Ешшо бы плохо, когда раньше слюбовались!)
645. Но его-то матушка родимая
Не за што не поехала жить во царьство же,
*(Ешшо бы, папа ешшо здоровой! Не прочь, можот,
от своей царицы опеть к ней!)*
Осталась жить да во дерёвенке.
Той старинушке пришол конець.
Чорному морю-ту на тишину,
650. А советьскому народу на послушаньице,
А вот йих вперед пойдёт на пропеваньице.
-

№ 94. ПРО ОЛЕШИНКУ

- А и во одном-то было во селеньици,
 Во селеньици да во деревенки,
 А и во селеньици, в деревенки,
 А был-то, жил-то один кресьянин тут.
5. Он имел же трёх сыноцьков-то,
 А воні были у его, сказать, богатыри;
 А и мало жили-то при нём, они уехали
 Во други края, да где богатыри.
 Он ведь пожил-жил да после них с женой.
10. Как родилсе у его да всё ище сынок,
 Вот сынок его, да сын последней тут,
 А и как родилсе-то, стал расти же он.
 А и стало Олешинки отроду-ту три годка,
 А и тут несчасье у (О)лешиночки случилосе,
15. А велико горе ему же приключилосе:
 А и заболела у его да родна матушка,
 Заболела она да всё скончаласе,
 Воставила своего она да дитя малого,
 Дитя малого гонá да невозрошшоного.
20. Потужил-поплакал его да родной батюшко,
 Его батюшко, отець-родитель, тут,
 Вот потужил-поплакал сам отець его, —
 Делать нецега, да жить ведь надобно!
 А и как потужил-поплакал, ды посудил народ-суседи-ти,
25. Присудили во другой раз ему женитисе;
 А вот женилсе его да родной батюшко,
 Родной батюшко женилсе он в другой же раз,
 И взял он замуж-ту вдову себе.
 А у той вдовы да сын ведь был у ей.
30. Когда пришла вдова в олешиночкин домик-от,
 Не возлюбила Олешинки она с первых дней,
 А и с первых дней Олешинку да не возлюбила,
 Не возлюбила его, невознавидела,
 А и за один ведь стол йисть да не садила тут,
35. Олешиночку кормила по-за себе она;
 Олешинка долго плакал всё,
 Когда седут-то пить и кушати,
 А Алешенку на улицу повыведёт.
 Увидают ребята его на улици,
40. Что ведь плачот Олешиночка,
 Спросят дети: «О чём плачешь?
 О чём, Олешиночка, плачешь?»
 «Мама с татою обедают,
 Кушат-ест сынок мамин-от,
45. А мне же не дают-то».
 Поведут ребята его к бабушки,
 Его к бабушки к родимую.
 Стретит бабушка да Олешиночку,
 Поплачет, порыдат над ним,
50. Накормит-то тут, напоит его же бабушка.
 А отцу-ту тут да ко стыду прийдёт,

- Он пойдёт да к своей тёшшеньки,
 Придёт, спросит у окна же он:
 «Нет ли, бабушка, Олёшиночки?»
55. Тут ведь бабушка ответит-то:
 «А шшо ты спрашиваешь, зять, про Олёшиночка?
 У тебе ведь есть любé да Олёшиночки!»
 «А любой-от, тот да не мой родной,
 А Алёшиночка-то мой родной.
60. Дай ведь, бабушка, его я понесу домой!
 Не приглашай его, дак не придёт к тебе».
 Когда был-то маленькой да Олёшиночка,
 А когда же попрос он же всё,
 Стали снохи-ти ругать да ёго бабушку:
65. «Уж ты, глупая старушка, неразумная,
 Ты зачем приглашаешь да Олёшиночку,
 Разбиваешь отца же с сыном-то?»
 А как мачеха услышала-то,
 Что снохи на бабушку ругаютце,
70. А и начелá тогда наговаривать мужу-то,
 Штобы не спускал же Олёшиночки.
 А как стал тут Олёшиночка лет двенадцети,
 Стал роботать роботушку-ту разную у мачехи,
 Стал он воду-то носить да стал дрова пилить,
75. Стал дрова пилить, стал же вон работáть и в полюшки.
 А отец его уехал жить на фабрику.
 Олёшиночка осталсе он одним же жить;
 А померла у его да рódна бабушка,
 А стало ведь некому жалеть да Олёшиночки.
80. А как ее сынок гулял-ходил, погуливал,
 А как Олёшиночка работáл у ей.
 Алёшиночка нашол да утлу лодочку,
 Утлу лодочку всё заброшону,
 Он поладил, поколотил её,
85. А й как сделал к ней весёлышка,
 Как весёлышка сделал и нашосточки;
 А и стал по озеру Олёшиночка поезживать,
 Стал он песни-ти распевать же тут,
 Зáцел в озери удочкой поуживать да рыбу разную;
90. Он наудит рыбу, всю продаст возьмёт,
 Не стал давать он же денёг лютой мачехи.
 Ето озеро в длину-ту было длинное,
 В ширину было оно широкое,
 А и проезжать-то стал далёко от своей деревенки.
95. Олёшиночка сидит на озери поуживат, —
 Увидали его доцери бабы-то Егой же тут,
 Они начали в Олёшиночку камешками-ти побрасыва...,
 А Алёшинка на них зáцел покрывать:
 «Покиняйтесь, Егисни, вы,
100. Я приеду, вас наколочу же, сколько надобно!»
 А Егисни-ти розгневались,
 На Олешинку ведь пушке всё забросили;
 А Алешинка-та ведь тут забрал да свою удочку,
 Поехал, переехал он ведь озеро,
105. Привезал свою лодочку ко кусточку ко рокитову,

- Побежал тут да за Егиснеми.
 А Егисних-то было троё тут.
 Догонил-то Алешиночка Егисных-то,
 Он схватил йих тут за йихны волосы за длинныя,
 110. Привезал йих-то ко белой берёзеньки;
 Тут Егисни-ти заплакали.
 А Алешиночка зашол да к йим во домицок,
 Он обыскал да еда у йих, —
 В печи мясо-то нажарено, то поел же он,
 115. Кашу с блинами-ти ведь съел же он;
 Он пошол скоро мимо-то Егисних-то,
 Над имá же он насмехайтца:
 «Девки, кашу-то я ведь съел у вас!
 Девки, блины-ти я ведь съел у вас!
 120. Девки, жаркó я ведь съел у вас!»
 Тут Егисни-ти расплакались:
 «Олешиночка, проклятой ты,
 Хошь ты кашу съел,
 Блины же съел,
 125. Хошь жаркó ты съел у нас,
 Отвези-ко хошь ты всё же нас!
 Скоро матушка родимая наедет-то,
 Ей ведь нечего сегодне будет-то пойсть-покушати;
 Нас ведь мама-та за то да б́удёт бить она,
 130. Зацем мы тибя да пропустили-то?»
 Олешинка через йих да перескóцил взял,
 Он сел в сво́ю лодочку, поехал-то,
 А и как поехал он, запел тогда:
 «Съел, съел у Егисни всю еду в печки, я ведь скушал-то,
 135. Сегодне бабы-то Егой кушать нечего!»
 А Алешинка рыбу-ту на́удил тут;
 А котору продал, другú домой понёс.
 Тут ведь мачеха Алешиночку залюбила-то,
 Што вон рыбку приносил да он, правизию,
 140. Своёго сына забранила-то:
 «Ты дурак, дурак — не годитце-то,
 Как ты матери да не кормилець-от!»
 А Алешиночка поел-покушал-то,
 Он ведь скоро тут ведь спать же лег.
 145. Когда баба-то Ега домой приехала,
 Видит: двери не залóжоны;
 Зашла домой, пошла по комнатам,
 У ей нет да дочерей же тут.
 А и поискала, пошла она к озёрышку,
 150. Вот к озёрышку она, к угорышку;
 Э и тут увидела да у берёзоцьки,
 Что привязаны ее же доченьки.
 Отвезала тут дочерей же мать:
 «Вас ведь хто же привезал, да мойи детушки?»
 155. Вас ведь хто же привезал, да мойи милые?»
 Тут ведь дочери заплакали:
 «Привезал нас Алешиночка:
 Мы кинали, мамушка, его камешóчками.»
 «Не плацьте, мойи детоцьки,
 160. Отмешу ему насмешочку!»

- А пришла дóмой баба тут Ега-то ведь:
 «У вас где же, детоцьки, что сегодня напечóбно-то?»
 «У нас, мама, шанёчки, колобочки».
- Они скóцили, бросились — да нет нецего негдé,
 165. В печь-ту бросились — да нет нецего негдé.
 А тогда же вонí заплакали,
 Что съел всё Олешíночка.
 Ихна матушка разгневалась,
 Доцерей свойах она ну же бить:
170. «Зацем не могли перехитрить да Олешíночки!»
 Во слезах Егисни призаснули-то;
 Она поела тут, поела и поужнала,
 Она с коровами да обредиласе,
 Доцерей своих будила-то:
175. «Ставайте, детоцьки мои же милыя,
 Вы попейте молоцька у матушки».
 Не могла разбудить дочерей своих;
 Увалила йих да на перинушки,
 Призакутала да одеялами.
180. По úтру (в)стала баба, напекла всего,
 Напекла всего, настряпала,
 Дочерей своих накóрмила,
 Сама стала уходить от них же всё:
 «Мне-ка нужно, детоцьки, да по делам йитти,
185. А Алешíночки сегодня заманите-тко,
 Его в печь-ту посадите-тко,
 Я хочу олешíночкинаго мяскá покушати!»
 Тут с дочерями-ти она да роспростиласе.
 А как ее доцьки пеценьку-ту топят всё,
190. А как ведь огóнищэк горит во пеценьки,
 Угольё-то россыпаитсе.
 Тут Егисни возговóрили:
 «Топись, топись же, пеценька,
 А жаркá буль ты, очень жаркая,
195. В тебе бóдём мясо жарити,
 Мясо жарити, всё же суп варить,
 Олешíночкино всё же тут,
 Олешíнкино-то мясо будет жаритьце!»
 А Алешíночка на озёрышки поезживат,
200. А свежюу рыбочку поуживат.
 А Егисни-ти увидели,
 Прибежали и спустились ко озёрышку
 На крутой на бережочик-от,
 Как на жолтóй-от песочик-от,
205. Закрыцяли-то они, запели-то:
 «Алешíночка. Алешíночка,
 Уж ты наша серебрíнушка,
 Приезжай-то, Олешíночка,
 Ко крутому бережочику,
210. Ко россыпцету песоцику,
 Нас, красных девиць, обойми да поцелуй,
 Обойми да поцелуй,
 Кашку съешь да ты блинки же съешь!»
 Тут поехал Олешíночка,
215. Говорил он тзковы слова,

- Таковы слова да таковы речи:
 «Уж я вас человать да не хочу никак;
 Кашу, блинны давайте, я покушаю».
 Повели они да Олешеночку.
220. «Давайте каши кушати,
 Буду я блиннычки йисть».
 «Давай-ко, Алешиночка, напередь да сроботай же нам,
 А ты пожарьсе-ко во печки, попекись у нас,
 Будешь лицом белой да румянцом румян,
225. Красотой-то будешь ты да все прекрасной тут!»
 Как тогда Олешиночка сказал же тут:
 «Давайте, ладно, я тако по вас же сделаю,
 Как ведь вам нужно!
 А как вы станите миня, да девки, жарити?»
230. Если прям в горшок положить, не улжусь я».
 «Нет, Алешинка, мы в чугунок с горшком не положим-то,
 На противню-ту будем тибя, Алешинка, жарити».
 А как Алешиночку на противень положили,
 Понесли Олешиночку ко печьки-то,
235. На шесток-то Олешиночку положили,
 Алешиночка-то на противни лежит же он, поляживат.
 Положили Алешиночку на лопаточку,
 А хотели Олешинку посадить же в печь;
 Алешиночка ведь руку вверх же взял,
240. Он ведь ногу-ту ведь все же вверх-от взял, —
 И не можут посадить Олешиночку во печенку».
 «И, Олешинка, неладно вот ведь едак-то!»
 Говорил тогда да Алешиночка:
 «Уж как сядь-ко-се сама да поучи миня».
245. «Так сойди, сойди, Олешиночка, поучу же я».
 Села, села тут ведь старша дочь Егисня-то,
 Ростенула она руки и ноги-ти:
 «Вот ведь едак нужно все же, Олешиночка!»
 И как Олешиночка пехнул в печку Егисню-ту;
250. Говорит-то он другой сестры, Алешиночка:
 «Твоя сестрица во печки-то изжаритца,
 Как ведь чудной-то красавицей-то сделайте.
 Ну-ко, сядь-ко-се, друга, да поучи миня».
 Тут ведь села-то друга да все Егисня-то;
255. Тут ведь сунул в печь друга да Олешиночка.
 Тут говорит-то он третей да все Егисни-то:
 «Ну-ко, девушка Егисня, ты садись-ко-се,
 Уж ты сядь-ко, посиди да поучи миня!»
 Тут ведь села-то Егисня, руки ростенула-то,
260. Резвы ноги-ти свои она ростенула-то, —
 Олешиночка-то взял ей все засунул-то.
 Сам на печьки-то нагрелсе,
 На кроватях належалсе он,
 Взял накушалсе-наелсе и вон пошел.
265. Он на озерышки-то рыбочки наудил,
 Видит, видит: едет баба-то Ега, сказать,
 Она летит-то ведь, баба, все по воздуху,
 Она стала-то на землю опускатисе,
 А (у) ей волшебны-ти ведь крылья все отпали,
270. Отвернулася-то она, пошла да она женщиной.

- Из полей скот ведь прогнала, коров подбила,
И коров-то убрала да овец, загнала их,
Сама ведь по йизбах-то ходит тут, похаживает:
«Где они, девки, убежали, заигрались?»
275. Ну дак придут же вони тогда покушают.
Она собрала-то стол, ведь хочет-то и йисть сидеть:
«Едак скусно-то пахнёт мяско-то олёшинкино!»
Она открыла печь, видит: тут три туловишша тут нажарено.
«На три части, верно, Олешинка розрублен-то».
280. Принесла она на стол, ведь стала йисть ведь, кушать-то,
Сама она сидит да приговариват:
«Скусно, скусно есть меско да олёшинкино!
Я ведь съела у хресьянина-то шесь дочерей,
Шесь дочерей да сему пачерицу,
285. А восьмого-то покушаю олёшиночкино,
Как его-то ведь меско да очень вкусноё!»
Олёшиночка у окошочка поговариват:
«Скусно, скусно-то меско родной ведь доченьки!»
Тут Ега-то баба слезно-то заплакала:
290. «Ох-те тошнёхонько, наверно, моя старша доць погублена!»
Посмотрела-то в печи — признала другую доць;
Она ведь вытнула — признала тут третью доць:
«Я с тобой, Олешиночка, розделаюсь!»
Как Олешиночка побежал тут от окошочка,
295. Он ведь сел во лодочку, поехал-то,
И как со лодочкой со рыбацькой поехал тут;
Он ведь продал-то рыбу на базари-то,
А он достальню же всё домой понёс,
Он поужнал, покушал, скоро спать же лег.
300. По утру-ту (в)стал, умылсе, учесалсе он,
Й ён поехал опять в своей во лодоцьки;
С собой взял же Олешиночка булатный нож,
С собой взял же Олешиночка болту-ту железную,
Вместо той ли он ведь палици железною.
305. А он поудил-то рыбышку, половил же тут;
А баба-то Ега же тут побегивает,
Как пробежала тут баба Ега на крутой бережочик-от,
На рассыпцетой прибежала она песоцик-от,
Она крычала своим же громким голосом:
310. «Уж ты ой еси, Олешиночка, Олешиночка,
Приезжай-ко, Олешиночка, золотиноцька,
Приезжай-ко ты на крутой бережочик-от,
На рассыпцетой приезжай ты на песоцик-от,
Уж ты кашку-ту съешь, да ты блинки-ти съешь,
315. Как молоко-то похлёбай, сметаны помочи у мне!»
Она раз-то крычит, она другой зовёт,
Она другой зовёт, да (о)на третей зовёт, —
Приезжает Олешиночка к бережочику,
Ко рассыпцету-ту он же ко песоцику,
320. А тут хотела-то баба Ега схватить его, —
Он схватил-то ей за ее косы длинныя,
Они забилсе тогда тут, заводилсе,
И тут ведь сделалась-то драка превеликая.
Они ведь бились-боролись двои сутоцьки;

325. И вот как хватил Олешиночка Егу-бабу,
Он ведь кинул-то, бросил ей о серой-от горяць камень, —
Тут ведь бабы-го Егой да тут смерть приишла.
Он россек бабу Егу на мелки-ти на кусочки,
И он розрыл, розрыл воронам да он воронам-то:
330. «Уж вы клюёте-то, ешьте бабу Егу же всё!»
Набежали тут из лесу-ту медведи чёрные,
Медведи чёрные набежали, волки серые.
Олешиночка пошол да в дом ведь бабы ко Егой же тут,
И он нашол много у бабы денёг, красна золота,
335. Он нашол-то много тут же чиста сёребра,
Много былс у бабы драга жемцюга;
Всё ведь склал-то он во сунки, во котомки-ти рыта бархата,
Перевёз-то всё во свой же он во домицёк,
А коров-то всех, овец да табуном гонил.
340. А ее-то подвóрьё взял зажог же он:
«Ты гори, гори, подвóрьё чародейскоё,
Чародейскоё подвóрьё всё волшебной!»
Алешинка себе домицок повыстроил;
К ему наехали-то братьяца родимыя,
345. Научили Олешинку мудрой грамоты,
Научили Олешинку богатырьским ведь поездоцкам,
Они рыцарским-то научили-то подвигам-то.
С годик пожили ведь братья с Олешиночкой,
Они стали-то поезжать, с собой Олешиночку забрали-то,
350. А домицок Олешиночка оставил отцу-батюшку,
Отцу-батюшку с нарежёной он со матушкой.
Алешиночка со братьецами уехал-то.
Про Олешиночку-ту боле ничто не сказано,
Он приехал ли домой ли, не приехал ли?
355. Так ведь думали ведь жители в деревенки,
Он уехал во кзацккия поместьяца.
Там, наверно, Алешиночка поженилсе-то,
Поженилсе Алешиночка, поселилсе-то.
-

№ 95. ПРО ИВАНА, ХРЕСТЬЯНСКОГО СЫНА

- М-м во единой-то ведь было, во единой было во деревенки,
Как жила одна да пожила вдова,
Как у ней-то было всё едино-то чадо милоё,
Чадо милоё у ей, ее любимое.
5. Он осталсе-то от батюшка малёшенёк,
Вот малёшенёк остался он, глупёшенёк;
Вот возростила его же рódна матушка,
Воспоила-то, вскормила от трудов своих,
От трудов она своих от трудовых-то;
10. Когда стал-то ее сын да всё на возрасти,
Он ходил, ходил всегда да во темны леса,
Во темны ходил леса, леса дремучия,
А он стрелял ходил ведь разны там же птици-ти,
Разных птиц-то он стрелял, — да гусей-лёбедой,

15. А и как пернастых-то стрелял он серых уток;
 А и он стрелял же всё да он лесиць-куниць.
 А и как в одну пору сказал да в одно времечка:
 «А уж ты ой еси, моя же матушка родимая,
 А испеки-ко, мать родная, подорожничьков,
- 20 А я пойду, пойду подале во темны леса,
 А и во темны леса пойду я за куницеми,
 А и за куницеми пойду я, за лесицеми».
 А и напекла-то его матушка родимая,
 Напекла ему же матушка, настряпала;
25. Вот наклала йих ведь матушка в суночку,
 Вот во суночку наклала, во котомочку.
 А и когда (в)стало-то ее же чадо милоё,
 Чадо милоё ее же, всё любимое,
 Оно (в)стало-то у ей же всё, умылосе,
30. Вот умылосе, ведь и он же наредилсе тут,
 Он поел, поел-покушал, сын, позавтракал,
 Одевал-то платьё все же он полёсничесько,
 А он простилсе со своей же с матушкой с родимою,
 А и он пошел, пошел тогда да во темны леса.
35. А и как когда пошел ведь парень во темны леса,
 Во первы́х же настрелял же дици много он,
 Настрелял-то много, он понёс же ношами,
 Он ведь вынес-то, ведь продал на базари-то,
 Накупил же он товару, тогда домой пошол;
40. А и пришол-то к родной матушке, всё же отдал ей.
 А и как по ўтру тут ведь, тут же ўтру ранному,
 А и снова, снова-то парень тот пошел же в лес,
 А и он настрелил-то ведь и дичи, дичи много тут;
 А и как пришол-то он ко матушки, принёс же ей,
45. А и дичь-ту отдал тут сын матери, опять пошол.
 А его матушка вслед бежала, голосочиком крычала тут:
 «Ах ты, чадо, ты, моё чадо любимое,
 А и ты куда, дитя, в такую погодушку?
 А и воротись-ко, не ходи же ты, послушай-ко матушки родимою!»
50. А и сын-от матушки родимой возговóрил-то:
 «А уж ты ой еси, ведь матушка родимая,
 Недалёко я схожу да скоро назадъ приду».
 А и тут ведь и мать-то как с сыночком как рассталасе,
 Мать-старушечка назадъ скорó вернуласе,
55. А сын, пошол-то он вперёд да во темны леса,
 А и во темны-ти он леса да во болотика.
 А сбुшевалась тут погодушка немалая,
 Она падала с дожджами йи с погодами.
 А и тут не мог-то выйти сын же к родной матушки,
60. А и (в)место-то своей-то он родной своей деревенки,
 А и он ушол, ушол, сказать же, во темны леса,
 А и во темны ушол леса, во мхи во жидкие,
 А и как ко тихим-то ушол же он ко заводям,
 А и ко приглубистым ушол к тихим озёрышкам.
65. Э и как пристыгла-то, догнала его ночьюка тёмная,
 Э и ночка тёмная его долга́ осенная,
 А й тут ведь привелось-то ночевать да тут полёсничку,
 А и привелось ему начевать да всё среди полюшка-то чистого,
 А и начевать ему привелось всё под елинушкою,
70. А и под елинушкою начевать же всё под густою;

- А и поел, поел ведь из суночки подорожничков,
 А и как попил, попил воды же йиз источника,
 А и перекстил лицо же он тут крестным знаменем,
 А и повалилсе скоро спать да под елушечку.
75. А вдруг ведь видит: едет, едет на добром кони,
 А и богатырь-от едет — видит он — нарядной-от,
 Э и сидит в платици богатырь же в богатырском он.
 А и как ведь конь-от под йим да всё богатырской есть,
 Э и богатырской конь ведь есть же, Воронеюшко,
80. А и стремена его в ногах да золочёные,
 А и как седлышко у его же есть черкальской,
 А вонó покрыто сверху всё же красным золотом,
 Э и ведь убор-от богатырской — красным золотом.
 А и вот как проехал-то, —
85. Бпреди его, богатыря, два соколá летит,
 А и два соколá летит же перелётных тут,
 А и позади богатыря да две куны бежат;
 А и вот поехал мимо его богатырь на вороном кони, —
 А и как сырá земля ведь вся же колыбаласе,
90. А вси ведь тихие озёрушка зволновалисе,
 А и вот морской волной они разливалисе;
 Э и как проехал-то богатырь мимо его же всё,
 А и вот проехал мимó его, остановилсе он,
 А становил богатырь-от белóй шатёр,
95. А й он белóй шатёр становил белополóтненой,
 А и он покушал и поел, да скоро спать же лег.
 А как по úтру-ту ведь было тут по ранному,
 А и розыграласе погодушка большá весьма,
 А и тут дожд-от всёго смочил, братцы, полёсничка,
100. А и он, полёсничок, от (в)стал да поглядел-то он,
 А и поглядел-то он на вси четыре стóроны,
 А увидал-то недалёко он белóй шатёр,
 А и вот белóй-от он шатёр белополóтненой,
 А и он ведь пошол, пошол тогда да ко белú шатру, —
105. А и как ведь етот-то белóй шатёр белополóтненой,
 А и был обтянут ведь он же рытом бархатом,
 А и рытом бархатом обтянут, изукрашон он, —
 А и он зашол, зашол в шатёр, да не спросилсе он,
 А и не спросилсе он зашол, не доложилсе он.
110. А й во шатры-то тут, ведь скажом, белополóтненом
 А и стоял тут столичок дубовой-от,
 А и на том столицьки ведь кушанья накладены,
 А и тут ведь и кушанья накладены разны всякие,
 А и тут напитокцьки накладены заморские, —
115. А и как покушал-то, поел же тут полёсничёк,
 А и он досыта-то наелсе, сколько он хотел,
 А и он допьяна-то напилсе, сколько ведь сам желал.
 А и как-то не захотел же он тут и вон йитти,
 А увидал, што он, богатырь, спит в белóm шатру,
120. А и долго стоял-то, гледел-смотрел на него, присматривал:
 А как богатырь-от ведь спит красы прекрасною,
 А и по красоты-то можно знать, да что по личности,
 Э и што ведь есть-то тут богатырь не простых родов,
 А и не простых-то он родов да не хрестьянских всё.
125. А и повалилсе е йим ведь рядом-то полёсничёк.

- А и утомилсе во путях же тут полёсничек,
 А и он заснул, заснул-заспал ведь он скорым сном;
 А и может быть, долго-то проспал да пролежал бы он,
 А и вдруг ведь будит-то его, будит-разбуживат:
130. «Уж ты ой еси, ведь (в)стань-ка, (в)стань, да доброй мóлодец,
 Доброй мóлодец, (в)стань-ко ты, отецькой сын,
 А и мне надобно скорó держать же бой,
 Мне держать же бой ведь скóро, поединоцёк!»
 А и как тогда ставал, ставал полёсничёк,
135. Он ведь падал тогда да дóбру мóлодцу,
 Он ведь падал ему да во резвы́ ноги,
 Возговóрил-то ему да таковы слова,
 Таковы слова ему, таковы рецй:
 «Ты прости, прости, богáтырь, ты миня вины,
140. Э и что зашол я к тебе без позволения,
 Без позволения я к тебе да без доклада-ту, —
 Потому зашол, что я прозяб совсем,
 Я зашол к тебе погретисе,
 А я со голоду у тя же всё покушал-то».
145. Возговорил в ответ ему богáтырь-эт:
 «Нецего́, ето всё тебе простительнё,
 Не полóжу в обидушку в великую.
 А до тибя у мя же есть делá:
 Сослужи же мне ты службу верную,
150. Службу верную, всё же нейизменную!
 А тепереце сёдём, покушаем».
 Тут сидели богáтыри, кушали,
 Они кушали кушанья сахарные,
 Запивали они же разныма-то водками;
155. А и вонй долгó посидели тут, покушали,
 Разных водочек тут попили;
 Возговóрил тóгда богáтырь-от:
 «А уж ты ой еси, молоденькой полёсничек,
 А и попрошу тибя, да сослужи же мне,
160. Сослужи-ко мне-ка службу верную,
 Службу верную, да нейизменную:
 А и через час-от поры-времени,
 Как суда придёт-то богáтырь-эт,
 Он и собой же очунь сйльнёй есть:
165. Я ведь с йим да всё билсе и боролсе-то, —
 Его не берёт же сабля вострая,
 Не берёт его кóпье богатырьскоё,
 Не берёт ёго палица тежолая.
 А если буду я же с йим боротисе,
170. Вот боротьце с тóбой, битисе,
 А и поноврови-ко, я скажу,
 Подкарауль ты, стой да всё просматривай;
 Кóгда я с йим буду битисе,
 Кóгда битисе-боротисе, —
175. Э и если он миня побóрёт-то,
 Если сядет он да на белы́ груди́,
 Если захочот он спороть да гру́ди белые,
 Он захочот вы́неть моё серьцо́ молодецькоё,
 Молодецькое да богатырьскоё, —
180. А когда он сёдёт на белы́ груди,

- Ты тогда-то просмотри же тут,
Ты ведь стрель-ко-се в его тогда!»
Тогда друг с дружкой условились,
Полёсничек ушёл к елушечки,
185. Он ведь стал-то тут в густую ель,
А богатырь сел да на добра коня.
Не через долго тут да вот как времечко
Две ведь тучи тут сходилосе,
Две же тёмных тут накаталосе,
190. А и тут как ведь не две горы крутых вместях сходилосе, —
А и два богатыря съезжалосе,
Они съехались, заборолисе;
Они бились-боролись тут же ровно три часа,
Соходили они скоро со добрых коней,
195. Стали, стали они биться рукопашным боем-то,
Долго бились боём рукопашным-то,
Друг ведь друга не могли да победить никак.
А тут ведь красно солнышко да закаталосе,
А и как светел день тот пошел ко вечеру;
200. Подкорючил богатырь у богатыря,
Подкорючил у его да ногу правую,
Опрокинул у его же ногу левую, —
Тут ведь падал богатырь на сырú землю,
А богатырь-от садилсе на белы груди,
205. Он хотел спороть ему да груди белые,
Досмотрить хотел у его да ретивó серьцó,
Ретивó серьцó со печеню.
А й как во ту порú, во то время
Тут полёсничёк немного да розговаривал,
210. Потихонечку пополз туда,
Он спустил, спустил да из своей же из пицалюшки,
Он спустил, спустил да скоро пулечку.
И прилетела ета пулецька,
Розлетелась прямо во богатыря,
215. Во богатыря в его буйну головушку, —
Тут ведь падал-то богатырь на сырú землю.
Тут ведь скóцил-то богатырь на резвы ноги,
Он хватал тогда саблю вострую,
Отрубил он у богатыря да буйну голову;
220. Подходил тогда к полёсницюку,
А и он ведь падал ему же во резвы ногы:
«А и тибе спасибо, младенькой полёсницёк!»
А и целовал его в уста да во сахарные:
«Теперь пойдём-ко-се со мной да во белой шатёр,
225. Во белой шатёр белополóтненной,
Пойдём со мной, покушаем,
А и тепере будь-ко мне-ка крестовой брат,
Ты крестовой брат, да мне названой друг.
А и теперече тебе сказать хочу про всё,
230. А сказать про всё, что я ведь желаю рассказать всегда:
Во первых, хочу спросить да я тебя теперь,
По одежды вижу я, что ты полёсничёк,
По родам, скажи же, кто же ты?»
«По родам, сказать, хресьяньской сын,
235. У мя в живых-то нет да óтца-батюшка,

- Я от батюшки осталсе-от малёшенёк,
 От родимого осталсе я глупёшенёк,
 А возростила миня да рódна матушка;
 У мня только есть да всё одна же рódна матушка,
240. Рódна матушка моя же есть родимая,
 А я ведь сын же, (у) ей одно дитя.
 А заблудилсе теперь, не знаю, моя же где родимая сторонушка,
 Где ведь мать моя родимая.
 Про тебе же хочу же знать?»
245. «Я скажу тебе про себя же всё:
 Я ведь есь Иван ведь, руськой богатырь, скажу;
 Сколько, сколько я везде не ежживал,
 Сколько, сколько я в боях да я боролсе-билсе-то,
 А не видывал едакого богатыря, —
250. Он, богатырь етот, был да пересийской-от,
 Он какой-то у них был да всё же пленник-от,
 Не из пересийских-то родов, да из дикарьских-то,
 Но он силою был сильней-от,
 Он ведь храбросью-ту храброй был.
255. А не мог я, не победить его некак бы мне,
 Не убить бы некак, не победить его.
 Но сегодня мы ведь здесь попьём, покушаем,
 А потом же мы да отдыхать будём,
 Отдыхать будём, просыпаетисе».
260. Тут ведь попили, поели-то,
 Вот поели, побеседничали,
 Они стали-то тогда да отдыхать лёжать,
 Повалились-то тогда богатырь с полёсницьком,
 Повалились они на подушочку на пуховую,
265. На вэйлучск на мяккой-от,
 Под одеяло под соболиноё.
 Тут заснули скоро, заспали;
 Конь богатырьской-от стоял да у елушочки,
 Он ведь ел-кушал пшеницу белоярову,
270. Перед ним стояла вода налита всё медовая.
 Тут ведь спали-то, поспали немало-то,
 А й жировали-спали трби сутоцьки,
 А на четвёрты-ти розбужалисе,
 Они свежой водой да умывалисе,
275. Полотеньцеми шелковыма утиралисе;
 Росчесал у полёсницька Иван, богатырь же руськой-от,
 Росчесал его желты кудри,
 Он ведь вынул из сумочки-котомочки, —
 Та же сумочка была да рыта бархата,
280. Она росшита была да красным золотом,
 Прострочбна была да чистым сёребром,
 А как рассяжбна она да драгим жемчугом, —
 Из той суночки повынул он тут одежду-ту,
 Уредил он брателка названого,
285. Он названого брателка, крестового.
 Тут сказал он брату-ту названому,
 Он названому, крестовому:
 «А и как куда, куда везти тибя?
 Как ко матушки ли везти тибя к родной, сказать?»
290. Иля показать тибя моему отцу-родителю?

- А я ведь думаю, советую,
 Как всего луччѣ тебе ехати
 Ко моѣму ко отцу, да ко родителю,
 Ко родителю, к отцу да ко родному-ту,
295. Ко моѣму всё, сказать тебе.
 Мой отецъ же всё король же есть,
 Он корель-отъ есть, да я тебе скажу,
 Он корсль-отъ есть флорийской-отъ;
(Вот, вишь, флорицкѣй, — откуль эта жена была гаукова-то!).
 А я — его же сын любимой-отъ,
300. Я — любимой-отъ ведь его сын единой-отъ,
 Миня называютъ Иван, богатырь ведь русьской-отъ.
 А и тут убиралъ ведь скоро Иван, русьской богатырь тут,
 Убиралъ-то онъ белѣй шатѣр,
 Убиралъ его, укладывалъ,
305. Он уклалъ его, увывывалъ.
 Тогда садилъ братá названого,
 Вот названого, крестового,
 Он садилъ его да на добра коня,
 Он садилъ его, увязывалъ,
310. Вот увязывалъ накрепко тут его крепко-то, —
 Не бывалъ онъ (ни)когда да на добромъ коне, —
 Чтобы не спал, не спалъ же онъ да со добра коня;
 А и тогда же ведь ѣн его усадилъ же тут,
 Крепко-накрепко увезалъ его,
315. Онъ ведь сам садилсе на коня на богатырьского,
 Они скоро-то, наскоро поехали.
 Тутъ ведь гледелъ сиделъ, поглядывалъ,
 Вот поглядывалъ полѣсничѣк, посматривалъ;
 Сколько ехалъ онъ, проехалъ тут темныхъ лесовъ,
320. Сколько ехалъ онъ, проехалъ зеленыхъ луговъ,
 Сколько ехалъ онъ, проехалъ зеленыхъ садовъ,
 Сколько ехалъ онъ, проехалъ тут городовъ разныхъ, деревенок!
 Посмотряли много городовъ разныхъ, деревенокъ,
 Как народу-людей тутъ ведь разного;
325. Вот приехали во городъ во фролийской-отъ,
 А и подѣхали вони к стѣны да к городовую,
 Как ко той ли ко башни ко высокою,
 Отворяли тут ворота городѣвые;
 Тут заехали, приехали ко дворцу же ко королевскому,
330. Тут стречалъ, стречалъ король же ѣихъ,
 Вот король встречалъ да с королевою, —
 А и коней отдали слугамъ, сами пошли они,
 А и во калидоры-ти пошли во королевские,
 Во высѣки-ти пошли они во горницы,
335. А во свѣтлы-ти пошли да они свѣтлици, —
 Тут стречалъ ѣихъ король да с королевою,
 А все народъ люди да со всего города;
 Они приехали, с дорожочки умылисе,
 Вот умылисе, уредилисе,
340. Светлорусы волоса да расчесали же,
 В свѣтлы платыца вони да наредилисе,
 Тогда пошли же вони да ѣистъ ведь, кушати.
 Проводилъ тогда Иванъ богатырь-отъ,

- Как богатырь Иван русьской-от,
 345. Своего брата названного
 Во большо место в почётное,
 Он садил его, усаживал
 Вот за столичок точеной-от,
 За точёной золочёной-от,
 350. На ковёр садил на золочёной-от,
 Он как на стул садил да рыта бархата
 Против зеркала восточного,
 За салфеточки золочёные,
 За кушанья за разные,
 355. За питья же за заморьские.
 Они покушали-поели же,
 Тогда пошли они отдыхать тогда;
 Они спали-прохлаждались трои сутоцьки.
 Тогда (в)стали, приумылисе,
 360. Приумылисе да учесалисе,
 Они все же уредилисе,
 Тогда пошли они да во королевски горници,
 Поздоровались да с отцом и матушкой.
 Кака сказал тогда Иван, богатырь русьской-от,
 365. Рассказал-то про своего гостя-та,
 Что ведь он же спас от гибели.
 Тогда король брал его за руку ту за правую,
 Человал его в уста в сахарные,
 Также стала королева-та,
 370. Королева, его да родна матушка.
 Король тогда сказал ему:
 «Я теперече за твою за службу верную,
 За услугу-ту за славному богатырьскую,
 Назову тебя своим сыном,
 375. Как своим же сыном младшим-то.
 Ты зови меня теперь да отцом-батюшкой,
 А королеву-ту, мою жену, да своей матушкой!»
 М-м он жил-то, пожил, скажом, с год у них,
 Он ведь жил-то, пожил же года два, сказать,
 380. От и пожил-то у них, да тут и три прошло.
 Ище ездили они везде, розъезживали,
 Вот гуляли-то они везде, разгуливали,
 Много-много-то богатырь Иван, русьской богатырь-от,
 Много ездил он везде, билсе с богатырьми,
 385. Он ведь билсе тут со рыцереми с премладыма,
 Вот с пречудными-ти рыцереми с премладыма.
 Когда прошло-то тому времени три-то годицька,
 Тут ведь прожил-то минной королевиць-от.
 И как ведь спали-то два же брателка в одной спальни,
 390. Во одной-то они во спальни, спальни тёплую;
 Изукрашена та спальня была, изнаряжона:
 Тут стояли-то кроваточки точёные
 Вот точёные стояли-то золочёные,
 А и как перинушки на них были пуховые,
 395. А столовиць-ти были тут украшоны,
 Они унаряжоны тут пухом, унаряжоны,
 Одеялышка у них были соболиные;

- А и они ведь спали-то лежали —
Кровать была возле кровати их.
400. Иван, руськой богатырь, да он не спал никак,
Он не спал, не спал никак, да только так лёжал,
Только так лежал, лёжал да всё выслушивал,
А он ведь слышит-то, слышит, что брат-то младшой плачот он,
Плачот, плачот он да всё приплакиват;
405. Слышил, слышил он ведь всё же вот во пёрвую ночь,
А и слышил, слышил всё же он да во другую ночь,
Слышил, слышил он да всё в третью же ночь;
А и стал же, стал же тут выпрашивать:
«О чём плачешь ты, мой брателко любимой-от?»
410. «О чём же ты соскучилсе?
Скажи, скажи-ко, не утай же ты,
Кто тебя да огневил, скажи,
Кто тебя да всё озлобил всё?»
А и долго, долго он не сказывал,
415. Долго-долго не открывал никак;
Наконец же, он сказал ему:
«Хорошо живу у вас я, брателко,
Пью я, ем же, чого мне-ка душа бажит,
Чего душа бажит, да мне-ка хочитце,
420. Ношу платьё да всё же цветно разноё,
Сплю на перинушках пуховых-то,
Ем ведь, кушаю на золотых блюдьях, на серебрянных —
Цего нету у миня да во моих глазах,
Во моих глазах да во моих устах!
425. А я соскучилсе по своей по сторонущи,
О родной своей деревенки,
Пушке бйшшици соскучилсе о своей я о родимой-то о матушки,—
Она, может, у миня сидит голодная,
Вот холодная, голодная,
430. А и как ведь мне-ка ей цего-то стало очень жаль же всё!»
Отвечал ему да брат его нареченной-от,
Ишше тот ли богатырь Иван-от, руськой богатырь же сам:
«Не плачь, не плачь же, брателко,
Не рони же слёз по напрасному,
435. Не мочи-ко-се своёго лица белого,
Не слези-ко-се своих да очей ясных-то,
Не растраивай своёго ретива сердца,
Ретива сердца со печенью!
Если хочитце видать да родну матушку,
440. Привезём ей, мы достанём-то,
Мы отправим чёрны карабли, —
Там разышшут, привезут же ей».
«Уж ты ой еси, брат нареченной-от, —
Моя матушка-то — старая;
445. Не пойдёт на чернёных она караблях,
Потому што она старая,
Ужахнётся полат ваших королевских-то, —
Она можот с ужáху помереть скорб.
Уж ты сделай мне-ка милось ты великую,
450. Как о чём я попросить хочу:
А и уж ты попроси-ко своего отца-родителя,
Чтобы отпустил он миня на родину.

- Я соскучился об матушки,
Не могу боле у вас же жить!
455. Если вы меня задержите,
Как задержите, не отпустите,
Я ведь скоро всё помру с тоски;
Как тогда, бывает, поверите.
Вот поверите, да поздно бѹдет-то!»
460. Возговорил тогда Иван, богатырь русьской-от:
«Я ведь верю, брателко нареченной мой,
Ты, нареченной брат мой, названой-от, —
Каждому своя-то сторона родна мила бывает;
Но сегодня-то поспи же ты,
465. Не печалуйся, спи-ко преспскойно сном;
Когда завтра-то пойдѣм да мы же завтракать,
Как ведь завтракать пойдѣм, закусывать,
Отец будет нас стречать тогда;
Когда мы же с ним да поздороваемсе,
470. А я во ту пору скажу ему».
Тут призаснули скоро братьица,
Они спали-просыпали по приятному,
По приятному всё же, по хорошему.
Прошла ночка-то, как ведь следует;
475. По утру братьица да пробужалисе,
Пробужалисе да урежалисе,
Они всё же приумылисе,
Приумылисе да рочесалисе,
В цвѣтно платьицо оделисе,
480. Они пошли же к отцу, к матушки здороватьце.
Когда они же поздоровались,
Иих проздравили да с утром ранним-то,
Когды сели они да йисть, да кушати,
Тогда стал говорить Иван, богатырь русьской-от,
485. Своему вон отцу, да родну батюшку:
«Уж ты ой еси, родитель, отець-батюшко,
Отец-батюшко, родитель наш,
Твой ведь сын-от всё любимой младшой-от,
Он соскучилсе, хочет всё на свою родиму сторону,
490. Во деревенку свою да он же родную,
Он ведь хочет видеть свою да родну матушку!»
Тут король ему говѣрил-то:
«Что ты, сын, тоскуешь по напрасному?
Ты ведь хочошь если видать родну матушку,
495. Тогда достанем, привезѣм её».
Тут ведь (в)стал-то он да поклонилсе-то,
Говорил он таковы речи,
Таковы речи да таковы слова:
«Уж ты ой еси, ведь папенька,
500. А и что хочошь со мной делай же,
А и ты казни — готов я смерть принять,
А живым оставишь — будет твоя милость великая!
Я хочу тебе да таково слово промолвити:
Я хочу ведь видеть свою родну деревенку,
505. Я хочу да видеть свою родну матушку,
А всё ровно она не поедѣт сюда никак».
Говорил тогда богатырь Иван русьской тут:

- «Я ведь верю, папа, всё везде
«Каждому человеку страна своя ка́жот прекрасная».
510. «Но нечего, сы́нок, делать-то,
Тибя надоть спроводить тогда,
Спроводить тибя да во дороженьку.
Жаль тибя отпустить, да всё приводитце!»
Тогда Иван, богатырь русьской-от,
515. Возговóрил своему гон отцу-батюшку:
«Уж ты ой еси, родитель мой же, батюшко,
Ты, король же флорицкой свет,
Ты, король же с королевою,
А и тебе надобно запла́тить брателку за работушку,
520. Рассчитаться за миня тебе!»
«Хорошо ты ето говóришь, дитетко!
Я ведь старой стал, дак всё беспаметной.
Подошел король тогда да низко кланелсе:
«Ты бери, бери, сынок, да чего хочёшь-то,
525. Чого хочёшь-то да по своёму всё желаньицу!»
А возговóрил тогда сынок старшой-от:
«А ты... ежели надоть красно золото,
Я даю тебе да сколько нужно-то;
Если надоть чисто серебро,
530. Оно тоже бу́дет выдано».
А тогда возговóрил да младшой брателко:
«Мне не надоть, папенька, да краса́на золота,
Мне не надоть чиста серебра».
А и как тогда возговóрил его да все же брателко,
535. А и его брателко Иван, русьской-от богатырь-от,
А и как тогда же сказал отцу своёму, родителю-батюшку:
«Ударй его таким подароцьком:
Отдай яшшичок-от в яшшички».
«Что ты, сын, да говоришь же всё?»
540. Во своём ли ты в рассудоцьки?
А и во полном ли во разуми?»
Тогда младшой сын да возговóрил-то:
«Если жалко тебе, папенька,
Не давай мне, не прошу тогда».
545. Иван, русьской-от богатырь-от,
Возговóрил он тогда ему:
«Не жалел, верно́ же, ты меня,
Не жалешь же и сичас миня,
Не рад, наверно, что я жив осталсе-то!»
550. «Что ты, сын, не дело-то говóришь же!
Если ты живой да не приехал-то,
Я б давно лежал в могилушки,
Во могилушки зарытым-то, —
Не перенести же мне-ка той досадушки,
555. Как не мне, не моей бы королевы-то,
Со печали-то мы оба померли.
Я отдам и яшшик в яшшичке,
Я отдам, не пожалею я;
Только всё равно же, я скажу,
560. Ему всё равно да не совладать бу́дет,
Не совладеть бу́дет, ёго оммáнят-то, обля́сят же».
«Полно, папенька, говорить слов непонятных-тэ,

- Он не глупой, что так же сделайт!»
 «Но я дарю, дарю же яшшичик в яшшички;
 565. Кóгда бóдет поезжать в дорожечку,
 С нами будет он да рoспрошшатисе,
 Подарю я ему да яшшик в яшшичке,
 Я ему тогда отдам да золоты ключи». Говорил Иван, богатырь руськой-от:
570. «Ну, теперь хоть знаю, что подарить ему подарочок,
 Я ведь знаю, что он будет ему хорошой-от.
 Но тепере, отець-батюшко,
 На каком кони да отвезут у тя?»
 «Кóней есть у мя же, дитятко,
 575. За конёми дельшко не станёт-то». «А кони те не знают у тибя пути-дорожочки;
 Надоть коня-то дать же, батюшко,
 Он называется «Гнилы Глаза,
 «Гнилы Глаза, Пробиты ти жи всё Бока».
580. «Што ты, дитетко, говоришь тогда!
 Этот конь стоит за двенадцатью дверёми за дубовыма,
 За двенадцатью засосами железныма, —
 Этого коня да нужно мудро брать,
 Этого коня нужно объезживать;
585. Некому бóдет не поймать его,
 Некому его же не розмять бóдет!»
 «Не жалей коня, да рóдной батюшко,
 Объездим-то его же, как ведь следует».
 «Делать нецего, послушаю,
590. Спровожу его на том я кони;
 Только его нужно завтро уметь забрать,
 Уметь забрать, уметь объездить же,
 А послезавтра и в дорожечку».
 Как сказал король, да так же сделал он:
595. «Завтро бóдет конь новыдан-то».
 Кóгда поужнали, покушали,
 Роспростились на ночь с королём же сыновья же, с королевою.
 Пожелали йим же ноци-тс спокойною,
 А король-от с королевой им же сна да всё спокойного;
600. Кóгда пришли братья в свою спаленку
 Последню ночку да ночевати-то,
 Стал Иван, богатырь руськой, тут рoсказывать:
 «Кóгда яшшик отдаст да он же в яшшички,
 Ты, смотри, до дому не смотри некак,
605. Золотых ключей да не теряй некак.
 А конь-от, будет всё греметь да всё же он,
 Все двенадцать дверей да приломат же он,
 Все двенадцать-то цепей да изорвёт же он;
 Этот конь-то бóдет да только предлог один,
610. Кóнём будет-то ведь сам готець,
 Сам отець, да наш родитель он.
 А как я сказал тебе по тайности всё да по дружбенной,
 А что открыл тебе тайность я великую:
 А мой отець-от, все родитель-батюшко,
615. А он у мя же есь волшебник страшной-от,
 А и по поднёбесью же он да всё орлом лётит,
 А по земли-то гон всегда конём бежит.

- А ето за твое добро за вечное
Я должён, должён да ударить тебя;
620. А некто люди не знают, што етог конь же есть,
Етого коня люди считают за настоящего,
За настоящего люди считают, будто есть конь,
Будто есть конь, стоит же он.
Ето всё только предлог один,
625. Потому что когда отец захочет-то обегать все земелюшки,
Он проведать-то бегат, что в какой земелюшке-то делается,
Что ведь делается в земелюшке, ведь дее́тся всё.
Как проспим мы ночьку тёмную,
А и нам бы теперь нужно поспать да ночка тёмная,
630. А я не стану с тобой больше розговаривать, —
Нам ведь нужно-то поспать да всё же выспаться,
А завтра надоть нам с тобой да всё рано ставать,
Уж как рано-то ставать да нам итти позавтракать.
А как утром рано ожидат-то нас да отец-батушко,
635. Отец-батушко, всё родитель наш,
С йим ведь нужно нам поить, попить, покушати,
А и нужно всё тебе да роспроститисе;
Роспростисе ты когда же с ним,
А по делам он всё уйдёт своим,
640. На отъезди-то не будет он».
Как тут они же, добры молодцы,
Ночь-ту прбспали, как ведь следует,
Отдохнули они да по хорошему,
По хорошему они да по приятному.
645. Утром рано пробужалисе,
Пробужалисе они да умывалисе,
Умывалисе, утиралисе,
Они тогда учесали свои же кудри светлорусые,
А водевалисе во платицо во цветное:
650. Иван, русьской богатырь, оделсе в платье в цветное,
А и в платье цветное оделсе во хорошую;
А как ведь хресьянской сын оделсе он, —
Принёс ему тут брателко нареченной-от,
Принёс платицо ему да всё дорожное,
655. А и вот дорожно само лучшейё,
Одевал его же в платицо во дорожное,
А и уредил его да снаредил же он,
Снаредил его в дорожоцьку.
А и вдруг приходят-то да слуги верныя,
660. А и слуги верныя, да нейизменные,
Э зовут, кланяютсе, йих да покушати,
Поить-покушати, позавтракать.
А и тут пошли-то брателка нареченные,
Вот нареченные брателка, названые,
665. А и как пришли, пришли во горници высокие,
Во повальши широкие;
Йих стречал, стречал король да низко кланелсе,
А и он сядил своих сыночков за столичики,
Стал ведь с ними вон да йить ведь, кушати,
670. Со веселою улыбочкой говбрил речь:
«Ешьте, деточки мои, да вы же кушайте!
А ты, сын мой-от всё да всё любимой-от,

- Сын любимой-от да всё же младшой есть,
 Если жил у мя здесь при мне же ты,
 675. Я когда бы стал да приставлятисе,
 Приставлятисе, кончатисе,
 Без наделу тибя да не оставил я;
 А как теперече уедешь далёко от миня,
 Но зато тибе я дарю подарочок,
 680. С этим подарочком бедной-от не будешь жить,
 Бедной-от не будёшь жить, да будешь сыто жить,
 Будешь сыто жить да всё счесливым быты!»
 Покушали-поела же,
 Вот порядочно посидели же;
 685. Тогда стал говорить да йим король:
 «Уж вы, дети мойи, деточки,
 Сыновья мойи любимые,
 Я хотел, хотел бы всё сидеть же с вами, —
 По делам свойим мне-ка нужно итти,
 690. По делам итти да мне нельзя никак отлбжити,
 С тобой, сын, надоть проститисе».
 Тут ставал, ставал Иван, хресьяньской сын,
 А и он прошшалсе с королём тогда,
 А и как прошшалсе с королём, пал во резвы ноги,
 695. А и человал его в уста сахарные,
 Обнимал его да за белú шею:
 «А и спасибо, папенька, на всём на твоём добри,
 А как за хлеб, за соль благодарю тибя,
 А и за все твои же милости!»
 700 «Не за что, сын, благодарить меня:
 Ты же сам услуги сделал (в)переди всего,
 Спас моёго ты сына всё любимого, —
 Я его люблю, по его же я тибя люблю.»
 А и роспрошшалсе король с сынóm со хресьяньским-то,
 705. А и он пошел, пошел из полаты белокаменной,
 Из белокаменной полатушки пошел он королевською.
 А немного-то времени прошло же тут,
 Вот пришол, пришол король обратно во полатушки,
 Во полатушку пришол да белокаенну,
 710. А и принёс яшшичок-от в яшшички,
 Этот яшшичок да золотой же был,
 Золотой же был с драгоценныма каменьями;
 Подал яшшичок, сказал ему:
 «Владей, владей да ты счесливой будь,
 715. Ты счесливой будь, догадливой!
 А будёшь пить же ты же разны водочки,
 Смотри, слушай, — не напивайсе же;
 А на баб на хороших огледисе се ты,
 Огладисе ты, — да им не поддавайсе-ко,
 720. Золотых ключей да йим не сказывай,
 Они куда у тя полбжоны.
 Этот яшшичок храни, смотри,
 Никому же не показывай;
 Этот яшшичок мой-от хранил же праведко,
 725. Мой хранил-то, скажом, дедушко,
 Мой хранил-то отець-батюшке,
 А, наверно, ухранил бы мой родной-от сын.

- Родной сын Иван-от, руськой богатырь-эт.
 За твоё ли он за сохранёньицо
730. Хотот сделать он тебя счesливым-то:
 Не пожалел он такого дорогого-то подарочка,
 Вот подарочка ударить тебя,
 Штобы ты на брата не обиделсе,
 На отца штобы ты, на миня, не обижалсе-то».
735. Тут отец пошол да поклонилсе он,
 Он когда пошол, дак сыну поклонилсе до пояса:
 «А и боле на прошшаньици не бывать же мне,
 Не бывать же мне да (не) видать тебя».
 Тут ушол, ушол король скоро.
740. Как пошли со брателком во спаленку своюю они,
 Тут ведь стал Иван богатырь говорить ему:
 «Вот тепереце сберу тебя,
 Я сберу тебя в дорожечку;
 С собой кушанья да не бери же ты,
745. Потому что на дорожки не приведетсе тебе кушати,
 А домой приедешь, тогда всё покушаешь;
 А для всякого случāju-ту
 Пойдём с матушкой прошшатисе».
 Тут пошли же братьица к королевы-то прошшатисе;
750. Королева ожидала йих.
 Когда ведь сын же с матушкой простилсе-то:
 «Хоть не родна́ же мать была тебе,
 Хоть не родна́, да не рожала-то,
 В три-то годицька тебя за родного да полюбила-то!»
755. Во слезах королева да рoспрошшаласе,
 На прошшаньици-то она тут дарила-то
 Родной матушки его-то шолку разного,
 Шолку разного и тут ведь гаруса заморьского,
 А ему она же в суночку-ту рыта бархату
760. Подорожничков наклала-то,
 Вот наклала, приготовила.
 Кбгда простились с королевою,
 Иван сказал, да богатырь руськой-от:
 «Мать, поди с сыном во светьюлю во свѣтлицу,
765. Во полату поди да белокаменну,
 Вы смотрите-тко, гледите в косисцето окошечко,
 Во восточное во чисто во стеколышко,
 А я пойду, пойду да за конём теперь.
 Ёжели хочитце тебе, брателко, посмотреть коня,
770. Ты пойдём, пойдём со мной сечас».
 Тут Иван-от, сын хресьяньской-от,
 Он ставал, ставал, пошол тогда;
 Они ведь вышли на широкой двор,
 На широкой двор на королевской тут.
775. Иван, руськой-от богатырь-эт,
 Он несёт в руках да золоту́ узду;
 А и вон пошли, пошли они скоро
 Ко конюшенки да ко стоялою.
 А как пришли клюшнички, ларѣшнички,
780. Принесли ключи да от конюшны тут,
 Как ключи-ти были всё серебряны;
 Отомкнуть нужно́ все дверей да всё дубовых-то,

- Снеть ведь нужно деветь засовов железных-то, —
Тогда выскочит конь да на широкой двор.
- 785 Когда трои-ти ведь двери приотворили,
Как услышали тогда там ведь гром большой,
Там ведь гром большой да стук такой;
Ишше взяли трои двери опять они отворили,
Тут сказать, што уж шесть дверей;
790. А трейх дверей не успели они отворити, —
Конь-от стал тогда ломать же сам,
Приломал двери да конь ретивой-от,
Тут выскакивал конь да на широкой двор,
Он забегал по двору тут королевскому.
795. Тут ведь слуги-ти все испугалисе,
Караульшички да разбегалисе.
Конь-от выскочил на широкую на улицу,
Побежал же он по улице;
Тут народ-от, люди все да испугалисе,
800. Кто куда да разбегалисе.
Но вот побежали тут да слуги верныя,
Побежали все имать его;
Не могли они да поимать его,
Э и как пришли же все да приросплакались:
805. «А и как узнаёт-то король, дак оввинит же нас!»
Возговорил Иван, русьской-от богатырь тут:
«Вы не плачьте-тко, слуги верныя,
Слуги верныя наши, нейизменные,
Я пойду теперь да поймаю сам».
- 810 Он ведь вышел на широкую на улицу,
Как пошел он по славному своему он по городу,
А и как крычал он своим громким голосом,
Свиском богатырьским просвистел же он, —
Прибежал же конь ведь скоро тут,
815. Он ведь побежал да на колени пал.
А во ту пору Иван, богатырь русьской-от,
Он надел, надел да ту ли всё уздицу золочёную
Со драгима-ти да со камнями,
Он заскочил-то проворно на коня же тут,
820. Э и он ведь зачел по городу поезживать,
Вот поезживать, погуливать;
А и как стегал его же плёткой шелковой,
Он стегал его, бил, не жалел никак,
А и до того стегал, докуда конь не стал ходить да ступью
тихою;
825. А и до того же ездил Иван, русьской богатырь-от,
Что ведь конь его пёшо заходил тогда.
Иван, русьской-от богатырь, приехал он,
Вот приехал он да на королевской двор,
Привезал коня ко дубу ко стоячему,
830. Ко колечушку да золочёному,
А и не давал коню ему пшеници белояровой,
Нё дал пить воды медовою;
А и стоит конь-от тут невёселой,
Буйну голову он повесил он со своих же плеч.
835. Тут пришел Иван же, русьской-от богатырь-эт,
Он сказал, сказал своему брателку:

- «Ты поди, поди, поезжай теперь, —
 Конь-от будет теперь смирной, кроткой-от,
 Не досадит тебе да оберегёт тибя.
840. Я по тайности скажу тибе:
 Когда отець ведь у мя да отвернётце-то,
 А спехнёт чары-ти да чародейския,
 Чародейския чары-ти, волшебные,
 Тóгда похворат да полежит же он,
845. Полежит тогда в постелюшки.
 По делам кóроля спросят-то,
 Он придёт тогда, овяжется,
 Он овяжется же, скажет-то,
 Что: «болею я, хвораю-то,
850. От лекарьсва-то я, король, завезалсе-то».
 Ето всё будёт страдать, што он избитой есть.
 Потому я бью, што чары бы боле не творилисе, —
 Он ведь знает чары от предков он своих,
 От отца-та знает, наверно, и от дедушка.
855. А если ты сёдешь на коня, да на его же ты,
 Посажу тибя да увежу тибя,
 Увежу тибя я крепко-накрепко;
 Кóгда ты со мной простисьсе-то,
 Тóгда всё же закрывай глаза,
860. Закрывай глаза, не открывай же йих, —
 Потому не открывай же йих,
 Как откroёшь, где ли ты останишьсе
 На пустом местí где ли ты побрóшон-то».
 А и когда же он всё сказал ему:
865. «Кóгда сёдешь ты на воронá коня,
 На Гнилых-то Глаз, на Бока Пробитые,
 Ты бери, бери яшшичок в руки своей,
 Ты тогда глаза закрывай, смотри,
 Не смотри, закрывай, смотри,
870. Ты ведь слушай-ко, смотри, —
 Когда в ушах твоих вой-то-от,
 То ведь знаешь, что ты едешь-то;
 Кóгда вóеть-то не станёт-то,
 Тóгда знай, шшо ты приехал-то.
875. Открывай тогда, смотри, да свои очи ясныя,
 Открывай тогда, отрезывайсе, —
 Я ведь дам тебе ножичок булатной-от;
 Ты сойдёшь кóгда со добра коня,
 Назадь, смотри же, не оглядывайсе».
880. Роспростились тут же брат-от с брателком;
 Королева-та стояла тут, прощаласе,
 Роспростилась, слезно плакала;
 Только не было короля же тут,
 Короля-та же не было, не прощалсе он.
885. А когда ведь сел Иван-от, сын хресьянской тут,
 Э и он закрыл свойи да очи ясные.
 Он побежал тогда, его да тут да всё же доброй конь;
 Долго, долго в ушах тут же вóело,
 В ушах вóело, звонилосе.
890. Он соскуцилсе сидеть да на добром кони,
 А я тут ведь он хотел открыть глаза,

- Он открыть глаза да посмотреть туда, —
 Он ведь всё же призадумалсе,
 Чтобы вред не сделать от самому себе.
895. В ушах долго, долго вбело,
 Наконец же, не завбело;
 Он открыл глаза, отрезалсе,
 Он ведь падал на сырú землю,
 Он ведь яшшичок держал да во правóй руки.
900. Когда справилсе, огледелсе он,
 Кóня не было негде же тут,
 Убежал же конь скорёшенько,
 Вот скорёшенько, скрутёхонько.
 А как тогда же он (о)гледелсе кругом сибя,
905. Увидал, шшо во свойём краю,
 Во своём краю, в своей в рóдной деревенки,
 У своего дому, у родимой матушки;
 Он приехал среди ноченьки.
 Подошел он всё же ко крылечушку,
910. Застучалсе он к родимой матушки:
 «Отворяй-ко, открывай, да мать родимая,
 Это сын да ведь пришел да твой же Ваня-то,
 А твой ведь Ваня сын пришел через три-то годицька!»
 Долго Ваня-то стучалсе, не открывала тут да рóдна матушка;
915. Кóгда Ваня-те ишше стал пушше-то стучатисе,
 Тогда вышла рóдна матушка, заплакала,
 Всё сеней-то Вани не отвóрила:
 «Ёко горё, моё горюшко!
 Раньше деточки стучалисе
920. Среди денёцька-та ведь белого,
 А ноне деточки изгиляются
 Как среди же ночки тёмною,
 Ночки тёмною осённою!»
 А как ведь боле Вáнюша стучать не стал,
925. Бсле рóдной сын говорить не стал же с ней, —
 Он ведь знал, знал, как зайти же к ней:
 Он приздынул свои ворота-ти,
 Стал Ваня тут во сенёчках-то,
 Он ограбил-то в двéрях скобку-ту,
930. Открыл двери, зашел к матери,
 Э помолилсе богу, стал здороватьсе:
 «Уж ты здрастуй-ко, моя родима матушка!»
 Тут услышала мать да знакомую всё она же речь,
 Она соскóчила со печеньки, —
935. Нужно с сыном-то здороватьсе.
 «Доставай сечас же, мать, огонь!»
 «Дóстать, дитяtko, у мне же всё же спичёк нет».
 «Пóчему, мать родна, спичёк не заправила?»
 «Спичёк взять, да денёг нет у мяя;
940. Купить-то есть, да только денёг нет».
 «А у миня же, мать, и спички есть».
 Он достал же спицьки йиз карманику,
 Засветил же скоро свечечку;
 У его-то свечка-та горела всё без подсвечничка,
945. Он повесил ей-ко на стеночку.
 Стал говóрить же своей матушки:

- «Дай поужнать мне чего, да рѣдна матушка!»
 «А поужнать-то ведь нет, дитя,
 Покормить-то тебя нечим же!
950. У меня есть кусочков напрошено-то,
 Они в корзиночки у мне сейчас,
 А как водица-та стоит у меня в ведёрочки —
 Тут и всё моё именица.
 А ты тепериче поешь того, дитя,
955. Повались-ко спать на печечку;
 А не на печку, так ложись на лавочку,
 Подмешу тебе тут да скамеёчку,
 На ней положим рванное местышко.
 Вот окутайсе моим же одеялышком,
960. Оно старенько да только рѣзенько!»
 Тут ведь Ваня россмехнулсе-то,
 Нецего же он не сказал же ей,
 А и он из суночки своей же рыта бархата
 Вынимал же подорожнички,
965. А старуху угошшать же стал;
 А старуха-то не кушает:
 «Что ты, дитяtko, угошшашь меня?
 Я таких-то печеньницей не видала-то,
 Не видала, не едала-то;
970. Это нужно для самого тибя,
 Для самого тибя, дитяtko, покушати.
 Сегодня ешь-ко, кушай, дитяtko, своё же ты,
 Завтра я схожу добуду-то;
 Жонки, суседки-ти, когда они обрѣдятся,
975. Подают мне-ка печеньица,
 Подают-то, наделяют-то,
 Как цого пекут, сами кушают, —
 Они жалеют миня, да всё и кормят-то.
 Я у йих, сынок, не буду кушати,
980. Принесу тогда тибя, сынок!»
 Россмехнулсе Иван же, сын хрестьяньской тут:
 «Это, верно, ты же, маменька радимая,
 Научилась жить да так же всё,
 Повадилась ходить куски собирать,
985. Тебе кажитце красиво-то!
 Ето собирала, мать, когда же сына не было;
 Знаю, матушка, пословицу:
 «От тюрьмы, от зámки, от христового от имени
 Некогда же не отказывайсе».
990. А и как тепере, матушка, поешь ты кушанья своего-то,
 А покушай тоже вот дорожного».
 Они покушали-поели, порозговаривали:
 «Если, Ваня, тебе холодно на лавоцьки,
 Поди, Ваня, устелю в подпѣцѣк-от,
995. Как в подпѣцѣке тебе будѣт тѣпло спать».
 А отвечал же Ваня матери:
 «А сегодня, мать, не нужно мне,
 Не заязбну, мать, на лавочки».
 А скинул с сибя Ваня платье-то,
1000. Скинул верхно платьицо.
 Подос(т)лал Ваня на лавоцьку,

- Подала-то мать подушоцьку,
 А себе подлѳожила рваную пальтюшечку;
 Призакутылсе Ваня рѳзным одеялышком,
 1005. Призаснул Ваня с дорожецьки,
 Крепко-крепко призаснул же он.
 А и как пробужаитсе Ваня-то,
 Свет большой видѳт на улочки;
 Спѳрва не потолковал же он,
 1010. Где-ка спит-то, где лѳжит же он:
 «А где-ка брателко гу мне же всё?
 Почему же он не будит-то?»
 (В)место королевських полат и горницей —
 Он лѳжит, лѳжит во хижины,
 1015. Лѳжит в плѳхой во избушечки.
 А как будил-разбуживал своѳю матушку;
 Его матушка родимая
 Не стават, не подымайтсе:
 «Рано (в)ставать, Ваня! Нам торопиться некуда,
 1020. Потому у мян топить печка вель дровець нет,
 У суседок-то просить страшит мян:
 Каждной раз и всё давали-то,
 Без тебе мян отопляли-то,—
 А тепереце же ты пришол,
 1025. Мне-ка стыдно при тебе просить».
 «Ну ладно, матушка, не тужи о том,
 Дай я схожу во темной лес.
 Есть чуночка, сходить-то мне?»
 А и говорила тогда да ѳму мать родна:
 1030. «Чунка была, дитя, да не знай, кто же взял».
 А как пошол сын тогда Ваня на улочку,
 Посмотрял, что у ѳй двор да отвалилсе-го:
 «Есть ли топор, рѳдна матушка?»
 «Топор, Ваня, во пецьки-то».
 1035. Насек тут же дров вель скоро он,
 Наносил, наклал в избушочку,
 Достальнѳ наклал во сени-ти;
 Затопил же взял же печку-ту,
 Нагрел матушку-старушку-ту.
 1040. «Надоть, матушка, на базар сходить».
 Онѳ жили недалѳко тут от города;
 В ѳихном городи король же был,
 Король был да всё же он королѳл, король.
 «Уж ты гой еси, сын, да мой сыночик Ваня-то,
 1045. Прохожу я на базар, не напрошу тебе,
 Не напрошу тебе пойисть, покушати».
 «Не говори-ко, мать, пустых речей,
 Тебе не надобно просить теперь,—
 У тѳбя же сын живой пришѳл.
 1050. Ёто просят те, у кого нажать вель некому,
 А тепереце у тебѳ вся наживушка
 У тѳбя сидит на лавоцьки».
 «А и в цѳм я, Ваня, на базар пойду?
 У мян, Ваня, бахѳлок нет,
 1055. У мян, Ваня, стрелѳчков нет».
 Скинывал Ваня сапожечки сафьяныя,

Подавал чулочки пухóвые,
 Подавал он шубочку расхожую —
 Уредил же свою матушку.

1060. «Ну ведь, матушка, посиди пока,
 Я схожу-то в клеть свою же всё».
 Он зашел, зашел во клеть свою,
 Отомкнул же он ведь яшшичок-от в яшшички.
 В первом яшшички, — пустой же — не было нечего же во нём,
1065. Второй яшшичок отомкнул же он,
 Увидал он золотой перстень
 Со драгима со каменьями,
 Он оверчен во бумажечки;
 А бумажечку прочитал всё он,
1070. Он узнал, как нужно делати.
(Это, верно, Иван, руськой богатырь, научил. Полёсничок-то, быват, неграмотной был. — где уж в прежнее время учили, — а Иван, руськой богатырь, и научил его читать и писать. Три года, верно, толковал.)
 Он ведь взял тут скоро золотой перстень,
 С руки на руку перебросил он,
 Перебросил, перекинул он, —
 Тогда выскоцило-то триста тридцать три молодца же тут,
1075. Они красавцы, нельзя да рассказать во сказках-то,
 Не видать таких красавцей-то:
 «Здрастуй, здрастуй, новой ласковой хозяин наш,
 Мы желаем тебе всегда служить,
 Что прикажешь, мы должны всегда работати».
1080. Возговóрил тут Иван, хресьяньской сын:
 «Видите ли, робятушка,
 У мя нету денёг ни копейчки».
 Тут ведь старшой йим говóрил-то:
 «Ребята, хто из вас бывал на золотых горах?»
1085. Тут ведь троё закрычало-то:
 «Мы бывали на золотых горах!»
 «Полетайте-тко, слетайте же,
 Принесите вы да красна золота,
 Красна золота да чиста сéребра!»
1090. Тут ребята не ослышались,
 Полетели, будто ветер пробежал, дак прошумели-то.
 Тут старуха заспала сижáчку-ту.
 А через три часа ребятушка вернулисье,
 Принесли они красна золота,
1095. Красна золота да чиста сéребра.
 Тут Иван же, всё хресьяньской сын,
 С руки на руку же перстень перебросил взял,
 А со правой долони вот во левую, —
 Тут ребятушка во перстень зашли же все,
1100. Вот зашли же все, да все же скрылисе;
 Он ведь взял же скоро замкнул перстень в два-то яшшичка,
 В два-то яшшичка да всё замкнул золотым ключом,
 Ключ-то взял себе замкнул в корман в потаенной-от,
 Яшшичок завертел, полóжил он,
1105. В клеть на полочку полóжил,
 Закрыл-то он корзиночкой,
 Он корзиночкой себе да всё же старенькой,

- Завязал дверь да всё верёвочкой.
 Сам пришол же к родной матушки.
1110. Красно золото да чисто серебро
 Он ведь спрятал в свои суночки,
 В свои суночки, с которыма ходил полёсничать в темны леса,
 Он ведь склал в кисы́, да в свои суночки,
 Э и завезал да в клеть положил-то.
1115. А как пришол же ко своей ко родимою ко матушки,
 Он разбудил же мать родимую:
 «Поди, матушка, на базар сходи,
 Ты купи себе правизии,
 Чого надобно купи же, мать!
1120. Во первых купи себе, мать, ты же шубочку,
 Во других да и купи, купи себе да кáтаночки,
 Кáтаночки на ножочки,
 Купи шаль себе да всё же тёплую».
 Тут ведь мать-то возговорила:
1125. «Ваня, где (с)колькó ведь денёг-то?»
 «Не тужи-ко, мать, будут деньги-ти:
 Я ведь три-то годичка не бывал дома́,
 Всё ходил же во наживушках».
 Тут ведь матушка пошла скорёхонько,
1130. Она купила себе одежду-ту.
 Тут увидели суседки, какы были с ней вместях они:
 «У тя откуда деньги, ты же где взяла?»
 «Уж вы, жоночки-суседочки,
 Вы подите-тко да посмотрите-тко,
1135. У мня Ваня-то домой пришол,
 Он живой у мня, живёхонёк,
 А он домой пришол, всё он да ведь живёхонёк,
 Он принёс с собой ведь денёг-то,
 Принёс золота-серебра́ же он».
1140. Тут соседки-ти сдивовалисе,
 Все ко Вани прибежали-то;
 Ваня йим же рассказал про всё.
 Стал ведь Ваня поживать тогда,
 Ване жисть-то ета не пондравилась,
1145. Своя хата ему плóхая, —
 (У) короля-то жисть была хорошая,
 Ходил в светлых Ваня горницах,
 Сидел во светлых Ваня в свѣтлицах,
 А пил ведь, ел он со торелок золочёных-то,
1150. Пил ведь с графинов золочёных-то,
 Он из цяроцёк драгоценных-то,
 Спал на кроваточках да золочёных-то,
 На перинушках пухóвых-то, —
 Вани в хаты жить не захотелосе;
1155. Кóгда матушка заснула-то,
 Кóгда родима заспала́ же тут,
 Тут он, сын Ваня-то ее родной,
 Он пошол, пошол во клеть свою́,
 Отомкнул тогда ящик в ящички,
1160. Вынимал он золотой перстень,
 Перекинул с рúки на руку, —
 Тут ведь выскоцили ребята-ти,

- Его спросили: «Што работать-то прикажешь-то?»
 «А работа та же вам, робятушки:
1165. Уж вы сделайте мне-ка дворець королевской-от,
 Што ведь лучше нашего короля же был,
 От дворца-то мост вы сделайте,
 Хрустальнёй мост до дворца,
 От моего-то дворца до королевского,
1170. А сад у мне же был зелёной-от
 От моёго-то дворца до королевского
 Со древами со растушима, »
 Со фруктами со разныма,
 Вот со разныма со сладостью,
1175. Вот со птицами поюшима,
 Со поюшима да голосистыма,
 Вот со тихима со заводеми,
 Э и вот со заводеми, с озёрышками,
 Тут ведь плавали чтобы гуси серыа,
1180. Гуси серые, бёлы лебеди,
 Разны птицы йиностранные,
 Все же птицы до единою,
 Какі только в белом свете есть,
 В белом свети, в шару земном, да существуют-то».
1185. А и только сказал, — ребятушки свернулисе,
 Полоса ветра пришла до уносила йих.
 Сын-то с матушкой посиживат,
 Вот посиживат-то сын да все посыпáют-то,
 А его работнички забочныя работают;
1190. Они всю ту ночь не спали-то,
 Вот работу работáли-то,
 Унесли дворець золочёной-от
 У того ли короля да у заморьского
 Со своей небелью со пышною,
1195. Со пышною с восточною,
 Со слугáми и с лакеями.
 Принесли дворець, поставили,
 Мост-от сделали хрустальнёй-от,
 Как от его дворца провели они
1200. До дворца же королевского,
 Россадили сад зелёной-от
 Со древами со растушима,
 Со фруктами со разныма,
 Вот со разныма со сладосью,
1205. А и как со птицами с поюшима,
 Вот с поюшима, с голосистыма,
 Как со тихима со заводеми,
 Со глубокима да со озёрами,
 Со гусёми тут со серыма,
1210. Со лебедеми тут со белыма,
 Как со разныма со птицеми.
 А и во всю ночь ребятушки работали,
 Всё хозяину любимому сроботали;
 А и как тогда пришли ему да поклонилисе:
1215. «Ишше што же нам работати?»
 «Вы перенесите-тко, ребятушки,
 Мою матушку-ту сонную,

- Перенесите-тко в новый домицёк,
 Перенесите ей да всё же в ее да в тёплу спаленку,
 1220. В тёплу спаленку да на кроваточку положьте ей,
 На кроваточку кисбвую, на перинушку пуховую,
 На мягко убрано сголовьицо,
 На соболино одеялышко».
- А и как когда перенесли же рóдну матушку,
 1225. А и после сам-то сын Ваня же зашол
 Да на своих же на резвых ногах.
 «Вам спасибо, мои трудницьки,
 Мои трудницьки-работницьки,
 А мои верные строители!
1230. А тепере отдыхайте-тко,
 Вы покушайте, ребятушки!»
 «Мы не хочим кушати,
 Ласковой хозяйин наш, —
 У нас, мы же хошь в персию сидим,
 1235. А у нас полата ведь есть белокаменна,
 А во полаты той стóят столицьки,
 Мы за столицьками сидим кушаем,
 А на кроватках-то — постелёчки,
 На постелёчках отдыхаю же, спим лёжим».
1240. Тогда собрал всех ребят да в золочёной перстень свой,
 Клад он перстень из яшшичка-то в яшшик он,
 Замыкал же йих да золотыма-ти ключами же,
 Клад он ключик-от во карман во свой во нутренной,
 Погулял-походил по своим полатам белокаменным;
1245. Скоро, скоро он же спать же лег,
 Скоро спать же лег да призаснул же он
 Во своей же он да в тёплой спальни-то.
 А и как во ту пору, во то время,
 Как среди было денёцька белого,
1250. Пробужалась-то его родима матушка,
 Пробудилась да ужахнуласе,
 Закрычала, — где лёжит она?
 Прийшол сын ей любимой тут:
 «Не плачь, матушка родимая,
1255. Ты лежишь, лежишь дома у своёго у сыночика;
 Этот дом ведь, мать, ведь наш же есть,
 Он ведь наш же есть, да он ведь нам же жить».
 Во ту пору король вышел сам,
 Король вышел посмотреть да на балхон же свой, —
1260. Увидал-то он да чудной-от дворець такой,
 Псылал же он же слуг своих.
 А и пришли же слуги королевския,
 Они стали, слуги, тут же спрашивать:
 «Вы какй, какй? Этот чей дворець стоит?
1265. Вот дворець стоит, он ведь царьской ли?
 Он ведь царьской ли да государьской ли?
 Он короля ли всё, прынца ли?»
 Отвечал тогда Йиван, да всё хресьянской сын:
 «Этот дворець да всё не царьской есть,
1270. Не королевской дворець, не прынецской есть, —
 Этот дворець да всё ванин есть,
 Еще Вани есть, да сына всё хресьянского,

- Как хресьяньского сына вдовьёго.
А как пошли тогда, пошли слуги королевские,
1275. Рассказали королю тогда;
Тут король да не замешкалсе,
Он оделсе, соредилсе же,
Не один поехал, с королевою.
Когда приехал король да с королевою,
1280. Тогда встречал, стрéчал Ванюша,
Проводил его в полаты белокаменны,
Он садил его, усаживал
А и за столички точёныя,
За точёны золочёные,
1285. Вот за скатерти шелкóвые,
А и за кушанья за разные,
А и как разные да за сахарные,
За напитокочки да за заморские.
Они покушали-поели тут,
1290. Вот повели, заговорили речи разные;
А и как стал король его выпрашивать:
«Из какой земли, из какого города приехал же?
А и ты какой земли да всё королём живёшь?
Королём живёшь, принцем ты слывёшь?»
1295. Возговóрил сын хресьяньской тут,
Сын хресьяньской всё вдовинóй-от:
«А я не король да не прынец, не молодой же прынец,
Я ведь приехал на свою, король, на родину.
А моё богасьво мне отец же дал,
1300. Мне отец же дал да неродной же мой,
А ради брателка названого пожаловал;
Эти полаты белокаменны
Перевезёны по его же приказаньицу,
По королевскому да по приказику».
1305. Тут король же с королевою
С йим ведь стали в дружбы жить,
С йим ведь в дружбы жить да во согласии,
И друг ведь к дружки в гости ездили:
У короля как обед, так и обедали,
1310. А у Вани, у сына у хресьяньского,
Они тогда же ужну ужнали.
А и прёшла дружба у короля да тут же с Ванёю,
У йих прошло же времени годочик полной тут.
У короля-то всё же доць была,
1315. Вот ведь доць была его любимая,
Вот любимая у его была единая, —
Скоро с Ванёй познакомилась.
Тут ведь Ваня-та, хресьяньской сын,
Он немного понимал всёго,
1320. Не обдумал своим умом-разумом,
Что ведь он роду ведь прóстого,
Рóду прóтого хресьяньского,
Называется простой мужик, да деревеньщина, —
Его прельстила королевна-то
1325. Во первых красой своей прекрасною,
Во других-то его обошла же всё,
Стала Вани тут лукавити:

- «Тебе пора ведь, Ванюшка, женитисе!»
 «Уж я рад бы, вот прынчесса-королевна, поженитисе:
1330. Мне женитисе-то — невесты нет.
 Мне-ка королевьску доць-ту взять, дак не пойдут вони,
 Кнеженейска доць да не подумает,
 Своя боярьска доць-та взять, да она гордая есть».
 А как возговорила ему да королевьска доць:
1335. «Уж ты, душечка мой Ванюшечка,
 А й такову ли жениху да не женитисе?
 Кажна невеста будет-то счеливая,
 На которой только будешь свататисе».
 «Уж ты ой еси, прынчесса всё премудрая,
1340. Королевна всё прекрасная!»
 «Тебе немного нужно всё искать невест:
 Как невеста пред тобой сидит,
 Пред тобой сидит, с тобой же речь говорит-то».
 Говорил тогда ведь Ваня-то:
1345. «Когда вправду говоришь, да королевна, ты,
 Не в лукавьсви всё, да королевисня,
 Давай мы сами мез собой сосватаймсе,
 Мы золотыма-ти перснями поменяймсе».
 «Ты не сказывай моёму отцу-батюшку,
1350. Отцу-батюшку, королю же всё,
 Королю же с королевою:
 А когда скажешь, что посватаишьсе,
 Засадит-то отец с матушкой,
 Они не спустят-то гулять ходить, —
1355. Мне-ка хочигце погулять же всё».
 «А как так же мы дела поделаём?»
 «А и мы поделаем дела да мез собой же всё,
 А пусть не знают между нами отець-батюшко».
 Тут не согласилсе на то хресьяньской сын:
1360. «А не хочу же я ведь так же жить,
 Я сделать хочу да дел самых не лукавых, справедливо быть,
 Я пошлю к тебе да сватом свататися,
 Сватом свататися пошлю к тебе свою родну матушку».
 На то королевьска дочка согласиласе,
1365. Она пошла от его да распростиласе.
 А как когда ушла да королевьска доць,
 А и тут пришол-то ведь Ваня к родной матушки,
 Говорил он ей да таковы слова,
 Таковы слова да таковы речи:
1370. «А уж ты ой еси, моя родима матушка,
 Одевайсе-ко во платьицо в хорошоё!»
 Тут одел же сын да родну матушку,
 Он годел-то, снаредил же ей,
 Отослал к королю же свахой свататисе
1375. На его ли всё на любимой вот на доцери.
 А и пошла матушка его она родимая,
 Пришла матушка к королю да во полатушки,
 Король стречал да с королевой ей,
 Он ведь проводил ей во полаты белокаменны.
1380. Тут пошли речи розговорные,
 Тут посваталась ванина да родна матушка
 На королеськой она доцери.

- Тут ведь засватал король свою любиму дочь,
А вот засватал, пошла свадьба тут весёлая,
1385. Пированьице немалое;
А когда съехались гости все, скопились.
А королева шла не по жаланию,
Она хотела-то во замужесьво,
А и как хотела она взамуж выйти-то
1390. За королевица всё за датского;
А когда насильнѣ-то засватал ей король - отець,
А и когда прошла ихна свадьба-та весёлая,
А когда оделалась королева-та женой Вани, сына-то
хрестьянского.
- Во ту пору, во то времечка
1395. Все ведь гости у их пировали-то,
Ыграли арфы тут ыгромые,
Пели в гусли тут в весёлые,
Во струночки да в золочёные,
Пировали-столовали тут три месеца,
1400. На четвёртой гости прирозъехались.
Стали, стали тут молоды же жить,
Поживать они да по хорошему,
По хорошему да по приятному.
А она прельстила Ваню-ту ведь мудросью,
1405. А не мудросью, сказать, да она — лёсью-ту:
Стала Ваню-ту ласкать же всё,
Его русы-ти кудри всё расцясывать,
Росчесала кудри, завила она,
Завила кудри в колечушка,
1410. А и пересыпала она да драгим жемчугом,
Стала тут к ему ласкатисе:
«Ты скажи, скажи, да друг сердечной,
Друг сердечной, да супруг милой мой...
У нас жись да тепере однопарная,
1415. У нас всё теперь вместях сечас;
Я есть у родителя да всё едина дочь,
А уж как отець-король да у нас старой стал,
Он собой-ту всё же слабой стал,
Умом-разумом забывчивый,
1420. Надоть, надоть его выменить,
Его выменить, его повыручить:
Принимай, бери королевсьвицо,
Ты сиди да управляй королём же всё,
Я же буду королевою;
1425. Счѣслив, Ваня, у тебе бóльшо счастье,
Завладел ты троном королевским-то!
Какой муж, как жены правды не скажешь-то, —
Ты скажи, скажи-ко мне, да мой премилой муж,
Ты, премилой муж, супруг любезной мой,
1430. Откуль, скажи, у тя такó чудно богасьвицо?
Боле царского, больше королевского?»
Тут ведь Ваня-то не сказывал:
«Мне-ка бог подáл, христос пожаловал,
Суд-то божий написал судьбу,
1435. Написал судьбу, чтобы Ваня, я, счастливой был». —
Это раз его жена да всё выпрашивала,

- Это другой-то раз она выведывала,
 А привелось-то Вáнюши да всё же пъяну быть,
 Вани пъяну быть да Вани тут, (с) гостѣми-ти он упилсе много же;
1440. Когда гости-ти да прирозъехались,
 Тут ведь Ваня-то ушел што в свою спаленку,
 В свою спаленку, лег на кроваточку;
 За йим пошла же вслед да молода жена,
 Она стала тут ласкатисе,
1445. Обнимала Ваню за белу шею,
 Человала его в уста сахárные,
 Называла его же драгим камешком,
 Драгим камешком самоцветным-то:
 «Если ты же мне не скажешь, Вáнюшка,
1450. Тогда я не буду всё с тобой да во согласи жить,
 Розойдусь с тобой да отойду же прочь!»
 Тут ведь Ваня-то да испугалсе он,
 Говорил он да таковы слова,
 Таковы слова да таковы речи:
1455. «А я хочу с тобой да во любви же жить,
 Во любѣ-то с тобою жить да во согласии!
 Не ходи же от миня-то прочь да не бросай миня,
 Не гнѣви-ко своего да отца-батюшка,
 Отца-батюшка, свою родиму матушку!
1460. А я скажу тебе, поведаю:
 У мне всё богасьвицо
 Яшшик в яшшочке положено,
 Золотым ключом замкнуто-то.
 А тепере ети яшшочки
1465. Днём на кроваточки точёною,
 На точёной золочёною,
 Под перинушкой пуховою,
 А под шелковым сголовьицом,
 Под соболиным-то да одеяликом;
1470. А ночью я вынимаю-то,
 Под кровать свою кладу же йих,
 А ключи в моём грудном кармани-то
 Спиджачка да сюртучка, сказать».
 Как тому же зрадовáлась жена ванина,
1475. Подавала ему напитокку крепкого
 Она бокал тут золочёной-от;
 Ваня выпил тут, заснул тогда,
 Он заснул-то, зáспал сном крепким-то.
 Она недолго, змѣя, думала,
1480. Она брала скорó да золоты ключи,
 Отмыкала она же скоро яшшички;
 А и первой яшшичок отвóрила, —
 В нём ведь нет нецегó да не полóжоно;
 Дрúгой яшшичок отвóрила,
1485. Увидала золочёной перстенёчик-от.
 Она брала его скорешенько.
 С рúки нá руку да перебросила, —
 Тут ведь выскочили дородни дбры мóлодцы,
 Их ведь триста-то ведь тридцетъ три,
1490. Сказали: «Что приажет работáть наша любимая хозяйюшка?
 Мы должны тебе работати».

- Она сказала йим: «Возьмите Ваню, бросьте всё,
Его бросьте в старую избёнушку,
Его матушку-ту тоже всё.
1495. А етог-то да золотой дворець,
Унесите его и миня же в нём
Как ко датському да королевичу».
Ее слуги не ослышались,
Как велела, так и сделали, —
1500. Ваню выкинули, снесли в стару избушечку,
Потом — матушку родимую;
Золотой дворець унесли они,
Унесли его во Данию.
Увидал король-от датской-от
1505. Какой дворець чудной стойит у его же всё во городи,
Послал слуг своих да попроведати;
А слуги пришли с ответом-то:
«Как какá-то во дворци красавица».
Тут король-от всё пошел же сам,
1510. Пошел король тут со королевою;
Росказала королевисня:
«Меня ветром-то ведь к вам да перебросило,
Перенёс, верно, Вёхор Вёхорович;
Убоялсе ваших зданием,
1515. Он ведь сам да улетел же прочь».
Стал король тогда гоститисе,
Ходить-ездить королевской сын;
Он ведь скоро тут с королевной познакомилсе,
Часто стал же он же к ей ходить,
1520. Он ведь к ей ходить да стал ведь ездить-то:
Дело к тому же подвигалосе,
Хотел королевиць на ей женитисе.
А как во ту пору, во то время, —
Приоставим в роскази королевисню,
1525. А возьмём теперь за Ваню-ту, —
Кóгда Ваня пробудилсе тут,
Он ведь увидал себя во старой в худой избушечке,
Рóдна мать-то плачот — видит — она да всё на пещке-то;
Тут ведь Ваня с горя скóцил-то,
1530. Побежал на широкую на улочку,
А поглядел — уже нóва дому нет.
Он ведь с горя-то пошел в королевской да большой кáбак-от,
А в кармани-то нашол он же золотой казны,
Он-то зáchел пить да зеленó вино,
1535. Зеленó вино да рáзну водоцьку.
А король-от вышол посмотреть на парадной крылечушко,
Што ведь делается такó в тереми у зятюшка, —
Посмотрял, да его нет негдé.
Не поверил он глазам своим,
1540. Он ведь зáchел смотреть во трубоцьку;
Не усмотрял король в трубоцьку,
Он послал тогда же слуг своих:
«Где-ка зять да где любима дочь?»
Слуги пришли, сказали-то,
1545. Што нет негдé, да не нашли они:
Нету терема высокого,

- Нет двора у них широкого,
 Нет сада-то всё зелёного
 Нет со фруктами нет со разныма,
1550. Нет со птицами поюшшими, —
 Только есть стойит маленькой старой ёго домицёк;
 Уж мы в домицок сходили, —
 Там одна старушка-мать ревёт».
 Побежали йискать слуги-ти по городу,
1555. Как поехали коретами;
 Когда стали йискать ходить по городу,
 Нашли Ваню-ту в королевьском кабаки.
 Тут королю-ту за беду пришло,
 За великую насмешочку показалосе:
1560. Кúда, кúда погубил же он любиму дочь?
 Приказал-то засадить ёго да в тёмну тёмницу,
 Заключение в злодейку в заключебную;
 Ёго слуги не ослышились,
 Приказаньицо йисполнили.
1565. Сидел Ваня во темницы да трóи сутоцьки.
 На четвёрты-ти ему пошло,
 Как ко вечеру былó по поздому,
 Загремели двери тюрёмные,
 Зазвенели замоцьки-ти тежолые,
1570. Открывались скоро двери-ти,
 Зашол рыцарь незнакомой-от;
 Он сидел, сидел на коёчки тюрёмною, —
 Он схватил ёго за жолты кудры,
 Он спустил к себе в глубок корман,
1575. Сам ведь скоро пошел из тёмной тёмницы,
 Из злодейки заключебною.
 Тут вся стража йиспугаласе,
 Караульшшички розбежалисе,
 Королю-ту взяли и сказали-то.
1580. Король пришол со свитою, сам с имá,
 А негдé Вани найти да не могли они,
 Будто, будто всё ведь след простыл,
 Скрозь землú будто Ваня провалилсе тут;
 Поискал король да пошел домой,
1585. Вот пошел домой да к королевы он.
 А Ваню повёз ведь рыцарь на добром кони;
 Всё ведь Ваня во кормани-то слышил тут:
 Конь ведь быстро-то бежал же он.
 Много ехали они да пóры-времени,
1590. Вдруг ведь конь остановилсе тут.
 Ваня тут же приослушалсе:
 Сошел рыцерь со добра коня,
 Отдал коня слугám своим,
 Сам пошел же он да во свётлу свётлицю,
1595. Во свою же тёплу спаленку,
 Выпускал Ваню из кормана из глубокого.
 Посмотрил тут Ваня да узнал же всё,
 Куды Ваня привезён-то был,
 Кто и рыцерём и был же он, —
1600. V Вани рыцерём был. сказать,
 Иван, руськой богатырь же он,

- Он привёз когда к себе его.
 Когда рыцарь сходил розделсе-то,
 Тут пришол, с ним вон не¹ поздоровалсе,
 1605. И назвал его да бестолковым-то:
 «Бестолковой ты, нареченной брат,
 Ты довёл сам себя до погибели!»
 Тут он падал брату во резвы ноги:
 «Прости, брателко нареченной мой!»
 1610. «Бог простит тибя же, брат, за всё.
 Ты садись, садись покушай-ко.
 Что ты сделал сам себе, смотри?
 Я тибе же, брат, прошшаю-то,
 А отец-от мой да не простит тибя,
 1615. А не знаю, как тибя же он
 Каким судам предаст судить тибя.
 Ты живи, живи гу мня во скрытии,
 Когда пройдёт-то тому времени ведь месяц поры-времени,
 Как ведь ты проживёшь у мня во городи,
 1620. Как ведь месяц тебе будет
 Как ведь жить ты будешь у нас во городи, —
 В тот ведь день отцу рождённый день,
 Он в етот день всегда бывает в божьей церкви,
 А и гон ведь будёт стоять ранну заутреню,
 1625. Отстоит поздню обеденку.
 Когда приедёт от обеденки,
 Ты зайди к ему в его комнатушку,
 Где сидеть будёт за столом же он,
 Ты приди к нему, поклонись да во резвы ноги,
 1630. Таково слово скажи ему:
 «Прости, батюшка-отец, король же мой,
 Как мою вину великую
 По своёму дню да рождённому!»
 А я ведь тогда скажу отцу:
 1635. «Уж ты ой еси, отец-родитель мой,
 Ты ведь слышал ли сегодня свято евангелье?
 Во евангельи светом написано,
 Что милосливы люди-ти помилованы будут-то».
 Вот всё твойи дела, конец всего,
 1640. Цем твойи дела оконцетса, —
 Больше нецём не могу я пособить в делах».
 Пришол день же короля рождённой-от;
 Король рано-то уехал во божью церковь.
 Всё во полатах было приготовлено,
 1645. На столах всё было установлено.
 Тут Иван-от, богатырь русьской-от,
 Он умылсе, учесалсе-то,
 Хорошо он уредилсе-то,
 Он умыл, учесал брата младшого.
 1650. Закрывали королю везде ура,
 Проздравляли его со днём рождённым-то;
 Тут ведь гости стали-то скоплятисе,
 Вот скоплятисе и отовсюль съезжатисе.
 А и приехал скоро король да из божьей церкви.

¹ Обмолвка? следует: «же»?

1655. Зашол с королевой-женой да поздоровалсе,
Он пошел же во полаты белокаменны,
А и сел за столицьки окольня,
Со гостями хотел кушать он.
Как во ту пору не два ясного сокола залётело,
1660. Не два доброго мѳлодца зашло туда, —
Два-то тут сына любимых-то:
Во перьвѳх зашел Иван, богатырь русьской-от,
Во других зашел Иван, хресьяньской сын.
Иван, богатырь русьской-от,
1665. Он пришел, пришел, с отцом да поздоровалсе,
Проздравил его со днѳм с рождѳнным-то;
Поцеловал король же сына во уста его,
Сказал: «Садись, моѳ да чадо милоѳ!»
Сел королевиць-от за окольнѳй стол,
1670. По ту пору двери приоткрылисе,
Зашол, зашел ведь Ваня-то, хресьяньской сын,
Он подошел к столу да низко кланелсе,
Королѳ-ту падал во резвьѳ ноги:
«Прости, батюшка-родитель мой, как родитель мой, король,
сказать,
1675. Король милослив да очунь жалѳслив!»
«Тебя бог простит, мой же младшой-от любимой сын!
Не своим-то умом-разумом
Ты пришел — умом наказанный,
Знал, когда притти-приехати,
(Дедко уж знал, что сын его наказывал.)
1680. Не своим же ты умом, не своим разумом —
Ты чужим, чужим умом да всё наказанный!
Знал же, знал, когда приехати,
Знал же, знал, когда извинитисе.
Я скажу тебе, сын, поведаю:
1685. Кабы не этот день да не сегоднешней,
А сегоднешний день считается, —
А у вас-то ведь, сказать, да на светой Руси,
Вот великий день считается у вас же ваша пасха-то,
Из тюрем у вас, из замѳк выпускаютсе,
1690. Многим, многим тут виновникам прощашаетсе, —
А у миня-то ведь рождѳнной день великой есть.
А прощаю тибѳ, сын да мой любимой-от,
Вот любимой у меня сын, да дитя младший-то,
Во перьвѳх прощаю в день такой, сказать,
1695. Во других прощаю ради матери,
Ради матушки твоей же всё родимою:
У ей ведь катетсе ведь слѳзы-ти, не жемчѳг, сказать.
А ты ведь мудрой-от собой, што поспешил приехать на его
времечко,
А на сегоднешной мой праздник. день рождения, —
1700. Тебе немилѳслива расчитушка была у мя,
Все запомнили бы ведь ету-ту расчитушку,
Все со старого до малого призапомнили,
Они со страху-ту с такого все розбежалисе.
А теперь же добро жаловать, садись за стол,
1705. Ты садись-ко-се за стол да станѳм кушати!»
Его любимой-от сын, Иван, богатырь-от русьской-от,

- Он сидел, сидел у его под руку правую,
Младшой сын садилсе под руку левую.
«Не тужи же, сын ты младшой мой,
1710. Отомеём-то ей насмешечку великую,
Как твоей-то всё лукавицы молодой жены!
Но теперг, ко поживи-ко у мня да в моём городе,
Поживи-то у мене да погости же всё».
- А тут зыграли во струночки золочёные,
1715. Как во те ли во гуслици золочёные,
Тут ведь стали гости-ти у короля-ти, стали гости кушать,
Стали кушать у короля-ти гости кушанья сахарные,
Вот сахарные у его кушанья-ти разные,
Стали пить у его напитки заморские;
1720. Пированьице у короля да шло, продолжалосе,
Продолжалосе всё, гости сидели кушали,
Ише кушали сидели, розговор вели.
Много-много у короля было кушанья покушано,
Разных водочёк-то сладких тут попито,
1725. Пировали-то, столовали трби сутоцьки.
Которы гости-ти по близности, тогда стали розъезжатисе,
С королём-то они зачели прошшатисе;
А как дальния-ти гости, те осталисе,
Те осталисе нескóлько дней,
1730. Ише жили еще в его королевском-то во городе,
А через месяц-от гости-ти все уехали.
Когда сели-то деточки его, пришли обедати,
Король-от с радости сыновей встретил с королевою,
Говорил-то он с имá с удовольсгвия:
1735. «Но тепере, мои сыночки дороги, скажу,
Нужно, нужно приниматься за дела разны.
Не обижайтесь, сыновья, что я вам скажу:
Уж ты ой еси, мой сын, да сын же старшой-от,
Сын же старшой-от, да Иван, богáтырь руськой-от.
1740. Иван, руськой ты богáтырь, и Иван, младшой сын,
Оставайтесь без мене да королити тут.
Я ведь завтро-то же ўтриком уеду я,
Вот уеду я, уеду вон из города,
По делам уеду по важным-то».
1745. Распростилсе тут король с детьми, с королевою,
Разошлись же они, ушли да во свои полаты-ти белокаменны,
А как за ўжной-то короля они не видели.
Как нескоро же король да домой вернулсе он,
Только вернулсе он, приехал поздым вечером.
1750. Заговорили-то тогда же слуги королевские,
А что: «приехал-то, вернулсе наш король домой».
Как ко вечеру за ужин не приходил же он,
Они кушали-то всё толькó с королевою.
А по ўтру-ту по ранному,
1755. По восходу-ту как тут же сонця красного,
Как ставал, ставал король флорицкой тут,
Он ставал, ставал ведь, ведь всё дитей позвал,
Вот дитей-то он позвал, сказал таки слова,
Вот таки речи сказал да возговбрил он:
1760. «Как пора тебе, сыночик, ехать к матушки,
Ехать к матушки к своей же ко родимою!

- * Перед тобой же дворець свой да принесетсе-то,
Принесетсе-то, да всё же сделается. .
Как ведь завтра-то по ўтру ты отправишьсе,
1765. Брат свезёт тебя, Иван, богатырь руськой-от,
А что тебе он станёт всё наказывать,
Ты ведь слушай-ко его речей, внимай же всё».
Тут благодарил-то он да низко кланелсе,
Как падал королю Ваня во резвы ноги:
1770. «Тебе спасибо, батюшко, король-отець,
Как за все твои подвиги-ти великие,
А как за твою ли всё за милось за великую!»
Тут подымал его король да за праву руку,
Человал его король да во уста его сахарныя,
1775. Подымал его ведь скоро его на ноги.
Попировали, посидели они покушали,
Тогда стал-то ведь Ваня спрошшатисе,
С королём-то стал ведь Ваня, с королевою;
И простилсе с королём, король говори тут:
1780. «Уж ты, сын, ты, сын, да ты, любимой мой,
Хошь не вместях-то будем, во городи не в одном же жить,
А я ведь всё тебя да не покину-то,
Твою часть-то я тебе из королевсьвиця поведаю.
Долголетной ты ведь будь да очунь мудрой-от,
1785. Тебе королить-то, жить ведь всё же по счесливому!»
Королева-та ведь тут в слезах спрошшаласе,
Она просила же его да охранять себя
От врагов-то всё себя да всё от разных-то.
Тогда пошли-то братица из полат же вон,
1790. Они погуляли тут ведь, братья, да по зеленым лугам,
По зеленым они садам, по зеленым лугам,
Они ездили по городу флорийскому;
Они тогда же, братья, пришли в полаты белокаменны,
А и вот поели, поели вон, покушали,
1795. Разных-то водочек сладких попили,
Во постелёчку на перинушки скоро спать легли.
А скоро, скоро ночка прошла у йих,
Прошла ноченька да скоро-наскоро;
Пробужались тут же братица,
1800. Собирались в путь-дорожочку,
А и убирали тут они да всё добрых коней,
Убিরали (о)ни да в дорогой убор.
Когда сели они да на добрых коней,
Король вышел с королевою,
1805. Вышел он же провожать детей,
Отдал яшшичок-от в яшшичке,
Отдал ключи ему да золочёные,
Сказал: «Будь счеливой, сын, да долголетным жить!»
Королева подала тогда,
1810. Подала-то ему светлой яшшичок:
«Этот яшшичок передай да рóдной матушки,
Рóдной матушки, — от миня да ей подарочки».
Отдала ему ключик золочёной-от.
Распростились-то Ваня с королём же, с королевою,
1815. Со всем народом со всем с флорицким-то.
А как не два-то ясных сокола тут полётело,

- А два брателко поехало;
Иихны кони-ти да богатырьские
Как помчались, будто птицы перелётные, —
1820. А сыра́ земля да колыбаласе,
Из морей, из рек вода разливаласе,
Тёмны лёса же все да вот шаталисе,
В зеленых садах древа да приклонялисе,
Фрукты сладкие с древо́в да всё попадали.
1825. А и долго ехали братыца в дорожечки,
Поздым вечером приехали во егс, в ванино, в селеньицо,
Во селеньицо в ванино, в деревенку,
А и ко его ко маленькому домищку;
А и тут остановились дёбры мо́лодцы.
1830. Иван, русьской-от богатырь, тут
Говорил же брату таковы слова,
Таковы слова да таковы речи:
«Ето что, брателко, да за деревенка?»
«Ето деревня, брат, родна́ моя,
1835. Етот домик-от — родной же мой,
В той во хаты-то родилсе я».
Иван, русьской богатырь, королевичь-от,
Он сидел, сидел да на добром кони,
Ваня стал стучатьце во двери, в ворота-та;
1840. А как ему же родна матушка не ответила,
А и не ответила матушка, не отворила.
А и Ваня сдынул двери-ворота, — знал ведь, как зайти.
Иван, русьской-от богатырь, приаду́малсе,
Он сошел, сошел с добра́ коня,
1845. Коней взял же он за по́воды,
А и привезал коней ко двору да всё ко ванину,
Ко кольцо же он всё да ко прбстому,
Вот ко прбстому да всё ко железному;
Сам пошел, пошел ко Вани он,
1850. Сам зашел во ванину избушечку.
Ванина родна матушка,
Она лежит, лежит хворат же во постелёчке;
Приузнала своего же чада милого.
Гость зашел тут, поздоровалсе,
1855. Поздоровалсе, низко кланелсе.
А Ваня немного тут разговаривал,
Отмыкал-то ящик в ящичке,
Брал перстень золочёной тут,
С рúки на́ руку он перебрасывал,
1860. Перебрасывал он же тут, покинывал,
Выскочило триста тридцеть три-то мо́лодца,
А и вонй выскочили, возговори́ли:
«Что ведь надоть, ласковой хозяин наш?»
Он ведь начел, Ваня, тут бранить, ругать:
1865. «Ежели не хотите, ребята, всё же правдой жить,
А вы ведь хотите неправдой жить,
Тогда приломаю я да золотой перстень,
Ослобожу же вас на волюшку.
Почему же вы миня не слушаете?»
1870. А на гибель миня бросили?»
Тут мо́лодцики да извинялися,

- Они низко поклонялись:
 «Уж ты гой еси, любимый наш хозяин-от,
 Иван, молодой королевиць-от,
 1875. Не виноваты мы же всё ни в чём, —
 Нам велела так работати
 Наша ласкова хозяйюшка,
 Как твоя-то молода жена».
 «Но, я ведь вас, мóлодцы, прошшаю же!
 1880. Сослужите вы мне службу верную,
 Службу верную, да неизменную,
 А вы слетайте-тко, ребятушка,
 А вы вот тот ли во город датской от
 Принесите мой дворець обратно всё!
 1885. Хто в дворци-то есть, дак всех вы несите ко мне».
 Тут ребята-ти да не ослышились,
 Полетели они да птицей перелётною,
 Будто ветер да прошумел тогда,
 Прошумел ветер, просвистел же он.
 1890. А ребята далеко летели же,
 А и прилетели вонí во датской город-от;
 Они немного розговаривали,
 Подхватили дворець да золочёной тут,
 Понесли его гобрагно всё,
 1895. А и принесли вонí во-то местó,
 Во то местó, где-ка он стоял.
 Увидал тогда ведь Ваня-то,
 Ишше Ваня, сын да хресьяньской-от,
 А и он ведь скоро побежал туда:
 1900. «Уж вы ой еси, ребятушка,
 А перенесите-тко мою да рóдну матушку!»
 Тут его ребята не ослушались,
 Перенесли во дом да рóдну матушку.
 А Ваня-то поехали с богáтырем,
 1905. Как с Иваном, русьским-то богáтырем,
 На двор ёго на широкой-от,
 Заводили тут добрых коней
 Как во те ли во конюшенки стоялые,
 Они насыпáли коням пшеницы белояровой,
 1910. Наливали воды медовою;
 Сами пошли во полаты белокаменны,
 В королевския во горницы.
 Там ведь слуги-ти везде были,
 А везде были всё по комнатам,
 1915. Они все да поклонялись.
 Когда Ваня-то зашли же всё
 Как во ту же спаленку во тёплую,
 Увидал он свою молоду жону, —
 Она лежит жо на кровати на золочёною,
 1920. На перинушки пухóвую,
 С ней ведь спит-то всё королевиць датской-от.
 Тут не лютоё зельё розгорялось,
 Богатырьско-то серьцо ростреложилось,
 Лепетá в лица перемениласе,
 1925. Могуци плечи да шевелилисе,
 А и вот крычал-то Ваня грсмким голосом,

- Богатырьским он же посвистом;
 Пробужалсе королевичь млад,
 Тут скакал же на резвы ноги:
1930. «Ты прости, прости меня да всё вины же в той,
 А и не виновен я некак тебе,
 Я не сам пришол к тебе, к тебе приехал-то, —
 Она сама к нам в город-от наехала,
 А и вовлекла меня в дела не в добрые;
1935. А прости меня ведь в той вины,
 Я не сам же это, она меня вовлекла же все!
 Не убивай миня, оставь в живых,
 Не казни миня, помилуй же!
 Я плачю тебе велику же дань же с пошлиной».
1940. Тут оставил Иван, хресьянской сын,
 Он раздумалсе, — невиновен королевичь есть.
 Королю-ту скору весть дали,
 Что ведь дочь его приехала.
 Король с королевой тут не замешкались,
- 1945 Не замешкались король, приехали,
 А и увидели доць, в каком она есть в положеньици.
 Кóроль гневно поступил тогда,
 Закрычал корóль ведь страшно тут,
 Королева-то розгневалась;
1950. Они плевали доцери в ясны очí,
 Говорили таковы речí:
 «За такó ли огрубленьице
 Мы давам теперь, — суди её,
 Ты суди её, да сам ведь всё губи:
1955. Хошь сруби у ей да с плечь ведь буйну голову,
 Засади хошь ей да в тёмну тёмницу,
 Заклучи ей хошь ей да в злодейку в заключебную!»
 А как тут-то все гости съехались,
 На такó диво дивовалисе;
1960. Стали гости-ти просить его,
 Чтобы не погубил он своей да молодой жены,
 Он оставил её во живности,
 Пожалел ее да глупой молодости.
 А он говóрил йим да таковы речí,
1965. Таковы речí да таковы слова:
 «Глупых жон да мне не надобно».
 А как ведь тогда возгóворил король, отец её
 (Как одна дитё, дак ему жалко всё):
 «А уж ты ой еси, Иван всё королевичь-от,
1970. А помилуй ей да не казни же всё,
 Ты спусти ей да на волю, куда хочот-то;
 Сам поди на волю да королём же жить,
 Королём же жить жа, королить у мя,
 А ты женись, женись, да где хочошь сам».
1975. А тут ведь гости-ти начели говóрити:
 «А и ты прости, прости, король, да вины виноватою,
 Как свою прости да молоду жену!»
 Говорили ему взни да во перьвóй же раз,
 Говорили ему да во другой же раз,
- 1980 Говорили они ему да во третей же раз.
 А как тогда Йиван королевичь-от

- Как прошал свою он молоду жену.
 А тут пошло у йих же пированьице,
 А весёлое столованьицо.
1985. А королевичь-от, уехал он
 Во свою страну да всё в трелоги-то,
 Рад ведь был, что жива́ да отпустили-то.
 Пированьицо шло тут не много и не мало-то:
 Пировали челой месяц тут.
1990. И пировал Иван, богатырь русьской-от.
 Когда пиры-ти, столы да всё кончались,
 Стали гости тут розъезжатисе,
 А король-от с королевою ходили тут,
 Они ходили тут каждой день же к ним;
1995. Да надоть, время-то уезжать гостю,
 Уезжать-то гостю да всё же самоважному,
 Самоважному, дорогому-ту,
 Ивану, русьскому богатырю,
 Королевицу флорицкому.
2000. А как до отъезду своего же он,
 Когда последня было спать-то ему ноченька,
 Хорошо братица за ужином сидели-то,
 Они весёлы речи говорили-то;
 Когда поели они, покушали,
2005. Стали братья респрошшатисе,
 Друг ведь другу-ту пожалали сну спокойного,
 Сну спокойного, приятного.
 Пошел спать Йиван, хресьянской сын,
 С своей же пошел всё же с молодой женой.
2010. А как тогда Йиван, русьской-от богатырь-эт,
 Когда он же всё спать ушел же он,
 Иван, русьской-от богатырь же,
 Он пришел, пришел ко йихной спальни-то,
 А и он же зачел тут стучатисе:
2015. «Пусти, пусти, брателко, до тибя же всё ведь дело есть!»
 Открывал-то тут Ыван, хресьянской сын,
 А тепере, скажом, королевичь он:
 «По́ди, по́ди, брателко родимой мой!»
 Он когда, когда зашел да в йхну спаленку,
2020. Брата взял да за белу́ руку:
 «Ты по́ди, по́ди-ко, брателко,
 Погуляй сходи по свѣтлицам,
 А я останусь с твоей да с молодой женой».
 А запиралсе Йиван, русьской-от богатырь тут,
2025. Он взял, взял же розги перьвые,
 Зачел он же всё стегать же ей:
 «Вот те, знай, как всё омманом жить,
 Мужа омманывать!
 Знай ведь яшшичок похичивать!
2030. Знай королевича вовлекать к себе!»
 Она плакала, нечего́ же не говорила;
 Он взял же и други́ розги́, —
 Она плачѣт, нечего́ да не говорит-то:
 Когда взял же он третьи́ розги́,
2035. Тогда на́чала ему говори́ти:
 «Уж ты ой еси, дородне́й доброй мблodeць,

- Ты, богатырь же пресильней есть,
 Уж ты, рыцарь ли пречудной тут,
 Ты прости, прости меня вины да виноватою!
2040. Я сама глупа, дак у мня ум глупой,
 Глупой ум, немудрой-от...
 Не 'убивай меня, помилуй-ко!
 Я буду мужу-ту жена, в дому хозяйка-то,
 Так не сделаю боле некогда же я.
2045. Ты прости миня вины да виноватою!»
 Тут Иван, русьской богатырь-от,
 Все розбиты розги-ти забрал же он,
 Вот забрал и сам же он ушол,
 Нашол брателка в полатах белокаменных:
- 2050 «Ты поди, поди тепере, брат,
 Ты поди к своей да к молодой жёнй,
 А я поеду теперь во свой же град,
 Вот во свой же град к отцу, к матушки,
 Ко всему народу-ту флорицкому».
2055. Тут ведь братьица прошшались,
 Во слезах они россталисе:
 «А и приезжай ты, брателко, ведь в гости к нам, —
 Тебя будет ждять отець-король,
 Как отець-король со матушкой с моей, да с королевою».
2060. Иван, русьской-от богатырь же¹,
 Скоро, скоро королём же стал,
 Стал ведь жить-поживать с своей да с молодой женой;
 А королевна-та — да королевою.
 Хорошо живёт король младой
2065. Со своей он с королевою:
 Королева, его жена, во всём же ему верная,
 Ему верная да очунь кроткая.
 Отець с матушкой возрадовались.
 Через год-от да поры-времени
2070. Как родилсе у них любимой сын,
 Как любимой сын, млад королевиць тут.
 А й как пришло письмо, да скоро грамотка,
 От флорицкого да короля же тут:
 Король чёстует, зовёт же всё
2075. Ко себе в гости повидать его,
 Повидать его да молоду жену,
 Молоду жену, сына любимого.
 А Йиван, русьской-от богатырь, тут
 Пишот брателку да скору грамоту,
2080. Э и скору грамоту скорописцету,
 Просит его приехать-то на свадьбу же,
 Его на свадьбу попировать же всё, —
 Он ведь женитце на шпанской-от принцессы-от,
 На принцессы женитце на Анны же.
2085. А и прочитал тут король Ваня, не замешкалсе,
 Зачел в путь он собиратисе,
 Короля-отца оставил он,
 Вот оставил он да королить же всё,
 Он пошол, пошол на чернёных, король, на кáраблях,

¹ Обмолвка; следует: «Иван, хрестьянской сын».

2090. Взял свою же он да молоду жену,
Взял своёго он да чада милого,
Сына всё любимого.
А как тогда потенули ветры буйные,
Ветры буйныя попутныя,
2095. Уносило скоро кáрабли
В королевьсво всё в флорицкоё.
Тут стречал король со всей своей со свитою,
А стречал его да с королевою,
Со своим сынóm с любимым-то,
- 2100 Со Иваном, с богáтырём с руським-то,
А и со своей женой, да с королевою.
Тут ведь жили гости да всё же пожили,
Король с королевой да принимали йих,
Што приехал Иван король да с королевою,
2105. Показали сына любимого.
А они ведь жили-пожили ровно полгодá,
Э и видли свадьбу Ивана, русьского богáтыря;
Они ведь пировали-столовали тут.
А и как у Ивана-то, у богáтыря у русьского,
2110. Жена была тожа красавиця;
Но у Йивана-то у короля, у хресьянина,
Она тоже неплоха была,
Красотой она красивая,
Она ведь мудросью премудрая, —
2115. Король не мог налюбоватьце тут,
На своих снох насмотрятьсе-то.
Королева-та ходила же,
Всё сыноцька иванова носила-то:
«Посмотрите-тко, люди добрые,
2120. Во пиру гостй приезжие,
Я ведь тожа буду ведь богáтырь-эт.
Как ведь дяденька Иван, русьской богáтырь-эт!»
А пришло времечко Ивану королю да собиратисе,
А с королём, с отцом, со матушкой прошшатисе,
2125. Как со братом со Иваном, с богáтырем со русьским-то,
А и как с его да всё же с молодой женой.
Тут король, король флорицкой-от,
Отделил часть кáраблей своих
Своему же сыну младшему,
2130. Сыну младшему своему, сыну хресьяньскому,
Нагружал кáрабли разныма товарами
И дал ему вон красна золота,
Дал ему он чйста сéребра,
Во слезах с йим распростилсе тут;
2135. Королева тоже же расплакалася,
А на прошшаньицы говбрила,
Што: «почашше приезжайте к нам!»
Иван, русьской-от богáтырь тут,
Провожал далёко брата своёго все нареченного,
2140. Провожал его с своей же с молодой женой,
Проводили его, назадь да воротилисе.
А Иван-от, хресьянской сын, король же всё,
Со своей он с королевою,
Со своим сыном с любимым-то —

2145. Они кротко, смирно ушли же всё
 Во свой город-от, где-ка он королил сидел.
 Король стретил его да с цести, с радости,
 Со великого да удовольствия.
 Король тут же на спокой сошел,
2150. На спокой сошел да отдохнуть хогел, —
 А Иван-от, хресьяньской сын, да королём же сел,
 Королём же сел да королить же стал.
 А он королил сидел, да скажóm, многó,
 У него дети были, да детей многó же;
2155. Все же дети помирали-то,
 А и в живых былó да только двое всё:
 Ишше сын-от был да у ёго с дочерью.
 Кóгда дочь у его да всё повыросла,
 Она отдана была у его же всё в замужество
2160. За сына Ивана, русьского богáтыря.
 А Йиван, русьской-от богáтырь тут,
 Поженил своёго сына он любимого
 У того ли у царя да пересийского
 На его же всё да рóдной дочери.
2165. Тут ведь вечно жили братьица во дружбы-то:
 Кáкой ворог не придёт же всё
 Под короля-то под Ывана-то хресьяньского,
 Ыван, русьской-от богáтырь-от,
 Пособлял брату всегда же он, —
2170. Он подойдёт со силой многою
 И побьёт, побьёт врагов тогда.
 Долго, долго братья жили-то,
 Хорошо они королили-то.
 А про ихны дела про чудные
2175. А и все короли-ти дивовалисе,
 Все князья-ти ужахалисе.
 А й той старинушке теперече конець пришол.
 Как ведь умны-ти ведь люди подивуютце,
 Ишше глúпы-ти люди насмеютсе же.
-

№ 96. ПЕРЕСМЯКИН РОДНОЙ ПЛЕМЯННИЧЕК

- А и как во славном-то во городи во Киеви,
 А и вот у ласкова у князя-то у Владимира,
 И как ведь был у его богáтырь славнокиевьской,
 А и Пересмякин-от был родной племянничек.
5. А ведь ездил всё-от он да разъезживал
 А и вон по всем-то все поездкам богáтырьским-то,
 А его во дальни, во иностранны рáзны гóроды,
 А и он ведь ездил всё же на добром кони,
 Он получал-то все он же дани-пошлины,
10. А и много он всё же рубил силы неверноё,
 А не допуская силы ведь близко ко Киеву.
 А и захотелосе дородну дóбру мóлодцу
 А и вот сходить, сходить за мсря глубокия,

- А и на чернёном-то сходить же он на кáрабле.
15. А и он ходил-то вот, ходил да всё во перьвой год,
А и хорошо-то всё ему вот посчастливилело,
А и он привёз, привёз товары-те ведь разные,
А и вот ведь разные товары иностранные.
А и вот пошел тогда богатырь на второй же год,
20. А и получал много ведь и он же данй-пошлины,
А и вот привёз-то он товары все Царя-градá,
А и вот Александрии-то все привёз же, слáвна города.
Вот ведь князю-ту Владимиру-то товары-те пондравились,
А кнегины-то Опраксии приглянулице,
25. Вот отправил князь Владимир на третей же год.
Вот пошел, пошел дородней доброй мóлодец,
Потянули ему ветры, ветры буйные,
Ветры буйны потянули ему непопутные,
Непопутны-те пали-ко, неприятные.
30. Подымалась-то тогда же туча тёмная,
Туча тёмна подымалась да вочунь грозная,
Вот погнáла тогда же чёрный кáрабель,
Понесло его погодушкой великою,
Вот несло-то его всё же без внимания,
35. Занесло его в Милитрийски слáвны óстрова,
Как во пúсто-то во место пúстоё,
(Г)де вить не было ни города, ни дерёвенки.
Как ведь тут-то, всё в этих Милитрийских-то славных вóстровах,
Тут-то жили все же, вот скрывалисе,
40. Ище жили, ведь и скажем, всё камышнички,
Как по нашему, по руському было сказано,
Жили воры-ти, жили все рабойнички,
Вот носни-ти были подорожнички.
Увидали-то гонй чернёный большой кáрабель,
45. Вот подъехали к нему, братцы, камышнички,
Вот камышнички, скажем, ти разбойнички,
Они ограбили чернёной-от ведь кáрабель,
Иишо мláденьких матросов прирубили всех,
Прирубили-то гонй же, погубили всех,
50. Побросали их во морюшко глубокою.
Пересмякина родного-то племянничка
На красоту они молодецькую прельстилице,
Не погубили-то его, в живых оставили,
Увезли к себе гонй же в свои же во палатушки, —
55. Вот палаты-ти ведь эти были у них очень хорошо устроены, —
Они сделали его себе атаманом-то.
Как тужил-то ведь да тужил князь Владимир ведь,
Как ведь плакал об нём дядинька родимой-от,
Везде ездили, его везде разыскивали
60. Вот морским путём его да путём и горним.
Не могли-то всё его да вот найти они.
Как прошло-то тому времечки три-то годичка,
Не возвратился неоткуль же да доброй мóлодец,
Доброй молодець, ведь и русской славной богатырь-от.
65. Потужили-то, поплакали, — делать нечего!
Как во то же всё во сáмо было времечко,
Как во том ли было в городе в Гишпанин,
Захотелось королевны-то погулять же ей,

- Погулять-то всё, поездить по синю морю.
 70. Вот поехала гоня же всё со няньками,
 Вот со няньками поехала, со мамками;
 Как вонь тогда далеко очуны уехали.
 Тут ведь няньки-те, ведь и мамушки гово́рили:
 «Нам пора, пора нам скоро вернутисе,
 75. Потому-то что ведь туча тёмна подымается
 Как со всех-то она с четыре со стороночек:
 Со востоциню воня, скажем, стороноцку,
 Как во вторых она, скажем, во западну стороноцку,
 Как во летнюю она же все, во северную.»
 80. Королевна-то их не послушала:
 «Эта туча-то пройдёт, не погубит же нас».
 Говорили тогда нянюшки во второй же раз,
 Говорили ей же няньки-те во третей же раз;
 Они хотели только скоро повернутисе,
 85. Вот ко городу Гишпании подъехати, —
 Не успели они до городу доехати,
 Подымалась тут погодушка немалая,
 Понесло-то скоро ихню лёгку лодочку.
 Как несло-то их ведь семеры-те сутоцьки,
 90. Принесло-то в Милитрийски славы острова,
 Где-ка жили-то, ведь и жили-то камышнички,
 Вот камышнички-ти жили, воры-разбойнички,
 Вот носни-те всё были подорожнички.
 Увидали тут ведь и скоро разбойнички:
 95. «Что так несёт ведь чёрное, не знаем-то?»
 Они смотряли скоро в трубоцки подзорные,
 Они узнали, что несёт же лёгку лодочку,
 Они стали-то ведь и ей же дожидатисе.
 Принесло-то скоро лодочку ведь к им же всё.
 100. Увидали тут разбойничков-то нянюшки,
 Увидали тут все же их ведь мамушки,
 Со страху они да в воду бросились,
 В воду бросились, погинули;
 Королевна-та, ведь та же испугаласе.
 105. Испугаласе она, ведь и сделаласе без сознаница.
 Тут увидали разбойнички, они же поняли:
 «Верно, есть она же роду не хресьянского,
 Она есть же всё ведь и роду-то королевского,
 Королевского-то и роду, княженевского».
 110. Ей ведь взяли, взяли всё да понесли они,
 Понесли они в палаточки к себе же все;
 Говорили они атаману, добру молодцу,
 Пересмякину родному всё племяннику:
 «Ты бери, бери, атаман, эту красавицу,
 115. Тебе будет-то она же всё любой семьей,
 Вот любой тебе семьей, да молодой женой!»
 Атаман-то, он да увидел да ужахнулся всё,
 Он велел-то ей положить на кроваточку,
 На кроваточку положить на кисовку,
 120. На периночку положить на пуховую,
 Приказал-то им же выйти из палаты вон,
 Не будил-то он ведь ей и не треложил всё.
 С ужаханьница спала она трое сутоцьки,

- На четвёрты-ти она вот пробуждаласе,
 125. Открывала она свои же очи ясные,
 Увидала она дородня дѳбра мѳлодца,
 Она увидала его, тогда задумалася,
 Она задумалася тогда, сама раздумалася:
 «Это, верно, есть ведь всё же атаман же сам!»
132. Она ставала тогда с кроваточки кисѳвою,
 Со периночки ставала со пухѳвою,
 Она кланяласе-то атаману-ту низѳшенько:
 «Ты ведь гой еси, дородной доброй мѳлодец,
 Атаман-то ведь, наверно, ты ведь сам же есть,
135. Ты прости меня вины вот виноватою, —
 Я не помню, отчего ж здесь очѳдилася!
 Расскажи-ко, атаман, про всё же мне».
 Рассказал-то атаман, как всё случилосе,
 Расспросил-то ей, откуда она есть жива,
140. Да откуда она есть, из каких же стран?
 Отвечала: «Из страны, страны Гишпани,
 Как гишпаньска-то ведь, скѳжу, королевна я».
 Говорил-то Пересмякин-то племянничек:
 «Не тужи-ко ты, премлѳда королевна же,
145. У тебя-то судьба-участь со мной одинакая;
 Поживи-ко-се теперече со мной же ты,
 Как придѳт-то, придѳт времечко, такой случай:
 Как камышничков всё ведь триста есть,
 Отошло-то я ведь их я-то всё на тот же край,
150. Пушай караулят там они же все с того край,
 Не прошол ли какой чернѳный большой кѳрабель».
 Как прошло ведь тому времени как месяц-от
 Как жила-то у него же королевна-та,
 Вот она-то с ним ведь и всё же познакомилася,
155. Не забоялася она его, не застрашилася.
 Они нѳчели вести же тут беседушку весѳлую,
 Она ходила с ним гуляла по темным лесам,
 По темным она лесам да по зеленым лугам.
 Как тогда-то Пересмякин родной племянничек
160. Отослал-то он камышничков да на другой же край
 Караулить же там чернѳных больших кѳраблей.
 Он остался сам ведь всё же с королевною,
 Приготовил скоро лодочку себе же он,
 Вот себе же он ведь и лодочку, ее же он;
165. Он ведь набрал, набрал ведь много золотой казны,
 Он ведь набрал много всё же чѳста сѳребра,
 Он ведь набрал тут ведь и платья, платья разного.
 Когда пришла-то всё ведь и ночка, ночка темная,
 Вот взошла, взошла луна же поднебесная,
170. Собрались-то скоро всё они в дорожечку,
 Усадил-то он ведь и ей же на серѳдочку;
 Королевна-то, захотела погрести она,
 Вот ведь села-то гонѳ да во передни грести весѳлышка,
 Пересмякин-от племянничек — во задние.
175. А и вот потянули ему да ветры буйные.
 Ветры буйные ему они попутные.
 Утомилася тут премлѳда королевна-та,
 Он садил, садил еѳ же на серѳдочку,

- Вот окутал её одеялом соболиным-то,
 187. Он обклатил-то ей подушками пуховыма,
 Вот поехал сам ведь и начал-то грести же сам.
 Вот как ехал-то, ведь и ехал он не день и не два,
 Он ведь ехал-то неделечку поры-времени,
 Разбежалася тут погодушка великая,
185. Понесла-то скоро лёгку всё же лодочку,
 Как несло, несло её же ночью, ночью темною,
 Перед утром-то погодушка отихла-то.
 Вот узнал, узнал ведь и землю ту, какá она, —
 Как земля, земля была славна Гишпаниа.
190. Он заехал-то счастливо в гавань корабельную,
 Забудил тогда премладу-то королевичну:
 «Ты ставай, ставай, премлада королевична, —
 Как приехали во славной город мы Гишпанию.
 Ты поди, поди теперь к отцу-батюшку.
195. Ты поди, поди к родимой своей матушки!»
 Говорила тут премлада-то королевисна:
 «Я одна, одна теперича не иду никак,
 Ты пойдём, пойдём со мной домой, избавитель мой:
 Как тебя-то всё теперь король, отец-батюшка,
200. Он и будет-то теперь-то сейчас миловать,
 Он ведь и будет-то сейчас же тебя жаловать
 Городами-ти со садами со прекрасныма,
 Деревнями-ти тебя будёт с присадами».
 Говорил тогда Пересмякин родной племянничек:
205. «Мне же богаствице сейчас же всё не к надобью,
 Вот не к надобью ето же, мне не надобно,
 Я теперича доеду вот до Киева,
 Мня у дядюшки йименьице ведь есть же всё,
 У мня своей-то взято есть да золотой казны,
210. Как ведь эта золотá казна моя была.
 Отвезу я ето золото тому князю-то,
 Вот ведь князю отвезу же Владимиру».
 Тут пришли-то все ведь слуги княженецкие,
 Они пришли, пришли на пристань попроведати;
215. Как узнали-то про свою они-то королевну-ту,
 Побежали они тогда очунь скорёхонько,
 Рассказали-то королю же с королевою.
 Тут ведь сам пришол король же с королевою,
 Они облили слезами всё любиму дочь,
220. Они брали ведь как ей же за праву руку,
 Повели же ей да во дворець же свой.
 Королевна-та ведь и им же всё говорила:
 «Вы ведите-ко, ведите гостя любимого,
 Как который меня избавил смерти скорую».
225. Как ведь тут скоро, ведь и скоро, вот скорёшенько
 Приходили-то ведь и слуги королевские,
 Они звали Пересмякина племянничка.
 Как пошол тогда дородний доброй мблodeц,
 Как подходил-то он ведь и скоро ко дворцю ведь королевскому;
230. Как встречал, встречал его же вот король ишпанской-от,
 Проводил-то во палаты королевския,
 Собирал-то пир король тогда на радости,
 На великом-то ведь и он на одовольствии.

- При пирѹ-то благодарил же всё Пересмякина племянничка,
 235. Он наклал же всё ему же красна золота,
 Он насыпал ему же много чиста сѣребра,
 Он насыпал-то ему да драга жемчуга.
 И как тогда-то всё Пересмякин-от племянничек,
 Он не брал, не брал с его же всё подарочек;
240. Говорил тогда король вот таковы слова:
 «Я не знай, какѹ наградушку полбжоти
 За твою ли за услугу молодецькую,
 Как за ту ли всё за удаль богатырьскую!
 Я полбжу тебе наградушку великую,
245. Отдаваю дочь любиму-ту во замужесьво,
 Во замужесьво тибѣ, всё во супружесьво;
 Хоща у мя живи, живи же во Ишпани,
 Я тебе же вот даваю дворец в Ишпани,
 Полкоролевьсва своего тебе даю же я, —
250. Кабы не было у меня сына любимого,
 Тебя сделал бы ведь я да королѣм тогда.
 Говорил тогда ведь Пересмякин родной племянничек:
 «Королѣм то, — королевьска жисть треложная,
 Жисть треложная ведь и всё есь, беспокояная;
255. Если отдашь да дочь любимую в замужесьво,
 Узвезу-то ее в славной Киев-град».
 Через месяц-от поры же, поры-времени
 Ишшо отдал-то в замужесьво король же допь любимую,
 Во приданно дал двенадцать чѣрных кáраблей,
260. Нагрузил-то вон товарами иностранными.
 Как ведь начал доброй мóлодец собиратисѣ,
 В путь-дорожечку начал вотправлятисѣ;
 Потянули тут эти ветры буйные,
 Ветры буйные потянули тут попутные,
265. Он пошел, пошел тогда да в славной Киев-град.
 Провожал его король вот с королевою,
 Как с его же всё со сыном со любимым-то;
 Проводили-то его, назад да воротилисѣ.
 Вот пошли, пошли чѣрнѣны-те большй кáрабли,
270. Вот пошли они во море слáвно Чѣрное,
 Запалили скоро с кáраблей во пушкати-те;
 Услыхали тут во городи во Киеви,
 Ужахнулся тогда Владимир-то славнокиевьской,
 Он и начал собирать он силу-армию, —
275. Все богáтыри из Киева разѣехалисѣ.
 Вот послал, послал Владимир попроведати,
 Попроведати-то посыпал он Ваню генералььского,
 Во вторых послал он ведь и Ваню-ту Залѣшанана,
 Во третйх послал ведь и Гришку-ту дворяньского.
280. Вот ведь сели добры мóлодцы на добрых коней,
 Вот поехали они же к морю к Чѣрному,
 Розузнали, что ведь и тут да всё не царь пришел,
 Вот не царь пришел да не король пришел,
 Не с войной пришли они, не воевати к ним, —
285. Вот пришел, пришел дородней доброй мóлодец,
 Пересмякин-от пришел родной племянничек,
 Он пришел-то на двенадцати чѣрных кáраблях.
 Он привѣз-то все товары йностранные.

- Как узнал тогда его же дяденька родимой-от,
 290. Он поехал сам тогда встречать-от племянничка любимого.
 Вот повыгрузили-то товары иностранные,
 Как тогда-то вот пошла свадьба весёлая,
 Как на свадьбе-то был у них да всё Владимир князь,
 Вот Владимир князь жил да был да всё со княгиною.
295. Как узнали про то руськие богатыри,
 Отовсюль-то воні съехались, скопились.
 Тут пошла у их ведь и свадьба-та весёлая,
 Много, много было кушанья тут покушано,
 Еще кушанья-то разного сахарного,
300. Было попито ведь и водочек-то разных,
 Иишо разных-то ведь и водочек иностранных-то.
 Королевна-то была собой прекрасная,
 В чей походочка была же вот павиная,
 Тиха речь была у ней же лебединая,
305. Но собой она была же очунь смирная.
 Как ведь той-то вот старинушке конец пришол.
 Слávну Чёрному-то морюшку на гишину,
 Слávну городу-то Киеву на цесть, на славушку великую,
 Вам, премудрым же людям, идёт на прописаньицо,
310. А от вас всё молодым пойдёт на пропеваньицо, —
 Они будут ету старинушку пропевать всегда,
 Они будут вспоминать же всё богатыря,
 Пересмякина-та будут всё племянничка,
 Будут, будут все ведь они же дивоватисе,
315. Как ведь был же он, ведь и был же у камышничков.
 Долго, долго камышнички разыскивали,
 Вот жалели-то его же, долго плакали,
 Они подумали, что растерзали звери лёсные.

№ 97. СВЯТОСЛАВ, СЫН КНЯЗЯ ВЛАДИМЕРА

- А и близ-то города, скажом. Киева
 Вот стоял, стоял-то там домицок,
 Стоял домицок, да всё же он у Непри-реки,
 Не далёко и не близко он у Киева.
5. В етом домички-то жили три девици-то,
 Как ведь три девици, да три красавици.
 Как ведь две-то ведь девици, оны сёстрици,
 Родны сёстрицы они были родимья,
 А третья-та была девиця йим подружечка,
10. Вот подружечка девиця была, прислужница,
 Вот прислужница была йим, рабыня-то.
 Эти девици жили без родителей,
 Не йимели-то они уж отца-батюшка,
 Не запомнили оны, да какой он же был, —
15. Они малёшеньки от батюшки осталисе;
 Их воспитывала матушка родимая,
 И как не совсем-то она до возраста возрбóгила,
 Померла-то ййна матушка родимая.
 Вот дорбóстила йих ведь старая старушочка.

20. Когда померла-то старушочка-та старая,
Они взяли-то сиротку бесприютную,
Бесприютную сиротку без родителей.
Они (в)троём-то жили, ети всё же девушки,
Они вместях, вместях ведь все же они роботали,
25. Они садили різны овощи в огородики,
Они садили во садах же фрукты разные,
Фрукты разные садили всё растушшия,
Как со разною у них было со сладосью.
Как ведь девушки, они имели скотинушки,
30. Вот скотинушки имели они, коровушек, —
Они за ето-то, девици, были сытыя:
Продавали они, носили молоко в славной Киев-град,
А и жили девушки сыто-насыто,
Одевались хорошо они.
35. А третья-то же всё да была девушка,
Будто йим же не родна сестра:
Одевали ее не так же все,
Не с собою они не парно всё,
Ей похуже они, не срядно-то;
40. Они сами-ти воделисе,
Они в шёлки-то ходили всё же, в гарусе —
Ей покупали ситцы разные:
«Ты же будто у нас прóstая,
Будто прóstа, деревеньская, —
45. Носи одежду деревеньскую».
На то девушка не обижаласе.
Она низко йим да поклоняласе:
«Спасибо, мойи дорогí милы подружочки,
Вы, подружочки, милы да всё хозяйюшки!
50. Вы же — всё ведь девушки красавицы,
Вы — красавицы красивые,
А я ведь всё поселяночка да есть ведь прóstая,
По мне плáтьё всё йидёт,
Плáтьё само прóstое рабочоё».
55. Раз ведь девушки задумали
За Неп(р) ведь реку переехати;
Они сели-то, сели скоро в лодочку,
Сели всё же вот, поехали:
«За Непрём-рекой там да цвёты разные,
60. Чвёты разные прекрасные,
Мы нарвём, нарвём цветов да все возьмём оттуль;
Навей веночков нам же разных тут,
А когда же перевей венки,
Перевей венки ведь лентами шелкóвыми,
65. А булáвами да золочёными:
Как поедем мы да в славной Киев-град,
Ети-ти венки возьмём с собой же мы,
Йих продайм же на базари-то,
На те деньги мы накупим-то,
70. Накупим разных мы обновочёк».
Переехали тут девушки, —
Широка же Неп(р)-река текла,
Всё же девушки не убоялисe,
Всё же красны переехали,

75. А они стали, стали тут цветоцьки рвать,
Они цветоцьки-ти рвать да всё же разные,
А и нарвали цветоцьков, стали тут веноцьки вить,
Завили веноцьки из цветоцьков-то,
Перевили, перевезали цветоцьки алыма-ти, красныма-ти лентами,
80. А воткнули золоты булавочки.
А девушка-то всё ведь овернуласе,
А та рабыня огленуласе,
Увидала: под кустоциком,
Под кустоциком да под листоциком,
85. Под листоцьком под малиновым,
Спала лежала старая старушочка,
Она стáра, очунь слабая,
Храпела старуха, будто росшумелось морё синёе,
Морё синёе да славно Чёрноё.
90. Возговорила девушка своим подружочкам:
«Посмотрите-ко, мои голубушки,
Мои голубушки-подружечки,
Мои хозяйюшки любимые,
Какая прелесть у нас в глазах:
95. Как старушечка заснула-то, —
Она сйльнё истомиласе,
От того же стáра повалиласе.
Помогите мне, подружоцьки,
Уж мы сделаём шалашик-от,
100. Шалашóчик-то мы сделаём, будто белóй шатёр,
Возьмём липами завесим мы,
Чтобы солнышко не пекло лицё,
Ветры буйные ей не дунули».
А й возговóрили ведь тут ее подружочки,
105. Ее подружочки-хозяйюшки:
«Мы не думаём работати
Для уродов всё для старых, прикрывать же йих».
«Нехорошо же всё, подружечки,
Нехорошо, мойи ведь милые!»
100. Шалашóчик-те мы сделаём, будто белóй шатёр,
Ну смеяться над старушочкой:
«Какó лицо-то очунь круглоё!
Глаза-очи-то весёлые!
Лицё сморщилось-то староё!
115. Подбородок-от какой у ей,
Какой страшной, будто всё да трава осенняя поблэкшая!»
Тут ведь йхна-то рабыня-девушка,
Йхна девушка, да всё йхна служаночка,
Воздохнула, возговóрила:
120. «Нехорошо смеяться-то, подружечки!
Мне-ка мать родна говóрила, —
Помирала (о)на — наказывала, —
Не над ким не велела матушка смеячисе.
А старость — не урод, подружечки,
125. Со временём да стáры будем мы, подружечки,
Над нами будут тоже люди насмехатисе.
Тогда не работайте, подруженьки,
Не работайте, мойи милые,
Отдыхайте-тко, подруженьки;

130. Я ведь буду всё работати, —
 Уберу же я старушочку,
 Уберу же ей да всё прикрою-ту,
 Пусть же спит она да на здоровьице!»
 Тут зачала липами укладывать,
135. Как укладывать со липового со дерева;
 Приукрыла она старушочку,
 Подсобили-то ей ее подружочки,
 Укрыли тут старушочку,
 Будто шатром да ей завесили.
140. Сами стали дожидатисе,
 Когда проспите тут ведь бабушка:
 Она, наверно, черодейка есть премудрая,
 А волшебница престрашная,
 А ведьма, нет, дак всё поганая;
145. Тихо девушки шепталисе,
 Тихо млáдые говóрили.
 Когда же девушки да все дела свои прикончили,
 Все веночки они свили тут,
 А они хотели только прочь уйти,
150. Только прочь уйти они, уехати. —
 Как во ту пору, во сáмо тут же времечко
 Пробудиласе старушочка,
 Проснулась старая седатая,
 Она (в)стала, поклониласе:
155. «Вас спасибо, мойи милые красоточки,
 За всё ваше за добро же мне:
 Приукрыли вы мойё лицо,
 Мойё лицо староё,
 Лицо староё седатоё.
- 160 Не останусь я в долгу у вас.
 Вот в долгу у вас, да росчитаюсе».
 Э и вонá (в)стала, достала скоро же корзинушку,
 Она корзинушку сплетёную,
 Вынимала йиз корзинушки
165. Вынимала три-то поеса,
 Три-то поеса дорогих весьма.
 Два-то поеса были золочёные
 Со драгимá со каменьеми
 И со мелкима дорогима со жемчужинами,
170. Как с блестящими со пряжками.
 Подарила ети поеса золочёныя
 Двум сестрициям-то родимым-то:
 «Носите, млáдые вы девушки!
 За вашу работушку повиданы.»
175. А третьёй девушки дарила-то
 Белой-набело же было поес-от шелкóвой-ст,
 Он со лентой со шелкóвою.
 Роспростились тут же девушки,
 Роспростилисе, уехали;
180. Бабушка пошла да потихошенько,
 Во руках у ей же тростоцька,
 И пошла же возле Неп(р)-реку.
 А и тут поехали подружочки,
 Тут поехали да люболасковы,

185. На(д) своей же они подружечкой любимую
Они начели смеяться:
«Уж ты ой еси, подружечка любимая,
Уж как сама же ты у нас проста,
Как проста подружечка да неучоная,
190. Тебе пояс-от идёт к лицу,
К твоему лицу да к твоему плечю!»
«А и спасибо, мои подружечки любимые,
Мне по правды такой подарок подарён же всё.
Вы, подружечки — учёные,
195. Уж вы знайте да всё же грамоту,
Как писать-то вы, читать же всё».
«Право, право, — возговорили тут подружоцьки, —
Ты проста, ведь подружка, да неучоная,
Не бывать тебе в замужесьве,
200. Нектó, нектó да не возьмёт тибя.
Отвечала йим девица-то:
«Хорошо, што не возьмут миня,
Не возмут миня в замужесьво, не нужно всё,
Одной жить-то всё же лучше есть, —
205. Я ведь буду всё девицею,
А девицьёю да жизнью всё своей.
А худо ли мне-ка у вас же жить,
При вас, мои милы подружечки?»
Когда приехали домой йоны,
210. М-м как хозяйки-ти ведь, девушки,
Они попили, поели-то,
Скоро, скоро они спать легли;
Ихна прислуга-то, рабынюшка,
Убрала-то всё, посудушку повымыла,
215. Сама спать тогда легла она.
Поспала да пробудилася,
Утром (в)стала-то ранёшенько,
Обредилась со скотинушкой,
Их ведь выпустила всё на волюшку,
220. Вот на волюшку во полюшки,
Напекла, настряпала своим младым хозяйюшкам.
Когда девушки-то (в)стали всё умылисе,
Они умылись, учесались,
Э вони покушали, поели-то,
225. Тут рабынюшки сказали-то:
«Мы поедем теперь да в славной Киев-град,
Продайм да свóйи поёсы,
А твоёго не возьмём же мы;
Потому да не возьмём же мы:
230. Твой ведь поес-от простой же есть,
Он простой-ст есть да всё не ченной-от,
Чена-то на твой поес дешевá будёт,
Дешевá будёт, не ченная».
Они поехали тут же всё, уехали;
235. Девушка осталась в домики,
Перемыла всё да перечистила.
Собирать стала ведь скот же весь.
К вечеру подружецьки евилисе;
Продали они свои да золоты же поесочкики,

240. Навезли товару разного,
 Накупили платьей шелковых,
 Девушки не привезли же всё,
 Они своей прислужницы ничего же не купили тут:
 «Нам ведь некогда, подружечка, покупать тебе!
245. Не сердись, наша подружочка, —
 Другой раз поедем, так же сделаем.
 Потому-то скоро поспешилисе,
 Что услышали такую весть:
 Ишше ласковой Владимир князь,
250. А Владимир князь да стольнёкиевской,
 Собирать хочёт пиры да он весёлые,
 Пированьицо приятноё,
 Созывать будёт ведь всех девиць,
 Всех девиць из городов он, из деревенок,
255. Выбирать будёт невесту тут
 Своему сыну любимому,
 Ишше млáдому княжовичу,
 Светлославу-ту всё же ведь Владимировичу.
(Он был, должно быть, от Рогнеды-то сын!)
 Э и уж как было по Киеву объевленьицо:
260. Через трѳи-ти суточки поры-времени,
 Чтобы все девици-ти скоплялисе,
 Вот скоплялисе, съезжалисе.
 Можот быть, мы поедѳм в Киев-град,
 А тибя возъмѳм с собой же мы
265. (В)место своей же мы прислуги-то.
 А и как тогда прошло-то трѳи суточки,
 Поехали же девушки во славной Киев-град,
 Увидели на базари свойи поесочики,
 Поесочики золочѳные
270. Со драгима со каменьями;
 Они тут же купили-то,
 Покупили ети пѳеса:
 «Ко своѳму платью они пойдут,
 Они пойдут-то к нам да к украшеньицу.
275. Посмотри, наша подружочка любимая,
 Как идут нам ети одеваньица!
 У тебя же всё простой поес,
 Простой поесочек, лента белая шелкѳвая;
 Ты же — девушка хорошная».
280. А й когда приехали девицы во славной Киев-град,
 Тут стрѳчают в Киеви слуги кнеженейские,
 Ише ласкова Владимира князя слáвна киеськово;
 Проводили йих во гривны столовые,
 Садили йих на скамеечки рыта бархата,
285. На ковры же йих да пересийские,
 Против цистого восточного-то зерькала.
 Тут ведь много девиц да усáжоно,
 Много разных привезѳно-то:
 Тут сидели дочери да кнеженейские,
290. Тут сидели дочери боярские,
 Тут сидели йи дворяньские;
 Э и вси ведь девушки тихонько розговаривали,
 Розговаривали они да перешоптывались:

- «Почему же мы все привезённые?
 295. Привезёны все ведь, скопились мы вместиах?
 Кóму будет что по делам своим?»
 Э й засвѣтили свѣтлы, ясны огонѣчики,
 Во подвесниках свечи золотые-ти —
 Освѣтело столовы свѣтлы гривины,
300. Ише те ли полаты белокаменны.
 Э й сидели девушки-ти все да призагнули,
 Призагнули все да призамолкнули.
 Вдруг ведь двери открывалисе, —
 В дверях богатыри-ти показалисе,
305. Они прошли в одежды в богатырьскою;
 Позади же йих да тут ведь князь-от шол,
 Князь-от шол и да сам Владимир князь,
 Сам Владимир князь да стольнёкиевской;
 Позади его ведь шол да его же всё любимой сын,
310. Любимой сын, да сын вот свет.
 Светослав вот свет да всё Владимирович,
 Красотой-то он прекрасной был.
 Подошол Светослав да поклонилсе всем.
 Как сажидилсе они на скамеёчки да рыта бархата,
315. Как за те ли всё за столички окольные,
 За те ли ёствы всё за разные,
 За напитокки да за заморьские;
 Тут ведь стали все ведь у князя кушати,
 Что ведь белую лебѣдушку стали рушати,
320. Зайиграли тут во арфы-ти в игромые,
 А запели во гусли-ти весёлые.
 Тут ведь все же гости у князя много, много кушанья покушали.
 Разных водочок попѣли-то.
 Во ту пору, во то время-то
325. Во гривины-то двери открывалисе,
 Зашла в двери тут дама очунь чўдная,
 Очунь чўдная-та дама, она одета, как кнегина-то всё какá;
 Подошла к столам она же, всем да поклониласе,
 Подошла она к рабыношке,
330. Подошла она, ей да поклониласе:
 «Здрастуй, девушка-красоточка,
 Ето я же — та старушочка».
 Говорила она да всё служаночки:
 «Есть ли у тибя да поесочик-то?»
335. «Есть, есть, бабушка, при мне же он».
 А й как ведь подошла тут да всё не бабушка,
 Подошла же всё боярина,
 На лицѣ же молодѣхонька,
 На красу она прекрасная;
340. Приодела поес она прислуги-то,
 Приодела она да изукрасила, —
 Подошла к ей боярина, говорила:
 «Одевай-ко свой поесочик-от!»
 Кóгда одела-то служаночка,
345. А как во ту пору, во то время
 Возговóрил всё Владимир князь,
 А Владимир князь да стольнёкиевской:
 «А и вы теперече, народ, да люди добрые,

- Все богатыри мои да очунь сильние.
 350. Выбирайте-то тепере князю-ту обрусницю,
 Вот обрусницю-ту князю, подвенесницю,
 Чтобы было ему до кому покоритисе,
 Штобы было кому да поклонитисе,
 Штобы было кого да всё кнегиной звать,
 355. Кого кнегиной звеличать народу, своей матушкой!»
 Скоро, скоро за столничкам призагунули,
 Призагунули да призамолкнули;
 А и тут народ-люди все да призагунули,
 Призагунули народ да призамолкнули,
 360. Ише старшой-от хорóнился за среднего,
 А от среднего, гот малого ведь князю ответу не было.
 Говорил-то князь в перьвóй же раз,
 Говорил же князь да во другой же раз,
 Говорил-то князь да во третей након.
 365. А и кóгда столнички-ти, пированьицо покончилось,
 Из-за столничков повышли все,
 Тут ведь зачели гулять да тончевать они,
 Затончевали сперьва богатыри киевски,
 А потом же рыцари премладые.
 370. А Светослав-от сын Владимирович,
 Он ходил, ходил по гривины, погуливал,
 С ноги на ногу манежно переступывал,
 Его сапожки-то сафьяные скрыпали,
 Золотые его ведь скобочки-ти брякали,
 375. Светлорусыма кудрями приростряживал,
 Золотыма-ти персями принабрякивал,
 Э и он ходил-ходил, на девиць же всех посматривал,
 А и он гледел-гледел да всех обхаживал,
 Девиць обхаживал да он да всех осматривал;
 380. Обошел же всех девиць кругом, —
 А й от одну же увидал-то он,
 Подошел он ко девици, низко кланелсе.
 Девиця-та была слуга же всё ведь девушок;
 Кóгда вышла-то плесать же с ним,
 385. Вот плесать-то всё, тончевать с князём,
 Князь ведь долго-то плесал же с ней,
 Вот плесал да тончевал же с ней.
 А и когда эти ыгры-ти, эти пляски кончились,
 А и подошел-то Светослав да к рóдну батюшку,
 390. А и к рóдну батюшку подошел он, низко кланелса,
 Говорил же он да таковы слова,
 Таковы слова говорил, таковы речи:
 «А уж ты ой еси, родитель мой, да отец-батюшка,
 А и отец-батюшко, князь да славной киевской,
 395. А как Владимир-от свет да Светослаевич,
 А и ты позволь, позволь да слово вымолвить,
 Слово вымолвить, речь говорити
 А й мне без той ли всё без ссылочки без дальнею,
 А и мне без той ли всё насмешечки великою,
 400. А и мне без той ли всё без казени без скорые!»
 «А и говори-ко-се, да млáдой князь, да всё мой любимой сын,
 Мой любимой сын, да моё чадо милое,
 Чадо милое моё же, всё любимое,

- А и говори же всё — тебе во всём будёт простительнѣ».
405. «А уж ты ой еси, отець, родитель-батюшко,
А и мне позволь на етой-то девици поженитисе!
А и везде, везде же я, отець-родитель, езживал,
А во многих городах бывал же я,
А и в городах бывал да во дерѣвенках,
410. Я видал, видал девиць везде, — красавицы,
Красотой они красивые,
А й я в речах же йих ведь испытывал,
В розговорах йих просматривал,
А почему-то мне же все не ндравились,
415. Э и не ндравились, не пригленулисе;
А ета девица мне понравилась:
Она во первьѣх да очунь умная,
А во других она пришла по моѣму по желанию.
А если не дозволишь, отець-батюшко,
420. А ишше ласковой Владимир князь да стольнѣкиевской,
Я тогда негдѣ же боле не женюсь же я,
Не женюсь же, буду холостой ходить».
Говорил тут ведь князь-от млáдой во первьой же раз,
Говорил же князь да во другой же раз,
425. Говорил же князь да во третей же раз:
А и возговóрил ему тогда Владимир князь,
Вот Владимир князь да стольнѣкиевской:
«Для миня же, сын, ведь всё равно,
От как всё ровно, не бѹдѣт некакого-то препятствия;
430. Только не было (б) у вас да неприятности,
Не озлобились штобы могучи киевски богáтыри,
Не полóжили на тѣбя они ведь гневу тут великого:
А и сперва нужно-то узнать, сынок,
Какого девица роду есть,
435. А чтобы было же кому богáтырям да поклонитисе,
Тебе было бы кому да покоритисе,
Покоритисе тебе же, поклонитисе,
А всему народу слáвну киевскому,
Было бы кого да йим кнегиной звать,
440. Йим кнегиной звать, звеличать своей да славной киевской».
Говорил тогда Владимир князь,
Владимир князь да стольнѣкиевской:
«Уж вы ой еси, народ, да люди добрые,
Все со старого до малого во Киеви,
445. Вы скажите-тко, поведайте,
Вот поведайте, не утайте всё:
Из какого роду девица есть?»
Тут народ-люди гóворили:
«Она прислугой живѣт у двух ведь девушек,
450. А ети девушки не в Киеви,
А и живут девушки за Непрѣй-рекой;
Вот и тут сидят да ети девушки,
Ты спреси же, князь, ведь йих же сам».
А и подходил тóгда же к ним Владимир князь,
455. Вот Владимир-от князь да славной киевской,
Говорил же он ведь йим да таковы речи,
А и вот таковы речѣ гóворил йим, таковы слова:
«А уж вы, девицы всё, да сидите да у мня, млáдые,

- А и я прошу-то вас, девици, расскажите мне:
 460. Вы же сёстры есть с девицею?
 Вы же рódные да с ей же всё?»
 Встали тут девици, поклонилисе:
 «Уж ты, ласковой Владимир князь,
 А и как Владимир князь да стольнёкиевьской,
 465. Мы не сёстры не родны́, сказать,
 Мы же с ей толькó подружечки.
 Она — сиротска дочь живёт, да сиротьска дочь,
 Сирота она да бесприютная,
 Она от батюшки осталась в колыбелёчки,
 470. Она от матушки осталась всё семи годов;
 Наша матушка взяла же ей,
 Вот взяла ей, оприютила,
 А теперече она́ да всё с нами́ живёт».
 А и возговóрил тогда Владимир князь:
 475. «А не порок, что есть без родителей,
 Я и сам, князь, осталсе всё малёшенёк,
 У меня же у само́го-то
 Рóдна матушка была да она клюшница,
 Мóя бабушка была рабынёю.
 480. Тóлько я хочу того же, князь:
 Она учона ли да мудрой грамоты?
 Она заможот ли прочитать да кáкой я́рлычок,
 Кáкой я́рлычок да скорописцетой?
 Прочитать да какú книгу все?
 485. А если не знает мудрой грамоты,
 Да́к она можот ли пропеть про старинно прежно времечка?
 А и вот старинушку да про старинушку?»
 По-за ей же, по-за девушки,
 А сидела-то тут женшина,
 490. Сидела женшина у́рядная,
 По одежды будто княжина,
 Она запела тут старинушку,
 Вот старинушку да старопрежную,
 Кóгда кнежили во Киеви,
 495. Кнежили в Киеви князя же всё,
 Кнезя всё же Асколод-от, Дир;
 Пела, пела всё она про всё
 Как про ихноё кнеженьице.
 А тóгда князь Владимир призадумалсе,
 500. Он сидел, сидел выслушивал;
 Кóгда женшина прикончила
 Своё она же пропеваньице,
 Как тогда она же йим говóрила:
 «Как вам, князь Владимир свет,
 505. Как, Владимир князь да Светослаевич,
 Как вам ета же старинушка понравилась?»
 «А хороша ета старинушка она же всё,
 Всё по правды ета старинушка да про старинушку,
 Про ста́ру жись, про прежную,
 510. Ише всё идёт она, да про досельною.
 Аскалод-от, Дир кнезя женилисе,
 Они женились на рыбачках все.
 А эти хто такí старинушки пропевал, скажи?»

- Пропевала эти старинушки
515. Как ее родима матушка;
Она байкала, пропевала-то,
Кóгда качала дочку в колыбелёчки,
Кóгда осталась ее дочка-то без батюшка,
Как без батюшки, отца-родителя.
520. Ее батюшка богатырь же был,
Богатырь же был, да он убит же был,
Он убит же был да под славною да под Непрём-рекой, —
Приехал богатырь-от, не знай какой, сильней,
Говорили, что он неверной был;
525. Говорили, что побил его,
Вот побил его Светогор-от всё ведь Гурьев-от».
Тóгда князь Владимир возговóрил-то:
«Светогора Гурьева в живых же нет.
Ей ведь как же называла рóдна матушка,
530. Рóдна матушка называла ей?»
«Называла ей всегда она:
«Сии-ко, спи, моё малó дитё,
Спи, малó дите, да дочь любимая,
Дочь любимая Маруга-та
535. По отечесьву да дочь Ивановна!»
Ее матушка-то мне да всё подруга-то,
Она вышла заму́ж была же за богатыря,
А я ведь вышла заму́ж за князя-то,
Вот за князя-то вышла за новгородского.
540. Когда князь у мяя жо помер он,
А во Новгороди вражда стала великая,
Я оставила всё княжество:
«Княжите-тко ведь сами, как ведь знают-то
Всё народ ведь, люди все новгородские!»
545. Сама выехала в Киев-град;
А у ведьмы я, у чародейки-то,
На три года была заморожена,
Приврачóна я в старуху во старую,
В старуху старую, очунь в древную.
550. Кóгда я ходила у Непря-реки
Со своей с такой да всё же со страшной рожою,
Не смела в город-от зайти же я.
Э и как прошло, наверно, три-то годика,
Я питалась разныма ягодами,
555. Я ведь ягодами, разным-то кореньцом;
Пошла мыть лицё во Неп(р)-реке,
Тут ведь я о камешок перескóчила,
Чтобы не упасть мне вот во Неп(р)-рэкú,
Перескóчила и пала же, —
560. Вижу, с мяня все чары-ти ведь спали-то,
Я стою, стою опять да очунь млáдою.
А с того пошла я к рóдной матушки,
С рóдной матушкой да поздоровалась:
Теперь живу у родимой рóдной матушки»
565. А и тут Владимир князь да говорил тогда:
«Уж ты будь теперь кнегина, той же девушки,
Будь ведь ей за родимую за матушку».
А и тут пошло-то дело радоснё, —

- От ведь князь Владимир, сына всё любимого
 570. Э и он потешил, сына всё премладого,
 Сказал: «Женись, женись, да дозволяю я».
 На пиру все гости ужахалисе,
 Богатыри сидели тут невеселы,
 А некто не смел князю всё неприятного словечушка говóрйти.
575. А как пошла же тут свадьба веселая,
 Пированьицо, столы пошли навесели;
 Свадьба была же приотложена
 Она на месяц поры-времени,
 Чтобы невесты погулять же всё,
580. Чтобы погулять же, походить же ей
 Со девицами, с подружками,
 А со девицами же ей, да со подружками.
 А и вот она же, да девица, девушка,
 Она близь себя да также сблизила
585. А своих же подружочок (о)на, хозяйошек, взяла (к) себе.
 Они, девушки, были очунь хитрыя,
 Очунь хитрые, лукавые,
 Возговóрили они же таковы слова,
 Таковы слова они да таковы речи:
590. «Пойдём, подруженька, гулять за Неп(р)-реку,
 За Неп(р)-реку да сходим к домичку,
 Посмотрим, птицы наши не сголодали ли?
 Наш ведь скот, коровушки, да недоённыи».
 Тут ведь подружечка-девушка,
595. Она на ето согласиласе,
 Она йим толькó говóрила:
 «А ежели, подружечки, едем мы, —
 Нас ведь схватитсе Владимир князь,
 Как Владимир князь ведь хватитсе? всё жених же мой,
600. Как жених мой, ведь Светослав же князь?»
 Тут ведь девушки говóрили:
 «Они теперече сидят да при своих делах,
 При своих делах да при занятии;
 Мы ведь спушшены гулять же всё, —
605. Они об нас теперь не хватятсе.
 Нам ведь дан терем-от высокой-от,
 Нам ведь дан сад да всё зелёной-от».
 А когда давали йим да нянёк-мамушок,
 Нянёк-мамушок для охранения,
610. А ее же всё подружочки,
 Вот подружочки-хозяюшки,
 Научили тогда девушку:
 «Говори что: «я да не боярьска дочь,
 Не боярьска дочь да не дворяньска дочь,
615. А проста да поселянка есть:
 Мне ведь няньки-мамушки не надобно,
 Мне довольнё и своих подруг,
 Мне своих подруг, хозяйошек».
 Князь тогда Владимир-от поверил йим:
620. «Как желаешь, дак мы тибе да дозволяем всё:
 Ты сечас ишше девица,
 Твоя воля всё девиця;
 Кóгда будешь ты нашей кнегиною,

- Тогда будет всё по нашему».
625. А теперь же мы так рассказывам:
Владимер князь со Светославом он со млáдым-то,
Они сидели при занятии,
А ети две-то девушки с невестою,
Вот с невестой князя млáдого,
630. Гуляли, гуляли óни, гúляли
Во садах же во зелёных-то,
Во зелёных во кнеженеских-то;
Они задумали ведь ехати,
Они ехати за Неп(р)-реку́,
635. Не посмели князю-ту сказать про то.
Пошли (о)ни же всё ко Неп(р)-реки́,
Увидали они свбю прéжну лодочку
На бережоцьки обсушóную, —
Они немного розговаривали,
640. Они отвязывали да скоро лодочку,
Они отвязывали да тут ведь спехивали.
А и замарала тут девица, князева невеста-то,
Замарала она башмáчки золочёные,
Они росшиты был(и) драгим жемчугом;
645. Она запачкала чулочки шелкóвые,
Эти чулочки-ти были йиз семи шолкóв,
Из семи шелков ведь были пересийских-то;
Она запачкала платьцо шолкóвое.
Тут девица-та, девушка, заплакала;
650. Ей подружечки говóрили:
«Не плачь, не плачь, наша подружочка,
Не проливай слéз по напрасному.
Поедем мы же во свой домичок».
Скоро девушки тут да переехали,
655. Своих коровушек они да тут подóбили,
И поручили же коров своих
Пастуховой-то жене же их,
Они велели ей же жить да в ихном домички.
А сами девушки, они, подружечки невесты князевой
660. Говорили таковы слова,
Таковы слова, таковы речí:
«Уж мы теперече во домички поспим сечас,
Поспим сечас да отдохнём же мы.
Дай, мы у тибя разовьём твои светлорусы-ти волосики,
665. Дай-ко, вынем из волос булáвы-ти золочёные
Со драгими со гребнями-ти,
Скинь-ко платьцо шолкóвое,
С рук-то скинь-ко пёрстни золочёные,
А и как ты скинь-ко из ушей серьги золочёные
670. Со драгима скинь-ко со каменьями,
А с рук скинь-ко браслеты со драгими со каменьями, —
Тебе легче будет отдохнуть тогда.
Тут девица-та всё поверила,
Не подумала, что есть омман,
675. Она им же доверилась,
Она доверилась йим, предалась же всё.
Ани раздели, как ведь следуёт,
В óдной тоненькой сорочки-то оставили;

- А й заснула девушка, невеста князева.
 680. Когда она заснула, заспала же крепким сном,
 Они в ту пору, во то во времечка, —
 Младша одела 'ее платье шолковоё,
 Все надела ее да принаряды-ти срядные,
 Одела серьги золочёные
685. Со драгими со каменьеми,
 А в волоса она булавы золочёныя,
 Золочёныя она да всё со гребнями-ти.
 А и как когда же они тут да уредилисе,
 Переехали же Неп(р)-реку;
690. А вот князя слуги ходят, ишшут-ту, —
 Йих ведь стретили великою со радостью.
 Когда пришли девицы в терем-от кнеженеськой-от,
 А Светослав-от князь пришол с подарками
 Ко своей невесты к заручебною;
695. Смотрит-смотриг: всё наряд её,
 А личность-то — никак не она.
 Отворотилсе он же, вон ушол,
 Рассказал же он отцу-батюшку,
 Что невесты его нет негдэ.
700. Тогда князь ушол к отцу да ко своёму он,
 Две змеи-то тут повыползли,
 Они бросились на девушок;
 Закрычали тут же девушки,
 Закрычали, испугалисе.
705. Услыхали тут богатыри,
 Прибежал же Перемякин-от племянничок,
 Прибежал-то Пересчёта-то племянничок,
 Изрубили змеёй лютых тут.
 Тогда девушки йиспугалисе,
710. Они со страху побежали-то,
 Переехали же Неп(р)-реку;
 Тут подружечки да низко кланелись,
 Поклонились тут да повинились ей,
 Одевали на ей платицо шелковоё
715. Упесали ей да буйну голову,
 Золоты же ей булавы да воткнули-то,
 Золоты перстни одели-то,
 Драги серьги-ти одели же.
 Они тогда же возговóрили:
720. «Во чужу талань, во учеть-ту не седеш же,
 Как не нам было кнегиной жить,
 Как кнегиной жить да славной киевской!»
 Тут пошли они да переехали,
 Все пошли в высокой терем кнеженеськой-от.
725. Светослав-от князь, увидел-то
 Он в окошечко косисцето,
 Он признал, признал свою невесту-ту,
 Он ведь выскочил из терема высокого,
 Брал, брал он невесту за праву руку,
730. Уводил же вон во свой во терем кнеженеськой-от.
 Боле он же не спустил же ей.
 Церез неделю была свадьба-та весёлая,
 Гости съехались же все, скопилисе, —

- Все цари же, все царицы,
 735. Короли же все да королевичи,
 Все же князи-ти, кнежевици,
 Все руския могучия богатыри.
 Пировали-столовали-то
 Челой месяц поры-времени.
740. А как ведь съездил князь-от Светослав-от со невестою,
 Они съездили ведь тут да во божью церкв,
 Одержали они да по злату венцу.
 Тут ведь стали-то жить-то князь с кнегиною,
 Князь с кнегиной да по счесливому,
745. По счесливому да по красивому.
 Возлюбили ей богатыри,
 Как пондравилась князю-ту Владимиру.
 Её подруг богатыри разобрали.
 Э и той старинушки конец поют,
750. Ише конец поют, да всё ведь кончиласе.
 Ише славному морюшку Хвалынскому на тишину,
 А Непрю-реки на чесь, на славушку великую,
 А всему народу нашему,
 Нашему народу славному советьскому,
755. Йим ведь всё на послушаньице,
 А от них вперед пойдёт на пропеваньице.

№ 98. ПОЛЯНОЧКА

- А и над рекой-то было всё же вот на Дарин,
 Тут татарове жировали же,
 Жировали же, отдыхали же,
 Они ехали с войны домой.
5. Как по утру-ту, утру ранному,
 По восходу-то сонца красного,
 Стали дел делить да стали пай пайть:
 Как кому досталось красно золото,
 А другим досталось чисто серебро,
10. А многим досталось каменье самоцветное,
 Самоцветное да драгоценное,
 А многим доставалисе добры кони,
 Добры конички со сбрудой богатырьскою.
 Как единому добру мблодцу,
15. Добру мблодцу татарину,
 На делу-то всё досталосе,
 В жеребью-то всё повыпало,
 Досталась ему да тешша милая.
 Он повез тешшу во своё место.
20. Во своё место да во своё житьё,
 Во Аул, славной город он.
 Над ним дружиночка ихна насмехалася,
 Насмехалася да изгилялася,
 Говорили таковы речй:
25. «Уж ты сам молодой, дак у тебя ум глупой:

- В битвах одержал ты велики подвѣги богатырьския,
 Много ты избил силушки всякой разною,
 А ницего не взял ты себе йиз именища».
- Отвечал-то йим тотарничок:
30. «Не привёз я хошь да красна золота,
 Не привезу хошь чиста сѣребра,
 Не привезу каменья самоцветного,
 Самоцветного драгоценного,
 Зато привезу с Рўси русьскую работницу;
35. Она будет хорошо у меня работати,
 Три-то дельшка задам же ей:
 Пѣрво дело — да куделю прясть,
 Друго дело — да гусей стеречь,
 А третье дело-то — колыбель качать
40. Со моим-то с сыном с любимым,
 С богатырем с аульским».
- Когда подъехали к Аулу, слáвну городу,
 Друг со другом татары спрошшались,
 Распрошшались да роставались.
45. Вот повёз зять тѣшшу к своѣму к терему высокому
 Завёз ей-то он на широкой двор;
 Тут стречала его да молода жона,
 Молода жона, душа боярина.
 Были стреты-ти очунь чудныя,
50. А свиданья предивныя;
 Они ушли во горницы высокия,
 Во повáлыши во широкия,
 А как поляночка бѣдна русьская,
 Ана стояла на дворе да призадумалась.
55. Призадумалась, запечалилась,
 Во слезах-то слово молвила,
 Во обидушке рець говорила:
 «Я ведь думала, что на старось будѣт отдѣх от трудов же мне,
 Что помру на своей я на стороночке,
60. А теперица приводица
 Помирать-то на чужой мне на стороночке.
 Не призароют-то моѣго тела белого,
 А отдают-то звѣрям лѣсным-то на съеданья,
 Вѣлкам серым, медвѣдям чорным жо.
65. Прибежали-то девки санныя,
 Девки санныя, придворницы,
 Заговорили всё по русьскому:
 «Иди, пленница, во комнату,
 Во горницу высокую!»
70. Заводили скоро пленницу;
 Тут стречала йих хозяйошка,
 Она ей же рець говорила:
 «Уж ты ой еси, русьска пленница,
 Ты садись-ко, со дорожочки покушай!»
75. Она села, хошь не кушала,
 Ни на што она не прельшшаласе,
 Не на кушанья сахáрные,
 Не на водочки медовыя;
 Ковда она покушала,
80. Тогда боярина говорила:

- «Ты (в)здохнй немного, пленница!»
 Тут легла она скоро, пленница,
 Не спалось ей, не лежалосе,
 А пуховая-то подушечка
85. В зголовьях у ей вертелася;
 Когда скоро пробудиласе,
 Приходила к ней боярина:
 «Уж ты ой еси, русьска пленница,
 Мой-от муж уехал ко друзьям своим,
90. А тебе приказал выдать три дела работати:
 Пёрво дело-то тебе велел — куделю прясь,
 А другó дело-то велел же дать —
 На улице гусей глазами стереки тебе,
 Чтобы серы гуси не разбежалисе;
95. Третье дельшко велел же дать —
 Колыбелечку качать тебе».
 Тут поляночка не отказалася,
 За три дела принималася,
 Принималася да соглашалася.
100. Живёт месяц-от поры-времени,
 Три-та дельшка работает;
 Как в одну пору-то, в одно времячко
 Она сидела у колыбелечки,
 (О)на сидела, всё ведь байкала:
105. «Баю-баю, младенець,
 Баю малого прекрасного!
 Ты ведь по роду-то тотарничок,
 А по матушке-то русаночск,
 Как твоя-то родна матушка
110. Как мне дочь-та есь родимая,
 А твой отец-от, да родной батюшко,
 Есь ведь зятелко любимой-от.
 Я признала твою-то родну матушку
 В парне-мыльне-то, в жаркой банёчке,
115. Я тогда да всё признала же:
 Когда в плен попала твоя да родна матушка,
 Она была да тут вот ранена,
 На правóй-то ноге нет мизиньчика,
 На левóй-то руке есь у ней приметочка,
120. Хоть заросла у ей рана глубокая;
 На левóй-то грудé есь пятнышко родимое.
 Ето чудо да ето дивноё, —
 Дочь да мать да в няньки отдала,
 Три-то дельшка поручила ей:
125. Пёрво дело велела она — куделю прясь,
 Вторó дело велела — гусей стереки за окошочко,
 Третье дело велела — колыбель качать.
 Баю-баю, баю-бай,
 Баю малого дитя,
130. Моёго внучка любимого!
 По роду-то ты да есь русаночок,
 По отци-то — так всё злой татарничок.
 Твоя мать-то семи-то лет была в полон взята;
 На правóй-то ногí да нет мизинчика,
135. А на левóй-то груди есь приметоцька —
 У ей раковка родимая».

- Услыхали девки сенные,
 Девки сенные, придворные,
 Прибежали к своей хозяйшке,
 140. К молодой своей боярине.
 Как сидела-то йихна боярина
 Как на стули-то рыта бархата,
 На коври-то пересийском-то,
 Против чистого-то зерькала,
 145. Против чистого заморьского;
 Вышивала-то она шириночку
 Разными шелками-ти пересийськими.
 Она услышала такй речи-ти,
 Она тогда да ужახнулася,
 150. Она бросала работу чудную,
 Побежала (о)на скорёхонько,
 Скорёхонько и крутёхонько,
 И башмáчки на ногах скрыпали,
 А золоты-ти скобки брякали;
 155. Прибежала она ко пленници,
 Перед ней на колени становилася,
 Такй речи-ти возговóрила:
 «Ты прости миня, матушка родимая,
 Как вины да виноватою,
 160. Что ня вышла тибя я стретила,
 Не доéзди широка́ двора,
 Не брала тибя за рученьку за правую,
 Не вела тибя в высокия во горницы,
 Не садила тибя за столички,
 165. Не угашшала тибя кушаньими сахáрными,
 Не поила тибя медами сладкими!
 Теперь бросай-ко-се, рóдна матушка,
 Три-то дельышка не работай-ко:
 Пёрво дельышко — не качай дитя,
 170. Вторó дело — пряжи не пряди же ты,
 Третье дело — гусей-лэбедей не стереги же ты!
 Ты иди-ко, матушка, на широкой двор,
 Я даю тибе коня луччегго,
 Коня луччегго да сáмо быстрого,
 175. Вроди сокола да полéтишь ты,
 Птíчи-сокола на добрóm конй.
 Накладу-то я тибе да красна золота,
 Накладу тибе да чíста сéребра,
 Накладу тибе каменя самочветного драгоценного,
 180. Накладу тибе одежды-то, обуточки,
 Накладу тибе подорожничков на дорожочку, —
 Позжай скорé да на светую Русь!
 Когда приедешь на светую Русь,
 Потужи-ко, поплачь-ко,
 185. Уж ты спомни тогда да доць любимую...
 Я поехала бы с тобой на светую Русь, —
 Жалко оставить да дитя малого,
 Дитя малого да очень милого,
 Во вторых да мужа милого,
 190. Мужа милого да всё любимого.
 (И вся!)

№ 99. КНЯЖНО ДИТЕ

- А и как в Резани-то было, в славном городе,
 А и как ведь жил Роман же князь Иванович;
 Он ведь жил да с своей же всё с кнегиною,
 А и со кнегиной с Анной-то Андреевной,
5. А ишше жил-то князь с кнегиною счастливо всё
 А и вот счастливо шла всё жисть у них.
 Он ведь жил с нею двенадцать лет,
 А и как спорожно было чадо милоё,
 Чадо милоё, любимое,
10. А и как то ли всё княжно дитё,
 Как княжно дитё, Настасья дочь Романовна;
 Как спорожно было ишшо дитё,
 Ишшо князь-от всё Никита-та Романович —
 А и спородила ему кнегина-та ведь двух детей,
15. Как ведь князя и ведь княжину.
 А и стал ведь князь ведь вот Роман да свет Иванович
 Уезжать да во чужий край,
 Во чужий край, в чужий же города;
 Он заехал в один город-от,
20. К одному же королю же он.
 Пировал гон трѳи суточки,
 Ён ведь был же вот ведь пьян весьма,
 В пьяном види-то влюбилсе он
 А и как во ту ли в королевську дочь,
25. В королевську дочь, в Марью в Юрьевну.
 Он забыл, забыл же свой же стыд,
 Вот засватал у короля тогда
 Как его же дочь любимую,
 Как ведь Марью, Марью Юрьевну.
30. Они по ихному закону королевскому
 Они взели обручались,
 Обручились, обвенчались.
 Он повёз свою же молоду жену,
 Молоду жену же, Марью Юрьевну,
35. Он привез ей всё среди да ночки тёмною,
 Чтобы не видали никто народ,
 Вот народ-люди в Резани-то.
 Завёл, завёл-то ей в палатушки,
 Во палаты кнеженеские,
40. Посадил он ей на дорогой диван,
 Дорогой диван заморской-от,
 На ковёр же золочёной-от,
 Против чистого-то зеркала,
 Против чистого восточного.
45. Тут чего было да не наставлено,
 Тут чего было не приготовлено
 А и как ведь гости-то покушати,
 Ешше гости-то приезжою,
 А и вот кнегины первобрачною,
50. Ишшо той ли Марьи Юрьевны.
 Прошли суточки да не пришол же он,

- Не пришол с кнегиною здороватьсе,
 Вот с кнегиной Анной-то Ондреевной.
 Через трѳи-ти ведь сутоцьки
55. Вот пришол же князь здороватьсе, —
 Не здороватьсе с кнегиной он,
 Со кнегиной Анной-то Андреевной,
 А и как здоровалсе с княжным дитѣм,
 Со Настасьей-то Романовой,
60. Он здоровалсе со князем-то,
 Вот со князем со Никитою,
 А и со Никитою Романовичем.
 А и прирасплакалась кнегина-та,
 Ишше та ли Анна дочь Андреевна:
65. «Уж ты ой еси, Роман же князь,
 А и вот Роман же князь сын Иванович,
 Ето што такó случилосе?
 Я жила с тобой в супружесьве,
 Я жила с тобой двенадцать лет,
70. Спородила тебе двух детей:
 А и как на княжесьво наследника,
 А и на забавушку-ту дочь любимую.
 Я ведь чем тебе да провиниласе?
 Цем тибя огрубилa, князь?
75. Не но тебе ли слово молвила?
 Э и не по вас же речь говѳрила?»
 Отвечал тогда Роман же князь,
 Вот Роман же князь Иванович:
 «Как ничем меня, кнегина, не огрубилa-то,
80. Как ни в чѣм не пообидела, —
 Как попутал миня великой грех:
 Ездил, ездил я, сбирал, скажу,
 Я сбирал же дань-ту, пошлину,
 Я заехал в один город-от,
85. С королѣм там познакомилсе,
 А и погулял же хорошо я с ним,
 В пьяном виде-то прельстился я
 На красоту-ту его дочери,
 А и я женилсе всё на ней, скажу.
90. Королевну-ту зовут, скажу,
 А и как зовут-то Марьей Юрьевной,
 Красотой йонá пречудная.
 Тибе всё, скажу, кнегинушка,
 Ишше та ли Анна дочь Андреевна,
95. Я тибе да согласилсе всё...
 Хочу сказнить твою же буйну голову,
 Увезти тибя в чистѳ полѣ,
 Как во те леса во тѣмные,
 Во борá же во пұстыя.
100. Во пұсты борá, во сыры же всё». —
 А и тут заплакала кнегинушка,
 Вот кнегинушка да дочь Андреевна,
 Она заплакала же слезно, как река текѣт,
 А и река текѣт, Резань шумит,
105. Зарыдала, как же гром гремит,
 В возрыданьицы говѳрила:

- «Не губи-ко, князь, оставь в живых,
Ты спусти меня на волюшку,
От на волюшку да на слободушку!»
110. «Не спущу тебя на волюшку,
Вот на волюшку да на слободушку,
А вот отрублю у тя, сказню да буйну голову».
А и тут ведь стала кнегина на колени-ти
Да кланелась же князю-то:
115. «А и уж ты ой еси же, князь Роман,
Я прошу у тя прощеньица,
Разреши-ко, князь, в делах моих:
Не убивай меня среди же дня,
Вот среди денёчка белого,
120. А и ты убей меня среди же ночи тёмною,
Когда малы дети спать улéгутсе,
Спать улéгутсе, заснут вонí,
Как тогда же ты сгуби миня,
Вот сгуби меня да погуби навсегда, —
125. Мои деточки-ти схватятся,
Они скажут: «Где-ка матушка?»
Тут оставил ей до ноченьки.
Скоро шол, прошол последнёй день,
Вот последнёй день прошол с детьми у них;
130. А и как княжна дитя унёс же он,
Вот унёс ей на белых руках,
А и вот увёл князя Никиту-ту Романовича —
А и как осталась тут кнегина Анна дочь Андреевна.
А и как недолго сидело там княжно дитё,
135. Прибежало к своей матушки к родимою.
А и прибежал-то к ней и сын любимой-~~е~~
А и как ведь сына-то любимого да посадила же
Возле свою же руку правую,
Как Настасью-ту, княжна дитя,
140. На колени посадила-то,
Посадила, слезно плакала, —
Не мог боле созвать же князь,
А и созвать князь к себе же в горници.
А и как сидели дети милыя
145. Со своей йонí со матушкой,
Вот со матушкой с родимою,
Как со той ли со кнегиною,
Со кнегиной Анною Андреевной,
Они последнёй вечерочек-от,
150. Как последни-ти чесочки.
Когда прошол-то вечер поздой-от,
Засыпила тут кнегинушка
Своих детоцек любимых-то:
А и своего младá кнежевича,
155. А и своего она княжна дитя,
Вот княжна дитя, Настасью дочь Романовну.
Она сама с йима повалиласе,
А и повалиласе, увалиласе.
А и как пришол когда час двенадцатой, —
160. А и етет час-от всё несчастной есть, —
А и как одевался князь Роман Иванович

- Во своё он плáтьё во дорожноё,
 А гон ведь брал с собой саблю вострую,
 Выводил коня ведь скоро-то,
 165. Коня скоро из конюшни-то,
 Запирал его во саночки,
 А и вот во саночки дорожныя.
 Некому-то он из слуг не сказал же всё,
 Заходил тогда да в спальню тёплую,
 170. Подходил он ко кроваточки,
 Он ведь брал свою кнегину-ту,
 Вот кнегину Анну-ту Андреевну,
 Он ведь брал ей за белы́ руки,
 У живой пальцы споломал же взял,
 175. А и золоты перстни́ посыпались, —
 Не простонала тут кнегина-та,
 Потому что не разбудить бы ей
 А и как своих детей любимых-то:
 Ее деточки расплачутся,
 180. Тогда милые роскрикутся
 А и побежат же вслед за матушкой.
 Уводил же из палатушки,
 Посадил ей всё на сани-ти,
 Вот погнал, погнал добра́ коня,
 185. А и он погнал, погнал добра́ коня да во темны́ леса,
 А и во темны́ леса в Резаньские.
 А и он заехал во сырой же бор,
 А и сводил Анну-ту Ондреевну с коня долой,
 А гон ведь брал ей за праву́ руку,
 190. А и вот срубил, срубил вот с плеч он буйну́ голову, —
 Тут кнегина благоверная преставилась,
 Ешше та ли ведь Анна дочь Ондреевна.
 А и когда князь-от всё сгубил кнегинушку,
 Закопал ей во могилушку,
 195. Во могилушку в глубокую,
 А и постановил-то он приметочкой,
 Как приметочкой два колышка,
 Два-то колышка еловые,
 Обтесал же эти колышки,
 200. Трётей колышек железной-от.
 «Вот лёжи, лёжи, кнегинушка,
 А и ты, кнегинушка да всё убита́я,
 Ишше та ли всё ведь Анна дочь Ондреевна!»
 Он садилсе на добра́ коня,
 205. Он уехал в Резан же град;
 Как приехал и розделса он,
 Как пошел к своей кнегины-то,
 К молодой жены́, ко Марьи Юрьевны.
 Во ту пору, во то времечко
 210. Пробужалосе княжно дитё,
 Пробудилосе, схватилосе:
 «Уж вы гой еси, да няньки-мамушки,
 Где-ка, где-ка моя рódна матушка,
 Ишше та ли Анна дось Андреевна?»
 215. Отвечали слуги: «Скоро при́дет рódна матушка».
 Она сбегала в божью церькóвь,

- А и все йоны, отцы, да огледелисе:
«Почему пришло княжно дитё
Не учёсано да не наряжено?»
220. Она пришла да стала спрашивать:
«Не видали ли моей да рódной матушки?»
Тут ведь все же догадалисe,
Они сказали таковы слова:
«Мы не знам же, где-ка сгублена,
225. Где-ка сгублена же ваша матушка,
Наша кнегина благоверная,
Ишшо Анна дочь Ондреевна». —
Как некто не мог унять её, —
Побежало тут княжно дитя,
230. Все ведь улицы да перебégала,
У всех стретных да переспрашивала;
Побежало тут княжно дитё,
Побежало во темны леса, —
Ей стречались волки серыя,
235. Ей стречались медведи чёрные.
«Уж вы ой еси, медведи чёрные,
Ишше ти ли волки серые,
Вы ведь будьте мне-ка спутники,
Роскажите вы про матушку!»
240. А и указали медведи чёрныя,
Довели волки серые
Ей до матушки родимую.
Тут лежала на могилочки,
Она лежала, слезно плакала,
245. Как будила мать родимую.
Во ту пору, во то времeцька
Разузнал про то Роман же князь,
Он садился на добра коня,
Запряг в карету золочёную,
250. Он погнал коня же быстро-то,
Приезжал скоро в сырой же бор,
Во сырой бор на могилушку,
Где лежит его кнегинушка,
Как кнегина Анна дочь Ондреевна.
255. Он ведь брал тогда княжна дитя,
А и как княжна дитя, Настасью-ту Романовну,
А и человал ей во уста нежны сахáрные,
Одевал ей ведь сапожецьки заморьския,
Вот заморьския ведь тёпल्या,
260. Одевал он шубу соболиную,
Одевал-то шаль пухóвую,
Надевал перчаточки шелкóвые заморьския,
Заносил ей во кореточку.
Когда поехал отец с дочерью,
265. Стал Настасью уговаривать,
Как Романовну растешивать:
«Как не плачь, не плачь, княжно дитё,
Вот княжно дитё, Настасья дочь Романовна!
Твой ведь брателко не плачет-то, —
270. У нас есть ведь матушка родимая,
Хорошим вона хорóшонька,

- Она ходит-то, гулят же всё
По высоким новым горницам».
«А и смотрит в окошечко не матушка, —
275. Моя матушка зарыта же
Во могилушку глубокую
Во сыром бору, в могилочке
Есть приметочка: два колышка,
Как ведь трётей — он железной-от.
280. Там ведь мачеха лиха моя,
Погубила мою матушку!
Из-за её красы прельстился же,
Как, родитель, ты же, батюшко,
Убил матушку за это же,
285. Привозил ей во Резань же всё,
Во Резань же, в славной город в свой!»
Ей занёс же во высокую во горницу;
Подошла к ей Марья Юрьевна,
Она хотела поздороваться —
290. Заревело тут княжно дитё:
«Не хочу с тобой здороваться,
Называю я тебя всегда
Как лихой же, лихой махечой!
Ты не мне же мать да не родимая:
295. Бۇдешь чесать у мня головушку, —
Будёшь драть же волоса мои,
Волоса мои же гребнём-то;
Будёшь всё же умывать лицё, —
Будёшь плескать же во белó лицё!»
300. А и тут той старинушке конец пришол.
А и как Резани-то реки же всё на великую на тишину,
А и как ведь Москвы-ту, славну городу,
На велику чесь немалую.
А и как ведь всё же про княжно дитя,
305. Про Настасью дочь Романовну,
Ету старинушку да очунь древнюю
Ишшо будут-го читать её,
Все ведь будут дивоватисе.
Вам, млады люди учоныя,
310. Эта старинушка-та старадрэвная
Вам будёт на росписаньицо,
А и как от вас пойдёт младым на росказаньицо,
А от млады-то пойдёт на пропеваньицо.
Когда ету-ту старинушку
315. Пропоют же всё, расскажут-то, —
Все от старого до малого послушают,
Станут люди дивоватисе,
А и как ведь князь за что да погубил жону,
Как ведь плакало княжно дитё.
(Князь Роман стал потом тестем царя Ивана Васильевича. Царь Иван Васильевич знал, что Роман Иванович погубил свою жену, да не посмотрел на это, когда брал за себя Настасью Романовну.)
-

**№ 100. ЖЕНИТЬБА ГРОЗНОГО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА
НА НАСТАСЬИ РОМАНОВНЕ**

- А и как ведь было ведь всё да в каменнóй Москвы,
В каменнóй Москвы сбирал же Грозной царь Иван Васильёвич,
Он сбирал, сбирал, царь, весёлой пир,
А и как весёлой пир сбирал же царь, весёлой стол,
5. А сбирал, сбирал ведь всех же князьёй, бóяров,
А и он сбирал, сбирал да всех борцов своих,
А и как сбирал же царь да всех богáтырей,
А и сбирал-то всех купщей-гостей торговых-то,
А и собирал-то царь хрестьян-то всех прожитосньих,
10. А и собирал он всех же чорных пахорей.
А и тут ведь нáчели гости скоплятисе,
А и будто ясны соколы они слетатисе,
А и скоро, скоро-то царьски свётлы горници
От народом-людьми были наполнены.
15. А и как встречал, встречал ведь царь же наш Грозной-от Ивав
Васильёвич,
А и он встречал, встречал гостей ведь, низко кланелсе,
А и проводил гостей во горници высокие,
А и он садил гостей за столички за царские,
А и как ведь садил гостей, усаживал.
20. А и вот весёлой пир у царя весьма весёл, —
А и как играли-то во рáзны струны золочёные,
А и как во те ли всё во арфы во игромые,
А и как во те ли во гусли во весёлые.
А и как ходил, ходил-то царь, разгуливал,
25. А и с ноги нá ногу манежно переступывал,
А его сафьянны-ти сапожочки скрýпали,
А и золотыма-ти шпорами набряживал,
А и как чорныма-ти кудрями приростряживал,
А он ведь белыма руками прирозмахивал,
30. А и золотыми-ти перстнями принабряживал,
А и на своих гостей смотрял, глядел-посматривал,
А и как ходил же царь по всем столам
Как со перьвого столичка с переднего,
А и вот дошел же царь до столичков до задних-то,
35. А и говорил же царь да таковы слова,
А и таковы слова, царь, да таковы речй:
«Уж вы гой еси, мой дорогй гостй,
Вы зазváны мои гóсти, усажóные,
А и усажóны мои гости за мои столы!
40. Уж вы кушайте-тко, гости мои, дорогй гостй,
Уж вы кушайте мои кушанья сахáрные,
А и пейте-тко напитокчи разныйя.
А и уж вы ведь всё у меня несытыми не выходите вон,
Уж вы кушайте, сколько надобно,
45. А и выпивайте-тко водочек, сколько нужно вам!»
А и уж все гостй царю да поклонилисе,
А и таки речи-ти всё же возговóрили:
«А и как спасибо на всё, государь царь Иван Васильёвич,
А и на твоей ли на всё на милости великою,
50. А на добродетели да на непомерной вашей-то,

- А и как за то тебе же, государь же царь,
 А и как государь же царь Иван Васильевич,
 А и мы желаем, царь, тебе да долго жить,
 А и тебе долго жить, счастливу быти!»
55. А и красно солнышко пекло у нас на ясени,
 Очунь царьской пир же шол на радости,
 А и на великом шол да на веселии.
 А и много, много у осударя у царя же Ёивана у Васильёвича
 Много кушанья было покушано,
60. Разных водочек-то попито.
 А и красно солнышко пошло у нас к закату всё,
 А и ко закатушку пошло,
 А и закататься стало за гóрушки за высокие,
 Как за те ли за слáвны горы Воробьёвские, —
65. А и у царя-то на пиру все приросхвастались,
 А и приросхвастались на пиру все, прирозговорилисе,
 А кто ведь хвастал-то, ведь хвастал-то, чем мог же он:
 А и как богáтыри захвастали своей силушкой,
 А и своей силушкой захвастали богатырьскою,
70. А и как борци-ти удальци, они захвастали
 А и своим-то они своём бóём, да рукопашным бóём-то;
 А и как все-то ведь и гости росшутилисе:
 А и ишшо умной-от захвастал рóдным батюшком,
 А и как разумной захвастал рóдной матушкой,
75. А ишшо глупой-от захвастал молодой женой,
 А и неразумной-то захвастал родной сестрой,
 Как ведь князи-ти, ббáре все захвастали
 А вонй тимá ли всё наукама премудрыма,
 А и как купцы-гостй торговые захвастали,
80. А и они своей ли всё захвастали золотой казнёй,
 А и как хрестьяне-ти захвастали
 А и как своей-то они верой христианскою,
 А и как чёрны пахари захвастали трудом своим.
 А и как тут же царь Иван, Иван Васильёвич,
85. Вот смотрял-то, смотрял ходил, поглядывал;
 Когда все гости у царя переговорилисе,
 Когда все-то у него да призамолкнули,
 Призамолкнули у царя они, загунули,
 Говорил тогда государь наш Иван Васильёвич:
90. «Уж вы ой еси, мои же гости званые,
 Уж вы, звáны мои гости, вы ли чёстованы,
 Как ведь все были по столичкам распосажбнные,
 Как ведь все ли напились же вы, накушались,
 Ишше все ли у мя сидели вы наелисе?»
95. Чего надобно, почему вы не говбрили?
 Я повыдам вам ведь всё, как што ведь надоть вам!»
 Поклонилисе же гости, говорили-то
 Вот в одно слово вонй же всё, в одну же речь:
 «Уж ты ой еси, государь наш царь Иван Васильевич,
100. Мы ведь все твоим пирóм да есть довольны всё.
 Воперёдъ ты нас, государь, да не оставишь всё,
 Чего надобно, ведь мы у тя попросим всё!»
 «Как тепериче вы же, гости, я прошу же всех,
 Вы послушайте все со старшого до младшого,
105. Как с переднего со столичка до заднего,

- Призамолкните, призагуньте-тко, послушайте,
 Вот послушайте миня, да чего я скажу,
 Чего я-то вам скажу, да чего я хочу:
 Иише все у мя в Москвы в гради добры мѳлодцы поженены,
110. Красны девушки у мя взамуж повыданы, —
 Только я же ведь, царь Иван Васильевич, холѳст живу,
 Вот холѳст я живу же, да неженат слыву.
 Выбирайте-тко ведь и мне да вы невесту всё,
 Как невесту-ту мне, дѳвицу порядочну,
115. Штобы ростом-то была она немалая,
 Как умом-то ведь была россудку полного,
 Как походочка была у ей павиная,
 Тиха речь-та ведь была чтоб лебединая,
 Как ведь и очи-ти у ней были, как у того ли веё у сокола
 пересийского,
120. Иише брови-ти у ней штоб чѳрна соболя,
 Чѳрна соболя у ней были александрийского,
 Чтобы знала она ведь всё же мѳдру грамоту, —
 Мне-ка было бы с кем, царю, думѳ подумати,
 Мне-ка было бы ведь с кем речѳ повымолвить,
125. Мне-ка было бы кому хоть поклонитисе,
 Мне-ка ведь было бы кому же покоритисе,
 Вам ведь было бы кого тожѳ царицей звать,
 Вам ведь и было кого звеличать же своей матушкой,
 Как ведь той ли всё царицей-то благоверною!»
130. Как гѳворил-то царь Ииван же свет Васильевич,
 Гѳворил-то царь перьвѳй же раз,
 Гѳворил-то царь второй же раз, —
 Все ведь и гости-ти его вдруг призамолкнули,
 Призамолкнули гѳнѳ все, призагунули,
135. Иишо старшой-от хорѳнитсе за среднего,
 А от среднего вот, от малого царю ответу нет;
 Гѳворил-то царь тогда вот во третѳй же раз, —
 Тут ставал, ставал дороднѳй доброй мѳлодец,
 Иише русьской-от ведь и всё да он богѳтырь был,
140. Иишо нѳ имя Потанюшка богѳтырь-эт,
 Гѳворил тогда Потанька да таковы слова,
 Таковы-ти он слова, вот таковы речѳ:
 «Уж ты ой еси, государь и царь Иван Васильевич,
 Благослови-ко-се миня да слово вымолвить,
145. Слово вымолвить, ведь и речь же всё повыговорить!»
 «Гѳвори-ко-се, Потанюшка, что те надобно,
 Как тебе же всё, Потанюшка, во всём будѳт простительно».
 «Уж я знаю же тебе, сказать, обрушницу,
 Уж я знаю же тебе же подвенесницу, —
150. Она можот-то ведь и быть, скажу, царицою!»
 Гѳворил-то государь: «Какѳ приметушки?»
 «По приметам по твоим же подходяшно есть;
 Я ведь и знаю ту невесту не в матушке не в каменной Москвы,
 Я ведь и знаю ту невесту не в неверии,
155. Знаю, знаю я невесту на святой Руси,
 Во Резани-то, во славном она городе,
 У того ли всё у князя у Никиты-то,
 У Никиты-то у князя у Романовича¹,

¹ Обмолвка; следует: «Романа Ивановича».

- У его-то есь кнеженё дитё одинакоё,
 160. Одинакоё дитё, да оно нежноё,
 Ишшо на имя Настасья-га есь Романовна.
 Она рассудку-ту, гумá она разумного,
 Как ведь и всё вонá собой же очунь смирная,
 Как красавица вонá же есь пречудная!»
165. Говорил тогда царь Иван Васильёвич:
 «Кто бы, кто бы ведь туда бы да мог ведь съездить тут?»
 Говорил тогда, отвечал Потанюшка,
 Вот Потанюшка готвечал да гон богатырь-от:
 «Уж ты мне, государь царь Иван Васильёвич,
170. Велико же дай своё мне повеленьицо!
 Я могу, могу ведь и съездить тут ведь всё же сам,
 Я ведь сам могу заехать во Резань тогда,
 Я посватаюсь у Романа князя резаньского». Говорил тогда государь царь Иван Васильёвич:
175. «Ето не чесь-то ведь и бывает молодецкая,
 Вот не выслуга бывает богатырьская,
 Как не посмотритъ же всё невесты-ты и свататься.
 Мне-ка хочеться самóму-ту побывать же там,
 Повидать-то самогó князя резаньского,
180. Как того ли всё Романа-то Ивановича». Говорил тогда богатырь-от Потанюшка:
 «Если хочеться тебе да самóму, царю, проехать,
 Вот поедем-ко со мной, да прогуляйсе-ко.
 Я советую тебе-ка, государь же царь,
185. Государь же царь Иван же свет Васильёвич,
 Тебе ехать-то со мной, будто гулять же всё, —
 Мы поедем-ко с тобой же, будто рыцарь». А как тогда же они всё тут согласилисе.
 А и подносил тогда государь Иван Васильёвич.
190. А и он Потанюшки-ту чару золочёную,
 А и золочёну ему чарочку-ту пива пьяного;
 А и принимал-то тут Потанюшка правбóй рукой,
 А и выпивал-то тут Потанюшка на единой дух.
 А и наливал-то государь царь и вторú чарочку,
195. А и вторú чарочку наливал ему меду сладкого;
 А и принимал тогда Потанюшка единой рукой,
 А и выпивал тогда Потанюшка на единой дух.
 А и наливал тут третью чарочку государь наш царь,
 А и государь-от царь Иван, Иван Васильёвич, —
200. А и третья чарочка была у его напитокку заморьского;
 А и принимал-то ету чарочку он правбóй рукой,
 А и выпивал-то ету чарочку на единой дух.
 Когда ведь красное-то сонце закатилосе,
 Царьской пир ведь как скоро ведь и кончилсе,
205. А и стали гости-ти ведь и все же расходитисе,
 А и с государем-то с царём с Иваном со Васильёвичем
 А и ропрошались же вонí же, низко кланелись,
 А они благодарили-то царя за весёлой пир.
 А и тогда гости-ти ведь и царски расходилисе,
210. А тогда многия-ти всё же розъезжалисе,
 А и только осталсе-то при дворце один Потанюшка,
 А и как Потанюшка осталсе с ним богатырь-от.
 А и говорил-то царь с Потанюшкой-то сидел же он, —

- А и они покончили они езд-то всё, как ехать-то,
 215. А и как ехать-то они же всё надумались.
 Вот поездочка-та пала славно царская:
 А и через трѳи-ти ведь и суточки было времени,
 Наш ведь царь-от государь Иван Васильевич,
 А и одевалсе-то он же славным рыцерем,
 220. Одевалсе-то Потанюшка богатарь-эт;
 Вот оделисе они тут, снарядилисе,
 Как поехали, поехали к каменной Москвы
 Как из славного дворца вонї из царского.
 Не два орла златокрылых тут полѳетело,
 225. Два ведь ехало дородних добрых мѳлодцов.
 На дорожечки-то, где люди встречалисе,
 Вот никто не знал, что едет государь же царь,
 Государь-от царь ведь едет Иван Васильевич.
 Вот приехали скоро же, скорѳ в Рязань же град,
 230. Во Рязань-то град, во город во рязаньской всё,
 Вот поехали ко дворцу же кнеженескому.
 Как ведь князя-та Романа дома нѳ было,
 Дома нѳ было его же, не случилосе:
 Князь уехал Роман Иванович по делам своим,
 235. По делам своим ведь и он да в рѳзны гѳроды.
 Как Потанька-то бывал, — ему знакомо всё:
 Заезжали они тогда на кнеженеской двор,
 Сходилили они тогда да со коней слодой,
 Привезали они же коней ко столбам же всё,
 240. Вот ко столбичкам везали ко дубовым-то,
 Ко колечушкам везали ко золочѳным-то.
 Слуги всё же князя Романа-то Ивановича
 Надавали-то ведь и корму, корму разного;
 А и йим же слуги низко-то, низко кланелись:
 245. «Добро жаловать, дородни вы дѳбры мѳлодцы,
 Мы не знам, какї пречудны вы же рыцери,
 Из какого только вы градѳ приехали?
 А и у нас нету-то при дворци князя Романа-то,
 А и вот Романа-то ведь и нет свет Ивановича,
 250. А и как ведь есть только ведь и млѳдой-от кнежевич-от,
 А ишше тот ли всё Никита свет Романович;
 А и мы донесѳм-то ему о вас, да всё же скажом-то,
 А и что приехали-то гости, славно рыцари».
 А и побежали тогда ведь и йхны слуги верныя,
 255. А и доносили-то, сказали млѳдѳ кнежевицю;
 А и князь хошь и млѳдой был, ведь и собой мудрой он, —
 Вот стречал, стречал ведь князь их, низко кланелсе,
 А и заводил-то йих в палаты в кнеженеския,
 А и как садил-то йих за столички за княжески.
 260. А и раздевали вонї платье-то ведь рыцарско,
 А и у йих пошли тут разговоры-ти весѳлые;
 А и пированьцо у них пошло, да стали кушати,
 А и стали кушати-то кушанья-те разные,
 А и выпивали тут ведь и водочки иностранныя,
 265. А и иностранныя-ти водочки, заморьския.
 А и развеселился тут у нас же государь же царь,
 А и государь-от царь Иван, Иван Васильевич,
 А и стал у млѳдного кнежевича выспрашивать:

- «А и скоро, скоро ли вернётся отец, князь, с дорожечки?»
270. А и отвечал-то тут премладой-от царевич-от:
 «А и как должно, должно ведь князю, отцу, вернутисе,
 А и недавно было мне-ка грамота-ка послана, —
 А и скоро, скоро-то должен же князь приехати».
- «А и уж ой еси, ведь и князь Никита-то свет Романович,
275. А и мне хотелось ведь и всё тебе сказать же речь:
 А и посмотреть же мне-ка хочется как твоей-то родной сестрицы,
 А и как того же княженá дитя нежного!»
 А и отвечал же тогда князь Никита-то Романович:
 «А и как моя-то всё же сестрица родимая,
280. А ишше та ли всё княжина Настасья-та дочь Романовна,
 Скоро, скоро она должна итти гулять во сад;
 А и пройдёт когда она же всё во сад гулять,
 А и вы пойдёте-тко со мной во сад гулять,
 А и там увидите мою сестру любимую».
285. А и вот пошла, пошла премлада-та княжена,
 А и как кнежно дитя у нас, Настасья-та дочь Романовна,
 А она со своима-ти пошла она с девицами;
 А и как зашло, зашло тогда же всё княжно дитя,
 А и вот княжно дитя, Настасья дочь Романовна,
290. Они зáchели в саду тут забавлятисе,
 А ишше разныма играмы-ти заиграли же.
 А и как во ту пору́, во то время
 А и как зашел во сад ведь сам же царь Иван, Иван Васильевич,
 А и вот зашел же он с Потанюшкой богатырем,
295. А и как со младым-то зашел же он со князем-то,
 А и вот со князем-то зашел с Никитой Романовичем,
 А они зашли в одежды, в платья прóстом-то,
 А и будто едут-то такй люди прóсты проезжающши;
 А и подошел тогда ведь и князь-от млад, Никита-то свет
 Романович,
300. А и подошел-то тогда ведь и к сестрицы к родимую,
 А и он ведь кланелся, с сестрой же тут здоровалсе:
 «А и к нам ведь, сестрица родимая, княжно дитя,
 А ишше та ли всё Настасья-то дочь Романовна,
 А и два-то гостя вот же к нам сегодня приехали,
305. Э и эти гости-ти ведь и едут всё из матушки из славной-то
 каменной Москвы».
- А подходит тогда ведь и царь Иван Васильевич,
 А подходил тогда ведь и он же к кнежину дитю,
 А и к кнежену дитю, к Настасьи-то Романовны;
 А и подошел-то царь, ведь и низко поклонилсе ей:
310. «А и здравствуй, здравствуй-ко, душечка Настасья-то дочь
 Романовна!»
- А и со весёлою улыбочкой она же поздоровалася,
 А и поздоровался же с ней Потанюшка богатырь-от;
 А и как пошли тут у них ведь и разны-ти разговоры-ти.
 А и государь-от царь Иван же свет Васильевич,
315. А и как будто стал-то он у кнежины выпрашивать,
 А и вот выпрашивать-то стал у ей, выведывать:
 «А и почему же ты, премлада, млада княжена,
 А и вот Настасья, ты, Настасья свет Романовна,
 А и ты бывала ли, Настасья, в каменной Москвы?»
320. А и ты видала ли Москву-град, славному Москву-ту?»

- А и отвечала тут Настасья-та дочь Романовна:
 «А и не бывала я ведь и всё же в каменной Москвѣ,
 А и не видала я ведь и слáвна града-то, каменной Москвы!»
 А и много, много государь царь говорил же с ней,
 25. А и попросил-то он тогда же вот княжна дитя,
 А и как княжна дитя, Настасью-ту Романовну,
 А и ей пройтись, пройтись ведь, с ней же погулять в саду;
 А и от гуляли они, ходили в зелену саду,
 А и князь Никита-ты Романович гулял-ходил,
 30. А и он гулял-ходил с Потанюшкой богатырем.
 А и наконець-то, князь Никита свет Романович
 А и стал-то звать, просить гостей итти покушати,
 А и вот покушати итти же, пообедати.
 А и говорил-то государь же царь Иван Васильевич:
 35. «А и не пойду-то кушать я, когда не пойдёт сама,
 А и не пойдёт сама со мной кушать хозяйка-та,
 А ишше то же всё же вот княжно дитя,
 А и вот княжно дитѣ, Настасья-то дочь Романовна!»
 А и устыдилось-то тогда же всё княжно дитѣ,
 40. А и как покрылосе лицѣ румянцом алым-то;
 А и вот сам государь наш царь Иван Васильевич, —
 А гонó сразу-ту ему весьма понравилось,
 А и вот со первого свиданьица приглянуласе, —
 А и у его-то лицо царское покрылосе
 45. А и ешше тем ли всё румянцом тожо алым-то.
 А и как ведь Настасья-та Романовна, княжно дитѣ,
 А и как ведь вышла-то из садичку, домой ушла,
 А и она зашла-то во свою же спальню тёплую,
 А и она легла, легла на кроваточку кисóвую,
 50. А и на кисóвую кроваточку дубовую,
 А и вот в дубовую кроваточку золочёную,
 А и она легла, легла на постелечку пухóвую,
 А и как на то ли на сголювицо на мягкоѣ.
 А и как пришол, пришол ведь и к ней же всё родной же брат,
 355. А и вот родной-от ее брат, князь Никита Романович,
 А и как зовёт, зовёт сестрицу пообедать-то, —
 А и не пошла-то тут ведь и всё же вот княжно дитѣ,
 А и отказалосе гонá, что йисть не хочется.
 А и как того же всё ведь и было-то пóзда вечера, —
 360. А и как ведь гости-ти лежали-вотдыхали тут, —
 А и как приехал скоро сам же князь,
 Ешшо сам-то князь Роман Иванович,
 Вот вернулсе из дорожочки.
 А и убирали слуги верныя,
 365. Убিরали они добрá коня;
 А и князь пошол в свои во гривины,
 Скинывал платье дорожноѣ,
 А и умывал гон своё всё белó лице,
 А одевал плáтьѣ-то цвѣтноѣ,
 370. А и он пошол тогда во горници.
 Как стречал его же сын любимой-от,
 Ешшо тот ли князь Никита-то Романович,
 А и рассказал же про гостей же он;
 А и говорил князь-от Роман да свет Иванович:
 375. «Я покушаю с дорожочки,

- Тогда приду на свиданьице». Он покушал-то с дорожоцьки, Тогда пошел же он здороватьсе Со своим же он с кнежным дитём,
380. Со кнежным дитём, с Настасьей-то Романовной:
«Здравствуй, здравствуй-ко, кнежно дитё,
А и ты, Настасья дочь Романовна!»
«А и здравствуй, батюшка, родитель мой,
А и уж ты, князь Роман же свет Иванович!»
385. Тут садилсе же Роман-от князь,
Он садилсе на дорогой же стул,
Повёл речь же с дочерью с любимою:
«Уж ты ой еси, моё дитя княжно же есть,
А и вот княжно дитя любимое»,
390. Ишше та ли всё Настасья дочь Романовна!
А и я скажу тебе, княжно дитя,
Есь ведь гостя два, приехало, —
Эти гости очунь дивные,
Очунь дивны, удивляюсь я;
395. Я скажу, скажу по тайности:
Гось первой-от всё — моськоськой царь.
Вот моськоськой царь-от Иван же свет Васильевич,
Он приехал во Резань же к нам.
Царь холост, да всё же знаю я, —
400. А не на тебе, моё чадо милоё,
Не на тебе ли хочет свататься?»
Тут заплакала княжно дитё,
А и зарыдала, как река текла:
«Уж ты ой еси, князь да всё резаньские,
405. А и ты, резаньской князь, да родной батюшко,
Не готдавай миня в замужесьво,
Во замужесьво да в каменну Москву,
А и в каменну Москву царицею!
Вот царицей-то ведь надоть жить,
410. Вот трелога есть великая, —
Тежело будёт царицею.
Про его слухи несутсе-то,
Шшо ведь царь-от сам ведь строгой есть,
Царь-от строгой есть, очунь царь ведь грозной-от,
415. Он ведь грозной, немилосливой!»
Говорил ей родной батюшко,
А и родной батюшко, князь Роман Иванович:
«А уж ты ой еси, кнежно дитя,
Как кнежно дитя, Настасья дочь Романовна!»
420. Эта шуточка немалая,
А и балабуточка непробстая!
Не отдам тебя я с чести, с радости,
Он ведь можот всё боём же взять:
Он нагонит много силы-армии,
425. Как приедёт коньска гвардия,
А и все козаки-ти жо донские,
Все борци разны моськоськие,
Как богатыри-ти сильные, —
Заберут-то всё Резань-город,
430. А самого мя, князя, повывезут,

- Вот повывезут, позасадят же в тёмны тёмницы,
Засадят в злодейки в заключебныя!»
Говорило тут княжно дитя,
А и как княжно дитя, Настасья дочь Романовна:
435. «Уж ты ой еси, да рódной батюшко,
Ишше тот ли князь ведь и Роман же сын Иванович!
Если будет царь же свататься, —
Отдавай миня же с чести, с радости,
Со великого да удовольствия!»
440. Как пошел тогда Роман же князь,
Роман князь же сын Иванович,
Он пошел с гостями на свиданьице.
Тут здоровалсе моськоськой царь,
Вот моськоськой царь Иван Васильевич,
445. Вот здоровалсе Потанюшка богатырь-от:
«А и здраствуй, здраствуй, князь резаньской-от,
Ишшо на́ имя Роман же сын Иванович,
А и мы приехали, да без тебя гостим!»
Говорил тогда моськоськой царь,
450. Вот моськоськой царь-от Иван Васильевич:
«А и я приехал, государь же царь,
А и государь царь Иван Васильевич,
Я приехал не гостить к тебе,
А и вот не пить приехал разных водочёк,
455. Не кушать кúшаней сахárных-то,
Вот сахárных их ведь разных-то, —
Я приехал всё, скажу же, князь,
Вот по дельшку по важному,
Я ведь свататсье приехал, царь,
460. На твоей ли всё на дочери,
Вот на дочери любимою,
А и как на млáдою на кнѣжены,
На Настасьи-то Романовны.
Отдавай Настасью с радости,
465. А и ты просватай с великого же удовольствия:
А и как хорошо-то жить ведь ей будѣт,
Она будет всё царицою,
Вот царицою моськоською,
А и как царицой благоверною».
470. А и говорил тогда Роман же князь,
А и вот Роман же князь сын Иванович:
«У меня княжно дитѣ да очунь нежноё,
А у нас оно собой да очунь тихоё,
А когда розóспится у миня княжно дитѣ,
475. А и как нектó же ей да не треложит всё,
А докуль сама, княжно дитя, да не пробудитсья;
Она у миня да молода весьма,
Она заможет ли быть царицою?»
Говорил тогда моськоськой царь:
480. «Не царица-та сидеть будѣт на царьсви-то,
Ета я же, царь, ведь сам сижу.
Неужели не сохраню же я,
Не сохраню же я княжна дитя?
Ты же думаешь, что я же, царь,
485. Погублю, думаешь, княжна дитя?»

- А и не треложься, князь Роман Иванович,
 А и я даваю заповедь великую
 Прежде времени же, свадьбы-то, —
 Не огрублю ни в чём княжно дитя,
 490. Как княжна дитя, Настасью дочь Романовну!»
 Порешили тут дела, скажу,
 Как засватали княжна дитя,
 Вот княжна дитя, Настасью дочь Романовну:
 Тут чего не подарил жених,
 495. Как чего ей не надавал же он подарочек,
 Окружил всю красным золотом,
 Ей мехами-ти заморьскими,
 А и как шелками пересийскими.
 Пировали-столовали-то
 500. Вот неделечку да поры-времени,
 Тогда стал царь собиратисе,
 Он со князем-то прошшатисе,
 Со своей невестой заручебною,
 А и со Настасьей-то с Романовной,
 505. Распрошшался с князем с млáдым-то,
 Со Никитою со Романовичем;
 Провожали тут гостей они, —
 Спроводили, и уехали.
 Князь во Рязань же воротилисе;
 510. Стали, стали собирать тогда
 Как княжна дитя, Настасью дочь Романовну,
 Стали придáнно-то укладывать
 В окованны сундуки большій.
 Тут чего было да не наложено,
 515. Тут чего было да не наложено!
 Князь ведь клал, да чего мог же ей,
 Чего мог же во придáнно ей, —
 Всё придáнно приготовлено,
 Скоро было всё пошито-то:
 520. Немного привелось девицам-девушкам
 Их поспать же тёмных ноченёк,
 Всё сидели дз ведь шили-то,
 Шили всё бельё невесты-то.
 Прошло времени-то месяц же.
 525. А и как ведь Грозной царь Иван Васильевич,
 А и как моськоськой царь Иван Васильёвич,
 Он садился на дорогой-от стул
 Как во той палаты в грановитой он,
 Он садился, писал скору грамотку,
 530. Писал грамоту по рыту он по бархату,
 Писал сухим же он да славным золотом,
 А и писал скóры он ведь ярлыки,
 Писал ведь йих во все страны,
 Вот во все страны да гóроды;
 535. Приказал, ведь звал на свадьбу их,
 Как на свадьбу-ту на царьскую:
 «Сам женюсь да я, моськоськой царь,
 А и вот моськоськой царь Иван Васильевич!
 Прошу вас ведь всех ведь съехатьсе,
 540. А и всем же съехатьса, скопитесе,

- А и всем царям же вам, царицам,
 А и королям всем, королевичам,
 Всем-ко князьям, всем кнежевичам,
 Всем ведь русским-то богатырям,
 545. Всем пречудным млáдым рыцарям,
 Всем борцам-то всё, козакам-то,
 А и вот козакам разным дónским-то!
 А и все купцы же все торговые,
 А и все ведь князья, все же бóяра,
 550. А и все хресьянушка прожитосни,
 Все же чóрны вси же пахари,
 Рыболовы все из разных рек,
 Приезжайте в каменнú Москву
 Ко царю к Ивану ко Васильевичу
 555. На его свадьбú веселую!»
 Скоро, скоро государь же царь,
 Государь царь Иван Васильевич,
 Отправляя же силы много-то,
 Отправляя же коньску гвардию,
 560. Отправляя же он богатырей,
 Как Потанюшку за старшого,
 За своей невестой за любимой,
 А и за Настасьей за Романовной.
 А и как ушли да всё уехали, —
 565. Много шло же силы-армии.
 Было много коньской гвардии, —
 А и вот приехали в Резань же град.
 А и встречал-то князь резаньские,
 А и он встречал же, низко кланелсе.
 570. Пировали-столовали трби сутоцьки,
 На четвёртые поехали,
 Вот поехали во славную во матушку да в каменнú Москву.
 Провожал ведь ей да сам же князь,
 Вот и сам князь и Роман да сын Иванович,
 575. Со своим князём премлáдым-то,
 Со Никитою Романовичом.
 А и скоро, скоро они приехали
 Как во слáвну матушку каменнú Москву,
 От подъехали да к самому дворцу.
 580. Выходил встречать-то сам же царь,
 Сам ведь царь да Иван же свет Васильевич,
 Он ведь брал невесту за правú руку,
 За правú руку, за золоты перстни,
 Повёл в палаты свóи царския;
 585. А и стретил князя-та Романа Ивановича,
 А и как ведь князя-та премлáдого,
 Вот Никиту-ту Романовича.
 Пировали трби суточки.
 Отдохнули князь с дорожочки;
 590. А и тут ведь нáчели гости съезжатисе, —
 Скоро-скоро принаполнились
 Э и ешшо ти ли палаты народсм царские.
 А и как встречал, встречал ведь йих как сам же царь,
 Сам ведь царь Иван Васильевич,
 595. Проводил гостей в палатушки,

- Вот садил их за стоячки дубовы,
 Как на то ли всё на стульё рита бархата,
 На ковры он на заморские,
 А и вот за ёствы за сахарные,
 600. За напитки за разные.
 Тут ведь было всё покушано
 Разных кушаньей-то царских же,
 Вот напитков заморских-то;
 А и тут играли-то во арфы всё огромные,
 605. Как во те ли в струны всё золочёныя,
 Как во те ли в гусли весёлыя.
 А и как среди-то было дня же белого,
 А и когда шло время же к трём часам,
 А не золочёны-ти кореты тут ведь сбрыкали, —
 610. А и как моськоськой царь Иван Васильевич,
 Он поехал со своей же, свет, с невестою,
 Он со той же с младиной княженой,
 Со Настасьей со Романовной,
 Он вот как принял и одёржал же с ней
 615. По тому венцу по золочёному;
 А и как вернулись же скоро из божьей церкви,
 А и как приехал тогда моськоськой царь,
 Вот приехал не холост же он,
 Он приехал, царь, женатым-то,
 620. А и со своей младиной царицею,
 Вот с царицею с Настасьею,
 Вот с Настасьею с Романовной.
 А и вот пошли, пошли весёлые пиры на радости,
 Царь ходил, ходил с царицею,
 625. А ей водил он за правую руку,
 А и по столам по всем да обошли они,
 Обошли да поздоровались,
 Поклонились, чтобы кушали.
 Как ведь садилса тогда сам же царь,
 630. Сам ведь царь же сел с царицею,
 А возле его сидел дорогой же гость,
 Дорогой же гость, любимой теще его,
 А и ешшо князь-ст всё резаньские,
 А и ешшо тот ли всё Роман-от сын Иванович,
 635. А и как его же сын вот ведь любимой-от,
 Как Никита свет Романович.
 А и государь-от царь Иван Васильевич,
 Он сидел же очунь веселой,
 Со весёлою улыбочкой
 640. Говорил рець веселу всегда.
 Молода жена, царица-та,
 Как Настасья дочь Романовна,
 А сидела очунь она весела,
 А и со весёлою улыбкою
 645. На гостей всех поглядывала.
 Пировали-столовали тут
 Как полгода поры-времени.
 Долго-долго споминали всё,
 Что: «ведь свадьба така долгая,
 650. Будто у царя же всё моськоського,
 У Ивана у Васильевича».

- Наконец же, пиры кончились,
Пиры кончились же свадебны,
Тут ведь гости розъезжались:
655. Князь Роман уехал всё Иванович
Со своим князем премладым он
Во Рязань же, славной город-от,
А и все цари-ти прирозъехались,
Все цари видь все уехали,
660. Короли все, королевичи,
Все же князи-ти, княжевици,
Все ведь русьския богатыри,
Все козаки разны донские,
Все купцы-гости приезжая,
665. Все хресьяна, гости православные,
Все ведь чорны-ти ведь пахари,
Рыболовы-ти из разных рек —
Все уехали да дивовались,
А и вспоминали, дивовали(сь) все,
670. А и свадьбу чудную-ту царскую,
Дивовались все же красоты они,
Красоты они царициной.
А и красота-та была чудная,
Была кротость-та ведь очунь тихая,—
675. Всем она же вот пондравилась,
Всем она же вот и приглянулася;
А и как пондравилась же самому царю,
Самому царю моськоському,
Как Ивану всё Васильевичу, —
680. Называл всегда: «Княжно дитё,
Как княжно дитё, царица православная,
А и уж ты, душечка Настасья свет Романовна!»
Как царь же со Настасьей-то с царицей жил,
Очунь смирной, очунь тихой был,
685. Во вторых же очунь милослив.
А и той старинушке конец пришол.
Нашой матушке-то славной каменной Москвы
А и как на тишину ей превеликую,
А и славно городу Москвы же всё
690. А и как ведь чесь-славá великая
А и как отныне будет до́ веку,
Царю слава-та не минуется,
Ивану-ту Васильевичу она будет, слава, вечная, —
Потому же будет славушка,
695. Что ведь перьвым царём он же был,
Ишшо он же был, ведь он царил,
А и как ведь перьвою царицею
Была Настасья дочь Романовна.
Вам, премудры люди учёныя,
700. Эта старинушка идёт на прописаньице,
Младым от вас пойдёт на рассказаньице,
Будут старинушку-ту люди младыя
Пропевать будут, рассказывать,
Как послушают да про старинушку
705. Все ведь люди-ти со старого,
Вот со старого до малого.
-

№ 101. (КАЗНЬ ЦАРЯ СИМЕОНА)

- А и как в Казани-то ведь и было, в славном городе,
 А и как царил-то князь Симеон с своей с царицею,
 А и со царицей-то сидел с своей с Еленою,
 А и хорошо царил царь Симеон, да жил с царицою;
5. А и как царица-та царю да всё говорила:
 «А и уж ты, душоцка царь Семён, да всё казаньской царь,
 А и над собой-то всё невзгодушки не ведаешь,
 А не проверяешь ты стен ведь славных всё городóвых-то,
 А не проверяешь-то своих подкопов глúбоких-то,
10. А не проверяшь своих богатырей славных казанских-то,
 А и ты спустил ведь, царь, и все они разъехались, —
 А и ницого своей ты жизни вот не думаешь!»
 «А и не тужи-ко-се, царица-та казаньская,
 А и ты, любá моя семья, да всё моя жона,
15. А и да супруга моя верная, царица есь,
 А и очень крепко стены городóвыя закреплёныя,
 А и очунь подкопы глúбокия укреплёны-ти.
 Не боюсь-то я, ведь и царь, да некогó же я,
 А и некакой земли не боюсь я неприятелей,
20. Э и я вполне могу розбить врага приходшего».
 А и говорила тут царица-та по перьвóй же раз,
 А и говорила тут царица вот во второй же раз,
 А и говорила тут царица во третёй же раз, —
 А и как разгневалсе-то тогда же царь казаньской-от,
25. А и вот казаньской царь да Симеон же был:
 «А и уж ты, осподи, ты, осподи, небесной царь,
 И верно, (не) стал ты миня, осподи, боле миловать,
 А и как царица-та мине же, верно, слушати!»
 А и услыхала тут царица вот таковы слова,
30. А и ницого она ведь и больше не говорила,
 А и боле не смела некогдá рецй говори́ти.
 А и вот в одну-ту во нсченьку во тёмную
 А и как малó-то тут царици вот спалосе ей,
 А и всю ведь тёмную-ту ноцку да не спáла же,
35. А и не спáла-та гонá да пролёжала всё.
 Ей малб-малб же ночку-ту спалосе-то,
 Вот ведь много-много во снях виделосе-то:
 Будта из-под той ли всё сторонушки восточною
 И будто-та тёмная-та туча подымаласе,
40. Подымаласе будта туча, накаталасе,
 Со великими она будто пригрóзами,
 Со дождями-ти будто, со туманами,
 Со сйльними она же со ветрами-та:
 Надошла же ета туча, накатиласе,
45. Вот над царьским-то дворьцом же остояласе,
 И (в)друг с восточной-то ведь будто со стороночки
 Вылетал-то тут ведь всё сизóй орёл,
 Вот сизóй орёл прилетел да златокрылой-от,
 Прилетел будто, на царьской он дворець же сел,
50. Зáчал носом он ведь крышу покалачивать,

- Вызывал царя ведь будто всё на скорой бой,
 Вот на скорой бой его, на драку-ту кроволитную, —
 Как не вышел царь да Симеон да вот с ним битисе,
 С йим ведь битисе не вышел, всё боротисе.
55. И как во ту пору, во то время сизой орёл
 Прилетел будто на косисцето окошечко,
 Приломал будто окошочко косисцето,
 Приломал будто стеколышка в окóленках,
 А как царя-то он хватил да за желты кудри,
60. Захватил его во хóботы орлиныя,
 Вот понёс его из полаты белокаменной,
 Со кроваточки его же со кисóвою,
 Со периночки его же со пухóвою,
 Очи ясные его да он повыклёвал,
65. Проклевал на головы́ у его темя всё же голóвноё,
 Он ведь начел-то клёвать да самогó в лицё,—
 Тут ведь царь да Симеон да будто мертвой стал.
 Ужахнуласе царица, пробудиласе,
 Она горюцима слезами уливаласе,
70. Уж как плакала-то слезно, как река текла,
 Возрыдала-та сильнё, да будто гром гремел,
 В возрыданьица она да слово молвила,
 Слово молвила она же, рець говóрила:
 «Пробудись-ко, пробудись, да мой ведь милой друг,
75. Мой-от милой друг сердечной, царь Симеон же мой,
 Семеон мой царь, проснись, да всё казаньской, свет,
 Ты послушай-ка моёго говореньица:
 Тебе полно спать ведь, царь, да проклаждатисе,
 Тебе можно, царь, о царсви своём подумати,
80. Ишше нет ли на тибя кого неприятеля!»
 Не могла вскорй разбудить царя Симеона-та.
 Она слезами пушше прежнего заплакала,
 Во слёзах она человала его в уста в царьския,
 Обнимала она ёго за шею белую,
85. Как смоцйла его слёзами она горячима, —
 Как в слёзах-то смоцйла, царь пробуждается,
 Он дивуецце-то царицы-то плачушшой:
 «Ты о чём у миня плачешь ведь, царица-та благоверная?
 Отчего прелестны́ очи свои портишь-то?»
90. Лицё белоё своё, царица, мочишь-то?»
 Возговóрила царица благоверная,
 Ишше та ли всё Елена ведь царица-та казаньская:
 «Немалú ты, царь, ведь шуточку-ту шутишь-то,
 Как, смотри-ка, ета шутка как же с рук сойдёт!
95. Уж я видела сегодня во снях страшной сон,
 Уж я страшной сон ведь видела, ужасной он!
 Будто с восточну-ту, ведь царь же, со стороноцку,
 Как ведь тёмна-та ведь туча накаталасе,
 Накаталасе-то туча, подымаласе,
100. Со ветрами-ти она же, со погодами,
 Со великими она же со пригрóзами;
 Вот тёмным-темнёхонька она стояла-то,
 Как грозным она грознёхонька да веё страшшала-то,
 Нашшла-та ета тучушка на царьской двор,
105. С широкá двора на полаты белокаменны.

- Как из етой страшной тёмной всё йиз тученьки
 Вылетал-то тут ведь, вижу, всё сизой орёл,
 Вот сизой-то всё орёл, да золочёны были перьяця;
 Он ведь начел-то на крыши на нашой-то посиживать,
110. Нашу царьску-ту ведь крышу-ту всё поклёвывать,
 Как тибя будто, царя, зачал выкликивать,
 Вызывал тибя, царя, он на скорой бой,
 Он на скорой-от на бой на рукопашной-от, —
 А ты, царь Симеон, да всё не вышел вон!
115. Вызывал-то он тибя будто в перьвой же раз,
 Вызывал-то он тибя да вот в другой же раз,
 Вызывал-то он тибя да вот в третей же раз, —
 Ты не вышел к нему, царя, на поединочек.
 Он тогда-то на тибя, царя, розгневалсе,
120. И он прелетел будто на косисцето окошечко,
 На окошечки косисцетом посиживал,
 Изломал будто окошочко-то нашо всё косисцето,
 Приломал будто стёколошка в окошечки,
 Залетел будто в нашу в спальню тёплую,
125. Розлетелсе он в тебя, царя в Симеона-та,
 Он хватал в свои во крыльё орлиное,
 Он понёс тибя в окошоцко в косисцето
 И тибя кинал-бросал на матушку сырú зёмлю,
 Расклевал будто твою же буйну голову,
130. Проклевал будто всё у тибя головушку,
 Как пробил-то в головы да всё ведь темя-та,
 Как ведь видно мозг будто да в головы у тя,
 У живого у тебя глаза у тя повыклёвал,
 И как всего тибя хóтел проглотить же он.
135. Как достали оторвал твою же голову
 От твоей-то всё от шею будто белую,
 Потекла-то, побежала кров горячая, —
 Как тебе-то, царю, будто да скоро смерть пришла».
 Тут царица-та Елена приросплакалась,
140. А как царь-то Симеон над ей насмехалсе:
 «Шьто ты, царица-та, моя царица-та казаньская,
 Ишше душочка Елена доць Олександровна,
 Как не верь-ко-се, не верь-ко снам чúдным-то,
 Сны ведь чúдныя носьны нельзя и веровать, —
145. Уж как ночь-та пройдёт, дак весь и сон пройдёт,
 Весь ведь сон пройдёт да страхи кончатся.
 Как скажу-то я тибе, царица, всё поведаю:
 Этот сон-от чúдной видилса ко прибыли, —
 Я пойду-то воёвать с князём моськосским-то,
150. Со Иваном-то пойду я со Васильёвичом,
 Завоюю я, царица, тибе девять городочиков-то разных-то,
 Я куплю тибе шубочки же разные,
 Шубы разные куплю же, шубы теплыя,
 Я куплю-то тибе платья разные шелковья,
155. Я куплю-то тибе шали всё пуховья,
 Накуплю-то я тибе же разной разности,
 Как ведь красного-то разного тебе золота,
 Как цýстого тибе куплю из сёребра
 Как с камнем же с драгим же с самоцветным-то,
160. Надарю тебе подарочок без счоту всех.

- Как за те тебе за дорогия все вот подарочки
 Ты порадуёшь миня же радостью великою,
 Принесёшь-то мне, родишь трёх же ясных соколов,
 Трёх ведь русьских мне-ко сильных-то богатырей!»
165. Тут царица-та возговорила,
 Как Елена-та приросплакалась:
 «Не забрать-то тебе девять городоциков,
 Не привезти тебе мне дорогих подарочков,
 Не привезти тебе, а мне и не получивать,
170. Не видать тебе трёх сыновей, да ясных соколов,
 Как дородних-то добрых молодцов,
 Как сильных-то богатырей!
 Я скажу-то, царь, да всё поведаю:
 Как не вёшна-та вода да розливается,
175. Как моськоськой-от князь Иван да свет Васильевич войной да
 собирается».
- Повернулсе царь да на другой же бок,
 Заснул он да крепко-накрепко, —
 Он не знал над собой да не ведал
 Как невзгодушки над собой великой:
180. Во ту ноценьку во ту тёмную
 Подошел да наш моськоськой князь,
 Моськоськой князь Иван да свет Васильевич,
 Подошел он ко Казани, славному городу,
 Пушки крепкия закрепил же взял,
185. А как сряды военны всё все наладил же.
 Когда наступила-та ночка тёмная,
 Как пробил-то час двенадцатый,
 Тогда князь-от всё моськоський Иван Васильевич
 Как (велел) открыть скорой бой, драку всё кроволитную,
190. Как спустить скоры пушки со великими со большима со зарядами;
 Подкатили бочки с карасинами,
 Подсветили они да всё огонёчиком, —
 Как затрескали тут бочки скоро же,
 Загорела Казань, да славной город же.
195. Они разрушили стену городовую,
 Разбили-то башню всё высокую.
 Когда зашли они в Казань, да в славной город же,
 Приказал тогда моськоськой князь,
 Как моськоськой князь Иван Васильевич,
200. Приказал он скоро всё покончити,
 Приустановить-то пушки скорые,
 Пушки скорые да очунь крепкие;
 Пригушили они бочки с керосинамя,
 Они зашли тогда да во Казань, да славной город-от,
205. Они начели тогда рубить, да силу бить же всё, —
 Как со старого рубили тут до малого,
 Они взяли-то Казань-город во плен себе,
 Они взели тут ведь и много разного именьица,
 Взели много-то они да красна золота,
 Взели много-то они да чиста серебра,
210. Взели много-то они да драга жемцюгу,
 Взели много-то гонь каменья самоцветного,
 Самоцветного каменья драгоценного,
 Они много взели каменья алмазного,

215. Много разной-то одежды, много обуви.
 Как царя-то самого Симеона-та
 Приказал-то князь взеть на мученьица;
 Как за то же взел на мученьица,
 Поцему он не стретил с цести, с радости?
220. Он у живого жо глаза да взял повыкопал,
 Как речист-то его язык да теменём тенул,
 Достали-то приказал отрубить ему буйну голову,
 Умерьтвил тогда царя же Симеона он.
 Как царица-та Елена доць Олександровна,
225. Она умудрилась премудрыма науками,
 Она стретила ёго да с солью, с хлебом-то,
 Поклонилась, подошла да ему честь вóздала, —
 Как тогда-то царь сжалёлсе-то,
 Не погубил же вон царици-то Елены-то,
230. Как Елены ведь он жо Олександровны,
 Как оставил-то живу да вон увёз в Москву.
 Как его-то всё корону славно царьскую
 Он ведь взял к себе всё да вот на голову,
 Он ведь взял себе всю адежду царьскую, —
235. Как с того-то вот как времени ведь и князь Иван-от свет
Васильевич
 Называться стал царём славным моськосьским-то,
 Да царил-то в его платьици, в корони-то.
 Да и всё его богасьвицо-йменьицо
 Всё он собрал-то, забрал да вёз обозами,
240. Всё привёз да в каменну Москву.
 А царицу-ту Елену Олександровну
 Как в Девицый-то монастырь тут сделал старницей,
 Сделал старницей-от ей, сделал монашиной.
 Сам ведь стал ведь жить да всё царём же он,
245. Вот царём-то зачел же быть моськосьским-то,
 Тут ведь все стали звеличать царём моськосьским-то:
 «Уж ты здрастуй, здрастуй, царь славной моськоськой-от,
 Ешшо тот ли Иван да свет Васильевич!»
 Вот Васильевич Иван, сказать, по прозванью-ту самой
Грозной был.
250. Как ведь той нашой старинушки конец пришол,
 Как конец пришол старинушки, славы поют,
 Как ведь славы-ти поют царю ведь Грозному,
 Царю Грозному Евану всё свет Васильевичу
 За ёго-то всё за мудрось за великую:
255. Много-много завоевал да себе городов,
 Как отстоял-то он, сберёг каменну Москву,
 Отстоял-то он, сберёг да каменну Москву,
 Как ведь первым же он царём сидел,
 Вот царём-то он сидел да всё царём царил.
260. Тут ведь всем-то людям млáдым на послушаньицо,
 А всёму народу-то совецькому на пропеваньицо
 Как про Грозного царя Ивана про Васильевича.

№ 102. СМЕРТЬ НАСТАСЬИ РОМАНОВНЫ

- А и приутихло-то, приуныло вот морё синёе,
А и перестали-то ходить чернёны караблы,
Э и не забегали тут же тонки-те бёлы паруса,
А и не стали видецыце-то флаки тут, флаки шёлковы,
5. А и не задули ведь и тут же ветры буйныя,
А не закалыбались древа в садики в зелёном,
А и перестали ходить-ездить народ-от, люди добрые,
А и как по матушки-то ездить по каменной Москвы,
А и остоялось тут на небешки сонцо красное,
10. А и вся луна-та ведь, скажом, всё же поднебесная;
А и как ведь чудна-та йикона тут евиласе,
А и как чудна-та йикона, да спас пречистой сам,
А над государьским-то дворцом остановиласе,
А и как она же дале, образ-от, прокатилсе тут,
15. А и как над спальнёй-то над государьской остановилсе он,
А и воску ярого свещи́а сама собей же загореласе, —
А и благоверная царица тут преставляласе,
А шшо ведь душочка-та Настасья-та дочь Романовна,
А за ее-то всё ли за милось-ту великую,
20. А что жалела-то она, болела за Москву за всю,
А и за то тихая была ее кончинушка,
А и была тихая ее же, очунь кроткая,
А будто царица-та ведь и хотела призаснуть-заспáть,
А и со весёлою улыбочкой поглядывала.
25. А и во сголовьях у ней же тут стояло-то,
А и вот стояло-то два премладых-то добра млодца,
А и два ведь руського могучегó тут богатыря,
А и две наливных-то стояло две-то ягодки,
А и два премладых-то стояло тут царица:
30. Э и как перьвой-от царицы-то стоял же тут,
А и вот стоял-то всё Иван же сын Ивановичь,
А и как второй-от всё царицы вот стоял у ей,
А и вот стоял у ей царицы-от премладой-от,
М-м а ешше Фёдор-от стоял да сын Ивановичь;
35. А и во ногах у ей сидела младá царевна-та,
Ишше та ли всё ее-та дочь любимая,
Ишше душочка Настасья дочь царевна-та,
Как Настасья-та сидела свет Ивановна,
(К) своей маменьке к родимой поклоняласе,
40. Обнимала свою маменьку родимую
За ее-то вона шеечку за белую,
Человала ей в уста же во сахарные,
Сама Настасья-та царевна слезно плакала,
Уж она плакала-то сильнё, как река бежит,
45. Как река-та вот бежит, будто Москва текла,
Возрыдала сильнё тогда, будто гром гремел,
В возрыданьци (о)на матушке говóрила:
«Уж ты не покинай-ко нас, ведь матушка родимая,
Вот родима-то, нас, ведь матушка любимая
50. Ты, царица наша всё жа православная,

- Ты, Настасья у нас дочь да свет Романовна!»
 Говорила-то тогда царица православная,
 Как Настасья-то говорила дочь Романовна:
 «Уж вы ой еси, дородни вы дбры мблодцы,
 55. Два премладеньких у мя да два царезиця,
 Два ведь русьского могущого богатыря,
 Два ведь рыцаря, сказать же, всё пречудных-то,
 И вот сходити, мои наливны-ти сладки ягодки,
 Две свешши у мя же воскуяровых,
 60. Две вербушочки у мя да вербоватых-то,
 Вы сходите-тко, мойи дети сердечныя,
 Вы сходите во полату в грановитую,
 К своиму-то вы сходите к отцу, к батюшку,
 Шшо ко Грозному царю к Ывану-ту ко Васильевичу,
 65. Вот зовите-ко царя со мной проститисе, —
 Вы придите, мои деточки, потихошеньку,
 Открывайте двери всё потихошеньку,
 Закрывайте двери вы же, деточки-ти, накрепко,
 Говорите ведь вы батюшку с улыбкою,
 70. Говорите так, скажу да научу я вас:
 «Уж ты ой еси, наш батюшка-родитель-от,
 Как пришли-то мы от матушки родимою,
 От твоей ли всё царицы православно,
 От Настасьи-то пришли жо гот Романовны, —
 75. Наша матушка родима разболеласе,
 Вот звала, звала она тибя проститисе!»
 Тут премладые царици не ослышались,
 Вот пошли, пошли они по каледорикам,
 Вот пришли, пришли ко батюшку к родимому,
 80. Как в его пришли в полату во грановитую,
 Запирали они двери очунь накрепко,
 Подходили-то к нему, низко кланелись,
 Говорили они ему же такую рець:
 «Уж ты ой еси, родитель, отець-батюшко,
 85. Отець-батюшко, ведь царь Иван Васильевич,
 Благослови-ко нас ведь слово-то, слово вымолвить,
 Слово вымолвить позвол-ко, рець говбрети
 Нам без той ли всё без казени без скорыя,
 Нам без той ли всё без ссылоцьки без дальнёю,
 90. Нам без той ли всё насмешоцьки великою!»
 «Говорите вы, царици, што вам нужно есь,
 Как во всём, во всём ведь вам же есь простительнё!»
 Как тогда-то они же низко кланелись:
 «Уж ты ой еси, отець, да рóдной батюшка,
 95. Уж ты, царь, ты, царь Ыван, Ыван Васильевич,
 Уж зовёт наша матушка да всё проститисе».
 «Как нельзя, нельзя итти, млады царици:
 Я пишу сижу ведь, царь, да скору грамоту,
 Скору грамоту пишу я скорописцету,
 100. Как про матушку пишу да всё да про всю Москву,
 Как ведь про свой-от град пропишу, да славной город свой,
 Как про солдат-то я пишу, да силу-армию,
 Во вторых-то я пишу про коньску гвардию,
 Как про всю-ту я пишу да про Россиюшку,

105. Про города-ти вси пишу я, про деревенки,
 Про всего народу пишу же всех со старого до малого».
 Тут пошли-то всё царици, поклонилисе;
 Э как приходили скоро к матушки к родимою,
 Рассказали, што нельзя йитти отцу-батюшку проститисе.
110. Посылает она йих вот во второй же раз,
 Посылает она йих вот во третей же раз.
 На третей раз, когда пришли млады царици,
 Они пришли-то в полатушку грановитую,
 Они зашли-то к ему тихо, очень кротко-то,
115. Закрывали-то двери очунь тихо-то,
 Золочены-ти их башмачки крепко скрыпали,
 Они росшиты-то были-то красным золотом,
 Как росшиты у них были чистым серебром;
 Как пришли млады царици, поклонилисе,
120. Со веселою улыбкой рець говорили:
 «Уж ты ой еси, родитель ты наш, отець-батюшко,
 А и как отець-батюшко-то, царь Иван Васильевич,
 А благослови-ко нас же слово-то, слово вымолвить,
 Э и слово вымолвить позволь же, рець повыговорить
125. А и как без той ли всё без ссылочки без дальнею,
 А и как без той ли всё без казени без скорыя,
 Э и без той ли всё насмешочки великою!»
 А и возговорил-то тогда Грозной царь Иван Васильевич:
 «А уж вы ой еси, премлады мои царици,
130. А и два ведь млaddenьких у миня же ясна сокола,
 А и два дородних у миня же два ведь млодца,
 А и два премладых у миня же всё царица,
 А и как ведь руських два могущих два богатыря,
 А и как-та рыцера премладых у мня пречудных-то,
135. А и две наливных у миня же сладких ягодки,
 А и уж вы ой еси, мои дети любимые,
 А и вы, премладья мои же два царица,
 А и говорите-тко, ведь что же только надоть вам,
 А и всё по вас-то ведь, сарици, всё будёт выполнено!»
140. А и становились тут царици на колени-ти,
 Э и вот таки-ти реци чудныя говорили:
 «Э и красно солнышко за горы-ти закатилосе,
 А и как за горы-ти за круты Воробьеские,
 А и как луна-та поднебесная зошла во облака,
145. А как свешша-та воску ярово не гаситсе,
 Э и как икона, чудной образ-от, евилсе тут,
 А и над полатой-то над спальней остановилсе он,
 Как лампада-та загорелась маслом божим тут, —
 А и наша матушка родима приставляитсе.
150. А и вот она звала тибя, батюшка, проститисе!»
 А и тут ставал-то царь со стула своего царского,
 А и подымал-то он премладых своих царицей,
 А и человал-то он в уста йихны в млдые,
 А и прижимал-то он царицей к своему серьцу:
155. «А и вы подите у мня, премладых два царица!»
 А и как ведь первой царицы-от был же Йиван же
 сын Иванович,
 А как второй-от был царицы был Фёдор Иванович:
 «А и зовёт, батюшко, ведь и матушка проститисе,

- А и ведь она скоро, видно, шшо скоро всё шшо скончевантсе,
 160. А и она желат-то напоследках с тобой свиданья!»
 А и возговóрит тут тогда да тут ведь Грозной царь,
 Э и што ведь Грозной-от царь Йиван, Йиван Васильёвич:
 «Уж вы ой еси, премлáды мои царевици,
 А и вы подите-тко ко матушки к родимою,
 165. А и ко родимой вы ко матушки, вы ко царицы-то благоверною,
 А и как ко той ли всё к Настасьи-то Романовны,
 А и вы скажите своей матушки родимою,
 А шьто иду, иду сичас же с ней проститесе!
 Э и как ведь бесстроцьнёго-то времени на свети нет, —
 170. А и я бросаю все дела-ти свойи царские,
 А и я йиду с нею-то ропрошшатесе!»
 А и вот уходили тут премлáдыя царевици;
 А и пришли к матушки родимой, всё рассказали тут:
 «А и йдет батюшка, ведь и рóдна матушка, ропрошшатесе».
 175. А не сафьянны-ти сапожки, братцы, скрýпали,
 А и Грозной царь-от шол, ведь шол Еван Васильёвич,
 А по каледорикам далёко было слышно тут;
 А йи вот пришол, пришол он, царь, да он зашол же всё,
 А и открывал-то двери царь да всё тихошенько,
 180. А и закрывал-то двери царь, скажóm, плотнёшенько,
 А и вот плотнёшенько запирал да вочунь накрепко,
 А и вот заходил-то царь во спальню-ту он во тёплую,
 А и подошол-то царь ко кроваточки кисóвою,
 А и ко периночки он всё же ко пухóвою.
 185. А и ему подали же дети стул-от рыта бархата,
 А и как садилсе тут на стул ведь наш же Грозной царь,
 А и Грозной царь-от всё садилсе Иван Васильёвич;
 А и возговóрила царица-та благоверная,
 А и благоверная царица-то православная,
 190. А йише та ли всё Настасья-та дочь Романовна:
 «А уж ты ой еси, мой Грозной царь Йиван, Йиван Васильёвич,
 Ты супруг же мой ведь был да всё любимой-от,
 Уж ты выслушай моёго вот приказаньяца,
 Розреши мне-ка слово да слово вымолвить,
 195. Слово вымолвить позволь же, рець повеговорить
 Мне без той ли всё без кáзени без скорые,
 Мне без той ли всё без ссылочки без дальнёю,
 Мне без той ли всё насмешочки великою!»
 «Говори-ко ты, царица, шьто те надобно,
 200. Вот во всём, во всём тебе будёт простительнё!»
 (Да ишшо бы! Помирать уж. Так и то тогда.)
 «Ты во первьих-то мне прости да ропростись со мной,
 Во вторых-то мне да, я скажу, царь, послушай-ко:
 Будь ты доброй, будь ты кроткой, будь ты милослив
 До мойих-то до сердецьных милых деточок,
 205. До свойих-то до премлáдых ты царевицей, —
 Как во первьих будь ты милослив и жалослив
 До своёго ты сына до любимого,
 До Ивана ты же вот до Ивановича,
 До второго-то до сына до любимого,
 210. Как до Фёдора-то ты же до Ивановича!
 Как ишше же доброй будь, будь-ко ласковой

- До единой ты же, до одинакою,
 Как до младенькой до своей младой царевны-то,
 До своей же ты до дочери любимой,
215. Как до душочки Настасьи-то Ивановны!
 Как ишше-ко будь ты доброй, будь ты ласковой
 До солдатиков-то будь до новобранных-то,
 До йих до всех-то, посмотри, ласков будь, до всей же силы-армии,
 Как до всей же ты будь ласков до коньской гвардии!
220. Как ишше же ты послушай на моём же на приставленьици,
 Как на моей ли-то при жизни на сосветною,
 Как ведь я-то со белым светом прощаюсе,
 А навечно-то ведь я же расставаюсе:
 Будь ты ласковой-от, будь да все же милослив
225. Как до всей-то всё земли да руською,
 Всех со старого будь ласковой до малого,
 Как веди, веди дела да, царь, по правды всё,
 Пожалей-ко всех сирот да бесприютных-ко,
 Пожалей-ко всех сиротских малых деточок!»
230. Тут тогда-то всё царица замолчала-то,
 Замолчала-то гонá, как засыпáла-то;
 Зарыдал-то, зарыдал да, братцы, Грозной царь,
 Грозной царь Иван же свет Васильевич,
 Он к царицы-то своей же к православной,
235. Как ко Настасьи-то он всё же ко Романовны,
 Он припал, припал, захватил же за белу шею,
 Человал-то он царицу во сáхарны уста,
 Сам со плачом-то царицы всё говóрил он:
 «Ты прощай, прощай, царица благоверная,
240. Благоверная царица моя православная,
 Ишше душочка Настасья доць Романовна!»
 И вот заплакал царь ведь слезно, как река текла,
 Возрыдал-то громко страшно, будтэ гром гремел,
 И он захватил свою царицу во охапку-ту, —
245. Вот ведь не дали ему млады царевници:
 «Не шевели-ко ты, ведь батюшко, вотець родной,
 Уж ты, царь-от наш Иван, Ыван Васильевич, —
 Нельзя матушку тепере нашу треложить-то,
 Только нужно нам смотреть, да как преставитсе».
250. Отвели-то тут царя-то тут же гот кроваточки,
 Посадили его на мяккóй диван-от ведь,
 В сголови же дали подушечку пухóвую.
 Не прошло-то тут немного пóры-времени,
 Вот догорела и погасла всё зоря славно́ вечерняя,
255. Как ведь вышла-та на неби луна ясная,
 Как везде-то показались свётлы звездоцьки,—
 Благоверна наша царица тут преставилась.
 Когда померла же всё царица-та Настасья-та дочь Романовна,
 Грозной царь-то всё Иван, Ыван Васильевич, —
260. Как ведь думали тогда, шшо он с ума сойдёт,
 Шшо с ума-то он сойдёт, да с крѣпка разума, —
 Закрывал ведь царь грóмка гочунь страшно он,
 Заревел же царь очунь же жалобно.
 Увели царя ведь всё ёго из спаленки,
265. Два ёго увели сына любимых-то,
 Увели его в его же спальню тёпую,

- Повалили его на кроваточку кисѡвую,
 На пѣриночку его же на пухѡвую.
 Трѡи сутоцьки-ти царь да не вставал же всё,
 270. Не ставал-то царь ведь всё же, да разболелсе был,
 Разболелсе царь, ведь всё он ростреложилсе;
 Не хоронили всё царицы православною.
 Когда пришол-то царь ведь тут же во сознаньицо, —
 Ему надобно по делам всё по царьским быть,
 275. И вот пришол, пришол в полату в грановитую.
 Он пришол-то невесѣлой, очунь печальнѣй-от,
 Приказал-то всем народам, людьм добрым-то,
 Как одеть-то йим ведь платьицо чорноѣ,
 Вот ведь чорноѣ-то платьицо печальнѣѣ.
 280. Когда стали-то царицу хоронить нести,
 Как везли-то ей в кореты в золочѣною,
 Грозной царь-от всё Иван, Иван Васильѣвич,
 Со печалью-ту сидел у грѡбѡ же он.
 А народ-от, люди дѡбры, загораживали,
 285. Загораживали, дорожочки не давали тут,
 Они все-то со слѣзами низко кланелись:
 «Ты прошшай, прошшай, царица наша благоверная,
 Благоверная царица православная,
 Ишше та ли всё Настасья дочь Романовна!
 290. Ласкотѡ у тя была до всех великая,
 Добродетель-та до всех жо очунь, гочунь чудная!»
 Надоело Грозному царю же Ивану всё Басильевичу,
 Надоело ехать тихо, — народ не дават ходу,
 (*Задерживат вот!*)
 Говорил тогда Грозной царь Иван Васильѣвич:
 295. «Вы бросайте-ко народу, народу красно золото,
 Вот бросайте-тко народу чисто сѣребро,
 Как кинайте-тко народу драги камешки, —
 Они будут-то когда да собирать же всё,
 Приостанутсе народ, не будут в кучу толпитисе».
 300. Как приказал-то царь, так и сделали;
 Но никто, народ, на золото не соглашалсе тут,
 Как никто на чисто сѣребро не обзарилсе,
 На драгѣ-ти камѣньѣ не огленулисе,
 Как все шли-то за царицей, слезино плакали:
 305. «У нас не стало жалѡсници, ласкѡтници,
 (У) нас не стало нашей матери желанною,
 Как не стало царицы православною,
 Как ведь душочки Настасьи-то Романовны!»
 Так схоронили у нас царицу благоверную,
 310. Благоверную царицу православною.
 Как на могилочки у ней народ всё плакали,
 Как смочили ее могилушку слезами-ти.
 Грозного царя Ивана-та Васильѣвича
 Чуть живого-то почти да увезли домой;
 315. Долго-долго царь Иван Васильѣвич хворал лѣжал,
 Как после болезни-то ведь долго да вочунь скучной был.
 Привелось же жить ему без своей же всё царицы-то,
 Без царицы-то Настасьи всё Романовны;
 Хоть он нѣ один-то раз ведь, царь, да всё женатой был,
 320. Он жонат был ведь, царь, да всё же на трѣх жонѡх,

- Но любá жона была ёго да его перьвая,
 Ёго перьвая была жена его любимая,
 Шьто ведь та ли всё Настасья-та дсчь Романовна.
 Как ведь той нашой старинушки коець пришол,
 325. Вот конець-от ей пришол да пропевали всё,
 Пропевали ей за милось ее великую,
 Пропевали велику́ славу, прославляли ей.
 Все со старого-то ей да всё до малого,
 Про добродетель ей ведь вѣчна не забудитсе.
 330. Как ведь Чорному-ту морюшку на тишину,
 Как Москвы-реки на славушку великую,
 Всему совецькому народу на послушаньицо,
 Вот от них-то пойдѣт вперед на пропеваньицо.

№ 103. КОСТРЮК

- А и как не частые-ти звездышки по нѣбу роскаталисе,
 А и што не светлые прошли же вот по синему, —
 От и все богатыри йиз Москвы же розъезжалисе,
 Они куда ведь где уехали, дѣбры мѡлодцы:
 5. Кто уехали богатыри в други́ края,
 Кто уехали богатыри в темны леса,
 Кто уехали богатыри на тихой Дон,
 А ише младшие богатыри разъехались,
 Вот разъехались, уехали в свои они деревенки,
 10. Во селеньица уехали повидатисе,
 Повидать-то йим хотце отцей с мáтерьми,
 Как ведь видеть да хотелось братьѣй, сѣстер-то,
 Осмотрять-то захотелось рода-племя-то.
 А собирал тогда же Грозной царь,
 15. А ише Грозной царь Йиван Васильевич,
 А и собирал-то царь весѣлой пир,
 А и он сзывал, сзывал да вот же всех людей,
 А и всех со старого гон звал да всех до малого.
 А и вот не ясные соколики слеталисе,
 20. А и все ведь гости в каменной Москвы,
 В каменной Москвы гости приехали, —
 Приехали они на славной царьской двор,
 А йиз двора пошли воні в полатушки,
 А и во полатушки во царьские;
 25. Вот их встречал, стречал же Грозной царь,
 А и Грозной царь Йиван Васильевич,
 А и вон встречал гостей да низко кланелсе,
 А и проводил гостей в полатушки да всё во царьские,
 Сам за столички усаживал,
 30. А и всё за столички точѣные,
 А и за точѣные золочѣные,
 А и вот за салфеточки шелкбвые,
 А и как за кушанья сахарные,
 А и как за водочки за разные,
 35. А и вот за рáзны йиностранные;

- А и тут ведь начели же гости кушати,
 А и што лебёдушку-ту бѣлу вони рушати,
 А и много кушаньей тут было покушано,
 Много напитков тут же попито.
40. А и заиграли-то во арфы во игромые,
 Как во те ли во струны в золочёные,
 Как во те ли гусли весёлые.
 А и как весёлой пир-то шол навесели,
 Красно солнышко пекло на ѱсени,
45. А и весёлой пир же шол невесели;
 А и все же гости росшутилисе,
 Росшутились, розговорилисе,
 А и все они разнó приросхвастались:
 А и как богатыри захвастали своей силой богатырьскую,
50. А и што же рыцари захвастали
 Как ведь славными подвѣгами,
 Они славныма же рыцарьскима,
 А и князья-бóяре захвастали
 А и вот науками премудрыма,
55. А и как купци-гостѣ торговья,
 Они захвастали да золотой казной,
 А хресьяна-ти прожитосни захвастали
 Свѣтой верой православною,
 А чóрны пахари захвастали трудом своим,
60. Что: «обрабатывам матушку сырѹ землю!»
 Рыболовы — своей ловлею, а и своей ловлею,
 Да всё они ведь ловят рыбу разную;
 Карабельшнички с матросами,
 Они — своим же дальним плаваньем.
65. А и Грозной царь Йиван Васильевич,
 А и он ходил, ходил-погуливал
 По своим полатам белокаменным,
 С нóги на ногу манежно переступывал,
 Его сафьянны сапожечки у его же вот скрыпали,
70. Золотыма же шпорами побрякивал,
 Белыма руками прирозмахивал,
 Золотыма-ти персями принабрякивал,
 А и што чернѣми-ти кудрями прирозмахивал;
 А и подходил же царь ко столничкам,
75. А и со весёлою улыбкою говорил же гон такую речь:
 «Уж вы гой еси, мой же гости званые,
 Уж вы, званы, долгожданые,
 А и я зазвал же ведь всех во Москвы во гради-то,
 Всех со старого до малого,
80. Я скажу же вам такую речь,
 Вот такую речь да вы прослушайте:
 А и я задумал, царь, женитисе
 Не у себя же на светой Руси,
 (Это он во второй раз уж!)
 Не на светой Руси, не в каменной Москвы,
85. Не в каменной Москвы, — да во неверии,
 А и как во неверии, в землѣ неверною.
 У того ли короля я всё Небрюка-та Небрюковича,
 А у короля же всё у Небрюка-та Небрюковича
 На его же на дочери любимую,

90. А и что Марьи-то всё же свет Небрюковны,
А и ву Кострюка-ти вот жениться на рódной сóстрици».
А и вон писал тогда да скору грамоту,
А и скору грамоту по рыту по бархату,
А и писал грамоту да красным золотом,
95. А и как писал, просил в придáно он:
А и как во первых просил же он
А и как телегу красна золота,
А и он просил телегу чиста сéребра,
Он просил телегу дрáга жемчуга,
100. А и вон просил же флот чернёных кáраблей,
А и вон просил в придáно силы-армии,
Он просил же коньской гвардии.
Написал же, запечатал царь,
Отправлял же скору грамоту,
105. Отсылал чернёной кáрабель,
А и на карáпь становил младá же карабельшшичка,
Вот со младыма со матросами, —
А и пошел кáрабель же царской-от,
Полетел же, будто птиця-та.
110. А и ву' царя же всё у Грозного
У Йивана всё Васильёвича
А весёлой пир ведь долго шол;
Пировали-столовали трóи суточки,
На четвёрты розъезжалисе.
115. А когда пришол караблицок-от царьской-от
А и к королю же Небрюку-ту Небрюковицю,
А и заходил он в гавань карабельною,
Завивали тóнки пáруса,
Тóнки пáруса белополóтнены,
120. А и вот спускали в воду екоря же всё булатные,
Выбросáли сходни тут дубовые,
Настилали сукна тут заморьские, —
Вот пошел молодой да карабельшшичок,
Он понёс же скору грамотку,
125. Скору грамотку да рукописцету.
Он пришол, пришол на королевский двор,
Из двора пошел в полаты-ти,
Во полатушки зашел же вон.
Во то времечька король сидел,
130. Вот король сидел да с королевою
За вобéдом-то, гобéдали;
Приходил же доброй мóлодец,
Он ведь кланелсе королю-то
Небрюку он Небрюковицю,
135. Как его же королевы он,
Ишше йихному сынѹ любимому,
А и Кострюку-то всё Небрюковичу.
А и подавал он скору грамоту,
Скоро грамоту от самогó царя,
140. А и подавал же, низко кланелсе.
Принимал король да скору грамоту,
Принимал же он, прочитывал, —
А и недосуг королю же тут дообедывать,
Уходил же гон в другѹ в полаточку,

145. А и вон позвал сына любимого.
 А карабельшичку-ту стул же подали,
 Стул ведь подали ему, просили всё садитисе.
 А и когда ушел тогда королевиць млад,
 Королевиць млад Кострюк Небрюкович,
150. Когда пришел Кострюк-от к родну батюшку,
 Говорил тогда король таки речй,
 Король зачел тут рассказывать:
 «Уж ты ой еси, Кострюк младой Небрюкович,
 Эта грамота да йиз Москвы пришла,
155. Из Москвы пришла да ют царя она,
 Вот от Грозного царя Йивана всё Васильёвича.
 Грозной царь Йиван Васильевич,
 Он ведь сватайтсе у мя на дочери любимую,
 Что на душочки на Марьи на Небрюковны,
160. Хотот царь со мною породнитисе,
 Да вот родню завести со мной,
 А и он ведь сватайтсе у тибя да на родной сестры,
 Просит в скорости ответу он;
 Просит в приданно-то царь, скажу,
165. Он телегу красна золота,
 Как телегу чиста серебра,
 А и как телегу драга жемчуга,
 Он ведь флот же черных караблей,
 Просит в приданно силы-армии,
170. Просит в приданно коньской гвардии, —
 Как решить дела, скажи мне, любимой сын,
 Молодой Кострюк Небрюкович?
 У тебя хошь головушка премладая,
 Вот премудрости премудрая, —
175. А и как поступишь со родной сестрой?
 Ты отдашь ли ей в замужество?
 Не отдашь, дак будёшь битисе,
 Будёшь битисе-боротисе?»
 А и возговóрил-то Кострюк тогда,
180. А и говорил-то сын Небрюкович:
 «Уж ты, батюшко, отец родной,
 Ты, отец родной, мой батюшко,
 Король всё же-от Небрюк-от свет,
 А и как Небрюк-от свет Небрюкович!
185. Грозной царь Йиван Васильёвич,
 Над нами вон же старшой есть, —
 Как подымитсе, стреложитсе,
 Он пойдёт воевать на нас.
 Как его же сила многая,
190. Сила многа ведь да сила-армея,
 Много есь же коньской гвардии,
 У ёго много есь сильных всё, могучих всё богатырей, —
 А и всё побьют же силу нашу-ту,
 Потерям силу по напрасному!»
195. А и как тогда король говóрил-то:
 «Я пойду схожу ко дочери,
 Вот ко дочери к любимую,
 А ешшо ко душочки ко Марьи свет Небрюковны». —
 Тут пошел король скорёшенько;

200. Постречалась королева же,
Королева, пожила жена,
Королю гонá говóрила:
«Что за грамота такá же да очунь чўдная?
Откуль вонá тебе же прислана?»
205. Отвечал король да королевой тут:
«Ета грамота да йиз Руси пришла
От Грозного царя Йивана-то Васильёвича, —
Царь-от сватайтсе на дочери,
Как дочери на нашей же любимой,
210. Що на душечки на Марьи-то Небрюковны!»
Королева-та заплакала,
Ницего королю грубóго не гответила;
А король пошел ко дочери,
А заходил-то гон ко дочери к любимой.
215. Его дочь же всё любимая,
Ишше та ли всё ведь Марья дочь Небрюковна,
Она сидела-то на стули рыта бархата,
На ковры гонá на пересийском-то,
Против чистого-то зеркала,
220. Против чистого заморьского,
Вышивала она шириночку,
Вышивала она ширинку шолкáми разныма заморьскими,
А строчила-то шириночку
Она красным-то вот золотом,
225. Красным золотом да чистым сёребром,
Клала камни самоцветные.
Подошел король, тогда зашел же к ней,
Дочь-то стала, поклониласе;
Тут ведь сел король к ней близёшенько,
230. Рассказал же про дела такй,
А и про дела такй, про свátальсво,
А как ведь сватают её же всё,
Ею сватают да в каменнў Москву
За самого-то царя моськоського,
235. За Грозного царя Йивана-то Васильёвича.
Говорила-то его дочь любимая,
Как душечка-та Марья Небрюковна:
«А и не за что нейду в замужесьво,
И вот в замужесьво да на светую Русь
240. А за Грозного царя за Йивана всё Васильёвича, —
Он грозной, грозной, очунь немилослив!»
Говорил тогда ее рóдной батюшко:
«Уж ты ой еси, моя же дочь любимая,
Уж ты, душечка да Марья свет Небрюковна,
245. Когда я да откажу ему,
Не готдам тебя в замужество,
Вот разгневааетсе Грозной царь,
Ишше Грозной царь Йиван Васильёвич,
Розрубитсе, розобидитсе,
250. Он пошлёт войной же силу-армию,
Слáвну коньскую он ведь гвардию, —
Розобьют же мóйи всё да городочика,
Не гоставят силушки на сéмена.
Он ведь просит за тебя приданого

255. Он телегу красна золота,
 Как телегу чиста серебра,
 Он телегу драга жемчуга,
 Он ведь флот чернёных караблей,
 Просит в придано силы-армии,
260. Просит он же коньской гвардии, —
 Это всё тебе отделилсе,
 Вот отделилсе, наделилсе,
 Всё сберу тебе придано-то,
 Накладу же на чернёные на карабли».
265. Говорила тут же Марья-та Небрюковна:
 «Уж ты ой еси, мой батюшка, король Небрюк Небрюкович,
 Отдавай мне же с цести, с радости,
 Ты без той же драки кроволитною!
 (В) провожатых ты же дай же мне,
270. В провожатых мне-ка брата родного,
 Брата родного родимого,
 Кострюка свет Небрюковича!»
 А и тут пошел скоро король да йиз полаты вон,
 Заходил в свою в полату королевскую,
275. Вот садилсе на дорогой же стул,
 Вот писал же скору грамоту
 Царю Грозному Йивану свет Васильёвичу:
 «Я желаю с тобой, царь, да познакомиться,
 Познакомитсе да поздороватьсе,
280. А и заведём-ко дельшко немалое,
 Вот немало дело, превеликое,
 Заведём-ко дружбу гочунь чудную,
 Породниось же, царь же, я с тобой, —
 Отдаваю я в замужесьво
285. Как свойю же доць любимую,
 Что ведь душечку Марью свет Небрюковну».
 А и как ведь тут дела они прикончили, —
 Написал король да скору грамоту,
 Запечатал он печатью-ту,
290. Вот печатью золочёною,
 Передавал же скору грамоту
 Он ведь младому да корабельшичку.
 Поблагодарил его премладой корабельшичок,
 А и поклонилсе, скоро вон пошел;
295. Он пришел же всё на карабель
 Собрать скоро во дорожечку,
 Отправились в Россиюшку.
 Йим ведь поветерь подула-та
 Вот попутна и поносная,
300. Приносило скоро карабличок,
 Он пришел скоро в каменну, Москву.
 Получил же царь да скору грамотку,
 Получил, скоро прочитывал,
 Он ведь сделалсе да веселёхонёк,
305. Ударил младá корабельшичка с матросами.
 Тут ведь начел король Небрюк Небрюкович
 Приготовлять же чёрны карабли;
 Сскро, скоро вот караблицьки были приготовлены,
 Они в тавань приведёны же,

310. Товары разные нагружённые,
Нагружены всё, накладены.
А и тут ведь зачели да собирайтесь:
От как Марью-ту Небрюковну,
Снарядили ей да в путь-дорожочку,
315. В путь, в дорожечку, да на светую Русь,
На светую Русь и да в каменну Москву;
Одевали ей ведь мамушки,
Ей ведь мамушки да всё же нянюшки,
Одевали ей да красны девушки;
320. Спровожали отец с матушкой,
При прощаньица проплакали,
Они поплакали, назад же воротилисе;
С ней пошел же брателко родимой-от,
Молодой Кострюк Небрюкович.
325. Потенули ветры буйные,
Иим ведь всё вонь попутные,
Приходили чёрны карабли
Как на славную да на Неву-реку,
На Васильевской на славной остров-от.
330. Тут встречали йиз Москвы же йих,
Тут садилась они на коничков,
Вот на коничков в кореточки;
Побежали кони быстро-то,
Золоты кореты брякали,
335. Скоро, скоро пробежали тут,
Пробежали кони царские,
Ишше славы государьские;
Подъезжали они ко дворцу же всё ко царьскому,
Ко крылечушку да государьскому,
340. А и вот в матушку-ту славно в каменну Москву.
А и вот встречал, встречал же Грозной царь,
Ишше Грозной царь Йиван Васильевич,
Он ведь брал ей за белы руки,
За белы руки, за золоты персни,
345. А и человал в уста сахарные,
Проводил во полаточки свои во царьские,
А и ей садил, садил на дорогой же стул да он на бархатной,
На ковёр садил да он заморьской-от,
Как садил, садил-то он да против цистого зеркала,
350. Против чистого восточного,
А и как за столички точёные,
Как за салфеточки шелковыя,
А и как да ёствы за сахарные,
За напитокочки заморские.
355. А и встречал он всё гостя любимого,
Кострюка да всё Небрюковича,
Человал в уста сахарные,
Со весёлою улыбочкой вот садил гостя да дорогого он,
Дорогого гостя ченного;
360. У йих пошло тут пированьице,
А и вот весёло столованьице, —
Трбьи суточки же шло вонó:
Тут играли-то во арфы во игромые,
Вот во струночки да в золочёныя,

365. Как во те в гусли в весёлыя;
 Как ведь все гости ведь съехались,
 Они съехались, скопилисе,
 А и все короли же, королевици,
 А и все цари же, все царевици,
370. А и все же князи тут, княжевици,
 А простого-то народу числа-счёту нет.
 На четвёртой-от денёчик тут
 Съездил Грозной царь Ииван Васильёвич,
 Он ведь съездил во божью церковь,
375. Одержал же он со Марьёй со Небрюковной по злату, венцу.
 Тут пошло у йих да пированьицо,
 Пошло весёло чудно радованьицо,
 Много было тут как кушанья покушано,
 Как напитокок заморьских было попито, —
380. Пировали-столовали ровно три неделёчки.
 А и пированьицо-то было тут весёлое,
 А и столованьицо прекрасное!
 Во ту пору, во то времечка,
 А и как среди же было денёчка белого,
385. А и шол у царя весёлой пир,
 Вот весёлой пир, прекрасной стол,
 Они ведь тут, гости, росшутилисе,
 Росшутились, розвеселилисе.
 Грозной царь Ииван Васильёвич,
390. По полатам хóдил он, погуливал,
 Со своей хóдил с царицою,
 Как со душочкой со Марьёй со Небрюковной,
 За ее руку за правую,
 Вот за правую за белую;
395. Подошли они ко столичкам,
 Вот ко столичкам да ко окольным-то,
 Ко салфеточкам шелковым-то,
 Как ко ёствам ко сахарным-то,
 Ко напитоккам заморьским-то.
400. Как один же всё же гось не кушал-то,
 Как не кушал-то, не ел —
 Царя Грозного ведь шурина-от,
 Как ведь тот Кострюк Небрюкович.
 Подошол к ему же сам же царь,
405. Вот ведь сам же царь Грозной Иван же свет Еасильёвич,
 Он ведь кланелса ему, сказал со весёлою с улыбочкой:
 «Уж ты ой еси, да дорогой же гось,
 Дорогой же гось да очунь ченной есь,
 Ешше мой же шурина ты любимой есь,
410. Почему у мя невёсёл-от?
 Мойих кушаней не кушаёшь?
 Моей беленькой лебёдушки не рушаёшь?
 Разве место тебе не ндравитса?
 Разве чарочкой же обнесли тибя?
415. Разве невежа неучона насмеяласе,
 Насмеяласе, наизгиляласе?»
 Возговóрил тут к нему Кострюк,
 Вот Кострюк, Кострюк к нему Небрюкович:
 «Уж ты ой еси же, Грозной царь,

420. Грозной царь Йиван Васильёвич,
 Мне-ка место-то ведь ндравится,
 Твои кушанья мне-ка все по вкусу есь,
 Твои напитокки-ти ндравятся,
 Как невежа некакá не осмеяласе¹,
425. Надо мной же не изгиляласе, —
 Я соскучился жить во матушки да в каменной Москвы,
 Мне-ка стало что-то скучно жить,
 Захотелось мне поездити
 Во поездках богатырьских-то,
430. Мне в гуляньях славных рыцарьских,
 Захотелось мне-ка поборотисе,
 Подержать хочу же я кулачной бой
 Со твоима же со богатырями
 Ишше со славныма моськоськими!
435. А и говорил тогда да всё же Грозной царь,
 А и што ведь Грозной царь Йиван Васильёвич:
 «А и вот любимой, дорогой же гось,
 А и ешшо мой шурин-от любимой есь,
 А и жаль того же, не ка времени
440. Ваш бой-от б́удёт всё кулачной-от, —
 У мя нет сейчас богатырей,
 У мя нет же славных моськоських-то,
 Кто куда да приразъехали!»
 Надоть было всё царю тогда,
445. Грозному царю Йивану свет Васильёвичу,
 Поутешить шурина любимого,
 Он пошел скорó из полат же вон,
 Брал ведь, брал скорó всё туриной рог,
 Вот туриной рог да золоченой был,
450. Он ведь начел тут играть в туриной рог,
 З́ачел по струночкам похаживать,
 Белыми пальцами-то расхаживать,
 По струнам же выговаривал:
 «А ишше есь ли кто, богатыри,
455. Как ведь съехались ли вы да в каменну́ Москву?»
 Вот играл, играл да во перьвóй же раз,
 Во перьвóй да во второй же раз,
 Вот играл да во третей же раз, —
 Тогда из-за того ли всё из-за столичка кожебного,
460. От ставал да доброй мóлодец,
 Доброй мóлодец Потанюшка,
 Вот Потанюшка богатырь-от, —
 Он ведь смóлода-то сильней был;
 Когда в битвах ёго ранили,
465. На праву ногу Потанюшка похрамывал,
 На леву ногу да поковыливал,
 А и вот горбат, горбат да наперёд покляп, —
 А и как тогда же вон говóрил-то,
 Он скакал же на резвы ноги,
470. Говорил вон таковы речí:
 «Уж ты ой еси же, Грозной царь,
 Уж ты, Грозной царь Йиван Васильёвич,
 Благослови-ко слово вымолвить,

¹ Насмеяласе?

- Ты дозвожь же речъ говѣрити
 475. А без той ли всё без казени без скорые,
 А мне без той всё насмешечки великою!
 А мне без той всё насмешечки великою!
 «Говори-ко-се, Потанюшка,
 Говори-ко, что ведь нужно-то,
 480. Тебе во всём будёт простительнѣ». Говорил тогда Потанюшка:
 «Уж ты ой еси, ведь белой царь,
 Уж Иван же свет Васильевич,
 Благослови же речъ говѣрити!»
 485. «Говори-ко-се, Потанюшка!»
 Тогда стал вон говорить ему:
 «А и позвожь же, дай мне-ка да позволеньице
 Со твоим гостём с любимым-то,
 С дорогим твоим шурином любимым-то,
 490. А и мне побитисе ведь с йим да поборотисе,
 А штобы йиз платьца йиз цвѣтного повырвати,
 А штобы донага тут друг друга повырвати,
 А штобы платьцо-то цвѣтно было богатырьское изорвано». Как Кострюк-от ведь Небрюкович улыбаитсе,
 495. Как ведь Марья-та Небрюковна усмехаитсе;
 Говорил тогда Кострюк да ведь Небрюкович:
 «Я твоёго-то богатыря ведь всё же, царь Йиван Васильевич,
 На долонь его полбжу, другой сверху прижму,
 Только сделаитсе только тут мокро о(д)но!»
 500. Возговорил тогда Потанюшка,
 Как говорил тогда же всё нездоровенькой:
 «Как у нас така пословица в Россиюшки-то водитсе;
 «Не хвались-ко, гость, тогда, когда на пир йидѣшь,
 А хвались-ко, гость, когда с пиру йидѣшь!»
 505. Возговѣрил Грозной царь Йиван Васильевич:
 «Уж ты ой еси, Потанюшка мой хроменькой,
 Уж ты, хроменькой Потанюшка, нездоровенькой,
 Мне-ка жаль тибя, — напрасно погубят тебя!»
 «Не ужахайсе, царь Йиван же свет Васильевич,
 510. Гроза-то йидѣт, хотя идѣт очунь грозная,
 Как ведь божья-та ведь милось оборона есь,
 Как ведь бог-от тот заступит, тут врагу не взять». Кострюку-ту всё хотелось тут вель битисе,
 Ему хотелось битисе всё же на двори царском-то
 515. На двори-то всё на царском на государском-то,
 А Потанюшка-то хроменький говѣрил тут:
 «Нам не честь-то ведь как будет молдцекая.
 Как не славы-ти подвиги богатырьские,
 Как не чудны-ти прездки славы рыцарьски:
 520. На двори ведь как борютса ведь только малы деточки,
 Малы деточки-ти только всё незрослыя,
 А нам ведь нужно всё боротисе среди Москвы,
 Штобы все народ ведь вот нас ведь видели,
 Все со старого до малого посмѣтрили».
 525. Тут пошли, пошли богатыри, поехали,
 Как поехали они да среди города,
 Среди города гонй славной матушки каменной Москвы;
 Вот поехали, поехали богатыри,

- Как за ними-то поехал царь с царицою,
 530. А народу-ту ведь шло да цисла-счоту нет.
 Вот приехали они на площадь на широкую,
 Задержали тут они же бой-драку великую,
 Вот началсе же у них да рукопашной бой, —
 Поддавалса всё Потанюшка да хроменькой,
535. Три-та раз его Кострюк да обóрет-то,
 Бросит, кинет-то его он на сыру землю.
 Грозной царь-от всё Ыван, Ыван Васильевич,
 Он стоит, стоит невесел же, печален-от,
 Он жалет, жалет Потанюшки богатыря:
540. «Понапрасну-ту потерят Потанюшка буйну голову!»
 А Марья-то Небрюковна усмехайтса.
 Когда стал-то тут Потанюшка с сырой земли,
 Поклонилсе тут царю Ивану-ту Васильевичу,
 Возговóрил он ему да такоры речí:
545. «Уж ты ой еси, ведь царь Иван Васильевич,
 Уж ты дай типерь мне, скажу, благословленьица,
 Побороться мне с Кострюком Небрюковичом,
 Со твоим-то всё со шуриным с любимым-то!»
 «Тебя бог благословит да всё, Потанюшка,
550. Благославляю я тебе, даю благословленьица,
 Будь ты счéслив-то, Потанька, долговекой-от!»
 Тут пошел, пошел Потанюшка-то хроменькой,
 Подбежал-то вон к Кострюку свету Небрюковичу,
 Подхватил-то Кострюка-то взял на белы руки,
555. Подхватил-то, взял да опрокинул ногу правую,
 Лёву ногу-ту подкорючил взял,
 Как хватал, хватал его же он в охачку,
 Высоко-то его он же тут выбрасывал,
 Как ведь сам-то его тогда подхватывал,
560. На сыру землю на матушку выбрасывал,
 Грозной царь-от всё Ыван, Иван Васильевич,
 Он стоит, стоит ведь всё же улыбайтса,
 А царица-та ведь Марья всё Небрюковна.
 Она стоит, стоит ведь слезно приросплакалась.
565. Вот садилсе тогда Потанька на белы груди,
 Изорвал тогда ведь платьё богатырьскоё,
 Как увидели тогда да все богатыря народ, да люди добрыя, —
 Вместо рыцаря-богатыря была же тут,
 Как ведь женщина была она, не мушина там.
 (Знал уж король Небрюк или не знал, — можот, омманывали, а богатыри-ти знали).
570. А и как тогда же всё ставал же тут Потанюшка,
 Тогда скóчил тут же мýнной-от Кострюк же тут,
 Побежал Кострюк тогда да не к дворцу же он,
 Не к дворцу побежал да всё ко царскому,
 Побежал же он по улицам по узким-то,
575. Закрывал-то он свою ведь он ведь задницу;
 Он бежит, бежит, ведь всё да заклинайтса:
 «Мне не дай бог боле бывать да на светой Руси,
 Мне не дай бог боле бывать да в каменной Москвы,
 Мне в каменной Москвы, видать да славных моськоських мне
 богатырей,
580. Не хочу-то я ведь боле с имá бою держать, —

- Всё равно не победить йихных богатырей,
 У йих силушка-та очунь всё ведь сильняя,
 У йих храбрость-та ведь и очунь ведь храбрая!»
 А царица-та как Марья свет Небрюковна,
 585. Поскорё-то она во дворець тут воротилася,
 Она нянькам-то ведь, мамушкам говорила:
 «Вы бегите поскорё да вот несите-тко,
 Вы несите платьё цветно ей одетисе!»
 Ее ведь нянюшки-ти, мамушки йисполнили приказаньицо,
 590. Побежали, понесли да платьё цветноё,
 Скоро тут же приодели Кострюка же всё.
 Кострюк пошел-то как на свой на чорной кáрабель,
 Провожала его царица Марья-та Небрюковна;
 Грозной царь же всё Иван да свет Васильевич .
 595. Не пошел да всё да провожать же ей,
 Потому он не пошел, шшо омманула всех.
 Спроводи́ла тут царица Марья-та Небрюковна,
 Во дворець-то царьской скоро воротиласе,
 Стала жить-то она ,поживать во матушки в славной
 каменной Москвы
600. Хороша-та жись пошла у ей прекрасная,
 Хорошо-то жилось ведь ей да всё счелливо шло,
 Всё счелливо шло приятно у ей времечко.
 Как богатыри в Москву да всё скопилися,
 Все ведь рыцари в Москву да все ведь съехалися, —
 605. Как пошло у йих опять же пиروваньицо,
 Как весёлоё пошло да столованьицо.
 Как ведь той нашой старинушки конец пришол.
 Слávну морюшку Хвалыньскому на тишину,
 Как Москвы-реки на чесь, на славушку великую,
 610. Как всему же народу-ту советьскому на послушаньицо,
 Как от них же пойдёт пропеваньицо,
 Все со старого до млáдого приослушаютсе.

№ 104. КОСТРЮК

- А и как по нёбышку по ясному по небесному
 Не чáсты-ти звездочки розвивалисе,
 Розвивалисе да оне свётели, —
 Все дворяна-ти и князя в Москвы да розъезжалисе.
 5. Во ту пору-ту, во то времечка
 Задумал Грознай царь Иван Васильевич,
 Он и задумал-то, царь, да поженитисе,
 Он и задумал жениться ни у сибя да в каменной Москвы,
 Он и задумал-то, царь, женитисе,
 10. Вот женитисе задумал в неверной земли,
 Во неверной земли и у Небрюка-та,
 У Небрюка короля да всё Небрюковича,
 Думал взять-то всё его да доць любимую.
 Дочь любимую, Марью Небрюковну,
 15. Дочь-ту любимую Марью Небрюковну.

- Брал и брал-то он за ней приданого,
 Брал и то гон-то за ней да вот приданого:
 Пёрву-ту телегу брал да красна золота,
 А другу телегу брал да чиста сѣребра,
20. Третью-ту телегу брал да драга жемчугу;
 Он и ведь брал-то в придано силу-армию,
 Силу-ту гармею да коньску гвардею,
 Брал и три флота-то да всё чернёных караблей
 Со товарами брал да с йиностранными.
25. Переписалиса, переговорилисе,
 Только тут же скоро да скоро свадьбы быть,
 Скоро свадьбы-то быть, невесты ехати,
 Ей ведь ехать, королевны, на чернёном карабли.
 Тут ведь Марья Небрюковна запечалилась,
30. Запечалилась она да закручинилась,
 Отду-батюшки она, королю, говорила:
 «Уж ты ой еси, отець мой, рѣдной батюшко,
 Рѣдной-от батюшко, король Небрюк Небрюковиць,
 Ты умел-то, король, миня (в)споить, (в)скормить!
35. Уж ты гой еси, королева, рѣдна матушка,
 Ты сумела-то породить миня,
 Породить миня, да дочь, на белой свет!
 Не могли-то миня да взамуж выдати,
 Жениха-та найти да мне не вдового,
40. Вот и не вдового найти да не седого же, —
 Будто нѣ стало в белом свети людей млáдых-то,
 Ишше есь у нас же да королевици,
 Ишше есь да у нас да йих, кнежевицей,
 Ишше есь-то у нас да славных рыцарей!»
45. Как король-от, отець, в слезах говрил ей,
 Королева-та, рѣдна матушка, расплакалась:
 «Уж ты ой еси, дочь моя любимая,
 Йишше та ли Марья дочь Небрюковна,
 Я ведь знаю-то, сечас да женихов найду,
50. Женихов-то найду, да сколько надобно, —
 Но как руськой-от царь, да он ведь старше всех,
 Он и захоцет-то, царь, да вѣзмѣт всё тибя,
 Он придѣт-то, подойдѣт да с силой многою,
 С силой многою прийдѣт да с своей с армией,
55. Вот с силой-то армией да с коньской гвардией.
 Мне-ка жалко, дочь, избить же силу по напрасному!
 Верно, такая учесь подошла тебе,
 Быть тебе-то ведь, доць, царицою,
 Царицей-то быть тибѣ да слáвноруською.
60. Тебе все-то будѣт да поклонятисе,
 Тебе все-то будѣт да покорятисе,
 Называть-то народ ведь бѣдут своей матушкой,
 Своей матушкой, царицей православною».
- Как тогда же дочь отцу да так говорила:
65. «Уж ты ой еси, отець, да рѣдной батюшка,
 Ты, король Небрюк да свет Небрюковиць,
 Королева в слѣзах сидишь, да всё же рѣдна матушка,
 Не за что я не пойду да во замужесьво,
 Не пойду я да в каменну Москву,
70. Если вы-то не отправите со мной туда,

- Как со мной-то туда, да проводить меня,
 Пред царя невесту, меня, поставити, —
 Вот и ведь я желаю взять да проводить меня,
 Проводить-то меня да взять ведь брата милого,
 75. Брата милого взять мне родимого,
 Молодого-то взять мне королевича,
 Как того ли Кострюка да всё Небрюковича.
 Пушшай мой ведь брат родимой-от,
 Молодой же королевичь-от Кострюк Небрюковицъ,
 80. Побыват-то он пускай да в каменной Москвы,
 В каменной-то Москвы пускай, в Россиюшке,
 Пушшай посмотрит-то, он увидит-то
 Грозного-то царя Ивана-та Васильевича,
 Двух премладых-то у его да двух царевичей,
 85. Он и пускай-ко тогда да познакомитсе,
 Познакомитсе с йимá да поздоровайтса,
 Он и пушшай тогда посмотрит ведь всё
 Русьских-то сильных моськоських всё богатырей,
 Как тех ли всё рыцарей же премладых-то!»
 90. Говорил-то тогда король Небрюк Небрюковицъ:
 «Твоё-то всё желаньице исполнитсе,
 Я спровожу с тобой сына любимого,
 Как и премладого своёго королевича,
 Как и того ли всё Кострюка сына Небрюковича».
 95. Тогда Марья-та Небрюковна звеселиласе,
 Звеселиласе она, стала веселёхонька.
 Как ведь стали тут король да с королевою, —
 Отмыкали-то король да золоты ларци,
 Как считали-то король да золоту казну,
 100. Как считали-то король да чисто сёребро,
 Как считали-то король да драгой жемцюг-от,
 Они клали-то, клали царю во приданьице,
 Нагружали карабли да со товарами;
 Как единой-от корабль да снарежали всё,
 105. Снарежали-то корабль да гочунь по чюдному,
 Очунь по чюдному и вот по дивному.
 Он и ведь убран был, карабличик, по дивному:
 Каюты-ти убраны рытом бархатом,
 Рытом бархатом тут да красным золотом, —
 110. Снарядил-то вот король да с королевою.
 Понесли-то тут ведь золоты же сундуки,
 Золоты-ти сундуки да всё с приданьяма,
 Наклали же приданого много чорных караблей,
 Достальни чернёны карабли грузили-то да со товарами,
 115. Со товарами грузили тут со разныма.
 Начели тогда король да с королевою
 Срежать-то в путь-ту, срежать да во дорожечку
 Как свою-то они дочку любимую,
 Как любимую дóчку свою, милую,
 120. Ишше душочку-ту Марью свет Небрюковну.
 Когда Марью-ту Небрюковну спровóдили,
 На чернёном караблѹ да ей оставили,
 Король-от с королевою, они простились со любимой дочкою,
 Вот простились король да с королевою,
 125. Тогда домой к себе да воротилисе.

- Как пошел-то с ней да в провожатых-то,
 В провожатых-то пошел да брат родимой-от,
 Молодой-от Кострюк да сын Небрюковиць, —
 Все ведь кланелись ему, да Кострюку же всё,
130. Звеличали все его да свет Небрюковиць.
 Потенули ветероцьки всё способныя,
 Приносило корабли да всё ко городу,
 Как ко городу-ту всё йих к славному,
 Ко пристани йих да корабельнёю,
135. Ко Васильёську они да славному острову,
 Ко матушки пришли да ко Невы-реки.
 Приходила скоро вестоцька в Москву к царю,
 Вот в Москву-ту к царю ко Грозному
 Ко Йивану-то ведь всё да ко Васильевичу.
140. Подавали ярлыцьки скорописцеты,
 Они писаны-ти были по рыту бархату,
 Вот по рыту они бархату, по красному по золоту;
 Пренимал-то ведь ети ярлычки,
 Пренимал-то йих всё же Грозной царь,
145. Грозной царь-от свет Иван Васильёвич,
 Пренимал-то он скоро, сам прочитывал.
 Прочитал-то царь скóры ярлычки,
 Он и ведь тут же, ведь и царь, да зрадовáлсе-то,
 Зрадовáлсе-то царь, возвеселилсе он:
150. «Уж вы гой еси, мои да слуги верные,
 Вы, премлáды-ти два моих царица,
 Два сыноцька моих, ясных соколиков,
 Вы налаживайте мне да всё кореточку,
 Вот кореточку-ту мне да золочёную,
155. Как мне ко́ней-то приготовьте самых лучших-то, —
 А и нужно ехать-то встречать Марью Небрюковну
 А и как со ее-то со братом вот со любимым-то,
 Со любимым ее братом, со младым-то королевицом,
 Как со тем ли Кострюком сыном Небрюковицом,
160. Выгружать-то надать чернёны-ти бóльши кáрабли.
 Вы отправьтесь-ко стречать, мои сыночки милыя,
 Мои милыя сыночки всё премлáдые,
 Два премлáдых-то моих младых царицей,
 Два ведь рыцарей у мне очунь премлáдых-то,
165. Два ведь руських-то могучих, сильных богáтырей,
 Поезжайте-тко, ясны вы мои соколоцики,
 Уж вы стречайте-ко гостя приежжого,
 Вот приежжого-то гóстя, всё дороднёго дóбра мóлодца,
 Как премлáдого же вы же королевица,
170. Королевица-та вы Кострюка Небрюковича!
 Как Кострюк-от всё Небрюковиць — королю же сын,
 Королю-ту ведь он сын Небрюку-ту Небрюковичу,
 Он богáтырь-от ведь есь да всё пресильнёй-от,
 А ведь рыцарь-от есь очунь пречудной-от;
175. Он научит вас поездкам богатырьским всем,
 Он обучит всем поведеньицам славным рыцарским.
 Вы поважливей, царица, знакомьтесь-ко,
 Будьте вы для него ведь т́хи, будьте смирныя,
 На рецах-то будьте, царица, приятливы!»
 (А у тебя уж были испуганы царица! Не порато пикали.
 При татушки.)

180. Тут говорили-то ему млада, царици,
Царици премладае, Иван-от свет Иванович,
Вот как Фёдор-от ведь всё же свет Ивановицъ:
«Мы исполним всё твоё-то, батюшка, приказанице,
А будёт всё-то, как ведь следуёт, в исправности».
185. Поклонилисе царици, хотели вон итти;
Задёржал-то батюшко, отець-родитель-от:
«Подойдите-тко ко мне, сыночки мойи миляя!»
Подходили к нему младае царици;
Он тогда-то ставал, сам же царь Иван Васильёвич,
190. Обнимал детей за шеички за белые,
Человал детей в уста в йихны сахарные.
Сам ведь царь-от тогда слезно расплакалсе,
Вспомнил, вспомнил он царицу-ту благоверную,
Благоверную царицу-ту православную,
195. Он Настасью-ту вспомнил дочь Романовну.
Когда ушли-то всё премладае царици,
Царь это долго плакал, силне всё рыдал,
Он горячима слезами уливалсе всё:
Его страшило всё втора, братцы, женитьбица:
200. «Мне-ка будет всё царица-то всё люба семья,
Вот люба она семья, да мне же всё жона —
Как детям-то мойим да не родная мать,
Не родна-то вона матушка не родимая,
По названью будёт мачеха,
205. Будёт мачеха вона, будто люта змея».
Долго плакал царь Йиван, Йиван Васильёвич,
Когда пришли к яму-то яго дети любимые,
Как любимые премладае царици,
Они сказали всё своему отцу-родителю:
210. «Посмотри-ко, батюшка, как вам всё пондравитца,
Каки кони-ти у нас же всё запряжоны,
Как карета-та кака же приготовлена».
Тогда ставал-то царь Йиван, Йиван Васильёвич,
Умывал-то гон своё лицо ведь белоё,
215. Утирал-то он ведь беленьким полотенцом-то,
Одевалсе он во платицо во тёплоё,
Одевал-то гон ведь шубу-ту соболиную,
Одевал-то тёплу шапочку заморскую,
Одевал-то он перчаточки заморския,
220. Тогда пошел, пошел ведь царь да на крыльце смотреть;
Посмотрел-то царь тогда да таку рець сказал:
«Хорошо, как следует, всё же приготовлено!
Для других гостей поедут же други кони».
Тут ведь много было коничков отправлено,
225. Тут ведь таких много лошадей пошло обозами, —
Всё за приданым-то посылал Марья Небрюковны.
Сам же царь Йиван, Йиван Васильёвич,
Он пошел-то во спальню-ту во тёплую,
Не во свою же вон пошел да всё во царскую,
230. Он зашел-то к своей доцери к любимому,
Вот к любимой премладой царевны-то.
Как ко той ли всё к Настасьи-то к Ивановны;
А и подходил-то он к доцери любимому.

- А и как сидела его дочь-та вот премладая,
 235. Как премладая царевна Настасья-та дочь Ивановна,
 Она на стуле-то сидела рыта бархата,
 На коври-то она сидела на заморьском-то,
 Как против чистого же зеркала восточного,
 Вышивала она ширинку красным золотом.
240. Как со нескольких она да со клубочков-то,
 Как перед ней-то всё в коробочках лежали же всё
 Вот на столицьках в коробочках драги камешки,
 Драги камешки ведь тут да драгой жемцюг был;
 Были с ней-то всё сидели няньки-мамушки.
245. Когда зашел-то вот во спальню царь Иван Васильевич,
 Все ведь нянюшки-ти, мамушки поклонилисе,
 Поклонилисе гоні да скоро вон ушли.
 Когда зашел-то царь во спальню Иван-то свет Васильевичь,
 Увидала его премладая царевна-та,
250. Иише та ли всё Настасья-та дочь Ивановна...
*(Мама-то всё говорила,—он сыновей-то он пробирал ни за что.
 А потом, как роздичеетса, то очень ласкается, на коленях
 перед ними стоял. А дочь он нежничал, чтобы она не слыхала
 ничего, даже в ту половину не заходил, чтобы никто в таких
 обстоятельствах грубого слова не сказал.)*
 Когда зашел-то царь во тёплую во спальню-ту,
 Увидала его млáдая царевна-та,
 Как его-то всё же дочь его любимая,
 Иише та ли всё Настасья-та млáда же всё царевна-та.
255. Она ставала-то, ставала на резвы ногі,
 (В)стала, батюшку-отцу низко поклониласе.
 Как отец-от ее, царь Иван Васильевич,
 И он прямо ведь свою же дочь любимую
 Посадил-то к себе ей он на колени-ти,
260. Человал-то ей в уста, в уста сахарныя,
 Прижимал-то дочь к своёму ко сердечушку;
 Как не мог-то он вытерпеть досадушки,
 При своей-то при любимой дочери приросплакалсе,
 Всё смочил млáду царевну горячимá слезьми.
265. Как Настасья-та Ивановна никогда так никого еише не видывала,
 Как такую рець отцу-то возговорила:
 «Уж ты ой еси, ведь и батюшко-родитель мой,
 Ето что такó с тобой же как случилось,
 Как ведь очень слезно плачешь, всю сможил в слезах?»
270. Долго, долго ей ничего царь не говóрил-то;
 Когда же он слезно, слезно переплакалсе,
 Когда обтёр-то он свои горючі слэзы,
 Тогда доцери-то рассказал, как всё дела йидут,
 Как дела-ти всё йидут да цем ведь концятса:
275. «Я теперь всё, царь, да всё вдовьцом вдовел,
 Вот вдовьцом-то всё вдовел, да всё отец вам был, —
 Вся ласкота у мя была, добродетель у мя, по старому,
 Как я жил когда со вашой со рóдной матушкой,
 Как со своей ли я с царицой благоверною,
280. Как со душочкой той с Настасьей-то свет Романовной.
 Теперь сам-то я же, царь, да во всём ведь сам виноват;
 Я ведь ету-ту вину да всё великую,
 Как слезами только ей я же замачиваю!

- Погубил у вашей матушки ведь сам же жись:
285. Как врасплох-то она зашла ко мне в грановитую полатушку,
 Когда пробирал-то я премладеньких царицей,
 Как твоих-то всё родимых родных братицей, —
 Ужаснулась твоя матушка родимая,
 Как ведь страшна́ болезнь к ей же приключилася.
(вот вишь, чехотка к ей же пристала. Испугалась! Она у отца дите было нежно, непуганно.)
290. Кабы знал бы его, ведал я же, царь, про то,
 Так не сделал я бы, не довёл бы всё...
 Как тепереце скажу же, дочь любимая,
 У тебя да будет мать опять же вот:
 Она — премлада королевисня очунь умная,
295. Она, наверно, не огрубит-то вот ни в чом тибя;
 А если будет она груба очунь, немилослива,
 Поступить-то я узнаю, как и следует,
 А и не спрошу, что она — царица вот благоверная».
(Старики-то досельни сказывали—он кроткой и смирной. И женился когда, Настасья Романовна к нему никогда не приходила; когда он немного огрубится, а когда звал её. А с Марьей Небрюковной он огрубился. У неё свои дети пошли, она стала кляузничать, что у него царицы не очень учоны, не мудры, не богатыри. Что надо ее детей, королевских родов. А царь Иван Грозной не хотел, чтобы его дети были в унищтожении).
 А и говорил тогда же царь Иван Васильевич:
300. «А и уж ты ой еси, премладая царевна-та,
 А йишше душочка Настасья ты дочь Ивановна,
 А и йишше завтрашней денёчик-от всё самой белой-от,
 А и мы должны, должны, Настасьюшка, стречать гостей,
 Э и вот стречать гостей должны да принимать же йих.
305. Как пойдут у нас тогда пиры весёлыя,
 Э и как сберутце все цари ко мне, царицы,
 А и короли-ти ко мне, все королевисни,
 Все же князи-ти ко мне же, вси кнежевици,
 Э все же руськия могучия богатыри,
310. Все же рыцари ко мне же все премладыя.
 Э и заиграют тогда во арфы-ти в ыгромья,
 Как во те струноцьки в золочёныя,
 Как во те ли всё во гуслици весёлыя».
 А и так роспростилсе царь с любимой своей дочерью,
315. Он пошел во свою во палату-ту грановитую,
 По делам своим пошел, да всё дела вести.
 Вот уехали премладыя царицы,
 Они уехали ведь скоро на Неву-реку,
 На Неву-реку, на Васильевской славной остров-от,
320. Они ко той ли всё пристани ко мореходною;
 Как узнали на каком корабли Кострюк-от есь,
 Вот Кострюк-от всё же есь да сын Небрюковиць,
 Со своей ли всё сестрой он со любимой,
 Вот со душочкой со Марьей-то Небрюковной,
325. Подъезжали к тому чернёному ко караблю, —
 Им выкинывали мосты скоро дубовые,
 Им выкинывали сукна-ти заморские.
 Как пошли тогда премладыя царицы,
 Вот пошли тогда в каюту-ту карабельную;
330. Когда пришли они в каюту-ту карабельную, ---

- Чудно-дивно было всё же украшеньицо,
 Всё ведь убрано во красном-то золоти,
 Зирькала везде ведь были всё восточныя, —
 Как на мягких-то на стульях рыта бархата
335. Как сидел, сидел Кострюк вот сын Небрюковицъ,
 Как сидела-то Марья-то доць Небрюковна.
 Подходили тут премладыя царици,
 Приходили, они йим же низко кланелись,
 Низко кланелись, с йимá здоровались, —
340. Как Кострюк-от вот Небрюкович хошь с йимá-то он здоровалсе,
 как следует,
 Но ведь гордось-та ёго да в нём же всё была,
 Не от жаланыца говорил, а всё от гордости;
 А Марья-та Небрюковна, здоровалась
 Та ведь всё будто с весёлою улыбочкой.
345. Посидели-то царици в каюточки,
 Вот поели они ведь тут же всё, покушали,
 Стали говорить-то, просить йих, просить ехать в каменну́ Москву.
 Кострюку-то всё Небрюковичу ведь, скажом, не понравилось,
 Что не стретил йих ведь сам же царь Иван Васильёвич,
350. Будто показалось за обидушку великую, —
 Шшо, можот быть, совсем не надоть ёго же рódна сёстрица,
 Ишше та ли Марья-та Небрюковна.
 Он хотел, хотел только, Кострюк, назад уйти, —
 Тут взволновались все премлады-ти карабельшички,
355. Ростреложились ведь вси матросики,
 Как в одну-то рець они тогда говóрили:
 «Как мы ведь счас тибя всё равно из гавани не выпустим,
 Ты дёржи, дёржи ведь с нами скоро бой же сам!
 Как зачем, зачем ведь вы же дело-то немалое нащóутили,
360. Что посылали скóры ярлычки к царю нашему Ивану-ту
 Васильёвичу?
 Всё равно же разобьём у вас чернёны-ти бóльши кáрабли!»
 Как Кострюк-то ведь Небрюковицъ убоалсе тут,
 И согласилсе же делá вести, как ведь следуёт.
 Тогда скоро же Кострюк же одевалисе,
365. Одевались тут ведь Марья, тут Марья-та Небрюковна.
 Когда заспорил-то Кострюк. Кострюк Небрюковицъ,
 Тут ведь Марья-та Небрюковна расплакалась, —
 Не sibя она жалела — рódна брателка;
 А и уведал когда ведь и брат сестру родимую,
370. Шьто ёго родна́ сестра слезно́ расплакалась,
 Он ведь скóчил, начел сёстрицу уговаривать:
 «Ты не плачь, не плачь, сёстрица моя родимая,
 Ты, родимая сестрица всё любимая!
 Отмещшу-ту всю насмешечку царю же я,
375. Как когда выйдёшь за ёго взамуж, будёшь всё царицою.
 Я ёго-то всех богатырей повыведу!
 Как когда будёшь царицою воля твоя будёт,
 Тогда сделаем всё в Россиюшки по нашему».
 Как тогда же всё Марья-та, Марья Небрюковна,
380. Она сделалась ведь тот же час весёлою.
 А вот когда же ведь царици стояли-то, низко кланялись;
 Когда согласилсе ехать Кострюк-от всё Небрюковицъ,
 Когда королевичъ приоделсе со родной сестрой,
 Когда ведь сели во кореточку во царскою,

385. С ними сели два премлáдых-то царевиця,
 Два ведь руських-то могущих два богáтыря,
 Два премлáдых-то пречудных было рыцаря, —
 Вот покати́лася корета, будто еичушко,
 Понеслись-то кони быстро, будто птицою,
390. Скоро-на́скоро уехали в каменну́ Москву,
 В каменну́ Москву уехали к дворцу тут, дворцу царьскому;
 Как подъехала корета ко крылечушку,
 И ко тому ли всё крылецюшку к высокому,
 Как ко тем ли ко перилам ко точёным-то.
395. Как с того ли со крылецюшка с высокого,
 С высокого крылецюшка украшенного,
 Вот спускалсе-то, сходил да сам же царь-от,
 Сам ведь царь-от соходил тут Ыван Васильевич
 А и со того ли всё крылецюшка с высокого,
400. Подходил же гон ко кореточки золочёною,
 Открывал двери в кареточки, низко кланелсе,
 Он ведь кланелсе, ведь царь, да всё здоровалсе;
 Во первьих же он здоровалсе с королевицом:
 «Уж ты здраствуй-ко, премлáдой королевиць-от,
405. Ишше тот ли всё Кострюк, Кострюк Небрюкович!
 Уж ты здраствуй-ко, ведь Марья да дочь Небрюковна!»
 Тогда просил ведь гостей заходить в дворець во царьской-то.
 Вот встречала йих его же дочь любимая,
 Шьто ведь душочка стречала Настасья-та Ивановна.
410. Как Кострюк ведь Небрюковиць пошол же он,
 Вот со млáдыми пошол же со царевицами;
 Царь Иван, да от ведь Иван, Иван да свет Васильевич,
 Взял ведь Марью-ту Небрюковну за праву́ руку,
 С ней вот шла его же дочь любимая,
415. Вот любимая дочь ведь шла Настасья-та дочь Ивановна.
 Как заводил-то царь гостей в полаты свои царския;
 Их садил, садил за столицьки уряжоны,
 Вот уряжоны за столицьки приготовлены;
 Как со Марьей-то Небрюковной сидел сам же царь,
420. Сидел сам же царь Йиван, Йиван Васильевич,
 С ней сидела-то его же дочь любимая,
 Шьто премлáдая сидела тут царевна,
 Как Настасья-то сидела дочь Ивановна.
 Тут пошли у йих пиры, столы весёлыя,
425. Пировали-столовали трои суточки;
 После троих-то ведь суточок пóры-времени
 Приотдохнули гости-ти, скажом же, со дорожечки:
 Приотдохнул-то всё Кострюк да сын Небрюковиць,
 Отдохнула-то всё ведь Марья-та Небрюковна.
430. Ишше Марья-та Небрюковна находиласе,
 Находилась ёна в спальне-то со дочерью любимую,
 Шьто со душечкой с Настасьей свет Романовной¹;
 А Кострюк-от ведь, скажом всё, Небрюковиць,
 Находилсе он со млáдыми царевицами,
 (Женьщина, а с мужчинами! Она во всём мужском ходила!
 Что проделывали! Размужичьё нашо.)
435. А он с нима-ти, Кострюк, да находилсе тут.
 А и прóшло времени всему да, скажом, месяц тут, —

¹ Обмолвка; следует: «Ивановной»

- А и как по ўтру-ту ве́дь и было, ўтру ранному,
 По восходу-ту ве́дь и было сонцю красному,
 Москва-то, все-то город, все же ростреложились,
 440. Растреложились-то все же, приготовились,
 Во собори-то, во храми, храми божьём-то,
 Там ве́дь всё-то к венчаницу приготовляли-то,
 Как попы, отцы духовны, ожидали-то.
 Как народ-от, люди все туда бежали-то,
 445. Вот бежали туда ве́дь все же со старого до малого;
 Золоты-ти тут кореты скоро сбрыкали,
 Вот к венчаньицу приехал государь же царь,
 Государь-то царь приехал Иван Васильевич,
 С ним и были его сыновья же вот любимые:
 450. Во первьих-то был Иоанн, да Иван да свет Иванович,
 Во вторых-то был ве́дь Фёдор свет Иванович;
 А с Ма́рьей-то с Юровны¹, с ее же, скажом, стóроны
 Как была, была премлада́я царевна-та,
 Вот царевна-та Настасья дочь Ивановна,
 455. А и как премлада-та царевна Настасья-та дочь Ивановна,
 Э и ее брателко стоял всё любимой-от,
 А и от любимой стоял брат ее родимой-от,
 А и ишше тот ли всё Кострюк-от, Кострюк Небрюковиць,
 А и королевиць-от стоял да тут премладой-от.
 460. А и как венчали-то попы, отцы духовные,
 Все причетнички его же вот черковныя;
 А и одёржал-то Грозной царь Иван Васильёвич
 И одёржал-то ве́дь на головах-то золоты венци,
 А и во второй же раз царь же тут да поженилсе он.
 465. А и когда венчаньице было́ прикончено,
 А и тут пошло же проздравленьицо:
 А и проздравляли его попы, отцы духовныя,
 Проздравляли-то сыновья, дети́ любимыя,
 А и ишше те ли премладые царици,
 470. А и проздравлела его же дочь любимая,
 А и иишше та ли Настасья дочь Ивановна,
 А и проздравлял его шури́н-от любимой же,
 А и молодой-от всё премладой королевиць-от,
 Ишше тот ли всё Кострюк Небрюковиць.
 475. А и вот поехали йиз храму-церкви божью,
 А и во своей поехали в дворець во царьской-от.
 А и тут пошло же пированьицо,
 А весёло столованьицо.
 А и отовсюли гости съехались,
 480. Э и гости съехались, скопились:
 А и все цари тогда приехали, царици,
 А и короли тогда приехали, королевици,
 (А и князи все приехали княжевици,)
 Э и все богатыри сла́вны руськие,
 485. А и все же рыцари премладые.
 А и тут играли и во гарфы во итромые,
 А играли во те ли во струноцьки в разны в золочёные,
 А играли в гусли во весёлые.
 А и сам ходил-то царь Ёиван Васильёвиць,

¹ Обмолвка; следует: «Небрюковны».

490. По полатам ходил он, всё розгуливал,
 А и со своей ходил с царицою,
 А и вот с царицей со Марьёй со Небряковной,
 А и ей водил, водил ей гон ей за праву руку,
 Подходил к столам он да низко кланелсе:
495. «А и вы уж ешьте, гости, кушайте
 Мои кушанья-ти разные,
 Вот как разные сахарныя,
 Пейте напитки разные заморские!»
 Подходил он к шурина к любимому:
500. «Уж ты кушай, кушай на здоровьицо,
 На здоровьицо, мой шурина любимой-от,
 А и на здоровье, любимой, дорогой же гось,
 А и ты, премладой королевиць-от,
 А и ты, богатырь сильней-от,
505. Как ведь рыцарь-от премладой-от!»
 А и как ведь шло это пированьицо,
 А и как не день-от шло, не два вонó,
 А и вот не два вонó, не три, сказать,
 А и шло же, шло всё пированьицо,
510. Прошло време полгодака, да всё же шли пиры,
 Шли ведь пиры у царя, столы весёлые.
 А и в одно было всё же в пированьицо,
 А и в одно было во весёлое,
 А и все же гости расхвастались,
515. Прирехвастались гости, разговорилисе,
 Розговорилисе они же, розшутилисе:
 А и как умной-от захвастал родным батюшком,
 А что разумной-от захвастал родной матушкой,
 А что ведь глупой-от захвастал молодой жоной,
520. Неразумной-от — родной сестрой.
 А и как богатырей в пиру тут не случилось,
 Э и как, скажом, нет йих ведь тут, не пригодилосе,
 Э и все богатыри куда да хто розъехалисе,
 Вот розъехалисе они да по своим домам,
525. По своим домам да ко своим семьям.
 А и долго слушал разговору наш царь Йиван Васильёвич;
 Когда гости разговор-от свой ведь кончили,
 Он видел, видел, царь же, всех гостей,
 Оглядел, что все же гости веселы,
530. Гости веселы, все же в удовольствии —
 Только единый гось да невеселой сидел,
 Невеселой сидел, печальней он,
 А это гость ведь всё был шурина-от царю же всё,
 Э и как царю шурина Йивану-ту Васильёвичу,
535. Буйну голову повесил он с могучих плеч.
 А й подошол-то царь к ему да низко кланелсе,
 А й говорил ему он таковы речи:
 «Уж ты ой еси, мой шурина любимой-от,
 Э и как любимой шурина, премладой королевиць-от,
540. Ишше тот ли всё Кострюк да сын Небряковись,
 Отцёго сидишь невеселой?
 Буйну голову повесил-то?
 Разве место-то тебе не нравитса?
 Не по твоёму (с)тулу королевскому?»

545. Разве ведь ёсвами обнесли тибя?
 Разве напитокками разными неугошшон сидишь?
 Разве какой-небудь невежа неучона насмеялсе?»
 Говорил тогда Кострюк же всё,
 Отвечал же сын Небрюкович:
550. «Уж ты ой еси, государь же царь,
 Государь же царь Йиван Васильёвич,
 Место мне же са́мо лучшоё,
 Са́мо лучшо по моёму (с)тулу королевьскому,
 Твои кушанья-ти разныя
555. Ко мне все ведь поданы,
 Все напитокы заморския
 Предо мной были поставлены,
 Как некто́, некто́ во матушки каменно́й Москвы,
 Как некто́ надо мной не насмеялсе-то.
560. Я всима́ же, царь, доволенъ есть,
 Только одна у мене на сердечушке досадушка,
 Вот досадушка есь у мя, трелогушка, —
 А и я соскучилса жить во матушки во славной каменно́й
 Москвы,
 Захотелось мне ехать в славно в своё же королевьсвицо,
565. К своёму́ отцу, королю Небрюку ко Небрюковичу,
 Ко своей хочу к родимой ехать к матушки;
 Во вторых печальнѣ я сижу, —
 Мне хотелось бы повидать твоих руських сильних-то
 богатырей,
- Мне хотелось бы с йима́ да скорой бой дѣржать,
570. Скорой бой дѣржать, с йима́ мне поборотисе,
 А и как всё во вторых хотелось бою рукопашного».
 Отвечал ему зять его любимой-от,
 Вот любимой зять, царь-от Иван же да свет Васильёвич:
 «Уж ты гой еси, шурин дорогой, да гось любимой мой,
575. А и хорошо-то я про то же знаю, ведаю:
 А тебе захотелось погулять, поездить по чисту́ полю́,
 А повидатьце с млáдыми с богатырьми,
 Э и вот свиданьицо со млáдыми со рыцарьми.
 А вот скажу тебе, да дорогой, я, гось,
580. Дорогой мой гось, любимой шурин-от,
 Ешшо тот ли Кострюк сын Небрюкович:
 Погости-ко, поживи у мене ишше да в каменно́й Москвы;
 Когда богатыри скопятсе да все же съедутсе,
 Как тогда же ты держи да скорой бой с нимá».
585. А и вотвечал Кострюк Небрюкович:
 «Не хочу я долго жить да в каменно́й Москвы, —
 Я хочу сичас видѣть богатырей,
 Я хочу с нимá да скорой бой дѣржать».
 А и говорил же Кострюк во третей же раз;
590. А и как тогда ведь наш-то царь Йиван Васильёвич
 Э и выходил скорó из зала вон,
 Он заходил же всё в свою да в спальню царьскую,
 Подошол-то гон ко шкапу ко золочёному,
 Отмыкал же скоро шкап же он,
595. Он ведь и брал же тут туриной рог,
 Выходил скорó на царьской свой же двор,
 Он ведь и начел во туриной рог наигрывать,

- На разны струночки да выговаривать,
 А и зачел всех богатырей звать да на почесен пир.
600. В первой раз-от всё сыграл же царь, —
 Не от кого ответу не было;
 Во другой же раз сыграл же царь, —
 Не от кого гответу не было;
 На третей же раз сыграл же царь, —
605. А и тогда ему скорó ответили:
 «Некогó же нет в Москвы богатырей,
 Не единого нигде да не нашли же мы!»
 Тогда пришол же царь во спальную-ту,
 Он полóжил скоро золочёной рог,
610. Вот замкнул опять да золотым ключом,
 Сам пошол тогда во зало царскойё,
 Он и ведь и зачел тут всех гостей выпрашивать,
 Как не знают ли, где есь какой богатырь-от?
 Говорил же царь в первой-от раз,
615. Говорил царь да во другой након,
 Говорил же царь в третей-от раз, —
 Из-за того ли из-за стеличка кожебного
 А и вот вставал-то на ноги дородней доброй мóлодец,
 Доброй мóлодец Потанюшка.
620. На праву ногу Потанюшка припадывал,
 На леву ногу, Потанька-та прихрамывал,
 А и он ведь и всё же был с горбами-ти;
 Не таким был Потанюшка, уродилсе-то,
 Уродилсе — был богатырем:
625. Повредили-то Потанюшку.
 Его в битвах богатырьских-то.
 Э и (в)стал Потанюшка, тогда он вымолвил,
 Слово вымолвил он же, рець повыговорил:
 «Ай уж ты ой еси, Грозной царь Иван Васильёвич,
630. А благослови мне да слово вымолвить,
 Слово вымолвить позволь да рець повыговорить
 А и мя без той ли всё без ссылочки без дальнёю,
 А и меня без той ли всё без казени без скорыя,
 А и меня без той ли всё насмешочки великою,
635. А и как ли всё без той без смерти богатырьскою!»
 «А и говори-ко-се, Потанька, что ведь надобно,
 А и тебе же вот во всё, Потанюшка, простительнё!»
 А и тогда Потанюшка говóрил-то:
 «А и я жалаю с Кострюком да поборотисе,
640. А и вот поборотыце с ним, побитисе!»
 А и отвечал ему же государь царь Иван Васильёвич:
 «А и уж ты ой еси, Потанюшка,
 Был когда-то, я знаю, богатырем,
 Когда был, Потанюшка, здоровой ты;
645. А теперице тебе нельзя боротисе.
 Ты и так ведь богатыреми изувечен-то,
 Изувечен ты да изуродован».
 Говорил тогда Потанюшко:
 «Ницого, шшо я уродливой,
650. Всё я знаю, как боротисе,
 Всё я знаю, нужно как и битисе,
 Я ведь знаю бби разные,

- Знаю бѣи я муськіе-то,
Знаю бѣи я и женскія».
655. А и тогда говорил-то царь Иван Васильевич:
«Тогда бог благословит тѣбя, Потанюшка,
Благословит осподь да тѣбе силу даст!»
А Кострюк-то сын Небрюковиць,
Как премладой королевиць-от,
660. Он и сидит, над ним да усмехаище,
А и усмехаище царица православная,
Ишше та ли Марья дочь Небрюковна.
А и как говѣрил-то Кострюк Небрюковиць:
«Мы пойдѣм боротьце всё на царской двор!»
665. А возговѣрил ѣму Потанюшко:
«Ето не чесь ведь будѣт молодецькая,
Не похвальба будѣт, скажом, королевская,
Шьто на двори будѣм боротисе, —
А только борютсе на двѣрах-то
670. Только малые ребѣята-ти;
А вот пойдѣм-ко-се боротисе
Среди города Москвы пойдѣм,
Чтобы весь народ, да люди видели,
Люди видели да дивовалисе,
675. Дивовалисе всёму да ужахалисе:
Ты же, сильнѣй королевиць млад,
Ты побѣшь миня, Потаньку хромого,
А и Потаньку хромого, убогого,
А и все народ тут будут ужахатисе,
680. А и ты, королевиць младой, будешь усмехатисе».
Тут и пошли, пошли богатыри,
Одевали они же латы богатырския,
Одевали то платьѣ богатырское;
Как пошли тогда боротисе.
685. Грозный царь Иван Васильевич,
Вот поехал он с царицою,
Вот поехал он с царицой Марьѣю Небрюковной.
А и пошли все народ смотреть из каменной Москвы.
А и выбрали место чистоѣ,
690. Место чистоѣ да очунь ровное;
А и тут ведь съехалисе, скопилисе
А и все народ же, люди добрые,
Все со старшего до младшого.
А и тут Кострюк, Кострюк Небрюковиць,
695. Он ведь и ходил всё по богатырскому,
А Потанько бедной хроменькой,
Он и стоит, будто не к чему не подобен-то.
Розбежалсе Кострюк Небрюковиць,
Он и хватал, хватал Потанюшку,
700. Он и бросил Потаньку на сырѣ землю.
Он хватал его в другой же раз,
Вот хватал его в третѣй же раз;
А и как когда бросил его в третѣй же раз,
А и как тогда-то всё Потанюшко говѣрил-то,
705. Как тогда же слово молвил-то:
«А и уж ты, Грозной царь Иван Васильевич,
А и вот позволь тѣперь мне слово вымолвить».

- Слово вымолвить сейчас же, рець говорити,
Мне чтобы было во всём простительнѣ!»
710. Говорил тогда ёму Грозной царь,
А и как Грозный царь Иван Васильёвич:
«А и как во всём тебе, Потанюшка, всегда же есть простительнѣ»,
«А и как позволъ-ко же так мне-ка, царь, боротисе,
А и шьтобы богатыря побороть его,
715. Цвьётно платицо изорвать его!»
Отвещал тогда царь Иван Васильёвиць:
«Ето во всём твоя воля, Потанюшка!»
А и как тогда же говорил Потанюшка:
«Теперь дай благославленьицо,
720. И государь царь, дай, Иван, дай, свет Васильёвич!»
«Тибя бог благословит, Потанюшка,
Как Потанюшка у меня ты бедной хроменькой,
Бедной хроменькой ты, нездоровенькой!»
Тут Потанюшка пробежал скоро́,
725. Подхватил же Кострюка же свет Небрюковиця,
Подхватил его, к себе бросил на белы́ руки,
Высоко́ по поднёбесью выбрасывал,
Он ведь не дал долететь да до сырой земли,
Вот подхватывал скоро́ Кострюка Небрюковиця,
730. Он и полóжил и его да на сыру́ землю,
Сам садилсе на белы́ груди́,
Изорвал всё плáтьё богатырьскоё,
Изорвал всё плáтьё ёго нижнойё, —
Тут народ-от, люди ужახнулисe,
735. Хто куда да розбежалисe:
(В)место млáдого было королевиця,
(В)место Кострюка сынá Небрюковиця,
Оказалась тут ведь женшина,
А и как ведь женшина, не мушшина-та.
740. Тут ведь Марья-та Небрюковна,
Она слезно, слезно прироспакнулась;
Царь Иван он свет Васильёвиць,
До того он тут россмеялсе-то,
Россмеёлсе очунь громко-то:
745. «Тебе спасибо, Потанюшка хроменькой,
Как за ету я тибя ударю́ же всё,
Ударю́, как и следует,
Дам я много я тебе да золотой казны!»
А царица Марья-та Небрюковна заплакала,
750. Как царю́ гонá Ивану-ту Васильёвицю пеня́ть сталá,
Как пеня́ть сталá, обижатисe:
«Тебе не стыдно, царь Иван Васильёвич,
Шьто мою сестру, любимую,
Над ей стоять же всё смеятисe!»
755. Царь царици-то сказал тогда:
«Ето что такой у вас за королевиць был?
Ето что, за што его так славила?
Из Кострюка что́ у вас случилосе?»
Э и Грозной же царь Иван Васильёвиць
760. Не пошел да провожать же ей.
Марья Небрюковна поехала,
Она брала же плáтьё разноё,

- Придела рѡдну сѣстрицю;
 Побежала ѡна богатырь-от,
 765. Ѣхна поленица всѣ удалая, Кострюк Небрюкович,
 Она не городом-то побежала не каменнѣй Москвой,
 Побежала она ко Москвы к реки,
 Ко Москвы-реки, где собаки-ти сбегалисѣ,
 Где ведь чѡрны вороны слеталисѣ.
 770. Закричал ей вслѣд да ей простой народ:
 «Вот какой Кострюк же си́льнѣй есь,
 Вот Небрюкович дѣржал кулачной бой!»
 Со стыду тут уехала,
 Она уехала же, всѣ да заклиналасѣ:
 775. «Мне не дай бог болеце бывать да на светой Руси,
 Мне не дай бог боле видать царя Ивана свет Васильѣвича,
 Мне не дай бог боле битисѣ-боротисѣ
 Как со руськими со сильными богатырьми!»
 (Ешио богатырь ешио хрѡмой был! А и как если те-то?)
 А и как теперь етой старинушки конецъ пришол,
 780. А и как конецъ пришол, она пропѣта вся.
 Шшо как ведь Чорному морюшку славному на тишину,
 А и как Москвы-реки на славушку,
 А всему народу-ту совецькому да на послушаньицѣ,
 Как от них пойдѣт современѣм на пропеваньицѣ.

№ 105. АРСѢНКО

(Как вздумал Грозной царь Иван Васильѣвич сделать Вологду
 второй Москвой.)

- А и как задумал Грозной царь Иван Васильѣвич
 А и он построить-то, сделать Вологду второй Москвой, —
 А и вот не сделал царь ведь и Вологды второй Москвой.
 А и почему же он не сделал, царь, второй Москвой?
 5. А когда стоял он во божьѣй церквы у обедни он,
 А и во ту пору, во то времячка упал кирпич,
 А и с потолок упал кирпич на царя на Ивана Васильѣвича, —
 А и он оставил всю построечку вот втору Москву,
 А и призадумалсѣ царь тогда да он же думушкой:
 10. «А и не велит, верно, ведь и бог строить второй Москвы,
 А и как велит да бог ведь владѣть да всѣ одной Москвой».
 А и гон не сделал, не соорил хоть второй Москвы,
 А и всѣ же он сдѣлал на то место божью церквь,
 А и вот божью церкву соорил он, Николин храм,
 15. А и как положил денег вкладом сорок тысячечей;
 А и как соорил храм Николин хорошо же он,
 А и изукрасил, снаредил его по хорошему,
 Привѣл в такое ведь и очунь в удивленьице:
 А ишшо стали-то народ-люди дивоватисѣ,
 20. А и как они же стали всѣ отовсюль скоплятисѣ,
 А посмотрять хотѣли ведь и все люди второй Москвы,
 А ишшо второй Москвы хотѣли они, божьѣй церквы.
 А и вот прошла-то эта славушка по всем городам,
 А и городам она прошла, по всем деревенкам;

25. А и как дошла ета ведь славушка до деревенки,
 А и да во етой ли было, скажем, во деревенки
 А и как ведь и жил-то, был ведь и мужик-то деревеньской-о
 А и как мужик-от был-жил — звали всё Орсёнушко,
 А и как Орсёнушко-то был да всё вдовиной сын.
30. А и как Орсёнушко от батюшка-та малёшенёк осталсе всё,
 А и как возрбстила его родима матушка,
 А и он как ходил-то всё, Орсёнушко, в темны леса,
 А и как стрелял, стрелял Орсёнушко куницъ-лесиць.
 А и во один вечер-то Орсёнушко пришол он из темных лесов,
35. А и как увидел тут Орсёнушко: народ йидёт, ведь и копитсе-то
 всё кучею,
 А и меж собой-то всё народ-люди разговаривают.
 А и подошол-то наш Орсёнушко близёшенько,
 А и подошол-то к йим Орсёнушко, низко кланелсе:
 «А уж вы здравствуйте, народ же, люди добрые,
40. А и вы про што, про што, народ-люди, разговор водите?
 А и уж вы водите розговор, всё разговариваете?»
 А и отвечели мужики тут всё Арсёнушку:
 «А и говорим-то, розговор ведём, Арсёнушко,
 А мы про ту ли судим всё же про втору Москву, —
45. А и хороша-то всё построена втора Москва!
 А и не Москва-то всё ведь и в Вологды построена,
 А и не белокаменна во Вологды уделана,
 А и он состроен, сделан чудной храм осподен-от,
 А и на Николу-ту ведь и храм етот состроен-ст,
50. А и хорошо же храм ведь и весь он изукрашонной,
 А и как положено денег вкладом сорок тысячей.
 А и велико только несчастье случилосе,
 А подломили-то ту всю же вот втору Москву,
 А и как втору Москву, Николин храм,
55. А и вот забрали всю же сумму, сорок тысячей, —
 А и всё ли жертвенье было же всё пожаловано
 А и как самим Грозным царём Иваном-то Васильёвичом.
 А и теперь-то ишшут всё воров, ишшут-дознаваются
 А и как ли тих ли всё воров, ноцных разбойницьков;
60. А и не можут-то найти воров-разбойницьков,
 А и вот не можут-то найти ноцных подорожницьков».
 А и поговорили-то народ и пошумели тут,
 А и разошлись-то народ ведь и скоро по домам своим.
 А как Арсёнушко-то, сдал свою добычу он,
65. А и он ведь продал он куницъ-лисиць,
 А и он набрал, купил товару-ту разного,
 А и он пошол тогда к родимой своей матушки,
 А и ко родимую ко своей же он ко сестрици;
 А и он пришол-то, рассказал же родной матушке,
70. А и что он слышал, — говорили мужики тогда.
 «А уж ты ой еси, родима моя матушка,
 А испеки-ко мне, сыночку-ту, подорожницьков!
 А и я пойду, ведь и матушка, в дорожочку,
 А я пойду пойду, родима, в прямоезжую».
75. «А ты куда, моё дитя же, собираешься?
 А и ты в каку же в путь, в дорожочку отправляешься?»
 «А и собираюсь, мать, в дорожечку в очунь чудную,
 А и очунь чудную дорожочку во дальнюю,
 А и я хочу сходить, ведь и матушка, во Вологду,

80. А и я хочу-то сходить в Вологду во город-от,
 А и посмотреть хочу сходить да я второй Москвы,
 А и как второй Москвы хочу же я, божьей церкви».
 А и говорила-то ему его родна матушка:
 «А и как ведь Вологда-та город есть не близок-от,
85. А и как втора́ Москва смотреть да не допустят-то,
 А и там ведь есть много-то народу-ту приезжего,
 А и приезжего народу-ту, приходящего».
 «А и нечего же это, матушка, ведь всем равно,
 А и я хочу же, мать, дак посмотрю второй Москвы».
90. «А в чём пойдёшь ты, дитя моё, в дорожочку?
 Вот в дорожочку пойдёшь же ты на славной город-от на
 Вологду?
- Как до Вологды до городу итти же всё не мало есь,
 До второй Москвы, дитя, да не близко есь,
 А у тебя-то нету платица-та цветного,
95. А чтоб зайти-то было в чём же во божью церковь».
 «А и там ведь платица-та цветного не смотрят-то,
 А и как идут, идут ведь и там люди богатые,
 Хорошо идут они же приедетые,
 А и тут идут же всё ведь и люди идут странники, —
100. Это всё одно заходят-то во божью церковь».
 Как тут говорила же ему же родна матушка:
 «У тибя-то, мой сыночек, некогó же нет,
 Не дружьей твоих ведь и нет же, не товарищей,
 Чтобы было с кем пройти же путь-дорожечка».
105. «Мне не надоть-то, мать, никакí дружья-товарищи
 Я найду же всё годин же путь-дорожечку».
 Тут не стала боле матушка розговаривать,
 Стала тут родима снарезать его,
 Снарезать его же стала да во дорожочку,
110. Напекла с собой ему она подорожничьков,
 Вот наклала она во сунучку, в котомочку.
 Что было всё по ўтру-ту по ранному,
 По восходу было сонця тут ведь красного,
 Как поел, поел Орсе́нушко, позавтракал,
115. Он помолилсе-то тогда же богу-осподу,
 Пресветой же божьей царицы-то богородицы,
 Он простилсе-то со матушкой родимою,
 Со своей-то он со сёстрицей с любимою,
 Он ведь взял в руки дубиночку из темна́ леса́,
120. С которой ходил-то всё Орсе́нушко во темны́ леса́,
 Вот пошел-то наш Орсе́нушко во дорожочку,
 Во дорожочку пошел он всё во ту саму́,
 Котора же вела же и на Вологду.
 Шол-то, шол-то наш Орсе́нко с утра до вечера;
125. Как вечерней-то порой да было, тем времечком,
 По орсе́нковой-то было, верно, ўчести,
 Находила-то, накаталась туча тёмная,
 Туча тёмна-та накаталась очунь грозная,
 Тут ведь падала погодушка великая,
130. Вот напал, напал туманушка ведь очунь-то,
 Очунь страшной-от туман да он по всем горам,
 Он по всем-то всё горам да всё ж темным лесам.
 Орсе́нку-ту показалось дорогой итти да очунь скучно-то,
 Некто́ народ-от ведь, ведь люди не стречаются;

135. Тут раздумалсе Орсёнушко-то сам с собой:
 «Ишше ладно ли иду я, и может быть, не ладно тут?»
 Вот пошел Арсёнушко, своротил же он с дорожочки,
 Вот ушел, ушел далёко-то во темны́ леса,
 И вон сбилсе-то, ведь спуталсе с дорожочки,
140. Как ведь шол-то, шол Арсёнушко незнамым путём же шол,
 дорожочкой.
 Вот настыгла-то его же ночка тёмная,
 Привелось-то всё Арсёнушко ночевать тогда,
 Начевать тогда Арсёнушку в темны́х лесах,
 А во темных-то ему лесах да во сырых борах, —
145. Вот зашел у нас Арсёнушко в сырой же бор,
 Вот он выбрал-то елиночку, котора густа была,
 Он ведь сделал-то себе же тут ведь хаточку,
 Вот ведь хаточку себе да на ночлег же тут,
 А и он зашел, зашел ведь и скоро под елушечку,
150. А и он покушал-то, поел своих подорожничьков,
 А и он тогда-то ведь, Арсёнушко, на отдóх же лег,
 А на отдóх-то он ведь и лег да хотел спать тогда.
 А и он ведь спать не спал, да только так лёжал,
 А и он ведь так-то лёжал, всё лёжал выслушивал;
155. А и услышал Гарсёнушко, прислушалсе,
 А и он услышал-то ведь тóпать-ту ведь страшную, —
 Мать сыра́ земля ведь всё же колыбаласе,
 На древах-то ети листочки шевелилисе,
 А и услышал-то скоро гам, разговор ведь громкой был,
160. А и увидал-то тут Арсёнушко ведь коней проезжающих
 А и со возами-ти ведь и ехали с высокими,
 А и как за ймы-ти видь и шли обозы страшные,
 Как проехали мимо Арсёнушка-те са́мого.
 А и тут Арсёнушка лёжал же призадумалсе,
165. А и полёжал-то он немного, стал вставать тогда:
 «А и если-то я-то здесь, дак всё просплю же я».
 А и ставал, ставал Арсёнушко, подымалсе он,
 А и одевал-то вон ведь суночку-котомочку да за́ плечи,
 А брал ведь свой-то он ведь и посох во руки-ти,
170. А и как пошел ведь вперед, пошел Орсёнушко, поглядыват.
 Впереди-то что ему же, скажом, видитса,
 По-за ём-то видь, скажом, оставайтесе,
 Во серединушки-то что же вот ведь видитсе, —
 Увидал-то он зарево-то чўдноё,
175. Оно горело-то, ведь и зарево, огнём же тут.
 Как увидал же когда Арсёно-то большó зарево,
 Он пошел, пошел к етому-ту зареву;
 Подходить-то как ведь стал же он по близности,
 Увидал-то он ведь очунь чудо чудноё:
180. Много коней-то ходило в лугах же тех,
 А и как сидели тут, сидели много разбойничьков,
 Как сидело много носнйх же подорожничьков,
 Тут расставлены были у них же всё белы́ шатры,
 Розоставлены были палаточки дубовые,
185. Тут стояли-то у шатров столички дубовые,
 Как стояли тут скамеечки дубовые,
 На столах-то ведь чего было накладено,
 Выпивали, пили всё же зеленó вино,
 Зеленó вино они же, пиво пьяноё.

190. Подошол-то наш Арсёнушко, остановилсе он,
Приостановилсе он, стоял же всё высматривал.
Как разбойницьки-ти попили-покушали,
А другие же разбойницьки варили ўжну ўжнаги;
Атаман-от с асаулом-то сидели тут,
195. Вот сидели они, ведь и всё же дел вели же свой:
Вот на перьвой-от ведь и дел клали красно золото,
Они клали-то ведь красно золото,
На второй-от дел ведь клали-то чисто сéребро,
А и на третей-от дел ведь клали дорогой жемчуг.
200. Подошол к йим Арсёнушко близёхонько,
Говорил-то йим с весёлою улыбкою:
«Здравствуйте, здравствуйте, дородни вы дóбры мóлодцы,
Дóбры мóлодцы, те вы же всё камышнички!»
Атаман-от ведь тогда да огленулсе-то,
205. Огленулсе-то, сказал же всё Арсёнушку:
«Ты откуда взялсе, мужик-от простой же, деревенщина?
Как тебе разве, деревенщина, не охвота бóльши в свети жить,
Что ведь сам же ты вот пришол да принёс свою же вот да
ведь голову?»
- Отвечал тогда Арсёнушко атаману-та:
210. «Не на смёрть я ведь пришол, да атаман, скажу, —
Я пришол ведь с тобою повидатисе,
Повидатисе-то с тобой я, познакомитисе:
Ты возьми, возьми меня к себе в камышнички,
Во камышнички возьми к себе в дружиночку,
215. Как ведь мне же, деревенщину, во дел возьми,
Уж ты дай-ко на меня теперя полной пай!»
«Какой хитрой ты, мужик же, деревенщина,
У нас много лет служат да пай не скоро есть!
Не дайм тебе, деревенщина, пая полного».
220. «Дайте, дайте мне тогда хошь ведь пол-пая;
Пол-пая не даваете, — дайте полной пай!»
«Не дайм-то мы тебе же пая полного».
«Тогда давайте мне, камышнички, мне-ка треть пая!»
Не давали-то ему ведь треть пая.
225. Как просил-то гон ведь их да хошь ведь четверть дать, —
Не давали-то ему пая четверти.
Говорил тогда Арсёнушко таковы слова:
«Вы возьмите-тко, буду я даром жить в камышничках!»
Атаман тогда с камышничками переговорилсе он;
230. Закрыцали, зашумели все камышницьки:
«Немалу хочёшь у нас шутить шуточку, атаман же наш,
Прекяť хошь ты мужика же, деревенщину:
Во перьвých-то он не знает о наших делах камышнеческих,
Во других-то гон запутат нашо дело всё, —
235. Он ведь стретит-то кого из мужиков же где,
Разболтат-то всё, расскажет, где-ка мы живём.
Заберут-то нас ведь всех же, поймают-то,
Как живых-то нас ведь и боле не оставят тут.
Как берите лучше мужика же, деревенщину,
240. Его надоть же, атаман, скорей прикончити!»
Отошол атаман да сел он же на своё местó,
А как приказал тогда гатаман да забрать его,
Забрать его, запутать в пўтани в шелкóвые,
Вот задёрнуть его в арганы-ти в железные,

245. Тогда велел-то отрубить ему с плеч буйну голову.
Тут разбойнички-ти скоро не ослышались,
Подходить-то они начели к Арсёнушко;
Сперьва, сперьва подходили по одному тут,
Как потом же подошли же гоні по два-та,
250. А потом уж как ведь стали они по пять же всё, —
Как Арсёнушка никак забрать не могут тут.
Закрычал тогда на них да гатаман же йих:
«Вы как шуточно берёте, да я смотреть не могу на вас!»
Вот когда разбойнички стали подходить челым десяточком;
255. А и тут не лютоё зельё розгорелосе,
Богатырьско-то ведь и сердцо-то растреложилосе,
Лепетá в его лица переменяласе,
Могучі плечі его же шевелилисе,
Он выхватывал тогда да всё стоячей дуб,
260. Что стоячей-то он дуб да всё со кореньём,
Он сделал тут дубиночку немалую,
Он ведь и начел етой дубиночкой помахивать,
Вот помахивать дубиночкой, похаживать.
Он в праву руку махнул, — валилась улица,
265. Волевó-то отмахнул, — валились переулочки;
Он прибил-то, разбил же всех разбойничков,
Он прибил-то ведь разбойничков петсот человек,
Он брал тогда у разбойничков добра коня,
Он ведь брал свою дубиночку, поехал тут.
270. Ехал-то не мало, не много времени,
Как наехал тут опять он на камышничков,
Тут камышничков да было шестьдесят же их, —
Перебил-то всех камышничков Арсёнушко.
Он ведь ездил всё трѣи сутоцьки,
275. А во многих-то местах убивал камышничков,
Перебил-то всех камышничков-разбойничков,
Перевѣз йхно именицо в единое,
Вот в единое-то всё в место во перьвое.
Тут ведь сошел тогда Арсёнушко со добра коня,
280. Он поел, поел тогда да сам покушал-то, —
У разбойничков всего было ведь вволюшку,
Было много-то у йих же мяса разного,
Было много-то у йих же мук и круп же тут,
Тут ведь было разных водочек — каких хочёшь пей;
285. Как попил-поел Арсёнушко, скоро спать же лег,
Он ведь спал-то лежал, не знат и сам сколько.
Когда проснулсе-то, пробудилсе всё Арсёнушко:
«Я ведь думал, что хожу я во втору Москву,
Не сходил я ведь вот и всё же во втору Москву, —
290. Нагрешил грехов ведь и много вот теперь в делах.
Зато очистил хошь свою страну от гибели.
Я не знаю же теперь, и шшо Арсёнку делати?
Не накласть ли всё Арсёнушко много золота,
Мне-ка сесть ли всё, Арсёнышку, на добра коня?
295. Не доехать-то до деревни, мне спустить коня?
А и как тогда сказать мужикам же деревеньским-то:
«А и не спуталсе ли с дорожки славной вологодской,
Не попал же Гарсёню во втору Москву».
А и только нехорошо будёт Арсёнушку на свети жить,
300. А и что скажу-то ложь-неправду своему народику;

- А и во вторых будёт Арсёнушко неприятно, мне,¹
 Что пошел, пошел ведь и я же на втору́ Москву,
 А и не посмотрял-то я ведь и ей, да так прочь ушол».
- А и тут раздумалсе Гарсёнушко на другою же ум, —
305. А гон ведь ету-ту ведь и суночку с золотой казной:
 «А не попаду ли я на дорожечку в сла́вну Вологду,
 А и в сла́вну Вологду не попаду ли я, на втору́ Москву,
 А и отнесу-то ето золото в подареньицо,
 А и в подареньицо поло́жу во втору́ Москву».
310. А и он ведь за́чел-то разбирать тут красно золото,
 А и он ведь начал-то смотреть же чисто се́ребро,
 А и за́чал все ведь вешши-ти пересматривать, —
 А и в атамановых документах нашол же он,
 А и нашол же он ведь и деньги-ти сорок тысячей;
315. А и завертел-то деньги он же йих в бумажочку,
 А и спустил деньги-ти ведь и ети во глубок карман,
 Взял, ведь взял-то свою дубиночку обломанну,
 Вот пошел у нас Арсёнушко в дорожочку.
 Он ведь шол-то лесом, скажем, очунь скоро тут,
320. По ходы́-то он ведь знал, что шол же три часа;
 Как опекло-то всё его же красно солнышко,
 А ведь вышол на дорожочку-ту Вологду,
 Как на са́му-ту, вела она во втору́ Москву.
 Как пришол-то наш Арсёнышко во втору́ Москву,
325. Во втору́ Москву пришол он, во божью церкóвь,
 Во божью церкóв пришол он, да в Николин храм;
 Во второй Москвы Арсёнышко помолился он,
 Он ведь клал-то кладом денёг золотой казны,
 Вот полóжил ети деньги — сорок тысячей,
330. Как которы были всё они украдены.
 Некогó-то в храме не было, не случилось,
 Только в храме-то ведь и был да один сторож тут;
 Как ведь сторож никому про то не рассказывал.
 А и как Арсёнышко тогда пошел по городу,
335. Вот по городу ходил же он, разгуливал,
 Осмотрял-то, огледел да сла́вну Вологду,
 Сла́вну Вологду огледел же он, втору́ Москву,
 Как тогда-то подходил ко царёву-ту большу кабаку, —
 А у царёва-та у большого сла́вна кабаку,
340. Тут ведь много-то стояло голи кабацькою,
 Вот кабацькой-то ведь голи было́, посадскою.
 Подошол, с йимá Арсёнышко поздоровалсе:
 «Уж вы здравствуйте, ребятушка, голь кабацькая,
 Голь кабацькая, ребятушка, посадская!
345. Каково же вы, ребятушка, поживаете?
 Каково ваше, ребятушка, здоровьице?»
 Отвечала тут ведь голь же вот кабацькая:
 «Как здоровье нашо всё же у всех — здоровья;
 Голь кабацька-та больнй не бываем, мало же».
350. «У вас болят ли всё головушки с похмельица?»
 «А чему болеть головушкам, как не пьём вина?
 Нас теперя-то, голь кабацькую, смотре́ть весьма
 А и смóтрят-то нас теперь, везде преследуют,
 Как с того же всё со самого со времени,
355. Как подокрали-то у нас же всё втору́ Москву».
 Рассказали-то тогда же голь кабацькая,

- А и росписали всё про славную про Вологду про город-от,
 А и про его-то всё росписали про втору́ Москву:
 «Вот ограбили, ограбили втору́ Москву,
415. А твои деньги-ти, ведь и кладом которы были во храм были
 по́ложоны,
 А и они тоже ведь были украдены, унесёны же.
 А не могли найти воров, да кто украл деньги,
 А как сейчас мы поймали вора-разбойни́цка,
 А и как того ли всё носнёго-то подорожни́цка,
420. А и как мужика-то поймали, деревеньшину,
 А и засадили мы его же в тёмну тёмницу, —
 А и без тибя-то, государь царь Иван Васильёвич,
 А и мы не знаем, какой смертью казнить виновника».
 А и отписал-то скоро царь Иван Васильёвич:
425. «Э и не казните, не рубите без меня его,
 А я хочу-то, царь, да сам же повидать его,
 А повидать-то я его, поговорить же с ним».
 А и как сидел, сидел Арсёнушко неделёчку, —
 А всего времени-то вышло целой месяц тут, —
430. А не золочёная корета тут проехала,
 А и как проехал-то, приехал государь наш царь,
 А и государь-от царь Иван же свет Васильёвич.
 А и вот приехал царь, поел-попил с дорожочки,
 А и стал, стал же тут государь же царь выпрашивать,
435. А и вот выпрашивать-то начал он, выведывать:
 «А и как дела идут у вас же всё во Вологды?
 А и как не сохранили, не сберегли храма Николина,
 Вот разбили-то, разбили всё втору́ Москву,
 Вот Москву втору́ же всё же, вот Николин храм?»
440. Я ведь всё ровно по́ложу денёг снова тут, —
 Пушшай бу́дёт же тогда спать втора́ Москва.
 Расскажите-тко всё мне да правду сущую,
 Как засадили вы в темни́цу дóбра мблодца,
 Мужика же засадили-то деревеньского?»
445. За каки́ дела вы засадили тут?»
 «Потому, государь, засадили мы, — не знам-какой,
 Он пришол да всё поил да голь кабацкую,
 Голь кабацкую поил да он, посадскую,
 Он рочитывалсе да всё же золотой казной;
450. Как у каждой-то у голи у кабацкою,
 Всё у каждого ведь и есь да золотой у них:
 Говорят, шшо дал мужик им деревеньской-от,
 Деревеньской мужик йим дал на пропитаньицо».
 Тут ведь говорил им же государь же царь,
455. Государь-от царь говорил Иван Васильёвич:
 «Вы берите-тко сейчас да золоты клюци,
 Вы пойдёмте-тко со мной же в тёмну тёмницу,
 Я хочу, хочу, ведь и царь, да посмотреть его,
 Посмотрять хочу его, ведь поговорить же с ним».
460. Как тогда-то вот пошли да со царём народ,
 Отмыкали скоро тут же тёмну тёмницу;
 Заходил-то государь же царь Иван Васильёвич,
 Тут ведь кланелсе ему же всё Арсёнушко:
 «Здравстуй, здравстуй-ко, государь же царь Иван Васильёвич!»
465. «Здравстуй, здравстуй, мужичок же деревеньской-от,
 Я не знаю, как тибя зовут по имени!»

- Отвечал тогда ему же всё Арсёнушко:
 «Меня зовут-то, государь царь Иван Васильёвич,
 Меня зовут, зовут ведь всё же вот Арсёнушко,
 470. А по батюшке звеличать же сын Иванович.
 Я от батюшки остался очунь малёшенек,
 Как возрбстила меня же рódна матушка,
 Я вдовин-то сын ведь всё же есть ведь сáмой-то,
 Не имел же я, Арсёнушко, йменьица,
 475. Я пропитывал свою матушку трудом своим.
 Вот задумал я итти смотреть второй Москвы,
 Посмотрил-то, слава богу, я твоей славной второй Москвы,
 Посмотрил-то я ведь и храму-ту Николина.
 Хороша твоя прекрасная вторá Москва,
 480. Иище есть на што посмотреть-полюбоватисе!»
 Закрычали все народ-люди во Вологды:
 «Уж ты ой еси, государь царь Иван Васильёвич,
 Ты не хошь ли всё спустить на волю-ту разбойничка,
 Как носнёго хошь спустить же подорожницька?
 485. Он ограбит же гопять да не одну Москву,
 Он зайдёт, зайдёт во слáвну твою каменну Москву,
 Он ограбит-то ведь и много всего хорошего в каменной
 Москвы.
- Ты кончай-ко-се скорей, да царь, его же сам!»
 «Вы не страшитесь-ко, наред, моей смерти скорою,
 490. Придёт, придёт-то ведь скоро смерть моя своя.
 Попрошу-то смерть тó же всё и я у вас,
 Што котора мне какая смерть самóму ндравитса,
 Самóму ндравитса-та смерть да всё же хочетса.
 Уж ты ой еси, государь же царь Иван свет Васильёвич,
 495. Благослови-ко меня же слово-то промолвити,
 Как ведь слово-то промолвити, речь говорити
 А мне без той ли всё кáзени без скорыя,
 А и миня без той ли всё без ссылочки без дáльнёе,
 А и мене ли всё без той ли всё насмешечки великою!»
 500. Отвечал ему государь-от царь Иван Васильёвич:
 «Говори-ко ты, Арсёнко, что ведь надобно,
 Обо всём теперь будёт простительнёе».
 «Уж ты дай же мне-ка смертью помереть такой,
 Как такой же мне смертью, какой я хочу:
 505. Уж вы сделайте мне всё же столб высокой-от,
 Как ко етому столбу повесьте вы рей высучой-от,
 У того ли всё рей да всё высучего
 Сделайте мне лисенку, да всё три ступенечки, —
 Я ведь вылезу тогда да на высучой рей,
 510. Издалёка-то народ будёт видётъ преступника,
 Вот преступника-то видеть тут, разбойника!»
 Говорил же государь царь Иван Васильёвич:
 «Как по твоёму ведь и будёт-то по желаньицу:
 Как ведь сделаю-то столб-от всё высокой-от,
 515. Ко столбу-то всё подвесьят-от висучой рей,
 Тут ведь сделают-ту лисенку у рей тогда,
 Как во лисенки-то делают три ступенечки, —
 Отовсюль-то будет видеть тибя, Орсёнушка!»
 «Уж ты гой еси, государь Иван Васильёвич,
 520. Как арсёнкова-то смерть будёт немилóслива,
 Немилóслива вонá будет, очунь страшная,

- Из веков-то в веки будут вспоминать её!»
 Пожелал же смерти скорою Арсёнушко;
 Приказали тут ведь и делать-то столб высокой-от,
 525. Приказали сделать рей да тут высокой-от,
 Вот высокой рей ведь и делать-то высучей же,
 Приказали делать и лисенку, три ступенечки.
 Вот пошли, пошли, ведь скоро пошли плотники,
 Вот ведь плотники пошли скоро работники,
 530. Они сделали, устроили высокой столб,
 А к нему же всё привесили висучой рей,
 Как приделали они же скоро лисенку,
 Скоро лисенку приделали в три ступенечки;
 Как пришли, пришли, сказали государю-ту,
 535. Осударю-ту царю Ивану-ту Васильевичу:
 «Приготовлено тепере всё ведь, сделано,
 Теперь можно вести будет деревеньшину,
 Предавать-то ведь ему да смерть-ту скорую».
 Как оделсе государь царь Иван Васильёвич;
 540. Когда вывели Арсёнышка из тёмной тёмницы,
 С ним ведь шол государь царь Иван Васильёвич.
 Говорил ему Орсёнку-то таковы слова:
 «Уж ты ой еси, государь царь Иван Васильёвич,
 Ты прости меня вины-то виноватою,
 545. Как цего же, государь, я вот тебе скажу:
 Не спешишь-то ты же скоро вот за мной итти, —
 Как пускай же поскорей меня ведут они!
 Ты успешь, успешь притти да всё на смерть смотреть,
 Как увидешь всё мою-ту смерть ведь страшную».
 550. А и народу-ту, Горсёнушко говóрил им:
 «Уж вы ой еси, народ же, люди добрые,
 Как ведь умной-от народ, — дак всё возьмите-тко во внимание,
 Не ходите-тко смотреть смерти арсёнковой:
 Арсёнушкова смерть будет немилóслива»
 555. Немилóслива гонá же будет, страшная!
 Ишше умной-от народ, дак его те понели,
 Они понели, назад же они ворóтились,
 А глупой-от народ да всё вперед бежал,
 Они вперед-от всё бежали да говóрили:
 560. «Вот увидим же, ребята, как казнят, казнят преступников!»
 Подвели тогда Горсёнышка к рею, его, к висучему,
 Заходил тогда Горсёнышко на лисници,
 На первú ступень, да он сказал же всё:
 «Воротитесь-ко, народ, да розойдитесь прочь!»
 565. Тут ведь некоторой народ, да они понели,
 Как ведь понели народ да убегали прочь.
 Когда зашел же вон на лесницу, на вторú ступень,
 Он сказал, сказал народу-ту таковы слова:
 «Вот судите-тко меня же всё, преступника!»
 570. Как ступил, ступил ведь Орсёнышко на третью ступень,
 Он сказал тогда, сказал государю царю Ивану тогда Васильёвичу:
 «Благослови меня теперече, государь же царь,
 Осударь-от царь Иван же свет Васильёвич,
 Как теперя мне, Горсёнушка, перед смертью-ту поработати!»
 575. «Разрешаю, царь, работай, как ведь нужно вам».
 Тут не лютоё-то зельё розгорелосе,
 Богатырьско-то ведь и серцо разгневилосе.

- Лепетá у его в лица переменяласе,
Могучí плечи его же шевелилисe,
580. Он хватал, хватал, срывал тогда висучой рей,
Как висучим-то реём зачал помахивать;
Воправó-то ведь махал, — валилась улица,
Волевó-то от махал, — валились переулочки.
Вот прибил тут народу много в Вологды.
585. Говорил тогда ведь Арсёнушко таковы слова:
«Ишшо надо ли, государь царь Иван Васильёвич,
Как оставить ли етой силушки на сймена?»
«Как оставь-ко-се, Орсёнушко, ведь силушки,
Вот положь-ко-се на йхну-ту на глупость тут».
590. Перестал боле ведь силушки-то бить же он.
Все народ-люди ведь тут же ужахалисе.
Тут подъехала корета-та золочёная,
Тогда ведь взял-то государь царь Иван Васильёвич
Как Орсёнушка-то брал же за белы руки,
595. Человал его в уста же во сахарные,
Пировал-то с ним ведь кушал трóи сутоцьки.
Вот ведь звал-то всё Горсёнушка жить во матушку в каменну
Москву;
- Отвечал ему: «Я сейчас же, государь царь Иван Васильёвич,
Как ведь ехать-то с тобой да не поеду я,
600. Потому што у мя осталась-то в деревни-то рóдна матушка,
Рóдна матушка осталась и рóдна сёстриця,
Нужно съездить-то во деревню попроведати, —
Не поедет если матушка в каменну Москву,
Тогда надоть ей ведь и переделать-то старой домичёк,
605. Чтобы матушку воставить во приюти тут».
Тут давал-то государь царь Иван Васильёвич,
Много-много тут давал он золотой казны,
Вот давал ему ведь и много-то чиста сёребра,
Как самого-то звал его же в каменну, Москву,
610. В каменну Москву его да при себе его,
Штобы быть всегда при ём думным боярином,
Без его-то никакого дела зачинать нельзя,
Зачинать дела нельзя без его и кончити.
Распрошшалсе государь царь со Арсёнушком,
615. Государь-от царь Иван же свет Васильёвич,
Он садилсе тут в корету-ту в золочёную,
Вот уехал он во слáвну в матушку в каменну Москву;
А Орсёнушко поехал в свою дерёвенку, —
Вот приехал-то Ворсёнышко во дерёвенку, —
620. Сдивовались все народ же, люди добрые.
Тут ставала рóдна матушка с постелёчки,
Будто всё она никогда не была не боледа-то.
Перестроил тут ведь Арсёнушко свой ведь домичёк,
Часто ездил же Арсёнышко в слáвну матушку каменну Москву.
625. Часто видалсе-то с государем с царём с Иваном-то с Васильёвичем,
Переговоры-ти ведь шли же очунь тайные.
Тут ведь съездил-то Гарсёнушко за камышничками золотой казной,
Как пригнал всех коней тут всё ведь камышницьков,
Привезли-то всё товары тут ведь разные,
630. Все ведь всё же он привёз их в каменну Москву;
Просмотрел-то все товары государь же царь,
Осударь-от царь Иван же свет Васильёвич.

- Тут Орсёнушко Иванович распрошчалсе-то,
 Ко своей ко рódной матушке уехал он,
 635. Поживать-то стал со матушкой с родимою. —
 Он охвоч ходить, Орсёнышко, в темный леса,
 Он охвоч стрелять зверей да всё лесных же всё,
 Ишше птицу-ту ведь как разных он на заводах.
 Много-много он очистил всё камышницыков,
 640. Разных сбеглых-то ведь тут разных преступников,
 Много-много было подвигов богатырьских тут,
 Перестрелочных боёв да числа-счёту нет.
 Ишше как той нашей старинушке конец пришол.
 Славной Вологды-реки, да ей на тишину,
 645. Славной матушки каменной Москвы на чесь-славу велику
 Вам, учёным-то людям младым, на прописаньицо,
 А от вас пойдёт премладым на рассказаньицо,
 А от млáдых-то пойдёт на пропеваньицо.

№ 106. СТАРИНА ПРО КНЯЗЯ НИКИТУ РОМАНОВИЧА

- М-м у нас ли было всё на светой Руся,
 На светой Руси, во славной-то каменной Москвы,
 Во дворци-то было всё же государском-то, —
 Собирал-то Грозной царь Иван Васильевич,
 5. Собирал-то ведь он да всё почесен пир,
 Как для тех ли он сбирал для кнезьей-бояр,
 Как для тех же он сбирал для сильных, могучих-то он пир
 богатырей,
 Их зазывал-то, гостей, да царь сбирал же всех,
 Его ездили-то звали слуги царския,
 10. Зазывали-то гостей по всей славной-то каменной Москвы;
 Скоро, скоро тут ведь гости-ти скоплялисе,
 Вот скоплялись гости все же, отовсюль стали скоплятисе,
 Вот скоплятьсе-то они начели, съезжатисе,
 Будто ясны-ти соколы стали слетатисе.
 15. Скоро, скоро тут полаты-ти белокаменны.
 Белокаменны полаты все же царские,
 Они полным-полно народом-то принаполнились.
 Их стречал, стречал да тут ведь сам же царь,
 Ишше сам-от царь стречал Иван Васильевич,
 20. Проводил гостей ведь он во свойи во царския во горницы
 И как во свойи же во столовы-ти светлы светлицы,
 Их садил-то он за столички окольнии,
 Как на ковры садил на мяккия,
 Вот на мяккия ковры на заморьские,
 25. Как на скамеечки садил же рыта бархата,
 А за скатерти садил же за шелковые,
 А за ёствы-ти садил гостей за разные,
 А за напитокки садил же их за разные,
 И вот пошол тогда у царя же всё весёлой пир,
 30. Вот весёлой пир пошол да всё весёлой стол,
 Тут пошло-то у царя же пинованьицо,

- Вот весёлое пошло у его столованьцо;
 Много-много-то у его было ведь кушанья покушано,
 Ишше разных было напитков у его же очунь много попито.
35. А весёлой-от пир же был навёсели,
 А красно солнышко пекло же всё на ясени;
 Красно солнышко-то пошло, братцы, ко западу,
 А от запада пошло оно к закату тут,
 Оно пошло-то, ближалось к крутым славным гóрам же
 Воробьёвским всё,
40. Оно садилось-то, потухало всё, за Москву-реку,
 А как за те ли за леса, леса дремучия, —
 И тут ведь играли-то во струночки в золочёные,
 Как во те ли в гусли-ти во весёлыя,
 А как его гости все ведь тут да розвеселилисе,
45. Розвеселилисе его гости-ти, росштулисе,
 Мез собой они ведь тут розговорилисе,
 Ишше они сами собой росхвасталисе.
 Умной-от захвастал рóдным батюшкой,
 Как разумной-от захвастал рóдной матушкой,
50. А глупой-от захвастал молодой женой,
 Неразумной-от захвастал своей родной сестрой,
 А как князья-бóяра захвастали науками,
 А богáтыри захвастали своей-то во́ни силой богатырьскою.
 Как ведь царь-от ведь Иван да свет Васильевич,
55. Он ходил, ходил по полатушкам своим он белокаменным,
 Он ходил, ходил-гулял да тут разгуливал,
 С ноги нá ногу манежно же переступывал,
 Его серёбрены подковочки очунь брякали,
 А золотыма-ти шпорами набрякивал,
60. Как чёрными-ти кудрями приростряхивал,
 Белыма руками прирозмахивал,
 Золотыма-ти перстнями он принабрякивал,
 А чёрным глазиком своим же он,
 Чёрными-ти очами он поглядывал,
65. Как на окольные-ти столички посматривал,
 На своих-то гостей гледел-поглядывал;
 Его гости-ти любимыя и званыя,
 Кто ведь, кто чего хотел да кто чего желал,
 Кто чего-то всё желал, да все получили же.
70. А только один-то гось его любимой тут,
 Как любимой его гось да всё желанной-от,
 Как его его же шурин был любимой-от,
 Он сидел, сидел, доброй мблodeць, ницем не хвастал-то,
 Он сидел-то, всё ведь сидел да нецём не занималсе да
 разговором-то,
75. И он сидел-то, тихо-смирно всё поглядывал;
 Подошел-то вот к нему его любимой зять,
 Как любимой его зять, да всё как сам же царь,
 Ишше сам-то царь государь Иван Васильевич,
 Он подошел к ему да низко кланелсе:
80. «Уж ты ой еси, ведь мой шурин любимой-от,
 Дорогой да мой ведь весь да многозваной-от,
 Уж ты, Никита-та да свет Романович,
 Уж ты што же у миня сидишь невёселей?
 Буйну голову повесил у мя с могучих плеч?
85. Очи ясные потупил о ту ли печеньку о муравлену?

- Тебе што же, доброй мѡлодец, богатырь-от,
 Тебе што же всё сегодне в моём же в шированьицы
 Невеселой-от сидишь да ты нерадостной?
 Буйну голову повесил всё с могучих плеч?
90. Разве чарочкой тебя же винной обнесли сечас?
 Или место-то тебе же у мя не ндравится?
 А или чарочкой-то напитокком обнесли тибя?
 Или невежа-то над тобой какá насмеялase?
 Я за твою ли всё за службу-ту за верную,
95. За выслугу твою славно богатырьскую,
 Я хочу, хочу тибя да всё пожаловать.
 А во перьвых-то скажи да всё открой же мне,
 Хто ведь, хто же вот тибя да огрубил, скажи?»
 И тут ставал-то на резвы ногѣ Никита-то свет Романович,
100. И он возгѡворил таковы слова,
 Таковы-то он слова, вот таковы речи:
 «Мня некто-то не огрубил, государь же царь Иван же свет Ва-
 сильевич,
- Мне-ка место-то у тибя ведь дано лучше,
 Мне-ка чарочка-то ведь шла с напитками по линии,
105. А невежа некакá надо мной не насмеялase.
 А как я ведь так сидел да всё смотрял на гостей,
 На гостей-то я смотрел на всех приезжих тут».
 А как возгѡворил ведь царь тогда,
 Иише царь тогда возгѡворил сам государь Иван Васильевич:
110. «И ты бери-ко, бери, Никита свет Романович,
 Ты бери, бери у мя ведь, сколько надобно, золотой казны,
 И ты бери, бери у мя чѣста сѣребра,
 Бери платьеце у мя цвѣтного, сколько надобно,
 Бери одежды у мя, обутоцьки,
115. Бери, бери у мя, чего нужно вам,
 Чего нужно-то вам да чего же надобно!»
 Возгѡворил тогда Никита сын Романович:
 «Как спасибо тебе, государь царь Иван Васильевич,
 На твоей ли все на милости великою,
120. Как на жалости твоей да всё на царьскою, —
 Мне-ка довольнѣ твоей же всё милости».
 И возгѡворѣл-то тогда царь Иван Васильевич:
 «Наделю тибя, Никита свет Романович,
 Городами я тибя да всё деревнями,
125. Как сѣлами-ти тибя я со садами-ти,
 Наделю тибя ведь я селом прекрасным-то,
 Вот прекрасным тибя селом славным Преображеньским-ог;
 Пушшай всё же называется как этим-то названьцом,
 А кто ведь в это-то село уйдѣт-уедѣт-то, —
130. Не судить-то тех людей да их не засаживать,
 Не засаживать-то ѣих же в тѣмны тѣмници,
 Как во те ли во злодейки в заключебные.
 При пирѣ-то, при беседушки весѣлою
 Как сказал же я-то, царь, так дело сделаю:
135. Всё на свети можно сделать и сработати —
 Иише царьское-то слово, назад оно не воротитсе.
 Я скажу тебе, мой любимой гось, шурин ты же мой,
 Шурин ты же мой, Никита свет Романович,
 И ты, — пора тебе ведь, князь же, женитисе:
140. Все богатыри (в) Москвы же вот поженитисе,

- А красны девушки хорóши заму́ж выданы,
 Бёлы ручушки у йих же исподаваны,
 Золотыма-ти перснями поменялисе —
 Только ты же у миня, Никита свет Романович,
 145. Холостым у мне живёшь да неженат слывёшь!
 Если желаешь ты, Никита, поженитисе,
 Ты скажи, скажи ведь, где-ка только сам желашь,
 Где-ка сам от ты желашь да где-ка хочешь всё».
- Говорил-то Грозной царь Иван Васильевич,
 150. Говорил-то тут ведь царь да во перьвóй же раз,
 Говорил-то царь ему да во другой же раз,
 Говорил-то царь ему тут во третей же раз;
 Возговорил да всё же дал ответ,
 Всё же дал ответ Никита свет Романович:
155. «Уж я рад бы всё женитьце, царь, — невесты нет:
 Где хотел бы я женитьце,
 Та невеста мне не досталасе,
 А которых мне дают, так брать не хочитце».
- Россмеялсе тут всё же вот и Грозной царь,
 160. Грозной царь-от ведь тогда Иван Васильевич:
 «А уж знаю теперь, знаю я:
 Всё тоскуешь об одной же всё зазнобушки,
 По зазнобушки тоскуешь, по невесты тут,
 Всё ведь думаешь об своей ли ты Алёнушки!»
165. Нужно всё же позабыть же всё Алёнушку, —
 Не твоя была судьба да не тебе жена.
 Как ведь есть же всё на свети много девушек,
 Велика́ Москва ведь наша белокаменна,
 А ты везде же бывал в землях во разных-то,
 170. Ты во всех бывал во разных в королевсвах-то,
 Уж ты видел тех всех да королевных тут,
 Уж ты видел всех ведь тут да все кнежевных-то, —
 Как какá же тебе, да скажи, ндравитце,
 Ту и можом тибе да всё и сватать-то.
175. Я ведь сам же, царь, могу ехать свататьце;
 Если с радости не отдают да со весельица,
 Тогда можом мы ведь всё невесту силой взять,
 Можом силой-то мы же взять, да войной возьму,
 Я войной тибе возьму да всё боём ее.
180. Если сам же ты не хошь да ехать-то туда же всё,
 Я пошлю, пошлю за тибя да силу-армею,
 Снарежу же за тибя же коньску гвардию».
- Возговорил тогда Никита-та сын Романович:
 «Ето не чесь-то мне-ка будет молодецкая,
 185. Не похвальба-то мне-ка будет богатырская,
 Не прославленьицо же будет славно рыцарьско, —
 Ведь насылу-ту не бывает, сказать, мило-то.
 Не привелось же, государь царь Иван Васильевич,
 Не привелось, скажу, ведь мне же поженитисе,
190. Так я ведь теперече хочу же холостым ходить,
 Холостым хочу ходить да неженатым быть.
 А тибе-то я скажу правду сушшую:
 А как буду я тебе везде помошшничек,
 А во битвах-то, во войнах буду пособшничек».
195. Как ведь тут-то пир у царя долго шол же, продолжалсе-то,
 И тут ведь стал-то пир да под конец йитти;

- Тут ведь государь-от царь (Иван) Васильевич,
Возговорил же он да таковы слова:
«Ишше гой еси, мойи же гости званья,
Ишше званья же гости у мня, честованы,
Ишше кто из вас ведь съездит от миня, царя,
Как во те ли все во земли-ти в неверныя,
Как во те ли во орды же во арабские?
Как получают-то ведь пусть же дани-пошлины все».
205. Говорил-то царь ведь Грозный Иван Васильевич,
Говорил-то он ведь всё же во перьвóй-от раз,
Говорил-то он же всё да во другой же раз,
Говорил-то царь ведь всё же во третей же раз;
Тогда все же ведь гости призамолкнули,
210. Призамолкнули-то гости, призагунули,
Ишше старшой хоронитце за среднего,
Как ведь средней-от хоронитце за младшого,
Вот от младшого, от малого царю ответу не было.
Как тогда же из-за столичка переднего,
215. Из-за переднего (и)з-за столичку окольнего,
Со той ли со скамеечки дубовую,
Котора покрыта была скамеечка рытом бархатом,
Вот ставал, ставал дородней тут доброй мóлодец,
Как по ймени Никита свет Романович,
220. Говорил-то гон тогда да таковы слова,
Таковы же он слова да таковы речй:
«Уж ты ой еси, государь царь Иван да свет Васильевич,
Я скажу, скажу тебе вот таковы слова,
Таковы тебе слова я, таковы речй:
225. Я желаю съездить в орды, в земли неверныя,
Вот в неверныя во земли я во арабския.
Я бывал-то, бывал ведь, царь, да я во тех странах,
Я во тех ли всё в странах да во тех гóродах:
А арабской-от народ, да он свирепой есть, —
230. Не боюсь-то йихной я да всё же гневности,
Я надеюсь на свою же силу-ту богатырьскуюю».
Тут ведь гости у царя все стали расходитьце-то,
Росходитьце гости начели, одеватисе,
Выходили они из-за столичков окольних-то,
235. Они молились тогда да богу-господу,
Как благодарили государя царя Ивана-та Васильевича,
Тогда начали они же с йим прошшатисе;
Провожал-то царь гостей да низко кланелсе.
Через трóи-ти ведь суток поры-времени
240. Не есён сокóл йиз Москвы-градá улетел же вон,
Как не кречет тут ведь белой-от вылетывал, —
Доброй мóлодец богатырь тут выезживал;
Провожал-то ведь его да государь же царь,
Государь царь ведь его Иван Васильевич.
245. Он поехал, доброй мóлодец, Никита свет Романович,
Он сидел, сидел во плати-то богатырьском всё,
Он ведь, — в правóй руки-то было всё же копьё держал
богатырьское.
- Богатырьское-то копьё всё же вострое,
Во левóй руки держал он всё саблю вострую,
250. Саблю вострую держал он богатырьскую;
И он поехал-то скоро же, скоро-наскоро,

Будто, быстро-скоро он, как птица-та перелётная,
Ишше пеньицо-кореньицо ломалосе.
И долго ехал-то, пришлось долго ехать.

255. Не приезжал Никита свет Романович,
Три годочика не приезжал во славному он каменну Москову;
Тосковал об ём же всё да тут ведь царь же сам,
Ишше царь-от сам Иван да свет Васильевич:
«У меня погинул, наверно, шуриин мой любимой-от,
260. Как ведь тот ли мой Никита свет Романович,
Не стало теперь у меня руки правою;
Кабы знал про то я, ето бы ведь ведал-то,
Не спустил бы не за што его ехать в ту же всё сторонушку,
Как во арабски-ти ведь ехать как во городы».
265. Когда прошло-то тому времени три-то годищка,
А не красно тут же солнышко россветело,
А не есён-то месяц надошол над дворцом над славным над
государским-то,—
Тут приехал, приехал доброй мблodeц,
Доброй мблodeц приехал, богатырь всё же он,
270. Богатырь всё же он, Никита-то свет Романович,
Он приехал-то скоро всё скорым гонцом.
Как приезжает он ведь скоро всё на царской двор,
А и он привезал добра коня к столбу же ко стоячему,
Ко кольцу же тут везал да к золочёному,
275. Он насыпал тут пшеницы-то белояровой,
Сам налил ему же тут воды медовою.
Как прошол он во полаты тут во царские.
Во ту пору, во время хотел садитьце государь-от царь
Иван-то свет Васильевич,
Он хотел-то всё садитьце пить ведь, кушать, пообедати;
280. Он увидел-то тогда да зрадовáлсе же,
Человал его тогда в уста сахарные,
И пошло-то у йих тогда зрадовáньицо.
Как ведь отдал ему Никита-то свет Романович,
Отдал много ведь ему же золотой казны,
285. Получил-то он, привёз ему дани-пошлины;
Возблагодарил ему тогда да всё же царь его,
Ише царь его государь его Иван Васильевич.
Пировали-то, столовали трби сутоцьки.
Вознаградил его тогда да всё же Грозной царь,
290. Ишше Грозной царь его Иван Васильевич,
Выдал много ему тут золотой казны,
Выдал много тут ему же чиста сёребра.
Роспростилсе с ним Никита свет Романович,
Он пошол, пошол тогда да всё на царской двор,
295. И он брал и брал ведь скоро вот добра коня,
И он садилсе тут же скоро-то на добра коня,
И он поехал-то (в) своё село славно Преображенское,
И во свой же он поехал высокой терем-от;
Отдохнул-то князь тут су пути же, со дорожечки,
300. Проживать-то стал, ведь жить да отдыхать же он.
И вот как тут-то нашой старинушки конец пришол.
Как ведь князю-ту Никиты-то Романовичу
За его ли все подвиги славны богатырския,

За поездочки его за слáвны рыцарьски
 305. Споминать-то про его будут в пропеваньницах,
 Как рассказывать-то будут в рассказаньницах.

№ 107. СТАРИНА ПРО ЕРМАКА ТИМОФЕЕВИЧА И ПРО ПЕРСИДСКУЮ КНЯЖНУ

- А во сибирских странах, в сибирских-то укрáйнах,
 Как среди сибирсково было острова,
 А среди реки-то было быстрóй же той,
 Вот среди-то было всё же,
 5. Она втекала, ета река, да во Волгу она,
 Как при етой-то реки да близ ведь сáмой ей,
 Как на крутому-ту было всё бережочику,
 По россыпцету-ту было тут песоцику,
 На долинушки тут было на зелёною,
 10. Тут стояли ли полаточки дубовые,
 Как во етих во полаточках дубовых-то,
 Как ведь ети-то полаточки дубовые,
 Они обтянуты же были-то рытом бархатом,
 Как у етих-то полаточках было столики точёные,
 15. Вот точёны-ти были столики из тех ли косья из слóнова,
 Они покрыты же были, были скáтертеми пересискима,
 Пересискима воний скатерти, были прошиты и росшиты
 красным золотом,
 Красным золотом они были, чистым сéребром;
 А на етих-то на столичках накладено,
 20. Вот накладено, наложено кушанья тут ведь разные,
 Ведь разные кушанья-ти приготовлены,
 Приготовлены же были, наварёны тут,
 Наварёны-ти как были, все нажарены,
 М-м были водочки медовья заморьския.
 25. Тут чего-цего на столички было не накладено,
 А тут цего-цёго было не приготовлено!
 И за столичками сидели-то дóбры мóлодцы,
 Дóбры мóлодцы сидели, казаки дónские, —
 Во первьых-то сидел да гатаман же сам,
 30. Атаман-от наш ведь да он могучой был,
 А как силушкой-то сильнэй,
 Он ведь всё же как он мудросью мудрóй же был,
 Он ведь силой-то сильнэй, а мудросью мудрóй же был,
 А атаман-от наш был, Ермак-от сын Тимофеевич;
 35. Он сидел, сидел тут да со дружинушкой,
 Со дружиночкой сидел своей со верною,
 Со казаками сидел же он с донскими-ти.
 А казаки-ти сидели, розвеселилисе,
 Розвеселилисе казаки, росштутилисе,
 40. А козаки-то запели песни тут весёлые,
 И они пели, козаки, веселилисе;
 Атаман-от сам сидел же, доброй мóлодец,
 Он не пел сидел, не пел песен весёлых-то,
 И он не пил, не пил сидел всё зеленá вина,

45. Он не пил, не пил сидел же разных водочек,
Разных водочек не пил же он заморьских-то,
Не упивалсе он не сидел да мёдом сладким-то,
И он сидел, сидел ведь всё, сидел-посиживал
За тимá ли всё за столицьками за слонбвыма,
50. За тимá ли за скáтертеми шолкбвыми,
На скамеёцьках сидел он рыта бархата,
И он сидел, сидел, доброй-от мóлодец, поглядывал,
Вот поглядывал же он да всё посматривал,
Он дружиниушку свою, казаков всех, пересматривал.
55. Кóгда казаки-ти дóнски переговорилисe,
А весёлы-ти они песни тут пропелисe,
И они зáчели мез собой да розговор вести,
Розговор они вели тут, розговаривали, —
Хто ведь, хто же где бывал да што чего видал?
60. Ишше хто же где да всё чёго же где ведь всё видал?
Э вот которы-ти казаки старшия гóворили,
Что: «ведь надоть нам объехать ети все края,
Эти все края объехать нам сибирские,
Тогда нужно нам проехать на Волгú-реку,
65. А тогда-то нам проехать и ко городу славному ко
Астрахани,
Напромушлять-то нам ведь надоть рыбы разную,
Рыбы разной напромушлять астраханьскою,
И нам проехать-то оттуль да во синё морё».
И тут казаки-ти удáлы переговорилисe,
70. М-м они мез собой, ребятушка, призамолкнули:
«Мы говорим-шутим, ребята, думай, попусту, —
У нас ведь есть-то ведь на то да атаман ведь наш,
Атаман-от наш ведь есть, славной казак как ведь
дбньской-от,
Он ведь дбньской атаман да всё ведь старшой наш,
75. Ише сам же он у нас да нашо всё ли сонцё красное,
Она та ли у нас луна же поднебесная,
Та ли луна у нас поднебесная,
Как одна у нас надежда есть великая, —
Он сидит у нас сегодне-то здесь за столиками,
80. Вот за столиками сидит же он за убранными,
Призагунул он у нас же, доброй мóлодец.
Уж ты ой еси, атаман да наш казацькой-от,
Уж ты ой еси, дороднй ты доброй мóлодец.
Ише нá имя Ермак сын Тимофеевич,
85. Ише шшо же ты у нас сидишь невесёл-от?
Буйну голову повесил у нас с могучих плеч?
Очи ясны-ти потупил у нас о кирпичной мост?
Ишше што с тобой сегодня так приключилосе?
Што ведь следует тебе, атаман, тебе достанитце,
90. От достанитце тибe же всё, добудитце».
Как тогда же возгóворил атаман же их,
Атаман-то ихной все же был казацькой он,
Как ведь нá имя Ермак сын Тимофеевич:
«Нецегó же я сижу, да сам здоров сижу,
95. Я здоров, ребятушки, сижу и здравой есть,
Но я слушал-то, выслушивал вас, дружиниушка,
А вот тепереце послушайте миня теперь:
Как по завтрошному денёчку-ту дня ведь белого

- Нужно съездить, ребяташки, кому куда, —
100. Во первы́х-то, говорю, да поезжайте вы,
 Поезжайте-тко вы в Астрахань богатую,
 Как во ту ли во Корелу-ту знаменитую,
 Уж вы съездите во Индию богатую,
 А и как во ту ли во Корелу-ту знаменитую,
105. И вы купите-тко ведь там да стрел калёных-то,
 Вы купите-тко-се там да все туги́ луки;
 А как во Астрахань во город вы поедете,
 Там купите-тко ведь там да много пороху,
 Много пороху купите, занесите вы!»
110. Проговорил-то атаман-то всё Ермак сын Тимофеевич.
 Они покушали посидели тогда добры́ мо́лодцы,
 И они скоро, скоро тут да всё же спать легли,
 Вся дружинушка заснула его же верная.
 Тут Ермак-от Тимофеевич призадумалсе,
115. Призадумалсе же он тут, запечалилсе:
 «Как ведь много у меня же дружинушки моей верною,
 Они все у меня тепереце призаснули, спят,
 Мне будить-то их сейчас будто ведь жаль будёт,
 Приросспáлась у меня дружинушка хоробрая, —
120. Я ведь сам-от ведь пойду на караул теперь,
 А на караул пойду себе дожурити,
 За свою теперь пойду да за дружинушку».
 Приделсе тогда да доброй мо́лодець,
 Доброй мо́лодець, донско́й казак,
125. Как Ермак-от сын же Тимофеевич,
 Он оделсе-то, пошел тогда,
 А и вон ходил, ходил да вокруг острова,
 А и тут ночь-то была лунная,
 Ночь ведь лунная была да очунь светлая.
130. Услыхал-то Ермак да Тимофеевич,
 Што ведь вёсла-ти в сруга́х да согрели-то,
 Увидал же: едут лёгки струги-ти,
 А в етих струга́х сидят народу много тут;
 Он смотрял, смотрял во трубоцку в подзорную,
135. Усмотрял, ишо народ разной-от:
 Тут и есть народ турецкой-от,
 Тут и есть народ арабской-от;
 Видит-то, что нечаянно хотят они,
 Вот нечаянно хотят да погубить же их.
140. Тут не лютоё-то зельё розгорелосе,
 А казацько-то ведь серьцо ростреложилось,
 Лепетá в его лица переменялсе,
 Он немного тут же думать стал,
 Он скрычал тогда да громким голосом:
145. «А уж вы ой еси, дружинушка хоробрая,
 Собирайтесь поскорé суда!»
 Услыхала тут дружинушка хоробрая,
 Она скоро тут да пробуждалсе,
 Они — кто как мог скакать тогда:
150. Кто хватал же всё туги́ луки,
 Кто хватал да калёны́ стрелы́,
 Кто хватали и орудие со порохом;
 Побежали скоро-то (о)ни по скорости,
 Разбили всех тут да неприятелей, —

155. А как их много было тут за островом,
 Стояли они все тут на зелёной на долинушки.
 Трѳи сутоцьки с имá билесе,
 Победили тут да неприятелей,
 Все товары тут забрали их, —
160. Э не надоть было ехать казакáм же дѳньским тут
 Не во Астрахань да не во Индию богатую,
 Им всего же тут досталосе.
 Прозимовали зиму по хорошему,
 Не в цѳм Ермак с дружиной не понуждали же,
165. Им припасов было много тут,
 Им орудии-то разной тут досталосе.
 Как Ермак же Тимофевич-от,
 Напромушлял же тут да разных-то зверей да он
сибирских-то,
 Вот сибирских-то зверей да разных всё же он.
170. Отправлено всё было в Астрахань у его;
 Там нашиты были шубы соболиные
 Для себя и для всей его верной дружинишки,
 Были шляпочки пухѳвые,
 Для зимы были бобровые,
175. Некакой одеждой-обувью они да не скучѳли же.
 Тут они же прожили во странáх в сибирских-то,
 Они прожили двенадцать лет,
 Им везде было издáсливо,
 Им везде было да всё наживноѳ.
180. А и в одну пору, в ѳдно времечка
 А пришли-то из-за моря синего
 Как кáрабли пришли да пересийские,
 Кáрабли пришли да со товарами;
 Разбил же йих, разграбил-то Кочум же царь,
185. А Кочум же царь да немилѳслив он, —
 Они ограбили всё какй товары все да со карабликов,
 Всѳго народа на караблях да погубил же он.
 Меж народом была пленница,
 Была пленница воднаá заплонѳна же,
190. Заплонѳна была да красна дѳвица,
 Она племянница была царю же пересийскому;
 Хотели везти девицю-ту
 Ко царю хотели ко тому ли ко царю ко Кочуму-ту.
 А и увидал про ето Ермак же сам, —
195. Он ходил, ходил в лесу да за лисицами,
 За лисицами да за бурнистымá,
 За лисицами за чѳрнымá, —
 Тут не белая-та лебедь кикала,
 Тут ревела, слезно плакала
200. Как девица-то пленница, горячима слезами обливаласе.
 Увидал же тут Ермак-от сам,
 Как Ермак-от сам сын Тимофеевич,
 Он немного розговаривал,
 Он выхватывал тут стоящую лесиночку,
205. А он ведь нáчел тут лесиночкой похаживать,
 А он ведь нáчел-то ей да помахивать, —
 Он прибил-то, разбил да силу разную,
 А и прирубил, не оставил некогѳ в живых же йих,
 Повыручил девицу из неволюшки.

210. Тут ведь брал он красну девицу да за белы руки,
Утирал у ей да горючі слёзы,
Туд девица-то низко кланелась,
Благодарила его гонá да за спасеньицо,
За спасеньицо, за сохраненьицо:
215. «А я не знаю, тебя же, доброй мóлодец,
Как ведь звать тебя по имени,
Звеличать тебя да йиз отечесьва!
За твою ли я за службу таку верную,
За удаль всё же молодецькую,
220. Я могу тебя назвать да рóдным брателком;
Если ты холóст, дак ты возьми в замужество».
Отвечал тогда Ермак да Тимофеевич:
«Уж ты ой еси, девица, бédна пленница,
Ты скажи, скажи, какого есть ты города,
225. Ты какого, скажи, да роду-племени?»
Возговóрила девица тут,
Возговóрила да тут же пленница:
«Я из города пересийского,
Я ведь племянница царю да пересийскому».
230. Возговóрил тогда Ермак же ей,
Отвечал тут Тимофеевич:
«Ты ведь роду знаменитого,
Знаменитого роду, царьского;
Я тебе да не судьба никак,
235. Потому шшо мой род пред вашим низкой есть,
Не по ващому трону царьскому,
Я казак простой, да тебе не быть казацькою.
Теперь пойдём к моим к полаткам к белодубовым,
Отдохни-ко-се ты, девица, от томления,
240. Поешь-попей, покушай-ко!»
Они пошли скорó к полатушкам,
Они пошли скорó к белодубовым;
А он ведь тут он рассказал он дружинушки.
Тут девица-та да посидела и покушала,
245. Скоро, скоро она в приятной сон легла.
Жила она у Ермака же Тимофевица,
Жила в полатках челой месеч тут;
А как через месеч девица со горя-та она же всё
оправилась,
- Вот оправилась, поправилась.
250. А когда они пошли во Персию, да чёрны кáрабли,
Чёрны кáрабли пошли да за товарами,
За товарами за пересейскима,
Тут отправил Ермак да красну девицу
Во своё в родно в отечесьво.
255. А и ушла, ушла тут девица назадъ в свою в слáвну
в Персию,
Росказала про всё тогда,
Всё про всё тогда да рóдну дядюшки,
Тому ли царю всё пересийскому, —
Царь пересийской узнал о том,
260. Пóслал много за спасеньицо Ермаку да золотой казны,
Золотой казны да чиста сéребра,
Но Ермак-от всё отсылал да в каменну Москву.
Сам ведь много делал подвйгов разных он,

- Поездок славных-то вон да богатырьских тут,
 265. Много-много он сделал да всё добрых же дел:
 Не пропустил же неприятелей да в каменную Москву,
 Очищал он всё, не пропускал же их,
 Он очистил все дорожки прямоезжие
 Он морями-ти глубокима,
 270. Он реками-ти ведь быстрыма,
 Он морями и горами-ти, —
 Не один же враг да не зашел при нём,
 Не зашел при нём, да он не мог зайти.
 А как ведь той старинушки конец пришол.
 275. А и Чёрному морюшку на тишину,
 А Москвы-реки на честь, на славушку великую,
 Как всему нашему народу славному совецькому на
 рассказаньице,
 А от них вперед пойдёт на пропеваньице.
*(Эта старина вроде шутосьней. В ней Ермак пропеваётся ко-
 заком, а он, бывает, богатырь был.)*

№ 108. СТАРИНА ПРО ЕРМАКА ТИМОФЕЕВИЧА

- А не два ясного сокола вылетывало,
 А и как ведь два добрых молодца сходимосе,
 Вот сходилисе два-то всё богатыря,
 Два, сказать же, их, да славных русских тут:
 5. А что перьвой-от был богатырь тут —
 А и как ведь тот ли всё Ермак да Тимофеевич,
*(Он ведь так козаком был, а тут чего-то, не знай, пропевают
 богатырем.)*
 А как другой-от был богатырь-от,
 А и как другой-от был богатырь тут —
 А и как Никита-то сын Романович,
 10. Он ведь шурин был Грозного царя Ивана-то
 Васильевича.
 Вот сошлись, сошлись друзья да поздоровались,
 Поздоровались они да познакомились,
 Золотыма-ти крестами покрестовались,
 Золотыма-ти перснями поназванились,
 15. Они сделались братьями тут же верныма,
 Они сделались товарищами нейизменныма.
 А они зиму-ту холóдну зимовали тут,
 Зимовали гоні в краях в сибирских-то,
 Во темных лесах дремучих-то;
 20. А и как стояли у их полаты тут дубовыя,
 Вот дубовыя полаточки наделаны,
 А сукнами-ти заморьскима обтянуты,
 А во тех ли во полаточках были столики да деревянные,
 Были скамеечки дубовые,
 25. Были они обтянуты рытом бархатом,
 На столах стояли кушанья,

- Тут ведь кушанья у йих: да птицы разныя,
Птицы разныя сибирския,
Были рыбы тут ведь разные
30. Из тех ли из озёр сибирских-то.
А как ведь день-от всё богатыри проезживали
Во тех лесах сибирских-то:
Они стреляли, промушляли там куниц-лесиць,
Они куниц-лесиць да чёрных соболей,
35. Черных соболей сибирских тут,
Отправляли все товары в каменну́ Москву.
А как по вечеру по поздому
Проверяли, проезжали они, —
Нет ли где да неприятелей,
40. Неприятелей на светую Русь,
На светую Русь, на каменну́ Москву,
На Казань, Резань, на Киев, славной град же тут?
А ночку тёмную просиживали,
Они просиживали да проговаривали
45. Про дела свои про мудрыя.
А и как когда пришла весна тогда,
Когда потекли да ручеёчки,
Когда побежали бы́стры реченьки,
Тогда богатыри же сильные,
50. Со своей они с дружинишкой,
Они спускали лёкки струти-ти
По рекám тут по сибирским-то,
А и тут ведь ездили-проезживали
По странám по всем сибирским-то,
55. По странám, по городам они;
По морям ходили на чёрнёных они кáраблях,
Э и привозили товары разные,
Товары разны: и товары сла́вны пересийские,
Пересийския товары из Саря-града,
60. А и привозили и товары александрийские
Из Александрии, сла́вна города.
Три-то годика прошло тому,
Эти верныя товаришши,
Два ведь брателка назва́ного,
65. Два-то могучих-то, сильних тут богатыря,
Они пришли, приехали ко единому ко городу,
Вот ко городу к сибирьскому.
В етом городи остановилисе,
В край ведь города во домичку,
70. Вот во домичку да поселилисе,
Они стали в етом домички-то жить же тут,
Они стали проезжать, ездить на добрых конях.
А и как ведь перьвую дружинишку определили всё
Ходить-ездить на струга́х же йим,
75. Проверять же йим да всё моря глубокие,
А другú дружинишку да постанóвили
Проверять же горой йим-то,
Как горою им ездить, лесами-ти:
Там ведь нет ли кого и не подошли ли тут,
80. Не подошли ли тут какй-нибудь неприятели?
Как ведь Ермак-от сын Тимофеевич
Во сибирских странах жил же по таким делам,

- По таким же жил делам, как знал про все дела,
Знал, што скоро ли, не скоро ли нападёт на Русь,
85. Нападёт на Русь ведь царь да всё Кочум на них;
У царя и у Кочума силы много есь,
У его-то мно́ги есь же всё люди сильния,
Подходяши они к богатырям-то силою.
А Никита-то Романович богатырь-эт,
90. Потому-то жил в краях, сказать, в сибирских он, —
Почему же он решалсе жить не в каменной Москвы? —
Со печали, со тоски да он уехал тут.
А и он уехал-то почему, сказать?
Потому же он уехал тут,
95. А и что он тосковал да о судьбе своей,
Не досталась ему невеста по жаланию.
Когда был же Никита Романович на войны́ же он,
Во ту пору-ту всё во то время
Насильнѣ отдали же ей же тут,
100. Насильнѣ отдали в замужесьво,
А и как в замужесьво за князя старого.
Для чего вышла за старого?
Ей хотел же взять молодой же князь,
Молодой же князь ведь царьской-от,
105. Из его же всё дружинушки, —
А ей ведь князь-от всё не нравилсе,
А поетому за старого,
Вот за старого пошла взамуж.
А он со етого уехал всё,
110. А во Сибирь уехал всё же он,
Поступил в дружинушку Ермака же тут,
Ермака же Тимофеевича.
Тут ведь руськия богатыри,
Вместях ездили везде они,
115. Вместях всё же доставали они
Разных зверей, разных птиц же тут.
Как по лету, лету тёплому,
А среди денѣчка, дня же белого,
Тут ведь ездили богатыри
120. Во темных лесах за дичью-ту,
Напромушляли тут куниць-лесиць,
Напромушляли тут да чёрных сбболей,
Привезли же всё они, сдали своей дружинушки,
А сами поехали опять в леса,
125. Ани ведь тут напромушляли птицы разною.
Стало тут уж, братцы, тѣмниться,
Привелось же тут богатырям
Ночевать же во темных лесах;
Они хотели тут шалашик-от,
130. Шалаш всё себе устроить,
Ночевать хотели во темных лесах, —
А вдруг слышали собачей лай.
Тут сказал-то всё Ермак же свет,
А промолвил тут да Тимофевич-от:
135. «Ай ты, мой названой брателко,
Ишше тот ли всё Никита сын Романович!
Недалёко, наверно, тут ведь жильѣ есть, —
А поедем-ко-се, брателко, да во селеньицо.

- Во селеньицо да во дерёвенку».
140. Сели тут же добры молодцы,
Они садились на добрых коней,
Они поехали да во селеньицо,
Во селеньицо вонь да во дерёвенку.
А через несколько поры-времени, —
145. Кони неслись у йих, как птицы перелётные, —
Они увидели в дерёвенки
Огоньки да очунь светлыя,
Подъехали к одному домику, —
Этот домик-от кабак же был.
150. Привезали добрых коней да ко воротам-то,
Ко воротам тут же запертым,
Сами зачели стучатисе, —
В кабаку народу не было,
Потому что время поздно.
155. Открывал же человальник тут,
Спрóсил: «Кто такой в ночью время?
Мой ведь двор не постоялой-от,
Моя фатера не дорожная —
Мой ведь дом-от всё кабак же есть».
160. Тут богатыри да возговóрили,
Таки речи они же всё промолвили:
«Пусти, пусти-ко нас, да человальничёк!
Мы же люди есть дорожные,
Из дружины едем Ермака же Тимофеевича».
165. «А хошь ведь сам не бывал да по сибирским по
городам, сказать.
- Про Ермака-то много я слышал,
Про его дела да всё богатырьские,
Про подвиги славы рыцарски.
Ну, такó, такй гостй приехали, —
170. Я поставлю ваших-то добрых коней
В котором бочки-ти стоят дворе,
Бочки всё стоят с вином они;
Бочки перекадим-ко в один угóл,
Призакроём йих ведь досками».
175. Тут ведь скоро-от человальник-от кабацкой же
Открывал же двери скоро-наскоро,
Запускал-то он богатырей.
Тут богатыри же сильние,
Они сильния, могучия,
180. Они силой своей же богатырьскою
Перекатили скоро бочки-ти с вином они,
Заклали бочки-ти досками же,
Заводили они своих добрых коней,
А дичь ведь всю же тут ведь они отдали да человальнику;
185. А человальник ужახнулсе тут:
«Я таких подарков-от принять да не могу никак,
Потому что мне не заслужить же вам
За такй же за подарки-ти.
Всё равно, хоть я возьму же дичь,
190. Дичь возьму же, птицу разную, —
А котору я завтро вам приготовлю на обед самим,
А другу часть продам схожу».
«Ето дело-то твоё», — сказали тут богатыри.

- Заводил он йих да всё в свойи, сказать, во хаты-ти,
 195. Вот во хаты он йих да во йизбы-ти;
 Они зашли ведь тут да помолились,
 Со хозяиным да поздоровались,
 Тут ведь зачели да роздеватисе, —
 Человальник тут смотрял на них,
 200. Што очунь хороши гости наехали,
 На лице очунь красивые,
 Собой, видно, што очунь приодетые,
 По всему видно, что люди не бедные,
 Можно верить, што йиз дружины они едут да Ермака же
 Тимофевича.
205. Когда гости прирозделисе,
 Сели они тогда на лавочку.
 «Чбого хочите покушати?
 А делать нечего в ночнó время, —
 Чого осподь послал, дак тем я угошшу же вас».
210. Скоро он же тут наносил на стол,
 Наносил на стол, да чбого он йимел:
 У его рыба проста была,
 Проста рыба напромушлённая,
 (У) мужиков в деревни куплена;
215. Он ведь подал тут картошку-ту с капустою,
 Подал им же зеленá вина.
 А и тут поели-то, покушали да дóбры мблодцы,
 Они попили же тут да зеленá вина.
 А и скоро гости спать увалилисе, —
220. Он провёл-то йих в другую тут во комнату,
 А и тут с дорожечки богáтыри
 Утро прóспали же долго тут.
 А человальничёк кабацькой-от
 В етот день не принимал некогó в кабак,
225. Сказал, што: «вино для вас, люди добрые, не приготовлено,
 Как из бочек оно не налито».
 В тот же день некто в кабак не захóдил-то.
 А когда ведь гости пробудилисе,
 Пробудилисе вонй же тут, умылисе,
230. Они умылисе тут да учесалисе.
 Дóкуль спали тут богáтыри,
 Успел человальник продать-то сходить палавину тут ведь
 дици-то,
- Тут ведь дици-то да птицей разных-то,
 А й вон принёс, принёс да денёг много тут,
235. А отдавать же стал да он богáтырям;
 Они не взяли денег всё у его,
 Сказали: «Ето всё твоё, — тебе
 За твоё всё ведь обхожденьицо,
 За хорошóе принятие,
240. За наслег-от твой хорошой-от».
 Тут хозяин стал да угошщать гостей,
 Угошщать-от зацел йих да всё угащивать,
 Нанёс птиц-то йим тут да всё зажаренных,
 Нанёс разных йим же кушаньей.
245. Тут покушали-поели-то,
 Они к вечеру-ту собрались тогда,
 Рассчитались тут они всё да золотой казной;

- Они к вечеру-ту собрались тогда,
Собрались они, оделись,
250. Стали с хозеином прошшатисе,
За труды, за хлопоты заплатили же,
Но он не брал да всё откладывал, —
На столи они оставили,
Сели скоро на добрых коней.
255. Кóгда поехали дорогою,
Ермак стал же тут ведь сказывать:
«Уж ты ой еси, мой названой брат,
Ты, названой брат, да мой ведь верной друг,
Мой ведь верной друг, товаришш неизменной мой,
260. Ты заснул же скоро крепким сном —
Я не спал же, только так лежал.
А кабацькой человальник,
Он ведь тихо со свецькой заходил суда,
Брал посуду из шкапа́ же он;
265. Когда двери отворил он,
Там увидел я ведь девушку:
Сто́йит девушка во комнаты,
Обтират бутылки винные, —
Ето — чудная красавица!
270. Она не дочь ли есть самóму всё кабацькому да человальнику?
А й он сколь ведь есть не мудрой-от. —
Не показал же нам своей любимой дочери!»
А Никита-то Романович возговóрил-то:
«Ты же всё, Ермак, да ведь шуточками шутишь же мне;
275. Есь много девушек во свети же,
Они хороши, только всё не наши же».
А как тут Никита же Романович возговóрил-то:
«Полно, брат, судить про баб сидеть,
Нам не чесь б́удёт молодецькая,
280. Вот не выслуга б́удёт богатырьская,
А не славушка, чесь вели́ка сла́вна рыцарьска, —
Нам ведь нужно подумать о делах всё богатырьских-то,
О подв́игах славных рыцарьских».
Они поехали да во темны́ леса,
285. А из темны́х лесов они вы́ехали да в зелены́ луга,
А и как дорожкой-то, пугём стали розговаривать:
«А и как про баб и про девок судить сечас неч́его,
А и не женитьце мы сечас да всё задумали —
А и как нам нужно-то всё же вот поездити.
290. А и как за девками гонятьце-то тут ведь неч́его,
А и уверятьце-то в них, ведь сказать, дело опасно́е:
А они хороши-ти, хороши — всё не наши же!
У меня была одна же всё подобрана,
А и вот подобрана была всё, подговорённая,
295. Как вели́ка была-то у нас клятва положена, —
А и не удержала тут ведь клятва тут великая!
А и она кленулась и божиласе,
Что будет верная,
А и будет верная же, неизменная,
300. А и до гробу-ту она принадлежать же мне, —
А и вот покинула миня она, побросила.
А и долго я-то ведь желел да много плакал тут,
А много здоровица сво́его тут оставил-то;

- А и вот с тоски ведь с той ведь я же, со досады-то,
 305. А и вот хотел убитьсе-то о камешок о Латырь-от,
 А и утопиться я хотел да во Москвы-реки.
 А и как я раздумалсе своим же умом-разумом,
 А и шшо не чесь-то ведь будет мне молодецкая,
 А и вот не выслуга же бѹдет тут богатырьская,
 310. А не похвальба-то славна бѹдет тут ведь рыцарьская, —
 А я покинул-то, побросил свои страны и свои горы,
 А и тут оставил я свою славу каменну Москву,
 А и позабросил я Резань же, славной город свой,
 Резань-ту, город свой, сказать, я всё Казань-город,
 315. А и приоставил я да славной Киев-град.
 А и не советую тебе же, брат названой мой,
 А и не давайсе ты в омман да красной девушкам,
 Не прельщайсе на красоту ихну девичью!»
 А и приадумалсе сидел тут доброй молодец,
 320. Доброй молодец, богатырь сильней, могучей-от,
 Ишше тот ли Ермак сын Тимофеевич.
 А и тут ведь ехали, — не два же ясных сокола летело же,
 Не два кречета вылетывало, —
 Тут ведь ехали богатыри:
 325. Первой-от богатырь Ермак же был,
 Вот Ермак сын Тимофеевич,
 А другой-от всё богатырь был
 А ишше Никита-то, Никита Романович.
 А они не поехали к своим полаткам да белодубовым,
 330. Ко полаточкам своим да белодубовым,
 Которы были укрыты рытом бархатом,
 Призавещаны коврами пересийскими, —
 А и как поехали богатыри,
 Они поехали лесоцьками темными-ти,
 335. Вот темными-ти лесоцьками сибирскими,
 А и настрелели тут богатыри
 Они тут-то разных птиц сибирских-то,
 Промушляли тут богатыри
 Они разных-то зверей сибирских-то:
 340. Упромушляли тут леиць-куниць,
 Упромушляли чёрных соболей сибирских-то, —
 А и не увезти было им да на добрых конях,
 На добрых конях богатырьских-то.
 Тут названые-ти братья
 345. Таковы речи возговорили,
 Возговори-то тут Ермак Тимофеевич:
 «Уж ты ой еси, названой брат,
 Названой брат да мой Никита-то,
 Вот Никита сын Романович,
 350. А ты послушай-ко моего да наказаньца,
 А и наказаньца, да послушай моих же всё речей,
 Которы я тебе сказать хочу:
 А во первых послушай наказаньца,
 Исполни те дела, которых я хочу, —
 355. А и поезжай ты ко реки да ко сибирскою,
 Ко тем лесам ко речным же тут,
 Ко лугам же ко зелёным-то,
 А впереди всего проездь же сам
 Ко нашему да богатырьскому же жированьцу,

360. Ко полатному да домовищу-ту,
 А и ты прикажи-ко-се дружиниушки нашей хороброу,
 Што(б) приехала дружиниушка да скорé сюда.
 Когда дружиниушка приедёт, поспешитсе-то,
 Заберёт всех ведь зверей-птиць она,
365. Повезут пускай ко своёму жированьицу,
 А завтра пусть отправят в каменну́ Москву,
 А и как оттуль розвозят на разны́ гóроды.
 Я тогда же сам поеду-то,
 Я поеду всё тимá лесами всё сибирьскими,
370. Как тимá же всё долинами,
 Пробью, протопшú дорожку прямоезжую,
 К тебе же я приеду-то, —
 Дожидай меня, назвáной брат!»
 А как немного-то Никита же Романович,
375. Он немного отговаривалсе,
 Он йисполнял его же приказаньицо,
 Приказаньицо йисполнял его же, повеленьице.
 А тут скоро-на́скоро поехал-то богáтырь наш,
 Вот богáтырь наш, Никита сын Романович;
380. Он поехал, как будто полетел ясной-от соко́личок,
 А его конь-то статной богатырьской-от
 Полетел, побежал -стрелой да он калёною.
 Скоро-на́скоро переехал он,
 Переехал все темны́ леса дремучие,
385. Он наехал на дорожочку проезжую,
 По дорожки скорó поехал же,
 А и скоро-на́скоро приехал он,
 Вот приехал он да во своё же жированьицо,
 А и богатырьско тут пребываньице,
390. Рассказал, передал всё да тут приказано Ермаком же йим.
 Сам, не мешкавши, поехал ко реки́ да ко сибирскою,
 Ко тем лесам разным же тут,
 Ко лугам-то ко зелёным-то.
 А ермакова-то дружиниушка же верная,
395. Она тут же нё ослышалась,
 Скоро-скоро собираласе,
 На добрых коней садиласе;
 Поехали дóбры мóлодцы,
 Вот скорым они скорёшенько.
400. А как ведь скоро они приехали
 Как во те леса всё да во тёмные,
 Вот во тёмные леса же всё сибирские,
 Ко богáтырю тут ко могучему,
 Как ко йихному же управителю,
405. К Ермаку-ту к сыну Тимофевичу.
 А и тут ведь приехали, поклонялисе,
 Поклонилисе, поздоровалисе,
 Тут улбжили-полбжили
 Всех зверей напромушлённых-то,
410. Всех ведь птицей настрелённых-то,
 Они поехали во свойи же тут да во полаточки,
 Э и во полаточки да белодубовы;
 А как Ермак-от Тимофевичь же,
 Он поехал лесами тёмныма,
415. Леса тёмныя да все повырубил,

- А и вот с тоски ведь с той ведь я же, со досады-то,
 305. А и вот хотел убитсе-то о камешок о Латырь-от,
 А и утопиться я хотел да во Москвы-реки,
 А и как я раздумалсе своим же умом-разумом,
 А и шшо не чесь-то ведь будет мне молодецкая,
 А и вот не выслуга же бѹдет тут богатырьская,
 310. А не похвальба-то славна бѹдет тут ведь рыцарьская, —
 А я покинул-то, побросил свои страны и свои города,
 А и тут оставил я свою славно каменну Москву,
 А и позабросил я Резань же, славной город свой,
 Резань-ту, город свой, сказать, я всё Казань-горѹд,
 315. А и приоставил я да славной Киев-град.
 А и не советую тебе же, брат названой мой,
 А и не давайсе ты в омман да красным девушкам,
 Не прельщайсе на красоту ихну девичью!»
 А и приадумалсе сидел тут доброй мѹлодец,
 320. Доброй мѹлодец, богатырь сильней, могучой-от,
 Ишше тот ли Ермак сын Тимофеевич.
 А и тут ведь ехали, — не два же ясных сокола летело же,
 Не два кречета вылѣтывало, —
 Тут ведь ехали богатыри:
 325. Первой-от богатырь Ермак же был,
 Вот Ермак сын Тимофеевич,
 А другой-от всё богатырь был
 А ишше Никита-то, Никита Романович.
 А они не поехали к своим полаткам да белодубовым,
 330. Ко полаточкам своим да белодубовым,
 Которы были укрыты рытом бархатом,
 Призавешаны коврами пересийскими, —
 А и как поехали богатыри,
 Они поехали лесоцьками темными-ти,
 335. Вот темными-ти лесоцьками сибирскими,
 А и настрѣлили тут богатыри
 Они тут-то разных птиц сибирских-то,
 Промушляли тут богатыри
 Они разных-то зверей сибирских-то:
 340. Упромушляли тут лесиць-куниць,
 Упромушляли чѣрных соболей сибирских-то, —
 А и не увезти было йим да на добрых конях,
 На добрых конях богатырьских-то.
 Тут названые-ти братьица
 345. Таковы речи возговѹрили,
 Возговѹрил-то тут Ермак Тимофеевич:
 «Уж ты ой еси, названой брат,
 Названой брат да мой Никита-то,
 Вот Никита сын Романович,
 350. А ты послушай-ко моѹго да наказаньица,
 А и наказаньица, да послушай моих же всё речей,
 Которы я тебе сказать хочу:
 А во первых послушай наказаньица,
 Исполни те дела, которых я хочу, —
 355. А и поезжай ты ко реки да ко сибирскою,
 Ко тем лесам ко речным же тут,
 Ко лугам же ко зелѣным-то,
 А впереди всего проездь же сам
 Ко нашему да богатырьскому же жированьицу,

360. Ко полатному да домовищу-ту,
А и ты прикажи-ко-се дружинушки нашей хороброю,
Што(б) приехала дружинушка да скорé сюда.
Когда дружинушка приедёт, поспешитсе-то,
Заберёт всех ведь звéрей-птиць она,
365. Повезут пускай ко своёму жированьицу,
А завтра пусть отправят в каменну́ Москву,
А и как оттуль розвозят на разны́ гóроды.
Я тогда же сам поеду-то,
Я поеду всё тима́ лесами всё сибирьскими,
370. Как тима́ же всё долинами,
Пробью, протошшу́ дорожку прямоезжую,
К тебе же я приеду-то, —
Дожидай меня, назва́ной брат!»
А как немного-то Никита же Романович,
375. Он немного отговаривалсе,
Он йисполнял его же приказаньицо,
Приказаньицо йисполнял его же, повеленьице.
А тут скоро-на́скоро поехал-то богáтырь наш,
Вот богáтырь наш, Никита сын Романович;
380. Он поехал, как будто полетел ясной-от сокбличок,
А его конь-то статной богатырьской-от
Полетел, побежал-стрелой да он калёною.
Скоро-на́скоро переехал он,
Переехал все темны́ леса дремучие,
385. Он наехал на дорожочку проезжую,
По дорожки скорó поехал же,
А и скоро-на́скоро приехал он,
Вот приехал он да во своё же жированьицо,
А и богатырьско тут пребываньице,
390. Рассказал, передал всё да тут приказано Ермаком же йим.
Сам, не мешкавши, поехал ко реки́ да ко сибирскою,
Ко тем лесам разным же тут,
Ко лугам-то ко зелёным-то.
А ермакова-то дружинушка же верная,
395. Она тут же нё ослышалась,
Скоро-скоро собираласе,
На добрых коней садиласе;
Поехали дóбры мóлодцы,
Вот скорым они скорёшенько.
400. А как ведь скоро они приехали
Как во те леса всё да во тёмные,
Вот во тёмные леса же всё сибирские,
Ко богáтырю тут ко могучему,
Как ко йихному же управителю,
405. К Ермаку-ту к сыну Тимофевичу.
А и тут ведь приехали, поклонялисе,
Поклонилисе, поздоровалисе,
Тут улóжили-полóжили
Всех зверей напромушлénных-то,
410. Всех ведь птицей настрелénных-то,
Они поехали во свои же тут да во полаточки,
Э и во полаточки да белодубовы;
А как Ермак-от Тимофевичь же,
Он поехал лесами тёмныма,
415. Леса тёмныя да все повырубил,

- А все повырубил да повысек же,
 А и утоптал же он дороженьку
 Он своим конём ведь да сильным богатырьским-то,
 Он приехал в леса в речны же всё
420. Ко лесным ко реченькам.
 А когда за́чел рубить леса да у реки же тут,
 А как увидал же он да чудо чудноё,
 Чудо чудноё увидал, диво дивноё:
 А как нашло же силы очунь много тут.
425. А сидит Ермак-от на кони да прироздумалсе:
 «А и с собой нет у меня же трубоцьки подзорною, —
 Э и верно, силушки цислом много есть,
 Ясну соколу не облететь силы́ некак ему,
 Дóбру мо́лодцу не объехать на добром кони́,
430. А Пересчоту богатырю тепере бы не сосчитать её». А Ермак же Тимофеевич,
 Он глазами-ти, очами, очунь зорок был,
 Он увидел тут ведь всё да просмотрял в глаза, —
 Ездит, ездит богатырь на добром кони́,
435. Ездит, ездит, бьёт силушку приходшую, —
 А видит — силушку бьёт дубинушкой.
 Тут не лютоё-то зельё розгорелосе,
 Богатырьскоё-то серьцо ростреложилось,
 Лепетá в его лица перемениласе,
440. Могучи́ плечи́ да шевелилисе.
 А и как ведь немного Ермак розговаривал,
 Он немного, Тимофеевиць, думал-то,
 Он хватал, хватал да тут стоялой дуб,
 Он выдергивал йиз земли его,
445. Он ведь делал себе дубинушку,
 Э и взял дубинушку (в)место ко́пья богатырьского,
 (В)место той ли всё же палици тяжелою,
 Поворачивал добра́ коня,
 Он поехал в силу в гу́стую,
450. Он ведь на́чел тут поезживать,
 На́чел силушку помахивать:
 Во праву́ руку́ махнёт, — валилось улицеми,
 Во леву́ руку́ отмахнёт, — тут валилось переулочками.
 А они ведь билисе-боролисе
455. Со Никитой со Романовичом
 Они неделёчку да по́ры-времени,
 Приубили силу многую,
 Силу многую царя ли всё Кочума-то,
 Вот Кочума-то сибирьского,
460. А и как то не оставили силы царю Кочуму-ту на семена.
 Йхны кони богатырьски утомилисе;
 Сами дóбры мо́лодцы
 Сами тут да ростреложились,
 Йим не йисть хотелось да вот не кушати,
465. Йим хотелось да ту́лько полежать-поспать да отдохнуть
 же им,
 Полежать-поспать же им.
 Тут дóбры мо́лодцы богатыри,
 Они укинули дубинушки
 Как во те леса во тёмные,
470. Они сделали шалашик-от,

- Приуслали там да муравой травы,
 А коней добрых-то спустили поить-покушать муравой травы,
 Им напиток из ручейков-то свежей воды;
 Повалились они да отдохнуть же тут.
475. А пробудились-то добры молодцы богатыри,
 Настреляли дици лесною,
 Наварили тут ведь дици-то, покушали,
 А когда поехали добры молодцы
 Ко своей к дружинишке ко верною, —
480. Ихна дружинишка тут вся была да призадумалась,
 Призадумалась она же, запечалилась,
 А когда увидели, што едут-то богатыри,
 Тут какое-то сделалось весельицо,
 Тут какое-то сделалось радваньицо!
485. Тут пошло у их да пированьицо,
 А веселое сделалось жированьицо.
 А й зачели тут богатыри
 Они исть же тут и кушати,
 А как белую лебедушку стали рушати;
490. А дружинишка ихная хоробрая
 До того она довеселиласе, —
 Заиграли-то тут во струночки да в золочёные,
 Как во те ли в гусли во игромья,
 Во игромые в гусли во весёлыя,
495. Они пели, пропевали-то
 А и как ведь разныя йистории,
 А и как ыстории-ти разные
 Про старинно старо время-та,
 Как ведь жили люди прежняя,
500. Люди прежняя да всё ведь древняя,
 Какы были у их да обхожденьица,
 Какы были у них образованьица;
 Как потом же всё богатыри
 Запели песни-ти весёлыя
505. А и про свои поездки чудные,
 Про подвиги богатырьские,
 Прохваляяли, прославляли тут
 Двух дородних добрых молодцов,
 Двух богатырей-то сильных тут,
510. Двух ведь рыцарей могучих тут:
 Во первых-то Ермака сына Тимофеевича,
 А во других-то всё Никиту-ту Романовича.
 Много-много ети два богатыря
 Добра сделали они для своей руською земелюшки,
515. Много-много раз разбили силушку царя Кочума-то,
 Не пропустили силу-ту кочумову,
 Не пропустили ей да на светую Русь,
 На светую Русь да на каменну Москву,
 Не на Резань же ей, не на Казань же ей,
520. Так сказать, не на Астрахань же ей,
 А вонй всё же прибывали, добры молодцы,
 Два-то брателка названых тут,
 Два названых тут да два крестовых их;
 А и где же помогла ихна дружинишка,
525. Всё дружинишка вся хоробрая, —
 Все взяты были силушкой-то сильные,

- Силой сильныя, храбросью-ту храбрыя,
 А и как в один же в ясной-от денёчик тут
 Вся дружинишка хоробрая,
530. Кто лёжал йиз них на зеленóm лугу,
 Кто сидели же тут в своих да они полаточек,
 Они хто во что да разговор вели,
 Разговор вели да розговаривали,
 А как Ермак-от Тимофевич,
535. Он сидел, сидел в полатки белодубовой,
 На скамеечки сидел да вон дубовой,
 Она обтянута была же рытом бархатом,
 А и как за столичком сидел дубовым-то,
 А и как за скатертью сидел шелковой,
540. Он о стол-то опёрсе, призадумалсе,
 Призадумалсе да всё он смóтрил-то,
 Он смотрел, смотрял на брателка
 На своёго всё названого,
 На Никиту-ту да на Романовича,
545. А и возговóрил он ему да таковую речь,
 А промолвил ему да таковó словó:
 «Уж ты ой еси, мой названой брат,
 Вот названой брат, да всё любимой друг,
 Ты, любимой друг, да мой дорогой товаришш верной-от,
550. Товаришш верной ты есть, неизменной-от!
 Я лежу, лежу да призадумалсе,
 Призадумалсе, сижу я, призамыслилсе:
 У меня ли, у дóбра мблодца,
 Есь ведь думушка треложная,
555. Воздыханьицо моё есть тежелёшенько, —
 Мне-ка хочитце-то съездить тут,
 А мне-ка хочитце съездить во селеньица,
 Во селеньице съездить, во деревенку,
 А и к человальнику кабацькому,
560. Я об ём-то што(-то) вóт соскучилсе.
 Мне-ка хочитце повидать его,
 А во других мне хочитце попить-то зеленá вина, —
 А не зеленá вина да разных водочёк,
 Разных водочёк да мне медовых-то,
565. Хотце-хотце увидать его любиму дочь;
 Я тогда хочу с ней познакомитьце,
 А и вот кагда увижу его же дочь любимую,
 А и познакомитьце хочу я, поздороватьце.
 А й как я не знай что же, брат названой мой,
570. А и я хочу-то вот, как же всё сказать, думаю,
 Хочу же я на ней же у отца же ей, у батюшка,
 посвататьце,
 Как хороша-то вона же, мне пондравитце.
 Уж как ты-то мне, названой брат, не вечной ты,
 Ты сегодня у миня — завтрó, не знаю я,
575. Кúда здумаетсе тебе же погулять кудá:
 Как уедёшь-то, уедешь от меня же всё,
 А у меня-то тогда не с кем думушку подумати,
 Верных мыслицей-то в верности подумать всё.
 А молоды-ти, знаю, девушки — необычныя,
580. Во делах они, в обычьях необрядныя,
 Но только в том будет веселее мне с женой же жить,

- Што вѣдь с ней-то будто от скуки розвеселишьсе-то,
 Розвеселишьсе от скуки, розговоришьсе-то».
 Отвечал тогда ему да князь Никита-то,
 585. Князь Никита-то отвечал да сын Романович:
 «Дак я твоих же дел, вѣдь брателко названого, никак
 не прочь,
 Вот никак оно не прочь, да пусть по твоему,
 Поезжай тогда во ту саму в деревенку,
 Во деревенку поезжай же, в то селеньице,
 590. Ты возьми с собой из ребят кого да йиз дружинишки,
 А я останусь здесь с дружинишкой со верною.
 А тебя, брат названой, не покину я,
 Докуль не женишьсе же, я тебя не оставлю всё».
 Тут вѣдь братьица полбжили таку заповедь,
 595. Что до гроба не оставлять друг друга, не покинывать.
 Как по утру-ту вѣдь было утра ранного,
 По восходу-ту вѣдь было-то сонця красного,
 Тут пробудились-то два сильних, могучих-то богатыря,
 Меж собой-то тут богатыри-ти рець вели,
 600. Вот как рѣчь они вели, тут розговаривали;
 А й как вѣдь и говорили-то тут же братьица,
 Што(б) спровожал-то, провожал-то тут Никита свет Романович,
 Он спровожать-то стал вѣдь брателка названого.
 Собралсе тут доброй мблodeц Ермак-от сын,
 605. Вот Ермак-от сын тут свет Тимофеевич,
 Приумылсе доброй мблodeц, учесалсе тут,
 Он покушал сел, поел да тогда в путь пошол,
 Роспрошшалсе он со братом тут названым-то,
 Роспрошшалсе всё с своей дружиночкой со своей же он
 со верной-то.
610. Вот поехал-то он же по дорожочки,
 С йим поехали дружиночка хоробрая,
 И они, — до селенья ехать было не близко же, —
 Они ехали до селенья трби сутоцьки.
 Вот приехали во ту саму в деревенку,
 615. Подъехали они же к дому-ту кабацькому,
 Как к тому ли всё они к кабацькому целовальнику;
 Целовальник-от кабацькой йих вѣдь стретил тут,
 Они посидели у его, гости, покушали,
 Они попили у его тут зеленá вина,
 620. Зеленá вина вѣдь попили, разных водочёк,
 И тут-от купил Ермак много-то зеленá вина,
 От купил-то он вѣдь разных сладких-то разных водочёк.
 А сам же он да не поехал-то,
 Не поехал-то Ермак да приосталсе тут,
 625. Росчиталсе он целовальницьку кабацькому,
 Росчиталсе-то он вѣдь тут взял золотой казной,
 И он вѣдь заплатил всё целовальнику.
 Человальничек не признал да Ермака же тут,
 Не узнал он Ермака тут Тимофеевича,
 630. Он подумал, што вѣдь хто ли есь из его дружинишки,
 Из дружиночки его и кто есь из хороброу.
 А и как тогда ему Ермак говбрил-то,
 А и как тогда же возговбрил Ермак же Тимофеевич-от:
 «Уж ты ой еси, целовальничек кабацькой-от,
 635. Разреши меня, да чего я прошу,

- О чём я прошу да чёго я хочю:
 Я спрошу, спрошу тебя же всё, —
 Не дозволишь ли чёго да мне-ка, я скажу,
 Вот не можно ли у тибя-то мне остановитисе,
 640. Остановитисе мне да пофатéровать?»
 Возговорил тут да человальничек:
 «Уж ты ой еси, дороднёй доброй мóлодец,
 Уж ты, не знай я, откуда ты приехал к нам,
 По каким делам приехал же!
645. Кабы знал, шшо есть из Ермака же из дружинушки,
 Пригласил тибя бы с цести, с радости,
 Со великого тибя да удовольствия.
 А ежели ты да как злодей какой,
 Как злодей какой сбеглóй, сбеглóй какой ли есть,
 650. А скрытной-от злодей какой скрываишьсе?»
 Усмехнулсе тут Ермак же свет,
 Улыбнулсе сын да Тимофеевич:
 «Я не вру, не вру, да говорю же сушшу правду-ту,
 Сушшу правду-ту да всю же верность-ту,
655. Что я чёсной человек да самой лучшей есть,
 Самой лучшей есть для вас для всех, скажу;
 А я ведь силой не могу же взять твою, сказать, фатерушку,
 А ето всё от твоёго есть желания:
 Если хочеш ты, пусти миня,
660. Не желашь, дак откажи меня».
 А тут говóрил человальничок кабацькой-от:
 «А ну, дак делать нецёго,
 Такой хорошей человек, дак не такой враг в лесах
 скрываеешьсе!
- Тогда стой у мне да на фатерушке,
 665. Живи у миня, да сколько надобно, —
 Пойдём, я покажу да тебе комнату,
 А вот живи же в ней и знай её.
 Сечас хочеш ли ты кушать или нет еше?»
 А Ермак ответил Тимофеевич тут:
670. «Я сечас не буду кушати,
 Я хочу сечас да отдохнуть же всё».
 «Отдыхай, вот тут есть кровать у мя,
 Как кровать да со периною.
 Я пойду теперь да по делам своим,
675. А й отпускать вина, да и кому надобно,
 Кому надобно вонó, да хто придёт ко мне,
 А инья люди придут ко мне всё в кабак.
 Если надобно-то что тебе, понадобитсяце,
 Ты стучи вот — на же! — всё во стеночку,
680. Я ведь дам тебе на то да молоточик вот, —
 Когда застучишь-то ты во стеночку, услышу я,
 Я приду, приду к тибе тогда, узнаю всё».
 Ушол, ушол ведь тут же кабацькой человальничёк,
 А Ермак-от повалилсе тут на кроваточку,
685. Долго думал-то думы свои разныя.
 Думы разные-ти думал, разны мыслици.
 Э и тут подумал доброй мóлодец,
 Доброй мóлодец подумал, Ермак сын Тимофеевич:
 «Уж очунь-то есь да лукавой-от,
690. Вот лукавой есь человальничёк кабацькой-от,

- Больша́ уж его да тут ведь хитрось есть!
 Ишшо вправду у его нет молодой жоны́
 И, наверно, у его нет родной дочери, —
 Эта девушка была, наверно, какá чужа же всё.
695. Неужели у его такá есь молода жена?
 Даκ скрывает про жону же, мне не сказыват».
 А в таких думах-то, во мыслях тут заснул же он,
 Призаснул-то скоро он же, пуще спал же тут,
 А пробудилсе-то — ведь тёмно у его в комнаты,
700. И он роздумалсе своим тогда умом-разумом:
 «Уж, наверно, теперь среди-то ночки, время поздного;
 Уж не стану я стучатьце вот хозяину,
 Тут просплю, просплю ведь я до ўтра ранному,
 До восходу-ту просплю я сонця красного».
705. И вдруг уо двери в его тут застучело-то.
 «И тут хто такой у дверей моих стучитце-то?
 Кóму нужно до меня, да чéго надобно?»
 Отвечало-то у дверей-то скоро голосом:
 «Ето я пришол, ведь сам да всё хозяин-от;
710. Всех отпустил из кабака гостей, не примаю я, —
 Вецёр кончилсе, тепереце десятой час.
 Ты пойдём-ко-се со мной, пойдём поўжнаем,
 Если чéго хочёшь, я тебе согрею ведь.
 А велел-то ведь Настя настилать же стол,
715. Настилать-то стол да ўжну ставити».
 Возговóрил тут Ермак же Тимофеевич:
 «Уж ты ведь ой еси, ведь мой хозяин милой есть,
 Ты ведь друг-то мой, товаришш есть, знакомой есть!
 Ты открой, открой-ко мне да правду сушщую,
720. Я хочу, хочу теперь да всё спросить тебя:
 Это хто такой ведь Настя, хто тебе зла?
 Она жена ли всё твоя или родна́ сестра,
 Как родна́ сестра или прислуга-та,
 Вот прислуга-та она, служанка верная?»
725. Помолчал-то тут ведь всё кабацькой целовальничёк,
 Возговорил же он тогда да таковы слова,
 Таковы же он слова да таковы речи:
 «У миня жоны давно же, ска́жу, нет же нет,
 Она, — двадцать лет как нет ей живой у миня;
730. А сёстры ведь у миня, даκ далеко они,
 При свой-то они живут да страны киевской.
 Это есть у мне не прислуга, не кухарка же,
 Она моя-то всё же ведь же дочь любимая».
 И тут посидели с йим, поговорили,
735. И пошли, пошли же скоро они ўжнати;
 Когда пришли, прошли они же в ету комнату,
 Вот на столи же всё накладено,
 Вот накладено на столи всё, приготовлено.
 Хозяин сбегал-то, скоро нанёс разных водочёк,
740. Сели, сели, ведь и сели же тут и кушати.
 Его дочь за перегородкой-то ведь там и моёт-то,
 Она моёт-то стаканы и бутылки-ти,
 Штобы к утрию они были готовые.
 «Я ведь сел-то есть, ведь йисть-тò, ведь мне (не) естце тут,
745. Жалко стало, што ведь Настя-та не кушает», —

И подумал, што у пьяных у отцов дочери не у всех
бывают сытые.

- М-м как когда сказал он всё человальничку:
«Отчего же у тибя дочка не ўжнает?
Она с нами-ти (не) сидит же всё не кушает?»
750. Возговóрил же вот ее же вотець-батушко:
«А и потому вона не сидит с нами, не кушает, —
У ней много есть дела, много работушки,
Она покушает одна, да после нас же всё.
А и как ведь наша-то ўжна продолжаласе,
755. Вот немалоё прошло тут пóры-времени,
Мы поўжнаем, потом поговорим же».
Кóгда дочка-та его работушку прикончила,
Й она тогда-то ведь убóрала же все же кушанья,
Сама ведь села же гонá да всё покушала.
760. «А не только-то готець да говорил со мной,
Сколько, сколько всёго он мне рассказывал, —
Из его ли всё из слов да из речей же тут
Много-много можно было тут послушати,
Написать бы можно было скороу грамотку».
765. Но Ермак-от Тимофевич, он не слушал тут,
Он не слушал тут никак же, не внимал же он,
А все смотрял ,смотрял да дочь его роднóу его.
Пушше, пушше ведь он же тут треложилсе,
Его трелога тут была очунь треложная,
770. Воздыханьцо его было тежелёшенько:
Как бы, как бы ету девушку забрать с собой?
Вот забрать-то ей с собой да увезти к себе,
Увезти к себе во свои ли во полаточки дубовые,
Во свои ли вот во станы слáвны богатырьския?
775. Как ведь, как ведь тут умóдритсе увезти же ей?
Если вправду тут сказать, дак ужахнетце он,
А неправду сказать — да (не) гораз того,
Не гораз-то я того, живу же правдою».
А тут ведь и дочка-то его же всё любимая,
780. Она ушла, ушла в другую скороу комнату.
Как Ермаку с отцом ведь больше не сиделосе,
Тут ведь стал-то, стал Ермак да роспрошшатисе;
Роспростилсе он тогда же со хозяином
И вот ушол, ушол же в свою комнату.
785. «Как не скоро же у етого,
Вот не скоро же у етого кречета
Ведь птицю из рук повыдернёшь,
Не знай, на каки́ же мне на мудрости подыну́тисе,
Кабы с девкой-ту ведь скоро бы познакомитьце, —
790. Так одна-ка-та попадетсе всё девица-та,
Вот у каждой у девици ум же, разум свой же есть:
И бываюу же девици очунь слабыя,
Очунь слабыя воны́ — йих хошь куда веди,
Хошь куда же йих веди, они туда йидут;
795. И бываюу же девици очунь мудрыя,
Их нескоро-то с нимá ишше познакомишьсе.
Так из которой тут природы Настя есть она?
Но уж утро-то мудрэ бывает вечера,
Белой-от день-от тут придет, да мóдра речь будет, —
800. Тогда што-то будет, што же мне откroitце,

Оно счастье моё ли, оно к гибели?»

Тут заснул, заснул ведь скоро богатырьским сном,

Богатырьским он ведь сном да очунь крепким тут.

Пробудилсе гон, ведь всё же видит пред собой да тут же
белой день,

805. Так ставал тогда дородней доброй мóлодец,
Ишше на имя ставал Ермак сын Тимофеевич,
Умывалсе он ведь скоро тут свежой водой,
Утирал лицо же белым полотенцем-то,
Учесал-то гон свойи же кудри черныя,
810. Одевалсе он во платицо во богатырьское,
Вот пошел, пошел же он тогда во комнату
С человальничком с хозяином поздороватьце;
А хозяин-от его да постречалсе с ним,
Постречалсе с ним ведь он да во дверях своих,
815. Постречалсе он же с ним вот, поздоровалсе,
Извинятьсе стал хозяин перед гостём тут:
«Уж ты гой еси же, мой же гось приезжой-от,
Вот приезжой гось да всё недавные,
Извиняюсь пред тобой да я тебе скажу:
820. Я тепере уезжаю в другу деревенку,
В другую я деревенку к родни к своей,
Как моей жоны была же ето родна сестра, —
Дак у йих-то ведь сегодня есть пированьицо.
А в кабаку здесь оставаютсе взамен меня,
825. Вот взамен меня оставайтсе человек другой,
Целовек-от всё другой, да мой любой сусед,
Да ишше же с ним оставайтсе родная дочь,
Вот родна она дочь, да доць ведь Настя-та;
А й как с имá же ведь тебе, я думаю, не скучно жить,
830. А я ведь к вечеру вернусь скоро и сам домой».
И тут уехал человальник скоро-наскоро,
А Ермак, когда пришел да он во комнату,
А ему стол-от был ведь да приготовлен тут,
Приготовлен был же столичёк, установлен тут,
835. А на столички же были разны кушанья,
Разны кушанья стояли тут сахарные,
Тут нажарены, приготовлены птицы разные,
Птицы разные-ти тут же, рыбы разные,
И тут ведь водочки стояли разны сладкие,
840. Разны сладкия стояли всё медовые,
Тут стояло-то всё же зеленó вино;
Тут ведь стретила его же дочь кабацкого,
Она встретила его, с йим поздоровалась,
И она усадила-то гостя пить же, йисть-кушати:
845. «И от как сиди покушай-поешь, доброй мóлодец,
А мне-ка нужно же всё же по делам йитти,
Нужно мне усмотрять, как наливать же зеленó вино,
Наливать-то нужно, занести в кабак туда,
Продавать-то ведь как будет, отца которой
850. Как которой взялсе всё его дела вести;
А и тогда, тогда приду да всё вернусь суда».
Как Ермак-от ведь тогда да возговóрил ей,
Как Тимофевич-от говóрил такую речь:
«Уж ты гой еси, Настасья дочь Сияновна,
855. Не треложьсе ты об етой об работушки.

- Оставайсе-ко сечас при своей работушки,
Управляй-ко-се делами ты по комнатам, —
Я пойду, пойду помогу да приготовлю всё».
- Тут пошел, пошел Ермак же Тимофеевич,
860. Он помог, помог налить там зеленá вина,
Наготовили ведь, налили бутылки тут, —
На неделю хватит пить зеленá вина.
Когда пришел в комнату Ермак же тут,
Он ведь Настя-то тогда да говорить же стал:
865. «Ты послушай-ко миня, да красна дéвица,
Ты садись-ко-се на ту ли лавочку на дубовую,
Под окошечко садись-ко под косисцето,
Под стеколышко садись-ко под заморьскоё,
Заведём-ко мы с тобой да всё беседушку,
870. Вот беседушку заведём весёлую.
Я хочу же вот с тобой, доброй мóлодец, познакóмитьца!
Что не вечно-то быть всего же нам знакомыми,
На путях у нас, где в дорожечкам повидаемсе,
Чтобы стреты-ти ведь наши были не потерены,
875. Чтобы знакомство нашо было не забытоё.
Уж ты хочешь ли со мной да познакóмитьце,
И ты желашь ли всё со мной да всё знакомой быть?»
Тут ведь Настя-та сидела призадумалась,
Призадумалась сидела, запечалилась,
880. Нечего гонá ему не говорила;
А й она, наконец-то, Настя, возговóрила;
«Познакóмитьце-то дело небольшое есть;
Не со знакомыма знакомитьце
Дело-то есь очунь опасноё:
885. Они сегодне-то всё как здесе есть,
А не через долго пору-время-то
Они уйдут, уедут, будто век да не бывали же,
Будто вечно же не живали-то».
- «А я за других-то отвечать да не могу никак,
890. За себя-то я заверить всегда могу себя;
Я... ежели ты не веришь всё речам мойим, —
А и как во наших во книгах всё записано,
Всё записано, печатями всё есть да запечатано,
Что неправды у нас негдé же нет,
895. Всё же были у нас да правда сушшая.
А если ты-то мне не веришь же,
А й посмотри-ко на меня же всё сюда,
Тóгда всё же узнашь, да кто же я же есь,
Хто же я есь, да кто же сам же я».
900. Вынимал скорó Ермак же тут,
Вынимал же сын Тимофеевич,
Подад карточку же, свой патрет;
Прочитала тут ведь Настя всё,
Поглядела гонá на патрет, вздохнула-то,
905. Подала его обратно тут,
Возговóрила гонá да таковы слова,
Таковы слова да таковы речи:
«Уж ты ой еси, богáтырь всё пресильнэй есь,
А и как ты рыцарь-от могучой есь,
910. Тибя силушкой-то нет да всё сильнэ негдé,
Тéбя мудросью-то нет да всё мудрэ негдé, —

- А уж как ведь я тебе да не статья в делах,
 А и где станёшь со мной да всё знакомитьце,
 Со дочерью да всё кабацкого да целовальника?
 915. Ты найдёшь, найдёшь девиць да против сибя же всё,
 Против сибя по своему по мудрому ученицу,
 По рыцарьскому-ту найдёшь образованьцу!»
 Тут Ермак-от возговóрил ей:
 «Уж ты, Настя, душа Настенька,
 920. Ты, моя же сизая голубушка,
 Не томи меня же разныма-ти муками.
 Согласись со мной да во совет же мой!
 Я теперече тебе скажу:
 Ишше с перьвого свиданьца по уму пришла,
 925. По уму пришла, по моёму всё по разуму,
 А стал желать тибя, скорбеть же я,
 Без тибя-то жить не могу я больше на белом свету!
 Спать-то легу я, да не могу заснуть.
 Если ты не дашь да мне же счастьяца,
 930. Не наделишь таланью-учесью,
 При твоих глазах решу же жись!»
 Тут ужаснуласе Настя, йиспугаласе,
 Горючима-ти слезами заливаласе,
 Во слезах она да слово молвила,
 935. Слово молвила да речь говóрила:
 «Уж ты ой еси, дороднёй доброй мóлодец,
 Ишше руськой-от могучой всё богатырь есть,
 Тебе не честь-то будет молодецкая,
 Не заслуга будет богатырская,
 940. Посмеханьце будет славным рыцарям,
 Поруганьце твоей дружинушки хороброю, —
 Из-за такой пустяшшой вешши-то,
 Из(за) деревеньской прóстой девушки,
 А богатырь-от со ума сойдёт!
 945. А если вправду говоришь, да не в омман введёшь,
 Говори тогда моёму отцу-батюшку;
 Если батюшко, отец же мой,
 Он ведь даст-то мне да всё согласие,
 А присоветуёт взамуж йитти, —
 950. Я тогда же со желанием».
 «Что ты, Настя, что ты, милая,
 Что, подруга всей жизни моей ты же есть,
 Хочешь сделать ты же шуточку немалую,
 Как насмешочку великою!
 955. Не говори об етом отцу-батюшку:
 Народ старой очунь аккуратной есть,
 Оккуратной, люди мудрыя,
 Разобьют-то все же наши тайности;
 У тибя же он да не поверит в том,
 960. Не поверит в том, что я же — Ермак сам же здесь.
 А во вторых прошу, не говори же ты,
 Что(б) не знали некто из народу, да из людей же здесь».
 А тут же всё же Настя никак не сдаваласе,
 Не сдавалася, отговаривалася;
 965. Тут же стал Ермак перед ней да на колени-ти,
 Стал же, стал же тут Ермак просить её:
 «Долго, Настя, мне-ка жить да всё никак нельзя,

- Завтро я от вас уеду-то.
 Если всё у нас есь по старому во полатушках,
 970. По досельнему-ту есь да во порядочках,
 Через два денёцка поры-времени
 Я суда же сам да не приеду-то,
 За тобой пошлю кого-нибудь да йиз дружинушки, —
 Сам я буду ждать тибя да во темных лесах
975. А со своей же со дружинушкой.
 Я пошлю тебе да скору грамотку,
 Скору грамотку да скорописцету,
 Напишу же я по рыту бархату,
 По рыту бархату я красным золотом;
980. А как тогда всё ты да получай, бери,
 Получай, бери тогда, прочитывай,
 А и от прочитывай тогда да собирайсе ты,
 А и собирайсе-ко да в путь-дорожечку,
 Не откладывай не чеса же, ни минуточки.
985. А и тут ведь сделал Ермак да всё ведь с Настёю,
 А и вони сделали же тут да зарученьице:
 А и скинывал Ермак тогда да Тимофеевич,
 Он снимал с правой ручушки дорогой же тут злачён перстёнъ
 А со драгима он со ставками,
990. Со самоцветныма каменьями,
 Э и со его же всё со клейма его, —
 Первьо-то было в перснѣ написано
 Его имя, его было отечесьво;
 А и вон дарил, дарил же ей, много он дал да золотой казны,
995. А и золотой казны да красна золота.
 А и тут ведь стали считатьце по правам таким,
 А и будто век были они знакомые,
 Как жених же тут с невестою.
 А и как ведь тут они же насиделисе,
1000. А и (о)ни про всё, про всё переговорили,
 А и тут сказал ей Ермак же Тимофеевич:
 «А и нас некто тепере розлучить некак не заможет-то;
 Только нас можот разлучить да смерть да скорая,
 Смерть ведь скорая, могилушка глубокая!»
1005. А говорила-то Настя жениху своёму-ту,
 А тому ли Ермаку она Тимофевичу:
 «А й не открывайсе, мой дорогой жених,
 Дорогой жених да мой ты милый всё,
 Теперь моёму сердцю желанной есть,
1010. Не открывайсе не о чём да всё отцу моёму-ту,
 Вот моёму-ту отцу-ту, да всё же батюшку,
 А чтобъ не знал, не знал да про то отець мой, родитель, рѣдной
 батюшко:
- Если узнает он, дак тут беда же, смотри, сушшая,
 Не поверит, что Ермак же сам же был,
1015. Он на меня же сильнѣ прирозгневайтсе».
 А и возговѣрил тут Ермак же всё:
 «Посмотрю же я теперь же всё,
 Не засплю, буду не пьяной-от, —
 Как приедѣт твой да отець-батюшка,
1020. Он с того ширу, можот быть, он да всё же пьяной-от,
 Всё он пьяной-от, похмѣленной,
 Он ведь, можот быть, да призаснѣт тогда;

- А и мы сберёмсе, моя радость, в путь, в дорожечку,
Увезу я свою пташку перелётную,
1025. А проснетце он, да будто век же нет».
«Нехорошо же так ведь б́удёт сделати:
Кóгда бог судит, да нам же бог велит,
По старинному-ту праву, по досельнему,
Кóгда буду я твоей да всё верной женой,
1030. Тогда подругой твоей верною,
Твоей верною да нейизменною,
Ты тогда будто юммаишишь своёго ютца нареченного,
Как по мне же он тебе отец».
«А только так же ты, моя радость, не соглашаишьсе,
1035. Я пошлю за тобой своёго брателка названого,
А и вот названого пошлю, да всё крестового;
Он приедёт за тобой да с цести, с радости,
Со великого да с удовольствия».
Тут ведь так они да уговорилисе,
1040. Ишше так они да согласилисе.
А как тут пошел Ермак, да доброй мóлодец,
Во свою же он во комнату,
Привалилисе отдохнуть же он.
А Настя-то пошла его,
1045. Вот пошла гонá да ко делам своим,
По делам своим да во кобак пошла
Убирать-то, мыть посуду разную, —
Что приедёт-то когда да отець-батюшко,
Ему, может быть, да не пондравитца,
1050. Не пондравитце, будет он да розгневатисе;
А и как ведь тут же ведь Настя убрала же всё,
Убрала же всё и перемыла-то.
Вдруг приезжает отець-батюшко,
Отець-батюшко, да ей родной отец,
1055. А и он приехал веселёхонёк,
А и он увидел свою же дочь любимую,
Возговóрил ей таки слова,
Таковы слова, таки речи:
«Уж ты ой еси, моя же дочь любимая,
1060. А и ты одна у мя, да одинакая,
А и тебя всё же, моя доченька,
Зовут тебя же, чёстуют
Как на пир пировать да посидеть тибя,
Зовёт тебя же тётушка родимая;
1065. Они пошлют за тобой же, дочь, лошадушку».
Отвечала же доць отцю тогда:
«Уж ты ой еси, отець мой, родитель-батюшко,
Мне не хочитце да на пированьице,
У мне сегодне, отець-батюшка,
1070. Что-то плохо же здоровитце,
У меня болит-то что-то буйна гóлова
И болит к тому сердечушко».
«Девицья болезнь — недолгая,
Дóкуль едёшь, поправишьсе.
1075. Там в пированьице будут люди разныя,
Люди разныя приезжия,
Там ведь будет, доць, гуляньице,
Будут девушки-ти разные,

- Будут дѣбры там и мѡлодцы, —
 1080. Посидишь там во гуляньици». —
 Э не смела дочь тут отказатисе,
 Она стала собиратисе,
 Собиратисе да одеватисе.
 Во ту порочку, во то время
 1085. Во кабак пришли да за вином же всё,
 Ушол кабацькой да отпускатъ вина.
 Она в ту пору, во то время
 К Ермаку сходить успела же,
 С женихом с своим она да распростиласе,
 1090. А вот ведь скоро же она да наредиласе,
 Собралась она, средиласе;
 А Ермаку-ту Тимофевичу,
 Хотелось ему да спроводить её —
 Не посмел же спроводить её:
 1095. «Ежели я же пойду спровожать её,
 Ростреложитце моё же серьцо всё же молодецькоё,
 Некак, некак ведь будёт не удержатисе,
 А готов же вслѣд да за ней ехати, —
 Мне-ка нужно всё да одержатисе».
 1100. Скорѡ Настасья-та Сивельевна уехала.
 А й делать нечего Ермаку же тут, да боле житы же, быть,
 Он одел же своё платьецо дорожное,
 Забрал с собой он зеленá вина,
 Зеленá вина да пива пьяного,
 1105. Набрал с собой же разных водочек,
 Вот отправилсе тут же в путь, в дорожечку,
 Он пришол ю хозяином да распростилсе он,
 Распростилсе, россчиталсе он;
 Посмотрял же тут кабацькой человальничек,
 1110. Возговѡрил он да таковы слова,
 Таковы слова да таковы речи:
 «Уж ты ой еси, дороднѣй доброй мѡлодец,
 Много, много ты давашь да золотой казны, —
 Мне-ка только-то не позволяйтце,
 1115. Я беру же только, сколько надобно».
 А и тут сказал ему Ермак же всё,
 Он сказал ему, сын Тимофеевич:
 «А бери, бери: дарѣно — не украдено!»
 Распростилсе Ермак с ним, да со кабацьким-то,
 1120. Сел он, сел тут да на добра коня,
 Он уехал всё ведь скоро-наскоро,
 Ускакал, как птица перелѣтная.
 А как ведь Настя пробыла же там
 Два денѣчка поры-времени;
 1125. Когда домой она вернуласе,
 Рассказал ей всё отець-батюшко:
 «Послушай-ко, дитя моё ведь милоё,
 Какой ведь етот гось ведь ѣздит всё?
 Он очунь-то, дочь, богатой есть,
 1130. Много дал же мне он красна золота,
 Верно ли, не из дружины Ермака же есть?
 Верно, из его же есть дружинушки!
 Мне-ка все же, доцька, думалось, —
 Я уехал, тебя спокинул-то, —

1135. Думалось, што гось, он, тебя, дитя, не увёз ли он,
Не увлѣк ли он лукасьвом-то, омманамі?
Кабы не из ермаковой, знал, дружинушки,
Не пустил бы я йих тут не единого».
А й доць отцю же тут говóрила:
1140. «А нам какó дело, йиз какой же есть дружины!
Нам за нослѣг-то деньги платют же,
Деньги платют же хорошие,
А для нас будь сам Ермак же всё, —
А нам ведь с йим да не родня-то заводитъ же есть,
1145. Не родня-та заводитъ да нѣ знакомсву быть,
А только «здорово» да «прости» сказать,
Только с имá нам и видитьце».
А как ведь скоро прошло да то же времечка,
Как уехал-то Ермак от них,
1150. Тут ходила Настя-та невеселѣхонька;
Как ведь придут люди-то в кабак же к ним,
Придут стары, придут малые,
Придут молодѣжь да сама главная,
Чего с Настєю не возговóрят-то, —
1155. Она с имá же не говорит некак.
Тут молодѣжи за беду пришло,
За вобиду показалосе:
«С какой поры же ты, Настасья дочь Сивильевна,
Стали гордыя да всё спесивыя?»
1160. Отвечала тут Настасья дочь Сивильевна:
«Не горжусь же я, ребятушка, —
Мне-ка это-то всё да худо можетце,
Худо можетце-то всё мне, нездоровитце».
Как ведь тут-то молодцы-парни поверили;
1165. Докóль отець-от находилсе в кабаку с имá,
Настасья-то Савельевна сготовилась,
Она тюки-ти, мески принаклала тут
Из одежды из своей она, из обуви,
Их в анбар пустой положила,
1170. В котором было наложено солсмы-то,
Как солома-та была да для коровы-то.
Когда пришел же тут да вечер поздой-от,
Тут отець пришел, да ее батюшка,
Он просить дочку да сесть с ним всё покушати;
1175. И тут ведь села с ним ўжнать дочь любимая,
Ишше Настасья тут Савельевна,
Для близуру-ту будто кушала,
А у ей серьцо дивьѣ тут ведь стукало.
Тут покушали-поели отець с дочкою,
1180. Они вышли-то скоро да йиз-за стола же вон,
А ее отець пошел отдыхать лежать;
А Настасья ему же доць говóрила:
«А я останусь, родной батюшко,
Я останусь сидеть да вечеренѣчку,
1185. Я хочу же посидеть, отець,
Я хочу порукодельничать».
«А и работай сиди, доченька любимая!»
Роспростилсе тут отець-батюшко,
Доцька села не сидеть же, не сидеть же вецеренѣчку,
1190. Дочка села сидеть да под окошечком;

- Все же думушки сидела передумала,
 Все же мысли гонá да перемыслила,
 Все же думушки передумала,
 А и жалко было с рóдным батюшкой ей да расставатисе,
 1195. А и тут покатались из глаз-оцей горящй слёзы,
 И она думала такú думушку:
 «Может быть, передумал Ермак Тимофеевич:
 Куды заедут они, в како́ ли во селеньицо,
 В каждом есть во селеньици же, во дерёвенки, —
 1200. Где увидят они девиць, дак тут невесты есть».
- И вдруг ведь стукнуло во стеночку сосновую;
 Тут ужажнулось сердечушко девицьёе.
 Там отець-то за стеной ей возговóрил тут:
 «Ето кто, дочкá, приехал в носьнó времечька?»
 1205. «Ето, батюшко, нехтó к нам не наехал-то,
 Ето мороз-от стучит да так на улочки».
- «Ну дак ладно, дочка, я буду спокойно спать».
- «Я ведь скоро буду, батюшко, спать валитисе».
- А его-то все же доцька-то любимая,
 1210. Приделасе она была в одежды тут,
 Пошла, пушла посмотреть да тут на улочку,
 Посмотрять тут она пошла на свою широкую.
 Увидала: экипаж стоит дорожной-от,
 Запряжено-то в его две, да две стоит лошади;
1215. И увидела: ямщик идёт к ней близёшенько,
 И как подошол-то, с ней же он тут поздоровалсе:
 «Как не ты ли есть девица-та, доць кабацького-то челевальничка?»
 Отвечала ему девиця: «Та и са́ма есть.
 А ты ведь хто, скажи, откуда вот приехал к нам?»
1220. Отвечал-то он ведь тут же красной девицы:
 «Я скажу тебе, деви́ца, всё поведаю:
 Из дружины-то Ермака я Тимофевича,
 Я его-то есть ведь всё да вот любимой друг,
 Я любимой его друг, товарищ верной всё,
1225. Ишше нá имя Никита сын Романович;
 Я ведь послан за тобой же поскорей же всё,
 Собирайсе-ко поскорей, поедём во дорожечку,
 Тебя ждёт-та, дожидает жених любимой твой,
 А тебя ждёт-то, дожидаетса во темных лесах,
1230. Во темных лесах, в степях во сибирских-то».
- А и тут ведь стала Настасья собиратисе;
 Потихоньку-ту собралась она,
 Вышла тихо она да из сеней своих,
 Села, села скоро в экипаж она дорожной тут.
1235. Она згленула раз да на родной же дом,
 А и она спомнила с разлукой рóдна батюшка,
 А протекли у ей по лицу да горячи слезы,
 А тут она заплакала слезами-ти горячими,
 А и как во своём ли она да в уми-разуми
1240. А она всё тогда подумала:
 «Кажной, кажной человек когда бывает-то в несчастии,
 А тогда же кажной человек когда в несчастии,
 Тогда ведь всё поразумее,
 А воротиси оттуда нет никак!»
1245. А понеслись-то кони быстро тут,
 А очень скоро побежали-то,

- Будто птицы перелетные;
Она всё же долго ехала,
Долго ехала да ужахаласе:
1250. «А теперь, наверно, да жись моя девичая всё кончаитса,
А от сибя же есть, всё же есть, —
Скоро смерть приму, не узнает где отець мой, рѳдной батюшка!
А ето, наверно, есть камышнички,
А и вот как камышнички да есть, носни они подорожнички».
1255. А во слезах-то призаснула-то;
Она услышила да разговор же тут,
А кони быстры остановилисе, —
Тут девица ужахнуласе:
«Наверно, здесе и камышнички,
1260. «Здесе йхно жированьице!»
Тут она да призамолкнула;
Вдруг ведь слышит-то, в экипаж же тот
Да заходит человек же к ней,
Он подходит, говорит же всё:
1265. «Здрастуй, здрастуй, моя дорогая да всё жемчужинка,
Здрастуй ты, моя милая голубушка!»
Тогда девица тут признала же,
Признала и узнала же,
Что ведь сам же есть Ермак же тут,
1270. Сам ведь есть же сын да Тимофеевич.
«А и ты, наверно, моя да дорожинушка,
Приозябла-то в дорожечки?»
А и ведь начел ей тут окутывать,
Вот окутывать да ей ухранять же всё:
1275. «Намучилась, наверно, милая, в дорожечки!»
А и приказал тогда же он да скоро коней гнать.
А йихна дружинушка дожидаласе,
А в белодубовых полаточках же всё было унаряжено,
Унаряжено да всё же сряжено,
1280. А и все же столички дубовыя ус(т)ланы-ти,
Вот ус(т)ланы были-ти коврами-ти заморьскими,
А были столички зас(т)ланы-ти
Как тимá ли всё скатертями да ведь шелкѳвыма пересийскими,
На столах-то всё установлено
1285. Было кушаньями разными,
Вот напитками да разноличными,
Как ведь разныма-ти фруктами со сладосью.
Тут дружинушка хоробрая говорила,
А одини одному тут дружинушка говорила:
1290. «А уж как чудо есть да очунь чудноѳ,
Ишше диво есть да очунь дивноѳ!
Ишше как же всё да посмотреть-то нам
А ишше как же у нашего славного все предводителя,
У Ермака-то свет же Тимофеевича,
1295. А какá у его да ёго сужона,
Его сужона да есть ряжана?
Он у нас, смотри, не в чём же не ошибаитце,
А горѳ только той, котора-то его ежели прельстила-то,
А как ведь она же может ли ведь быть ему да молодой женой?»
1300. А можот быть, не из-за плохой из-за девчѳнышки
А управитель наш Ермак да всё с ума сошол,
Он совсем про проездки богатырьские не думает,

- Про рыцарски утечи говорить не стал.
Заворожила его серъцо какá-то всё девчѣнка-та!»
1305. Как одна же половина из дружинушки ругаласе,
А другá же половинушка всё же дивоваласе,
А третья-та ведь дружинушка ведь тут роспевала песни разные:
«Мы для своѣго-то управителя Ермака свет Тимофеевича
Вот пропевали его сечас же в пропеваныици,
1310. Как за его ли всё поездку богатырьскую,
Как за все же за подвѣги слáвны рыцарски».
И как не через долго-то пóры-времени
Да што ведь коньской топ тут же был услышон-от,
Как коньския копыта тут же тóптали,
1315. Как подковы-ти лошадины прозвенели-то;
Возговóрила тут дружинушка:
«Вот едут, едут они, сказать,
Едѣт, едѣт наш же всё наш управитель-от
И богáтырь-от наш могучой-от, Ермак-от свет,
1320. Ермак-от свет ведь едет Тимофевич сам
Как со своим братом назвáным со Никитой со Романовичом!»
Подъехали они к полатам-то белодúбовым,
Кони быстры-ти ведь, скажом, остановилисе,
Тут сошли, сошли, дородни-ти дóбры мóлодцы,
1325. Как ведь богáтыри, сказать же, тут могучия.
И Ермак же Тимофевич снимал из дорожного-то экипажа
красну дѣвицу,
И вот тогда проговóрил своим нежным голосом:
«Вот, дружинушка моя есть верная,
Все ведь верная дружинушка моя, хоробрая,
1330. Вот вы смотрите-тко, ведь всё же я ведь вам скажу,
Вот ведь эта-то девица очунь ченная,
Очунь ченная она да очунь важная;
Если бог-от судит нам да всё живым же быть,
Как она же будет современѣм молодой женой,
1335. Молодой моей женой, семьѣй любой моей».
И тут вскричала вся дружинушка хоробрая:
«И мы желаем-то тебе всё, Ермак наш свет Тимофеевич,
Со твоей с дорогой да со невестою
Долго жить-то вам, ведь с ей счастливо здраствовать!»
1340. «Но, ребятушка, дружинушка моя верна, хоробрая,
Вы ведь теперь у мя-то кушайте кушанья разныя,
Пейте, пейте-тко у мя водочки разныя,
Уж вы пейте, сколько хочите, зеленá вина,
А как во нашей во полатушки беседничать здесе негде всё, —
1345. А теперече ведь эта же полатушка,
Этта будет для моей же всё для сужоной,
Эта ее будет полата для ней всё у нас».
А тут дружинушка принелись да за еду же, йисть,
Они йисть-то сели да стали кушати
1350. И как рáзны водочки же зáчели выпивать тогда;
А Ермак-то всё с Никитой со Романовичом,
Со своей ли он с возлюбленной со невестою,
Они ушли, ушли в полаточку в белодúбову,
А как зашли тут, да будто при доми,
1355. Будто стали-то находитьсе будто при доми.
Прироздел-то тут Ермак да всё со дорожечки невесту-ту,
Он сáдил, сáдил ведь ей на скамеечку рыта бархата,

- На ковёр-от он садил же на заморьской-от,
Тут за кушанья садил же ей за разные,
1360. За напитокочки садил же за медовые;
Сам пошол-то ко дружинушки хороброу,
Поговорил-то с имá о делах же всё о важных-то:
«Ишше есть ли всё, ребята, караул у вас?»
«На караули-то у нас да там же люди есть спроважены,
1365. Не через долго время пойдём туда опять смотрять».
А Никита-та Романович сидел же розговаривал,
Розговаривал сидел да он со Настёю.
Когда зашол, зашол Ермак же Тимофеевич
И он покушал-то, поели они, поужинали,
1370. Как кровать тут ведь свою Ермак Тимофеевич
Он теперь уж он отдал да всё девици-то,
Вот девици-то отдал, да своей невесты-то,
А ведь сам-то он поместилсе со брателком с названным-то,
Со Никитой тут же он да со Романовичом.
1375. А как штобы Настя-то не скучилась,
Ермак начел-то играть да всё на арфы тут,
А Никита-то Романович заиграл тогда,
Заиграл-то вон во гусли во игромья,
Во игромья гусли во весёлыя;
380. Они пели-то, распевали нежными голосочками,
А и как ведь Настя-то сидела прислушалась.
Когда вон и игру прикончили,
И как ведь Настя-то увалилась на кроваточку,
На периночку она же на пуховую,
1385. Под одеялышка под соболиныя,
Когда заснула-то вонá же тут ведь крепким сном,
И как ее-то жених любимой-от,
Ишше тот ли всё Ермак сын Тимофеевич
Призавесил ей ведь он парчеми-ти шелковыми,
1390. Чтобы спала, спала его невеста без трелогушки.
И скоро сами-ти присаснули добры млодцы.
Утром рано встала вся дружинушка;
Как богатырь-от Никита свет Романович,
Он ведь рано тоже (в)стал да сам умылсе он,
1395. Вот умылсе-от, оделсе всё, поехал-то.
А как Ермак сын Тимофеевич,
Приосталсе вон же сам да при полатушках,
Приосталось тут дружинушки хороброу.
Тогда (в)стала-то его невеста, пробудиласе,
1400. И он ведь сам же ей принёс свежой воды,
И ей ведь был таз ведь подан серебряной тут,
Ей ведь были полотенца разныя шолковые;
Когда она же тут умыласе, учесаласе,
Когда надоть было ей же приодетисе,
1405. Ермак ведь и вышел из полаты белолюбовой,
Приказал своей дружинушки хороброу
Отвезти-от товары-ти в каменну Москву,
Привезти отгуль велел да тут разных шелков,
Вот разных-то шелков да гарусов же всё, —
1410. Вот на платьи-ти своей же молодой жоны.
Как дружиночка его же не ослышилась,
Они собралисе скорó тут же, снаредилисе.

- Когда ведь стал-то Ермак сидеть вдвоём с невестою,
Он ведь ей же всё же зачел уговаривать:
1415. «Не тужи-ко-се же, Настя, вот не плачь, душа!
Только одна у меня заботушка на сердечушке, —
Победить только Кочума царя ведь приходящего,
И тогда вся Сибирь штобы избавить от врага же йих,
Выручить народа-то, людей да из неволюшки;
1420. Когда Кочума-то побейду да его повеведу,
А с тобой ли, душа-радось, повенчаюсе,
Я тогда-то ведь тебя свезу же к рódну батюшку,
Перед ним-то всё же я да извинюсь тогда,
И нас простит, простит во том да óтець-батюшко,
1425. Даст-то нам ведь навечно благословленьицо.
Как тогда же мы повеведём во славную, во хвальную в каменну
Москву,
Не оставим твоего же отца-батюшка».
- Тут ведь Настя-та скоро позабыла-то печаль-горюшко,
Хорошо-то было жить в такой ведь жизни ей, —
1430. Цого хотела-то она, да тóго кушала,
А носила-то она же плáтьё разное,
Плáтьё разное носила, чего хотела же, —
И позабыла же она да дóm радной же свой.
А теперь-то всё же скажем про родителя ее, отца-батюшка:
1435. А когда Настя от отца-родителя уехала,
И отец (в)стал у ей, да пробудилсе он,
А и пробудилсе он, да как пошел тогда,
А и он пошел же скоро да всё на улицу,
А на улицу посмотреть, што скоро ли бóдет белой свет;
1440. Увидал, што воротá да не залóжоны,
А и тут подумал: «Што такó в дому?
Куды доченька ушла она?
Почему пошла она да не сказала?»
А он пошел, пошел ыскать же тут,
1445. А и пришол он в комнату, да во избу свою, —
Негу доченьки да не случилось,
Ей ведь нет, не пригодилосе.
Тут ведь затреложилсе ее отец, да рódной батюшко,
Сделал он трелогушку немалую,
1450. Обыскал же всю деревенку, —
Не нашол негдé да рódной дочери;
Обыскал да все деревенки, —
Тут поплакал отец-батюшко,
Он ведь понел, догадалсе тут:
1455. «Ето хто был из ермаковой из дружинушки?
И можот быть, и так сказать,
Под его же имя много Ермаков других найдётся-то!
А не в хорошем тепере моя доченька в делах находитце, —
Многих, многих молодых девчённышков.
1460. Их обясят разныма разговорами,
Их прельстят разныма-ти хитростями,
А над имá-ти, как над мышкой, надтешатце,
Они натешатсе, насмеютсе-то,
Их тогда погубят-то,
1465. Срубят тогда с плечь вёдь буйну голову,
Побросят в чужих краях да без сознаныца,
Побросят в чужих странах да без сознаныца, —

- А ходи-броди бродягою!
 А как моей же доченьки судьба така её, —
 1470. От себя же будёшь век свой да вот страдать в делах». Негдѣ не мог найти он доченьки,
 Погоревал, потосковал же он,
 А й на ее же место взял к себе,
 Взял к себе одну да сиротську доць,
 1475. Он сиротську доць вдовиную.
 А тем же времёнём его любима дочь
 Прожила она да всю же зимушку,
 Не видала некакого горюшка,
 Потому што жила в жизни во лучшую.
 1480. М-м а Ермак-от Тимофеевич,
 Он любил её, лялёл всегда,
 И пропевал ей много он всегда
 Ишше разных-то чудных пропеваньицей,
 А рассказывал ей разны сказки-ти,
 1485. А и сам берѣг-хранил всегда же ей:
 Кóгда пьяная бывала всё дружинушка,
 Не отходил же он вон из полатушки;
 Он тогда только уезжал да по делам, сказать,
 Кóгда был при ней названой брат,
 1490. Вот названой брат, Никита-то Романович.
 А как ведь приводилосе всё девицы той,
 Ише Насти, проживать-то ей,
 Проживать-то ей да челой месяц тут;
 Определил йих ведь тут, людей да из дружинушки,
 1495. Самых верных-то, хороших же,
 Их двенадцать человек да тут оставил он, —
 Сами уехали сильния, могучия богатыри,
 Они* уехали да во богатырьской путь,
 Они уехали в проездах славной рыцарьской,
 1500. Просмотряли все да лёса тёмные,
 А и проглядели дорожки-ти сибирские,
 Просмотряли все степи Сибирские,
 А как они поехали да за Сибирь-реку,
 Переехали в стругах тут да белодубовых,
 1505. Они ведь там станóвили всё белы шатры,
 Как белы шатры белополóтнены,
 Себе устроили, уделали да жированьицо.
 А й они поехали тогда да всё розъезживать,
 А и они стали тут гулять да всё погуливать,
 1510. Богатырьскима утехами да забавлятисе,
 Ишше рыцарьскима забавами забавлятисе.
 А и в одну пору-ту, в одно времечька
 Поехал Никита Романович,
 Он поехал скоро по реке Сибири-то,
 1515. Он наехал на йископоть да лошадиную, —
 Тропой пробита тут дорожка прямоезжая.
 А и вон поехал по той ли по дорожки прямоезжою;
 Когда поехал лесами он же тёмными,
 Увидал он там чудо чудноё,
 1520. Чудо чудноё да диво дивноё:
 Там ведь силушка стойит да очунь многая,
 Очунь многая да вот пришла вонá.
 Он не мог же тут просчитать силы,

- Он не мог силы проверить тут,
 1525. Потому что силы всей да числа-сметы нет.
 Поворачивал скоро он добра коня,
 Вот поехал ко белым шатрам,
 А сказал же всё, поведал тут.
 Когда услышил эти речи-ти
1530. Как Ермак сын Тимофеевич,
 Вот не лютоё-то зельё розгорелосе,
 Богатырьско-то ведь серьцо ростреложилось,
 Лепетá его в лица переменялосе,
 Могущí плечí шевелилосе,
1535. Он одевал скоро на себя же латы богатырьские,
 Одевал же он скоро платьё богатырьскоё,
 А и он сказал тогда всем своим людям, дружинишки:
 «Собирайтесь поскорé, моя дружинишка,
 Вот дружинишка моя же всё хоробрая,
1540. Поедемте в путь-дорожечку!»
 А и тут дружинишка хоробра не ослышилась,
 Она скоро тут, дружинишка, да одевалосе,
 А скорé того садилась на добрых коней,
 Поскакала скоро тут дружинишка;
1545. А и тут не два-то сокола вот полётело,
 Не два-то ведь тут всё жречета вылётывало,
 Два богатыря-то могучих, сильних-то поехало, —
 Мать сыра земля вся же сибирьска колыбалосе,
 Тёмны леса же все сибирски пошаталосе,
1550. Рецьки сибирски... из рек сибирских вода да разливалосе.
 Вот приехали-то скоро-наскоро,
 Будто птицы перелётные,
 Они начели тогда да скорой бой держать.
 А по праву руку ехал-то Ермак же сам,
- † 1555. Ехал сам Ермак сын Тимофеевич,
 На леву руку ехал его названой брат,
 Вот названой брат его ехал, Никита свет Романович,
 А во серёдки-то ведь тут да билосе,
 Вот и билосе-боролисe
1560. Как его дружинишка-та верная;
 А й тут они же билосе-боролисe,
 А и много времени прошло у йих,
 В битвах (с) силой долго (о)ни боролисe,
 Йхны кони богатырьски утомилосе,
1565. Йхны сабли востры затупилосе,
 Йхны кони богатырьски утомилосе, —
 А силы всё же прибавлялосе.
 Не устрашились богатыри сильные,
 Не убоялись йихной силушки,
1570. Они прибили всю же силушку,
 Прирубили всю приходящую.
 А и тут ведь хто куда поехали,
 Отдыхать которы лёгли тут,
 А ины же поехали же ко своим полаткам белодубовым.
1575. А Ермак со братом со названым-то,
 Они поехали в леса в Сибирские,
 Они настреляли птиц-то разных-то,
 Наловили они да зверей разных сибирских-то,
 Чёрных сболой сибирских-то,

1580. Они куницъ-лисицъ сибирских-то;
С такой добычой (о)ни приехали,
А ети товары, вони да привезли когда,
Отправлены были во славну-ту в каменну́, Москву.
А как сами остались при своих полатках бело́дубовых,
1585. А как ведь они, тут у йих пошло да пированьицо,
Вот пошло весёлоё столованьицо,
А и пировали-столовали тут в таком весельици,
Вся дружинушка его хоробря,
Они челую неделечку,
1590. А потом они же всё да покончили,
Добры мблодцы дружинушка хто куда розъехалисе,
А Никита-то Романович,
Он был уехал во те ли степи Сибирские,
А Ермак-от Тимофеевич
1595. Со своей с нареченною с невестою,
Он осталсе только с ней же сам.
Будто слышило его да ретиво́ серы́цб,
Што немного приведётса всё ведь с ней же жить, —
Он ведь ей таковы слова гово́рил-то:
1600. «Уж ты ой еси, друг мой всё любимой мой,
Дорога́ моя красоточка,
Царь-от Кочум, ворог-от,
Он не всю силу зараз да посылает к нам.
Можот быть, хто знаёт и ведаёт...
1605. Кабы знал бы ето я про всё,
Что живой да не останусь я,
То ютправил бы тебя назад к твоёму́ к отцу, к родителю, —
Пушшай бы ты к родителю вернуласе,
Ты была бы без печалюшки,
1610. А жила бы без трелогушки;
Я бы дал тебе же много золотой казны,
Золотой казны да чиста серебра,
Если б жив бы был, да к тебе приехал я,
А жив ведь не был, тогда да ждатель ведь некого.
1615. Как тебе ведь, Настасья, воля вольняя,
Хошь ты дивице́й-то живи, хошь взаму́ж поди,
Ето твоё же всё будёт желаньицо.
На миня же ты, Настасья, не пообидишьсе:
Охранял тебя, да ведь будто всё свою родну́ сестру.
1620. Если судьба с тобой, дак доведёт миня,
А не судьба с тобой, дак розвелёт она.
На чужой, верно, суженой не женишьсе,
А за чужого сужоного не пойдёшь взаму́ж!
А хошь ли ты же, всё моя душа ведь, радость-та,
1625. Как отошло тебя да к отцу, ко родителю?
А лучше было бы ведь мне тогда,
Как осталась ты пождать же здесь, —
Можот быть, драка-то, бой да палась скорая,
Мы ведь драку-ту, битву скоро все прикончили
1630. И пришли бы, пришли во сибирские во гóроды,
А принел бы с тобой да по злату́ венцу.
Тогда поехали бы к твоёму́ к отцу, к батюшку,
Поклонились бы ему да помирились,
Тогда поехали во славну каменну́, Москву,
1635. Тогда стали жить да в каменнóй Москвы».

- Тут Настасьюшка заплакала,
 Вот Севельевна закикала:
 «Уж ты ой еси, Ермак да Тимофеевич,
 Если ты живой да не останишься,
 1640. Мне тогда на что во свети жить?»
 А потом Ермак да придумалсе,
 Стал Настасью утешать же тут,
 Он Севельевну розвеселять же тут,
 Они пошли скорé гулять же тут;
1645. Походилили, погуляли тут
 Во лугах тут во зелёных тут,
 Во травах тут во шолкóвых-то,
 Они радостны вернулисье,
 Они попили-покушали,
1650. (О)ни покушали да скоро спать легли,
 А й они спать легли да призаснули тут.
 А как ко ўтрею по ранному
 А приехал ведь брат его назвáной-от,
 Он сказал Ермаку да Тимофевичу:
1655. А двести человек убил же он,
 Вот убил да йих повырубил;
 Лежали тут же да и скрылисе, —
 Ето люди, видно, всё да они кочумовы.
 А как прошло тому да трóи сутоки,
1660. А и (в)стал Ермак тут Тимофеевич
 Он по утру тут по ранному,
 По восходу сонця красного,
 Он умылсе и приучесалсе же,
 Он одел-то тут ведь латы-ти булатные,
1665. Он ведь одел же плáтьё богатырьское,
 Он ведь возговóрил брателку назвáному,
 Как назвáному брателку, Никиты-то Романовичу:
 «Уж ты ой еси, брат назвáной мой,
 А и как ведь садись-ко-се со мной покушаем,
1670. А ты послушай-ко моёго наказаньица:
 Ты останьсе-ко здесь да при полатушках
 Как при наших-то да при дубовых-то,
 Охраняй-ко ты мою да всё же сужону,
 Всё ведь сужону мою да всё же ряжену.
1675. Если я живой вернусь, дак ты тогда у мя гулять поедёшь-то;
 Если я живой да не вернусь суда,
 Ты же выполни же, брателко мой, да приказаньице,
 Ты йисполни-ко моё да повеленьице:
 А и ты ведь тогда мою невесту-ту,
1680. Как ведь невесту мою да дорогú же всё,
 Отвези тогда да к отцу к ея, к родителю!»
 А как во ту порú, во то время,
 Тут ведь Настя-то да пробуждаласе,
 Вот Севельевна да (о)на ска(к)ала-то,
1685. К Ермаку же подбежала-то,
 За белú его шею обнимала-то,
 Горючимá слезьми да обливаласе:
 «Не ездí, не ездí, Ермак же свет,
 Ты не ездí, Тимофеевич,
1690. Ты послушай-ко моёго наказаньица:
 (М)не сегодня во снях-то страшно виделось,

- Будто из моёго уха правого
Дорога́ серьга-та повыпала,
Пополам она да приломаласе;
1695. Как со право́й со руки у мя
Подареньице ведь твой персте́нь
Со драги́ма-ти со ставками,
Со самоцветныма каменьями, —
Будто все у мя ставочки повыпали,
1700. Они повыпали у мя да приломалисе;
А йиз роту́ у мя с право́й шшоки
Будто верхней зуб повыпал-то,
Нехорошо, некрасиво мне будто без его же жить,
От него же мне-ка бо́льнё сильнё есть!»
1705. Усмехнулсе Ермак да Тимофеевич,
Тут ведь начел Настю он углаживать,
Посадил её да на колени-ти:
«Не тужи же, Настя милая,
Не верь снам же ты носим всегда, —
1710. Уж как ночь пройдёт, да от и сон уйдёт!»
Как богатырь Никита-то Романович,
Роспростилсе он со братом со названым-то,
С Ермаком ли Тимофевичом,
А как поехал в леса да во Сибирские;
1715. Ермак всё сидел с невестою,
(У)вещевал, штобы не плакала, —
Он ведь скоро к ней вернетсе-то.
Роспростилсе Ермак да Тимофеевич
Со своей ли вон с невестою,
1720. На прошшаныици дарил много золотой казны,
Золотой казны да чиста серебра,
Со правой ручушки дарил да золочён персте́нь
Со драги́ма, со дорогима со блестящими каменьями,
Во персю́ было всё написано:
1725. «Кого, кого люблю, того и я дарю».
Роспростилсе тут Ермак да Тимофеевич,
Он садилсе на добра́ коня,
И поехал скоро же он скорым гонцом,
Ишке раз махнул невесты шляпочкой пуховою,
1730. Ему Настя-то махнула тут платочиком, —
Тут рассталисе жених с невестою.
Настя-то пошла в полатку бело́дубову,
И она задумалась же тут да запечалилась,
Запечалилась она, повалилась на постелёшку.
1735. А Ермак-от ведь поехал Тимофеевич, —
А как дружинушка уехала в разны стороны, —
И поехал Ермак Тимофеевич ко быстрой к реке,
Увидал-то он переезды лошадиные,
И он оставил добра́ коня да у того ли всё у дуба-то у стоячего,
1740. И он ведь и тут насыпал-то пшеницы, йисть же дал белояровой,
Сам пошел же он по переходам-то, по перебродам-то,
По мосту он обошел, как ведь и следует,
Он пошел тут дорожкой-то прямоезжою, —
И вдруг rozлетелась в его же стрелоцька калёная,
1745. Его задела немного в шляпочку в пуховую.
Тут ведь кинулсе Ермак да во кусточки, —
Во кустах-то силы множесьво лежало тут;

- И он хватал тогда ведь саблю свою вострую,
 И зачел саблей своей же он похаживать,
 1750. Вот похаживать-то начел, тут помахивать,
 Приубил-то тут ведь силы много сильней он,
 Много сильней приубил силы неверною,
 От того ли всё царя же вот Кочума-то.
 У Ермака-то Тимофевича сабля востра-то затупиласе,
 1775. Каленых-то стрел ведь мало с ним случилось,
 Все ведь стрелочки остались при добром кони,
 При добром кони остались богатырском тут.
 А когда шол-то Ермак Тимофевич он по мосту-ту,
 Три тотарина-то у мосту лежало-то,
 1760. Они сделали-то вред, да вред ведь вредной тут,
 Они повыбрали ведь мост же, весь вывклали, —
 Когда пошел же по мостоцку тут Ермак же сын Тимофеевич,
 Провалилсе етот мост да он совсем в реку,
 Тогда падал Ермак да во быстрю реку,
 1765. Во быстрю реку он падал во сибирскою,
 Его ударило одним да больне деревом,
 Повредило-то ему же буйну голову.
 В ету пору-ту увидали тут татарове,
 Они увидали, што тут плавает Ермак же тут,
 1770. Он плывёт, плывёт, ведь близко стал у берега.
 Не успел же Ермак ведь выйти на бережочик-от,
 На россыпцетой-от выйти на песоцик-от,
 Тут стреляли-то тотарови своимá стрелами вострыма;
 Прилетели ихны стрелоцьки три калёные:
 1775. Пёрва стрелоцька розлетелась к ему в буйну голову,
 Другá стрелоцька розлетелась к ему во правой глаз,
 Третья стрелоцька розлетелась богатырю в ретиво сердце, —
 И тут Ермаку-ту Тимофевичю, братцы, смерть пришла,
 Ище смерть к ему пришла, да тут кончинушка,
 1780. Как пошел у нас Ермак богатырь-от на донышко,
 Вот на донышко пошел он серым камешком.
 А на етих-то на трёх же на тотаринов
 Как наехала дружинушка ермакова тут,
 И прирубили-то, засékли тут татаровей,
 1785. И они поехали ведь дале-то от них же там.
 И много силушки стояло там кочумовой,
 Изрубили-то и прибили всю же силочку кочумову,
 И им пособил наехал Никита-то свет Романович.
 Когда силушку-ту всю они избили тут,
 1790. В силы зачели смотреть, где-ка нет ли тут ихного управителя?
 Нет ли где тут как Ермака же Тимофеевича?
 Всю ведь силушку пересмотрели, переполóскали,
 Во реки-то полоска́ли всё в сибирскою;
 Как один-от всё из раненых неубитой был,
 1795. Он юказал, сказал ведь йим да тут поведал всё,
 Что: «я видел: ваш ведь самой управитель-от,
 Он ведь шол по мосточку по дубовому,
 Мост-от был ведь тут надломлен, надосечен-то,
 И он свалилсе со дубового мостоцику,
 1800. И он упал, упал ведь скоро в реку быстрю,
 И он уж плыл, ведь был-то всё у бережочика,
 Не успел-то ведь выйти на крутой на бережочик-от,
 На россыпцетой-то выйти на желтой выйти на песоцик-от,

Как в него-то троё стрелоцками из Коцюма-то войска-то стрéлили,

1805. И они ведь, видно, шшо застрéлили, погубили,
И он ушол же на реку́: быстрú на доньшко,
Вот на доньшко ушол он серым камешком».
Тут больнёго тотарина они взяли спасли же всё,
Вот омыли его раны-ти кровавые,
1810. Овезали его ведь раны тряпками-ти чистыма,
Розузнали от него, што шол не своей волёй-охвотою,
Што неволили их ведь тут да всё Кочум же царь, —
Тут спустили добра мóлодца на волюшку,
Вот на волюшку спустили его, на слободушку.
1815. А сами скóбили, поехали за шелкóвыми неводочиками,
Они стали во реки да тут ловить же всё:
Первой раз-то они забросили — не выловили,
Другой раз они забросили — не выловили,
Трётей раз они забросили — повыловили.
1820. Кóгда вынесли из воды они на луг же на зелёной тут,
Они долго-то, долго тут отвожáлисе,
Много времени ведь дружиночка хлопотала тут,
Ицегó-то тут не могли они отводитисе, —
Тут слезами вся дружинушка проплакала,
1825. Вся хоробрая ведь тут да простонала,
Простонала-то, проскорбела от печалюшки:
«Кабы знали мы ведь ето, кабы ведали,
Не ушли бы мы отсюда, не уехали,
Не потеряли бы мы да всё своёго бы да старшого,
1830. Своёгó-то мы ведь старшого над нами управителя,
Управителя Ермака мы Тимофеевича,
Как ведь сйльнёго, могучого богатыря!
Про его же всё про дела про славны богатырьския,
Про его ли про подвйги славны еройские
1835. Пропоём же, — говорила тут дружинушка,
Говорила-то его храбрá и верная, —
Пропоём ведь про его мы в пропеваньцах,
Вот расскажем про его везде в рассказаньцах!»
Во сибирских-то городах былó, в деревенках,
1840. Как у кажного ведь было всё у жителей,
В каждом домú ведь было всё украшеньицо,
Его патрет-от всё висел же всё на стеночки,
Вот на стеночки патрет — Ермак-от сын же Тимофеевич.
А как унимала же дружинушка его хоробрая
1845. Как Никиту-гу Романовича на его же всё на мести быть,
Вот на мести-то быть да управителем, —
А Никита-то Романович не осталсе тут,
Не осталсе он ведь тут, захотел в каменну Москву,
Потому же он в Москву, да звал его же всё,
1850. Звал его же всё ведь Грозной царь Иван Васильёвич.
На ермакóво-то ведь место поступил тогда
Из его ли из дружинушки, из дружинушки тут ведь Васька Ус.
Он ведь стал-то и со дружинушкой поживать тогда,
Стали делать они подвйги тут богатырьские,
1855. Как проезды стали делать чудны рыцарьски.
А Никита-то Романовиць поехал тут
Как ко той ли полатки белодубовой,
Где-ка было-то оставлена Настасья-то дочь Севельёвна;

- Тут Настасьюшка сидела доць Сивельёвна,
 1860. Она не чала-то, не ведала невзгодушки,
 Вот невзгодушки не ведала, несчastia,
 Дожидалась Ермака всё Тимофеевича.
 Когда приехал-то Никита свет Романович,
 Она выскоцила стречать да с цести, с радости;
 1865. Когда стретилась-то с ним она, поздоровалась,
 Стала спрашивать ведь: «Где у мя Ермак же всё?
 А где же, где же у мя свет Тимофеевич?»
 Тут Никита Романович возговóрил ей:
 «Уж ты ой еси, ведь Настасья ты Савельёвна,
 1870. Меня послал, послал суда да всё к тебе же он,
 Сам хотел же он приехать через трóи-ти сутоцьки поры-
 времени».
- Она у его-то все ведь тут да все выпрашивала,
 Вот выпрашивала она же тут, выводывала:
 «Он здоровой ли собой ли, не здоровой есть?»
 1875. «Он здоровой-от собой да всё весёлой есть,
 Только тó, что хочот сам же подожурить он».
 Когда прошло-то тóму времени трóи сутоцьки,
 Не вернулся всё Ермак сын Тимофеевич;
 Заскомнула тут Настасья-то дочь Савельевна,
 1880. Загрустила-то она, слезно заплакала,
 И расплелась у ей тогда всё трубцетá коса,
 А слёзы-ти йиз глаз, как жемчуг драгой, катилисе,
 С тоски она, со печалюшки хотела тут
 Она броситьце-то, скóцить во Сибирь-реку, —
 1885. Не допускал-то всё до етого Никита сын Романович.
 Надоть, надоть, пришло время всё открытисе,
 И вот сказал тогда Никита сын Романович:
 «Уж ты ой еси, я всё же... Настенька,
 Не плачь-ко-се ты, не дожидай же всё, —
 1890. Тебе сидеть будёт не дождаться жениха же тут,
 Не видатьсе боле тебе будет с Ермаком же всё,
 Он погинул, твой жених, да во реки быстрóй,
 У реки-то вот быстрóй да всё в сибирскою.
 А не плачь-ко, не тужи, дак я свезу тибя,
 1895. Я свезу, свезу тибя да покажу тебе,
 Покажу тебе его, да где-ка он лежит».
 Тут ведь Настя-та давала обещаньицо:
 «Покажи-ко ты, свези, Никита сын Романович,
 Буду помнить-то я всегда, где он погинул, свет,
 1900. Где он погинул, мой ведь соколик ясной мой!»
 Тут садил-то гон ведь Настю-гу на добрá коня,
 И повёз-то ей ведь он же ко Сибирь-реки,
 Указал-то, где Ермак да утопилсе он,
 Указал-то, где-ка стрелоцьками застрелён же был,
 1905. Показал-то он могилушку глубокою;
 Долго плакала ведь Настя над могилою,
 Долго плакала над глубокою,
 Всю могилушку слезами она смочила-то,
 Всю глубокою слезами она замóчила,
 1910. Она кричала-то, ревела громким голосом —
 И от как было тут у ней слезно поплакано,
 Горючих-то слез ведь было тут побóлито!
 Когда пришла-то во чусьво, во сознание,

Возговорила Никиты же Романовичу:

1915. «Уж ты ой еси, Никита свет Романович,
Пособи-ко ты ведь, ты ведь мне же помощи, скажу,
Уж ты дай-ко-се такой мне мудрости:
И вот совьём-совьём венки же мы из разных цветов,
И мы положим ети веночки на могилушку,
1920. Что на могилочку Ермаку сыну Тимофеевичу, —
Пушшай украшона могилушка глубокая;
А на етой на берёзеньки подпишом же,
Шшо: «лэжит-то, лэжит богатырь сильней тут,
Как ведь рыцарь-от лэжит да тут пречудной спит,
1925. Изо всей дружинушки хороброй самой старшой он,
Молодым-то он ведь спит да молодёшенёк,
Зеленым-то он ведь спит зеленёшенёк.
Спи-ко, спи-ко ты, Ермак сын Тимофеевич,
Спи спокойно, доброй млодець, спокойным сном!»
1930. Во слезах садил Никита Романович тут ведь Настю-ту,
Увозил-то ей ведь скоро-то во полатушку,
Во полату-ту увозил же ей дубовую;
А через трби-ти ведь сутки возговорил ей:
«А тепере куды, Настасья ты доць Сивильевна?»
1935. Если хочешь жить во Сибири, тибя свезём же мы,
Во сибирски-ти свезём тебя во горы,
Тебе денег выдаим же, сколько надобно;
А если к родителю ты хочешь ехать, ко отцу же ты, ко
батюшку,
- Мы отправим-то тибя-то с цести, с радости,
1940. С цести, с радости тибя же, с удовольствия;
А если взамуж ты желаешь, жениха найдём».
А тут Настасья-та Сивельевна заплакала,
Как заплакала она же, как река текёт,
Возрыдала громко так, да будто гром гремел,
1945. Во возрыданьица она да слово молвила,
Слово молвила она же, речь говорила:
«А уж ты ой еси, дородней доброй млодець,
А и как Никита же сын Романович,
Мне к родителю-отцу итти же совестно,
1950. Мне-ка совестно, нехорошо будёт.
А увези же меня лучше в каменну Москву,
Ты отдай туда миня да в служеньице,
Я сама сибя же буду тут пропитывать».
«А у жениха оставлено немало, должно быть!»
А тут стал-то на колени-ти,
1955. На колени пред ней Никита-то
Стал же всё сын Романович,
Стал говорить-то ей да такуюю речь:
«Уж ты ой еси, Настасья дочь Севельевна!
Ты прими, прими от миня да слово ласково,
1960. Слово ласково, мою речь приятливу:
А ты поди, поди за миня да во замужесьво,
Во замужесьво поди, да во супружесьво!
Я ведь знаю отсюль недалёко есть селеньицо,
Вот селеньицо есть, деревенка,
1965. А и в той деревенки хотел с тобой повенчатъце мой названой
брат,
Мой названой брат, Ермак сын же Тимофеевич.

- А как ведь ему, наверно, не судьба была,
 Не судьба была тебе же с ним.
 Так решайсе-ко, Настасья дочь Севельёвна!
1970. Ежели ты же не желашь некак,
 Как на то тебе, Настасья, ум и разум свой,
 Я насильнѣ же, Настасья, не могу же взять».
 Тут Настасья помолчала-то,
 Наконец, она да слово молвила,
1975. Слово молвила она же, рець говѣрила,
 Возговѣрила да таковы слова:
 «Во чужом краю да на чужой же я сторонушки, —
 Плохо жить без своёго-то без рѣдного тут человека же».
 Тут Настасья-то Савельёвна да согласиласе,
1980. Согласиласе, да тут они же обручилисе,
 А цезез несколько дней да поженилисе,
 Поженилисе да повенчалисе.
 А и как поехал тут Никита сын Романович
 Со своей же он да с молодой женой,
1985. С молодой женой, с Настасьей тут Севильёвной;
 Со дружинушкой со верной, со хороброй они роспростилисе,
 Не позабыли, съездили простились с Ермаком же с Тимофе-
 вичом,
- Со его же со глубокой со могилушкой.
 Тѣгда брал Никита тут Романович,
1990. Брал ведь он коня же лучшего,
 Брал дорожную кибитку-ту,
 Он улѣжил, увалил там молоду жену,
 Он с собой брал же, чѣго надобно,
 Они поехали да в путь-дорожочку.
1995. Не забыли, привернули-то,
 Привернули в ту дерѣвенку,
 Где же жил его да тес(т)ь любимой-от,
 (О)ни приехали ведь к нему да поздним вечером,
 Застучали, заколотилисе.
2000. Вышел отворять да отець-батюшко,
 Он сказал же: «Хто пришол-приехал тут?
 У меня фатера не стоялая!»
 Тут сказал же Никита-то Романович:
 «К тебе гости-ти ближняя наехали!
2005. Если хошь примать, дак принимай же нас;
 Если не хошь примать, дак не пускай же нас».
 Тут пускал, пускал отець, да рѣдной батюшко.
 Когда во двор конѣм заехали,
 Рассказал же всё Никита-то Романович;
2010. Позабыл отець же, батюшко всю гневность тут,
 Возрадел же он да рѣдной дочери,
 У ѣих пошел тут весѣлой разговор тогда,
 У ѣих пошло тут пированьицо.
 Они жили-то, гостили три же месеца;
2015. Когда стали собиратьте в каменнѣ Москву,
 Они звали с собой да отца-батюшка, —
 Он посулилсе к ним приехати.
 Как уехал Никита-то Романович
 Со своей же он с любой семьей,
2020. Со любой семьей, да с молодой женой,
 Как во славную каменнѣ Москву;

- Тут ведь стали жить счесливо-то,
 Как счесливо, долголетно тут,
 Как в одну пору́, в одно время
2025. Пошел Никита Романович гулять же он, —
 Ихной жизни было пять же лет, —
 Они пошли гулять к Москвы к реки.
 А Никита-то Романович на вид не молодой же был,
 Не молодой же был, не очунь стар, сказать;
2030. А с йим же шла да всё любá семья,
 Любá семья его, да молода жена,
 Ишше та ли всё Настасья доць Сивельёвна,
 Она сама была молодым да молодёхонька,
 А хороши́м была да хорошохонька,
2035. Будто роза была садовая.
 Как Никита-то Романович
 За праву́ руку вёл сына́ любимого,
 А Настасья-то Сивильёвна
 Вела тоже сы́на-то любимого;
2040. Когда пришли они, сели ко Москвы к реки;
 Засмотряли они да во Москву-реку́,
 А дети бегали, йиграли тут,
 (О)ни играли-то, выговаривали, —
 Старшой сын же ведь сказал йихной:
2045. «Я ведь буду такой же всё богáтырь-от,
 Будто папа всё же свой родной,
 Как ведь свой родной, Никита будто всё, я, Романович!»
 А младшой-от сын сказал его:
 «Я такой буду́ богáтырь-от,
2050. Как ведь был Ермак сын Тимофеевич!»
 А родители-ти улыгнулисе,
 Улыгнулись тут да усмехнулисе;
 А и возговóрил тут Никита сын Романович:
 «Видно, видно детей из малого робёсьва тут,
2055. Видно, што будут они могучия-ти рыцари,
 Они ведь рыцери, пресильние богáтыри!»
 А и той старинушки тепереце конець пришол.
 А как Хвалыньскому морюшку на тишину,
 А Москвы-реки́ на чесь, на славушку великую,
2060. Всему нашему народу совецькому на послушаньице,
 А от них вперед пойдёт на пропеваньице.
-

№ 109. ПРО ЦАРЕВИЧА ФЕДОРА ИВАНОВИЧА

- Как у нас было во славной было в каменнóй Москвы
 Собира́л-то Грозной царь Иван Васильевич почесен пир
 Как на тех ли на русьских на могучих на богáтырей,
 Как на тех ли всё на князьёй-бóяров,
5. Собира́л-то всех с Москвы со старого до малого,
 Тут ведь ездили слуги царские,
 Они звали всех со старого до малого.

- Грозной царь Иван Васильевич, он ходил, ходил по
палатушкам, разгуливал,
- С ноги на ногу манежно переступывал,
10. Золочёными-ти шпорами набряживал,
Чёрными-ти кудрями-ти растряхивал,
Ведь белыма руками приразмахивал,
Золотыма-ти персями-ти принабряживал.
Вот ведь стали тут эти гости-ти скоплятисе,
15. Скоро, скоро как палаты белокаменны славы царские
Принаполнились народом-то приходящим-то.
Вот стречал, стречал гостей да наш ведь Грозной царь,
Ишшо Грозной царь Иван же свет Васильевич,
Проводил-то их в палаты славы царские,
20. Вот садил-то их, садил на скамеечки рыта бархата,
Как за те ли всё салфеточки шелковыя,
Как за те ли всё за кушанья сахарные,
От за те ли все за напитки заморские;
Как весёлой-от вот и пир пошел на весь мир,
25. Красно солнышко пекло у нас на ясени,
А весёлой-от ведь и пир пошел на радостях.
Тут ведь все-то ведь и гости прирасхвастались:
Как ведь умной-от ведь захвастает-от батюшком,
Ведь разумной-от захвастал рódной матушкой,
30. Как ведь глупой-от захвастал молодой женой,
Неразумной-от захвастал молодой сестрой,
Как богатыри захвастали своей силушкой,
Своей силушкой захвастали богатырьской,
Князи-бояра захвастали науками премудрыми.
35. Грозной царь Иван Васильевич говорил сам:
«Вывел, вывел я изменушку изо всех городов славных
российских-то,
Во первы́х-то я ведь вывел я изменушку
Как из славной я из матушки каменной Москвы,
Во вторых-то я изменушку — из Новá-города,
40. Я вывел-то изменушку из Казани, слава города!»
Говорил-то Малюта-та Скурлатов сын:
«Уж ты ой еси, ведь и Грозной царь Иван Васильевич,
Благослови-ко-се меня же слово вымолвить
Меня без той же ли всё без ссылочки без дальнеё,
45. Меня без той же ли всё казни без скорою,
Мня без той ли всё без насмешечки великою!»
Говорил тогда ведь и Грозный царь Иван Васильевич:
«Говори-ко ты, Малюта сын Скурлатович,
Говори-ко-се, Малюта, чего надобно,
50. Как во всём, во всём тебе будет простительно».
«Уж ты ой еси, ведь и Грозной царь Иван Васильевич,
Ты не вывел всей изменушки из городов, сказать,
Только выведёт ведь всё же вот изменушку,
Как которой вот сидит возле твоей же праву ручку-ту,
55. Он с одной же вот со тарелочки плёт ведь кушает,
Он одним ведь всё-то ножечком-то рушает —
Дорогой ведь всё млáдой всё наследничок,
Вот наследничек вот Фёдор свет Иванович.
И его-то всё ведь и царьство то, не будет где изменушки».
60. Тут царю-то ведь у нас, да царю Грозному,
То за беду ему пришло да за великую,

- За обидушку не за малу показалосе.
 Приказал-то Грозной царь Иван Васильевич
 Как и взять-то всё царевичи за белы кудри,
 65. Брали его-то за белы руки, за золоты перстни,
 Приказал-то царь Малюта тут Скурлату:
 «Вот возьми, возьми премладого наследничка,
 Вот наследничка-та Фёдора Ивановича,
 Посади его у меня да на добра коня,
 70. Увези-ко-се на чисто полюшко Куликово,
 Вот сруби, сруби, сказни да буйну голову,
 Привези его-ко сердце со печенью,
 Закопай, зарой в могилушку глубокую,
 На могилочке положи да вот приметочку,
 75. Вот приметочку положи — да три-то колышка,
 Три-то колышка положи да всё сосновые,
 Напиши-ко на его, смотри, могилочке,
 Что: «лежит, лежит премладой-от наследничек,
 Всё наследничек лежит да млад царевич-от,
 80. Как ведь на имя вот ведь Фёдор-от Иванович».
 Тут князья-те ведь, бояре все (и)спугалисе,
 Вот со царского пирю все разбежалисье;
 Только всё же не страшилсе, не боялсе он,
 Не боялсе всё Малюта сын Скурлатов он.
 85. Выводил его, царевича, на широкой двор,
 Выводил он из конюшен коня доброго,
 Посадил-то тут царица на добра коня,
 Вот повёз его, царица, на его же полё чистое,
 Полё чистое повёз он на Куликово.
 90. Не успел-то тут Малюта сын Скурлатов вот,
 Вот доехать-то до полюшка Куликова,
 Повстречался-то ведь с нима всё незваной гось,
 Вот незваной гось, ведь и всё же он не чёстован, —
 Ехал, ехал князь Никита свет Романович,
 95. Он ведь ехал-то, Никита, из чиста поля,
 Во всей одежды-то сидел он богатырьскою;
 Поровнялся с нима ведь князь Никита свет Романович,
 Поровнялся тут Никита, поздоровалсе:
 «Здравствуй, здравствуй-ко, свет царской-от опричник,
 100. Во вторых-то здравствуй, любимой-от племянничек,
 Ты, царевич-от Фёдор Иванович!
 Ты куда, куда повёз его, Малюта сын Скурлатов-от?
 Ты скажи, скажи же мне правду сущую!»
 Говорил тогда Малюта сын Скурлатов-от:
 105. «Мне велел, велел ведь славной наш ведь Грозной царь,
 Как ведь Грозной царь Иван же свет Васильевич,
 Он велел мне увезти его на полюшко на чистое,
 Вот на чистое на полюшко Куликово,
 Он велел-то всё сказнить же буйну голову,
 110. Он велел-то всё ведь всё же привезти-то мне,
 Привезти велел его сердце со печенью».
 Тут крычал, крычал ведь князь Никита-то Романович,
 Он своим-то ведь крычал да громким голосом:
 «Ты немалу хочешь шуточку, Малюта, всё нашрутити,
 115. Эта шуточка, смотри, да тебе не так просто сойдёт она!»
 Он ведь брал тогда премладого наследничка,
 Как ведь Фёдора-то брал да всё Ивановича,

- Он сажил, сажил его к себе на добра коня,
Гсворил-то он Малюты тут Скурлатову:
120. «Етот куст — да славной куст, да славы ягоды,
Не тебе-то ведь, смотри, да будёт кушати!»
Тут заплакал-то Малюта сын Скурлатов-от.
Вот уехал тогда Никита князь Романович
Как во славному-ту во хвальною каменну Москву.
125. Он приехал-то ведь скоро вот на свой же он широкой двор,
Посылал жо своего он млада ключничка,
Приказал-то заколоть-то он козлѣнка-то,
Вот ведь велел вынеть-то сердце всё со печеню,
Обернул-то в полотенце он ведь в чистоё,
130. Он велел-то передать да всё Малюты-то Скурлатову:
«Вот подумат Грозной царь Иван Васильевич —
Это сердце-то любимого наследничка,
Как своего-то ведь сына всё любимого».
Как уехал же его да младай ключничек,
135. Передёл-то всё ведь сердце вот со печеню.
Тут поехал-то Малюта сын Скурлатов-от
Как ко Грозному-то царю Ивану всё Васильевичу;
Ключничек, поехал он ко князю-то,
Как ко князю-ту поехал он к Никиты Романовичу.
140. Как увидал Грозной царь Иван Васильевич
Из своего-то он дворца из славного из царьского,
Из того ли всё гокóшечка косисцатого:
Как приехал всё Малюта на широкой двор,
С широка двора пошел в палатушки во царские.
145. Грозной царь сидел Иван Васильевич, сидел же он,
Вот сидел-то царь невесел и нерадостен,
Он повесил буйну голову с могучих плеч,
Он потупил очи ясны во кирпичной пол,
Вот катились-то, текли слѣзы горячие.
150. Подавал-то тут Малюта сын Скурлата он, —
Не принял-то царь ведь сердца всё со печеню,
Он велел, велел всё да унести из глаз:
«Уж ты что же всё, Малюта сын Скурлата-от,
Ты ведь как то смел — надо мной же насмехатисе?!»
155. Вот не стало у меня зорн-то утренной,
Вот не стало у меня жемчужины драгой ведь всё,
Вот не стало-то наливной сладкой ягодки,
Как не стало у мня премладаго царевица,
Как царевица да Фѣдора Ивановича!
160. Кабы кто ведь да вот и оживил его,
Я тогда бы ведь того да наделил тогда!
Как потухло тут, погасло солнцѣ красной,
Как ведь та ли всё свеча же воску ярого!»
Приказал-то всё звонить же во вси звоны во колокольние,
165. Как служить-то приказал да панахидушки,
Поминать-то всё ведь младаго царевица,
Вот царевица ведь младаго, Фѣдора Ивановича.
Как прошло-то тому времени трое сутокки,
У Никиты-то у князя у Романовича,
170. Вот идут, идут у него пиры весѣлые,
Вот играют всё во арфы во игромые,
Как во те ли всё во струночки золочѣныя,
Как во те ли все во гусли во весѣлые,

- Вот пальба-то ведь идёт же ведь из орудий,
 175. А и как из мелкого-то идет орудия — отдыху нет.
 А и как у Грозного у царя у Ивана было у Васильевича,
 А и со великого было со горюшка-тоски его,
 А и ведь свалился царь, да ведь всё царь в постелюшку,
 А и росхваралсе царь ведь и всё же, разболелся он,
 180. А и приказал носить ведь платица печальней,
 А и вот печальной ведь платица ведь чёрное,
 А и ведь и все в Москвы-то народ и див... ужახалисе,
 А и вот ходили-то носили плáтьё чёрное.
 А у Никиты-то у князя у Романовича,
 185. А и у его-то всё идут пиры весёлые,
 А и как полно-полно, полнёшенько гостей сидит:
 А и тут сидели все цари же вот, царици,
 А и короли-ти все сидели, королевичи,
 А и все ведь князи-то сидели вот, княжевичи,
 190. А и все же вот русския могучия богáтыри,
 А и ведь те ли рыцари премлáдые.
 А и услыхал про то ведь и Грозной царь Иван, Иван
 Васильёвич,
 А и што великое у князя идёт весельицо,
 А и вот великое идёт у него пированьицо, —
 195. А и посылал-то скоро царь вот он своих людей,
 А и вот своих-то он людей да всё слуг верных-то,
 А и посылал-то он с имá вот скору грамотку,
 А и вот во грамотке-то было всё написано:
 «А и ты зайди, зайди, мой шурин всё любимой мой,
 200. А и ишшо тот ли князь Никита свет Романович!»
 А и его слуги-ти ведь царски, они не ослышались,
 А и вот поехали они да за Москву-реку,
 А и ко Никиты-ти ко князю всё Романовичу,
 А и заходили ко Никиты-то поскорёшенько
 205. У его ли всё во светлые во горницы,
 Как во те ли всё в палаты белокаменны,
 Подавали-то ведь и ему же скору грамоту,
 Скору грамоту ему по рыту бархату;
 Прочитал-то князь Никита тут Романович,
 210. Говорил тогда Никита таковы слова:
 «Оставайся у меня же, дорогой же гось,
 Дорогой-от гось, премлáдой наш наследничек,
 Ишшо Фёдор-от ведь свет да Иванович!
 Я поеду же ко царю же на свиданьице».
 215. Одевался князь во шубу соболиную,
 Надевал-то он ведь шапочку бобровую,
 Он садился скоро, князь, да на добра коня,
 Вот поехал он к дворцу скоро ко царьскому,
 Ко тому ли ко крылечушку государьскому;
 220. Привязал-то князь коня да к золоту кольцо,
 Сам пошел он во палаты слáвны царские,
 Как во ту пошел палату в грановитую,
 Где сидел-то Грозной царь Иван Васильёвич,
 Со великою сидел же он со печалюшкой,
 225. У его катились-то горючй слезы из царских глаз.
 Увидал-то он своёго шурина любимого,
 Вот любимого-то шурина, ведь и князя-то Никиту
 свет Романовича.

- Тут ставал, ставал ведь князь же ¹ на резвыи ноги,
 Вот стречал, стречал своего гостя любимого,
 230. Вот садил его на стул же рыта бархата,
 На ковёр-от он садил его вот персийской-от,
 Говорил-то ён ему да таковы слова:
 «Уж ты ой еси, ведь и шурина мой любимой-от,
 Ишше на имя Никита сын Романович,
 235. Ты когда, когда у мня-то был любимой всё —
 Как тепереча ведь ты же стал постылой-от!
 Уж ты радуисьсе моёму безвременьцу!
 Как не стало у меня же красна солнышка,
 Как не стало у меня же зори утренней,
 240. Как не стало у меня луны-то поднебесною,
 Как не стало у меня драгой моей жемчужины,
 Вот не стало-то наливной сладкой ягодки,
 Как не стало-то премладого наследничка,
 Как наследничка не стало вот, царевича,
 245. Как того ли всё ведь Федора Ивановича, —
 Ты моёму-ту несчастью веселишься, —
 Говорил тогда ведь и князь-то всё Никита-то Романович ², —
 Барабаны у тебя же бьют ведь крепкие,
 А из мелкого же орудия бьют числа-сметы нет,
 250. У тебя играют всё во струны золочёныя,
 Как во те ли всё во гусли во весёлые!»
 Говорил тогда ведь и князь-от всё Никита-то Романович:
 «Почему же всё ведь, царь, ходит весь народ
 У тебя во платьици печальном-то?»
 255. «Потому народ ведь ходит в платьици печальном-то —
 Они носят платье тóровно».
 Говорил тогда ведь и князь-от всё Никита свет Иванович ¹:
 «Потому пиры идут у мня навёсели,
 Барабаны бьют ведь и пушки-ти ведь крепко же, —
 260. Для своёго я для гостя для любимого,
 Для того ли я для млáдого царевича,
 Как для Фёдора да всё же я Ивановича.
 Собирайся лучше, Грозной царь Иван Васильёвич,
 Одевай-ко ты ведь и платьицо-ко цвётноё,
 265. Ты садись, садись ведь скоро во кареточку,
 Ты поедем-тко ко мне на пированьицо,
 На весёлое поедем столованьицо!
 Дорогой-от гось — Фёдор свет Иванович!»
 Да вставал-то Грозной царь Иван Васильевич,
 270. Целовал князя в уста сахарния:
 «Тебе спасибо ведь, мой шурина-от любимой всё,
 Как ведь тут же всё Никита свет Романович,
 Что сохранил-то ты премладого наследничка,
 От наследничка да Фёдора Ивановича!»
 275. Тут пошол-то Никита свет Романович из палат же вон,
 Он садился на добра коня,
 Он поехал во дворець же свой;
 Он успел только приехати,
 Не золочёна-та карета громко сбрыкала,
 280. Тут приехал скоро Грозной царь,

¹ Обмолвка; следует: «царь же».

² Обмолвка; следует: „Грозной царь Иван Васильевич“.

- Грозной царь Иван Васильевич.
Тут встречал, встречал князь Никита свет Романович,
Проводил он во высѣки свои горницы,
Где сидел дорогой же гось,
285. Как ведь Фёдор свет Иванович.
Увидал да его Грозной царь,
Грозной царь Иван Васильевич,
Подходил-то он к своему сыну любимому,
Он к премладому наследничку,
290. Как наследничку-царевичу,
Как ведь Фёдору Ивановичу,
Он ведь брал его за белы руки,
За белы руки, за золоты перстни,
Целовал в уста сахарные;
295. Благодарил князя Никиту свет Романовича,
Благодарил его да низко кланелсе,
Да тут звал царь князя-то Никиту всё Романовича
Как к себе на пированьицо,
На весело-то столованьицо.
300. Тут поехал тогда Грозный царь
Со своим сыном с любимым,
Как со младым со царицею,
Как со Фёдором Ивановичем.
С нима ехал гось любимой,
305. Гось любимой-от, любимой,
Его шурина Никита свет Романович.
Как пошел-то у царя веселой пир,
Как веселой пир да всё веселой стол,
Заиграли тут во арфы всё игромые,
310. Как во те ли всё струны золочёные,
Заиграли в гусли веселые,
Запалили тут в пушки крепкие,
А из мелкого-то орудия числа-сметы не было.
Тут пошла да радость превеликая,
315. Скинывали платьё чёрное,
Платьё чёрное, печальное,
Одевали платье цветное;
Заходили да люди добрые,
Люди добрые моськосьские,
320. Заходили они, заездили,
Пировали-столовали целой месяц поры-времени.
Грозной царь Иван Васильевич
Помолодел на такой радости,
На великом удовольствии;
325. Он дарил да всё ударивал
Как ведь князя-то Никиту свет Романовича
За его милось великую,
Что спас молодá царевича,
Как царевича премладого,
330. Как и Фёдора Ивановича.
Тут чего было не покушано!
Много, много было покушано
Еще кушаний-то разных-то,
Еще разных-то всё сахарных,
335. Много попито было водочек,
Много водочек заморских же.

- Разных напитокочков разноличных-то.
 Той старинушке конец пришол,
 Славному морю-ту Белому на тишину,
 340. А Москвы-то граду на чесь, на славушку великую,
 Вам, премудрые люди, на прописаньицо,
 От вас млáдым-то пойдёт на рассказаньицо,
 От их старому-то, млáдому на рассказаньицо,
 Старому-то, млáдому на пропеваньицо, —
 345. Пропевать будут старинушку про Грозного царя Ивана
 про Васильевича,
 Про его сына любимого, как про млáдого наследника,
 Как ведь Фёдора Ивановича,
 Как про князя-то про Никиту про Романовича,
 Как ведь спас он любимого племянника,
 350. Как любимого царевича еще Фёдора Ивановича.

№ 110. (СМЕРТЬ ИВАНА ГРОЗНОГО)

- А и как у нас же было всё же в каменной Москвы,
 А и во дворци-то было всё в государском всё,
 А и как в ягó-то всё во царьских светлых светлицах,
 А и во столовых-то ведь высоких в его горницах
 5. А и стали гаснуть-то, стали тухнуть ясны-то огонёчки.
 А и почему же гонí начели потухать, сказать?
 А и как первой день всё ведь стал он во затменьици,
 А и остоялось всё на нёбишки луна всё же поднебесная,
 А и красно солнышко гу нас же тут не светело, —
 10. А и разболелсе-то, росхворалсе гу нас Грозной царь,
 А и гу нас Грозной-от царь Ийван же свет Васильевич;
 А и йон лёжал, лёжал в своей же в тёплой в спаленки,
 А и в тёплой спаленке лёжал он на постелёчке,
 А и на постелёчке лёжал своей на пухóвою,
 15. А и на кроваточки лёжал он на золочёною;
 А и он лёжел, лёжал, ведь и царь, всё разболелсе он,
 А и он во страдании в свойём, он во болезни-то,
 А и он звёл, звёл свойи же вочи ясныя.
 А и пиред ним стаял премлáдой-от царевиць-от,
 20. А и шшо премлáдой-от царевиць, сын любимой-от,
 А и сын любимой его Фёдор свет Ийванович,
 А и вот в ногах ёго сидела дочь любимая,
 Дочь любимая его, Настасья-та дочь Ивановна,
 А й как премлáдая сидела вот царевна-та,
 25. А она горючима слезами-ти уливаласе.
 А и возговóрил тут ведь и Грозной царь Иван Васильевич:
 «Э и уж вы ой еси, мои детí любимые,
 А и как любимы мойи деточки, дорогí весьма,
 А и уж ты, младенькой, мой младенькой царевиць-от,
 30. А и как тепери нарекаю тибя царём же я!
 А и пренимай-ко ты земно царьсво, владей, дитя,
 А и будь ты счáсливой, сынок, да долголетний будь,

- А и управлей-ко всей землёй славной Россиюшкой,
 А и принимай-ко трон, ведь как ведь следует,
 35. А и тебе бог благословит да всё царём царить,
 А и всё царём тебе царить да царьской венец принять,
 А и ты бери-ко, бери мой всё же золотой царьской жез(л)
 возьми,
 А и со драгим-то бери драгим камешком!
 А и возлюби-ко ты свою сестру любимую,
 40. А как ведь как ту ли всё ведь душочку Настасью-ту
 Ивановну,
 Ты ведь жалей-ко ей, жалей да охраней во всём!
 А и как тебе ешше, премладой мой царице-от,
 А и вот царице Фёдор свет Иванович,
 А и ты попомни-ко моё гот наказаньице,
 45. А когда не станет миня, царя-отца, на белом свету,
 Э и как царя-отца Ивана-та Васильевича,
 А и по прозванью-то называли миня Грозным-то, —
 А и хошь я Грозной царь ведь и был, временём-то был я
 вспылчивой,
 А и до солдатов до новобранных очунь ласков был,
 50. А и очунь ласков до йих был да и очень милослив,
 А и я жалел же всё солдатов новобранных-то,
 А я всегда-то йих, всегда, солдатов, жаловал, —
 А когда не бѹдет-то на свети царя Грозного,
 А и царя Грозного Ивана-та Васильевича,
 55. А твоёго-то всё же ведь батюшка, царя-родителя,
 А когда-то ведь красно солнышко закатитсе за горушки,
 Вот за горы-ти закатитсе за высокия,
 За высокия за горы Воробьёвские,
 Как луна зайдѣт вот поднебесная,
 60. Зайдѣт она, закатитса в леса тѣмныя,
 Не покажутся на неби тогда часты звездочки,
 Призагунут-то у нас народ, да люди добрыя,
 Не застоит-то тогда морюшко во тишины,
 Разреветсе тогда матушка сыра земля,
 65. Вот подуют-то тогда же сильни ветры-ти,
 Сильни ветры-ти подуют со всех сторон,
 Сбушуютсе погодушка великая,
 Со грозами-ти она бѹдет, со трѹсами,
 Со великими она бѹдет с пригрозами».
 70. Как прошло-то етому времени трѹи сутоки, —
 Как преставилсе наш ведь царь Иван Васильевич,
 Его не стало боле жития на свети вольнѣм-то.
 А и при концинушки своей же гон говѹрил тут,
 При розлуки-то своей да рець спромолвил-то:
 75. «Когда царь-то я престанусь, не бѹдѹ живой,
 Хороните-тко миня по христианьскому,
 Чтобы были вилде звоны-ти церковные,
 Чтоб во всех-то всё в соборах, церквах божьих-то
 Поминали шьтоб ведь всё отцы духовные,
 80. Шьтобы пели все пречетнечки черковныя;
 Когда положите моё же тело белоё,
 Вы положите его скоро в лакованный гроб,
 Он покрытой-от ведь бѹдет рытом бархатом,
 Он росписан бѹдет тут жо красным золотом,
 85. В бѹину голову положите животворящей крест,

- На мой-ти груди белыя положите-тко
 Как свету, свету же книгу, свету евангельё,
 Во резвы ноги положьте мой булатной меч, —
 Как пушшай жо всё ведь смотрят люди добрыя,
 90. Шьто ведь смотрят-то, пушшай все ужахаются.
 Когда приниситё-то миня всё же божью церкьовь,
 Во божью церкьовь да всё в соборную,
 Когда положат-то всё да мой да всё ведь всё да царьской
 гроб, —
- Все ужахнутса-то народ же, да люди добрые,
 95. Ужахнутса все они, проплачут-то,
 Они спомянут-то ведь Грозного царя же Ивана Васильёвича».
 Как говорил-то царь, приказывал, так и сделали.
 Скоро, скоро весть прошла вся по Москвы-граду,
 Шьто не стало-то царя же православного,
 100. Православного царя да благоверного,
 Как ведь Грозного царя Ивана-та свет Васильёвича.
 Запечалились же все народ во матушки каменной Москвы,
 Скинывали все-те платё-то, платё цветноё,
 Одевали чёрно платицё печальнё;
 105. А и как все солдатики да приуныли же,
 А и приуныли все, невеселы,
 Буйны головушки же с плеч повесили.
 А й прошло времечько неделёчка,
 Когда съехались все-тко короли же, королевици,
 110. А и все цари жо тут, царевици,
 Э и все же князи тут, кнежевици,
 Э и все же русьския могучия богатыри,
 Э и все же рыцари премладые.
 Э и понесли тогда да тело белоё,
 115. А и тело бёло царя Грозного,
 Царя Грозного Иивана свет Васильёвича,
 А и все народ же, люди добрыя,
 Э и все же шла матушка каменна Москва,
 Э и провожали все же, плакали,
 120. Э и провожали-то ведь, шли же тут
 Ешше всё же сила-армия,
 А и позади-то шла же коньска гвардия;
 А и все салдатушки-ти плакали,
 Новобраны все расплакались,
 125. Э и споминали царя белого,
 Царя белого да православного,
 Э и как Ивана свет Васильёвича.
 Во божьёй церквы стоял же гроб,
 А и брал ведь ранную заутреню,
 130. А и брал ведь пёзду-ту долгу вобеденку,
 А и панахиды тут ведь долгие.
 Когда стали все прошшатисе,
 А и подходили к гробу все народ,
 Все народ-то, люди все со старого до малого,
 135. Как прошшались тут с царём гонй,
 Со царём же с православным-то,
 С православным-то с моськоським же,
 Как с Иваном со Васильёвичом,
 Приходили люди кланелись,
 140. Животворяшшому кресту да поклонялисe.

- А светому евангелю-то кни́ги прикладывались,
 Человали на его грудя́х,
 На его грудя́х на царьских-то,
 А как острому мецю все ужахалисе.
145. Потужили тут народ же все, поплакали,
 Схоронили царя Грозного,
 Царя Грозного Ивана-та Васильёвича.
 А и как воротились гости все, ушли,
 Гости все ушли во полаты-ти во царские.
150. Во залá же государьские;
 Тут пошло у йих да поминаньице,
 А и по ём же пированьице.
 Во ту пору, во то времечька
 А и на часах-то всё солдат стоял,
155. На часах стоял, только на сменушку пришол же он;
 Он и стоял же призадумалсе,
 Призадумалсе да запечалилсе,
 А и расплакалсе, ростужилсе
 О своём же цари белом-то,
160. Э и как о Грозном-то царі Ивани по Васильевичи.
 А и он заплакал, как река текла,
 Возрыдал-то, будто гром гремел,
 В возрыданьици да слово молвил он,
 Слово молвил, рець говбрил-то:
165. «А и уж ты, сад, ведь сад, ты, сад ведь царьской-от,
 Виноград всё да государьской-от,
 Прекрасно древо кипарисноё,
 Ты со всякими с ростеньими,
 Ты когда росло да ко́гда выросло?
170. А и ты весной росло, а летом вызрело,
 Красно солнышко тибя совызрело,
 Тёплы ветерочки тибя созрело,
 А как много лет стояло, росцвело же, —
 Как твоей же было ченности
175. Некому́ не обченить былó,
 Некакому вот обченшшичку.
 А теперь чудно древо-то
 Всё посохло и поблёлкло-то!
 Почему оно поблёлкло-то?
180. Как не ходит, не пойдёт туда
 А и православной царь Иван Васильёвич, —
 Оно было росцветало-то,
 Когда жил царь на белом светі,
 Управлял же всей Россиёю.
185. Уж вы подуйте-ко, да ветры буйныя,
 Ветры буйны, очунь сильние,
 Как со всех с четырёх со сторонушок:
 Со перьвóй же со восточною,
 Со друго́й же всё со западной,
190. Со третьёй же всё со летною,
 Со четвёртою со северной!
 А и вот падіти очунь сильния,
 Очунь силния свирепныя,
 Роскинайте-ко да лёски жолтыя,
195. Вот розбейте-тко, розметите мать сыру́ землю́,
 А и вы розройте-тко могилушку глубокую!

- А сорвись-ко, крышка гробовá, тогда
 С золотых же со гвоздѣчиков,
 Росколись-ко, золотá парча,
200. Розмахнись-ко, шолковое да покрывалышко,
 А вот откройтесь-ко, да очи ясные,
 Очи ясные прекрасные,
 Проговорите-тко, уста же всё сахарные,
 Уста сахарны всё же царские!
205. Ты восстань, восстань, да православной царь,
 Православной царь Йиван Васильевич!
 Посмотри-ко на славну матушку каменну Москву,
 А во первых-то посмотри же, свет,
 На свой дворець на славной царской-от,
210. А и ты зайди во палаты-ти во царские,
 Во полату в грановитую,
 Посмотри-ко все дела свои,
 Все дела-ти свои царские,
 Э и все документы да государские,
215. Вот проверь, проверь — идут ли верно тут.
 А и как возьми в свою же ручку белую
 Ты перо, перо да лебединоё,
 Ты пиши да скору грамоту,
 Скору грамоту да про все царски обстоятельсва,
220. Про всю матушку про Рassiюшку,
 Про солдатов новобраных-то,
 Про всю силушку свою армию,
 Свою армию да коньску гвардею!
 А и как ишше же просмотри же, царь,
225. На свою на славную армёюшку:
 Твоя гармёюшка-та славная,
 Хорошо гонá ведь сряжона,
 Как во фронт же вся подставлена,
 Э и все солдатушки в полках стоят,
230. А и все ведь полковницьки при своих полках,
 А и все майорики да на добрых конях,
 А и сила-армия вся да всё она жо установлена,
 Коньска гвардия снаряжона;
 Они ждуг-то, дожидаются
235. Самого тибя, да управителя,
 Управителя, царя же нашего,
 Ишше того ли всё Йивана свет Васильевича.
 Тибя ждать, верно, да нам же да не дождатисе,
 Нам смотреть тибя — не досмотритися, —
240. Со того там свету с вольнёго
 Некогó же нет да не бывало-то:
 Как нету ясного сокола пролетного,
 Дóбра мóлодца проезжого,
 Нет девици оттуль красавици,
245. Нет не старого, не малого,
 А и караулы там ведь крепкие,
 Ишше крѣпки, очунь строгие,
 Как замоцьки очунь весят же крепкие,
 Не готомкнуть и не преломать же их;
250. Не письма нету, не грамоты,
 Нет не низкого поклоника,

- Не великого да челобитьца!
 Нам ведь надоть собиратисе,
 На войну же отправлятисе,
 255. Как со млáдым надобно царём йитти,
 Со царём же с Фёдором Йивановичом».
 Той старинушки конец пришол.
 Чорному морюшку на тишину,
 А Москвы-реки на славушку,
 260. А всему народу-ту советьскому на пропеваньицо,
 А от них пойдёт всё рассказаньицо.

№ 111. ПРО ГРИШКУ РОССТРИГУ

- А и у нас же было в каменной Москвы,
 А и как задумал тут ведь Гришка-то Расстрига-то,
 Он задумал тут женитисе,
 А и в каменну Москву садилсе всё царём царить,
 5. А и он собрал, собрал да тут же всю Москву,
 Всю Москву же, всех со старого до малого,
 Он ведь стал вон всех да народу; среди города
 моськоського,
 Стал читать народу скору грамоту,
 А и призывал к себе да как царицу-ту,
 10. Как царицу, мать царицы Дмитрия,
 Посылал же он да послов скорых-то,
 Послов скорых тут, да людей всё своих.
 А и приходили тут, приезжали послы скорые,
 Приехали они к царицы, поклонилисе,
 15. А и подавали ей да скору грамоту,
 Скору грамоту написану:
 Ей зовёт, зовёт же царь к себе,
 Будто царь к себе, да ей ее дитя,
 Ей ее дитя будто Дмитрий-от. Ъванович.
 20. Получила царица грамоту,
 Получила да она же, прочитала-та,
 Прочитала, слезно заплакала:
 «Не прельщай миня омманами, —
 У миня же моё да чадо милое,
 25. Чадо милое моё, любимое,
 Как Дмитрий свет Ъванович,
 Как премлáдой мой царицы-от,
 У миня убит, зарезан-то он на йгришшах, да на гуляньици.
 А теперече Лживой есть да всё Дмитрий-от,
 30. А и как не сын же мне-ка — ворог он».
 А и как тогда же послы да уходили тут,
 Вот перьвы ушли — други пришли,
 Вот други, третьи пришли.
 Тут заплакала царица благоверная,
 35. Во слезах она да слово молвила,
 Слово молвила да рець говбрила:

- «Хошь я знаю всё же, ведаю,
 Что у миня же нет в живых да чада милого,
 Чада милого моёго, всё любимого,
 40. А поеду же я да посмотрю же всё,
 Какі омманы есть, лукавсва-то!»
 Тут и села вот царица приделасе,
 Повезли же ей скоро-наскоро;
 Когда привезли да во Москву же ей,
 45. А как ее же сын наречёной-от
 Вышел по сыновьему обычью стречать же ей,
 Свою голову преклонил да ей же чесь воздал,
 Человал ей да (в) уста же тут,
 Ей ведь пал же он да во резвы ногі,
 50. Будто взял у ей благословленьице,
 Ей повёл же во полаты-ти,
 Што народ штобы подумали,
 Што настояшшой есть царевиць-от.
 Трби сутки царица при нём же находиласе,
 55. Народ ведь моськоськой много думали, —
 В самом деле и Димитрей есть,
 В самом деле есть царевиць он,
 Вот царевиць он Димитрей свет Иванович.
 Через трби-ти сутки царица вон уехала,
 60. Она народу возговóрила:
 «Уж вы ой еси, народ, да люди добрыя,
 Люди добрыя, народ да благоверные,
 Не прельшшайтесь вы на гришкины омманы-ти,
 На его лясливы да разговоры-ти:
 65. Он — не Митрей всё да не Иванович,
 Он ведь — как Гришка же Росстрига-то,
 Он ведь вас же всех омманыват,
 Он задумал, Росстрига, всё царём сидеть,
 Всё царём сидеть, царём моськоським быть!»
 70. Как задумал тут Росстрига поженитисе,
 Не у себя же он задумал в каменнóй Москвы,
 Во стольном гради да ведь всего народа своего же
 славного же руського, —
 Он задумал всё жениться всё у короля-пана женитьце-то,
 У того ли короля да всё у польского
 75. На его ли дочери любимую.
 А и как засватался Росстрига у короля же он
 На его же дочери любимую,
 Посулил тут Росстрига да королю же он
 Дать ведь, дать земли, — почти половина всей Россиюшки
 80. С городами-ти ему да со деревнеми,
 Со морями-ти, с река́ми же.
 А на великой день да на Миколин-от
 У Росстриги тут да была свадьба-та.
 Дóбры люди шли ведь, ехали ко ранной ко заутрени,
 85. А ко поздым шли к обеденкам, —
 А Гришка-то Росстрига в бани моетсе,
 В бани моетсе да умываетсе,
 Умываетсе он да всё же паритсе.
 А в четверг у Росстриги-то свадьба шла,
 90. Уж как в пятницу-ту было у его да все венчаньице,

Было только шшо венчаньницо,
Ехать Росстриги во божью церковь,
Принять с Мариною да по злату венцу, —
Не удалось Росстриги повенчатисе,

95. Повенчатисе, обручитисе.

Как тут Москва же вся да зволноваласе,
А и как ведь вся Москва да зволноваласе,
Тут стрельцы-удальцы да всё бросалисе,
Ко его дворцу да приезжали же,

100. Обступили кругом дворець его.

Тут ведь Гришка-та Росстрига ужахнулсе же,
Он на верхни полаты уходил тогда;
Когда тут же народ зволновалисе,
Тут стрельци-ти стали ходить да по полатушкам,

105. Гришка соскóбил он из окошечка,

Из окошечка да из высокого,
Он сломил себе да ноги резвые,
Он ведь вывихнул себе да буйну голову, —
Как тогда же Гришки-то Росстриги тут кончинушка

случиласе,

110. Скоря смерть ему да приключиласе,

А его жена Маринка-та,
Она немного тут ведь думала,
Она немного тут ведь плакала,
Она волшебною наукой-то да подынуласе,

115. Как сорокой-птицей овернуласе,

Из окошечка косисцетово вылётела,
Улетела тут из глаз у народу, скоро скрыласе,
Скоро скрыласе она да удалиласе.

Тут царю-ту Лживому Димитрею конець пришол;

120. Не удалось ему царём сидеть,

А Маринке быть царицою.
Тут ведь ихному-ту царьсву всё конець пришол,
Не удалось-то лживо ему всё царить,
А не привелось Маринки быть царицою,

125. Завладеть царьсвом прекрасным славным-то

моськоським-то, —

По делам по злым да така йим и смерть пришла.

№ 112. (СМЕРТЬ МИХАЙЛЫ СКОПИНА)

А и как же было-то всё у нас да в каменной Москвы,
А и в каменной Москвы да за рекой Москвой,
А ише жил-то, был да Скопин князь молодой,
Скопин князь молодой Михайло свет Васильевич.

5. А и как от батюшка Скопин свет осталсе он малёшенек,

А и вот возрóстила его же рódна матушка.
А и вот ведь стал Скопин да подростать же он,
А и стал Скопин да обучатисе,
А обучатьсе стал премудрой грамоты,

10. А и скоро, скоро обучилсе он,
 А и ведь скоро кончил он ученьица,
 Какі были в те же времена да им;
 А и как начел он поезживать,
 Будто богатырь стал же сильней он.
15. Будто рыцарь тут премладой был.
 А и много, много князь же Скопин-от.
 А и он проехал земли разные,
 А города разны заморьские,
 А и вот заморьския да королевския,
20. Много сделал он поездочок,
 Вот поездочок да богатырьских он,
 Много схватонок да славных рыцарьских,
 А и он во многих-то вот походах был,
 А и много, много городов забрал,
25. Много городов забрал себе в Россиюшку,
 Много, много он спасал же городов да всё от гибели,
 От той силы да от неверною, —
 Всих подвигов не сосчитать будёт,
 Всех поездок не описать будёт.
30. Молодой орёл полетывал,
 Молодой ёрёл да златокрылые,
 На своём он на добром коні,
 На добром коні да Воронеюшки,
 Он прибил много да силушки неверною,
35. А и вот неверною разной басаманскою,
 Он вочистил свои города,
 Свои города да от врагов же спас;
 А и захотелось отдохнуть ему,
 Отдохнуть да с родной матушкой да повидатисе,
40. Вот приехал он на свою типерь на родину,
 Как в славноу во матушку да в каменну, Москву,
 А и к своей к родимой матушки.
 Тут стречала его родна матушка
 Со великою со радостью,
45. А она с йим, сыном, мать, да тут же свиделась,
 Вот пошло у ей тут да радованьицо,
 Скопин стал да поживать в дому.
 Каждой день к ему да засъезжалисе
 Как ведь все разны гости все моськоськие,
50. Всё князя же, всё к нему же ббера,
 А и вот начели его же звать,
 Его звать же воні, чёствовать;
 Князь ведь начел тут поезживать,
 Князь ведь Скопин-от Михайло свет Васильёвич.
55. Ему матушка говорила:
 «Не велела бы тебе я, чадо милоё,
 От гулять-то, надолго да уежжать же всё,
 Не пировать тебе с опричниками:
 А как опричники да есть люди разные, —
60. Не за что-то погубят тибя,
 Изведут со свету вольнёго.
 А и тибе пора, сынок, побросить все гуляночки,
 Нужно, дитятко, женитисе».
 «Не тужи же, родна матушка,
65. Мбя матушка родимая,

Придет времечка, да поженюсь же я;
У мня невеста есть присмотрена,
Вот присмотрена, пригляжона,
Она из роду кнеженейского».

70. А и как пришли же посылы скорые,
Как ведь звали Скопина да на почесен пир
Ко тому князю Вороньскому.
На первых послон да не поехал он,
На других послон не выехал,
75. А за третий посылы приехал князь же сам же звать,
Он же звал-то, князь, да низко кланелсе:
«Поделись со мной же, князь ведь Скопин Михайло свет
Васильевич,
- Ты моей же радостью великою:
Спородила мне княгина-та
80. Как она чада любимого,
Ишше младого кнежовиця.
Я зову тибя в кумы крестовые, —
Ты поедём, одержи дитя,
Ты прими-ко себе сына хресного,
85. Он ведь будет тебе сын да всё ведь хресной-от;
Не один держать-то будешь же,
А и как кума тибе будёт крестовая,
Как ведь дочь-та всё Малюты она Скурлатова».
90. Ожидает встречать князя-то Михайла всё же Скопина,
А и как Михайла свет Васильевича.
Стал он, Скопин, собиратисе,
Стал он всё тут умыватисе,
Умывал он лице белоё,
95. Лице бело своё нежное,
Вот ведь нежное, прекрасное,
Учесал он кудри русые,
Как завил он кудри во колечушка.
Тут ведь матушка гворила,
100. Всё родимая заплакала:
«Уж ты ой еси, моё чадо единое,
Вот единое любимое,
Не велела бы тебе же я
Вот как ездить-то ко князю-ту,
105. А как держать его сына любимого, —
А сокума твоя не нравится:
Она дочь-то всё малютина;
Чтобы зла тибе не сделала,
Не погубила бы тибя она!»
110. А и возговорил тут же Скопин князь,
А што ведь Скопин князь Михайло свет Васильевич:
«Не тужи-ко, матушка, да не печальсе же!
Не напьюсь я зеленá вина,
Не напьюсь я пива пьяного,
115. Не напьюсь я меду сладкого,
А и я не выпью разных водочок,
Разных водочок заморских-то;
Я приеду, матушка радимая,
В полном всё же я в здоровьици».
120. Оделалса скоро Скопин князь,

- Скоро Скóпин князь Михайло свет Васильевич,
 А и (в) дорогó же плáтьё цвётноё,
 В плáтьё цвётноё в снарядноё,
 Адевал же он сапожочки сафьяные,
125. Одевал он шубу соболиную,
 Надевал он шляпочку пухóвую,
 Надевал гон шарф шелкóвой-от,
 Надевал же он перчаточки,
 Вот перчаточки да йиз семи шолкóв.
130. Скоро, скоро вон с полаты шол же он,
 Брал ведь коничка да всё своёго статного,
 Ишше статного да Воронеюшка,
 Друга верного, товаришша да неизменного.
 Провожала ёго матушка,
135. Его матушка родимая,
 На прошшаньици же низко кланелась:
 «А и поежжай, чадó любимое,
 Как любимое единое!»
 Вот поехал у нас Скóпин князь,
140. Как ведь Скóпин князь Михайло свет Васильевич, —
 А и не есён сокол да вылетал тогда,
 Наш богáтырь выежжал тогда,
 Ешше рыцарь-от пречудной он,
 Ишше пеньицо-кореньицо ломаитсе,
145. Мурава трава да поклоняйтса.
 Он приехал всё ко князю-ту,
 Вот ко князю Воронéському,
 За Москву, славну́ реку́ же, он;
 Увидал же князь ведь гостя-то,
150. Не дошод же двóра сретил он,
 Он ведь стретил, низко кланелсе,
 Брал его да за белы́ руки,
 Человал в уста в сахарные,
 Повёл во свои же во полаты вот,
155. Тут садил его за столицьки,
 За салфеточки шелкóвья,
 Как за ёствы за сахарныя,
 А и за напитки-ти за разныя.
 Они попили, покушали.
160. А и как когда жо всё у князя Воронéського,
 А и как ведь было тут у ёго тут крешшеньицо,
 А восприемником же тут же Скóпин князь,
 А ишше Скóпин князь Михайло свет Васильевич.
 А и на такой же всё на радости
165. У йих пошло же всё пированьицо,
 В пированьици гостей же было много тут;
 Во первьых-то гости дорогй были:
 А йишше кум его да дорогой сидел,
 Дорогой же кум, князь Михайло свет Васильевич вот
 Скóпин свет,
170. А и как скума сидела всё крестовая,
 Ишше доць Малюты-то Скурлатова.
 На пированьици все досыта сыто наедалисе,
 Как допьяна пьяно напивалисе,
 Все ведь гости прошутилисе,
175. Росшутилисе, розговорилисе,

- Ешшо все гости росхвастались:
 А иной хвастал золотой казной,
 А иной хвастал чистым серебром,
 А иной хвастал драгим жемчугом,
 180. А иной хвастал платьём цветным-то,
 Многи хвастали конями статными,
 Многи хвастали женами-ти прекрасными.
 Говорил же князь тогда да всё ведь куму он,
 А ишше куму он крестовому,
 185. А и подносил он цяроцьку напитокку заморьского,
 Подносил он цяру золочёную;
 Принимал Скопин право́й рукой,
 Проздравлял кума с кумою-то,
 Пожалал сыну́: ведь йихному ведь веку долгого.
 190. Вто́ру чарочку поднесла ему
 Как жо вонá, кума крестовая;
 А и принимал Скопин да выпивал её,
 Тогда начел поговаривать,
 Тогда начел вон пошучивать:
 195. «Много, много я очистил всё
 Ишше разных-то дорожок прямоезжих-то;
 Много, много завоевал же я
 Городов-то всё же разных-то;
 В многих был я поездках богатырьских-то,
 200. Я во многих был же во съездах славных рыцарьских,
 А некто́ не мог побить меня,
 А некогда́ некому́: да не погубить меня!
 Состою со всеми я,
 Мне-ка нету поединшичка
 205. Мне во матушки во славной в каменной Москвы,
 А и не в Нове́-то в славном городе,
 Мне-ка нету-то во Киеви во городе —
 Не найду нигде же поединшичка!»
 Тут боярам-то, дворянам за беду пришло,
 210. За великую насмешку показалосе;
 А они подкупили-то злодейку лютую,
 Как ведь ту куму крестовую,
 А и как ведь дочь Малюты всё Скурлатова.
 А вонá, лукавица превредная,
 215. Черодейка (о)на, ведьма́ поганая,
 Она с лукавьством дело сделала,
 Она сделала, устроила:
 Насыпáла она во чарку зельица зелёного,
 Вот зелёного отравного,
 220. Наливала (о)на напитокку,
 Вот напитокку заморьского,
 Подносила всё вонá чарочку золочёную
 На подноси золочёном-то,
 Поднесла она, раскланелась,
 225. Со весёлою улыбочкой да рець говорила:
 «Уж ты ой еси, да кум крестовой мой,
 А и дорогой кум да всё крестовой-от,
 А и молодой же Скопин князь Михайло всё Васильевич,
 Если кума тебе в любовь пришла,
 230. Полюби куму крестовую,
 Ты прими-ко чарочку золочёную.

- Выпей чароцьку за моё, своё здравіё!»
 Не подумал-то да Скóпин князь,
 Он скакал тогда, ставал да на резвы́ ноги,
 235. Он ведь кланелсе кумы своей крестовою:
 «Возлюбил тибя, кума крестовая,
 Выпиваю я за твоё за здравіё,
 Тебе желаю всяких я счастья-долголетия,
 А и я желаю тибя, кума, вѣку́ же долго жить,
 240. Я же долго жить, счастливой быть!»
 Он проздравил кóму, поклонилсе ей,
 Выпивал вон чару золочёную, —
 Тут почувствовал болесь тогда,
 Буйна головушка с плеч да покатыласе,
 245. Рѣзвы ножочки не завладели же,
 Бѣлы ручушки не заслужили же;
 Тут сказал тогда ведь Скóпин князь,
 Ишше Скóпин князь Михайло свет Васильевич:
 «А и злодейка, змѣя лютая,
 250. Как кума моя крестовая,
 Полешйла ты меня, кума,
 Как моёго веку долгово!»
 А и тут прошшалсе вон со кумом-то,
 Вот со кумом, со кумою-ту,
 255. Со своим же с млáдым хресником;
 Он садилса на добра́ коня,
 Вот поехал гон скорым гонцом,
 Как приехал скоро к рóдной матушке,
 Он убрать успел скорó добра́ коня,
 260. Сам пошел он во полатушки,
 Во полатушки да белокаменны
 К свѣей к матушки к родимою.
 Он успел толькó роздетисе,
 На кровать он повалитисе.
 265. С рóдной матушкой проститисе;
 Слезно матушка родимая заплакала.
 Возговóрил тут ведь Скóпин князь,
 Шшо ведь Скóпин князь Михайло свет Васильевич:
 «Уж ты пошли, матушка, дай же знать,
 270. Скóбу весточку пошли же от миня сечас,
 Шшо моя невеста бы приехала, —
 Я хочу же с ей проститисе!»
 Не ослышилась его родима матушка,
 Посылала скороё йизвестьицо;
 275. Не замедлила невеста-та,
 Она скоро тут приехала,
 Слезно, слезно тут заплакала, —
 Только успела с ним проститисе,
 А и все дружья́ к нему же съехались,
 280. Все же съехались, скопилисe.
 По утрú-ту, úтру ранному,
 Тут ведь Скóпин-то преставилсе,
 От преставилсе, не стало-то.
 Тут рóдна матушка его-то плакала,
 285. Она сидела у его у буйной у головушки,
 А невеста его плакала,

- А сидела у резвых же ног.
 Матушка слезно плакала,
 Во речах же выговаривала:
290. «Ты зачем, моё же чадо милоё, любимое,
 Не послушал своей матушки?
 Как уехал за реку: Москву
 На глумленьицо злодейки,
 Как погубила лиходейка-та!»
295. А невеста-та сидела, она плакала:
 «Кабы знала ето, ведала,
 Я пришла бы всё, приехала,
 Не спустила бы туда ехать!
 Верно, мне не суждено было,
300. А и во судьбинушках да не написано,
 А в жеребую же мне не выпало,
 Шшо за Скопином за князём быть в замужесви,
 Вот в замужесви быть, в супружесви!
 А и тут не стало всё зори же поднебесною,
305. А и как не стало звезды же всё блестяшюю,
 Тут не стало же дорогой же всё жемчужинки,
 А и тут не стало золочёной-то ведь пряденки,
 Серебрёного да веретёшечка,
 А и как наливной сладкой ягодки,
310. Как богатыря-то сильнёго,
 Чудна рыцаря премладого,
 А и как ведь Скопина же князя-та,
 А иише князя-та Михайла свет Васильевича!»
 А и той старинушки конец пришол.
315. А ему славы поют великия,
 А и чесь ведь, славушка ему да бѹдет вечная.
 Всему народу-ту советскому на послушаньицо,
 А от них-то бѹдет про него же пропеваньицо.
 Как морю Чорному на тишину,
320. А и как Москвы-реки на чесь, на славушку великую.
 (А может, Скопин князь как урожданец-то, может, был
 из-за Москвы-реки?)

№ 113. ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА СТЕПАНА РАЗИНА

- А и когда поехал Сенька Разин свет,
 Сенька Разин-от поехал Тимофеич-от,
 А и он последний раз поехал-то в темны леса,
 А и вот темны леса поехал во дремучи он,
5. А и вот последней раз вон в чисто полѣ,
 А и во широкое поехал он во роздольицо,
 Он и последней раз-то объехал славной тихой Дон же всё,
 А и он со Доном ропрошшатсе стал:
 «А и ты прощай, прощай, Дон ведь славной тихой-от,
10. Прощай, славной Дон, славна Дон-река же всё!
 А и боле мне, добру мблодцу, не бывать будѣт,

- А и славна тихого Дону будёт не видывать».
 А и тагда Сенька Разин поклонилсе тут,
 А и поклонилсе он, поехал-то
15. А и на своём же он добром кони.
 А и во правой руки была у его,
 А и была у его жо палица тежолая,
 Во левой руки у его сабля вострая.
 А и тут конь богатырьской-от,
20. Он и начел тут помахивать,
 А и вот помахивать, да скакал очунь быстро-то,
 А и перескакивал реки глубокие,
 Как и ведь и те леса же тёмныя,
 Как болота-ти, да болота жидкие.
25. А и он приехал, Сенька Разин-от,
 Он и во те же степи Донские,
 Степи Донские, в леса тёмны,
 А и по лесам-то он безде выездил.
 А и как ведь было тут да зверей горазно, всё лесны же вот, —
30. Не стрелял да ни одного вот,
 Потому шшо Сенька Разин призадумалсе,
 Призадумалсе да запечалилсе.
 Он и сидел же при печалюшки,
 Спомнил, спомнил свою молодось,
35. Свою молодось, свою страну,
 Как свою страну, деревенку,
 А и жену первую, Марьянку-ту,
 (Маремьяна.)
 А и он спомнил своего сына,
 Своего сына любимого:
40. Не захотел же сын на Дони жить,
 А и не при Дони, не при Волги-реки,
 Не захотел-то в море плавати,
 Ат стречать же карабли же он разные,
 Он ведь разные-ты всё пересийские
45. Со товарами со разныма,
 Вот со разныма да иностранныма, —
 От и он не за хоршо дельшко принялсе тут,
 Само гибельнё-то дельшко сделал-то,
 Он и влюбилсе в одну княжину,
50. Он и за ней, за ней да убежал же вслед,
 Вот за ней же вслед по Персии,
 Вот как не было про него да некакой да всё же весточки,
 А не письма не было, не грамоты,
 А и не словесного челобитьца.
55. «А и как жива ли, не жива, — не знат, —
 Вот моя-та всё любя семья,
 Вот моя жена да Марианка-та?
 Ей ведь хватит ли да золотой казны,
 Золотой казны прожить до старости?»
60. А и не знай, в страны ли свои вернутсе мне?
 А и как не чесь мне-ка будёт мне не молодецкая,
 Не похвальба-та богатырьская,
 Што йиз-за бабы-то (и)з-за (такой) погонюся я!
 Звал Маремьянку не год суда,
65. А и вот не год суда, не два же ей,
 А и вот не два же звал, три же годицька, —

- Не согласилась со мной ехать,
 Она трус была, баба плóхая,
 Разлучилась с мужем милым-то;
70. А и как теперице Маримьянки в живых нет давно,
 Марейянки в живых нет давно,
 А и все товаришши разъехались,
 Вся дружиночка моя хоробрая,
 А и все богатыри в дружиноцки:
75. Как первы в темы леса уехали,
 А други уехали в други страны,
 Третья-та чась моей дружиночки,
 Она всё же переловлены,
 Переловлены да все же схвачены,
80. По тюрьмам же россажоны,
 По темным темницям уж да заугнаты,
 Заключоны в темны темници
 За караулики за строгие,
 А и за замоцики за тяжелыя,
85. Они за двери за железныя.
 А и вы, леса темные,
 Леса темные, степи славныя ведь Дóньские,
 Много, много было у миня-та, дóбра мóлодца,
 Вот погулено, погрэзено,
90. Богатырьскима утехами позабавленось,
 Рыцарьскима подвигами утешонось.
 А и вы, станы, станы, станы мои дорогие,
 А вы, шатры мои да белополóтняны,
 А и вы, полатки рыта бархата,
95. Вы сейчас же оставайтесь.
 Где-ка мы же, дóбры мóлодцы,
 Дóбры мóлодцы, казáки дóнские,
 Казáки дóньския,
 Как ведь сильныя, могучия богатыри,
100. Мы ведь здесе жировали да здесе пировали-то,
 Зимы холóдны зимовали-то,
 Весну красную гулели-то;
 Как тогда же, дóбры мóлодцы, сбиралисе,
 Дóбры мóлодцы, сбирались, уежжали,
105. Уежжали мы на Дон тогда,
 А со Дона тихого да проежжали мы,
 Проежжали мы да на слáвну-ту на Волгу-реку,
 На роздольцо широкоё,
 А и мы оттуль же проежжали-то
110. Как во морюшко, да морё синее,
 Морё синее глубокоё
 А и на чернёных бóльших кáраблях.
 Там, дóбры мóлодцы, гуляли же,
 А на лёкких струтах розъезжали же,
115. Вот встречали там приходши чернёны да бóльши кáрабли,
 Ешше кáрабли же были разные,
 Были всё же и ерманьские,
 Были, скажом, и гишпаньския,
 Были кáрабли пересийския, —
120. Они шли-то со товарами,
 Со товарами со разныма,
 Мы с нимá же тут стречалисе,

- Товары разные снимали тут;
 Как ведь ети-ти товары-ти
125. Была чась взетá для самих для нас,
 Другá чась была готпрáвлёна
 Как во славну матушку каменну́ Москву,
 Шшо ко Грозному царю Ивану ко Васильёвичу.
 А и как тепериче прошло всё же то время, прокатилосе,
130. А и как ведь всё назади типерь госталосе!
 Как кругом типеря во злодеях мы находимсе,
 Везде всё кругом злодеюшки,
 Везде сарьския опричницьки,
 Они везде же нас преследуют,
135. Они везде же нас разыскивают,
 Как собаки-псы ведь чепныя-ти,
 Будто звери страшные ведь лёсные.
 А я ездил, доброй мóлодец,
 Как не год же здесь, не два гулял, —
140. Ездил я гулял-то тридцеть три годочика.
 Было (у) дóбра мóлодца погулено,
 На белóm светí поежжоно!
 А и как не пропала моя молодось,
 Моя молодось славна молодецькая,
145. Как в забавах всё казáка дóньского,
 А как и вся ведь сила богатырьская.
 Ат теперице я, доброй мóлодец,
 Всё как ведь с вами-та, темны́ леса,
 Я ведь с вами роспрошшаюсе,
150. Роспрошшаюсь, росставаюсе».
 Тут ведь кланелса да Сенька Разин-от
 Он лесам да лёсам тёмным-то:
 «Вы прошшайте, лесá тёмныя,
 Лесá тёмныя дремучия!
155. Вы прошшайте, степи славныя,
 Степи славныя Дóньския!
 Как во вас-то, леса тёмные,
 Много было нам добыци переловлено,
 Разных звéрей лёсных у нас пострелено,
160. Ишше птицъ-то разных у нас покушано.
 Где тепере нашо столованьицо?
 Где тепере пированьицо?
 Будто нéкогда да не было-то,
 А оно во снях-то мне-ка только видатса,
165. Тóлько видицца да мне-ка чудитса!»
 А и роспростилсе Стенька Разин-от,
 Роспростилсе казак дóнской-от,
 Как и богáтырь-от вот сйльней-от,
 Он поехал на добрóm конí
170. На своём же богатырьском он;
 Доброй конь-то начел у его же тут поскакивать,
 Полетел, будтó да птица лёккая,
 Птица лёкка перелётная.
 А и как тогда же он поел же сел, позавтрокал,
175. Кáзак дóнской, Сенька Разин-от,
 Сенька Разин сын же Тимофеевич,
 А и ехал, ехал кáзак дóнской-от,
 Кáзак дóнской трóи суточки;

- На четвёрты отдохнул же он,
180. Он и поставил же белóй шатёр,
Он и покушал, скоро спать же лег;
Спал в шатри же чёлы суточки,
На другй же пробуждалсе он,
Выходил он из белá шатра,
185. Умывалсе вон свежóй водой,
Утирал лицё полотеньником,
А и как тогда же он поел же сел, позавтракал,
А и тогда убрал же белóй шатёр, —
Он садилсе на добра коня,
190. На добра коня да богатырьского,
Вот и поехал в путь-дорожочку,
В путь-дорожочку вон поехал ко Дунай-реки.
Он и немало поры-времени же ехал всё,
Он и ехал ко Дунай-реки;
195. Вот приехал ко Дунай-реки,
Во Дуная у реки же он,
Он сидел же призадумалсе,
Призадумалсе, замешкалсе,
Он и смотрял, смотрел да на Дунай-реку, —
200. А и Дунай-река стояла тихая,
Вот ведь и т́иха, не колыбаласе,
Она морьской волной не розливаласе.
«А и уж ты ой еси, Дунай-река,
А и шириной же ты широкая,
205. Глубиной оч́унь глубокая!
Есь на тебе, славна́ Дунай-река,
На половины-то реки тебе
Есь серóй-от камешок горючей-от,
Как второй-от камешок — белóй-от,
210. Как третей-от камешочик — черной-от;
Как до етих-то до камешков
Много раз-то я ведь плаывал,
Я ведь плаывал, там купалсе во Дунай-реки.
А и што теперице мне, дóбру мóлодцу,
215. Покупатьсе разве всё да во Дунай-реки,
Во Дунай-реки́ мне-ка в последн́ей раз?
Э и ты беги, беги, мой же доброй конь,
Ты беги, беги да в зелены́ луга,
А и ты гуляй, гуляй да в зеленых лугах,
220. Кушай-ешь же шолкову́ траву́,
Пей же всё воду со Дунай-реки, —
Отдыхай сичас, конь, от работушки,
Споминай хозяйина любимого,
А и как того ли Стеньку Разина,
225. Стеньку Разина да Тимофевича,
Как того ли каза́ка дóньского,
Как богáтыря пресильн́его!»
Роспрошталсе с конём, заплакал он,
А и конь ведь стал ходить по лугу́ зелёному.
230. А Сенька Разин, природделсе вон,
А и природдел плáтьё-то богатырьскоё,
Тут стал купатьсе да доброй мóлодец,
Стал купатьсе да всё во Дунай-реки.
Пёрвву струйку-ту да переплыл же он,

235. Другу струйку-ту переплыл же он,
 А третья струйка-та была да очунь быстрая,
 Понесло его да по теченьицу.
 Долго боролсе тут да доброй мѳлодец,
 Доброй мѳлодец тут, донской казак,
240. Как руськой-от могучой всё богатырь, —
 Не могла ёго тут забрать да струйка быстрая,
 Переплыл он струйку быструю,
 Отдохнуть-то вышел на камёшок на горячий на серенький.
 На камешке на сереньком стоял он, отдыхал тогда,
245. А во руках-то писал да скору грамоту,
 Он писал да тут уписывал:
 «Если хто да вернитесь вы, да добры мѳлодцы,
 Дѳбры мѳлодцы, дружиночка хоробрая,
 Как славы казаки да всё ведь дѳнския,
250. Ешше те ли богатыри очинь сильния,
 Когда заберут-то миня, дѳбра мѳлодца, в неволюшку,
 Они схватят миня да всё из волошки,
 Дѳбры мѳлодцы, сила-армия,
 Сила-армия да всё ведь царская,
255. Коньска гвардия да всё ведь царская,
 Засадят-то, дѳбра мѳлодца, в тѳмну тѳмницу,
 Заклучат меня в злодейку в заключебную, —
 Вы тогда, моѳ дружиночка хорсбрая,
 Вы полѳжьте свои силы богатырьския
260. На таки подвиги чудныя,
 Как на чудныя, очунь на дивныя:
 Разабейтѳ-ко тѳмны тѳмници,
 Вы сломайте замки заморьския очунь крепкие,
 Дѳбра мѳлодца повырuchte,
265. Атамана своего верного,
 Как верного, неизменного;
 Когда выручите вы дѳбра мѳлодца из неволюшки,
 Тогда будѳм опѳть розъежжать тогда,
 Разъежжать будѳм-то козаками будѳм дѳнскими,
270. Богатырями-та славно-сильныма-то руськима.
 А если вы меня не выручите,
 Не выручите, не выведите
 Да иза той ли тѳмной тѳмници,
 Из злодеюшки заклочебную, —
275. Когда сказнят-то у мя, да дѳбра мѳлодца, буйну голову,
 Не давайте-тко хоронить же йим,
 Не давайте хоронить моѳго да тела белого,
 Тела белого молодецкого,
 Как казакá да всё ведь дѳнского,
280. Богатыря славноруського:
 Пушшай приумоют моѳ да тело белое,
 Приумоют ёго да дѳжды частые,
 Принаредят миня да ветры буйные.
 Схоронитѳ-ко, дружиночка хоробрая,
285. Как дружья-ти, товаришши мои верные, неизменные,
 Казаки славные да всё ведь дѳнские,
 Богатыри да всё ведь сильные,
 Схороните-ко... да увезите-ко,
 Увезите-ко миня, да дѳбра мѳлодца,

290. Добра мѳлодца, атамана же
Атамана, казѳка дѳньского,
Казѳка дѳньского, богѳтыря-та сильного,
Схоронитѳ-ко миня на лугу, на дубравушки на зелѳною
Между трѳх-то дорог да славных российских:
295. Возле перьвой-то дорожочки славнѳ моськоськую,
Возле другѳ-ту дорожочку питенбургскую,
Возле третью-то дорожочку киевську;
В сголовьях-го вы поставьте мне
Чудной крес(т) животворящей же,
300. Чудной памятник постанѳвьте,
А на памятники изрисуйте миня, да добра мѳлодца,
Добра мѳлодца, казѳка дѳньского,
Казѳка дѳньского, Сеньку Разина,
Сеньку Разина Тимофеевича,
305. Как богѳтыря да всё ведь сѳльнѳго,
Ешшо рыцаря-то всё пречудного:
Как во правѳй руки будто держу же я,
Как дѳржу будто саблю вострую,
А во левой руки светлой булатной нож;
310. А в мои ноги-ти поставьте богѳтырьские
Как моѳго-то всё добра коня,
Как добра коня богѳтырьского,
Богѳтырьского, Воронѳюшка.
Когда пойдут-поедут обозы-то со товарами,
315. Со товарами всё со разныма,
Со разныма со заморскима,
Как привидѳтса, можот быть, ехати
Казѳкам-то, можот, дѳньским же,
Богѳтырем-то сильним же,
320. Мимо миня привидѳтсѳ итти красным-то ведь девушкам, —
Они все тут приостанѳвятся,
Приостанѳвятся, приадумаютсѳ,
Прочитают-то они тут скоро же
На моѳм-то всё на памятнике,
325. Они увидят золотые етира же,
Как узнают-то тут, увидят,
Шьто лѳжит тут доброй мѳлодец,
Доброй мѳлодец, козак дѳньской-от,
Богѳтырь очунь сѳльнѳй,
330. Сенька Разин сын Тимофеевич;
Они вси тут прироспачутсѳ,
Прироспачутсѳ да прирѳстѳжатсѳ:
«А и лѳжит, лѳжит казак дѳньской лѳжит,
Казак дѳньской лѳжит, богѳтырь сѳльнѳй-от,
335. Лѳжит Сенька-та Разин свет Тимофеевич.
Он не поедѳт больше, доброй мѳлодец, в чисто полѳ,
Не поедѳт он гулять на тихой Дон же всё,
Не поедѳт он во стругах на Волгѳ-рекѳ!
Как в ягѳ-то буйной гѳловы богѳтырьскою,
340. Во ѳго ли всё в кудрях, да в кѳдрях чорных-то,
Как ведь птички перелетны свили гнѳздѳ,
Соловьѳ-ти прилетают по веснѳ они,
По веснѳ-ти прилетают весны раннюю,
Чудны песни-ти поют да роспеваѳт-то,

345. Ягó будят-то от крепкого от сна от мертвого, —
 Он ведь слышит, доброй мóлодец, не стават же всё;
 Потому он не стават, что нет дружиночки хороброю,
 Как хороброю дружиноцьки, казакóв дóньских-то,
 Нет богáтырей, его дружьей-товаришшей,
 350. Ямú не с кем, дóбру мóлодцу, поборотисе,
 Вот дёржать-то ёму бóю тут кровавого,
 Не с кем дёржать-то ёму бóю кулачного». —
 И той старинушки теперице конец пришол.
 Тíху Дону-ту ведь славному на тишину,
 355. Как Москвы-рекí на чесь-славú великую,
 Как всёму нашему народику советьскому на послушаньицо,
 А от йих пойдёт вперед на пропеваньицо.

№ 114. (ОСАДА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ)

- Во Москви было да во царьсви,
 Во моськосьском государьсви,
 Перебор-от был боярам,
 Пересмот(р) всем воеводам.
 5. Из бояр-бояр выбирали,
 (В) воеводы поставляли,
 Выбирали воеводой
 Его роду-ту не простого,
 Петра сына Алексевиця
 10. По фамильи Салтыкова.
 Приходили послы скóры,
 Пóслы скóры к Салтыкову
 На его же двор широкий,
 Со двора же шли во сени,
 15. Его горници высóки,
 Во повáлыши ширóки,
 Они пришли жи, говорили,
 Говорили тáки речи:
 «Здрастуй, здрастуй-ко, воевода,
 20. Воевода Пёт(р) Алексевиць!
 Мы пришли же, пóслы царьски,
 Пóслы царьски осударьски,
 От царя пришли Олексея,
 От Олексея свет Михайловича.
 25. Как по вчерашнему вечерочку
 У них было заседаниё,
 Заседаньё было царьско,
 Все скоплялись и сядились,
 Все со старого до малогó,
 30. (В) заседаньи выбирали
 Кому быть жо воеводой, —
 На тебя же выпадало,
 Тíбя выбрали воеводой.
 Сечас зовёт тибя наш царь-от,
 35. Наш ведь царь-от Алексей же,

- Алексей же свет Михайлович;
 С тобой хочот царь говóрить,
 С тобой сѣжа в заседаньѣ».
- Воевода отвечает:
40. «Вам спасибо за уведомление,
 Вы подите-тко, скажите
 Государю-ту царю же
 Алексею вот Михайловичу,
 Шьто я буду очунь скоро
45. Как за вашим за уходом!»
 Слуги царьски поклонились,
 Поклонились, удалились.
 Одевалсе воевода
 В дорогó же цвѣтно плáтьѣ,
50. Умывал же воевода
 Он своё же лицѣ бѣло,
 Учесал же воевода
 Он свои же рúсы кудри,
 Как ведь зáвил воевода
55. Во колечушка рúсы кудри,
 Как пошел у нас воевода
 Как на царьской во дворець-от,
 Государьскоѣ крылецько.
 Увидали, шьто йидѣт же,
60. Слуги царьския стречали,
 Вот встречали, проводили
 Ягб во горници высóки,
 Как во свѣтлы во светлицы;
 Открывал дверь воевода,
65. Открывал двери он тихо,
 Закрывал он двери крепко,
 Он ведь крес(т) клал по писáному,
 Вот поклон вѣл по учоному,
 Тут ведь кланелсе воевода
70. Государю-ту царю же
 Алексею свет Михайловичу:
 «Здраслуй, здрастуй, государь наш царь
 Алексей же свет Михайлович!
 Ты какú вину предвидишь?
75. Чем же я тебе провинилсе?»
 Отвечал же государь-от
 Алексей же свет Михайлович:
 «Некакой вины не предвижу —
 Я хочу с тобой, воевода,
80. Посидеть ведь в заседании».
 Он ведь брал же воеводу
 За его за прáву руку,
 Человал же воеводу
 Во его же во уста-ти,
85. Посадил же воеводу
 На дорогой же стул на царьской,
 Говорил же воеводы:
 «Уж ты ой еси, воевода,
 Пѣт(р) Алексевиць Салтыков-то,
90. Про тебя слухѣ несутсе,
 Будто ты же, воевода,

- Вот бывал же в Белом мори,
 Как во Белом-то во мори,
 У Архангельского града,
 95. Как ишше бывал, воевода,
 В Соловецком манастыри же,
 На прикраснай кинарии;
 Как у свето(в) преподобных
 Соловецких чудотворцев
100. У Зосимы и Совватия,
 Как у Ермана, Елизария,
 На Гальгофы-та у Йова, —
 Съезди, съезди туда, воевода,
 Съезди, съезди, потреложьсе,
105. Я накладываю на тибя же
 Ету должность, ездн в службу!
 Ты ведь знаешь там проезды,
 Съезди, съезди ты туда же,
 На светой на етот остров,
110. Стáру веру разрушй-ко,
 Свѣты книги йизорви-ко,
 Огню-тлену йих предай-ко,
 Всех ведь старцей йизруби-ко,
 (В) Бѣло морѣ помѣчи-ко!
115. За твою за службу верну
 Я полбжу чин великой,
 Я открою царѣв банук, —
 Ты бѣри-ко, воевода,
 Золотой казны бессчотно».
120. Воевода хоть и был млáдой —
 Умом-разумом разумной,
 Как рассудком был премудрой;
 Таковá дела ужахнулое,
 Он слезами уливалсе,
125. Долго был же в розмышленьи,
 Нечего не говорил же.
 Когда пришол же во сознаныѣ,
 В свой во разум, во россудок,
 На колени становилсе,
130. Он слезами уливалсе,
 Во слезах рець говорил-то:
 «Уж ты гой еси, государь наш царь
 Алексей же свет Михайловиць,
 Нельзя думушкой подумать,
135. Крепким разумом помыслить
 На светоѣ его место,
 Как на свѣтов преподобных,
 Соловецких чудотворцей,
 На прекрасну кенарію!»
140. Закрычал же сарь тут громко:
 «Ето что такó на свети?
 Ето что такó во мири?
 Как какó пошло беззаконьѣ, —
 Царя белого не слушать?»
145. Прикажу тибя, воевода,
 Скоро взять тибя на мученья,
 Руки-ноги отказнити,

- Буйну голову готрубити!»
 Воевода был же млáдой,
 150. Скорой смерти убоялсе,
 Убуялсе он, устрашилсе,
 Таки речи говорил же:
 «Уж ты ой еси, государь наш царь
 Алексей же свет Михаиловиць,
 155. Не вели миня казнити,
 Позволь рець же говорити:
 Ты поверь же силы много,
 Дай борьцов, гоньцов, солдатов!»
 Тогда царь же взвеселилсе,
 160. Человал же воеводу
 Как в его в уста во млáды,
 Надёвал на воеводу
 Он ведь свой же перстень царской,
 Как надевал на воеводу
 165. Золотú же цепь ведь царьску,
 Как дарил же воеводу
 Он свои цесы же царьски
 Со камнями дорогима.
 Как воеводы нечтó не мило,
 170. Хочь он подароцьки примае,
 Он не с радости, не с веселья,
 Со горючима всё слезами.
 Говорил тогда государь же царь:
 «Уж ты гой еси, воевода,
 175. Воевода Салтыков же,
 Когда съездишь, воевода,
 Вот ка манáстырю светому,
 Ко йигумену чеснóму,
 Когда ведь его совершишь же,
 180. Делá, какí тебе прикажу же, —
 Стáру веру розрушítи,
 Свёты книги йизорвати,
 Огню-тлену все прижгати,
 Всех ведь старцей прирубити,
 185. В Бёло морё побросати, —
 Как тогда же, воевода,
 Когда скоро ко мне вернёшьсе,
 Тогда тебе, воевода,
 Великóй чин я наложу,
 190. Золотой казны бери-ко,
 Как бери-ко, сколько надоть,
 Тебе терем дам высокой
 Со прекрасныма садами!»
 Как повёл тогда воеводу
 195. Как во царьскоё во зало,
 Вот садил тогда воеводу
 Во большó местó в почётно,
 На скамейку рыта бархата,
 Как за столички окольны,
 200. За салфеточки шолкóвы,
 Как за ёствы за сахárны,
 За сахárны вот за рáзны,
 За напитокки за рáзны.

- Тут ведь было много покушано,
 205. Было белою лебедушки
 Ешшо много тут порушено;
 Тут ыграли-то во арфы,
 Вот во арфы-ти во йигромы,
 Всё во струны-ти в золочёны,
 210. Вот во гусли-ти во весёлы.
 Воевода сидел ведь скучной,
 Он сидел не очунь вёсёл,
 Буйну голову повесил.
 Буйну голову с могущих плéчей.
 215. Он ведь думал такú думу,
 Такú думушку очунь мúдру:
 «Как избавь миня, владыко,
 От таких страшных приключеньей!
 Я не губитель же, не зверь же,
 220. Не медведь же я ведь лёсной,
 Не черодей же, не волшебник —
 Я ведь руськой християньской.
 Как на ету же на место,
 На прекрасну кинарийю...
 225. Погублять же ету мёснусь
 Как некак йих не возможно,
 Нельзя думушкой подумать,
 Крепким разумом помыслить!»
 Долго шол же царьской пир-от,
 230. Долго всё у йих проклаждалсе,
 Воевода, нечего же
 Он не пил, не ел, не кушал,
 Всё сидел он в затмении.
 Кагда кончилса пир ведь царьской,
 235. Как пошли тагда с сарём же
 Воевода Салтыков-то;
 Когда пришли в полату грановиту,
 Куды все скопилисе, пришли-то,
 (В) заседаньици сидели,
 240. Вот сидели и решили
 Как отправить воеводу
 Как во Белоё во морё,
 Ву широкоё раздольё,
 Как ко свётам преподобным,
 245. К соловецким чудотворьцам;
 Поручили воеводы
 Силы много поручили,
 Как борьцов, гребьцов, солдатов.
 Говорил он воеводы,
 250. Говорил он таки речи:
 «Уж ты ой еси, воевода,
 Ты поди типерь гуляй-ко,
 Ты гуляй-ко, проклаждайсе,
 По Москвы же розъезжайсе,
 255. Бери денег очунь много,
 Золотой казны бесчотно!»
 Воевода роспростилсе,
 Он во свой терём евлялсе.
 Как стречают отец с матушкой,

260. Увидали, што йихно чадо.
 Невесёлой он пришол же,
 Не по старому, не по прежнему.
 Слег он, слег он, розболелсе.
 Отець с матерью затужили,
265. Они стали тут выпрашивать,
 Они стали тут выведывать, —
 Как открылось йихно чадо,
 Рассказал ведь, как ведь следуёт;
 Отець с матерью зговóрили:
270. «Хоть ты у нас же чадо мило,
 У нас мило всё едино,
 Ты послушай, сын любимой:
 Не прельщайсе, дитё, сыночик,
 На золотú казну несчотну,
275. Как на чесь же всё, на славу,
 На многосчотну золотú казну, —
 Чесь-та, слава не надолго,
 Как богасьвице не вечно!
 Ты послушай-ко, сыночек:
280. Хоть ты голову положишь,
 Зато в царьsvии пребудешь,
 Со христом же вечно будешь.
 Не ужайсе смерти скорой, —
 Уж как две жо всё не будет,
285. А годной, сын, не минуешь».
 Через трóи-то ведь суточки
 Преходили пóслы царьские,
 Шшобы шол к йим воевода;
 Воевода Салтыков-то
290. Тут ведь начел собиратьце,
 Тут ведь начел одеватьце,
 Одеваться стал на дорогу.
 Когда воевода приделсе,
 Хорошо он снаредилсе,
295. Тогда с батюшкой прошшалсе,
 С рóдной матушкой росставалсе;
 Они слéзами уливались,
 Своёго чада премилого,
 Вот премилого спровожали.
300. Когда воевода-та приехал
 (К) государю он к царю-ту,
 Ко царю же к Олексею,
 К Олексею свет Михайловичу;
 Как стречал ведь царь ведь с радости,
305. С великого удовольствия.
 Пировали-столовали
 Трóи сутоцьки пóры-времени,
 Как на четвёрты-ти сутки времени
 Как в дорожку собиралсе
310. Как премлáдой Салтыков-от;
 Поручили ёму всё же
 Как борьцов-солдатов много.
 Потенули ветры буйные,
 Ветры буйные попутные;
315. Как садилсе воевода

- В тонки в лёгоньки стружочки, —
Только поехал воевода,
Он нидалёко только отъехал,
Ему падали ветерочки
320. Непопутны, непоносны.
Воевода в эту пору,
Эту пору, в это время
Розболелса, росхворалса,
Как домой он воротилсе.
325. На то место нанималсе,
Нанималсе, накупалсе
Из кнезьей-то князь Печерской, —
Он ведь родом поляк был же,
Нечогó он не боялсе,
330. Ничего он не страшилсе,
Как прельстился воевода
На великой чин большой-от,
На золстú казну на многу,
Как на велики же ведь прелести,
335. Согласилсе скоро ехать
Замен воеводы Салтыкова.
Когда сел же воевода,
Воевода князь Пешшерской,
Потенули ветры буйны
340. С полудённую сторонку,
Приносило воеводу
Ко манастырю светому,
Ко игумену к чеснóму,
На прекрасну кинарёю,
345. Шьто ко свётам преподобным,
К соловецьким чудотворцам.
Как стрелял же воевода
Во соборну бúльшу церковь,
Уронил же воевода
350. Вот бугородица с престола.
Все ведь старьцы перепались,
Перепались, испугались,
В ёдну келью-ту собирались,
По стенам они пометались.
355. Говорил отец игумен:
«Ай духовны мойи дети,
За христа нужно́ страдати.
Скорой смерти-то не боятьце, —
Хоть мы здесе пострадаем,
360. Скуру смерть же здесь получим,
Мы во царьсвии прибудём,
Со христом же царьсвовать будем,
Мы ёго тогда бúдём слуги!»
Всё по старому-от служили.
365. Как во ту пору, во то время
Воевода заходил же,
Кругом манастыря обходил же,
Как не мог попасть в стену-ту,
Как розбить стены не можот.
370. По грехам по нашим тяжким,

- По великом пригрешеньям,
 Захотелось Деревяги
 В Свѣтом озерѣ купатьце.
 Деревягу-ту, я скажу же, —
375. Как мужик жил деревеньской, —
 Не могли никак унять,
 Как ведь стали Деревягу
 По верѣвкам опускати,
 Тут ведь пал, пал Деревяга,
380. Он ведь пал и не убилсе,
 Как сломал Деревяга
 Себе правую ногу,
 Как сламил Деревяга
 Себе левую руку.
385. Увидал тогда воевода —
 Как лёжит, лёжит Деревяга;
 Прибегаёт, говорит же:
 «Уж ты ой еси, Деревяга,
 Деревяга, мужик-деревеньщина,
390. Ты скажи, скажи, Деревяга,
 Эта город ли, манастырь ли?»
 Отвѣчает Деревяга:
 «Ты не проводи миня, воевода,
 Ты ведь знаёшь всё, понимаешь,
395. Муего ведь только разума
 Всё пытаёшь-то с лукавством.
 Как, конечно, наш манастырь,
 Манастырь наш Соловецкой!»
 «Дак скажи, скажи, Деревяга,
400. Он народом-то народен ли?
 Он ведь хлебом у вас хлебен ли?
 Он ведь порохом зелянин ли?
 Он народом ли народён ли?»
 Отвѣчает Деревяга:
405. «У нас хлебом-то гон хлебен,
 У нас крепосью гон крепок,
 Он ведь порохом зелянен —
 Как народом не народен.
 Всё ровно тебе, воевода,
410. Не попасть будёт никак же».
 Воевода огрубилсе,
 Таки речи возговорил:
 «Если ты мне-ка не скажешь,
 Если ты же утаишь же,
415. Как простой мужик, деревеньщина,
 Прикажу тибя взять скоро
 На великия мучения,
 Руки-ноги отпилити,
 Буйну голову сказнити!»
420. Деревяга ужахнулсе,
 Скорой смерти убоалсе,
 Он ведь скоро возговорил:
 «Если нужно знать, воевода, —
 Разбирай скоро окошко
425. Дровенó оно небольшоё».

- Разбирали трѳи сутки;
 Через трѳи сутки всё же
 В манастырь взошли, попали,
 Они взяли старцей на мученьѳе.
430. Как ведь старшой йиз них старець,
 Как ведь старець сам игумен,
 Как упрашивал воеводу:
 «Уж ты ой еси, воевода,
 Как не мучь-ко-се мѳю братью,
435. Как не мучь-ко йих, не тронь же.
 Ты помедли мѳло время,
 Ты гуляй здесе, розгуливай
 По манастырю светому,
 Ты ведь сам же всё узнаешь,
440. Время скоро прѳдет всё же.
 Ты ведь здесе поживи-ко,
 Некогѳ йиз нас не тронѳи-ко!»
 Воевода не внимает,
 Он ведь ужести не знает,
445. Тут ведь взял он всех: ведь старцей
 Как сказнил же, прирубил же,
 У живых езѳки резал
 Как глаза у йих выкалывал —
 Всех ведь старцей прирубили,
450. В Бело морѳ пометали.
 Как во ту пору, во то время
 Как во матушки в Москвы же,
 В грановитою палаты
 Когда царь сидел ведь вон же,
455. Улексей же свет Михайловиць,
 По делам своим сидел же,
 Вѳ ту пору, вѳ то время
 Два ведь юноши пришло-то,
 Два премлѳдых и прекрасных,
460. Как со вострою пилою
 Как со вострыма зубами.
 Подошли они к царю-ту.
 К Олѳксею тут Михайловичу;
 Закрыцѳял же царь ведь громко,
465. Прибежали слуги все же,
 Они спросили осударя:
 «Шьто вам сделалось, с вами случилось?
 Шьто такое с вами огрубилось?»
 «У вас есь ли караулы,
470. Караулы очунь вѳрны?»
 Отвечали царю так же:
 «У нас стоят везде караулы».
 На второй же день так было,
 На третѳей же раз ведь так же;
475. Тѳгда юноши сказали,
 Как прекрасны проговорили:
 «Как за такѳ, царь, приказаньѳе,
 За велико твоѳе беззаконьѳе,
 Скоро жись твоя скончаитце,
480. С белым светом прошшайсе!»
 Как когда же воевода

- Погубил свету светыню,
 Ишшо свѣтов преподобных,
 Соловецких чудотворцей,
 485. Воевода с такою радости,
 Со великого удовольствия,
 Пошел с радостью, поехал
 Как на Сию он¹.
 Как из Москвы идут солдаты,
 490. Шьтобы старой веры не тронули,
 Шьтобы старцов не рубили,
 В Бело морѣ не метали:
 «Как послал нас ведь царь-от
 Алексей же свет Михайлович».
495. Но ведь это было пѣздо, —
 Когда всё же разорѣно.
 Когда воевода-та приехал
 Во втору Москву, на Вологду,
 На такой же он на радости,
 500. На таком он на весельици,
 Очунь много вина напилсе.
 Вот (на) таком же он весельи
 Во питейной дом сходил же,
 Из питейного йиз домичку
505. С одной бабой познакомилсе,
 Познакомилсе в знакомсво;
 Три денѣчка с ей гулял-то,
 Из ее дому не выходил-то,
 На такой же он на радости
510. Ничого не понимал-то, —
 Нахвталсе воевода
 Как болезни он прокаженной,
 В той болезни росхворалсе,
 Росхворалсе-розболелсе.
515. Не доехал воевода
 До Москвы же он до граду,
 Вот дорогой он скончалсе, —
 Не удалось же воеводы
 Великѣй чин получитьи,
520. Золотой казны бесчотной,
 На хорошей жонѣ женитьце!
 Олѣксей-от царь Михайловиць
 Розболелса-росхворалса,
 Болезь страшнѣ была, несносна:
525. Как по дням-то он стонал жо,
 По ночам-то гон крычал-то,
 Так крычал же очунь страшно, —
 Во дворци все розбегались,
 Розбегались, убегали;
530. Не могли же ведь ему-то
 Наносить камчатѣй бумаги,
 Все окошочка ростворяли,
 Все ведь двери роскрывали;
 Так ведь роспух царь Олѣксей-от,
535. Олѣксей-от царь Михайлович,

¹ Спето невнятно;

- Носом пошла ведь ротом кровь-та —
 Так скончёвалсе царь Олексей-от,
 Олексей-же свет Михайловиць.
 Воевода Салтыков же,
 540. Он и так потом насел же
 Он на должность на большую,
 Он осталсе навсегда жив-от,
 Долголетно, долго жил же,
 Долгой век-от ему был же.
 545. Как ведь той же всё старинушки
 Как пришол же всё конець-от,
 Старопрежней всё и древной,
 Как про монастырь светой же,
 Про прекрасну кинарию,
 550. Что про светов преподобных,
 Словечких чудотворцей.
-

№ 115. (МАРУТА БОГУСЛАЕВНА)

- А как ведь жил же Богуслай во Богуслаи-то во городи,
 Вот не славилсе богатырь Богослаюшко,
 Он не славилсе, преставилсе;
 Оставалась (у) Бугуслаюшка,
 5. Оставалась у его да всё любá семья,
 Вот любá семья, да пожила жона,
 Оставалась у Богуслаюшка
 Как его же дочь любимая,
 Дочь любимая единая,
 10. Ишше душочка Марута Богослаевна.
 А и тут поплакала его жена любимая,
 А и поплакала Марута Богослаевна;
 Потужили, похоронили-то.
 Стала жить Марута Богослаевна
 15. Со своей родимой матушкой.
 Осталась Марута Богослаевна
 Она от батюшка лет двенадцати,
 Ей возрбстила же рбдна матушка,
 Стала Марутушка на возрасти.
 20. А и все же сватались мужики да в своём городи.
 Ишше сватались богатыри,
 А и на ей хотел же поженитисе
 А йихной князь же богославской от —
 А и не привелось же князю на ей же поженитисе.
 25. Э и как во ту пору, во сáмо тут во времецька
 А и как взволновалсе-то султан же, царь турецькой,
 А и как пошол султан турецькой-то войной же он,
 А и войной-то он пошол да на Ерманею;
 А и много шло-то у его же силы-армеи,
 30. А и силы-армеи-то шло, много коньской гвардии,
 А и как ведь шол-то царь турецькой сам-от он.

- Воевалси царь турецькой три-то годика;
 А и под конець война же шла, — только кончити,
 А и не успел царь турецькой только мир заключить,
35. А и скоро пришла-та ведь ему же скоро грамота:
 А и разболеласе его старшá царица-та,
 Э и вот царица-та ведь как старша, жена любимая.
 Э и поспешилсе царь турецькой, вот солтан же сам,
 А и поскорё-то он царицы-то вот на свиданьице,
40. А и штобы застать в живых царицу, неумершею;
 А и вот поехал царь ведь скоро на коньской гвардни.
 А как ведь мир ведь всё заканчивать оставил он,
 А и вот оставил он своёго сына любимого,
 А и как премладого своёго он наследничка,
45. А и вот наследника своёго он, царица;
 А когда уехал-то сам солтан же, царь турецькой-от,
 А и как тогда-то всё ведь скорó война окончилась.
 А и как царь-ат, всё султан, да ехал скоро(-от),
 И доехал скоро гон да своёго-то Царя-градá,
50. А и до своей ли-то гон столицы, Царя-градá,
 А и стал лецить-то он свою царицу турецькую,
 А и он повылецил царицу свою турецькую.
 А и во ту пору-то, во само, сказать, времечька
 Э и вот пришла как турецька-то сила-армия,
55. А и позади-то пришла коньска йхна гвардия,
 А и они обошли-то ведь Богуслаёв, славный город-от.
 (В) Богуслаи-то царица-от турецькой-от
 Он стоял-то на отдыхи три неделёчки,
 Как салдаты отдыхали были в лагерьях,
60. Афицеры-ти с полковниками гуляли-то,
 Вот гуляли они, ходили по Богуслаю-ту, славному городу;
 Тут ходил с йимá премладой-от турецькой-от наследников.
 В одну пору-то, в одно же утро ранное,
 По восходу было всё же красна солнышка,
65. Захотелось марутиной родной матушки
 Ей напицьце-то свежой воды с Богуслай-реки;
 Она ведь дочери любимую говорила:
 «Уж ты ой еси, моя дочь любимая,
 Дочь любимая моя же всё единая,
70. Принеси-ко же ты мне сходи с Богуслай-реки, —
 Во перьвых хоцю помыть я лица белого,
 Как своих-то я очей да ведь ясных-то,
 А и мне напицьце-то охвота воды с Богуслав-реки».
 Тут Марута-то Богослаевна не ответила,
75. Она ведро взела же, скоро за водой пошла,
 Почерпнула она свежой воды с Богуслав-реки,
 А и понесла-то своей матушки родимую.
 А и когда шла-то вот Марута со водой домой,
 А и ко ее же тут вот ко приходу ко несчастному,
80. Увидал-то ей турецькой-от наследников,
 Вот наследников увидел-то, царица-от.
 Тут пошли, пошли ведь и скоро вот турецкия полковнички,
 Как пошли же всё турецьки-ти афицерики,
 Розузнали, шшо за девица, така красавица.
85. Они скоро-то объевили об том матушки,
 Шьто отдаст ли свою доцьку с цести, с радости,
 Со великого ли она вот удовольствия?

- «Если с радости отдашь — вреду не сделаем;
Если не с радости отдашь, тогда боём возьмём,
90. Не оставим в Богуслаи народа некогó в живых!»
Тут узнали-то об том народ ведь все же в Богуслаеви,
Они скопились вси ко князю богуслайскому,
Тогда позвали марутину рóдну матушку;
Тут пришла же скоро марутина рóдна матушка,
95. Обьевили ей народ же, люди добрыя:
«Если ты же не готдашь же-то дочери любимую,
Тогда пушь берёт же турецькой-от наследничок, поляночкой!»
А князю-ту богуслайскому хотелосе
Вот открыть-то бой-драку из-за Маруты-то Богуслаевны —
100. Как народ-от, люди все не согласилисе:
«Нам нужда была боротьце из-за Маруты-то!
А Марута ведь доць да всё вдовина есь;
Невелика беда, — одной да только конситса». —
Сколько, сколько не потужил же князь да богославской-от,
105. Ему жалко былó готдать Маруту Богуславу,
Но повыручить-то он же вот не знал же как.
Тут привелось-то всё же матушки марутиной
Росставатьце со своей же доцерью с любимую.
Как со той ли всё с Марутой Богуслаевой.
110. Много, много горевали йонí, плакали,
Обижалась доць на матушку родимую:
Не послала бы ей мать да на Богуслай-реку,
Не увидел бы тогда турецькой-от наследничок.
Вот распростиласе Марута-та со рóдной матушкой,
115. Распростилась со своим со городом со Богуслаем-то.
Как повёз, повёз турецькой-от наследничок,
Не за пленницу повёз он — за невесту тут.
Он на дорозецьки-путях остановилсе он,
Вот писал, писал наследник скору грамоту,
120. Пёрьву грамоту писал марутиной рóдной матушки, —
Он послал-то ей ведь много, много красна золота,
Он послал-то много ей же чиста сёребра,
Он послал-то ей ведь много жемцюга,
Он послал-та ей каменьё самоцветноё, —
125. Написал-то скору грамотку по рыту ей по бархату,
Вот крупным-то написал да чистым золотом:
«Не тужи-ко-се, не плаць, марутина рóдна матушка!
Когда приедём мы, прибудём в славный Царь же град,
Кóгда буду я царём сидеть, царём царить,
130. Твоя Марута, доць любима, будёт царицою,
Вот царицою-та будёт она турецькою,
Тогда увезём тибя, матушка любимая,
Во свою-ту всю во славную во Турцию,
Как во славной, славной всё же вот во Царь же град, —
135. Ты же будёшь не разлучёна с своей дочерью,
У тибя много-то ведь и будёт нянэк-демушок,
У тибя много будёт разных-то ведь давушок,
Роздевать будут тибя да одевать будут». —
Как втору-ту он писал да скору грамоту,
140. Скору грамоту писал да гон во Турцию
Своему царю, султану-ту турецькому,
Шьтобы стречал-та царь турецькой сына любимого,
Не одногó ёго стретил — со невестою:

- «Я везу, везу невесту со светой Руси,
145. Из Богослая-та везу я ей да из города,
Я Маруту-ту везу же Богослаевну,
Дочь она-та есь у меня да всё вдовина дочь».
Написал-то тут царицу, запечатал-то,
Посылал-то скору грамоту во Турцею;
150. Приходила скоро грамота во Турцию,
Принимал-то царь-салтан да распечатывал,
Распечатал царь-султан да разгрубилсе же,
Начел ногой-то он право́й в полаточки потаптывать,
Право́й рукой-то он ведь начел тут помахивать,
155. Побежал-то, взял ведь грамоту сыновнюю,
Как понёс, понёс казать да он царицу-то:
«Посмотри-ко-се, царица, вот любá семья,
Ты, любá моя семья, да изо всех любá жена,
Шьто ведь пишот-то сынок, смотри, какú грамоту:
160. Он везёт-то всё сибе какú-ту сибe пленницу,
Он ведь пленницу везёт с Руси руськую,
Он ни из царьского-то роду, ни из королевского,
Ни из королевского из роду, ни из княженеського —
Он везёт, везёт сибe же всё вдовину дочь,
165. Шьто вдовина-то доць да непочотна есть.
У нас много-то девиць да есь во гамóre-то,
Их ведь много есь да тут красавиць-то, —
Пскуплял-то я, скупал всё у корабельщиков,
Для ёго-то всё красавицей сбирал везде,
170. Для ёго-то всех девиць да у меня же сорок есть!
(Смеётся: „Вот цего-то ч дедка была)!
А тепереце чего же стало?
Он везёт-то ведь хуже он перелётною воронушки,
А страшнэ-то облизьяны само́й страшною.
Шьто я сделаю за его такой случай плохой?
175. Я сниму с его ведь сан да всё ведь царьской-от, —
Он пушшай у меня шатаице без звания,
Прогоню ёго из своёго всё из города,
Пушшай там же он любуецце с красавицей!»
А царица-та царю тут возговорила:
180. «Уж ты (не) дал мне, царь-салтан, и по болезни моей поправитьца,
Ты опять мне-ка втору́ болесь устраивашь!
Ежели откажешь ты у меня сына́ у меня любимого,
Он не будет у миня жить во моих глазах,
А мне чесá-то не прожить да я помру тогда.
185. Если любишь ты миня да всё желéшь, же, царь,
Всё жалешь же, царь, да всё салтан, скажу, —
Прошу, миня же всё же не росстраивай,
Как прости, прости ведь сына-та любимого,
Ты прости ёго во младости во млáдою,
190. У его-то ум млáдо́й да мыс(л)ь и слабая.
А двум-то любо, царь, третей да всё не суйсе тут!
Ты встречай-ко лучше сына ты любимого,
Поежжай-ко, не дошед Царя-града стреть его,
Ешше стреть-то ёго да с чести, с радости;
195. Кабы я-то была здорова всё по старому,
Я сама бы навстречу к йим поехала.
И принимай-ко ты ведь йих же с чести, с радости,
Вот сыграй-ко йим ведь свадьбу-ту весёлую,

- Ззови гостей ведь, царь, да всё со всех землёй.
200. Урёдишь как невесту в дорогих нарядах наших Царя-града,
Она тогда же бѹдѣт ровня-та и нам же всё». Пожалел царь да тут царицу же,
По ее словам да всё решил дела,
Всѣ решил дела да приказал же он,
205. Приказал же он скоро да готовить пиры да к пированьюцу.
Он писал да скоры ярлычки скорописцеты,
Розослал он по всем землям, да по всем земельюшкам,
Приглашал на пир всех королей да всех королевичей,
Царей да всех цариц.
210. Сам поехал-то стречать да он наследницька премлადого,
Как премлადого наследницька, сына всё любимого,
Как поехал стречать в кореточки в золочѣноу.
Стретил, стретил он же сына-та любимого,
Человал сына в уста его в сахарныя,
215. Вот здоровалсе с Марутой Богуслаевной, —
Как Марута Богуслаевна пондравилась,
Царь обнимал тогда Маруту Богуслаевну,
Человал в уста ее же в сахарныя,
Называл-то своей дочерью любимоу,
220. Посадил-то ей в корету в золочѣноу,
Окатил скорѹ ведь, увѣз их во Царь же град.
Как в Цари-градѣ на крылечушки на царском-то
Как стречала их царица вот турецкая,
Она брала дитей за руценьки за правые,
225. Человала их в уста же во сахарныя,
Проводила их в зала-ти во царские,
Посадила на диваны-ти на мяккия.
Какá прелесь была, красота же неизречѣнная,
Какá роскошь-та была у царя ведь, у салтана-та,
230. Как чего же тут на свети у ёго не было!
По праву руку у ей сидела всё у ней царица-та,
Возлѣ руку сидел жених, царицѣ-от,
Против их-то всё сидел да ведь сам салтан,
Всѣ ведь сам-от всё султан, да царь турецкой-от.
235. Как пошла-то у их свадьба розвесѣлая,
Пировали-столовали чельй месяц тут,
На другой месѣч султан поженил же взял,
Поженил-то взял ведь сына, сына он любимого;
Как на свадьбу была достата марутина рѹдна матушка.
240. На такой на большой радости солтан же, царь,
Возлюбил-то он свою сноху же гон, Маруту Богослаевну,
Из-за любви он (и)з-за такой сильнѣ-великою
Установил царѣм ведь сына-та любимого,
Как Маруту-то Богослаевну — царицѣю.
245. Как царил-то царь премлადой вот турецкой-от
Со своей ли он с царицѣю, со любой семьѣй,
(Со любой семьѣй, да с молодой женой);
Породила ёму Марута чада милого,
Чада милого ему, сына любимого.
250. Как прошло-то етому времени три годочика,
Как по старому по времени было тут, сказать,
По христьянским-та законам была ведь и паска тут христова-та.
Как Марута-та с рѹдной матушкой прѣзничели,
Как они прѣзничали, ходили они всё гуляли-то,

255. По садам-то они ходили по прекрасным-то,
 Как ведь ходили-то везде, ходили-ездили.
 Ее матушка пошла в полаты-ти царские,
 А Марута-то Богуслаевна, царица-та,
 Она пришла же ко царю ко свёму всё к турецкому,
260. Ко своёму-ту супругу, супругу милому,
 Перед ним-то стала всё на колени-ти:
 «Уж ты ой еси, премладой царь турецкой-от,
 Ты прости мне вины да виноватую
 Мня без той ли всё без ссылочки без дальнёю,
265. Миня без той ли всё без казени без скорою,
 Мня без той ли всё насмешочки великою!»
 «Говори-ко ты, царица всё турецкая,
 Ишшо душочка Марута Богуслаевна!»
 Подымал тогда царицу за праву руку,
270. За праву-ту ей же руку, за золоты персти,
 Человал свою царицу в уста сахарныя,
 Прежимал свою царицу к ретиву серцу,
 Как садил же ей на стул-от рыта бархата,
 Сам же ей всё важливо поклонилсе царь:
275. «Как во всём, во всём ведь будет разрешительнё!»
 «Я прошу тебе ведь, царь, как да во сегодняшней день
 Разреши-ко мне от тёмной тёмницы золоты ключи,
 Ты позвол-ко тёмны тёмницы отомкнуть же мне,
 Ты позвол-ко весь народ да всё выпустить,
280. Всё выпустить ведь их же всё на волошку,
 Вот на волошку спустить их, на слободушку,
 Ешшо дай-ко им на дорогу золотой казны,
 Как повыдай на дорогу им добрых коней!»
 Как для любви-то ведь царь своей царицы-то
285. Согласилсе, дал ведь ён ей позволеньица,
 От ведь отдал ей ведь-от, подал золоты ключи,
 Он давал-то много-много золотой казны,
 Велел выдать-то, ведь дать да кони статныя,
 Коней статных велел выдать на дорожочку.
290. Побежала тут Марута Богуслаевна
 Со великою она же со веселосью,
 Со улыбочкой пошла же со весёлюю,
 Отмыкала скоро (о)на тёмну тёмницу,
 Отворяла она злодейку заключебную, —
295. Как во той-то было в тёмной, тёмной тёмницы,
 Как сидело тут ведь тридцать-то богатырей,
 Засажоно было тридцать млáдых рыцарей,
 Как простого-то народу чísла-счоту нет.
 Как пришла тут Марута, поздоровалась:
300. «Уж вы здраствуйте, дородни вы добры мóлодцы,
 Здраствуйте, сильныя, могучия богатыри,
 Здраствуйте, млáдые ведь чудны славны рыцари,
 Здраствуйте, весь народ-от ведь простой да деревеньской-от!»
 Тут ведь все гонí с ей здоровались:
305. «Уж ты здрастуй-ко, царица славна турецкая,
 Уж ты, душечка Марута свет Богуслаевна!
 Ты скажи-ко нам, пожалоста, поведай-ко,
 Как сегодне какой день да на светой землi Россиюшки?»
 Рассказала тут Марута Богуслаевна:
310. «На Россиюшки сегодне день ведь славитсе, —

- Будто сегодне-то ведь паска-та по всей землі». Тогда все-то ведь тут богатыри задумались, Все ведь рыцари тогда же запечалились: «Уж ты лучше бы, царица славна турецкая,
315. Ишше душочка Марута Богослаевна,
Ты про этот день ведь нам же всё не сказывала — Ты взяла бы всё у мужа саблю вострую,
А своима бы руками сказнила наши головы». Тут Марута-та Богослаевна ответила:
320. «Вот христос воскресе, со старшого до младшого!» Тут сказала, што: «ведь вам теперь воля вольная, Хошь в Цари-граді живите хоть кто куда хочёт». Тут ведь все закрычали в один голос-от: «Хочом, хочом каждой на свбю родину!»
325. Тут ведь каждому роздавала она йим красно золото, Роздавала вона йим тут на дорожочку, Выдавала йим ведь коней-то ведь статных-то, Богатырям выдавала гонá орудіе,
Ишше рыцарем выдавала она орудіе,
330. Выдавала йим ведь копя богатырьские, Выдавала йим ведь палицы тежолыя; Тогда сели богатыри на добрых коней, Тогда сели млáды рыцари на добрых коней, А простой народ-от пошел на кáраблях.
335. Как ведь вси-то они Маруты поклонялисе, Как ведь вси-то ей здравия желали-то: «Со своим царём тебе с турецким-то Долго жить-то вам жалаем, много здравствовать!» Вот такá-то была царица Марута Богуслаевна.
340. Она, царица-то, была ведь роду-ту ведь руського, И по ей-то царь управлял да как по руському. И той стариночки теперице конец пришел. А слáвну морюшку-ту Чорному на тишину, А как рекí нашой славно́й каменной Москвы,
345. Как на великую ей на чесь, на славушку немалую, Как всёму нашему народу-то советскому, Как ведь йим-то всё на послушаньицо, А от них-то ведь пойдёт на пропеваньицо.

№ 116. СТАРИНА ПРО РОЖДЕНИЕ ЦАРЯ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА

- А и как у нас же всё же было вот в каменной Москвы,
А и в каменной Москвы вот у дворца было государьского,
А и у крылечушка-то было государьского,
А и обошла-то тут звезда, скажом, поднебесная,
Б. А и опекло у нас же, скажом, красно солнышко,
А и освётил у нас же светлой месяц-от,
А и просияла тут зоря светлá же утренна,
А и как проствётела свещи́я славна́ воску ярового, —

- А и на земли-то зародилсе млад царевиць-от,
10. А и млад царевиць-от ведь и как же Пётр Алексеевич свет,
А и как же тут радость-та случилась у царя, сказать,
А и у царя, сказать, у Алексея свет Михайловича,
А и были звоны-ти во всех церквах осподних-то,
А и были всё же тут приоткрыты кабаки царёвы-ги,
15. А ишло пили разна голь, сказать, кабацкая,
А и со старого пили всё да кто ведь хотел вина,
А и много было дано тут да всё же золотой казны.
А и только не спали во всю же ночку вёшнюю,
А и ночку вёшнюю, сказать, да ночку летную,
20. А ягó плотнички-ремесленнички не спали-то,
А и всю ведь ноченьку вони же работали-то,
А и работали они, ведь и делали колыбелёчку,
А и колыбельку-ту сыночку всё любимому,
А и как любимому сыночку-ту Петру всё Олексеевичу:
25. А и колыбелька была у них же красна дерева,
А ишло покрыта была у них же красным золотом,
Вот ведь буквами была она росписано,
Шшо лёжит в етой колыбелёчке прекрасной-от,
Как прекрасной лёжит премладенькой царевиць-от,
30. Вот царевиць-от премладенькой-от ведь Петр да Олексевиць-от,
А и долголетней-от ведь будет он, счесливо жить;
Рукодельници-ти ноченьку не спали всю,
Они рубашечки-ти дитятку-ту шили же,
Они рубашечки-ти ему шили, одеялышка,
35. Одеялышка ему же шили со простынками,
Мякки периночки-ти ему же с одеяльцами.
Вот-то пошол-то как вот у царя же Алексея-та Михайловича,
Вот и пошол-то у него пир-от тут навёсели,
Отовсюль-то гости все же к нему съехались,
40. Все ведь съехались к нему же тут, скопилисе,
Все же князи тут к нему же вот да вот кнежевичи,
Все бояра-ти к нему да все дворяне-ти,
Все купци-ти ведь к нему, гости торговые,
Как ведь съехались к нему всё чёрны пахори,
45. Как ведь съехались к нему же рыболовы-ти из разных рек,
Как простого-то народу числа-счёту нет.
Как шло у его пированьице весёлое,
Он садил гостей, ведь царь-то Алексей свет Михайлович,
Вот садил-то их за столички окольние,
50. На скамеечки садил их рыта бархата,
На ковры садил их на заморские,
Как за кушанья садил же их за разные,
Вот за разные садил он за сахарные,
За напитокочки садил их за заморские,
55. Как ыграли тут во гуслици весёлые,
Как во те ли всё во струны в золочёные,
Пировали-то, столовали трби сутоцки.
Много, много у царя же у Алексея-то свет Михайловича
Много кушаней сахарных-то было покушано,
60. Как ведь белою лебёдушки было порушано,
Много попито-то было зеленá вина,
Много попито ведь было пива пьяного,
Много попито напитокок заморских-то;
Как вот и гости-ти ведь стали расходяться,

65. Росходитеся гости стали, разъезжатисе,
С государем-то с царём же с Олексеем-то с Михайловичом
Они стали-то как с ним же тут прошшатисе,
Государю-ту царю они низко кланелись,
Они кланелись царю Алексею-ту Михайловичу,
70. Как царицы-то Натальи Кирилловны,
Они желали-то им счесливо жить, долголетным быть,
Чтобы возростить-то йим сына милого,
Сына милого-то йим же, всё любимого,
Как премладого-то йим же всё наследника,
75. Вот наследничка-та им же, всё царицыя,
Вот царицыя Петра всё Галексевиця.
Все же гости-ти разошлись да все разъехались,
Как из дворца-то всё разъехались государьского.
Стали нянюшки-ти, мамушки водитисе,
80. Как и больше всех стала тут царица-та,
Вот царица-та, петрова родна матушка,
Родна матушка, Наталья-та дочь Кирилловна, —
Не позволила кормить сына кормилицам,
Она сама его кормила грудью белою.
85. Скоро, скоро стал тут рости млад царицы-от,
Млад царицы-от стал рости Петр Олексевич-от;
Стал, стал же Петр тут Олексевич-от,
Стал ведь скоро он дорос да трёх же лет;
Как он ростом был да всё ведь рослой-от,
90. А ведь он-то корпусом-то был могутной всё.
Как ведь стал-то он ведь, Пётр да Олексевич-от,
А ишше стал-то он тогда да всё семи годов,
Уж и стал скорó ведь грамоты учитисе,
Ему грамота, царицыю, открылесе,
95. Рукописаньице премудроё евилосе,
Обучилсе он ведь грамоты порядочно,
Стал писать-то он, писать, да как ведь следуёт,
Таки мудрые вопросы зачел задавать же всем,
На его мудры вопросы нехтó и готвечать не мог, —
100. Удивились-то тому да все князья-бóяра.
Как ведь стал тогда премудрой-от царицы-от,
Вот царицы-от ведь Петр же Олексевич-от,
Он ходить, ходить на улочку, в зелёной сад,
Заиграл-то он с боярскими с детьми же, всё дворянскими,
105. Заиграл-то он с детьми же всё с кнеженскими,
Немалы-ти он ведь шуточки нашучивал:
Он боролса-то с детьми же со боярскими,
Он боролса ведь с детьми да со дворянскими, —
Кóго хватит-то из них, да всё бросал же их,
110. Он бросал-то скоро на землю, говорил же им:
«Вы ведь плóхие богатыри, не сильные,
Вот не можете в моём, в моей жить во дружиночки!
Когда вырасту-ту я, да всё большой будú,
Не возьму-то вас ведь, трусы, к себе же вот,
115. Вот к себе да под свою я руку правую,
Не заможете вы быть же всё полковниками,
Не заможете вы быть же вот майорами,
Не заможете-то жить же вы ферфёбелеми».
Убегали-то ребята, слезно плакали,
120. Отцам-мáтерям они же в слéзах сказывали;

- Отци с мäterями поплачут, дак делать нечего,
 Делать нечего, судить да йих ведь кто будёт?
 Так подумали дворяне-ти, бляре-ти,
 (О)ни подумали, одумали как дела решить,
125. Как решили-то дела, — да не спускать детей,
 Не спускать детей играть да йих на улице,
 Чтобы не сбил-то йих премладой-от наследничок,
 От наследничок-от Пёт(р) же Олексевич-от.
 Не по годам-то рос премладенькой царевиць тут,
130. Не по годам он-то рос, да по часам, сказать.
 Много-много было подвигов у его в робечьих лётах,
 Много-много было всё же не описано,
 Много-много всё же было не прочитано,
 Много-много об ём не печатано.
135. Как ведь етому нашему сказу-ту конец пришол,
 Как конец-то нам пришол да всё же кончилось.
 А как премладому наследничку царевичу,
 Вот царевицу Пётру всё Алексевицу,
 Про его-то велика же шла славушка,
140. Все со старого до малого споминают всё,
 Вспоминают, шшо же царь Пётр да Олексевич-от
 Он за богатыря-то был всё за могучого,
 Как за рыцаря-то был он всё за чудного,
 За пре(д)водителя-то был за славного за руського.
145. Он умел-то, умел царём, да все царём царить,
 Он умел, умел-то да всё же вот салдатом быть,
 Он и был, и был да всё же плотничком,
 Вот и плотничком ходил, да всё работничком,
 По чернёным-то ходил да всё на кáраблях,
150. Во руках носил-то всё топорик он.
 Его никто не считал да за царя же тут,
 Все считали его же за простого мужика, да плотника;
 Как народ-от подойдут да с ним здоровались:
 «Здрастуй, дядя Пёт(р), какова у тя работушка?»
155. Работушка идёт на счёт строеньица?»
 Усмехнётсе царь Пет(р) Олексевич, им говбрит-то:
 «Хороша идёт работушка, ребятушка!»
 У его засканы рукава же у рубашочки,
 До локóт же рукава засканы у рубашочки,
160. На руках-то его мозолюшки кровавые.
 Так работал царь ведь Пётр же Олексевич-от,
 У его много ведь зато было настроёно
 Как чернёных-то его же всё карабликов,
 На их ходил-то он, ведь плавал в морюшко во Белоё,
165. Он ходил-то, ведь как плавал ко Архангельску ко городу,
 Пировал-то он, гулял-ходил по городу,
 Как нехтó не узнавал, что был ведь сам же царь,
 Был ведь сам же царь Пётр же Олексевич свет:
 Он ходил же всё во платьици во прóстом-то,
170. Как простой мужик ведь будто, деревеньщина,
 Только потому же узнавать да потом зáчели, —
 С кажным желал-то он ведь всё же поборотисе.
 Он ведь всех-то побивал да всех же сваливал,
 Только не мог, не мог он побороть мужика-горшошника,
175. Которой приежжал мужик с горшками на продажу-ту;
 Как тогда же царь ведь Пётр Олексевич-от

- Почеловал его тогда, мужика, в уста-ти:
 «Вот дружья ж мы ведь будём-ти, товарищи!»
 Отдал перстень он ему да со своей руки,
 180. Со своей руки со правою со пёрста-та,
 Подарил-то он часы свои золочёные,
 Дал ведь много-то ему же золотой казны,
 И всё писал же он йиз Питенбурху ёму грамоту:
 «Каково ты поживаешь, руськой-от богатырь-от?»
 185. А мужик-то всё же вот царю описывал.
 Прописаньицо про Петра царя всё же кончилось,
 Чего знала я — сказала, чего не знаю — сказать нечего!
 (Всё.)
-

№ 117. ПРО ЦАРЯ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА, ЕГО БРАТА ФЕДОРА И СОЛДАТА

- Как у нас-то было всё же в каменной Москвы,
 А и во дворци-то всё же было осударьском-то,
 А и как во царьском во дворци, да в тёплой спальни-то,
 А и где же был да сам же тут да млад царицы-от,
 5. А и млад царицы-от да Фёдор Алексевиц-от.
 А и как в одну-то ёму в ночку, да в ночку тёмную,
 А и в ночку тёмную ему же всё осённую,
 А и ишше чудной-от сон ему да сон видь виделсе,
 А и сон-от виделсе ему да казалсе страшной всё:
 10. «А и хошь ты женишьсе, ведь и младенькой царицы-от,
 А и как царицы Фёдор Алексевиц-от,
 А и как недолгой твой ведь век да будёшь жить царём,
 А и будешь жить да как царём да управлять Москвой».
 «А как ведь и передо мной будто два младых стояло
 мóлдца, —
 15. А красотой-то они ведь и были очунь прекрасные,
 А и я негдё таких красавцев-то не видывал,
 А и на речах-то они ведь и очунь были смирныя,
 А очунь смирныя они были, премудрыя,
 А и в розговорах очунь были они важливы,
 20. А и говорили они, всё же мне пресказывали:
 «А уж как ты же вот, царицы, здоровьём плóхой есь,
 Как ведь плóхой ты здоровьём, нездоровой есь, —
 Как тебе же по твоёму по здоровьицу
 Не приведётсе долго всё же тебе в свети жить.
 25. А сестры-то вашей, всё младой царевны-то,
 Вот ведь хочетсе царевны, штобы царицей быть, —
 Не привидетсе ей царицей быть, Москвой царить».
 Хошь хотелось Софьи Алексевны-то царицей быть,
 Хошь царицей быть, да за царя царить —
 30. Не привелось же ей царицей-то сидеть царить,
 Не привелось ей да взять царём себе,
 Вот царём себе да из бояр-дворян,

- Не князя-та ведь взять да не княжовиця,
 Не короля же взять да не королевиця.
35. «А суждено-то тут царём сидеть,
 Царём сидеть-то Петру же Алексевицю,
 А Москвой владеть ему же всё,
 А и как ему же всё, Петру свету Алексевицю;
 Как всё Москвой будёт царить да всё же Петр-от царь,
40. Как ведь Пётр-от царь будёт царить сын Алексевиць млад,
 Потому что на суду ему написано,
 На крещеньи-то ему же всё означено.
 Но скажи-ка только, ему всё поведай всё,
 Призови-ка к себе брателка родимого,
45. Как родимого-то брателка, царица премлáдого,
 Вот премлáдого царица, Петра Алексевица,
 Ты скажи-ко-се ему, да што тебе скажóm,
 А и ты скажи-ко-се царицу Петру Алексевицю:
 Кóгда время-та придёт да он царём царить,
50. Он царём будёт царить да управлять славной Москвой же всей,
 Пускай-ко веруёт-от веру в православную,
 В православну пушшай веру в христианскую,
 Как пушшай-ко в верушку-ту верует,
 Как не в ту же веру верует што в папину,
 (Это в отца Алексея Михайловича.)
55. А пушшай-ко верует в верушку своего деда, —
 Тогда ведь будет-то ведь царю же долго жить,
 Он ведь долго будет жить, да всё до старости.
 Если не поверуёт во веру православную,
 Тогда ведь всё равно узнает царь и сам про всё!»
60. Как спросил-то где премлáдой-от царица-от,
 Вот царица-от Фёдор Алексевиць,
 Он ведь стал-то йих ведь всё же тут выпрашивать,
 Вот выпрашивать-то начел, всё выведывать:
 «Вы скажите-тко, премлáды млáды юноши,
65. Вы царица ли какй, королевица?
 Али вы ли какй есь да всё княжевица?
 Или какй ли вы же руския могучия богатыри?
 Вы ли рыцари какия есь премлáдыя?»
 Отвечали тут премлáды люди царицу:
70. «Мы же не царица же, скажóm, не королевица,
 Мы не премлáды, скажóm, все же есь кнежевица,
 Мы не руския могучия богатыри,
 Мы не рыцари же всё же есь пречудные,
 Не земны же мы ведь жители-ти, скажóm всё, —
75. Мы пришли-то к тебе жители небесныя,
 Мы ведь посланы светы да светы ангелы,
 Рассказать-то ведь мы посланы да как вести дела.
 Если царь-от не послушат-от — и всё узнат:
 Тогда выведетса его род-от царской-от,
80. Не останитса наследникок в управление».
 Как стали светы ангелы стали невидимы;
 Пробудилсе тут премлáдой-от царица-от,
 Долго, долго он лежал думал в постелечки, —
 Его страшило всё ведь чúдной, чúдной страшной сон.
85. От во перьвой день не сказал ницего царица-от;
 На вторую ночь к царицу опять пришли,
 На третью-ту ночь к царицу опять пришли:

- «Если ты не скажешь, царица Фёдор Олексевиць-от,
Тебе худо ведь за это, смотри, бѹдѣт-то!»
90. Говорил тогда царица таковы слова:
«Уж вы ой еси, свѣты да свѣты ангелы,
Свѣты ангелы, осподни есь хранители,
Я здоровьѣм-то ведь слаб, да никто миня не признават никак!»
Как на трѣтью ночь когда же сон привидилсе,
95. Призывал тогда царица брата рѹдного,
Брата рѹдного призвал же он родимого,
Росказал-то он про всё ему, поведал-то;
Как царица-от ведь Пѣтр же Олексевиць-от,
Он умом-то был молодой, так ум и млáдой был,
100. Не послушал он ведь брателка родимого,
Мало веровал во веру православную,
В православную-ту веру христианскую.
А Фѣдора Алексевица век недолгой был,
Век недолгой его был, да он немного жил,
105. Молодым-то гон ведь скоро, царь, преставилсе.
После его-то ведь на царство сел родимый брат,
Вот родимый брат ведь Пѣт(р) да Олексевиць свет;
Он премудрой-от собой да был догадливой,
Он везде, везде ведь сам да управлял дела,
110. Сам укрепил-то везде ведь стены городѹвые,
Сам управлял-то, снарежал всю силу-армию,
Снаряжал-то он ведь всё же коньску гвардию,
Сам за плотника ведь строил чѣрны кáрабли,
Сам ходил да будто прѹстой-то он работничек,
115. Вот работничок, да будто плотничок,
Он прѹстой-от ведь работничок ведь, плотничок.
По делам-то ведь когда ведь надѹть цáря видети, —
Во дворци-то никогда да не находилсе он,
Он ведь боле-то ходил да по своим делам.
120. Когда важные дела да очунь нужные
Когда происходили-то, показывали скѹры грамоты,
Их прочитывал Балакирев, просматривал;
Когда и просмотрит, шшо ведь нужно скоро шшо решить дела,
Посылал-то скоро ведь он их ко плотникам:
125. «Вот подите-тко ко плотникам, сходите-тко,
Там Петруши-то ведь плотнику передайте-тко,
Вы скажите-то, шшо до Петруши есь делá». —
Так ведь многие с прошеньями уходили-то:
«А Петруша-то да разберѣт дела».
130. Народ не знали-то про это, ведь не думали, —
Они думали, шшо в самом деле прѹстой плотник-от,
Шшо же знали-то, какой Петруша плотник-от;
У других-то (о)не у плотников выпрашивали,
А другѹ-то вот ведь плотницьки-ти сказывали:
135. «Вот подите-тко к Петруши, которой тѣшет-то!»
Подходили-то тогда народ, подавали тут;
Остановлялся тогда плотник-от, прочитывал,
Он прочитывал дела же тут, приканчивал,
Как подпишот он на той же вот на грамоты:
140. «Как ведь выдать, как ведь следно вот кому, дѣньги».
Всѣ ведь боле приказывал всѣ ведь выдать-то,
Ишше выдать-то приказывал князю Меньшикову,

Князю Меньшикову Олександрю-ту Даниловичу.

Как в одну пору, в одно да было времечко,

145. Шол инператор Пётр свет Олексевиць-то,
Увидал он: на доми-то написано:
«Как сегодня у этой графины заседаньицо,
Заседаньицо у графины, пированьицо,
Пированьицо у графины-то, розгуляньицо.
150. Как ведь с ним-то постречалсе тут солдатик-от,
Вот солдатик-от ведь шол да с караулику,
С караулу-то, ведь смена вышла же.
Постречалсе-то солдат да поздоровалсе,
Как воздал, воздал он ему чесь ведь царскую:
155. «Здрастуй, здрастуй, государь сам Петр ведь Олексевиць свет!»
Царь тогда ведь Пёт(р) да россмехнулсе он:
«Кабы я царь-то был, дак не шол ведь плотником!»
«А и видно, видно ясна сокола по полету-ту,
Видно, видно-то царя православного по обычь-ту, —
160. Какй будем мы солдаты новобраные,
Как не будём знать своёго царя православного,
Православного царя Петра Алексевиця!»
«Ты давно ли, солдат, живёшь-служишь во солдатиках?»
«Государь ты свет Петр же Олексевиць-от,
165. Я ведь был на войны да под Платавою
Мы разбили всю же армию турецкою,
Мы разбили всю же армию французскую,
Мы dokonчили всю битву-ту платавскую».
«А й ты много-то заслуг, солдатик, сделал-то,
170. А нищем же ты, солдатик-от, отблагодарен-от».
Записал-то он тогда да скоро в книжечку,
Скоро в книжечку записал себе да в паметну.
«А и как зовут тибя, солдатик-от, по ймени?»
«Миня зовут-то всё, солдата, как тибя, царь, зовут, —
175. Миня тоже вот зовут, зовут Петрушою».
Захотал тогда ведь царь Петр Олексевиць-от:
«Хорошо же ведь, Петруша, ты мне ведь и тёзка есь,
Так вместях развё, Петруша, после на бал пойдём,
Как на бал же мы пойдём да ко графины-то?»
180. Отвечал тогда солдат да всё царю же он,
Вот царю-то он всё Петру да Алексевицю:
«Уж ты ой еси, осударь царь Пёт(р) же Олексевиць свет,
Как не пара я тибе да есь, не дружина же,
Не твоёго я-то поля, поля ягодка!
185. Ты ведь царь-от всё Пёт(р) да Олексевиць есь —
Проведёт тебя графина, встретит с радости;
Мене, простого-то солдата — не допустит тут,
Не допустит она миня да всё до лисници,
Не допустит до своих она до украшённых калидориков.
190. Знаю, знаю я уж и эту-ту графину-ту:
Напились-то я уже с Васькой, со товаришшом, с солдатом-то,
пьяные,
Мы пошли-то к ей, пошли на ее же пированьицо.
Ее графско-то величесьво постречалосе,
Приказала она ведь нас да тут прогнать же вон.
195. А Васька-то, ведь товаришш, ужахнулсе-то,
Он ведь скоро, Васька, убежал же вон;
А миня начели толкать, — я не поддалсе-то,

- А графиня-та премлада озлобилась,
Вот озлобилась она же, огневиласе,
200. Как ударила миня кулаком в праву́ шшоку́.
Вот и знаю я ее пированьицо!»
Усмехнулсе тут ведь царь Пётр Олексевиць-от:
«Хорошо же было, Петруша, вот тебе было приглашеньяцо,
А хорошо было тебе угошшеньяцо,
205. А во-вторых хорошо-то было тебе одобреньяцо, —
Зато ведь видел ты графину во белó лицо.
Отместим-то мы, Петруша, ей насмешочку,
Будет помнить-то она ету́ насмешечку до гробу-ту;
Некому́-то она не смет да всё пожалитьсе».
210. «Ну, не надоть мне ее да боле не хочу же я, царь, с ней
боле знатисе, —
Она не нашего-то поля есь ведь ягода.
«Хорошо-то ведь как, Петруша, на такой же поженитисе?»
«На такой жонь ведь, царь, — только плачь-рыдай,
Кажный день же оплеухи-ти от ней прймай!»
215. «Ну да всё же ты, Петруша, будь готовой-от,
Мы с тобой же пойдём вмести́х ведь вечером,
Мы наредимсе ведь мы в худой одежды-то,
А под низ-от мы оденем-ко хорошую.
Я к тебе, Петруша, приду, не забуду-то.
220. Ты в какой же роты, скажи-ко, где, куда зайти?»
«Я третьей-то роты всё полка Преображеньского».
Тут россталисе дружья да розошлисе тогда.
А солдатик-от не думал, шшо ведь правда есь,
Шшо зовёт его ведь царь вмести́х итти же всё,
225. Он подумал, шшо царь всё же пошутил над ним.
Когда стал-то царь ведь с ним же всё прошшатисе,
Написал-то он ведь взял всё записочку
Как ведь старшому над полками ко управителю:
«Не посылать болé Петруши вот в дожурьсво-то,
230. Во дожурьсво-то его да в караульнёе, —
Он ото всех-то караулу есь отменён-от,
Отменил его ведь всё же государь же царь,
Государь-от царь Пёт(р) Олексевиць сам».
Как пришол-то ведь Петруша, когда подал-то,
235. Скоро, скоро был ведь он же отстранён ведь всё,
С караулов-то он ведь был да выслан-то,
Ему комната в етажу была выдана;
Тут Петруша-то сйдит вечером, призадумалсе:
«Цем я, цем я провинилсе-то, негож я стал?»
240. А и как в чесу-то всё же было вот в девятом-то,
А и как ведь царьска-та кореточка подъехала,
А из кореты-то вышол сам царь Пётр Олексевиць свет,
А и как его-то ведь деньши́к нёс чебодан же шол,
А и чебодан принёс во комнату Петруши-то,
245. Вот принёс-то чебодан да сам и вон пошол,
В корету он ведь сел, сел, скорó уехал тут;
А царь-от Пётр ведь всё же Алексевиць-от,
Он пришол, пришол к Петруши вот во комнату:
«Уж ты ой еси, Петруша, друг же мой же есь,
250. От поди-ко ты, Петрушка, купи же зеленá вина,
От до балу-то графины повыпьём-то!
Да купи-ко, брат, чего-нибудь на закуску-то!»

- Дал ведь много-то Петруши он ведь денёг-то;
Петрушка скоро-то сходил да всё принёс царю.
255. Тут попили ребята, поугошшались,
Они cigar-то разных всё взяли покурили,
Как тогда же говорил ему да царь же всё,
Ешо царь ему говорил да Пёт(р) ведь Олексевиць свет:
«А и как пора теперь, Петруша, соберитисе,
260. Соберитисе, Петруша, одеватисе».
- Открывал-то чебодан скорó, отмыкал же царь,
Вынимал-то гон ведь платья новые солдатские,
Приоделись в платъё в новое солдатское,
Они пошли, пошли ведь арменским¹ солдатами,
265. Они пошли-то, приворотили в кабак, ишше повыпили.
Вот пришли, пришли они скорó к графины-то;
У графины-то ведь было слугám приказано
Не пускать простых солдатов да ишше пьяных-то,
Не пускали-то видь слуги никак их, ведь вверх не
пропускали-то.
270. Тут не лютоё-то зельё розливалосе,
Как ведь царьско-то богатырьско серыцо ростреложилось,
Могущи плечи его шевелилисе,
Лепетá в лица его переменяласе,
Разметал-то, раскинал-то всех ведь слуг же тут, —
275. Они прошли-то по высоким тут по лисницам,
И прошли они по долгим каледорикам,
Как зашли-то во полаты во графинины,
В пированьици сидели всё ведь князи-ти,
Все ведь князи-ти сидели и графы-ти,
280. Все ведь графы-ти сидели иностраньци-ти,
Тут ведь много было графин девиць и княженей,
Тут ведь было много разных людей служáшших дочки-ти.
Когда зашли во полату царь же Пёт(р) да Олексевиць-от,
А как графина да тут же йим промолвила:
285. «Ето хто же вам приказал зайти сюда?
Почему зашли без позволеньица?»
Слуги верныя ее да за имá идут,
За нимá идут да слезно плачут-то;
Росказали, шшо ведь солдат один-то тихо шол,
290. А другой солдат да разбросал же всех.
А тогда графина-та млáдая говóрила:
«А я солдатов-то. к себе же на пир да не приглашала йих,
А я на пляску, на тóнци не зазывала йих!»
А говорил же царь Пёт(р) Алексевиць-от:
295. «Мы, солдаты — люди царския,
Нам везде можно вот зайти всегда;
А во вторых должна сама же знать,
Написать же на дому́ свойём
Кáким гóстям заходить на пир,
300. А каким гóстям нельзя зайти!
Оно также в прежно время сказано,
Што ведь «званным-то гóстям да всегда место есь,
А незванным гóстям, как йим ведь места нет», —
А мы не звáны, так нам и места нет,
305. Места нет, погледим мы во стороночки».

¹ В смысле «армейским».

- А и тут ведь графы все заоглядывались,
 Заоглядывались же князи, заперешаптывались,
 Сразу, сразу признали тут,
 А графины тогда знать ведь дали-то, —
310. Што зашол, пожаловал ведь сам же царь,
 А как ведь сам же царь Пётр Алексевиць свет.
 Она тогда же, графиня, ужахнуласе,
 С извинением пришла, царю да поклониласе,
 А и такі речи она же возговорила:
315. «А и ты прости мене вины же виноватою!»
 А государь царь Петр же Олексевиць свет,
 Говорил ей царь Петр да Олексевиць свет:
 «Во перьвóй же раз прошшаитса,
 Во второй шшобы не повторялосе!
320. А и как меня хочёшь садить —
 Сади моёго-то другá-товаришща;
 Я ведь с ним вместях училса грамоты,
 Я ведь с йим же был да в мóрьских плаваньях,
 Я ведь с ним же был под Платавою».
325. Посадили тут солдатика,
 А и пировать-то стали, столовать-то у графины-то.
 А и как тут ведь много было пированьица,
 Пированьица тут же, угошшаньица, —
 А много, много тут было разных кушаньей покушано,
330. Разных водочек тут попито!
 Когда сталй они гулять да всё плесать же тут,
 А и развеселилсе тут же царь у нас,
 Ишше царь у нас Пёт(р) же Олексевиць свет,
 А и заплясал-затонцевал с графиною,
335. А и он ведь стал же с ней тут розговаривать,
 Разговаривать, над ей всё подшучивать:
 «А мы свадьбу твою сегодня спровожаем-то, —
 Нам на свадьбе на твоей же приведетце быть,
 А тепереце мы празднуем твою свадьбу»;
340. А тепере за твоё же пированьицо,
 За хорóшо угошшеньицо
 Пожелаю я тебе жениха хорошого!
 Или у тибя давно уж прибрано?
 Прибран у самой тибя?»
345. Отвечала ему тогда, тогда графиня-та:
 «У меня же, государь царь Пёт(р) Олексевиць-от,
 Некакóво жениха же нет при мне,
 А его нет, нет — не выбрано.
 Ети гости же, все же графы-ти,
350. По знакомству же мне-ка созваны». —
 «А хорошо же дело есь сечас:
 Я ведь знаю жениха тебе,
 Жениха тебе я знаю, парня всё хорошого,
 За ним жить ты будешь — красоватисе!»
355. А готвечала ему графиня-та:
 «Я сечас, государь царь Пётр Алексевиць свет,
 Я ведь замуж не собираюсе,
 И не надоть мне жениха сечас, —
 Как не надоть тебе жену же всё, —
360. Я без его могу одна же жить».
 «Не отговаривайся, премладая графина же.

- Жениха я тебе подобрал давно.
Царьски речи-ти назадъ никогда не возвращаются, —
Шшо ведь скажет царь, да так и сделает он».
365. А и тут графина возговорила:
«Ваша воля, царское величесьво,
Как вы хотите, так и делайте!»
Тогда государь говорил-то он такі слова,
Вот такі слова да таковы речи:
370. «Вы послушайте, графы, гости все триежжие,
Вы послушайте, все князья-бóяре,
Вы поздравьте-тко жениха да всё с невестою,
Я нашол, нашол судьбу же ей:
Вот жених же ей — солдат же мой,
375. Вот солдат же мой, он бойкой был богатырь же,
Он ведь воин преудáлой был,
А и под Платавой-то он был ведь перьвым-то витазем,
Он ведь битву кончил он платавскую.
Я ницем не отблагодарил его, ведь сам же царь,
380. А тепере я хоцю отблагодарить его,
От нареку его же сёчас графом-то, —
Пушшай граф на графины-то поженитсе!»
Тут графина младá слезно заплакала,
Она плакала, как река текла,
385. А и река текла будто Нева она,
Возрыдала, будто гром гремел.
«Не плачь, млáдая графина-та:
Я простил тебе во младости,
Если ты была не млáдая,
390. Засадил тибя бы я во тёмницу,
Заклучил бы я в злодейку в заключбную,
Потому бы засадил тибя, —
Почему ударила в ишкеу его?
Ты не знала, кого ударила —
395. Моего друга и товаришша!»
Сколько графина-та не плакала,
(С)колько царя она не упрашивала,
А царь ведь всё же на своём стоял;
Как поженил солдата на графины-то,
400. Он сделал солдата графом-то.
Тут ведь все графы дивовалисе,
Дивовались, ужахалисе, —
Много было бы тут разных графов-то,
Все желали на графины поженитсе,
405. А при цари при Петри же Алексевице
Они не смели рот открыти все,
Вот открытьсе-то не смели, выказáтисе,
Вси в молчаньи провели дела;
А после дёла губы себе да прикусили-то,
410. Прикусили они дó крови.
За што же выдал он графину за солдата-та?
Он за то же выдал — за удар её.
Каждой день, каждой день почти ездил он,
Всё ведь спрашивал у солдата-то:
415. «Каково же, граф, живёшь да со своей да со графиною?»
Тут отвечал же каждой раз же граф ему:
«Хорошо живу с графиною,

- Она во всём мне всегда да есь покорна-та, —
 А как, наверно, боитсе тибя же, царь,
 420. А и как тебе же, царь Пётр же Олексевиць свет!»
 А и хорошо тут графу жилось со графиною,
 Было детей у них же два сына,
 Два ведь сына дочь любимая.
 Дети были всё во службы-то:
 425. Один сын-от был у них полковником,
 Другой сын-от был у них майориком;
 Дочка вышла за статского советника.
 А и той старинушке тепереце конец пришол.
 А и славному Чорному-ту морюшку на тишину,
 430. А Москвы-реки на чесь, на славушку великую,
 А совецькому народу на послушаньицо,
 А от них пойдёт, пойдёт на рассказаньицо,
 А и рассказаньицо про Петра же царя Перьвого,
 А и царя Перьвого Петра же Олексевица.

№ 118. (ЖЕНИТЬБА ПЕТРА ПЕРВОГО НА ЕКАТЕРИНЕ)

- А и как задумал осударь же царь женитисе,
 А и вот жениться Пётр же Алексевиць-от,
 А и выбирал ходил вон, невесту высматривал,
 А и на пирах везде же царь посматривал;
 5. А и много, много тут девиць было прекрасных-то,
 Много, много было всё ведь девиць ученых всё, —
 А почему только царю не нравились?
 А и в одно времечко ходил да он ведь плотником,
 Ходил плотником, работал он работником,
 10. От работушки пришли обедати.
 Не пошол-то во дворець да государь наш царь,
 Государь царь ведь Пётр да Алексевиць свет;
 Как пошол же гон ведь кушати ко плотникам,
 А и вот ко плотничкам обедать всё, к работничкам,
 15. А и как зашол-то он во платьи самом простом-то,
 А и как сел он обедать всё со плотниками.
 А и у работничков было, у плотничков,
 А и как была, была у йих, жила прислугою,
 Жила всё же у йих пленница,
 20. Привезёна была всё из Швеции,
 А и привезли же ей да сила-армия,
 А и сила-гармия же, коньска гвардия;
 А и привезли же ей да в славной во Питер-град,
 А она всё не знала некогó во Питери,
 25. А она рада была, чтобы спустили ей на волюшку,
 А и вот на волюшку-слободушку.
 А и привезли-то ей в полках-то князя Меньшикова,
 Князя Меньшикова Олександра-то Даниловича;
 Князь ведь Меньшиков хотел сказать,
 30. Он хотел сказать царю Петру же Галексевицу,

- Не возьмёт ли он во фрелины?
 А кнегина отговорила-то:
 «А не стоит вот ведь сказывать:
 Царь холост живёт, да неженат слывет, —
35. Лучше готпусти же ей на волюшку,
 А и вот на волюшку да на слободушку».
 Постановили на фатерочку
 Ко вдовы же ей ко бедную;
 У вдовы-то жить да хорошо было,
40. Потому шшо ей жисть была спокойная.
 А и вот узнали про то плотники,
 Стали всё же они ходить туда,
 Они носили платыицо стирать же ей,
 Они носили какú одежду сошить же ей,
45. От платили по хорошему.
 Ей ведь звали спёрва Мартою.
 Марта всё стирать не умела же,
 Вот стирала за ней бабушка.
 Стали плотнички-то звать же ей
50. Перейти-то ей же к ним же жить,
 Приготовлять на йих обед же ей;
 Долго-долго же не шла гонá,
 Наконец же, согласиласе,
 А и вот пошла-то жить прислугою:
55. «Зато, — думала же, — заработаю,
 Хорошо же буду жить я всё со бабушкой
 Как зиму-ту всё холóдную».
 А и вот не так же оказалосе!
 А и вот ушла, да ушла Марта-та,
60. Стала бабушка одна опять.
 Жила Марта три-то месеца,
 А и все ведь плотники да возлюбили же,
 Хорошо-то ей жилось у них.
 Как ходил, ходил да государь же царь
65. Пётр да Олексеви́ч сам;
 В одно времячко в обедноё,
 За обедом-то сидел же царь,
 Говорил да он да такй слова,
 Вот такй слова, такй речй:
70. «Тибe пора, Марта, взамуж итти!»
 Отвечала Марта всё ему:
 «Я не здешна, я не питерська,
 Я не здешна, я приезжая,
 Вот приезжая-приходящая,
75. Я здешных обычаё-то не знаю всё».
 «Обучат тибя скоро всё».
 «Хто же, хто возьмёт меня,
 Я ведь — пленница безотная!»
 (Без отца и без матери, без роду, без племени; она,
 от видишь, по мачерам-то вдова была.)
 «Знаю, знаю я тибe да жениха, скажу,
80. А и все ведь плотнички-ти знают вси».
 «Полно, плотничек, смеятиси,
 Много, наверно, выпил зеленá вина,
 Во хмелюшечки захвастал всё!»
 «Не шучу, а говорю же правду сущую:

85. А ишше ты вдова да и я вдовець. —
 А и тут выходит пара полная». —
 Не ответила же Марта-та,
 Замолчала боле всё тогда.
 Огобедали, ушли они.
- 90 Как ко вечеру да не пришол же царь,
 Как одни же пришли плотнички,
 Пришли плотнички-работнички;
 Они пришли, когда розделисе,
 Стали когда же они кушати,
95. Как за ужнёю говóрили:
 «Уж ты, Марта, скажи правду-ту,
 Ты пойдёшь ли замуж-от за плотника?»
 «Не смейтесь вы да надо мной же всё!
 А на плотников надеется никак нельзя, —
100. А и все ведь плотники бывают пьяницы». —
 «Не обижайсе, Марта же, —
 Он немного всё ведь пьёт вина,
 Он в делах-то всё всегда хорош;
 Как хороша жисть тебе будёт,
105. Как не надобно работати». —
 А и тут ведь Марта возговóрила:
 «Как хорошей — не возьмёт меня,
 За худого — мне не хочется:
 Пёрвво горё не забылося,
110. Втóро горё показалосе!» —
 Тут ведь плотники да замолчали же,
 Неце́гб же не сказали-то.
 Шло-то, шло да долго время длилосе,
 Не могли всё разговорить ей же:
115. Она думала уехать же
 Во свою же сла́вну Швецию,
 А как уехать-то боялесе,
 Чтобы ей не поимали-то.
 А как по вечеру по поздому,
120. Когда ведь плотники да отдыхали же,
 Меж собой же говорили-то:
 «А и ты поди, поди, Ма́рта, в замужесьво:
 Хорош(-от) Пётр ведь плотничок,
 Проворной-от, наживной-от,
125. Дом-от свой, семья же сми́рная!» —
 Тут ведь Марта призадумалась,
 Она йим же всё сказала-то:
 «А я сейчас же всё надумалась,
 А и вот пойду, пойду в замужесьво».
130. «Мы ведь завтра всё ведь скажем-то,
 Вот ведь скажем, он ведь будет знать». —
 Говорили тут работнички,
 Как работнички же, плотнички:
 «Почему-то все, ребята, он
135. Не бывал давно же он у нас?
 Его задержали дела каки́-то разныя, —
 Кóгда концит дéла разныя,
 Он придёт же к нам же сам».
140. Они ушли, ушли да на работушку,

- Работали у караблей они,
 С йимá работал тут и сам же царь,
 Иише сам царь Пётр да Олексеви́ч свет;
 Когда работнички пошли обедать-то,
 145. Зашол он же всё ведь сам же к ним,
 Он зашол будто поздороваться:
 «Здрастуй, Марта, какво живёшь?
 Каково твоё здоровьицо?»
 Отвечала Марта, что: «здоровая».
150. «А и как пора, Ма́рта, что пора взамуж итти. —
 Я ведь за себя да тибя сватаю.
 А ежли желашь за меня итти,
 А и как давай, давай сейчас в ответ;
 Не жалаёшь всё — скажи же мне!»
155. Тут ведь Марта согласиласе,
 Согласилася и засваталася.
 Все ведь плотнички да взрадовáлисе.
 Скоро, скоро Марта-та ушла тогда,
 Она с плотничками распростиласе,
160. К своей бабушки взошла она.
 Скоро, скоро вот жених приехал к ней, —
 Цего было́ не привезёно ей,
 Цего было́ не подарёно ей!
 Окрестил невесту скоро он,
165. А и как из Марты назвал Екатериною.
 Екатерина-та не знала всё,
 Кто жених-то всё же есть у ней;
 Жених немного только покажется,
 Уезжает он от ней же всё.
170. А через трѳи сутки поро́-времени
 Как по поздому по вечеру
 Приезжает жених в кореты же,
 Во кореты-ти с кнегиною,
 Со кнегиной князя Меншикова.
175. А и гон сказал, — зашол к невесты-то, —
 Одеваться нужно всё же ей.
 Привезли ларець да золочёной-от;
 Царь-от вышол вон да из комнаты,
 А кнегина-та осталасе,
180. А стала всё же одевать ёна,
 Одевать она Екатерину-ту,
 Вот одела по хорошему:
 Увила у ей да светлорусы волосы,
 Привила́ же ей в колечушка,
185. Одевала плáтьё шóлково,
 А из шолку всё из заморьского,
 Из заморьского из лучшего,
 Одевала ей же серьги с драгима с кáмнеми,
 Одевала на белы́ руки́
190. Золоты перстни́ со вставками,
 Одевала шубу соболиню́ю,
 Одевала шаль заморьскую,
 Шаль заморьскую пухóвую.
 Скоро невеста приоденется,
195. Распрошшалася она с бабушкой,
 Она оставила бабушке чиста сѳребра, —

- Ей ведь дали плотнички за работушку.
 А и тут зашел, зашел государь наш царь,
 Государь наш царь Пётр да Олексевич сам,
 200. А и брал невесту за праву руку,
 Роспрошталсе он со бабушкой,
 Ей давал он золотой казны;
 Скоро вышли й подошли они к кареточки,
 А и посадил тут царь невесту-ту
 205. Во карету золочёную,
 А и вот садилась тут кнегинушка,
 А и вот поехали ко терему ко князя Меншикова,
 Они взяли князя Меншикова,
 От поехали в дорожочку.
 210. Долго ехали по Питеру,
 Они заехали в деревенку,
 Вот в деревенку, в одно село,
 Они подъехали к божьей церкви,
 В церкви не было никак огня;
 215. Побежал тогда жених же сам
 Ко священнику: «Зачем ушел?»
 А священник заругалсе:
 «Не намерен всю же ночь я ждать!
 Ты приехал не во времечко,
 220. И в часу же всё в двенадцатом:
 В ти часы только работают,
 Вот работают камышнички,
 Они носния подорожнички!»
 «Не ругайсе-ко, пойдём, готець:
 225. Задержала мя работушка,
 Велика же всё заботушка;
 Росчитаю всё же я тибя,
 Во долгу же не останусь-то».
 Отвечал тогда же поп-отець:
 230. «Ты поди, поди, — приду сейчас,
 Сына я разбуджу сейчас.
 На ключи да отмыкай же храм,
 Отмыкай же храм да засвечай свечей!»
 Государь-от Пётр да взял ключи,
 235. А пришол он всё ко церкви же божею;
 В ней зайти, зайти всё никак нельзя, —
 Занесло же всё снегами-та.
 Принесли скорб лопаточку,
 Тут ведь взял же государь-от царь,
 240. Осударь царь Пётр да Олексевич сам,
 Раскинал же, разбросал он снег,
 Сделал всё дорожечку хорошую,
 Отмыкал же скоро храм же он,
 Заходили же во божью церковь;
 245. А поп пришол же с сыном скоро тут,
 Засвечали они свечей скорб,
 Приготовились к венчаньицу.
 А когда жених-от всё венчаться стал,
 Подвели ему невесту-то, —
 250. Роздевал же платье верхное,
 Увидала вот невеста-та,
 Увидала, ужახнуласе,

(ЖЕНИТЬБА ПЕТРА ПЕРВОГО НА ЕКАТЕРИНЕ)

- А она узнала, кто жених-то есть,
Она с ног же скоро пала-то;
255. Подымали, посадили же,
Привели же скоро в чувство-то,
Как кнегина стала разговаривать,
Князь ведь Меншиков рассказывать,
Жених сам же подошел же к ней:
260. «А не бойся, Катерина же,
Ты чего меня да ужахнуласе?
Я такой же человек, как есть и плотнички,
Я такой же всё как был знакомой есь, —
Приготовляй всё обед же ты!»
265. Скоро-скоро обвенчались,
Да вот со батюшком да росчитались;
А вот и тут садился государь наш царь,
Государь царь Петр да Олексевич свет,
Со своей ли он царицей благоверною,
270. А с Екатериной Алексевною,
А и как со князем, со кнегиною,
Уезжали скоро в Питер-град.
Подъезжали тут ко царьскому дворцу гонь,
Заходили во палаты славы царские,
275. Тут ведь слуги ужахались;
Посидели они, покушали,
Разных водочек они с князем попили,
Ужну царскую-ту ужнали,
А когда они же ужну кончили,
280. А и князь с кнегиной распрощались,
Распрощались, разъезжались.
А и по утра́ было по ранному,
По восходу сонця красного,
Енператор царь ведь вышел сам,
285. Сам ведь вышел на крылечушко,
На крылечушко высокоё,
На балхоны-ти точёные,
Возговóрил он такую речь:
«Уж вы гой еси, солдаты новобранные!
290. Из мужичков когда да кто же женится,
Они справляют свадьбу по хорошему:
Все спешат-бежат смотреть тогда,
Как смотреть-то молодого с молодой они —
Я женился всё же, сам же ж царь,
295. Сам же царь Пётр Олексевич-от,
А никто меня же вот да проздравлять да не желат никак!»
Услыхали все да все во Питери,
Приходили все со старого до малого,
Проздравляли государя царя православного
300. Как Петра сына Алексевича.
Тут пошло всё пированьице,
Как весёло-то столованьице,
Пировали тут солдаты новобранные,
Пировали тут славы плотнички,
305. Все ведь гости-ти приезжия,
Как приезжия заморския,
Как премлады-ти карабельщики
Со младыма со матросамы.

- Той старинушки конец пришол.
 310. Как Невы-реки на тишину на великую,
 Славной матушке каменной Москвы
 На велику-ту на чесь, на славушку на великую,
 Вам, учоны люди, на прописаньице,
 А от вас молодым пойдёт на росказаньице,
 315. От них пойдёт на пропеваньице.

№ 119. (ПЕТР ПЕРВЫЙ У НЕВЫ-РЕКИ)

- А и как пошол гулять, гулять да государь же царь,
 А и государь-от царь ведь Пётр же Олексевич-от,
 А и захотел-то царь пройти он ко Невы-реки,
 А и ко Невы-реки пройти же, ко Васильевску славному острову,
 5. А и как ко той-ли всё ко гавани корабельнёю,
 А посмотреть царю, да как пришли с моря большыи чернёны
 карабли,
 А и со товарами пришли они со разныма,
 А и вот пришли же карабли были голаньские.
 А и госмотрял-то царь пришедши чёрны карабли,
 10. А и посмотрел казаков всех донских же он,
 А много гуляло тут, ходило солдатиков,
 А и тут гуляли-то премладые полковники,
 А и тут гуляли-то ведь и млáдые майорики.
 А и обошол да осмотрел же всех ведь Пётр же царь,
 15. А и он ведь и шол-то, царь, во платьицы во прóстом-то,
 А и никто его не мог же тут признать тогда.
 А и перешол да скоро царь славной Васильевский-от остров он,
 А и пошол-то государь царь ко Невы-реки;
 А и вот река-та Нева да стоит тихая,
 20. А и у Невы-то всё народ ходил-гулял же всё.
 А и у Невы-то увидал царь: сидит женщина,
 А и видно, млáдая сидит она, не старая,
 А и только сидит она во платьицы во чёрном-то,
 А и вот во чёрном-то во платьицы, печальнём-то;
 25. А и подошол близко ведь к ей да государь же царь,
 А и государь-от царь ведь Пётр же Галексевич сам,
 А и подошол вот царь, ведь ей да поклонилсе,
 А и стал ведь женщину ведь всё же тут выпрашивать:
 «А и почему-то вот сидишь да всё одна же здесь?»
 30. А и ты скажи-ко-се, ведь и кто у тя из семьи-то есь?
 А и ты вдова живёшь ли всё ведь, женщина?
 А и по лицу вижу — печаль у тя немалая!»
 А и как говорила тогда ему же женщина:
 «А и видь я видь вижу тебя да ведь знаю, што
 35. Не из простых же ты всё людей, да самой старшой есь.
 А и недавно же, государь, ты поженилсе всё,
 А и хорошо-то вот живёшь с своей с царикою,
 Э и между вами ведь и жисть идёт хорошая,
 А и очень любите один же всё одного-то;

40. А только вижу я у тебя вот по приметам-то,
 А и по приметам-то у тебя же с твоей личности, —
 А у тя три-то всё дорожки, три-то линии!
 А и покажи-ко свою праву бѣлу ручушку,
 А и посмотрю-то, дай-ко мне рассказать про то».
45. А и говорил-то йенператор ведь ишшо царь-от сам,
 Ишшо царь-от сам Пётр Алексевич-от:
 «А я гадалкам-то цыганкам вот не верю-ту,
 А и гоні сказывают многия неправду всё».
 «А я, конечно, вот скажу, да чего знаю всё,
50. А и не цыганка я, ведь и всё есть не гадалка-та,
 А и я приезжая сюда же есть ведь женшшина,
 А и я уехала из своѣго вот из города,
 А его оставила на год же поры-времени,
 А егот год-то провожу я всё вдовиной свой, —
55. Если в городе, царь, так жить и мне не хочется,
 Не проведу-то его, вдовиной, по хорошему,
 А и много-много будѣт гостей ко мне съезжатисе,
 А и вот съезжатисе ко мне же, всё скоплятисе, —
 А и ришилась побросить свой столичной град,
60. А и как уехать-то решилась вот в Рассиюшку,
 А и как в Рассиюшку приехала, во Питер-от.
 Я ведь етто-то ведь, и знаю предсказаньицо,
 А и по наукам-то у мяя было всё предсказано,
 А во вторых перенела же я от бабушки, —
65. А и моя бабушка кому скажет, всё сбывалосе».
 А и показал тогда, ведь и подал царь ручку правую,
 А и захотелосе ему узнать предсказаньицо;
 А и говорила она тогда да государю тут:
 «А и уж ты ой еси, государь Пётр Алексевич сам,
70. А и во твоей руки три линии показыват,
 А и три дорожечки тебе же всё предсказыват:
 А и как перва́ тебе дорожечка предсказыват —
 А и на тебя война больша́ же вот подымается,
 А и как ведь и много-то в земелюшке будет войска,
75. А и всё же ты, царь, кончишь счастливо бой;
 А и как втора́-то всё дорожечка предсказыват —
 А и близ тебя да всё есть видь-то всё единой ворог,
 А и как злодей-от как есь немилосливой, —
 Всё равно-то всё заступит бог,
80. А и как заступит бог да не погубит он;
 А во третьих тебе будѣт препятствие немалоё,
 Подкосит тебя злодейка окаянная,
 Ешше та ли всё змея, змея лукавая,
 Всё равно же всё прельстит тебя,
85. Позабудешь ты царицу благоверную,
 А и ты немного чуть да не провалишьсе.
 Не погубить будѣт злодейку-ту поганую,
 А и вот змеи не взять, змеи лукавою;
 Эта всё змея лукавая
90. Круг тебя будет овиватисе,
 А круг царицы твоей то́же она,
 А и не взять змен, не взять же вам же ведь.
 Вы избавитесь от змеи поганую,
 Змея будѣт-то прелест(н)иця,
95. Красотой своей прельстит тебя,

- Вот прельстит тибя она да всё омманет-то;
 А и за ее ли беззакония,
 А за великия окаянства-те,
 А и как ведь бѹдѣт змѣя взята-та,
 100. И змѣя бѹдѣт взята на обсуждѣнницу,
 Ей на плахи бѹдѣт отрублена да буйна гѹлова,
 Ее жисть ведь этим кончится.
 А й бѹдѣт жисть твоя счастливая,
 А й только жисть-век —недолгой твоей, —
 105. В молодых годах помрѣшь же ты.
 Чего знала, рассказала я;
 Цего не знаю, не скажу тебе!»
 Благодарил за то да государь же царь,
 Осударь же Пѣтр Олексевич сам,
 110. Звал ведь, звал же во дворець во свой
 Со царицой Екатериной повидатисе,
 Повидатисе, познакомитисе;
 Отказалась его знакомочка:
 «А й можот, приеду да зайду же я в другой-от раз».
 115. Тут с царѣм она да респощаласе;
 Пѣтр пошел же царь да к своему дворцу,
 Она пошла в другия улицы.
 Пришел царь же, рассказал про всё.
 Долго, долго дожидалсе, —
 120. Не пришла ихна знакомочка,
 Не пришла же, не явиласе;
 Они не знали, где как взять её,
 Хоть и ездили, искали тут
 По всему по слѣвну Питеру,
 125. А и как по кажною по улице, —
 Не нашли болѣ нигде её.
 А и как на то они полѹжились:
 Незнакомка скоро скрыласе,
 В другой город переехала,
 130. Ли в свою страну уехала.
 Записали это всё вонѣ,
 Это всё вонѣ же, царь с царицою;
 Им ведь всё да было верно-то,
 Предсказаньице-то сбѣлосе.
 135. Жалел, жалел да долго царь её
 Не спросил, да из какой земли?
 По разговорам только знал её —
 Она была да королева же.
 А и ешшо эта старинушка
 140. У его долго ведь храниласе
 А и в своей книжечке записана;
 Дѹкуль жив, да всё просматривал,
 Вот просматривал, проглядывал.
 А и славной Невы-рекѣ на тишину,
 145. А и городу Питеру на споминаньице,
 А нашей матушке каменной Москвы на росказаньице,
 А и вам, учѣны же люди, на прописаньице,
 От вас млѣдым на росказаньице,
 От них пойдѣт на пропеваньице
 150. А и как про ету мѹдру женщишину,
 А и у ей ведь мудрость превеликая,

Было ученьицо восточноё,
Произошла же все ученьица,
Филостофьские премудрости.

[Аграфена Матвеевна Крюкова] слышала эту старину от старика-солдата на Терском берегу. Звали его, кажется, Кузьмой. Он говорил, что в Питер привезена была пленница генералом Петра Алексеевича. Он привёз двух пленниц: Екатерину и Марью Даниловну из какого-то шведского города. Екатерину воспитала там вдова генерала. У ней был сын, так она думала: «Если он уйдёт на войну, так у меня останется воспитанница». А сын, когда вырос, захотел жениться на Екатерине. Их только что повенчал пастырь, — не руськими венчаньями, а ихними, — они только успели дома выпить стакан чаю, как его позвали во бой. Он был майор какой. Обещал вернуться через три дня и не пришол; а на четвёртой пришол солдат и принёс от него шёлковый платок с тремя каплями крови и золотой перстень. Екатерина всё и бергла этот платок. Когда генерал Стрешнёв отправлял Екатерину в Питенбург, она обняла на прощанье Марью Даниловну и выронила свой плат. Марья Даниловна подняла его с земли, подала Екатерине. Екатерина сказала: «Я этого тебе никогда не забуду; если буду жить лучше тебя, так тебя к себе возьму, помогу тебе; а если хуже, так тоже помогу тебе». Генерал Стрешнёв оставил при себе Марью Даниловну любушкой. У него была жена Наталья Глебовна. Наталья Глебовна хотела уйти от Марьи Даниловны в монастырь, а не спустил ей Стрешнёв, — она стерегла ему Марью Даниловну. Марья Даниловна не хотела жить со Стрешнёвым, хотела утопиться от него. У ней уже и ребёнок был. Так Наталья Глебовна всё следила за ней. Они обедали врозь. Наталья Глебовна в отдельности, а Марья Даниловна со Стрешнёвым. Наталья Глебовна пошла к себе, а Марья Даниловна вроде как обедать. Побежала в спальню, где у ней был усыплён ребёнок и выхватила его и побежала с ним. А Стрешнев лежал в саду. Он увидел её и стал звать: «Машенька, Машенька!» Побежал за ей, не мог догнать. Она села в озере в лодку и поплыла. Лодка-та худая была, наполнилась водой; Марья Даниловна, она потопила ребёночка и сама стала тонуть. Стрешнёв поплыл и её спас. Тогда Марья Даниловна сожгла тот дом, где жила со Стрешнёвым. (Потом Наталья Глебовна вышла взамуж за какого-то полковника). Марья Даниловна убежала к цыганам. Там в её влюбился цыган молодой Анфим. И он был в кухне государя Петра Алексеевича, работал. Мать его, цыганка старая, говорила: «Не слушайсе ее, она тебя погубит, как погубила уже других, — я вижу по её линиям! Не прельщайся на ее красоту. Она своей красотой прельстит самого на свете перьвого человека. Он, — говорит, — влюбится в ее». Марья Даниловна попросила Анфима перевезти её в Питенбург на своём цыганском табуне и обещала за это выйти за него взамуж. Когда привёз её в Питер, то пришол к ней на фатеру и спросил: «Когда выйдешь за меня взамуж?» Она ответила: «Да ты же цыган! Да разве я, такая образованная шведка, пойду взамуж за цыгана? Ведь ты же простой цыган! А я тебе заплачу денгами». И подала ему денег. Он те деньги взял и выбросил в окно: «Не нать мне твоих денег!» Вынул нож цыганской и хотел ее убить, а она убежала. Она пошла к царице жить к Екатерине. Там влюбился в неё царь. Она и была змея подколодная. А царица не выжила её, всё терпела, потому что она любила мужа перьвого. Тут пришол цыган и донёс на ее, что сожгла дом и генерала Стрешнёго. Ее схватили и повели и сказнили на плахе.

№ 120. МАРЬЯ ДАНИЛОВНА

- А и как шла война у царя Петра же Алексевиця.
 А и когда стояла сила во Анбурге, славном городе,
 А и во ту пору да во то времечка
 А и бились все же в етом городе.
5. Как во ту пору, во то время
 А во анбурском в ёдном домике
 А и одна матушка с сыном-то сидела же;
 А ее сын же на отдóх пришол,
 На отдóх пришол, да отдохнуть хотел:
10. «А и погодушка, мать, сегодня сильняя,
 Смочило меня да промочило ведь всего типерь, —
 Дай-ко, матушка, одежды переодитесе!»
 Принесла одежду ёго матушка,
 Принесла, гон приделсе тут,
15. Приделсе и сказал же гон:
 «А где Марты-то ведь нет у нас?»
 «Марта ушла в лавочку,
 Скоро придёт-то, вернётся же».
 Не через долго время Марта вернуласе.
20. Засмеялсе тут афицер да он же всё тогда:
 «Здрастуй, Марта же!»,— сказал-то он;
 Тут же Марта поздоровалася.
 Он сказал тогда своей же рóдной матушки:
 «Уж ты ой ёси, матушка радимая,
25. Ты дай мне типерь, мать, дозволеньица, —
 Мне-ка завтра, мать, ведь нужно в бой йитти,
 Нужно в бой йитти, да в бой на смертной всё,—
 А й дозвожь, матушка, на Марты поженитисе!»
 Тут ведь мать сыну гóворила:
30. «Уж ты ой ёси, моё дитё родимое,
 А и сыночик мой, любимой сын,
 Какá женитьба не во времечко, —
 Кровь рекою льетце, всё бежит.
 Сегодня живы, — завтра бóдём все же мёртвыми!»
35. Отвечал тогда да сын же матери:
 «Если ты не позволишь мне,
 Так не мать родна́ — да лиха мачеха!»
 Тут заплакала ёго да рóдна матушка,
 А в слезах же возгóворила:
40. «Ты женись тогда, да чадо милоё,
 Где-ка хочёшь тут, да всё жонись, дитя!»
 Он сказал: «Жонитьце хочу да всё на Марты-то,
 Котору девушку ты возрóстила».
 А к Марты он же подошол тогда,
45. Сказал: «Марта, ты желашь ли за миня итти в замужесью?»
 А Марта ему ответила:
 «Я жалаю за тибя итти».
 Тут ведь скоро-то матушка ёго рдимая
 (О)на ко свадьбы приготавилася;
50. Ночью же йих же ихной пастор да повенчал же йих,
 А всю ведь ночь йони́ да пировали-то,

- Все знакомы были созданы,
Молоды сидели веселы.
Когда солнышко взышло на небышки,
55. Тогда нужно йитти афицеру в битву-ту;
Он тогда же распрошшалсе с рódной матушкой,
Распрошшалсе с молодой женой,
Распростилсе и ушол же он.
Чёлы сутки не приходил домой,
60. А и ёго ждали мать же всё да с молодой женой,
Они ждали, не могли ёго дождатисе;
На другой-от день да всё ко вечеру
Пришло двоё всё солдатов к ним:
«Пусти, бабушка же, нас же обогретисе,
65. Мы сечас идём с бою к тебе!»
«Э и ишше што в бою, солдатики, хорошо есть?»
«Плохо, бабушка, дела йидут, —
Нас забрали всё же руськие,
А в битвы убили всё Матрiса всё».
70. Тут ведь бабушка заплакала,
Узнала своего сына́ любимого — убитой есть.
Когда старуха слегла, заплакала,
И заплакала ёго же молода жена.
Тогда салдат ведь отдал-то жены́ же он,
75. Письмо отдал, што: «я в бой йиду»,
Плат с кольцём-то отдал он,
Плат ведь отдал всё гон ведь весь в крови,
Кольцё отдал обручальнёе.
Она кольцо надела на праву́ руку,
80. Плат кровавый почеловала-то,
Она полóжила ёго в корман;
Солдаты поели-то, покушали,
Скоро они й опять ушли.
Когда салдаты-ти ушли оттуль,
85. Прибежала тут ведь девушка молóденька,
Сама та же Марья-та Даниловна:
«Бабушка, укрой меня,
Миня руськие во плен берут!»
Тут старуха-та говóрила:
90. «Живи ты же, ты же у миня теперь, —
У мян будет две же дочери,
Как не стало у миня сына́ любимого».
Тут ведь лёглы спать да призаснули все в слезах.
А поутру-ту йих в плен забрали тут:
95. А старухи-то не взяли же,
А Маргу взяли и Марью-ту Даниловну;
А Маргу взял-то князь ведь Меньшиков,
Князь ведь Меньшиков Алексан(др) Данилович,
Марью Даниловну взял да енерал же всё,
100. Енерал ведь взял ведь Стрешнёв-от
Как Никита-та сын Алексевиць-от,
По фамильи он ведь Стрешнёв-от.
Когда пошла же сила-армия,
Сила-армия да коньска гвардия,
105. А етих девушек везли да них ведь всё вместиах.
Когда подошли йони́ ко Питеру,
А и князь ведь Меньшиков Олексан(др) Данилович,

- Марту увёз же он во Питер-от,
А князь ведь Никита-та Стрешнёв-от,
110. Он увёз ведь Марью-ту Даниловну
Во свою увёз деревню-ту,
Во деревню, во свою он усадьбу-ту.
Сказал он же всё своей жонь,
Что: «привёз ету девицу-ту — нашол же я,
115. Нашол ей же по дорожечки,
Пожалел, дак ей к себе же взял:
У нас пусть живёт она да (в)место дочери!»
Тут жена его да догадаласе,
Но была тиха и смиренна-та,
120. Ничего ему да не сказала-то,
Не прогневала ёго она же по приезду-ту.
А енерал Стрешнёв, уехал-то
А во Питер он во город-от
А (к) Петру, дарю Петру да Алексевицу,
125. Он сказал, сказал да таковы слова,
Таковы слова да таковы речі:
«Нездоров я, государь царь же Пёт(р) да Алексевиц свет,
Отпусти же, дай мне уволеньица!»
Не спу́скал его же долго царь:
130. «Не сходи же ты, Стрешнёв, со должности,
Ты живи, живи во городи во Питере!
Тёбе худо ли же жить во Питере?»
А он ведь всё царя Петра Алексевица треложил-то,
Вот просил его, что(б) ёго уволил он;
135. А и царь йсполнил всё ёго же приказаньица,
Ему дал же всё да дозволеньицо,
Отпустил его совсем из должности.
Поблагодарил тогда царя же он,
Вот уехал он из Питера,
140. Приехал во своё помесьице,
Стал он жить в своих во теремах в высоких-то.
А и как ведь с ним же всё жила у них Марья Даниловна.
Некогда же ведь всё она же с ним ведь весело говорила,
Всё просилась же ехать в славной Питер-град:
145. «Не хочу же здесь жить у вас,
Не хочу сидить я будто в тёмной тёмници!»
А енерал же ей говори́л всё:
«Докуль жив, дак не спушшу тибя,
Я с тобой же не росстанусь-то!»
150. Ана жила у ёго да ровно два годá.
А и как у ней же вот, родила она же сына милого;
Э и она хотела йёго да погубить тогда.
Не сказала про то да нечего вона,
А и нечего вона хозяйки-то своей Натальи Глебовны,
155. Что она же есть да в положеньици;
А и всё равно Наталья Глебовна узнала же,
Нечего она же Марьи Даниловны не сказала-то,
Только она немножко приобиделась,
Попеняла своему мужу,
160. Что нехорошо же вёл в делах войну.
Он же ей сказал тогда:
«Прости мя вины, Наташенька,
Пред тобой же я виновен есть;

- Но сбереги только́ здоровьицо
 165. А и как у Марьи-то Даниловны!»
 С того времени Наталья Глебовна
 Она стала за ней следить всегда;
 Куда пойдёт она гулять же всё,
 Она за ней же всё идёт всегда.
170. А и однажды пошли йони́ во сад гулять,
 А из сада-то вышли же, пошли йони́
 Ко тому ко озеру ко глубокому;
 А Марья Даниловна пехнула тут,
 Как пехнула она́ Наталью Глебовну,
175. Тут упала Наталья Глебовна.
 Увидал-то тут садовник-от,
 Шшо крычит, кричит ведь женщина,
 Прибежал-то он ведь, перенял;
 Узьнали тут же слуги верные,
180. Прибежали, унесли же ей.
 Самого енерала в до́му не было,
 И он ведь к вечеру приехал-то;
 Когда узнал, что Наталья Глебовна больна лежит,
 Он тогда же пообиделса,
185. Пришел тогда во комнату к Марьи́ к Даниловны,
 Только сказал ей с весёлою улыбочкой:
 «Нехорошо же его, Машенька!»
 А отвечала ему Марья́ Даниловна:
 «Отпусти, дак я не буду шутить таких шуточок».
190. Нечего́ не сказал енерал да он и вон ушел.
 Через три недели-то Наталья Глебовна,
 Она тут же оздорóвела;
 А Марьи́ Даниловны пришло времечко да всё к родам у ей,
 А и как она же, и вот у ней случилось,
195. А ночью всё же пригодилосе.
 Услыхала Наталья Глебовна,
 Как дитё малó зревело-то,
 Побежала тут Наталья Глебовна, —
 Она дёржит дитя да на руках же всё.
200. Прибежала Наталья Глебовна:
 «Машенька, отдай дитя да всё же мне, —
 Ты водиться с ним не привычна же!»
 Унесла дитя Наталья Глебовна.
 Она легла тогда да на кроваточку,
205. Лёжала всё же она́ да трои́ суточки,
 А и тут чего же ей ведь не было,
 Были нянюшки у ей да были мамушки,
 А и как са́мого енерала не допускали всё его до ней,
 Докуль она настояшшо не поправитса.
210. Она скоро тут же оздорóвела,
 Всё говори́ла таковы слова,
 Таковы слова, такі́ речі́:
 «(В)от отдайте мне ребёнка-та!»
 Ей ведь всё же не давали-то.
215. Так ведь году приходило по́ры-времени,
 А и ребёнку скоро год пришол,
 Хорошо-то говорить же стал,
 Он ходить на ногах ходил;
 Кóгда сидел енерал с женой своей,

220. Он ведь с ей же розговаривал:
 «Я с тобой, Наташенька, жил да ровно шесть годов,
 У нас не было с тобой дитя-робёночка,
 А тепере всё дитя же есть,
 Оно дитя же есть, я знаю, ведь родно моё».
225. «А хорошо же есть дельшко теперь у нас:
 Тебе будет всё наследничок,
 Твоему йменьицю же сын родной!
 Отпусти миня, — в монастырь пойду,
 Я с собой-то там дитя возьму,
230. Я с собой возьму, повырощу;
 А ты женись, женись на Марьи на Даниловны,
 Разрешаю я, даваю позволеньица».
 Почеловал тогда енерал жону свою:
 «Ето дело, Натальюшка, доброё,
235. Только она же вот нейдёт взамуж,
 Долго приводится с ей мне-ка боротисе».
 Вот (в) одну времечка, в одну пору-ту
 Гуляла Наталья Глебовна с ребёнком в зеленом саду;
 Прибежала туда Марья Даниловна,
240. Увидала — гулят-ходит Наталья Глебовна с ребёнком-то,
 А и со ребёнком-то гулят с мальчиком-то,
 А и подошла тогда к ребёнку Марья-та Даниловна:
 «Едакой хорошей-от ребёночек,
 Едакой весёлой-от!
245. Дай же мне да поносить его!»
 Она взяла его да на белы руки;
 Наталья Глебовна говорила:
 «Тежело тебе носить его,
 Дай ведь, Машенька, его же мне!»
250. Побежала тут ведь Марья-та Даниловна,
 Погналась за ей Наталья Глебовна,
 Побежала набегу она,
 Наталья Глебовна за ней бежит;
 Прибежала тут ведь Марья-то Даниловна
255. Как к озеру глубокому,
 Тут лежала лодка всё же худа-та старая,
 Она спехнула эту лодочку,
 Вот поехала (о)на по озеру,
 Лодка старая водой наполнилась.
260. Наталья кричит, да сколько мочи есть,
 Услыхал тут енерал же сам,
 Енерал же сам Никита Стрешнёв-от,
 Он бежал, бежал по скорости,
 Розузнал же, в чём дела йдут, —
265. Он немного розговаривал,
 Скинывал с сибя же платьё цветное,
 Он ведь поплыл всё по озеру,
 Пёренел же Марью-ту Даниловну,
 Перенёс же ей на сушу тут.
270. Дóкуль он же с ей отваживалсе,
 Кóгда пришла же она в сознание;
 Он ведь бросилсе за мальчиком,
 Нашол его гон ведь в лодочке,
 Дитя малое залилось водой, —
275. Не могли с йим отводитисе.

- М-м через год же у ей был еще же сын,
Она ёго зэльём отравила-то;
М-м тогда ей енерал же всё говóрил-то,
Что: «не грешно ли тебе всё губить,
280. Губить детей своих неповинных?»
«Потому гублю же я же йих, —
Не хочу жить у тибя же я!»
А и как прошло же тóму времени ровно пять годов,
Как привезёна была Марья Даниловна,
285. А и в óдну пору, в óдно время-та
Усмотрял енерал, шшо в саду-ту кто-то крадетса,
Пóслал слуг же осмотрять-то тут;
Слуги скоро осмотрили-то,
Увидали, нашли цигана-та,
290. Его сильнѣ избили-то:
«Почему же в наш-от сад зашол?»
А циган-то возговóрил-то:
«Я хотел посмотреть-то девушки красивую,
Потому зашол во сад же я».
295. Еле жив циган уполз домой.
А й как услыхала про то Марья-та Даниловна:
«Тѣперь можно мне сходить в табун циганьской-от,
Поговорить-то мне с циганами,
Не увезут ли ночью вонї миня?»
300. Я йиз етой-то из усадьбы-ти
Хочу уехать от енерала прочь».
А подговорила одну старуху-ту с горбами-ти, горбатую:
«Сходим со мною же ночкой тѣмною
Во циганьски табуны туда,
305. Поговорим-ко-се с циганами!»
Посулила старухе денег дать,
Ей же денѣг дать да всё ведь подарить да плáтьѣ цвѣтное;
Тут старуха согласилась-то.
Вот пошли однажды они по вечѣру,
310. А как по вечѣру по поздому,
А йих некто же не заметил-то;
Пришли они скорó в табуны в циганьские,
Она спрашивать начелá, Марья Даниловна:
«Не знаете ли вы, тѣтушки, погадать на картах-то?»
315. Какá жись да ожидат вперѣд?»
Две циганки возговóрили:
«Мы не знаѣм ничего гадать;
У нас ета вот старуха знает всё,
Кóму скажет што — ведь всякому сбывается».
320. Пройдите всё, котора старуха сидит у вáри, всё варит себе,
Вáри-то на ужин готовит-то».
Пошла к ней Марья Даниловна,
Она пришла к ей, поклониласе:
«Здрастуй, бабушка, всё старушочка,
325. С добрым вечером я поздравляю всё!»
А и ты погадай-ко мне-ка, бабушка,
Какá планета ожидат миня,
Ожидат миня, как я буду жить?»
А старуха замахала тут руками-ти:
330. «Ничего не знаю, я скажу,
Хошь бы знала, не сказала-то,

- Потому вы пришли всё из енераловой усадьбы-то:
 На енерала зла я всё сама же есть
 Потому,— чуть не убили его же слуги моёго сына-то любимого,
 335. Как любимого сына у мня единого!»
 Вдруг прибегают-то молодой чиган,
 Увидал, што пришла к нему красавица,
 Увидал, возговóрил своей матушки,
 Своей матушки родимою:
340. «Если любишь ты миня, да мать родимая,
 А и ты послушай же меня, сына́ любимого,
 Сворожи, гадай красавица пречудною, —
 Я об ей ведь, матушка, с ума схожу всегда!»
 Мать ведь сыну возговóрила:
345. «Всё равно за циганом не бывать же ей:
 Руськи, за циганов плохо йидут они, —
 Таким белоруцькам не у нас же жить,
 Не у нас же жить в табунах в цыганских-то,
 Надоть жить в полатах в барьских-то».
350. Тут ведь сын-то матери второй же раз говóрил-то.
 «Если, матушка, миня ты не послушаёшь, —
 Не увидишь в глазах своёго чада милого,
 Чада милого, любимого!»
 Тóгда сыну говóрила:
355. «Уж ты ой еси, моё чадó любимое,
 С добрых дней йидёшь в недобрыя,
 Немалу хошь ты шуточку нащúтить тут!»
 А и когда чиганка отошла прочь от вáри она,
 А и подошла тогда ко Марьи-то Даниловны,
360. Посмотрела во глаза вонá,
 Взела она у ей да руку правую,
 Взела гонá да вздохнула-та:
 «А уж ты ой еси, красавица,
 Красотой-то есть прекрасная,
365. А делами-ти как змéя ты семиглавая,
 Дел ты много сделала гибших-то!
 Твóя доля, (о)на есть ведь счудная,
 А й ты получишь, чáго хочешь чем повладеть сама,
 А и (в) тíбя влюбитсе человек да сáмой старшой есть,
370. Победишь своё счастье ты же пустеками-ти,
 Через молодого человека лишишьсе своёго счастьяца.
 А твоя судьба сáма несчастная,
 Твоя буйна головушка бóдет всё сказнёна-та».
 А й нечегó не боялась Марья́ Даниловна,
375. Нечегó вонá не страшиласе;
 А и старуха-та тогда вздохнула, прочь пошла.
 А сын ее нáчел с Марьёй розговаривать,
 Согласилсе ей везти,
 Согласилсе ей везти да в славной в Питер-град,
380. Согласилсе поджигать всё усадьбу он,
 Усадьбу он же всю да енеральскую,
 В ту же ночь же всё обделати.
 А как Натальи Глебовны не случилось:
 Она уехала в своё в родно́ в помесьицо
385. На свиданье́ ко своим к родителем.
 Когда циган же согласилсе-то,

- Он пошел в усадьбу с Марьей-то Даниловной;
 А енерал-от в тот ведь вечер што-то творил ведь он,
 Не приходил в спальню ко Марьи ко Даниловны.
390. А пришла Марья Даниловна,
 Забрала свои одежды-платьца,
 Забрала много вонá же золотой казны;
 Увёл циган в свои он же всё в табуны в циганские,
 А как сам побежал в усадьбу в енеральскую,
395. Он зажог, зажог скорó всё помесьицо.
 Тут ведь подули ветры сильние,
 Все сгорели все в помесьици:
 Тут сгорел енерал же сам,
 Енерал сам Никита Стрешнев-от,
400. Все сгорели слуги верные.
 Как Наталья Глебовна узнала-то,
 Она много плакала, рыдала-то,
 Много слёз же проливала-та;
 Через год же пóры-времени
405. Вышла она же всё за того князя,
 Который хотел взять да (в)переди же ей Стрешнева.
 А Марья-та Даниловна, увёз -ей циган да в славной Питер-град;
 А циганка с горя — ёго матушка родимая —
 Не могла перенести к горя,
410. Что нет в глазах сына любимого,
 От печали-то старуха померла вонá.
 А Марья Даниловна во Питери
 Стала жить во домички в хорошом-то,
 Стала ходить во платьях разных-то.
415. Всё добираласе вонá до зеленá сада,
 До зеленá сада до царьского,
 Увидать шшобы царицу Марту-ту,
 А и с ней хотелось повидатисе,
 Повидатьсе, поздороватьсе, —
420. Кóгда ехали дорожкой они пленницеми,
 Во óдно время Марта обронила-то,
 Обронила-то плат ведь шолковой,
 В котором было ведь завёрнуто кольцо же обручальнёе;
 Подынула Марья Даниловна,
425. Нечегó вонá ведь ей же не сказала-то,
 Сама вонá же у себя же скрыла-та, —
 Вот поэтому ладилась с ней да повидатисе,
 Передать подарок дорогой же ей,
 Дорогой подарок мужа перьвого,
430. А и всё ыскала случаю, как зайти же к ней,
 А и как зайти же к ней да повидатисе.
 Прошло времени-то тóму пóры-времени,
 Прошло всё же челой год,
 Как жила же Марья-та Даниловна, —
435. Не могла вонá с Мартой повидатисе.
 А чиган-от всё Анфим-от же,
 Каждой день ходил он всё же к ней же тут,
 Говорил, что: «подай, подай расчёт же мне,
 А подай расчёт же мне-ка расчитатисе!»
440. Она давала ёму много золотой казны,
 Она давала много чýста сéребра, —
 Циган не брал, всё ей в глаза бросал:

- «Мне не надобно красно золото,
 Не к чему же мне-ка чисто серебро,
 445. У мяя довольнѣ есь денег, да золотой казны!
 Кузнецѣм-то старшим я же есь
 У царя Петра же Алексевиця,
 У мяя довольнѣ есь да платяя цвѣтного,
 Хорошо я обучилже говорить по городскому-ту, —
 450. Я пришол к тебе, Марья Даниловна,
 За своимъ всё овещанием:
 Обещалась ты, за все мои дела к тебе,
 Ты хотела за миня йитти в замужество». —
 «Што ты вздумал, чиган, с чего ты взял?»
 455. У тя кровь в тебе циганская,
 Неужели я пойду да за чигана-та?
 Лучше отсеките мою голову на плахи-то,
 Не боюсь такой я смерти страшную,
 Не хочу же жить с циганом-то!»
 460. Тут циган-от ведь разгневалсе,
 Лепетá в лица перемениласе,
 Могучи плечи шевелилисe,
 Он хватал, хватал кинжал тогда,
 Прибежал, хотел сколоть её;
 465. Она тогда таки речи говорила:
 «А уж ты ой еси, я скажу тебе, Анфим,
 Я пойду, пойду за тебя в замужество,
 Только дай мне-ка ишке пожить да незамужнею,
 Мы успем вместях нажитисе,
 470. Хватит с нас да поры-времени!»
 Тогда сказал же чиган с гневностью:
 «Смотри, не омманывай, несчастная,
 Тебе трудно миня да оммануть будёт!»
 Тогда циган же всё ушол от ней.
 475. Во одну пору, в одно времечко
 Она утренной прогулкою
 Она пошла, пошла, зашла же в царской сад,
 Она зашла, пошла аллеёю;
 Вдруг увидала собачку-ту, —
 480. Собачка бежала белая,
 Круг ней лента голубая шёлкова
 Со булавой золочёною.
 А й увидала тут же Марья-та Даниловна,
 Она начела сабачку-ту ласкать, говорить.
 485. А сабачка-та залаела;
 Вдруг ведь дама-та подходит-то:
 «Не лай, не лай, собачечка,
 Не лай на даму ты приходимую!
 Ты ведь кто такой, какá пришла сюда?»
 490. Ты же здешна ли, не здешняя?»
 «Я, конечно же, не здешняя,
 А и привезѣна я же была пленницей,
 Заполонѣна енералом ведь Стрешнёвым,
 В его помесьици-то я ведь находиласе,
 495. А сечас живу во Питери,
 Я ведь год живу да поры-времени.
 А вы, наверно, государыня,
 А и государыня царица-та?»

- А и я хочу с тобой да познакомиться,
 500. А и ты возьми, возьми меня к себе во фрелины!»
 А и как тогда подала гонá шолкóвой плат,
 Вот шолкóвой плат да со кольцём же обручальним-то.
 А и принимала тут царица, перекрестиласё,
 Почеловала она кольцо да обручальнёё,
 505. Человала гонá шолкóвой плат:
 «Ето всё моёго мужа перьвого,
 Мужа перьвого моёго всё убиенного!
 А и хорошо тепере знаю я,
 Что ты ведь Марья всё Даниловна!
 510. Я сегодня переговорю с самим царём,
 Вот с царём с Петром да Алексевицом,
 Завтра я тебе да скору весть же дам».
 Тут царица-та да с Марьёй-то Даниловной здоровались, —
 Они узнали друг ведь друга-то.
 515. Рассказала она, да где-ка она живёт,
 Поговорили тут да приоссталисе;
 А и как царица-та, пошла да во дворец она,
 Марья-то Даниловна пошла во свой домичок на квартирушку.
 А когда пришол же царь Пёт(р) да Олексевиць свет
 520. А йиз своей же он полаточки йиз царьскою,
 Пообедал сел когда, покушал он,
 После обеда отдохнуть хотел,
 А тогда пришла к нему царица, его же всё да любá семья,
 Она стала сказывать про Марью про Даниловну:
 525. «Ей хочитсе всё взять во фрелины,
 Потому что гонá всё приезжая,
 Вот приезжая, учоная».
 Отвечал ей всё царь Пётр Олексевиць-от:
 «Мне про ету про девицю-то
 530. Мне один раз говорил же князь ведь Меньшиков,
 Он просил у меня да позволеньица,
 Позволеньица на ней женитисе.
 А и хорошо же, ей ведь можно взять во фрелины;
 Ты сама же ей ведь, Катенька, видела,
 535. Как она же тебе ндравитсе, —
 Для мнйя же тут ведь тоже ведь пондравитце.
 Завтро дай же знать, чтобы пришла же она в наш дворец.
 А спросить-то нужно князя Меньшикова,
 Князя Меньшикова Александра-то Даниловича, —
 540. Он ведь лучше знат, да как он ей же вёз».
 «На Александра на Даниловича на князя Меньшикова
 Не смотри-ко, государь же царь,
 Государь же царь Пёт(р) Олексевиць свет, —
 Он за кажною ведь девушкой гоняйтса,
 545. Князь же Меньшиков Александр же свет Данилович.
 Позовём зáвтро мы ту же девушку,
 А и посмотри же хорошо же ты ей сам же, царь,
 А и уж как сам же, царь Пёт(р) Олексевиць свет!»
 А и на другой же день да поры-времени
 550. А и как пришла, пришла Марья-то Даниловна;
 А и звали ей, штобы шла гонá скорó во царьской всё дворець.
 Тут ведь Марья-та Даниловна одеваласе,
 Вот пошла, пошла гонá во царьской всё дворець;
 Заходила она в полаты-ти во царьския,

555. Где ожидал ей, ведь ждал же сам же царь,
Ишше сам же Пёт(р) да Олексевиц свет.
А и как пришла, пришла Марья-то Даниловна,
Царь с царицою ожидал её.
Она пришла-то, йим да поклониласе,
560. А и ведь как подавали ей да скоро всё же стул;
А и на речах она царю пондравилася,
А и как царицы приглянуласе —
Тут ведь стала жить осталася фрелиной.
А и красотой своей прекрасною
565. А и всех она свела же всё с ума,
Все со старого до малого прельстилися;
Князь-от Меньшиков Алексан(др) Данилович,
Тот по ней же всё да со ума соходил же всё,
А и соходил, за ней ухаживал.
570. А и (о)на, ведь и Марья-то Даниловна,
А в его она же не влюбляласе,
А и не на каки речй-разговоры не сдаваласе;
А и тут ведь и князь ту ведь и Меньшикову за беду пришло,
А и за великую обидушку показалосе.
575. А и во одну пору, в одно было же во времечка
А и как ведь Марья-та Даниловна с царицей в саду гуляли-то
А и как ведь утренной они же всё прогулочкой;
А и как царица-та по делам скоро во дворець ушла,
А и как ведь Марья-то Даниловна осталасе,
580. А и вот осталасе во садичку в зелёном-то.
А и вдруг услышала она: речй говорят-то;
А и ей настречу идёт сам же царь Пёт(р) да Алексевиц свет,
А и с ним идёт, идёт ведь князь ведь Меньшиков,
Князь ведь Меньшиков Алексан(др) же свет Данилович,
585. Во руках-то несёт князь цвет ведь розу он.
Подошли-то они, ведь с Марьей Даниловной поздоровались;
Россмехнулсе царь ведь Пёт(р) же Алексевиц свет:
«Хороша-та очунь дама, зело прекрасная!»
А Меньшиков сказал да таковы слова,
590. Таковы сказал слова да таковы речй:
«Ты бери, бери от меня в подареньицо розу, цвет же мой,
Я дарю тебе же всё же в подареньицо!»
Не брала её ведь Марья-то Даниловна;
А сама же она ведь тут же призадумалася:
595. «Нехорошо, — думат, — всё он же князь же есь!»
«Ну хорошо же, князь ведь Меньшиков Алексан(др) же свет
Данилович,
Принимаю я подарок дорогой же твой!»
Она взяла тогда же ведь розу, распрекарасной цвет,
Тут пошло у йих во садичку свиданице.
600. До того же они ведь тут разны речи-ти говорили,
Вот гуляли-то, ходили тут погуливали, —
Прельстила-то своей красой девичью
Самог она царя Петра Алексевиця,
Он прельстился-то, ведь и с нею тут ведь стал гулять.
605. Как ведь прочь-то шла от князя Меньшикова;
А как князь-от ведь как Меньшиков, про всё про то
Он рассказывал царицы, всё говорил-то:
«Нехорош(и) дела наделат Марья Даниловна,
Она отнимёт у тебя, смотри, ведь всё царя,

610. Как у тебя она царя Петра Алексевиця!»
Тут царица-та у Меншикова не верила:
«Она с тобой не гулят — да говоришь же по насёрдки!»
А и в одну пору-ту, в одно во времечка
Пришол, князь-от он к царицы-то;
615. А царя Петра Галексевиця в дворци не было,
Он ушол же к кораблям смотреть.
А царица князю всё же Меньшикову
Таки речи возговорила:
«Уж ты ой еси, князь ведь Алексан(др) Данилович,
620. Как Данилович Меньшиков,
Мне сегодне-то малó спалось,
В сноведеньици я же много видела:
Будто к моей кроваточки кисбвою,
Ко периночки пухóвою
625. Подползла же будто змья ползучая,
Она хотела проглотить миня.
А я тогда же пробудиласе,
Зрадовáласе тому же я,
Шшо не проглотила змья страшная.
630. А к чему же етот сон же есть?
Разгадай-ко мне-ка, князь же Меньшиков!»
«А змея же тебе знамая —
Как ведь ето есь ведь Марья всё Даниловна».
Кóгда они же розговор вели,
635. В то ведь время-то циган зашол,
Циган зашол в одежды, в платьи всё во нарядном-то,
Поклонилсе он царицы-то со князём-то,
Э и говорил же он да таковы слова,
Таковы слова да таковы речи:
640. «А и я пришол, вы примите мою просьбу-ту,
Я пришол же, россказать хочу,
Вы послушайте моёго всё россказику:
Росскажу про вашу фрелину,
Вот про фрелину про Марью-то Даниловну.
645. А и я пришол-тэ россказать-тэ вам, пòведати:
А и уже заповедь была же с ней полóжжона,
А и у нас полóжжона, чтобы ей йитти за миня же всё
в замужесьво, —
А и как тепереча она да вот нейдёт никак!
А когда не выстояла она же вот в своём словí,
650. А и она типерь же вот не признават, што я её
знакомой был,
А и я теперече не хочу молчать, не думаю:
А й она ведь многие дела наделала очунь вредные,
А и как она-то йизвела генерала Стрешнова,
А и как она же погубила много молодых людей,
655. А и молодых людей же многих она учоных-то,
А и погубила она ведь двух детей своих сама,
А и она повыжгала усадьбу енерала Стрешнова,
А и погубила она в пожари многих неповинных людей
разных-то, —
А и многи люди ведь гожи были царю Пётру Алексевицю,
660. А и во походах-то, в войнах бы были перьвыя».
А и говорил-то князь тогда, да князь ведь Меньшиков:
«Смотри, не пьян ли, детина, так в речах много ты же брякаешь?»

- «А и я не пьяной-от,— не пью, дак мне не к надобью,
А и про мой дела-работу знат ведь сам же царь,
665. Знат ведь сам-от царь ведь Пёт(р) же Алексевиць свет.
А и через ей ли всё, злодейку таку, змею лютую,
А и я ведь много погубил жизней в своей младой!
А и как ведь с горести померла моя рódна матушка,
А и в табуну-ту из девушек са́ма лучшая,
670. А и са́ма лучшая из девушек, пошла она,
А и вот пошла бы за миня она в замужество.
А и я тепере в ку́знецáх живу самым перьвым тут».
А и тут сказал-то князь тогда, да князь же Меньшиков,
А и Алексан(др)-то всё сказал да всё Данилович:
675. «А и я могу передать это всё самому царю,
А и самому царю Петру я Алексевицю.
Как тогда поди, — сказал цигану князь же Меньшиков, —
А и ты поди-ко-се, ведь завтра всё тебе б́удёт сказано,
А и как ведь сказано тебе же, всё предсказано!»
680. А и тут пошел циган, ведь скоро он скрылся вот,
А и как тогда царица князю говорила:
«А и уж ты ой еси, князь ведь же, князь ведь Меньшиков,
А и Алексан(др) свет ведь есть же ты Данилович,
А и не губи-ко ты напрасно Марьи Даниловны,
685. А и ты не слушай-ко цигана, не внимай же слов, —
А и как циганы-те всегда они несправедливые,
А несправедливые бывают всё ленивые!»
«А и вот посмотрим, царица, ведь узнаем всё;
А и не один циган до нашего уж сказывал,
690. А и мно́ги, мно́ги уж про ней всё же сказывали.
А и замолчала тогда царица, призамолкнула.
А и рассказал царю ведь и всё да князь ведь Меньшиков,
А и князь ведь Меньшиков рассказал всё Алексан(др)-от свет
Данилович;
А и вот молчал сидел ведь царь Пёт(р) Алексевиць-от,
695. А и наконец же, говорил-от таковы речí,
Таковы он рéчи говорил, таковы слова:
«А и завтра сделаем-то мы будто заседаньице,
А и заседаньицо-то сделам мы у Зотова,
А и заовём туда мы много всё девиць разных,
700. А и как разных-то созовём, будто посидеть же йих,
Э и позовём туда ведь и Марью-ту Даниловну.
А и ты не знаешь, князь ведь и Меньшиков, чого я скажу, —
А и говорил-то царь ведь и Пёт(р) Алексевиць свет: —
А и старой Зотов-от, жениться всё задумал он,
705. А и он просил у мяя же всё же позволеньица;
А и дак невеста за него же всё нейдёт никак, —
А и нужно Зотову-ту другу пособить же мне,
А и невесту можно-то ведь и силою забрать и отдать».
А и засмеялся царь ведь Пёт(р) же Алексевиць-от,
710. Росхохоталса князь ведь и Меньшиков Алексан(др) свет
Данилович.
А и как ведь сказано, так же дело сделали,
Вот как сделали-то. Пошло у Зотова пированьицо,
Собрались-то как ведь, съехались гости, гости у его же
всё-то званые,
Вот приехал царь ведь сам Пёт(р) Алексевиць-от,

715. Как приехал князь ведь всё же, князь ведь Меньшиков,
Вот наехала тут Марья Даниловна;
Ей садили-то в место в само высокоё,
Во передней стол садили против самого царя,
Против самого царя Петра же Алексевица.
720. Тут пошло у них пируваньцо веселое:
Зыграли тут во струночки во разныя,
Как во те ли всё во арфы во игромые,
Как во те ли всё во гусли во веселые,
Вот во струночки они же в золочёные;
725. Тут ведь было разных кушаньей покушано,
Разных водочок заморьских тут же попито,
Было тут-то у них зеленó вино,
Зеленó вино у них да пиво пьяное.
Тут ведь все же на пиру у Зотова розвеселились,
730. Ишше всё у его все же росшутились;
Как царь-от Пет(р) ведь Алексевиць-от,
Со веселюю улыбкой речь говорил он,
Он ведь подал-то бокал напитку золочёной он,
Сэм поднёс-то он Марья да всё Даниловны:
735. «Ты прими, прими напитокку да всё у мне сладково, —
Если выпьешь ты до дна, дак тогда найдёшь добра;
А не выпьешь ты до дна, дак не найдёшь добра!»
«Много будёт», — тогда ответила Марья Даниловна;
Царь ответил: «Не вред будёт для вашего здоровья!»
740. Когда выпила она напитку сладкого,
Покатилась голова у ей с могучих плечь,
Чуть не упала за столом; ей подхватил ей царь,
Вот ведь сам царь Пёт(р) ведь всё же Галексевиць:
«Ну, что с тобой такó же, Машенька, случилось?»
745. Отчего так скоро сильнё захворала-та?»
«Уж я пьяна, опьянела, не могу сидеть».
Царь ведь низко наклонилсе к уху правому,
Тихо говорил ей таковы слова,
Таковы-ти ей слова он, таковы речи:
750. «Вы в кого, в кого, скажи, Маша, влюблены?
Вы кого теперь желаете любить всегда?»
Он до трёх-то раз ведь всё ей спрашивал;
Она ему же всё же отвечала-то:
«Я люблю, люблю, ведь царь, всё молодых людей,
755. Молодых людей люблю я, афицериков,
Люблю, люблю молодых же я военных-то!»
Афичеры-ти, сидели все прям ей они.
Тогда вздохнул-то царь ведь Пёт(р) да Олексевиць-от,
И он сказал, што: «унесите-тко Марью Даниловну,
760. Унесите-тко, полóжьте вы на кровать ее,
В ее спаленку полóжьте на кровать ее!»
Сам со князём-то со Меньшиковым розговаривал:
«Как вот за себя же всё будёт страдать Марья Даниловна:
Она умела закоренить любовь человека изо всех людей
ведь старшого,
765. А не сумела она с ним же всё в любви жить,
Променяла она старшого на младшого».
Говорил тогда же князь, да князь ведь Меньшиков:
«Я ведь ей будто же избавил от смертной казни-то,
Кабы пошла она за миня только в замужество».

- А и я пошел домой, вотпушшен, иду на родину.
 А и мы дрались, дрались, боролись под Платавою,
 А и под Платавой вот да мы дрались не час, не два,
 40. А и под Платавой тут да вот дрались да семь годоциков,
 А и не пивали-то и не едали хорошо, скажу;
 А и воевали-то, сбились тридцать два денёчика,
 А и не пиваючись, не едаючись ходили же семеры сутоцьки
 пёры-времени.
 А и ты скажи-ко-се, солдатик, где-ка ты бывал?
 45. А и где-ка ты же бывал, скажи, ты где служил?»
 «А и я служил, служил в полку был Преображеньском-то,
 А и Преображеньской полк недалёк есть от Семенского».
 «А и ты скажи-ко, как, солдатик, именём зовут?»
 «А и именём зовут миня же всё Олёшею,
 50. А я ведь царьской-от любимой его охвотник-от».
 «А вот какá тебе же вот заслугушка,
 А и получил, Алёша, славу- чесь великую!
 А и ты видал ли государя во лицё, скажи?»
 «А и я видал же ведь, солдатик, сколько раз, скажу,
 55. А и он ведь расту-ту одного со мной, парной будёт.
 А и ты не знашь ли дорогй, солдатик-от, скажи, во Питер-от?
 А проведёшь меня, солдатичек, во Питер-от,
 А если всё будёт благополучно-то,
 А и как за ето рассчитается царь наш Пётр же Олексевич-от».
 60. А и тут трубил во рог туриной-от охотничок, —
 А и вот никто нигде не откликается.
 Тут недолго думал-то охвотничек,
 Соходил скорó с добра коня,
 Он полез, полез на дерево.
 65. Во ту пору-ту солдатик-от,
 Он стоит-то, гладит вот добра коня;
 Конь-от славной, не охвотничний:
 «Этот конь ведь всё очунь великан же есть,
 На них ездит только государь наш царь,
 70. Государь Пётр Олексевич сам!»
 Ничему ему поверил он;
 Как увидел он: привязана да у седёлышка
 Тут ведь шванка со вином его,
 А увидал солдат, обрадовалсе:
 75. «А и кажись же, тут ведь водочка!
 Это водочка какая есть?
 А и я возьму, возьму попробую,
 Какой пьёт же Олёша солдатик водочку».
 Он попробовал, солдатик, тут:
 80. «Ах возьми тебя нелёгкая!
 Пьёт солдатик-от ведь водочку
 Он не прóстую — анисовку».
 Докуль солдат смотрял да на лесиночки, —
 А в ту порочку повыпил слáвну водочку,
 85. Слáвну водочку анисовку,
 Он повесил на стáро место-то.
 Говорил солдат с лесиночки:
 «А и что тебе же впра́ви видитсе?
 Что тебе в левой-то стороночке да все же кажетсе?
 90. Впра́ве видитсе какó-то зданьицо высокóе,
 Влево видитсе темный леса».

- Соходил солдат да со лесиночки,
 А хотел же вон напитисе
 А и своей водочки анисовки, —
95. А и нескóлько ей не оказалось,
 Не с наперсток ей не с женьской-от.
 А и воздохнул тогда солдатик-от,
 Ницего же не сказал-то он,
 Солдат-от всё же вот молчал стоял;
100. Солдат за девятерых-то говорил людей,
 А говорил солдат тогда младу́ полёсницьку
 А и как любимому-то вот и царьскому:
 «А и как поедем-ко, Алёша, поведу тебя,
 А и по правбóй руки, оказывается, огонь горит,
- 105 Как огонь горит, как ежели не пожар горит».
 Посадил тогда охвотник на коня же тут солдата-та;
 Как охвотничок молчал, а солдат ведь всё шумел,
 Солдат вси-то он шумел да и говорил же он.
 Они ехали, поехали немного же,
110. Лес становилсе ведь всё же вот реже-то,
 Вот открылась тут поляна очунь чистая:
 Как услышали они да тут ведь всё же звук, —
 Где-то лают-то собаки очунь страшно тут.
 Вот поехали они тут по поляночки,
115. Повела-то их дорожка тут ведь тропкою,
 Вот подъехали ко дому ко высокому;
 Тут ведь зданье-то стоит с высокой башнёю,
 Тут ведь лают-та собаки на двори же тут,
 Тын высокой-от ведь он да очунь частой-от
120. Обнесён забором ведь и всё дубовым-то,
 Он сколочен-то на железные засосы-ти,
 Как у тына-то всё у того же у высокого
 Как лежала-то ведь два ж льва да очунь большущия.
 Подъехали дородни дóбры мóлодцы,
125. Долго-долго у тыну тут стучалисе;
 Нектó, нектó-то йим нектó не открывал дверей.
 Солдат-от всё шумел да всё крычал-ругал,
 А охвотничок-от смирно унимал его.
 Наконец, солдат ведь и скоро перелез же тын,
130. Он откинывал засосы-ти железные,
 Открывал скоро ведь и двери-ти широкия,
 Тогда заехали вонí от ко терему
 По тому ли по двору же по широкому.
 Когда солдат-от перелезал да он высокой тын,
135. На гвозди-то изорвал свою шинель-от, рукав солдатский:
 «Еко дельшко выходит нехорошоё,
 Изорвал сибe шинель же я солдатскую!
 Как солдатска-те одёжда — сама лучшая,
 Подареньицо была же самого царя,
140. Самого была царя Петра-то Алексевиця, —
 Он дарил, дарил мне ей же под Платавою;
 Из сукна-то она была у мня из заморьского».
 Отвечал ему тогда же всё охвотницёк:
 «Уж ты эту же прирвал, дак ты другу кúпíшь».
145. Закрывал тогда солдат да на охвотничка:
 «А и другá-то ведь шинель да стоит денежок,
 Стоит денежек она, да их где возьмёшь?

- А как ето подареньицо самого царя,
Самого царя Петра же Алексевища!
150. Дай бог ясному соколику пожить ему,
Как пожить ему всё да вот побыть царём!»
Тут ведь начали стучаться во двери тогда;
Как стучали, — долго-долго не отворяли йим.
Закрычал тогда солдатик-от громким голосом:
155. «Не немый ли же ведь, всё глухие-то?
Не живы же живёте — наверно, мёртвые!
Околеть бы вам ведь вам, окоянным-то,
Сыновьям твоим на ведьмах поженитисе,
Дочерям твоим ведь и выйти за разбойников!»
160. Застучался тут солдат да очунь громко-то,
Хотел вывалить, сломать двери дубовыя;
Как собаки на двори же всё залаяли.
Как полёсничок, говóрит он солдатику:
«Не шуми-ко-се, солдат, да кто-то всё идёт,
165. Кто-то всё идёт, по лесницам спускаетсе».
Скоро-скоро загремели тут запоры-ти железные,
Скоро двéри-ти дубовые открывалисе,
Как отворила-то двери йим девица-та,
Она до пояса поклонилась им.
170. Когда повела двором-то йих она широким-то,
На дворе-то на цепях было двенадцать собак же тут, —
Как собаки-ти с цепи да на их ведь бросились;
Как хватал тогда солдат да он булатной нож,
Зарубил-то да три собаки же,
175. А и остальные-то все отскóчили да не лаяли.
Как охотничок пошел да за девицей он,
А солдат-от посмотрял, что за конюшны-ти,
Открыл-то он конюшенки стоялые, —
Во конюшнях-то стояли кони очунь хорошие,
180. Вот хорошие-то кони всё казачькие.
Он закрыл, закрыл конюшни, скоро прочь пошел,
Он догнал, догнал премлáдого охотника,
Они прошли тут ведь как лисници высокие,
Как прошли-то тут ковры да пересийские,
185. Как зашли тогда в единую да комнату;
Как сидела тут старуха, немолода на вид,
Как сидела она, вязала тут простой чулок.
Как пришли, пришли они тут, поздоровались,
Тут старушка-та ведь йим же вся раскланелась:
190. «Как ведь милости-то просим, дорогй гостй,
Дóбро жаловать, зайдите погостить у нас!»
А солдат-от, закрычал-от, закрычал да он ведь громко тут:
«А и ты, ведьма, ты, ведьма вот проклятая,
Неужели ты, ведь и ведьма, так не слышала,
195. Как ведь лаяли собаки да громко всё на нас?
Отчего же, ведьма, всё не отворила?
Как сама, верно — волшебница проклятая,
Твоя дочка, наверно, всё красавица,
Не в тебя же все, во ведьму во проклятую!»
200. «Не ругайсе ты, родимой-от солдатичёк,
Я — ведь стáра тут старуха, плохо слышу тут;
А и дочка тут, ничего ж она красотой прекрасная, —

- А и красотой-то она и хороша собой, да и нема!»
 А и как солдат тут всё крычал да ругалсе-то:
205. «А и старуха ты вредная,
 Из-за тибя да изорвал я свою шинель, —
 А и вот зашейте-тко шинель, как ей и следуёт!»
 А и скинывал-то он шинель и подавал же йим,
 А и как зашила старуха да очинь скоро тут.
210. А и как Алёша-то солдат когда зашел да помолился он,
 А и три поклона клал да и перекрёстил лицо белое.
 А и как тогда старуха кончила работушку,
 А и подала она тогда скорбó солдатки;
 А и как солдат-от ведь тогда да говорил же им:
215. «А и уж как старуха, ты, стáра да всё ведь бабушка,
 Дай-ко нам всё поить, дай покушати, —
 Со дорожочки сейчас да мы ведь есть хотим.
 Ты ведь знаешь, — ведь етот едет-от охвотник
 Он любимой-от ведь едет-от царя Петра Олексевича!»
220. «Уж вы гой еси, солдатик, люди приезжая,
 Мы ведь люди-ти живём же очунь бедныя,
 Ничего мы не варим, ничего не стряпаемсе.
 Мой-от муж-от старой встал — ушел в работушку».
 «Добры, добры вы же всё же, люди бедные, —
225. Кабы нечего охранять, не имели бы собак цепных,
 Во вторых бы не йимели бы таких коней!
 У вас скота-то ведь во конюшнях стоит разного,
 А у бедных-то людей нет ни именица».
 Тут просил солдат еды; старуха-та не сказыват,
230. Она всё же отговариваетсе: «Ведь нет еды!
 Вот ведь есть еда: щи старыя с капустою,
 Ешше есть-то каша — она у печки — гречушная,
 Молоко я принесу, так того кушайте».
 Тут достала щи из пёчи-то старуха-та,
235. Подала-то кашу всё же с молоком же йим.
 Как охвотник-то хлебнул-то однажды-то,
 Он сидит, сидит не кушает;
 А солдат, он машет ложкой, кричит же всё:
 «Это кушанье не царьскому охвотнику,
240. Вот ведь дайте нам ведь кушанья лучше-то!»
 Как ведь дочь-та всё ведь тут же вот старухина,
 Она мигнула-то своим же черным глазом-то,
 Указала она во стеночку, в подвал же там;
 Как солдат, тогда он по тому дозналсе же,
245. Он хватал, хватал со спицьки саблю вострую,
 Он разбил взял ведь у стены-то вот раздвижину, —
 Вдруг стена сама собой она раздвинулась.
 Там чего было в шкапу же не наложено:
 Были гуси-ти ведь и там же все зажарены,
250. Были белые лебёдушки зажарены,
 Была боранина, говядина нажарена,
 Тут стояли разны напитки заморския;
 Всё солдат-от ведь берёт да он на стол несёт,
 Он наклал на стол всего, да чуть ведь стол дёржал.
255. Как солдат-от ел, ведь и ел да поедал же он,
 Как ведь водочкой-то разной запивал же он;
 Царьской-от охвотничок, мало кушал он,
 Всё ведь мало-то ведь, и кушал, водочки не пил ведь он,

- Говорил солдату ведь он же таковы слова:
260. «Нехорошо же, зачем насильнѣ забрал же ты?»
 «Ницего, не бойсе, так ведь следует:
 Эти люди-ти живут же вот не бедные,
 Такі-ти у ѳих кушанья находятсе!»
 Охотник вот поел, сказал: «Я спать хочу».
265. Как говорил тогда охотник таковы слова:
 «Как спасибо тебе, бабушка, за принятиѣ,
 Уж ты дай-ка мне-ка, бабушка, отдохнуть же где».
 Тут старуха-та, ему она ответила:
 «Здесь же, в комнатах-то, спать нехорошо для вас, —
270. Муж придет у меня же он с работушки,
 Ростреложит-то тибя он не во времечко,
 Не проспишьсе ты, тогда заболит головушка.
 Вот поди, поди отдохнуть да на чердак же там!»
 Тут пошел, пошел охотничок да на чердак же спать;
275. Как старуха подала постель с подушкою,
 Вот с подушкою вонá же, с одеялом-то.
 Как ушел, ушел ведь царской-от охотничек,
 А солдат-от ведь пошел да отдыхать тогда;
 Обходил-то, осматривал да все же комнаты:
280. В кажных комнатах-то были тут орудие,
 Как ножи, ножи ведь и были везде разбойнически,
 Как везде много одежды лежит кровавою.
 «Вот тебя возьми нечиста-та, сказать, силушка, —
 В логовищо мы тепериче заехали,
285. Да логовищо-то ведь и это, знать, разбойников!»
 Он ведь взял, взял две сабли себе вострыя,
 Взял топор себе прибрал, да топор вострой вот,
 Он пошел, пошел тогда да на чердак скорó,
 Говорил-то он тогда да таковы слова, —
290. Как охотник вот ведь и спал, да вон похрапывал:
 «Хорошо спитсе ведь, крепко! Ты, Алѣша-та,
 Ты не знаешь ведь, где попали-то мы, кому в руки!
 Пособи ты мне-ка, господи, спаси миня!»
 Прошел день-от тут да прокатилсе тут,
295. Прішел вечер-от, вечер поздой-от.
 Мать-та всё ведь и дочку там ругает-то:
 «Попадѣтсе-ту, нѣмочу да распутноѣ,
 Тебе попадѣтсе-то за то от братицей!
 Почему ты рассказала всё про кушанья?»
300. Они приедут-то, с тобой же рочитаютсе!»
 Как взошла-то тут луна вот поднебесная,
 Выкатилсе месяц из-за гор, лесов из-за тѣмных-те;
 Услышал солдат — скрыпят да сани едут-то,
 Он увидел — едут кони очунь большущие,
305. На конях-то сидят же, видит, по трою.
 Вот наехали воні скоро на широкой двор,
 Зашумели, закрычали громко всё воні,
 Завыбирали всё товары-ти ведь разныя,
 Заснимали они ведь и всё же с лошадей тогда.
310. Как старуха прибежала, говорит же им:
 «Вы потише-то шумите, говорите-ка, —
 Как ведь всё-то два гуся в гости приехало!
 Один, видно, да что человек да очунь смирной есть;
 Золотá-та цепь да у его, да у его шей,

315. Как ведь рог-от есть да у него да золочёной-от,
Оно видно, что он едет из богатых есть, —
Его тихо-то убейте, ребята, не мучьте его,
Потихоньку-ту его убейте-тко.
А солдата-то, негодяя, вы помучьте-тко,
320. У живого-то у ёго горло надрежьте -тко, —
Он пускай тогда побегат во безумии!
А сегодня, мои ясны соколочки.
Вам ведь нечего поить-попить хорошего, —
Всё ведь отдала, все ведь кушанья сестрица ваша любимая!»
325. Вот разбойнички-ти долго убиралисе,
Наконец, пошли они же, — убрались тогда, —
Вот пошли они во полаты-ти пошли в свои высокоя,
Заругали свою сестрицу любимую,
Други бросились-то бить сестру за проступочёк;
330. Долго-долго-то нема же девка плакала,
Потому што ей избили-то родны братица.
Они сели-то ведь тут же всё ведь кушати,
Старик стал-то тут у старухи-то ведь спрашивать:
«Сколько есть гостей сегодня всё ведь в ночь же спят?»
335. Отвечала же старуха старику же тут:
«Два-то гостя спят, говорю же, йих приехало,
Как один-от гость, видно, умной, тихой-от,
Он собой ведь, видно, ничего же он, прожиточной;
А солдатишко — он грубиян, да видно, престрашной, злой,
340. Обругал-то он миня, да как же мог же он, —
За его-то ругань скорей же расчитайтесь-ко!»
Говорил отец дитя́м да всё своим же он:
«Вот подите поскорей, ребята, поправьтесь-ко!»
Вот пошел, пошел ведь и спёрва самой младшой-от;
345. Только стал-то показаться как из лиснищи,
Перекрестилсе тут солдат да вот махнул же он, —
Улетела вот у сына же головушка.
Перебил-то всё солдат да петерых же йих.
Как старик-от ведь сидит да всё шумит же он:
350. «Они чего, чего ешше да долго разговаривают?»
Он ведь брал-то тут ведь плёточку ремённую,
Он хотел же вот-то где поучить детей;
Он пошел, пошел, в потёмках-то запинается
За дитей-то он своих же вот головушки:
355. «Это чего же у них, чертенята, напинали же?»
Вот полез, полез тогда же он на лиснищу;
Солдат махнул тогда опять же саблей вострою, —
Как тогда-то улетела-та и голова же всё.
Как некто́-то боле не приходил же к ним.
360. Засветил солдат тогда да свецьку сальную,
Разбудил тогда ведь и царьского полёсничька,
Вот полёсничька, его же, всё царьского охотничька:
«Полно спать-то (те), Олёша, прокладатисе,
Как пора тебе, Олёша, подыматисе!
365. Ты в каком-то вот, Олёша, в страхе жил и был!»
Рассказал-то всё Олёше, как и было-то с ним како́ приключеньцо;
Тогда ско́зил-то Олёша солдат на ноги,
Три-то раза перекрестился, благодарил его,
Человал его в уста его сахарные,
370. Золоту́-ту свою цепь да он надел ему:

- «Ты зачем не розбудил да всё миня тогда?
Пособил да я тебе да тогда битисе!»
Как пошли тогда, спустились с чердака они, —
Тогда ахнули-то мать же тогда с дочерью;
375. Солдат стал тогда у старухи-то выпрашивать:
«Сколько вы же етим делом занимаетесь?»
«Занимаемсе, кормилец, мы же двадцать лет».
«Есть ли дале где ведь и жители кроме вас же где?»
«Были, были верст за пять, да переловлены».
380. «У вас есь ли всё именьицо, золотá казна?»
«Золотой казны у нас да всё же не было.
Ты прости ведь мою душу, солдатик, всё миня,
Дай в моих-то всё грехах да прираскаетесь!»
Как пошол, пошол солдат да тут осматривать,
385. Он нашол-то под домом да много погребов, —
Всё наложено ведь и там было красно золото,
Как ведь бочки-ти стояли всё со серебром.
Как охвотник-от хотел только спустатисе,
Тут ведь стрéлила нема из ружья она, —
390. Чуть не попало-то охвотничку во правó ухó;
Тут выскакивал из погреба солдатик-от,
Он срубил-то у немой скоро буйну голову,
Вот срубил-то взял у матери, старухи-то.
Как хорóшо-то ведь и золото, брали всё его,
395. Брали много они тут же чýста сéребра,
Брали много разных товаров-то йиностранных-то,
Как солдат ведь брал да ведь лучшего добра коня;
Они садились-то ведь скоро на добрых коней,
Вот поехали они же в путь-дорожочку.
400. В путь-дорожочку немного-то очунь ехали, —
Они напали-то на дорожочку слáвну питерску,
Как ведь ехали они да трóи сутоцки;
Кóгда в Питер-от приехали во город-от,
Вот заехали вонí к дворцу ко царьскому,
405. Потом заехали вонí же тут на царьской двор.
Как полéсничок пошол же, повёл солдатака он,
Вот ведь завёл его во палату-ту во царскую,
Вот во царскую завёл он во зальную:
«Ты сиди, сиди, дожидай миня, солдатик-от, —
410. Как ведь я пойду, схожу переоденусе».
Как ушол, ушол тогда же вот охвотничек;
А солдату-ту поднесли одежду чистую,
Вот ведь чистую одежду сáму лучшую.
Долго ждал-то его солдат, сидел дожидалсе-то;
415. Вдруг услышал: йидёт, йидёт по каледорикам,
Как скрыпят, скрыпят сапóжочки сафьянныя.
Вот открылись скоро двери-ти, зашол к нему.
Вот зашол к нему ведь и сам царь Пётр Олексевич-от, —
Тут солдат ведь вот ужахнулсе, не знал, чего сказать ему!
420. Подошол-то царь ведь и Пётр тут Олексевич-от,
Человал его в уста тогда в солдатския,
Со слезами благодарил он, низко кланелсе,
Вот надел на шею чesы-ти свои царския,
На праву руку-ту надел он золотой перстён,
425. Назвал чином-то думного боярина.
Без его-от он ведь и думушки не думывал,

- Некакого заседаньица не заводил же, царь.
 Он состроил, сделал ему высокой дом;
 Не поехал солдат всё же он на родину,
 430. Вот достали, привезли жону, дитёй туда.
 Стал-то жить-то поживать солдат счesливо тут,
 Как счesливо стал же жить во славном Питери:
 Он ведь ездил же на лошадях на царьских-то,
 Вот привёз-то всё именицо-богасьвицо,
 435. Как которое осталось от разбойницьков, —
 Как ведь царь-от ведь не взял да нецего же он,
 Всё ведь отдал он солдату за труды его.
 Как теперече той-то вот истории конец пришол.
 Как Невы-реки на тишину великую,
 440. Нашой матушке каменной Москвы на славушку,
 Вам, премладые учёны люди, на прописаньицо,
 Как от вас пойдёт млáдым на россказаньицо.

№ 122. (ПЕТР ПЕРВЫЙ И ЕГО КРЕСТНИК)

- А и вот ходил-то царь ведь Пётр-то Алексеви́ч млад,
 А и он ходил, ходил во платьици во прóстом-то,
 А и он ходил-то, ходил-гулял да у Невы-реки,
 А и он-то пришол-то, царь, ведь и всё же на Васильевской слав-
 ной остров-то:
5. А и захотелосе царю да вобойти же всё,
 А и обойти ему захотелось ведь Питер-град,
 А и вот проверить-то ему надо, как народ живёт,
 А и как народ-от живёт да чем питается?
 А и вот пошол, пошол-то он да ведь же (в) Питер-град.
10. А и заходил-то ведь и царь в етот да в единой малой дом,
 А в етом-то доме жил сапожник со женой своей;
 А и вот зашол-то царь вот ведь и Петр же Олексеви́ч-от,
 А и поздоровался с хозяином, с хозяйкою,
 А и ешше зачал-то ведь и царь же тут выспрашивать:
15. «А и как живёшь жо ты, сапожничок, работаешь?»
 А и вдруг ведь всё же тут,
 А и по его-то всё же всё по приходу-то,
 А и вот хозяйка-то его да скоро скрыласе,
 А и скоро скрыласе, да и гонá вот удалиласе,
20. А и она ушла, ушла в другую всё во комнату.
 А и как сапожник-от сидел всё разговаривал;
 А и как спросил-то его уж и всё царь Пётр Олексеви́ч-от:
 «А и у тя много ли семейства-то, семьи же есь?»
 «А и у меня-то всё семья-та небольшая же есь,
25. А и небольшая-то семья, всё же только одна жона.
 А и ешше раньше-то я... семья у мя большá была:
 А и ешше был-то у мя же вотець-батюшко,
 А и ешше была же у мя рóлна матушка,
 А и как ведь было-то у мя трое-то малых деточёк.
30. А и тогда бедно ведь и жили-то, да очунь нишшенёско, —

- А и тяжело-то было мне да всё держать семья.
 А и два годочка-та таму же поры-времени
 А и как померли у мя же готець с матерью,
 А и как померли у меня-то малы детоцьки.
35. А и я тогда-то всё же ишло вст не сапожнициял,
 А и был в солдатушках, служил же царю белому,
 А и царю белому служил да Пётру Перьвому,
 А и Пётру Перьвому служил я Олексевичу.
 А и под Платавой-то ведь и мы же всё там стояли-то,
40. А и стояли мы же там ведь, воевали-то;
 Уж мы билисе-боролисе тридцать сутокек, —
 А и наконець, мы победили силу неверную,
 А и вот неверну-ту силушку фленцузскую.
 А и государь-от наш же ведь и Пётр же Олексевиц-от,
45. А и он задумал вот проверить силу-армею,
 А и ешше ту ли всё ли коньску, коньску гвардию;
 А и наредилсе он во прбстоё во платьицо,
 А и во прбстоё во платьице солдатъскоё,
 А и он пошел, пошел да ведь и всё же проверять полки,
50. Э и проверять пошол полки славны солдатъские.
 А подошел-то он к солдатику ко перьвому,
 А и вот ко перьвому солдату-ту, который стоял караульным он;
 А и он ведь и стал, царь, его же подговаривать,
 А и подговаривать-то начал, подкупать 'его:
- 55 «А и пропусти-ко-се меня да перейти туда,
 А и перейти туда во силушку, во армею!»
 А и как солдатик-от, был на то безумной он,
 А и он сказал, сказал царю Петру Алексевичу:
 «А и не пропушшу тебя во силушку, во армию».
60. А и отвечал жо ему царь Пётр Алексевиц-от:
 «А и пропусти-ко-се, солдатик, вот меня пройти,
 А и я ведь дам-то тебе ведь и всё же пять-то рубличков!»
 А и чорт бери тогда солдатика несчастного, —
 А и он обзарилсе на деньги, на пети рублях,
65. А и пропустил-то вон солдатика во полки свои.
 А и как подошел-то царь да ко другому-то,
 А и ко другому-то подошел жо он к солдатику,
 А и стал просить-то ведь его да перейти в полки;
 А и как солдатик-от, ведь был очунь мудрой он,
70. А и как во всём, во всём был же он догадливой, —
 Не пропустил-то тут солдатик царя русьского,
 А и царя русьского своёго же Петра же Перьвого,
 А и замахнулсе же на него же скоро оружием,
 А и он сказал, сказал ему, да тут солдатик-от:
75. «Не отойдешь же всё когда как ты всё же от миня сейчас,
 А и застрелю возьму тебя как вот и сейчас же тут
 А и на твоём жо всё на месте на стоячем-то!»
 А и поворотилсе тут же царь да скоро проць пошол;
 А и овернулсе же скоро царь, и вот всё же он назадь пришол,
80. А и он назадь-то всё пришол да ко солдатику:
 «А и пропусти меня, солдатик-от премладой всё,
 А и я за то тебе дам же десять рубликов!»
 А и как солдат-от закричал да заругал его:
 «Э не нуждаюсь-то твоима я деньгами-ти —
85. Э и я нуждаюсь вот своей-от я чесносью,
 А что служу-ту я царю же верой-правдою,

- А и вот не сделаю ему я изменушки!»
 А и побежал-то тут солдат да за царём тогда,
 А и он хотел всё его скоро застрѣлити,
 90. А и он предать-то ёму смерти да очунь скорую;
 А и побежал-то тогда царь да от ведь прочь же всё.
 А и как по ўтру-то ведь и было, ўтру ранному,
 А и на восходу-ту ведь и было же сонця красного,
 А и барабаны-ти забили очунь крепкие,
 95. А и заиграла скоро царьска струночка,
 А его струночка-то ведь заиграла золочёная,
 А и скоро сѡзвали солдатиков ведь всё в дворець.
 А и как ведь и перьвого солдата обсудил же царь,
 А и обсудил-то его царь, велел казнить его, —
 100. А и скоро, скоро был солдатик-от казнѣн же он.
 А и как второго-то солдатика он призвал к себе,
 А и вот призвал к себе в палату грановитую,
 А и вот пожаловал ёго чином капралом-то;
 А и снимал-то с шеи цепь золочёную,
 105. А и золочёну гон цепь да славному царьскую,
 А и он снимал-то с правой ручки золотой перстѣнь
 А и со блестящими он же всё со камнями,
 А и человал его в уста, уста сахарныя.
 А и наш-от славной царь есть ведь и Петр есь Олксевич-от,
 110. А и он во битвах, во полках ходит-погуливат,
 А и он ведь и сам ведь и смотрит, сам просматриват,
 А и он ведь и знат-то ведь, ведь всех видит солдатиков;
 А и за хороши-ти дела да награждает он,
 А и как себе гон во Питер призывает людей,
 115. А и он садит (с) гостѣми-ти с заморьскими,
 А он и с нима сидит ведь и кушает,
 А и наставлят людей ведь и на хороши порядочки».
 А и тут хотел ведь-то царь ведь Голексевич-от,
 А и он хотел, хотел ведь и скоро же итти от них же он.
 120. Э и как во ту пору-ту, во то всё же вот во то время.
 А и застучала-то у нѣго жена во стеночку, —
 А и услышал-то её муж, да вон ведь к ней пошел.
 А и как ёго-то вот тут-то ведь как та любá семья,
 А и как его-то всё же, скажом, молода жена,
 125. А и спородила-то гонá ёму чадо милого,
 А и чадо милого ему, чада любимого,
 А и еше не женьского-то полку был, мужьского-то,
 А и был ведь и сын-от всё же ихной вот любимой-от.
 А и как пришол, пришол ведь и скоро вот сапожничок,
 130. А и он ведь и кланялсе вот гостю вот прихожалому:
 «Ай ты, гость, да гость мой, да перьвой раз пришол,
 А и по твоёму-то сегодня по приходу есь,
 А и великá-та у мня радость вот случиласе:
 А и родила жона ведь и сына любимого, —
 135. А и я желаю, тебе-то тут да себе в кумовья зову,
 А и в кумовья себе зову, да кумом хочю тибя!»
 А отвечал тогда ёму да гось во перьвой раз:
 «А и хорошо-то ведь, сапожничок, скажу тибй,
 А и ты послушай-ко, сапожничок всё, чего я скажу:
 140. А и одержу-то я твоёго сына любимого;
 Э и помедли-ко два денѣчка-то поры-времени,
 А через два-то ведь и денѣчка я приеду-то,

- А не один к тебе приеду я, с кумой же всё».
- А и роспрошталсе же-то ведь и гось да-он пошол же вон.
145. Э и рассказал-то всё сапожничок молодой жоны:
 «А и сôзвал, сôзвал я себе кумá крестового,
 А и он ведь хочет быть вот у мня вот восприимником,
 А и привезёт-то себе он куму же любимую».
- А и говорила-то сапожничку молода жена:
150. «А и ты не знашь-то ведь ёго, да он же кто же есь,
 А и много, много здесь людей же есь в(о) Питери,
 А и притворятса-то, одежды-то найдут вонй, —
 А и хулиганы-ти они же вдруг окажутса!»
 «А и через два-то ведь и денёчка он же прійдет к нам».
155. А и говорила-то ёму ведь и от всё же его жона:
 «А и приведёт, наверно, много голи кабацькою;
 А и цем же, цем же будешь ты, ведь и будешь принимать же их?
 А и цем ты будешь угошшать же их?»
 «А и вот не взыйшот же с меня да кум крестовой мой,
160. А и ведь и он знат-то, видел всё моё богасьвицо».
- А и как прошло-то тут да всё же два денёчика,
 Это было всё по вечеру по поздому,
 А и по закату сонця красного,
 Э и как оделси-то наш и ведь скоро царь
165. А и вон во платьице во царьскойё.
 Э и ешше Пётр Голексевич сам
 Приказал заложить карету золочёную;
 Э и гон же взял с собой лакея всё,
 Э и он садил с собой в кареточку,
170. Во карету в золочёную,
 Приказал править своему слугй, ёму же он
 К дому ехать князя Меньшикова,
 Князя Меньшикова Олександра свет Даниловича.
 Э и заходил он из кореты вон,
175. А лакея-то гоставил он,
 Караулить-то ведь и велел коня.
 Сам и пошол, и пошол в палаты он
 Э и как ко князю он ко Меньшикову.
 А и вот и зашол, и зашол же царь у нас
180. Во палаты княженеськие;
 А и у князя гостей было много всё,
 Они сидели, розговор вели.
 А и увидел же князь: пришол же царь,
 Вот пришол же царь Пётр да Олексевич сам, —
185. А и он ставал, князь, низко кланелся,
 А и он просил, просил зайти ёго.
 Э и сесть в весёлую беседушку,
 А и посидеть-то со гостёми же.
 Э и не садилса царь за столы к нему,
190. А и говорил-то царь да таковы рецй:
 «А и уж ты ой еси, кнегина, ты,
 Вот кнегина, жена князя Меншикова,
 Александра-та Даниловича,
 Одевайся-ко, кнегинушка,
195. Мы поедём-ко на крестинушки,
 На крестинушки к сапожнику,
 А и одёржим у него сына любимого!»

- А и как кнегины не хотелосе,
Потому что сапожник бедной был,
200. Не хотела она, отказывалась:
«А меня сегодня нездорова есь,
Нездорова вот, хворала всё».
Говорил-то царь в другой же раз,
Говорил же царь в третей же раз,
205. А згленул-то на кнегинушку невёсела;
Тут ведь и князь-то ведь Меншиков догадалсе всё,
А велел жонь-то одеватисе,
Одеваться он-от да собиратисе.
Э и скоро-скоро тут кнегина-та,
210. Вот кнегина-та да князя Меньшикова,
Она всё же переделасе,
Одевала платё-то всё вона хорошее,
То всё она хорошее да всё шелковое,
Одевала шубу тёплую,
215. А и шубу тёплу соболиную,
Одевала шаль пуховую.
Тут пошел жо и пошел да дорогой же гось,
Дорогой-от гось Пётр да Олексевич свет,
Э и славной царь же светорусьской он,
220. А и за ним-то шла всё кнегина-та,
А и вот кнегина-то князя Меньшикова.
А и сели в карету золочёную,
Скоро-скоро они поехали,
Побежал да скоро быстрой конь,
225. Вот забрякала карета золочёна, —
Подкатили скоро к домичку,
Скоро к домичку ко сапожнику.
А и ту(т) ведь и вышел вимператор царь,
Енператор царь да Пётр да Олексевич млад,
230. За ним шла-то, шла кнегина-та,
Шла кнегина-та, ведь князя-та жена Меньшикова.
Когда зашла же в дом сапожника,
Ужахнулсе тут сапожницок,
Ужахнуласе его жена, —
235. Когда прираздел жо платё царское,
Они узнали — всё же сам же царь,
Всё же сам же царь Петр Олексевич он;
Э йонь узнали тут кнегину-ту,
Э и вот кнегину тут князя Меньшикова.
240. Онй кланелись царю да во резвы ногй,
Э и как кнегины низко кланялись,
А что(б) простили вонй йих да во невежесье.
И подымал тогда да наш ведь русьской царь,
А и подынул их Пётр да Олексевич сам,
245. А и говорил он йим да таковы слова,
А и таковы слова, такй речй:
«А нечего жо ето дельшко, да не страшитесь-ко,
Это все равно, — что я и царь так же есь,
И я так же земной живу,
250. А и только идёт слава великая,
А и слава великая по всей Рassiюшке.
А и царьска жисть-та есь треложная,
А и есь треложна, беспокояная!

- А и расскажу тебе, да мой крестовой всё:
255. А и как повесить нужно саблю вострую,
Вот повесить ей да на верёвочку,
А и повалить тебя да на постелечку, —
А и не заснёшь же всё, подумаешь,
Убойсье смерти скорою.
260. А твоя жисть-то есь счасливее,
А и вот счесливее жизни царьскою,
А и ты живёшь, живёшь на волюшке,
А и спишь ты ноченьку в спокойи-те, —
А как моя-то ночка тёмная,
265. А и мне немного спать приводится,
А и все же ноченьку я думу думаю,
Думу думаю да мысли мыслю-ту,
А и я про всю земелюшку славнү про русьскую,
А и как про всех солдат-то, силу-армию,
270. А и как про всю же да коньску гвардию,
А и как про всех же людей живущих-то,
А и про всех я думаю со старого,
А и вот со старого да вот до малого —
Мне немного-то всё же покою есь».
275. А и как сказал-то тогда же Пётр-от царь,
А и Петр же царь да Олексевич-от:
«А и как давай, давай же крестить сечас,
А и вот крестить сейчас, приёмать,
Принимать да кресника купельного;
280. А и я буду всё ведь и кумом-то,
А и кнегина-то кумой стоять».
А и побежал же тут сапожникок,
А и за попом пошел же крестить же звать;
А и вобругал же всё же да поп его:
285. «Зачем звать пришол же да не во времечко,
А и как среди же ночки тёмною?
Ночкой тёмною да не крестят дитей,
Они падают да несчастливые,
Несчастливы да недолговекия».
290. А и вот пошел, пошел крестить же поп,
А и он зашел, зашел же к сапожничку,
Увидал царя Петра же Алексевича,
А и он узнал, что царь ведь кумом есь,
А кнегина-та кумой была.
295. Окрестили тут сапожничек
А и своо сына любимого.
А и тут пошло у йих жо угошненьцо, —
А и как лакей принёс ведь ящик он,
А и тут всего было накладено,
300. А и были кушанья-ти разные,
А и были напитки заморьския;
А и посидели тут покушали,
А и достальнё куму оставил он,
А и ешше куму со кумой же всё.
305. А и подарил кумы на платье шёлка всё заморьского,
А и подарил ей шубу соболиную,
А и подарил шаль ей пуховую,
А и ей ведь и на ноги башмачки-ти сафьяныя,
Из того ли всё сафьяну из зелёного,

310. А и подарил ей ведь и перчаточки шолкóвые,
 А и вот шолкóвые семи шолков.
 А и как гоставил-от ведь и хрестничку
 А и много всё же ведь и золотой казны,
 А и золотой казны да чýста сéребра.
315. А и вот дарила много всё кнегина-та,
 А и вот кнегина князя Меньшикова,
 А и падарила-то свою куму крестовую,
 А и вот дарила всё ведь и хреснику любимому.
 А и вот роспрошшалсе же тогда царь же Пётр да Олексевич
 свет
320. А й и со своим с кумом крестовым-то,
 А и со своей кумой крестовыё,
 Они скоро вот уехали;
 Он и приехал ко терему князю Меншикову,
 А и тут ведь и выпустил ведь и кнегину-ту ведь князя Меншикова,
325. А и сам поехал ведь и во свой дворець.
 А и вот приехал он во дворець во царской-от,
 Выходил гон из кареты вон,
 А и скоро шол-то царь по лесницам,
 Заходил-то гон в палатушку
330. А и ко своей царицы Катерины-то,
 А и Катерины Алексевны-то,
 А и говорил-то он ей да такovy речи:
 «А что поскучилась ли, Катенька,
 А и что меня-то долго в доме не было?»
335. Поделитесе-ко со мной радостью моею же ты:
 А и вот проздравь же меня со кресником,
 А и вот со хресником, с кумой миня,
 А и со кумой меня — со кнегиною,
 А и со кнегиною князя Меньшикова,
340. А и Александра-та Даниловича;
 А и у мя же есь и кум крестовой всё,
 А и у мя есь кума крестовая».
 Рассказал же всё царицы он.
 Э и когда же стал-то по́драстать
345. Да всё его же крестник-от,
 А и он же взял его да во дворець же свой,
 А и ёго же гон же воспитал же всё,
 А и воспитал его, возрóстил-то,
 Обучил разного ученьица —
350. Э из него всё вышел жо всё полковницёк
 Э и как того полка Преображеньского.
 А ёшше куму-то крестовому
 А и он состроил терем-от высокóй-от
 А и со высокима крылечками,
355. А и со тимá ли всё перилами точёныма,
 А и как точёныма жа золочёныма;
 А и он ведь и сделал его думным-то боярином,
 А и без его-то не обходилисе,
 А и он на каждом-то был да заседаньици,
360. А и без его-то думушки не думали,
 Э и без его-то рёчей не говóрили —
 А и хороша-та жись была сапожнику,
 А и как ведь тому думному боярину!
 А и как ведь той-то вот гистории конец пришол.

365. А и как Ботийскому-то морюшку на тишину,
 А и как Неву-реку на чесь-славу великую,
 А и вам, учёны люди, будет на росписаньице,
 А и как от вас-то ведь премладым-то пойдёт на россказаньице,
 А и как от йих-то пойдёт на пропеваньице.
370. А и будут людюшки читать ее,
 А и вот читать да споминать его,
 А и какой жо был царь Пётр да Галексевич-от,
 А и как не гнушался гон да ведь как всё же бедностью,
 А и сделал всё же гон сапожничка,
375. А и своёго жума крестового,
 А и гон ведь и думным-то боярином,
 А и своего-то крестника любимого
 А и сделал младым-то полковничком
 А вот полка-то всё Преображеньского.

№ 123. (ПРО ПЕТРА ПЕРВОГО И МАЛЬЧИКА)

- А и вот поехал-то у нас да государь же царь,
 А и государь-от царь Пётр же Алексевич-от,
 А и он поехал-то смотреть да всё во Нов во град;
 А и осмотрял жо царь ведь и славной Нов же град,
5. А и осмотрял же царь ведь и славноёй, хвалёной град же Нов.
 А и вот стоял, стоял воскресенску-ту царь обеденку,
 А и во собори-то стоял же ён во Сбфьенском,
 Как у правого стоял же он у крылоса,
 Он смотрял, смотрял, ведь царь, да на весь храм божий,
10. Как на храм-от тот, на собор славной на Сбфьевьской:
 «А и хорошо-то, — он же думал, — храм устроен тут,
 А и со большой была постройка вот со мудросью!»
 А и как во ту пору, во то же само времечко
 А и подошол-то всё мальчишечко изорванной,
15. А и на ногах-то его... да ноги голыя;
 А и подошол-то он к царю же к самому,
 А и он ведь смотрял, смотрял на государя белого.
 А и увидал-то его всё же государь же царь,
 А и улыбнулся-то он с веселою улыбкою.
20. А и подошли-то люди, скажем, новгородьские,
 А и отводили прочь ведь и мальчика да бедного,
 А и повели тогда ведь мальчика из собору-ту, церкви божия;
 А и заревел-то, закрычал-то мальчик силён он,
 А и услышал-то всё же тут да государь же царь,
25. А и государь царь ведь и Пётр Алексевич-от,
 А и приказал своим солдатам-то итти туда,
 А и привести туда ведь и мальчика, воротить назад.
 А и вывели тут солдатики новобранные,
 А и воротили назад ведь и мальчика-то бедного, —
30. А этот мальчик-от да был вдовиной сын, —
 А и завели же они мальчика в божию церковь,
 А и подвели его к царю же всё, поставили;

- А и как стоял, стоял ведь мальчик тут, поглядывал,
 А и вот поглядывал на государя-то Петра же Алексевича,
35. А и со весёлою улыбочкой смотрял же он.
 А и видит, видит у его же государь же царь,
 А и государь-от царь ведь и Пётр Олексеви-от, —
 А и вынимат-то как мальчишечка листок же он,
 А и вот листок-от он же вынял тут бумажечки,
40. А и рисовать-то стал ведь он же на бумажечке,
 А и долго писал, писал ведь мальчик, рисовал же тут;
 А когда рисовал-то он-то, к себе в карман положил-то.
 Он пошел, пошел ведь скоро от царя же прочь.
 Приказал-то государь царь Пётр Олексевиц свет
45. Как итти, за ним следить солдатику.
 Как пошел за ним да млад солдатик-от;
 Он стоял, стоял, мальчишечко, на паперти,
 Он стоял, стоял у печки у муравою, —
 Вот солдатик-от да стал близко к мальчишечку.
50. Долго шла-то тут обедня воскресеньская;
 Вот прошла, прошла годебня воскресеньская,
 Отошла-то тут ведь служба всё церьковная,
 Расходился стал да тут народ да из собору тут.
 Как пошел, пошел мальчишечко из собора вон, —
55. Не спустил его солдатик, задержал же всё:
 Как ведь мальчик-от слезами уливается,
 Просит, просит позволеньца отпустить его.
 Солдат зачал-то его же всё выпрашивать,
 Вот выпрашивать-то зачал он, выведывать:
60. «Ты скажи, скажи, ведь и мальчик, дитя малое,
 У ти есть ли всё родной да родный батюшка?
 У ти есь ли ведь в живых же родна матушка?
 У тя есь ли всё родимы твои братица?
 У ти есь ли вот родимы твои сёстрицы?»
65. Отвечал тогда ведь и мальчик-от солдатику:
 «У меня же нет в живых да вóтця-батюшка,
 У мня есть-то ведь в живых родима матушка,
 Братья были у мня, да вонн померли,
 Как и сёстер-то и у мня да их не было.
70. Я живу, живу ведь и с матушкой родимою».
 Тогда вышел царь ведь Пётр же Олексеви-от,
 Он велел-то взять ведь и мальчика к себе его,
 Вот к себе-то его взять да во карету-ту;
 Привели его, посадили во кареточку.
75. Говорил-то царь ведь Пётр же Олексеви-от:
 «У тя есь ли всё готець, да родной батюшко?
 У тя есь ли всё да родна матушка?»
 Отвечал-то йим бедной мальчик-от,
 Рассказал ему, царю, да про всю жисть свою.
80. Приказал-то он ведь ехать к ёго дому всё;
 Он спросил, спросил — рассказал ему да ко какой же улицы;
 Вот подъехали ёни же к ёго домичку, —
 Как не дом стоял, стояла низка хижина.
 Приказал-то царь Пётр Олексевиц становитесе,
85. Соходил-то вон с кареточки золочёною,
 Он ведь взял-то всё мальчишечка за рúку-ту,
 Он сказал, сказал ему же со улыбочкой:
 *А веди, веди меня же вот к себе в гости,

- Постоять хочу у те я на фатерочки!»
90. Тут ведь мальчик-от с великою со радостью
Он повёл, повёл государя Петра Алексевича,
Он завёл его в свою же низку хижину:
«Мама, мама, я к тебе веду ведь гостя всё,
Как ведь гостя-та веду я, государя-то,
95. Государя я веду Петра Алексевича!»
Как стречала-то его же всё ведь матушка,
Она низко-то государю поклониласе:
«Здрастуй, здрастуй, государь Пётр Алексевич свет!»
Повелась у них ведь тут беседашка весёлая.
100. А и тут зашол, зашол туда да солдат его,
А и вот занёс, занёс ларец же тут дорожной он,
А и отмыкал тогда солдат скоро же он ларец,
Повынимал-то разных кушаней сахарных-то,
Вот сахарных он ведь кушаней-то разных-то,
105. Вынимал-то разных водочек заморьских-то.
«Ты садись-ко-се, хозяин, с рóдной матушкой,
Угощай-ко-се меня, когда же я в гостях!»
Мальчик, был-то, верно, очунь он голодной-от,
Пил да кушал он ведь тут, да сколько он хотел;
110. Инператор Пётр ведь всё же Алексевич-от,
Он ведь мало-то ведь ел да мало кушал-то, —
Он гледел, гледел да всё на мальчика.
Когда поел-то ведь вот мальчик-от, покушал он:
«Да спасибо государю Петру же Алексевичу!», —
115. Отошол да прочь от стола да сел ведь на лавочку;
Говорил-то ведь ему да государь же царь,
Государь-от царь ведь Пётр же Алексевич сам:
«Ты чего, чего, скажи, мальчик, писал в церквѣ?
Ты чего, чего, скажи же, рисовал же там?»
120. Покажи-ко мне на той же всё бумажечке!»
Не показывал-то мальчик, отговаривалсе,
Согласился, наконец, да показал ему;
Посмотрил-то тут государь Пётр Алексевич-от, —
Тут ведь снят же был да вот патрет его,
125. Хошь не очунь он ведь чистой, да похож же всё,
Вот похож ведь он да всё же на государя Петра Олексевича.
«Для чего ты мѣня, мальчик-от, снимал же всё?
Для чего хотел сибѣ патрет носить-держать?»
«Потому-то я снимал да всё патрет с тибя:
130. Первой раз, первой раз я во свети вот видал царя.
Хорошо хотел его же я обделати, —
Как ведь выросту большой, пойду в работушку,
Тогда хорóшу-ту я рамочку куплю тогда,
Я-ка полóжу-то патрет к себе на стеночку,
135. Кажной раз буду смотреть — тут государь сидит,
Государь-от тут сидит да на меня гледит».
Как инператору Петру это полюбилосе,
Хороши эти ведь и реци показались:
«Оцюнь мудрой будѣт мальчик, как взростѣт же он!»
140. Он ведь стал просить его да от рóдной матушки:
«Увезу-то его я же в славной Питер-град,
В славной Питер-град увезу же я, во свой дворец».
Отдала его же мать да с цести, с радости;
Он давал тогда же ей много золотой казны,

145. Золотой казны ей же на пропитаньице.
Сколько было того, во(т) их же тут ведь кушаней,
Все ведь всё же он йим же всё оставил-то.
Спроводила-то вдова сына любимого,
Как Петра-то государя царя белого,
150. Петра царя белого ведь и всё свет Олексевича.
Тут уехала карета золочёная,
Тут уехал государь Пётр Олексевич-от.
Вот одели тут ведь и мальчика, обули-то,
Хорошо его омыли, учесали-то,
155. Скоро, скоро позабыл же свою матушку, —
Стал учиться-то ведь и он же скоро грамоты,
Вот ведь грамота ему очунь даваласе,
Рукописаньицо ему скорó открылосе.
Много раз-то вон ведь и ездил всё во Нов же град,
160. Ко своей-то ездил к матушки к родимсю,
Он ведь ездил ведь, как съездил с ей же на свиданьицо,
Приезжал же всё обратно он во Питер-град.
Когда ездил инператор царь Пётр же Галексевич сам,
Он ведь ездил-то ведь сам же всё во Нов же град, —
165. Заезжал он к его матушке к родимую,
Долго-долго он сидел же с ней беседничал,
По отъезду-ту всегда оставлял золоту́ казну,
Золоту́-ту он казну да чисто сёребро.
Прошло времечка, да время прокатилосе,
170. Вот ведь выучился всё же этот мальчик-от,
Он ведь сделаласе ведь и всё же вот на возрасти, —
Произвёл-то его всё же государь же царь,
Государь-от царь ведь Пётр же Галексевич,
По его-то он ведь всё же по ученицам
175. Вот ведь сделал-то его да всё же графом он,
Ишше графом-то ведь и сделал-то из-за рубежа его,
А и как соорил-то ему да от высокой дом,
А ишшо высокой дом соорил ему с балконами,
А и как с темá ли со высокими крылечками.
180. Перевёз-то он туда да скоро мать свою.
Поженил-то государь царь Петр же Олексевич-от,
Он ведь брал-то всё за его ту княженеську дочь,
Со большим-то брал её со именицом, —
А и хорошо-то тут ведь и графу было жить тогда!
185. А и как ведь свадьбу-ту ведь и всё делал государь же царь,
А и государь-от царь ведь и всё Пётр же Олексевич-то;
А когда граф-от молодой да всё венчалсе он,
А и государь-от ведь как. Пётр же Олексевич,
А и вот стоял, стоял ведь и он же всё за тысецького,
190. А и государыня Катерина Алексеевна,
А она стояла-то была же всё за сватью-ту.
А и хорошо-то пиорованьицо пошло тогда:
Много-много тут ведь и было тут гостей у них,
Было много-то людей да иностранных-то,
195. Иностранных-то людей да вот со разных, разных земелюшек,
Как из разных-то ведь и было тут из племени,
Много-много тут ведь и было тут кнезей-бояр,
Много-много тут ведь и было всё разных людей,
Тут сидели у него разные корабельщички,
200. Корабельщички сидели со матросами;

- Тут играли всё разные во струночки,
 Как во разные игры юни немецкие,
 На разные забавы деревеньские.
 Эту свадьбу-ту ведь, скажом, графову,
 205. Все во Питери её вот вспоминали-то,
 Вспоминали все со старого до малого!
 Как ведь той у нас старинушке конец пришол.
 Как ведь славному-ту морюшку Блатийскому на тишину,
 А и как на великую ему, сказать, на тишину,
 210. А и как Невы-реки на чесь-славу великую,
 А и нашей матушке каменной Москвы на вспоминаянцо,
 А и на вспоминаянцо пойдёт, на рассказаньицо,
 А и вам, премудры люди, будет на прописаньицо,
 А как от вас пойдёт премладым на рассказаньицо,
 215. А и как от младых-то пойдёт на пропеваньицо.

№ 124. СТАРИНА ПРО КНЯЗЯ МЕНЬШИКОВА

- А и как у нас же было всё да в каменной Москве,
 А и как когда царил-то был всё Алексей же царь,
 А и Алексей-от царил да свет Михайлович,
 А и тон не славилсе же, царь, скоро преставилсе.
 5. А и как осталась у его же всё царица-та благоверная,
 А и благоверная царица вот православная,
 А и ишше та ли всё Наталья-та дочь Кирилловна,
 А и как осталось у его же чадо милоё,
 А и чадо милоё у них же, всё любимое,
 10. А и ишше премладой-от осталсе всё царица-от,
 Как царица-от осталсе Пет(р) Олексевиц-тс;
 Он летами-ти осталсе хоть и млад, сказать,
 Но как мудросью осталсе очунь мудрой был,
 Он ведь силой был сильней, как богатырь сильней,
 15. Как богатырь сильней, так и он же был,
 Не по годам он мудрось-ту имел себе,
 Он ведь мог, да ведь мог всё царём сидеть,
 Всё царём-то мог сидеть да все дела вести,
 Как дела вести все же всё российския,
 20. Он ведь мог же ведь владеть же силой-армею,
 Силой-армию владеть да коньской пвардею.
 А супостатов-то, врагов да было много всё,
 Как не любили, хотели йизвести тогда,
 Как хотели всё бояра Милославские,
 25. Им хотелось, чтобы завладели царьством славным москоським-то,
 Шьтобы завладели дети от первой жоны, —
 Как ведь было госталось два царица,
 Как осталась от его же дочь любимая,
 Ишше та ли всё ведь Софья-та Олексевна-та,
 30. Как ведь Софья-та Олексевна-та.
 До того она ведь, до того она добиваласе,

Добиваласе вона́ же, всё дознаваласе,
 Кабы под себя склонить ведь всю же вот Москву-ту град,
 Завладеть штобы престолом, троном царским тут.

35. Тут была-то всё вражда, вражда привредная!
 Так воспитывали Петра-та всё царица,
 Вот царица Петра Галексевица,
 Его воспитывали коё-как его, во скрытности,
 Мало, мало-то давали позволеньица
40. Выходить ему на улицу погулять же всё, —
 Как боялись, чтобы его не погубили-то,
 Не погубили, не уходили враги неприятныя,
 Как злодеи не похитили младá царица,
 Как царица Петра же Алексевица.
45. Как того-того гляди(т) да наш царица-от,
 Когда заспит-то его матушка родимая,
 Как ведь та ли всё царица-та ли всё Наталья-та Кирилловна, —
 Он ведь выбегёт-то, выбегёт задним ходом,
 Убежит-то йиграть на улочку с ребятами;
50. Тут начнёт-начнёт он с нима тут боротисе,
 Как кого-то хватит он да йиз робят-то тут,
 Розбросат-то всех робят да в разны стороны.
 Тут ребята-ти все москоськи розбегалисе,
 С йим ведь кулачный бой ведь битсе всё боялисе.
55. Только мало-то царицу удавалосе, —
 Его в скорости-то всё же уведут прийдут.
 Как во ето-то сáмо, скажем, времецька,
 Когда рос-то всё премладой-от царица-от,
 Вот царица рос Пёт(р) же Олексевиц-от,
60. Во ту пору-то, во сáмо во то времецько
 У единого-то было у мешшенина-то, сказать,
 Как была семья, была да у ёго жона,
 Как ведь были у ёго же да малы дети-ти,
 Ишше сын-то был у ёго да всё со дочерью;
65. Как ведь дочь-то звали всё, ведь да звали Анною,
 А ведь сына-то как звали Алексашкою.
 Но небогато жили они, скажём,
 Хошь от голоду-то коё-как питалисе,
 Они йимели себе корову-ту,
70. Как по себе-то имели, было, было пропитаньице;
 Хорошо жилось Олексашке, когда жила-была же рódна
 матушка.
- В одну порочку, во время горё-то приключилосе,
 Как его-то рódна матушка розболеласе,
 Розболелась ёго матушка, расхвораласе,
75. Через недолго-то пóры-времени преставилась;
 А как во ту пору́, во сáмо то же времецька
 А и потужили-то, поплакали малы детоцьки,
 А и спроводили-схоронили рódну матушку.
 А и как пошла-та жись для них теперь треложная,
80. А и пошла жись для йих теперь неспокойная:
 А и готець-батьюшко стал выходить-то всё из домику,
 А и куда уйдёт, куда уедёт он,
 А вернетсе домой пьяной-от,
 Он ругат-бранит детей тогда,
85. Йной раз да вот колотит йих.
 А прошло времени-то три месеца,

- А обрежалась в до́му Меньшикова,
 А и обрежалась тут вдова одна,
 А гон пробрал-выругал вдову же тут, —
90. А вдова же огрубиласе,
 Она ушла да не пришла болё.
 Делать нечего же было Меньшикову,
 А и он задумал во другой же раз женитисе,
 А и взял жону себе гон да очунь-ту свирепую,
95. А и как свирепу бабу, злюшшую,
 Бабу злюшшую, ведьму сушшую,
 А и она была собой, скажом, не красавица,
 А и ешше собой была крива она;
 А и не возлюбила она детей не своих родных,
100. А и ешше дети много примали огруб(л)еньица,
 Когда уедёт Меншиков куда же всё вон во город-от,
 Как во город уедёт как по делам же он,
 Как ведь ездил когда, ездил и с извозами,
 Когда ездил да кое-какú кладь возил.
105. А когда не пьяной-от домой вернетсе он,
 Тогда спрашивал дитей своих:
 «Вы ведь сёгодня, дети, кормлѣны ли?
 Вы сёгодня у мня обедали?»
 Дети, хоть сыты и не сытыя,
110. Всё же скажут, что: «мы кормлѣны».
 Э и прошло времени два же годицъка,
 Как померла у Олексашки рódна матушка,
 А сестру-ту взяла ее рóсвенница,
 Рódной матери родна́ сестра, —
115. Она взяла же ей к себе она,
 Потому что детей не было,
 Той хорбша жись пошла для ней.
 А как Алексашка бедной — тут не так случилосе,
 Не готпустил отець от себя никак;
120. Зáchел жить же со отцѣм-то вон.
 День вся ездил с отцѣм, извошпичат,
 А ввечеру-от, когда приедёт он,
 А и заставляла его мачоха работати
 И как работу ёго разную.
125. И так ведь бедной, бедной пасынок
 Не видал он слова ласкова,
 А и слова ласкова же он, приятного,
 А и вот хорошо хоть было, — она не била-то:
 А и не ходил мальчик без синекон на глазах,
130. А и как вечер-ночь работал-то,
 А и поутрú рано будила-то,
 Заставляла она водú носить,
 Ешшо во́ду-ту носить, рáзну роботу работати.
 А и напракучило тут всё Алексашки-то,
135. Не замог перенести же он-от обидушки,
 Как задумал дельшшко такó же он:
 Убежать йиз дому родна батюшка,
 Потому што отець сделалсе неласковой,
 Он и ведь так бивал, что чуть пишшал.
140. Вот задумал дело, вот такое́ дело про себя же он:
 Он задумал убежать йиз дому-то очѣського;
 А он ведь и бѣлы-ти денѣцьки всё продумывал,

- Ночки тёмныя промысливал,
 Как ведь, как ему да йиз дому́ уйти,
 145. Из дому́ уйти да как уехати?
 Ноченьки тёмныя да все же он да всё промысливал,
 Одна думушка была у ёго да одинакая,
 Одинака дума всё единая, —
 А и ему уйти, уйти из дому-ту,
 150. А и вот йиз дому́ уйти да йиз очёського.
 А и когда готца в доми не случилось,
 Мачеха люта скоро спать легла,
 А и во ту пору, во то время-та
 Он собралсе, Алексашка-та,
 155. Одевал же своё платышко,
 Своё платышко он всё старое,
 Всё же старое да изорванное.
 А и ён пошел йиз домику тихошенько,
 А и пошел тихо, не колыбалсе,
 160. А и побежал-то очунь скоро он;
 Забегал-то во артель в свою посадьскую, —
 Тут ведь много ребят было разных-то посадьских-то,
 Оборванци были все они.
 Два-то дня поры-времени
 165. Находилсе с ййма Алексашка-та,
 Сам и думал он думу́ же крепкую:
 «Мне-ка здесе жить не хотце-то,
 Горё жить с людьми с посадьскими, —
 Чего не сделашь — тебе скажут, что ты же сделал-то».
 170. Когда вернулсе отець домой же он,
 Он вернулсе перед утром-то,
 Спросил у жоны, да где-ка сын его?
 Она сказала, что спал на печи же он;
 На печи негде не нашли его,
 175. Как везде его переискали-то,
 Но найти да не могли негде.
 А и как пошел йискать да по городу отець его;
 А и весь ведь город обошел же он,
 Вот и найти его никак не мог,
 180. На другой-от день йискал его,
 Вот на третей день искал его, —
 А и как ведь тут же вот обидушка,
 Тут отець его расплакалсе,
 Огрубилса на жону тогда,
 185. Обругал же как ведь мог же ей,
 Вот хотел он прогонить же ей,
 Да одумалсе же он, сказать:
 «Прогоню, дак некто не пойдет ко мне, —
 У мяя некому работати,
 190. Не обредитсе, не омыть миня».
 Вот и пошел он во третей же раз;
 Он и нашол, нашол сына́ любимого,
 Он и нашол во той ли во дружиноцьки посадьскою,
 Яго схватил же за праву́ руку́,
 195. Зачел драть ёго за уши-ти
 И трепать его за вблосы.
 Олексашка-та кричит, ревет:
 «Люди добры, отоймите-тко,

- Отоймите-тко миня от несчастных-то побоев-то!»
200. Некотóры люди добрые
 За нёго хотели заступитисе;
 Закрычал тогда готець его:
 «Вам како дёла судить дитя?
 Он ведь мой же сын — моя воля!»
205. Тут народ-люди все же вотступилисе;
 И как тогда повёл вон Алексашку-ту,
 Привёл домой да пристёгал всего.
 Два-та дня лёжал да не ставал жо он,
 На третей-от день ведь (в)стал же он,
210. Ему не дали не пить, не йись,
 Только напилсе он свежо́й воды.
 Как убежал же он и во второй же раз,
 Убежал в третей же раз;
 Когда во третей-от раз убежал же он,
215. Три-то дня же он скрывалсе-то,
 Как скрывалсе у чига́нов он.
 Как чиганы согласилисе,
 Согласилисе принять его,
 Потому шшо видят — парень-от понятливой.
220. Не пондравилось да Олексашки-то:
 У чиганов-то права́ худы,
 Надоть грабить, воровать у йих,
 Надоть всё-то йись у йих да грязноё,
 У йих грязно, не обиходноё.
225. Как и хотели чиганы-ти
 Научить езы́ку-ту циганьского,
 Обучить-та как медведя-то водить его,
 Как медведя-то водить да по дере́вням-то,
 По дере́вням, по городам же всё,
230. Приуцить к циганьскому порядку-ту,
 Как езы́ку всё к циганьскому;
 Он на ето не согласилсе тут,
 Не согласилсе, убежал же прочь.
 А и бежал, бежал по у́тру-ту,
235. Бежал по у́тру-ту по раннему;
 Когда ведь вышло соньцо красноё,
 Как тогда прибежал да Олексашка-та
 Как ко славной-то ко Москвы к реки,
 У Москвы-реки одумалсе,
240. Вот одумалсе да отдохнуть же сел,
 Э и огледелсе во все стороночки.
 Вдруг у реки Москвы да сшевелилосе,
 С бережочку-ту ведь вышло же,
 Вышло, вышло, показалосе —
245. Мальчик всё же не большой же был,
 Не большой и он не маленькой.
 Он: «И ты что сидишь, откуль пришол?»
 Пришол мальчик-от к нему же он;
 Отвечал тогда ведь Олексашка-та:
250. «Я пришол ведь отдохнуть суда,
 У чиганов ведь я же был, да у них в табану́ же жил,
 Э и не пондравилась мне как жись циганьская,
 Я убежал от них же прочь».
 «У тебе разве ведь нет готца?»

255. У тибя разве ведь нет да рódной матушки?»
 «У мне матушки-то нет же всё,
 Два ведь года, как ей не стало-то,
 Померла у мя матушка родимая».
 «А отца-та разве нет у тя?»
260. «Отець есть, да он недоброй-от, —
 Все дерёт-бьёт миня, как дурака будто или вора-та,
 Синеки, синяки с миня не сходят-то.
 А у меня мачеха недобрая,
 Она — сүшша ведьма будто всё поганая.
265. А ты откуда да куда идёшь?»
 «А я ходил у Москвы-реки,
 У Москвы у реки, я рыбу-ту йимал в реки».
 «А и у тибя есь ли рódной батюшка?
 У тибя есь ли всё родима рódна матушка?»
270. «У мя отець, ведь батька, есь скажу —
 У мя пьяница непросыпáющша;
 А у миня-та мачиха зла лиха.
 Я от них уж убежал же прочь,
 Хотел в Москва-реки да утопитисе,
275. А к реки пришол да ужахнулсе тут,
 Убоялс где-то потопитисе».
 Тут ведь мальчик Алексашку-ту
 Почеловал его в уста,
 Обнимал ёго за шеёчку за белую:
280. «Будь-ко брателко мне родимой-от!
 Миня зовут-то всё Олёшою,
 А тибя же как зовут?»
 «А меня зовут да Алексашкою».
 «Ну, дак будём мы с тобой дружьями-ти,
285. Как дружьями мы верныма,
 А друг ведь дружки помогать будём».
 «А и уж ты ой еси, Алёшка-та,
 Днём хорошо и у Москвы сидеть,
 У Москвы сидеть, на ей гледеть.
290. Посидим, посидим — ницяго же мы не высидим».
 «Мы ведь.. йись-то мне, Олексашка, очунь хочетца!»
 «А и мне, Алёшка, тоже хочетца.
 Я не знаю жа, Алёшка же,
 Где-то в кормани-то должно у мя же быть, —
295. Мне дала чиганка за работушку».
 Он пограбил-то, нашол же там:
 «Вот петнацать у мя копеецок,
 Вот и можно кúпить пряницок,
 Вот и можно купит калачиков».
- 300. «Ладно, ладно, Олёсашка же:
 Напёрьво мы же вот твойи же пройидим деньги,
 А тогда мойи начнём».
 Как ведь говорили, так и сделали.
 Побежали они по улицям,
305. Увидали: ходят продавают-то
 Калаца и рáзны пряники;
 Подошол-то к Олёсашке же,
 Подошол, крычит же он:
 «Вот у мя, у мя колачики!»
310. Вот другой крычит: «У мя пряницьки!»

- Купил же Алексашка-та,
 Купил два же он же два ведь пряника,
 Два больших купил калачиков.
 Сели к лавоцьки на мостоцьки,
 315. Они сели тут покушали,
 И вот как тут они розговорилисе:
 «Хорошо теперь, Алексашка же,
 Я твоих пирогов-колачей двои суточки насытилсе,
 А теперь дай же я пойду да добавлять тибя».
320. Выходил он скоро на передней ряд,
 Он кричал, Олеша, громким голосом:
 «Уж вы ой еси, народ, да люди добрые,
 Християньски вы да православныя,
 Как подайте скору милостину,
 325. Скоро милостину мне да богомольнёу,
 Мне-ка, хворому да нездоровому!»
 Одна купчиха очунь толстая,
 Она проходила мимо дом же тут, услышала;
 Шевелила она своё платье широкоё,
 330. Вот пошла, пошла в корман рукой,
 Подала Олешки-то петнацеть же копеечок,
 Сама тут же перекстилась же:
 «Слава тибе, господи,
 Шьто послал, послал, господь, мне нишшего!»
335. Как сама же призадумалась,
 Она пошла опять в корман рукой, —
 Подала же челой рублицок.
 Тут Олеша побежал же,
 Показал всё Олексашки-та:
 340. «Мы теперь же, Олексашка-та,
 Сыты будём и довольня!»
 Накупили, погобедали
 Хлеба всё же с рыбой ребята-ти,
 Как досыта тут же наелисе,
 345. Ани за лавкою заспали-то,
 Вот заспали тут, поспали-то.
 Народ, люди проходяшщие, —
 Умны шли — нецего не говорили-то,
 Как ребята спать повалилисе,
 350. Они заснули-то по весны тогда;
 А глупы шли же — усмехалисе.
 Когда ребята пробудилисе,
 Увидали: тут лошади стоят;
 У двух лошадей были караульшшики,
 355. Караулили ребята-ти,
 У третьей караулу не было.
 Наши ребята недолго тут же думали,
 Они на сани-ти сели-ти,
 Покатили и гулять они;
 360. От поездили, погуляли,
 Назадь к лавке-то подъехали,
 Сидят робята, дожидаютце.
 И вдруг увидели: пьяной-от мушшина идёт,
 Он ведь два несёт два тюка-то товару разного:
365. В одном тюку ведь был же в их же белой хлеб,
 Был и белой хлеб, был и черной-от,

- В другом коё-что накуплено йиз одежды-то.
 Вдруг набежали два мушшина посадских-то,
 Они бросились да на ёго же всё,
 370. Самогó на землю свалили-та;
 Закрыщял мужик да громким голосом,
 Услыхали-то народ тогда,
 Ослободили мужика тогда.
 Но удары-от посадских-то
 375. Как вредили ему да руку правую,
 Досадили ему да бок-от левой тут, —
 Еле чуть пришол к саням мужик;
 Росказали ёму робята тут.
 «Вам спасибо всё, ребятушка,
 380. Шьто ведь надобно, я дам же вам, —
 Сохранили у мене да хоть лошадошку!»
 «Нецегó не надоть, — сказал да Алексашка-та,
 Так сказал и всё Алёшка-та, —
 Только, дяденька, пúсти же нас,
 385. Пúсти, дяденька, нас ночевать да всё,
 Начевать да пúсти ноченьку!
 Мы пришли, ребята, дети бесприютныя,
 Йиз другой пришли деревни-то».
 Посадил тогда мужик, поехали;
 390. Вот и ёны ехали-поехали
 Порядочно пóры-времени.
 Вот подъехали к единому ко домищку,
 Дом небольшой да такой, скажом, всё не новенькой,
 Всё по сибe есь же двор для коня же тут,
 395. Есь и есь да всё корова-та.
 А и как приехал тут, кричал мужик:
 «Шьто ты, бестия без совести,
 Не стречашь же ты, смотри!»
 Выбегала тут ведь женщина
 400. И стречала его тогда.
 Тэжи все же забрала она,
 Шьто ведь есь, из саней же всё повыбрала,
 А потом вышла, коня да распредила она,
 А и она потом же всё да убрала его.
 405. Он и сказал ребятам-пáрням:
 «Вы пойдёмте-ко во дом ко мне!»
 Они зашли во йзбу, — изба большá была,
 Лавки красоны-накрасоны,
 Как красоны широкия,
 410. Во углу кровать стоит,
 Во большом углу же стол стоит,
 Во печнём углу шкап стоит.
 И тогда ребята сели-то на лавочку;
 А как хозяин-от зангол да говорит же он:
 415. «Мне сегодняшна езда пришла несладкая,
 Э как несладкая пришла она, негодная, —
 Чуть я чуть домой, жена, доехал-то,
 Чуть и мене голь кабацька не убила-то,
 Не мужики когда, народ, миня не отнели,
 420. А ребята ети (у) меня коня не сохранили-то.
 Ой болит у мя да буйная головушка,
 Ой болит у мя да рúка левая,

- Бóлит, бóлит у мя да, я, и бок, скажу!
 Вот топи-ко, жона, да пáрну банечку,
 425. Я хочу, хочу во бáнэчки попаритьце.
 А и ты робятам дай пойись же всё,—
 Не они, дак не был у мя конь при мне сечас».
 Тогда ведь жонка его не отговориласе,
 Она сходила затопила скоро банюшку,
 430. Накормила и ребят же всё,
 И вот сказала: «Валитесь-ко, ребятушка!»
 И вот йистопилася скоро бáнэчка,
 Ушли хозяин с жоной в баню-ту;
 А и к ним ведь вдруг девчэнышка,
 435. Из суседов доць суседская,
 Забежала, возговóрила:
 «Ой как и озябли ноги-то сегодня ведь!
 Какá стужена стоит сечас!
 Вот пустите-ко, ребята, миня погретисе!»
 440. Пропустили-то девчонышка;
 Как девчонышко вот села к кожуху-от ко сáмому,
 А ребята на доскáх лежат.
 Стала девчонко йих выпрашивать:
 «А вы же чьи какй откуль же, мальчики?»
 445. «А тебе шьто за дело-то?», —
 Как сказал же ей Алёшенька.
 «Мне-ка хочитсе-ка знать же вас,
 Вы какй-то ведь нездешняя,
 Некогда же я же вас не видывала.
 450. Вы прихожи-то откуль же, всё пришли сюда?»
 «А ты, скажи, откуль, какá же есь?»
 «Я ета — йиз суседов дочь,
 Мене зовут-то всё же Танёю».
 А Алёшка возговóрил-то:
 455. «Таня, знаю я тебе сечас:
 Когда я хожу-то пó миру,
 Твоя мама-та лепёшку подават большу,
 Как большу лепёшку, очунь ей зажáрну и маслёну.
 Таня, мы тибя возьмём с собой,
 460. Да ты пойдём же с нами тут?»
 Тут ведь Таня россмехнуласе:
 «Я куда пойду? У мя батько есь,
 У мя батько есь да рóдна мать,
 Рóдна мать же есь да рóдны братьица,
 465. Рóдны братьица есь да рóдны сéстрици!
 А вы разве посадьские, —
 Говорила йим Таня-та, —
 «Вы посадьския, нездешняя?»
 «А и конечно, Таня, мы посадьские.
 470. А в посадьских людях жить не хóчом мы».
 «Когда в посадьских жить не хочите,
 Тогда пойдите-тко к циганам-то».
 А как Алексашка-то говóрил же:
 «Наверно, девчонка б́удёт-та смышлёная!»
 475. «А я и слышала когда-то, —
 Были чиганы у батька-та,
 Говорили они же батьку-ту:
 «Шьто, не знаите ли парня-та?

- Мы ведь можем взять-то парня-та».
480. Дак пойдите, они возьмут же вас».
«Если они-то нас возьмут,
Да ты пойдёшь ли, Таня, с нами-то?»
«Я нейду с вами не за что никак!»
Тут ребята ей говорили:
485. «Пойдём, Таня, с нами ты же всё!»
«Я ведь бойка, я знаю ягод брать,
Ягод брать бойка, грибов же брать —
Всё равно я с вами нейду же вот.
Я скажу, что вам у чиган бѹдѣт хорошо же жить:
490. Научат вас чиганы как медвѣдей промушлять же тут,
А науцят вас чиганы как медвѣдей-то плясать с вами,
А науцят вас чиганы как медвѣдей-то водить же всё,
По городам водить да по деревенкам, —
За ето много вы получите,
495. Вот получите же вы, заработайте».
«Замолчи, строкоза, — сказал Олѣшка-та, —
Много, много настрекотала-то
Как долгим езьком-то сороцьим-то!
Скажи, где, сорока, ты летала-то?»
500. Скажи, цего, сорока, ведь слыхала-то?»
А Таня шварнула в Олѣшу-то,
Она шварнула лучиною,
У йих начелась да тут ведь драка-та.
Таня соскѹцила со пѣчи-то,
505. Побежала и задразнила-та:
«Воры, воры, да вор посадьской вот,
Воришко всё да всё трепѹк сидит!»
Ана дверями хлопнула и убежала-то.
Тут Олексашка возговѹрил-то:
510. «Ты зачем, Олѣшка, избидел-то,
Зачем избидил ты же Таню-ту?
Убежала, болесе не придѣт-то!
Она, наверно же, родня же есь,
Как родня есь нашей-то хозяйки-то,
515. Потому шьто (о)на сидела-то,
Сколько раз твердила тѣту-то, —
А узнат хозяйка, нас и выгонит».
«Ничого, молчи, Олексашка-та,
Хозяйка придѣт ночью — не пойдѣт она к ним гостить».
520. Скоро вышел хозяин из бани-то с хозяйкою,
Ребят послали помытисе;
Тут робята долго мылисе,
Долго мылись, умывалисе,
В тѣплой бане призаснули-та;
525. Тогда пошли же вон из бани-то,
Пришли всё же ко хозяину с хозяйкою,
Их опять второй раз накормили-то,
На печь спать же увалили-то;
Тут ребята-ти заснули-то.
530. Поутру-ту ставали хозяин со хозяйкою,
Хозяйка нацелѣ же обрежатисе,
А хозяин-от сказал же ей:
«Я сегодня не поеду на базар, скажу,
Потому что бѹлит у мня да рѹка празая,

535. Болит бок у мя же левой-от».

«Шьто ты здумал, муженёк же, тут?

У меня тесто растворено,

Калаци у мя притворёны,

Я ведь буду их катать сечас!»
540. Тут нацелá хозяйка колачи катать она,

А Олексашка, скóцил тот, со пецьки-то:

«Дай-ко, тётушка, помогу тебе!»

Помог калачи, утки ей всё ведь выкатать.

А и как накатала, напекла вонá,
545. Напекла же всё, смотала-то,

Она на стол же всё уклала-то,

Сама такй рецй говóрила:

«Надоть, надоть ехать на базар же всё,

Везти колачи-ти нужно с утками!»
550. Говорит-то ей тогда муж её:

«Поезжай-ко-се, Варвара жа, —

Мне-ка, мне же нездоровитце».

Тут Варвара-то говóрила:

«Мне-ка ехать-то некак нельзя, —
555. У миня корова отелиласе,

Молоко нужно три же раза в день доить же мне».

«Ну, дак етот день не поедём мы,

Потому што ехать некому».

Олексашка тут ведь выскоцил,
560. Такй реци возговóрил он:

«Дозволь, дяденька, мы поедём-то,

Продайм колачи и утки-ти!»

Тут мужик-от вот обрадовалсе,

Сам сибе же он говóрил-то:
565. «А вот, можот быть, у мя да ум не крепок-от:

А ребята-ти уедут-то,

Ко мне можут не приехати».

А и он говóрил йим да таковы слова:

«Уж вы ой еси, ребятушка,
570. Вы, ребята, дети малыя,

(И)шше невзрóслы, небольши же вы, —

Не оммáните-ко вы миня?

Вы продайте, сибе возьмите деньгй!»

Тут ребята в один голос проговорили-то:
575. «Мы некуда, дяденька же, не уедём-то,

Твои колаци продайм же всё,

Денег сколько — отдайм тебе».

Тут мужик на то да согласилсе он,

Склали колаци в корзины-ти,
580. Отправили ребят с торгóm же тут,

Как ребята-ти тут уехали;

Долго не были да не приехали,

Ешше к вечеру ребятушки вернулисье, —

Все колачи же были проданы,
585. Денег много привезли ему,

Привезли денег с барышом с большим.

А и каждой день тут ребята-ти заездили,

А и вот понравились робята мужику с женой:

Э хорошо ребятушки работали,
590. Денег они же привозили помногу тут.

- Э и когда выезжали они из дому-ту,
 Новой раз они шли же тут на пешу-ту;
 Алексашка всё крычал ходил:
 «У миня колачики-ти мяккие!
 595. Они мякки у миня же, булочки румяные!
 У миня они да очунь вкусные!»
 А и покупатели новой же раз
 Мимо пройдут, не купят-то;
 Иной раз останоятце,
 600. Останоятце, тогда они покупать начнут,
 А мало один за одним все роскупятсе, —
 А и побегат тогда домой ребята-ти.
 И за то хорошо поймили йих, кормили-то,
 А и хорошо йих стали одевать же тут;
 605. Когда пойдут они да на базар тогда,
 Меж собой же розговор ведут:
 «Хороша нам жись идёт», — говорил Алёшка-та;
 Алексашка отвечал тогда:
 «Хороша-та жись — не очунь мне-ка нравище:
 610. Надоело мне ходить продавать да с колачами-ти,
 С колачами мне-ка всё, со булками!»
 «А лучше жись скоро где найдёшь же здесь?
 Лучше жить у нас со дедушкой, с бабушкой».
 В одну пору, в одну времечко
 615. Ешше был у них дедушко пьяной-от,
 Стал ведь тут Алексашку спрашивать:
 «Ты, небось, парень, Алексашка-та, —
 Ты такой проворной, очонь бойкой-от, —
 Не все деньги-счот да отдавашь мне,
 620. Не всю правду сушшу сказывашь?»
 Забожилсе тогда Олексашка-та:
 «Шьто ты задумал, хозяин, таки мысли ты недобрыя?
 Посмотри мене да обышши тогда,
 Ты узнаешь да всё увидишь-то!
 625. Не один же я, с Алёшкою».
 В одно времечка хозяин что-то был же гневной он,
 Обругал и он жону свою,
 Обругал он Олексашку-ту;
 Олексашка тут да приобидилса,
 630. Приобидилсе да приростужилсе, —
 А девацьце ему некуды.
 Прошла времечка, прошол весь гнев у старика тагда,
 Он и сделалсе опять до йих доброй.
 В одну пору была, времечка во летной
 635. Попросилса Олексашка-та:
 «Ай ты, дедушка, мой хозяин-от,
 Дай-ко я, спусти, спусти миня,
 Я пойду схожу да на Москву-реку,
 На Москву-реку, поужу-то
 640. А и разной рыбы на уху тибел!»
 На то старик-от согласилсе тут;
 Алёшку на базар-от взял, поехали,
 Алексашку-ту спустил удить-то.
 А пришол Олексашка на реку Москву,
 645. Он и наудил рыбы много-то;
 А пришол, хозяину тут почравилось.

- А и на другой же раз пришол к Москвы,
 А наудил рыбы опять порядочно.
 Пошол удить он да во третей же раз,
 650. На третей рыбы он немного наудил тут;
 Увидал: на берегу сидит мальчик-от,
 А и сидит мальчик-от весьма одетой-от,
 По хорошему одет да всё по чистому.
 А подумал тут Алексашка-та:
655. «А живёт етот мальчик-от
 Хорошей жизнью он, верно, прожитосней,
 Потому что чисто приодетой есь,
 Верно, живёт он жизнью-то богатой тут!»
 Он и крычал да крычал тут,
660. Он и крычал-крычал да громким голосом,
 Он махал-махал да рукой правою:
 «А и как перетти мне, мальчик-от, к тебе же всё?»
 А мальчик-от сидит да улыбаитса,
 А потом же замахал рукой, —
665. А некак Алексашки переехати!
 А тут недолго Галексашка думал-то,
 Скинул платъё-то, поплыл же он,
 А приплыл-то вон ко мальчику,
 С ним ведь тут он поздоровалсе:
670. «Чего делаешь у реки сидишь?»
 Говорил Олѣксашка мальчику¹:
 «Я пришол же посмотреть суда,
 Как ведь здесе у Москвы-реки
 Ребята многия играют-то,
675. Вот ыграют и купаются.
 А ты откуда приплыл суда?
 Почому же ты приплыл суда?»
 Олексашка-та сказал тогда:
 «Мне охвота было да увидеть тибя,
680. Увидеть тибя, с тобой да познакомиться.
 А и ты, наверно, не йиз бедных есь людей,
 Уж, наверно, йиз прожитосних!»
 Усмехнулсе тогда мальчик-от:
 «Тебе что за дело есь да етого?»
685. «А я беды сплаваю за платъём-то,
 Как тогда с тобой поговорим про всё». —
 Олексашка назад уплыл скоро,
 Взял ведь платъе, овезал да круг сибя же он,
 Скоро, скоро тут ведь поплыл он,
690. Перешол-то скоро Алексашка-та,
 Только стал с йим розговаривать.
 «Как играть-то ты умеешь, скажи?», —
 Говорил тогда же мальчик-от.
 «Я играть умею в игру разную:
695. Умею в бабки я играть, умею в жмурки же,
 Умею йиграть же я играть во шахматы, во карты-ти». —
 Тут ведь мальчику-ти реци пригленулисе:
 «Молодцá, — сказал же мальчик-от, —
 Я с тобой хочу тогда да познакомиться!»

¹ Обмолвка; следует: «мальчик Олексашке».

700. Как во ту во пору, во то время
Во дворци же всё во царском-от
Схватились — нет нигде да всё царица,
Вот царица Петра же Олексевица;
Тут ведь зацели ходить везде,
705. Тут ведь зацели разыскивать,
Шуму-гаму (о)ни наделали
Как во матушки в каменной Москвы.
А как ведь Зотов прибежал тогда,
Ешше Зотов-от Никита же,
710. Ко реки же ко Москвы же он,
Увидал же он царица,
Вот царица Петра же Алексевица;
А и прибежал-то гон ведь близко тут,
Увидал же он вот царица,
715. Вот царица Петра же Алексевица:
«Уж ты ой еси, премладой наш царица-от,
По тебе же родна матушка соскучилась,
Она соскучилась да ужахнулесе,
Ужахнулесе, слезно-то проплакала, —
720. Не знат, куда ты же, чадо, скрылосе!»
Увели тогда, тогда вот как царица,
Вот царица Петра же Волексевица.
А Галексашка-та пошол тогда
Ко своим же ко хозявам-то;
725. Мало рыбы-то принёс, да ёго повыбрали:
«День ведь легкой прошаталсе тут,
Нечего же не наградил рыбы во реки Москвы!»
Не через долго время Алексашка-та
Не пошол с пирогами, с колачами-ти,
730. Он сказал, что: «пойду удити,
Потому что сегодня тихо есь».
А Олёша-та ушол да с пирогами тут,
С пирогами, с колачами-ти,
А Олексашка пошол к Москвы к реки.
735. Только стал же он ведь удити, —
Увидал опять знакомого, весьма же ему дорогого,
Он ведь и шол, шол ко Москвы-реки;
Подошол, с Олексашкой поздоровалсе.
Поиграл(и) тут играми детскими,
740. Они побились тут да поборолисе,
Друг ведь друга ведь не ранили.
Тогда стал говорить ему царица тут,
Как царица Пёт(р)-от Олексевица он:
«А ты скажи, скажи, Олексашка-та,
745. У те хто же есь да родной батюшка?
У тя хто же есь да родна матушка?
Ты далёко ли живёшь отсуда?
Сколько йитти же до тебе пройдёт же времени?
«Недалёко же живу же я,
750. Пойдём, сведу, да где-ка я живу.
У миня-то батьку — не родной отец,
У миня жа матки нет давно,
Матки нет давно, да умерла она;

- А батько-то ведь етот — не родной отець:
 755. Родной отець мене да бил больнё,
 От него да я ушол давно.
 А етот батько-то — чужой же мне,
 И я живу у его да ровно три годá,
 Он ведь кормит миня да по хорошему;
760. Новóй раз ведь пьяной выбьёт-то, —
 А побои мне не ндравятца.
 Посылат-то продавать миня,
 Продавать миня носить колачи да пирожки же вон;
 Я крыцю, крышу хожу всегда, —
765. Новóй раз, дак они разберут йих поскорёхонько,
 А нóвой раз, дак носишьсе.
 А хозяин-от теперь, мой ведь батько-то,
 Пьяной начел пробирать меня:
 «Скажи, ведь деньги-ти скрывашь у мяя?»
770. А деньги все же отдаваю я,
 Он и всё ведь не верит, будто неправду же я да отвечаю-то!
 А и говорил тогда ему царевиць-от,
 Вот царевиць Пёт(р) да Алексевиць-от:
 «А да как хошь ли, Олексашка-та,
775. Я возьму тибя к сибe тогда?
 Вот к сибe да во свой дворець?
 Ты ведь будешь у миня же жить,
 Ты со мной будешь разъезживать;
 Когда стану я царём царить,
780. Я царём царить, да сам буду старшим-то,
 Тогда тибя к сибe да деньшиком возьму!»
 Тогда Олексашка звеселилсе-то,
 Он и ведь падал царевицю в резвы ноги,
 Человал его да руки белыя,
785. Называл его да избавителём;
 Как записал царевиць-от
 Как ведь Петр-от Алексевиць-от
 В свою книгу он да во паметну,
 Как полóжил книгу-ту в корман к сибe.
790. За царевицем пришла опять
 За ним погонушка немалая,
 Набежали тут ведь няньки-ти,
 Вот как няньки тут да мамки-ти, —
 Увели опять царевиця.
795. Олексашка-та домой пошол,
 Он дорогою-ту думает:
 «Ето вправду ли сказал царевиць мне?
 Али он надо мной посмеялсе-то?»
 Он и пришол, пришол домой к сибe,
800. Принёс рыбы-то немного тут:
 «А как и всё на вáрю выложу!»
 Вот от вáри-то осталосе, —
 А нечегó тогда, хозяин-от не выругал;
 На другой же день не спустил да на реку,
805. Отослал да на базар его,
 На базар его с Алёшою
 Торговать да пирогами-колачами-ти.
 Торговали хорошо они,

- Торговал Олексашка трѳи сутоцьки,
 810. На четвѳрты только вечером приехали;
 Сели только они победати,
 Как приехала корета тут же царьская,
 А из кареты-то вышел тут,
 А из кареты вышел его друг-товаришш-от,
 815. Етто тут царевиць-от,
 Етто Петр-от Олексевиць-от.
 Он забегает к йим во йихнѳ избушочку,
 Забежал да поздоровалсе;
 Увидал гон Олексашку-ту,
 820. Сам и сказал ему да таковы слова,
 Таковы слова, такй речи:
 «За тобой я ведь приехал-то, —
 Мне-ка матушка дозволила.
 А и поедѳм-ко со мной теперь!»
 825. Тут хозяин огляделсе-то,
 Как хозяйка осмотриласе, —
 Делать нецего, не смели ѳни нечогѳ сказать.
 Тут выскакивал Олексашка-та,
 Приделсе коѳ-как же он,
 830. Роспростилсе он с хозяином,
 Вот с хозяином, с хозяйшкѳ;
 Как заплакал об ѳм Алѳшка-та,
 Как с Олѳшой роспростилсе он.
 Вот поехал Олексашка-та
 835. Во кореты тут во царьскую,
 По Москвы по граду-ту проехали,
 Ко дворьцу ко царьскому приехали.
 И как пошел же Олексашка-та
 Вот по леснищям высоким-то,
 840. По коврам пошел по заморьским-то;
 Тут и Олексашку придели-то,
 Придели в плѳтьѳ во хорошѳ.
 Стал ведь Олексашка жить,
 Как тепере сѳмой, скажом, сѳмой князь ведь Меньшиков.
 845. Князь ведь Меньшиков Олексан(др) ведь свет Данилович;
 Обучили его же скоро грамоты,
 Обучили всему разнѳ ученьицу.
 Тут ведь сделались ѳни дружьями верныма,
 Как дружьями верныма, товаришшима нейизменныма:
 850. Они вмествях, вмествях повыросли,
 Они вмествях везде ведь хѳдили,
 Э и ѳни вмествях везде ведь езживали,
 Они вмествях на битвах были же,
 Они вмествях на войну ходили же.
 855. Вот и вся ета старинушка прикончилась,
 Той старинушки конец пришел, —
 Как ведь жил-то енператор млад,
 Как ведь жил-то князь-от Меньшиков,
 Князь ведь Меньшиков Олексан(др) да свет Данилович.

№ 125. (МЕНЬШИКОВ И БАЛАКИРЕВ)

- А и как у нас ли было всё на светой Руси,
 А и в Питинбурхе-то было-то, скажем, в славном городе,
 Во дворци-то было всё же вот во царьском-то,
 Государя у царя же у Петра да света Алексевиця,
5. Как в его было в палаты-то в грановитою,
 Тут сидели-то, сидели дѡбры мѡлодцы,
 Дѡбры мѡлодцы сидели, скажем, кто они:
 Как ведь перьвой сидел-то князь, да князь же Меньшиков,
 А другой сидел ведь, скажем, шут Балакирев.
10. Как ведь Меньшиков князь сидел да за своим столом,
 За своим столом сидел, да за своим делами разныма,
 Как Балакирев шут сидел за столом же он,
 За столом сидел ведь он да всё за царьским-то,
 И он ведь вѣл дела-ти он же ведь царьские.
15. А как ведь царь у нас ведь Пѣт(р) же Алексевиць-от,
 Он ушол, ушол ведь, царь, да по своим делам,
 По своим делам ушол, да ко своим караблям,
 Он просматривать-проглядывать, как йидѣт всё строеньицо.
 Как сидели эти дѡбры-ти два же мѡлодцы,
20. Как сидели князь-то Меньшиков с Балакиревым, —
 У йих мало было дружбы, мало сѡвету,
 Мез собой же постоянно у йих была ссорушка,
 Была ссорушка у йих, да всё же ссорились.
 А вот во ту пору, во то же сѡмо времецька
25. Как зашла вдова, вдова, да вѡва бедная,
 Вѡва бедная зашла же, плохо приодетая,
 Она зашла, зашла в полату грановитую,
 Потихошеньку вдова да тут зашла же к ним,
 Она зашла же всё, вдова, да помолиласе,
30. Как ведь князю-ту ведь Меньшикову поклониласе,
 Она поклонилась да здала поклон Балакиреву,
 Как сама же с тихим голосом говорила,
 Подала-то вѡна скору ему грамоту.
 Посмотрял-то князь ведь Меньшиков Олександр же тут
 Данилович,
35. Посмотрял же он, сказал же ей такі слова,
 Вот такі сказал слова да гон такі речі:
 «Я хоть сечас, вдова, — покончить не могу некак,
 Ето надобно решить с самим царѣм,
 Со самим нужно царѣм Петром же Алексевицом.
40. Когда рѣшим дела, ведь скажем тогда тибѣ».
 Поклониласе вдова, хотела вон итти.
 А тут ведь не вѣшная вода будто розливаласе,
 Молодецько-то ведь серьцо растреложилось;
 Говорил тогда Балакирѣв вдовы речі:
45. «Уж ты ой еси ведь, тѣтенька, я не знаю, как тибя йименѣм
 зовут!
 Ты зачем ведь, князь, ей да отпускашь сечас?
 Как ведь скоро енператор-от придѣт же к нам, —
 А почему ты не велел ей подождать царя?
 Ну как где же ты найдѣшь, как ты не спросил, да где она
 живѣт?»

50. Смотри-то, Данилоч, что ты делаешь,
Ты омманом провести хочёшь бѣдну женщину!»
Закричал на него тогда князь-от ведь,
Как ведь князь-от закрычал Александр Данилович,
Вот Данилоч Олександр князь же Меншиков:
55. «Не твои дела, Балакирев, судить меня!»
Тогда видит ведь Болакирёв, дело плóхоё,
Он спросил, спросил тогда да ту же женщину:
«Кто, какá, скажи, да где-ка ты живёшь?»
«Я живу-то, ведь живу да в край ведь города, —
60. У меня последнёй-от домичик-от ведь города,
Он худой-то у миня, плóхой, очунь старой-от».
Тут ведь понял-то Балакирев, в чём идут дела:
«Ну, пойдн-ко типериче домой же ты,
Я возьму твои дела же во вниманис,
65. Просмотрю твои дела, да всё узнаю я».
А и вот ушла тогда, ушла да бѣдна женщина.
А и вскори, вскори пришол да государь наш царь,
Государь наш царь Пёт(р) Алексевиць сам,
А и вон пришол, пришол к ним просмотреть дела;
70. А и просмотрел дела: все же по хорошему
У Балакирёва — всё как следует.
А и сел же, сел тут енператор царь,
Э и возговóрил он да таковы слова,
А и таковы слова, такн речн,
75. А и рассказал, что готовы совсем его караблички.
А как ведь Меншиков князь Алексан(др) Данилович
А нечегó не сказал про женьшину,
А и не сказал царю, что поданá же грамота,
А и шьто ведь грамота же подана ёму скорая,
80. А и как прошеньё необходимоё.
А хотел, хотел Балакирёв сказать про то,
А и одумалсе, не сказал же он:
«Можот быть, отдаст он да без миня когда».
Э и посидел царь тут, пошúтил-то,
85. А и он просмотрел дела, да все как следует,
А и просмóтрял же, всё проверил он,
А и как тогда ставал царь на ноги:
«А и вот ребята, тепериче пора же нам,
А как пора же пообедать-то».
90. А и как царь пошол к обеду же,
Он за собой повёл Балакирева,
А и вот пришли а и вот ко царицы Екатерины Алексевны-то;
Рассказал царь про караблики,
А Балакирёв-от говорил тогда:
95. «А караблики, Алексевиць, хорошо у тя,
У тя дела-ти все да по хорошему,
По хорошему йдут да по приятному,
А у мине дела смóтрел — все в верности,
Все же в верности, да в справедливости;
100. А у князя-та у Меншикова,
А и вот у Меншикова у Александра-та Даниловича,
А и шьто ведь вправду сказать, плохн идут многó,
Дела плóхи, много не просмóтрено,
Не просмóтрено, не проверено, —
105. Не за тим же князь ведь Меншиков гонитце,

- Он вить гонитсе за гулянками,
Где увидит баб, девок лучше-то!
Рассмежнулсе царь тут тогда,
А расхохоталсе Пет(р) Алексевиць-от:
110. «Ну, дак ето дело же не вредноё,
Ешше хочище погулять же всё!»
Как тогда Балакирёв замолчал же тут.
Когда сели пообедали,
Пообедали, покушали,
115. После обеду-ту тогда же царь
Он пошел же отдохнуть же спать,
А Балакиреву сказал же он:
«Хошь ведь здесе отдыхай, хошь по Питенбурху-ту,
Хошь по городу Питенбурху ходи гуляй,
120. А гулять не хочешь — поезжай домой.
А типери у вас дилá-ти все прикончены;
До завтрошного дня не приезжай суда,
Завтра утром поспешай суда».
Роспростилсе тут Балакирез
125. Он с сарём же, со царицою.
Как царица на прошшаньице говóрила:
«Почему, Балакирёв, твоя жона же всё,
Она мало, мало посешшат меня?
Почему она не приезжат ко мне?»
130. «А потому, Олексевна же,
Шьто она горда, горда весьма,
Она не хочот с тобой знатисе».
*(А он не покупал ничего ей платья: „За твою услугу дородно,
что и так есь!“ А она закапризничала на етом, не стала ездить
к царице.)*
А и пошел тогда Балакирев,
Он пошел тогда в полату грановитую:
135. «А и зайду я в полату грановитую, —
А вот сидит ли тут Данилович,
Он просматриват ли дела, которы даннья;
А у многих дела у его же не просмотрены,
А и не просмотрены дела же, не проверены».
140. А и как отворил полату грановитую,
А и нету-нету князя Меньшикова,
А и нету-нету Александра тут Даниловича.
А и тогда Балакирёв вон пошел,
Призамкнул полату грановитую,
145. Ключь ведь отдал он самóму царю Петру же Алексевицю, —
Он и всегда, всегда вотдавал ему же ключь,
Некогда не готдавал царицы-то Екатерины Олексевны-то:
«Тебе, Галексевна, здеся дела нет, —
Эта полата мужьска, не женьская».
150. А и вот пошел, пошел Балакирёв,
Он прошол, прошол по городу,
Не поехал домой к любой семьи,
Вот к любой семьи, к своей жены,
Не поехал он же к малым детоцькам,
155. А пошел гулять по городу.
Домекнулса тут Болакирев,
Догадалсе он да свóей мудросью:
«Шьто сказал же Алексевиць мне,

- Шьто: «не хошь ли пройти по городу?»
160. А и не пройти велел, не погулять же мне, —
Он велел пройти, проверить-то,
Шьто такоеь делайтце в городи,
Вот во городи во Питенбурги-то».
165. Шол ведь, шол да шут Балакирев,
Шол ведь шут, скажом, пречудной-от,
Где во улицах в торговых-то,
Где в самых главных лавках-то;
Он и если мимо лавочки-то шол тогда,
Шол ведь и шол, будто шатайтце,
170. Как шатайтце, будто пьяной он.
Умной народ нешто ему да не говорили,
Все молчали — ни единого словечушка;
А глупой народ да все же граели:
«Ничего, голубчик, здорово»
175. Тебе, голубчик, здорово прициталасе,
Как чуть-чуть стоишь да на резвых ногах!»
Когда прошол все же улицы городовья,
Он пошол когда да в край же города,
А как там ведь он пошол смотреть же всё;
180. Увидал он домик старенькой,
Домик старой, очень худой-от,
А на улицу стена же вся поывывалилась.
Погледел Балакирев, кругом обошол да этот домичок,
А обошол да вздохнул тогда:
185. «В етом домичке, извесно всё,
Что живёт семья, наверно, утлая,
Семья утлая, да не уносная!»
А и он пошол, пошол во домичок,
Бедной дом же не закладен был;
190. Он зашол, зашол во домичок,
Зашол он же вот во комнату, —
Комната была да очунь плбхая,
Но как в комнаты по себе да чиста так была,
В ней ведь вымыто бело было,
195. А и всё везде же очунь чистоеь.
А и как на лавочки двоё ребят сидит,
А на кровати-то ребёнок же,
А и вот ребёнок-от лёжит,
Э и на печи-от ребёнок лёжит да всё же стонёт-то,
200. А на лавочки сидит да сидит женщина,
Сидит женщина да та же самая,
Та же самая да та же самая,
Какá была у них со жалобой,
Вот со жалобой ко князю Меньшикову.
205. Зашол Балакирев, с йимá да поздоровалсе,
А и поздоровалсе и низко поклонилсе тут;
А и тут хозяйшка домику говорила:
«Здравствуй, здравствуй, дородней доброй молодец,
А и ты садись-ко, просим милости,
210. Ко мне в хату в очунь бедную,
Садись на лавочку брусятую,
Ты со мной да посиди у мя, —
Я, христолюбечь, с тобой я говорить хочу!»
Э и стал тогда у женщины спрашивать,

215. А и стал он спрашивать тогда у ей, всё выведывать:
 «А и ты скажи, скажи, хозяйюшка,
 Ты ведь с кем живёшь да в етом домики?
 А и где же всё ведь твой же муж?
 Ты вдова ли, скажи же, женщина?»
220. Вот вдова тогда заплакала:
 «Я, доброхот мой, вдова сама несчастная,
 У миня та мужа нет в живых,
 Он ведь помер у миня, скажу тебе, да тут три годицька,
 А и похоронён он ведь, светик мой!
225. А ето горюшко большо у мя, —
 Ребетишочка осталисе». —
 «А много ли ребят осталося?»
 «Четверо, да я скажу тебе:
 Три-то мальчика у мя осталосе,
230. Вот одна же дочка есь у мя,
 Все одны за одним у мя погодочки;
 Дак то горюшко с нимá же жить,
 Шьто пить хотят да гонí кушати, —
 Хошь ведь где-ка хошь, да мать бери же им,
235. Мать бери да подавай йим!
 Когда были ети-то ребята-ти здоровые,
 Хорошо тогда у миня дела же шли:
 Я ходила ведь на стирку-ту,
 Я ведь стирала ведь бельё тогда,
240. А купчиха у миня да очунь добрая,
 Накормит миня она, да как ведь надобно,
 Надават еды ребятам-то,
 Расцитаетсе хорошо вона;
 А тепере завезали вот ребята хворыя, —
245. Помирать не помирают-то,
 И миня толькó задярживают!
 Ети два мальчи́ка больш́и у мя,
 Они раньше у миня бегали,
 Они собирали милостину;
250. Когда принесут и порядочно,
 Когда придут бескопéеснё,
 А типериче не йдут некак,
 Обижаютсе, что ходить холодно,
 Босиком ходить не могут-то,
255. А одежды кúпить не на что...
 Когда купчиха даст же мне,
 Так ту одежду продайм снесём,
 На то хлебушка купим же,
 Дня два не ходим просить же милостины».
260. Говорил тогда Балакирёв:
 «Ты скажи, скажи мне-ка, вдовушка,
 Муж-от кто такой же был у тя?»
 «А я скажу тебе, голубчик мой,
 У мне муж-от был солдатиком,
265. А в последнё время был ферфебелем.
 А ферфебеля получил же он,
 Когда билисе в бою да под Платавою,
 Под Платавою с самим царём.
 Со самим царём Петром да Галексевицом.
270. Он и когда же помирал у мя,

- Говорил, что: «ты дойди же всё
 До самого же царя Петра же Алексевица».
 А дак разве можно ли дойти до самого царя?
 Вот до нёбушка высоко же,
275. А до царя же есть далеко-то!
 Я ведь все силы собрала свои,
 И рукописаньицо написали же,
 Написали люди всё учоные,
 Миня послали, чтобы отнесла в сенот, —
280. А в сенот не допустили-то;
 Занесла я в грановитую полату-ту,
 Отдала же князю Меньшикову.
 А долго времени прошло у мя,
 Просмотрял ли князь ли, не просмотрял его,
285. А ответу не получала я, —
 Но ведь дел-то, дел ведь есь у них,
 Не до нас, разных калик, да всё просматривать!»
 «Но, дак ладно тебе же, вдовушка!
 А и как йиз солдатиков вернулсе муж,
290. На какой же был гон должности?»
 «А на должности не на какой же не был-то,
 Потому что он больней пришол:
 Права нога у него да была ранена,
 А левой бок был же раненой,
295. Тогда не мог тяжолую работушку работати.
 А ко горюшку ко нашему
 Не удалось косатичку отдохнуть у мя,
 Привелось ребят пропитывать,
 Нужно чем бы накормить, накормить же йих, —
300. Он ведь зачал у миня работати,
 Зачел сапоги шить, работати,
 Башмаки же шить ведь разныя,
 Стал работать он сапожником,
 Не день, не ночь отдоху не было,
305. Не поберёг же соколик сам себя,
 Для робятишек стал работати.
 Год-от жили хорошо же мы,
 Пили-ели ребятишечка;
 На второй-от стал прихварывать,
310. Хоть и прихварывал, роботал он;
 А на третей годичек свалилсе он.
 Шьто ведь было в дому, всё мы же продали,
 Всё ведь продали на пропитаньицо».
 А робята-ти те, которы сидели они на лавоцьки,
315. Они всё же возговорили:
 «Мама, мама, дай пойись же нам,
 Нам пойись-то всё же хочетца!»
 «Чего дам, детки, пойись же вам?
 Вы не спустили маму работать итти, —
320. Вот сегодне сидите голодом!»
 А ребята заревели-то,
 У мамы всё-то йись просили же.
 А и тут Балакирёв немного розговаривал,
 Он и вынимал скоро бумажник свой,
325. Он ей дал скоро много денег-то:
 «Пойди, сходи купи ребятам-то,

- Купи ребятам ты хлеба, сколько нужно йим,
 Накупи же хлеба мяккого,
 Хлеба мяккого хорошего,
330. Накупи ребятам разной-то ведь пишиши же,
 Накупи, накорми ребят да по хорошему!»
 Тут вдова приняла когда же подаяньицо,
 Во слезах ему да в ноги кланелась:
 «Тебе спасибо-то, дородней доброй молодец!
335. Ты скажи, скажи, как именём зовут?
 Ты скажи, скажи, как звеличать тибя же по готечесьву?
 Мне-ка надо тёмны ноченьки промаливатьце,
 За тибя богá молить христа!»
 «Нечего же мне не надобно,
340. Только иди скорé, покупи хлебá, —
 Мне-ка хочецца посмотреть на то,
 Как ребята будут кушати».
 Тут и вдова скорó оделасе,
 Пошла, скрылась очунь скоро-то.
345. Он тогда к ребятам-то приблизилсе,
 Стал Балакирёв выспрашивать:
 «Шьто вы, мальчики, мальчуганчики,
 Верно, хочице кушати же вам?»
 «Мы ведь, дяденька, ведь скажом-то,
350. Два денёчка не едали-то;
 Мамы никак-то не уйти от нас:
 Вот братишка-то ведь хворой-от,
 Сестрénка заболела-то —
 Мама всё же с нима возитце.
355. А купчиха послала нам еды, —
 Мама же всё же отдавает йим.
 Братишка бóльней-от не ест совсем,
 А сестрénка, та же кушаёт;
 Ей же нужно сберегчи же нам,
360. Она пушшай поправляетца!
 Мы здоровы, дак проживём же так,
 Проживем же без еды сечас;
 Только сйльнё захотелосе,
 Тогда у мамки мы попрóсились».
365. Такй весёлы были мальчики,
 А в делах, в разговорах очунь мудрыя!
 А тут Балакирёв говорил-то:
 «А если большй-ти вы же будете,
 Пойдите ли в солдатики служить же вы?»
370. По очёським-то по дорожечке
 Вам топтать нужно дорожочки!»
 Тогда ребята гóврили:
 «Не знам, дяденька, как до того далёко-то, —
 Нас ведь примут ли в солдатики?»
375. Мы сечас же неучоны,
 Неучоны, необычные».
 «Вы почему же вот не учитесь?»
 «Нам учиться-то ведь хочитца —
 Ходить-то не в чом нам учитисе,
380. Потому мамка не спустила нас».
 Как вернулась йхна матушка родимая,
 Принесла йим хлебушка да очунь много же,

- Принесла правизини йим разною,
Принесла ведь всё из круп из разных-то,
385. Принесла и йим похлёбочки,
Принесла и йим ведь рыбочки.
Тут ребята розвеселились.
Э и стала, стала тогда вдовушка
Просить Балакирёва сесть поить-покушати,
390. А Балакирёв отказалсе тут,
Сказал: «Кушайте-ко сами на здоровьице!»
Распростилсе, тогда вон пошол.
Когда пошла провожать вдова-солдатка-та,
На прошшаньици сказал же ей:
395. «Не последнёй день свиданьица,
Я ведь думаю, невдёлги опять свижусь-то;
А тепере приду не ёдин же я,
Приведу тебе друго-то солдата-та,
Тот, наверно, знает, какой бой же шол,
400. Какой бой же шол да под Платавою».
Вот пошол тогда Балакирев,
Во свою пушол в деревенку,
Во свою пошол в усадьбу-ту.
Он пришол, пришол не рано же,
405. Как ведь поздым пришол вечером;
Жена закрыла двери, не пускает-то:
«Чорт с тобой, когда ходишь где, шатаишьсе,
Не по хорошим дёлам шляишьсе!
Уж как шут, дак шут и есть, сказать!
410. И не дай бог, что я спозналасе,
А за шу́та вредного взамуж вышла-то:
Он ведь днями-то уезжат от мя,
Вечерами где-то шляйтца,
А ночама с голью, наверно, посадьской ходит-разгуливат!»
415. «А и ты пускай, отворяй, женушка милая!
Твой ведь муж не по худым делам,
Не по худым делам ходит-шляйтце —
Твой ведь муж ходит по хорошим по делам же он,
Вывожу дела хорошия,
420. Которы запутаны у Даниловича,
У Даниловиця, у князя Меньшикова
А у Александра у Даниловича».
Открывала жена двери ему тогда;
А и вот зашол тогда Балакирев,
425. Дети кинулись ему на шею-ту:
«А и ты, батька, батька, где гулял?
Где гулял, да ты куда ходил?»
«Ай сыночки мои милые,
Вы ведь мйлы мои да соколочки
430. Вы ведь у меня, пора же вам учитисе!
Когда, деточки, побыроститё,
Нужно вас отдать да в службу царьскую,
А и ко царю-то нужно к Петру Алексевицю, —
Он узнат, что из вас выйдёт-то».
435. Тут ведь дети приумолкнули,
Призамолкнули они, сели же.
Поужнал Балакирёв, покушал-то,
Вот ушол же отдыхать же, спать,

- И увёл да сыновьей своих:
440. У него же было три сына,
Три-то сына, мальчуганов-то,
Были очинь растаропныи,
Будто отец да свой, родитель-от.
А и как Балакирев утром рано-то любил вставать;
445. Жона спит, а он уж встанет-то.
Как когда же стал вставать же он,
А жона на его заворчала-то:
«Опять нелётка куда-то гонит всё,
Э как гонит всё из дбму-ту!
450. Где-то уезжат куда шататисе,
Как шататься, всё ходить да всё же шлятьце тут!
Ты же знай, молодчик, что же так
Много надоть и по домохозяйству сделать-то:
Дрбва, знашь, они шьто не колоты,
455. В саду, знашь, все древа да россадить нужно,
Россадить нужно, как следует, —
Знашь ведь сам, шьто ведь весна придёт!»
«Не тужи, женушка, сделаю».
Тогда вставал по утру ранному,
460. Наколол же дров ведь много-то,
Наносил жонь близёшенько, —
Только бери, топи, как следует.
Три-то дня не ходил же он,
Не ходил к царю Петру да Алексевицу, —
465. Всё ведь строил, делал по домохозяйству-ту,
Как со ранного рббил с утра и до ноченьки;
Но ведь всё же он опять ведь сббил тут,
Тут и всё же он и сделал-то,
Сделал всё он да по хорошему,
470. Убрал в доми по приятному.
А жона ёго была, сказать,
Она не из рабочих взята всё же ведь,
Она взята всё ведь роду-то дворянского,
Роду дворянского же нежного,
475. Нечего почти да не работала,
А как была всягда с прислугою.
Колько не учил же ей Балакирев,
Как ведь была прозна его наука-та,
Не однажды она раскаевалась,
480. Но нечего не мог да он учить её,
Баба зла всё была да несговорная, —
Как рукой махнет да он, уйдёт.
А не был в Петенбурхи три денёчика,
На четвёртой день, сказать же, тут
485. Не золотá корета сбрякала,
Золотá корета царьская,
Как приехали за ним же тут
Как ведь царские слуги верные,
Зовут ёго, пришли же, низко кланяютце:
490. «Как зовёт, зовёт да наш ведь царь (Пёт(р) Алексевиц свет,
Он зовёт тебя да хочот видеть-то!»
А и тут Балакирёв сказал же йим:
«Шьто такó да Олексевицу,
На шьто я ему понадобилсе?

495. У его же князь ведь есь же всё,
Князь ведь есь на шьто Данилсвич,
Вот Данилович князь же Меньшиков?
Али за девками погнэлсе он,
Вот погнэлси, всё забегалсе,
500. Дел своих Даниловиць не йисправил-то?»
Тут ведь начел одеватьце-то,
Он оделсе по хорошому,
Учосалсе по приятному,
Распрошшалсе он с жоной тогда,
505. Распростилсе и с детьми же он,
Сел в кареточку, поехали.
Э и когда приехали в Петенбурх же град
Ко дворьцу когда ко царьскому,
Э и ко крылецюшку приехали государьскому,
510. Э и выбегал же тут шут Балакирев,
Он и бежал по леснициям скорёхонько,
Заходил же он в полату в грановитуго;
Тут сидел, сидел да князь ведь Меньшиков,
Князь ведь Меньшиков Олексан(др) же свет Данилович.
515. Пришол Балакирёв, низко поклонилсе тут:
«Уж ты здрастуй, здрастуй, князь же Меньшиков,
Князь ведь Меньшиков Олексан(др) да свет Данилович!»
А и тогда Меньшиков улыбнулсе тут,
Улыбнулсе, усмехнулсе он:
520. «А уж ты шшо, Балакирёв, надо мной будто да насмехаишьсе?
Я смотри же, не глупё тибя,
Не глупё тебя, не шут глупой,
А по городу не хожу я не уродую!»
А отвечал тогда Балакирев:
525. «Не всем быть же всё в князьях жить,
Не всем всё же в кнезьях Меньшиковых!
У тибя, смотри, Данилович,
Твой ведь род есь не очунь он почётной-от:
Твоя мать же ведь всё родимая
530. Тебя, знашь же, как родила-то?
Знай свою прероду родную!
А моя матушка миня родила-то, —
Был у мня отец законной-от;
Хошь я шут — отец законной был.
535. У тебе, позволь, какой же был?
(Как старики говорили, он от девки был!)
А и тогда князь-от Меньшиков разгневалсе,
Он готов был ударить-то тут Балакирева.
«Не гневайсе, князь же Меньшиков,
Не боюсь твсйих угроз же я!
540. Кóго кто, смотри, задел сечас?
Если ты миня да разобидел-то,
Прошу, князь, да не сердитисе,
Я ведь знаю, чем поблагодарить тибя:
Посмотрим всё твои дела».
545. Плюнул Меньшиков на Балакирева,
Убёжал он йиз полаты-то,
Из полаты грановитою.
«Беги, беги скорó, Данилович!
Не совсем дела у тя прикончоны,

550. Не боюсь, что убежал сейчас». Когда ушел из полаты князь же Меньшиков, Он пошел тогда к царице-то, Ко царицы к Екатерине Алексевны-то, Рассказал же всё про Балакирёва:
555. «Если Балакирева от миня не снимите, Не хочу я с ним сидеть в одной полаты грановитую, — Он сегодня, бесстыдник он проклятой-от, Огрубил миня до крайности! Если ему сидеть, миня снимайте тут!»
560. Екатерина Алексевна-та Таковы речи говорила: «Шьто обидно тебе кажетця? В етом-то Балакирёв корил тибя, — Он по правды-то корил тебя,
565. Твой-от род, конечно, непочётной есь, Непочётной род твой, скажу, Во гресях-то мать родила-то, Не по законам она же справедливым-то!» Нечего не сказал князь же Меньшиков,
570. Он ушел же от царицы вон; Когда пришел домой да князь же Меньшиков, Тут же люто зельё разгорелосе, У его **серьцо** ростреложилось, **Лепетá в лици** переменяласе... *(Старики-то говорили, что потому вотчим не любил его что не его был, — она уж с князем Меньшиковым пришла в замужесво.)*
575. Когда пришел тогда домой же он, Тогда по полаты ходил долбо, похаживал, А и невесело посматривал; А и подошла к ему его жена, А и жена к ему, говорила:
580. «А и што пришел сегодня у мня невеселой, Отцего пришел нерадосней? Кто же, кто огрубил тебя? Кто над тобой же, князь, несмеялсе-то?» Он сказал тогда жонь своей,
585. Как жонь своей, княгины-то: «Огрубил да шут Балакирев. Это шьто такó допушшоно У царя Петра же Алексевиця, Шут ведь шьто такой приближон-от?»
590. Разве не стало писарей у нас? Разве не стало людей мудрых-то? Какой-то привезён шут из-заграниц, сказать, — Он ведь есь, да скажом, руськой-от, А он училсе, где-то шлялсе заграницеми.
595. Обучилсе шут наукам-то, Он и наукам разным-то же мудрым-то, Етим шут да всё заноситса! А Петр-от царь у нас Алексевиць-от В его верности доверилсе:
600. По делам-то ведь правит-то, Правит мўдрено да хорошо же всё. А надо мною шут насмехаитце,

- Что должён я все дела просмотреть же всё, —
 Нобы дела совсем не подходящие:
605. Пришла вдова просить же пензии,
 У ей нет никаких обстоятельствей,
 Чтобы от мужа были оставлены.
 Почому я буду от судить тогда?
 Почому буду преследовать?
610. Он, дурак, миня ругат за то!»
 Тут княгиня-та говорила:
 «Уж ты ой еси, князь Олексан(др) Данилович,
 Некто не дивуёт-то Балакиреву,
 А все подивуют князю Меньшикову,
615. Князю Меньшикову Олександр-ту Даниловичу!
 Уж (с) Балакирёвым давно тебе да не сравнятисе:
 Его некто не можот переговорить некак,
 Его некто не можот в делах-то перевышить-то,
 Он ведь всех науками перевышил всё».
620. Тут ведь князь замолчал же всё,
 Как Даниловиць замолкнул-то;
 Он ведь сел поел-покушал-то,
 Вот покушал, отдохнуть пошел.
 А Балакирёв сидел писал,
625. Все дела ведь вывел царьски по хорошему;
 Как хотел скорó и вон итти.
 Как во ту пору, во то время
 Как не золоты башмацьки скрыпали,
 Не сафьяные проскрыпали,
630. Идёт, — заметил Балакирёв слéды знакомые,
 По походочке обычные, —
 Как и зашел, зашел к нему же царь.
 Вот и к нему царь Пет(р) же Алексевиць сам,
 Он и пришол, пришол, с ним да поздоровалсе,
635. А и поздоровалсе, сказал ему:
 «Здрастуй, здрастуй-ко, Балакирев,
 Каковы дела йидут у тя?»
 Возговóрил тогда же тут,
 Возговóрил Балакирёв, ответ же дал:
640. «Ничего дела йидут, да Алексевиць-от,
 Как дела у мня зачелись хорошие,
 Дела зачел делать я же, царь;
 А прошу же я у-тебя совету-ту,
 Я прошу тибя решить дела,
645. Как и решить дела, покончить-то,
 Как по завтрошному прошу да я денёчику, —
 У Меньшиковá у князя-та,
 Как лежат у ёго в шкапики,
 Вот в шкапике лежат они,
650. Вот призамкнуты да за бумагами зарыты-ти».
 «Ну, об чём, скажи, дела какй?»
 «Вот, скажу тебе, да Галексевиць, я:
 Во такой день, во такой же час
 Приходила суда вдова-солдатка-та,
655. Вдова-солдатка, котора терпит бедность-ту,
 Терпит бедность, недостатки-ти;
 А ребят у ей же четверо,
 А муж ведь помер три-то годика,

- А муж был у ей фельфебелём, —
660. Когда бились вы, государь царь Пет(р) Алексевиць-от,
 Когда бились вы под Платавою,
 Когда он ведь билсе изо всех вперёд,
 Когда последней бой был под Платавой,
 Его ранили в левой же бок,
665. Его ранили в правую ногу;
 Он ведь всё же бой окончил-то,
 Он окончил хорошо тогда,
 Вы ведь сами его ферфебелём назначили.
 Он и хоть пришол, вернулсё все домой,
670. Но ведь всё болел-хворал же он;
 Не поправилсе, да нужно было ему работати:
 Как семейство-то большо было,
 У его четверо ребят было,
 Как ведь пята же жена была.
675. Не поправилсе, — домой пришол, —
 Начел разную тяжолую работушку работати,
 Зачел жить-то, жить сапожником,
 Сапоги-ти шил, да башмаки-ти шил, —
 Он ведь день-то, ночь работал-то, —
680. Чижела пришла эта работушка,
 Чижела пришла да очунь сильняя,
 От той работушки расхворалсе он,
 Расхворалсе он и заболел, скоро преставилсе.
 Три годочика как его в живых же нет,
685. Вдова бенная, солдатка-та,
 Она суда ходила с просьбою,
 Отдала вона князю Меньшикову
 Александру свету Даниловичу;
 Отдала ведь она ету просьбу-ту
690. Третьей месяц-от идёт тому,
 А Даниловицы не решат дела.
 Заступитесь вы сами, Алексевиць-от,
 Помогите вы бедной вдове в пользу-ту!»
 Говорил тогда же царь-от тут,
695. Ишше царь-от тут Пёт(р) да Алексевиць-от:
 «А я ведь знаю-то, знал ведь я солдатика,
 Знал-то, знал ведь тут его, ферфебеля,
 Он товариш был ведь мне да друг ведь близкий-от,
 Я хотел, хотел его да взять близ сибя его —
700. За делами-ти миня же задержало-то,
 Не привелось-то мне спасти да всё же жись его,
 Как покой его, осподи, да его душочку!
 Не забуду я его сечас любой семьи,
 Как любой его семьи, вдовы да со детьми его.
705. А ты знаешь ли, где вдова сечас живёт, скажи?»
 «Кабы не знал я, Олексевиць, говорить не стал;
 Я был ведь у ей сам ведь да всё и видел тут:
 Вдóвы бедною совсем же жить-то негде ей,
 На улицу стена совсем позывалилась,
710. А ребята-ти ревут бедны от голоду,
 Как ведь учищце-то хотят — ходить им не в чём-то».
 «Ну, дак-то, Балакирёв, решим дела,
 Дак ты сведи миня, Балакирёв, покажи вдову,
 Как и без Меншикова без князя мы решим дела;

715. А как завтра-то ведь мы позовём его,
Позовём ёго тогда да самого суда».
«Как по моему бы, Олѣксевиць, повеленьицу,
Кабы после бы оделись в платьѣ в прѣстоѣ,
В платьѣ в прѣсто бы оделись во солдатскоѣ,
720. Мы сходили бы, показал же я, где вдова живѣт,
Где вдова-та ведь живѣт она с ребятами».
«Хорошо, за то спасибо ведь, Балакирев!
Ты сечас-то всё дела все доканчивай,
А после мы пойдѣм, пойдѣм гулять с тобой,
725. Вот гулять мы пойдѣм по городу Петенбургу-ту,
И зайдѣм, зайдѣм ко вдовы в гости с ребятами.
А тепериче я пойду схожу ко караблям,
Ат караблѣй придѣм, тогда же пообедаѣм,
Отдохнѣм, — тогда, Балакирев, гулять пойдѣм».
730. Тут ушел скорѣ ведь царь Пѣт(р) Олѣксевиць свет,
Как и Балакирев осталсе тут,
Он ведь начел-то писать, дела рассматривать, —
Трѣи суточки дела у ёго не просмотрены.
У Балакирѣва перо в руках его ходило быстро всё,
735. А рука-то его скоро переписывала,
Как он ведь кончил все дела же до обеду-ту;
Подошел-то он к столу ко князю Меньшикову:
«У тебя же всё, Данилович, не вси дела проверены!
Дѣла нет-то мне сичас да ёго делов, сказать,
740. Пушшай сам же он, Данилович, прикончит всё».
А Балакирѣв, он выходил ведь скоро из полаты-то грановитою
Да замыкал на ключ полату-ту грановитую,
Он ведь пошел, пушѣл к царицы-то Екатерины Алексевны-то;
Он пришел, пришел, с царицей-то поздоровалса:
745. «Уж ты здрастуй-ко, царица благоверная,
Здрастуй, Екатерина ты же всё Алексевна!»
«Здрастуй, здрастуй ты же, здрастуй всё, Балакирѣв!
Почему своей жены не привозишь к нам?»
«Не торопись же, Олѣксевна, — жона будет к вам,
750. Жена бѣдѣт к вам ведь всё на йименины-ти,
На именины бѣдѣт она же к Алексивицу:
Я купил-то уж на платьѣ шолку хорошего,
Уж я отдал-то портному вот пошить же ей,
Весь прибор, шьто ведь следно, всё отдал там».
755. И поговорил тут ведь Болакирѣв, посидел же всё:
«Вот хороши-ти дела у нас, Алексевна, всё!
Как скажу тебе тепериче про таки дела:
Как с одной я с бедной вдовой же познакомилсе,
Как хочу я познакомить инператора,
760. Императора царя Петра Алексевича.
Как ведь муж-от у ней был да всё солдатик-от,
Как солдатик, муж ведь, билсе под Платавою,
Он ведь билсе в бою всё же, в бою в перьвом-то,
Он ведь билсе под Платавой в бою в последнѣм-то,
765. Не берѣг солдат своёго он здоровьца,
И он за веру, за отечесво стоял вернѣ,
Он всё, как следно, под Платавой одѣржал же бой —
Он назначен был Олѣксевичом ферфебелѣм.
Три-то годичка — вернулсе — больным же был;
770. Как тепериче не перенѣс болезни,

- Три-то годичка в живых же нет,
 А вдова-то со ребятами живёт в бедности.
 Это можете, Олексевна, помогчи в делах,
 Помогчи можете в делах, да поговорить царю,
 775. Поговорить царю Петру же Алексевицю:
 Етта Меншиков-от князь да заминает дела!»
 Он хотел, Балакирёв, да скоро вон итти;
 Катерина-та Олексевна вот царица-та
 Удержала ёго всё же пообедати.
780. Тут сидел-то всё же Балакирев у царицы-то;
 Как приходит-то, приходит скоро сам же царь,
 Скоро сам приходит царь да Пет(р) же Алексевиць-от,
 Он пришол, пришол же всё, улыбулсе-то:
 «Ето как же ты ведь смешь сидеть с царицою?»
785. Без меня же, без царя, да как сидишь вдвоём?»
 Это, Олексевич, как дружьями мы же верныма,
 Дак ета дружба у нас выходит вот единая:
 Я могу же всё сидеть с твоей царицою —
 Не жалею, поежжай, Олексевич же, всё к моей жоны,
790. Я не стану, Олексевич, от ругатисе,
 Я доволен буду, вот что гось не брезгуёт!»
 Захохотал ведь царь Пётр-от Алексевиць-от,
 Он потяпал по плечу да тут Балакирева:
 «Пойдём-ко лучше вот, дружок, да пообедаём!»
795. Они сидели тут, сидели тут же кушали,
 Как сидели разговаривали, шутили,
 Долго длилсе царьской обед-от шол;
 Когда отобедали они же всё, откушали,
 Как ведь царь Пёт(р) Олексевич отдохнуть пошол,
800. Как Балакирёв-от тоже отдохнуть пошол,
 А царица Екатерина-та Олексевна-та,
 Она ведь вышла-то, пошла да всё во сад гулять.
 Когда отдохнули-то Балакирёв с государём-то,
 С государем со Пётром-от Олёмсевичом,
805. Они тогда ешше сходили ко корабличкам;
 От кораблей когда пришли, тогда посидели-то,
 Посидели в грановитою палаточку,
 Как проверил царь как ведь все дела свойи,
 Князь ведь Меншиков зашол же ненедблго-то,
810. Ненадблго он зашол, посидел за своим столом;
 Как ведь скоро ведь все тут же расходилисе:
 Князь-от Меньшиков уехал ко себе в дворець,
 А Балакирёв пошол да со Петром царём,
 Со Петром царём пошол он со Алексевицом,
815. Как гулять, гулять пошли они по городу,
 Вот по городу пошли по Питенбургу-то,
 Как прошли, прошли ведь весь да город всё вони,
 Как пришли, пришли по городу во край его,
 Как во край его прошли к самому последнёму домику,
820. А и где-ка домик-от ведь и был да очунь старенькой,
 Очунь старенькой-от домик был ведь худенькой,
 А как и ведь этот домик был, — да стена вывалилась,
 Стенá вывалилась, вся была на улочку.
 Как подвёл, подвёл солдат да Пётра царя Алексевица:
825. «Посмотри-ко, Алексевиць, какой домицок,
 Он ведь, — скоро стеночка вся разрушается».

- Как тогда же йинператор Пётр Алексевиць-то,
А и как немного тут же царь вот разговаривал,
Он подпёр, подпёр стену да приздынул её,
830. Он подставил тут ведь упорочки, как ведь знадобно;
Усмехнулсе тут Балакирёв, сказал ему:
«Настоящишой богатырь же светоруськой!»
Они пошли, пошли тогда, да пошли во домицок,
А вдова-та ведь с ребятами-ти спать легла;
835. Как гости-ти у ней тут стучались,
Как открывала-то вдова да двери наскоро,
Запускала она гостей да низко кланелась.
Как когда зашли ведь гости в ее избушочку,
Как достала-то вдова тогда огоницёк;
840. Как пришол-то тут Балакирёв солдатами:
«Здрастуй-ко-се, здрастуй, здрастуй, вдовушка,
Здрастуй, вдовушка-то, всё жена солдатская!
Как признала ли ведь гостя миня, солдاتيца?
Не един я, солдат, пришол к тебе,
845. Другого привёл я солдатица, —
Он солдатиц хорошей, мне товарищи мой,
Он ведь страсть любит детей, всё ребят-то,
Как ребят-то, детей любит он ведь маленьких».
Как тогда, тогда ведь вдовушка поклониласе,
850. Она гостей-то всё просила ведь садитисе;
Гости сели-то ведь к ней они на лавочку,
Как ведь зачел-то Балакирёв выпрашивать:
«Как живёшь ты вот, вдова, как поживаешь-то?
Ты признала ли миня же, старого знакомого?»
855. «Где узнать-то ведь как вас, да где-ка знать же мне!
Много есь же вас, солдатицков, у государя-то,
Государя-то царя Петра Алексевиця!»
«Дак я ведь в солдатском-то пришол хоть я и в платици.
А я ведь тот же самый знакомой, которой раньше у тибя же
был».
860. А как вдова тогда бедная здоровалась,
Она с весёлою улыбкой-то низко кланелась,
Она с радости-то тогда же всё забегала,
Она хотела-то, хотела угошшать же йих,
Угошшать хотела всё, да угостить же йих,
865. Угостить хотела йих да всё же ўжноу;
Отказались гости тут от угошшеньица:
«Ну, ты лучше с нами поговори, с нами посветуй-ко,
Каково живёшь сейчас же со ребятами?»
«Нечего, мой доброхот, да тебе скажу:
870. У миня один сынок да, скажу, помер же,
А два-то сынка, они живут у мя,
Как живут они у мя да здоровёшеньки,
Дочка тоже у мя да оздорбела.
А как одного-то сыночка похорбонила,
875. Полюжила рядом с батюшком, с родителём».
Как ведь царь-от Петр тогда же Галексевиць сам,
Он ведь начел-то тогда с вдовой же розговаривать,
Спросил, где-ка ее муж-от жил, где-ка вон служил?
Росказала, как где-ка жил, служил под Платавоу;
880. Когда всё-то росказала, вон сказал же ей:
«Знал я, знал твоёго мужа, хорошо же знал;

- Не успел отблагодарить его, в долгу же я осталсе тут,
 Но тепериче за его труды росчитаюсе, —
 Отблагодарю тебя с детьми да всё за мужа-та!»
885. Тогда вдова-та ведь не знала, что и царь сидит,
 Шьто ведь царь-от всё сидит да с ним она гóворит.
 А мальчишочки не спали, (о)ни ведь так лежали;
 Говорил же царь-от Пет(р)-от Алексевиць свет:
 «Покажи мне-ка ребят, они большие ли?»
890. Тут ведь (о)на-то ведь открыла одеяла-то,
 Как ребята-ти лёжат у ней в рубашочках;
 Они скóчили, ребята, тогда на ноги,
 Придела мать ведь йих же во брюки-ти,
 Хоть не новые-ти были у йих — старые,
895. Подводила-то ребят да тут к гостям она.
 Инператор Пёт(р) по головьí-то их потяпал-то:
 «Как вы ведь будите салдатики,
 Как полку-то вы, наверно, будёте Преображеньского!»
 И он тогда-то ведь вынимал, йим всё давал же тут
900. На гостинци-ти, ребятам, денег многу тут;
 А Балакирёв-от сидит вот, поговариват:
 «Алексевиць-от ведь денёг дал,
 Хлеба можоте-то купить тогда,
 Пригодётся ребята тоже могут-то —
905. Приогретьсе ребятам, Алексевиць, нёгди же.
 Как реши-ко ты, Олексевиць, ты таки дела,
 Помоги-ко-се ребятам ты же дом купить!»
 «Как ведь дому-ту купить в Питенбурге нет негдэ,
 Его негдэ же нет,
910. Посмотрить надоть, поездить-то, поспрашивать».
 «Я ведь знаю, Алексевиць, где-ка есь же дом,
 Где-ка есь ведь дом, Алексевиць, и найти можно».
 «По какой, скажи, Балакирёв, по улици?»
 «Дак я скажу тебе, Олексевиць, вправду сушнюю:
915. Дом ведь можно-то забрать у князя Меншикова,
 Как у Меншикова-та у князя у Олександра-та Даниловича,
 У его-то ведь, государь сарь Пёт(р) же Олексевиць свет,
 Не один-то у его же дом имеетца, —
 Три-то домицька у его же, всё йимеет он,
920. А из трёх-то ведь один можно в продажу взять,
 И как денёг-то не надоть, мóжно даром взять!»
 Усмехнулсе таким делам Пет(р) царь же Алексевиць-от,
 Как потяпал он Болакирёва по плечу его по правому:
 «Молодец жо ты, Болакирёв, в делах судить!
925. Я ведь завтро-то спрошу-то где князя Меншикова».
 «А до завтро-то ведь, царь же, всё далёко-то,
 Хорошо, как здесь ты же пореши делá,
 Как вдовы-то бы ведь тогда ведь ждать былó чего,
 А ребятам дожидаыце былó всё чего!»
930. Говорил тогда царь Пет(р) Алексевиць-от:
 «Не охвота мне Меншикову неприятность большá делати!...»
 «Ну дак воля ваша есь и всё же царская,
 Только Меншикова жалешь, так и вдовы нé жалей;
 Уж как Меншикова ты жалешь да ты богатого,
935. А вдовы-то не жалешь, шьто она без дому живёт,
 Шьто без домику живёт, почти на улици!
 Вот как ты, Олэксевиць, сделал дело справедливоё,

- Справедливо дело сделал, дело са́мо царьскоё,
Все бы стали тво́йим му́дросси дивоватисе».
940. Как готвечал ему царь Пет(р) Алексеви́чь-от:
«А и пожалуй, можно сделать же, Балакирёв,
Вот прикончим-ко сечас дела́ и сделаём».
Он ведь начел-то писать, царь, скору грамотку,
Написал-то царь ведь тут же, запечатал-то:
945. «Дом от князя-то от Меншикова отбирайтсе,
Потому он отбираи́тсе, шьто ведь лишной был».
«А которой жо, Болакирёв, дом отобрать его?»
«Отбирай-ко, Олексеви́ч, которой новой есь,
Которой новой есь, которой купил недавно он,
950. Как в котором новоселье́ вы справляли-то, —
А меня-то ведь как Меньшиков не позвал-то,
Я прошол-то у него́ тогда забытым-то.
А как в доми-то вдови́ном сдела́м новосельи́цо,
Помогу-то я сам ведь всё, Балаки́рев,
955. А ведь вы же, Олексеви́чь, помóжите,
И созовём на новоселье́ князя-та мы Меньшикова,
Ишше Меншикова князя Олександра-та Даниловича».
Как тогда же порешили, дело сделали,
Шьто ведь дом типерь принадлежит вдови́ с ребятами,
960. Со ребятами вдови́, вдови́-солдати́ки(-от).
Подписал царь ету́ же скору грамоту,
И он по́ложил ету грамоту в корман к себе,
Распростился со ребятами солдатки́ными,
Он обех же сынове́й почеловал же их,
965. Как самой-то ведь солдатке пожелал же ей здоро́вьица.
Распростились с ней ведь гости, ушли тогда,
А солдатка бе́дна всё об том не подумала, —
Она думала, шьто они над бедно́сью смеютсе-то,
Как не подумала, что ведь дом да ей ведь куплен есь.
970. Вот пошли от ней царь Пет(р) Алексеви́чь-от,
А Балакирёв говорит царю́ таки́ слова:
«Вот справедливы́ же дела́ у тебя, Алексеви́чь, есь!
За твою-то тут за правду всё за верну́ю
Как твоима бы устами́ сладкой ме́д же пить».
975. Вот пришли они к дворьцу да тут ко царьскому,
Как к Екатерины-то они к царицы́ они зашли́ тогда,
Показал-то царь ведь ей же сво́ю грамоту;
Как царица-та ведь тут Катерина Алексе́вна же:
«Хорошо твои́ дела, Пет(р) Алексеви́чь свет,
980. Что пожалел вдову́ такую́ со ребятами, —
Князь уж Меньшиков, ведь много́ у его́ богасьви́ца,
Как ему́ кажется уж всё же, всё забрать к себе!»
Как ведь царь-от со Болакирёвым прости́лисе,
Как Болакирёв поехал ко жонь́ своей,
985. Ко жонь́-ты он поехал со ребятами,
Сам ведь думат: «Вот ты знай сичас, Данилович,
Как с Балакире́м-то шу́тить, да знай и отшучивать, —
Нашути́л тебе́ Болакирёв шу́точку немалу́ю!
Я ведь завтро-то в полату́ в грановиту́ не приеду-то,
990. А тебе́ же, князь ведь Меньшиков, зайти́ ну́жно,
Поговори́ть-то тебе́ ну́жно с Олексеви́цом».
Как сказал же всё Балакирёв, так дело́ сделалось:

- Как по ўтру-ту, ведь ўтру, ўтру ранному,
По восходу-ту ведь тут же сонця красного,
995. Как пробудилсе когда царь Пёт(р) Алексевиць-от,
Приумылсе царь тогда, он приоделсе тут,
И он пошел же со царицей-то поздоровалсе,
Поздоровалсе с царицой, пошел тогда же он,
В грановитую пошел же он полоточку;
1000. Как зашол-то, зашол, сел же царь за столичок.
Как недолго посидел, да пришол князь туда,
Пришол князь-то ведь туда же Олексан(др)-то сын Данилович,
Он пришол-то, со царём тут поздоровалсе,
И он зашол, зашол, за столицёк-от сел за свой,
1005. Вот засел за свой-от столичок, начел розговаривать;
Говорил тогда же царь Пёт(р) Алексеевич:
«Уж ты ой еси, князь, да князь ты Меншиков,
Князь ведь Меншиков Олексан(др) же всё Данилович,
У тебе ли всё, Даниловиць, все ли дела просмотрены,
1010. Вот просмотрены все ль дела у тибя, проверены?
Ишше нет ли каких дел да непросмотренных,
Непросмотренных-то дел каких, непрогляжено?»
«Уж вы ой еси, государь царь Пёт(р) же Олесевиць свет,
Как ведь все у мне дела же вот просмотрены,
1015. Ишше всё у нас дела же все прогляжены,
Некаких же нет ведь дел же не просмотренных».
«Нет, не все же всё, Даниловиць, просмотрены,
Вот не все у нас, Даниловиць, прогляжены:
Как вдова-то, котора, салдатка, прихотила-то,
1020. Не решил же ты ведь дел да всё, Данилович, —
Когда ведь ты-то не решил, дак я ведь сам решил.
Под Платавой когда билса я же сам-то, царь,
Со мной билсе-то солдат да как во всех боях,
Я ёго-то всё назначил тогда ферфебелём;
1025. Права нога была у ёго ранена,
Как ведь ранен у его да бок ведь левой-от.
Не успел же я его отблагодарить же, царь, —
Он ведь помер-то, его же давно в живых нет никак;
А теперече ведь хочю я возблагодарить да всё его семью,
1030. Как его хочю семью, да я его жену,
Вот его хочю жону, его робяток-то.
Так у йих тако знаю, што нет дому,
У йих дому-то ведь нет, живут на улици».
Как тогда-то ведь Меншиков возговорит-то:
1035. «Много, много в Петенбурхи есь салдаток всё, вдов живёт;
Много надоть-то домов, да где-ка йих возьмёшь?
А другі-то как ведь помощи не просят-то».
«Как дела-та йихны, можот быть, не такі же все,
Не такі дела ведь йихны, не заслужоны.
1040. Я салдатика того же не забуду-то,
Я за дела его, за подвѣги за славы молодецькия
Отдарю-то я его да всё семью же я.
А прошу-то тибя, князь, да князь ведь Меншиков, —
Как из трёх твоих домов да отбираю я,
1045. Отбираю тот ведь дом, которой куплѣн есь,
Которой куплѣн-то недавно у тибя же всё;
Я беру ёго, отбираю вот вдовы же всё,

- Как вдовы-то отбираю со ребятами.
У тебя ещше, Данилович, ведь и два дома останитце,
1050. Обижаться-ка тебе бѹдет не на что.
Как сказал я, тем же вот решил дела!»
Приказал он князю тут и Меньшикову,
Меньшикову-ту князю Олександру тут Даниловичу.
Ему жалко было дому отдать нового,
1055. Дому нового отдать ему, хорошего,
Которой новый дом ведь Меньшиков изукрасил-от,
Изукрасил новой дом по йиностранному, —
Да и в глаза-ти было сарю некак да все некак нельзя сказать.
«Ваше дело-то ведь всё же царьскоѹ,
1060. Как ведь хочоте со мной же, так и делайте.
Мне куда же теперь вот, царь, деватисе?
Мне со шѹтом в Питенбурхе стало жить не хочитце.
Только то мне дело приводитце,
Как уехать бы мне куда от Балакирева!»
1065. А и как сказал тогда царь да тут князю Меньшикову:
«А и я прошу тебя же, князь ведь Меньшиков,
Прошу йиз домичка тебя же всё повыбраться,
А и тот ведь дом пойдѹт вдовы же он,
А и как вдовы же пойдѹт с ребятами».
1070. А и тут ведь Меньшиков говѹрил-то:
«Я ведь дорого заплатил за дом,
Я большй же деньги отдал-то;
Кабы знал, дак не купил его,
Не купил его, как самому не жить».
1075. А и ещше царь ушел в полаточки,
Князь ведь Меньшиков уехал-то.
Но какѹ было огрубленице,
Как из дому приводилось уходить же йим!
Погоревал-то князь ведь же Меньшиков
1080. Со своей же вон княгиною,
Со свойима малыма со деточками;
Потужили, погоревали-то.
Они выбрались из дому-ту,
От оставили они дом-от тот.
1085. Через трѹи сутки поры-времени
Вот вдова была заведѹна жа,
Заведѹна в дом с ребятами,
А и со ребятами, со детьми она.
А и вст какѹ жо было новосельцо, —
1090. А и на новосельи был же сам же царь,
Ещше сам же царь Пет(р) да Олексевиць-от,
Как царица была Екатерина Алксевна-га,
Был и сам же князь ведь Меньшиков,
Князь ведь Меньшиков Алксан(др) Даниловиць,
1095. Со своей же был с кнегиною,
Со кнегиною, с детьми же он,
Был и был же тут Балакирев,
Как Балакирев со своей женой,
Со своей женой, с ребятами —
1100. А хорошо ведь и было новосельцо!
Говорил тогда Балакирев:
«Не хотел созвать, Данилович,
Не хотел да позабыл меня,

- А вдова же не забыла-то,
 1105. Не забыла, позвала миня!»
 Ну, уж чудно было новосельицо!
 Сколько денег тут наложено:
 Клал ведь много денёг сам же царь,
 Сам ведь царь же клал с царицою,
 1110. Клал ведь князь же со княгиною,
 (С князя ешио причиталось за дом!)
 А и как Балакирев тенулсе же —
 А и много-много вдовы содвинули.
 Позабыла вдова жись-ту прежнюю,
 Жись-ту прежнюю, несчастную.
 1115. А детей ее, сыночков,
 Вzéли, взéли во ученьицо,
 А и во ученьицо взяли, в образованьицо,
 А и обучили дочь её,
 Ишше дочь ее да всё любимую.
 1120. А и когда дитей да обучили-то,
 А и обучили-то детей, когда они у ей выросли,
 Э и вонй сделались на большом великом возрости,
 Как тогда они, когда и возростились,
 А и спроводила вдова детей во службу-ту,
 1125. А и вот во службу спроводила вона в царскую,
 А и как во жись-то спроводила государскую;
 А со службы-то деточки вернулись, —
 Старшой сын, вернулсе он младым полковничком,
 А и как полковничком полка Преображеньского,
 1130. А младшой сын вернулсе младеньким майориком.
 А как дочь ее любимая
 Замуж вышла за стацкого советника.
 А и той старинушки тепере вот конец пришол,
 А как конец пришол да всё славу поют,
 1135. А и поют славу великую
 А про государя царя Петра же Алексевица
 За его же за дела-ти справедливые.
 А и как ведь нашому Чорному морюшку на тишину,
 А Москвы-реки на чесь, на славушку великую,
 1140. А и как всему нашому народику советскому,
 Йим ведь всем же на пропеваньицо,
 А от них вперед пойдёт всем на рассказаньицо.
-

№ 126. КАК БАЛАКИРЕВ БЫЛ ЦАРЁМ НАД МУХАМИ

- А как ведь было у нас всё во славном городе,
 В славном городе-то было у нас во Питере,
 А и как при матушки-то всё же при Невы-реки,
 А и у того ли у Васильевского славна острова,
 5. А и во дворци-то всё же было вот во царском-то,
 А и как во той ли всё в полаты-то во грановитою
 А и вот сидел, сидел ведь князь-от, князь Александр-от
 свет Данилович,

- А и по фамилии-то всё же князь, да всё князь Меньшиков;
 А и как другой-от всё сидел да всё-от с ним же был,
10. А ишше с ним-то был ведь всё же шут Балакирёв.
 А и они сперва-то разговор вели весёлой всё,
 А и когда кончили дела, хотели вон йитти,
 А и как ведь шут-от ведь тогда говорил такі речи:
 «А и ты скажи, скажи да мне же всё, Данилович,
15. А и сколько умных у нас людей же есь во Питери?»
 А как ведь князю-ту ведь и всё же тут Меньшикову,
 А и как ведь Меньшикову-ту князю Александру всё
 Даниловичу,
 А и за обидушку велику-ту показалосе,
 А и вот разгневалсе на него же князь ведь Меньшиков,
20. А и он сказал, сказал Балакирёву таковы слова:
 «А и как тибя же, шута, смешнё во свети нет негдѣ!»
 А и как Балакирев на эти слова разгневалса,
 А и что розгневалсе же он тут, ростреложилсе.
 А и когда ушол-то вон йиз той ли йиз полаты князь-от
 Меньшиков,
25. А и из полатушки йон вышол (и)з грановитою,
 А как возговорил тогда ведь всё тогда Балакирев:
 «А и отнешшү тебе я шуточку немалую,
 А и ты узнашь миня опять, шута Балакирева!»
 А и как Балакирёв вот шут да всё же знал про то,
30. Он ведь знал про то, что у царя Петра Алексевица
 Завтро пир будѣт для всех у его во Питери
 Во дворцы ли всё в его да в государском-то,
 На пиру будѣт сидеть да князь же Меньшиков,
 Князь-то Меньшиков ведь будет Алексан(др) же всё
 Данилович:
35. «Позовѣт на пир миня же царь, Балакирева».
 Как пошол тогда Балакирев из полаточки грановитою;
 Постречалсе с ним ведь тут же вот и сам же царь,
 Как ведь сам-от царь ведь Пѣт(р) же Алексевиць-от,
 Он ведь стал со Балакиревым разговаривать:
40. «Ну ведь как у вас дела сегодне шли с Даниловичом?
 Вы ведь всё ли спорили с ним или не спорили?
 Разошлись ли вы же всё же по хорошему?»
 «Не совсем же, Алексевиць, по хорошему!
 Я ведь слышал про тибя же, Алексевиць-от,
45. Что у тибя-то завтро всё же будѣт почесѣн пир?»
 Отвечал-то царь ведь Пѣт(р) же Олексевиць тут:
 «Да, верно, будѣт пир у мя, Балакирев.
 Приезжай же ко мне на пир да со жоной своей!»
 «Я хочу у тибя попросить же позволеньица,
50. Позволеньица мне-ка дай же, Алексевиць, всё:
 Я хоцю-ту быть царѣм да всё над мухами!
 Заумею ли, Олексевиць, я царѣм сидеть,
 Вот царѣм-то сидеть, да как дела вести?»
 Усмехнулсе тогда царь же Пѣт(р) да Алексевиць тут:
55. «Ты, наверно, опять, Балакирев, наштутишь-то?
 Все со старого до мало(го) будут насмехатисе над тобой же
 всё».
- «Ну, да твоѣ слово, всё твоѣ всё же слово царьскоѣ,
 Оно назад-то никогда же не ворочаетса —
 Как ведь сказано, так ведь будет всё!

- Э и князь вскричал: «Ето што тако беззаконіе?»
110. А и ты с чего же, шут, драку-ту заводишь тут?»
 А и как Балакирёв тогда князю говорил-то:
 «А не виноват я в етом всё же есь, Данилович, —
 А и ты спроси-ко-се об етом Алексевиця!
 А и как ведь мне-ка Алексевиць разрешил же сам,
115. А и разрешил-то он же сам, штоб мне быть царём,
 А и мне-ка быть царём, штобы судить штобы над мухами.
 А и иише все-те миня мухи севодни послушались,
 А и все во смирности сидели, все же кротко-то;
 А и как одна же вот миня же не послушалась,
120. А и улетела, села к тебе, Даниловиць, на головушку, —
 А и тибя она не кусала штобы головушки,
 А и сделал я-то ей за то же наказаньицо,
 А и я укоротал я за то ей веку долгого,
 А она не будет лететь по царьским-то по столикам,
125. Э й она не будет болё по гостям, по вас, сидеть же всё!
 А и хорошо бы я ведь сделал тебе, Данилович, —
 Э и теперь кушай-то на здоровьицо, сколько надобно». —
 Э и все ведь гости-ти у царя же россмехнулись,
 А и Меншиков ведь понял насмешку всю Балакирева,
130. А и ничего он не сказал, только тяжело (в)здохнул.
 А и той старинушки тепере у нас конец пришол.
 А и што ведь славному нашему морю Блотийскому,
 Вот ему же всё на тишину на великую,
 А как реки Невы на чесь, на славушку великую,
135. А и как Невы-реки ведь чесь-слава великая,
 А и нашему всему-ту народу советьскому на послушаньицо,
 А и от них вперед пойдёт всё на пропеваньицо.

№ 127. ЧЕРНЫШАХ ЗАХАР ГРИГОРЬЕВИЧ

- А и как не вёшна вода да разливаласе,
 Как ведь сила-та шла-прошла великая,
 Вот велика сила шла же всё турецькая,
 Как ведь сила прошла йхна, всё же армия,
5. Шла ведь армия, турецька коньска гвардия.
 А и на великой день же было всё на середу,
 А и на несчастну-ту было всё на пятницу
 А и злы-ти турки ведь и все они напивалисе,
 А и вот допьяна да пьяно напивалисе,
10. А и во хмелюшечки-то все они веселё они похвалялися:
 «А и мы идём, идём, прошли-зашли в земелюшку,
 А и мы зайдём-зайдём во славну во русьскую,
 А и вот от ней жо мы пройдем на славну ту на Неву-реку,
 А и вот от ней-то мы пройдем да в славну матушку каменну
 Москву,
15. А и все соборы, церквы божие разрушим мы,
 А и золоты ихны кресты да и все соймём же мы,
 А и как светы йихны йиконы-ти на мосты смостим,

- А и как завладам же мы Москвою да славной белокаменной,
 А и государя-та царя Петра Алексевича
20. А и во полон возьмём к себе да в асаулы-те,
 А и заберём-то все ведь ведь русьския¹.
 А и как по гёту вот пору́, вот во времечко
 А и у нас ездил-то, ведь и ездил всё разгуливал
 А и как дородней-от, дородней-от ведь и доброй мóлодец,
25. А и енерал же у нас-то всё же светорусьскоё,
 А и Чернышав-то у нас ездил-то Захар, Захар Григорьевич.
 А и он считал, считал ведь и всё силушку, пересматривал, —
 А и силы-то много-то нашло же тут турецкою,
 А и у султана всё же силы-то прибавляется.
30. А и услышал-то енерал-то наш Черной шах Захар Григорьевич,
 А и услышал-то — всё говорили ведь и войско турецкоё:
 «А и скоро-скоро мы пройдем горы высокои,
 А и вот высокои-ти ведь и горы ли Платавские,
 А и тогда пройдем-то мы, проедем на светую Русь,
35. А и на светую Русь заедем, в каменну́ Москву,
 А и мы разрушим-то, разобьем соборы, храмы божия,
 А и сострелям возьмём же кресты золочёные,
 А и как храмы-ти, соборы, церквы божия
 А и вот займём, займем ведь мы же под конюшни-ти,
40. А и ведь светы́ йихны иконы на мосты смостим,
 А и как прекрасны йихны сады же с виноградами,
 А и вот со разныма же ведь и со растеньями
 А и вот потолим же всё-то, сады да все водой зальём».
45. Чернышав Захар Григорьевич,
 Поперёк словó сказал, платком слёзы обтирал:
 «Не бывать же вам, злодеям,
 В нашей каменной Москвы,
 Не стрелять же вам, злодеям,
50. Золотых наших крестов,
 Не царить же вам, злодеям,
 В нашей матушке каменной Москвы».
 Вот пошла-то велика́-та драка-то кроволитная;
 Долго билисе-боролисе со султаном всё турецким-то.
55. Как салтан, царь турецкой-от,
 Бился, бился да боролся он же сам же всё.
 Как во ту пору́, во то время
 Привелось шпиёном ехати
 Генералу светлорусьскому
60. Чернышаву-ту Захару Григорьевичу;
 Он объехал войско турецкое,
 Обсчитал-то всё войско турецкоё.
 Вот заметил сам турецкой царь,
 Сам турецкой царь, да всё солтан же,
65. Приказал да всё забрать его.
 Тут забрали добра мóлодца,
 Они запугали во лутыни в шелковыи,
 Как задёргивали во арганы во железные.
 Приказал-то тогда турецкой царь да увезти его
70. Да во свой город от славнотурецкой-от,
 Во турецкой-от да столичной-от велел же всё,

Этот стих сплет невнятно.

- Да засадил-то его в тёмну-ту тёмницу,
 Да во злодеюшку в заключебную,
 Да за замочки-то заморьские,
75. Да приставил к нему да караульщичков
 Да очунь строгих-то,
 Не давали-то да воні ёму кушати,
 Как морили смертью голодною.
 Как узнал-то, узнал да про то русьской царь,
80. Как ешшо русьской-то царь Пётр да Олексевич вон,
 Россылал-то он скоро силу-армию;
 Да сила всё-то же везде ведь переездила,
 Они везде-то, везде искали-то его,
 Да не могли-то его негдѣ найти,
85. Подумали, что погубили его,
 Да вот погублен да всё сказнѣн же он.
 Затужил-от тогда да наш ведь русьской царь,
 Да ешшо русьской царь Пётр-от Олексевич млад.
 И шла та война, война турецькая,
90. Она не много, сказать, не мало-то:
 Она шла-то, ведь шла ровно пятнадцать лет.
 Да победили землю турецькую,
 Победили землю турецькую да всё солдаты-ти славны русьския,
 Все ти славны русьские.
95. Да как самого салтана, царя турецкого,
 Да при войске не случилось,
 Да как всё был-то ведь тут любимой-от сын, наследник
 турецькой-от,
 Как ведь тут-то ведь турецькой-от.
 Да ведь всё турецько да ведь ихно войско-то
100. Да всё пьяно допьяна напивалосе,
 Напивалосе, свалилосе, со хмелюшечки свалилосе.
 Славно русьско тут да славно войско-то,
 Как солдатушки новобранные,
 Окружили-то турецько всё ведь войско-то, —
105. Они начали тогда ведь бить-рубить.
 Да прирубили-то всю же силушку,
 Да всю же силушку-то всё турецькую;
 Да пьяны турки-ти все растерялисе,
 Побежали-то воні все в побег,
110. Как за ними-ти русьские гнались
 Да их ведь били-то, всё рубили же.
 Услышал-то ведь всё салтан, ведь всё же царь,
 Да салтан ведь, царь турецькой он,
 Он немного-то разговаривал,
115. Да сам пошел-то он со силой-армеей, —
 Увидал-то, что вся йизбита всё,
 Да вся избита-та сила-армия,
 Вот турецька-та коньска гвардия.
 Да рассердился-то тут турецькой царь,
120. Да всё турецькой-от царь, да всё солтан же сам.
 Он ведь начал-то всё вот битисе,
 Да ишшо битьсе-то стал, боротисе.
 Сколько-то, сколько он не бился, царь,
 Да он не мог-то победить же всё
125. Да русьского славна войска-то.
 Русьски солдаты-ти, были они очунь бойкие,

- Да ведь они билисе-то, всё боролисе
 Да победили солтана турецкого,
 Разорителя светлорусьского.
130. Увидал-то ведь царь турецкой-от,
 Да всё турецкой-от царь, солтан же сам,
 Видит, видит — дела-ти идут да нехорошия:
 «Да растреложилсе славной русьской царь
 Ишшо Петр-то да Алексеевич,
135. Да со своей ли вот силой-армией,
 Да ешшо-то вот с конской гвардией,
 Он пройдёт-то, проедет всю ведь Турцию
 Да разорит ведь всю землю турецкую,
 Не оставит-то силушки-те на сёмена!»
140. Тут садилсе да всё султан турецкой-от,
 Да он садился-то всё да на добра коня,
 Он поехал-то в русьско-то славно войско
 Как к тому ли царю ко русьскому
 Ко тому ли ко Петру-то сыну Олексевичу.
145. Он приехал-то к царю, низко всё, да вот низко кланелсе,
 Он просил-то ведь миру, замиритисе:
 «Да вот плачú, плачú-то да дани-пошлины,
 Да сколько вам-то ведь только надобно!»
 Померылся-то тогда русьской царь,
150. Да ишшо русьской царь да Пётр Олексевич он;
 Тут ведь сделали мир с солтаном-то,
 Да ведь с салтаном, царём турецким-то.
 Тут ведь стало-то всё же войско-то,
 Да стало войско расходитисе,
155. Да как ведь славно-то, ведь и славно русьско войско-то,
 Да славно войско, сила-армия,
 А ишшо та ли ведь коньска гвардия,
 Да как пошла, да пошла же она да на светую Русь,
 Да на светую-ту Русь, да в каменну Москву,
160. В Питенбурх-от она, да в славной город всё.
 Как турецка-та сила-вармия,
 Да она пошла-то в землю турецкою.
 Как сидел-то, сидел да доброй мóлодецъ,
 Доброй мóлодецъ, генерал же наш.
165. Генерал-то ведь Чернышах-то от,
 Да Чернышах-то Захар Григорьевич,
 Он сидел-то ведь три-то годичка,
 Да без дверей сидел, без окошек гон.
 Привелось-то мимо ехати
170. Да самому-ту царю турецькому,
 Разорителю светорусьскому.
 Во ту пору, во то времечко
 Прирасплакалсе енерал же наш,
 Прирастужилсе, говорил же он,
175. Да во словах-то песню выговаривал:
 «Ты, талань, ты, талань моя бесчастная,
 Да пала участь моя горе-горькая!
 На роду ли така участь досталасе же?
 Да в жеребью ли мне всё выпала?»
180. Уж ты гой еси, царь турецкой-от,
 Да всё турецкой-от царь, салтан же сам,
 Почему жо миня да приказал губить?

- Да ты моришь-то смертью голодною?
 Прикажи-ко-се, царь, поить-кормить
185. Всѣ-то пищей хорошою!
 Не прикажешь ты меня поить-кормить,
 Да ты спусти-ко меня на волю вольною!
 Как не спустишь меня на волюшку,
 Да прикажи-ко скоро сказнить миня!
190. Э узнат, да узнат про то русьской царь
 Да Пётр да Олексевич всё же он,
 Розволнуется тогда наш русьской царь, —
 Он пойдёт-то, пойдёт да с силой-армией,
 Вот повыручит миня, добра мѳлодца,
195. Дѳбра мѳлодца из неволюшки».
 Тут стоял-то салтан, да царь, выслушивал,
 Приказал-то царь принести, да принести-от, царь-то, золоты
 ключи,
- Отмыкал-то он всё тѳмну, да тѳмну тѳмницу,
 Выпускал-то тогда да добра мѳлодца,
200. Енерала он да слѳвна русьского,
 Чѳрна-та шаха-то всё Захара,
 Да всё Захара да всё Григорьевича.
 Посадил-то он его в колясочку,
 Да в коляску свою во царьскую,
205. Вот повѳз-то его во свой дворець,
 Заводил-то его в палаты свои во царьския,
 Вот садил-то его на стул же рыта бархата,
 Как за столички садил же за точѳныя,
 Да за точѳныя золочѳныя,
210. Как за те ли за всё кушанья за разные,
 За напитокки разные заморьския.
 Вот поил-то, кормил салтан, турецькой царь,
 Он ведь месяц ёго пѳры-времени;
 Церезь месяц салтан да спровожал его,
215. Спровожал-то его да на светую Русь,
 На светую-ту Русь, да в каменнѳ Москову,
 Он давал, да давал ему добра коня,
 Конь тут убран был да в золотой убор,
 Выдавал-то плѳтьѳ, да плѳтьѳ новое,
220. Плѳтьѳ новое ёму енеральскоѳ,
 Он давал, давал много на дорожечку,
 На дорожечку золотой казны.
 Тут поехал-то енерал же наш,
 Енерал-то светлорусьския,
225. Чернышах-от Захар Григорьевич;
 Когда приехал-то енерал же наш
 Да как во матушку каменнѳ Москову,
 Да как стречал-то, стречал-то да наш русьской царь,
 Да Пётр стречал да Алексевич вот,
230. Целовал-то его в уста сахѳрныя,
 Он ведь брал его да за правѳ рукѳ,
 Уводил в свои палатушки во царьския,
 У йих пошел тут разговор да тут ведь разной-от.
 Енералу-ту славному русьскому,
235. Чернышаху-ту Захару Григорьевичу,
 Ему поют-то славушку, чесь великую,

Все от старого до малого,
 Про енерала слáвна русьского,
 Про Чернышаха-то Захава Григорьевича.

*На Терском берегу много ходило с Петром солдат и знали
 всех генералов. Старики говорили, что Чернышав или Черны-
 шав был из Персии родом,—Пётр много брал к себе на службу
 из чужих земель).*

№ 128. ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

- А и как не стало тут у нас красна солнышка,
 А и как не стало у нас луны тут поднебесною,
 А и как не стало у нас зори-то, зори утренней,
 А и как не стало у нас царя вот православного,
 5. А и православного царя Петра Алексевича,
 А и Олексевица царя Петра, да Петра Перьвого!
 А как узнали про то все цари, царици,
 А и короли-ти всё же, королевичи,
 А и они зачели тогда же собиратисе,
 10. А и собирать-то гóни начели силу-армею,
 А и силу-армию-ту начели, коньску гвардею;
 А и как скопилось тут ведь и силы-то, силы много-то,
 А и только во тайности-то шла сила неизвестная,
 А и как ни знали — какой земли, какого города.
 15. А и как на царьсви у нас да всё не царь царил,
 А и вот не царь-от всё царил да не король корóлил,
 А и корóлила-то царица благоверная,
 А и благоверная цагарица православная,
 А и ешше та ли Катерина-та Алексевна же,
 20. А и красатой она была очунь прекрасная;
 А и без царя она царила без Петра же всё без Перьвого,
 А она царила без его да ровно три годá,
 А и по хорошому же шло да всё на царьсви-то.
 А и но, конечно, уж не царь сидел, не сам царил,
 25. А и все дела-ти мудры́ были во чужих руках,
 А и как ведь и все были разны тут кнэзья-бóеры,
 А и были графы-ти, сказать, да графы разные,
 А и как руськи-ти ведь и графы были, немецкия —
 А и вот одны́ так-то вот царили, дру́ги и́нако.
 30. А и вот прошла-та ета славушка по всем землям,
 А и вот по всем она землям, по всем по гóродам.
 А и пушше всех-то ростреложилсе король шведьской-от,
 А и король швецкой, сам пошел войной же он,
 А и он задумал-то забрать же да Петенбург-гóрóд,
 35. Петенбург-гóрóд взять да со Невой-рекой,
 А и со Невой рекой взять и со Васильёвским славным островом,
 А и как со гаванью взять со всей корабельнёю, —
 А икак тогда-то ведь не мýдрено б́удёт взять же
 каменну́ Москву.
- А и как не вёшна-та вода тут разливаласе,

40. А и как ведь и сила-та ведь швецька тут показаласе,
 А и как пришли-то всё чернены йихны караблы,
 Э и как нашло-то много силушки и гармии,
 А и вот наехали ведь много-то коньской гвардии.
 А и ужахнулась тут царица-та православная,
45. А и православная царица Екатерина-та доць Алексеевна,
 А и вот слегла, слегла вона же во постелечку,
 А и розболелась вся она же, рохвараласе,
 Э и вот сама-та таки речи возговорила:
 «А и вот не дай бог, да оставатьсе да без царя же всё,
50. А и без царя-то всё, без главного управителя,
 А и без Петра-то мне без государя-та Алексевиця!
 А и в три-то годицька прошло же много времени,
 А и показалосе мне кабы времецько всё за ноценьку,
 А и всё за ноценьку показалосе мне за тёмною,
55. А и золотой-от стул-от царьский присиделсе мне!»
 А и распечалилась, розболелась тут царица-та,
 А и тут ведь и горюшко в Петенбурхе стало тут немалоё.
 А и как ведь и был преводитель очунь сильней тут,
 А и очунь сильней преводитель, очень мўдреной,
60. А и он пришол, пришол в полату-ту в царицину,
 А и от пришол же, сел к ей ведь и сел же ко кроваточки,
 Ко кроваточки-то сел он ко кисо́вою,
 А и ко периночки он сел же ко пухо́вою:
 «А и не тужи-ко ты, царица-та благоверная,
65. Ишше та ли Екатерина Галексеевна!
 А и нынь не нужно печали же предаватьсе-то,
 А и ты полóжи ту всю свою ету трелогу-ту!
 Вот молись-ко самому-ту спасу́ пречистому, —
 Господь милось-то ведь даст, дак даст оборонушку.
70. Мы поставим-ко во фронт да силу-армею,
 Силу-армею поставим, полжи Преображеньские,
 Приображеньские полжи у нас могучие,
 Тут солдаты-ти у нас как вот богатыри,
 Как богатыри у нас будто пресильние,
75. Будто рыцери у нас да очунь сильние.
 Когда пройдут полжи у нас сла́вны Преображеньские,
 Тогда нужно ведь нам выдвигнуть Семеньские,
 Как тогда-то ведь нужно выдвигнуть Петропавьские, —
 Как ведь ета сила у нас верная,
80. Во делах у нас же всё догадлива.
 Я ведь думаю, царица, победим врага,
 Победим-то мы врага да всё спасём же славной Питенбург,
 да славной город свой,
 Отстоим-то мы да сла́вну каменну́ Москву!»
 Как царица-та тогда поклоняласе,
85. Со периночки, со кровати-то ставала же,
 За дела свои за царьски принималасе.
 Вот пришли когда ведь силушка сла́вна шведьская,
 Как король-от пришол да шведьской сам с войной,
 Как ведь сын-от ёго же позади-то шол.
90. Вот писал король, да всё король шведьской-от,
 Вот писал же король да скору грамоту,
 Скору грамоту писал да скорописцету,
 Не на простенькой писал бело́й бумажочки,

- Вот писал-то всё король да красным золотом:
95. «Уж ты ой еси, царица благоверная,
 Благоверная царица, скажом, руськая,
 Ты, сопруга-та царя же Петра Перьвого,
 Петра Перьвого супруга Олѣксевиця!
 Я пишу тебе, король, да таку грамотку:
100. Как пришол-то я, король, к тебе с войной суда,
 Как во перьвых-то я тебе да пишу грамоту, —
 Поделись-ко городами ты по желаньицу,
 Ты отдай мне-ка Питенбурх-от, славной город тут,
 Как со матушкой отдай да со Невой-рекой,
105. Со Васильѣвским отдай да славным островом,
 Как со пристанью отдай да с корабельнёю.
 Тогда дѣговоры подпишом не воевать же всё,
 Не воевать некогда, да быть дружьями жить;
 Как вам-то оставаецса каменна Москва,
110. Каменна Москва со Киевом, с Казанью-то, как со Новым градом.
 А как во вторых-то я пишу да скору грамоту, —
 Тибя сватаю, йнператрица Екатерина-та,
 Екатерина ведь, сватаю, Алексевна свет,
 За своѣго я за сына за любимого,
115. Ты поди, поди за сына-та за любимого».
 Отсылал-ту скору грамоту со своима со солдатами.
 Как пришли его солдатики премладые,
 Подавали Екатерины-та скору грамоту.
 Тут брала, брала Екатерина-та Алексевна,
120. Вот читала она ведь и скоро ету грамоту,
 Тут хотела вона сильнѣ-то расплашась;
 Говорил-то ей преводитѣль-от славной руськой-от:
 «Уж ты ой еси, царица Екатерина дочь Олѣксеевна,
 Не тужи-ко ты об етом, не треложь-ко-се, —
125. Надоть восстать-то тут на мудрости великия.
 Ты пиши-ко-се от сибя да скору грамоту,
 Скору грамоту пиши да скорописцету,
 Ты зови-ко-се да чостуй короля-та, братцы, шведьского:
 «Дѣбро пожаловать, король, да король шведьской-от,
130. Приежжай-ко ты во мой дворець во царьской-от,
 Во полаты приежжай же ты во царьские,
 Вот попить-то ко мне да всё покушаты,
 Во игры-ти поиграть да всё во шахматы,
 Как во все же всё йигры же вот немецькие,
135. Во забавы-ти во разны деревеньские».
 Она писала-то, написала рúкой правою,
 Написала-то гонá вот, запечатала
 Как за те ли печати золочёныя,
 Отсылала-то она ведь скоро королю-то всё же шведьскому.
140. И вот пошли-то как ее же слуги верные,
 Слуги вѣрны, генералы с офицерами,
 Как солдаты-ти пошли же новобраные,
 Заходили тут они во шведьски лагери,
 Подавали королю да скору грамоту,
145. Подавали королю да гони шведьскому,
 Вот ведь шведькому они же всё, немецькому.
 Как король-от ведь как шведькой не водин сидел,
 Не один сидел, с королём-то сидел с пруським-то,
 Они вели, вели ведь тайны переговоровики;

150. Кагда зашли же все солдаты-ти ведь руския,
С офицерами зашли же, с енералами,
Пренимал тогда король, да король шведьской сам,
Роспечатывал он грамоту, прочитывал,
Со весёлою улыбкой рець говóрил-то:
155. «Очунь рад-то я такому приглашеньицу,
Как спасибо вашой царицы православною,
Православною царицы, жаны́ Петра Перьвого,
Петра Перьвого Олексеви́ча!»
Тут возрадовалсе король шведьские,
160. А и он писал-то вот тогда да скору грамоты,
А и вон отписывал царицы, скорой ответ же дал:
«А и я заеду вот, царица же благоверная,
А и благоверная царица православная,
А и очунь рад же я с тобой вот повидатисе,
165. А повидатисе с тобой я, познакомитьса!»
А и когда-то отходили ее солдатики,
А распрошщались генералы со афицерами,
А и они пришли же скоро, скоро в Петенбурх же град,
А и они передали-то скору грамоту
170. А как царицы-то Екатерины Олексеевны.
А и прочитала тут царица-та православная,
Началá-то тут царица тут приготавлиатисе:
Приготовили они наразно кушанья,
Э и приготовили-то водочки-то ведь разные;
175. А и вот ведь разные-ти водочки иностранные;
А и тут царица-та ожидать стала́ гостя всё к себе,
А и гостя всё к себе, короля же стала́ шведьского,
А и вот шведьского-то стала́ она, немецького.
А и через трóи-ти ведь сутки по́ры-времени
180. А и вот приехал-то ведь и гось, да король шведьской-от,
А и как приехал с ним король, король ведь пруськой он.
А и как сречала-та царица-та православная,
А и как сама была годелась в дорогом-то была в платьи
золочёном-то,
А и в золочёном была платьи со драгима-ти со каменными,
185. Э и в земцю́ была гонá же, в брелиянтах вся.
А и пошло у йих тогда же пированьицо,
А и розвеселился король шведьской-от,
А и гон гостил гу ней да трóи суточки,
Э и как прельстилсе на красоту ее,
190. А и на красоту же ее женьскую, —
А и хотел сватать-то ей за сына за любимого,
А когда увидел гон красу такú пречудную,
Он ведь и сам на то прельстилсе же,
Он ведь, гон ведь за́чел сватать за сибя же он:
195. «А и ты поди, поди, царица православная,
А и православная царица благоверная,
А и ты поди-ко, Екатерина дочь же Алексевна-та,
А и сдай-ка город Петенбурх же мне,
А и мы ведь будём то́гда всё царить!»
200. А и говорила тогда царица-та благоверная:
«А ето всё-то дело гу нас же всё вот сладитса,
А и дело сладитса гу нас же, будёт всё по хорошему,
А и я пойду, король, за тебя же во замужество —
А и у тибя, у короля, нёбось, жэна жива?»

205. А и у нас законы-ти ведь есь всё из Россиюшки:
 А и у жива́ мужа́ жена́ же вот никак нельзя́ же взять.
 А и у тибя́ жа, у короля́, жона́ ведь есь своя́,
 А вона́ есь у тя, ведь всё семья́.
 А и отве́чал тогда́ король, да король шведьской он:
210. «А уж ты ой еси, царица-та православная,
 А уж православная царица Петра Перьвого,
 А и йинператора́ была́ славна́ российского,
 А и скажу́ тебе, царица, правду сушшую;
 А и хошь пошли ты своих людей во Швецию,
215. А и пу́шшай съездят-то вони́, там розузна́ют всё, —
 А у мя, три годá как не йимею королевы я,
 А и помёрла моя королева ровно три годá.
- А и не хотел-то я же, король, боле́ женитисе,
 А я хотел-то поженить сына́ любимого, —
220. А и как увидел-то тибя, царица благоверная,
 На красоту твою же я прельстился тут,
 Я хочу, хочу тепере поженитесе.
 Хошь в Питенбурхе будём жить, хошь поедем со мной во
 Швецию,
- Вот во Швеции-то будёшь жить королевою!»
225. Пировал-то король шведьской целой месяц тут.
 Тем ведь временём войско славно русское, —
 Преводитель тут да ведь был да всё премудрой-от,
 Приказал-то тут ведь силушки сготовитесе,
 Вот собрали они полки славны́ солдатские,
230. Вот содвинули ведь всё же силу-армию,
 Вот собрали-то, направили силу-коньску гвардию, —
 Тут не вёшна-та вода тут же розливаласе,
 А славна́ армия, солдаты приближалисе,
 Подъехала ведь и сила-коньска гвардия,
235. От напали они на силушку на швецкую,
 Они начели-то силушку рубить тогда.
 Как ведь швецкая-то силушка здробела тут, —
 Приказаньца йим нету, не приказано.
 А королевичь-от ведь млад да не посмел же он,
240. Не посмел-то он ведь выехать да силушкой же выступить.
 Когда поехал-то король, да король шведьской-от,
 Когда поехал тут король, да тут король да всё немецкой-от,
 Они приехали по ла́гери в свои когда,
 Уж когда начели вони́ да скорой бой дёржать.
245. Как ведь руско славно войско обошло кругом,
 Подоспели-то полки, скажем, Петропавловски,
 Подоспели-то полки, скажем, Семенския,
 Вот подъехали полки, полки Преображеньския, —
 Как ведь швецко-то ведь войско ростреложилось,
250. Ростреложилось оно жо всё, разбилося,
 Побежали они, прочь же отступили-то,
 Убежал-то тут король, король ведь шведьской сам,
 И уехал-то у его да сын любимой-от,
 А как король-от всё немецкой ушел на караблях.
255. Когда во Швецию скорó евилисе,
 Народ-жонки-ти, ведь бабы, на йих розгневалисе,
 Короля-то ведь хотели убить коромыслами,
 Коромыслами-то хотели убить, хотели ве́драми:
 «Как зачем ты, король, король ведь шведьской-от,

260. Уж ты, шведьской есь король, да был немецкой-от,
 Вы не дело исполняли, не дела вели!
 Вы ведь только вот во горэди Петенбурхи-то
 Пи ровали вы сидели, столовали-то,
 (И)з-за красоты-то вы царицы славноруською
265. Проиграли всю ведь силушку свою, войсько,
 Потеряли всю свою же коньску гвардию!»
 Все со старого до малого над нима насмехалисе.
 Королю-то тут ведь швецькому за беду пришло,
 За великую насмешку показалосе,
270. Как не мог стерпеть король такой обидушки, —
 Он ведь принел-то ведь скоро себе отраву-ту,
 Тут преставилсе король швецькой не старой-от.
 Как немецкой-от король, да гон уехал-то,
 Утубрал всю ведь силушку свою же он;
275. Много силушки его было побито-то.
 Как царица-та ведь тут же православная,
 Православная царица благоверная,
 Как на такой-те всё на радости великою
 Как служила она службу со молебными,
280. Как она пиры-ти тут весёлы приговорила,
 Тут открыты солдатам были разны лавочки,
 Как открыты-ти йим царёвы больши кабаки,
 Тут дарила она йих да красным золотом,
 Красным золотом дарила, чистым серебром,
285. Как солдатов-то капралами она сделала,
 Как капралами она же всё, полковниками,
 Вот полковниками многих же, майорами.
 Той старинушки всё же у нас да всё конец пришол.
 Как ведь синёму-то морюшку на тишину,
290. Как Невы-то всё реки на чесь, на славушку великую,
 Как всему нашему народику советьскому на послушаньицо,
 Как от них пойдёт вперед на пропеваньицо.

№ 129. ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

- И как у нас же было в Петенбурге, да в славном городе,
 А и во дворци-то было, да скажем, государиськом,
 А и как во той во палаточки грановитою
 А и как на стуле-то сидел да рыта бархата,
5. А и на ковре-то он сидел на заморьском-то,
 А и вот сидел, сидел премладый-от наследничок,
 А и ешшо это Павел всё сидел да Олексевиич млад;
 А и он писал, писал сидел скору грамоту,
 А и скору грамоту писал не по простой-то беленькой бумажечке,
10. А и он писал, писал сидел по рыту бархату,
 А и он писал сидел етим перышком гусиным-то.
 А и он писал-то ету грамоту красным золотом,
 А и он писал-то ету грамотку про целу армию,
 А ишшо про коньску-то про славно, славно гвардию.

15. А и про полки-те вон писал славны́ солдатские,
 А и как писал, писал про матушку всю Россиюшку,
 И как про всю ту сла́вну земелюшку да сла́вну русьскую,
 А про города-те он писал да славно-русские,
 А во первых писал про сла́вну нашу матушку каменну́ Москву,
20. А во вторых писал про Питербурх, да славной город он,
 А и вот писал, писал про Нов же град, про Киев он,
 А и вот писал, писал про сёла же все, писал про деревенки.
 А и как ведь вот прошло тому же по́ры-времени
 А и как прошло-то всё ведь и трóи-тэ, трóи сутоцьки,
25. А ищо не тёмна́-та туча ведь накаталасе,
 А и велика́ же тут гроза солучиласе,
 А и zvolновалась земля, братцы, турецкая,
 А и вот турецкая земля, да, скажом, Турция,
 А и zvolновался ведь сам ведь царь, да ведь султан ведь вся,
30. А и собирал-то и скоро да всю свою армию;
 А и у султана-то, у царя же всё турецького,
 А и силы много у султана оказаласе,
 А и вон пошол, пошол войной да на светую Русь,
 А и он ведь шол и шол, собака же немилóслива,
35. А и он хотел, хотел зайти да же в сла́вну, сла́вну матушку да
 в каменну́ Москву,
 А и вот хотел забрать, забрать да каменну́ Москву,
 А ведь сам ведь царь, да всё салтан, да похвалялсе,
 А и похвалялсе да говóрил таковы слова:
 «А и я зайду, зайду да во прекрасной город да каменну́ Москву,
40. А и все я божьи ети соборы да церкви вот под конюшни займу
 стоялые,
 А ведь я смахну, смахну ведь ихны золоты кресты,
 А и я светые ихные иконы на мосты смошу,
 А и как прекрасны ихные сады, сады зелёные
 А и ищо с тема со прекрасныма со фруктами со разныма
45. А и потоплю-то я вода́ми, водой залью же их!»
 А и привелось-то тут наследничку премлáдому,
 А и как тому ли всё ведь Павлу-то Петровичу,
 А и скоро, скоро-то ему собирагисе,
 А и в путь-дорожечку ему же отправлягисе,
50. А и во путь-дорожечку ему, да на войну итти,
 А и на войну ему итти да в битву кровавую.
 А и скоро, скоро млад-от наследничек отправился.
 И вот пошла, пошла же сила-армия,
 Сила-армия да пошла же сла́вна русьская,
55. А и вот поехала и вот по ём коньска гвардия.
 Да не две тучи-то тёмных вот сходилосе,
 А и тут не две всё же зорюшки подымалосе,
 А и как одна всё же зоря же была утренна,
 А и зоря утренна да была да очень явственна,
60. А и вскоре-то всё зоря, зоря вечерняя,
 А и вот вечерняя же заря да очень тёмная;
 А и заря утренна была — да сила-армия сла́вна русьская,
 А и зоря вечерняя тёмна — сила турецкая.
 А и вот сошлось, сошлись эти силушка со силушкой,
65. А ведь как и мать сыра́ земля потресаласе,
 И из морей, из рек вода же розливаласе,
 А и как Москва-река да с Невой да сколыбалисе.
 А и тёмны лёса-ти, лиса́ все пошаталисе,

- И птицы все же по поднёбесью разлетелись,
 70. А и все куницы-те, лисицы ушли по островам,
 А и все медведи-ти чёрны, волки сёры убежали же,
 А и убежала далеко да во темны леса,
 А и рыба-щука ушла да в моря, моря глубокие.
 А и вот пошла, пошла ведь и битва тут великая,
 75. А и они бились-боролись они не день, не два.
 А и вот не день, не два, не три они,
 А и как ведь бились-боролись три-то годичка,
 А и три-то годичка да боролись и три-то месяца.
 Много-много было-то силушки турецкою, —
 80. А и ясну соколу-ту не облететь будет,
 А и как майорику не объехать на добром кони.
 А и но как славна, славна силушка ведь русьская,
 А и очень бойко тут бились от солдатки,
 А и вот побили-то, побили силу-ту неверную,
 85. А и вот неверну-ту силушку турецкую,
 А и как салтан-от, царь ведь и всё же вот турецкой-от,
 А и он просил, просил ведь и миру, помиритисе,
 А и вон платил, платил ведь и всё же дань ведь, пошлину.
 А и как война, война да шла же под конец тогда.
 90. А и как ведь тот ведь всё премладой-от наследничек,
 А и ведь премладой-от наследничек Павел-от Петрович-от,
 А ведь он оделся, оделся да во платицо во прбстое,
 А и он во прбстое во платицо солдатское,
 А и вот пошел, пошел ведь он да всё солдатиком,
 95. А ведь проверять-то шол полки свои солдатские,
 А и ишло верныи солдатские новобранные:
 «А ишло нет ли где, — он думает, — изменушки?»
 А и много, много обошол полков солдатских,
 А и обошол-то, обошол полков солдатских всё,
 100. А видит, видит всё — как нет нигде изменушки,
 А ведь везде верность есть да справедливо всё;
 А и он хотел итти во лагери в свои же он,
 А и вот заметил он одного он солдатика,
 А и на часах-то стоял солдат да слезно плакал он,
 105. А и слезно плакал он, ведь и плакал он, будто река бежит,
 Как река будто текёт, да как Нева шумит,
 А и возрыдал-то громко тогда, будто гром гремит.
 А и пошол-то к нему премладой наш наследничек,
 А ишло Павел ведь и всё, скажим, Петрович млад,
 110. А и обтирал слёзы своим белым платочиком,
 А и человал-то он солдата в уста сахарные,
 А и говорил-то вон ему же таковы речи:
 «А и уж ты ой еси, солдатик молодой же всё,
 А и ты о чём, о чём, солдатик, вот расплакался?»
 115. Аль тебе наскучала, скажом, это служба царьская?
 Аль тебе вот всё война, война великая?
 А и ищо кто же, скажи же, огрубил же?
 А и ищо кто же, скажи, тебя да избидел-то?»
 А и отвечал тогда солдатик вот наследничку:
 120. «А и уж ты ой еси, солдатик премладой-от,
 А и ты одна же вот со мной же в поли ягода,
 А и как не наскучила мне служба, мне вот служба государева,
 А и не наскучила мне война мне-ка великая:
 А и не пиваючи мы же, не едаючи ж

125. А и нам ведь трѳи сутоки ведь мы же по́ры-времени,
 А и мне-ка пить и есть, ведь и кушать, мне не хочется,
 А и в карауле-то стоять — дремать не велено, —
 А и только вспомнил, вспомнил про стороночку,
 А и про стороночку всю я про родимую,
130. А и про своего я отца же вспомнил, матушку,
 А и вспомнил, вспомнил я про своих же бра́тьей, сестрицей.
 А и вспомнил, вспомнил про свою я молодú жену,
 А и вспомнил про своёго я про мла́дого сыночика-то,
 А и про того ли я про ясного соколочика-то.
135. А и он остался он от меня да в колыбеличке,
 А и в колыбелицьке, да и как и скажу же я, во зыбочке,
 А я не знаю про его: живой ли он,
 А и вот живой ли он — ведь он лежит в могилочке?
 А и молода жена, ведь и вышла она в замужество?
140. А и не ожидат-то меня, ведь и мужа-то, с дорожечки,
 А из дорожечки миня, да вот с войны домой?»
 А и как по úтру-то, ведь и было úтру ранного,
 А и по восходу тут же сонця, сонця красного,
 А и призывают-то ведь и мла́дого солдатика, —
145. А и вот во лагерь ведь и ведь его зовёт наследничок,
 А и вот наследничок зовёт да Павел-от Петрович-от,
 А и он по́ложил на его же чин капралом-то,
 А и он надавал ему-то много золотой казны.
 А и через трѳи-то опять же сутоцьки по́ры-времени,
150. А и тогда сделался у них-то скоро скорой мир,
 А и подписался тут салтан да и всё платить же дани, пошлыны;
 А и он ведь звал-то, низко кланелся, наследничка,
 А и как наследничка Павла всё Петровица,
 А и вот в свою-то вон в столицю во турецькую,
155. А, побывать-то всё в турецькой-то столице-то.
 А и как привелось-то всё ведь и ехать младú наследницьку,
 А и он забрал, забрал ведь и силы своей, ведь армии,
 А ведь забрал же силы своей, да всё же коньской гвардин;
 А когда приехали во город во турецькой-ат,
160. А и встречал-то тут салтан, всё низко кланелсе,
 А и заводил-то в свои палаты белокаменны,
 А и вот садил гостей в свои же царьские,
 А и как на то ли всё на (сту́льё) золочёное,
 А и как на те ли ковры, ковры турецькие,
165. А и как за кушанье всё садил за разны за сахарные,
 За напиткицьки все садил за заморския.
 А и вот пошли пиры у салтана вот весёлые,
 А и пировали-то, столовали они вот мясч вот;
 А ишло турецько ведь и всё войско наупивалисе,
170. А и сла́вно русьско-то ведь не пýло же,
 А и вот не пили они сидели, всё выслушивали.
 А и говорил тогда солтан, братцы, турецькой царь:
 «А и у мя много есть ведь и войска турецького,
 А и вот не быть-то моёму войску против вашего:
175. А и ваше войско-то очень есь премудроё,
 А ишло в битвах, в подвигах да очень смелые,
 А и очунь смелые да они же, очень бойкие —
 А как у нас-то всё ведь и войско ведь несмелое,
 А и вот несмелое жо войско ведь, трусливоё!»
180. А и говорил тогда премла́дой-от наследничек,

- А ишо от Павел ведь и всё же от Петрович-от:
 «А и уж ты ой еси, ведь и царь, да всё султан же ты,
 А ведь султан же всё, да скажу, ведь всё турецкой-от,
 А и наше войско да славно все да русьское, —
185. А и хошь видь в воду-ту пошли — да идут на доньшко,
 А ведь на доньшко идут да всё серым камешком,
 А и хошь в огонь ведь пошли — да они в огонь идут».
 А говорил тогда султан же, царь турецкой-ат:
 «А и как земля ваша ведь славная-та руськая,
190. А ведь она названа земелюшкой-то перьвою!»
 А и говорил тогда премладенькой наследничек:
 «А и уж ты ой еси, царь, султан турецкой-от,
 А у тебя высоки всё палаточки всё белокаменны, —
 А прикажу-то я своёму-то солдатику
195. А итти за окошко, ему же я же выскочить —
 Не стойт некоторый за жизнь-от млáдую,
 Он исполнит же моё же приказаньицо».
 А и как солтану же, царю же, эти речи приглянулисe,
 А приглянулисe же и ему, весьма понравилисe;
200. А и он призвал, призвал солдатика турецкого,
 А и приказал-то всё оскать же из окошечка, —
 А и устранился тот ведь солдат ведь-от турецкой-от:
 «А и ой еси ведь, царь же наш-от турецкой-от,
 Ты, султан-от ведь всей державушки турецкой-от,
205. А мне-ко страшно-то из окошечка бросатисe:
 А и я могу, могу убиться-то по напрасному,
 А и вот останется ведь у меня же молода жена,
 А и вот останутся ведь у меня же малы детоцьки!»
 А и говорил тогда премлáдой-от наследничек:
210. «А и уж ты ой еси, солтан же, царь турецкой-от,
 А и отпусти-ко своёго же солдатика!
 А теперь попробуем моёго — что же бѹдет тут?»
 А и он позвал, позвал солдатика своёго-то;
 А и как зашел, зашел солдатик-от славнорусьской-от,
215. Поздоровался со млáденьким наследничком,
 Воздал вот цeсть царю-солтану он.
 А и говорил тогда ведь и Павел-от Петровиц-от:
 «А и уж ты ой еси, солдатик полка славного Преображеньского,
 А и ты исполни-ко моё вот приказаньицо,
220. А пушай посмотри-то ведь царь, царь, солтан же сам,
 А царь, солтан-то сам, —
 А и скоць-ко, скоць-ко сам да за окошечко!»
 А что тут немного же тут солдатик тут ведь думал-то,
 А ведь скóцил, скóцил ведь он же на окошечко, —
225. А и захватил-то его ведь Павел-от Петровоч-от,
 Э ему не дал ведь скóчить из окошечка.
 А и целовал его в уста же во сахáрныя,
 А и вот снимал-то он со шеи золоты цясѹ,
 Надевал-то он на солдатика на млáдого;
230. А и скидывал-то с правой рученьки-то золотой перстѹнь,
 А и надевал-то он на солдатика на прáву руцьку-то.
 А и как царю-султану ко стыду пришло,
 А и за великою насмешку показалося:
 «А и хорошо-то жить, премлáдой, вам, наследничек,
235. А ведь как и Павел всё же ведь и Петровиц-от,
 Вот ведь у вас вѹрна всё сила-та, ведь армия!»

- А ведь как через месяц-от поры да времени
А ещё не вёшна-та вода да разливаласе,
А ведь пошла, пошла ведь славна сила-армия,
240. Сила-армия, ведь конска славна сильна гвардия;
А ведь пошли, пришли в Питенбурх, в славной город-от,
А ведь как во дворци-то было в славном государьезском
А как пошло великое пированьицо.
А и как той ведь истории конец пришол.
245. А ишшо славному-то морю Белому на тишину,
А и как Невы-реки на славушку великую,
А и как нашей матушке каменной Москвы на пропеваньицо,
А видь младым-то людям будёт на росказаньицо,
А ишшо эту-ту историю же пропевать же вам,
250. Как ведь вам-то ведь, ведь мудрым людям-то, на прописаньицо,
А ведь от вас-то, от премладых, пойдёт на пропеваньицо.
-

ПРИМЕЧАНИЯ

(Составили Э. БОРОДИНА и Р. ЛИПЕЦ)

Обозначение сокращений имен и названий в примечаниях:

А. М. Крюкова — Аграфена Матвеевна Крюкова, мать сказительницы.

С. В. Крюков — Семен Васильевич Крюков, отец сказительницы.

В. Л. Крюков — Василий Леонтьевич Крюков, дед сказительницы.

Г. Л. Крюков — Гаврило Леонтьевич Крюков, двоюродный дед сказительницы.

Ф. Е. Стрелков — Филарет Ефимович Стрелков, двоюродный дядя сказительницы.

Нижняя Зимняя Золотица — Нижняя Зимняя Золотица, Приморского района, Архангельской области.

В примечаниях даны ссылки на тексты былин, записанных в Нижней и Верхней Зимней Золотице: «Беломорские былины, записанные А. Марковым» (Этнографический Отдел Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. М. 1901 г.) и «Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским». Часть I. (Труды музыкально-этнографической комиссии. Т. I. М. 1905 г.).

Без скобок помещены заглавия былин, данные сказительницей, в скобках — данные составителями.

При исполнении былин сказительница переходит с пения на говор, чему соответствуют в примечаниях термины «голос» и «слова».

Былины под №№ 62, 73, 80, 81, 85, 98 записаны со слов, а не с голоса, так как в дни записи этих былин у М. С. Крюковой имелось некоторое раздражение горла.

В былинах, записанных совместно, начало каждой строки записано Р. Липец, а конец строки Э. Бородиной.

Научно-техническая корректура книги проведена Р. Липец.

№ 62. Про Бориса Ивановича (Данило Ловчанин.)

Записала Р. С. Липец 16/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан со слов, за исключением стихов 1—37, 310—315, 325—349, 405—434. По словам сказительницы она переняла былинку от Гаврилы Леонтьевича Крюкова.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 48 (А. М. Крюкова).

Печатаемый текст близок к материнскому варианту.

№ 63. А как про дочь-то королевы всё Латынгорки.

Записала Э. Г. Бородина 16/VIII 1939 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку от Гаврилы Леонтьевича Крюкова: «эта старина ганина, уж известно. Я у Гани-то не толковала спросить, у кого он слышал. Ето Ганя — страсть, какой памятной был!»

Летом 1939 г. сказительница вспомнила былинку о дочери Ильи Муромца и бабы Латынгорки («А как про дочь-то королевы всё Латынгорки»), тогда как в 1937 и 1938 гг. М. С. Крюкова утверждала, что у Ильи Муромца не было дочери.

В 1937 г. в Золотице от сказительницы были записаны былины, в которых говорится о двух сыновьях Ильи Муромца и бабы Латынгорки: «Илья Муромец и Подсокольник» и «Как женился Михайло королевич» (см. «Летописи Государственного Литературного музея». «Былины М. С. Крюковой», том I, № 14 и № 15), а летом 1939 г. в Золотице сказительница рассказывала о третьем сыне их, Милитрисе королевиче, который «не пропеваётся» в былинах.

Марковым эта былина не записана.

№ 64. Стáрина про Ваню Залéшанина.

Записала Э. Г. Бородина 4/VIII 1938 г. в г. Архангельске.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы: «я от отца слыхала от своего. Может, которы части я и позабыла. Как когда он сидит да шьёт (бахилы), я прошу: «Пролой, таточка, про Ванюшу Залéшанина».

См. примечание к тексту № 68.

№ 65. Про Еремякина родна́ племянника.

Записала Э. Г. Бородина 19/VIII 1938 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы эту былину она «переняла от Гани Крюкова, — кто про Еремяку знал, да не Ганя Крюков! Про Марфу Митревну больше любили слушать девушки, а про богатырей, про битвы ихние — мужики».

См. примечание к тексту № 68.

№ 66. Про Росши-Росши Росшиби Колпак, его племянника.

Записала Э. Г. Бородина 18/VIII 1938 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Гаврилы Леонтьевича Крюкова: «это деда Ганя пел».

См. примечание к тексту № 68.

№ 67. Пересчотов племянник ездил на Офрак-реку́ от князя от Владимира.

Записала Э. Г. Бородина 20/VIII 1938 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Гаврилы Леонтьевича Крюкова: «это я слыхала от Гани».

См. примечание к тексту № 68.

№ 68. Про Самсона Колыбаева про племянника.

Записала Э. Г. Бородина 21/VIII 1938 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Гаврилы Леонтьевича Крюкова. Былина на этот сюжет записана впервые; повидимому, тексты № 64—68 представляют попытку индивидуального творчества на основе традиционных былинных мотивов и «общих мест».

№ 69. Женитьба князя Владимира на греческой на Анны.

Записала Э. Г. Бородина 18/VIII 1938 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Гаврилы Леонтьевича Крюкова: «я от Гани немного слыхала: может, он и боле знал, да я не спрашивала, — не подумала, что это пригодится».

В былинной форме этот сюжет записан впервые.

№ 70. Про Маринку красавицу.

Записала Э. Г. Бородина 12/VIII 1939 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Гаврилы Леонтьевича Крюкова: «слыхала от деда Гани».

Марковым эта былина не записана.

№ 71. Домна Фалилеевна.

Записала Э. Г. Бородина 20/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы: «пропевали эту старину мать, дед Гаврило Леонтьевич и тетка Ирина Васильевна Крюкова; все пели наразно, а только разница небольшая была».

Ср. Марков «Беломорские былины» № 33 (А. М. Крюкова).

Печатаемый текст близок к материнскому варианту.

№ 72. Виденье рыболовов.

Записала Э. Г. Бородина 19/VIII 1938 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы: «так пропевала мама, я боле не помню».

В былинной форме этот сюжет записан впервые.

№ 73. (Про двух богатырей.)

Записала Р. С. Липец 16/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан со слов, за исключением стихов 1—40.

По словам сказительницы она переняла былинку от Гаврилы Леонтьевича Крюкова. Эта былина имеет общую сюжетную схему с печатаемыми текстами № 75 и № 76, Марковым эта былина не записана.

№ 74. Туры, малы деточки.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 8/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку от Гаврилы Леонтьевича Крюкова.

В архиве фольклорного отдела Государственного Литературного музея хранится неопубликованный текст былины М. С. Крюковой «Турицы» (95 стихов), записанный В. П. Чужимовым в сентябре 1934 г. в Нижней Зимней Золотице. По сообщению собирателя сказительница переняла былинку «от матери и деда»¹.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 13 (А. М. Крюкова); кроме того, этот сюжет частично включен в качестве эпизода в былинку № 77 «Василий Игнатьевич (пьяница)» (Г. Л. Крюков).

Печатаемый текст близок к материнскому варианту.

№ 75. Кудряенко, ведь он же царь немилбсливой.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 10/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку от Гаврилы Леонтьевича Крюкова; однако печатаемый текст имеет только некоторое сходство с той же былинкой, записанной от Г. Л. Крюкова Марковым («Беломорские былины» № 77).

См. примечание к тексту № 73.

№ 76. Костя Новоторженин.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 2/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 161—245.

По словам сказительницы она переняла былинку от Гаврилы Леонтьевича Крюкова и от Филарета Ефимовича Стрелкова.

Марковым эта былина не записана.

См. примечание к тексту № 73.

¹ Поступившие в архив Гослитмузея записи В. П. Чужимова будут опубликованы в III томе «Былин М. С. Крюковой». *Ред.*

№ 77. Про Василья Богуслаеча.

Записала Р. С. Липец 11/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку «от дедушка своего, Гаврилы Леонтьевича; слышала от мамы. Не знаю, на которого выйдет. Дед Василий Леонтьевич тоже пропевал».

Ср. Марков «Беломорские былины» № 52 (А. М. Крюкова).

Печатаемый текст существенно отличается от материнского варианта.

№ 78. Садко Новгородской.

Записала Р. С. Липец 31/VIII 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 1—309, 633—737.

По словам сказительницы она переняла былинку от Гаврилы Леонтьевича Крюкова; Аграфена Матвеевна Крюкова «тоже певала эту старину. «Садко» в Золотице чаще рассказывали как сказку».

В архиве фольклорного отдела Государственного Литературного музея хранится неопубликованный текст былины М. С. Крюковой «Садко» (875 стихов), записанный В. П. Чужимовым 1/IX 1934 г. в Нижней Зимней Золотице. По сообщению собирателя сказительница переняла былинку «от дедов и от отца».

Ср. а) Марков «Беломорские былины» № 21 (А. М. Крюкова), № 95 (Ф. Т. Пономарев).

б) Марков, Маслов и Богословский «Материалы» № 17 (Г. Л. Крюков).

Печатаемый текст ближе к материнскому варианту.

№ 79. Глеб Володьевич.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 9/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку от Гаврилы Леонтьевича Крюкова; певал ее также Василий Леонтьевич Крюков.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 50 (А. М. Крюкова), № 80 (Г. Л. Крюков).

Печатаемый текст ближе к материнскому варианту.

№ 80. Князь Роман Иванович.

Записала Р. С. Липец 15/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан со слов, за исключением стихов 1—74.

По словам сказительницы эту былинку она «слышала от мамы и от дедушки Гаврилы Леонтьевича; немножечко на деду Гаврилу вышло».

Ср. Марков «Беломорские былины» № 18 (А. М. Крюкова).

Печатаемый текст близок к материнскому варианту.

№ 81. Про прекрасного царя про Ивана про Микульевича.

Записала Р. С. Липец 18/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан со слов, за исключением стихов 1—60, 219—264, 433—473.

По словам сказительницы она переняла былинку от Гаврилы Леонтьевича Крюкова

В архиве фольклорного отдела Государственного Литературного музея хранится неопубликованный текст былины М. С. Крюковой «Солдман» (877 стихов), записанный В. П. Чужимовым 28/VIII 1934 г. в Нижней Зимней Золотице. По сообщению собирателя сказительница переняла былинку от Филарета Ефимовича Стрелкова.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 23 (А. М. Крюкова), № 83 (Г. Л. Крюков).

Ср. П. С. Ефименко. «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2. Народная словесность». М. 1878 г., стр. 21—25. «Старина про Василья Окульева» записана в Зимней Золотице Иваном Владимирцем Розановым,

а не Вл. Розановым, как ошибочно пишет П. С. Ефименко, принявший первую часть фамилии за имя¹.

Печатаемый текст ближе к № 83.

№ 82. (Иван Минидорович и Софья царевна.)

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 4/IV 1938 г. в г. Москве.
Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку от Гаврилы Леонтьевича Крюкова. Ср. Марков «Беломорские былины» № 32 (А. М. Крюкова).

Печатаемый текст имеет некоторое сходство с материнским вариантом.

№ 83. (Мать князя Михаила губит его жену.)

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 29/III 1938 г. в г. Москве.
Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку от Аграфены Матвеевны Крюковой. См. примечание к следующему тексту.

№ 84. Князь Михайло.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 9—10/1938 г. в г. Москве.
Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку от Гаврилы Леонтьевича Крюкова. Пропев былинку, М. С. Крюкова спросила: «Пахнет ли на мамино? А мне-ка дедова больше нравилась. Тут и Васильевы братья. И известно, что брат, кто после него был. И кнегина роду её была; вроде природа её будет в детях, и сам как тот же».

Ср. Марков «Беломорские былины» № 31 (А. М. Крюкова), № 111 (М. С. Точилова). Из печатаемых текстов № 83 ближе к материнскому варианту.

См. былинку М. С. Крюковой «Князь Михайло» в записи В. П. Чужимова. «Новые записи былин в Поморье». «Советский фольклор». Сборник статей и материалов. 1935 г., № 2—3. Из-во Академии Наук СССР, М.—Л., 1936 г., стр. 142—151. По сообщению А. М. Астаховой сказительница «усвоила былинку от деда своего Гаврилы Леонтьевича Крюкова». А. М. Астахова «К новым записям былин в Поморье», там же, стр. 156.

№ 85. Про вдовушку и про сыновей её, корабельщиков.

Записала Р. С. Липец 17/III 1938 г. в г. Москве.
Текст записан со слов, за исключением стихов 1—72.

По словам сказительницы она переняла былинку «от матери и разных стариков».

Ср. Марков «Беломорские былины» № 28 (А. М. Крюкова).

Печатаемый текст сходен с материнским вариантом.

№ 86. Моряночка.

Записала Э. Г. Бородина 13/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.
Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она слыхала былинку «от всего роду-племени, от деда и от матери. Избомытье шло великим постом, а когда весной. Постом не дозволяли петь песни, а потому пели старины: «Про моряночку», «Жил князь девьяноста лет», «Смерть Настасьи Романовны» и все духовные стихи.

См. примечание к следующему тексту.

№ 87. Морянка.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 15/IV 1938 г. в г. Москве.

¹ Остальные пять былин, записанных им там же, представляют варианты к текстам, помещенным в I томе наст. издания: к №№ 1, 1, 43 и 44, 51 53 и 54.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку от Аграфены Матвеевны Крюковой.

В архиве фольклорного отдела Государственного Литературного музея хранится неопубликованный текст былины М. С. Крюковой «Моряночка» (234 стиха), записанный В. П. Чужимовым в сентябре 1934 г. в Нижней Зимней Золотице. По сообщению собирателя сказительница переняла былинку «от матери и от Гаврилы Леонтьевича Крюкова».

Ср. Марков «Беломорские былины» № 27 (А. М. Крюкова), № 114 (А. П. Буряя и А. И. Лыткина).

Печатаемые тексты № 86 и № 87 представляют два варианта одной и той же былины. Тексты сходны с материнским вариантом; более близок к нему текст № 86.

№ 88. Про тёмного разбойника Илью Климантова и про душечку князя Семёна Михайловича.

Записала Э. Г. Бородина 3/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку от Гаврилы Леонтьевича Крюкова.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 54 (А. М. Крюкова).

Печатаемый текст близок к материнскому варианту.

№ 89. (Князь, княгиня и старицы.)

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 25/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 241—323.

По словам сказительницы она переняла былинку от Гаврилы Леонтьевича Крюкова.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 30 (А. М. Крюкова) и № 115 (А. П. Буряя и А. И. Лыткина).

Печатаемый текст несколько ближе к материнскому варианту.

№ 90. Горе.

Записала Э. Г. Бородина 25/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку «от Акинфия Ивановича Стрелкова, а он слышал от промышленников, что ходили на Новую Землю. Мама пела по другому, а я не запомнила; мама не велела петь «Горя», её страшило — это вот несчастные те, что в плене, что ничего не имеют в жизни. Горе поют разно: поют и на мужчину и на женщину».

Ср. Марков «Беломорские былины» № 26 (А. М. Крюкова); размер текста 31 стих. По словам собирателя «А. М. Крюкова не могла определить наверное, старина ли это или песня» (стр. 158).

№ 91. (Женитьба Ивана царевича.)

Записала Э. Г. Бородина 26—27/VIII 1938 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы былинку «пропевал деда Гая; знали и старинны старики, — вот Васялий Иванович Стрелков был, Акинфий Иванович Стрелков, вот Косовы отец с сыном и другие». Сказительница рассказывала, что девушку, выздоровевшую «от гнобишши», родители не хотели выдавать замуж на своей стороне, чтобы не заболела вторично в замужестве. Поэтому она так долго не выходила замуж после выздоровления; «а в чужие края отдали ее с чести и с радости».

Марковым эта былина не записана.

№ 92. (Ждан царевич.)

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 4/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 43—79, 491—572.

По словам сказительницы она переняла былинку от Аграфены Матвеевны Крюковой и от Филарета Ефимовича Стрелкова, — «больше от дяди».

Ср. Марков «Беломорские былины» № 34 (А. М. Крюкова).
Печатаемый текст сходен с материнским вариантом.

№ 93. Дочь крестьянская.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 4/IV 1938 г. в г. Москве.
Текст записан со слов, за исключением стихов 1—77, 164—352.

По словам сказительницы она переняла былинку от Филарета Ефимовича Стрелкова.
Ср. Марков «Беломорские былины» № 56 «Купеческая дочь и царь» (А. М. Крюкова). По сообщению Маркова А. М. Крюкова переняла былинку «у Ф. Е. Стрелкова, слышала лет 15 тому назад» (стр. 281).
Печатаемый текст близок к материнскому варианту.

№ 94. Про Олешинку.

Записала Э. Г. Бородина 30/VIII 1938 г. в Нижней Зимней Золотице.
Текст записан с голоса.

По словам сказительницы: «пропевала моя хрёсная, Ирина Семёновна Крюкова, и мама тоже пропевала. Она от ней слыхала; говорит: «Она красна ткёт и пропевает». Они пропевали за шутку, — стоит ли писать?»

В былинной форме этот сюжет записан впервые.

№ 95. Про Ивана, крестьянского сына.

Записала Э. Г. Бородина 23—25/VIII 1938 г. в Нижней Зимней Золотице.
Текст записан с голоса.

По словам сказительницы: «Марья Васильевна Стрелкова, жена Филарета Ефимовича Стрелкова, пропевала его за старину, только у ей немного было. Дядя Филарет¹ тоже пропевал. А бабушка моя, Татьяна Степановна², за сказку рассказывала. А так сказать, он богатырь был; вот вишь — Иван-то, русской богатырь».

В былинной форме этот сюжет записан впервые.

№ 96. Пересмякин родной племянничек.

Записала Э. Г. Бородина 30/VIII 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.
Текст записан с голоса, за исключением стихов 101—103.

По словам сказительницы она переняла былинку от Гаврилы Леонтьевича Крюкова.
См. Марков, Маслов, Богословский «Материалы» № 8 (М. С. Крюкова). По сообщению собирателя «эту былинку певница переняла от одной золотицкой старой девушки» (стр. 47).

№ 97. Святослав, сын князя Владимира.

Записала Э. Г. Бородина 16/VIII 1938 г. в Нижней Зимней Золотице.
Текст записан с голоса.

По словам сказительницы: «мне вроде как сказку рассказывали, — тут была старушка, была Прасковья Гавриловна Онуфриева, — а у меня уже на голосе вышло».
В былинной форме этот сюжет записан впервые.

№ 98. Поляночка.

Записала Р. С. Липец 15/III 1938 г. в г. Москве.
Текст записан со слов.

По словам сказительницы: «пела мама и дед Ганя; подходяще у обеих».

Ср. Марков «Беломорские былины» № 57 (А. М. Крюкова).

Печатаемый текст близок к материнскому варианту.

¹ Филарет Ефимович Стрелков.

² Жена Василия Леонтьевича Крюкова.

№ 99. Княжно дитё.

Записала Э. Г. Бородина 9/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку от Аграфены Матвеевны Крюковой и от Василия Леонтьевича Крюкова, «а лучше всего всё от деда Гаврилы Леонтьевича».

Ср. Марков «Беломорские былины» № 29 (А. М. Крюкова).

Печатаемый текст имеет сходство с материнским вариантом.

№ 100. Женитьба Грозного царя Ивана Васильевича на Настасьи Романовне.

Записала Э. Г. Бородина 19/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку «от разных стариков».

В былинной форме этот сюжет записан впервые.

№ 101. (Казнь царя Симеона.)

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 7/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 165—205.

По словам сказительницы: «вроде мама поболее знала; переняла от деда Гаврилы Леонтьевича Крюкова».

Ср. Марков «Беломорские былины» № 58 (А. М. Крюкова).

Печатаемый текст близок к материнскому варианту.

№ 102. Смерть Настасьи Романовны.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 7/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку «от деда Гаврилы Леонтьевича Крюкова, а пропевали эту старину многие».

Ср. Марков «Беломорские былины» № 35 (А. М. Крюкова), № 84 (Г. Л. Крюков); этот же сюжет включен в качестве эпизода в былинку № 106 «Иван Грозный» (В. И. Чекалев).

Печатаемый текст имеет большее сходство с № 35.

№ 103. Кострюк.

Записала Э. Г. Бородина 2/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 573—612.

По словам сказительницы она переняла былинку «от деда Гаврилы Леонтьевича. Мама пела на друго́». До начала пения сказительница сообщила: «Певала эту старину и мать — немного подходяшше».

См. примечание к следующему тексту.

№ 104. Кострюк.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 11/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку от Аграфены Матвеевны Крюковой.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 36 (А. М. Крюкова), № 85 (Г. Л. Крюков); этот же сюжет включен в качестве эпизода в былинку № 106 «Иван Грозный» (В. И. Чекалев).

Печатаемые тексты № 103 и № 104 ближе к № 36.

№ 105. Арсёнок.

Записала Э. Г. Бородина 13/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку от Гаврилы Леонтьевича Крюкова.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 86 — пересказ (Г. Л. Крюков). Печатаемый текст имеет сходство с № 86.

№ 106. Стáрина про князя Никиту Романовича.

Записала Э. Г. Бородина 5/IX 1938 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку «от какого-то мужика, был на покрутú у Субботиных у Ефимовичей. Говорили, што он с Двины был какой-то».

В былинной форме этот сюжет записан впервые.

№ 107. Стáрина про Ермака Тимофеевича и про персидскую княжну.

Записала Э. Г. Бородина 5/IX 1938 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку от покрученника: «с Двины ли он, ли из Двинского Березника, он и пропевал».

В былинной форме этот сюжет записан впервые.

№ 108. Стáрина про Ермака Тимофеевича.

Записала Э. Г. Бородина 1—5/IX 1938 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы: «у Субботиных у Ефимовичей, у отца Параси Васильевны, жил на покрутú мужик — он ли мезеньской, он ли из Двинского Березника, он пропевал эту старину. Он и другие пропевал, а эта была его любимая: «Я про Ермака спою». Звали его, должно быть, Афанасием. Хорошо не помню. Я еще маленька была и мне не давали много слушать, всё говорили: «Ступай учитьце, иди за книгу!»

В былинной форме этот сюжет записан впервые.

№ 109. Про царевича Фёдора Ивановича.

Записала Э. Г. Бородина 1/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан: со слов 1—10, 267—270, 275—350; с голоса 11—266, 271—274.

По словам сказительницы она переняла былинку от Аграфены Матвеевны Крюковой и от Гаврилы Леонтьевича Крюкова.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 37 (А. М. Крюкова); этот же сюжет включен в качестве эпизода в былинку № 106 «Иван Грозный» (В. И. Чекалев).

Печатаемый текст ближе к № 37.

№ 110. (Смерть Ивана Грозного.)

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 8/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку от Гаврилы Леонтьевича Крюкова.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 38 (А. М. Крюкова).

Печатаемый текст близок к материнскому варианту.

№ 111. Про Гришку Росстригу.

Записала Э. Г. Бородина 5/IX 1938 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку от покрученника с Двины: «Был какой-то мужик на покрутú, вроде как из Березника Двинского. Собирали мои тёты вечеринки, они сидели работали, к ним приходили молодые девки, пели песни, а мужики заходили и слушали и тоже своё пропевали. Мой отец тоже любил слушать про старинно времечко».

Марковым эта былина не записана.

№ 112. (Смерть Михайлы Скопина.)

Записала Э. Г. Бородина 2/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину «от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, матери и других стариков. Слышать-то слыхала, а пропевать не пропевала, потому-то худо и выйдет».

Ср. Марков «Беломорские былины» № 39 (А. М. Крюкова).

Печатаемый текст имеет некоторое сходство с материнским вариантом.

№ 113. Последняя поездка Степана Разина.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 5/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 232—332.

По словам сказительницы «слыхала от Гаврилы Леонтьевича Крюкова и от Акинфия Ивановича Стрелкова».

Ср. Марков «Беломорские былины» № 59 (А. М. Крюкова).

Печатаемый текст близок к материнскому варианту.

№ 114. (Осада Соловецкого монастыря.)

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 14/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы «переняла от стариков Николая Попова и Ефима Михайловича Субботина».

Ср. Марков «Беломорские былины» № 40 (А. М. Крюкова), № 90 (рукопись Устиньи Крюковой).

По сообщению Маркова: «Рукопись покойной Устиньи Крюковой. Листок со старинной об осаде Соловецкого монастыря найден мною в Нижней Золотице у одной старухи; он находился среди рукописей со статьями церковного содержания и духовными стихами: об Иоасафе-царевиче, о кончине и о грешной душе. В одной из тетрадок с духовными стихами находится запись: «1813 года Устинья Крюкова», на другой — бумажный водяной знак: В. Ф. П. М. 1815». След., старина была записана (или списана со старого оригинала?) в десятых года XIX в. Владелица рукописей в молодости жила у своей тетки Устиньи Крюковой в Онуфриевской пустыни Мезенск. у., в 100 верстах от Золотицы и там выучилась грамоте от скитниц. Рукопись писана без разделения на стихи; начало старины в ней оторвано, и поэтому оно приводится по записи со слов старухи, владелицы рукописи» (стр. 469—470). По словам М. С. Крюковой Устинья Михайловна Крюкова — двоюродная сестра Василия Леонтьевича Крюкова, деда сказительницы.

Печатаемый текст близок к № 40.

№ 115. Марута Богуслаевна.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 8/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 202—209.

По словам сказительницы она переняла былину от покрученника: «Был один на покругу, глупой не глупой и умной не умной. Сверху откуда-то, вологодский или шенбурской»¹.

В былинной форме этот сюжет записан впервые.

№ 116. Стáрина про рождение царя Петра Алексеевича.

Записала Э. Г. Бородина 8/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Гаврилы Леонтьевича Крюкова.

Ср. Марков «Беломорские былины»; этот сюжет включен в качестве эпизода в былинку № 60 «Семейная жизнь Петра I» (А. М. Крюкова).

Печатаемый текст имеет сходство с материнским вариантом.

¹ Шенкурский.

№ 117. Про царя Петра Алексеевича, его брата Фёдора и солдата.

Записала Э. Г. Бородина 13/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку от Аграфены Матвеевны Крюковой.

Ср. Марков «Беломорские былины»; начало печатаемого текста имеет отдаленное сходство с эпизодом, включенным в былинку № 60 (А. М. Крюкова). О сыне Петра I Алексее сказительница старины не знала, но рассказывала, что Петр I приказал посадить его в кибитку и увезти неизвестно куда.

№ 118. (Женитьба Петра Первого на Екатерине.)

Записала Э. Г. Бородина 5/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 297—315.

По словам сказительницы она переняла былинку от Аграфены Матвеевны Крюковой и от Гаврилы Леонтьевича Крюкова; «больше слыхала ее от деда».

Ср. Марков «Беломорские былины»; этот сюжет включен в качестве эпизода в былинку № 60 (А. М. Крюкова).

Печатаемый текст близок к материнскому варианту.

№ 119. (Пётр Первый у Невы-реки.)

Записала Э. Г. Бородина 5/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 134—138; после стиха 154 идет пересказ сюжета печатаемого текста № 120.

По словам сказительницы она переняла былинку от Аграфены Матвеевны Крюковой.

См. примечание к следующему тексту.

№ 120. Марья Даниловна.

Записала Э. Г. Бородина 31/V—I/VI 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы «переняла от деда Гаврилы Леонтьевича Крюкова; он сказывал вроде сказки, а я уж как пою, так у меня все же голос тянет. Деда Ганя сказывал, что чиган остался в живности, а Акинфий Иванович Стрелков пропевал, будто его сказнили».

См. «Предание о Петровой фрейлине» (М. С. Крюкова) в статье Викторина Попова «Предание о «девке с верху». (Альманах «Север» № 4, Арх. Обл. Издат., 1938 г., стр. 67—73).

№ 121. Солдат и охотник царя Петра Олексеевича.

Записала Э. Г. Бородина 10/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы «одни старики называли эту историю стариной, другие — сказкой».

В былинной форме этот сюжет записан впервые.

№ 122. (Пётр Первый и его крестник.)

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 3/IX 1937 г.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку «от матери, а мать слышала от солдата из Чаваньги, двоюродного брата ее матери. Когда солдатам разрешалось гулять, они ходили к Невы и на Васильевский остров и там пели всё».

В былинной форме этот сюжет записан впервые.

№ 123. (Про Петра Первого и мальчика.)

Записала Э. Г. Бородина 4/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку «от деда Гаврилы Леонтьевича и от дяди Филарета Ефимовича Стрелкова».

В былинной форме этот сюжет записан впервые.

№ 124. Стáрина про князя Меньшикова.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 14/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы «переняла от деда Гаврилы Леонтьевича Крюкова и от матери Аграфены Матвеевны Крюковой, но более от деда».

В былинной форме этот сюжет записан впервые.

№ 125. (Меньшиков и Балакирев.)

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 15/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы «пропевал Ганя дедо и пропевали кое-какие старики, Акинфий Иванович Стрелков и Филарет Ефимович Стрелков. Ну, я как всё из частей слышала, я всё это сообщала, как бы его сравнять. Чтоб не три-четыре слова! Как в Москву приехала, всё думала».

В былинной форме этот сюжет записан впервые.

№ 126. Как Балакирев был царём над мухами.

Записала Э. Г. Бородина 31/V 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былинку от Гаврилы Леонтьевича Крюкова.

В былинной форме этот сюжет записан впервые.

№ 127. Чернышах Захар Григорьевич.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 2/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан: с голоса 1—45, 69—97, 105—230; со слов: 46—68, 98—104, 231—239.

По словам сказительницы «переняла от деда Гаврилы Леонтьевича и от разных стариков и старух».

См. изложение былины М. С. Крюковой «О Черном шахе», записанной от нее в 1934 г. В. П. Чужимовым (в статье А. Н. Лозановой «Социальные переосмысления песен о Чернышewe». «Советский фольклор», № 2—3, М.—Л., 1936 г., стр. 273 и 282—283).

№ 128. (Шведская война.)

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 6/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 158—159.

По словам сказительницы она переняла былинку от Аграфены Матвеевны Крюковой и от Гаврилы Леонтьевича Крюкова.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 41 (А. М. Крюкова).

Печатаемый текст имеет некоторое сходство с материнским вариантом.

№ 129. (Турецкая война.)

Записала Э. Г. Бородина 30/VIII 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы: «я слышала ее от мамы еще очень маленькой и не знаю, за что она ее мне певала: за старину или за песню, или за историю».

В былинной форме этот сюжет записан впервые.

М. С. КРЮКОВА НА БЕРЕГУ БЕЛОГО МОРЯ

МЕСТНЫЕ МОТИВЫ В БЫЛИНЕ О САДКО У М. С. КРЮКОВОЙ И ДРУГИХ СКАЗИТЕЛЕЙ

«Начать издание следует с былин и в первую голову дать новгородские: «Буслаева», «Садко», как наиболее оригинальные»¹.

А. М. Горький.

Былина о Садко, отразившая в своем сюжете промысловый и морской быт, чрезвычайно характерна для Севера, его таежной и приморской полосы, население которой издревле было занято рыболовством и мореплаванием.

Для изучения жизни фольклорного произведения эта былина представляет особый интерес, так как можно проследить непрерывность ее развития: сложенная в древнем Новгороде, она в течение многих веков бытовала на территории исконных новгородских владений; все известные варианты былины записаны в пределах б. Олонецкой, Архангельской губернии и Урала (древнее Обонежье, Заволочье, Печора и Югра).

Большинство мотивов в былине о Садко имеет корни в старинных новгородских и северных обычаях и поверьях; по содержанию она чрезвычайно архаична, несмотря на прикрепление сюжета к определенной исторической эпохе жизни Великого Новгорода.

Край, где находится Великий Новгород, изобилует водой — озерами и реками — и рыболовство, особенно на озере Ильмене, из которого вытекает река Волхов, всегда служило одним из основных занятий населения, наряду с земледелием. Великий Новгород, основанный на Волхове на пути в Варяжское (Балтийское) море, развил в древности обширную торговлю заграничными и русскими товарами (в том числе на внутреннем рынке — рыбой). Со своими пригородами, с принадлежащими ему громадными землями Новгород представлял один из крупнейших самостоятельных центров древней Руси. Обеспеченный торговыми путями и рынками сбыта, в поисках сырья (мехов, драгоценных металлов и пр.), а также и более плодородных земель и промысловых угодий, в том числе и рыбных, Великий Новгород освоил, а постепенно и колонизовал громадные пространства, лежащие на европейском северо-востоке и даже проникал за Урал. Новгород стал не только экономическим, но и культурным центром всего Севера, — отголоски новгородской культуры сохранились там в типах жилья, одежде, говоре, быте и фольклоре, в частности в многочисленных преданиях о своих предках-новгородцах.

На места своего нового поселения новгородцы принесли древнее культурное достояние Новгорода — былевой эпос. Былины, сохранившиеся на Севере до настоящего времени, — в основном новгородской интерпретации, а ряд их и новгородского происхождения. В цикл новгородских былин, трактующих местные социальные темы, входят, например, былина о Василии Буслаевиче и былина о Хотене, посвященные борьбе городских классов, былина о Микуле и Волге, отразившая взаимоотношения города и деревни, а также былина о Садко, по идее являвшаяся апо-

¹ Письмо, адресованное редакции «Библиотеки поэта»; опубликовано впервые в статье «Горький о фольклоре» — «Литературная газета», 30 июня 1936 г. М.

феозом мощи Новгорода, причем конкретное содержание ее было взято из местного промыслового и морского фольклора.

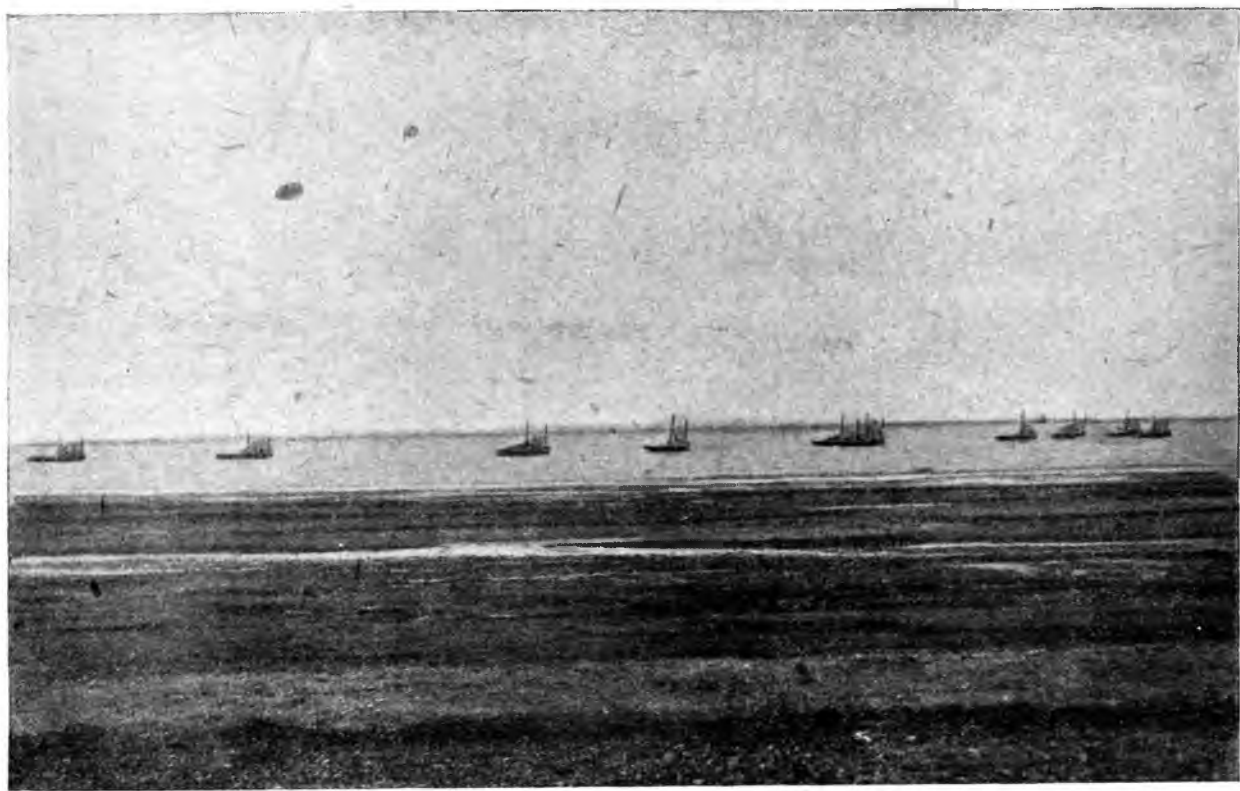
Основные мотивы былины о Садко таковы: новгородец Садко получает от водяного божества, хозяина озера Ильменя, за игру на гуслях или переданное поручение, необычайный улов рыбы, приводящий его к обогащению. Садко хвастает на пиру, что скупит все товары в Новгороде и бьется «о велик заклад» с новгородским купечеством; к первоначальной редакции, повидимому, следует отнести те варианты мотива, где Садко проигрывает заклад. Занявшись морской торговлей, Садко в течение ряда лет плавает по морям, но не платит дани морскому царю; тот останавливает среди моря его корабли и, не принимая уже драгоценных даров, требует на дно моря самого Садко, что выясняется путем жеребьевки. В подводном царстве Садко угождает морскому царю (разрешает его спор с царицей, играет на гуслях); от пляски морского царя под гусли поднимается буря, тонут корабли; узнав об этом от жены морского царя или явившегося на дно моря святителя Николы, Садко, по их совету, ломает гусли,—морской царь перестает плясать, и буря утихает. Морской царь принуждает Садко к браку с одной из своих многочисленных дочерей, что должно повести к вечному заточению Садко под водой; предупрежденный об этой опасности, Садко благодаря выбору невесты и воздержанию в браке, оказывается, после свадебного пира, обычно один — с драгоценным приданым невесты — на своем корабле или на берегу реки под Новгородом, куда благополучно возвращаются его корабли. Впоследствии Садко строит церковь Николу, чего тот требовал от него на дне моря за свои советы.

Былина о Садко, повидимому, сложена в XIII — начале XIV века, в эпоху расцвета Великого Новгорода; экономическая мощь новгородской республики, сосредоточившей к этому времени в своих руках всю заграничную морскую торговлю Руси и уже обладавшей на северо-востоке богатейшими «землями», противопоставляется в былине усилиям одиночки, который вздумал тягаться с Новгородом (более конкретно, возможно, с купеческими корпорациями). Садко в былине

...повыкупил еще товары новгородские,
 ...А й подоспели как товары ведь московские, *
 ...А й как тут Садке топерь да пораздумался:
 «А й как я повыкуплю еще товары все московские, —
 А й на тую на славу великую новгородскую
 А й подоспеют ведь как товары заморские,
 А й как ведь топерь уж как мне Садку
 А й не выкупить как товаров ведь
 Со всёго да со белá свету.
 А й как лучше пусть не я да богатее,
 А Садкэ купец да новгородский,
 А й как пусть побогáтее меня славный Новьгород».¹

Можно предположить, что слагатель былины, для того чтобы сделать идею апофеоза Новгорода наиболее яркой, использовал, как сюжетную канву, популярную местную легенду о несметных богатствах, полученных человеком в дар от водяного, причем эти сказочные богатства оказываются ничтожными по сравнению с теми, которыми располагает Новгород. Впоследствии, в течение веков, идея былины потеряла свою остроту; большинство сказителей-северян поставило в центр промысловую удачу героя и его чудесное спасение на море. Эти мотивы, именно вследствие своей связи с основными занятиями населения и распространенности в местном промысловом фольклоре, были включены в былинку при ее сложении и сохранились в ней при многовековом бытовании былины на Севере у населения, живущего у воды — на морских побережьях, на берегах озер и рек, где она была особенно близка местному быту. В промысловой среде былинна о Садко все время

¹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Изд. второе, СПб, 1894 г., т. 1, № 70, стр. 549—550.

РЫБАЦКИЕ СОЙМЫ НА ОЗЕРЕ ИЛЬМЕНЕ

конкретизировалась, «подновлялась», впитывала в себя местные бытовые черты и родственные ей мотивы промыслового фольклора. Большая вариативность былины о Садко объясняется именно жизненностью ее и вследствие этого способностью к развитию, причем более поздние включения не портят и не искажают былины, как обычно считалось раньше, а, наоборот, переосмысляя сюжет, дают большую художественную ценность и более созвучную времени его трактовку сказителями.

«Устное творчество, — пишет академик Ю. М. Соколов, — коренится в самом быту широких трудовых масс. Фольклорист поэтому не может не быть в то же время в какой-то степени этнографом. Иначе он рискует совершенно неправильно истолковать исследуемый им фольклор»¹.

В зависимости от конкретной общественной обстановки в разных географических районах бытования былины о Садко на Севере, она изменялась и переосмыслялась; локальный колорит сказался как в трактовке сюжета, так и в подстановке образов местного промыслового фольклора в соответствующие эпизоды былины. Известные мне 29 вариантов по географическому признаку распадаются на четыре группы: олонецкую, беломорскую, печорскую и — условно — «урало-сибирскую» (былины из сборника казака Кирши Данилова, записанные им в половине XVIII века для уральского горнозаводчика Демидова, причем место записи не зафиксировано; кроме того, одна запись была сделана (в отрывке) В. Г. Таном-Богоразом в 1895 г. на Колыме). Один вариант былины (повидимому, занесенный с Севера) записан в б. Области войска Донского.

Олонецкая группа отличается наибольшей полнотой и по количеству известных вариантов и по их трактовке; это, повидимому, объясняется исторической и географической близостью этого района к Новгороду. Характерно, что победа Новгорода в споре с Садко имеется преимущественно в олонецких вариантах, сохранивших этот древний новгородский мотив. Население деревень на Онежском озере и на Выгозере занималось, главным образом, рыболовством, которое отражено во всех записанных там вариантах.

Следующая группа вариантов — удаляясь от Новгорода — беломорская; она в основном близка к олонецкой, но отличается меньшей сохранностью сюжета; количество вариантов, записанных там (в Нижней и Верхней Золотице на Зимнем берегу), невелико. В трех вариантах выдающихся сказительниц А. М. и М. С. Крюковых скупки товаров в Новгороде совсем не дано; мотивы торговли вообще отодвинуты ими на задний план, — в основном сказительницы остановились на судьбе своего собрата-гусяря и браке его в подводном царстве, который только в золотичских вариантах кончается привозом невесты в Новгород.

Третья группа — печорская. Вариантов былины на Печоре записано относительно много, и все они резко отличаются от традиционного сюжета. Это давало повод считать печорские варианты наиболее разрушенными; однако это не разрушение, а переосмысление сюжета, — он развивался в иной исторической и общественной обстановке, без поддержки живой новгородской традиции, как в олонецкой и отчасти в беломорской группе, так как новгородцы рано потеряли связь с Печорой. Печора в старое время — пустынный, дикий край; путем жестокой эксплуатации русского населения и туземцев и хищнической торговли одиночки-капиталисты составляли там громадные богатства. Во всех печорских вариантах победителем в споре о богатстве с Новгородом оказывается Садко; помощь Николая обеспечивает успех этой борьбы. Удача, хищничество, беспощадная конкуренция (в одном варианте, согласно условию, Садко предаст своего противника, «заморского царя», мучительной смерти) были положены печорскими сказителями в основу сюжета и стояли в центре их внимания; мотив Садко-музыканта и рыбака обычно опускался.

«Урало-сибирская» группа — былины из сборника Кирши Данилова — вследствие сходства исторических условий края близко примыкает к печорской, отличаясь от нее, как и от всех остальных, более архаичными и самобытными чертами; следует учесть, что эта группа, обособленная, отдаленная от Новгорода по своему геогра-

¹ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М. 1938 г., стр. 8.

фическому положению, по времени записей является старше всех других на целое столетие. О близости к этой группе колымского варианта судить трудно, так как он записан в виде отрывка.

Образцом узко-местного изменения мотива былины может служить вариант, записанный на Выгозере; в этом варианте Садко бросается в море не вследствие жеребьевки при выборе жертвы, а спасаясь от погони новгородского князя. Это основано, по видимому, на особенностях истории Выгозера¹: именно там находились знаменитые выгозерские старообрядческие скиты, один из центров старообрядчества на Севере, где в непроходимых лесах и топях люди скрывались от притеснительных религиозных преследований; разрушение выгозерских скитов при Николае I отличалось особой жестокостью и сопровождалось отчаянным сопротивлением старообрядцев. Именно на Выгозере, где не так давно находились эти скиты и влияние их было еще не изжито ко времени записи былины о Садко, сказитель закономерно мог ввести в былину мотив преследований и самоубийства.

Все это является подтверждением того, что «к каждому варианту необходимо относиться, как к имеющему самостоятельное значение художественному факту»².

Помимо трактовки сюжета, локальный колорит отразился в различных вариантах былины и более внешне: в способах рыболовства, типах кораблей, жилья и т. д., как будет видно при дальнейшем разборе отображения в былине новгородского и северного быта³. Интерес к былине о Садко на Севере поддерживался именно ее маринизмом, связью с промыслами, традиционными представлениями, а также элементами коллективизма, которые имеются в ней, как и в остальных былинах.

Бытование былин на Севере вообще можно объяснить тем, что по своей идейной сущности они не только были созвучны быту промышленников (рыбаков и зверобоев) и мореходов, но и помогали им организовывать этот быт, т. е. воспитывать в себе необходимые в условиях их промысловой жизни нравственные качества и нормы поведения. Мужество героев былин, их презрение к опасности и физическим страданиям, чувство товарищества, отважная борьба — все это сделало былины особенно близкими и актуальными для северян, в старое время привыкших на промыслах бороться с постоянной опасностью, работать в необычайно тяжелых и трудных условиях, которые требовали спаянного и верного коллектива, а от каждого члена артели — отваги и выносливости.

На морских зверобойных промыслах на Белом море люди находились на плывучем льду, не сходя на берег в течение нескольких недель, стреляя тюленя из винтовок или коля его баграми. «По живой воды ходят. Это позорный (мучительный) промысел — кровавый пот!», — говоря словами местной поморки. Промышленники вместе с лежащими на льду залежками, «юрами», тюленя проплывали на льдинах громадные расстояния — в сотни километров — подвигаясь по течению к горлу Белого моря, куда выносило лед. Сложная организация на зверобойных промыслах артелей и их объединений, «бурс», достигавших до 200 лодок и возглавляемых выборным старшим юровником, отличалась особой дисциплиной. Кроме того члены артели на промысле соединялись между собой по-двое, «парами»; они помогали друг другу переправляться на баграх через трещины и разводья по льду на берег за несколько километров, тащить звериные шкуры; на случай провала под лед они даже связывались веревкой; в отношении или другой опасности не было случая, чтобы промышленник бросил в беде «пару» и вышел без него на берег. Дружба богатырей-побратимов в былинах чрезвычайно близка к этому типу отношений; сам обычай побратимства также был распространен между товарищами-про-

¹ Устное высказывание М. И. Костровой.

² Ю. М. Соколов. *Op. cit.*, стр. 13.

³ Материалы по новгородскому и северному быту и фольклору приводятся в основном на основании моих четырех экспедиций на Север (в 1931, 1932, 1936 и 1937 гг.) и одной в Новгородский район (в 1938 г.). Экспедиционные архивы хранятся в Государственном Литературном музее, КП 2424. 7184, 5251 и 9368. Р. Л.

Все эти материалы вскоре будут изданы в одном из томов «Летописей» ГЛМ. *Ред.*

БЕЛОЕ МОРЕ. ЗВЕРОБОИ НА ЛОДКЕ-СЕМЕРИКЕ

ЗВЕРОБОИ ВО ЛЬДАХ БЕЛОГО МОРЯ ТАЩАТ ЛОДКУ К РАЗВОДЬЮ

мышленниками, связывая их не менее тесными узами, чем кровное родство. На промыслах требовали от членов артели коллективизма, абсолютной честности, запрещалась даже еда «закрыто», т. е. тайком от товарищей, хотя бы принесенного с собой из дому; за проступки наказывали по приговору артельного суда вплоть до изгнания из района промысла. В то же время по обычаю путник имел право на пищу и ночлег в любой рыбацкой или зверобойной промысловой избушке, хотя бы в отсутствие хозяев.

Организация рыбного промысла была сходна со зверобойным, также основываясь на артельных началах. Лов был преимущественно береговым не только на озерах и реках, но и на море, так как техника рыбного промысла была чрезвычайно низка; на утлых парусных суденышках выезжать на промысел на глубину, в открытое море было слишком опасно; рыбу ждали у берега, когда она в определенные периоды подходила к устьям рек. Основным орудием рыболовства был невод, позволявший вылавливать за одну тоню, т. е. подъем невода, сотни пудов рыбы. Громоздкая сеть для выметки ее и притягивания к берегу требовала одновременных усилий большого количества людей, — в зависимости от величины невода, 20—40 человек, и рыбаки объединялись для неводьбы в большие артели.

Работа с неводом была довольно сложна, и функции членов артели были дифференцированы. На самом озере Ильмене (как и на других озерах) существовала сложная организация рыбацких артелей с выборным ватаманом, его помощниками («другом» и «околишными»), «рильщиком», протаскивавшим жердь через проруби на подледном лове, «понорщиком» и др. Все действия членов артели должны были быть строго согласованы, чтобы не спутать невода и не дать рыбе уйти; поэтому в рыбацкой неводной артели, так же как в зверобойной, выработалась глубокая внутренняя дисциплина. Ватаман пользовался всей полнотой власти в промысловых делах, однако власть эта в значительной степени умерялась в отношении каких-либо артельных постановлений (дележа добычи, наказания члена артели за какой-либо проступок) общим обсуждением в артели. Характерно, что на Севере существовал глагол «мужевать» в смысле рассуждать, обдумывать, советоваться¹; название рыбацкой артели «дружина» сохранялось на Псковском озере еще в XIX в., а в б. Умбской вол. Кемского у., Архангельской губ. так называлось «подразделение мужского населения по отношению к общинной ловле сельдей»².

Внимательно вчитываясь в северные былины, можно заметить, что некоторые древне-русские образы в них испытывали влияние местного быта, созвучного им: так, Илья Муромец, старший богатырь, имеет черты юрощика, ватамана; богатырская застава напоминает некоторыми чертами промысловую избу, поселок. Элементы артельных форм быта отразились в былине о Садко в мотиве жеребьевки, к которой приступают все моряки каравана судов Садко, собравшись на один корабль, когда решено, что надо спустить в море человека.

Жеребьевка на Севере была принята в артельной и общинной жизни; так например, путем жеребьевки распределялись между односельчанами семужьи тони, составлявшие главное богатство деревенской общины, «общества». На озере Ильмене, с той же целью, рильщики артелей устраивали гонки, «обгоньш», на лодках к месту лова, — первую начинала неводить артель победителя и т. п.

Садко в былине обязан подчиниться жеребьевке, решающей вопрос жизни и смерти, как член коллектива. Садко — купец, хозяин кораблей, и это побуждает его безуспешно пытаться (в большинстве вариантов) выделить себя в жеребьевке: он троекратно и пятикратно заставляет своих «людей подначальных», «дружинушку-прикащикков», корабельщиков и матросов повторять метание жребия, делать жребьи из разного материала, менять условия жеребьевки в свою пользу, — но в конце концов обязан подчиниться коллективу и сойти со своего судна в море, чтобы дать кораблям возможность продолжать путь. Однако есть и другой исход из этого положения: в одном варианте Садко — не купец, а «работничек» на ку-

¹ А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885 г. стр. 94.

² Там же, стр. 40.

печеском судне; по договору с купцами Садко соглашается за плату спуститься в море:

Выбирали купци новгородский
Из артели человека в синё морё.
Пожелал с артели¹ Саток работничок,
Рядил много злата серебра
И мелких с их же жемчугов:
Буде буду я на святую Руть,
Должны отдать купци новгородский².

В аналогичной по сюжету новгородской сказке, записанной мною³, герой сказки, матрос, идет в море взамен хозяина судна за вознаграждение. Это изменение сюжета показывает возвышение хозяина-одиночки, что характерно для распада старо-артельных и общинных форм быта, постепенно разрушавшихся изнутри проникшим в них капиталистическим содержанием. В конце XIX века та же жеребьевка тоней на Севере, упоминавшаяся выше, сохраняясь по традиции, на деле нередко превращалась в фикцию, так как после жеребьевки тони все равно скупились местными богачом у членов общины.

Мотив жеребьевки в былине интересен также наличием в нем представления о «несчастливых» людях, прочно укоренившегося в сознании промышленников и моряков старого времени. По поверью, участие в промысле или хотя бы присутствие на судне таких людей может губительно отразиться на всей артели или экипаже корабля: или их постигнет промысловая неудача или гибель в море. К «несчастливым» людям причисляли также людей, виновных в нарушении какого-либо артельного запрета, — совершивших кражу, не соблюдавших «чистоту», не сдержавших обет и т. п. Былина о Садко содержит мотив о проступках Садко, из-за присутствия которого на корабле все и терпят бедствие, — он не платит дани морскому царю, забыл обет выстроить церковь.

Уж вы дайте человека виноватого,

говорят посланцы подводного мира, кормщик и два гребца, появляясь на огненной шлюпке⁴.

Верно, есь у нас на карабли пригрешной человек;

говорится при задержке судна в другом варианте⁵.

В одном беломорском варианте (Г. Л. Крюкова) морской царь «просит виноватого» Садко — он «хвастал» на пиру тем, что не платит дани морскому царю и выкупит товары в Новгороде. Выкупить товаров ему не удалось, а вместо дани отправился к морскому царю он сам⁶. «Хвастливо слово — всегда тнило»⁷ была поговорка среди золотицких промышленников, суеверно боявшихся искушать судьбу, загадывать вперед. Запрет хвастовства был один из основных в старом промысловом быту. Иногда Садко, зная за собой вину и решив, что он — причина задержки корабля, добровольно спускается в море. В былине корабли могут сдвинуться с места лишь тогда, когда Садко покидает корабль, отправляясь вместо «дани-пошлины» к морскому царю, или буря прекращается после того, как Садко велит спустить на воду сундук с золотой казной, предназначенной Николе, — т. е. когда вина Садко искуплена.

Характерно, что именно на Зимнем берегу Белого моря, где записаны варианты со словами о «виноватом» и «пригрешном» человеке, бытовали в старину на зверобойных промыслах артельные суды, когда, «собравшись во единый круг», промыш-

¹ повидимому, хозяев-купцов.

² Гильфердинг. Op. cit., т. 1, № 2, стр. 8—9.

³ Материалы моих экспедиций. Архив Гос. Лит. музея.

⁴ Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб, 1904 г., № 75, стр. 303.

⁵ А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901 г., № 95, стр. 492.

⁶ Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. М., 1905 г., т. 1, № 17, стр. 86—87.

⁷ Материалы моих экспедиций. Архив Гос. Лит. музея.

БУРСА_ЗВЕРОБОВЕВ ВО ЛЬДАХ БЕЛОГО МОРЯ

ТО ЖЕ, ВБЛИЗИ

ленники допытывались, кто «виноват» в том, что артели нет удачи на промысле, — «юрки затирает во льду, зверь не выстаёт, ружьё не смертельно бьёт»¹ и т. д., — и жестоко секли подозреваемого в том или ином проступке до вынужденного признания, хотя бы и ложного. Артельные начала быта прикрывались суеверной оболочкой, приобретая в то же время под ее давлением косные и уродливые формы.

В былине возможно различить два комплекса: рыбацкий и морской. Если эпизод игры Садко на Ильмене и получения чудесной промысловой добычи следует отнести к рыбацкому фольклору, то приключения Садко на море входят в цикл типично-морских легенд с фаталистическими представлениями о гибели и о чудесном спасении на море. Характерно, что дары морского царя (приданое, которое он дает Садко за своей дочерью) — уже не промысловая добыча, как на озере Ильмене, а корабль с драгоценным грузом или один груз — бочки с серебром, золотом и жемчугом.

Приключения Садко на море — морская торговля, задержка кораблей, бросание в воду различных жертв, брак Садко с морской царевной — повидимому, воспринимаются сказителями, как основной эпизод: он встречается во всех известных вариантах былины, исключая те, где вообще все действие происходит на берегу. Многие в этом эпизоде имеют аналогии в старом мореходном быту и поверьях.

Вообще же нельзя проводить резкую грань между обычаями и фольклором рыбаков и моряков, так как рыбацкий промысел также тесно связан с водой.

Как стражено рыболовство в былине? В местах распространения былины о Садко ловля неводом была основной формой промысла, и именно неводьба встречается во всех вариантах при описании рыбной ловли:

Как тут-то связали невод шелковый
И поехали ловить в Ильмень озеро:
Закинули тоньку в Ильмень озеро,
Добыли рыбку — золоты перья².

В былине отразились особенности рыболовства разных районов. В одном варианте Кириши Данилова («урало-сибирская» группа) дано описание неводного лова, характерного для большой промысловой реки (или озера) с развитым товарным рыболовством, наемными артелями, подсчетом в условных рыночных терминах сортов и размеров рыбы (например, «белая в три четверти»), купеческими складами; аналогичная картина имелась на Оби, на Урале, на озере Байкал; само название старшего артели — «бошлык» — распространено там:

Проси бошлыков во Новгороде
Их со тремя неводами,
И с теми людьми со работными,
И замечывай ты неводы во Ильмень озеро,
Что будет тебе божья милость.

Садко нанимает бошлыков с артелями, платит им «за труды сто рублей»:

И закинули три невода во Ильмень озеро:
Первой невод к берегу пришел,
И тут в нем рыба белая,
Белая ведь рыба, мелкая;
И другой-то ведь невод к берегу пришел,
В том-то рыба красная;
А и третий невод к берегу пришел,
А в том-то ведь рыба белая,
Белая рыба в три четверти.
Перевозился Садко молодец на гостиную двор
Со тою рыбою ловлею

¹ Материалы моих экспедиций. Архив Гос. Лит. музея.

² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. второе, М., 1910 г., т. II, № 134, стр. 243.

Рыбу кладут в три глубоких погреба, запирают и ставят караулы¹. В беломорском (золотицком) варианте Садко после удачной неводьбы «за рыбой-то поехал на трёх конях»², как возят там рыбу с тоней на подледном лове, — на Зимний берег возили обозами навагу за сотни километров с Канинского полуострова. В другом золотицком варианте Садко отправляется на Илемин-озеро (Ильмень) с котомкой и подорожниками (печеньем на дорогу) удить рыбу:

Тут поудил Садко да рыбы разную,
Он наклал себе суночку-котомочку.³

В такие котомки, берестяные пестери, складывают свой улов удильщики на Севере.

Сцена лова дана всегда чрезвычайно конкретно и живо, обнаруживая детальное знакомство сказителей с рыбным промыслом и любовь к нему. Вот описание игры рыбы в воде:

Елемин-озеро сколыбалосе,
Разыгралась рыба да на солнышке,
Тут Садко да любовалсе всё;
Напопадало в невод, да чуть мог он вытащить⁴.

В былине Садко на озере Ильмене получает в дар от водяного «хозяина» или «хозяйки» удачный или чудесный улов рыбы. Рыбная ловля, как причина прихода Садко на озеро, имеется у одной только М. С. Крюковой, — обычно Садко закидывает невод после того, как по совету водяных «хозяев» побился о заклад с новгородскими купцами, что в озере Ильмене водится чудесная рыба-золоты перья; в одном варианте (Кириши Данилова) Садко получает от «молодца Ильменя» богатый улов за переданный им поклон от сестры Волги Ильмену, причем впоследствии рыба превращается в золотые и серебряные монеты. В. В. Стасовым была высказана мысль о том, что «старшими пересказами» былины следует считать те, «где герой становится богат не вследствие выигранного заклада, а «вследствие счастливого, чудного лова, который делается источником его богатства»⁵; кроме того, Стасов подчеркнул «разбогатение» Садко «посредством рыбы, добытой из Ильменя-озера, и принадлежащей к числу важных предметов новгородской торговли»⁶. О том же говорит Н. И. Костомаров⁷. Можно добавить, что в местах записи былины на Севере также рыболовство было товарным и составляло основу существования населения, так что древний мотив имел причины удержаться в сюжете былины.

Картина моря широко отражена в былине о Садко. Описание водной толщи, данное олонцким сказителем Сорокиным, послужило, возможно, образом для картины Репина, изображающей Садко на дне моря:

Проснулся Садке во синем море,
Во синем море на самом дне.
Сквозь воду увидел пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю⁸.

¹ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938 г., № 28, стр. 182—183.

² Записи былин, сделанные В. П. Чужиковым от М. С. Крюковой в 1934 г. в Нижней Зимней Золотице. Архив Гос. Лит. музея, КП 6422.

³ См. настоящее издание, № 78, стр. 181.

⁴ Там же, стр. 183—184.

⁵ В. В. Стасов. Происхождение русских былин. Собрание сочинений, Спб., 1894 г., т. III, стр. 1079.

⁶ Там же, стр. 1086.

⁷ Н. И. Костомаров. Севернорусские народоправства. Изд. третье, Спб., 1886 г., т. II, стр. 211.

⁸ Рыбников. *Op. cit.*, т. II, № 134, стр. 250.

БАРЕНЦОВО МОРЕ

Море показано живо и разнообразно: и в штиль и в бурю. Буря в разговорной и эпической северной речи определяется понятиями игры, бега — вообще движения; например, «погода разбежалась»; в былине:

Разбежались ветры буйные
 Как во их-то бёлы парусы¹,
 ...Беломорская погодушка разыгралася²
 ..Во синя моря навалилась³.

С этими привычными метафорами смыкается и образ бури, как пляски морского царя, данный в былине:

Распьясался у тебя царь морской:
 А сине море сколыбалось,
 А и быстры реки разливались,
 Топят много бусы-карабли,
 Топят души напрасные
 ...Перестал царь морской скакать и плясать:
 Утихло море синее,
 Утихли реки быстрые⁴.

В другом варианте:

Тут Поддонный царь распотешился
 И начал плясать по палаты белокаменной,
 Он полами бьет и шубой машет,
 И шубой машет по белым стенам.
 ...Говорит ему царица Поддонная:
 — Ай же ты, Садко купец, богатый гость,
 Сломай-ко ты гусли яровчаты:
 Тебе кажется, что скачет по палатам царь,
 А скачет царь по крутым берегам;
 От его от пляски тонут-гинут
 Бесповинныя буйны головы⁵.

Вот морской царь выводит из подводной гавани три корабля с драгоценными грузами:

Они сделались на поверхности,
 Они быстро пошли, будто птицы же полётели⁶.

Упоминание о морских судах в былине часто связано с реальными, современными сказителю типами судов. Само слово «корабль» на Севере относилось к определенному типу трехмачтового морского судна; поэтому в беломорском варианте А. М. Крюковой и говорится:

Ище много ведь погибло чёрных караблей,
 И того больше погибло всё мелких судов⁷.

У Кирши Данилова буря топят «бусы» — сибирские речные суда типа барки.

Иногда Садко спускают в море не на доске, а на шлюлке; как известно, шлюпки держат на больших судах для выездов на берег, на другое судно, для

¹ Записи Чужимова. Архив Гос. Лит. музея.

² См. настоящее издание, № 78, стр. 187.

³ Записи Чужимова. Архив Гос. Лит. музея.

⁴ Кирша Данилов. *Op. cit.*, № 47, стр. 235.

⁵ Рыбников. *Op. cit.*, т. II, № 107, стр. 29.

⁶ Записи Чужимова. Архив Гос. Лит. музея.

⁷ Марков. *Op. cit.*, № 21, стр. 137.

аварийных случаев и т. д. У М. С. Крюковой шлюпку Садко берут на буксир, после того как его встречает на «украшенной» лодочке сын морского царя. Садко

Заходил, переходил он в его лодочку;
Его шлюпочку-ту взяли привезали-то,
Привезали же к своей-то онъ лодочке.
Вот приехали они к царю морскому-ту,
Как в его же всё заехали в его гавань-ту,
Они подъехали ко пристани ко царьской-то ¹.

В одном варианте для Садко «пускают с корабля «лисницу долгую» ², т. е. трап. Подробно описываются все части корабля, подобного кораблю Соловья Будимировича. Пароход не кажется сказителю неуместным в былинне; в печорском варианте, записанном в 1929 г., Садко приказывает:

Направляйте паровы скорё машинушки ³.

Точно так же в аналогичной по сюжету новгородской сказке, записанной мною в 1938 г., «машина заработала, пошла», после того как «чоловик», вышедший из моря, взял с собою героя сказки, матроса. В былинне упоминаются «каюты», «трюм» кораблей. В золотницком варианте былины Садко возвращается с караваем кораблей в Новгород:

Заходили они в Волх-реку;
Приказал Садко, купец богатые,
Из оружей стрелять тогда ⁴.

Сказительница запечатлела, повидимому, местный золотницкий обычай: промышленники-зверобой, возвращаясь домой с удачного промысла, давали знать о себе стрельбой из ружей; на ее памяти, на морском торговом судне одного местного судовладельца была поставлена пушка, из которой, подходя к Золотице, давали салют. «Пушка пала. Семён Субботин идёт!» — определяли золотичане.

Легко узнать описание штителя в волшебной задержке корабля в ряде вариантов былины, когда корабли «остаиваются» на море. М. С. Крюкова прямо называет штитель:

Палась очунь тихая погодушка,
Приутихло, приуныло море синее,
Остоялись чернёны да большы карабля ⁵.

Штиль был главным бедствием моряков парусного флота, так как из-за безветрия суда должны были проставать на месте неделями; при шторме все же имелась некоторая возможность управлять судном. На родине сказительницы, в Золотице, есть поговорка: «Погоды не хулить и тиха не хвалить» ⁶. Большинство старых обычаев и обрядов моряков было направлено именно против штителя; в том числе и бросание в воду различных предметов «на поветерь», что имеет место в былинне. Лишь в двух вариантах былины корабль начинает тонуть и в одном (печорском) его разбивает «пургой-падерой», т. е. зимней бурей с Ыюгой.

Садко предполагает (в некоторых вариантах) причину задержки корабля также в том, что корабль наткнулся на подводные камни или мель. В беломорском варианте он приказывает «водолашничкам»:

Вы скачите-тко вы скоро вы во синее во морё,
Вы смотрите-тко вы скоро под черьлёным караблём:
Ишше наш-от карабль не на мёли ли стоит,
Не на мёли ли стоит, не на луду ли нашол,
Не на луду ли нашол не на подводную? ⁷.

¹ См. настоящее издание, № 78, стр. 186.

² Материалы экспедиций в Заонежье 1926—1928 гг. Архив Гос. Лит. музея.

³ А. М. Астахова. Былины Севера. Л., 1938 г., № 94, стр. 512.

⁴ Записи Чужимова. Архив Гос. Лит. музея.

⁵ См. настоящее издание, № 78, стр. 184.

⁶ Материалы моих экспедиций. Архив Гос. Лит. музея.

⁷ Марков. Op. cit., № 95, стр. 492.

РЕКА ПЕЧОРА

ЛЕСИСТЫЙ БЕРЕГ ПЕЧОРЫ

В речных же вариантах (печорских) и в одном с Онежского озера песчаную или каменную мель, «кошку», ищут «железными щупами», «храпами долгомерными», т. е. простыми приборами, при помощи которых там определяли глубину при плавании в мелких водоемах:

Берите-ко щупы железные,
Щупайте во синем море:
Нет ли луды или камня,
Нет ли отмели песочных?¹

Морская торговля, хорошо знакомая сказителям по их поездкам в Норвегию на купеческих парусных шхунах, в былинне описана подробно и конкретно: Садко покупает корабли, снаряжает их, нанимает матросов и корабельщиков, грузит товары, долго ждет попутного ветра:

Как стояли его кáрабли
Они в путь-дорогу приготовлены;
...Потенули-ти ветры буйные,
Ветры буйные попутные, —
...Они пошли скоро во синё море.
Они ушли в земли неверные,
Продавали товары руськие,
Они продали скорёхонько,
Нагрузили иностранныма².

Отразились в былинне и некоторые особенности местной северной торговли. Для Печоры характерны были «пловучие ярмарки». Караван торговых парусных судов какого-нибудь купца медленно спускался вниз по течению реки, приставая к более крупным поселениям. К этому времени съезжались сюда жители из всех окрестных местностей. В течение нескольких суток шла почти непрерывная торговля — денежная и меновая; затем караван снимался с места и отправлялся дальше; «ярмарка плывет», — говорили там, увидя такой караван. В печорском варианте (Усть-Цылемский район) былины о Садко тот, придя на своих кораблях к «заморскому граду», открывает торговлю:

Да открыли нынь большу торговлю ту,
Они нач'ли торговать светлой дёницею,
Да насквозь они торгуют тёмну ноценьку,
Тёмну ноценьку торгуют до белá светá³.

Подвоз товаров на ярмарку — речную или сухопутную — можно видеть в следующем эпизоде того же варианта: Садко, поднявшись на мачту, смотрит в подзорную трубу:

А со всех сторон товар везут извозами,
Да извозами везут топерь телёгами⁴.

Беломорские варианты былины записаны в Золотице (на Зимнем берегу), где к концу XIX в. система кредита закабаляла, под видом благодеяния, местных моряков крупным архангельским купцам, у которых они фрахтовали на тяжелых условиях парусные суда для перевозки чужих товаров в Норвегию; в одном из вариантов былины царица Белорыбца, владычица озера Ильменя, советует Садко купить корабли и идти на них в море; на слова Садко, что у него «суммы мало же», она

¹ Рыбников. *Op. cit.*, т. II, № 107, стр. 25.

² Записи Чужимова. Архив Гос. Лит. музея.

³, ⁴ Астахова. *Op. cit.*, № 94, стр. 511.

отвечает: «Денег нет — так дружья же есть», и дает ему золотой казны на покупку кораблей с тем, что ему придется

...сходить в морюшко,
На донушко-то сходить камешком¹

к ее брату, морскому царю, и приутешить его игрой на гусях.

Отношение к Садко сказителей былины отличалось двойственностью, которая была вообще свойственна фольклору о купцах, бытовавшему в дореволюционной крестьянской среде: социальный протест переплетался с известной симпатией к удачникам-купцам, в особенности к выбившимся из бедняков; это объяснялось мечтой о чудесном обогащении, свойственной психологии значительных групп дореволюционного крестьянства, связанного иллюзией частной собственности. Эти настроения особенно должны были поддерживаться в промысловой среде Севера «покрутом» с пассивным участием в дележе промысловой добычи, — в ничтожной доле, почти фиктивном. «Система покрута имеет для работников прелесть лоттерей и всегда поддерживает их в надежде, при ряде уловистых годов, выйти самим в хозяева», — циничски писал исследователь рыболовства в царской России Данилевский². В былине симпатия сказителей к удачнику Садко не помешала выявиться — как показано выше — артельным и общинным навыкам в той их форме, в какой они сохранялись в промысловой жизни Севера.

«Всякая мифология, — пишет Карл Маркс, — преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, с действительным господством над этими силами природы»³.

Беспомощность перед водной стихией, низкая отсталая техника рыболовства и мореплавания, искусственно задержанная в своем развитии в царской России, способствовали бытованию в старину у промыслового населения Новгорода и Севера многочисленных поверий и легенд о водяных — «хозяевах» воды и рыбы, отразивших частно-собственнические отношения на промыслах, по образу которых и представляли себе мифический подводный мир.

Несомненно, что эти поверья и обрядность, связанные с водной стихией, восходят к древним мифологическим представлениям и культуре воды, общим мировому фольклору; большее развитие получали они, естественно, у рыболовов и мореплавателей. В дореволюционное время можно было легко найти ряд аналогий к поверьям Новгорода и Севера в других приморских и рыбацких районах: Черного моря, Каспия, Волги — вообще у воды. Сходство поверий и обрядности, которым некогда придавалось значение реальности, вызывалось общностью условий труда и быта. В данной статье делается только попытка показать, что эти условия существовали и в местах создания и бытования былины о Садко и могли непосредственно определить собою развитие ее сюжета. Не так существенен вопрос «как» этот сюжет попал в новгородские былины, а «почему» он был ею там воспринят и впоследствии удержался при ее бытовании на Севере.

В былину о Садко включен ряд древних представлений о водной стихии и ее персонализациях. Самое архаичное аниматическое представление, т. е. оживотворяющее самое воду, имеется лишь в одном варианте былины:

Отвечае вода им матушкѣ:
— Просит человека Водянои царь⁴.

¹ См. настоящее издание, № 78, стр. 182.

² Н. Я. Данилевский. Рыбные и яверные промысла на Белом и Ледовитом морях. «Исследования о состоянии рыболовства в России», СПб, 1882 г., т. VI, стр. 117.

³ К. Маркс. Введение к «Критике политической экономии». Собрание сочинений, том XII, ч. I, 1933 г., стр. 203.

⁴ Гильфердинг. Op. cit., т. I, № 2, стр. 8.

РЫБАЦКАЯ СТОЯНКА СТАРОГО ТИПА НА ПЕЧОРЕ

ТРАДИЦИОННОЕ ПЕРЕНЕСЕНИЕ ЛОДКИ НА БЕРЕГ НА ПЕЧОРЕ

В быту рыбаков и мореходов существовали отголоски подобного оживотворения воды; о гибели на море говорили: «вода взяла», «море взяло», о подверженных морской болезни: «море не полюбило» и т. п.

Анимистические представления об антропоморфных «хозяевах»-водяных отразились в образах «молодца Ильменя», царицы Белорыбицы, морского царя с его семьей и т. д. Само название «морской царь» (в других вариантах царишко Поддонишко, Поддонный князь, царь Водяник, Водяной царь), повидимому, проникло в былинку из сказок. Быт в морском царстве заимствуется иногда сказителем из привычной ему обстановки (изба, горница с лавками и т. п.). Так, «белокаменные палаты» морского царя заменены в одном варианте (Кириши Данилова) постройкой, характерной для лесной полосы:

Выходил Садко на круты береги,
Пошел Садко подле синя моря,
Нашел он избу великую,
А избу великую, во все дерево,
Нашел он двери и в избу пошел.
И лежит на лавке царь морской¹.

Женские образы былины имеют широкие аналогии в промысловом фольклоре всего Севера (как и образ водяного). Это — «хозяйки» места, «хозяйки» рыб, которые щедро одаряют полюбившегося им охотника, рыболова, а иногда и губят его, чтобы удержать у себя, в своих заповедных приютах. В особенности такие легенды были распространены у рыболовческих и охотничьих народов северной Европы, Азии и Америки.

Никола, появляющийся в былине на дне моря для спасения людей, тонущих вместе с кораблями, и самого Садко, также может быть отнесен к водяным божествам. Культ Николая Мирликийского с момента своего возникновения в Греции, в Мирах, был заменой местного культа бога моря — Посейдона². Морская торговля Новгорода содействовала развитию там культа Николы — покровителя мореплавания и торговли; этот культ — отраженный в новгородской былине о Садко — укреплялся связями Новгорода с Византией, а также с приморскими странами западной и северной Европы, впитывая в себя кроме того черты туземного культа водяных-«хозяев».

Новгородцы принесли культ Николы на Север; этот культ был популярен там среди рыбаков и мореходов в старое время. Эпитеты Николы на Севере — Морской бог, Ветренник. В местных легендах Никола то спасает на море людей во время опасности, как в былине, то губит их, мстя, например, за непочтение к его празднику, т. е. образ его так же двойственен, как и образ водяного, который посылает рыбу и топит людей. В былине Никола — старик, «как белый куропоть», старик, «брада же белая»; в местных легендах он также является на море в виде старика «белого как сметана», «седатого»; повидимому, в облике северного Николы — хранителя на водах, реже подателя рыб³ и грозного мстителя — следует видеть персонафикацию самого сурового северного моря — кормильца и могилы моряков — «океана-дедка», как называют его на Севере. Образ Николы в былине чрезвычайно близок к местным северным легендам, причем несомненно, что и легенда и былина испытали влияние агнографической (житийной) литературы. Характерно, что в то время, как культ Николы был развит преимущественно в приморских районах, у моряков, — в глухих местах, на озерах, держался более архаичный культ «водяного», «озерного». Присутствие в былине Николы на дне моря рядом с мор-

Кириша Данилов. *Op. cit.*, № 47, стр. 234.

См. А. Дмитриев. Никола угодник и его культ. *Журн. «Атеист»*, 1930 г., № 55.

«Николай чудотворец призывается в заговорах русских... рыболовами «для сохранения от уроков (сглаза) рыбной ловли, льняных и посконных ловушек» ...«колебать синее море ветром и вихрем, и сильную погоду, возбуждать красную рыбу семгу и белую рыбу ...гнать их к рыболовам». А. Дмитриев. *Op. cit.*, стр. 113.

ским царем — результат расщепления образа водяного божества. Морской царь требует от Садко «дани-пошлины» за благополучное плавание в его владениях, — Садко говорит:

Уж я сколько по морям не хаживал,
Всё везде в ходах-то было счастье¹;

Никола за спасение Садко со дна моря требует построения церкви. Никола подает те же советы Садко (о прекращении игры на гусях и о браке с морской царевной), что и существа мифического подводного мира: морская царица, дочь морского царя и «бабушка за зыбою» в его дворце. Борьба Никола с морским царем за Садко — как это доказано на ряде подобных мифов — процесс вытеснения прообраза, ставшего противником. В печорских вариантах, как уже упоминалось, Никола выступает преимущественно как патрон торговли; маринистическая окраска его образа почти исчезает. В былине Садко обещает выстроить церковь Николе за свое спасение, — в бывшей Новгородской губернии и на Севере большинство церквей было «никольских». «От Холмогор до Колы — тридцать три Николы» (местная северная поговорка). Обеты Николе во время опасности на море были так же распространены, как и выделение части промысловой добычи «Николу», т. е. на церковь.

Вера в водяных-«хозяев» вызывала их культ, выразившийся в угождении им и жертвоприношениях.

Игра Садко на гусях аналогична группе обрядности, имевшей целью снискать расположение водяного-«хозяина»: в Поморье, например, в старину на глухих озерах женщины, выезжая в первый раз на лов, пели песни, чтобы угодить водяному, так как он «любит гульбу»; на других озерах рыбаки старались, наоборот, соблюсти полную тишину, так как там «водяной не любит шума»².

Среди рыбаков и мореходов существовал в старину обычай бросать в воду различные жертвы, чтобы добиться хорошего улова или благоприятной погоды. В былине Садко приносит жертвы воде или морскому царю. Он опускает в воду (в двух вариантах Кириши Данилова) хлеб с солью; это отголосок наиболее древнего типа жертвы — «кормления». В первом варианте Садко, прощаясь с рекой Волгой,

Отрезал хлеба великой сукрой,
А и солью насолил, его в Волгу опустил:
«А спасибо тебе, матушка, Волга река!
А гулял я по тебе двенадцать лет,
Никакой я притки, скорби не видывал над собой»³.

В другом варианте Садко говорит:

Бегаю по морю двенадцать лет,
...И во то сине море Хвалынское
Хлеба с солью не опускавал;
По меня, Садка, смерть пришла!⁴

«Кормление» воды, а чаще предполагаемого в ней «хозяина»-водяного (обычно именно бросание хлеба) было распространено под Новгородом и на Севере у русского населения. Несколько десятилетий назад в новгородских пригородных селах на Ильмене было в обычае, возвращаясь из города, бросать «поветери» булку⁵. На озерах в Поморье «озерному» опускали в воду петуха — «целое жаркое», куриное яйцо, хлеб, табак и т. п. В д. Малошуйке на Онежском берегу, когда шли на озеро первый раз с неводом, то брали с собой «вина шкалик», «христосское яйцо» и

¹ Записи Чужимова. Архив Гос. Лит. музея.

² Материалы моих экспедиций. Архив Гос. Лит. музея.

³ Кириша Данилов. *Op. cit.*, № 28, стр. 181.

⁴ Там же, № 47, стр. 233.

Материалы моих экспедиций. Архив Гос. Лит. музея.

ОЗЕРО ИЛЬМЕНЬ

УСТЬЕ РЕКИ ЛОВАТИ, ВПАДАЮЩЕЙ В ОЗЕРО ИЛЬМЕНЬ

«лампасья», конфет. Все это, связав в тучок, спускали в невод на дно «озерному» с приговором:

Тебе, батюшка, винцо,
Тебе, матушка, яйцо,
А тут вашим детишкам гостинцев.
Гоните рыбку в неводок
Да это нам за гостинцы давайте больше!¹

Обычно в былине при задержке корабля Садко спускает на воду мисы или бочки серебра, золота и жемчуга, объясняя это тем, что морской царь просит дани-пошлины. В старину в Новгородском районе и на Севере было в обычае бросать в воду серебряную мелочь при первом выезде на промысел, чтобы получить хороший улов, а также при неблагоприятной погоде; характерно, что иногда русские считали этот обычай заимствованным от первых насельников края: мифической «чуди» и лопарей. Старуха-колонистка становича Рында Терiberского района вспоминала, что в дни ее молодости: «когда начинали промышленать семгу в падуне, то сперва спустим серебро. Лопари говорили — надо окупить; чем больше бросишь, тем больше семги попадет. Не жалели на это, бросали полтинник или рубль»²; она же рассказывала, что если не было денег, то бросали серебряный крест, пуговку или сережку. На Зимнем берегу тоже пришлось слышать от одной старухи-рыбачки, что существовавший прежде обычай бросать в воду деньги очень древнего происхождения: «С сотворения мира жил народишко чудь, они бросали в воду серебро»³.

Цель такого рода жертвы ясна: это откуп («окупить») или дань воде или же предполагаемому в ней «хозяину» за право лова или плавание в этом водоеме. Осмысление в среде, близкой торговым интересам, дани морскому царю в былине как «пошлины» отметил еще А. В. Марков: «Садко не только водится с таможенными людьми, но даже платит пошлину Морскому царю; след., пошлина настолько вошла в употребление [в древнем Новгороде], что явилось поверье о необходимости платить ее даже водяному духу»⁴. Однако можно добавить, что это осмысление не было чуждо и сказителям на Севере, где большинство моряков старого времени работало на торговых судах дальнего плавания.

В старинной промысловой обрядности признаком неугодности жертвы, спускаемой в воду, служило — тонет она или всплывает на поверхность. В былине неугодность жертвы Садко морскому царю узнается по следующему: золото и серебро, спущенные на воду, не тонут:

Положили на дощечку золоту казну:
Тут дощечка не тонет, а гоголем плывет.
...«Ай же вы, дружки-братья корабельщики!
Верно не пошлины Поддонный царь требует,
А требует он голову человеческу!»⁵

В другом варианте бочки с золотом и серебром

...всё поверх воды несёт.
...«Не берёт у нас Морьской щярь дани-пошлины»⁶.

В былине воля морского царя, изъятая таким способом, повторяется и в мотиве жеребьевки при спускании в воду человека. Участники жеребьевки — Садко,

¹ Материалы моих экспедиций. Архив Гос. Лит. музея.

² То же.

³ То же.

⁴ А. В. Марков. Бытовые черты русских былин. М., 1904 г., стр. 28.

⁵ Рыбников. *Op. cit.*, т. II, № 107, стр. 25—26.

⁶ А. В. Марков. Беломорские былины, № 21, стр. 136.

корабельщики и матросы — уславливаются о «жеребьях», которые будут брошены в воду:

Которые бы по веру плывут,
А и те бы душеньки правые;
Что которые-то во море тонут,
А мы тех слихнем во сине море!¹

Наперекор закономерности тонет жребий самого Садко, несмотря на то, что он, злоупотребляя своим положением хозяина судна, намеренно приказывает сделать свой жребий из самого легкого материала, «хмелевого пера». Однако, когда Садко уславливается, что потонувший жребий означает неугодность этого человека морскому царю и делает свой жребий из булата, его жребий всплывает на поверхность.

Характерно представление о судьбе, также отразившееся в мотиве жеребьевки: «Поискала судьбина Садкэ², говорится в былине, когда жребий падает на него. Этому соответствует поверье о том, что «на роду написано» кому утонуть; такой обреченный человек, проведя благополучно ряд лет в дальних и опасных морских плаваниях, все же непременно утонет, отправившись, например, за грибами по своей речке³. Даже в случае гибели экипажа целого судна фаталистическая философия моряков находила этому объяснение: «рок их сбрал» на это судно⁴.

Фатализм моряков поддерживался почти полной их беспомощностью перед стихией при отсталой технике мореплавания, — гибель на море, при этих условиях, была бытовым явлением в среде моряков, и это казалось неизбежным, predetermined заранее; слепая случайность принималась за веление судьбы.

В былине, после того как устанавливается, что морской царь отвергает принесенные ему дары, моряки решают, что он требует в море «живой головы». Садко говорит:

Не нуждается царь, вёрна, тимá подаркама,
Он ведь просит-то, зовёт головушки человеческой,
...Верно, просит царь морской самого меня данью-пошлиной⁵.

Это подтверждается в другом варианте словами самого морского царя:

Век ты, Садке, по морю еживал,
Мне царю дани не плачивал,
А нонь весь пришел ко мне во подарочках⁶.

Мотив «головы», т. е. жизни человека, которого приносят в жертву водяному, конечно, не имел под собой реальной основы в Новгороде или на Севере в исторические времена; существовало только поверье, что водяной иногда сам берет себе «голову». Так, якобы, водяной «играет», показывается из воды, «перед головой», т. е. что в этом году кто-нибудь утонет. Поверье, что водяной требует себе людей, отразилось в ряде обычаев, в основе которых лежит своеобразная символика. На Онежском озере, где записано большинство вариантов былины о Садко, существовал, по свидетельству Е. Г. Кагарова⁷, обычай у рыбаков ежегодно в Николин день стускать в озеро в продырявленном челноке соломенное чучело, одетое в рубаху и «портянки» (портки?), в дань водяному. Следовательно, в местах бытования былины существовала аналогичная обрядность. Приуроченные жертвоприношения водяному к Николину дню не случайно, так как культ Николая Морского, Мокрого, как уже говорилось, также был связан с водой. Под Новгоро-

¹ Кирша Данилов. *Op. cit.*, № 47, стр. 232—233.

² Рыбников. *Op. cit.*, 1909 г., т. 1, № 54, стр. 333.

³ По С. В. Максимова. Год на Севере. Изд. 3-е, 1871 г., стр. 200.

⁴ Материалы моих экспедиций. Архив Гос. Лит. музея.

⁵ См. настоящее издание, № 78, стр. 185—186.

⁶ Рыбников. *Op. cit.*, № 134, стр. 251.

⁷ Е. Г. Кагаров. Магия в хозяйственно-производственном быту крестьянства. Журн. «Атеист», 1929 г., № 37.

ОСТРОВ ПОРОМСКИЙ НА КЕНОЗЕРЕ

БЕРЕГ ОЗЕРА ОНЕГО

дом в прошлом веке, проезжая из Ильмена в Волхов, бросали в воду «чорту» старую одежду¹. Другой формой замены служит произнесение имени; на Севере был очень распространен в старину обычай «считать лысых» для того, чтобы вызвать ветер. Их перечисляли поименно, до 27 или 40, и, сделав для каждого имени зарубку на палочке, бросали ее в воду, большей частью по направлению нужного ветра; иногда же эту палочку еще смазывали кровью из надрезанного пальца². По-видимому, это есть символическое бросание в воду или обещание воде поименованных людей; имеется интересное подтверждение этому в очерке В. Н. Майнова «Несторова весь» (чудины): «коли буря застала, или... тонешь на реке или озере, или запруда не ладится, стоит лишь посулить старому (ведэ-хиннэ, водяному) какое-нибудь человеческое имя, чтобы избыть беды; он и сам суленое возьмет,... приходится лишь остерегаться, чтобы не назвать такое имя, которым зовется кто-нибудь из родни, или близких»³.

К категории жертв «замены», может быть, следует отнести (исходя из аналогий в древних культах) обычай спускать на воду различных насекомых во время штиля, что было распространено в старину на Белом море. Чтобы вызвать попутный ветер, на воду спускали желтого таракана, «прусака», с приговором:

Поди, таракан, на воду,
Подними, таракан, Севера!⁴

Один из основных мотивов в былине о Садко — «избранничество», т. е. благосклонность к нему духов водной стихии, которыми он избран. Термин «избранничество» введен Л. Я. Штернбергом, который эту идею видел в основе всех религий⁵. «Избранник», помимо своей воли, не только получает от избравшего его божества промысловую добычу, богатство, сверхестественные знания и силу, — нередко он платит жизнью, так как божество берет его к себе, желая обладать им безраздельно.

В былине Садко заслужил благосклонность морского царя (в беломорских вариантах сказительниц А. М. и М. С. Крюковых также сестры его, царицы Бело-рыбницы) игрой на гусях, иногда своей находчивостью в разрешении спора; тот награждает его щедрыми дарами, насильно берет в подводное царство и предлагает ему брак с морской царевной, который должен повести к тому, что Садко никогда не вернется на землю. Путем скрытой борьбы с морским царем (поломка гуслей, воздержание в браке) Садко расстраивает его планы и выходит на поверхность.

Известно, что избранничеством божества в первобытных обществах склонны были объяснять не только промысловый успех, шаманскую силу, но и обогащение члена общины. Само русское слово «богатый», по признанному в науке мнению, имеет своим корнем слово «бог»; т. е. «богатый» — имеющий богов-покровителей. Таким образом, идея избранничества должна была так же поднимать «престиж богатства» как и «престиж власти». Взаимоотношения Садко с подводным миром приводят к его чудесному обогащению; обычный его эпитет — «Садко богатый».

К чему сводятся дары водяного божества в былине о Садко? Это то, что наиболее близко рыбакам или мореходам: чудесный лов рыбы на озере Ильмене или драгоценный груз кораблей на море; в одном варианте — «вал жемчугу» на морском дне⁶. Последнее можно отнести к отголоску в былине занятия жемчужным промыслом в б. Новгородской губ. и на Севере; местный жемчуг, добывавшийся со дна рек, изобилующих раковинной жемчужницей, шел на женские украшения и пр.

^{1,2} Материалы моих экспедиций. Архив Гос. Лит. музея.

В. Н. Майнов. Несторова-весь. «Живописная Россия» СПб.-М., 1881 г., т. I, ч. 2, очерк IX, стр. 508.

³ Материалы моих экспедиций. Архив Гос. Лит. музея.

⁴ См. Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936 г.

⁵ Материалы моих экспедиций в Заонежье 1926—1928 гг. Архив Гос. Лит. музея.

В былине водяные-«хозяева» Ильменя дают Садко богатый улов рыбы, обычной или чудесной: например, в варианте М. С. Крюковой царица Белорыбница зовет Садко в Ильмень озеро играть на гусях; он отвечает:

«Мне-ка в озеро итти не слободно же:
 ...Я пошол суды во озеро
 Промышлять рыбу белужину,
 Вот белужины-стерлюжины».
 «Не скучай, Садко, купець богатыя,
 Ты получишь рыбы, сколько хочешь же».
 ...Вдруг ведь озеро-то очень тихое сделалось,
 Тут ведь рыбу-ту понесло везде,
 Садко-то устал брать ее¹.

Повидимому, этот мотив восходит к рыбацкому поверью о том, что водяной-«хозяин», распоряжающийся рыбой, может по своему желанию загнать ее в сети рыбака, и что этим обусловлены передвижения рыб. Это поверье можно, собственно, отнести к «мифам наблюдения», пытавшимся объяснить жизнь природы. В Поморье в заговорах просили водяного с семьей, как и святых, патронов рыболовства: «Гоните рыбку в неводок!»². Молитва Вейнемейнена в Калевале морскому богу Ахто аналогична этим рыбацким заговорам, на основе которых она и сложена; Вейнемейнен просит бога Ахто загонять рыбу к нему в невод из станов и яч жердью или шестом³. На самом озере Ильмене была записана легенда о том, как Черный ручей (В. Ф. Миллер отождествляет его с девушкой Черनावушкой былины), в образе человека в черном, указал новгородцу-рыболову — за выполненное им поручение к «дядюшке Ильмену-озеру» — «такое место, где рыба кишмя кишит»⁴.

На Белом море бытовали прежде легенды, чрезвычайно архаичные по своей основе, о выловленном рыбаками водяном и о борьбе с водяным; например (на Зимнем берегу): «Под Томаришиной ямой (около Верхней Золотицы) ловили рыбу сетями и один раз выловили трёх чертей. Вот как станут говорить, куда их: «В гору! В гору! В гору!» Вот они ревут... А как скажут: «В воду! В воду! В воду!» вот они растягуются и хлопают. Потом спустили их в воду. А на другой день пошли ловить, так еле на карбасе увезли. Всякой рыбы попало, — и сигов и всякой»⁵.

В другой легенде — о Марье Кичке (Терский берег) — утопленница, ставшая женой водяного, «не дает семги» всей деревне Киче. «Кто по ней — немного семги давала, кто не по ней — тому ни одной рыбы». Приезжий помор-матрос дважды спускается с судна на дно реки, запугивает Марию Кичку, а в конце-концов разоряет ее «домовище» и изгоняет ее из реки. Вернувшись, он сообщает, что видел, как Марья Кичка с целой свитой «колотит в дошшóчку, как в гусли играет» и этим шумом отгоняет семгу в ее «станы» (т. е. места под водой, где держится рыба)⁶.

Есть в былине и еще одна группа даров — оборотней; Садко, очутившись в Новгороде, по чудесному велению, черпает, под всеобщие насмешки, тину и грязь из Волхова и складывает ее в амбары — тина и грязь превращаются в золото и серебро⁷. В другом варианте Садко получает необычное приданое за морской царевной:

По морю понесло кирпичи-ти, все обломки же.

¹ Записи Чужимова. Архив Гос. Лит. музея.

² Материалы моих экспедиций. Архив Гос. Лит. музея.

³ Цит. по В. Ф. Миллеру. К былинам о Садке. «Очерки русской народной словесности», М., 1897 г., стр. 294.

⁴ Там же, стр. 290.

⁵ Материалы моих экспедиций. Архив Гос. Лит. музея.

⁷ Гильфердинг. Op. cit., т. 1, № 2, по стр. 11—12.

Настасья царевна, увидев их, усмехается:

«Уж вы гой еси, младае матросики,
Перенимайте-ко, потрудитесь!»
Сколько шлюпочек намерили они же всё,
Сами тихо переговаривались:
«Нехорошо-то царь дал приданое!»
...Они спускали каменяицо, обломки же
Во трюм чернёна карабля.
...Как пошли-то младае матросики
Как во три-то ти чёрны карабля, —
С удивленья только ахнули:
Камни чёлы все самоцветные,
Блестят-то, будто красно солнышко¹.

Существует обширная группа рыбацких поверий-легенд о таких дарах-оборотах. Так, например, в олонечкой легенде водяной наполняет лодку «рыбьим клеском» (чешуей); у человека, взявшего одну пригоршню клеска, он превращается в серебро².

Корни другого мотива избранничества в былине — пребывание Садко у морского царя — следует искать в народной сказке о подводном царстве, в свою очередь происшедшей из поверья о гощении человека у водяного, распространенного некогда среди населения на территории древних новгородских владений.

Путешествие в подводное царство и возвращение оттуда мыслится в местных северных легендах (как и в аналогичных мифах о посещении неба, подводного и подземного мира) вполне допустимым и не связано со смертью героя, как это имеет место и в былине о Садко. В легенде о Марье Кичке, приведенной выше, помор-матрос «вдруг с судна в воду скочил и ушел в воду камнем. Трби сутки помор был в воды. На четвёрты прям свего судна всплыл. И вычепался на судно»³. В легенде Зимнего берега мальчик-юнга, спрыгнувший за борг из страха перед козяином судна, ходил трое суток по дну, сопровождаемый Николой и «воды не чувствовал»⁴.

Однако в былине отчетливо сквозит также представление о посещении подводного царства как о смерти: Садко, спускаясь на море, говорит:

Давайте мне гуселки яровчаты,
Поиграть-то мне в остатнее:
Больше мне в гуселки не игрывати⁵.

Он отписывает свое имя жене, дружине и церкви; устанавливается, что морской царь просит «головы», т. е. жизни человека.

Посещение Садко подводного царства почти во всех вариантах былины соединяется с браком его с морской царевной. Обычно в мифах такой брак означает потопление. Таковы, в искаженной уже форме, и поверья о русалках, заманивающих в воду, обольщая их, людей. Потопление вообще понималось обычно — в поверьях — не как уничтожение, а именно как иная жизнь в подводном царстве, у водяного. Садко также уже начал эту иную жизнь и только чудесная помощь позволила ему вернуться обратно на землю. В браке с морской царевной, жена его — вода, в которую она превращается, вынося Садко со дна моря на берег одноименной с собой реки близ Новгорода — должна, повидимому, поглотить его⁶.

¹ Записи Чужимова. Архив Гос. Лит. музея.

² Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1909 г., № 230, стр. 499.

³ Материалы моих экспедиций. Архив Гос. Лит. музея.

⁴ Рыбников. Op. cit., т. II, № 134, стр. 250.

⁵ Ф. И. Буслев видит аналогию к браку Садко в древнем венецианском обряде обручения дожа с Адриатикой, когда тот бросал в море кольцо («Народная поэзия», СПб., 1887 г. стр. 26—27). В романе Пьера Лоти «Исландский рыбак» (в основу которого положена, повидимому, бретонская рыбацкая легенда) рыбак в шутку обещает себя в мужья морю; когда он женится на рыбацке, его «невеста» — море ревом бури выражает свой гнев, и в то же лето топит его вместе со всем экипажем промыслового судна, его товарищами, которых он некогда позвал на свой брачный пир с морем.

Садко соблюдает воздержание во время брачной ночи, так как иначе он обречен остаться в море «навечно»: нога его или руки, после того как он прикоснулся ими к жене, оказываются погруженными в воду, когда он очнулся на берегу реки:

Со полуночи, в просоньи ногу леву
Накинул он на молоду жену.
...Очутился под Новымгородом,
А левая нога во Волх реке¹.

В другом варианте жена Садко предупреждает его:

— Не вались, Саток работничок,
Близехонько ко мне к девушкой,
Накинь свои ручки Сатковый,
Накинь конец шерстиков.—
...Объявился в тую ночь в Новы градї
И лежит покрай матушки Вблховá,
Одни ручки в воды его².

Итак, обычно жена Садко превращается в реку и выносит его на поверхность; он просыпается

На крутом кресту, у быстрой реки,
И бочки с именем лежат подли его,
А невесты его и в слыху нет³.

В одном варианте старшая дочь водяного царя, не превращаясь в реку,

Взимала Садко, купца богатого,
Достала его на матушку на святую Русь.

Прощаясь с ней, Садко говорит:

Я тебе женихом не пришел,
А ты мне в невесты не пришла⁴.

Только в вариантах семьи беломорских сказителей Крюковых Садко привозит дочь морского царя в Новгород. В одном варианте Садко выбрасывает на поверхность, схватив за «длинную бороду», сам морской царь.

Таким образом, как видно из большинства вариантов, избранничество Садко носит принудительный и в основном нежелательный для него характер.

На Севере легенды о чудесном браке человека бытовали; например, в ряде вариантов записана легенда о браке промышленника на Груманте (Шпицбергене) или Новой земле с русалкой, «нечистой» и т. п.; когда тот покидает ее, она пытается «опружить» и потопить увозящий его корабль (записи П. Н. Рыбникова, Н. Е. Ончукова, О. Э. Озаровской и др.).

Само воздержание Садко в его браке на морском дне аналогично одному из основных запретов в быту моряков старого времени: соблюдение теломудрия перед отъездом на море, на морские промыслы, когда «каждый себя на чистоту блюдет»⁵; если перед отъездом промышленники не были в бане, то считалось, что «нечистые-де, море помое»⁶, т. е. они потеряют на море аварию или погибнут. Характерно,

¹ Кирша Данилов. *Op. cit.*, № 47, стр. 236.

² Гильфердинг. *Op. cit.*, т. I, № 2, стр. 11.

³ Рыбников. *Op. cit.*, т. II, № 107, стр. 31.

⁴ Там же, т. I, № 124, стр. 130.

^{5,6} Материалы моих экспедиций. Архив Гос. Лит. музея.

что на Зимнем берегу этот запрет не относился к береговым промыслам тюленя и семги, не связанным с такими опасностями и риском, как промысла на море; на тонях и в промысловых избушках жены промышленников проводили с ними по несколько дней, считалось даже, что «на поганого зверь лучше идёт»¹, — между тем, для зверобойного промысла во льдах и мурманского трескового промысла запрет оставался в полной силе.

Заканчивая рассмотрение различных местных поверий, отраженных в былине о Садко, бывшей объектом многочисленных исследований, не всегда достаточно обоснованных (например, по В. В. Стасову игра Садко на гуслиях на дне моря — проповедь буддизма духам)², хочется вспомнить одно высказывание Э. Тэйлора: «Только вследствие полного... нежелания узнать непосредственно, как и какого рода людьми составляются мифы, простая философия этих последних была скрыта под горами мусора, насыпанного комментаторами»³.

Чтобы ответить на ряд вопросов о генезисе и особенностях былины о Садко и вообще северного русского фольклора, необходимо сравнительное изучение местного новгородского фольклора, а также фольклора народностей, населяющих территорию древних владений Великого Новгорода. Это помогло бы выделить древнейшую основу северного фольклора, принесенную из Новгорода, уяснить его трансформацию, которой он неизбежно должен был подвергнуться в течение столетий на Севере, и то новое, что было заимствовано от северных туземцев.

В самой культуре древнего Новгорода обычно отмечались главным образом византийские и западно-европейские влияния; потоки же культурных влияний, шедших из огромных земель новгородских, почти не принимались во внимание.

Следует, конечно, помнить, что кое-что в традиционном северном фольклоре идет уже не от древней новгородской колонизации, а от позднейшей ростово-суздальской и московской; да и помимо этого, с образованием московского государства быт северной окраины в большей или меньшей степени подвергся московским влияниям. Кроме того многое, что принято считать исконно-новгородским в быту и фольклоре Севера, являлось, вероятно, культурным достоянием всей Руси в известную историческую эпоху, причем проникло оно на Север все же через Новгород. К сожалению, местный новгородский фольклор почти совершенно не изучен и даже не собран. Несмотря на признание того, что северный фольклор — в основном прямое наследие новгородского, в течение ряда десятилетий, когда тщательно собирался и изучался северный фольклор, новгородским пренебрегали; повидимому, считали, что исторические потрясения, испытанные Новгородом при присоединении его к Москве, были настолько грандиозны, что было бы бесполезно искать в местном быту и фольклоре древних традиций. Однако как можно видеть по некоторым литературным источникам (в особенности по материалам выпуска «Новгородского сборника» второй половины прошлого века и по сборнику бр. Б. и Ю. Соколовых «Песни и сказки Белозерского края», М., 1915 г.), а также по материалам моей поездки в Новгородский район в 1938 г.⁴, многое в новгородском промысловом быту и фольклоре сходно с северным; чрезвычайно показательно, например, тождество терминов рыболовства, названий ветров (например, Шелонник, Полуденник, Сивер), промысловых легенд, распространенных в других районах северного рыболовства (о жене ветра, о проигрыше рыбы водяными друг другу).

Существуют под Новгородом и остатки былинной традиции (всего учтено в пределах 6. Новгородской губернии свыше 10 сюжетов); правда, в 1938 г. удалось зафиксировать только три сюжета, так называемые былины-баллады («Князь Михайло», «Князь Роман», «Морянка») и собрать сведения о более широком бытовании этих былин на памяти старшего поколения; об известном сказителе, слепом нищем Проне

¹ Материалы моих экспедиций. Архив Гос. Лит. музея.

² Цит. по Н. Харузину. Этнография, СПб., 1905 г., вып. IV, стр. 23.

³ Стасов. *Op. cit.*, стр. 1069.

⁴ порученной мне Гос. Лит. музеем.

(из д. Витки, б. Новолодожского у.), об исполнении этих «песен» речитативом: «не совсем поёт и не совсем говорит», — вспоминала о своей бабушке Ф. М. Максимова, знавшей «Моряночку», студентка Новгородского педучилища, родом из д. Завал Серговского с/с.

Особенно ярко в отношении сохранности древнего новгородского быта и фольклора Поозерье — рыбацьи деревни на северо-западном и западном побережье озера Ильменя; население их сохранило древний новгородский говор и по антропологическому типу чрезвычайно близко к архангельским поморам, — «богатыри», «великаны», зовут их в других селах Новгородского района¹. Поозеры славятся своим исключительным промысловым опытом и физической силой. Земля в Поозерья относительно плодородна (так как обогащается разливами Ильменя), испокон века поозеры владели лучшими рыбными тонями, — и материальное благосостояние их было всегда относительно высоко. Рыбаки объединялись для подледного лова неводом в большие артели с выборным ватаманом во главе; артельный быт отличался устойчивостью и развитой обрядностью.

Промысловый облик Поозерья сказался в их фольклоре; сатирическая песенка рисует поозеров:

...Поозёры взгомозилисе,
Все с сетями заносилиси,
И с сетками мочальными,
С ватаманами начальными².

В частушках поется:

Я — мальчишка поозёр,
Девчёнка — поозёрочка;
Возьмём сетку, сядем в лодку,
Поедем на озёрочко.

Мой забавочка уехавши
На озеро Ильмень;
Я, молоденькая девочка,
Проплакала весь день³.

До недавнего времени в costume Поозерья сохранялись старинные шелковые сарафаны, жемчужные шапочки-«жозынки», «подвйски», плетеные из жемчуга серьги и т. п. Еще сохраняется память о кулачных боях в специальных зеленых рукавичках и о регламентированной борьбе «за любовь», с судьями и «сменами», т. е. товарищами, сменявшими усталого борца.

В этом-то «славутном» Поозерье мною записаны сказки, близкие к былине о Садко по своему сюжету или по системе представлений и образов в них. В новгородском фольклоре вообще развита традиционная сказка-новелла, почти всегда с фантастической фабулой и персонажами, — о заморской торговле, обычно сукнами, плавании по морю и обогащении бедняка, основанном на удаче и находчивости. Вот образцы поозерских сказок, записанных мною.

В одной сказке (пересказ) говорится о том, что «водяной дедка корабль держал, а потом тот стал на берегу торговать»⁴.

В другой сказке бедняк продает за три совета ковры, сотканые его женой, неизвестному старику (Николе?) и поступает на корабль матросом. Во время чудесной задержки корабля из моря выходит, «чоловик» и требует к себе одного из моряков. Жребий падает на хозяина корабля, царского сына. Тот предлагает кому-либо заменить его за вознаграждение. Бедняк, вспомнив совет старика: «Видя смерть — не бойся», соглашается на это; по «договору» с царским сыном «сделали бумаги», и он спустился в море. Там, следуя второму совету, он хвалит жену морского царя и

¹⁻⁴ Материалы моих экспедиций. Архив Гос. Лит. музея.

ИЛЬМЕНСКИЕ РЫБАКИ ЗА САДКОЙ СЕТЕЙ

ПЕРЕД ВЫХОДОМ НА ЛОВ РЫБЫ НА ОЗЕРО ИЛЬМЕНЬ

через восемнадцать лет благополучно возвращается на свой корабль, который, «конечно, не один рейс давал за эти восемнадцать годов». На берегу он получает полцарства и возвращается к своей семье, не узнав сначала своих сыновей. Сюжет сказки «Три совета» является — исходя из количества известных вариантов — одним из наиболее популярным из русских волшебных сказок; можно добавить, что, повидимому, этот сюжет все же принадлежит к северному «областному репертуару», так как большинство вариантов, притом наиболее развитых, записано на Севере — б. Новгородская, Пермская, Вятская, Олонецкая, Архангельская губ.

В третьей сказке воспитанник купца, в прошлом нищий-подросток, в иноземной гавани постепенно скармливает рыбке, плавающей у борта, весь груз хозяйского корабля — изюм. Спихавшись, он с отчаяния бросается в воду, «а там на дни глазами и прогляни» — и увидел шкатулку с золотыми монетами; с нею он возвращается на корабль. Замешав золото в кирпичи навоза и нагрузив ими корабль, он бьется о заклад с другим купцом: «чье дороже?», выигрывает заклад — его корабль — и женится на дочери этого купца.

Любопытна по тяге рыбачества к подобным сюжетам новолодожская сказка, рассказанная мне в Новгороде во время той же поездки, в которой, возможно, частично использована в качестве эпизода о браке царского сына с русалкой, сказка Андерсена «Маленькая русалочка»; русалка, увидев царского сына в «лимнатор» (иллюминатор) корабля, стала тяготиться жизнью в воде: «И плавай рыбиной!». Бабушка превращает ее в обыкновенную девушку, и она вступает в брак с царским сыном, спасши его после кораблекрушения и выдав себя за дочь рыбака. Впоследствии, так как герой сказки не сдержал обета, русалка, спрыгнув через борт лодки, снова уходит в море.

В одной поозерской сказке моряк, высаженный братьями на необитаемый остров, благодаря чудесному браку, благополучно возвращается домой.

Эти сказки содержат мотивы, чрезвычайно близкие к былине о Садко: спуск по жребию в подводное царство, обогащение при помощи водяного, заклад купцов о богатстве, брак с женским водяным духом. Можно с уверенностью предполагать, что дальнейшее изучение местного новгородского фольклора даст большое количество сказочных вариантов, еще более близких к сюжету былины о Садко, а также аналогичных рыбацких и морских легенд и поверий, основные категории которых уже можно установить теперь, — в первую очередь жертвы воде и чудесное спасение на море. Тогда станет совершенно ясна творческая стихия, из которой выкристаллизовалась некогда былина о Садко.

Интересны в этом отношении также олонецкие предания, связанные с Новгородом и, повидимому, оттуда и вышедшие, которые содержат своеобразные аналогии к мотиву брака Садко в подводном царстве. В одном из этих преданий молодец, поехавший ловить рыбу в губе Онежского озера, встречается на островах девушек-лебедей, одна из которых становится его женой, а затем улетает от него. В назначенный срок, через три года, в Ильмень-озере в избе у «большака»-водяного он находит жену и сына. Во втором предании старик около Сандал-озера женил сына, взял у «воденика»; сноха потом оказалась дочерью новгородского купца, который ее признал¹.

Ряд аналогий при сравнительном изучении можно будет найти также в национальном северном фольклоре. Академик В. Ф. Миллер указал некоторые параллели к Садко в «Калевале», именно в руне об игре Вейнемейнена на берегу моря на кантеле (гуслях), об его чудесном улове — даре морского бога Ахто². В своей работе В. Ф. Миллер приводит и другие аналогии к былине из фольклора народностей, живущих вблизи озера Ильменя.

Мотив пляски морского царя под гусли в более примитивной форме имеется в карельской сказке-легенде: «водяной хозяин» сидит по ночам на мельничном колесе и

¹ Рыбников. *Op. cit.*, 1910 г., т. III, стр. 194—197.

² Миллер. *Op. cit.*, стр. 291—298.

не дает молотъ. Парень, пришедший случайно ночевать на мельницу, избавляет мельника от посещений водяного: ночью он начинает играть на кантеле, «является водяной хозяин и начинает плясать... — Дай-ка мне поиграть, говорит водяной хозяин. — Да ты не можешь играть: у тебя пальцы толстые. — А как их сделать тоньше? — Всушь лишь пальцы вот в эти кляпцы». Зажав пальцы водяного хозяина, парень колотит его рябиновым колом и берет с него обещание не ходить больше на мельницу¹.

В свою очередь русская былина о Садко известна у карел.

В былине о Садко сосуществуют элементы поверья, легенды и сказки, что дает возможность конкретно проследить процесс использования былевым эпосом других фольклорных жанров, как при создании былины, так и последующее проникновение их в былинку при ее бытовании. А. В. Марков писал о том, что слагатели былин «прикрепляли ходячие поэтические рассказы к определенной исторической обстановке; приемы изложения почерпались также главным образом из обширного запаса общих мест народной поэзии»². Соотношение различных жанровых элементов в былине колеблется в зависимости от среды, где она бытует, и от личных склонностей сказителя.

По мере отмирания промысловых поверий и обрядности, промысловые легенды переходили в разряд сказок, имевших только развлекательное значение. При этом легенды легко соединялись с рядом близких сказочных мотивов и, не связанные больше обрядностью и мифологическими представлениями, получали возможность беспредельных вариаций и развития. Реалистический скупой рисунок мифа о промысловой удаче орнаментировался «сказочной роскошью», вводились традиционные сказочные персонажи (например, мудрая дева, ведущая борьбу вместо героя против своего отца, морского царя, как и в сказке о подводном царстве; Никола в роли помощника купца; чудесные предметы, — например, перстень, данный Садко царицей Белорыбницей, сохраняющий от гибели).

Рассмотрим изменения некоторых отдельных мотивов в былине о Садко, пришедших в нее из поверья и сказки.

Поверье о посылании рыбы водяным уже разбиралось выше. В ряде вариантов былины рыба превращается в драгоценные металлы. В сказке о чудесном обогащении, сложенной на основе такого поверья и изображавшей купеческую среду, мотив удачного улова уже не имел своего *raison d'être* и был заменен драгоценными дарами. Мысловая добыча, если она сохранялась в сказке от примитивного поверья-легенды, также должна была превратиться в те же драгоценные дары. В одном из вариантов рыба, положенная Садко в погреба, превратилась: «мелкая» — в «деньги дробные», «красная» — в «червонцы», «белая» — в «монеты»³; в ряде же вариантов рыба имеет значение лишь как предмет заклада, т. е. пари. Былина о Садко использовала, повидимому, при своем сложении одновременно и поверье-легенду и сказку. Возможно и вторичное проникновение рыбацкого поверья в былинку о Садко: сказитель-рыбак, зная вариант былины, где водяное божество дает Садко драгоценные дары, мог дополнить их еще удачным промысловым уловом, представляющим для сказителя непосредственный интерес; кроме того в его памяти хранился запас именно таких рыбацких поверий.

В сказочных сюжетах, близких к былине о Садко, встречаются мотивы заклада, пари; в былине же имеется контаминация вариантов этого мотива, его удвоение: заклад о чудесной рыбе и заклад о том, кто богаче. Первый заклад органически связан с сюжетом о подводном царстве, второй же заклад может быть свободно изъят из былины, кроме печорских вариантов, где он является основным, — зато он был использован, повидимому, некогда слагателем былины для того, чтобы выразить ее идею — апофеоз Новгорода.

Характерно, что былина о Садко самими сказителями связывалась со сказочной стихией: П. Н. Рыбников писал в примечании к одному из олонечских вариан-

¹ В. П. Крохин. Откуда ведет начало наша былина о Садке — богатом госте. «Русская старина», 1908 г., XII, стр. 749.

² А. В. Марков. Бытовые черты русских былин, стр. 2.

³ Кириша Данилов. Op. cit., № 28, по стр. 183—184.

СКАЗИТЕЛЬ Ф. А. КОНОШКОВ СПУСКАЕТ МЕРЕЖИ
В ОЗЕРО ОНЕГО

тов Садко: «Это побывальщина: стих не совсем выработан, язык довольно беден»¹; в деревне Золотице на Белом море «Садко чаще рассказывали как сказку», по словам сказительницы М. С. Крюковой.

Сказочные мотивы былины о Садко настолько очевидны, что влияние сказки на эту былину не отвергалось никем из исследователей; однако, повидимому, в истории былевого эпоса процесс использования сказки вообще имел большее значение, чем это считалось обычно, — сказки перелажались в ритмический былинный размер, удобный для песенного исполнения, со включением специфических особенностей былинного жанра. Аналогичные былинам сказочные сюжеты, как и песенные, не всегда являлись продуктом распада былины, а, наоборот, они-то и могли служить ее основой. Переложение сказок на былины, широко развитое в творчестве М. С. Крюковой (отчасти и ее матери) и некоторых других сказителей, повидимому, является закономерным для былинного творчества вообще и лишь проявляется у отдельных сказителей более ярко благодаря их импровизаторскому дарованию и склонностям.

Сюжет сказки (или песни), облеченный в форму былины, не мог, как уже говорилось, не усвоить специфики этого жанра; в былине о Садко у всех сказителей имеются многочисленные «общие места», *loci communes*, былин: традиционное хвастовство на пиру, походка Садко, описание корабля Садко, тождественного с кораблем Соловья Будимировича, и роскошных палат и т. п.; в особенности это ярко выражено у М. С. Крюковой: у нее даны сборы и проводы невесты (в свою очередь использовавшие причет), Садко расплачивается за «мужиков-извошничков» в кабаке золотой казной (сравни ее же былины «Илья Муромец и голи кабацкие», «Арсенко» и др.), новгородский князь принимает караван кораблей Садко за пошедшую «войну», сам Садко — вдовиный сын (Садко Вдовинович); дается традиционный зачин и концовка. Даже дары от воляных Садко получает

...за игру... за веселую,
За потеху славно-богатырскую².

так же, как богатыри получают подарки от князя Владимира за свои подвиги.

От знаменитой беломорской сказительницы М. С. Крюковой былина о Садко записана дважды: в 1934 г. В. П. Чужимовым, в 1937 г. мною. Варианты М. С. Крюковой являются, пожалуй, наиболее полными по развертыванию сюжета и большими по размеру (874 стиха в первом и 854 — во втором) из всех известных вариантов, не считая текстов олонецкого сказителя А. П. Сорокина (запись П. Н. Рыбникова в 1860 г. и спустя 11 лет запись А. Ф. Гильфердинга); однако в вариантах Крюковой, как уже упоминалось, нет существенного мотива скупки товаров в Новгороде, что, повидимому, просто не привлекало к себе ее творческого внимания (как и ее матери, А. М. Крюковой), так как Г. Л. Крюкову и их односельчанину Ф. Т. Пономареву этот мотив был известен.

Былина о Садко М. С. Крюковой чрезвычайно характерна для ее творчества³. У большинства сказителей в былине дан неоправданный ни сюжетно, ни композиционно образ купца, берущего неизвестно почему с собой на дно моря гусли — М. С. Крюкова создала свой замечательный пролог о Садко-гуслеаре. Остается открытым вопрос, не был ли известен ей (через книгу) вариант Сорокина, у которого только и имеется, кроме М. С. и А. М. Крюковых, Садко — «гусельщик» по профессии.

М. С. Крюкова, как и всегда, социально заостряет сюжет, демократизирует главного героя. Она делает Садко не только гуслеаром-профессионалом, но и бедняком, в одном из вариантов — даже нищим:

¹ Рыбников. *Op. cit.*, т. I, № 54, стр. 332.

² См. настоящее издание, № 78, стр. 190.

³ Подробнее о творчестве М. С. Крюковой см. мое «Введение» к «Былинам М. С. Крюковой». т. I, «Летописи Государственного Литературного музея», книга 6-я, М., 1939 г., стр. 1—48.

Садко бедно жил, да небогато же.
 Когда ехали купцы-ти все богатыя,
 Он просил у их да подаяньица, —
 ...А садкова рѣдна матушка,
 Она ходила по боярам же,
 По боярам, по дворянам же,
 Она стирала бельё їхно же¹.

Мать отговаривает Садко учиться игре на гуслях, так как он должен «работать работушку тяжолоую», чтобы зарабатывать на пропитание. Став сначала уличным гуслиром, Садко постепенно получает известность, его начинают звать на пиры играть на гуслях:

Не один пир без Садка не зачинался же,
 Не зачинался, не скончался же².

Однако всеобщее признание его мастерства не избавляет Садко от издевательств со стороны знати. На пиру «начали над ним насмехаться» боярские и дворянские дети. Оскорбленный, Садко отказывается, несмотря на трехкратное приглашение, идти играть на пиры. Его поддерживает и мать:

Дак не ходи боле, чадо милое,
 Не играй-ко-се, не потешай же их³.

Садко отправляется на озеро Ильмень «половить рыбы свежую», захватив с собой любимые гусли. За свою игру, которой заслушались в озере царица Белорыбница с детьми и ее брат, морской царь, пришедший проведать ее, Садко получает от царицы Белорыбницы, кроме большого улова рыбы, драгоценные дары и становится богачом, как бы ровней купцам, — его зовут на пир уже не в качестве наемного гуслира, а «созвали в гости»; однако когда он отказывается на пиру открыт, откуда у него, «богаствице», заметив только, что он «не ограбил никого никак», сказительница снова показывает пропасть между ними:

Отвечали тут купцы ему:
 «Верно, ты же всё не наш друг,
 Не нашего поля ягода,
 Не купеческого заседания.
 Уж ты гой еси, Садко Новгородские,
 Поиграй-ко в гусли весёлые»
 ...«У гуслей струнки сломалисе»,

отвечает Садко и покидает пир⁴.

Стремление показать социальную рознь старого времени у М. С. Крюковой так велико, что она вкладывает свои идеи даже в уста морского царя; Садко отказывается жениться на его дочери, ссылаясь на то, что он «из роду не из царьского».

«Нечегѣ, — говорит ему царь морской, —
 Это у вас да на святой Руси
 Они только своим добром хвастают,
 А у нас здесь, у водяных царей,
 Человек был бы у нас рассудительный!»⁵.

В былинне о Садко сказительница возвышает народное искусство, показывает в образе Садко его лучшего представителя, независимого, верного своему призванию,

¹⁻⁵ Записи Чужимова. Архив Гос. Лит. музея.

достигающего всего в жизни исключительно благодаря своему таланту. Таков Садко только у М. С. Крюковой. Олонецкий сказитель XIX века Сорокин, сделав Садко гуслиаром, отметил:

А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;
По пирам ходил-играл Садкѣ¹.

Однако развить этот образ Сорокин не смог; у него Садко просто не зовут на пиры три дня подряд (мотива ссоры нет), и поэтому-то он уходит на озеро Ильмень играть на гусях. Рост социального самосознания у М. С. Крюковой, помимо ее исключительной талантливости, помогающей ей развернуть сюжет и образы былины, связан несомненно с тем, что сказительница творит в советское время.

Как уже упоминалось, рыбаком Садко является тоже только у этой сказительницы, только у нее он идет на Ильмень для рыбной ловли. Помимо углубления демократизации образа Садко здесь возможен еще один момент, — творческая интуиция помогла сказительнице воссоздать древнейшую основу сюжета былины: промысловую удачу рыбака благодаря избранничеству водяного божества; это тем более вероятно, что сказительница, как это удалось установить, знает большое количество таких промысловых легенд.

М. С. Крюкова дает по своему обыкновению полную биографию героя былины, — знакомит в прологе с детством Садко, в эпизоде (в одном варианте) с его сватовством в Москве к сестре князя Глеба Володьевича. Особое внимание она уделяет мотиву брака Садко в подводном царстве, превратив этот эпизод в тонкую психологическую новеллу и дав индивидуальный образ морской царевны, едва намеченный у других сказителей. Ее Настасья царевна — дочь морского царя и матери родом с Руси, — «она от матери, скажу, от русьскою». Она томится в море, хочет уйти на землю вместе с Садко, которого она полюбила; в одном варианте она, действительно, уезжает с ним в Новгород, в другом же она отвергнута Садко, с которого пыталась взять клятву остаться в море навсегда, и с грустью признает, что сама не сможет жить на земле:

Мне ведь плохо будет на земли же жить,
Я немного поживу да помру же всё².

Она просит отца, пришедшего навестить молодых после целомудренно проведенной ими ночи, отдать Садко ее приданое — корабли с «морскими товарами»:

Будто он мой да жених жа был³,

По одному этому мотиву, данному в двух вариантах, можно видеть, насколько сильна вариативность этой былины (как и других) у М. С. Крюковой.

Вообще же мотив любви морской царевны к Садко, особенно в варианте 1937 г., близок у сказительницы к балладам типа «Ундины» Жуковского.

В варианте М. С. Крюковой в былинку введены дополнительные персонажи: мать Садко, «друг-посадский», научивший Садко играть на гусях, в одном варианте. и «холостой купец», подаривший под старость Садко свои гусли, в другом; царица Белорыбца, вдовающая двенадцать лет в озере Ильмене и живущая там с многочисленными детьми; сын морского царя, доставляющий Садко в подводное царство и пытающийся играть на гусях; морская царица, мачеха Настасьи-царевны, жалеющая для нее богатого приданого, которое дает за ней отец; в былинку введен князь Глеб Володьевич (герой одноименной былины) и сестра его, на которой Садко женится потому, что — по словам сказительницы — он и Глеб Володьевич «оба мореходы были».

¹ Рыбников. *Op. cit.*, т. II, № 134, стр. 243.

², ³ См. настоящее издание, № 78, стр. 192.

Садко для сказительницы настолько историчен, что она спрашивала меня, — не видела ли я на берегу Ильменя камня, на котором сидел Садко, играя на гусях?

На основе традиционного сюжета М. С. Крюкова дала сложное самостоятельное художественное произведение; былинку, бывшую некогда апофеозом богатства новгородских купцов и боярства, она сделала апофеозом силы народного таланта в образе нищего гусяря Садко. Сказительница использовала сюжет Садко не менее свободно, чем поэты, творчески перерабатывавшие легенды о Дон-Жуане, докторе Фаусте, чем в древней Греции использовал мифы о богах и героях для своих скептических трагедий Эврипид.

Сличение обоих вариантов былины М. С. Крюковой позволяет проследить эволюцию творчества сказительницы, все возрастающую его зрелость и виртуозность; характерно, что вместо краткого окончания варианта 1934 г.: «Ишло той истории конец пришло», в варианте 1937 г. былина заключена развернутой концовкой, резюмирующей содержание:

Как ведь етой-то старинушке конец припол.
 Как ведь нашему-то Белому морюшку на тишину,
 А Москве-ту, славному городу, на честь-славу великую,
 А вам, премудрые люди-то, на прописаньицо,
 А как от вас пойдёт премладым на росказаньицо,
 А от их-то пойдёт на пропеваньицо,
 Все со старого до малого будут слушати,
 Как ведь ету старинушку запомнят все, —
 Какой был у нас Садко Новгородский жил,
 Он ходил, ходил во морюшко-то камешком,
 Он ведь был на пированьици морьского царя,
 Он играл ему во гуслицы во весёлые,
 Во те ли во струночки в золочёные,
 Получил много богасвица-именьица¹.

Дореволюционная наука уделяла мало внимания вопросам жизни и бытования фольклорных произведений, в особенности былин. Социальная интерпретация былин сказителями-крестьянами, демократизация героев эпоса в их творчестве почти не отмечалась. Влияние местных условий, если и рассматривалось, то понималось чрезвычайно узко и внешне, лишь как описательные штрихи и «внешние подробности обстановки»². Изменения в течение столетий былины в устах сказителей представлялись только досадными «наслоениями», которые следует снимать пласт за пластом, чтобы восстановить первоначальную редакцию былины. Представители русской «исторической школы», господствовавшей в фольклористике, рассматривали целостное живое фольклорное произведение, как более или менее разрушенный археологический памятник; века жизни былины отождествлялись с веками, которые могли наложить на предмет из археологических раскопок только печать разрушения и деформации; по их убеждению сказители были способны только «искажать» былинку, варьировать ее главным образом из-за несовершенства человеческой памяти, — меньше всего в этих изменениях склонны были искать отражения «чаяний и ожиданий народных»³. В конечном счете это игнорирование жизни былин в крестьянской среде имело корни в недооценке творческих возможностей народных певцов, в пренебрежении к трудовому народу.

Былина о Садко также интересовала исследователей в первую очередь как историко-бытовой памятник Великого Новгорода с его торговыми интересами и ве-

¹ См. настоящее издание, № 78, стр. 194.

² Стасов. *Op. cit.*, стр. 1062.

³ В. Д. Бонч-Бруевич. Ленин о поэзии. (Статья перепечатана в отрывках Н. П. Андреевым в кн. «Русский фольклор». Л., 1938 г., стр. 29).

чевыми порядками. Происхождение былины возводили то к гадательным историческим фактам (упоминание о Садко Сытинце, строителе церкви, в новгородских летописях XII века), то к заимствованиям из иноземных литературных источников (эпизод о грешнике Садоке в старо-французском романе «Tristan le Léonois») местный этнографический материал, легший в основу многих мотивов былины, брался очень ограниченно, главным образом, из национального прильменского фольклора, причем влияние его предполагалось однократным, при сложении былины (В. Ф. Миллер); стихия же русского северного быта в местах бытования былины не учитывалась.

Впрочем, отдельные голоса, требовавшие внимания к жизни былины, раздавались и тогда. Ф. И. Буслаев считал, что былина о Садко представляет «образец местного развития эпической поэзии», что варианты ее «сбереглись в устах народа там где была новгородская область, и следовательно записаны там где они возникли, процветали и видоизменялись»¹; А. В. Марков, исследователь и собиратель русского северного фольклора, в своих работах настаивал на изучении процесса былинного творчества и влияния местных условий на вариативность былин: «детальное изучение эпических типов... у отдельных сказателей, а также в известных географических районах, прольет свет на выработку теперь вполне установившихся типов и исключит из ведения науки туманные параллели»², — писал он.

Большую заслугу в этом отношении следует признать за знаменитыми собирателями онежских былин второй половины XIX века П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом, впервые расположивших свои сборники «по сказителям» и предпославших им большие статьи о местном быте и отражении его в былинах.

Теперь, в советское время наука о фольклоре смогла сочетать глубокий интерес к отечественной истории с подлинным уважением и вниманием к творчеству народа.

Р. ЛИПЕЦ

¹ Ф. И. Буслаев. Русский богатырский эпос. «Русский Вестник», 1862 г., том сорок первый, стр. 543.

² А. В. Марков. Беломорские былины, стр. 19.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ И МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ¹

(Составила Р. ЛИПЕЦ)

А.

Ажно — между тем *Д*; оказывается.

Арга́ны, варга́ны, воргáны, орга́ны — кандалы? *М*; арканы?

Б.

Бажíть — желать, хотеть, алкать *Д*.

Ба́йка́ть — баюкать *П*.

Ба́йна — баня.

Балабу́тки — ср. *Д*: балабонить — пустословить; ср. *П*: баламонить — шутить.

Бало́вноё (платье) — бальное.

Балхо́ны — балконы.

Бахíлы — простые, без ранта и с круглыми носками крестьянские сапоги. В Меженском уезде бахилами называются длинные, четверти на две выше колен, сапоги... [надеваются] при отправлении на морские... промыслы *П*.

Бегосво́ (искаж.) — ср. *Д*: вежество — ученость, образованность; приличие, доброе обращение или учтивость.

Безумный — в смысле глупый, безрассудный *Д*.

Белый свет (за окном) — полный рассвет, дневной свет.

Беседа, вечорка — сходбище в каком-нибудь доме парней и девушек для развлечения танцами, песнями и играми *П*.

Беседничать — в смысле беседовать.

Бли́житься — приближаться; подходить близко *Д*.

Блудíть — в смысле блуждать.

Бо́льнёй — большой.

Бо́льшо́ место́, большо́й у́гбо́л — передний, под образами, почетное место *М*.

¹ В словаре применяются следующие условные сокращения для обозначения, откуда взято объяснение слова:

Д — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Четвертое исправленное и значительно дополненное издание под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Том I — IV. СПб — М., 1912—1914 гг.

П — Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Собрал на месте и составил Александр Подвысоцкий. Издание второго отделения Академии Наук. СПб. 1885 г.

М — Беломорские былины, записанные А. Марковым. Словарь местных и старинных слов. Этнографический отдел Общества Любителей Естественной, Антропологии и Этнографии. М. 1901 г.

Когда ссылки на эти словари нет, объяснение слова дано составителем
Об. сказ. — Объяснение сказительницы — М. С. Крюковой.

- Бра́телко — брат, братец; по Далю часто двоюродный или названный, крестовый брат.
- Брести — в смысле итти вброд.
- Брусъя́тая (лавка) — ср. *Д*: брусаяной, брусчатый — сделанный из брусьев.
- Брус — дерево, обделанное на четыре грани, не считая двух торцовых.
- Буёвая (палица) — боевая.
- Була́ва — шпилька с наконечником, булавка.
- Бурёюшко — конь бурой масти.
- Быват — может быть *М*.

В.

- Ва́жливой — ср. *Д*: вежливый — учтивый, предупредительный; ср. *П*: ва́жой — степенный, рассудительный. Отсюда: ва́жливо, по ва́жному, ва́жность.
- Валиться — ложиться для отдыха, сна.
- Ва́рга́н (музыкальный инструмент) — о́рга́н?
- Ва́рка́н — см. а́рга́ны.
- Ва́ровая (петля, веревка) — осмоленная. Ср. *П*: ва́ровина — осмоленная веревка.
- Ва́ря — 1) Варевко. 2) Известное количество припасов, достаточное для приготовления в пищу на один раз *П*.
- Вгно́иши (о больном) — тяжелобольной, лежащий без ухода, неубранный; в гною, коросте.
- Вдо́лги — через большой промежуток времени.
- Вдо́стали — вконец, вовсе, без остатка; достаточно, сколько нужно *Д*; с избытком.
- Веко́м — никогда, вовсе, отродясь *П*.
- Верли́ги — вериги.
- Весёть — висеть.
- Вечорка, ве́черене́чка — см. беседа; также в смысле вечер, проведенный за рукоделием.
- Вживности — в живых; при жизни.
- Взабы́ти (обнести чаркой) — по забывчивости, по невниманию.
- Взво́день, зво́день — большая волна, волнение, когда море расколется; зыбь до и после бури; зыбь на отмелях *Д*.
- Взволноваться (войной идти) — подняться, собраться.
- Вина виноватая — действительная вина, которую признают.
- Вконец — наконец.
- Вместя́х — вместе *П*.
- Водитисе (с ребенком) — нянчить.
- Во живности — см. в живности.
- Возговори́ть — сказать, заговорить.
- Возды́нуть, вы́дыма́ть, вы́дынуть — поднять.
- Взраде́ть, обраде́ть — обрадоваться.
- Взро́стити — вырастить.
- Воло́вый (жребий) — ср. *Д*: во́лбвик, во́лбвка — воловь бабка, козна [при игре в бабки].
- Волю́би — в любви.
- Ворга́ны — см. а́рга́ны.
- Воронеюшко — конь вороной, черной масти.
- Вороти́ша — возврат, возвращение.
- Во своих лю́дях — свой человек.
- Выслушива́ть — в смысле прислушиваться.
- Во снах — в сновидении.
- Вотчина — в смысле род, происхождение. Ср. *Д*: вотчи́ч — сын отца, наследник по отце; ср. *П*: изотчина — отчество.
- Впу́сте — попусту, без толку и пользы *Д*.
- Всима́ — всеми.

- Всколыбаться, сколыбаться (о земле) — затрястись.
 В слови не выстоял — не сдержал слова.
 Вставка, ставка — камешек в перстне, сереге *Д*.
 Всточный — восточный.
 Выбирать (грамоту, глаза) — в смысле вынимать.
 Выжган — выжжен.
 Выживать (младеня) — вытравливать плод.
 Выдымать, выдынуть — см. воздынуть.
 Выкатывать (якоря) — поднимать из воды.
 Выкопать (глаза) — вынуть целиком глазное яблоко? Ср. *Д*: извлекать из глублины скрытое.
 Выпрашивать — в смысле выпрашивать.
 Вырезы (на доме) — резьба.
 Выслуга — заслуга *Д*.
 Выслушивать — в смысле прислушиваться.
 Высоко́ в столах (посадить) — на почетном месте.
 Ытешить, испотешить — избаловать.

Г.

- Гамбр — гарем.
 Где-ка нет — в смысле нет ли.
 Гибший (о корабле) — потерпевший крушение; -о е (о деле) — бедственное *Д*;
 гиблое, пропащее.
 Глотком (сглотить) — проглотить сразу, целиком.
 Говорюшка — речь, беседа, разговор *Д*.
 Гонить — гнать.
 Гора — горою на севере называют также вообще землю, сушу, берег, материк, в противность воде, реке, морю *Д*; отсюда: горним путём — сушей.
 Горе — горемыка, бедняга *П*.
 Гореть — горевать.
 Горним путём — см. гора.
 Горносталь — горноста́й.
 Городовая (стена, башня) — городская.
 Грабить — в смысле хватать руками *Д*; ощупывать, находить. Отсюда: награть, огрбить.
 Граеть, граять — шумно насмеяться *Д*; громко смеяться, хохотать *П*.

Д.

- Даим — даём; дадим.
 Дак — так, то.
 Далёко побить (кому) — не под силу.
 Двор — в смысле надворная постройка. В Нижней Зимней Золотице дворы в два этажа: внизу — хлев, наверху — сеновал; примыкает к жилому двухэтажному помещению, с которым находится под одной крышей.
 Девичий стол — устраиваемое для себя девушками отдельно в праздничный день угощение.
 Девьё — девичье.
 Дел — паевой дележ добычи.
 Дивоваться — удивляться, дивиться.
 Днище (корабельное) — испод судов; дно, настилка и обшивка *Д*.
 Дობолько — болезненно, сильно. Ср. *П*: бблько — больно.
 Доброхот — доброжелательный, благосклонный; доброхотом приветливо зовут также всякого встречного, спрашивая его о чем-либо *Д*; благодетель *П*.
 Дойльница — подойник, ведро с крышкой *Д*.
 Добкуль — пока, покуда.

Должно́й — должник.

Доло́нь — ладонь.

Домека́ться — понимать, постигать, догадываться *Д.*

До нас (ласкова) — к нам.

Дородный — рослый, плотный; здоровый, крепкий, видный; красивый, статный *Д.*

Дорожи́нушка — ласкательное наименование.

Доро́ты — хоботы. *Об. сказ.*

Досада — в смысле горе, огорчение.

Досади́ть — в смысле поранить *Д.*; повредить что-либо.

Досельный — прежний, прошлый, старинный *Д.*

Досмотрить — осматривать; замечать *Д.*

Доставшая — в смысле доставшаяся.

До́стали — наконец, напоследки.

Достальнё — остальное.

Достать (огонь) — зажечь.

Дружья́ (род. пад.-ь ей) — друзья.

Дума́ться — казаться, представиться, чудиться, мниться *Д.*

Думле́нице — дума, раздумье.

Дуре́ть — ср. *П.*: дурь — скопившийся в нарыве гной.

Е.

Егоди́ночки, ягоди́ночки — ср. *М.*: яго́дницы — щеки.

Еле́ц — рыба из породы карпов *П.*

Ели́нушка — ель.

Ерб — герб; отсюда: ербово́й — гербовой.

Есва́ — еда.

Есвы, ества, ествы́ — яства.

Етира́ — литеры, буквы; надпись?

Етта, этта — в смысле здесь.

Ж.

Жа́литься — в смысле жаловаться.

Жа́лобиться — жаловаться.

Жалова́ть (кого) — любить, чтить, держать в милости; (кого чем) — награждать; (к кому) — ходить, посещать, навещать *Д.*

Жалосли́вый — милосердный, сострадательный, мягкосердный *Д.*; отсюда: жа́лосни́ца.

Жало́сница — см. жалосливый.

Же́ребей — по Далю кусочек, отрубочек, отломок; такой же отрезок с меткой, для метанья и решенья «судьбою», «счастьем» чего-либо спорного.

Живко́м — живьем.

Живот — в смысле жизнь.

Жировáнье — отдых, покой, приятное времяпровождение.

Жирова́ть (о людях) — отдыхать, покоиться, пировать *Д.*; когда живут в достатке. довольстве *П.*

Жирови́ще — жилье.

Жито — всякий зерновой, немолотый хлеб; ячмень *Д.*

Жонка — заму́жняя женщина *П.*

З.

Завеяли ветры́ лицо — лицо обветрено.

Завива́ть (паруса) — скатывать, убирать.

Зава́одь — залив у реки, образуемый мысами или крутым заворотом берега *П.*

Загости́нно (жить) — в качестве гостя.

- Заг^унуть — затихнуть *Д*; замолчать *П*.
 Задержатисе — в смысле удержаться.
 Задержать (бой) — в смысле начать его.
 Задираться — ср. *Д*: заирать — привязываться, приставать к кому-либо, вздорить, быть зачинщиком ссоры.
 Зажгáть — зажечь.
 Зазвáнные (гости) — званные.
 Закат — место захождения солнца; запад (*W*).
 Зака^таться (о солнце) — заходить.
 Заключаться — закаиваться, зарекаться *Д*.
 Заключебная — ср. *Д*: за^ключёвн^ый — запертый назамок. Злодейк^а за^ключебная — темница.
 За^мка — тюрьма.
 За^может — сможет.
 За^мбренин — заморский житель, иноземец *Д*; ср. *П*: за^мбра — (от слова: море) бывавший в заграничных плаваниях.
 Заповедь — повеление, нерушимое наставление *Д*; постановление, обет *М*.
 Заполонить — взять в плен.
 Запору^чена — просватана; ср. *П*: за^поручить — просватать.
 Заправлять — в смысле заготовить, запасти *П*.
 Запустить — в смысле впустить.
 Зараб^тшее — заработанное.
 За^раз — сразу.
 Зареветь (о лебедях) — закричать.
 Зару^ченной пир — см. зару^ченье.
 Зару^ченье — обряд благословения жениха и невесты родителями этой последней после формального изъявления согласия на отдачу ее в замужество; также: устраиваемое по этому поводу домашнее празднество в доме родителей невесты *П*.
 Заскакивать — в смысле вскочить.
 Заскáть (рукава) — засучить.
 Заскомн^уть — затосковать.
 Засос — засов.
 Заспáть, за^спать — заснуть *П*.
 Застояться (о вине) — стоять до порчи *Д*.
 Затоптать — в смысле затопать.
 Заг^ула — место, где можно укрыться от ветра, заслон от ветра; ср. *Д*: за^тулок, за^тулье — ограда, защита, убежище, приют.
 Зауг^ольн^ей (о ребенке) — незаконный, побочный; отсюда: (ругат.) нажива заугольная.
 Збр^уда, сб^руда — сбруя.
 Зв^ычать — ср. *Д*: з^ычать — кричать, звать; ср. *П*: з^ыкать — кликать, звать, приглашать.
 Зго^ловье, изго^ловье, сго^ловье — подушка, подстилка под головы *Д*.
 Зелье — порох *Д*; яд, отрава.
 Зéтелко, з^ятелко (ласкат.) — зять.
 Знаменá — в смысле знаменья.
 Зрадовáньицо — радость, веселье.
 З^ятелко — см. зéтелко.

И.

- Из-век^ов — издревле, исстари; всегда доселе *Д*.
 Изги^леньицо — см. изгиляться.
 Изгиляться — насмеяться, глумиться, подымать на-смех *Д*.
 Изда^сливо — ср. *Д*: издаваться — удаваться, оказываться хорошим.

- Издёржать (товары, струны) — тратить, расходовать, потреблять, изводить на что-либо; -ся — потребляться, истрачиваться *Д.*
 Изорванный — в смысле оборванный.
 Има́ть — ловить, брать, забирать *П.*
 Именьи́цо — в смысле имущество.
 Ископыт, йскопытъ — ком земли из-под копыт; яма от удара копытом *М*;
 йскопыты слышать — конский топот, стук копыт?
 Исполо́хаться — внезапно испугаться. Ср. *П*: йсполох — внезапный испуг.
 Испоте́шить — см. вытешить.
 Истоптаться (о конях) — в смысле устать до изнеможения.

К.

- Ка́жот — кажется.
 Каза́ть, -ся — показывать, -ся.
 Калы́ка — в смысле калека.
 Калы́кати — беседовать, разговаривать приятельски, болтать *Д.*
 Камы́шник — разбойник.
 Ка́танцы, (уменьш.) ка́таночки — валенки.
 Качу́ли — качели.
 Кы́кать (о лебедях) — кричать *Д*; (о людях) — оплакивать, причитать.
 Кы́кать — кидать *П.*
 Кыса́ — носимый за плечами на лямках мешок из нерпичьей шкуры для путевой поклажи *П.* «Из тюленя-зверя сшита она». *Об. сказ.*
 Клад (в монастырь) — в смысле вклад.
 Клеть — холодная половина избы через сени; чулан, амбар, кладовая *Д.*
 Кня́жена, кня́жина — княжна.
 Когда — в смысле тогда.
 Ко́жух — дымовая труба у печки *Д.*
 Ко́лач — баранок; также сдобный крендель *П.*
 Ко́лобок — толстая рассыпчатая лепешка из пресного теста.
 Ко́лькó — сколько.
 Ко́ничек (ласкат.) — конь.
 Ко́нцы в ко́нцах — в конце концов.
 Ко́рабельши́к — шкипер, капитан торгового судна.
 Ко́сийсче́то (окошко) — ср. *Д*: косящето́е (окно) — с косяками, колодами; обшитое досками *М.*
 Ко́смеху́ — достойно насмешки, смеха.
 Ко́тоно́чка (уменьш.) — котомка.
 Ку́реви́ть — пылить, заметать, запорошить пылью *П*; крутить вихрем песок, полотно *Д.*
 Кре́сто́вой (брат) — побратим.
 Крова́лая — кровавая.
 Кро́тко (о природе) — тихо, спокойно.
 Кру́тёхонько, кру́тёшенько — быстро, скоро.
 Ку́дэля — вычесанный и перевязанный пучок льну, пеньки, изготовленный для пряжи *Д.*
 Ку́ны, ку́ны — куницы.
 Ку́рева́ — пыль от подымаемого на воздух сильным ветром песку или сухой земли *П*; дым *М.*
 Ку́реви́ть — пылить, заметать, запорошить пылью *П*; крутить вихрем песок, пыль *Д*; дымиться *М.*

Л.

- Ласко́та — ласковость.
 Лаоко́тница — по *П*: нежная любящая женщина. В предсвадебных песнях невеста называет так свою мать.

- Лепетá — по Маркову: «румянец; ср. Д: «лепота» — красота».
 Лётная сторона — южная Д.
 Ли — ли — или — или.
 Лисьё (собирает.) — листья.
 Лица — щеки. «Лепетá в лиця переменяласе» — бледность?
 Любóй, любóй — любимец, любимый П.
 Любушка — любовница П.
 Лялётъ, лялетъ — ср. Д: лелеять — нежить, ласкать, холить.
 Ляси — хитрые и льстивые речи Д.

М.

- Манежный — щеголеватый, изысканный.
 Мезéнецъ — в смысле мизинец.
 Место, местышочко — в смысле постель П.
 Мйловать — в смысле оказывать милости.
 Мйнной — в смысле мнимый.
 Младёнь — младенец.
 Могу́та — сила, мощь, крепость; отсюда: могутной П.
 Мопутной — см. могу́та.
 Мо́жот — может быть.
 Морянин, -ка — приморский житель, -ница Д.
 Мост — всякого рода сплошная настилка из досок, бревен, брусьев, для езды и ходьбы; помост, особенно крыльцо и большие сени перед входом в избу; деревянная мостовая Д; деревянные троттуары; сходни, трап на судне; пол в избе.
 Мостить (мосты) — застилать сплошь дорогу, улицу, класть твердую подстилку для езды или ходьбы Д; класть сходни на судне.
 Мужик — в смысле мужчина.
 Му́жи — множ. число от му́ка.
 Мура́вая (печь) — изразцовая.
 Мура́вленка (о траве; искаж.) — ср.: мура́вая — зеленая.
 Мхи — тундра П.

Н.

- Навёсели — весело М.
 Наводить, надводить (наведёно, надведёно) — покрывать чем-либо поверхность Д; расписывать.
 Наводить красоту — ср. наведённая красота — приобретенная путем колдовства, не настоящая.
 Награ́бить — см. грабить.
 Надводить — см. наводить.
 Надлететь (надо что) — подниматься летом над чем-либо Д; налететь сверху.
 Надолётъ — надоесть?
 На другой ум — решить иначе.
 Надъехать (надо что и куда) — наезжать сверху Д.
 На дым спустить — сжечь.
 На единой дух (пить) — не отрываясь, не переводя дыхания.
 Наехать, наезжать (на что) — наткаться, наталкиваться едучи. Находить, встречать едучи. Приезжать куда-либо временно, бывать иногда, наездом Д.
 Нажива, наживной — в смысле добытчик, кормилец. Ср. П: наживщик — хозяин в крестьянской семье (в том смысле, что он, как ведущий хозяйство, наживает средства для жизни). Ходить во наживушках — на отхожих промыслах, на заработках.
 Нажива заугольная — см. заугольней.

- Нажигать (камни) — накалять, раскалять *Д.*
 Назва́ной — см. покрестоваться.
 На́звишше — название, имя, кличка; прозвище *Д.*
 Назём (предл. пад. в назёмь) — навоз.
 Найти — идучи попадать на что-либо, наталкиваться, наткаться *Д.*; встретить *М.*
 Наказ — приказ, повеленье, наставленье; поученье *Д.*
 Наказанье, -ицо — см. наказ.
 Наказы́вать — в смысле давать наказ, приказывать, строго велеть *Д.*
 Накататься — в смысле накатываться.
 Накóн — раз, прием *М.*
 Налажива́ть (стрелу) — ср. *Д.*: наладить — приготовить.
 Наоткры́т — ср. *Д.*: на́открыть — открыто, прямо, не тая и не скрывая ничего.
 Наотхо́ди — уходя, в момент ухода.
 Напе́нивать — пенять.
 Наперёд покля́н — сутулый.
 На́перво — сперва, прежде всего; главнейше, как самое важное *Д.*
 Наприбыли (солнце, день) — прибавление дня после зимнего солнцеворота.
 Напрожита́ньюцо — на прожитие.
 Напроку́чать, напроку́чить, напроску́чить — ср. *Д.*: наприку-
 чить — надокучить, при(на)скучить, надоесть.
 Напроску́чить — см. напрокучать.
 Напуска́тисе, напуститься — бросаться, жидаться на что-либо. Иногда в
 этом значении неправильно употребляется «напустить» *Д.*
 Напу́скливый — стремительный, горячий.
 На́разно (делать что, бывает) — различно, разным образом, не по одному
 образцу *Д.*
 На́разны плéмены (петь) — на разных языках.
 На́речистый — речистый, говорливый, красно говорящий *Д.*
 Насёрдка — неудовольствие, злоба *П.*
 Наси́лу — в смысле насильно.
 Наста́ть на жись на хорошую — в смысле начать хорошую жизнь.
 Насты́гцй, насты́кчй — настичь, догнать.
 Нать — надо.
 Нахва́льница — ср. *Д.*: нахва́льщина — самохвал, бахвал, хвастун.
 Нахо́жоны (следы) — наслежено.
 Нашо́сточка (на лодке) — скамейка для гребцов на промысловом судне *П.*
 Небыва́лый (гость) — впервые посетивший; небывала́я (дорога) — по ко-
 торой идут впервые.
 Нево́лги — вскоре, в скором времени *П.*
 Невозна́и деть — возненавидеть.
 Не вы́хвала́ будет — не похвально, не достойно.
 Негде́ — нигде.
 Недё́ржаный (конь) — не заезженный; неде́ржано (платье) — неношенное,
 ненаде́ванное.
 Не до́езди — не доезжая.
 Не дошо́д — не дойдя.
 Нежнича́ть — в смысле нежить.
 Нежно́сть — в смысле изнеженность.
 Незна́мый — незнакомый, незнаемый.
 Не кна́добью — не надобно, не нужно.
 Некогда́ — никогда.
 Немалы́й народ — многолюдые.
 Немилосли́вый — жестокий, немилостивый; немилосли́во (кричать) —
 свирепо.
 Не́моча — немая.

Немудрой — в смысле неумный.

Необычный — ненавыкший, неопытный в деле; ср. *Д*: необычливый -- не-
обходительный, невежливый.

Не понуждали — в смысле не имели ни в чем нужды.

Не постоял да не за что же он — ничего не пожалел.

Непразная — беременная.

Не предсказано — в смысле не указано.

Неприятная (погодушка) — неблагоприятная.

Нечего — ничего.

Но — в смысле ну.

Новый — иной, другой *П*.

Ночью — прошлой ночью *М*.

Нужа — что можно унести за один раз *Д*.

О.

Обзариться — прельститься.

Обиходный — будничный, ежедневный (об одежде); хозяйственный, опрятный,
чистоплотный.

Обойти (о солнце, луне) — взойти; (кого) — обмануть; (кровью) — изойти, истечь;
(науки) — изучить.

Обрежаться — работать по домашнему хозяйству.

Обрушница, обручница — невеста *М*.

Обсадить (на пиру) — посадить на худшее, чем следует, место *Д*.

Обу́доча, обу́ть — обувь.

Объехаться — разминуться едучи.

Обычай — в смысле нрав, привычка, усвоенная нраву *Д*; ср. *П*: обык — сно-
ровка, ловкость.

Овалиться — прислониться.

Овешшатисе — дать обет.

Ограбить — см. грабить.

Ограничиться (о пейзаже) — обозначиться.

Огрубить — оговорить, обесславить, оклеветать *П*; оскорбить.

Огрубиться — оскорбиться.

Огрубленье, -ицо — оскорбление, обида.

Оденой — одетый; обеспеченный одеждой.

Одержать (коня) — остановить; (венцы) — повенчаться; (младенца) — быть
восприемником.

Оди́нкой — один, единственный *П*; одинокий *М*.

Однозолотный — настоящий, чистый, цельный золотой *П*.

Однопарный — одинаковый. Однопарная жизнь — совместная, общая.

Одношорстный — по Далю: масти, в которых нет пестрины; одинаковой
масти.

Одолить — одолеть, осилить *П*.

Ока́тистый — крутой, обрывистый *М*.

Ока́титься (о слезах) — в смысле прокатиться.

Окла́дный — см. укла́дный.

Око́ленка (искаж.) — око́льница, око́нница — оконная рама, переплет окон-
ный, в который вмазываются окончины, стекла; но местами и окончину, стекло,
зовут оконницей *Д*.

Опова́лыши — см. пова́лыши.

Опруте́ть (о руках) — «Вишь, не загнулись!» *Об. сказ.*

Орга́ны — см. арга́ны.

Орудия, ору́ды — в смысле оружие.

Освѣтело — осветило.

Ослышаться, ослышиться — в смысле ослушаться.

- Остоятьсѧ — остановиться на время *М*; (о плечах) — потерять способность движения от переутомления.
- Отваживаться — в смысле отхаживать, спасать кого-либо.
- Отвезй — в смысле отвязки.
- Отвернуть, -ся — в смысле придать или получить первоначальный образ, утраченный посредством колдовства:
- Отвѳдная квартира — по Далю: не наемная, а по отводу, определению властей.
- Отганивать — отгонять.
- Отдайт — отдаёт, отдаст.
- Отдёрнуть (о море) — унести от берега.
- Отдѳх — отдых.
- Отместйт — отомстить.
- Отойти (хитростью) — в смысле обойти.
- Отсмеять — отомстить за насмешки.
- Очесать — в смысле причесать.
- Очудитсѧ — очутиться.

П.

- Павыная (походка) — от слова пава — павлин.
- Падает (на кого) — злохоже, походит.
- Падать (о ветре) — наставать, дуть, подуть, задуть *П*.
- Паргать — кидать, метать, швырять или бросать *Д*.
- Парный — одинаковый.
- Парня-мыльня — баня.
- Пастся — случиться, произойти *П*.
- Пёлка — ср. *Д*: пёлки — часть всякой одежды, закрывающая грудь *Д*; женская грудь?
- Переговориться — в смысле наговориться.
- Переменный — различный, сменный.
- Перенять — в смысле перехватить, встретить напересечку и остановить, захватить *Д*; (о былинах) — усвоить.
- Перепасться — испугаться *П*.
- Переплакаться — в смысле наплакаться, кончить плакать.
- Перестрелушка (при стрельбе) — перелёт.
- Пернастая — пернатая, в перьях.
- Перья, перьё (о рыбах) — плавники.
- Петá (пята) — деревянный шпенок, на котором ходит дверь; нá пятау — настезь *М*.
- Печаловаться — горевать; брать на свое попечение. Плакаться, жаловаться кому-либо *Д*.
- Пешеходом (ехать) — ехать сушей, а не водой.
- Пёшу, пёшою (о человеке) — пешком; пёшо (о коне) — шагом.
- Питьё-четыё (церковное) — пение и чтение.
- Пищаль — охотничье ружье *П*.
- Побегáйте — бегите!
- По важному — см. важный.
- Повалиться — лечь спать, отдохнуть.
- Повáлыши, подвáлыши, оповáлыши — ср. *Д*: повáлуха (северное) — общая спальня, особенно летняя, холодная, куда вся семья уходила на ночь «повалиться», т. е. спать.
- Пбветерь — попутный ветер *М*.
- Повыпфлнить (речь) — в смысле договорить до конца.
- Погода — в смысле буря, ненастье *П*.
- Погрѳзено — ср. *П*: грѳзитъ — проказничать.
- Подавитисѧ — в смысле удавиться, повеситься.

- одва́лыши — см. пова́лыши.
- Подве́несница — невеста.
- Подве́рточки — онучи.
- Подводи́ть (подведе́но) — придавать чему-либо, подражательно, иной вид, подделывать *Д*.
- Подко́пы — вырытый подземный ход или проход *Д*.
- Подкору́чить — поддеть *М*; подогнуть.
- Подломи́ть — в смысле взломать.
- Подмеша́ю (скамейку) — ср. *Д*: подмоститься — приставить. «На лавке не уляжешься, узка, надо бы подмоститься скамейкой».
- Подорожник — грабитель на дорогах, разбойник *П*.
- Подорожники — всякие, приготовляемые на дорогу съестные припасы, — хлеб, широг, шанги и пр. *П*.
- Подорожнóй — дорожный.
- Подпéцёк — простор под русскою печью и лаз туда *Д*; ср. *П*: опе́чек — прикрываемая дверцами или доскою конурка под печью, куда кладут дрова и разные печные принадлежности.
- Подпру́ги, подру́ги — ремень, которым седелка укреплена на лошади; у седла — обносный ремень, тесьма с пряжкой, для укрепы седла *Д*.
- Подру́жиё — супруга *Д*.
- Подыну́ться — подняться.
- По его́ (я тебя люблю) — из-за него.
- Поединши́чок — один из двух бойцов, единоборцев *Д*.
- Поезданьи́цо — поездка.
- Поезжа́ть — поехать.
- По-за — «двойной предлог — за, позадь, сзади; с вин. пад. указывает направление, движение; с твор. пад. пребывание. Слитно с глаголами выражает на севере: немного или несколько» (Даль, т. III, стр. 574).
- По́здый, по́здо — поздний, поздно.
- Позо́ритисе — мучиться *П*.
- Покликива́ть — кликать, звать, покрикивать.
- Поклоня́ться — в смысле кланяться.
- По колен — до колен.
- Покоры́ствоваться — попользоваться.
- Покресто́ваться — совершить обряд побратимства.
- По́крут — см. покрученник.
- Покру́ченник — в дореволюционное время работник на морских промыслах, рыболовных и зверобойных, работавший на хозяйском снаряжении и содержании за ничтожную долю из добычи. Наем на таких условиях назывался по́крутом.
- Пола́дить (лодку) — починить, поправить *П*.
- Полéсник — охотник на лесную дичь.
- Полéсничать — охотиться в лесу.
- Полéсническó — охотничье.
- По локо́т — до локтей.
- Полоса (о ветре) — набег ветра, удар, порыв *Д*.
- Поля́нка (искаж.) — полонянка, пленница.
- Помахива́ть (о ходе лошади) — ср. *Д*: помахал — поскакал, понесся.
- По моему́ лицу, по моему́ плечу — по мне, годный мне *М*.
- Помор — житель побережий Белого моря, житель Поморья.
- Поназв́аниться — см. покрестоваться.
- Понорови́ть — выжидать, годить, улучая удобное время, помочь в чем-либо; ударить ловко *Д*.
- Поноснóй, проноснóй (о ветре) — попутный *Д*.
- Поныргáл — нырля?
- Попере́дь — впрель.

- Поправиться (в делах) — управиться, выполнить.
- Попуститься — решиться, предпринять что-либо *Д*.
- Порáто — очень, весьма, сильно, крепко *П*.
- Порóша, порóшка (ласкат.) — первый снег; [пушистый], рыхлый снег, идущий в безветрие, а потому покрывающий землю ровно *Д*.
- Посадьской — 1) Житель посада, торговый человек. Северный посад — вообще город, местечко, торговое селение. 2) (Ругат.) — золоторотец *Д*; босяк.
- По скорости — вскоре.
- Послушаньицо — в смысле прослушание.
- Посоветовать — в смысле посоветоваться.
- Посыпáют, посыпáли — в смысле спят, спали.
- По тайности — по секрету.
- Пстегивать (к дельщику свадебному) — ср. *Д*: (старинное) потянули — согласились; потянем заодно — станем [действовать] дружно, вместе, согласно.
- Потенúть, потянуть (о ветре) — задуть ровно; (о тучах) — затянуть; (о матери) — покрыть.
- Похвальба — в смысле заслуга.
- Почесен — почетный, праздничный *М*.
- Правдед, правдедко — прадед.
- Преэздить — в смысле объездить.
- При — «Замечательно значение этого предлога в старинном и народном языке слитно с глаголами: тут *при* выражает конец делу» (Даль, т. III, стр. 1037).
- Прибесшестить — обесчестить.
- Прибрать (вдове, сироту) — в смысле призреть, обеспечить.
- Привить (волосы) — завить.
- Приврачóна — превращена, получила другой образ посредством колдовства.
- Пригна́йте — пригоните!
- Пригодиться — случиться *П*; оказаться *М*.
- Пригрóзы — грозовая погода.
- Приданья — прибыль.
- Придраться — в смысле подражаться.
- Приезжáшшой — приезжий.
- При-за — «двойной предлог, смягчающий окончательное *за*, и выражающий слитно с глаголами: несколько, отчасти, немного» (Даль, т. III, стр. 1078—1079).
- Прид́ннуть — приподнять.
- Приколотилосе (время) — пришло, настало.
- Прикрыть — в смысле окончить.
- Принужденó, принужбóно — приходится, необходимо.
- Принятие (гостей) — прием, гостепримство.
- Приослушаться — заслушаться.
- Приплакивать — причитать жалобно *Д*; плакать. Ср. *Д*: приплакивание — плач.
- Прирвать — изорвать, перервать.
- Притаптывать — в смысле затаптывать.
- Приходящий, прихожáлый — в смысле пришлый. Ср. *Д*: прихожий — пришлый, пришедший откуда-либо, чужой.
- Приятливый — ср. *Д*: приязнивый — полный приязни, доброжелательства, благодушный.
- Про — «слитно [с глаг.] выражает действие сквозное или конечное» (Даль, т. III, стр. 1219).
- Пробóистая (дорожечка) — торная?
- Прогледéть, просмотрéть — в смысле увидеть, осмотреть.
- Прогул — в смысле прогулка.
- Продайм — продадим.
- Проезжать (куда-нибудь) — в смысле ездить, посещать.

- Прожиточный — зажиточный П.
- Прокáзины — ср. Д: проказы — проделки на зло кому-либо.
- Проклады — ср. Д: проклады — нега, забава, праздность или увеселенья.
- Проклаждáтьсѧ — наслаждаться; мешкать где-либо, забавляясь, тешиться, нежиться, долго спать Д.
- Прокрык (богатырьский) — покрик, поклик.
- Промудриться — перемудрить.
- Промышленник, промышленник — охотник, зверобой, рыбак.
- Промышлять, промышлять — добывать; более узко: заниматься охотой, морским зверобойным промыслом, рыбной ловлей.
- Прносный (о ветре) — см. поносный.
- Провевание — исполнение песни, былины.
- Прописанице — запись.
- Просмеять (о девишке) — обесчестить; сделать посмешищем.
- Просмотрять — см. прогледеть.
- Протёшенок — небольшое узкое оконце, горизонтально расположенное, часто без стекла, в бревенчатых хозяйственных постройках: чулане, амбаре, хлеву и т. п.
- Против (кого) — по сравнению.
- Противный — в смысле неприязненный, несогласный, непокорный Д.
- Прощатисе — в смысле просить прощения.
- Пряденка (ласкат.) — ср. Д: прядено — пряжа.
- Прям — подле, близь П; прямо, напротив.
- Путаньи — путаньи пути М.
- Пытать (ума) — испытывать, познавать свойство Д.
- Пяла — шпальцы для вышивания П.

Р.

- Радованьице. — см. зрадованьице.
- Раз, рас, роз, рос — «предлог слитый, означающий а) окончанье действия; б) деленье; в) уничтоженье, переделку снова; г) сильную, высшую степень действия или состоянья» (Даль, т. III, стр. 1469).
- Разбежалась погдушка — о внезапно поднявшейся буре.
- Разгáнивать — разгонять.
- Раздвижина (в стене) — в смысле задвижная дверка; ср. Д: раздвижная дверь — задвижная.
- Разурево́й — лазуревой.
- Ра́ковка (на коже) — след от раны, щербинка.
- Распустош́ить — опустошить.
- Расса́жон (о жемчуге) — усажен.
- Растеньи́це (хлеба) — в смысле произростание.
- Расте́шивать — в смысле утешать, развлекать.
- Расхо́жая (одежда) — простая, будничная Д.
- Расчѣту́шка — расплата, расправа.
- Редова́ (чарка) — круговая.
- Рей (искаж.) — рея — поперечная перекладина на столбе.
- Рѣфы (рифы) — завязки на парусах; взять рефы — убавить или прибавить паруса, смотря по состоянию погоды, путем их скатывания или подвязывания.
- Ржанѣньи́це — ржанье.
- Рѣмня́на — римляне?
- Робѣсво́ — детство.
- Рого́зина — рогожа. Ср. Д: рого́зиница — ткань, плетенье из мочал для подстилки.
- Родины́ — пора родов и празднование их Д.
- Родовой (о румянце) — природный, не румяна.
- Розбивать (кого-либо с кем) — ссорить.
- Розговаривать — в смысле отвлекать от чего-либо убеждением Д.

- Роздичётъся — состояние успокоения после припадка гнева? Ср. *Д*: дичать — дурить, блажить, сумасбродить.
- Розминать, розмять (о коне) — приучать к бегу, не давая застывать *Д*.
- Рóзный — изорванный, дырявый *П*. «Рóзненко — всё в дырках». *Об. сказ.*
- Розрыть — в смысле раскидать *Д*.
- Розъереститъся — ср. *П*: ереститъся — брюзжать, ворчать, ссориться; ср. *Д*: розъереститъся — осерчать, озлиться.
- Ронить (паруса) — опускать.
- Росказаньицо — рассказ.
- Россмехнутъся — усмехнутъся? Ср. *Д*: рассмешка — усмешка.
- Росчесатъся — в смысле причесатъся.
- Рсшиватъ — в смысле вышивать.
- Рубѣчек — рубец.
- Рукописание — расписка, обязательство за своей подписью *Д*; уметь писать.
- Рукописание открылось, досталось — научился письму, грамоте.
- Рúшатъ — делить, резать *Д*.

С.

- Сáмо — как раз, очень.
- Сбились в землю — втоптались.
- Сбротáть (о жемчуге) — снизить.
- Сбрúда — см. збруда.
- Свáдебничатъ — принимать участие в свадебных празднествах.
- Свátья — кто идет сватать невесту по поручению жениха или родителей его *Д*.
- Свернутъся — собраться наскоро, спешно *Д*.
- Свет большой на улочки — ср. *Д*: «На дворе свет» — рассвет, светает, солнце близится к восходу.
- Свётеть (об одежде) — блестеть, сверкать.
- Свиск — свист.
- Своё местó — в смысле родина.
- Сглонúть — проглотить.
- Сголовье — см. зголовье.
- Сделатъся (с кем) — рассчитаться, согласиться, кончить дело *Д*.
- Сдивоватъся — удивиться, изумиться *Д*.
- Сдохнý — в смысле отдохни.
- Сдýнуть — поднять.
- Седáтой — с проседью.
- Семья — в смысле жена.
- Серёдыш — середина. Ср. *Д*: серёдышком — посредине.
- Сижáчку — сидя.
- Сила — в смысле войско.
- Сирóтовать — жить сиротой.
- Скобочки — под каблуки сапогов подбивают подковки, скобки *Д*.
- Скóки — скачки.
- Сколь не — очень, какой.
- Сколыбатъся — см. всколыбатъся.
- Скóчить — прыгнуть, скакнуть *П*.
- Скрыватъся (река) — вскрывается.
- Скрыпатъ — скрипеть.
- Скумá, сокумá — название приемницы ребенка по отношению к его приемнику.
- Скучётъ — в смысле скудаться, нуждаться, жить в скудости *Д*.
- Слédно — следует, надлежит, надо *П*.
- Слезйтъ, ослезйтъ — огорчить, довести до слез *П*.
- Слушатъ — в смысле слушаться.
- Слúшно — слышно.

- Сниматься — начинать, приниматься за что-либо.
 Сожгáть, сожгáтисе — сжечь, сжечься.
 Созвать — в смысле позвать.
 Соку́тан — закутан, укутан.
 Соредíться — ср. *Д*: срядить (кого куда) — снаряжать, готовить, снабжать всем нужным, запасть.
 Светный — всесветный, отъявленный *Д*; сесветный, сего света *М*.
 Сострелить — застрелить, убить из ружья *Д*.
 Спал — в смысле упал.
 Спичка, спицька — деревянный гвоздь в избной стене для вешанья [полотенца], шапки и пр. *П*.
 Спородíть, спородит — родить.
 Способный (о ветре) — сполутный, благоприятный *М*.
 Спровóдити, спровожа́ть — проводить, провожать.
 Спускать, спустить — в смысле отпускать, позволять отлучиться *П*.
 Спу́ста-на́пусто (вернуться) — ни сáчем, безрезультатно.
 Спустить — см. спускать.
 Срэ́та, стрéта — встреча.
 Срóдница — родственница.
 Срядный — богато одетый, нарядный *Д*.
 Сря́ды (военные) — припасы?
 Ставка — см. вставка.
 Сталасе (жизнь) — настала.
 Станы́ (рыбы) — излюбленные места скопления рыб.
 Стáрина, старйнушка — в смысле былина.
 Стáрица — монахиня в [старообрядческом] ските *П*.
 Старопрежний — по Далю: стародавний, давно прошедший.
 Статные кони — хороших, красивых статей *Д*.
 Стол — в смысле трапеза *Д*; пир.
 Столованье — званый обед, пир *Д*.
 Столовать — трапезничать; пировать *Д*.
 Стоялая (квартира) — в дореволюционное время комната или квартира для проезжающих, большей частью на тракте, в которой обычно никто из хозяев не жил; (конюшня) — стойло.
 Страсть — в смысле страданье, мученье; страх, испуг, ужас *Д*.
 Страшной — в смысле пугливый, робкий.
 Стрелёчки — «опорки от бахил». *Об. сказ.*
 Строчить (о вышивании) — строчной шов.
 Стúжена — стужа.
 Стúльё — кочки; большие комья, глыбы земли.
 Стýдливый (позор) — ср. *Д*: стыднýй — постыдный, позорный, наводящий стыд.
 Ступь — ход, шаг лошади. Ступью — шагом, тихо *П*.
 Судáчить — пенять, нарекать (в смысле наговаривать), жаловаться *П*.
 Судьба — участь, доля; суженая, жена. Сúдьба-жалоба — обвинение?
 Сума ли говоришь — в смысле «в уме ли ты»?
 Сўнка, сўночка — сумка.
 Сухим путём — по суше.
 Сухое золото — золото для шитья, канитель *М*.

Т.

- Табáн, табун (искаж.) — в смысле табор.
 Талáнливой — счастливый, [удачливый], кому везет *Д*.
 Талант — см. талань.
 Галáнь — счастье, удача; судьба, участь *Д*.
 Гáта — отец.

- Тёмный (кум) — слепой? мрачный? Ср. *Д*: темняк — человек пасмурный, не-веселый. Ср. *П*: тёмный час — время, пора, когда человек в дурном рас-положении или сердит.
- Тйшина — покойное состояние моря.
- Тогда — в смысле когда.
- Толковать — в смысле понимать, знать, уметь.
- Тóяцы — танцы.
- Топ, тóпать (женск. род) — топот.
- Тóптать — в смысле топать.
- Торжéствовать — в смысле праздновать.
- Тóровно (платье; искаж.) — траурное.
- Тралóга — беспокойство, забота, суета, смятение, испуг, суматоха *Д*.
- Трелóжиться — беспокоиться, заботиться; смущаться, опасаться чего-либо *Д*.
- Трелóжная (болезнь) — опасная? докучная?
- Трепóк — оборванец.
- Трúдник — трудящийся неумоимо *Д*; трудолюбивый, работающий *П*.
- Трудовая (работа) — в смысле трудная.
- Трúсы — землетрясение.
- Тяжель — вес чего-либо тяжелого *Д*; тяжесть *П*.

У.

- Убег — отступление, бегство.
- Убирать — в смысле наряжать.
- Убрать — в смысле нарядить.
- Уваживал — в смысле увозил.
- Увалить — уложить.
- Увериться — удостовериться.
- Угóр, (уменьш.) угóрышек — подъем, круча *Д*; крутой, высокий берег реки *П*.
- Ударивать — одарять.
- Ударить — одарить.
- Удовольственный — довольный, удовлетворенный.
- Удрóжечка — нервное потрясение? Ср. *Д*: удрóгнуть — испугаться чего-ли-бо, устраситься.
- Уереть — прийти в ярость.
- Ужасть, ужáх — внезапный и самый сильный страх, испуг, внутреннее содра-ганье от боязни и отвращения *Д*.
- Ужахаться, ужáхнуться — ужаснуться, испугаться *П*; изумиться.
- Ужна — ср. *Д*: ужин — вечерний стол.
- Уклáдный, оклáдный (нож) — стальной *М*. Ср. *П*: уклад — наварная сталь, из которой делают косы, топоры и другие предметы в хозяйстве.
- Укрáнна — страна, местность.
- Ум-разум не на пóлноты — незрелый ум.
- Умúдриться — ухитриться, догадаться как поступить.
- Унимать — см. унять.
- Уництоженье — в смысле унижение.
- Унять — остепенить, укротить, успокоить *Д*; задержать, остановить.
- Упитья — напиться вина допьяну. *Д*.
- Уплестй — заплести.
- Уредить, -ся, урежáться — нарядить, одеть празднично; снаряжать, -ся *Д*.
- Урезить — ср. *П*: уразить — нанести удар, увечь, поранить.
- Уредовать — в смысле безобразничать *П*.
- Урождáнец — уроженец.
- Урослó — выросло.
- Урядный — нарядный.
- Устáточек — усталость *М*.
- Утешаться — в смысле тешиться.

Утулѣться — ср. *Д*: затулѣться — хорониться или прятаться, укрываться.
 Уходить — в смысле умертвить.
 Ухождѣнія, ухажданія — уход, заботы.
 Учѣльный (народ) — ср. *Д*: учельщик — тот, кто наушает, подущает.
 Учесать — причесать тщательно *Д*.
 Учесть — судьба, доля *Д*.

Х.

Хвальный — заслуживший похвалу, прославленный.
 Хвастать — в смысле хвалиться, похваляться, беседовать на отдыхе *Д*.
 Хвостать (кого) — парить в бане веником *Д*.
 Хмельюшецька — состояние опьянения.
 Ходá — ходьба.
 Ходить на счётах — в смысле считать на счетах.

Ч.

Чать — чаять.
 Челобитье — поклон, приветствие *П*.
 Ченильщик — оценщик.
 Чернёный (о корабле) — осмоленный?
 Чесной (пир) — см. почесен.
 Чѣстовать, чѣстовать — оказывать почет или отдавать должные почести;
 угощать, потчевать *Д*.
 Чудось — слышалось.
 Чунка — употребляемые для ручной перевозки небольших тяжестей саночки; са-
 лазки *П*.
 Чуть, чують — слышать *П*.

Ш.

Шяньга, (уменьш.) шанѣчка — квашеная лепешка из жидкого теста, испеченная перед огнем *Д*; ватрушка, покрываемая сверху рыбою, [творогом], сметаню или вареньем *П*.
 Шесток (в русской печи) — печной пол снаружи от заслона *П*; иногда [на шестке] разводится огонек под таганом; продолжение шестка в печи под *Д*.
 Ширинка — полотенце *Д*.
 Шурьяк — шурин *П*.

Ы.

Ысканье — поиски.

Э.

Этта — см. ётта.

Я.

Ягодѣночки — см. егодѣночки.
 Ясень — ясная, при безоблачном небе, погода *П*.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Составила Э. БОРОДИНА

- Авдотья, Овдотья Васильевна, мать Василия Богуслаевича 166—167, 170—172, 174—176 (77).
- Александрия, город 118 (69), 210 (80), 220 (81), 320 (90), 412 (96), 515 (108).
- Алексашка — см. Меньшиков Александр Данилович.
- Алексей, Олексей, Улексей Михайлович, царь 578, 581, 583, 586—588 (114), 595—596 (116), 599 (117), 650 (124).
- Алёнушка 506 (106).
- Алёша, Олёша, мальчик — товарищ Алексашки Меньшикова 655—659, 661, 663—664 (124).
- Алёша, Алёшенька, Олёша, Олёшенька Поповиць, Попович, Попоськой, поповськой сын 24, 26—28, 30—32, 35 (63), 50—51 (64), 69—71 (66), 80, 82 (67), 134 (71).
- Алёша, Олёша — см. Петр I 632—633, 635—637 (121).
- Алешинка, Олешинка 365—371 (94).
- Амельфа, Омельфа Тимофеевна, мать Добрыни Никитича 122, 126 (70).
- Анбург, город 616 (120).
- Англия 307 (88).
- Андреюшка, Ондрешко, Ондрешко Иванович, князь 313—319 (89).
- Анна Андреевна, первая жена князя Романа Ивановича 435—439 (99).
- Анна, княгиня, жена князя Владимира 57, 67 (65), 108, 114, 115, 118 (69).
- Анна, сестра Меньшикова, Александра Даниловича 651 (124).
- Анна, шанская принцесса 409 (95).
- Анфим, цыган 615 (119), 623—624 (120).
- Апраксенья, Апраксея, Опраксенья королевисня, жена князя Владимира 25, 39 (63), 67 (65), 139 (71), 156—157 (75), 412 (96).
- Арабские горы 143 (73).
- Арабское море 7 (62), 207, 212, 215 (80).
- Аравийские горы 24 (63), 143 (72).
- Арапия 208 (80).
- Арсенко, Орсенко, Гарсенышко Иванович 491—503 (105).
- Архангельский град, Архангельск 580 (114), 597 (116).
- Аскалод, Асколод, князь киевский 426 (97).
- Астрахань, Острахань, город 159 (75), 510—512 (107), 523 (108).
- Аул, город 431—432 (98).
- Афрак, Офрак-река 28 (63), 52 (64), 80—89 (67), 97 (68).
- Балакирев 600 (117), 666—683, 685—686 (125), 686—689 (126).
- Баян — см. Буян.
- Белеюшко, конь Ильи Муромца 26, 28, 33—35, 39 (63).
- Белое море 133 (70), 194 (78), 558 (109), 580, 582, 587 (114), 597 (116), 704 (129).
- Белорыбца, царица озера Илемина 181—182, 187 (78).
- Благодимир — см. Владимир.
- Бладимир — см. Владимир.
- Блатийское море, Ботийское море 646 (122), 650 (123), 689 (126).
- Боголюбленский монастырь 314 (89).
- Богуслав, Богуслай-река 589—590 (115).
- Богуслаев, город 588—591 (115).
- Богуслай, Богослаюшко, богатырь 588 (115).
- Богуслай, князь, отец Василия Богуслаевича 166 (77).

¹ Без скобок помещены цифры, означающие номер былины. В скобках помещены цифры, означающие страницу, в скобках помещены цифры, означающие номер былины.

Указатель Ю. М. Соколовым не просматривался.

- Борис, Борыс, Борисушко, Борысюшко Иванович, князь чернигорский 7, 9—23 (62), 312 (88).
- Борис Иванович, королевич 200, 205 (79).
- Борис, сын князя Владимира 119 (69).
- Ботийское море—см. Блатийское е.
- Боян—см. Буян.
- Брыньские леса 11 (62), 24 (63), 48, 51 (64), 69, 74—76 (66), 89 (67), 91, 94—95 (68), 121 (70), 136 (71), 142 (72).
- Буреюшко, конь Вани Залешанина 48, 54 (64).
- Буян, Баян, Боян, остров 9, 11, 14, 17, 20 (62).
- Ваня генеральской 416 (96).
- Ваня Залешанин, Залешенин 10 (62), 24, 26—28, 31—32, 35 (63), 44—56 (64), 80 (67), 160 (76), 416 (96).
- Ваня, король—см. Иван, хрестьянской сын.
- Варвара 660 (124).
- Василей Богослаевич, Богуслаич, Богуслаевич 166—179 (77).
- Василей, царь греческой 112, 115, 118 (69).
- Василиса Микулисна, Микулишна, Никулишна 10—13, 15, 16, 17, 21—23 (62).
- Васильевский, Васильеской остров 471 (103), 479, 482 (104), 612 (119), 639 (122), 686 (126), 696 (128).
- Васильевы—рыболовы, братья княгини Марфиды 261—262, 271, 273 (84).
- Васька, боярьской сын 10 (62), 80 (67).
- Васька, горька пьяница, Василей Иванович 153—159 (75).
- Васька, дворянской сын 160 (76).
- Васька, солдат Петра I 601 (117).
- Васька Торокашков сын, Васька Торокашков сын Володьевич, Васька Торокашков сын Заморенин 7, 9—11, 19, 21, 24 (62), 207—213 (80), 221—225, 227, 231—233 (81).
- Васька Ус 547 (108).
- Вахрамей, Вахрамейишо 61—62, 65—66 (65).
- Вахраменшо, арабской царь 212, 215 (80).
- Вэхор Вэхорович 399 (95).
- Владимир, Благодимер, Бладимер, Влагодимер, Влагодимир, Владимир, Володимер Светослаевич, князь, стольнокиевской, славнокиевской 7—15, 18, 20—23 (62), 24, 25, 27, 38, 40 (63), 44—52, 55—56 (64), 57—60, 63, 67 (65), 67—72, 79—80 (66), 80—84, 88—90 (67), 90—95, 98, 102—108 (68), 108—116, 118—119 (69), 119—121, 123—126, 129—133 (70), 135, 138—139, 141 (71), 142 (72), 144—147 (73), 151—157, 159 (75), 159—162, 164—165 (76), 174—175, 178 (77), 277 (85), 284, 286 (86), 289—290, 294—295, 299, 301—302 (87), 314 (89), 411—412, 415—417 (96), 417, 422—429 (97).
- Владимирская улица 122, 125 (70).
- Волга-река 509—510 (107), 572—573, 577 (113).
- Вологда, город 491—493, 497—500, 502 (105), 587 (114).
- Вологда-река 503 (105).
- Володимер—см. Владимир.
- Волх-река 166 (76), 172—174, 178 (77).
- Воробьевские горы 442 (100), 461 (102), 504 (106), 559 (110).
- Воронеюшко, конь Добрыни Никитича 30 (63); конь Ивана, руського богатыря 373 (95); конь Ивана царевича 325 (91); конь князя Михайлы 256—257 (84); конь Михайлы Васильевича Скопина 566, 568 (112); конь мужа морянки 295—296 (87); конь племянника Росши Росшиби Колпак 73 (66); конь племянника Самсона Колыбаева 99—100, 103 (68); конь Степана Разина 577 (113).
- Вороньский, Воронеской, князь 567—568 (112).
- Гаврило Долгополой 80 (67), 160 (76).
- Гальгофа 580 (114).
- Гарсёнышко—см. Арсёнок.
- Германия, Ермания 195 (79), 588 (115).
- Гишпаня—см. Испания.
- Глеб Володьевич 194 (78), 195—205 (79).
- Глеб, сын князя Владимира 199 (69).
- Гнилы Глаза, Пробиты Бока, конь 382, 387 (95).
- Горе, Горё 320—323 (90).
- Горлынишо, змей 85—87, 89 (67).
- Гречия 114 (69).
- Гришка, боярьской сын 160 (76).
- Гришка, дворянской сын 416 (96).
- Гришка Расстрига, Росстрига, Лживой Димитрей 563—565 (111).
- Гришка, хрестьянской сын 80 (67).

- Дания 195 (79), 399 (95).
 Дарий-река 431 (98).
 Девицкий монастырь 458 (101).
 Деревяга 585 (114).
 Дмитрий Иванович 563, 564 (111).
 Дмитрий Дмитриевич—см. Митрей Митревич.
 Дир, князь 426 (97).
 Днепр—см. Непр-река.
 Добрыня, Добрюнюшка, Добрынька Никитич 24, 26—33, 35 (63), 50—51 (64), 63, 66 (65), 82 (67), 105 (68), 121—133 (70), 134 (71).
 Домна Фалилеевна 122—123 (70), 133—141 (71).
 Дон, Дон-река 24 (63), 465 (103), 571—573, 577, 578 (113).
 Донские леса 7 (62).
 Донские степи 572—574 (113).
 Дунай-река 52—53 (64), 76 (66), 97 (68), 165 (76), 575 (113).
 Дюк Степановиць 25 (63), 122—123, 128, 133 (70).
 Еван Миккульевич—см. Иван Миккульевич.
 Еван Минидорович—см. Иван Минидорович.
 Ега-баба 367—371 (94).
 Егисни, дочери бабы Еги 366—368, 369 (94).
 Егнатей Данилович 122 (70).
 Егнатьевская улица 122—123, 127—130 (70).
 Екатерина Алексеевна, Катерина 606, 609, 611 (118), 614—615 (119), 625 (120), 645 (122), 649 (123), 667—668, 676, 679—680, 683, 685 (125), 694—697 (128).
 Елена Александровна, царица казанская 454—458 (101).
 Елизарий 580 (114).
 Елимйн-озеро—см. Илемйн-озеро.
 Ердан-река—см. Йордан-река.
 Еремяка Иванович, Еремяка Васильевич 24, 31 (63), 59, 63, 65 (65).
 Еремяки, Еремякин племянник 56—58, 61—64, 66, 67 (65), 121—122 (70).
 Ермак Тимофеевич 509—514 (107), 514—549, 551 (108).
 Ерман 580 (114).
 Ерманя—см. Германия.
 Ерусалим—см. Иерусалим.
 Ждан-царевич 341, 346—352 (92), 353 (93).
 Задонский город 60, 64, 66 (65), 74 (66), 336 (91).
 Задонское государство 331 (91).
 Зосима 580 (114).
 Зотов Никита 628—630 (120), 663 (124).
 Иван, Ыван Васильевич, Васильевич, Васильевич. Грозной царь Иван Васильевич 440 (99), 441—453 (100), 456—458 (101), 460—464 (102), 465—476 (103), 476, 478—481, 483—491, (104), 491—492, 499—502 (105), 503—508 (106), 514, 547 (108), 551—558 (109), 558—562, 574 (113).
 Иван Залешанин—см. Ваня Залешанин.
 Иван Иванович, сын Ивана Васильевича Грозного 459, 461—462 (102), 480, 485 (104).
 Иван Илidorович—см. Иван Минидорович.
 Иван, король—см. Иван, хрестьянской сын.
 Иван Миккульевич, Еван, Ыван Миккульевич 219—223, 225—233 (81).
 Иван, Еван, Ыван Минидорович, Илidorович, Минидорович 234—240 (82).
 Иван, Ыван, младший сын—см. Иван, хрестьянской сын.
 Иван, руськой богатырь 376—382, 384—386, 391, 400—406, 408—411 (95).
 Иван, хрестьянской сын, Ваня, Ыван, Иван королевич, король Ваня, Иван король 371, 384—385, 387—392, 394—400, 402—411 (95).
 Иван царевич, Ышан, Ыван, Иван царь 325, 327, 330—333, 335—340 (91).
 Иванушко Гонёнович 31 (63), 63 (65), 80, 82 (67).
 Иванушко Егнатьёвиць 24 (63).
 Илья Климантов, Климентов 302, 304—307, 309—312 (88).
 Илья Муромец, Мурамец, Илья, Илья Муромец Иванович, Ыванович 24 (63), 26—31, 33—44 (63), 50, 55 (64), 63 (65), 71 (66), 97 (68), 124—127, 130, 132 (70), 143 (73), 163—164 (76), 200, 205 (79).
 Илемйн, Имельн, Елемйн озеро 181—183 (78).
 Индия 511—512 (107).
 Испания, Гишпаня 195 (79), 412—413, 415—416 (96).
 Иерусалим, Ерусалим 176—178 (77), 222—224, 227, 233—234 (81).
 Йов 580 (114).

- Иордан, Иердан, Ердан-река 176—177 (77).
- Лазань, город 56 (64), 58 (65), 166 (76), 302 (88), 454, 457 (101), 515, 520, 523 (108), 552 (109), 696 (128).
- Каменная река 205 (79).
- Катериноушка, жена князя Андреюшка 313—318 (89).
- Катерина, жена князя Семена Михайловича 303, 306, 311—312 (88).
- Катерина—см. Екатерина Алексевна.
- Качарово, село 43 (63).
- Киев, Киев-град, Кийив-град 7, 9—13, 15, 19, 22—23 (62), 24 (63), 25—28, 30, 34—35, 38—43 (63), 44, 46, 51—52, 55—56 (64), 57—58, 60, 63—65, 67 (65), 67—70, 73—75, 77, 79 (66), 80—83, 88—90 (67), 90—91, 94, 98—100, 102—108 (68), 108—111, 113, 117—119 (69), 121, 123—125, 130—133 (70), 133—134, 141 (71), 142 (72), 143, 147 (73), 148—151 (74), 151—153, 158—159 (75), 159—161, 163—166 (76), 174—175, 178 (77), 183, 193 (78), 205 (79), 277 (85), 284—288 (86), 289—291, 293—295, 299—302 (87), 302 (88), 313—315 (89), 411, 415—417 (96), 417—418, 421—422, 425—427 (97), 515, 520 (108), 569 (112), 696 (128), 700 (129).
- Киевская стена 149 (74).
- Концырь, город 198—199, 201, 203—205 (79).
- Корела 25 (63), 511 (107).
- Костенкин, греческий царь 112, 115, 118 (69).
- Кострюк Небрюкович 465, 467—468, 470—472, 474—476 (73), 478—479, 482—491 (104).
- Костя Новоторжешин 153—157, 159 (75), 159, 161—166 (76), 173, 178—179 (77).
- Кочум, Коцюм 512 (107), 516, 540, 543, 546—547 (108).
- Кудреянко, Кудриянко 148, 150 (74), 151—152, 157—158 (75).
- Куликово поле 553 (109).
- Латынгор, город 38, 41 (63).
- Латынгорка, королева 24, 28, 34, 38, 41, 43—44 (63), 55 (64).
- Латырь-камень 26—28, 33, 38 (63), 48 (64), 72 (66), 91 (68), 151 (75), 176—177 (77), 520 (108).
- Леванидов крест 110 (69).
- Лживой Дмитрий—см. Гришка Расстрига.
- Малюта Скурлатов 552—554 (109).
- Малюты Скурлатова дочь 567—569 (112).
- Маремьянова 289 (87).
- Мареанка, Марианка, Маремьянка, Маримьянка 572—573 (113).
- Марина Ильинья, дочь Ильи Муромца и Латынгорки 38, 41—42 (63).
- Маринка, жена Гришки Расстриги 565 (111).
- Маринка Кандаловна 198—205 (79).
- Маринка, киевская волшебница 119, 123—130, 132—133 (70).
- Маринкина улица 128 (70).
- Маринкины переулки 122—123, 127—130 (70).
- Марта 607—609 (118), 616—617, 623 (120).
- Марута Богуслаевна 588, 594 (114).
- Марута Ивановна 427 (97).
- Марфа Митревна 38—40 (63), 122—123 (70), 136—138 (71), 304 (88).
- Марфида, жена князя Михайлы 241—242, 244—252 (83), 254—257, 259—263, 265—266, 268—270, 272—276 (84).
- Марья Даниловна 615 (118), 616—631 (120).
- Марья Небрюковна 467—472, 474—476 (103), 477—480, 482—486, 489—490 (104).
- Марья Юрьевна, Юрвна 206—218 (80), 435—436, 438, 440 (99), 485 (104).
- Матрис, муж Марты 617 (120).
- Меньшиков, Александр, Олександр Данилович, Алексашка, Олексашка 600—601 (117), 606, 609—611 (118), 617, 625—630 (120), 642—643, 645 (122), 650—665 (124), 666—669, 671, 673, 675—680, 682—685 (125), 686—689 (126).
- Меньшиков, отец Александра Даниловича Меньшикова 652 (124).
- Микула Селенинович 24, 25, 31 (63).
- Милитрисские, Милитрийские, Милотрисские острова 348, 350 (92), 412 (96).
- Милославские, бояре 650 (124).
- Митрей Васильевич—см. Митрей Митревич.
- Митрей Митревич, Димитрий Дмитриевич, Митрей Васильевич 135—136, 138—141 (71).
- Михайло, князь 240—252 (83), 253—261, 263, 265—273, 275—276 (84).
- Михайлушка, Михайлушко Егнатъевич 24—31 (63), 63 (64), 80, 82 (67), 108 (69).
- Москва каменная, белокаменная

- на, город 56 (64), 58 (65), 81 (67), 133 (70), 143 (73), 148, 150—151 (74), 165—166 (76), 178—179 (77), 189—190, 194 (78), 195—196, 200—203, 205 (79), 302, 312 (88), 441, 443, 445—448, 451, 453 (100), 458 (101), 459—460 (102), 465—466, 468, 470—471, 473—476 (103), 476, 478—479, 483—485, 487—489, 491 (104), 491—493, 496—500, 502—503 (105), 503, 505—507 (106), 513—514 (107), 515—516, 520, 523, 539, 543, 547, 549—550 (108), 551—552, 554—555 (109), 558, 560, 562 (110), 563—565 (111), 565—566, 569 (112), 574 (113), 578, 582, 586—587 (114), 594 (115), 594 (116), 598—599 (117), 612 (118), 614 (119), 631, 639 (121), 650 (123), 651, 663, 665 (124), 689—690, 692—693 (127), 695—696 (128), 700, 704 (129).
- Муравенские леса 34—35 (63).
- Муравленая река 33 (63).
- Муравленка, Муравенька, Муравлинка-река 28, 33 (63), 48, 52 (64), 74 (66), 97, 102—103 (68), 125 (70), 216 (80).
- Мурамские, Муромские леса 99 (68), 142 (72), 302 (88).
- Муром, город 43 (63).
- Настасья Ивановна, дочь Ивана Васильевича Грозного 481, 482, 484, 485 (104), 558—559 (110).
- Настасья, королевисня, жена Еремякина племянника 59, 61, 65, 67 (65).
- Настасья Романовна 435—437, 439—440 (99), 444, 446—453 (100), 459—460, 462—465 (102), 480, 481, 484 (104).
- Настя, Настасья Савельевна, Сивельевна, Сияновна 527—536, 539—541, 543—545, 547—551 (108).
- Настасья, царевна, дочь морского царя 188, 191—192 (78).
- Наталья Глебовна, жена генерала Стрешнева 615 (119), 618—620, 622—623 (120).
- Наталья Кирилловна 696 (116), 650—651 (124).
- Небрюк Небрюкович 466—468, 470—475 (103), 476—479, 487 (104).
- Нева-река 471 (103), 479, 482 (104), 605 (117), 612 (118), 612, 614 (119), 631, 639 (121), 639, 646 (122), 650 (123), 686, 689 (126), 689 (127), 694, 696, 699 (128), 700—701, 704 (129).
- Непр, Днепр-река 24, 38 (63), 60, 64, 67 (65), 73, 80 (66), 90 (67), 90—91, 96—97, 104, 108 (68), 111, 119 (69), 141—143 (72), 145, 147 (73), 148—149 (74), 152, 157 (75), 163 (76), 288 (86), 289, 292 (87), 417—418, 420, 425, 427—431 (97).
- Нижний Киев, Нижной Киевград 122—123, 125—128, 130 (70).
- Никита Романович 435—437 (99), 443, 445—447, 450—452 (100), 503—508 (106), 514, 516, 519—525, 536, 538, 539, 541—551 (108), 553—558 (109).
- Никола, Микола Можайский 189, 193—194 (78).
- Никольская улица 305 (88).
- Новгород, Новград 56 (64), 58 (65), 81 (67), 159 (75), 164—166, 168, 172, 174—175, 178 (77), 179—180, 182, 184, 189, 192—194 (78), 302 (88), 427 (97), 552 (109), 569 (112), 646, 649 (123), 696 (128), 700 (129).
- Овдотья Васильевна—см. Авдотья Васильевна.
- Окиян-остров 148 (74).
- Олексашка—см. Меньшиков Александр Данилович.
- Олексей Михайлович—см. Алексей Михайлович.
- Олѣша—см. Алѣша, мальчик—товарищ Олексашки Меньшикова.
- Олѣша—см. Алѣша Поповиць.
- Олѣша—см. Алѣша (Петр I).
- Олешинка—см. Алешинка.
- Омельфа Тимофеевна—см. Амельфа Тимофеевна.
- Ондреюшко—см. Андреюшко Иванович, князь.
- Онтоний 316 (89).
- Опраксенья королевисня—см. Апраксенья королевисня.
- Острахань—см. Астрахань.
- Офрак-река—см. Афрак-река.
- Офращькие леса 81 (67).
- Павел Петрович, Павел Олексеевич 699—703 (129).
- Перемяка 24 (63).
- Перемякин племянник 122 (70), 253 (84), 431 (77).
- Пересмякин племянник 121—122, 128 (70), 253 (84), 411, 413, 415—417 (96).
- Пересчот, Пересцёт 24, 31 (63), 89—90 (67), 152 (75), 522 (108).
- Пересчотов племянник 50—51 (64), 80, 82—83, 86—87, 89 (67), 122 (70), 431 (97).
- Персия 90 (67), 307 (88), 352 (92), 513 (107), 572 (113), 694 (127).
- Пётр Алексеевич, Голексеевич,

- Олексеевич, Алёша, Олёша, солдат-охотник, Петруша 595—598 (116), 598—606 (117), 606—611 (118), 612—615 (119), 616, 618, 624—630 (120), 631—635, 638 (121), 639, 646 (122), 646—649 (123), 650—651, 663—665 (124), 666—668, 670—671, 673—674, 676—686 (125), 687—689 (126), 690—694 (127), 694—698 (128).
- Петровици-Сбродовици 24 (63).
- Петропавковский, Петропав-ский полк 698 (128).
- Петруша, солдат Петра I 601—603 (617), 631 (121).
- Печерской, Пешшерской, князь 584 (114).
- Пиригрим, Пулегрим Иванович 173 (77).
- Питенбург, Питенбурх, Питер, Питерград, Питербург, Питербурх, город 598 (116), 606, 610—611 (118), 613—615 (119), 617—618, 622—624, 631 (120), 631—632, 638—639 (121), 639, 641—642 (122), 648—650 (123), 666, 668—669, 674—675, 679—680, 682, 685 (125), 686—687 (126), 692 (127), 694—699 (128), 699—700, 704 (129).
- Питрески ласа 631 (121).
- Платава, город 604—605 (117), 632—633 (121), 639 (122), 670, 673, 678—679, 681, 684 (125).
- Платавские горы 690 (127).
- Потанька, Потанюшка, богатырь москоськой 173—174 (77), 443—447, 449, 451 (100), 473—475 (103), 488—490 (104).
- Пётрок Михайло Иванович 24 (63), 97 (68).
- Преображенский полк 602 (117), 632 (121), 645—646 (122), 682, 686 (124), 695, 698 (128), 703 (129).
- Преображенское село 505, 508 (106).
- Пулегрим Иванович—см. Пиригрим.
- Пучай-река 13 (62), 52 (64), 70 (66), 84 (67), 91, 97 (68), 121, 125 (70), 148 (74), 157 (75), 215—216 (80), 316 (89).
- Резань-река 436, 447 (99).
- Резаньские леса 438 (99).
- Рогнеда, первая жена князя Владимира 422 (97).
- Роман, Рогоман Иванович, Иванович 206—208, 210, 212, 217—218 (80), 435—437, 439—440 (99), 443—445, 447—453 (100).
- Россиюшка—см. Русь.
- Росша-Росша Росшиби Колпак 24, 31 (63), 72, 75—79 (66), 96 (68).
- Росши-Росши, Росшиби Колпак, его племянник, Росшин племянник 67, 69—72, 74—75, 77—79 (66).
- Русь, Рассиюшка, Россиюшка 7 (62), 38, 42 (63), 59, 65 (65), 148 (74), 158 (75), 163, 165 (76), 179, 183—184, 190—191 (78), 196, 202—203 (79), 208, 214 (80), 233 (81), 302 (88), 432, 434 (98), 443 (100), 460 (102), 466, 469—471, 474—475 (103), 478, 483 (104), 503 (106), 515—516, 523 (108), 559, 561—562, 565 (111), 566 (112), 591, 593 (115), 613 (119), 643 (122), 666, 681 (125), 690, 692—693 (127), 698 (128), 700 (129).
- Рязань, Резань, город 56 (64), 58 (65), 166 (76), 302 (88), 435, 438, 440 (99), 443—445, 448, 450—451, 453 (100), 515, 520, 523 (108).
- Садко Новгородской, Вдовино-вич 179—194 (78).
- Салтыков, Пётр Алексевиц 578—579, 581—584, 588 (114).
- Самсон Гурьев—см. Самсон Колыбаев.
- Самсона Гурьева племянник—см. Самсона Колыбаева племянник.
- Самсон Колыбаев, Самсон Гурьев, Самсон-от Юрьев да Колыбаев сын 56 (64), 92—94, 96—98, 108 (68).
- Самсона Колыбаева племянник, Самсона Гурьева племянник 90, 98—100, 104, 106—107 (68).
- Самсон-от Юрьев да Колыбаев сын—см. Самсон Колыбаев.
- Сарачинские горы, Сорочинские горы 11 (62), 24, 29, 38 (63), 48 (64), 74—76 (66), 84, 89 (67), 95—97 (68), 119 (70), 142 (72), 143 (73).
- Сарачинские леса 28 (63).
- Сарьград—см. Царьград.
- Светогор Гурьев 427 (97).
- Светополк, сын князя Владимира 119 (69).
- Святослав, сын князя Владимира 417, 423—424, 428—429, 431 (97).
- Семён Михайлович, князь чернигорский 302—312 (88).
- Семеньский полк 631 (121), 695, 698 (128).
- Сибирские леса 542, 545 (108).
- Сибирские степи 541, 543 (108).
- Сибирь 516, 540, 549 (108).
- Сибирь-река 541, 548 (108).

- Симеон, Семеон, Семён, царь казанский 454—458 (101).
 Сия, деревня 587 (114).
 Скопин, Михайло Васильевич 565—571 (112).
 Смородинка-река 24, 28 (63), 121 (70).
 Совватий 580 (114).
 Соловецкий монастырь 578, 580, 585 (114).
 Солóман, царь 221, 223—224, 226—234 (81).
 Соломáниха, царица 221—234 (81).
 Софьенский собор 646 (123).
 Софья Алексеевна 598 (117), 650 (127).
 Софья Ивановна 122 (70), 137 (71).
 Софья, царица, двоюродная сестра Ивана Минидоровича 234—240 (82).
 Сохмат-река 28, 33 (63).
 Степан Разин, Сенька Тимофеевич Разин 571—572, 574—575, 577 (113).
 Стрешнев, Никита Алексеевич, генерал 615 (119), 617—618, 620, 623—624, 627 (120).
 Суд, Суд божий 322—323 (90), 325—328, 330—331, 341 (91), 342 (92).
 Счастье, Счастьё 320—322 (90).
 Талань-учесть 321—322 (90), 328 (91).
 Таня, девочка 658—659 (124).
 Торокашков Васька сын Володьевич—см. Васька Торокашков сын.
 Турция 590—591 (115), 692 (127), 700 (129).
 Улексей Михайлович—см. Алексей Михайлович.
- Учесть—см. Талань.
 Фёдор Алексеевич 598, 600 (117).
 Фёдор Иванович 459, 461—462 (102), 480, 485 (104), 551—558 (109), 558—559, 563 (110).
 Феодосий 316 (89).
 Хвалынское море 39 (63), 53, 56 (64), 67 (65), 80 (66), 90 (67), 108 (68), 119 (69), 141 (71), 151 (74), 166 (76), 218 (80), 234 (81), 240 (82), 284 (85), 288 (86), 429 (97), 476 (103), 551 (108).
 Хотеюшко Блудович 24 (63), 97 (68).
 Царь-град, Сарь-град 51 (64), 118 (69), 219—229, 232—233 (81), 307 (88), 320 (90), 346 (92), 412 (96), 515 (108), 589—592, 594 (115).
 Чернигов—см. Чернигор.
 Чернигор, Чернигор-град, Чернигорóд, Чернигор-город, Чернигов 9—12, 14—15, 18, 20, 21, 23 (62), 26, 38, 40 (63), 58 (65), 81 (67), 119 (69), 121 (70), 206—210, 212—213, 216—217 (80), 302, 305, 312 (88).
 Чернигорские леса 26 (63), 302 (88).
 Чёрно, Чёрное, Чорное море 15, 23 (62), 24, 25, 33 (63), 53, 56 (64), 67 (65), 108 (68), 119 (69), 147 (73), 148 (74), 151, 157, 159 (75), 276 (84), 302 (87), 312 (88), 364 (93), 416—417 (96), 419 (97), 465 (102), 491 (104), 514 (107), 563 (110), 571 (112), 594 (115), 606 (117).
 Чернышáх, Чернышáв, Захар Григорьевич 689—690, 693—694 (127).
 Швеция 606, 608 (118), 698 (128).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	<i>Стр.</i>
М. С. Крюкова. 1939 г.	5
М. С. Крюкова на берегу Белого моря	717
Озеро Ильмень. Рыбачьи соймы на озере Ильмене	721
Белое море. Зверобои на лодке-семерике	725
Зверобои во льдах Белого моря тащат лодку к разводью	725
Бурса зверобоев во льдах Белого моря	729
То же. Вблизи	729
Баренцово море	733
Река Печора	737
Лесистый берег Печоры	737
Рыбачья стоянка старого типа на Печоре	741
Тяга невода на берег на Печоре	741
Озеро Ильмень	745
Устье реки Ловати, впадающей в озеро Ильмень	745
Остров Поромский на Кенозере	749
Берег озера Онега	749
Ильменские рыбаки за садкой сетей	757
Перед выходом на лов рыбы на озеро Ильмень	757
Сказитель Ф. А. Коношков спускает мережи в озеро Онега	761

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр</i>
62. Про Бориса Ивановича (Данило Ловчанин)	7
63. А как про дочь-то королевы всё Латынгорки	24
64. Стáрина про Ваню Залéшанина	44
65. Про Еремякина родна́ племянника	56
66. Про Росши-Росши Росшиби Колпак, его племянника	67
67. Пересчотов племянник ездил на Офрак-реку́ от князя от Владимира	80
68. Про Самсона Колыбаева про племянника	90
69. Женитьба князя Владимира на греческой на Анны	108
70. Про Маринку красавицу	119
71. Домна Фалилеевна	133
72. Виденье рыболовов	141
73. (Про двух богатырей)	143
74. Туры, малы детоцьки	148
75. Кудряенко, ведь он же царь немилосливой	151
76. Костя Новотóрженн	159
77. Про Василья Богуслаеча	166
78. Садко Новгородской	179
79. Глеб Володьевич	195
80. Князь Роман Иванович	206
81. Про прекрасного царя про Ивана про Микульевича	219
82. (Иван Минидорович и Софья царевна)	234
83. (Мать князя Михаила губит его жену)	240
84. Князь Михайло	253
85. Про вдовушку и про сыновьей её, корабельщиков	277
86. Моряночка	284
87. Морянка	289
88. Про тёмного разбойника Илью Климантова и про душечку князя Семёна Михайловича	302
89. (Князь, княгиня и стáрицы)	313
90. Горе	319
91. (Женитьба Ивана царевича)	324
92. (Ждан царевич)	341
93. Дочь крестьянская	352
94. Про Олешинку	365
95. Про Ивана, хрестьянского сына	371
96. Пересмякин родной племянничек	411
97. Святослав, сын князя Владимира	417
98. Поляночка	431
99. Княжно дитё	435
100. Женитьба Грозного царя Ивана Васильевича на Настасьи Романовне	441
101. (Казнь царя Симеона)	454
102. Смерть Настасьи Романовны	459
103. Кострюк	465
104. Кострюк	476
105. Арсёно	491
106. Стáрина про князя Никиту Романовича	503
107. Стáрина про Ермака Тимофеевича и про персидскую княжну	509
108. Стáрина про Ермака Тимофеевича	514
109. Про царевича Фёдора Ивановича	551
110. (Смерть Ивана Грозного)	558

111. Про Гришку Росстригу	563
112. (Смерть Михайлы Скопина)	565
113. Последняя поездка Степана Разина	571
114. (Осада Соловецкого монастыря)	578
115. Марута Богуслаевна	588
116. Стáрина про рождение царя Петра Алексеевича	594
117. Про царя Петра Алексеевича, его брата Фёдора и солдата	598
118. (Женитьба Петра Первого на Екатерине)	606
119. (Пётр Первый у Невы-реки)	612
120. Марья Даниловна	616
121. Солдат и охотник царя Петра Олексеевича	631
122. (Пётр Первый и его крестник)	639
123. (Про Петра Первого и мальчика)	646
124. Стáрина про князя Меншикова	650
125. (Меншиков и Балакирев)	666
126. Как Балакирев был царём над мухами	686
127. Чернышах Захар Григорьевич	689
128. (Шведская война)	694
129. (Турецкая война)	699
Примечания Э. Бородиной и Р. Липец	705
Местные мотивы в былине о Садко у М. С. Крюковой и других сказителей. Статья Р. Липец	719
Словарь местных и малопонятных слов. Составила Р. Липец	768
Указатель имен и географических названий. Составила Э. Бородина	785
Список иллюстраций	792

Ответственный редактор
ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ

Подписано к печати 11.1.1941 г.
Печ. л. 49³/₄. Зн. в печ. л. 72.800.
Уч.-авт. 94,36. Зак. тип. № 1465.
Тир. 3 200. А-33100.

Адрес редакции: Москва, Моховая 6.

1-я тип. Трансжелдориздата НКПС.
Москва Б. Переяславская, 46.